

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 2 917 363

1011

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ІЮЛЬ.
1882.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ ССXXII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Благородн. каналъ, между Вознес. и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1882.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Вліяніе кельтическаго и германскаго права на систему каръ и покаяній западной церкви В. Сокольскаго.

Италійскія надписи (Продолженіе). И. Цветаева.

Критика и библиографія:

Новыя изслѣдованія о буддизмѣ И. Минаева.

Вятскія древности М. Малахова.

О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ. В. Васильевскаго.

По вопросу о школьномъ образованіи инородцевъ-мусульманъ В. Смирнова.

Празднованіе пятидесятилѣтія Румянцевскаго музея.

Общество археологій исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ въ 1881 году.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

Russia. Min. nar. pros.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. ВАЛАНШЕВА.

Блаториниискій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1888.

L451
A4
v. 222

Средняя Подъячская, № 1.
2371.

В. У. С.
БАЛАШЕВА

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (15-го марта 1882 г.) О наименованіи Киржачскаго женскаго училища Александровскимъ и о предоставленіи учредителю училища личнаго права пожизненнаго предсѣдательства въ педагогическомъ совѣтѣ сего училища.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго министра народнаго просвѣщенія, высочайше соизволилъ.

1. Предоставить Киржачскому женскому училищу наименованіе Александровскаго, по имени въ Божѣ почившаго Императора Александра II;

и 2. Предоставить учредителю училища, потомственному почетному гражданину Соловьеву личное право пожизненнаго предсѣдательства въ педагогическомъ совѣтѣ училища, когда онъ присутствуетъ въ семъ училищѣ.

2. (22-го апрѣля 1882 г.). О наименованіи начальнаго народнаго училища въ с. Воржи, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Маринскимъ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, Высочайше соизволилъ на присвоеніе начальному народному училищу въ с. Воржи, Ростовскаго уѣзда, Ярослав-

843039

1*

ской губерніи, наименованія „Маріинскаго“, по августѣйшему имени Государыни Императрицы, согласно ходатайству о томъ мѣстныхъ крестьянъ.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

(№ 7). Производится за отличіе: почетный членъ археологическаго института, чиновникъ особыхъ порученій V класса при министерствѣ финансовъ, статскій совѣтникъ Эдуардъ Розенбаумъ—въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Назначаются: помощникъ директора императорской публичной библиотеки, ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, членъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Бычковъ—директоромъ Императорской публичной библиотеки, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ.

Чиновникъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шелашниковъ—чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія.

Чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ почтоваго управленія, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія и собственной Его Императорскаго величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи, членъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, въ званіи камеръ-юнкера, статскій совѣтникъ Хрущовъ—чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ службы по другимъ вѣдомствамъ и съ оставленіемъ членомъ особаго отдѣла ученаго комитета.

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, членъ особаго отдѣла ученаго комитета сего министерства по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія, коллежскій совѣтникъ Авѣенко—чиновникомъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, съ оставленіемъ членомъ особаго отдѣла ученаго комитета.

Утверждаются: въ званіи камеръ-юнкера, надворный совѣтникъ Геращеневскій—почетнымъ попечителемъ Каменецъ-Подольской гимназіи, на три года, съ 1-го апрѣля 1882 года.

Потомственный почетный гражданинъ Стахѣевъ — почетнымъ попечителемъ Елабужскаго реального училища, на три года.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлю: кандидату Императорскаго Варшавскаго университета Афанасьеву—по 1 мая 1882 года.

Командируются съ ученою цѣлю: а, въ Россіи и за границу: ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, коллежскій совѣтникъ Минхъ — на лѣтнее вакаціонное время 1882 года.

Ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ Видеманъ—на шесть недѣль и лѣтнее вакаціонное время 1882 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Дитятинъ—на одинъ годъ, съ 15 августа 1882 г.

и б, за границу: ординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣевъ, на одинъ мѣсяцъ въ вакаціонное время 1882 г.

Доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ Кеслеръ—на два мѣсяца, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему заграничнаго отпуска на одинъ мѣсяцъ съ 28 марта 1882 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Андреевъ—на два мѣсяца, съ 1-го августа 1882 года.

Заслуженные ординарные профессора Императорскаго университета Св. Владиміра, дѣйствительные статскіе совѣтники Эргардтъ и Теофилактовъ; ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Св. Владиміра — дѣйствительный статскій совѣтникъ, Томса, статскіе совѣтники Баранецкій, Бецъ и Субботинъ Московскаго—коллежскій совѣтникъ графъ Комаровскій и Варшавскаго—статскій совѣтникъ Будиловичъ и Мѣржинскій, и экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Карѣевъ—на лѣтнее вакаціонное время 1882 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Люгебильдъ и ученый кузнецъ Казанскаго ветеринарнаго института, надворный совѣтникъ Кальнинъ—съ 20 мая по 15 августа 1882 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Кочубинскій — на лѣтнее вакаціонное время 1882 года и двадцать дней.

Ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бабухинъ на лѣтнее ваканционное время 1882 года и 28 дней.

Прозекторъ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій ассессоръ Браунъ—на четыре мѣсяца и тринадцать дней.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета, надворный совѣтникъ Сабанѣевъ—на четыре съ половиною мѣсяца.

Ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—коллежскій совѣтникъ Перволюфъ и Новороссійскаго—статскій совѣтникъ Кондаковъ—на пять мѣсяцевъ; изъ нихъ Перволюфъ съ 1-го мая 1882 г., а Кондаковъ съ 15-августа 1882 г.

Ординарный профессоръ Императорскаго университета Герье—на одинъ годъ, съ 1-го августа 1882 г.

Продолжается срокъ отпуска за границу: учителю Московской третьей гимназіи, статскому совѣтнику Марцъ-де-Лонжевилю—на четыре мѣсяца.

Увольняются въ отпускъ: попечитель Одесскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Лавровскій—въ разныя губерніи Россіи, на два мѣсяца, съ 15-го іюня 1882 г., по болѣзни.

Доцентъ Императорскаго Московскаго университета Эрисманъ—за границу, съ 1-го мая по 15-е сентября 1882 года.

(№ 8). Назначается: членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой—президентомъ Императорской академіи наукъ, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ, по положенію комитета гг. министровъ, вслѣдствіе представленія по министерству народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 16-й день апрѣля 1882 года., пожаловать нижепоименованныхъ лицъ, оказавшихъ своею дѣятельностію и пожертвованіями пользу учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, орденами: Св. Анны 2 ст.: члена Верхнедѣпровскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, коллежскаго ассессора Александра Чуйкевича и почетнаго попечителя Нарвской гимназіи, коммерціи совѣтника, инженеръ-технолога Адольфа Гапа; Св. Станислава 2 степ.: почетнаго блюстителя Наумовскаго однокласснаго начальнаго училища

министерства народнаго просвѣщенія, Бѣлгородскаго уѣзда, отставнаго гвардіи штабсъ-ротмистра Николая Мандрыку и почетнаго блюстителя Бирюльскаго приходскаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина Карпа Сапожникова, послѣдняго съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. орд. и др. зн. отл. т. I. Св. зак. изд. 1876 г.; Св. Анны 3 степени: члена Екатеринославскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, коллежскаго совѣтника Петра Бѣльченко и попечителя и содержателя частнаго въ гор. Козловѣ начальнаго мужскаго училища, 1-й гильдіи купческаго сына Митрофана Дмитріева, послѣдняго съ тѣми по ордену правами, какія предоставлены ст. 196 учр. ор. и др. зн. отл. т. I Св. зак. изд. 1876 г., и Св. Станислава 3 степени: почетнаго блюстителя Бековскаго (Сердобскаго уѣзда) 2-хъ класснаго народнаго училища, титулярнаго совѣтника Михаила Устинова, члена Верхнедѣпровскаго училищнаго совѣта, отставнаго штабсъ-ротмистра Василя Абазу и почетнаго блюстителя Корнештскаго однокласнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, отставнаго подпоручика Михаила Михайлова, и медалями съ надписью „за усердіе“: для ношенія на шеѣ: золотыми: на Андреевской лентѣ: редактора русскаго энтомологическаго общества, 2 гильдіи купца Николая Ершова; на Александровской лентѣ: почетнаго смотрителя Ревельскаго 3-хъ класснаго городскаго училища, Ревельскаго 2 гильдіи купца Александра Братынкина и попечителя Георгіевскаго города Тулы училища, Тульскаго 2 гильдіи купца Николая Лялина; на Владимірской лѣнтѣ; Колыванскаго 1 гильдіи купца Гавріила Пастухова и Московскаго 2 гильдіи купца Ефрема Соколова; на Аннинской лентѣ: почетнаго блюстителя Пудожскаго приходскаго училища, Олонецкой губерніи, потомственнаго почетнаго гражданина, Пудожскаго 2 гильдіи купца Александра Базегскаго, члена Мининскаго братства въ Нижнемъ Новгородѣ, попечителя Нижегородскаго Рождественскаго начальнаго народнаго училища, Нижегородскаго 1 гильдіи купца Александра Вахирева, бывшаго почетнаго смотрителя Нахичеванскаго уѣзднаго училища, 1 гильдіи купца Ивана Попова, почетнаго блюстителя Тюменскаго Знаменскаго приходскаго училища, Тюменскаго 1 гильдіи купца Аверьяна Матонина, почетнаго блюстителя 2-хъ класснаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Ракахъ, Пронскаго уѣзда, Пронскаго 2 гильдіи купца Якова Θεоктистова, почетнаго смотрителя Новомосковскаго уѣзднаго училища, 2 гильдіи купца Ивана Петренко, попечителя Кишиневскаго 5-го приходскаго училища,

купца Леопольда Качулова и почетнаго блюстителя Флоровскаго 2-хъ класснаго училища, члена пріюта для крещенныхъ въ православную вѣру еврейскихъ дѣтей, слесарно-газовыхъ и водопроводныхъ дѣлъ мастера Ивана Никитина; на Станиславской лентѣ: попечителя Богословскаго начальнаго, народнаго училища, Дмитровскаго уѣзда, потомственнаго почетнаго гражданина Василя Агина, почетнаго смотрителя Самарскаго городского 4-хъ класснаго училища, 1 гильдіи купца Петра Субботина, почетнаго попечителя Бѣльской мужской прогимназіи, Бѣльскаго 2 гильдіи купца Ѳедора Рѣзникова, члена попечительнаго совѣта Дорогобужской женской прогимназіи Дорогобужскаго 2 гильдіи купца Петра Гальцова, почетнаго блюстителя, Дмитріево - Погостинскаго однокласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Егорьевскаго уѣзда, Егорьевскаго 2 гильдіи купца Ѳедора Суетина, почетнаго блюстителя Пурекскаго начальнаго училища, Балахнинскаго уѣзда, 2 гильдіи купца Алексѣя Зубкова, попечителя 3-го Харьковскаго приходскаго училища и начальнаго народнаго училища въ селеніи Песочинѣ, Харьковской губерніи и уѣзда, Харьковскаго 2 гильдіи купца Ивана Шаховскаго, почетнаго смотрителя Ростовскаго 3-хъ класснаго городского училища, 2 гильдіи купца Михаила Шахова, Бѣлгородскаго 2 гильдіи купца Ѳедора Морозова, гласнаго Омской городской думы, Омскаго купеческаго сына 2 гильдіи Семена Козьмина и почетнаго блюстителя Лысковскаго 2-хъ класснаго начальнаго народнаго училища Министерства народнаго просвѣщенія, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, Царскосельскаго купца Евграфа Стогова; серебряными: на Аннинской лентѣ: почетнаго блюстителя, Ганчештскаго 2-хъ класснаго народнаго училища, гражданина Мартына Назарова, Духовщинскаго городского голову, 1 гильдіи купца Ермолая Горбатова, почетнаго смотрителя Мамадышскаго городского 3-хъ класснаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина, 1 гильдіи купца Ивана Щербакова, почетнаго смотрителя Суздальскаго городского 3-хъ класснаго училища, члена Суздальскаго уѣзднаго училищнаго совѣта и попечителя Суздальскихъ приходскихъ училищъ, Суздальскаго 2 гильдіи купца Павла Бѣлова, почетнаго блюстителя Знаменскаго приходскаго училища, Верхоленскаго 2 гильдіи купца Михаила Серебрянникова и члена попечительнаго совѣта Вязниковской женской прогимназіи, товарища директора общественнаго банка и почетнаго члена совѣта Московскихъ дѣтскихъ пріютовъ, Вязниковскаго

временнаго купца Юлія Випкельмана; на Станиславской лентѣ: курьера департамента народнаго просвѣщенія, личнаго почетнаго гражданина Сергѣя Дѣева, почетнаго смотрителя Верхнедѣпровскаго 2-хъ класснаго городского училища, 1 гильдіи купца Григорія Коренева, попечителя русско-караимскаго общественнаго училища въ г. Екатеринославѣ, 2 гильдіи купца Давида Джигита, почетнаго блюстителя Кондушскаго уѣзда, Вытегорскаго уѣзда, Вытегорской 2 гильдіи купца Андрея Игнатьева, почетнаго блюстителя Васильевскаго 2-хъ класснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Шуйскаго уѣзда, Шуйскаго 2 гильдіи купца Павра Севрюгова, почетнаго смотрителя Романо-Борисоглѣбскаго 3-хъ класснаго городского училища, 2 гильдіи купца Ивана Лыкова, церковнаго старосту при Смоленской гимназической Александро-Невской церкви, Смоленскаго 2 гильдіи купца Павла Мачульскаго, попечителя Дорогобужскаго городского приходскаго училища, Дорогобужскаго 2 гильдіи купца Василя Смирнова, почетнаго блюстителя 2-хъ класснаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Аграфениной Пустыни, Рязанскаго уѣзда, Рязанскаго 2 гильдіи купца Федора Печатина, попечителя Ефремовскаго городского приходскаго училища, Ефремовскаго 2 гильдіи купца Василя Вавилова, Царскосельскаго 2 гильдіи купца Федота Медкова, почетнаго блюстителя Ново-Водолажскаго двухкласснаго начальнаго училища, Валковскаго уѣзда, Валковскаго 2 гильдіи купца Александра Чернышева, попечителя Соинскаго начальнаго народнаго училища, Устюженскаго уѣзда, 2 гильдіи купца Павла Муравьева, бывшаго попечителя Азовскаго городского приходскаго мужскаго 2-хъ класснаго училища, 2 гильдіи купца Михаила Мачалина, члена попечительнаго совѣта Сарапульскаго реальнаго училища, Сарапульскаго 2 гильдіи купца Петра Зылева, почетнаго блюстителя Свято-Николае-Инокентіевскаго приходскаго училища, Иркутскаго 2 гильдіи купца Филиппа Перевалова, почетнаго блюстителя Олонскаго приходскаго училища, крестьянина Идинской волости, временнаго Балаганскаго 2 гильдіи купца Егора Бударявцева, ктитора Новгородской гимназической церкви, купца Дмитрія Воронова, члена попечительнаго совѣта Кишиневской талмуд-торы, купца Самуила Лившица, завѣдывающаго Оршанскимъ 2-хъ класснымъ начальнымъ еврейскимъ училищемъ Эдру Абольника, учителя Виленской казенной еврейской школы русской национальности № 1 Исаака Каценеленбогена, бывшаго учителя Виленскаго казеннаго еврейскаго училища 1-го разряда Ибраима Лео

ОДЕССКОЙ ДУХОВНОЙ

на, завѣдывающаго Кишиневскою талмудъ-торою, губернскаго раввина Льва Харика, предсѣдателя Тульской мѣщанской управы и попечителя мѣщанскаго въ городѣ Тулѣ начальнаго училища съ пріютомъ при немъ, называемымъ „Михайловскимъ“, Тульскаго мѣщанина Михаила Морозова, секретаря Зарайской городской управы и мѣщанскаго старосту, мѣщанина Михаила Сафонова и волостнаго старшину Новоселицкой волости, Хотинскаго уѣзда, крестьянина Афанасія Чекана; золотыми: для пошенія на груди: на Аннинской лентѣ: почетнаго блюстителя Гдовскаго приходскаго училища, Гдовскаго мѣщанина Антона Штенгеля и почетнаго блюстителя Петергофскаго женскаго приходскаго училища, Гдовскаго мѣщанина Карла Штенгеля; на Станиславской лентѣ: попечителя Голицынскаго народнаго училища, Мышкинскаго уѣзда, волостнаго старшину Голицынской волости Григорія Савинова и попечителя Рябовскаго начальнаго народнаго училища, волостнаго старшину Любанской волости, Новгородскаго уѣзда, крестьянина Михаила Липатова; серебряными: на Аннинской лентѣ: старшину Васильевской волости Мышкинскаго уѣзда Ивана Сѣдова, старшину Плосковской волости Мышкинскаго уѣзда Прокопія Бардышева, старшину Кубейской волости, поселанина-собственника села Кальчевой, Аккерманскаго уѣзда, Павла Малину, почетнаго блюстителя Камратскаго 2-хъ класснаго мужскаго народнаго училища, поселанина Георгія Каранфила, попечителя Барвенковскаго мужскаго и женскаго начальныхъ училищъ и почетнаго блюстителя Барвенковскаго 2-хъ класснаго сельскаго училища, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, государственнаго крестьянина Ѳедора Ищенко, попечителя Лысковскаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Макарьевскаго уѣзда, крестьянина Михаила Крунова, попечителя и содержателя начальнаго народнаго училища въ деревнѣ Суковѣ, Рылянской волости, Юхновскаго уѣзда, крестьянина Михаила Кутасова, попечителя Подберезскаго начальнаго народнаго училища Новгородскаго уѣзда, Подберезскаго волостнаго старшину, крестьянина Гавріила Баланина и почетнаго блюстителя Тутурскаго приходскаго училища, крестьянина Верхоленской волости Александра Тарасова; и на Станиславской лентѣ: почетнаго блюстителя 2-хъ класснаго мужскаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Дѣдиновѣ, Зарайскаго уѣзда, крестьянина села Дѣдинова, временно-Зарайскаго 2-й гильдіи купца Андрея Пономарева, почетнаго блюстителя 2-хъ класснаго училища министерства народнаго

просвѣщенія въ селѣ Ижевскомъ, Спасскаго уѣзда, крестьянина села Ижевскаго, временнаго Спасскаго 2-й гильдіи купца Василія Алфутова, попечителя сельскаго Маркоуцкаго народнаго училища, Хотинскаго уѣзда, Пантелея Рынжу, попечителя Солонянской сельской школы, Екатеринославскаго уѣзда, Петра Морозова, попечителя Прилукскаго начальнаго училища, Мышкинскаго уѣзда, церковнаго старосту села Прилукъ Емельяна Качалова, попечителя Архангельскаго народнаго училища Мышкинскаго уѣзда, волостнаго старшину Архангельской волости, Трифона Смирнова, попечителя народной земской школы въ селеніи Граденицы, Одесскаго уѣзда, крестьянина-собственника Граденицкой волости Савелія Николаева, почетнаго блюстителя Темрюкскаго 2-хъ класснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Мариупольскаго уѣзда, крестьянина-собственника Корнелія Петренко, старосту селенія Тажбунаръ, Измаильскаго уѣзда, поселялина Константина Ромалійскаго, крестьянина села Кріушъ, Тушникской волости, Симбирскаго уѣзда, Ивана Капралова, почетнаго блюстителя Крючковскаго 2-хъ класснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Тихвинскаго уѣзда, крестьянина Ефима Смилькова, попечителя Николаевскаго сельскаго училища, Павлогородскаго уѣзда, крестьянина Петра Ляльку, почетнаго блюстителя Русановскаго, Борисоглѣбскаго уѣзда, 2-хъ класснаго сельскаго училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, крестьянина Ивана Опритова, почетнаго блюстителя Каменскаго приходскаго училища, казака торговаго общества Петра Сущенкова, почетнаго блюстителя Николаевскаго приходскаго училища, казака Василія Липина и учителя столярнаго и токарнаго мастерствъ при ремесленномъ классѣ Новгородскаго городского училища, Новгородскаго мѣщанина Алексѣя Смирнова.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (12-го мая 1882 г.). Уставъ ссудо-сберегательной кассы служащихъ при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.

(Утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія).

А. Цѣль и составъ кассы.

§ 1. Ссудо-сберегательная касса устроивается съ цѣлью доставить членамъ ея возможность получать ссуды и помѣщать свои сбереженія.

§ 2. Членами кассы могутъ быть всѣ лица, состоящіа на государственной службѣ при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ и получающія штатное жалованье.

Б. Управление кассы.

3. Дѣлами кассы завѣдываютъ: а) Правленіе и б) Общее собраніе дольщиковъ.

Правленіе.

§ 4. Правленіе состоитъ изъ 3-хъ членовъ и 3-хъ къ нимъ кандидатовъ, избираемыхъ ежегодно большинствомъ голосовъ всѣхъ участвующихъ въ общемъ собраніи дольщиковъ.

Въ случаѣ болѣзни или отсутствія члена правленія, мѣсто его занимаетъ кандидатъ.

Члены правленія выбираютъ изъ своей среды распорядителя кассы.

Членъ правленія за неправильныя дѣйствія, причинившія убытки кассѣ, можетъ быть привлеченъ, по постановленію общаго собранія, къ имущественной отвѣтственности.

§ 5. Правленіе представляетъ кассу во всѣхъ сношеніяхъ съ посторонними мѣстами, лицами и судебными учрежденіями, въ качествѣ истца и отвѣтчика, и дѣйствуетъ въ силу и на основаніи сего устава, безъ особой на то довѣренности. Вслѣдствіе сего правленіе пользуется правомъ избирать отъ себя повѣренныхъ, снабжая ихъ законною довѣренностью, на общемъ основаніи.

Мѣстопробываніе правленія назначается въ Варшавѣ.

Правленіе имѣетъ печать съ надписью: „Правленіе ссудо-сберегательной кассы при И. В. У.“

§ 6. Предметы вѣдомства правленія суть слѣдующіе: а) приемъ новыхъ дольщиковъ кассы; б) полученіе и возвратъ взносовъ и выдача ссудъ; в) помѣщеніе капиталовъ, согласно опредѣленію общаго собранія; г) утвержденіе расчетовъ кассы съ дольщиками; д) составленіе ежемѣсячныхъ балансовъ; е) составленіе годовыхъ докладовъ и отчетовъ по веденію дѣлъ кассы и по приходу и расходу суммъ, равно какъ и составленіе прихода-расходной смѣты на слѣдующій годъ; ж) составленіе баланса кассы и распредѣленіе чистой прибыли, согласно § 30 сего устава; з) предварительное обсужденіе всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію общаго собранія; и) составленіе программы занятій cadaго общаго собранія, а также созваніе общихъ

собраній дольщикова; к) веденіе книгъ и переписки по дѣламъ кассы.

§ 7. Правленіе ведетъ слѣдующія прошнурованныя и скрѣпленныя членами ревизіонной комиссіи книги: а) книгу прихода и расхода суммъ кассы; б) книгу личныхъ счетовъ дольщиковъ; в) книгу для записыванія требованій дольщиковъ. Правленію предоставляется завести и болѣе книгъ, если оно признаетъ это необходимымъ.

§ 8. Книги кассы и ежемѣсячныя ея балансы должны быть открыты для обзоренія всѣмъ дольщикамъ кассы по первому ихъ востребованію.

Общее собраніе.

§ 9. Общее собраніе состоитъ изъ всѣхъ дольщиковъ кассы, одинъ изъ которыхъ, по выбору для каждаго засѣданія, исполняетъ должность предсѣдателя, а другой—секретаря.

§ 10. Общія собранія бьвають: а) очередныя, собираемыя правленіемъ не позже 10 дней по окончаніи кассоваго года, и б) чрезвычайныя, собираемыя въ экстренныхъ случаяхъ правленіемъ же или по требованію ревизоровъ, а также по требованію $\frac{1}{4}$ всѣхъ дольщиковъ.

§ 11. О днѣ очереднаго общаго собранія дольщики извѣщаются не позже какъ за 5 дней, о днѣ же чрезвычайнаго собранія извѣщеніе должно быть сдѣлано по крайней мѣрѣ за 3 дня. Всѣмъ предметамъ, вносимымъ на разсмотрѣніе общаго собранія, составляется программа, сообщаемая дольщикамъ одновременно съ приглашеніемъ въ общее собраніе.

§ 12. Общее собраніе считается состоявшимся, если въ немъ присутствуетъ лично или по довѣренности болѣе половины дольщиковъ. Если же созванное общее собраніе не состоялось за неявкою законнаго числа дольщиковъ, то назначается новое собраніе, которое считается состоявшимся при какомъ бы то ни было числѣ дольщиковъ. По довѣренности дольщикъ можетъ располагать не болѣе какъ однимъ голосомъ.

§ 13. Предметы занятій общихъ собраній состоятъ: а) въ разсмотрѣніи отчета правленія, замѣчаній ревизіонной комиссіи, заявленій дольщиковъ по дѣламъ кассы; б) въ выборѣ членовъ правленія, кандидатовъ въ нихъ и ревизоровъ; в) въ назначеніи кредитныхъ учрежденій и цѣнныхъ бумагъ, въ которыхъ помѣщаются свободныя фонды; г) въ опредѣленіи размѣра наличной суммы, находящейся въ

рукахъ правленія; д) въ утвержденіи смѣты на слѣдующій кассовый годъ; е) въ утвержденіи отчисленія суммъ въ запасный капиталъ; ж) въ обсужденіи и разрѣшеніи предположеній о распредѣленіи прибылей и пополненіи недочетовъ и убытковъ; и) въ назначеніи вознагражденія занимающимся дѣлами кассы по найму; к) въ опредѣленіи объ исключеніи неисправнаго въ расчетахъ съ кассою дольщика изъ кассы; л) наконецъ, въ рассмотрѣніи всѣхъ вообще дѣлъ, превышающихъ власть правленія, равно какъ всѣхъ дѣлъ, предложенныхъ правленіемъ на рассмотрѣніе общаго собранія. Заявленія дольщиковъ въ общихъ собраніяхъ допускаются лишь въ томъ случаѣ, если содержаніе этихъ заявленій доведено было до свѣдѣнія правленія не позже какъ за 3 дни до общаго собранія.

§ 14. Въ общемъ собраніи дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ; при равенствѣ ихъ, перевѣсъ даетъ голосъ предсѣдателя. Выборъ должностныхъ лицъ кассы производится закрытой подачей голосовъ.

§ 15. Для измѣненій въ семь уставѣ необходимо присутствіе $\frac{2}{3}$ дольщиковъ и большинство $\frac{3}{4}$ голосовъ присутствующихъ лично и по довѣренности лицъ. Такое же присутствіе и большинство требуется для опредѣленія объ исключеніи неисправнаго въ расчетахъ съ кассою дольщика. Для рѣшенія о закрытіи кассы необходимо присутствіе $\frac{3}{4}$ дольщиковъ и большинство $\frac{4}{5}$ голосовъ.

§ 16. Опредѣленія общаго собранія заносятся въ протоколъ, составляемый секретаремъ во время самаго засѣданія и подписываемый всѣми присутствующими дольщиками, послѣ чего опредѣленія эти становятся обязательными для всѣхъ дольщиковъ.

Ревизіонная коммиссія.

§ 17. Ревизіонная коммиссія составляется изъ трехъ членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ на одинъ годъ, но дѣйствія ея въ составѣ двухъ членовъ считаются вполне законными. На обязанности ревизіонной коммиссіи лежитъ: ежемѣсячная и внезапная ревизія кассы, книгъ и вообще всего счетоводства, о чемъ составляются особые протоколы; рассмотрѣніе годоваго отчета, доклада баланса, книгъ и документовъ правленія, со всѣми къ нимъ приложеніями; а равно вообще состоянія всѣхъ дѣлъ кассы. Ревизіонная коммиссія передаетъ свое заключеніе по ревизіи правленію съ такимъ расчетомъ времени, что бы правленіе могло обсудить и разъяснивъ замѣчанія коммиссіи, представить ихъ со своими объясненіями общему собранію.

По рассмотрѣніи въ общемъ собраніи заключеній ревизіонной комиссіи и по постановленіи собраніемъ по нимъ рѣшенія, ревизіонная комиссія дѣлаетъ на обревизованномъ отчетѣ и книгахъ правленія надписи соотвѣтствующую постановленію общаго собранія.

В. Права и обязанности членовъ.

§ 18. Вступленіе въ члены кассы, а равно и оставленіе ея свободны и совершаются по письменному о томъ заявленію правленію кассы.

§ 19. Каждый изъ дольщиковъ кассы пользуется правомъ на полученіе ссуды, участвуетъ въ прибыляхъ и убыткахъ кассы въ границахъ, опредѣленныхъ 32-мъ § устава, и имѣетъ голосъ на общихъ собраніяхъ.

§ 20. Для вступленія въ члены кассы необходимо сдѣлать единовременный взносъ въ количествѣ 3-хъ рублей и затѣмъ производить ежемѣсячные взносы въ кассу въ размѣрѣ не менѣе 2% съ дѣйствительно получаемого на руки содержанія, согласно письменному о томъ заявленію кандидата.

Вмѣсто производства ежемѣсячныхъ процентныхъ вычетовъ разрѣшается и одновременный, разъ на всегда взносъ въ размѣрѣ не менѣе ежемѣсячнаго полностью по штату жалованья, независимо отъ единовременнаго 3-хъ рублеваго взноса. Размѣръ ежемѣсячнаго вычета можетъ быть впоследствии измѣняемъ по письменному заявленію. Вычеты производятся по возможности въ цѣлыхъ рубляхъ. Ежемѣсячные вычеты могутъ быть по желанію должника превращены если размѣръ его доли достигъ суммы мѣсячнаго его жалованья.

§ 21. Дольщикъ, желающій получить ссуду, обращается съ заявленіемъ къ правленію кассы, которое, за вычетомъ процентовъ и другихъ слѣдующихъ къ удержанію денегъ, выдаетъ ему чистый чекъ или ордеръ въ то кредитное учрежденіе, въ которомъ положены капиталы кассы, для полученія полностью показанной чекомъ суммы.

§ 22. Выдача ссудъ производится безусловно по очереди требовательныхъ письменныхъ заявленій, заносимыхъ соискателями въ ведущейся для этой цѣли правленіемъ специальной книгѣ (§ 7 в).

§ 23. Ссуды могутъ быть выдаваемы въ такомъ размѣрѣ, чтобы общая сумма выданнаго одному дольщику не превышала его мѣсячнаго — дѣйствительно получаемого на руки штатнаго жалованья за послѣдній мѣсяцъ, предшествовавшій выдачѣ ссуды (при чемъ ника-

кін прибавки въ расчетъ не принимаются), совокупно съ принадлежащею ему долей въ кассѣ.

§ 24. Каждая ссуда выдается на срокъ, не превышающій 9-ти мѣсяцевъ, и погашается ежемѣсячными вычетами изъ жалованья по равнымъ частямъ.

§ 25. Проценты въ количествѣ $\frac{2}{3}$ ‰ въ мѣсяцъ удерживаются впередъ вычетомъ изъ выдаваемой ссуды и не подлежатъ возврату даже въ томъ случаѣ, если ссуда погашена до истеченія условеннаго срока.

§ 26. Если мѣсячный взносъ по ссудѣ не будетъ уплаченъ, то онъ зачисляется недоимкою съ прибавленіемъ 1‰ въ мѣсяцъ пени, при чемъ время менѣе 30 дней считается за полный мѣсяцъ.

§ 27. Если по истеченіи 9-го мѣсяца ссуда не погашена, то вся непогашенная часть съ причитающимися процентами и пенею удерживается изъ жалованья за 10-й мѣсяцъ, съ прибавкою, кромѣ, процентовъ, пени въ 1‰ въ мѣсяцъ съ оставшейся въ недоимкѣ суммы. Въ случаѣ невозможности покрыть недоимку изъ жалованья, она погашается изъ имѣющейся въ кассѣ доли должника, затѣмъ съ его имущества, а въ крайнемъ случаѣ изъ запаснаго капитала.

Должникъ, вызвавшій своею неисправностью примѣненіе сей послѣдней мѣры, лишается права на полученіе ссуды и можетъ быть исключенъ по опредѣленію общаго собранія изъ кассы.

§ 28. Ежемѣсячные вычеты изъ жалованья должниковъ производятся согласно вѣдомости, доставляемой казначею университета правленіемъ кассы. Въ этой вѣдомости должно быть обозначено, на какой предметъ и въ какомъ количествѣ производится вычетъ съ каждаго дольщика кассы. Удержанныя согласно вѣдомости суммы казначей передаетъ правленію кассы, которымъ онѣ и записываются въ книгу личныхъ счетовъ каждаго дольщика.

§ 29. Единовременные взносы при поступленіи въ дольщики и пени, поступающія съ неисправныхъ заемщиковъ, зачисляются въ запасный капиталъ кассы, предназначенный исключительно на покрытіе убытковъ, согласно § 27 устава. Всѣ остальные поступления зачисляются въ оборотный капиталъ дольщиковъ.

§ 30. Поступившіе въ кассу проценты по ссудамъ, равно какъ и проценты на капиталы, хранящіеся въ кредитныхъ учрежденіяхъ, за покрытіемъ расходовъ кассы, составляютъ чистую прибыль дольщиковъ и дѣлятся между ними пропорціонально долямъ каждаго и времени ихъ обращенія.

§ 31. Причисляющаяся дольщику по расчету въ концѣ кассоваго года прибыль причисляется къ его капиталу, пока онъ не достигъ размѣра получаемаго дольщикомъ мѣсячнаго жалованья. Прибыль дольщиковъ, за которыми числятся недоимки, обращается на покрытіе послѣднихъ.

§ 32. Убытки кассы покрываются изъ запаснаго капитала; при недостаточности же послѣдняго возмѣщаются изъ оборотнаго капитала пропорціально долямъ каждаго члена.

Г. Условія выхода изъ кассы.

§ 33. Выходъ дольщика изъ кассы можетъ послѣдовать: а) за смертью, б) оставленіемъ службы при университетѣ, в) по добровольному рѣшенію дольщика, заявленному письменно правленію кассы, и г) по опредѣленію общаго собранія (§§ 14, 16 и 27).

§ 34. Выбывшій изъ кассы дольщикъ немедленно получаетъ принадлежащую ему долю въ кассѣ, если оборотный капиталъ кассы это дозволяетъ; въ противномъ же случаѣ онъ удовлетворяется по мѣрѣ поступления денегъ преимущественно передъ всѣми остальными выдачами.

§ 35. Если за выходящимъ изъ кассы дольщикомъ числится долгъ кассѣ, то принадлежащая ему доля обращается на покрытіе послѣдняго и выдачѣ подлежитъ лишь свободный остатокъ.

§ 36. Если долгъ выбывающаго дольщика не можетъ быть погашенъ сполна изъ принадлежащей ему въ кассѣ доли, то непокрытая ею часть покрывается изъ его имущества; если же дольщикъ остается на государственной службѣ—изъ его жалованья.

§ 37. Проценты на капиталъ выходящаго дольщика разчитываются по 1-е число того же мѣсяца, въ который послѣдовалъ возвратъ капитала, но выплачиваются лишь въ концѣ кассоваго года, и въ такомъ только случаѣ, если капиталъ оставался въ кассѣ не менѣе 6-ти мѣсяцевъ.

§ 38. Въ случаѣ смерти дольщика принадлежащій ему капиталъ выдается его наслѣдникамъ по закону или по завѣщанію.

§ 39. Незатребованная выбывшимъ дольщикомъ часть капитала считается безпроцентнымъ вкладомъ, и по истеченіи срока гражданской давности обращается въ запасный капиталъ кассы.

§ 40. Въ случаѣ закрытія кассы по какимъ бы то ни было законнымъ причинамъ, доли возвращаются членамъ по принадлежности, а часть ссххп, отд. 1.

запасный капиталъ присоединяется къ стипендіальнымъ фондамъ Императорскаго Варшавскаго университета.

2. (13-го мая 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Ивановича Садокова при Нижегородскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

1) Въ ознаменованіе долговременной и полезной дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ и по городскому общественному управленію, какъ гласнаго думы,—бывшаго директора Нижегородской гимназій, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Ивановича Садокова, учреждается при Нижегородскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія его имени, на счетъ процентовъ съ собраннаго для сей цѣли мѣстною городскою думою по подпискѣ капитала въ восемьсотъ рублей.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% государственныхъ бумагахъ, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Нижегородскаго реальнаго училища.

3) Стипендія преимущественно назначается для взноса платы за право ученія стипендіата въ продолженіи всего курса, а могущій оказаться остатокъ употребляется на снабженіе его книгами и учебными пособиями.

4) Въ стипендіаты избирается одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ училища безъ различія сословія, заслуживающій того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

5) Право избранія стипендіата принадлежитъ Константину Ивановичу Садокову, а послѣ его смерти Нижегородской городской думѣ.

6) Объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата начальствомъ училища сообщается для свѣдѣнія К. И. Садокову и Нижегородской городской думѣ.

3. (13-го мая 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Ивановича Садокова при Нижегородской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

1) Въ ознаменованіе долговременной и полезной дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ и по городскому общественному управленію,

какъ гласнаго думы, бывшаго директора Нижегородской гимназіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника К. И. Садокова учреждается при Нижегородской мужской гимназіи одна стипендія его имени, на счетъ процентовъ съ собраннаго для сей цѣли мѣстною городской думою по подпискѣ капитала въ восемьсотъ рублей.

2) Означенный капиталъ, заключающійся въ 5% государственныхъ бумагахъ, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, въ отдѣлѣ пожертвованій.

3) Стипендія преимущественно назначается для взноса платы за ученіе стипендіата въ продолженіи всего гимназическаго курса, а могущій оказаться остатокъ употребляется на снабженіе его книгами и учебными пособиями.

4) Въ стипендіаты избирается одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи безъ различія сословія, заслуживающій того по своимъ успѣхамъ и поведенію.

5) Право избранія стипендіата принадлежитъ К. И. Садокову, а послѣ его смерти Нижегородской городской думѣ.

6) Объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата начальствомъ гимназіи сообщается для свѣдѣнія К. И. Садокову и Нижегородской городской думѣ.

4. (13-го мая 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени графа Юрія Николаевича Подгоричани-Петровича при Житомирской мужской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ капитала въ шестьсотъ руб., собраннаго по добровольной подпискѣ обществомъ города Житомира, въ знакъ признательности ихъ бывшему Волынскому губернатору графу Подгоричани-Петровичу, учреждается при Житомирской мужской гимназіи одна стипендія имени графа Юрія Николаевича Подгоричани-Петровича.

2) Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ Волынскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ гимназіи, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ.

3) Проценты съ этого капитала въ количествѣ 30 р. назначаются ежегодно для уплаты за право ученія одного изъ бѣдныхъ учениковъ

Житомирской гимназін, заслуживающаго того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію, по выбору педагогическаго совѣта гимназін и по утвержденіи избраннаго кандидата Житомирскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ.

4) Если-бы кто-либо изъ получавшихъ стипендію пожелалъ впоследствии, достигнувъ обеспеченнаго положенія, возвратить ее гимназін, то сумма, полученная въ возвратъ, причисляется къ основному капиталу и, по мѣрѣ накопленія, обращается въ государственныя бумаги для увеличенія размѣра стипендіи на случай возвышенія существующей платы за ученіе.

5. (13-го мая 1882 года). Положеніе о стипендіи генераль-маіора Евгенія Васильевича Богдановича при Тюменскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ собраннаго на Ирбитской ярмаркѣ сибирскими купцами капитала въ 938 руб. 51 коп., заключающагося въ государственныхъ $5\frac{1}{2}\%$ банковыхъ свидѣтельстввахъ, облигаціи восточнаго 5% займа и наличныхъ деньгахъ (38 руб. 51 коп.), учреждается при Тюменскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени генераль-маіора Евгенія Васильевича Богдановича.

2) Право пользованія этою стипендіею предоставляется одному изъ бѣдныхъ учениковъ названнаго училища, уроженцу западной Сибири, отличающемуся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ.

3) Право избранія стипендіата предоставляется педагогическому совѣту училища.

Примѣчаніе. Изъ стипендіи прежде всего уплачивается взносъ за право ученія, а остатокъ выдается родителямъ стипендіата или заступающимъ ихъ мѣсто, на учебныя пособія и другія нужды.

4) Обеспечивающей стипендію капиталъ, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ училища.

5) Въ случаѣ выхода въ тиражъ погашенія билетовъ, обеспечивающихъ стипендію, начальствомъ училища на вырученныя отъ сего деньги приобрѣтаются такія же или соотвѣтственныя государственныя процентныя бумаги.

6. (19 го мая 1882 года). Правила для стипендіи коллежскаго совѣтника Владиміра Михайловича Скубы.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Коллежскій совѣтникъ Владиміръ Михайловичъ Скуба пожертвовалъ капиталъ въ 2,000 руб., заключающійся въ пятипроцентныхъ двухъ билетахъ государственнаго банка, на учрежденіе при Харьковскомъ университетѣ изъ процентовъ одной стипендіи его имени.

§ 2. Означенная стипендія, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 13-го сентября 1881 года, именуется стипендіей коллежскаго совѣтника Владиміра Михайловича Скубы.

§ 3. Стипендія эта предоставляется, при хорошемъ поведеніи и успѣхахъ въ наукахъ, одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ безъ различія факультетовъ.

§ 4. Стипендіатъ избирается совѣтомъ университета. При наличности нѣсколькихъ конкурентовъ избраніе происходитъ по старшинству балловъ на послѣднемъ испытаніи, а при равенствѣ балловъ по жребію.

§ 5. Могущіе образоваться по какой-либо причинѣ остатки отъ суммы, опредѣленной на годовое содержаніе стипендіата, причисляются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

7. (20-го мая 1882 г.). Правила о преміяхъ имени графа Дмитрія Андреевича Толстаго.

(Утверждены министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Премія имени графа Д. А. Толстаго образуются изъ процентовъ съ основнаго капитала, составившагося по подпискѣ и поступившаго въ 1882 году въ вѣдѣніе Императорской академіи наукъ.

§ 2. Основной капиталъ остается неприкосновеннымъ на вѣчныя времена и возрастаетъ причисленіемъ къ нему какъ нѣкоторой части процентовъ, такъ и суммами не розданныхъ премій. Проценты съ капитала употребляются исключительно на преміи, или же на увеличеніе капитала.

§ 3. Капиталъ премій графа Д. А. Толстаго обращается въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, или же въ бумагахъ, гарантированныхъ правительствомъ.

§ 4. Премія графа Д. А. Толстаго, раздаваемая чрезъ каждые

три года, состоятъ: 1) изъ почетныхъ медалей, золотыхъ, цѣнностью: первая въ 300 руб., вторая въ 250 р. и третья въ 150 р.; и 2) изъ денежной награды въ размѣрѣ 800 руб.

Примѣчаніе. Въ случаѣ, если бы денежною наградою въ означенномъ размѣрѣ не было увѣнчано ни одно изъ конкурсныхъ сочиненій, то вмѣсто нея могутъ быть присуждаемы одна или двѣ меньшія награды, въ 400 руб. каждая.

§ 5. На соисканіе премій принимаются сочиненія, относящіяся къ тѣмъ отраслямъ наукъ, которыя, на основаніи устава академій, входятъ въ кругъ ея занятій, а именно:

1) По физико-математическому отдѣленію: чистая и прикладная математика, астрономія, физика, химія, технологія, геологія, минералогія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія и физиологія.

2) По отдѣленію русскаго языка и словесности: русская и славянская филологія и исторія языка и словесности русскаго и другихъ славянскихъ народовъ (не исключая ученыхъ образомъ обработанныхъ словарей и грамматикъ) и

3) По историко-филологическому отдѣленію: русская исторія, греческая и римская словесность и древности, восточная словесность и древности, статистика и политическая экономія.

§ 6. Премій удостоиваются: 1) преимущественно такія сочиненія, которыя, по важности изложенныхъ въ нихъ самостоятельныхъ изслѣдованій автора, служатъ существеннымъ обогащеніемъ той или другой изъ вышеисчисленныхъ наукъ, и затѣмъ 2) такія, особенно важныя сочиненія, которыя хотя и не содержатъ въ себѣ новыхъ изслѣдованій и открытій, тѣмъ не менѣе обогащаютъ ученую литературу полнымъ и основательнымъ изложеніемъ той или другой отрасли наукъ.

§ 7. Денежная премія можетъ быть назначаема только за такое сочиненіе, которое издано не на счетъ правительства, или не на средства академій, университетовъ, и ученыхъ обществъ въ Россіи; при чемъ она можетъ быть присуждаема или какъ самостоятельная премія, или же за сочиненіе, удостоиваемое вмѣстѣ съ тѣмъ и почетною медалью.

§ 8. Сочиненія, уже увѣнчанныя академіею одною изъ находящихся въ ея распоряженіи премій (каковы: Ломоносовская, Уваровская, Буняковского, Бэра, Пушкинская и другія), не принимаются къ соисканію премій графа Д. А. Толстаго.

§ 9. Къ соисканію премій допускаются только представленныя въ академію самими авторами, русскими подданными, оригинальныя, напечатанныя въ Россіи, сочиненія, на русскомъ, латинскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, вышедшія въ свѣтъ въ теченіи девяти лѣтъ, непосредственно предшествовавшихъ конкурсу.

§ 10. Въ случаѣ, если премія на какомъ либо конкурсѣ останется никому не присужденною, то стоимость оной причисляется къ основному капиталу премій и обращается на увеличеніе онаго.

§ 11. Дѣйствительные члены Императорской академіи наукъ не имѣютъ права на полученіе сихъ премій.

§ 12. Преміи выдаются только самимъ авторамъ или ихъ законнымъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ.

§ 13. Присужденіе премій производится поочередно каждымъ изъ трехъ отдѣленій академіи, въ слѣдующемъ порядкѣ: физико-математическимъ отдѣленіемъ въ 1885, 1894, 1903 гг. и т. д., отдѣленіемъ русскаго языка и словесности 1888, 1897, 1906 гг. и т. д., историко-филологическимъ отдѣленіемъ въ 1891, 1900, 1909 гг. и т. д.

§ 14. Сочиненія, назначенныя для конкурса, должны быть доставляемы въ академію не позже 1-го мая конкурснаго года.

§ 15. По истеченіи срока, означеннаго въ предыдущемъ параграфѣ, то отдѣленіе, которому принадлежитъ въ томъ году очередь присужденія премій, назначаетъ изъ среды своей, для разсмотрѣнія представленныхъ сочиненій, столько комиссій, сколько окажется нужнымъ, смотря по тому, къ какимъ разрядамъ наукъ будутъ относиться принятія на соисканіе сочиненія. Комиссіи, если признаютъ это полезнымъ, могутъ поручать разсмотрѣніе того или другаго изъ сочиненій ученому, не принадлежащему къ составу отдѣленія.

§ 16. Донесенія комиссій и ихъ заключенія читаются въ засѣданіи отдѣленія, которое въ слѣдующемъ затѣмъ засѣданіи своемъ постановляетъ окончательный приговоръ о присужденіи премій, причѣмъ требуется не менѣе $\frac{2}{3}$ голосовъ всего числа членовъ, присутствующихъ въ засѣданіи.

§ 17. Отчетъ о присужденіи премій доводится до всеобщаго свѣдѣнія въ публичномъ собраніи Академіи 29-го декабря и затѣмъ печатается въ ея изданіяхъ.

§ 18. Въ случаѣ, если бы впослѣдствіи, съ увеличеніемъ основнаго капитала причисленіемъ къ нему процентовъ и неприсужденныхъ премій, оказалось бы возможнымъ увеличить число, или размѣры премій, то академіи предоставляется испросить на то согласіе

министерства народнаго просвѣщенія, къ которому она входитъ съ представленіями и вообще о тѣхъ измѣненіяхъ, какія съ теченіемъ времени могли бы оказаться нужными въ настоящихъ правилахъ. Наименованіе же премій и назначеніе ихъ для сочиненій по наукамъ, входящимъ въ кругъ занятій академіи, остаются навсегда неизмѣнными.

8. (29-го мая 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ивановича Бордюгова при Иваново-Вознесенской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Иваново-Вознесенской женской гимназіи учреждается одна стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ивановича Бордюгова, на проценты съ капитала въ 1,200 руб., собраннаго членами попечительнаго совѣта означенной гимназіи.

2) Стипендіатка избирается изъ бѣдныхъ ученицъ города Иваново-Вознесенска.

3) Право назначенія стипендіатки пожизненно принадлежитъ Ивану Ивановичу Бордюгову.

4) Послѣ смерти его, право назначенія переходитъ къ попечительному совѣту Иваново-Вознесенской женской гимназіи.

5) Проценты съ капитальной суммы предназначаются для взноса платы за ученіе и выдаются не иначе, какъ по требованію попечительнаго совѣта гимназіи.

6) Ежегодный остатокъ отъ процентной суммы сберегается до окончанія курса ученія стипендіатки и за тѣмъ выдается ей единовременно.

7) Капитальная сумма, заключающаяся въ 5% государственныхъ бумагъ, хранится въ Шуйскомъ уѣздномъ казначействѣ, въ суммахъ Иваново-Вознесенской гимназіи.

9. (29-го мая 1882 года). Положеніе о стипендіи имени тайнаго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) По случаю приближенія срока 25-ти лѣтней служебной дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ г. попечителя Казанскаго

учебнаго округа, тайнаго совѣтника Петра Дмитриевича Шестакова окружные инспекторы, чиновники и преподаватели гимназій и Нижегородскаго Александровскаго института и инспекторы народныхъ училищъ Казанскаго учебнаго округа, желая выразить предъ нимъ глубокое уваженіе и искреннюю признательность за его неутомимыя заботы объ учебныхъ заведеніяхъ, ввѣренныхъ ему, и за его постоянное руководство въ дѣлѣ образованія и воспитанія юношества, составили чрезъ добровольное пожертвованіе, капиталъ въ пять тысячъ пятьсотъ рублей, съ тѣмъ, чтобы проценты на оный были употреблены на учрежденіе на вѣчныя времена стипендіи тайнаго совѣтника Петра Дмитриевича Шестакова въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

2) Жертвуемый капиталъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ и заключаться въ 5% банковыхъ билетахъ. Процентныя бумаги на означенный капиталъ, по истеченіи срока онымъ или по выходѣ ихъ въ тиражъ, замѣняются новыми процентными бумагами, какія будутъ признаны наиболѣе выгодными со стороны Казанскаго университета. Если въ числѣ процентныхъ бумагъ будутъ 5% билеты внутренняго займа съ выигрышами, то могущее быть приращеніе присоединяется къ неприкосновенному капиталу, а проценты на оное употребляются на открытіе въ Казанскомъ университетѣ новыхъ стипендій имени тайнаго совѣтника Петра Дмитриевича Шестакова, если полученный выигрышъ даетъ къ тому возможность; въ противномъ случаѣ, на полученный выигрышъ покупаются процентныя бумаги, которыя и остаются неприкосновенными до тѣхъ поръ, пока чрезъ присоединеніе къ нимъ процентовъ составитя достаточная сумма для открытія новой стипендіи.

3) Стипендіей пользуются недостаточные студенты изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ Казанскаго учебнаго округа и Нижегородскомъ институтѣ. Дѣти учителей и служащихъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ должны имѣть преимущество предъ другими.

4) Въ полученіи стипендіи гимназій соблюдаютъ очередь и выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту той гимназій, за которую будетъ очередь. Очередь соблюдается въ слѣдующемъ порядкѣ: Пермская, Астраханская, Вятская, Екатеринбургская, Императорская 1-я Казанская, 2-я Казанская, Нижегородская, Нижегородскій Александровскій институтъ, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Уральская войсковая и Уфимская.

5) Студенты, пользующіеся этой стипендіей, именуются „стипен-

діатами тайнаго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова", которому принадлежитъ право утвержденія стипендіи, а по смерти его совѣту Императорскаго Казанскаго университета.

6) Право пользованія стипендіей предоставляется студентамъ всѣхъ факультетовъ. Избранные студенты пользуются стипендіей въ продолженіи всего университетскаго курса, если будутъ достойны этого по успѣхамъ и поведенію.

7) Стипендіаты, по окончаніи курса, не стѣсняются никакими обязательствами.

Примѣчаніе къ § 1. Основной капиталъ можетъ быть увеличиваемъ чрезъ присоединеніе къ нему могущихъ образоваться отъ незамѣщенія стипендіи остатковъ съ соотвѣственнымъ увеличеніемъ размѣра стипендіи.

10. (4-го іюня 1882 г.). Положеніе о двухъ стипендіяхъ Имени въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра II-го, въ память исполнившагося, 19-го февраля 1880 года, 25-ти лѣтія царствованія Его Императорскаго Величества.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На счетъ процентовъ съ капитала въ 4000 руб., пожертвованнаго крестьянами-собственниками 1-го мирового участка Липовецкаго уѣзда, Кіевской губ., и состоящаго въ облигаціяхъ втораго восточнаго займа, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 15-й день декабря 1880 г., учреждаются двѣ стипендіи имени въ Возѣ почившаго Государя Императора Александра II-го, въ память исполнившагося, 19-го февраля 1880 г., 25-лѣтія царствованія Его Императорскаго Величества, для воспитанія двухъ бѣднѣйшихъ крестьянскихъ мальчиковъ, сперва въ народныхъ училищахъ Липовецкаго уѣзда, а затѣмъ одного въ учительской семинаріи а другаго въ ремесленномъ училищѣ.

2) На содержаніе стипендіатовъ, со времени поступленія и до окончанія курса въ народныхъ училищахъ, а потомъ въ учительской семинаріи и въ ремесленномъ училищѣ, выдается каждому по сто руб. въ годъ изъ процентовъ съ означеннаго капитала, который остается неприкосновеннымъ и хранится въ подлежащемъ казначействѣ, въ вѣдѣніи попечителя Кіевскаго учебнаго округа.

3) Стипендіи выдаются по полугодіямъ на руки родителямъ или

опекунамъ стипендіатовъ, или же самимъ стипендіатамъ, по достиженіи ими 17-ти лѣтняго возраста.

4) Выборъ стипендіатовъ изъ крестьянскихъ дѣтей тѣхъ волостей и обществъ, которыя приняли участіе въ пожертвованіи капитала, предоставляется волостнымъ правленіямъ по очереди.

5) Могущіе образоваться по какому либо случаю остатки отъ процентовъ обращаются въ запасный фондъ, для выдачи пособій стипендіатамъ по окончаніи курса въ учительской семинаріи и въ ремесленномъ училищѣ, по опредѣленіямъ педагогическихъ совѣтовъ названныхъ учебныхъ заведеній.

6) Своевременная замѣна облигацій, по выходѣ ихъ въ тиражъ и за прекращеніемъ срока дѣйствія ихъ, новыми % государственнымнми бумагами остается на попеченіи управленія Кіевскаго учебнаго округа, и

7) По окончаніи курса въ училищахъ и по выbytіи изъ нихъ, стипендіаты не подлежатъ никакимъ обязательствамъ.

11. (9-го іюня 1882 года). Правила для стипендій имени потомственного почетнаго гражданина Ивана Васильевича Александрова, учрежденныхъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ учреждаются изъ процентовъ съ пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Иваномъ Васильевичемъ Александровымъ капитала въ 8,000 рублей, заключающагося въ восьми облигаціяхъ третьяго восточнаго займа, двѣ равныя стипендіи, съ присвоеніемъ онымъ имени жертвователя.

§ 2. Одна изъ сихъ стипендій назначается, согласно волѣ жертвователя, для недостаточныхъ студентовъ православнаго вѣроисповѣданія медицинскаго факультета, а другая для недостаточныхъ студентовъ того же вѣроисповѣданія физико-математическаго факультета разряда естественныхъ наукъ.

§ 3. Назначаютъ на эти стипендіи и смѣщаютъ съ оныхъ, съ утвержденія совѣта Казанскаго университета, названные факультеты сего университетета, руководствуясь правилами, постановленными относительно стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія.

§ 4. Пользованіе стипендіею потомственного почетнаго гражда-

вина И. В. Александрова не влечетъ за собою какой либо обязательной службы для получающихъ оныя студентовъ, по выходѣ ихъ изъ университета, или по смѣщеніи ихъ съ стипендій.

§ 5. Выдача стипендій удостоеннымъ ихъ студентамъ производится со дня факультетскаго опредѣленія объ удостоеніи, и прекращается со дня опредѣленія совѣта объ окончаніи курса стипендіатами, или о смѣщеніи ихъ съ стипендій.

§ 6. Если въ теченіи какаго либо времени какая либо изъ выше-названныхъ стипендій ни кѣмъ не будетъ занята, то имѣющія, вслѣдствіе того, остаться свободными деньги должны присоединяться къ основному стипендіальному капиталу, въ равныхъ частяхъ на каждую изъ двухъ стипендій для увеличенія ихъ.

12. (8-го іюня 1882 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ поступленія на высшіе женскіе курсы воспитанницъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

Циркуляромъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, отъ 10 ноября минувшаго года за № 13,113, было подтверждено, чтобы на высшіе женскіе курсы, согласно установленнымъ министерствомъ правиламъ, были принимаемы только окончившія полный восьмилетній курсъ женскихъ гимназій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, и чтобы къ выдержанію экзамена по курсу VIII класса въ постороннихъ гимназіяхъ допускались воспитанницы лишь такихъ женскихъ гимназій, въ которыхъ восьмые классы не открыты.

Нынѣ, усматривая изъ поступившихъ въ министерство по сему предмету представленій нѣкоторыхъ изъ окружныхъ начальствъ, что ученицы VIII класса, имѣющаго исключительно педагогическій характеръ, въ продолженіи цѣлаго года преимущественно посвящаютъ себя изученію практическихъ способовъ преподаванія и въ этихъ видахъ даютъ въ присутствіи прочихъ ученицъ этого класса пробные уроки, которые затѣмъ подвергаются подробному обсужденію со стороны ученицъ, преподавателей и начальствующихъ лицъ, а также занимаются разборомъ наиболѣе употребительныхъ учебниковъ,—я нахожу, что не проходя, въ теченіи установленнаго для сего времени, курса VIII класса подъ руководствомъ наставниковъ, едва-ли возможно внѣ гимназій приобрѣсти соответственныя познанія; равнымъ образомъ крайне затруднительно посредствомъ испытанія удостовѣриться,

въ какой мѣрѣ испытывающаяся приобрѣла необходимыя практическія свѣдѣнія. Такимъ образомъ испытаніе по курсу VIII класса женскихъ гимназій въ постороннихъ гимназіяхъ является совершенно нецѣлесообразнымъ.

Въ виду сего и принимая во вниманіе, что число женскихъ гимназій, не имѣющихъ восьмага класса, весьма незначительно, я признаю необходимымъ, чтобы на будущее время правомъ поступленія на высшіе женскіе курсы пользовались лишь воспитанницы, въ дѣйствительности прошедшія съ успѣхомъ всѣ восемь классовъ женскихъ гимназій министерства.

О вышеизложенномъ имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство заблаговременно поставить въ извѣстность подлежащія женскія заведенія ввѣреннаго вамъ учебнаго округа.

V. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

8-го мая 1882 года (№ 5). Утверждаются: доцентъ Императорскаго Новороссійскаго университета, докторъ греческой словесности Воеводскій—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ греческой словесности, съ 4-го февраля 1882 года.

Коллежскій секретарь Ралли—почетнымъ попечителемъ Байрамчской учительской семинаріи, на три года, съ 7-го апрѣля 1882 года.

Оставляются на службѣ на три года: Директоръ Рижской Александровской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гамбурцовъ, съ 19-го февраля 1882 года.

На пять лѣтъ: директоръ народныхъ училищъ Екатеринбургской губерніи Малевинскій, съ 15-го октября 1881 года.

Ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Леваковскій, съ 24-го января 1882 года.

Командируются съ ученою цѣлю: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Шмальгаузенъ—въ С.-Петербургъ, на одинъ мѣсяць, и экстраординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института, коллежскій совѣтникъ Блюмбергъ—въ сѣверныя губерніи Россіи, на три мѣсяца и двѣнадцать дней.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи, на двадцать дней:

причисленный въ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Толмачевъ, въ Нижегородскую и Ярославскую губерніи.

На два мѣсяца: исправляющій должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія Таскинъ, въ разныя губерніи, и помощникъ журналиста того же департамента, коллежскій регистраторъ Дьяковъ, съ 15-го мая 1882 года, въ г. Старую-Русу; оба по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года: директоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, тайный совѣтникъ Лавровскій, директоры гимназій: Каменецъ-Подольской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Должиковъ, Московской четвертой—статскій совѣтникъ Новоселовъ, Черниговской—статскій совѣтникъ Порскаловъ, Елатомской—Яблонскій и Ломжинской мужской—статскій совѣтникъ Клостерманъ, всѣ шестеро въ разныя губерніи, директоры прогимназій: Глуховской—статскій совѣтникъ Лазаренко, въ Крымъ и на Кавказъ, и Царицынской Александровской—Третьяковъ, въ разныя губерніи, директоры реальныхъ училищъ: Воронежскаго—статскій совѣтникъ Вяхиревъ, въ разныя губерніи, Динабургскаго—статскій совѣтникъ Князевъ, въ Витебскую, Курляндскую и Лифляндскую губерніи, Урюпинскаго—Ренчицкій, въ Москву, С.-Петербургъ и въ Крымъ, и при Реформатской церкви въ Москвѣ—Алякритскій—на Кавказъ. Изъ нихъ по болѣзни: Лавровскій, Порскаловъ, Лазаренко, Третьяковъ, Князевъ и Алякритскій.

б) За границу, на полтора мѣсяца: преподаватели: Оренбургской гимназій Орловъ и Динабургскаго реального училища Пежо и Булле; первый по болѣзни.

На одинъ мѣсяцъ и восемнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Паульсонъ.

На одинъ мѣсяцъ и девятнадцать дней: учитель Большефонтанскаго училища Гламбоцкій, по болѣзни.

На два мѣсяца: ректоръ императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Ярошенко, съ 15-го іюня 1882 г., по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г.: ординарные профессора императорскихъ университетовъ: Св. Владиміра—Кистяковскій, Харьковскаго—Гаттенбергеръ и Оболенскій, Дерптскаго—статскій совѣтникъ Стида, ординарный профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Миллеръ, доцентъ университета Св. Владиміра—Рустицкій, прозек-

торъ анатомическаго института Дерптскаго университета, надворный совѣтникъ Вичемскій, лекторъ Харьковскаго университета фонъ-Труартъ, учитель Нижегородскаго Александровскаго института Поповъ, завѣдывающій гимназіею императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Нейлисовъ, директоръ нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра въ С.-Петербургѣ Фризендорфъ, инспекторъ Митавской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Данненбергъ, преподаватели: гимназій С.-Петербургскихъ: первой—статскій совѣтникъ Калье, второй—статскій совѣтникъ Де-ля-Дроатьеръ, третьей—коллежскій совѣтникъ Вильдъ, пятой—статскій совѣтникъ Гашеронъ-де-ля-Фоссъ и Нигеръ, шестой—дѣйствительный статскій совѣтникъ Бастенъ и надворный совѣтникъ Кабеле, С.-Петербургскаго Аннинскаго училища: надворные совѣтники Бѣнигъ и Гикишъ, коллежскій ассесоръ Фаберъ и Фридрици, гимназій: Дерптской—коллежскій совѣтникъ Вейнеръ и Голанъ, Рижской городской—коллежскій ассесоръ Варцъ, Витебской—надворный совѣтникъ Антоненко, курской—Ницкій, Радомской мужской—Брузендорфъ и Свидвинскій, Кѣлецкой мужской—Вабнеръ, Матулевичъ, Кремеръ, Рыбарскій, Шперль, Потраковскій, Ломжинской мужской—Давидъ, Холмской—Кубіевичъ, Новочеркасской—Пинкава и Каменецъ-Подольской Давишекъ, врачъ Холмской мужской гимназіи—Висьневскій и исправляющій должность сверхштатнаго старшаго учителя Митавской гимназіи Рассфельдъ; преподаватели прогимназій: Александровской Борисоглѣбской—Хостинъ и Сандомірской мужской—Каунъ и Целиховскій; преподаватели реальныхъ училищъ: Варшавскаго—статскій совѣтникъ Налепинскій, коллежскій секретарь Сулимерскій, Бялевъ, Жолтовскій и сверхштатный Вроблевскій, Влоцлавскаго—Коссовскій, Матушевскій, Лишка, Каль, Хрупчаловскій, Кіевскаго—Андерсонъ, преподаватели Варшавской III женской гимназіи: Гляссъ, Кольбергъ и законоучитель лютеранскаго вѣроисповѣданія Фровейнъ, надзирательница Варшавской IV гимназіи Филицеусъ и классная дама сей гимназіи Плесцова, классныя дамы женскихъ гимназій: Калишской—Опицъ и Плоцкой—Рау, старшій учитель Рижскаго городского дѣвчьяго шестикласснаго училища, надворный совѣтникъ Глазенаппъ, штатный смотритель Заславскаго городского училища Жадановскій и надзирательница женскаго отдѣленія сего училища Жадановская, учитель Острожскаго городского приходскаго училища Акин-

фіевъ, учителя: Ярославскаго городского трехкласснаго училища Долговъ, Неславскаго общаго городского Берентъ, Калинскаго двухкласснаго городского еврейскаго мужскаго Пазіо, Московскаго городского мужскаго Галинскій, Обритскаго гминнаго, Пултускаго уѣзда, Шарадовскій, учительница Кѣлецкаго двухкласснаго женскаго Саранча и учитель верховой ѣзды Дерптскаго университета фонъ-Блокъ. Изъ нихъ по болѣзни: Данненбергъ, Вейнеръ, Барцъ, Брузендорфъ, Свидвинскій, Вабнеръ, Матулевичъ, Кремеръ, Рыбарскій, Шперль, Потриковскій, Давидъ, Кубіевичъ, Висьневскій, Хостникъ, Налепинскій, Сулимерскій, Вялекъ, Жолтовскій, Вроблевскій, Коссовскій, Матушевскій, Лишка, Каль, Хруччаловскій, Глясъ, Кольбергъ, Фровейнъ, Филипеусъ, Плещова, Опницъ, Рау, Пазіо, Галинскій, Шарадовскій и Саранча.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г. и четырнадцать дней: Преподаватель С.-Петербургскаго втораго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Кизерицкій.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г. и двадцать одинъ день: директоръ Рижскаго городского реальнаго училища, надворный совѣтникъ Бергъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г. и двадцать восемь дней: ординарный профессоръ императорскаго Харьковскаго университета Потехня, директоръ Новочеркасскаго гимназіи, статскій совѣтникъ Хорошевскій, преподаватель С.-Петербургской шестой гимназіи, статскій совѣтникъ Клеманъ, штатный смотритель Рижскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ Кребсъ и управляющій Варшавскимъ рисовальнымъ классомъ, въ званіи камергера Ляхницкій. Изъ нихъ по болѣзни: Потехня, Хорошевскій, Кребсъ и Ляхницкій.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: Попечителю втораго Шестаковскаго начальнаго народнаго училища, Павловскаго уѣзда, Воронежской губерніи, Рису—за полезную для училища его дѣятельность.

Исключается изъ списковъ умершій: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Станкевичъ.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книги „Русскій языкъ“. Опытъ практическаго учебника русской грамматики. „Этимологія въ образцахъ“. Составилъ Конст. Ѳеодор. Петровъ. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 50 коп., допустить въ среднія и низшія учебныя заведенія въ видѣ пособія.

— Книгу „Греческая грамматика гимназическаго курса“. Э Чернаго. Часть II. „Греческій синтаксисъ гимназическаго курса“, изложенный сравнительно съ русскимъ и латинскимъ. Изданіе 2-е, вновь переработанное и значительно дополненное. Москва 1882 г. Цѣна 1 р. 25 к.— рекомендовать какъ руководство по греческому языку въ старшихъ классахъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „Греческо-русскій словарь по Бензелеру“. Изданіе Кіевскаго Отдѣленія общества классической филологіи и педагогикки. Кіевъ. 1881 г. Цѣна 2 руб. 60 коп.— допустить къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу „О музыкальномъ образованіи народа въ Россіи и въ западной Европѣ, съ приложеніемъ статьи объ эстетическомъ образованіи нашего народа и біографическаго „Обзора русской музыкально-педагогической литературы и заграничной“. С. Миропольскаго. Изданіе 2-е, вновь переработанное. С.-Петербургъ. 1882. Цѣна 1 р. 50 к., — одобрить какъ пособіе при занятіяхъ пѣніемъ для учительскихъ институтовъ и семинарій, а равно для учительскихъ бібліотекъ городскихъ и народныхъ училищъ и рекомендовать въ бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, какъ необходимое пособіе при занятіяхъ пѣніемъ.

— Изданіе „Русскіе писатели въ классѣ“. Редакція Петра Вейнберга. Шесть выпусковъ: I. Кантемиръ „Сатиры“. С.-Петербургъ. 1881. Цѣна 20 к. II. Фонъ-Визинъ „Письма и чистосердечное признаніе“. С.-Петербургъ, 1881. Цѣна 20 к. III. Императрица Екатерина II „О время!“ и „Были и небылицы“. С.-Петербургъ, 1881. Цѣна 25 коп. IV. Карамзинъ „Письма русскаго путешественника“.

С.-Петербургъ, 1881. Цѣна 30 коп. V. Фонъ-Визинъ, „Недоросль“. С.-Петербургъ, 1881. Цѣна 20 к. VI. Державинъ, „Стихотворенія“. С.-Петербургъ, 1882. Цѣна 30 к., — одобрить какъ пособіе при обученіи русской словесности.

— „Стѣнные карты, изданныя картографическимъ заведеніемъ А. Ильина. 1) Физическая карта западной Европы; 2) Германія, Данія, Голландія и Бельгія; 3) Франція; 4) Италія и Швейцарія; 5) Австро-Венгерія; 6) Европейская Турція, Греція, Румынія, Сербія, Черногорія, Болгарія; 7) Европейская Россія (оро-гидрографическая) безъ надписей и съ надписями; 8) Европейская Россія, съ обозначеніемъ границъ, также въ двойномъ видѣ; 9) Карта азиатской Россіи, съ раздѣленіемъ на губерніи, — одобрить для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу „Исторія Еврейскаго народа отъ переселенія Евреевъ въ Вавилонъ до разрушенія втораго храма“. М. Немзера. Вильна, 1880, — допустить для употребленія, въ качествѣ учебнаго руководства, въ еврейскія училища и среднія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія.

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: книгу „Первоначальныя упражненія въ ариѳметикѣ“. Сочиненіе А. Лѣве въ двухъ книгахъ: а) Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и б) Руководство для учащихся. С.-Петербургъ, 1882. Цѣна Сборника 25 к. и Руководства—50 к.,—включить въ каталогъ книгъ, одобренныхъ для городскихъ и сельскихъ училищъ: Руководство для учащихся—въ учительскія библіотеки, а Сборникъ ариѳметическихъ задачъ—какъ учебное пособіе для учащихся.

— Составленную Е. К. книгу: „Грамматика для сельскихъ училищъ“. Москва, 1882 г. Ц. 12 к.,—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Изданную комитетомъ грамотности, состоящимъ при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ, книгу: „Сорочинская ярмарка“. Н. В. Гоголя. С.-Петербургъ, 1882 г. Ц. 10 к.,—одобрить для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Составленную А. Погоскимъ книгу: „Божеское правосудіе“, три разсказа. Изданіе 2-е. С.-Петербургъ, 1880 г. Ц. 20 к.,—одобрить для библиотекъ народныхъ училищъ.

— Издаваемый г-жею С. Кашпиревой журналъ: „Семейные Вечера“,—включить въ число изданій, допускаемыхъ въ библиотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Книгу: „Робинзонъ Крузе“. А. Анненской. Новая переработка тѣмъ Дефоз. Второе изданіе. С.-Петербургъ, 1882 г.,—допустить въ библиотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Стѣнную карту Европейской Россіи, изданную картографическимъ заведеніемъ Ильина, на 2-хъ листахъ, — допустить для употребленія въ народныхъ училищахъ.

— Книгу: „Материнская любовь“. Разсказъ для дѣтей, съ картиною. Сочиненіе В. Коровина. Москва, 1882 г., Ц. 10 к.,—допустить для библиотекъ городскихъ училищъ и народныхъ школъ.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія изволилъ признать возможнымъ книгу: „Великіе греческіе писатели“. Очеркъ классической литературы Грековъ въ біографіяхъ. Г. В. Штолле. Переводъ съ нѣмецкаго П. О. Морозова. Изданіе О. И. Бакста. С.-Петербургъ, 1880 г. Ц. 2 р.—рекомендовать для библиотекъ гимназій и реальныхъ училищъ,

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: увеличить плату за ученіе въ С.-Петербургской пятой гимназій, съ начала 1882—1883 учебнаго года, въ приготовительномъ классѣ до сорока руб. и въ нормальныхъ классахъ до шестидесяти руб. въ годъ съ cadaго ученика, и открыть, съ начала будущаго 1882—1883 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при IV классѣ Николаевской Александровской гимназій, взаимѣнъ 2-го параллельнаго отдѣленія при I-мъ классѣ названной гимназій.

ВЛІЯНІЕ КЕЛЬТИЧЕСКАГО И ГЕРМАНСКАГО ПРАВА НА СИСТЕМУ КАРЪ И ПОКАЯНІЙ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ.

Въ послѣднее время возникла на западѣ богатая литература, посвященная изслѣдованію тѣхъ явленій въ исторіи права, которыя носятъ названіе рецепцій права. Такъ, напримѣръ, въ цѣломъ рядѣ ученыхъ трудовъ изслѣдователи старались установить причины и опредѣлить характеръ и объемъ рецепціи римскаго права въ Германіи. Несомнѣнно, что, благодаря этимъ трудамъ, выяснено многое въ исторіи правообразованія на западѣ Европы, и устранено много невѣрныхъ и чисто формальныхъ воззрѣній на исторію рецепцій, но тѣмъ не менѣе полнаго пониманія существа рецепцій и законовъ, по которымъ онѣ совершаются, далеко еще не установилось въ наукѣ. Зависитъ это, по нашему мнѣнію, не отъ того, чтобы въ распоряженіи ученыхъ было недостаточно матеріала для выясненія вопроса— матеріаль этотъ съ избыткомъ находится во всѣхъ лучшихъ сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи рецепцій, — а потому что при изученіи рецепцій главное вниманіе изслѣдователей обращалось на то, какъ, какимъ путемъ совершалась рецепція, а не на то, въ чемъ она состояла. Другими словами, изслѣдователи старались выяснить себѣ главнымъ образомъ, при содѣйствіи какихъ соціальныхъ силъ и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ и условій времени и мѣста произошла рецепція, а не въ какомъ видѣ реципированы были институты чужаго права. А между тѣмъ, при обратномъ отношеніи къ дѣлу, существо рецепцій выяснилось бы, если можно такъ выразиться, почти само собою. Если при изученіи рецепцій обратитъ глав-

нымъ образомъ вниманіе на то, какую форму приняло реципированное право у усвоившаго его народа, то первое, что поражаетъ изслѣдователя—это то, что не только отдѣльные правовые институты подверглись значительнымъ видоизмѣненіямъ при рецепціи, но что весь характеръ реципированнаго права иногда рѣзко отличается отъ того, который оно имѣло первоначально. Подобное явленіе невольно наводитъ на мысль, что мы имѣемъ здѣсь дѣло, собственно говоря, не съ заимствованіемъ чужаго права, а съ образованіемъ новаго права при посредствѣ чужаго права. Это чужое право есть только одинъ изъ элементовъ сложенія новой формаціи права, другимъ элементомъ которой будутъ національныя юридическія воззрѣнія реципирующаго народа. Между этими двумя элементами при сложеніи новаго права всегда происходитъ борьба, которая бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣзче основной принципъ реципируемаго права отличается отъ основнаго принципа національнаго права заимствующаго народа ¹⁾. Который изъ двухъ элементовъ, находящихся другъ съ другомъ въ борьбѣ, сдѣлается преобладающимъ въ новой формаціи права—это зависитъ уже отъ обстоятельствъ и условій времени. Если національное право реципирующаго народа остановилось, такъ сказать, въ своемъ развитіи, а потому перестало удовлетворять новымъ потребностямъ общества, то перевѣсъ окажется несомнѣнно на сторонѣ чужаго права ²⁾. Если же національное право, напротивъ того, содержитъ въ себѣ бѣольшую жизненную силу, чѣмъ реципируемое чужое, то въ большинствѣ случаевъ отъ реципируемыхъ институтовъ останется только форма, внутреннее же содержаніе опредѣлится національными правовыми воззрѣніями. Наконецъ, если тотъ и другой элементъ проявятъ одинаковую почти устойчивость, то новая правовая формація получитъ вполне своеобразный характеръ, отличающійся, какъ отъ характера чужаго, такъ и отъ характера національнаго права.

Итакъ, то обстоятельство, что изслѣдователи обращали главнымъ образомъ вниманіе на ходъ рецепціи и внѣшнюю ея обстановку, а не на то, въ чемъ состояла рецепція, было препятствіемъ къ уста-

¹⁾ Воззрѣніе на рецепцію какъ на образованіе новаго права высказано, на сколько намъ извѣстно, только *Лоренцомъ Штейномъ* въ статьѣ «Zur europaischen Rechtsgeschichte» въ *Zeitschrift für d. privat- und oeffentliche Recht der Gegenwart*. Band I, pag. 722 — 737. Впрочемъ, Штейнъ не развиваетъ своего воззрѣнія.

²⁾ Такъ было при рецепціи римскаго права въ Германіи.

повлеченію въ наукѣ правильного воззрѣнія на рецепцію, какъ на процессъ образованія новаго права. Впрочемъ, только что сказанное относится главнымъ образомъ къ трудамъ, въ которыхъ излагается исторія рецепціи римскаго права. Ученые, занимавшіеся исторіей рецепціи церковнаго права, хотя и не выяснили окончательно значенія рецепціи въ указанномъ выше смыслѣ, тѣмъ не менѣе постоянно обращали вниманіе на то, какимъ видоизмѣненіямъ подлежало выработавшееся въ первые вѣка христіанства церковное право у новообращенныхъ германскихъ и кельтическихъ народовъ подъ вліяніемъ національныхъ юридическихъ воззрѣній этихъ племенъ. Это правильное отношеніе къ дѣлу объясняется отчасти и самимъ характеромъ источниковъ исторіи каноническаго права, непосредственно свидѣтельствующихъ о томъ, какъ церковь на западѣ принимала во вниманіе правовыя воззрѣнія племенъ, обращаемихъ ею въ христіанство, и старалась приспособить къ этимъ воззрѣніямъ свое право ¹⁾. Иногда уступки, дѣлавшіяся церковью національнымъ юридическимъ воззрѣніямъ, имѣли только временной преходящій характеръ, и церковь, прочно утвердившись у новообращеннаго племени, спѣшила ихъ от-

¹⁾ Въ этомъ отношеніи замѣчательна переписка папы Григорія Великаго съ Сицилійскимъ епископомъ Феликсомъ, изъ которой явствуетъ, что у новообращенныхъ народовъ допускались браки въ такихъ степеняхъ родства, въ которыхы они положительно воспрещались общимъ каноническимъ правомъ церкви. Дѣлалось это съ тою цѣлію, чтобы строгимъ примѣненіемъ каноническихъ правоположеній не устрашить язычниковъ и не замедлить такимъ образомъ обращенія ихъ въ христіанство. Въ своемъ посланіи къ папѣ Григорію епископъ Феликсъ обращается къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: *Haec quidem meditates perlatum est sicut a quibusdam Roma venientibus vos Augustino consodali nostro, per venerabilem sanctitatem vestram postmo um episcopo Anglorum genti ordinato, et illuc directo atque Anglis scripsisse, quos olim ad fidem conversos per vos cognovimus, ut quarta progenie conjuncti non separentur. Quae consuetudo dudum in illis, aut in istis partibus, quando una vobiscum ab infantia nutritus atque edoctus fui, non erat, nec in ullis praedecessorum vestrorum decretis, aut reliquorum generaliter vel specialiter patrum institutis legi, aut hactenus ab ullis sapientibus esse concessum didici, sed semper usque septimum originis suae gradum hoc a sanctis antecessoribus vestris et ceteris sanctis patribus, tam in Nicaena Synodo, quam et in aliis sanctis consiliis congregatis, servari debere reperi... Et quoniam non modicum murmur super hac re nobis um versatur, quid respondere fratribus et coepiscopis nostris debeamus a vobis quasi a caute responsum quaerimus. Григорій отвѣчаетъ, что это дозволено имъ новообращенному Англійскому племени не a bono quod cooperat metuendo austeriore recederet (Сравни. *Mansi Conciliorum nova et amplissima collectio. Tomus X. Florentiae. 1764, pag. 424—426*).*

мѣнить; иногда же, напротивъ того, разъ сдѣлавъ извѣстную уступку, церковь принуждена была дѣлать все новыя и новыя уступки, такъ что институты церковнаго права принимали у новообращеннаго племени совершенно своеобразный характеръ, рѣзко отличающійся отъ того, который они имѣли въ первоначальной церкви. Другими словами, при подобныхъ обстоятельствахъ возникало новое церковное право, сильно проникнутое національнымъ элементомъ.

Для желающихъ выяснитъ себѣ существо реценцій и законы, по которымъ онѣ совершаются, въ высшей степени интересно прослѣдить въ исторіи отдѣльныхъ церковныхъ институтовъ это постепенное проникновеніе національныхъ кельтическихъ и германскихъ началъ въ право католической церкви, вслѣдствіе котораго не только внѣшній обликъ, но и внутреннее содержаніе церковныхъ институтовъ измѣнилось кореннымъ образомъ, то-есть, возникла новая формація права.

Подобное изслѣдованіе мы намѣрены предпринять въ настоящемъ очеркѣ по отношенію къ исторіи системы каръ и покаяній западной церкви. Съ этою цѣлю необходимо выяснитъ сперва основы системы каръ и покаяній церкви въ первые пять вѣковъ христіанскаго лѣтосчисленія, а затѣмъ опредѣлитъ, какимъ видоизмѣненіямъ подверглись эти основы у различныхъ кельтическихъ и германскихъ племенъ, принявшихъ христіанство.

II.

Если мы сравнимъ систему каръ и покаяній первоначальной христіанской церкви съ системою каръ и покаяній западной церкви въ первыя времена послѣ принятія германскими и кельтическими народами христіанской религіи, то на первыхъ порахъ мы будемъ поражены невольно бросающимся въ глаза различіемъ въ основахъ этихъ двухъ системъ. Между тѣмъ какъ въ первоначальной христіанской церкви главною реакціей противъ грѣха и церковныхъ преступленій¹⁾ является покаяніе, долженствующее побудить согрѣшающаго

¹⁾ Хотя, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ *Н. С. Суворовъ* («О церковныхъ наказаніяхъ». С.-Петербургъ, 1876, стр. 4), и въ области церковнаго правовѣднія необходимо отличать 'право отъ морали, а слѣдовательно, грѣхъ отъ церковнаго преступленія, но подобное различіе не проводится строго въ источникахъ церковнаго права первыхъ временъ христіанства, то-есть, его мы не находимъ ни въ Евангеліи, ни въ Посланіяхъ апостольскихъ. Вотъ почему мы не выдѣляемъ, что касается перваго вѣка, понятія преступленія изъ понятія грѣха и понятія кары изъ понятія покаянія.

человѣка къ сознанию грѣховности своего дѣянiя и къ обращенiю съ вѣрою къ Божественной благодати, чтобы ея дѣйствiемъ укрѣпить волю для дальнѣйшей борьбы съ грѣховнымъ началомъ,—въ церкви западной реакція противъ грѣха принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ наказанiя, такъ какъ грѣхъ погашается не внутреннимъ перерожденiемъ согрѣшившаго, а подчиненiемъ его тѣмъ лишенiямъ и взысканiямъ, которыя налагаются на него церковною властью. Изъ только что сказаннаго, впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ заключать, чтобы въ исторiи первоначальной церкви не встрѣчалось примѣровъ носящей на себѣ несомнѣнный характеръ наказанiя реакціи противъ грѣха, и чтобы въ первыя времена христіанства не проявлялись тенденціи придать покаянiю болѣе внѣшнее значеніе. Напротивъ того, несомнѣнно, что были случаи, въ которыхъ реакція противъ грѣха проявлялась въ формѣ наказанiя, и что при покаянiи обращалось вниманіе не только на внутреннюю, но и на внѣшнюю сторону. Равнымъ образомъ невѣрно было бы предположить, что въ церковномъ правѣ германскихъ и кельтическихъ народовъ утерялось совершенно первоначальное значеніе покаянiя. Такихъ выводовъ и предположенiй мы и не дѣлаемъ. Мы указываемъ только на преобладающій тонъ въ той и другой системѣ каръ и покаянiй и на то, что тѣ элементы, которые имѣли въ покаянной системѣ первоначальной церкви второстепенное значеніе, сдѣлались впоследствии на западѣ преобладающими. Объясняется же это, какъ увидимъ ниже, тѣмъ, что при созданiи новой формациі церковнаго права изъ заимствованныхъ изъ старой формациі элементовъ получили дальнѣйшее развитіе главнымъ образомъ тѣ, которые наиболѣе соответствовали началамъ, легшимъ въ основу карательной системы свѣтскаго права Кельтовъ и Германцевъ. Въ виду этого мы постараемся въ предлагаемомъ очеркѣ системы каръ и покаянiй первоначальной церкви выяснить значеніе не только преобладающихъ, но и второстепенныхъ элементовъ этой системы.

По ученiю Господа нашего Иисуса Христа и его апостоловъ, покаянiе есть путь къ спасенiю, непремѣнное условіе участiя въ царствiи Божіемъ, каковымъ является церковь. „Оттолѣ“, говоритъ евангелистъ,—начать Иисусъ проповѣдати и глаголати: Покайтесь, приблизесь бо царствіе небесное“¹⁾. Такимъ образомъ проповѣдь Христа открывается воззванiемъ къ покаянiю. Покаянiе же состоитъ въ полномъ скорби по Богѣ сознаниіи своей грѣховности, въ твердомъ намѣренiи

¹⁾ Матѣ. 4, 17; Марка 1, 14, 15.

исправиться, въ обращеніи съ вѣрою ко Іисусу Христу о поддержаніи этого намѣренія дѣйствіемъ божественной благодати и въ стараніи укрѣпить это намѣреніе въ самомъ себѣ ¹⁾). Мытарь пошелъ оправданъ въ домъ свой, потому что онъ созналъ всю великость своихъ прегрѣшеній и со скорбію и смиреніемъ обратился къ Господу. Покаяніе необходимо, какъ для лицъ, желающихъ вступить въ церковь, такъ и для прегрѣшающихъ членовъ церкви, подпавшихъ посредствомъ совершеннаго ими грѣховнаго дѣянія власти діавола и содѣлавшихся такимъ образомъ недостойными принадлежать къ церкви. Первые, то-есть, желающіе вступить въ церковь, нуждаются въ покаяніи, чтобы посредствомъ одного приготовиться къ крещенію, этому освобожденію отъ грѣха первороднаго, подъ господствомъ котораго стоятъ всѣ люди, не принадлежащіе къ союзу церкви. Вторые, то-есть, согрѣшающіе члены церкви, приносятъ покаяніе, чтобы посредствомъ одного восторжествовать надъ грѣхомъ и снова сдѣлаться достойными общенія съ церковью. Такимъ образомъ покаяніе есть средство борьбы съ грѣховнымъ началомъ, общее какъ лицамъ, желающимъ вступить въ церковь и освободиться отъ первороднаго грѣха, такъ и прегрѣшающимъ членамъ церкви. Вотъ почему, какъ увидимъ ниже, церковь въ послѣдствіи стала примѣнять правила, установленныя первоначально относительно покаянія приготовляющагося вступить въ церковь, къ покаянію прегрѣшающихъ членовъ церкви.

Сужденіе о томъ, на сколько покаяніе укрѣпило волю и принесло желаемые плоды, Господь предоставилъ церкви, которой онъ далъ власть вязать и разрѣшать ²⁾). Церковь рѣшаетъ вопросъ: можетъ ли оглашенный вступить въ церковь, а равнымъ образомъ, можетъ ли прегрѣшившій членъ церкви быть снова принятъ въ церковное общеніе на основаніи принесеннаго имъ въ своихъ согрѣшеніяхъ покаянія. Прегрѣшившій принимается въ церковное общеніе самою же церковью, отлучившею его отъ этого общенія. Отлученіе же, въ свою очередь, состояло въ торжественномъ заявленіи, что въ согрѣшившемъ грѣховное начало на столько усилилось, что онъ не можетъ быть въ общеніи съ Богомъ и церковью, доколѣ покаяніемъ не докажетъ того, что возвратился на путь истины и поборолъ силу грѣха. Такимъ образомъ, отлученіе находится въ самой близкой связи съ покаяніемъ и является преимущественно способомъ побудить согрѣ-

¹⁾ Лук. 7, 37—50; 15, 11—24; 18, 13, 14.

²⁾ Матѣ. 18, 18; Іоанна 20, 23.

шившаго къ покаянію, а не наказаніемъ въ смыслѣ возмездія за содѣянное. Согрѣшившій отлучается отъ церкви не для того, чтобы посредствомъ подобнаго отлученія лишить его общенія съ церковью, а слѣдовательно, и съ Богомъ, въ возмездіе за содѣянный грѣхъ, а потому что онъ, подпавъ подъ господство грѣха, сдѣлался неспособнымъ къ подобному общенію²⁾. Правда, грѣшникъ предается, по выраженію апостола, сатанѣ, но онъ предается ему потому, что вслѣдствіе своихъ согрѣшеній не можетъ находиться въ общеніи съ Богомъ, доколѣ не побѣдитъ того, что апостолъ въ посланіи къ Римлянамъ (VII, 23) называетъ „грѣховнымъ закономъ, сущимъ въ удѣхъ“ человѣка. При принесеніи дѣйствительнаго покаянія, двери церкви разверзнутся для грѣшника. Онъ опять становится участникомъ благодатнаго царствія Божія, членомъ тѣла Христова, то-есть, церкви. О такомъ примиреніи грѣшника съ Богомъ и церковью постоянно заботится церковь. Это явствуетъ, какъ изъ притчей евангельскихъ о заблудшей овцѣ, потерянной драхмѣ и блудномъ сынѣ, такъ и изъ принятія въ общеніе съ церковью покаившагося блудника, о которомъ упоминаетъ св. апостолъ Павелъ въ своемъ второмъ посланіи къ Коринтянамъ (II, 7, 8). Равнымъ образомъ, и св. апостолъ Іоаннъ въ первомъ своемъ соборномъ посланіи повелѣваетъ молиться о согрѣшающемъ братѣ (1-е соборное посланіе св. апостола Іоанна, V, 16). Правда, въ Писаніи упоминается также о грѣхѣ къ смерти, который не простится человѣкамъ (Матѣ. XII, 31), и относительно котораго апостолъ Павелъ говоритъ въ посланіи къ Евреямъ (VI, 4—6): „Невозможно бо просвѣщенныхъ единою и вкусившихъ дара небеснаго, и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго, и добраго вкусившихъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка, и отпадшихъ, паки обновляти въ покаяніе, второе распинающихъ Сына Божія себѣ, и обличающихъ“. Но этотъ грѣхъ къ смерти, состоящій въ хулѣ на Духа Святаго, въ отрицаніи Христа бывшими членами церкви, бывшими участниками дарованной ей благодати, потому велъ въ первоначальной церкви къ отлученію навсегда, что въ содѣявшихъ оный не предполагалось возможности дѣйствительнаго покаянія и обращенія на путь истины. Грѣшившій къ смерти, отри-

²⁾ Что таково главное значеніе отлученія, явствуетъ изъ того мѣста Евангелія отъ Маттея (18, 15—17), въ которомъ устанавливается отлученіе. Сравн. также 2-е посланіе къ Фессалоникійцамъ 3, 6, 14; 2-е къ Тимоюею 3, 5; 2-е соборное Іоанна 9, 10, 11.

павшійся отъ Христа, отрицался отъ самаго источника благодати, прерывалъ связь съ Сыномъ Божиимъ, даровавшимъ своею крестною смертію возможность грѣховному человѣчеству освободиться изъ-подъ власти грѣха. Церковь отрицалась отъ него, потому что онъ самъ отрицался отъ Сына Божія, то-есть, другими словами; отъ самой церкви. Здѣсь опять мы имѣемъ дѣло не съ наказаніемъ въ смыслѣ свѣтскаго права, а съ торжественнымъ отрицаніемъ со стороны церкви такого отношенія, которое было нарушено самимъ прегрѣшившимъ. Это ясно выражено въ самихъ словахъ Господнихъ, переданныхъ намъ въ Евангеліи: „А иже отвержется мене предъ челоуѣки, отвергуся его и азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ“.

Слѣдовательно, ни покаяніе, ни отлученіе не могутъ быть названы наказаніями въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы обыкновенно употребляемъ этотъ терминъ, ибо покаяніе было только мѣрой исправленія, которой добровольно подчинялся, а не противъ воли подлежалъ прегрѣшившій, а отлученіе было только торжественнымъ отрицаніемъ со стороны церкви такой связи, которая была порвана самимъ прегрѣшившимъ, и объявленіемъ, что въ прегрѣшившемъ нѣтъ уже болѣе тѣхъ внутреннихъ условій, наличность которыхъ необходима для принадлежности къ церкви. Коль скоро эти условія снова съ достовѣрностью могли быть констатированы въ отлученномъ,— онъ воссоединялся съ церковью. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, по ученію церкви, дѣйствительный судъ и дѣйствительное наказаніе грѣшниковъ произойдутъ отъ грядущаго въ послѣдній день міра Сына Божія „судити живымъ и мертвымъ“¹⁾.

Относительно покаянія большинство изслѣдователей согласны, что оно не можетъ быть названо наказаніемъ въ точномъ смыслѣ этого слова²⁾; относительно же отлученія нѣкоторые изслѣдователи высказываютъ мнѣніе, что его слѣдуетъ признать наказаніемъ потому, что оно заключаетъ въ себѣ одинъ изъ характеристическихъ признаковъ наказанія, а именно лишеніе правъ. Здѣсь подразумѣваются тѣ права, которыми пользовался согрѣшившій какъ членъ церкви³⁾. Но различіе

¹⁾ Церковь исключала только прегрѣшившаго, судъ надъ нимъ предоставлялся Богу (1-е Коринѣ. XVI, 22).

²⁾ Ср. *Суворова*. О церковныхъ наказаніяхъ, 7; *Loening*, Geschichte des deutschen Kirchenrechts, I, 268.

³⁾ *Н. Суворовъ*, 22; *Loening*, I, 268. Впрочемъ, приравненіе отлученія наказаніемъ относится у Ланнига главнымъ образомъ къ позднѣйшему послѣ константиновскаго времени.

между отлученіемъ временъ апостольскихъ и наказаніемъ свѣтскаго права заключается въ томъ, что лишеніе правъ церковныхъ является только слѣдствіемъ того обстоятельства, что отлученный пересталъ быть членомъ церкви ¹⁾, между тѣмъ какъ при наказаніи свѣтскаго права лишеніе правъ рассматривается именно какъ эквивалентъ преступленія, назначаемый въ воздаяніе за преступленіе и для погашенія оногo. Наказаніе является соразмѣреннымъ съ преступленіемъ воздаяніемъ за сіе послѣднее и удовлетвореніемъ чувства общественной правды; отлученіе же во времена апостоловъ не представляетъ такой соразмѣрности съ содѣяннымъ грѣхомъ ²⁾, а равнымъ образомъ не рассматривается какъ удовлетвореніе чувства правды церковнаго общества, ибо сіе послѣднее примирялось съ согрѣшившимъ не потому, что онъ претерпѣлъ извѣстныя лишенія и страданія и этимъ искупилъ, такъ-сказать, свое грѣховное дѣяніе, а потому, что онъ внутренне переродился и сталъ способнымъ въ дѣйствительности снова вступить въ общеніе съ церковью. Другими словами, въ отлученіи временъ апостольскихъ мы не встрѣчаемся съ тѣмъ формальнымъ характеромъ, который преобладаетъ въ наказаніи свѣтскаго права. Это явствуетъ также и изъ того обстоятельства, что при наказаніи общество заботится о томъ, чтобы преступникъ отбылъ опредѣленное ему наказаніе, видя въ этомъ торжество правды и отрицаніе неправды, между тѣмъ какъ церковь временъ апостольскихъ съ самого момента отлученія заботится о томъ, чтобы грѣшникъ какъ можно скорѣе принесъ покаяніе и сдѣлался способнымъ къ воссоединенію съ церковью, памятуя, что Богъ не желаетъ смерти грѣшника, но по изрѣченію апостола Павла (1-е посланіе къ Тимоѳею, II, 4), „всѣмъ челоуѣкомъ хочетъ спастися, и въ разумъ истины принти“.

Не можетъ служить также доказательствомъ характера отлученія, какъ наказанія, и то обстоятельство, что при извѣстныхъ условіяхъ отлученіе влекло за собою нравственныя страданія для отлучен-

¹⁾ Можно признать общимъ правиломъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ членъ какого-нибудь общества подлежитъ исключенію изъ этого общества вслѣдствіе того, что онъ не соединяетъ уже болѣе въ себѣ всѣ условія, наличность которыхъ необходима для принадлежності къ данному обществу, сопряженное съ исключеніемъ лишеніе членскихъ правъ не можетъ быть названо наказаніемъ.

²⁾ Это явствуетъ уже изъ того, что во времена апостоловъ отлученіе опредѣлялось не на извѣстный срокъ, а неопредѣленно — до исправленія (сравни. 1-е посланіе къ Коринт., гл. V).

наго и сознавалось имъ, какъ страданіе. А именно, тотъ взглядъ, по которому причиненіе страданія считается главнымъ содержаніемъ наказанія, признается въ современной наукѣ уголовнаго права не выдерживающимъ критики ¹⁾.

Наконецъ, отлученіе временъ апостольскихъ и потому трудно признать наказаніемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употребляется свѣтскимъ правомъ, что посредствомъ его грѣхъ отнюдь не погашается. Прощается и погашается грѣхъ дѣйствіемъ Божественной благодати при дѣйствительномъ обращеніи къ самому источнику искупленія грѣховъ, то-есть, ко Христу, понесемому грѣхи міра.

Все, что только можно допустить на основаніи вышеизложеннаго, это то, что отлученіе можетъ быть названо мѣрой исправленія ²⁾, и то не прямою, а только косвенною, такъ какъ оно не непосредственно исправляло, а побуждало только къ покаянію и исправленію. Но хотя при наказаніи очень часто преслѣдуются исправительныя цѣли, тѣмъ не менѣе исправленіемъ преступника не исчерпывается ни значеніе, ни цѣль наказанія, а потому признаніе за отлученіемъ характера исправительной мѣры не влечетъ еще за собою признанія за нимъ и характера наказанія.

Итакъ, ни покаяніе, ни отлученіе апостольскихъ временъ не могутъ быть признаны наказаніями въ точномъ смыслѣ этого слова. Назывались же они таковыми вслѣдствіе недоразумѣній и невыясненія основнаго значенія наказанія, какъ состоящаго въ лишеніи правъ эквивалента преступленія, налагаемаго на преступника обществомъ въ воздаяніе за преступленіе и погашающаго преступленіе. Исслѣдователи, замѣчая въ отлученіи тотъ или иной признакъ наказанія, признавали отлученіе наказаніемъ, при чемъ ими упускалось изъ виду, что всякое понятіе, а слѣдовательно, и понятіе наказанія, опредѣляется не однимъ какимъ-нибудь признакомъ, а совокупностью всѣхъ признаковъ.

Подобное же воззрѣніе на значеніе покаянія и отлученія встрѣчаемъ у непосредственныхъ преемниковъ апостоловъ. Такъ, въ посланіи Климента Римскаго къ Коринѳянамъ читаемъ слѣдующее: „Обратимъ вниманіе на кровь Христа и познаемъ, сколь драгоценна для Бога эта кровь, которая, будучи пролита нашего ради спасенія, да-

¹⁾ Сравн., напримѣръ, *Heinze. Strafrechtstheorien und Strafrechtsprincip* въ *Holtzendorff's Handbuch des deutscher Strafrechts*, Band I, 321.

²⁾ Какъ то, напримѣръ, дѣлаетъ *Doellinger, Christenthum und Kirche*, 349.

рвала благодать покаянія всему міру. Со тцаніемъ разсмотримъ всѣ поколѣнія и убѣдимся, что отъ поколѣнія къ поколѣнію Господь давалъ возможность покаянія всѣмъ желающимъ къ нему обратиться... Желаю, чтобы всѣ избранные его сдѣлались участниками покаянія, онъ укрѣпилъ ихъ своею всемогущею волею". Далѣе, въ томъ же посланіи говорится: „И мы также помолимся за тѣхъ, которые впали въ какой нибудь грѣхъ, да дастся имъ воздержаніе и смиреніе, такъ чтобы они покорились не намъ, но волѣ Божіей" ¹⁾).

Въ предыдущемъ изложеніи указанъ былъ преобладающій характеръ покаянія и отлученія во времена апостольскія. Но этимъ мы вовсе не имѣли намѣренія утверждать, чтобы въ отлученіи и покаяніи не было элементовъ, способныхъ при дальнѣйшемъ развитіи сообщить этимъ институтамъ карательный характеръ, который и развился съ теченіемъ времени, хотя и не приобрѣлъ того преобладающаго значенія, съ которымъ мы встрѣчаемся впоследствии въ средніе вѣка.

Что касается отлученія, то вопросъ о томъ, когда отлученный грѣшникъ можетъ быть воссоединенъ съ церковью, разрѣшался первоначально не на основаніи какого-нибудь общаго правила о срокахъ отлученія, а самостоятельно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по тщательномъ соображеніи всѣхъ данныхъ, которыя могли быть представлены въ доказательство обращенія прегрѣшившаго на путь истины. Но, малу по малу для отдѣльныхъ грѣховъ начинаютъ устанавливаться извѣстные опредѣленные сроки отлученія. Правда, при установленіи этихъ сроковъ церковью руководствовалась преимущественно соображеніемъ, что степень торжества грѣховнаго начала надъ началомъ нравственнымъ не одинакова при различныхъ преступленіяхъ, такъ что и для исправленія прегрѣшившаго не всегда требуется одинаковый періодъ времени, — тѣмъ не менѣе самый фактъ опредѣленія сроковъ отлученія, соразмѣряемыхъ съ совершеннымъ прегрѣшеніемъ, облегчалъ переходъ отъ прежняго воззрѣнія на отлученія, какъ на дисциплинарно-исправительную мѣру, къ новому воззрѣнію на оное какъ на наказаніе ²⁾).

¹⁾ *Mansi*, I, 177, 211.

²⁾ Впрочемъ, вполне какъ наказаніе, отлученіе не рассматривалось никогда церковью. Даже впоследствии на западѣ церковью относить отлученіе не къ такъ-называемому *poenae vindicativae*, а къ такъ-называемому *poenae medicinalis* или *cenurae*.

Точно также и въ институтѣ покаянія мы встрѣчаемся съ элементами, которые при дальнѣйшемъ развитіи могли сообщить и въ дѣйствительности сообщили покаянію въ извѣстной степени характеръ наказанія. Мы подразумѣваемъ здѣсь дѣла покаянія, на разсмотрѣніи которыхъ и позволимъ себѣ остановиться нѣсколько долѣе.

Хотя при покаяніи обращалось главное вниманіе на внутреннее нравственное перерожденіе грѣшника, на его раскаяніе и обращеніе ко Христу, но въ то же время предполагалось, что происшедшая внутри человѣка переиѣна выразится и въ его вѣншей дѣятельности. Вотъ почему не упускались изъ виду тѣ благочестивыя упражненія, которыя обыкновенно называются дѣлами покаянія. Сюда относятся молитва, постъ и милостыня. Сами по себѣ, они не имѣютъ значенія и приобрѣтаютъ оное только въ связи съ внутреннимъ нравственнымъ настроеніемъ ¹⁾. Изъ показаній Евсевія и Климента Александрійскаго узнаемъ, что съ покаяніемъ еще во времени апостольскія соединялись молитва и постъ. А именно, совратившагося съ пути истины и сдѣлавшагося атаманомъ разбойниковъ юношу апостолъ Іоаннъ располагаетъ къ покаянію и примиренію съ церковью посредствомъ того, что молится и постится вмѣстѣ съ нимъ ²⁾. Равнымъ образомъ, въ апологіи христіанскаго ученія св. Юстинъ говоритъ, что въ его время покаяніе, предшествовавшее крещенію новообращенныхъ, соединялось съ постомъ и молитвою ³⁾.

Эти благочестивыя упражненія, которыя ожидалось отъ лицъ, приносящихъ покаяніе, рекомендовались, кромѣ того, какъ извѣстно, и всѣмъ остальнымъ христіанамъ и въ дѣйствительности практиковались ими. Что молитва, это общеніе съ Богомъ, считалась необходимою съ самаго основанія христіанской церкви, излишне, кажется, доказывать. Равнымъ образомъ несомнѣнно, что, слѣдуя примѣру

¹⁾ Что тотъ формализмъ, который преобладалъ въ ветхозавѣтномъ ученіи о добрыхъ дѣлахъ, и по которому человѣкъ оправдывался дѣлами закона, то-есть, добрыми дѣлами, даже безъ связи съ соответствующимъ внутреннимъ нравственнымъ настроеніемъ, былъ чуждъ ученію церкви временъ апостольскихъ, видно изъ посланія къ Римлянамъ апостола Павла (III, 28), гдѣ говорится: «Мыслимъ убо върою оправдатися человеку, безъ дѣлъ закона». Значитъ, только въ связи съ върою добрыя дѣла приобрѣтали значеніе.

²⁾ Eusebii Ecclesiasticae Historiae lib. III cap. XXIV; Clem. Alex. Tractatus «Quis dives salvabitur?», cap. XLII (на Климента Александрійскаго ссылается по *Darras. Histoire générale de l'Eglise*, VI, 509. прим. 2).

³⁾ *Darras. Histoire générale de l'Eglise*, VII, 167.

Божественнаго основателя христіанской религіи, апостолы и ихъ непосредственныя преемники считали постъ необходимымъ для всѣхъ христіанъ во укрощеніе плоти, повинующейся грѣховному закону, сущему во удѣхъ человѣка, и противящейся духу ¹⁾. Весьма вѣроятно, что очень рано, кромѣ добровольно предпринимаемыхъ, установлены были общеобязательныя посты ²⁾. Наконецъ, значеніе милостыни также несомнѣнно въ первоначальной церкви. Господь заповѣдалъ вѣрующимъ вообще любить другъ друга; въ особенности же эта заповѣдь любви относится къ бѣднымъ, помогать которымъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность христіанину ³⁾. Сознаніе этой первоклассной—если можно такъ выразиться—обязанности ясно высказалось въ памятникахъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Подаліе разсматривается здѣсь не только какъ актъ любви къ ближнему, но и какъ жертва Богу. Жертва эта чужда того формализма, который приданъ ей былъ впоследствии, въ средніе вѣка. Она должно быть добровольною и свидѣтельствовать въ дѣйствительности о чистосердечной любви къ Богу и къ ближнимъ ⁴⁾. Милостыня, наконецъ, приводится въ близкую, непосредственную связь съ постомъ. Время поста, по справедливому замѣчанію Бинтерима ⁵⁾, должно было быть золотымъ временемъ для бѣдныхъ. То, чего лишалъ себя богачъ, отдавалось бѣднымъ въ даръ, такъ какъ церковь объявляла постъ безъ милостыни бесполезнымъ. Даже простой милостыни было недостаточно, а необходимо было, по воззрѣнію церкви, чтобы богатый въ точности опредѣлилъ, сколько сохранялось вслѣдствіе поста изъ предположеннаго имъ къ ежедневному употребленію количества пищи, и полученную имъ такимъ образомъ экономію отдавалъ бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ ⁶⁾.

¹⁾ Ср. Посланіе къ Римлянамъ, XIII, 14, къ Галатамъ V, 17, 24.

²⁾ У *Бинтерима* въ его *Denkwürdigkeiten der Christkatholischen Kirche*. Mainz, 1829. Band V, Theil II, p. 5—6, сведены всѣ мѣста, указывающія на раннее существованіе общеобязательныхъ постовъ.

³⁾ Ср. *Мате.*, XXV, 34 и слѣд., гдѣ, по справедливому замѣчанію *Деллингера* (*Christenthum und Kirche*, 404), основаніемъ для оправданія или осужденія въ послѣдній день суда признается оказаніе или не оказаніе милостыни нуждающимся въ настоящей жизни.

⁴⁾ См. статью *Баумгартена* «*Armeupflege*» въ *Herzog's Realencyclopaedie für protestantische Theologie und Kirche*, I, 512—513.

⁵⁾ *Binterim*, 90.

⁶⁾ Въ такъ-называемомъ *Pastor Ермы* (*Lib. III, similit. V, 1—3*) читаемъ *Computata quantitate cibi, quem caeteris diebus comesturus es, sumptum diei illius*

Итакъ, молитва, постъ и милостыня считались необходимыми для всѣхъ вѣрующахъ вообще, но въ особенности молиться, поститься и подавать милостыню должны были лица, совершившія какой-нибудь грѣхъ и приносящія покаяніе. Этими благочестивыми упражненіями они должны были приготовить себя въ дальнѣйшей борьбѣ съ грѣховнымъ началомъ, противъ силы котораго такъ недавно еще оказалась вполне немощною ихъ воля.

Какія благочестивыя упражненія слѣдовало предпринимать грѣшникамъ, въ первыя времена христіанства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляла церковь посредствомъ своихъ представителей— епископовъ. Общихъ правилъ первоначально не существовало. Но мало по малу, силой обычая и въ область покаянія вносится извѣстная опредѣленность. Благочестивыя упражненія начинаюгъ, если можно такъ выразиться, соразмѣряться съ тѣмъ грѣхами, въ которыхъ приносится покаяніе. Отсюда до взгляда на благочестивыя покаянныя упражненія, какъ на взысканія, налагаемыя за грѣхъ и въ извѣстной степени служащія къ погашенію грѣха, всего одинъ шагъ. И въ дѣйствительности подобное воззрѣніе уже въ извѣстной степени замѣчается въ упомянутой нами выше апологіи христіанства, составленной св. Юстиномъ. Вотъ относящееся сюда мѣсто о новообращенныхъ: *precari et jejunantes priorum peccatorum veniam a Deo detere docentur, nobis una precantibus et jejunantibus* ¹⁾).

Только что сказаннымъ мы не намѣрены утверждать, что въ первоначальной церкви отлученіе и покаяніе мало по малу усвоили вполне характеръ наказаній. Мы указываемъ только на то, что уже въ разсматриваемое нами теперь время получили въ извѣстной степени развитіе тѣ элементы упомянутыхъ институтовъ, которые впоследствии въ западной церкви стали преобладающими, что въ свою очередь придавало отлученію и покаянію кельтическаго и германскаго церковнаго права характеръ главнымъ образомъ наказанія.

Усиленію карательнаго начала въ институтахъ покаянія и отлученія способствовало также и то обстоятельство, что церковное право христіанской церкви находилось въ близкой связи съ ветхозавѣтнымъ правомъ, а въ отлученіи и покаяніи сего послѣдняго встрѣ-

quem facturus eras, repones et dabis viduae, pupillo aut inopi. Si igitur sic consummaveris jejunium tuum... erit hostia accepta Domino et scribetur hoc jejunium tuum. Ср. также *Binterim*, 91.

¹⁾ Apologia, I, cap. 61.

чается много такихъ чертъ, которыя приближаютъ эти институты къ типу скорѣ наказаній, чѣмъ исправительныхъ мѣръ. Въ особенности ветхозавѣтное отлученіе являетъ всѣ признаки наказанія. Оно можетъ быть сравнено съ *sacratio carpitis* древне-римскаго права, такъ какъ отлученный объявлялся внѣ закона и подлежалъ смерти ¹⁾, а имущество его конфисковалось. Равнымъ образомъ и ветхозавѣтное покаяніе облечено, хотя и въ меньшей степени чѣмъ отлученіе, характеромъ наказанія. А именно, хотя въ Св. Писаніи ветхаго завѣта и не упускается никогда изъ виду внутренней моментъ покаянія ²⁾, тѣмъ не менѣе весьма важное значеніе придается и внѣшнему моменту, что въ дѣйствительномъ примѣненіи неоспоримо должно было сообщать покаянію характеръ кары, налагаемой въ воздаяніе за грѣхъ и погашающей въ извѣстной степени сей послѣдній.

Указавъ, такимъ образомъ, исходныя точки развитія системы каръ и покаяній церковнаго права, мы переходимъ къ болѣе подробному изслѣдованію самаго процесса этого развитія по памятникамъ первыхъ пяти вѣковъ христіанства.

Первый изъ древнихъ памятниковъ церковнаго права, въ которомъ подробно излагается первоначальная церковная дисциплина, это такъ-называемыя Апостольскія постановленія или заповѣди, окончательная редакція которыхъ, какъ опредѣлено новѣйшими изслѣдованіями, относится къ срединѣ III вѣка ³⁾, но отдѣльныя положенія которыхъ несомнѣнно возникли гораздо ранѣ ⁴⁾. Въ этихъ Апостольскихъ по-

¹⁾ Левит. 27, 29. Сравн. *Rütschi*. Wann bei den Hebräern въ *Herzog's* Encyclopaedie, I, 677, а въ русской литературѣ—*Н. Суворовъ*. О церковныхъ наказаніяхъ, 48.

²⁾ Ср. мѣста Св. Писанія ветхаго завѣта, которыя приводитъ *Ламе* въ статьѣ «*Busse*» въ *Herzog's* Encyclopaedie, II, 469.

³⁾ То-есть, окончательная редакція первыхъ шести книгъ. Книги седьмая и восьмая составляютъ, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, самостоятельные сборники и возникли въ началѣ IV вѣка. Относительно постановленій апостольскихъ сравн. *Richter*, *Lehrbuch des Kircherechts*. Achte Auflage bearbeitet von *Dore*, 43 и сл. и приведенныя тамъ сочиненія. Основы этихъ постановленій *Pressensé* (*La vie des Chrétiens au 2-me et 3-me siècles*, 2, note 1) относятъ къ первому вѣку.

⁴⁾ Несомнѣнно, что основа апостольскихъ правилъ искажена была еретиками, почему собраніе этихъ правилъ и отвергнуто церковью на Трулльскомъ соборѣ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы не могли пользоваться этимъ памятникомъ для изученія церковной дисциплины во второмъ и третьемъ вѣкахъ, ибо, вопервыхъ, искаженія сдѣланы такъ, что они легко могутъ быть замѣчены и отличены отъ первоначальнаго текста, какъ это, напримѣръ, сдѣлано

становленіяхъ преобладающій характеръ, какъ отлученія, такъ и покаянія, все тотъ же, съ которымъ мы познакомились выше, но въ то же самое время и тѣ второстепенные элементы, дальнѣйшее развитіе которыхъ сообщило въ послѣдствіи отлученію и покаянію характеръ наказаній, приобрѣтаютъ большее значеніе, чѣмъ въ первый вѣкъ христіанства.

Положеніе отлученныхъ, не принесшихъ покаянія, прямо сравнивается съ положеніемъ язычниковъ, а положеніе отлученныхъ, желающихъ покаяться,—съ положеніемъ такъ-называемыхъ оглашенныхъ. Согласно этому, и отношеніе вѣрующихъ къ отлученнымъ опредѣляется такъ, какъ опредѣляется ихъ отношеніе къ язычникамъ. Подобно тому, какъ язычники, желающіе войти въ церковь, входятъ въ нее при посредствѣ покаянія и крещенія, отлученные грѣшники, желающіе воссоединиться съ церковью, воссоединяются съ нею путемъ покаянія и разрѣшенія, даваемого самою церковью посредствомъ представителей ея, то-есть, епископовъ ¹⁾. Въ силу этихъ соображеній самый актъ разрѣшенія посредствомъ наложенія рукъ сравнивается съ крещеніемъ ²⁾. Значитъ, и въ постановленіяхъ апостольскихъ отлученіе имѣетъ главнымъ образомъ значеніе только торжественнаго заявленія, что содѣлавшій грѣхъ поставилъ, такъ-сказать, самъ себя внѣ общенія съ церковью, и что принятіе его въ лоно церкви возможно только тогда, когда онъ покаяніемъ докажетъ, что снова дѣйствительно обратился на путь истины. Карательный элементъ здѣсь очень слабо развитъ. Это видно и изъ того, что принесшій покаяніе грѣшникъ не принимается тотчасъ въ полное общеніе съ церковью только потому, что церковь считаетъ необходимымъ истеченіе извѣстнаго срока, чтобъ убѣдиться, что онъ дѣйствительно созналъ грѣховность своихъ дѣяній и дѣйствительно возимѣлъ твердое намѣреніе не грѣшить болѣе, а не потому, что онъ не отбылъ еще присужденнаго ему наказанія. Повсюду вмѣняется епископу въ обязанность, какъ только онъ имѣлъ случай убѣдиться въ дѣйствительности покаянія, воссоединять кающихся ³⁾; повсюду за отказъ

Бунзеномъ во второмъ томѣ его «*Analecta antenicena*», а въ которыхъ, эти искаженія относятся главнымъ образомъ къ догматической и обрядовой частямъ постановленій, а не къ тѣмъ отдѣламъ, которые трактуютъ о дисциплинѣ.

¹⁾ Въ подтвержденіе высказаннаго въ текстѣ мнѣнія могутъ быть указаны нѣкоторыя мѣста постановленій, а именно: Const. lib. II, сс. 38, 39, 41.

²⁾ Const. Liber II, cap. 41.

³⁾ Τοὺς μετανοούντας προσδέχου· ἕτι Κύριος ὁ Θεὸς μετὰ ἔρκου ἐπηγγέλατο

принять кающихся въ общеніе съ церковью, ему угрожается судомъ Божиимъ ¹⁾, такъ какъ не приѣмлющіе кающихся гнѣвять Бога ²⁾. Наконецъ, отлученіе не влекло за собою прекращенія всякаго общенія между отлученнымъ съ одной стороны и вѣрующими съ другой: прекращалось только общеніе церковное. Что общеніе въ прочихъ отношеніяхъ не только не воспрещалось, но даже одобрялось въ видахъ исправленія грѣшника, видно изъ слѣдующаго мѣста постановленій апостольскихъ (Lib. II, cap. 14): „Итакъ, принимай безъ сомнѣнія кающихся, и да не будутъ тебѣ въ этомъ помѣхой тѣ, которые безъ милости утверждаютъ, что не слѣдуетъ осквернять себя общеніемъ съ грѣшниками и бесѣдою съ ними. Таково мнѣніе не вѣдающихъ Бога и Божественнаго Промысла, судей, лишенныхъ разума, лютыхъ звѣрей: не понимаютъ убо, что слѣдуетъ избѣгать общенія съ грѣшниками въ ихъ злыхъ дѣлахъ, а не въ бесѣдахъ съ ними“. Да и въ дѣйствительности, какимъ образомъ стала бы церковь воспрещать вѣрующимъ общеніе съ грѣшниками во всѣхъ отношеніяхъ, когда она всѣмъ и каждому совѣтовала вразумлять и обращать прегрѣшающихъ, а епископомъ вмѣняла даже это въ особую обязанность ³⁾.

Но хотя такимъ образомъ карательный элементъ весьма слабо развитъ въ Апостольскихъ постановленіяхъ, онъ все-таки имѣетъ здѣсь гораздо большее значеніе, чѣмъ въ первый вѣкъ христіанства. А именно, хотя церковь и признаетъ, что ни одна изъ дисциплинарно-исправительныхъ мѣръ, примѣняемыхъ при покаяніи, не можетъ въ сущности быть признана даже относительно эквивалентомъ грѣховнаго дѣянія, и будучи примѣнена, погашать сіе послѣднее, хотя она, далѣе, прямо высказываетъ то мнѣніе, что, собственно говоря, грѣхи человѣческіе столь велики, что соразмѣрнаго наказанія, кромѣ вѣчнаго осужденія, нельзя въ сущности для нихъ найти ⁴⁾,—тѣмъ не менѣе она все-таки

ἀρεσκὴν παρασκευεῖν τοῖς μετανοοῦσιν ἐφ' ὅτις ἤμαρτον. Const. liber II, cap. 12. Сравни также Lib. II, cap. 14 и 15. Въ семь послѣднемъ мѣстѣ указывается на то, что самъ Господь черезъ пророка (Исаія XI, 1) взываетъ ко епископамъ «Παρακαλεῖτε, παρακαλεῖτε τὸν λαὸν μου, ἱερεῖς», а повтому они должны охотно соединять кающихся.

¹⁾ Const. lib. II, cap. 21. Ὁσαύτως καὶ ὁ μὴ προβεβημένος τοὺς μετανοοῦντας σκληρεῖν τὰ τοῦ χριστοῦ, κατ' αὐτοῦ γινόμενος.

²⁾ Lib. II, cap. 24.

³⁾ Lib. II, cap. 40.

⁴⁾ Сравни молитву въ главѣ 22 книги II Апост. постановленій. По смыслу часть сскхн, отд. 2.

стремится внести извѣстную соразмѣрность въ свою систему покаяній. „Также и мы должны“ — читается въ главѣ 16-й книги II-й Апостольскихъ постановленій — кающихся въ грѣхахъ отлучать на извѣстное, опредѣленное соразмѣрно съ содѣянными грѣхами время, а затѣмъ въ дѣйствительности раскаявшихся принимать въ общеніе, подобно тому, какъ дѣлаютъ это отцы съ сыновьями“. Это стремленіе соразмѣрить покаяніе съ степенью грѣховности того или другого провинившагося члена церкви еще опредѣленнѣе высказалось въ главѣ 4-й книги второй Апостольскихъ постановленій. „И ты“ — читаемъ здѣсь — „подобно соболѣзвующему медику, врачуй всѣхъ грѣшниковъ, прибѣгая для этого къ цѣлебнымъ и пригоднымъ для помощи средствамъ, и не только вырѣзывая и выжигая или примѣняя сухія и ѣдкія средства, но и перевязывая раны, покрывая ихъ мазью, налагая на нихъ мягчительныя лѣкарства, отъ которыхъ закрываются язвы, и все орошая словами утѣшенія. Далѣе, если рана зіяющая, то наполни ее благоуханнымъ пластыремъ, да сравняется она, исполнившись мяса, съ остальными неповрежденными частями. Если же въ ней накопились нечистоты, то очисти ее ѣдкимъ порошкомъ, то-есть, укоризненными словами, а если она вспухнетъ, то разотри ее разбивающею мазью, угрозой суда. Будетъ ли распространяться язва, прижги ее и вырѣжь гнилое, смиряя постомъ“. Здѣсь, противъ различныхъ прегрѣшеній рекомендуются исправительныя мѣры, отличныя одна отъ другой не только количественно, то-есть, относительно срока но и качественно. Наконецъ, въ случаѣ неудачи всѣхъ этихъ мѣръ, примѣняется высшая дисциплинарно-исправительная мѣра, отлученіе. „Если ты все это сдѣлаешь“ — читаемъ далѣе — „и убѣдишься, что ничего не поможетъ — ни наложеніе припарокъ и перевязокъ, ни смазываніе елеемъ съ головы до ногъ, но что язва расширяется и предупреждаетъ дѣйствіе врачебныхъ средствъ, подобно гангрени, въ тлѣніе обращающей всѣ члены тѣла, тогда, по зрѣломъ разсужденіи и послѣ совѣщанія съ приглашенными тобою другими добросовѣстными медиками, отрѣжь согнившій членъ, да не испортится все тѣло церкви“. Въ самомъ отлученіи апостольскія постановленія различаютъ нѣсколько степеней, при назначеніи которыхъ принималась во вниманіе важность содѣяннаго прегрѣшенія. А именно, отлученному, желавшему покаяться, назначался, соразмѣрно съ учиненнымъ имъ

этой молитвы, грѣхи погашаются не наказаніемъ, а дѣйствіемъ Божественной благодати.

грѣховнымъ дѣяніемъ (*κατὰ τὸ ἀμάρτημα*), извѣстный срокъ, въ теченіе котораго онъ смирялся постомъ и пребывалъ внѣ общенія съ церковью ¹⁾).

Установленіе подобной соразмѣрности, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи между грѣховнымъ дѣяніемъ и реакціей противъ онаго несомнѣнно должно было сообщить самимъ мѣбрахъ реакціи извѣстный карательный оттѣнокъ, приблизить ихъ къ типу наказаній. Вотъ почему, какъ отлученіе, такъ и покаяніе, представляютъ во второмъ и третьемъ вѣкѣ, то-есть, во времена составленія такъ-называемыхъ Апостольскихъ правилъ, гораздо болѣе признаковъ наказанія, нежели во времена апостольскія, чѣмъ, въ свою очередь, и объясняется то обстоятельство, что для обозначенія ихъ начинаютъ иногда употребляться термины, указывающіе на извѣстный карательный характеръ ²⁾).

Усиленіе карательнаго элемента въ мѣбрахъ реакціи противъ грѣховныхъ дѣлъ объясняется также совершившимся въ разсматриваемое время приведеніемъ въ непосредственную связь покаянной системы церкви съ ветхозавѣтною карательною и покаянною системою. Что подобная связь въ дѣйствительности была установлена между обѣими только что указанными системами явствуетъ изъ главы 48-й книги II Апостольскихъ постановленій, гдѣ, между прочимъ, предписывается епископамъ слѣдующее: „Однакожь, не произносите относительно различныхъ грѣховъ одинаковаго приговора, но относительно каждаго приличествующій оному, съ великою осторожностью разсуждая объ отдѣльныхъ грѣхахъ, малы ли они или велики. Итакъ, иначе судите о грѣхѣ дѣломъ, чѣмъ о грѣхѣ словомъ, еще иначе о грѣховномъ намѣреніи, о ругательствѣ или о подозрѣніи въ грѣхѣ. А именно, однихъ смиряйте простою угрозою, другихъ—милостынею бѣднымъ, третьихъ—постомъ, и наконецъ, четвертыхъ, въ виду важности преступленія, отлучайте отъ общенія съ вѣрными. Также и законъ ³⁾ не всѣ грѣхи обложилъ одинаковымъ наказаніемъ, но назначилъ инныя наказанія за преступленія противъ Бога, противъ жреца, противъ храма и противъ святилища, инныя—за преступленія противъ царя, противъ князя, противъ воина и противъ поддан-

¹⁾ Ср. главу 16-ю книги II-й Апостольскихъ постановленій. Срокъ отлученія равнялся, смотря по прегрѣшенію, отъ двухъ до семи недѣль.

²⁾ Такъ напримѣръ, въ главѣ 46-й книги второй читаемъ.... *ὁ οὐκ ἠγαπήσας τὸν πλησίον ἐπιτίμασθαι, ἀφορρίζεσθαι, δίχην τῆς μεταβολῆς τινυτοῦ.*

³⁾ Подъ словомъ «законъ» здѣсь подразумѣвается ветхозавѣтный законъ.

наго, противъ равнаго и противъ слуги, противъ имущества и противъ скота, еще иныя — за преступленія противъ родителей и родичей, за преступленія вольныя и невольныя, а именно—иныхъ законъ наказывалъ смертью, расплатіемъ или побіеніемъ камнями, иныхъ денежными наказаніями, побоями или причиненіемъ виновному того же, что онъ учинилъ потерпѣвшему“. Наконецъ, есть мѣста въ Апостольскихъ постановленіяхъ, гдѣ объ отдѣльныхъ покаянныхъ дѣйствіяхъ говорится прямо словами Св. Писанія ветхаго завѣта. Такъ, въ главѣ 35-й книги II-й встрѣчаемъ ссылку на изрѣченіе притчей Соломона (XV, 27): „Милостивыя и вѣроу очищаются грѣхи“. Само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ самому покаянному дѣйствію приписывался ветхозавѣтный характеръ искупительнаго дѣйствія, погашающаго грѣхъ, то-есть, въ известной степени характеръ покаянія.

Впрочемъ,—и на это мы позволимъ себѣ еще разъ обратить вниманіе читателя — все указанное выше придало только отлученію и покаянію нѣкоторыя черты, приближающія ихъ къ типу наказаній, но не видоизмѣнило кореннымъ образомъ ихъ характера, то-есть, не превратило ихъ въ дѣйствительныя наказанія, во всемъ подобныя наказаніямъ свѣтскаго права. По прежнему грѣхъ погашался не отбытіемъ срока отлученія или совершеніемъ известныхъ покаянныхъ дѣйствій, а дѣйствіемъ божественной благодати, участникомъ которой явлющійся становился только посредствомъ дѣйствительнаго раскаянія ¹⁾. Сіе послѣднее давало возможность прощенія самыхъ тяжкихъ грѣховъ. Это не разъ высказывается въ Апостольскихъ постановленіяхъ ²⁾, при чемъ въ доказательство правильности подобнаго воззрѣнія приводится примѣръ прощенія св. апостолу Петру его трое-

¹⁾ Епископъ долженъ былъ, въ случаѣ желанія отлученнаго быть принятымъ снова въ лоно церкви, прежде всего удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ раскаялся, и можетъ ли онъ вообще быть принятъ въ общеніе съ вѣрующими. Только убѣдившись въ дѣйствительности раскаянія, епископъ приступаетъ къ назначенію срока, по истеченіи котораго отлученный можетъ быть воссоединенъ съ церковью. Сравни. Const. Lib. II, cap. 16. Τότε σο κελεύσεις εἰσελθεῖν αὐτόν· καὶ ἀνακρίνας εἰ μετανοεῖ καὶ ἀξίος ἐστὶν εἰς ἐκκλησίαν ὅπως παραδεχθῆναι...

²⁾ Ср. Const. Lib. II, Cap, 22. Ἦκούσατε, τέχνα ποθητὰ ἡμῶν, ὅπως Κύριος ὁ Θεὸς τοῖς εἰδώλοις προσανασχόντα καὶ πολλοὺς ἀθώους φονεύσαντα, βραχείως τιμωρηζάμενος μεταγρόντα προσελάβετο, καὶ ἀφείλε αὐτῶ τὰ πηγμμελήματα ἐπεστρεψεν αὐτὸν ἐπὶ τὴν βασιλείαν· οὐ μόνον γὰρ ἀφίγει μετανοοῦσιν, ἀλλὰ καὶ εἰς τὴν προτέραν ἀξίαν αὐτοῦ ἐπαναγει.

кратнаго отрѣченія отъ Иисуса Христа. „И Петра“—читаемъ въ главѣ 24-й книги II-й, — „тремякратно изъ страха отрешагося отъ Него, но потомъ умилостивившаго его покаяніемъ и горькими слезами, принялъ Онъ снова въ свои объятія и учинилъ пастыремъ своихъ овецъ“.

Только что высказанному мнѣнію какъ бы противорѣчитъ глава 43-я книги II-й Апостольскихъ постановленій, согласно которой лицо, виновное во второй разъ въ ложномъ доносѣ на брата, окончательно, то-есть, навсегда, отлучается отъ церкви. Но противорѣчіе это только кажущееся: при болѣе близкомъ знакомствѣ съ указаннымъ мѣстомъ оно устраняется само собою. Дѣло въ томъ, что учинившій ложный доносъ во второй разъ отлучается отъ церкви навсегда только потому, что онъ не можетъ представить церкви достаточныхъ гарантій дѣйствительности своего раскаянія. И въ самомъ дѣлѣ, какъ могла церковь довѣрять учинившему ложный доносъ во второй разъ, когда онъ цѣлымъ рядомъ дѣйствительныхъ поступковъ вполне доказалъ, что истинны въ немъ вѣтъ. Давъ впервые ложное показаніе, онъ былъ уже разъ по этому случаю отлученъ, затѣмъ ложно заявилъ, что кается въ своемъ прегрѣшеніи, и наконецъ, вновь ложно свидѣтельствовалъ на брата своего. Церковь, не будучи въ состояніи провѣрить искренность приносимаго имъ раскаянія, признавала невозможнымъ возобновить общеніе съ нимъ, тѣмъ болѣе, что отъ такихъ доносчиковъ въ церкви чинилась смута великая¹⁾.

Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и то обстоятельство, что только что приведенное положеніе Апостольскихъ постановленій объ отлученіи навсегда совершившаго ложный доносъ во второй разъ, по всей вѣроятности, не входило въ составъ первоначальнаго сборника и возникло во времена составленія послѣдней редакціи Апостольскихъ постановленій подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ на отлученіе и покаяніе, проявившихся въ церкви въ концѣ II и началѣ III столѣтій.

Таково ученіе объ отлученіи и покаяніи въ такъ-называемыхъ Апостольскихъ постановленіяхъ, сборникѣ церковнаго права, главныя положенія котораго возникли въ концѣ I и въ теченіе II столѣтій.

Въ концѣ II вѣка и въ III вѣкѣ мы встрѣчаемся съ болѣе строгимъ

¹⁾ Про ложнаго доносчика апостольскія постановленія въ указанномъ въ текстѣ мѣстѣ выражаются слѣдующимъ образомъ: *ὁς ἐν κηχεροτονημένους ὕλε τοῦ διαβόλου ἀποβαλλίζειν τὴν ἐκκλησίαν διὰ βλασφημιῶν καὶ πολλῆς ἀκαταστασίας καὶ ἱριδῆς καὶ διχοστασίας.*

отношеніемъ церкви къ прегрѣшеніямъ ея членовъ, что естественно должно было, еще болѣе усилить карательный элементъ въ мѣрахъ реакціи противъ грѣха.

Это болѣе строгое отношеніе выразилось прежде всего въ томъ, что церковь стала смотрѣть иначе на прегрѣшенія, совершенныя ея членами, чѣмъ на таковыя же, въ которыхъ провинились такъ-называемые оглашенные до принятія ими св. крещенія. Прегрѣшенія оглашенныхъ не могли быть вмѣнены имъ въ такой же степени въ вину, въ какой вмѣнялись вѣрнымъ совершенныя ими грѣховныя дѣла. Оглашенные не возродились еще духомъ, пребывали еще внѣ божественной благодати, а потому и не могли, даже при полномъ желаніи, вести вполне успѣшную борьбу съ грѣхомъ. Далѣе, не будучи членами церкви, они и не могли ни въ какомъ случаѣ подлежать ея дисциплинарной власти за нарушеніе ея правилъ и постановленій. Слѣдовательно, покаянію оглашенныхъ ни каковымъ образомъ не могъ быть приданъ карательный характеръ. И дѣйствительно, покаяніе оглашенныхъ продолжало разсматриваться и въ то время, о которомъ идетъ теперь рѣчь, точно также, какъ оно разсматривалось во времена апостольскія, то-есть, исключительно только какъ способъ укрѣпить въ кающемся намѣреніе отречься отъ царства діавола и обратиться къ Богу. Оглашеннымъ покаяніе не опредѣлялось церковью за отдѣльные грѣхи, а рекомендовалось только вообще въ виду ихъ прежней грѣховной жизни ¹⁾. Совсѣмъ иное—вѣрующіе. Они не могли оправдываться невѣдѣніемъ и беспомощностью, такъ какъ были просвѣщены свѣтомъ ученія Христа, и сдѣлавшись членами его церкви, стали участниками божественной благодати, съ помощью которой они, при желаніи съ ихъ стороны, могли бы воздержаться отъ грѣха ²⁾. Вотъ почему церковь признаетъ возможнымъ полное вмѣненіе имъ въ вину содѣянныхъ ими тяжелыхъ прегрѣшеній. Она считаетъ ихъ духовно умершими и снова принимаетъ въ общеніе съ собою только въ томъ случаѣ, когда они, по выраженію Оригена, какъ бы воскреснувъ изъ мертвыхъ, достаточно докажутъ происшедшее въ нихъ нравственное перерожденіе ³⁾. При этомъ отнавшимъ и

¹⁾ Ср. *Justi Henningi Boehmeri Dissertationes jura ecclesiasticae*. Lipsiae, 1711, p. 129 seqq.

²⁾ Tertullianus. De poenitentia, c. 5. Iam quidem nullum ignorantiae praetextum tibi patrocinstur, quod domino agnito, praeceptisque ejus admissis... rursus te in delicta restituis.

³⁾ Origines l. III adv. Cels., c. 51... ac rursus resipiscentes haud secus

отлученнымъ церковь назначаетъ гораздо болѣе продолжительный періодъ испытанія, чѣмъ оглашеннымъ. Впрочемъ, и послѣ подобнаго болѣе строгаго и болѣе продолжительнаго испытанія, отпавшіе и отлученные не восстанавливались въ полнотѣ церковныхъ правъ. Церковь лишала ихъ навсегда права занимать церковныя должности ¹⁾.

Подобное различіе прегрѣшеній оглашенныхъ отъ прегрѣшеній членовъ церкви, а слѣдовательно, и покаянія оглашенныхъ отъ покаянія содѣявшихъ грѣховныя дѣянія членовъ церкви ²⁾, возможно было только въ такое время, когда совершилась уже окончательная организація, какъ отдѣльныхъ церковныхъ обществъ, такъ и всей церкви въ ея совокупности. И дѣйствительно, рассматриваемое время было такимъ временемъ, когда отдѣльныя христіанскія общины окончательно организовались, а между ними установилась прочная связь ³⁾. Въ виду этого извѣстныя грѣховныя дѣянія, совершаемыя членами церкви, стали рассматриваться не только какъ нарушенія нравственнаго порядка, установленнаго Богомъ, но и какъ нарушенія внѣшняго правоваго, если можно такъ выразиться, порядка церкви. Поэтому и въ реакціи противъ этихъ нарушеній правоваго порядка церкви, или церковныхъ преступленій, получаетъ большее, сравнительно съ прежнимъ, значеніе внѣшній, формальный, карательный элементъ. Совершившій тяжкое грѣховное дѣяніе членъ церкви подвергается дисциплинарно-исправительнымъ мѣрамъ не только съ цѣлію побудить его къ раскаянію и примиренію съ Богомъ, но и съ цѣлію дать удовлетвореніе возмущенному чувству справедливости церковнаго общества, требующему извѣстнаго, соразмѣреннаго съ преступнымъ дѣяніемъ, воздаянія за оное ⁴⁾. Мало по малу и относительно Бога покаяніе стало рассматриваться, какъ удовлетвореніе, приносимое Богу за совершенный грѣхъ ⁵⁾.

quam redivivos recipiunt tandem, post largiorem melioris mentis approbationem, quam quum primum ad religionem discendam admitterentur. Ср. *Neander. Geschichte der christl. Religion*, 299; *Boehmeri Dissertationes* 111.

¹⁾ Origines l. c. Отпавшіе и отлученные воссоединяются только «ea conditio- ne, ut quoniam lapsi sunt; excludantur in posterum ab omnibus dignitatibus et magistratibus ecclesiasticis.

²⁾ Мы говоримъ о различіи по существу двухъ указанныхъ въ текетѣ видовъ покаянія, такъ какъ по формѣ они мало чѣмъ различались другъ отъ друга.

³⁾ Ср. *Hersog. Abriss der gesammten Kirchengeschichte*, I, 152—162.

⁴⁾ Ср. *Vinterim. Denkwürdigkeiten*, Band V, Theil II, 243.

⁵⁾ Тертуліанъ называетъ исповѣдь «satisfactionis consilium» и признаетъ,

Что при сужденіи о степени важности грѣховнаго дѣянія играло немаловажную роль соображеніе о томъ, на сколько этимъ дѣяніемъ нарушался внѣшній правовой порядокъ церкви, видно также и изъ дѣленія всѣхъ грѣховныхъ дѣяній на явныя и не явныя. Явныя производили смуту въ церкви и служили соблазномъ для остальныхъ членовъ церковнаго общества, представляя собою примѣръ открытаго неповиновенія правиламъ и постановленіямъ, на которыхъ покоилась вся организація церковнаго общества. Вотъ почему къ нимъ преимущественно стало примѣняться торжественное отлученіе и публичное покаяніе ¹⁾). Напротивъ того, грѣхи, тайно совершаемые, не нарушали внѣшняго церковнаго порядка и не имѣли своимъ послѣдствіемъ смуту въ церкви и соблазнъ для остальныхъ вѣрующихъ. Ими нарушалось преимущественно только нравственное единеніе прегрѣшающаго съ Богомъ, а потому отъ провинившихся тайно и не требовалось публичной исповѣди и публичнаго покаянія, а требовались только тайная исповѣдь и частное покаяніе ²⁾). Правда, тайно прегрѣшившій могъ самъ заявить о своемъ проступкѣ и такимъ образомъ придать своему тайному прегрѣшенію публичный характеръ ³⁾, но этого отъ него не требовалось, и церковь не производила ex officio слѣдствія о тайныхъ прегрѣшеніяхъ ⁴⁾).

Установленіе дѣленія грѣховныхъ дѣяній на явныя и не явныя видоизмѣнило, такимъ образомъ, и покаянную систему первоначальной церкви. Отлученіе и публичное покаяніе, примѣняясь церковно ex officio только къ явнымъ грѣхамъ, стали разсматриваться не только какъ способы побудить прегрѣшающаго къ исправленію, рас-

что «satisfactio confessione disponitur, confessione, poenitentia deus mitigatur» (*Binterim. Denkwürdigkeiten*, 244). Не безъ основанія думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, что у Тертуліана взглядъ на покаяніе какъ на «satisfactio», выработался вслѣдствіе его прежнихъ занятій юриспруденціей. Сравни въ этомъ отношеніи *Neander. Allg. Geschichte der christl. Religion*, I, 280, прим. 4.

¹⁾ Origines. Comment. in Matth., c. 89: Propter hoc enim et in ecclesiis consuetudo tenuit talia, ut qui manifesti sunt in magnis delictis, ejiciantur ab orationi communi . . .

²⁾ Origines. Hom. II in Levit., c. 4 Ср. также *Binterim. Denkwürdigkeiten*, 218.

³⁾ Origines. Hom. II c. 6 in Psalm. 37. Ср. *Loening. Geschichte des deutschen Kirchenrechts*, I, 258.

⁴⁾ Origines. Hom. 21 in Libr. Jesu nave, c. 1. Ubi enim peccatum non est evidens, ejicere de ecclesia neminem possumus, ne forte eradicantes zizania eradicemus simul cum ipsis etiam triticum.

каянію и примиренію съ Богомъ, но и какъ церковныя взысканія или наказанія. Въ отличіе же отъ отлученія и публичнаго покаянія частному покаянію присущъ былъ карательный характеръ въ весьма слабой степени: оно почти исключительно разсматривалось какъ средство, помогающее прегрѣшившему исправиться и примириться съ Богомъ ¹⁾.

Видоизмѣненію основъ покаянной системы первоначальной церкви способствовало равнымъ образомъ и дѣленіе грѣховныхъ дѣяній на болѣе и менѣе тяжкія, приобретающее въ разсматриваемое время все большее и большее значеніе.

Основанія подобнаго дѣленія находимъ уже у Ермы (Pastor, libr. III Simil. 8. 9). Онъ раздѣляетъ всѣ грѣхи на такіе, которые могутъ быть прощены, и на такіе, которые не допускаютъ прощенія. Къ послѣдней категоріи онъ относитъ хулу на Бога и отпаденіе отъ христіанства, въ томъ случаѣ, если эти грѣховныя дѣянія совершены добровольно, а не въ силу внѣшняго принужденія. Въ свою очередь грѣхи, допускающіе прощеніе, распадаются на тяжкіе и не тяжкіе (поп *gravia, levia, exiguitates*). Различіе между ними опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что тяжкіе грѣхи имѣютъ своимъ послѣдствіемъ нарушеніе непосредственной связи между Богомъ и человекомъ, а не тяжкіе грѣхи не влекутъ за собою такого послѣдствія ²⁾. Оригенъ также различаетъ тяжкія и не тяжкія грѣховныя дѣянія, при чемъ замѣчаетъ, что церковь не одинаково относится къ этимъ двумъ различнымъ по существу видамъ грѣховъ ³⁾. Но подробное ученіе о различіи между тяжкими и не тяжкими прегрѣшеніями мы находимъ впервые въ сочиненіи Тертуліана „*de pudicitia*“, написанномъ имъ тогда, когда онъ присоединился къ монтанизму ⁴⁾. Къ

¹⁾ Origines. Hom. II, cap. 6. in Psalm. 37. *Hi qui peccaverunt, si quidem occultant et retinent intra se peccatum, intrinsecus urgentur... Tantummodo circumspice diligentius, cui debeas confiteri peccatum tuum, proba prius medicum, cui debeas causam languoris exponere, qui sciat infirmari cum infirmante, flere cum flente, qui condolendi et compatiendi noverit disciplinam, ut ita demum, si quid ille dixerit, qui se prius eruditum medicum ostenderit et misericordem, si quid consilii dederit, facias et sequaris.* Принимающій исповѣдь и предлагающій видъ покаянія сравнивается здѣсь съ врачомъ, а не съ судьей.

²⁾ Franck. *Bussdisciplin*, 420.

³⁾ Origines Hom. 15 in Levit, c. 2. *In gravioribus criminibus semel tantum vel raro poenitentiae. Conceditur locus: ista vera communia, quae frequenter incurrimus, semper poenitentiam recipiunt et sine intermissione redimuntur.*

⁴⁾ Отклоненіе отъ обще-церковнаго воззрѣнія въ сочиненіи «*de pudicitia*»

тяжкимъ прегрѣшеніямъ, которыя, по мнѣнію Тертуліана, не могутъ быть прощены, относятся такія, которыя обличаютъ особую грѣховность воли въ совершившихъ оныя. Сюда относятся убійство, идолослуженіе, обманъ, отрицаніе истины вѣры, богохульство, прелюбодѣіаніе, блудъ и остальные плотскіе грѣхи (*et si qua alia violatio templi Dei*). Имъ противопоставляются такъ-наз. *delicta quotidianae incursionis*, которымъ по слабости своей подтверждены всѣ люди. Если бы за сіи послѣдніе грѣхи не допускалось прощеніе, то никто не могъ бы спастись (*De pudicitia. Cap. 2*). Это дѣленіе на тяжкіе и не тяжкіе грѣхи имѣло значеніе для дальнѣйшаго развитія покаянной системы первоначальной церкви въ томъ отношеніи, что тяжкіе грѣхи были признаны подлежащими церковной карѣ, а не тяжкіе—мѣрамъ исправленія ¹⁾. Въ силу этого нѣкоторые виды церковной реакціи противъ грѣховныхъ дѣлъ начинаютъ разсматриваться преимущественно какъ наказанія, между тѣмъ какъ въ другихъ по прежнему остается преобладающимъ характеръ мѣръ исправительныхъ.

Карательный элементъ въ нѣкоторыхъ мѣрахъ церковной реакціи, назначаемыхъ за такъ-называемые тяжкіе или смертные грѣхи, доведенъ былъ въ нѣкоторыхъ христіанскихъ сектахъ и въ нѣкоторыхъ церковныхъ обществахъ, не отпавшихъ отъ единенія со вселенскою церковью ²⁾, до крайнихъ предѣловъ ³⁾. Совершившій тяжкій или смертный грѣхъ послѣ крещенія отлучался навсегда отъ церкви и даже на смертномъ одрѣ не могъ быть принятъ въ церковное общеніе.

заключается не въ признаніи однихъ грѣховъ тяжкими, а другихъ не тяжкими, и въ требованіи для первыхъ кары, а для послѣднихъ только исправительныхъ мѣръ, но въ установленіи такой суровой кары, которая считалась церковью несовѣстною съ безконечнымъ милосердіемъ Божиимъ.

¹⁾ Сравни. указанное въ текстѣ мѣсто изъ сочиненія Тертуліана: *Alia erunt remissibilia, alia irremissibilia, secundum quod nemini dubium est, alia castigationem mereri, alia damnationem. Omne delictum aut venia dispungit aut poena: venia ex castigatione, poena ex damnatione.*

²⁾ Признаніе необходимости отлученія навсегда за совершеніе тяжкаго или смертнаго грѣха не считалось такимъ уклоненіемъ отъ вселенскаго ученія, которое влекло бы за собою обвиненіе въ ереси и имѣло бы своимъ послѣдствіемъ схизму. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ Кипріанъ. *Epistol. 52, 21: Et quidem apud antecessores nostros quidam de episcopis... in totum poenitentiae locum contra adulteria clausurunt. Non tamen a coepiscoporum suorum collegio recesserunt... ut quia apud alteros adulteris pax dabatur, qui non dabat de ecclesia separaretur.*

³⁾ Отлученіе навсегда теряетъ характеръ исправительной мѣры и сохраняетъ только характеръ кары.

Подобное усиленіе карательнаго элемента грозило полнымъ уничтоженіемъ первоначальнаго значенія отлученія и покаянія, какъ мѣръ, способствующихъ грѣшнику исправиться и прійти въ разумъ истины. Вотъ почему отлученіе навсегда за первый тяжкій грѣхъ, совершенный послѣ крещенія, никогда не получило общаго признанія въ церкви. Оно признавалось необходимымъ нѣкоторыми христіанскими сектами ¹⁾ и существовало въ нѣкоторыхъ помѣстныхъ церквяхъ, но не было принято общецерковною дисциплиною. Большинство восточныхъ помѣстныхъ церквей и первенствующая на западѣ Римская помѣстная церковь придерживались болѣе снисходительнаго воззрѣнія. Лицъ, совершившихъ впервые послѣ крещенія тяжкій или смертный грѣхъ, отлученныхъ за это отъ церкви и принесшихъ дѣйствительное покаяніе, упомянутыя церкви не сомнѣвались принимать снова въ общеніе съ вѣрующими. Таковъ былъ господствовавшій въ большинствѣ церквей взглядъ. Самъ Тертуліанъ, прежде чѣмъ сдѣлаться монтанистомъ, придерживался подобнаго воззрѣнія. „Omnibus delictis—читаемъ въ его сочиненіи *De poenitentia* (cap. 4)—*seu carne, seu spiritu, seu facto seu voluntate commissis, Deus, qui poenam per iudicium destinavit, idem et veniam per poenitentiam*“. Только совершившимъ смертный грѣхъ во второй разъ послѣ крещенія и подвергавшимся уже разъ за совершеніе смертнаго грѣха публичному покаянію церковь отказывала въ допущеніи снова къ публичному покаянію и въ примиреніи съ Богомъ и обществомъ вѣрующихъ ²⁾.

Всѣ только что указанныя классификаціи грѣховныхъ дѣяній должны были вызвать и соответствующую классификацію церковныхъ дисциплинарно-исправительныхъ мѣръ. Долгое время опредѣленіе той или другой дисциплинарной мѣры, того или другаго церковнаго наказанія за тотъ или другой грѣхъ предоставлено было усмотрѣнію епископовъ ³⁾. Но уже въ половинѣ III столѣтія мы встрѣчаемся съ попыткой установить общія правила для опредѣленія цер-

¹⁾ Главнымъ образомъ монтанистами и впоследствии новатіанцами.

²⁾ Tertull. *De poenitentia*. Collocavit in vestibulo poenitentiam secundam, quae pulcherrimis patefaciat: sed jam semel quia jam secundo: sed jam amplius nunquam, quia proxime frustra. Тертуліанъ говоритъ о второмъ покаяніи, потому что подъ первымъ онъ подразумеваетъ покаяніе оглашенныхъ и очищеніе отъ грѣховъ посредствомъ крещенія.

³⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ Кипріянь въ *epistola ad Antonianum* (*Mansi*, I, 860. A).—*actum suum disponit et dirigit unusquisque episcopus, rationem propositi sui domino redditurus*.

ковныхъ взысканій за различные виды отпаденія отъ вѣры. Я подразумѣваю здѣсь постановленія помѣстнаго Карфагенскаго собора 251 года, относящіяся къ опредѣленію размѣра покаянія различнымъ категоріямъ такъ-называемыхъ lapsi, то-есть, отпавшихъ отъ вѣры. Правда, постановленія эти имѣли значеніе преимущественно для Африканской церкви и относились только къ одному разряду прегрѣшеній, но такъ какъ они, будучи сообщены Римскому папѣ Корнелію, были утверждены симъ послѣднимъ на помѣстномъ Римскомъ соборѣ, созванномъ имъ въ концѣ 251 года ¹⁾, и такъ какъ при ихъ составленіи впервые сознана была необходимость точнаго опредѣленія основъ церковной дисциплины, то мы можемъ, не впадая въ ошибку, утверждать, что эти постановленія играютъ важную роль не только въ исторіи дисциплины Африканской церкви, но и въ исторіи церковной дисциплины на западѣ вообще. Соборъ не только издалъ постановленія о покаянной дисциплинѣ, но и составилъ изъ нихъ сборникъ, который и отправилъ къ папѣ Корнелію ²⁾. Этотъ сборникъ, согласно вѣрному замѣчанію Гефеле, необходимо признать первымъ по времени пенитенціаломъ. Хотя онъ до насъ и не дошелъ, но главнѣйшія его основанія изложены въ посланіи Кипріана къ Антоніану (Epist. 52). Прежде всего устанавливается общее правило, по которому отпавшіе не должны быть лишены всякой надежды, ибо иначе ими можетъ овладѣть отчаяніе и побудить ихъ къ полному отпаденію отъ вѣры и къ возвращенію къ мірскимъ прелестямъ языческой жизни. Тѣмъ не менѣе они подлежатъ весьма продолжительному церковному покаянію и должны быть наказаны, соразмѣрно съ ихъ виною ³⁾. Такъ, иначе слѣдуетъ относиться къ тѣмъ, которые добровольно поспѣшили принять участіе въ богопротивныхъ жертвоприношеніяхъ, чѣмъ къ тѣмъ, которые, послѣ упорной борьбы, страшными мученіями были принуждены къ этому, иначе—къ тѣмъ, которые сами побуждали своихъ домашнихъ къ отпаденію, чѣмъ къ тѣмъ, которые

¹⁾ *Hefele*. Conciliengeschichte, I, 114.

²⁾ Посланіе къ Антоніану въ собраніи *Mansi* (I, 855). Здѣсь указывается на то, что на основаніи соборныхъ сощаваній составленъ былъ сборникъ «ubi singula placitorum capita conscripta sunt», и что соборныя дѣявія препровождены были къ папѣ Корнелію и римскому клиру.

³⁾ Посланіе къ Антоніану (*Mansi*, I, c.)... nec tamen rursus censura evangelica solveretur, ut ad communionem temere prosilient, sed traheretur diu poenitentia, et rogaretur dolenter paterna clementia et examinarentur causae et voluntates et necessitates singulorum.

рѣшились совершить грѣхъ отрѣченія отъ вѣры, чтобы спасти и покрыть своихъ домашнихъ и быть въ состояніи дать убѣжище братьямъ-христіанамъ ¹⁾. Строго слѣдуетъ, равнымъ образомъ, различать такъ-называемыхъ *sacrificati* отъ такъ-называемыхъ *libellatici*, то-есть, такихъ, которые дѣйствительно принесли богопротивныя жертвоприношенія, и такихъ, которые, не отпавъ въ дѣйствительности, воспользовались подкупностью римскихъ магистратовъ и за деньги получили отъ нихъ подложныя свидѣтельства объ участіи въ жертвоприношеніяхъ языческимъ богамъ ²⁾. *Libellatici* принимаются тотчасъ въ общеніе съ церковью, *sacrificati* же—только послѣ продолжительнаго покаянія и только на смертномъ одрѣ ³⁾. Наконецъ, епископы и пресвитеры, впадшіе въ только что указанные грѣхи, допускаются къ покаянію и примиренію съ церковью, но не допускаются къ дальнѣйшему отправленію епископскихъ и пресвитерскихъ функцій ³⁾.

Кароагенскій соборъ 251 года играетъ такимъ образомъ видную роль въ исторіи церковной дисциплины. А именно, если уже преподаанный епископамъ въ Апостольскихъ постановленіяхъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ совѣтъ, стараться въ каждомъ данномъ случаѣ о томъ, чтобы дисциплинарно-исправительная мѣра была соразмѣрена

¹⁾ *Epistola ad Antonianum* (*Mansi*, I, 857 C). Прегрѣшеніе отпавшихъ и принесшихъ жертвы съ цѣлю покрыть своихъ домашнихъ и дать убѣжище братьямъ-христіанамъ вѣняется имъ въ меньшей степени въ вину, именно въ виду этой благой цѣли. О провинившемся такимъ образомъ говорится, что онъ является на судъ церкви «*offerens et ostendens domino multas viventes et incolumes animas, quae pro una sancia depreuntur*».

²⁾ *Epistola ad Antonianum* (*Mansi*, I, 857—858). Продолжительное и дѣйствительное покаяніе является неурѣчнымъ условіемъ принятія такъ-называемыхъ *sacrificati*. «*Ed ideo, читаемъ въ томъ же посланіи (Mansi, I, 851 A и B), poenitentiam non agentes... prohibendos omnino censuimus a spe communicationis et pacis, si in infirmitate atque in periculo coeperint deprecari, quia rogare illos non delicti poenitentia, sed mortis urgentis admonitio compellit*».

³⁾ Это видно изъ посланія Кипріана клиру и народу въ Испаніи (*Epistola 68*) о недопущеніи епископовъ Василида и Марціала къ отправленію епископскихъ функцій, такъ какъ они оказались опороченными испрошеніемъ себя, во время гоненія, свидѣтельствъ объ участіи въ языческихъ жертвоприношеніяхъ (*nefando idolatriae libello contaminati*). Постановивъ рѣшеніе въ данномъ случаѣ, Кипріанъ и отцы созваннаго имъ собора (II-й Африканскій соборъ 258 г.) указываютъ на прежде установленное ими (несомнѣнно на соборѣ 251 года) и признанное папой Юржезіемъ правило, согласно которому «*homines ad poenitentiam quidem posse admitti, ab ordinatione autem cleri atque sacerdotali honore prohiberi (Mansi, I, 909. B)*».

въ извѣстной степени, какъ качественно, такъ и количественно съ грѣховнымъ дѣяніемъ, за которое она налагается, послужилъ къ усиленію карательнаго элемента въ современной съ Апостольскими постановленіями покаянной системѣ, то несомнѣнно, что усиленію указаннаго элемента еще болѣе должно было способствовать опредѣленіе на соборѣ точныхъ основаній для оцѣнки отдѣльных грѣховныхъ дѣяній и назначенія за нихъ соотвѣтствующихъ церковныхъ взысканій. И дѣйствительно, между тѣмъ какъ руководствующемуся апостольскими постановленіями епископу предложено было только общее начало, котораго ему слѣдовало придерживаться при опредѣленіи церковныхъ дисциплинарно-исправительныхъ мѣръ, но не дано было никакихъ специальныхъ указаній для опредѣленія пенитенцій за отдѣльныя прегрѣшенія, епископъ руководствующійся дѣяніями собора 251 года находилъ въ сборникѣ покаянныхъ каноновъ этого собора точное опредѣленіе отдѣльных грѣховныхъ дѣяній и точное указаніе на то, какую эпитимію слѣдуетъ считать соотвѣтствующей извѣстному грѣховному дѣянію. Однимъ словомъ, тотъ *libellus, in quo singula placitorum capita conscripta sunt*, и о которомъ Кипріанъ упоминаетъ въ своемъ посланіи къ Антоніану, какъ о сборникѣ соборныхъ постановленій, есть въ полномъ значеніи этого слова кодексъ, содержащій въ себѣ опредѣленные церковныя взысканія за опредѣленные грѣховныя дѣянія. Изъ этого, наконецъ, можно вывести заключеніе, что, такъ какъ способъ опредѣленія церковныхъ взысканій по этому кодексу, какъ видно изъ только-что сказаннаго, гораздо болѣе формальный, чѣмъ по Апостольскимъ постановленіямъ, а усиленіе значенія формальнаго элемента въ способѣ опредѣленія церковныхъ взысканій всегда ведетъ къ усиленію карательнаго элемента въ самихъ взысканіяхъ, то церковныя взысканія, содержащіяся въ разсматриваемомъ нами теперь кодексѣ, гораздо болѣе приближаются къ типу наказаній, чѣмъ тѣ, которыя находятся въ Апостольскихъ постановленіяхъ.

Впрочемъ не слѣдуетъ и преувеличивать значеніе формальнаго и карательнаго элементовъ въ сборникѣ покаянныхъ каноновъ собора 251 года. Эти элементы являются здѣсь далеко не столь развитыми, какъ въ соборныхъ постановленіяхъ послѣдующаго времени и въ позднѣйшихъ сборникахъ покаянныхъ правилъ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только сравнить содержащіяся въ посланіи Кипріана къ Антоніану покаянныя правила съ покаянными правилами, находящимися въ твореніяхъ отцевъ IV вѣка, напримѣръ, въ посланіяхъ Василія Великаго къ Амфилохію. Формальный характеръ сихъ послѣд-

нихъ правилъ, придающій въ свою очередь назначаемымъ ими взысканіямъ воплнѣ характеръ церковныхъ каръ, невольно бросается въ глаза даже при первомъ, бѣгломъ знакомствѣ съ ними.

Такимъ образомъ нами указано на причины и ходъ развитія карательнаго элемента въ церковномъ правѣ III столѣтія. Посмотримъ теперь, какъ отразилось это усиленіе карательнаго элемента на ученіи церкви объ отдѣльныхъ покаянныхъ дѣйствіяхъ, то есть, о тѣхъ благочестивыхъ упражненіяхъ, которыми сопутствовалось покаяніе.

Общаго порядка отбытія покаянія и точнаго опредѣленія отдѣльныхъ покаянныхъ дѣйствій вплоть до конца III столѣтія мы не встрѣчаемъ. Такъ, Тертуліанъ говоритъ о томъ, какъ отбывается покаяніе въ самыхъ общихъ чертахъ. Онъ требуетъ только вообще, чтобы внутренняя скорбь и внутреннія мученія выразились во внѣшнихъ благочестивыхъ покаянныхъ дѣйствіяхъ ¹⁾. Эти внѣшнія благочестивыя покаянныя дѣйствія не описываются имъ въ подробностяхъ. Вотъ все, что мы узнаемъ о нихъ изъ его сочиненія *De poenitentia* (cap. 10): „*De ipso quoque habitu atque victu mandat sacco et cineri incubare, corpus sordibus obscurare, animum moeroribus dejicere, illa quae peccavit, tristi tractatione mutare: caeterum pastum et potum pura nosse, non ventris scilicet, sed animae causa: plerumque vero jejuniis precassalere, ingemiscere, lacrymari, mugire dies noctosque ad Dominum Deum tuum, presbyteris advolvi et aris Dei adgeniculari, omnibus fratribus legationes deprecationis suae injungere*“. Слѣдовательно, порядокъ отбыванія покаянія и благочестивыя упражненія, сопровождавшія покаяніе, долгое еще время опредѣлялись епископомъ, подобно тому какъ долгое время имъ же по усмотрѣнію опредѣлялись и сроки покаянія ²⁾. Церковь установила только одно общее правило, что никто не можетъ быть допущенъ къ примиренію съ Богомъ, кто предварительно не отбылъ назначеннаго ему епископомъ покаянія. „Коль безумно“, говоритъ Тертуліанъ, — „не выполнить назначеннаго покаянія и требовать прощенія? Это то же самое, что не заплатить цѣны и протягивать руки къ товару. Ибо за эту цѣну Господь постановилъ давать прощеніе: Онъ предлагаетъ за подобное вознагражденіе посредствомъ покаянія по-

¹⁾ *De poenitentia*, cap. 9. *Ut non sola conscientia praeferatur, sed aliquo etiam actu administratur.*

²⁾ Мы видѣли, что только въ началѣ второй половины III, вѣка и то только относительно извѣстнаго разряда грѣховныхъ дѣяній (а именно относительно различныхъ видовъ отпаденія отъ вѣры), установлены были общіе сроки покаянія постановленіями Каролингскаго собора 251 года.

купать безнаказанность“. Вотъ и все, что мы узнаемъ о порядкѣ отбыванія покаянія и о благочестивыхъ покаянныхъ дѣйствіяхъ изъ сочиненій Тертулліана, этого главнаго писателя о покаяніи въ первой половинѣ III вѣка. Въ такихъ же общихъ выраженіяхъ говоритъ о занимающемъ насъ вопросѣ и Кипріанъ. „Молитесь нужно“, читаемъ въ его книгѣ *de lapsis*, — „усиленіе, прилежать добрымъ дѣламъ, которыми очищаются грѣхи, чаще раздавать милостыню, да искупятся посредствомъ оной преступленіе и вина“.

Но если такимъ образомъ въ церкви не установилось точныхъ правилъ о порядкѣ отбыванія покаянія и опредѣленія покаянныхъ дѣйствій, то вполнѣ установился, какъ легко можно убѣдиться изъ приведенныхъ выше выписокъ изъ сочиненій Тертулліана и Кипріана, взглядъ на покаянные благочестивыя дѣла, какъ на такія, которыя не только служатъ внѣшнимъ выраженіемъ внутренняго перерожденія, совершающагося въ совѣсти кающагося, но и самостоятельно въ извѣстной степени погашаютъ грѣхъ. Подобное признаніе самостоятельнаго значенія за благочестивыми покаянными и вообще добрыми дѣлами, внѣ связи съ внутреннимъ настроеніемъ совершающаго эти дѣла, принимало иногда крайній характеръ ¹⁾. Оно послужило основаніемъ для злоупотребленій такъ-называемыхъ, *libelli rasis* со стороны мучениковъ. Исторія этихъ злоупотребленій ясно показываетъ, что упущеніе изъ виду указанной связи между добрыми дѣлами и внутреннимъ настроеніемъ совершающаго ихъ можетъ повлечь за собою полное извращеніе началъ христіанской нравственности. Съ точки зрѣнія христіанской морали всѣ дѣла человѣческія сами по себѣ безразличны: за ними признается квалифікація добрыхъ или злыхъ, смотря по внутреннему, доброму или злему, настроенію лица, ихъ совершающаго. Таковъ основной взглядъ христіанскаго ученія на добрыя дѣла, выразившійся, какъ нами указано выше, и въ посланіи апостола Павла къ Римлянамъ (III, 28). Но взглядъ этотъ, какъ мы только что видѣли, видоизмѣнился отчасти въ рассматриваемое нами время. За добрыми дѣлами признано было въ извѣстной степени самостоятельное значеніе. Отсюда къ воззрѣнію на добрыя дѣла, какъ на нѣчто, имѣющее самостоятельное существованіе и вполнѣ самостоятельную нравственную цѣну, переходъ не представлялся затруднительнымъ. А подобное воззрѣніе давало возможность уступать, если

¹⁾ Ср. по этому вопросу *Baur*, *Geschichte der Christlicher Kirche*. 3-te Ausgabe. 1863. Band I, 510 ff.

можно такъ выразиться, свои добрыя дѣла другому для того, чтобы они, будучи ему зачтены, освободили бы его отъ отвѣтственности за совершенныя имъ грѣховныя дѣянія. Подобная уступка добрыхъ дѣлъ и заслугъ въ особенности стала считаться возможною со стороны мучениковъ, которые своими страданіями приобрѣли такую заслугу передъ Богомъ, что она не только покрывала содѣянные ими прегрѣшенія, но, какъ думали нѣкоторыя церковныя партіи того времени, въ значительной степени превышала эти прегрѣшенія. Вотъ этотъ-то излишекъ заслугъ мученики и могли уступать другимъ вѣрующимъ, просящимъ ихъ объ этомъ ¹⁾. Вселенская церковь никогда не усвоила себѣ подобнаго взгляда. Она принимала, правда, въ общеніе вѣрныя тѣхъ изъ отпавшихъ, которыхъ допускали къ общенію съ собою мученики, но на совѣмъ другихъ основаніяхъ. А именно, церковь уступала просьбамъ мучениковъ и воссоединяла съ собою отпавшихъ, за которыхъ они ходатайствовали, во первыхъ, изъ уваженія къ мученикамъ, а во вторыхъ, вслѣдствіе убѣжденія, что мученики, въ силу святости своей жизни приобрѣли большую способность, чѣмъ остальные вѣрующіе, распознавать намѣренія лицъ, къ нимъ обращающихся, и удовлетворяться въ искренности и дѣйствительности ихъ покаянія ²⁾. Противъ же ученія о прощеніи отпавшимъ ихъ прегрѣшенія отъ имени мучениковъ церковь постоянно возставала. Энергическій протестъ противъ неправильнаго ученія о правѣ мучениковъ своими заслугами погашать прегрѣшенія отпавшихъ и давать имъ прощеніе отъ своего имени находится въ твореніяхъ Кипріяна, указывающаго на то, что

¹⁾ Въ этомъ возрѣніи коренятся зачатки развѣтшагося впоследствии въ западной церкви ученія о такъ называемомъ *thesaurus supererogationis perfectorum*.

²⁾ Злоупотребленія такъ называемомъ *libelli rasis* и неправильный взглядъ на заслуги мучениковъ развились, главнымъ образомъ, на западѣ. Въ томъ, что вопросъ о допущеніи въ церковное общеніе отпавшихъ, которыхъ допустили въ общеніе съ собою мученики, поставленъ былъ правильно въ церквахъ востока, легко убедиться изъ сохранившагося въ *Historia ecclesiastica* Евсевія (lib. VI, 42) посланія Діонисія Александрійскаго, въ которомъ читаемъ слѣдующее: *Ni divini martyres, ... dum him apud nosessent, quosdam e fratribus lapsos... susceperunt: et in orationibus et cibus cum eis communicarunt. Quid ergo nobis, fratres, de his: suadetis? Utrum sententiae martyrum accedemus..... A contra iudicium illorum irritum faciemus, nosque ipsi sententiae illorum discussores ac iudices constituemus, clementiam dolore afficiemus, ordinem constitutam evertemus, Dei ipsius indignationem provocabimus?* Сравни. *Historia Ecclesiastica* Eusebii. Editio *Valesii*, 196.

только одно имя дано людямъ во отпущеніе грѣховъ, имя Іисуса Христа Epistola 27, 3).

Но хотя такимъ образомъ только что указанный взглядъ на заслуги мучениковъ и не получилъ признанія со стороны церкви, тѣмъ не менѣ самая возможность возникновенія подобнаго взгляда свидѣтельствуеетъ о томъ, какъ сильно развилось виѣшнее формальное начало въ ученіи о добрыхъ дѣлахъ. Вотъ почему и стали разсматривать добрыя дѣла, совершаемыя кающимися, какъ погашающія грѣхъ, въ воздаяніе за который они предпринимались.

Подводя итоги тому, что сказано было нами о церковной дисциплинѣ III столѣтія, мы видимъ, что карательный элементъ на столько усилился въ системѣ церковныхъ взысканій, что сіи послѣднія могли уже разсматриваться не только какъ дисциплинарно-исправительныя мѣры, но и какъ церковныя кары. Въ то же самое время устанавливается взглядъ на отдѣльныя благочестивыя покаянныя дѣйствія, какъ на воздаяніе за грѣхъ, погашающее сей послѣдній.

Но если такимъ образомъ церковныя взысканія стали разсматриваться какъ наказанія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они совершенно утратили свой прежній характеръ. Напротивъ того, прежнее значеніе отлученія, какъ средства побудить прегрѣшившаго къ раскаянію и покаянію, какъ способа примиренія съ Богомъ и церковью, вполне сознавалось сею послѣднею. Въ этомъ мы легко можемъ убѣдиться, напримѣръ, и изъ посланія Кипріана къ Антоніану, съ которымъ мы уже имѣли случай познакомиться выше. Здѣсь Кипріанъ указываетъ на то, какимъ образомъ въ одной и той же мѣрѣ взысканія можетъ быть соединенъ и характеръ наказанія, и характеръ дарованія благодатнаго способа примириться съ Богомъ. При этомъ онъ въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на Священное Писаніе ветхаго и новаго завѣта. „Равнымъ образомъ“, говоритъ онъ, — „и устами пророка Іоіля взываетъ Онъ (Господь) и глаголетъ: Обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, въ постѣ и въ плачи и въ рыданіи. И расторгните сердца ваша, а не ризы ваша, и обратитесь ко Господу Богу вашему: яко милостивъ и щедръ есть, долготерпѣливъ и многомилостивъ, и раскаявайся о злобахъ. Въ псалмахъ мы читаемъ также какъ о наказаніи, такъ и о милости Бога, въ одно и то же время угрожающаго и милующаго, карающаго во исправленіе и сохраняющаго того, кого онъ исправилъ: Посѣщу, глаголетъ, жезломъ беззаконія ихъ, и ранами неправды ихъ: милость же мою не разорю отъ

нихъ“. Затѣмъ Кипріанъ приводитъ слова евангельскія: „Или кто есть отъ васъ чловѣкъ, его же еще воспроситъ сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему; или еще рыбы проситъ, еда змію подастъ ему; аще убо вы лукави суци, умѣете даванія блага даяти чадомъ вашимъ, коими паче Отець вашъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него“. Въ толкованіи на эти слова Кипріанъ говоритъ слѣдующее: „Сравниваетъ здѣсь Господь снисхожденіе отца по плоти съ вѣчнымъ и изобильнымъ милосердіемъ Бога отца, а именно, если онъ земной отецъ, также оскорбленный прегрѣшающимъ и злымъ сыномъ, все-таки радуется и ликуетъ, когда познаетъ, что сынъ его перемѣнился, что онъ отрѣшился отъ прегрѣшенной прежней жизни, и усвоивъ себѣ добрые нравы, тревость и порядочное поведеніе, исправился, если при такихъ условіяхъ отецъ земной принимаетъ того, кого онъ прежде отвергъ, и обнимаетъ его съ пожеланіями отеческаго восторга; коими паче онъ единственный и истинный отецъ, добрый, милосердый и щедрый, сама, такъ сказать, доброта, само милосердіе и сама щедрость, радуется о покаяніи сыновъ своихъ, не грозить имъ, плачущимъ и рыдающимъ, гнѣвомъ своимъ, но общаетъ имъ, напротивъ того, прощеніе и снисхожденіе“. Такимъ образомъ Кипріанъ, сообщая Антоніану постановленія Кароагенскаго собора 251 г., установившаго, какъ мы видѣли, опредѣленныя церковныя взыскапія за различные виды отпаденія отъ вѣры и усилившаго чрезъ внесеніе подобной опредѣленности въ церковную покаянную систему карательный характеръ сей послѣдней, заботится о томъ, чтобы новое возрѣніе на церковныя взыскапія, какъ на наказанія, не подорвало прежняго исконнаго значенія ихъ, какъ мѣръ, направленныхъ не къ наказанію прегрѣшившаго, а къ побужденію его къ раскаянію и примиренію съ Богомъ и церковью.

Таковъ былъ характеръ церковныхъ взыскапія въ III столѣтіи христіанской эры.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію системы церковныхъ взыскапія въ IV и V столѣтіяхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она выразилась — въ памятникахъ того времени. Памятники эти имѣютъ для насъ особый интересъ въ виду того обстоятельства, что въ нихъ содержится тотъ матеріалъ, изъ котораго впоследствии, подъ влияніемъ кельтическихъ и германскихъ правовыхъ началъ, сложилась система каръ и покаяній различныхъ помѣстныхъ церквей запада. Ихъ

1) Ср. Epistola D. Cypriani ad Antonianum въ собраніи *Mansi*, I, 860, 61).

можно раздѣлить на слѣдующіе четыре группы; 1) дѣянія соборовъ, въ особенности бывшихъ въ Эльвирѣ (305 г.), въ Арлѣ (314 г.), въ Анкирѣ (314 г.), въ Неокесаріи (314—325 г.), въ Никей (325 г.), въ Гангрѣ (325—341 г.) и въ Карѳагенѣ (419 г.); 2) творенія отцевъ восточной церкви, изъ которыхъ на западѣ особое значеніе приобрѣли каноническія посланія Василя Великаго къ Амфилохію; 3) творенія отцевъ западной церкви, въ особенности Августина и Амвросія, и 4) каноны или правила апостольскія.

Для церкви наступили въ рассматриваемое время дни мира и торжества. Вслѣдствіе того церковное законодательство получило возможность свободнаго и безпрепятственнаго развитія. Соборы занимались не только выясненіемъ основныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія, но и упорядоченіемъ церковныхъ отношеній. Положены были прочныя основанія церковной организаціи и церковной дисциплины. Такъ, уже въ постановленіяхъ собора, собравшагося въ 306 году въ Эльвирѣ ¹⁾, мы встрѣчаемся съ настоящимъ кодексомъ церковныхъ взысканій. Между тѣмъ какъ на Карѳагенскомъ соборѣ 251 года опредѣлены были церковныя взысканія только относительно одного разряда грѣховныхъ дѣяній, а именно относительно отпаденія отъ вѣры, на Эльвирскомъ соборѣ обложены были церковными карами всевозможныя грѣховныя дѣла.

Суровость церковныхъ взысканій, находящихся въ постановленіяхъ Эльвирскаго собора, давно обратила на себя вниманіе изслѣдователей. Обыкновенно объясняютъ ее тѣмъ обстоятельствомъ, что постановленія этого собора изданы вскорѣ послѣ великаго гоненія, бывшаго при Діоклетіанѣ, во времена котораго церковь не мало пострадала вслѣдствіе отпаденія отъ нея значительнаго числа ея членовъ ²⁾. Но подобное объясненіе едва ли вѣрно. Отлученіемъ на всегда отцы Эльвирскаго собора грозятъ не только за отпаденіе отъ вѣры, но и за цѣлый рядъ грѣховныхъ дѣяній самаго разнообразнаго характера. Вотъ перечень этихъ дѣяній: идолослуженіе (кан. 1—3), причиненіе кому-либо смерти волхвованіемъ (кан. 6), покинутіе безъ причины женами своихъ мужей для вступленія при жизни ихъ въ новый бракъ (кан. 9), сводничество (кан. 12), блудъ, совершенный христіанскими дѣвушками, посвятившими себя Богу (кан. 13), выдача замужъ дочери

¹⁾ Различныя мнѣнія о времени Эльвирскаго собора см. у *Hefele*, *Conciliengeschichte*, I, 149—154.

²⁾ *Hefele*, 151.

за языческаго жреца (кан. 17), блудъ, совершенный епископами, пресвитерами и діаконами (кан. 18), убіеніе женщиной, повинною въ прелюбодѣянн, прижитаго ею во время отсутствія мужа ребенка (кан. 63), неотверженіе клирикомъ жены своей, въ совершеннн прелюбодѣянн которую онъ удостовѣрился (кан. 65), женитьба на падчерицѣ, разсматриваемая какъ кровосмѣшеніе (кан. 66); согласіе мужа на прелюбодѣянн жены (кан. 70), мужеложство (кан. 71), прегрѣшеніе вдовы, совершившей блудъ съ однимъ мужчиной и вышедшей замужъ за другаго (кан. 72), доносъ, вслѣдствіе котораго кто либо подвергся тяжкому наказанію, напимѣръ, смертной казни (кан. 73), и наконецъ, обвиненіе, не доказанное, епископа, пресвитера или діакона въ тяжелыхъ преступленіяхъ (кан. 75). Изъ этого перечня видно, что тяжчайшему церковному взысканію подвергались не только такъ-называемые *lapsi*, но и всѣ лица, совершившія одинъ изъ такихъ грѣховъ, которые были отнесены соборомъ къ разряду тяжелыхъ или смертныхъ грѣховъ. Слѣдовательно, суровость Эльвирскихъ каноновъ свидѣтельствуеть только о томъ, что въ испанской помѣстной церкви преобладало то болѣе строгое отношеніе къ тяжкимъ или смертнымъ грѣхамъ, по которому виновные въ оныхъ, хотя бы и въ первый разъ послѣ крещенія, не принимались и на смертномъ одрѣ въ общеніе съ церковью, и которое, хотя и не получило общецерковнаго признанія, но тѣмъ не менѣе не ставило придерживающейся онаго церкви внѣ общенія и единенія съ другими церквями ¹⁾.

Преобладаніе карательнаго элемента въ покаянной системѣ, установленной на Эльвирскомъ соборѣ, выразилось, равнымъ образомъ, и въ томъ обстоятельстве, что церковныя взысканія, назначаемыя за менѣе тяжкіе грѣхи, чѣмъ тѣ, которые отнесены были соборомъ къ разряду такъ-называемыхъ *crimina capitalia* или *crimina mortis* (кан. 1 и 7), опредѣлены были въ подробностяхъ и являли, такимъ образомъ, въ своей совокупности основанную на строго проведенномъ началѣ постепенности лѣстницу церковныхъ наказаній.

Познакомимся ближе съ этою лѣстницею церковныхъ наказаній. За

¹⁾ Это строгое отношеніе къ совершившимъ смертныя грѣхи продолжалось въ Испаніи еще долгое время, въ доказательство чего можно сослаться на Паціана, епископа Барцелонскаго, жившаго во второй половинѣ IV вѣка. Въ сочиненіи Паціана «*Paeneticus ad poenitentiam*» читаемъ слѣдующее: *Reliqua peccata meliorum operum compensatione curantur, haec (то-есть, peccata capitalia) quicumque post fidem fecerit, Dei faciem non videbit.* Сравни также посланіе Иннокентія I, ad Exuperium, episcopum Tolosanum (*Manst*, III, 1039).

отлученіемъ на всегда слѣдуетъ отлученіе до конца жизни, при чемъ допускается воссоединеніе съ церковью на смертномъ одрѣ (кан. 3, 10, 13, 37, 47), а затѣмъ отлученіе на опредѣленный срокъ, на 10 лѣтъ (кан. 22, 46, 59, 64, 70, 72), на 7 лѣтъ (кан. 5), на 5 лѣтъ (кан. 5, 16, 40, 61, 69, 70—74), на 3 года (кан. 54, 57), на два года (кан. 55, 74) и на одинъ годъ (14, 79). Отлученіе соединяется обыкновенно съ публичнымъ покаяніемъ, порядокъ отбыванія и характеръ котораго, какъ можно заключить по повсемѣстно встрѣчающемуся въ нашемъ памятникѣ выраженію „acta legitima poenitentia“, были точно опредѣлены ¹⁾. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобнаго соединенія церковныхъ взысканій не встрѣчаемъ, а прегрѣшившій считается достаточно наказаннымъ чрезъ отлученіе и не подвергается публичному покаянію ²⁾. За наименѣе тяжкіе грѣхи не опредѣляется точнаго срока отлученія, а постановляется вообще „*rauco tempore a communione abstinenceatur*“. Срокъ отлученія и покаянія сокращается только въ извѣстныхъ опредѣленныхъ самими канонами случаяхъ, главнымъ образомъ тогда, когда до истеченія срока кающійся грѣшникъ впадетъ въ тяжкую болѣзнь, угрожающую смертью. Наконецъ, повтореніе прегрѣшенія, то-есть, совершеніе смертнаго грѣха во второй разъ послѣ крещенія и по отбытіи покаянія за совершеніе подобнаго грѣховнаго дѣянія въ первый разъ, усиливало отвѣтственность и влекло за собою отлученіе навсегда. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи эльвирскіе каноны вполне согласны съ общепризнанною въ тѣ времена дисциплиною церкви.

Въ виду всего только что сказаннаго, каноны Эльвирскаго собора являютъ собою не что иное, какъ кодексъ церковныхъ наказаній. Основная мысль, на которой построена вся покаянная система этихъ канонныхъ, заключается въ томъ, что извѣстное число лѣтъ требуется для очищенія отъ такого-то грѣха, и напротивъ другое число лѣтъ нужно для очищенія отъ другаго ³⁾. При этомъ разрѣшаются во-

¹⁾ Мы не имѣемъ однако никакихъ точныхъ свидѣтельствъ о томъ, въ чемъ именно состояла эта *legitima poenitentia*.

²⁾ Can. 14. *De virginibus saecularibus si moechaverint. Virgines, quae virginitatem suam non custodierint, si eosdem, qui eas violaverint, duxerint et tenuerint maritos, eo quod solas nuptias violaverint, post annum sine poenitentia reconciliari debebunt.*

³⁾ Профессоръ *Суворова*, въ своемъ сочиненіи «О церковныхъ наказаніяхъ», высказываетъ мнѣніе, что съ подобнымъ кодексомъ церковныхъ наказаній мы

просы о вмѣненіи, о различныхъ степеняхъ виновности и о различныхъ срокахъ покаянія ¹⁾).

Хотя эльвирскіе каноны изданы были первоначально только для Испанской помѣстной церкви, но они несомнѣнно сдѣлались вскорѣ извѣстными и въ другихъ церквахъ и повліяли на дисциплину сихъ послѣднихъ. Въ этомъ мы убѣждаемся, какъ изъ того, что нѣкоторые каноны бывшаго впоследствии въ 314 г. въ Арлѣ собора, на который собрались епископы почти изъ всѣхъ провинцій имперіи Константина Великаго, основаны на эльвирскихъ канонахъ, такъ и изъ того, что на эльвирскіе каноны есть указаніе и въ дѣяніяхъ Сардинійскаго собора ²⁾. Такимъ образомъ, установленный на эльвирскомъ соборѣ кодексъ церковныхъ наказаній имѣетъ значеніе для исторіи системы каръ и покаяній западной церкви вообще.

На соборѣ, бывшемъ въ Арлѣ въ 314 году, не установлено было такихъ подробныхъ покаянныхъ правилъ, какъ на Эльвирскомъ соборѣ, ибо соборъ въ Арлѣ созванъ былъ главнымъ образомъ для разсмотрѣнія ереси донатистовъ, а церковною дисциплиною занимался только между прочимъ ³⁾. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ канонѳвъ этого собора не могутъ быть пройдены молчаніемъ со стороны изслѣдователя исторіи покаянной системы западной церкви. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе канонъ 22-й, содержащій въ себѣ общее

впервые встрѣчаемся въ правилахъ Василія Великаго, въ которыхъ впервые за церковнымъ покаяніемъ окончательно утвердились черты наказанія. Что касается Восточной церкви и того значенія, которое имѣютъ правила Василія Великаго въ исторіи покаянной системы этой церкви, то мы будемъ имѣть случай высказать по этому поводу наше мнѣніе въ дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что на западѣ подобный кодексъ существовалъ гораздо ранѣе, ибо эльвирскіе каноны могутъ быть названы таковымъ не съ меньшимъ основаніемъ, чѣмъ правила Василія Великаго.

¹⁾ Канонъ 5 различаетъ грѣхи вольные и невольные (совершенные *voluntate* или *scilicet*). Канонъ 22, говоря о возвращающихся изъ ереси католикахъ, и устанавливая для взрослыхъ 10-лѣтнее покаяніе, не вмѣняетъ въ вину пребываніе въ ереси тѣмъ, которые обращены были въ ересь, будучи дѣтьми, и предписываетъ принимать ихъ немедленно.

²⁾ Слѣдующіе каноны собора въ Арлѣ основаны на эльвирскихъ: канонъ IX на 25 эльвирскомъ канонѣ, кан. XI на 15 эльвирскомъ, кан. XII на 20 эльвирскомъ и кан. XVI на 53 эльвирскомъ. Что же касается указанія на эльвирскіе каноны въ дѣяніяхъ Сардинійскаго собора, то оно, какъ справедливо замѣтилъ *Hefele* (*Conciliengesch.*, I, 152), находится въ канонѣ 11 (греческаго текста), гдѣ слова *in tē protōtontē xpoūf* относятся къ Эльвирскому собору.

³⁾ *Epistola Synodi Arelatensis* (*Mansi*, II, 469—470).

постановленіе о томъ, какъ относиться къ отступникамъ, заболѣвшимъ тяжкою болѣзью и просящимъ причащенія. Соборъ подтвердилъ въ этомъ канонѣ долго существовавшій въ западной церкви обычай, согласно которому подобнымъ отступникамъ, не принесшимъ покаянія до болѣзни, отказывалось въ причащеніи ¹⁾. Только въ томъ случаѣ, если они, выздоровѣвъ, принесутъ достойные плоды покаянія, могутъ они быть приняты въ общеніе съ вѣрующими. Мы увидимъ, какъ это правило смягчено было впоследствии на вселенскомъ соборѣ въ Никее 325 года. Остальные постановленія собора о покаяніи имѣютъ въ высшей степени фрагментарный характеръ, и очевидно, установлены въ виду особыхъ условій и нуждъ времени. Сюда относятся, главнымъ образомъ тѣ постановленія (каноны 3-й и 7-й), которыми отменяются прежнія церковныя запрещенія вѣрующимъ вступать въ ряды войска и занимать различныя гражданскія должности. То, что прежде было воспрещено, вмѣняется теперь, въ виду мира, дарованнаго Константиномъ церкви, въ обязанность и во всякомъ случаѣ не считается влекущимъ за собою необходимость прекращенія общенія съ церковью. Во времена языческихъ императоровъ христіане-воины часто дезертировали и не осуждались за то своею церковною властью. Въ разсматриваемое время, напротивъ того, христіанскіе воины, покинувшіе свои знамена, разсматривались какъ покинувшіе защиту христіанской религіи и подлежали отлученію отъ церкви ²⁾. Равнымъ образомъ, въ языческое время христіане, занимавшіе различныя должности, въ виду того, что эти должности находились въ извѣстной связи съ языческимъ культомъ, должны были до окончанія срока своихъ должностей,

¹⁾ Что таковъ былъ обычай, существовавшій въ церквахъ запада еще въ III столѣтіи, въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ посланія Кипріяна къ Антоніану, на которое намъ не разъ приходилось уже ссылаться. Et ideo, говоритъ въ этомъ посланіи Кипріянь,—frater carissime, poenitentiam nec agentes, ne dolorem delictorum suorum toto corde et manifesta lamentationis suae professione testantes, prohibendos omnino censuimus a spe communicationis et pacis, si in infirmitate atque in periculo coeperint deprecari; quia rogare illos non delicti poenitentia, sed mortis urgentis admonitio compellit, nec dignus est in morte accipere solatium, qui se non cogitavit esse moriturum (*Mansi*, I, 861; А и В).

²⁾ Такъ вполне правильно, по нашему мнѣнію, толкуетъ *Hefele* (*Concilien-gesch.*, I, 206—207) третій канонъ собора въ Арлѣ, гласящій: De his qui arma projiciunt in pace (то-есть, по наступленіи мира, дарованнаго Константиномъ царями), placuit abstineri eos a communione.

воздерживаться от церковнаго общенія ¹⁾. Правило это отмѣнено было 7-мъ канономъ собора въ Арлѣ. Кромѣ того, наши каноны содержатъ постановленія о недопущеніи къ церковному общенію такъ-называемаго *auſigae* и *scenici*, то-есть, возницъ цирка и актеровъ театра (кан. 4-й и 5-й).

Теперь мы должны обратиться къ рассмотрѣнію покаянныхъ правилъ, установленныхъ на помѣстныхъ соборахъ Восточной церкви—Анхирскомъ, Неокесарійскомъ и Гангрскомъ, и на первомъ вселенскомъ соборѣ въ Никее. Правила эти хотя и не введены были сразу во всемъ своемъ объемѣ, въ особенности относительно степеней покаянія, въ церквахъ запада, тѣмъ не менѣе воослѣдствіи оказали большое вліяніе на покаянную систему Западной церкви.

Начало точному опредѣленію покаянной системы и классификаціи церковныхъ взысканій положено было на востокѣ знаменитымъ ученикомъ Оригена, епископомъ Понтскимъ, св. Григоріемъ Чудотворцемъ, написавшимъ между 258 и 262 годами посланіе къ сосѣднимъ епископамъ, въ которомъ онъ, по ихъ просьбѣ, излагаетъ свое воззрѣніе на то, какъ слѣдуетъ относиться къ тѣмъ, которые во время нашествія Готовъ и Скноовъ принимали участіе въ языческихъ жертвоприношеніяхъ, ѣли мясо принесенныхъ въ жертву животныхъ и совершали другія грѣховныя дѣянія ²⁾. Посланіе это никонимъ образомъ не можетъ быть названо полнымъ кодексомъ церковныхъ взысканій уже потому, что оно устанавливаетъ церковныя взысканія только относительно одного разряда грѣховныхъ дѣяній. Если его сопоставить съ памятниками церковнаго права Западной церкви, то его скорѣе можно сравнить съ тѣмъ кодексомъ о такъ-называемыхъ *lap-i*, который изданъ былъ Кароагенскимъ соборомъ 251 года, чѣмъ, напримѣръ, съ Эльвирскими канонами. Тѣмъ не менѣе, это посланіе играетъ важную роль въ исторіи покаянной системы церкви въ томъ отношеніи, что въ немъ полагается основаніе различенію—такъ-называемымъ степенямъ покаянія (*gradus, stationes poenitentiae*). Эти степени покаянія были въ сущности степенями отлученія, такъ какъ ими выражалось лишеніе большаго или меньшаго количества церковныхъ правъ. Нераскаянный грѣшникъ вполне отлучался отъ церкви, раскаявшійся принимался

¹⁾ Еще 56-й канонъ Эльвирскаго собора постановлялъ: *Magistratus vero uno anno quo agit duumviratum placet, ut se ab ecclesia cohibeat.*

²⁾ Посланіе это напечатано у *Литургии*: *Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta*, I, 562.

въ общеніе съ церковью, но не сразу въ полное, а постепенно: ему, такъ-сказать, мало по малу возвращались права члена церкви. Съ теченіемъ времени за нѣкоторыя преступленія перестали опредѣлять полное отлученіе, а только частное, состоявшее въ лишеніи бѣльшаго или меньшаго количества церковныхъ правъ. Порядокъ отбыванія покаянія по степенямъ выработался примѣнительно къ порядку, установленному для оглашенныхъ ¹⁾). Подобно тому, какъ лица, желавшія сдѣлаться членами церкви, не сразу получали всѣ церковныя права, и кающіеся, желавшіе воссоединиться съ церковью, не сразу возвращалась вся полнота церковныхъ правъ. Равнымъ образомъ, подобно тому, какъ оглашенные по количеству полученныхъ ими церковныхъ правъ дѣлились на разряды, и относительно кающихся установлены были подобныя подраздѣленія, сообразно съ количествомъ возвращенныхъ имъ церковныхъ правъ. Подобный порядокъ покаянія былъ, по справедливому замѣчанію профессора Суворова ²⁾, первоначально въ сущности только періодомъ испытанія и не могъ точно также быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія наказанія, какъ и періодъ испытанія для оглашенныхъ. Но это только первоначально; впоследствии же, когда степени покаянія перестали быть исключительно только степенями воссоединенія для вполне отлученныхъ, а стали опредѣляться самостоительно и сдѣлались, такимъ образомъ, степенями не полного, если можно такъ выразиться, отлученія, то ихъ несомнѣнно стало возможнымъ разсматривать съ точки зрѣнія и наказанія. Въ покаянныхъ правилахъ Григорія Чудотворца степени покаянія опредѣляются самостоительно, то-есть, какъ степени частнаго или неполнаго отлученія, служащія самостоительнымъ наказаніемъ за извѣстныя грѣховныя дѣянія (сравн., напримѣръ, канонъ 8-й). Григоріемъ Чудотворцемъ различаются три степени покаянія, а именно: слушаніе (*ἀκροασις*), припаданіе (*ὀπίσσωσις*) и стояніе съ вѣрными (*σοστασις*) ³⁾. Впрочемъ, все

¹⁾ Сравн. статью *Якобсона* въ *Herzog's Realencyclopaedie*, II, 473.

²⁾ О церковныхъ наказаніяхъ, 64.

³⁾ Въ одиннадцатомъ канонѣ Григорія Чудотворца, въ отличіе отъ остальныхъ упоминается еще одна степень покаянія, а именно *προσλαοσις*, и подробно опредѣляется характеръ каждой покаянной степени. Мы не приняли въ соображеніе этого канона при изложеніи въ текстѣ содержанія правилъ Григорія Чудотворца въ виду того, что говоритъ по поводу этого канона Пётръ (I. с. р. 566): *deest in vatic. omnibus, in octo bodl. in valliell in petrob. in mozaquensi: unde vix dubium quin scholium sit ex canone 75 Basilli illie translaturum. Того же мнѣнія и большинство современныхъ уч-ныхъ.*

ученіе о степеняхъ покаяніа излагается въ самыхъ общихъ выраженіяхъ безъ точнаго опредѣленія, въ чемъ именно состояла каждая изъ указанныхъ выше степеней, и не можетъ считаться вполне установленнымъ.

Въ концѣ III и въ началѣ IV столѣтіа ученіе о степеняхъ покаяніа получило дальнѣйшее развитіе на небольшихъ соборахъ помѣстныхъ восточныхъ церквей, которые, по весьма вѣроятному предположенію Франка ¹⁾, собирались въ указанное время для болѣе точнаго опредѣленія церковной дисциплины. До насъ не дошло свѣдѣній о такихъ соборахъ, но на фактъ, что они дѣйствительно происходили, указываетъ то обстоятельство, что ученіе о трехъ степеняхъ покаяніа разсматривается отцами великаго собора, бывшаго въ Анкирѣ въ 314 году, какъ вполне установленное прежними каноническими правилами и общеизвѣстное.

Обращаемся теперь къ дѣяніямъ Анкирскаго собора.

Анкирскіе покаянные каноны, хотя и не представляютъ такого полнаго и подробнаго кодекса церковныхъ наказаній, какой заключается въ современныхъ имъ эльвирскихъ канонахъ, тѣмъ не менѣе все-таки могутъ быть подведены къ одному типу съ ними. Въ нихъ положено основаніе тому взгляду на церковныя взыскапіа, который получилъ полное господство въ правилахъ Василія Великаго, вслѣдствіе чего въ этихъ послѣднихъ за покаяніемъ окончательно упрочились черты наказанія ²⁾. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія изложимъ вкратцѣ содержаніе анкирскихъ покаянныхъ канонѳвъ. Что касается цикла грѣховныхъ дѣяній, за которыя на Анкирскомъ соборѣ назначены были церковныя взыскапіа, то необходимо обратить вниманіе на то, что, не смотря на краткость покаянныхъ правилъ этого собора, циклъ этотъ обнимаетъ собою всѣ важнѣйшія прегрѣшенія. Такъ, въ разбираемыхъ нами канонахъ упоминаются слѣдующіе грѣхи: отпаденіе отъ вѣры и идолослуженіе (кан. 1—9), содомскій грѣхъ (кан. 16—17), изгнаніе плода (кан. 21), прелюбодѣяніе (кан. 20), убійство (кан. 22—23) и волявованіе (кан. 24). За каждое изъ этихъ прегрѣшеній назначается опредѣленное церковное взыска-

¹⁾ *Franck. Buasdisciplin*, 567 и 568.

²⁾ По нашему мнѣнію, правила Василія Великаго являются заключительнымъ звеномъ длинной цѣпи долгаго историческаго процесса развитія, заключающагося въ медленномъ и постепенномъ преобразованіи возвращая на существо церковныхъ взыскапіа.

ніе, состоящее главнымъ образомъ въ отлученіи на извѣстный срокъ и въ покаяніи. При этомъ опредѣляются не только сроки отлученія и покаянія вообще, но и указывается, какъ въ предѣлахъ этихъ сроковъ время отлученія и покаянія распределяется между отдѣльными покаянными степенями. Такъ, напримѣръ, 9-й канонъ постановляетъ относительно тѣхъ, которые не только отпали отъ вѣры, но и учинились врагами церкви, слѣдующее: „три года да уважется имъ мѣсто между слушающими, шесть лѣтъ между припадающими, одинъ годъ да будутъ они въ общеніи, кромѣ причащенія, однимъ словомъ такъ, чтобъ они, не прежде, какъ исполнивъ десятилѣтіе, получали совершенное общеніе“. Равнымъ образомъ, ученіе о степеняхъ покаянія является вполне опредѣлившимся. Наши каноны точно опредѣляютъ и обозначаютъ три степени покаянія окончательно установившіяся въ современной имъ практикѣ церкви ¹⁾. Наконецъ, анкирскіе каноны полагаютъ основаніе и ученію о вмѣненіи и о различныхъ степеняхъ виновности, дѣлая различіе между убійствомъ вольнымъ и невольнымъ.

Въ виду всего сказаннаго анкирскіе каноны несомнѣнно должны быть признаны памятниками одного типа съ современными имъ эльвирскими канонами и съ позднѣйшими правилами Василия Великаго. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что они имѣютъ болѣе сходства съ правилами Василия Великаго, чѣмъ съ эльвирскими канонами. А именно съ эльвирскими канонами они сходны только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ съ правилами Василия Великаго они являютъ во всѣхъ отношеніяхъ одни и тѣ же начала.

Различіе между канонами анкирскими и эльвирскими заключается въ томъ, что анкирскіе каноны, хотя несомнѣнно рассматриваютъ церковныя взыскаія какъ наказанія, тѣмъ не менѣе обращаютъ вниманіе и на другое, первоначальное и преимущественное, такъ сказать, значеніе церковныхъ взыскаій, какъ мѣръ исправительныхъ и средствъ, врачующихъ больную нравственно душу человѣка, совершившаго грѣхъ. Подобное возрѣніе ясно выразилось въ 5-мъ канонѣ Анкирскаго собора, въ значительной степени умѣряющемъ и приводящемъ въ должную норму общій характеръ формализма въ назначеніи церковныхъ взыскаій. „Но епископы“—читаемъ въ этомъ

¹⁾ Кромѣ того, есть указаніе и на то, что въ рассматриваемое время образовалась еще одна степень покаянія, а именно степень плача. Указаніе это находится въ кан. 17 (ср. *Hefele Conciliengesch.*, I, 235—236.

канонѣ, — „да имѣють власть, испытавъ образъ обращенія, челоуколюбствовать или же назначить большее время покаянія. Болѣе всего да испытуется житіе, предшествовавшіе паденію и послѣдовавшее за онымъ, и такимъ образомъ, да размѣрится челоуколюбіе“. Главнымъ же образомъ о томъ, что Анкирскимъ соборомъ обращено было должное вниманіе на первоначальное значеніе церковныхъ взысканій, свидѣтельствуется то обстоятельство, что этимъ соборомъ нигдѣ не устанавливается отлученія навсегда, а самое тяжчайшее взысканіе, которое опредѣляется за самыя тяжкія преступленія, состоитъ въ лишеніи причащенія на всю жизнь, причемъ раскаявшійся грѣшникъ воссоединяется съ церковью на смертномъ одрѣ и удостоивается св. причащенія. Напротивъ того, какъ мы видѣли выше, въ эльвирскихъ канонахъ карательный элементъ въ церковныхъ взысканіяхъ и формализмъ въ назначеніи этихъ взысканій, приведенные Анкирскимъ соборомъ въ должную норму, доведены до крайности. Такимъ образомъ анкирскіе и эльвирскіе каноны, хотя и памятники одного типа, тѣмъ не менѣе различаются другъ отъ друга во многихъ весьма важныхъ отношеніяхъ.

Мы замѣтили выше, что анкирскіе каноны во всѣхъ отношеніяхъ являютъ одни и тѣ же начала съ позднѣйшими правилами Василия Великаго. Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что всѣ тѣ характеристическія черты, на которыя указываютъ въ правилахъ Василия Великаго, какъ на придающія покаянной системѣ этого отца церкви вполне своеобразный, рѣзко отличающійся отъ первоначальнаго характера церковной дисциплины, обликъ, могутъ быть указаны и въ анкирскихъ канонахъ. Такимъ образомъ, эти каноны являютъ началомъ того развитія покаянной системы, послѣднее звѣно котораго представляютъ собою правила Василия Великаго.

Чтобы окончить обзоръ покаянныхъ правилъ, установленныхъ на соборахъ восточной церкви въ разсматриваемомъ періодѣ, намъ необходимо познакомиться еще съ дѣяніями соборовъ Неокесарійскаго, перваго вселенскаго и Гангрскаго.

Покаянныя правила Неокесарійскаго собора имѣють въ высшей степени фрагментарный характеръ; слѣдовательно, соборъ не имѣлъ въ виду полного изложенія современной ему покаянной системы. Установленіе подобнаго воззрѣнія на значеніе неокесарійскихъ каноновъ важно, по нашему мнѣнію, въ томъ отношеніи, что имъ устраняется возможность невѣрнаго заключенія о характерѣ современной Неокесарійскому собору церковной дисциплины вообще. А именно,

нѣкоторыми изслѣдователями покаянная система церкви, современная Анкирскому и Неокесарійскому соборамъ, считается тѣмъ-то въ высшей степени не установившимся и въ высшей степени разнообразнымъ въ практикѣ отдѣльныхъ восточныхъ церквей ¹⁾). Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводится, между прочимъ, и то обстоятельство, что Неокесарійскій соборъ, собиравшійся почти одновременно съ Анкирскимъ, не оставилъ вовсе указаній на прохожденіе покаянія по степенямъ, между тѣмъ какъ постановленія о подобномъ прохожденіи находятся въ правилахъ Анкирскаго собора ²⁾). Но это доказательство теряетъ свою убѣдительность, если признать, что отцы Неокесарійскаго собора не имѣли намѣренія изложить въ полномъ составѣ современную имъ покаянную систему, а издали только нѣсколько покаянныхъ правилъ, установленіе которыхъ требовалось обстоятельствами времени. Мнѣніе наше подтверждается и самымъ текстомъ соборныхъ дѣяній, изъ котораго явствуетъ, что соборъ призналъ необходимымъ установить только нѣсколько специальныхъ покаянныхъ правилъ, покаянную же систему вообще считалъ вполне установившеюся и ссылался на оную, какъ на таковую. Такъ въ канонѣ III-мъ читаемъ: „Περὶ τῶν πλείστοις ἁμαρτίαις περιτιτόντων ὁ μὲν χρόνος ἀφ᾽ ἧς ὁ ἁρσιμένος...“. Вотъ почему изъ того обстоятельства, что въ правилахъ собора Анкирскаго упоминаются степени покаянія, а въ дѣяніяхъ собора Неокесарійскаго нѣтъ указанія на оныя, нельзя еще выводить заключенія о разнообразіи въ покаянной практикѣ отдѣльныхъ восточныхъ церквей въ рассматриваемое время. Наконецъ, укажемъ и на то обстоятельство, что, не смотря на краткость и неясность неокесарійскихъ канонѣвъ, изъ чтенія ихъ легко убѣдиться, что и воззрѣніе отцевъ Неокесарійскаго собора на самое существо церковныхъ взысканій было то же самое, что воззрѣніе отцевъ Анкирскаго собора. Въ подтвержденіе этого мы можемъ сослаться на указанный выше третій канонъ Неокесарійскаго собора, гдѣ послѣ указанія на то, что за многобрачіе установленъ точный срокъ покаянія, замѣчается, что подобное точное опредѣленіе не должно быть понимаемо буквально, что обращеніе и вѣра сокращаютъ время и даютъ возможность принять прегрѣшившаго въ общеніе съ церковью ранѣе опредѣленнаго срока. Это въ свою очередь указываетъ на то, что отцы Неокесарійскаго собора, подобно

¹⁾ Суворовъ, 65.

²⁾ Суворовъ, 66.

отцамъ собора Анкирскаго, заботились о томъ, чтобы формализмъ въ опредѣленіи церковныхъ взысканій былъ приведенъ въ должную норму.

Никейскіе каноны также не содержатъ въ себѣ подробныхъ покаянныхъ правилъ; тѣмъ не менѣе они играютъ важную роль въ исторіи церковныхъ взысканій, вопервыхъ—потому, что въ нихъ впервые выразилась общецерковная законодательная дѣятельность относительно церковныхъ взысканій, а вовторыхъ—потому, что въ нихъ указывается воззрѣніе вселенской церкви на самое существо отлученія и покаянія. Въ виду этого мы считаемъ необходимымъ познакомиться ближе съ содержаніемъ этихъ канонивъ.

Важнѣйшій изъ покаянныхъ канонивъ Никейскаго собора—это канонъ тринадцатый. Канонъ этотъ изложенъ слѣдующимъ образомъ: „О находящихся при исходѣ жизни, да соблюдается и нынѣ древній законъ церкви, чтобы отходящій не былъ лишаемъ послѣдняго и нужнѣйшаго напутствія. Если же, послѣ того, какъ отчаялись въ его жизни, и онъ былъ сподобленъ причащенія, онъ снова вернется къ жизни, да будетъ онъ между участвующими только въ молитвѣ. Вообще всякому отходящему, кто бы ни былъ, просящему причаститься евхаристіи, со испытаніемъ да преподасть епископъ“. Въ этомъ канонѣ окончательно авторитетомъ всей церкви разрѣшено было существовавшее между различными церквами разногласіе о томъ, могутъ ли лица, совершившія смертныя грѣхъ послѣ крещенія, быть воссоединяемы съ церковью и удостоиваемы св. причащенія. Церковь безусловно высказалась за допущеніе на смертномъ одрѣ къ причащенію всѣхъ грѣшниковъ, принесшихъ раскаяніе и желающихъ сподобиться причащенія святыхъ таинъ. Очевидно, что, согласно этому правилу, и совершившимъ смертныя грѣхъ не могло быть отказано въ причащеніи на смертномъ одрѣ.

Нельзя не признать, что приведеннымъ правиломъ Никейскаго собора окончательно выяснено истинное значеніе церковныхъ взысканій, которыя должны разсматриваться преимущественно не какъ наказанія за грѣхъ, а какъ исправительныя мѣры, принимаемыя церковью для побужденія грѣшниковъ раскаяться и обратиться къ Богу. Вотъ почему отлученіе навсегда и устранено было изъ покаянной системы церкви тринадцатымъ правиломъ Никейскаго собора ¹⁾.

¹⁾ Правило это можетъ быть равнымъ образомъ приведено и въ подтвержденіе высказаннаго нами выше мнѣнія, что совершившіе смертныя грѣхъ послѣ

Изъ остальныхъ канонѣвъ Никейскаго собора необходимо обратить вниманіе на тѣ, въ которыхъ говорится о покаянныхъ степеняхъ. Это каноны 11-й и 12-й. Въ одиннадцатомъ канонѣ читается: „Объ отступникахъ отъ вѣры, не по принужденію, или не по причинѣ отъятія имуществъ, или опасности или чего-либо подобаго, какъ то случилось въ Лициніево гоненіе, соборъ опредѣлялъ: являть милость имъ, хотя они и не достойны человеколюбія. Которые изъ нихъ искренно покаются, тѣ, если они уже принадлежали къ числу вѣрныхъ (то-есть, были уже крещены), да проведутъ между слушающими три года и семь лѣтъ да припадаютъ въ церкви; два же года да участвуютъ въ молитвахъ съ народомъ, кромѣ причащенія святыхъ таинъ“.

Интересенъ приведенный канонъ въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому, что въ немъ ясно различаются и окончательно узаконяются установившіяся въ Восточной церкви путемъ обычая въ концѣ III и въ началѣ IV столѣтія и признанныя уже, какъ мы видѣли выше на Анкирскомъ помѣстномъ соборѣ, три степени покаянія, такъ что съ одной стороны невозможно сомнѣваться въ томъ, что уже во времена Никейскаго собора существовалъ вполне опредѣленный порядокъ отбыванія покаянія, а съ другой—ясно, что въ разсматриваемое время не было еще четырехъ степеней покаянія; во-вторыхъ, потому, что онъ неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что церковныя взысканія по существу своему—преимущественно не мѣры наказанія, а мѣры исправленія, ибо даже за такое тяжкое прегрѣшеніе, какъ добровольное отпаденіе отъ вѣры, назначается не отлученіе навсегда, а только на извѣстный срокъ.

Въ 12-мъ канонѣ, въ которомъ назначается 13-лѣтнее пребываніе въ первыхъ двухъ покаянныхъ степеняхъ тѣмъ христіанамъ-воинамъ, которые, будучи на службѣ у императора Лицинія и увѣровавъ въ Бога истиннаго, покинули сперва знамена вождя-язычника, но по-

крещенія и въ предшествующія разсматриваемому времени, то-есть, во II и въ III вѣкахъ, въ большинствѣ христіанскихъ помѣстныхъ церквей допускались, послѣ принесенія ими дѣйствительнаго раскаянія и покаянія, къ возсоединенію съ Богомъ, и что ученіе о недопущеніи церковно-виновныхъ въ смертномъ грѣхѣ было только особенностью въ некоторыхъ (преимущественно западныхъ) помѣстныхъ церквей. А именно, отцы Никейскаго собора, устанавливая разобранное нами въ текстѣ правило, говорятъ, что дѣйствуютъ въ духѣ древняго церковнаго закона. Этимъ указывается, что соборное опредѣленіе основано на преобладавшемъ издревле въ большинствѣ помѣстныхъ церквей обычая.

томъ, въ виду различныхъ земныхъ благъ, снова возвратились въ ряды языческой рати ¹⁾, замѣчательна слѣдующая вторая половина: „Относительно всѣхъ подобныхъ надлежитъ обращать вниманіе на внутреннее душевное настроеніе и образъ раскаянія. Ибо, которые со страхомъ, и слезами, и терпѣніемъ, и благотвореніями, обращеніе являютъ дѣломъ, а не по наружности, — тѣхъ, по исполненіи опредѣленнаго времени слушанія, прилично будетъ принимать въ общеніе молитвъ. Даже да дозволено будетъ епископу отнестись къ нимъ еще человѣколюбивѣе. А тѣ, которые равнодушно понесли отлученіе и видъ вхожденія въ церковь сочли для себя довольнымъ къ обращенію, тѣ всецѣло да исполняютъ время покаянія“.

Въ только что приведенномъ правилѣ дается толкованіе того, какъ слѣдуетъ относиться къ каноническимъ опредѣленіямъ сроковъ покаянія. Епископу не вмѣняется въ обязанность буквальное и чисто-формальное пониманіе этихъ сроковъ. Напротивъ того, онъ главнымъ образомъ долженъ обращать вниманіе на внутреннее настроеніе кающагося, выражающееся въ усердіи къ благочестивымъ упражненіямъ и благотвореніямъ. Такимъ образомъ дѣйствительное раскаяніе и прилежаніе къ добрымъ дѣламъ значительно могутъ сократить сроки покаянія. Слѣдовательно, главное значеніе покаянія никейскіе каноны усматриваютъ въ томъ, что оно должно служить грѣшнику къ укрѣпленію въ немъ нравственнаго начала, каковое торжество добра надъ зломъ во внутреннемъ настроеніи кающагося должно выражаться внѣшнимъ образомъ въ молитвѣ, въ благочестивыхъ упражненіяхъ и въ благотвореніяхъ. Вотъ какимъ образомъ въ правилахъ Никейскаго собора согласованъ новый характеръ церковныхъ возсканій, какъ наказаній, въ смыслѣ опредѣленныхъ каноническими правилами воздаяній за различныя грѣховныя дѣянія, съ прежнимъ значеніемъ ихъ, какъ исправительныхъ мѣръ, споспѣшествующихъ грѣшнику примириться съ Богомъ и церковью.

Мы не остановимся подробно на разборѣ постановленій Гангрскаго собора, такъ какъ эти постановленія имѣли меньшее, сравнительно съ постановленіями другихъ соборовъ разсматриваемаго времени, влі-

¹⁾ Таково толкованіе, которое даетъ началу 12-го канона извѣстный историкъ соборовъ *Гефеле*, епископъ Роттенбургскій (*Concillengeschichte*, I, 415—416). Что здѣсь дѣло идетъ не о запрещеніи военной службы вообще, это доказано тѣмъ же Гефеле въ статьѣ, помѣщенной въ *Tuebingen theologischer Quartalschrift* (*Jahrgang* 1841, p. 386).

яніе на покаянную систему западной церкви, составляющую главный предмет нашего изслѣдованія. Упомянемъ только, что гангрскіе каноны отличаются крайнею суровостью. А именно, соборъ соединилъ всѣ свои постановленія съ анаевою на противомыслящихъ, означающею здѣсь не только отлученіе отъ церкви, но и совершенное отсѣченіе отъ всего христіанскаго общества. Но было бы невѣрно предположить, на основаніи этого суроваго характера гангрскихъ канонъ, что ко времени ихъ составленія произошелъ коренной переворотъ въ воззрѣніяхъ церкви на существо церковныхъ взысканій. Причину такой строгости соборныхъ постановленій слѣдуетъ, по справедливому замѣчанію преосвященнаго Іоанна въ его Курсѣ церковнаго законовѣдѣнія (томъ I, стр. 373), искать въ обстоятельствахъ времени, въ крайнемъ злѣ ученія Евстафіанъ, противъ котораго направлены гангрскіе каноны, и которое являлось не только противохристіанскимъ, но и противообщественнымъ, такъ какъ подрывало самыя основы жизни нравственной, христіанской и общественной. Въ заключеніе замѣтимъ, что нѣкоторые западные изслѣдователи видятъ въ гангрскихъ канонахъ зачатки такъ называемыхъ *excommunicationes latae sententiae* ¹⁾.

Переходимъ теперь къ покаяннымъ правиламъ отцевъ Восточной церкви. Изъ этихъ правилъ нами указано уже на правила Григорія Чудотворца въ связи съ исторіей покаянной системы въ томъ видѣ, какъ она выразилась въ покаянныхъ правилахъ соборовъ. Изъ остальныхъ покаянныхъ правилъ св. отцевъ на дисциплинарную систему Западной церкви имѣли вліяніе главнымъ образомъ правила Василія Великаго, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и обращаемся.

Мы замѣтили выше, что начала, легшія въ основу покаянныхъ правилъ Анкирскаго собора, во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ началами, проводимыми въ правилахъ Василія Великаго, такъ что, по нашему мнѣнію, нельзя признать правильнымъ воззрѣніе, по которому точка зрѣнія Василія Великаго на покаяніе существенно отличается отъ господствовавшаго въ прежнее время взгляда ²⁾. Для того, чтобы убѣдиться въ правильности нашего воззрѣнія, постараемся выяснитъ себѣ, въ чемъ, по мнѣнію противоположному нашему, заключаются характеристическія особенности покаянной системы Василія Великаго, и посмотримъ, окажутся ли эти характеристическія

¹⁾ *Richter*. Lehrbuch des Kirchenrechts. 7-te Auflage, p. 651, n. 7.

²⁾ *Суворовъ*, 65—69.

черты присущими только правиламъ указаннаго отца церкви, или общими этимъ правиламъ съ покаянными канонами Анкирскаго собора.

Прежде всего указываютъ на то, что основная мысль, на которой покоятся правила Василия Великаго, заключается въ томъ, что извѣстное число лѣтъ требуется для очищенія отъ таково-то грѣха; напротивъ, другое число лѣтъ потребно для очищенія отъ другого. Слѣдовательно—выводятъ далѣе заключеніе—Василій Великій разсматриваетъ покаяніе съ точки зрѣнія наказанія. Все это несомнѣнно, и на это, между прочимъ, кромѣ общаго характера покаянныхъ опредѣленій, указываютъ и самые термины *δικη*, *ἐπίτιμον* и *δημοσια καταδικαι*, которыми Василій Великій обозначаетъ публичное покаяніе ¹⁾. Но въ то же самое время правила Василия Великаго не отличаются отъ соборныхъ правилъ первой половины IV вѣка, такъ какъ и въ сихъ послѣднихъ покаяніе разсматривается какъ наказаніе, назначаются различные сроки покаянія и распределяются въ свою очередь по отдѣльнымъ покаяннымъ степенямъ, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ грѣхамъ. Затѣмъ, утверждаютъ, что Василій Великій видитъ въ покаяніи почти исключительно наказаніе. Съ этимъ положительно нельзя согласиться. Намъ кажется, что идея исправленія и предоставленія грѣшнику способа примириться съ Богомъ и церковью находится къ идеѣ наказанія въ правилахъ Василия Великаго въ такомъ же отношеніи, въ какомъ эти двѣ идеи находились другъ къ другу въ покаянныхъ канонахъ соборовъ первой половины IV в., а именно, что новая идея покаянія не вытѣснила собою прежнюю идею исправленія, а была приведена съ нею въ органическую связь, при чемъ первенствующее значеніе осталось все-таки за прежнею, искони присущею покаянію идеей исправленія. Это видно, какъ изъ того, что Василій Великій нерѣдко говоритъ о покаяніи, какъ о средствѣ, врачующемъ нравственно больную душу грѣшника (кан. 2-й), и полагаетъ существо этого средства въ удаленіи отъ грѣха (кан. 4-й), такъ и изъ общаго опредѣленія основнаго значенія покаянія, находящагося въ канонѣ 84-мъ, гдѣ прямо говорится, что о покаяніи „мы не по одному времени судимъ, но и взираемъ на образъ покаянія“, и что необходимо „да испытуются плоды покаянія“. Далѣе, уже изъ того обстоятельства, что правила Василия Великаго, по свидѣтельству ихъ самихъ, непосредственно заимствованы изъ обычаевъ церкви, правилъ святыхъ отцевъ и соборныхъ канонѣвъ, видно, что принципіальнаго

¹⁾ Ср. кан. 2, 50.

различія между изложенною въ нихъ и непосредственно предшествовавшей имъ составленію покаянной системой быть не могло. Однимъ словомъ, какъ указано нами выше, правила Василія Великаго представляютъ собою не что иное, какъ послѣднее звено развитія покаянной системы IV вѣка, первымъ звеномъ которой являются анкирскіе каноны. Въ этомъ-то и заключается главное значеніе правилъ Василія Великаго, что въ нихъ сведены были воедино всѣ источники церковнаго дисциплинарнаго права IV вѣка, а равнымъ образомъ, получили полное развитіе нѣкоторыя ученія, находящіяся только въ зачаточномъ видѣ въ предшествовавшихъ памятникахъ, какъ на примѣръ ученіе о грѣхахъ вольныхъ и невольныхъ. Въ заключеніе, для правильной оцѣнки значенія покаянныхъ правилъ Василія Великаго слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что ученіе о степеняхъ покаянія, хотя и вполне обоснованное въ покаянныхъ канонахъ Анкирскаго и Никейскаго соборовъ, полного развитія достигло только въ правилахъ Василія Великаго, гдѣ мы уже встрѣчаемся съ четырьмя покаянными степенями, а именно съ тремя древними и съ вновь образовавшеюся степенью плача.

Чтобы закончить обзоръ памятниковъ дисциплинарнаго права Восточной церкви, имѣвшихъ въ послѣдствіи вліяніе на покаянную систему запада, необходимо обратить вниманіе на сборникъ апостольскихъ правилъ, составленный въ концѣ IV вѣка ¹⁾. Этотъ памятникъ, заключающій въ себѣ по нѣкоторымъ спискамъ 50, а по другимъ 85 канонѣвъ, въ особенности важенъ для исторіи такъ-называемыхъ особенныхъ церковныхъ наказаній, то-есть, наказаній, налагаемыхъ на клириковъ и состоящихъ въ потерѣ или пораженіи специальныхъ правъ, вытекающихъ изъ особаго положенія клириковъ въ составѣ церковнаго общества ²⁾. Что же касается общихъ церковныхъ взысканій, исторіей которыхъ мы теперь занимаемся, то изъ апостольскихъ правилъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе правило 52-е, согласно которому грозитъ лишеніемъ священнаго сана епископу и пресвитеру, не пріемлющимъ обращающагося отъ грѣха. Здѣсь, слѣдовательно, мы встрѣчаемся съ воззрѣніемъ на покаяніе, которое,

¹⁾ Правила св. апостоловъ и мужей апостольскихъ сохранились первоначально посредствомъ устнаго преданія. Затѣмъ въ III и IV вѣкахъ они были записаны и приспособлены къ современнымъ отношеніямъ, а въ концѣ IV вѣка изъ нихъ составленъ былъ сборникъ. Сравни. *Bickell. Geschichte des Kirchenrechts*, I, 83—84.

²⁾ *Суворова*, 226.

какъ мы указали выше, господствовало въ церкви въ первыя три столѣтія христіанскаго лѣточисленія и окончательно утверждено было на Никейскомъ соборѣ, и согласно которому, предписывалось принимать всѣхъ кающихся грѣшниковъ, даже совершившихъ смертный грѣхъ. Въ правилахъ, опредѣляющихъ церковныя взыскапія за отдѣльныя прегрѣшенія, ни сроки, ни способы отбытія взыскапія не указываются. Въ большинствѣ случаевъ угрожается отлученіемъ безъ дальнѣйшаго опредѣленія подробностей. Это указываетъ на глубокую древность правилъ не только относительно содержанія, но и относительно формы. Въ заключеніе замѣтимъ, что апостольскія правила имѣли большое вліяніе и на покаянную систему Западной церкви, не смотря то, что они на Римскомъ соборѣ, бывшемъ при папѣ Геласіи, признаны были апокрифическими и отвергнуты.

Вотъ тотъ циклъ памятниковъ дисциплинарнаго права Восточной церкви, который послужилъ впоследствии источникомъ для составителей западно-европейскихъ сборниковъ покаянныхъ правилъ (*libri poenitentiales*).

Переходя теперь къ покаянной системѣ Западной церкви во второй половинѣ IV и въ первой V столѣтія, мы прежде всего должны отмѣтить замѣчательный фактъ, что на сколько выработавшееся въ IV вѣкѣ въ Восточной церкви покаянное право играло видную роль въ позднѣйшей исторіи покаянной системы Западной церкви, на столько же оно лишено было всякаго значенія въ современной ему западно-европейской церковной практикѣ.

Несомнѣнно, что основное воззрѣніе вселенской церкви на существо покаянія, выразившееся въ 13-мъ канонѣ Никейскаго собора, пользовалось на западѣ такимъ же признаніемъ, какъ и на востоцѣ¹⁾; но тотъ порядокъ отбыванія церковныхъ взыскапіи, который, какъ мы видѣли выше, установился на востоцѣ въ началѣ IV вѣка, былъ принятъ на Никейскомъ соборѣ и состоялъ въ назначеніи для отдѣльныхъ прегрѣшеній опредѣленныхъ сроковъ покаянія, распредѣлявшихся въ свою очередь по покаяннымъ степенямъ,—не получилъ въ разсматриваемое время господства въ Западной церкви. Здѣсь, за исключеніемъ Испанской церкви, имѣвшей свои эльвирскіе каноны, не опредѣлено было точныхъ сроковъ покаянія за отдѣльныя грѣ-

¹⁾ Впрочемъ, что всѣхъ кающихся грѣшниковъ, даже совершившихъ смертный грѣхъ, слѣдуетъ принимать въ общеніе съ церковью, было исконнымъ воззрѣніемъ Римской церкви.

ховныя дѣянія, не проведено было начало дѣленія кающихся по степенямъ покаянія, а назначеніе сроковъ предоставлено было, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ самого порядка отбыванія взысканій, по прежнему на усмотрѣніе епископа. Въ виду этого вся покаянная система Западной церкви въ разсматриваемый періодъ является въ высшей степени простою и несложною. Вся она вѣрно выражена ѿ точно описана въ немногихъ словахъ папою Иннокентіемъ I въ посланіи къ Деценцію ¹⁾. Вотъ эти слова: „De poenitentibus vero, qui sive ex gravioribus commissis, sive ex levioribus poenitentiam gerunt, si nulla interveniat aegritudo, quinta feria ante pascha eis remittendum Romanae ecclesiae consuetudo demonstrat. Ceterum de pondere aestimando delictorum, sacerdotis est judicare, ut attendat ad confessionem poenitentis, et ad fletus atque lacrymas corrigentis, ac tunc jubere dimitti, cum viderit congruam satisfactionem. Sane si quis in aegritudinem inciderit, atque usque ad desperationem devenerit, ei est ante tempus paschae relaxandum, ne de saeculo absque communionem discedat“. Равнымъ образомъ, и въ дѣяніяхъ знаменитаго Карфагенскаго собора 419 года, такъ точно разрѣшившаго различные вопросы церковнаго управленія и составившаго настоящій сводъ постановленій предшествовавшихъ африканскихъ соборовъ, мы не встрѣчаемъ точно опредѣленнаго порядка покаянія. Назначеніе сроковъ покаянія грѣшникамъ всецѣло предоставляется епископу. „Ut poenitentibus, pro peccatorum differentia, episcoporum iudicio poenitentiae tempus constituatur ²⁾. Вотъ все, что говорится въ карфагенскихъ канонахъ о томъ, какъ опредѣлять покаяніе прегрѣшающимъ.

Для полной характеристики покаянной системы разсматриваемаго періода необходимо упомянуть еще объ одномъ постановленіи паны Сириція, которымъ правило о воссоединеніи съ церковью всѣхъ кающихся на смертномъ одрѣ распространено и на совершившихъ смертныя грѣхъ во второй разъ, то-есть, послѣ отбытія публичнаго покаянія за совершенный впервые послѣ крещенія смертныя грѣхъ ³⁾, и о

¹⁾ *Mansi*, III, 1030.

²⁾ Ср. can. 46 consilii Carthagensis въ *Синодичонъ Бесериджа*, I, 568.

³⁾ Совершившихъ смертныя грѣхъ во второй разъ пана, какъ видимъ изъ его посланія къ Гимерію, епископу Тарраконскому (*Mansi*, III, 657), допускаетъ къ участию въ церковномъ богослуженіи и къ присутствію при совершеніи таинства евхаристіи, но причащеніе св. таинъ разрѣшаетъ удостоивать ихъ только тогда «cum ad dominum coeperint proficisci».

двухъ канонахъ Кароагенскаго собора (46-мъ и 133-мъ), ограничивающимъ циклъ грѣховныхъ дѣяній, за которыя полагается публичное покаяніе, въ томъ отношеніи, что для примѣненія публичнаго покаянія требуется совершеніе явнаго грѣха или добровольное публичное признаніе въ тайно совершенномъ грѣхѣ ¹⁾).

Таковъ былъ общій характеръ покаянной системы разсматриваемаго періода. Посмотримъ теперь, каковъ былъ взглядъ Западной церкви на отдѣльныя покаянныя дѣйствія. Не смотря на то, что главное значеніе въ покаяніи приписывалось дѣйствительному раскаянію, тѣмъ не менѣе и тѣ благочестивыя упражненія, которыми сопровождалось покаяніе, и въ этотъ періодъ имѣли въ извѣстной степени самостоятельное значеніе. При покаяніи за тяжкія прегрѣшенія они споспѣшествовали покаянію, а при покаяніи за маловажныя грѣхи, за такъ-называемыя *delicta quotidiana*, они заключали въ себѣ все покаяніе, и какъ умиловительная жертва, погашали собою проступокъ. Блаженный Августинъ упоминаетъ о *peccata quotidiana*, какъ о такихъ прегрѣшеніяхъ „*pro quibus etiam sacrificia eleemosynarum, jejuniarum et ipsarum orationum ac supplicationum quisque pro suis viribus offerre non cessat*“ ²⁾. Въ особенности стали разсматриваться такъ милостыни бѣднымъ и пожертвованія церкви, устраивавшей на пожертвованныя деньги различныя благотворительныя учрежденія и покрывавшей этими деньгами расходы на богослуженіе и содержаніе клада ³⁾. Какъ на умиловительную жертву, смотрятъ на милостыни и пожертвованія въ церковь два великіе іерарха разсматриваемаго времени—Амвросій Медиоланскій и папа Левъ Великій. „*Recipiam habes, говоритъ Амвросій Медиоланскій* ⁴⁾),—*redime peccatum tuum. Non venalis est Dominus, sed tu ipse venalis es: redime te operibus tuis, redime te pecunia tua*“. Еще опредѣленнѣе выражается

¹⁾ У Блаженнаго Августина циклъ прегрѣшеній, за которыя назначается публичное покаяніе, опредѣленъ подобнымъ же образомъ. *Sermo 151 de poenitentia* (S. Augustini operum tomus V. Parisiis 1683, p. 1359): *Nos vero a communiione prohibere quemquam non possumus, nisi aut sponte confessum, aut in aliquo sive saeculari sive ecclesiastico iudicio nominatum atque convictum.*

²⁾ S. Augustini l. c. p. 1355.

³⁾ Папа Гелазій въ посланіи къ епископамъ южной Италіи и Сициліи (*Bullarium Romanor. Pontif., I, 107*) предписываетъ дѣлать пожертвованія вѣрущихъ на четыре части «*quarum sit una pontificis, altera clericorum, pauperum tertia, quarta fabricis applicanda*».

⁴⁾ De Elia jejuniis, c. 20.

Левъ Великій ¹⁾: „Si quid culparum in hac terrena habitatione contrahitur, eleemosynis deletur“.

Хотя такое возрѣніе на благочестивыя покаянныя дѣйствія, какъ на умиловительную жертву, установилось только въ сферѣ покаянія за маловажныя прегрѣшенія, тѣмъ не менѣе нельзя не обратиться на оное вниманія, такъ какъ оно въ послѣдствіи послужило исходной точкой для всего ученія о пенитенціяхъ въ церковномъ правѣ кельтическихъ и германскихъ народовъ. Эти младенствующіе народы не могли сразу усвоить себѣ истинно-христіанское высоко-нравственное значеніе покаянія: взглядъ на покаяніе, какъ на умиловительную жертву, былъ гораздо болѣе доступенъ ихъ пониманію; вотъ почему они примѣнили его не только къ покаянію за маловажныя прегрѣшенія, но и къ покаянію за самыя тяжкіе грѣхи ²⁾.

Подведемъ теперь итоги всему изложенному и посмотримъ, какіе элементы для созданія новой формациі церковнаго дисциплинарнаго права у вновь обращенныхъ германскихъ и кельтическихъ народовъ принесла съ собою церковь.

Первымъ изъ этихъ элементовъ является пенитенціальная система Западной церкви. Въ этой системѣ ученіе о покаяніи распадается на двѣ части — ученіе о покаяніи за тяжкіе грѣхи и ученіе о покаяніи за маловажныя прегрѣшенія. Въ ученіи о покаяніи за тяжкіе грѣхи карательный элементъ, въ виду приведенныхъ выше данныхъ, необходимо признать въ значительной степени ослабленнымъ сравнительно съ концомъ III и началомъ IV столѣтія, то-есть, сравнительно съ временемъ эльвирскихъ каноновъ и постановленій собора въ Арль. Вслѣдствіе ослабленія карательнаго элемента растетъ значеніе истинно-христіанскаго, высоко-нравственнаго возрѣнія на покаяніе, какъ на благодатное средство, даруемое грѣшнику для при-

¹⁾ Leonis Magni Sermo VI. Сравни. *Laurent. Etudes sur l'histoire de l'humanité. V. Les Barbares et le Catholicisme, 385—386.*

²⁾ Что перенесеніе возрѣнія на покаяніе, какъ на умиловительную жертву, состоящую главнымъ образомъ въ милостыняхъ и пожертвованіяхъ церкви, при наличности назвѣстныхъ условій, не представляло особыхъ затрудненій, видно изъ того, что зачатки подобнаго перенесенія встрѣчаются уже у христіанскихъ римскихъ писателей конца разсматриваемаго періода. Въ сочиненіи Сальвіана «*Libri IV adversus avaritiam (edit. Baluzii, Parisiis. 1699, p. 234)*» читаемъ даже слѣдующее мѣсто: «offerat ergo vel moriens *ad liberandam de peccatis poenitentibus animam suam, quia aliud jam non potest, saltem substantiam suam.*».

мирения съ Богомъ и его церковью¹⁾. Съ совсѣмъ инымъ воззрѣніемъ, какъ мы только что видѣли, встрѣчаемся въ сферѣ покаянія за маловажныя прегрѣшенія. Здѣсь получилъ полный перевѣсъ ветхозавѣтный взглядъ на покаяніе, какъ на умиловительную жертву, состоящую въ извѣстныхъ лишеніяхъ, налагаемыхъ на кающагося. Въ силу этого взгляда покаяніе за маловажныя грѣхи несравненно болѣе приближалось къ типу наказаній, въ особенности, какъ увидимъ ниже, къ тому типу наказаній, который преобладалъ въ ту эпоху у кельтическихъ и германскихъ народовъ.

Вторымъ элементомъ является цѣль памятниконъ покаяннаго права Восточной церкви, которые разсмотрѣны нами выше, и которые, начиная съ конца V вѣка, стали распространяться, преимущественно въ латинскихъ переложеніяхъ, по западу Европы. Въ греческомъ покаянномъ правѣ, какъ мы имѣли случай убѣдиться выше, карательный и формальный элементы являются въ гораздо болѣе развитомъ видѣ, чѣмъ въ правѣ Западной церкви; тѣмъ не менѣе и въ немъ новая идея наказанія не вытѣсняла собою древней идеи исправленія, а была приведена съ нею въ органическую связь, при чемъ преобладаніе осталось за идеей исправленія.

Вотъ тѣ элементы церковнаго покаяннаго права, сліяніе которыхъ съ германскими и кельтическими народными правовыми воззрѣніями предстоитъ намъ теперь прослѣдить.

Но прежде чѣмъ приступить къ выполненію этой главной части нашей задачи, мы считаемъ необходимымъ предпослать въ слѣдующемъ непосредственно за симъ отдѣлѣ краткій очеркъ системы особенныхъ церковныхъ взыскацій и наказаній въ первыя пять столѣтій христіанскаго лѣтосчисленія.

¹⁾ Этотъ истинно-христіанскій, высоко-нравственный взглядъ на покаяніе, какъ на благодатное средство для примиренія съ Богомъ, высказывается съ замѣчательною послѣдовательною Августинномъ въ его *Sermones de poenitentia*. (*Sermo* 151 и 152). И остальные церковныя взыскація Августинъ разсматриваетъ съ той же точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, отлученіе называется имъ «*prohibitio non mortalis sed medicinalis*». Такой же взглядъ на отлученіе и покаяніе, какъ на средства побудить грѣшника къ раскаянію, находимъ и въ посланіи Льва Великаго *ad Theodorum, Forojuliensem episcopum* (*Manst.* IV, 208).

В. Сокольскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИТАЛІЙСКІЯ НАДПИСИ ¹⁾.

II.

Двѣ древнѣйшія латинскія надписи.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ вопросъ о древнѣйшей письменности Латинскаго племени начинаетъ мало по малу выходить изъ того тумана, который окружалъ его въ глазахъ ученыхъ до этой эпохи. Изолированное положеніе латинскаго алфавита въ ряду другихъ его италійскихъ собратій — этрусскаго, умбрскаго, осскаго и сабелльскаго, созданное ему, между прочимъ, оригинальными буквами O, Q, F и двойнымъ значеніемъ V, какъ гласнаго u и согласнаго v, направленіе письма слѣва вправо, вопреки обратному теченію буквъ надписей прочихъ италійскихъ народовъ, и чрезвычайная молодость самыхъ древнихъ эпиграфическихъ памятниковъ Латинянъ, все это крайне затемняло вопросъ объ отношеніи ихъ письменности къ другимъ алфавитамъ и о времени появленія письма въ Лаціѣ. И какъ ни представлялось страннымъ, что доселѣ извѣстные образцы латинской графики не восходятъ раньше пятаго столѣтія Рима, или что то же, III столѣтія до Р. X., но не признать этого факта было бы трудно, и потому оставалось лишь ждать открытій въ этомъ случаѣ отъ дальнѣйшихъ успѣховъ археологическихъ изысканій на неистощимой почвѣ Италіи.

Эти ожиданія ученыхъ до нѣкоторой степени были удовлетво-

¹⁾ *Продолженіе.* См. мартовскую книжку Ж. М. Н. Пр. за текущій годъ.

рены открытіемъ въ 1860 году нѣсколькихъ надписей на небольшой территоріи древнихъ Фалисковъ, на границѣ Ладія, Этруріи и земли Сабинянъ. Языкъ этихъ надписей оказался въ существенныхъ чертахъ латинскимъ, все отличіе котораго заключалось въ нѣкоторыхъ провинціализмахъ лексическаго свойства; грамматическія же формы его были тѣ же, что и въ латинскомъ. Но гораздо важнѣе была эта находка со стороны палеографической: надписи были писаны алфавитомъ, останавливавшимъ на себѣ невольное вниманіе какъ своеобразіемъ нѣкоторыхъ буквъ, такъ и особенно своимъ теченіемъ справа влѣво. Специальное разсмотрѣніе этихъ графическихъ знаковъ, впрочемъ, скоро убѣдило ученыхъ въ томъ, что и фалиское, и латинское письмо принадлежатъ къ одной группѣ, что это двѣ ступени одного и того же письма,—древняя, удержанная небольшимъ народомъ Фалисковъ, не безъ вліянія сосѣдняго народа Этрусковъ, и новая, принадлежащая Латинянамъ, пошедшимъ въ развитіи графическихъ средствъ дальше и потому замѣнившимъ менѣе удобное письмо влѣво теченіемъ буквъ въ противоположномъ направленіи¹⁾.

Это открытіе, занимавшее италіанскихъ и нѣмецкихъ ученыхъ въ періодъ времени отъ 1860 до 1870 года, усилило надежду увидѣть когда-нибудь и чисто латинскій памятникъ того древняго способа писанія. Важные новые матеріалы, которыми обогащалась и продолжаетъ обогащаться латинская и италійская эпиграфика въ послѣдніе годы, при болѣе правильномъ методѣ археологическихъ раскопокъ и при болѣе активномъ отношеніи къ дѣлу археологіи со стороны италіанскаго правительства, заставляли думать, что на Апеннинскомъ полуостровѣ еще хранятся гдѣ-нибудь эти, столь желанныя, остатки архаической письменности Латинскаго племени.

Въ 1877 году эта надежда была обласкана случайною находкой, на берегу Фуцинскаго озера одной небольшой и тонкой бронзовой пластинки, заключавшей надпись, писанную способомъ, носящимъ имя вустрофидона (*Βουστροφιδών*). Извѣстный на италійской почвѣ изъ надписей сабелльскаго и этрусскаго происхожденія²⁾, онъ пред-

¹⁾ *Mommsen—Monatsbericht d. kgl. Preuss. Akad. d. Wiss. zu Berlin* 1860, p. 452 и слѣд.; *В. И. Модестовъ—Учен. Записки Каз. Университета* 1867, кн. 3, стр. 480 и слѣд. Касаясь здѣсь фалискихъ надписей мимоходомъ, мы не приводимъ всей литературы вопроса, тѣмъ болѣе, что вскорѣ должны будемъ говорить объ эпиграфическихъ памятникахъ Фалерій подробно.

²⁾ См. *Fabretti, Primo Suppl. al C. I. It. II, fasc. 1 p. 206.*

ставляетъ доселѣ небывалый образецъ въ латинской письменности. Прошли затѣмъ три года, и вотъ позапрошлую весною (1880 г.) уже въ стѣнахъ Рима находятъ памятникъ, писанный справа влѣво.

Какъ характеръ графики, такъ и лингвистическія особенности этихъ приобрѣтеній филологической науки заставляютъ насъ обратить на нихъ особенное вниманіе и дать о нихъ отчетъ тѣмъ изъ читателей, которые еще не имѣли случая ознакомиться съ комментаріями, появившимися на эти новые тексты въ западно-европейскихъ литературахъ ¹⁾.

1. Надпись на фуцинской бронзѣ.

Мѣдная пластинка имѣетъ 0,12 метра въ ширину и 0,11 вышины; по сторонамъ ея находятся отверстія, очевидно служившія для прикрѣпленія ея къ чему-то гвоздями. Надпись состоитъ изъ девяти строкъ, изъ которыхъ 1-я, 3-я, 4-я, 6-я и 8-я идутъ слѣва вправо, 2-я, 5-я, 7-я и 9-я влѣво. Въ настоящее время этотъ памятникъ находится въ Римѣ во владѣніи кн. Торлонія (principe Torlonia).

Литература: Barnabei, *Notizie degli Scavi di Antichità comunicate alla R. Accademia dei Lincei*. Roma 1877, p. 328 tav. XIII, Bücheler, *Rhein. Museum*, 1878, p. 489 слѣд.; Gamurrini, *Appendice al Corpus Inscriptionum Italicarum ed ai suoi Supplementi di Aridante Fabretti*. Firenze, 1880, p. 83; Jordan—Hermes, 1880, p. 5 слѣд.

Текстъ этой надписи слѣдующій:

caso. cantovio
s. apruf clano. cei
p. apurfine. e
salico. menur
bid. casontonio
socieque. doivo
m. atoierpattia.
pro l—bus. mar
tses.

¹⁾ Въ числу древнѣйшихъ образчиковъ латинской письменности нужно отнести и рядъ буквенныхъ знаковъ, недавно найденныхъ на стѣнахъ Рима эпохи царей и описанныхъ о. Bruzza въ *Annali dell' Inst.* 1876, p. 72 и слѣд., tav. d'agg. J. K. Направленіе большинства этихъ буквъ однако уже позднѣйшее. Впрочемъ, желателенъ былъ бы новый пересмотръ этой находки.

Чтеніе текста представляет затрудненія лишь въ строкѣ 7-й въ словѣ *atoierpattia*, гдѣ отъ буквы, отмѣчаемой нами *p*, осталась только верхняя часть, которая можетъ быть по своей формѣ отнесена и къ буквамъ *g*, *d* или даже *b*, да въ строкѣ 8-й отъ буквы *g* слова *partses* остатокъ очень малъ, хотя существованіе здѣсь именно этого знака не подлежитъ сомнѣнію. Незначительно испорчена буква *d* въ 5-й строкѣ въ словѣ *menurhid*.—О чтеніяхъ *doivom* 6-й строки и *l-bus* 8-й строки будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Caso—собств. имя (граепомен), не встрѣчавшееся доселѣ въ латинской письменности, можетъ быть идущее отъ основы на *op*, какъ *Kaiso*, или принадлежащее къ склоненію на *o*, если только была бы возможность доказать существованіе собств. имени *Casos*—*Casus*. Но ниже стоящее чтеніе *casontonio* = *Casontionium* вызываетъ на невольное сближеніе этихъ двухъ словъ.

Cantovios—родовое имя имен. пад. ед. ч. = *Cantuvius*, тоже неизвѣстное до сихъ поръ. Ср. однако такія *nomina gentilia* какъ *Cantinius*, *Cantulius* и др.: *CIL. I* п. 849 *L. Cantin(ius)*. *A. I*; 850 *L. Cantulius Mamerti fecit*.

Arufclano—прозваніе, заимствованное отъ мѣста, какъ *Tusculanus*, *Aequiculanus*, имен. пад. ед. ч. безъ суффикса *s* = *Aruficulanus*, столь же новое, какъ и два предшествующія слова (ср. однако *CIL. I* п. 181, *C. Arufenio. C. f.*). Отсутствіе конечнаго *s* уравниваетъ эту форму образованіямъ надписей *Fourio*, *Babbio*, *Modio* и мн. др. (*l. c. p.* 602 col. 4); что же касается до сочетанія согласныхъ *f+c+e* то доселѣ такового въ латинскомъ языкѣ мы не встрѣчали.

seip—аббревиатура неизвѣснаго значенія. Бюхелеръ склоненъ видѣть здѣсь, Марсійскій оффиціальнй титулъ, написанный также сокращенно, какъ писалось *cos* и *trib* = *consul*, *tribunus*. Сопоставляя этотъ знакъ, въ виду стоящаго рядомъ *finem*, съ *cirrus*, которое писалось иногда и съ однимъ *p* (*Gram. Lat. IV*, p. 574, not. K; *Notat. Sat. I*, 8, 12 вариантъ), и полагая, что значеніе защиты границъ или межи для этого слова было первоначальнымъ, обычное же употребленіе его въ смыслѣ пограничнаго или межеваго столба вторичнымъ, этотъ ученый выводитъ, что *Cirrus* = защитникъ границъ и было этимъ титуломъ нашей надписи. Въ этой формѣ оно встрѣчается, какъ прозваніе *gens Genutia* и собственнымъ именемъ героя римской легенды, подробно разказанной Овидіемъ (*Met. XV*, 505 слѣд.), не говоря уже о формѣ *Cirius*, какъ родовомъ имени. Не находя другаго болѣе близкаго слова, Бюхелеръ передаетъ этотъ новый титулъ словомъ *imperator*.

Такъ ли все это, покажутъ только будущіе успѣхи италійской эпиграфики; доколь же замѣтимъ, что надписи намъ представляютъ такіе титулы какъ *meddis, embratur* (= *imperator*) и *dicator*—последнее въ архаической лат. надписи Сполето.

arogfinem необходимо раздѣлить на два слова: *arog*—давно извѣстная форма = *arud* (Fest. p. 26 *arog* = *arud*) и *finem*. Въ значеніи границы слово *finis* употребляется обыкновенно во множественном числѣ, хотя существуютъ примѣры и обратнаго свойства, какъ здѣсь: ср. Cat.—*finem Reginum atque Taurianum*; Cic. Caecin. 8 *intra finem eius loci, quem oleae terminabant* и др. (Forcellini—De Vit. s. v.).

Esalico согласовано, очевидно, съ *finem* и потому вин. пад., безъ суффикса *m* = *Issalicum*, — смыслъ слова открытъ Вюхелеромъ при помощи слѣдующаго сообщенія Діонисіа Галикарнасскаго объ островѣ Issa и городѣ *Magvium* при Фуциѣскомъ озерѣ, въ странѣ Марсовъ (R. A. I, 14): 'Από δὲ σταδίων ὀγδοήκοντα Ρεάτου, τοῖς εἰσιούσι διὰ τῆς Ἰουρίας ὁδοῦ παρὰ Κόρητον ὄρος Κορσοῦλα νεωστὶ διεφθαρμένη. Δείκνεται δὲ τις καὶ νῆσος Ἰσσα αὐτῇ ὄνομα, λίμνη περίρρυτος ἣν χωρὶς ἐρύματος ποιητοῦ κατακῆσαι λέγονται, τοῖς τέλμασι τῆς λίμνης, ὅποσα ταίχρασι, χρώμενοι. Πλησίον δὲ τῆς Ἰσσης Μαρσῶνιον, ἐπὶ τῷ μυχῷ τῆς αὐτῆς λίμνης κατεμένη.

menurbid — слово доселѣ неизвѣстное, но напоминающее своимъ начальными слогами образованія *Menervai, Menervae* (CIL, I, p. 586, col. 2), *pro-menervat* (Fest. p. 205, *promenervat* — *pro monet*); по формѣ—твор. пад. ед. ч. склоненія основъ на 1 и значить, по видимому, *sententia, consulto*, что Оски обозначали словомъ *tanginod, tanginud*, какъ *senateis tanginod* = *senati consulto*, или *kombenniefs tanginud* = *conventus scito* (наша Syll. inscr. Osc. p. 142 s. v.). Ср. съ этимъ свидѣтельство Феста (p. 356): *Tongere Aelius Stilo ait noscere esse, quod Praenestini tongitionem dicant pro notionem*. Именительный пад. этого слова былъ бы *men-ur-bis*, а въ чисто марсіейской формѣ *men-ur-fis* (о равенствѣ лат. *b* итал. *f* была уже рѣчь выше). Основообразовательные суффиксы *ur* = *er* (ср. *Men-er-va, cat-er-va* пов-er-са и пр.), а *bi* очевидно родственно суффиксу *bo-ba*: ср. *acer-bu-s* и т. д.

Casantonio находится въ зависимости отъ *menurbid*, и какъ можно судить по аналогіи *senatus sententia* и пр., представляетъ собою родит. пад. множ. ч. склоненія основъ на *O* = *Casuntuniorum*, — имя одной крестьянской или деревенской общины, на которыя дѣлился Марсіейскій народъ, о чемъ ясно говоритъ Фестъ (p. 371): *Vici appellari incipiunt ex agris, qui ibi villas non habent, ut Marsi aut Pe-*

ligni, sed ex vicis partim habent rem publicam. Объ этихъ *Casuntunii* мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній изъ другихъ источниковъ, но имя напоминаетъ выше указанное *Caso*, а также названія мѣстъ *Casinum*, *Casentium* и др. (*Forcellini Opom. s. v.*). По отсутствію *m* на концѣ ср. формы род. пад. множ. ч. *Romano*, *Caleno*, *Cosano* или *Cozano* и др. (*CIL. I, p. 604, col. 2*).

socie-que — имен. пад. множ. ч. склоненія основъ на *O* = *sociique*; форма на *e* засвидѣтельствована была уже прежде: *plouime*, *III vige* (*CIL. I, p. 604, col. I.*).

doivom — доселѣ небывалая форма, которую въ архаической латини замѣняли образованія съ дифтонгомъ *ei* въ коренной части вмѣсто этого *oi*: ср. *deivae*, *deiva*, *deivis* республиканскихъ надписей (*CIL. I, p. 578, col. 2*) или въ осскомъ языкѣ *deivai*, *deivaid* и пр. (*Sylloge p. 101, s. cv.*). Необычность этого *oi* въ данномъ случаѣ такъ велика, что первые издатели Барнабеи и Фиорелли, а отсюда и Гамуррини, вмѣсто *DOIVOM* читали *DONOM*. Ошибка рѣзчика была бы здѣсь легка и весьма возможна, потому что онъ же въ 8-й строкѣ въ словѣ *L — NIBVS* буквы *N* и *I* слилъ въ одинъ знакъ, не сдѣлавъ никакого промежутка между ними. Но все же прежде, чѣмъ исправлять текстъ, будетъ справедливѣе подождать новыхъ данныхъ на эпиграфическомъ полѣ. Ниже, при разборѣ надписи, найденной въ Римѣ, мы встрѣтимъ столь же необыкновенную и странную форму *poisi* вмѣсто *peisi* другихъ памятниковъ; между тѣмъ написаніе ея совершенно ясно и не подлежитъ никакому сомнѣнію.

atoierpattia — слово нигдѣ не встрѣчавшееся и въ этимологическомъ отношеніи непонятное. Бюхелеръ предполагаетъ здѣсь, въ случаѣ вѣрности чтенія *doivom*, значеніе *consessui*, такъ что *doivom atoierpattia* было бы = *divom, divorum consessui*. Но это опредѣленіе только гадательное и не имѣющее никакой лингвистической одоры. Тоже самое нужно сказать и о попыткѣ Юрдана раздѣлить это написаніе собственнаго имени на два слова — *atoier* объясняемое имъ какъ родительный пад. ед. ч. (съ звукомъ *r* замѣнившимъ конечное *s*) зависящій отъ *divom* — винит. п. = *sacrum*, и *dattia* — неизвѣстный глаголъ 3 л. мн. ч., равный по окончанію формѣ *deda* лат. надписи изъ Пизавра (*CIL. I, p. 177*). При толкованіи Бюхелера, наше слово получаетъ форму дат. пад. ед. ч. безъ *i* суффикса, равную употребленіямъ *Minerva*, *Feronia*, *Matuta* и др. (*CIL. I, p. 603 col. 2*). Обра-

зование — весьма возможное, но только подъ условіемъ правильности чтенія *doivom*; въ противномъ случаѣ, можетъ быть, пришлось бы видѣть здѣсь вин. пад. ед. ч., безъ суффикса *m*, и значеніе слова необходимо нужно было бы искать въ названіи предмета, принесеннаго въ даръ (*donom*). Желая проникнуть въ смыслъ этого слова, Бухелеръ сопоставляетъ здѣсь и недостаточно доказанное чтеніе *Atte pata* надписи (CIL. V, n 766) и слова *atta*, *Ateii*, умбрское *Atiiersiur = Attidii*, *Melerpanta*, *Φερεφάττια*; но все это, повторяемъ, пока не имѣетъ никакой силы для освѣщенія темнаго слова. Яснѣе для насъ примѣръ удвоенія *t*, восходящій выше той эпохи, къ которой относится этотъ способъ геминаціи согласныхъ въ латинской письменности.

pro l—nibus: величина лакуны въ памятникѣ позволяетъ предположить здѣсь чтеніе *l(egio)nibus*. Если это возстановленіе, предложенное Бухелеромъ, вѣрно, то *Caso Santovios Arufclano* приносилъ здѣсь даръ за свои марсійскіе легіоны, подобно тому, какъ (CIL. I, n. 188): *M. [Aim]ilio. M. f. C. An[io C. f. prai]toris. pro. ro[plod Di]ti. dedere.*

Martses—твор. пад. множ. ч. склоненія основъ на *A=Marsis*; по окончанію этотъ примѣръ равенъ чтенію *puges* надгробной надписи мима Протогена (CIL. I, n. 1297): *... plougrima quae fecit populo soveis gaudia puges*. Образованіе дат. твор. множ. на *es* представляетъ собою видоизмѣненіе ближайшей ступени *eis*, (ср. l. c. p. 604 col. 3—4), совершившееся путемъ ассимиляціи и стяженія сосѣднихъ гласныхъ. Но болѣе этого склоненія останавливаетъ здѣсь вниманіе примѣръ ассимиляціи *tj* въ *ts*, доселѣ нигдѣ не встрѣчавшійся ни въ надписяхъ, ни у древнихъ грамматиковъ. До сихъ поръ обыкновенно полагаютъ, что *ti—tj* переходитъ въ *sj*, и наконецъ, послѣ выпаденія *j*, остается одно *s*: *Martius—Martjus—Marsjus—Marsus* или *Bantius—Bantjus—Bansjus—Bansus* (ср. *Bansae* на осской *Tabula Bantina*). Теперь приходится на этотъ счетъ думать иначе ¹⁾.

Полный переводъ нашей надписи будетъ приблизительно слѣдующій:

¹⁾ Нельзя ли однако разсматривать *ts* нашего примѣра за простой графическій знакъ, которымъ старались передать тотъ новый свистящій звукъ, явившійся изъ комбинаціи *t+j*, похожій, можетъ быть, на *z*? Исчезновеніе послѣдней буквы изъ практики, статья можетъ, и было причиной употребленія здѣсь этого сложнаго знака.

Caso Cantuvius Apruficulanus imperator
apud finem Issalicum scitu Casuntuniorum
sociique divorum consessui (?) pro legionibus Marsis.

Въ этомъ текстѣ такимъ образомъ выпущены глаголь, обозначающій фактъ принесенія въ даръ или посвященія онаго, и названіе посвящаемаго предмета. Та и другая особенность не представляютъ, впрочемъ, ничего новаго въ латинской и италійской эпиграфикѣ. Но повторяемъ, этотъ переводъ лишь приблизительный, и пониманіе словъ марсійскаго діалекта *seip.*, *atoierpattia*, или какъ читали Барнабей и Фиорелли, *atoierbattia*, только проблематическое ¹⁾. Не будемъ забывать и чтенія *doiivom*.

Слова *Martses*=*Marsis*, *Esalico*, относящееся, какъ сказано выше, къ острову *Issa*, входившему въ территорію Марсовъ, и мѣсто, гдѣ найдена наша надпись, ясно говорятъ за принадлежность ея къ циклу марсійскихъ надписей. Какъ и всѣ другіе, доселѣ извѣстные образцы этого рода, она представляетъ лишь лексическія, но не грамматическія отличія отъ латинскаго языка.

Какъ рано началась латинизація марсійскаго діалекта, мы въ точности не знаемъ; равно трудно сказать, шла ли эта метаморфоза марсійской идиомы въ латинскую мирнымъ или военнымъ путемъ. Могло статься, что латинскій языкъ, распространившись на западную часть Сабинской земли, уже прежде враждебныхъ столкновеній Рима съ Марсами, мало по малу проникалъ до окрестностей Фузинскаго озера и исподволь ассимилировалъ себѣ діалекты и говоры этихъ мѣстъ. Но могло быть иначе, или другими словами, это латинизированіе могло начаться наиболѣе замѣтнымъ образомъ со времени Самнитскихъ войнъ, когда подняли оружіе и Марсы. Первое столкновеніе ихъ съ Римомъ, если не ошибаемся, относится ко времени второй Самнитской войны, и именно къ 450—452 г. римскаго лѣтосчисленія, какъ объ этомъ говоритъ Ливій въ разказѣ о пораженіи Эквовъ (IX, 45): *post per exploratores conpertis hostium consiliis ad singulas urbes circumferendo bello unum et triginta oppida intra dies quinquaginta omnia oppug-*

¹⁾ Доказательствомъ шаткости пониманія новооткрытаго марсійско-латинскаго текста можетъ служить и разногласіе переводовъ Бюхелера и Иордана. Последний ученый видитъ здѣсь слѣдующій смыслъ: *Caso Cantuvius Apruficulanus cirpium apud finem Essalicum (?) scitu (pagi) Casontuniorum sociique sacrum Auoies (statuerunt)*.

pando ceperunt, quorum pleraque diruta atque incensa, nomenque Aequorum prope ad internecionem deletum. De Aequis triumphatum; exemploque eorum clades fuit, ut Marrucini, Marsi, Paeligni, Frentani mitterent Romam oratores pacis petendae amicitiaeque; или не много ниже подъ 452 г. (X, 3): Eodem anno Romae cum Vestinis petentibus amicitiam ictum est foedus. Multiplex deinde exortus terror. Etruriam rebellare ab Arretinorum seditionibus motu orto nuntiabatur, ubi Cilnium genus praepotens divitiarum invidia pelli armis coeptum, simul Marsos agrum vi tueri, in quem colonia Carseoli deducta erat quattuor milibus hominum scriptis и т. д. Упоминаемая здѣсь латинская колонія Carseoli, вмѣстѣ съ основанными за годъ предъ тѣмъ Alba на берегу Фуцинскаго озера въ землѣ Эквовъ и Sora въ сосѣдней области Вольсковъ (Liv. X, 1 Soram atque Albam coloniae deductae. Albam in Aequos sex milia colonorum scripta. Sora agri Volsci fuerat, sed possederant Samnites; eo quattuor milia hominum missa), были хорошими разсадникомъ латинскаго языка.

Какъ бы то ни было, ясно только одно, что языкъ Марсовъ и Эквовъ не уклонялся отъ латинскаго въ степени, равной діалектамъ умбро-сабелльской группы. Иначе онъ не слился бы съ нимъ такъ скоро и не прошелъ бы почти безслѣдно.

Къ какому времени относится наша надпись? По формѣ вустрофидона мы, конечно, могли бы считать ее памятникомъ очень древнимъ; но другія палеографическія и лингвистическія основанія заставляютъ быть въ этомъ случаѣ очень умѣренными и осторожными. Будь эта надпись дѣйствительно таковою, мы не встрѣчали бы здѣсь С на мѣстѣ К въ Caso, Cantovios, Aprufclano, seip. и пр., тогда не стояло бы здѣсь окончанія -bus въ I—bus, а -bos (ср. CIL. I, n. 196 pavebos—можетъ быть, по восстановленію антикваріевъ и грамматиковъ времени императора Клавдія); для отдаленной древности странно также и стяженіе дифтонга ai въ e формы Martses, которая, кромѣ того, оригинальна и по ассимиляціи ts. Не имѣя возможности опредѣлить время этого памятника съ точностью, Бухелеръ замѣчаетъ только, что надпись не можетъ быть отнесена позднѣе пятого столѣтія Рима, и что, вѣроятно, уже во вторую Самнитскую войну языкъ Марсовъ по формамъ былъ латинскій.

2. Новооткрытая Римская надпись.

Молодой римскій археологъ Генрихъ Дрессель разъ замѣтилъ, что съ первыхъ чиселъ апрѣля 1880 года начали появляться въ антик-

варной торговлѣ вещи изъ глины, сильно отличавшіяся отъ того рода терракотъ которые въ значительномъ количествѣ доставлялись раскопками въ разныхъ частяхъ Рима, и въ особенности новѣйшими инженерными работами на Эсквилинѣ. Заинтересованный этою находкой, онъ произвелъ розыски относительно ея происхожденія, и съ достовѣрностью убѣдился, что новыя образчики гончарнаго производства древнихъ Римлянъ идутъ изъ раскопокъ небольшой лощины, лежащей между Квириналомъ и Виминаломъ (Vallata fra Quirinale e Viminale presso il versante meridionale del Quirinale e la chiesa di s. Vitale). Между этими вазочками, лампочками и другими глиняными предметами религіознаго характера обратилъ на себя особенное вниманіе Дресселя одинъ небольшой сосудецъ, состоящій изъ трехъ маленькихъ горшечковъ, соединенныхъ цилиндрическими звеньями въ равносторонній треугольникъ. По этой своеобразной вазочкѣ выдась въ одну или въ двѣ строки надпись несомнѣнно архаическаго стиля. Купивъ этотъ „товаръ“, не имѣвшій никакой цѣны въ глазахъ купца-антиквара, за ничтожную плату, Дрессель сдѣлалъ приобретение, равнаго которому по древности доселѣ латинская эниграфика не имѣла. Эта надпись несомнѣнно старше всѣхъ существующихъ и по формамъ языка, и по своимъ графическимъ свойствамъ. Достаточно сказать, что она писана справа влѣво,—образчикъ давно желанный ¹⁾, но кромѣ вышеуказаннаго вустрофидона, еще не встрѣчавшійся въ памятникахъ латинской письменности.

¹⁾ Въ нашей литературѣ горячимъ защитникомъ древности письма въ Латіи выступилъ г. *Модестовъ* въ вышеуказанномъ сочиненіи: «О Римской письменности въ періодъ царей», четырнадцать лѣтъ тому назадъ. Итальянскіе ученые теперь приветствуютъ его за эту счастливую и несомнѣнно вѣрную мысль въ своемъ основаніи: «E tra coloro ai quali questa bella pubblicazione del Dressel riuschira gradita conferma dell' opinione loro deve essere—пишетъ прое. Fr. D' Ovidio—ricordato un erudito russo, il prof. *Modestow*, autore di un libro egregio—intitolato «Der Gebrauch der Schrift unter den römischen Königen» (Berlino, Calvary, 1871). Egli si oppone con molta giustezza alla tendenza troppo scettica di alcuni eruditi tedeschi, che vollero portare l' origine dell' alfabeto romano ed i primordi del latino scritto ad epoca troppo recente; e passa in rassegna tutte le antiche testimonianze circa l' esistenza e il contenuto dei più antichi testi latini (leges regiae, foedera regum, libri pontificum ecet) e riferisce quelli chi son giunti fino a noi (carne degli Arvali, carne saliare) con le interpretazioni più plausibili. Non diciamo che nella scelta di queste sia stato sempre felicissimo, nè che manchino in tutto il libro affermazioni poco accettabili, e dati poco esatti. Con tutti però gli appunti, speciali o generici, che io, o altri di me più esperti, possa trovar da fare al libro del Mo-

Легко себѣ представить, какой интересъ возбудило это открытіе въ ученое мѣръ сначала Італіи, а потомъ и Германіи. Намъ пришлось быть въ Римѣ, спустя двѣ-три недѣли послѣ того, какъ сдѣлалось извѣстнымъ о находкѣ Дресселя въ одномъ изъ засѣданій нѣмецкаго археологическаго института (*Bul. dell' Inst.* 1880 p. 137 и слѣд.), и потому мы могли воочію убѣдиться, какъ сильно занималъ вопросъ объ этой надписи археологическіе кружки Рима. Генценъ, Гельбигъ, Мау, Фіорелли, Де-Росси, Барнабен и другіе представители римской археологии въ одинъ голосъ говорили о важности этого новаго памятника латинской эпиграфики, хотя тогда еще никто не зналъ ни его содержанія, ни текста, представлявшаго по своей формѣ на первыхъ порахъ непреодолимыя затрудненія. Самъ владѣтель находки, Дрессель, охотно предлагавшій любопытный оригиналъ всѣмъ, кто посѣщалъ его бѣдную квартирку въ плебейскомъ кварталѣ Марсова Поля, счелъ поэтому за лучшее снять съ надписи точное fac-simile и вмѣстѣ съ изображеніемъ сосуда послать эту копію профессору Бухелеру въ Боннъ, съ просьбой прійти на помощь Римскому институту въ данномъ случаѣ.

Этотъ ученый разобралъ надпись и сообщилъ о ней свое мнѣніе сначала въ письмѣ къ Дресселю, который и воспользовался имъ въ своемъ обширномъ мемуарѣ, указываемомъ нами немного ниже, и потомъ на страницахъ журнала *Rheinisches Museum*. Остроумная интерпретація дотолѣ никому непонятнаго текста возбудила тотчасъ дальнѣйшія изысканія, поправки и замѣтки, продолжающіяся до сихъ поръ. Изъ Італіанцевъ въ этомъ вопросѣ приняли живое участіе профессоръ Неаполитанскаго университета Франческо Д' Овидіо и флорентинскій археологъ Гамуррини, изъ нѣмецкихъ — Іорданъ и Остгоффъ. Надо думать, скажутъ свое слово по этому предмету и Мишель Бреаль, въ послѣдніе годы переведшій свои студиі въ область архаической латыни и италійской діалектологіи, и столь извѣстный своимъ остроуміемъ норвежскій філологъ Соф. Бугге.

Нижеслѣдующія редакція и объясненіе текста не могутъ считаться окончательными, и если мы спѣшимъ подѣлиться здѣсь съ добрыми доселѣ результатами, то дѣлаемъ это не столько въ виду ихъ несомнѣнности для будущаго времени, сколько во вниманіи къ важ-

destow, esso è di certo giudiziooso ed utile; e soprattutto la pag. 22 non potevo non ricordarla ora, a proposito di questa bella scoperta del Dressel che pienamente la conferma (см. D'una Iscriz. Lat. antichiss. Torino 1881, p. 6—Rivista di Filologia ed Instruz. Class. 1881).

ности новооткрытаго памятника латинской письменности. Находки, подобныя настоящей, случаются рѣдко, и потому трудно удержаться отъ желанія, чтобы наши филологи узнали объ этомъ открытіи возможно скорѣе.

Литература: Dressel—*Annali dell' Inst.* 1880 p. 158 и слѣдд. tav. d'agg. L; Fr. D' Ovidio—*Rivista di Filologia ed Istruzione Classica* 1881 fasc. Septembre — Octobre—D' una iscrizione Latina antichissima per Francesco D' Ovidio. Torino 1881; Bücheler — *Rhein. Mus.* 1881 p. 235 и слѣдд.; Osthoff, *ibid.* p. 482 и слѣдд.; Jordan — *Bull. dell' Inst.* 1881 p. 84 и слѣдд.; Gamurrini, *ibid.* p. 85 и слѣд.

Надпись, о которой идетъ рѣчь, состоитъ изъ 128 буквъ, поставленныхъ безъ раздѣлительныхъ знаковъ между словами, и читается слѣдующимъ образомъ:

iove | satdeivosqoi medmitatneitedendocosmisvircosied
 astednoisiopetoitiesiaipacarivois
 dvenosmedfecedenmanomeinomdzenoinemedmanostatod

Дѣленіе Бухелера:

Iove Sat deivos qoi med mitat,
 nei ted endo cosmis virco sied
 asted, noisi Ope Toitiesiai pacari
 vois.

Dvenoz med feced en manom
 einom dze noine med mano statod.

Чтеніе Остроффа:

Iove Sat deivos qoi med mitat,
 neited enlo cosmis vir cosied asted
 и т. д. согласно съ Бухелеромъ.

Разногласіе этихъ ученыхъ въ пониманіи начальныхъ словъ текста заключается прежде всего въ томъ, что, по мнѣнію перваго изъ нихъ, Iove Sat deivos qoi med mitat=Iovi Sat(urno) divis qui me mittat (или mittet), тогда какъ на взглядъ послѣдняго—эти слова значать въ обыкновенномъ языкѣ ad Iovem Saturnum divos qui me mittat.

Iove—для Бухелера дат. пад. ед. ч., очевидно, какъ Diove, Hercule, plebe или отъ согласныхъ основъ patre, vetere, lictore и пр. надписей (CIL. I, p. 603 col. 2—3) и „Diove Victore, non Diiovi“ Квинтиліана, читавшаго эту древнюю форму дат. пад. вмѣстѣ съ другими латинскими архаизмами in vetustis operibus et celebribus templis (I 4, 17 Bonnell). Для Остроффа здѣсь—винит. пад., безъ суффикса m, какъ Luciom Scipione CIL. I, n. 32. Винительный пад. здѣсь стоять, по его мнѣнію, на вопросъ куда также безъ предлога,

какъ въ обыкновенномъ лат. языкѣ употребляются имена городовъ, небольшихъ острововъ и нѣкоторые другіе остатки древняго, болѣе широкаго примѣненія этого правила *domum, rus, foras*; при этомъ опорой ему служить и весьма частое употребленіе въ тожественныхъ случаяхъ внимательнаго собственныхъ именъ въ древнѣйшихъ памятникахъ прочихъ индо-европейскихъ языковъ. Ср. санскр. *Indram gac-hati=‘er kommt zu Indra’* Гомер. *Πηλείωνα ἵκανε* (Il. X, 214) и цитуемое имъ соч. C. Gaedicke, *D. Accusat. im Veda. Breslau, 1880 p. 125, 145* и слѣдд.

Deivos—дат. пад. мн. ч. отъ основы на *O=divis*, по толкованію Бухелера, нашедшаго здѣсь аналогическій примѣръ извѣстнымъ формамъ *devas Cogniscas* (CIL. I, n. 814), въ склоненіи на *A*. Не зная причины, по которой можно было бы предположить исчезновеніе *i* послѣ краткаго *o* изъ древняго италійскаго окончанія дат. и твор. пад. множ. ч. *ois*, Остгоффъ естественно видитъ въ этомъ словѣ обыкновенную форму винительнаго пад. $=divos$. И если только вышеуказанное синтаксическое предположеніе его для древнѣйшей поры латинскаго языка окажется правдоподобнымъ, то конечно не за чѣмъ будетъ искать здѣсь новой особенности архаическаго склоненія. Все, слѣдовательно, зависить здѣсь отъ степени вѣроятія исходной точки этого ученаго, а также и отъ того, не нужно ли *Iovei* вм. *Iove* (см. ниже).

qoi представляетъ собою небывалый доселѣ примѣръ именительнаго пад. ед. ч. относительнаго мѣстоименія $=qui$, или *quei* архаическихъ надписей (CIL. I p. 592 col. 2). Послѣдняя форма генетически могла рѣзвиться только изъ *quo-i*, какъ между прочимъ показываютъ намъ и параллельныя образованія италійскихъ нарѣчій: умбрск. *roi, roe, roei*, осск. *ruī*. Другую особенность заключаетъ это слово въ своемъ *q=qū*. Въ высшей степени рѣдкое употребленіе въ надписяхъ республиканскаго періода, это правописаніе чаще читается въ императорскую эпоху: *qaerella, neqidem, qintae, qa, qae, qe, qi* (Corssen, *Aussprache I* p. 72),—примѣры, съ которыми необходимо сравнить слѣдующія слова Велія Лонга (Gram. Lat. VII p. 53 Keil): *nonnulli ‘quis’ et ‘quae’ et ‘quid’ per ‘q’ et ‘i’ et ‘s’ scripserunt et per ‘que’ et per ‘qid’, quoniam scilicet in ‘q’ esset et ‘u’*.

med—вин. пад. ед. ч. мѣстоименія 1 л. $=me$, форма вѣствѣ съ *ted* и *sed* извѣстная издавна (CIL. I n. 54; Neue II² p. 182; Bücheler-Havet p. 8; Bücheler-Windekilde p. 51). О происхожденіи этого *d* въ формахъ винительнаго пад., число которыхъ

можно увеличать еще примѣромъ *sesed* архаической надписи изъ города Фалерій, недавно изданной Гарручи (*Syll. inscr. Lat.* p. 168), писано много и доселѣ не сказано по этому вопросу послѣдняго, рѣшающаго слова: признакъ смѣшенія въ древнемъ употребленіи формъ творительнаго и винительнаго падежей, признакъ образования послѣдняго падежа по образцу перваго, на взглядъ однихъ ученыхъ (Büscheler l. c.; Ritschl, *Opus. Phil.* II p. 565 ¹⁾), это *d* еще недавно объяснялось какъ самостоятельный суффиксъ винительнаго пад., тотъ самый, который встрѣчаемъ въ *i-d*, *quo-d* ²⁾).

mitat—сослаг. накл. наст. вр., какъ естественно назвать это слово съ перваго взгляда, оно является образчикомъ древняго *Fut. I* на *a-m*, *a-s*, *a-t* и пр. въ объясненіи Бухелера. Къ этому пониманію привели его, вопервыхъ, такія употребленія юридическаго языка, какъ *Qui magistratum habebit, ne mercedem capito* (или *capiat*), гдѣ ставится будущее время; вовторыхъ, предположеніе, что словами *qui—mitat* обозначается уже опредѣленное дѣйствіе, а не одна возможность онаго, и втретьихъ, фактъ существованія *Fut. I* на *a-m*, какъ *mitta-m*, *audia-m* и пр. Этому образованию онъ приписываетъ въ древнѣйшемъ періодѣ латинскаго языка такую же роль, какъ формамъ *Fut. I* на *e-m*, или *e*, въ *l* л., *e-s*, *e-t*, и т. д. Съ этимъ объясненіемъ согласны Остгоффъ и d'Овидіо. Еслибъ эта остроумная догадка въ послѣдствіи оправдалась новыми и болѣе убѣдительными

¹⁾ Здѣсь мы встрѣчаемъ и своеобразное толкованіе этимъ ученымъ происхожденія *d* какъ суффикса твор. п. Это объясненіе теперь имѣетъ лишь историческое значеніе.

²⁾ Этотъ взглядъ принадлежитъ Луи Аве, высказавшему его въ примѣчаніи къ переводу Бухелерова трактата о латинскомъ склоненіи. Малая распространенность этого превосходнаго, далеко оставившаго за собою самый оригиналь, *Précis de la déclinaison Latine* (Paris 1875) даетъ намъ поводъ выписать здѣсь это оригинальное толкованіе дословно: *Je conjecture que mēd, tēd et sēd sont des accusatifs véritables et non des ablatifs employés de travers. Le suffixe est le même que celui des neutres i-d, quo-d; c'est ainsi que dans la déclinaison des noms l'acc. masc. est en m comme le nom-acc. neutre. Les formes grecques μεεε ε̄ qui semblent se réduire à des thèmes nus, ont probablement perdu une dentale finale: cf. τό αὐτό etc. Les trois accusatifs latins, qui ont un ē représentant un ancien ā, sont aux trois acc. grecs comme le nominatif grec. ἐγών est au nomin. indien. aḥām (cf. Mém. de le soc. de ling. 2, 14) et comme les ablatifs mēd et tēd sont aux ablatifs indiens mat, tvat. Les acc. mē-d et tē-d ne diffèrent que par le suffixe des acc. indiens mā-m et tvā-m (p. 213 и слѣд.). Ср. сходное съ этимъ объясненіе Curtius, Studien zur Griech. u. Lat. Gramm. VI p. 417 слѣд.*

давными, то формѣ *mitat* нашей надписи должно быть отведено особенно почетное мѣсто въ системѣ латинскаго спряженія. Но если и употреблялось это конъюнктивное образование буд. вр. на *a-m*, *a-s*, *a-t* и пр., то по видимому, изъ литературы оно исчезло очень рано. Иначе становится непонятнымъ, почему нѣтъ о немъ никакихъ рукописныхъ свидѣтельствъ ни въ древнихъ текстахъ, ни у латинскихъ грамматиковъ и антикваріевъ, тѣмъ болѣе, что странная для классическаго языка форма 1 л. на *e-m* и *e*, употреблявшаяся въ архаическій періодъ литературы, обращала на себя вниманіе Квинтиліана и Феста: *Quid?—*читаемъ у перваго изъ нихъ (I 7, 23)—*non Cato Censorius 'dicam' et 'faciam' 'dicem' et 'faciem' scripsit.* Въ словарѣ втораго отмѣчены формы на *e*, безъ личнаго суффикса *m*: „*'attinge'* pro *'attingam'* posuere; *'dice'* pro *'dicam'*; *'recipie'* pro *'recipiam'*; *'ostende'* ostendam, ut permittis aliis a exemplis eius generis manifestum est“ (р. 26; ср. примѣч.). Привѣтствуя эту новую конъектуру проф. Бюхелера, мы воздерживаемся отъ рѣшительнаго слова, впродъ до будущихъ открытій. Условно-желательный смыслъ этой формы сослагательнаго наклоненія видятъ здѣсь Дрессель и Иорданъ.

neited получило два совершенно различныя объясненія у Бюхелера и Остроффа. Раздѣливъ это написаніе на два самостоятельныя слова *nei ted*, первый изъ нихъ вывелъ заключеніе, что вся фраза *nei ted endo cosmis virgo sied* буквально, на его взглядъ, значащая: *ne te indu comes virgo sit* или сказана въ значеніи *ne te indu virgo comitetur*, гдѣ такимъ образомъ *cosmis—sied* описательная форма глагола *comitetur*, или же винительный объекта *ted* этого предложенія зависитъ отъ слѣдующаго глагола *asted*. Въ объясненіе первой возможности, онъ приводитъ факты архаической латыни *venerebundus aliquem, manum iniectio esto=inicito, memores este pietatem patris=mementote*, гдѣ еще дѣтски безпомощный языкъ ставилъ винительный пад. при именахъ, выразившихъ глагольное понятіе, точно также какъ при самихъ глаголахъ. Въ доказательство вѣроятности сочиненія *astare* съ винительнымъ, онъ указываетъ на аналогію *accedere* и пр., и на сообщеніе Присціана (Gram. Lat. III р. 309 K): *nos quoque 'astitit illum locum'*. Въ подтвержденіе послѣдняго можно было бы привести еще такіе примѣры, какъ *Plin. Paneg 23 Occursantium populus te quoque, te immo maxime astabat* и др.—Совершенно иной видъ какъ это написаніе, такъ и все слѣдующее мѣсто получили въ толкованіи Остроффа, который здѣсь читаетъ *neited endo cosmis vir cosied asted=,der soll bestrebt sein, dass drinnen ein*

handlicher Mann dabei sei, zur Seite stehe". Небывалую форму *neited*=*nitetur* онъ принимаетъ какъ 3 л. ед. ч. буд. вр. (или собств. желательнаго наклоненія) дѣйств. зал., столько же въ силу сообщенія грамматика Диомеда объ употребленіи Цицерономъ формы повелительнаго *nitito* отъ *nitor* (Gram. Lat. I p. 339 слѣд. К), ¹⁾ сколько и въ виду частаго колебанія латинскаго языка между отложительными и дѣйствительными формами, при одинаковомъ значеніи,—фактъ, который доказывается цѣлымъ большимъ отдѣломъ классической въ вопросахъ подобнаго рода книги Нейе (II² p. 269—347). Выдѣливъ *vir* какъ самостоятельное слово, онъ далѣе читаетъ форму *cosied*—3 л. ед. ч. сослагательнаго накл. отъ исчезнувшаго глагола *con-sum*, *co-esse*, существованіе котораго онъ предполагаетъ по примѣрамъ *con-futurum* (Plaut. Mil. III 3, 66=941), *con-fore* (Terent. Andr. I 1,140=167), *con-fuerit* (Caes. Aurel. Chron. IV 8,122).

Въ чтеніи *endo*=*indu* у нихъ нѣтъ разногласія. Это нарѣчіе мѣста, греч. *ἔνδοξ*, издавна извѣстно въ архаической литературы, какъ предлогъ=*in*: *endo plagas*, *endo filio*, *endo manu* и пр., и какъ префиксъ въ словахъ *endogredi*=*ingredi*, *endofesto*=*infesto*, *endoia-cito*=*iniicito*, *endoitium*=*initium*, *endocclusus*=*inclusus* и т. п. (Forcellini Lex. s. v; Fabretti Glossar. s. v). Ближайшее видоизмѣненіе этой формы представляетъ *indu*, употребляющееся и въ формѣ предлога и въ сложеніяхъ съ другими словами: *indu foro*, *indu mari*, *indugredior*, *induperator*=*imperator*, *indupediri*=*impediri* и пр. Съ формальной стороны это слово объясняется какъ безсуффиксный винит. пад. ед. ч. вм. *endo-m* (Corssen, Aussprache II² p. 272, Krit. Nachtr. p. 134). Въ нашей надписи оно стоитъ какъ нарѣчіе, въ смыслѣ внутри, тамъ (*drinnen*), по толкованію Остроффа, или вънутрь, туда, какъ хочетъ Бухелеръ.

cosmis—существит. имен. пад. ед. ч.=*comes* по переводу Бухелера, прилагательное *comis* въ объясненіи Остроффа. Къ такому пониманію побудило перваго изъ этихъ ученыхъ глосса Павла Діакона (p. 67 M.): *antiqui dicebant 'cosmittere' pro 'committere' et 'Cas-menae' pro 'Camenae'*. Разлагая его на префиксъ *co-* и коренную часть *smis*, а вмѣстѣ съ тѣмъ отказываясь отъ прежняго, всеми доселѣ

¹⁾ См. I. c. Nonnulli veterum etiam activo more tempus futurum imperativo modo ex verbis quoque passivae declinationis usurpaverunt, ut Tullius in dialogis de re publica *nitito*, cum *nitor* sit positio verbi.

признававшагося производства слова *comes* отъ *com* и корня *i* ийти, онъ вывелъ для новаго слова значеніе посланный вмѣстѣ и потому проводникъ. Отношеніе *comes* къ *missus*, по его мнѣнію, таково же, какъ *coniunx* къ *iunctus*, *compos* къ *potitus*. Это объясненіе вызвало сомнѣніе сначала профессора d'Овидіо, которому казалось уравненіе *cosmis* съ *comes* обманчивымъ (l. c. p. 11 *se per un qualunque rispetto non è illusoria la sua equazione con comes*), и потому рѣшительный протестъ Остгоффа. Считая неподлежащимъ возраженію производство словъ *cōmes*—*cōm-ī-tis* и *cōm-i-tia* отъ корня *i* ийти, онъ находитъ невозможнымъ переходъ древняго *cosmis* въ *cōmes*, съ краткимъ *o*, каковымъ является этотъ звукъ во всѣхъ періодахъ употребленія *comis*. Примѣръ происхожденія формы *Sāmena* изъ *Casmena*, на который ссылается Бухелеръ, не представляется ему аналогичнымъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ слогъ *sa* не носилъ на себѣ главнаго ударенія слова, какъ въ *cosmis*, и потому по выпаденіи *e* не получалъ такъ-называемаго замѣнительнаго растяженія своего гласнаго. Не имѣетъ въ его глазахъ никакой убѣдительности для даннаго слова и замѣчаніе перваго ученаго о трудности и невыясненности вопроса о сокращеніи долгихъ гласныхъ въ латинскомъ языкѣ. Наставая на томъ, что изъ *comis* могло явиться только *comis*, Остгоффъ видитъ въ этомъ прилагательномъ единственно возможное и подходящее въ настоящемъ случаѣ слово. Что касается этимологій этого слова, то онъ высказываетъ возможность сопоставить его съ индоевроп. *sem*—'unus', которое является въ *sem-el*, *ēv* и т. д.,—и тогда *co-sm-i-s* „mit derselben schwächsten Stammform wie griech. *μ-ία* fem. aus **μ-ία* wäre 'der mit einem anderen sich zu einer Einheit verbindende', die Zusammensetzung nach Wurzel und Praefix vergleichbar mit *consim-ili-s*, altir. *co-sm-ail* 'ähnlich'“. Не останавливаетъ его и свобода сочетанія *neited* съ простымъ сослагательнымъ *cosied*, *asted*, безъ союза *ut*, не смотря на обязательное существованіе его при глаголѣ *niti* въ памятникахъ литературы (Kühner, *Ausführl. Gramm. d. lat. Spr.* II p. 800), потому что аналогичный глаголъ *curare* сочиняется же съ сослагательнымъ и безъ этого союза, не только въ латинскомъ языкѣ (Kühner l. c. p. 808), но и въ другихъ италійскихъ нарѣчіяхъ, какъ показала примѣръ недавно найденной пелигнской надписи изъ *Molina* (*Bull. dell' Inst.* 1877 p. 177; *Rhein. Mus.* 1878 p. 640)—*T. Novnis L. Alafis. C. Herc. fesn uspaseter coisatens*—*T. Nonius. L. Alfius C. f. Herculi fanum operaretur curaverunt*.

Asted—сослаг. (желат.) накл. 3 л. ед. ч.—*astet* любопытно конечнымъ *d*, какъ и другія аналогичныя формы *peited*, *cosied*. О соотвѣтствіи этого звука формъ сослаг. наклоненія нашей надписи осскому употребленію скажемъ нѣсколько ниже.

noisi—небывалая форма—*nisi* или *nisei* надписей (CIL. I. p. 583 col. 2); ср. также *nise* (I. c. p. 205 v. 1. 5) и *nesei* недавно открытой надписи близъ Spoleto (E. Bor mann, Miscell. Capitolina 1879 p. 6; Rhein. Mus. 1880 p. 627). Разлагая *nisi* на его составныя части, являющіяся въ архаическомъ языкѣ въ видѣ *nei* и *sei* (CIL. I p. 587 col. 1; 591 col. 1), мы могли бы возсоздать по этимъ фактическимъ даннымъ форму *nisei*, но не болѣе. Новая форма, замѣчательная кромѣ того сочетаніемъ древнѣйшаго *noi* съ позднѣйшимъ *si*, проливаетъ свѣтъ на умбрское *no-sve*, читающееся на Tab. Iguv. VI B 54 и значащее *nisi: nosve ier ehe esu poplu, sorip habe*—*nisi ibitur ex hoc populo, si quis habet*. Теперь стало ясно, что это *no-sve* произошло изъ *noi-sve* и что съ этимъ становятся ненужными ни исправленіе его Бугге въ *nesve*, по аналогіи *ne-p*, *nei-r*—*nespedue*, ни производство его изъ *pop* и *sve* (Aufrecht-Kirchhoff II p. 412; ср. Bréal, Tab. Eug. p. 177) ¹⁾

Ore—дат. пад. ед. ч.—*Ori*. Объ окончаніи е см. примѣч. къ *Iove*.

Toitesiai—неизвѣстный доселѣ эпитетъ богини Ops. По основообразовательному суффиксу *esia* это слово напоминаетъ *Osc-esia*, *Mimesia* и др. (Corssen Aussprache II² p. 365); по своей первой части оно родственно *tutus*, *tutor*, *tutela* и пр., и потому основное значеніе этого эпитета должно быть заступница, покровительница. Сравнимъ при этомъ божеское имя *Tutilina*, *Tutelina* извѣстное намъ изъ литературныхъ источниковъ (Forcellini Onomastic. s. v.; Preller, Röm. Mythol. p. 593 по 2 изд.; Becker-Marquardt IV p. 15). Корень *tu* (оберегать, защищать) чрезъ подъемъ перешелъ въ *toi* и потомъ при соединеніи съ основообразовательнымъ суффиксомъ *t* (o)—*t* (a), распространенъ былъ гласнымъ *i*, такъ что *toi-t* развилось изъ *toi-i-t*, и *Toitesia* изъ *Toi-i-t-esia*.

rasagi—форма, поражающая своимъ позднимъ и слишкомъ новымъ

¹⁾ Что эта форма поражала своей странностію еще такъ недавно, видно изъ слѣдующихъ словъ, Бюхелера: In 'nosve' miramur negationem voce expressam gravi ac fusea, nam Osci 'neisvae' pronuntiabant Latinique 'nisi', levius sonant etiam umbrica 'nep' vel 'neip' lat. 'neque', 'nersa' et 'arnipo' lat. 'donec', 'neidhabas' lat. 'ne adhibeant' (см. его Pop. Iguvini lustratio 1876 p. 22).

видомъ для занимающаго насъ памятника; вмѣсто этого естественно было бы ждать *pasasi* или *pasasier*. Ср. *dasi* = *dari* у Феста (р. 63 М.).

vois по смыслу = *vis* — 2 л. ед. ч. наст. вр. изъяс. накл. Въ данной формѣ это образование встрѣчается въ латинскомъ языкѣ въ первый разъ и по своей оригинальности возбудило различныя толкованія комментаторовъ. Дрессель, опираясь на свидѣтельство Присциана (IX 1, 6 = Gram. Lat. II, р. 454 К.): *A'volo* — *secundam personam per consonionem l consonantis et mutationem o in e et adiectionem is per diphtongum proferebant antiquissimi: 'volo—veis'* про *'volis'*, — считъ эту форму прямымъ видоизмѣненіемъ древняго *volis*. Но противъ этого объясненія говорить прочность звука *l* между гласными какъ въ классической, такъ и архаической латыни. Если не ошибаемся, выпаденіе его передъ *i* (*j*) съ слѣдующимъ гласнымъ можетъ быть доказано нѣсколькими примѣрами уже поздней эпохи и при томъ провинціального употребленія: *Augeia*, *Oreius*, *Corneius* и пр. (Corgsen, Aussprache I² р. 228; D' Ovidio l. c. р. 11). Кромѣ того образование 3 л. ед. ч. *vol-t* безъ такъ назыв. соединительнаго гласнаго наводитъ на мысль, что древнѣйшей формой 2 л., если только оно шло отъ той же основы, было *vol-s*. Взявъ эту форму какъ исходную, Бухелеръ объясняетъ появленіе *vois* простымъ видоизмѣненіемъ *plavago* *l* въ гласный *i*, и потому, по его теоріи, выходитъ слѣдующій путь образованій этого лица: *vol-s* — *voi-s* — *vei-s* — *vi-s*. Но указанный переходъ здѣсь *l* въ *i* для классическаго языка остается недоказаннымъ, и если что можетъ служить подкрѣпленіемъ отождествленію этихъ звуковъ, такъ это примѣръ умбрскаго нарѣчія, гдѣ имя *Volsienus* (ср. CIL. I n. 1412 V. *Volsienus* I. T) пишется *Voisiener*, какъ видно изъ известной уже намъ надписи (Aufrecht-Kirchhoff II р. 389): *Ager emptus et terminatus auctoritate C. V. Vistinii V. f., Ner. Babrii T. f., Maronatis Vols Propertii Ner. f., T. Volsieni V. f.* Легче было бы доказать на латинской почвѣ переходъ *plavago* *l* въ *u* передъ согласнымъ въ народномъ языкѣ имперіи: *calculus* = *caucus*, *ducis* = *dulcis*, *Sufurarius* = *Sulfurarius* и др. (Schuchardt, Vocalismus d. Vulgärlat. II р. 496). Новый выходъ изъ затрудненія предлагаетъ Остроффъ. Не находя, чтобы кому нибудь изъ ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о происхожденія формы *vis*, удалось привести ее въ органическую связь съ корнемъ *vel*, и съ другой стороны считая безпримѣрной эту

„Anflösung der Liquida l zum Vocal i“ не только для классической, но и архаической поры латинскаго языка, онъ отождествляетъ *vois*, выражаясь его словами, mit sanskr. ved. *vé-schi* von *vi* ‘verlangend aufsuchen, verlangend herbeikommen, appetere, zu gewinnen suchen, gern annehmen, gern geniessen, hinstreben, ein Werk beginnen’. Einige Stellen, wo *vi* ‘streben’ mit Infinitiven sich dem Begriff des ‘Wunschs, Wollens’ annähert—: Rgv. I 74, 4 *véshi havuâni vitâye* „du kommst die Opfertränke zu verzehren“ 141, 6 *veti dhâ'yase* ‘er kommt zu pflegen’; VIII 4, 17 *vémi tvâ pushann gñjâse vémi stovava âghrne* ‘dich zu ergreifen eile ich, zu preisen, Pû-han, strahlender’.

Причину вторженія *vis*—ты стремишься въ парадигму глагола *volo* Острогфъ пытается опредѣлить тѣмъ, что истая форма 2 л. отъ корня *vel*—, именно *vel*, выводимая имъ изъ **vl-si *vel-s*, стала употребляться какъ союзъ. Такова догадка этого ученаго, и она тѣмъ любопытнѣе, что авторъ пришелъ къ ней независимо отъ другаго лингвиста, нѣсколько ранѣе его сказавшаго о происхожденіи *vis* отъ корня *vi* то же самое. Мы разумѣемъ Фрѣде (Fröhde), который по этому поводу писалъ слѣдующее (Bezenberger's Beiträge z. Kunde d. Indogerm. Sprach. VI p. 167): Die Versuche *vis* aus **vels* herzuleiten werden den Gesetzen der lateinischen Sprache nicht gerecht (Corssen Voc. II 246). Vielmehr gehört *vis* zu skt. *véti* „appetere, verlangend aufsuchen“, wozu *vitâ* „erwünscht, beliebt, begehrt“ lat. *vito-* in *invitus* und *invitare* (Corssen Krit. Beitr. 18); zu *véshi* verhält sich *vis* wie *is* zu *éschi*. Das vielleicht bedenkliche der Annahme, dass in das System der Formen von *volo* eine zu einer ganz anderen Wurzel gehörige eingedrungen sei, fällt weg, wenn man berücksichtigt, dass es sich um die Verdrängung einer der Sprache unbekwemen Form (**vel-s*) handelt. Этому объясненію, повидимому, придется замѣнить собою всѣ остальные. Тогда въ *vois* нашей надписи мы имѣемъ очень древнюю форму съ дифтонгомъ *oi*.

Здѣсь кончается надпись или вѣрнѣе одна первая часть надписи и за тѣмъ выше нея слѣдуетъ другая. Вмѣстѣ съ нею кончаются и разночтенія Бюхелера и Острогфа. Которая же изъ этихъ редакцій вѣрнѣе? Категоричность въ вопросахъ столь темныхъ, каковы многіе вопросы, возбуждаемые древнею латынью, дѣло опасное, особенно въ наши дни, когда стали получаться наукою документы подобныя объясняемымъ здѣсь, когда не нынѣ завтра могутъ явиться новые, доселѣ невѣдомые и нечаемые факты, которые въ состояніи будутъ

обратить въ ничто наши смѣлыя положенія. И потому отказываясь рѣшить прямо, какое изъ этихъ чтеній несомнѣнно вѣрно, скажемъ лишь, что текстъ, устанавливаемый Остроффомъ, проще, правильнѣе, чѣмъ чтеніе Бухелера, и въ лингвистическомъ отношеніи не представляетъ тѣхъ нововведеній, какія неизбѣжно принять при редакціи послѣдняго ученаго. Для наглядности, сопоставимъ здѣсь оба текста въ переводѣ ихъ на обыкновенный латинскій языкъ, гдѣ только это будетъ возможно.

Бухелеръ: *Iovi Saturno divis qui me mittat (или mittet), ne te (или tibi) indu comes virgo sit, astet; nisi Opi Tutesiae pasari vis.*

Остроффъ: *(Ad) Iovem Saturnum divos qui me mittet, nitetur indu cosmis vir consit, astet; nisi Opi Tutesiae pasari vis.*

Въ первой редакціи мы встрѣчаемся съ большою непослѣдовательностью въ построеніи двухъ первыхъ предложеній. Составитель этой греческой формулы, начавши рѣчь въ третьемъ лицѣ *qui med mitat*, въ слѣдующемъ предложеніи совершенно неожиданно измѣняетъ подлежащее, обращаясь къ лицу придаточнаго предложенія съ непосредственнымъ воззваніемъ: *nei ted endo cosmis virgo sied*. вмѣсто этого естественнѣе было бы или сказать въ первомъ предложеніи *mitas*, или оставивъ его въ настоящемъ видѣ, слѣдовало бы во второмъ и далѣе написать что нибудь въ родѣ *comitem virginem ne habeat, nisi Opi Tutesiae pasari volt*. Но справедливость требуетъ замѣтить, что смѣшеніе лицъ, какъ стилистическіе анаколуы, въ древнихъ языкахъ не представляетъ чего либо небывалаго. Такъ въ объясненіе настоящаго случая Дрессель справедливо приводитъ примѣръ изъ Илиады (XVII 248 и слѣд):

ἽΟ φίλοι, ἸΑργείων, ἡγήτορες ἡδὲ μέδοντες
οἵτε παρ' Ἀτρείδης Ἀγαμέμνονι καὶ Μενελάφ
δήμα πινοῦσιν καὶ σημαίνουσιν ἕκαστος
λαοῖς

гдѣ ὦ φίλοι, οἵτε—пиноῦσιν καὶ σημαίνουσιν сказано вмѣсто ὦ φίλοι, οἵτε—πινετε καὶ σημαίνετε. — Не безынтересенъ при рѣшеніи вопроса о построеніи рѣчи въ архаической латини слѣдующій анаколуъ, хотя и другаго рода, въ известной осской надписи, найденной въ Помпеяхъ (*Sylloge inscr. Osc. p. 43, Сборникъ № 59*): *V. Aadirans V. estiuam praam vereiaa Pompaiianaa tristaamentud deded,*

eisak eitiuvad V. Vifnikiis Mr. kvafsstur Pompaiians triibom ekakkombenniefs tanginud opsannam deded isidum profatted— Vibius Adiranus Vibli f. pecuniam quam iuventuti Pompeianaе testamento dedit, ea pecunia Vibius Vinicius Marae f. quaestor Pompeianus aedificium hoc conventus scito operandum dedit idem probavit. Здѣсь вмѣсто того чтобы сказать: „Вибій Виникій сынъ Мары, Помпейскій квесторъ, на деньги завѣщаннаго Вибіемъ Адираномъ сыномъ Вибія помпейской молодежи, это зданіе по опредѣленію народнаго собранія заказалъ, онъ же одобрилъ“ получаемъ „Вибій Адиранъ сынъ Вибія деньги, которыя молодежи Помпейской по завѣщанію далъ, на эти деньги Вибіій Виникій, Помпейскій квесторъ, зданіе по опредѣленію народнаго собранія построить далъ, онъ же одобрилъ“. Языкъ древнѣйшихъ латинскихъ законовъ, какъ *leges regum*, *leges XII tabularum* и пр., постоянно приучаетъ насъ къ разнаго рода анаколуозамъ, — и потому присутствіе одного изъ таковыхъ въ нашей надписи само по себѣ еще не служило бы доказательствомъ неправильности редакціи Бюхелера.

Обращаясь къ чтенію Остгоффа, мы замѣчаемъ здѣсь болшую плавность рѣчи и болшую ясность построенія. Въ главномъ смыслѣ этого ритуальнаго предписанія оба ученые согласны. Разлчіе ихъ заключается лишь въ томъ, что на взглядъ одного здѣсь запрещается присутствіе дѣвицы при жертвоприношеніи Юпитеру и Сатурну, а по объясненію другаго прямо, въ формѣ положительной предписывается присутствіе при этомъ мужчины. Когда же приносится жертва богинѣ Опѣ, супругѣ Сатурна, обязательно присутствіе дѣвъ, именно весталокъ, которыя однѣ могли входить въ храмъ богини и содѣйствовать жрецу при священнодѣйствіи. Ср. Варрона объ *Ops Consivia L.* (*L. VI, 21*): *Opiconsivia dies ab dea Opiconsivia, quouis in Regia sacrarium quod ita factum, ut eo praeter virgines Vestales et sacerdotem publicum introeat nemo, а также сообщеніе Маркробія (*Sat. I, 12, 21* и слѣд.) о томъ, что храмъ *Bonaе Deae* или, что то же, *Opis* ¹⁾ былъ недоступенъ мужчинамъ: *nes vir templum eius ingreditur.**

¹⁾ *L. c. Hanc eandem Bonam Deam Faunamque et Opem et Fatuam pontificum libris indigitari: Bonam quod omnium nobis ad victum bonorum causa est, Faunam quod omni usui animantium favet, Opem quod ipsius auxilio vita constat, Fatuam a fando quod, ut supra diximus, infantes partu editi non prius vocem edunt, quam attigerint terram и т. д.*

Вслѣдъ за этою надписью идетъ другая, своимъ началомъ напоминающая намъ *Novios Plautios med Romai fecid* на извѣстный *cista Ficorania* (CIL I, n. 54). Какъ тамъ, такъ и здѣсь предметъ, носящій надпись, представленъ говорящимъ о лицѣ, которому онъ обязанъ своимъ существованіемъ, о мастерѣ, его сдѣлавшемъ. Наша надпись, какъ указано выше, состоитъ изъ слѣдующихъ словъ:

Duenos med feced en manom einom
dze noine med mano statod

Duenos—имя гончара-фабриканта, поставленное здѣсь въ имен. пад.—можетъ быть *Vennus*, такъ какъ древнее сочетание *dū* въ латинскомъ языкѣ послѣ *= b*: *Dūlonai* = *Bellonae*, *dūellatores* = *bellatores*, *dūellum* = *bellum*, *dūonoro* = *bonorum*, *dūis* = *bis* и пр.—примѣры изъ надписей и архаическихъ авторовъ (*Corssen, Aussprache* I² p. 124) и въ этой предполагаемой, ни въ формѣ, здѣсь стоящей, это собственное имя намъ неизвѣстно; но какъ *nomen gentile* слово *Vennius* читается въ надписяхъ, хотя и позднихъ не разъ (CIL, III n. 2347, 2686; въ *Acta fr. Arvalium* и пр.).

feced = *fecit*, форма съ этимъ конечнымъ согласнымъ извѣстная по вышеуказанной *cista Ficorania*. Существованіе *d* какъ суффикса 3 л. ед. ч. въ перфектѣ, доказываемое этимъ теперь уже двукратнымъ употребленіемъ въ надписяхъ Рима, и тотъ же самый суффиксъ выше разсмотрѣнныхъ формъ сослагательнаго (= *Optativus*) наклоненія *cosied* или *sied* и *astod* поразительнымъ образомъ совпадаютъ съ соответственными образованиями осскаго языка, гдѣ мы имѣемъ формы перфекта: *dede-d*, *proffe-d*, *profatte-d* и пр., и формы оптативныя *fusi-d*, *deivai-d* и др. (см. нашъ Сборникъ Осск. надписей I стр. 135 и слѣд., гдѣ указано и знаменитое для этого вопроса изслѣдованіе *Bugge* въ *Kuhn's Zeitschrift* XXII p. 397 и слѣд.). Теперь, въ виду данныхъ нашего памятника, приходится заключить, что единство суффикса *d* для перфектныхъ формъ изъявительнаго наклоненія и всѣхъ формъ оптатива простиралось въ архаическую пору и на латинскій языкъ.

en—предлогъ = *in* извѣстенъ былъ изъ надписей (CIL. I p. 582 col. 2). Любопытно здѣсь употребленіе его въ значеніи *для*.

manom—вин. пад. ед. ч. склоненія основы на *O* = по смыслу *mortuum*, *defunctum*, какъ счастливо опредѣлилъ это слово *Бухелеръ*, принявъ во вниманіе *di Manes*, *Geneta Mana*, о культѣ которой разказываетъ *Плутархъ* (*Quaest. Rom.* 52), и пр. Выраженіе *med feced*

en manom=me fecit defuncti (mortui) causa =сдѣлалъ меня для усопшаго или для почтенія усопшаго.

ei nom—слово въ этой формѣ, не встрѣчавшееся въ латинскихъ текстахъ, но имѣющее соответствіе въ умбр. eiom, eipom, eio, eine (Bréal, Tab. Eug. p. 44; 132), въ осск. iuaci, inim, ini (нашъ Glossar. p. 112), лат. enim. Въ первомъ нарѣчій эта частица имѣетъ значеніе tum: ср. для примѣра Iguv. VIIA 5 enom—dirstu=tum—dato; VIB 51 ennom stiplatu parfa=tum stipulator parfam; VIB 56 eno—ambretuto=tum—ambeunto и пр. Въ осскомъ это повсюду соединительный союзъ et (l. с.; Сборникъ II, стр. 83). То же значеніе et имѣетъ чтеніе ipom въ одной пелигнской ¹⁾ надписи изъ Сульмоны (CIL. I n. 194): SEFFI (т.-е. sefei) INOM SVOIS=sibi et suis. Въ нашемъ памятникѣ это слово служитъ для связи предложеній и для

¹⁾ Эта небольшая, не вполне и не въ оригиналѣ дошедшая до насъ надпись имѣетъ цѣлую исторію. Она читается въ двухъ рукописныхъ сборникахъ, изъ которыхъ одинъ подъ именемъ рукописей Gudius находится въ Волоенбюттелѣ и заключается въ себѣ небольшое собраніе надписей, изъ второй половины XVII в., принадлежащее можетъ быть Bellori, а другой составляетъ собственность Болонской публичной библиотеки. Моммзенъ, воспроизведшій эту надпись по первому списку, одно время склоненъ былъ считать ее *латинскою* и, въ виду грамматическихъ формъ ея, самой древней изъ всѣхъ существующихъ (Unt. Dial. p. 364 taf. XV): Ist die Inschrift aber lateinisch, so gehört sie nothwendig in jene ferne Zeit und ist dann die älteste aller vorhandenen lateinischen Inschriften. Позднѣе, ознакомившись съ Болонскою копіей, въ которой сказано, что эта надпись найдена въ Сульмонѣ, онъ объявилъ ее принадлежащею *френтанскому диалекту* (CIL. I p. 555). Какъ таковая, она читается въ Сборникѣ Fragments and specimens of early Latin by John Wordsworth. Oxford 1874, p. 169. Наконецъ, Дрессель и теперь допускаетъ возможность видѣть здѣсь *римскую* надпись, забывая, что Моммзенъ уже около двадцати лѣтъ назадъ отказался отъ этого предположенія (Annali l. с. p. 184 not. 2). Въ дѣйствительности, эта надпись не только не латинская, но и не *френтанскаго* диалекта, такъ какъ ни Сульмона (древ. Sulmo), ни другіе города и селенія, находившіеся въ этихъ окрестностяхъ Кореннія, никогда не принадлежали Френтанамъ, но были собственностью *Пелигновъ* (Paeligni). См. Plin. N. H. III 12, 106 Sequitur regio quarta gentium vel fortissimarum Italiae—Paelignorum Corfinienses, Supercasiani, Sulmonenses. Точная копія fac-simile этой надписи изъ сборника Болонской библиотеки, недавно снятая для насъ профессоромъ археологій мѣстнаго университета Э. Бриціо (E. Brizio), убѣждаетъ, что бронзовый оригиналъ былъ найденъ въ Сульмонѣ; In Solmona in Camina, di metallo della notata grandezza стоять по лѣвую сторону списка другой пелигнской надписи (CIL. I p. 555), и затѣмъ подлѣ нашей читаемъ: trovata nell'istesso luogo, et pure in Camina, simile alla sudetta.

уясненія временной и логической послѣдовательности и по смыслу равняется, можетъ быть, itaque.

dze—неизвѣстная доселѣ форма = die. Буква Z исчезла изъ латинскаго письма рано, такъ что въ половинѣ пятаго столѣтія города Анпій Клавдій счелъ нужнымъ совѣмъ исключить ее изъ латинскаго алфавита (см. ниже приводимую цитату изъ Марціана Капеллы), и за существованіе ея въ до-цицероновскій періодъ говорятъ лишь приводимая нами далѣе ссылка Велія Лонга на гимнъ коллегіи Салевъ, текстъ котораго представлялъ употребленіе этой буквы (Gram. Lat. VII p. 51 K), да два примѣра на монетахъ города Cosa: Cozano (CIL. I n. 14, Ritschl Pr. L. Mon. tab. VII 40 a. b; Sool, A Catalogue of the greek coins in the British Museum. Italy. London 1873 p. 69), и, свободные отъ сомнѣній со стороны палеографической, равно какъ и принимаемый нѣкоторыми учеными въ расчетъ случаи употребленія будто бы этого знака въ словѣ Vezune одной марсійско-латинской надписи изъ Milonia (Lenormant, Dictionn. des antiq... par Daremberg et Saglio, p. 216; на оборотъ, совершенно справедливо простое S видятъ въ этомъ чтеніи Моммзень CIL. I n. 182, Gargucci, Syll. Inscr. Lat. n. 838, и Dressel, Annali l. c. p. 171 not.). Въ силу этого, а также и въ виду другихъ обстоятельствъ, форма dze возбудила много толковъ и споровъ. Сначала писецъ надписи поставилъ de и букву z внесъ уже послѣ; вслѣдствіе этого поперечныя линіи оказались крайне коротки, что придало оригинальный видъ этому графическому знаку, доселѣ не встрѣчавшійся въ латинской письменности. Но если въ палеографическомъ отношеніи онъ еще можетъ быть обоснованъ изъ образчиковъ этрускаго письма (Corssen, Sprache d. Etrusker I taf. I—III; Favre et al. Primo Supplemento al C. I. It. p. 183), какъ и дѣлаетъ это Дрессель (l. c. p. 172), то гораздо важнѣе особенность лингвистическаго свойства. Примѣры ассимиляціи dj въ латинскомъ языкѣ являются уже повсюду, да и то въ формѣ dj=z: ср. zes=dies, Zabulius=Diabolius, Zodanus=Diodorus, Azabenico=Adiabenco и пр. большею частію изъ провинціальныя надписей (Corssen, Aussprache I² p. 216), и никогда dj=dz, какъ въ этомъ примѣрѣ. Правда, Дрессель ставитъ эту новую комбинацію звуковъ какъ посредствующее звено между dj и z, говоря: *Il nostro esempio è tanto più importante inquantochè ci fa conoscere che anche per la lingua latina la fase di passaggio fra dj e z è appunto dz* (l. c. p. 185). Но одного примѣра мало для того, чтобы выставить столь рѣшительно цѣлое фонетическое положеніе, тѣмъ болѣе, что есть указанія на обратное явленіе въ этомъ случаѣ: въ одной

римской надписи конца четвертаго столѣтія нашей эры читается *zi* [*es* = *dies*, и въ одной африканской изъ второй половины втораго столѣтія *Aziabenico* = *Adiabenoico* (Corssen l. c. p. 215). Эти примѣры прямо указываютъ путь ассимиляціи: *dj*—*zj*, но не *dj*—*dz*. То же подтверждается и сообщеніями латинскихъ грамматиковъ. Сервій по поводу названія страны *Media* замѣчаетъ (ad Verg. Georg. II 216): *'di'* sine sibili proferenda est; Graecum enim nomen est, et Media provincia est, и тѣмъ даетъ знать, что прилагательное *media* выговаривалось съ ассимилированнымъ *d*, то-есть какъ *medsia*, и что вообще тогда *di* передъ слѣдующимъ гласнымъ произносилось съ свистящимъ призвукомъ. Грамматикъ Помпей (Gram. Lat. V p. 286 K) на этотъ счетъ учитъ: *Fit—vitium, quotiens 'ti' vel 'di' syllabam sequitur vocalis, si non sibilus sit. Quotiescumque enim post 'ti' vel 'di' syllabam sequitur vocalis, illud 'ti' vel 'di' in sibilum vertendum est. Non debemus dicere ita, quem ad modum scribitur Titius, sed Titius (Lindem. Titsius); media illa syllaba mutatur in sibilum. Ergo si volueris dicere 'ti' vel 'di', noli quem ad modum scribitur, sic proferre, sed sibili profer [sed ita exprimere debes, vitandum est ut syllaba illa vertatur in sibilum]*. Эти указанія, число которыхъ можно бы увеличить, ясно говорятъ о присутствіи свистящаго передъ *i* или *j*. Д'Овидіо, занимавшійся этимъ словомъ вслѣдъ за Дреселемъ, склоненъ скорѣе допустить здѣсь вставку буквы *I* съ маленькими поперечными линіями вверху и внизу, in cima e al piede qualche traversale, и слѣдовательно читать *die*, чѣмъ эти *z* и *dze*: такъ странной для латинскаго языка кажется ему ассимиляція въ древнюю пору и при томъ въ формѣ, представляемой нашимъ памятникомъ (l. c. p. 13) Но здѣсь является палеографическое затрудненіе: букву *I* въ этой надписи мы читаемъ 17 разъ—и повсюду безъ малѣйшихъ признаковъ поперечныхъ линій вверху и внизу. Почему же писавшему потребовалась необычная форма этой буквы именно здѣсь, гдѣ и мѣста было мало, и вставлена она уже послѣ? Средній путь между этимъ полнымъ отрицаніемъ д'Овидіо и догматической канонизаціей занимающаго насъ чтенія избралъ Бюхелеръ. Считаая сначала написанное де параллельной формой, жившей въ устахъ народа рядомъ съ *die* и напоминающей *dje* сценической метрики, и послѣ встрѣчающейся въ выраженіяхъ *de quarte* и *de quinte* = εἰς τετάρτην εἰς πέμτην въ *Hermeneumata Montpellier* (Notices et extr. des Mss. XXIII 2 p. 351), онъ полагаетъ, что здѣсь поставлена буква *z* по требованію другаго произношенія. Но если бы это было дѣйствительно такъ, то что же

мѣшало писцу уничтожить букву *d* и замѣнить ее знакомъ *z*? Надпись была дѣлана по мягкой необожженной глинѣ, и потому поправки текста были здѣсь такъ просты. Какъ бы предвидя возраженіе подобнаго рода, названный ученый не останавливается на этомъ объясненіи какъ на единственномъ: предположивъ съ одной стороны эту поправку, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приурочиваетъ *dze* къ *Martses* Фудинской бронзы и этимъ даетъ знать, что какъ *Martses* занимаетъ средину между *Martjes* и *Marses*, такъ наше *dze* между *dje* и *ze*. Но написаніе *d* рядомъ съ *z* и онъ находитъ безпримѣрнымъ во всей латыни. Фактъ, не смотря на всѣ эти попытки объясненій, остается загадочнымъ и ждетъ новыхъ данныхъ изъ области латинской эпиграфики.

noine—въ соединеніи съ предшествующимъ словомъ представляетъ форму мѣстн. пад. ед. ч. отъ основы на *O* = *die* *no*, какъ ясно изъ выраженій *die quarto*, *die quinto* и другихъ примѣровъ, указанныхъ намъ Авломъ Гелліемъ. Свидѣтельство его для вопроса о мѣстномъ падежѣ должно считаться классическимъ, и потому мы приведемъ здѣсь оное вполнѣ (*N. A. X 24, 1* и слѣд.): '*Die quarto*' et '*die quinto*' quod Graeci εἰς τετάρτην καὶ εἰς πέμπτην dicunt, ab eruditis nunc quoque dici audio, et qui aliter dicit, pro rudi atque indocto despicitur. Sed Marci Tullii aetas ac supra eam non, opinor, ita dixerunt: '*diequinte*' enim et '*diequinti*' pro adverbio copulate dictum est, secunda in eo syllaba correpta. Divus etiam Augustus, linguae latinae non nescius munditiarumque patris sui in sermonibus sectator in epistulis plurifariam significatione ista dierum non aliter usus est. Satis autem erit, perpetuae veterum consuetudinis demonstrandae gratia, verba sollempnia praetoris ponere, quibus more maiorum ferias concipere solet, quae appellantur Compitalia. Ea verba haec sunt: *Dienoni populo Romano Quiritibus Compitalia erunt; quando concepta fueri[n]t, nefas. 'Dienoni' praetor dicit, non 'die nono'*.—Neque praetor solum, sed pleraque omnis vetustas sic locuta est. Venit ecce illius versus Pomponiani in mentem, qui est ex atellania quae *Me[t]uia* scribitur:

*Dies hic sextus[t] cūm nihil egi: diequarte moriār fame:
Suppetit etiam Coelianum illud ex libro historiarum secundo: Si vis mihi equitatum dare et ipse cum cetero exercito me sequi, diequinti Romae in Capitolium curabo tibi cena sit cocta. Et historiam autem et verbum hoc sumpsit Coelins ex Origine M. Catonis, in qua ita scriptum est: Igitur dictatorem Karthaginiensium*

magister equitum monuit: 'Mitte mecum Romam equitatum; diequinti in Capitolio tibi cena cocta erit'.—Atque alia idem multa hoc genus varie dixerunt: 'die pristini' quoque eodem modo dicebatur, quod significat 'die pristino', id est priore, quod vulgo pridie dicitur, converso compositionis ordine, quasi pristino die. Atque item simili figura 'die crastini' dicebatur, id erat 'crastino die'. Sacerdotes quoque populi Romani, cum condicunt in diem tertium, 'die perendini' dicunt. Sed ut plerique die pristini, ita M. Cato in oratione contra Furium 'die proximi' dixit. Весьма можетъ быть, что и дзе поине производилось соединенно какъ одно слово и соотвѣствовало обыкновенному dienoni.—Что касается до образования поине, то оно развилось изъ povine—povinei. Въ этой послѣдней формѣ i—суффиксъ мѣстнаго пад., ne—видоизмѣненный словообразовательный суффиксъ no, i—соединительный гласный между v и n ¹⁾, и pov—та же коренная часть, что въ povem. Отношеніе дифтонга oi къ \bar{O} словъ poine и pone то же, что и poinom къ pon, coigaverunt къ coigaveront, древ.-лат. loebesum = liberum, loebertatem = libertatem, къ фалисскому loferta = liberta.

ша[n]о какъ дат. пад. ед. ч. поражаетъ новизной образования для памятнаго столь древняго стиля. Въ виду сохраненія такой формы, какъ populoi Romanoi у Марія Викторина (Gramm. Lat. VI p. 17 K.), мы ждали бы здѣсь шаpoi. Значеніе этого слова то же, что и въ первой части нашей надписи = defuncto, mortuo. Дательный пад. отвѣчаетъ здѣсь на вопросъ—кому и находится въ зависимости отъ statod—повелит. накл. дѣйств. зал.—по смыслу statuito, sistito, ponito. Своимъ конечнымъ d эта форма примыкаетъ къ тѣмъ немногимъ, доселѣ извѣстнымъ примѣрамъ архаическаго императива на od, какъ estod, licetod, violatod, datod и пр. (Ephem. Epigr. II p. 205; Miscell. Capitol. p. 6). Глаголь stare, средній по своему значенію, здѣсь употребленъ въ переходномъ смыслѣ, какъ дѣйствительный. Отголосокъ этого древняго употребленія Бухелеръ видитъ въ sta berber Арвальскаго гимна, своеобразно понимаемомъ имъ какъ siste flagellum, въ сложныхъ praestato, умбрск. restatu = restituito или instaurato, въ страдат. причастіи status dies и пр.

Послѣ выше сказаннаго переводъ этой части нашей надписи будетъ слѣдующій:

¹⁾ Но въ одной палигвской надписи имѣемъ форму Nov-ni-a=Nonius, безъ этого посредствующаго гласнаго элемента. См. Bull. dell' Inst. 1877 p. 177.

Duenus (или Benuus) me fecit defuncti causa itaque die pono me defuncto sistito.

Не ограничиваясь опредѣленіемъ смысла этого памятника, названный ученый усмотрѣлъ здѣсь еще и слѣды сатурнійскаго размѣра. Въ этой стихотворной формѣ надпись должна была, по его мнѣнію, имѣть слѣдующій видъ.

Iové Sá(e)t(úrno)—deívos qoí med mítat
 nei téd éndo cósmis—vírco síed ásted
 noisi 'Ope Toitésiái—pácarí voís
 Retús Gabíniús] med—féced én mánom
 einóm dzé noíne—méd máno státod.

Отношеніе ученыхъ къ этой догадкѣ Бухелера самое разнообразное: D'Овидіо открыто сознается, что для принятія этого домысла у него не достаетъ вѣры ¹⁾, Остроффъ становится на сторону Бухелера и, сообразно своему толкованію смысла 2-й ст., читаетъ: neitéd éndo cósmis — vír cósiéd ásted, и въ подтвержденіе сатурнійской формы надписи указываетъ примѣры аллитераціи: ст. 1 med mitat, ст. 2 cosmís—cosied, ст. 4 med—manom, ст. 5 med—mano. Къ коньектурѣ Бухелера примыкаетъ и Дрессель.

Въ виду этого разнорѣчія взглядовъ, мы обратились за помощію къ профессору Э. Е. Коршу, которому въ вопросѣ о сатурнійскомъ стихѣ по справедливости долженъ принадлежать высшій судъ не только въ нашемъ отечествѣ, но и за его предѣлами. „При восстановленіи Сатурніевъ на квиринальскомъ горшечкѣ“, пишетъ намъ уважаемый товарищъ,—„Бухелеръ превзошелъ смѣлостью самого себя: въ 1-мъ стихѣ у него пропущены тезисы въ 3 стопахъ сряду—„Iové Sá(e)t(úrno)“. Или онъ читаетъ Saeturno въ 4 слога? Но вѣдь это 1) неправильно, 2) здѣсь е даже нѣтъ. Чтобы въ ст. 3-мъ можно было читать Toitesiai въ 5 слоговъ, болѣе чѣмъ сомнительно: это дат. пад., а не род. Въ ст. 5-мъ „einóm dzé noíne“ опять три арзиса сряду, какъ въ 1-мъ. По моему, Сатурній можно видѣть развѣ въ 1-мъ ст. при чтеніи Остроффа: Neitéd endó cosmís vír—cósiéd ásted съ закон-

¹⁾ См. l. l. p. 18: lo, nell' incerta varietà degli schemi che i dotti propongono e caldeggiano per «quell'orrido numero saturnio», non ho coraggio di riconoscere dei saturnj in questa o in quella sentenza o frase, che potrebb' anch'è essere prosa bell' e buona; come da altro lato non intendo di affermare, che i saturnj non ci siano. Per far tanto a confidenza col saturnio ci vuol molta fede: sola fides sufficit. Ed a me—manca la fede.

нымъ пропускомъ 2-го тезиса полустипіа между двумя словами. Въ 1-мъ ст. для Сатурніа не достаеъ ямба въ началѣ, наприм. такъ (Iano) Iové Sat(úrno)—deivos qoi med mítat, хотя долгота 1-го тезиса 2-го полустипіа безпримѣрна въ надписяхъ (а онѣ представляютъ единственный надежный источникъ ученія о Сатурніи). Было бы возможно Iovém Satúrnom deivos qoi — med mítat; словомъ, не достаеъ ямба. Изъ прочихъ стиховъ Сатурній можетъ скрываться въ 4-мъ, по крайней мѣрѣ 2-е полустипіе естъ—fécéd ép mánom. Ст. 5-й даеъ ритмъ только съ перемѣнами (i вм. z и перестановка двухъ словъ): einóm dié poive—máno med státod (съ законной товѣ 1-го слога двусложнаго спонданческаго слова, стоящаго въ началѣ 2-го полустипіа). И такъ я не отрицаю возможности того, что первоначальный изводъ содержалъ въ себѣ Сатурніи; но въ той передѣлкѣ, которая дошла до насъ, ихъ уже нѣтъ (кромѣ, можетъ быть, 2-го стиха)“.

Въ объясненіе имени Retus Gabinus, появившагося въ сатурніяхъ Бухелера на мѣстѣ Duenos оригинала, мы должны сказать, что ритуальный текстъ надписи переходилъ съ одного предмета на другой традиционнымъ способомъ, существенно видоизмѣняясь лишь въ собственномъ имени гончара-фабриканта. Въ нашемъ экземплярѣ это имя—Duenos, которое по своей краткости не даеъ нужнаго количества слоговъ. Въ видѣ примѣра Бухелеръ подставилъ шестисложное имя Retus-Gabinus, неоднократно читающееся на глиняныхъ сосудахъ изъ Тарквиній Ephem. Epigr. I (ср. Gargucci Syll. inscr. Lat. p. 149 слѣд). Что же касается до слова Duenos, то оно обращаетъ на себя вниманіе своимъ сравнительно мелкимъ письмомъ, которое тѣмъ болѣе бросаеъ въ глаза, что сосѣднія начертанія и въ особенности буква M слова med отличаются крупными размѣрами. Это подало поводъ думать, что сначала вторая часть надписи отрывалась именно буквою M и что имя Duenos было здѣсь поставлено поздне.

Последнее замѣчаніе приводитъ насъ къ палеографіи нашего памятника. Скажемъ о немъ нѣсколько словъ съ этой стороны.

Текстъ былъ писанъ стилемъ по мягкой, еще не обожженной глинѣ сосуда, обращеннаго вверхъ дномъ. Надпись, начинающаяся словами Iové Sat, вьется подлѣ отверстій этихъ трехъ здѣсь соединенныхъ вѣстѣ, вазочекъ, тогда какъ строка Duenos med и пр. занимаетъ мѣсто на выпуклости ихъ, составляющей средину. При первомъ взглядѣ, естественно было бы думать, что строка, стоящая выше, была писана раньше нижней. Но внимательное разсмотрѣніе оригинала вѣстѣ съ дромъ

Дресселемъ въ Римѣ весной 1880 г. и опубликованная теперь на таблицахъ *Annali dell'Inst.* (1880 tav. d'agg. L) копія facsimile, убѣждаютъ насъ, что по отношенію къ нашему памятнику дѣло происходило какъ разъ на оборотъ, т. е. что верхняя половина *Duenos* и пр. получила здѣсь мѣсто послѣ *Iove Sat* и т. д., стоящихъ ниже. Это ясно изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ буквы верхней строки, вслѣдствіе случайнаго удлинненія, встрѣчались съ нижней строкою и перерѣзывали стоявшія здѣсь начертанія. Такова буква *M* слова *med*, которую стиль писавшаго протянулъ до верхней части буквъ *S* и *Q* словъ *deivos qoi* и такъ пересѣкъ ихъ, что существованіе нижняго текста въ моментъ написанія верхней строки становится несомнѣннымъ. Такое же, хотя еще болѣе случайное, пересѣченіе нижней буквы верхними видимъ въ написаніи буквы *I* слова *eiom*, которая, попавъ на вогнутую шейку сосуда, неожиданно для писавшаго дошла въ видѣ тонкой черты до буквы *E* слова *epdo* и перерѣзала ее. Въ число доказательствъ первичности написанія нижняго текста Дрессель приводитъ также перпендикулярную линію, которую писецъ поставилъ въ видѣ діакритическаго знака послѣ перваго слова *Iove*, и которою онъ думалъ сначала отдѣлять одно слово отъ другаго, — намѣреніе почему-то однако оставленное имъ. Но такое значеніе этой линіи теперь оспаривается (см. ниже).

Другую особенность нашего текста составляютъ неоднократныя поправки писавшаго. Эти исправленія, дѣлать которыя было столь удобно на мягкой и влажной глинѣ, мы замѣчаемъ:

а) въ словѣ *Sat*, гдѣ буква *A* на мѣстѣ первоначальнаго *E*, слѣды котораго, не смотря на поправку, еще ясны на памятникѣ и теперь ¹⁾;

¹⁾ Фактъ этого исправленія возбудилъ различныя толкованія Дресселя и д'Овидіо. По мнѣнію перваго ученаго, ошибка произошла здѣсь отъ того, что въ оригиналѣ, съ котораго списывалась эта ритуальная формула, стояло *Saet* (*urno*) — форма, прочтенная въ слугу *ae=ae*, какъ *Set*(*urno*) и потомъ исправленная въ *Sat*, такъ какъ древняя форма *Saeturnus* (CIL. I n. 48 *Saeturni rocolom*) въ языкѣ современномъ писавшему эту надпись уже перешла въ обычную послѣ *Saturnus* (*Annali* I. с. р. 194). Д'Овидіо возражаетъ на это тѣмъ, что въ древне-латинскомъ языкѣ не могло быть тождества *ae* простому *e*, и съ своей стороны ищетъ для этой поправки иное объясненіе. Допуская и случайную ошибку написанія буквы *e* вмѣсто *a*, онъ приходитъ также къ мысли, что въ римскомъ произношеніи въ тотъ періодъ, которому принадлежитъ эта надпись, могло быть колебаніе между древней формой *Saeturnus* и новой, входившей въ употребленіе, *Saturnus*. Писецъ, ставя *Saet*(*urno*), по ошибкѣ пропустилъ букву *a*, и затѣмъ не имѣя мѣста для внесенія ея послѣ, переправилъ написанное *e* въ *a*, въ виду новой формы этого имени.

б) въ словѣ *rasagi* третья буква представляетъ поправку какаго-то знака \perp ; но сравненіе подобнаго исправленія въ словѣ *faced* дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ предположеніе, что буква С въ обоихъ мѣстахъ поставлена взаимѣнъ выходявшей изъ употребленія буквы К, и что, слѣдовательно, сначала стояло здѣсь *rakagi* и *feked*;

в) въ словѣ *dze* буква, принимаемая за Z, вставлена послѣ, такъ что сначала здѣсь читалось *de*—фактъ, о которомъ было разсуждаемо уже выше;

г) въ словѣ *ma[n]o* буква N восстанавливается только по догадкѣ и по требованію смысла. Существующій же въ оригиналѣ знакъ имѣетъ столь неопредѣленную форму, что тутъ легко усмотрѣть и букву A и исправленное T, впрочемъ болѣе первую, чѣмъ послѣднее.

По характеру начертаній наша надпись существенно отличается отъ обычнаго типа надписей республиканскаго періода, обыкновенно писанныхъ квадратомъ, гдѣ, такимъ образомъ, преобладаютъ горизонтальныя линіи и прямой уголъ. Въ новооткрытомъ же памятникѣ, именно въ буквахъ E, F, Z, P и T мы видимъ соединеніе перпендикуляра съ наклонной, образующихъ повсюду острый уголъ. Этотъ способъ письма, общій всѣмъ итальяскимъ надписямъ болѣе древней эпохи, здѣсь проводится съ полной послѣдовательностью, каковой, говоря вообще, не знала латинская эпиграфика, за исключеніемъ надписи на *cista Ficoronia* (Ritschl P. L. M. tab. I Aa) и на *cista Praenestina* (слѣдовательно того же происхожденія, что и первая), которая составляетъ собственность Берлинскаго Antiquarium (Ephem. Epigr. I p. 14 n. 12; Annali dell' Inst. 1873 p. 221 и слѣд.). И если послѣ специальныхъ изслѣдованій Риччи стало ясно, что остроугольное письмо древнѣе квадратнаго (см. Rhein. Mus. 1869 p. 1 и слѣд. = Opusc. Philol. IV p. 691 и слѣд.) то нашему памятнику должно принадлежать по времени первое мѣсто.

Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что это письмо находится здѣсь не въ первоначальной своей формѣ, потому что на ряду съ острымъ угломъ существуютъ кривыя изгибы линій: такія кривыя мы замѣчаемъ въ C, D, O, Q, R и S, при чемъ въ нѣкоторыхъ, тотъ и другой способъ начертаній чередуются нѣсколько разъ.

Это—черты общія всей надписи. Что же касается до палеографическихъ свойствъ буквъ въ отдѣльности, то наше вниманіе останавливаютъ преимущественно передъ всѣми другими начертанія слѣдующихъ знаковъ:

C и O—менѣе по размѣрамъ буквъ сосѣднихъ съ ними; буква E

одинъ разъ, именно въ предпоследнемъ мѣстѣ слова *feced*, написана съ четырьмя наклонными линиями, но это должно быть отнесено къ простой случайности; Z имѣетъ свой, небывалый въ латинской эпиграфикѣ, видъ, аналогія которому отыскивается, какъ было сказано выше, лишь въ нѣсколькихъ этрусскихъ надписяхъ (*Corssen Sprache d. Etrusk. I tab. I—III*); буква M писана въ пять линий, какъ въ другихъ италійскихъ алфавитахъ; то же сходство начертаній существуетъ и въ буквѣ N; Q представлена здѣсь дорической копией φ: это, на сколько извѣстно, четвертый примѣръ въ латинскихъ надписяхъ; R имѣетъ форму греческаго Ρ, обращеннаго влѣво.

Остается заключительный вопросъ о времени написанія занимающаго насъ памятника, — вопросъ не поддающийся точному рѣшенію. Текстъ надписи не заключаетъ въ себѣ ни собственныхъ именъ лицъ, время дѣятельности которыхъ намъ было бы извѣстно изъ исторіи, ни указанія на какое либо хронологически отмѣченное событіе, — и потому всѣ основанія для сужденія объ этомъ вопросѣ сводятся лишь къ палеографіи: къ общему характеру письма и къ присутствію здѣсь нѣкоторыхъ буквъ, имѣющихъ свою спеціальную исторію. Но, какъ сейчасъ увидимъ, эти основанія непрочно и недостаточны для удовлетворенія ученыхъ требованій.

По чтенію письма справа влѣво мы можемъ только сказать, что квиниральская надпись — самая древняя изъ всѣхъ существующихъ памятниковъ латинской эпиграфики. Разсматривая, кромѣ того, эти остроугольныя начертанія буквъ и сравнивая ихъ съ подобнымъ типомъ древнѣйшихъ образцовъ греческой эпиграфики, мы можемъ теперь съ большей увѣренностью полагать, что приблизительно такъ должны были писать въ Лациі въ древнѣйшую пору, что подобнымъ образомъ писали въ Римѣ въ царскій періодъ и что въ частности этимъ древне-италійскимъ алфавитомъ былъ писанъ, между прочимъ договоръ Сервія Туллія съ латинскими городами, о которомъ говоритъ намъ Діонисій Галикарнассскій (A. R. IV 26): *Ἀὐτῆ διαμαίνεν ἡ στήλη μέρη τῆς ἐμῆς ἡλικίας ἐν τῇ τῆς Ἀρτέμιδος ἱερῷ καί μὲν ἑραμιάντων ἔχονσα χαρακτήρα Ἑλληνικῶν οἷς τὸ παλαιὸν ἡ Ἑλλάς ἐχράτο*. Но услуга, оказываемая графикой въ этомъ постороннемъ случаѣ, ничего не даетъ для рѣшенія нашего вопроса, такъ какъ мы не только не знаемъ, когда прекратился у Латинянъ обычай писать влѣво, но до послѣдняго времени серьезно многіе думали, что латинское письмо этого способа начертаній никогда не имѣло.

Нѣсколько болѣе получаемъ мы изъ факта присутствія здѣсь буквы Z,

Этотъ знакъ несомнѣнно существовавшій въ древне-латинскомъ алфавитѣ ¹⁾ рано исчезъ изъ употребленія; по крайней мѣрѣ съ самаго начала литуратуры вплоть до эпохи Цицерона мы не видимъ почти никакихъ слѣдовъ его существованія. Въ греческихъ словахъ Z передается здѣсь однимъ s въ началѣ и двумя ss въ срединѣ: Saguntum, Sethus, sona; badissas, malacisso и проч. (Corssen Aussptache I p. 295). И если исключеніе этой буквы изъ латинскаго письма приписывается Аппію Клавдію Слѣпому (Marcian. Capel. III 261 Z vero idcirco Appius Claudius detestatur quod dentes mortui dum exprimitur imitatur), то присутствіе ея въ словѣ dze невольно приводитъ къ мысли, что нашъ памятникъ принадлежитъ времени, предшествовавшему этому орфографическому нововведенію Аппія Клавдія, занимавшаго высшія государственныя должности въ половинѣ пятаго столѣтія города (sens. 442, cos. 447 и 458). И противъ этого можно было бы, конечно, сказать, что эта реформа на первыхъ порахъ проводилась въ официальной письменности, а не въ частномъ употребленіи, которому принадлежитъ наша надпись; но трудно допустить, чтобы письмо влѣво еще существовало во второй половинѣ пятаго вѣка.

Скорѣе и естественнѣе думать, что эта надпись старше Аппія Клавдія. Не противорѣчитъ этому и слово расагі съ своею буквою r, введеніе которой вмѣсто s между двумя гласными предавіе приписываетъ тому же Аппію (Pompon. Digest. I 2,2 § 36. Appius Claudius—R litteram invenit, ut pro Valesiis Valerii essent et pro Fusiis Furi), потому что ему здѣсь очевидно принадлежитъ только болѣе прочная и ясная регламентация этого правописанія, которое въ дѣйствительности, хотя и спорадически, должно было, вслѣдъ за произношеніемъ живаго языка, начаться гораздо раньше.

Не знаемъ, что сказать о функціи знака C въ написаніи vircosied, которое, какъ мы видѣли выше, разлагають двоякимъ образомъ: virgo sied и vir cosied. Въ первомъ случаѣ с — знакъ mediae = γ, для котораго латинскіе грамматикѣ должны были придумать особый знакъ G, во второмъ эта буква = tenuis k. Какъ рано явилась эта новая буква,

¹⁾ См. Vel. Longus (Gram. Lat. VII p. 51 K) [Z litera] mihi videtur nec aliena latino sermoni fuisse, cum inveniatur in carmine Saliari. Эта ссыла на carmen Saliare для насъ должна имѣть тѣмъ большее значеніе, что буква Z сохранилась даже въ той страшно обезображенной формѣ, въ которой дошелъ отрывокъ этого гимна у Варрона (L.L. VII 26): COZEULODOOIZESO; OMNIA VERO ADPATULA и т. д.

мы съ точностью не знаемъ. Правда Плутархъ относилъ введеніе ея къ Спургію Карвилію, сказавши (Quaest Rom. 54 p. 342 Did): τὸ κ πρὸς τὸ γ συγγένηται ἔχει παρ' αὐτοῖς· ὁφεί γὰρ ἐχρήσαντο τῷ γάμμα Καρβιλίου Σπόριου προσεξευρόντος; но это свидѣтельство должно быть понимаемо не иначе, какъ только въ томъ смыслѣ, что Спурій Карвилій училъ примѣненію этого знака въ той грамматической школѣ, которую онъ первый основалъ въ Римѣ на началѣ платы, о послѣднемъ узнаемъ мы изъ того же Плутарха (I. c. p. 343): ὁφεί δ' ἤρξαντο μισθοῦ διδάσκειν, καὶ πρῶτος ἀνέωξε γραμματοδιδασκαλεῖον Σπόριος Καρβίλιος, ἀπελευθερὸς Καρβιλίου τοῦ πρώτου γαμετῆν ἐκβαλόντος. И такъ какъ есть въ латинской эпиграфикѣ примѣры употребленія буквы G ранѣе дѣятельности Спурия Карвилія, относящейся къ шестому столѣтію Рима, то представляется весьма вѣроятнымъ предположеніе Иордана (Krit. Beitr. zur G-sch. der lat Spr. Berlin, 1879, p. 155 и слѣдд.), что введеніе этого графическаго знака на мѣсто исключеннаго Z принадлежитъ также Аппію Клавдію. И если въ усматриваемомъ здѣсь *virgo* = *virgo* этой буквы еще нѣтъ, то принадлежность нашей надписи болѣе древней порѣ является сама собою. Но, повторяемъ, вопросъ объ этомъ написаніи спорный.

Говоря о времени этой надписи, нельзя однако преувеличивать ея древности. Отсутствие буквы K и замѣна его посредствомъ C даже тамъ, гдѣ рука писца поставила этотъ знакъ сама собою, и такіе неологизмы какъ *rasati* приближаютъ ее къ пятому столѣтію. Дрессель видитъ возможность отнести ее къ концу четвертаго.

Post scriptum.

Высказанная нами надежда, что западные ученые не ограничатся въ стремленіи къ разъясненію новооткрытой надписи только тѣмъ, что приведено нами выше, и что, напротивъ, явятся другія толкованія на этотъ любопытный памятникъ, оправдалась скорѣе, чѣмъ мы ожидали. Едва настоящій рефератъ былъ оконченъ и отправленъ для напечатанія, какъ достигли Москвы журналы *Negmes* и *Mnesmosyne* за 1881 г., которые принесли съ собою новые матеріалы для исторіи этой надписи. Въ первомъ изъ этихъ изданій вышеупомянутый кенигсбергскій профессоръ Гейнрихъ Иорданъ развилъ подробнѣе и дальше тѣ мысли, которыя вкоротѣ высказалъ онъ въ римскомъ археологическомъ институтѣ уже раньше по тому же поводу (см. *Bull. dell' Inst.* 1881 p. 84 слѣд.). Эта новая статья, озагла-

ленная имъ *Altlateinische Inschrift aus Rom* (I. с. р. 225 и слѣд.), представляетъ такъ много своеобразнаго въ отношеніи текста памятника и пониманія его, что пройти ее молчаніемъ было бы невозможно. То же самое нужно сказать и касательно небольшой по объему, но рѣзкой по формѣ и замѣчательной по характеру высказываемой здѣсь мысли, статьи знаменитаго Кобета, напечатанной на страницахъ *Mnemosyne* (п. с. XI, 4 р. 441 и слѣд.)¹⁾.

Обращаемся сначала къ этуду Иордана и суммируемъ здѣсь, хотя по необходимости и въ краткихъ чертахъ, главныя его особенности. Разсматривая транскрипцію передаваемого имъ текста надписи, мы замѣчаемъ здѣсь слѣдующія отступленія: 1) *Iovei* вм. *Iove* другихъ издателей, 2) *peited*—вм. *pei ted*, 3) послѣ *sied* предполагается нѣкоторый свободный промежутокъ, 4) *ракагі* вм. *расагі*, 5) *шаао* вм. *ша[п]о* Дресселя и другихъ и 6) нѣсколько ошибочныхъ и странныхъ чтеній, о которыхъ скажемъ ниже. Форму дат. пад. *Iovei* авторъ ставить на основаніи той тонкой и длинной вертикальной линіи, которая находится между *Iove* и *Sat* и которую другіе ученые признавали за раздѣлительный знакъ. Впрочемъ, и онъ не особенно настаиваетъ на несомнѣнности этого исправленія, допуская возможность разграниченія этою чертою двухъ божескихъ именъ, написанныхъ слитно. Но если значеніе вертикальной линіи, вставленной здѣсь послѣ, можетъ быть истолковываемо различно, то благоразумнѣе и осторожнѣе было бы сообщить свою догадку въ комментаріи, не внося буквы *i* въ текстъ надписи, тѣмъ болѣе, что предполагаемая здѣсь форма дат. пад. ед. ч. осталась бы и при чтеніи *Iove*. Лучше поэтому поступаетъ тотъ же авторъ, когда, переписывая текстъ надписи въ другой разъ, именно на стр. 231, ставитъ обѣ формы рядомъ: *Iovei* (*oder Iove*) и пр. Написаніе *peited* съ перваго взгляда читателю, знакомому съ толкованіемъ Остгоффа, можетъ показаться вторичнымъ примѣромъ опредѣленія этого слова какъ формы архангелскаго глагола дѣйствит. залога; но въ сущности это не болѣе, какъ типографская ошибка вм. *pei ted*. Вслѣдъ за словомъ *sied* Иорданъ предлагаетъ дѣлать и въ транскрипціи нѣкоторый свободный промежутокъ и не соединять съ выраженіемъ *pei ted*—*sied* слова *asted*, которое, по его своеобразному толкованію, какъ сказано будетъ немного ниже, означаетъ нарѣчіе *ast=at*, но не глаголь *astet*, какъ по-

¹⁾ Указаніемъ на эту книгу и доставленіемъ ея мы обязаны пров. И. В. Поляковскому, которому и приносимъ здѣсь искреннюю признательность.

нимають другіе. Чтобы не останавливаться на правописаніи *rakari*, скажемъ, что вм. исправленнаго *ma[n]o*, этотъ ученый въ текстѣ пишетъ *maao*, копируя здѣсь загадочную предпоследнюю и очевидно ошибочную букву какъ А. Но труднѣе найти причину непоследовательности его въ употребленіи знаковъ *u* и *v* для выраженія соответствующаго полугласнаго: въ самомъ дѣлѣ, почему въ одномъ случаѣ онъ пишетъ *uigso*, а въ другомъ, лишь одной строкой ниже, *vois*? Вѣдь подлинникъ не представляетъ намъ никакихъ отличій, имѣя здѣсь одну и ту же букву V. Вообще эти транскрипціи ¹⁾ Иордана не могутъ считаться образцовыми, нося явные слѣды какой-то поспѣшности и недостаточной осмотрительности писавшаго: такъ на стр. 229 вмѣсто обязательнаго *qoi med*, по очевидному недосмотру, онъ поставилъ въ текстѣ *qui me* и безъ нужды чтеніе *mitat* исправилъ въ *mit(t)at*; тоже *me* вм. *med* читаемъ у него на стр. 231 на ряду съ *ted* и всѣми остальными архаизмами памятника; столь же невѣрно передано имъ на стр. 245 чтеніе *fecit* вм. *feced* оригинала ²⁾.

Не удалось автору и повтореніе копіи *fac-simile*, опубликованной Дресслемъ: въ этой репродукціи рисунокъ послѣдняго значительно пострадалъ не только въ отношеніи изящества, но и точности начертанія буквъ.

Переходимъ къ характеру его толкованія. По мнѣнію Иордана, *deivos*—несомнѣнно дательный пад. множ. ч., аналогичный *devas*, и разсуждать объ этой формѣ болѣе значить тратить попусту время; *qoi*—*qui* употреблено въ смыслѣ архаическаго *quis*—*quisquis* или *si-*

¹⁾ Ихъ у него три: стр. 228, 229, 231; ср. 236.

²⁾ Перечитывая другія статьи Иордана, относящіяся къ италійской диалектологіи, мы встречаемся съ точно такими же ошибками и не точностями въ передачѣ комментируемыхъ ими текстовъ. Зависятъ ли это отъ того, что авторъ обратился къ италійскимъ надписямъ лишь недавно, или отъ чего другаго, не знаемъ. Несомнѣнно только одно, что на редакцію его италійскихъ текстовъ полагаться нельзя. Такъ наприм. въ вышеуказанной статьѣ о Фудинской бронзѣ у него читаемъ (l. c. p. 8): *Unzweifelhaft haben wir vor uns die Widmung eines Weihgeschenks: Caso Cantorios . . . societate . . . pro (egio)midus Marzes*; но въ дѣйствительности здѣсь стоятъ: 1) *Cantovios* и 2) *Martzes*. Далѣе на стр. 10—12

изъ чтенія *attoierpattia* онъ *двенадцать* разъ образцовываетъ формы: *Attoierpattia*, *Attoierpattia*, *Attoierpattiae*, *Attoier*, *Attoies*, *Attoier dattia* и пр. — повсюду съ знакомъ двойнаго *tt* послѣ начальнаго А, вопреки оригиналу и тому, что онъ самъ писалъ на стр. 6-й. Но указывая на этотъ недостатокъ его италійскихъ этюдовъ, мы нисколько не умаляемъ значенія грамматическихъ и антикварныхъ трудовъ того же ученаго, пользующихся справедливою извѣстностью.

quis (Schöll Leg. XII tab., p. 73), и потому выражение *qui—mittat= quisquis mittet* или *siquis mittet*; анаколуэическій оборотъ *quisquis me mittet*, не *te* отзываясь свободой живаго разговорнаго языка, не представляетъ въ его глазахъ никакихъ затрудненій.—*ted endo* сказано будто бы здѣсь въ смыслѣ *in te*, то-есть, *erga te*: *endo* какъ постпозиція хотя и не встрѣчалась доселѣ, но въ виду того, что другія двусложныя нарѣчія-предлоги *ergo*, *tenus*, *inter* имѣютъ сильную склонность къ постпозиціи, она и здѣсь допущена быть можетъ.—*cosmis* есть первообразъ *cosmis* и значитъ здѣсь „freundwillig“, вслѣдствіе чего *nei ted endo cosmis virgo sei*! = „hüte dich, dass nicht eine Jungfrau dir freundwillig sei.“—*asted* принадлежитъ къ слѣдующему предложенію и по формѣ не глаголь=*astet*, какъ понимали другіе толкователи, но твор. над. ед. ч., образованный какъ *posted*, сократившійся послѣ въ *ast—at*: *asted noisi Ops Toitesiai pacari voi* = „so wenn (или *es sei wenn*) du nicht willst mit Ops Toitesia deinen Frieden machen (или *dich ihr aussehen* въ смыслѣ *ein piaculum ihr darbringen für den Verkehr mit der Jungfrau*).—*Toitesia* находится въ этимологической связи не съ *tutari*, *tutela*, а скорѣе съ *tutunus*, и оттого авторъ для имени *Ops Toitesia* выводитъ значеніе *Schätzerin der Jungfrau* или *Rächerin unzeitiger männlicher Begierde* (!) Послѣ всего этого переводъ первой части новооткрытой надписи, на взглядъ Иордана, долженъ быть слѣдующій: (I. c., p. 235—236) „Du, der du dieses Gefäss den Göttern Iuppiter und Saturn darbringst, hüte dich dass nicht eine Jungfrau dir freundwillig sei, so wenn (или *es sei wenn*) du nicht willst mit Ops Toitesia deinen Frieden machen“.

Что касается до отношенія его ко второй части надписи, различіе заключается лишь въ объясненіи слова *manom* и *maao=ma[n]o*. Какъ мы видѣли выше, другіе комментаторы считали эти двѣ формы существительнымъ муж. р. и эвфенистическимъ названіемъ умершаго—*mortuus*, *defunctus*; Иорданъ призываетъ ихъ именемъ сред. р.: „ist es nöthig dies Wort hier als Masculinum zu betrachten? Keineswegs. Als dium ‘das Himmlische’ der lichte Himmel, hiess, aber früh verlören ging und nur in sub dio eine Spur hinterliess, so kann manum in einer Zeit, die lange vor dem Entstehen der Litteratursprache liegt, euphemistisch ‘das Gute’ das Todtenreich und Todtenopfer bedeutet haben und davon eine Spur nicht allein in der verschiedenen Stammform *manis* erhalten sein, sondern auch in dem *lapis manalis*, welcher die Oeffnung zum mundus oder zum manum verschliesst“ (I. c. p. 237). Переводъ этой части онъ даетъ въ слѣдующей формѣ (*ibid*): „Duenos

hat mich fürs Todtenopfer gemacht; drum sollst du am neunten Tage mich zum Todtenopfer stellen“.

Таковъ смыслъ занимающей насъ надписи въ интерпретаціи Иордана. Конечно, только будущему дано повязать, кто изъ ученыхъ, занимавшихся этой находкой, ближе подходилъ къ истинѣ и кто затемнялъ сущность этого любопытнаго текста своими фантастическими и произвольными толкованіями. Но и теперь трудно удержаться отъ вопроса, къ чему потребовалось автору это столь мало вѣроятное объясненіе? Какой смыслъ можетъ имѣть выставяемое имъ предостереженіе отъ любовныхъ взоровъ, отъ любовныхъ отношеній къ дѣвушкамъ въ моментъ приношенія жертвы за умершаго въ 9-й день? Умѣстны ли здѣсь самныя представленія о какихъ-либо чувственныхъ отношеніяхъ въ этотъ день траура, повторяемъ, во время заупокойной жертвы Юпитеру и Сатурну? На чемъ основано значеніе имени *Ops Toitesia* какъ мстительницы несвоевременнаго, неумѣстнаго мужскаго вождѣленія? Подобные вопросы рождаются сами собою, при чтеніи этихъ въ высшей степени странныхъ рѣчей почтеннаго кенигсбергскаго профессора о любодѣяніи на поминальной жертвѣ. Правда, онъ ссылается на то, что намъ извѣстны далеко не всѣ суевѣрія древнихъ. Последнее совершенно справедливо, но нельзя же безъ достаточныхъ основаній относить къ области древнихъ суевѣрій то, что явно противорѣчитъ смыслу, что не находитъ себѣ никакого реальнаго оправданія? Одной этимологіи для историческихъ вопросовъ еще мало; но и она въ данномъ случаѣ авторомъ нисколько не доказана.

По необходимости, мы ограничиваемся указаніемъ на главную сторону его толкованія, не входя въ разборъ всѣхъ частныхъ его объясненій. Въ заключеніе, объ этой части его изслѣдованія скажемъ только, что переводъ его, не смотря на неоднократныя завѣренія (р. 231; 238 и пр.), все-таки далеко не буквально-точный, что начальныя слова первой части являются только перифразомъ древняго текста, но не переводомъ въ собственномъ смыслѣ слова. Не смѣя, далѣе, оспаривать возможности значенія „*das Todtenreich*“ для слова *танот*, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ убѣдиться въ правдоподобіи перекода отъ этого значенія прямо къ другому именно „*das Todtenopfer*“, которое въ толкованіи Иордана заняло главное мѣсто. Гдѣ аналогіи для такого отождествленія этихъ значеній? А если такъ, то и переводъ второй части нашей надписи не можетъ не возбуждать справедливаго сомнѣнія.

Несравненно болѣе былъ осмотрителенъ авторъ въ другихъ частяхъ ¹⁾ своего изслѣдованія, гдѣ онъ занимается вопросами о языкѣ и алфавитѣ этого памятника. Разсмотрѣніе фонетическихъ, синтаксическихъ и лексическихъ особенностей этого текста привело его къ заключенію, что надпись была или писана внѣ Рима, и что она сюда была принесена изъ провинціи, или же если была дѣлана въ Римѣ, то непременно провинціаломъ, на природный говоръ котораго имѣли сильное вліяніе другіе діалекты, какъ умбрскій, осскій и др. Въ фонетикѣ особенное вниманіе его здѣсь обратили: а) недоказанное до сихъ поръ въ чистой латыни присутствіе дифтонга *oi* на мѣстѣ обычнаго *ei* = *i*: *qoi* = *quei*, *qui*, *poisi* = *neisi*, *nisi*, *vois* = *veis*, *vis*; б) странное для древней поры употребленіе *q* въ смыслѣ *kv* передъ *oi*: *qoi* — форма, напоминающая автору *nequis* = *nequis* вышеприведенной архаической надписи изъ Сполето, гдѣ онъ видитъ въ этомъ *u* ассимиляцію *i* предшествующему полугласному *v*, скрывающемуся въ *q*, будто бы также здѣсь = *kv*; в) не римская для столь древней эпохи ассимиляція *dj* = *z* въ словѣ *dze*, читаемомъ имъ какъ *ze*, безъ этой буквы *d*, которую писавшій будто бы оставилъ, или по забывчивости или потому, что онъ считалъ ее недѣйствительной послѣ внесенія знака *z* въ первоначально написанное *de*; г) суффиксъ *esia* слова *Toitesiai*, подобно всѣмъ другимъ образованіямъ на *esius*, *esia*, не могущій считаться чисто латинскимъ, а скорѣе діалектическимъ ²⁾; д) сочетаніе согласныхъ *sm* въ *cosmis*, представляющееся страннымъ для латинскаго языка — формамъ *Casmena* и *trigesmos* авторъ не придаетъ особаго значенія — и напротивъ присуще другимъ италійскимъ діалектамъ, какъ осскому: *rosom* и пелигнскому: *prismo*. — Въ синтаксическомъ отношеніи надпись могла бы назваться свободной отъ этого иноземнаго или что то же діалектическаго вліянія, если бы не было соединенія *ted endo* = *in te*, гдѣ постпо-

¹⁾ Неточности существуютъ и здѣсь, но только въ вопросѣ палеографическомъ: такъ, на стр. 245 дана невѣрная форма буквы *p* осскаго алфавита, на стр. 250 представлена не существующая форма знака *r* италійскихъ алфавитовъ, и нѣкоторые другіе менѣ существенные недосмотры, какъ указаніе, на стр. 254, знака *ZT* Фуцинской бронзы равнаго по всей силѣ буквы принимаемой за *Z* занимающей насъ латинской надписи. Здѣсь разумѣется конечно чтеніе *Martses* и потому должно бы стоять *TZ*.

²⁾ Этого факта Иорданъ здѣсь касается только вскользь, потому что раньше онъ посвятилъ этому вопросу подробное обсужденіе въ своихъ *Kritische Beiträge zur Gesch. d. Lat. Sprache*. Berl. 1879.

зиція endo, управляющая винительнымъ падежемъ, представляетъ совершенно новое явленіе. Со стороны лексической не чисто-латинскій элементъ представляютъ слова: *cosmis*, *Toitesia* и *einom*, изъ которыхъ послѣднее такъ близко къ указаннымъ нами выше діалектическимъ формамъ и совершенно ново въ этой формѣ и значеніи для латинскаго языка.

Вотъ одни изъ оснований, по которымъ Иорданъ отрицаетъ чисто-римское происхожденіе этой надписи. Эта мысль, рассматриваемая такъ-сказать вообще, не представляетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго: маленькій сосудъ, на которомъ начертана надпись, легко могъ быть принесенъ въ Римъ изъ какой угодно дали; равно нѣтъ ничего страннаго въ предположеніи, что писавшій былъ Латиняномъ-провинціаломъ, и что особенности его мѣстнаго говора отразились на занимающемъ насъ памятникѣ. Доколѣ всѣ эти соображенія нисколько не умаляютъ значенія надписи и сами по себѣ на столько естественны, что они сейчасъ приходятъ на мысль каждому, кто знакомится съ этимъ своеобразнымъ текстомъ. Сомнѣніе въ принадлежности этой надписи чистой латыни и городу Риму чувствовали и мы, рассматривая оригиналь у д-ра Дресселя, о чемъ тогда же писали одному изъ нашихъ друзей.

Но свои отрицанія Иорданъ ведетъ гораздо дальше. Направленіе письма влѣво; присутствіе здѣсь пятилинейной буквы М, которая во всѣхъ своихъ деталяхъ равна формѣ ея въ другихъ италійскихъ алфавитахъ; существованіе особаго знака вмѣсто обычной лат. R, называемаго Иорданомъ общимъ типомъ этой буквы у Италійцевъ, и нѣкоторыя другія обстоятельства служатъ для него новыми основаніями признавать этотъ памятникъ за произведеніе провинціала, который слѣдовалъ здѣсь и въ характерѣ письма вліянію сосѣднихъ народовъ умбрско-этрусской группы.

Авторъ открыто настаиваетъ, что Латиняне никогда не писали въ этомъ направленіи, и всякій образчикъ такого письма, равно какъ и фуцинскій вустрофидонъ, должны быть считаемы единичными исключеніями, какъ продуктъ постороннаго, иноземнаго вліянія.

Таковъ въ главныхъ чертахъ—за подробностями читателя отсылаемъ къ самой статьѣ—взглядъ Иордана на палеографическое значеніе нашей надписи. Время покажетъ, на его ли сторонѣ правда, или же были болѣе правы другіе ученые, какъ Дрессель, Бюхелеръ, Д' Овидіо и пр., которые видятъ въ этихъ двухъ новооткрытыхъ памятникахъ отголосокъ стариннаго латинскаго письма, шед-

шаго сначала въ ту же сторону, какъ у Умбровъ, Сабелло-Самнитовъ и Этрусковъ.

Послѣ старательныхъ и копотливыхъ изслѣдованій, которымъ подвергается эта надпись въ италянскои и нѣмецкой филологическихъ литературахъ, послѣ этихъ оживленныхъ преній, которыя возбуждаютъ здѣсь то или другое слово, тотъ или другой графическій знакъ, та или иная грамматическая форма,—крайнимъ диссонансомъ звучитъ мнѣніе, догматически и не безъ значительнаго высокомерія пущенное въ ученый свѣтъ Кобетомъ. Послѣ нѣсколькихъ словъ надменнаго укора нѣмецкимъ филологамъ за ту смѣлость и ревность, которыя они проявляютъ въ изслѣдованіи самыхъ темныхъ и трудныхъ вопросовъ лингвистики и эпиграфики вообще, такъ и въ частности по отношенію къ этому памятнику ¹⁾, онъ объявилъ эту надпись подложной, сочиненной какимъ-нибудь шутникомъ для собственной потѣхи и на заботу ученымъ. „Non premeam denique suspicionem“, говоритъ онъ въ заключеніе,—„quae mihi diligenter haec omnia consideranti subnata est. Saepius in Italia et nonnumquam etiam extra Italiam factum est ut inscriptiones circumferrentur spuriae aut per locum aut ab impostoribus fictae. Ante hos paucos annos in patria nostra scurra nescio quis protulit inscriptionem litteris Runicis conceptam, cuius prima verba erant OBA et RONIE ant RONJE. Quis nostratium non meminit ridens quantum ineptiarum illa inscriptio repererit, donec tandem Kern noster sollertissime fraudem deprehendit? Idem nunc Romae factum esse suspicor. Commentus est id scurra aliquis, ut homines pereruditos sed non admodum acutos ludificaretur“.

Всѣ основанія именитаго критика сводятся въ данномъ случаѣ только къ новизнѣ и недостаточной ясности словъ *cosmis*, *Toitesiai*, *statod* въ значеніи *sistito*, *ponito*, и *en manom* въ смыслѣ, приписываемомъ ему толкователями. Но неужели одного этого было достаточно для осужденія новооткрытой надписи, для исключенія ея изъ области вопросовъ, подлежащихъ научному изслѣдованію? Кто изъ современныхъ намъ филологовъ въ состояніи былъ бы сказать, что ему извѣстенъ весь лексическій составъ латинскаго языка и всѣ

¹⁾ Наибольшая доля этихъ укоризнъ и насмѣшекъ досталась на долю Гурдана, и именно его переводу и реальнымъ комментаріямъ, съ дѣйствительною странностью которыхъ мы имѣли случай познакомиться выше.

грамматическія формы, послѣдовательно смѣнявшія одна другую? Та же латинская эпиграфика развѣ не обогащаетъ науку все новыми и новыми данными? И если бы слѣдовать примѣру, подаваемому теперь Кобетомъ, то заранѣе пришлось бы отказаться отъ тѣхъ откровеній, которыя хранитъ въ себѣ неистощимая почва Италіи и которыя, при благопріятныхъ условіяхъ, слѣлаются достояніемъ будущихъ бытописателей италійской старины. Кто же согласится на это?

Исполнилось наше предположеніе и относительно Бреалья. Новооткрытая надпись обратила его вниманіе, и члены Academie des Inscriptions et Belles-Lettres въ засѣданіи, происходившемъ 2-го марта (новаго стиля) текущаго года, выслушали отчетъ о результатѣ занятій его этимъ своеобразнымъ памятникомъ латинской эпиграфики. Способъ чтенія и толкованія Бреалья далеко уклоняется отъ всѣхъ предыдущихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, спустя нѣкоторое время, онъ опубликуетъ свой трудъ по этому вопросу въ болѣе полной формѣ и разъяснитъ мотивы его оригинальнаго пониманія. Доколѣ же мы имѣемъ лишь короткій отчетъ о его чтеніи, помѣщенный въ *Revue Critique d'histoire et de littérature* № 11, p. 220). По этому бюллетеню, Бреаль читаетъ и переводитъ нашу надпись слѣдующимъ образомъ:

IOVEIS AT DEIVOS QOI ME DMITAT, NEI TED

Iupiter aut deus qui me admittat, ne te

ENDO, COSMISV IRCO SIED

endo, commissi ergo, sit.

AS[T] TED NOIS, IO PETO, ITES IAI, PACARI

Ast te nobis eo penso $\lambda\upsilon\tau\alpha\iota\varsigma$ iis pacari

VOIS

velis.

DZENOS MED FEKED EN MANOM. EINOM

Dzenos me fecit in bonum. Nunc

DZENOI NE MED MALO STATOD.

Dzeno ne me malo sistito. = „Jupiter ou quelque soit le dieu qui me recevra! que celui-ci (le mort) ne tombe pas en ton pouvoir pour ses fautes! Mais laisse-toi apaiser par nous, au moyen de ce don, de ces prières. Dzenos m' a offert en sacrifice pour le bien. Ne me prends donc pas en mauvaise part pour Dzenos“.

Въ этой редакціи и въ такомъ толкованіи столько новаго и непо-

хожаго на всѣ предыдущія попытки объясненія, и потому почтенный авторъ непремѣнно будетъ имѣть многочисленныхъ противниковъ и возражателей. Будемъ ждать этого любопытнаго спора, такъ какъ отъ точной истины по данному вопросу мы находимся очевидно еще не въ близкомъ разстояніи. Grammatici certant et adhuc sub iudice lis est.

И. Цвѣтасвъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новыя изслѣдованія о буддизмѣ.

The Sacred books of the East translated by various oriental scholars and edited by *F. Max-Müller*. Vol. I, X, XI (Священные книги востока, переведенныя разными ориенталистами и изданныя *Максомъ-Мюллеромъ*. Томы I, X и XI). Oxford. 1879—1881.

Начиная съ 1879 г., въ Англіи издается подъ общимъ заглавіемъ „Священныхъ книгъ востока“ рядъ весьма важныхъ переводовъ, сдѣланныхъ извѣстными ориенталистами. Громкое имя главнаго редактора ручается за полную научность этого важнаго литературнаго предпріятія, а появившіеся въ настоящее время томы вполне оправдали тѣ ожиданія, съ которыми оно было встрѣчено, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ печати впервые заговорили о предполагавшихся въ обнародованію важнѣйшихъ священныхъ книгъ востока. По первоначальному плану имѣлось въ виду издать въ двадцати-четырехъ томахъ переводъ важнѣйшихъ книгъ шести религіозныхъ системъ, то-есть: 1) брахмановъ, 2) буддистовъ, 3) послѣдователей Заратуштры, 4) Конъ-фу-цзы, 5) Лао-цзы и 6) Мухаммеда. Въ послѣдствіи этотъ планъ былъ нѣсколько расширенъ: кромѣ названныхъ переводовъ, обѣщаны также переводы жайнскаго священнаго писанія.

Въ предисловіи къ первому тому переводовъ издатель и главный редакторъ Максъ-Мюллеръ, съ свойственнымъ ему мастерствомъ и ясностью изложенія, разъясняетъ какъ главную задачу своего предпріятія, такъ и значеніе издаваемыхъ переводовъ. Несомнѣнно, въ

настоящее время существует довольно сильный интерес къ вопросам о началѣ, ростѣ и паденіи религіи вообще. Но, говорить издатель, — интересъ этотъ болѣе теоретическій, нежели историческій ¹⁾. Психологи и богословы горячо обсуждаютъ, какъ человѣчество выработывало свои религіозныя идеи, и при этомъ не обращается должнаго вниманія на памятники, а между тѣмъ дѣйствительное развитіе религіозной мысли можно вѣрно усмотрѣть и понять только изучая памятники; въ нихъ мы можемъ наблюдать зарю религіознаго сознанія человѣка, что, по справедливому замѣчанію М. Мюллера, навсегда останется зрѣлищемъ самымъ вдохновляющимъ въ мировой исторіи ²⁾. Не слѣдуетъ искать въ этихъ памятникахъ сѣдой старины глубокой мудрости; напротивъ зачастую въ нихъ попадаетъ много дѣтскаго, утомительно скучнаго и даже отталкивающаго; за всеѣмъ тѣмъ изученіе ихъ весьма важно, и истинный историкъ легко уразумѣетъ и оцѣнитъ значеніе тѣхъ уроковъ, которые они намъ преподають. Высшій, и въ иныхъ случаяхъ единственный интересъ, представляемый священными памятниками востока, — историческій. Для богослова или миссіонера знакомство съ ними необходимо въ такой же степени, какъ для полководца знаніе непріятельской страны; особое значеніе получаютъ тѣ же памятники, разсматриваемые какъ историческіе документы. Во всякой странѣ, гдѣ сохранились священныя книги, устно черезъ посредство преданія, или въ письменной редакціи, онѣ представляютъ древнѣйшіе документы, отмѣчаютъ собою начало документальной въ противоположность къ традиціонной исторіи. Такое значеніе необходимо слѣдуетъ признать въ Индіи за Ведами, ведическою и затѣмъ буддійскою литературою, въ древней Персіи за Авестой, въ Китаѣ за классическимъ пятикнижіемъ, и за Кураномъ у Арабовъ. Отсюда, весьма понятно, почему историки обратили особенное вниманіе на священныя книги; въ нихъ содержатся драгоценныя свѣдѣнія не только о религіи народовъ древности, но и многочисленныя данныя о ихъ нравственности, общественныхъ учрежденіяхъ и законахъ.

Древнихъ священныхъ книгъ далеко немного; весьма немногіе народы сохранили свои священныя писанія, и весьма многія изъ священныхъ книгъ стали доступны Европейцамъ въ оригиналахъ только въ послѣднее время, благодаря успѣхамъ востоковѣдѣнія, дав-

¹⁾ Vol. I, стр. XLII.

²⁾ Тамъ же, стр. XI.

шимъ возможность не только исправить прежніе переводы, но и изготовить новыя съ памятниковъ, открытыхъ въ послѣдніе годы. Таково, по мнѣнію издателя, въ общихъ чертахъ значеніе обнародованныхъ и предполагающихся къ дальнѣйшему изданію переводовъ священныхъ книгъ. Быть можетъ, многіе читатели пожелаютъ большей полноты въ общемъ введеніи къ первому тому и найдутъ также, что значеніе изданныхъ переводовъ въ области изслѣдованій о зародышѣ, ростѣ и паденіи религіи человѣчества не отмѣчено съ достаточною определенностью; весьма вѣроятно, восполнить этотъ пробѣлъ составитъ задачу всѣхъ специальныхъ введеній къ отдѣльнымъ томамъ изданія, и дѣйствительно въ предисловіяхъ и руководящихъ введеніяхъ къ уже появившимся переводамъ затрогиваются и частью разрѣшаются вопросы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ сей часъ указанной области изслѣдованій.

I.

Въ настоящей замѣткѣ предполагается познакомить читателя съ содержаніемъ двухъ томовъ, посвященныхъ буддѣйскимъ священнымъ книгамъ, именно съ томами X и XI. Не смотря на то, что переводы въ обоихъ томахъ не представляютъ для знакомыхъ съ литературой предмета доселѣ неизвѣстной новинки, тѣмъ не менѣе оба тома полны интереса и для специалиста, и вообще для читателя, не чуждаго научнымъ изслѣдованіямъ о развитіи религіознаго чувства въ человѣчествѣ. Въ обоихъ томахъ мы имѣемъ переводы, сдѣланные или знаатоками, или ориенталистами, пользующимися извѣстностью; переводамъ предпосланы введенія, цѣль которыхъ установить для читателя надлежащую точку зрѣнія на переведенный памятникъ, разъяснить ему время появленія, и показать значеніе переводимой книги въ цѣлой литературѣ. Задача не легкая въ санскритской филологіи вообще, а въ области буддѣйскихъ изслѣдованій въ особенности. Трудность эта очень хорошо сознается всѣми изслѣдователями. По мнѣнію автора переводовъ, помѣщенныхъ въ XI томѣ разбираемаго изданія, наше теперешнее знакомство съ палийскимъ канономъ то же, что полное его незнаніе (*the present state of our knowledge, or rather ignorance, of the Pāli Pitakas...*)¹⁾, и хотя, не смотря на такое откровенное заявленіе, тотъ же писатель, на первой стра-

¹⁾ Vol. XI, стр. XXXIII.

ницѣ своего введенія, смѣло утверждаетъ, что въ его томѣ заключается a collection of texts which should be as complete a sample as one volume could afford of what Buddhist scriptures, on the whole, contain, тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду первое показаніе, читатель по необходимости долженъ отнестись недовѣрчиво ко второму. Одно изъ двухъ: или г. Р. Дэвидсъ, вмѣстѣ съ другими современными изслѣдователями, плохо (то-есть, даже совсѣмъ не) знакомъ съ содержаніемъ палийскихъ писанъ,—въ такомъ случаѣ не смѣло ли утверждать, что изданные имъ переводы представляютъ полное собраніе образчиковъ содержанія палийскаго канона; или второе вѣрно, тогда первое скромное заявленіе окажется по меньшей мѣрѣ излишнимъ. Думаемъ, однакоже, на основаніи многихъ данныхъ, что г. Р. Дэвидсъ, заявляя первое, былъ болѣе правъ, нежели давая свое второе показаніе. Буддисты, какъ извѣстно, имѣютъ громадную массу священныхъ книгъ на различныхъ языкахъ, въ оригиналахъ и переводахъ; во всей этой обширной литературѣ нѣтъ ни одной книги догматическаго содержанія—священной по преимуществу, одинаково чтимой буддистами всѣхъ толковъ; нѣтъ памятника, занимающаго въ цѣлой буддійской литературѣ то же положеніе, какъ напримѣръ, Куранъ въ мусульманской, или Библія у христіанъ. Отсюда, само собою разумѣется, выборъ памятника для такого изданія, какъ „Sacred books of the East“, представляетъ особія трудности. Автору перевода должны быть вполне ясны тѣ главенствующія идеи буддизма, которыя въ различныя эпохи были различны. Можно было бы набрать множество буддійскихъ памятниковъ, прославляющихъ строгій аскетизмъ или широкое милосердіе ко всему сущему, и вся эта масса образчиковъ буддійской литературы весьма мало разъяснила бы читателю неспеціалисту основную сущность цѣлой религіозной системы, не объяснила бы ему, почему эта система безотраднато пессимизма овладѣла религіознымъ сознаніемъ значительной части рода человѣческаго. Другая трудность, которую неминуемо встрѣтитъ всякій переводчикъ, состоитъ въ хронологическомъ опредѣленіи избраннаго памятника. Такимъ образомъ, онъ долженъ сказать читателю, почему избранный имъ памятникъ почитается имъ характернымъ образцемъ буддійской литературы, и къ какому времени онъ относится. Разсматривая содержаніе названныхъ выше двухъ томовъ съ сейчасъ намѣченной точки зрѣнія, намъ предстоитъ рѣшить вопросъ о томъ, разъяснили ли читателю авторы переводовъ значеніе избранныхъ ими памятниковъ и опредѣлили ли удовлетворительно ихъ эпоху. Двое переводчиковъ, Максъ Мюллеръ и Р. Дэвидсъ, значитель-

ную часть руководящихъ введеній къ своимъ переводамъ посвящаютъ именно разсмотрѣнію хронологическаго вопроса. Краткое, но весьма содержательное введеніе третьяго переводчика, Фаусбеля, — совершенно иного характера; къ его разсмотрѣнію мы вернемся впоследствии, а теперь обратимся къ изложенію и разбору изслѣдованій двухъ первыхъ ориенталистовъ. Для Р. Дэвидса вопросъ о времени избранныхъ и переведенныхъ имъ памятниковъ можетъ быть рѣшенъ съ полнымъ вѣроятіемъ, или говоря его же словами, „can be fixed without much uncertainty“; читатель, прочитавъ такое рѣшительное и увѣренное положеніе, конечно, будетъ нѣсколько изумленъ, узнавъ далѣе, что выводъ, полный вѣроятія, получается на основаніи гипотезы, научное значеніе которой оцѣнивается авторомъ весьма оригинально; на эту гипотезу авторъ рекомендуетъ смотрѣть такимъ образомъ: „it should not however be looked upon as anything more than a good working hypothesis to be accepted until all the texts of Buddhist Pāli Suttas shall have been properly edited“¹⁾. Его аргументація, по собственному сознанію, только вѣроятна, но не вѣрна (amounts only to probability, not to certainty); выводъ почти, но не совсѣмъ вѣрнъ (This conclusion, however, is only almost, and not quite certain); дата удовлетворительна только для настоящаго времени и имѣетъ практическое значеніе (a provisional date sufficient at present for practical purposes, — то-есть, для писанія ученыхъ введеній?). Не столь самоувѣрени и, конечно, не исполнены противорѣчій положенія и выводы Макса Мюллера; но въ сущности, какъ Р. Дэвидсъ, такъ и Максъ Мюллеръ, вовсе и не рѣшаютъ вопроса о времени переведенныхъ ими памятниковъ, а занимаются разсмотрѣніемъ болѣе общаго вопроса о времени всего палійскаго канона; при рѣшеніи же этого послѣдняго вопроса обращаются къ старымъ гипотезамъ, недавно подновленнымъ весьма искусною аргументаціей, но едва ли выдерживающимъ какую-либо, хотя бы самую снисходительную и нетребовательную критику.

Выводы о времени всего канона, но не переведенныхъ ими памятниковъ, оба сейчасъ названные ориенталисты строятъ на основаніи давно извѣстныхъ и по сіе время едва ли правильно оцѣненныхъ преданій о такъ-называемыхъ буддійскихъ соборахъ, и какъ Р. Дэвидсъ, такъ и Максъ Мюллеръ, воплія слѣдуютъ аргументаціи д-ра Ольденберга, появившейся нѣсколько ранѣе. Вопросъ о томъ, на сколько это преданіе достовѣрно или какъ оно древне — не обсуждается ни однимъ

¹⁾ Vol. XI, стр. X, XI, XII.

изъ названныхъ ученыхъ; между тѣмъ совершенно очевидно—правильность вывода находится въ прямой зависимости отъ характера и степени достовѣрности преданій о соборахъ.

II.

Палійскіе комментаторы священнаго писанія предпосылаютъ своимъ толкованіямъ на нѣкоторыя части „трехъ сосудовъ“, (то-есть, трехъ-пятакъ) краткій обзоръ древнѣйшихъ судебъ буддійскаго священнаго канона; такое введеніе съ ихъ точки зрѣнія не только умѣстно, но и безусловно необходимо вслѣдствіе ихъ догматическаго воззрѣнія на всецѣлость содержанія канона. Они вѣрили точно также, какъ и современные буддисты твердо вѣрують, что въ „трехъ сосудахъ“ содержится только слово ихъ вѣщаго Учителя, и въ доказательство непреложной истинности своей вѣры разказываютъ, какъ это слово, не смотря на всякаго рода опасности, грозившія его чистотѣ, благодаря усиліямъ святыхъ мужей сохранило свою чистоту неприкосновенною, и черезъ двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ ученіе нисколько не измѣнилось, осталось совершенно такимъ же, какъ и въ то время, когда оно было живымъ глаголомъ великаго учителя. Являлись поносители святаго закона, еретики пытались затемнить истину лжеученіями, но мужи святые, преемники великаго, умѣли бороться съ врагами и преодолевать ихъ. Они собирались купно въ одно мѣсто, твердо и свято храня въ своей памяти всѣ слова отошедшаго вѣщаго, устраивали спѣвки, пропѣвали вмѣстѣ слова Учителя, какъ бы возобновляли въ своей памяти новое авторизованное изданіе святыхъ проповѣдей; всякія новшества и лжеученія тщательно отменялись. Въ живыхъ сосудахъ, въ памяти святыхъ мужей хранилось только древнее и истинное ученіе.

Черезъ длинный рядъ преемства святыхъ учителей древнее и истинное ученіе, хранимое въ памяти, дожило наконецъ до того времени, когда святость между людьми стала умаляться, и спустя нѣсколько столѣтій по смерти Учителя происходитъ на Цейлонѣ общее внесеніе ученія въ книги. Такимъ образомъ все, что буддисты разказываютъ объ исторіи своего канона, съ ихъ точки зрѣнія неопровержимо доказываетъ полную истинность основнаго догмата о томъ, что въ трехъ питакахъ содержатся только подлинныя слова Учителя. Въ древнѣйшихъ судьбахъ буддійскаго канона преданіе отмѣчаетъ три важные факта; палійскій канонъ, по религіозному созна-

нію вѣрующіхъ, древнѣе и содержитъ истинное слово Учителя; въ продолженіе многихъ столѣтій и до нашихъ дней онъ сохранился неизмѣннымъ, благодаря усиліямъ святыхъ мужей, которые умѣли во время 1) собирать сходки или устраивать спѣвки (сангити), то-есть, по переводу европейскихъ изслѣдователей созывать соборы; собирались же эти сходки потому, что въ буддійской общинѣ, на зарѣ ея исторической жизни, появлялись новшества, лжеученія, иначе развились 2) еретическія секты. Оба отмѣченные факта относятся къ древнѣйшей исторіи буддійскаго канона; третій знаменательный фактъ въ развитіи того же священнаго писанія, то-есть, внесеніе ученія въ книги свершился гораздо позднѣе. Кромѣ сейчасъ названныхъ событий, преданіе сохранило весьма немного достовѣрныхъ извѣстій, о судьбахъ какъ самой общины, такъ и ея священнаго канона; а потому, при такой скудости историческихъ данныхъ, нисколько не удивительно, что до сихъ поръ, какъ только возникаетъ вопросъ о хронологическомъ опредѣленіи какого-либо буддійскаго памятника, европейскій изслѣдователь становится на точку зрѣнія палійскаго комментатора, то-есть, обращается къ извѣстіямъ о сходкахъ буддійскихъ аскетовъ въ первыя вѣка ихъ историческаго существованія, и на основаніи скудныхъ, взаимно противорѣчивыхъ и ясно тенденціозныхъ извѣстій о сходкахъ или соборахъ, какъ ихъ принято называть между европейскими учеными, рѣшается вопросъ не о времени одного извѣстнаго памятника, а цѣлаго канона 1).

Вопросъ о времени памятника, разсуждаютъ обыкновенно, — не можетъ быть рѣшенъ на основаніи палеографическихъ данныхъ; всѣ дошедшія до нашего времени рукописи слишкомъ новы; изслѣдователю подлежатъ очень новыя списки весьма древнихъ сочиненій; не болѣе надежными руководителями оказываются лингвистическія данныя. Остается одинъ способъ для рѣшенія вопроса о времени памятника, то-есть, строится такой силлогизмъ: разсматриваемый памятникъ въ настоящее время составляетъ часть канона, опредѣляя время всего канона, мы опредѣлимъ время нашего памятника 2). При этомъ совершенно упускается изъ виду, что никакихъ нѣтъ указаній на то, изъ какихъ частей канонъ состоялъ въ древности и всегда ли въ него входили одні и тѣ же части. А нѣкоторые соображенія по

1) См. напримѣръ, *Oldenberg, Mahāvagga*, стр. XXV и сл.; *Max Müller, Sacred books of the East*, vol. X, стр. XXIX; *Rhys Davids*, тамъ же vol. XI, стр. XI слѣд.

2) *Max Müller*, vol. X, стр. X.

этому послѣднему вопросу бываютъ иногда не чужды даже наивности. Такъ М. Мюллеръ высказываетъ слѣдующее: Вторая глава Дхаммапады называется *аррамада вагго*; если въ Махавансѣ (то-есть, въ цейлонской хроникѣ конца V вѣка по Р. Х.) намъ разсказывается, что во время обращенія царя Асоки монахомъ Нигродха, буддійскій монахъ объяснилъ ему *аррамада вагго*, мы едва ли можемъ сомнѣваться, что уже въ то время существовало собраніе стиховъ объ *аррамада* такое же, какое мы имѣемъ теперь въ Дхаммападѣ и Саннютаникаѣ" (vol. X, стр. XXXII). На основаніи показанія памятника V в. по Р. Х. утверждается существованія литературнаго произведенія въ III в. до Р. Х. Существованіе въ III в. до Р. Х. нѣкоторыхъ стиховъ, нынѣ извѣстныхъ подъ общимъ заглавіемъ Дхаммапада весьма вѣроятно, но конечно, не свидѣтельствами столь поздняго памятника какъ Махавансо — долженъ доказываться фактъ ихъ существованія въ то время. Вопросъ о томъ, всегда ли канонъ состоялъ изъ тѣхъ же частей, на которыя онъ дѣлится теперь, обходится молчаніемъ, или же устраняется соображеніями, лишенными всякой вѣроятности; затѣмъ обращаются къ опредѣленію времени всего канона.

Для опредѣленія времени палійскаго канона есть два важные факта: 1) канонъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ принадлежитъ намъ теперь, не упоминаетъ о третьемъ соборѣ временъ Асоки, около 242 г. до Р. Х.; 2) въ канонѣ упоминаются первый соборъ въ Ражагрихѣ (477 до Р. Х.) и второй въ Вайшали (377 до Р. Х.).

На основаніи этихъ двухъ фактовъ выводится, что канонъ получилъ законченный видъ въ промежутокъ времени послѣ втораго собора и до третьяго, или же во время третьяго собора. Быть можетъ, даже значительная часть канона существовала до втораго собора; описаніе двухъ соборовъ находится въ концѣ Виная-питаки, и въ этомъ обстоятельствѣ усматриваютъ указанія на то, что эти отчеты были послѣдними авторизованными частями канона. Теорія эта, впервые высказанная съ большимъ искусствомъ Ольденбергомъ, съ незначительными видоизмѣненіями была принята авторами двухъ разбираемыхъ томовъ. Значеніе, даваемое изслѣдователями преданію о соборахъ въ дѣлѣ хронологическихъ разысканій, естественно выдвигаетъ на первый планъ вопросъ о времени его происхожденія и объ отношеніи традиціоннаго разказа къ историческому факту. Извѣстій о соборахъ, современныхъ факту, пока не найдено и буддисты разныхъ толковъ признаютъ не одно и то же число соборовъ; но всѣ,

кажется, согласны въ томъ, что было первое собраніе святыхъ мужей тотчасъ по смерти Учителя, и другое черезъ сто съ небольшимъ лѣтъ. Объ этихъ двухъ первыхъ сходкахъ сохранились извѣстія не одинаковой древности; наиболѣе старыя вошли въ составъ канона, другія, болѣе позднія, находимы у палійскихъ комментаторовъ, въ цейлонскихъ хроникахъ, у китайскихъ путешественниковъ и буддійскихъ историковъ (Таранатха).

Относительно достовѣрности извѣстій о двухъ первыхъ соборахъ, мнѣнія европейскихъ изслѣдователей расходятся. Нѣкоторые принимаютъ, что до насъ дошли извѣстія, какъ о первомъ, такъ и о второмъ соборѣ одинаково достовѣрныя; другіе, напротивъ, начинаютъ исторію канона со времени второго собора, и не признаютъ за извѣстіями о первомъ соборѣ никакой исторической достовѣрности, хотя разказы, какъ о первомъ, такъ и о второмъ соборѣ, повторяются въ однихъ и тѣхъ же источникахъ, и по своей сущности одинаково вѣрны: въ нихъ нѣтъ ни мнѣческихъ подробностей и разукрашеній, словомъ, ничего такого, что лишало бы ихъ правдоподобія; не слѣдуетъ только въ этихъ разказахъ о такъ-называемыхъ соборахъ смѣшивать двѣ стороны, не въ одинаковой степени достовѣрныя: самый фактъ сходокъ едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію; при самомъ крайнемъ скептицизмѣ едва ли найдется дѣйствительно вѣское и неопровержимое соображеніе отрицательнаго характера; сходки устраивались совершенно естественно, и были необходимымъ слѣдствіемъ даннаго положенія дѣлъ. Умираетъ великій Учитель, его осиротѣлые ученики собираются для погребальныхъ обрядовъ; но вслѣдъ затѣмъ въ общинѣ проявляется какой-то духъ неурядицы; между аскетами объявились люди съ грѣховными помыслами; они какъ будто обрадовались событію, тяжкому и горестному для большинства общины; въ смерти Учителя они усмотрѣли эмансипацію отъ тяжелыхъ узъ суроваго аскетизма и громко возликовали: „не плачьте, не горюйте, нѣтъ того, кто бдительно стоялъ на сторожѣ, и говаривалъ намъ: того-то и того-то не дѣлайте“. Настроеніе паствы грозило разрушеніемъ и молодой общинѣ, и ученію, создавшему ее; члены общины, уразумѣвшіе опасность, естественно должны были позаботиться о пресѣченіи зла, собрать единомышленниковъ и обсудить положеніе дѣлъ; такимъ образомъ вслѣдствіе именно этихъ причинъ состоялась первая сходка буддійскихъ аскетовъ или первый буддійскій соборъ. — Проходитъ сто лѣтъ, въ общинѣ появляются какія-то новшества, возникаютъ ложные толки, лжеученія, и она собирается вновь для

обсужденія своихъ дѣлъ. Устраивается, какъ и въ первомъ случаѣ, судъ и расправа, нѣчто подобное современнымъ кастовымъ панчаятамъ; характеръ судбищъ остался за соборами во всѣхъ разказахъ, хотя не безъ очевидной тенденціи традиція придала имъ обликъ конклавовъ, собранныхъ съ богословско-литературною цѣлью.

Но если сходки или спѣвки древнихъ буддистовъ были сборищами, подобными панчаятамъ, значеніе ихъ въ исторіи канона умалывается до крайней степени. Преданіе въ своемъ полномъ развитіи, а вмѣстѣ съ нимъ и большинство европейскихъ изслѣдователей, придаютъ сходкамъ совершенно иной характеръ: то были, говорятъ намъ,—соборы, конклавы, редактировавшіе священное буддійское писаніе; извѣстія различныхъ источниковъ одинаково свидѣтельствуютъ, что на первой по времени сходкѣ святые мужи занимались богословско-литературною дѣятельностью; но самую литературную работу каждый источникъ описываетъ по своему. Въ однихъ сказаніяхъ неопредѣленно и глухо говорится о литературной дѣятельности святыхъ мужей, собравшихся на конклавъ; въ другихъ, напротивъ, отмѣчаются многія мелочныя черты этой соборной богословско-литературной дѣятельности, въ выраженіяхъ точныхъ, недопускающихъ никакого сомнѣнія, утверждается, что весь палийскій канонъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предлежитъ намъ въ настоящее время, уже существовалъ въ моментъ смерти Учителя. Словомъ, въ палийскихъ разказахъ говорится, очевидно, о палийскомъ канонѣ; въ Сыфынъ-пяо ¹⁾ упоминается о другой винаѣ въ 80 стиховъ, Сюанъ-цзанъ, конечно, разумѣлъ иной канонъ; а Фа-сянъ довольно неопредѣленно отмѣчаетъ при разказѣ о первомъ соборѣ канонъ Махасангхиковъ—секты, явившейся, завѣдомо гораздо позднѣе. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что преданіе разныхъ сектъ расходилось по этому пункту; всѣмъ имъ было общее желаніе начинать исторію своего канона съ момента смерти Учителя, у всѣхъ было желаніе доказать его подлинность именно въ этомъ смыслѣ. Амплификаціи различныхъ редакцій не были случайными или неумышленными разукрашеніями первоначальныхъ разказовъ; въ подробностяхъ, нараставшихъ на остовѣ простѣйшаго и древнѣйшаго извода преданія совершенно ясно сказываются вполнѣ сознательныя желанія придать разказу о сходкахъ опредѣленный характеръ; сочинитель преслѣдовалъ цѣль ясно намѣченную: ему нужно было доказать не только древность и святость своего канона, но въ то же время онъ

¹⁾ Васильевъ. Буддизмъ. I. Стр. 224.

желалъ устранить всякую возможность сомнѣнія въ томъ, что канонъ есть слово вѣщаго, ему нужно было возвести начало священнаго писанія ко временамъ Учителя. Такая задача могла явиться въ общинѣ лишь въ моментъ, когда подлинность канона заподозривалась и совершенно очевидно, что въ эпоху ближайшую къ живой дѣятельности Учителя, вскорѣ послѣ Его смерти истинность святого слова, принятаго въ общинѣ, не могла быть заподозрѣваема кѣмъ-либо; у всѣхъ было свѣжо въ памяти ученіе великаго аскета, самыхъ словъ и изрѣченій, — допуская самую широкую проповѣдническую дѣятельность мудреца изъ рода Сакьевъ, — едва ли было много въ то время. Скептицизмъ и отрицательное отношеніе къ священному писанію могли явиться или среди разныхъ еретическихъ сектъ въ моментъ ихъ народненія, или даже позднѣе, въ ту знаменательную эпоху, когда старое направленіе въ буддизмъ смѣнилось новымъ трансцендентальнымъ махаянскимъ.

Секты, какъ увидимъ далѣе, утверждали многое, что по мнѣнію другихъ толковъ, не согласно было съ доктриной Учителя; говорилось многое неподобное объ арханъ или святомъ, утверждалось существованіе души какъ отдѣльной субстанціи, но выставя ложныя философскія положенія, еретики весьма часто ссылались на слова учителя, то-есть, на изрѣченія изъ писанія, признаннаго святымъ въ общинѣ; ихъ противники въ отвѣтъ утверждали, что лжеучители даютъ превратное толкованіе святымъ словамъ; подлинность самыхъ словъ, послужившихъ точкою отправленія и основаніемъ для построенія ложныхъ теорій, при этомъ, не заподозривалась; полагали возможнымъ устранить совершенно и опровергнуть лжеученіе доктриной о двухъ смыслахъ въ проповѣдяхъ учителя, то-есть, принимали въ его словѣ безусловно истинное значеніе и другое условное; послѣднее дало начало лжеученіямъ, потому что было невѣрно истолковано еретиками; въ нѣкоторыхъ случаяхъ противники такъ-называемыхъ лжеученій шли далѣе и утверждали, что еретики искажали тексты, сочиняли подложныя изрѣченія; не изъ чего не видно, однакоже, чтобы въ первый періодъ буддійской исторіи свентицизмъ достигъ того развитія, которое ясно сказывается въ Махаянѣ. Махаяна отправлялась въ своихъ теоріяхъ отъ новой точки зрѣнія, отличной отъ сравакской или хинаянческой, и была враждебна ученію сраваковъ, крайней мѣрѣ въ началѣ своей исторіи. Вмѣстѣ съ ея появленіемъ самая сущность Учителя стала пониматься иначе, нежели въ древнѣйшую эпоху. Учитель, говорили нѣкоторые, пребываетъ вѣчно на

вѣбъ Тушита, оттуда онъ вѣспосылаетъ воплощеніе проповѣдника; не вѣщій проповѣдовалъ законъ, а Ананда. Сравакамъ приходилось защищать подлинность и святость своего канона, доказывать прямое и непосредственное происхожденіе своихъ книгъ отъ Учителя; явилась необходимость излагать исторію канона. Преданія о первыхъ сходкахъ уже существовали; подъ руками имѣлись матеріалы,—сознательно имъ придали въ пересказахъ иной, необходимый для извѣстной цѣли характеръ, и изъ сказаній о сходкахъ, собиравшихся для рѣшенія общинныхъ дѣлъ, сочинили протоколы конклавовъ, занимавшихся литературно-богословскими работами.

Въ старѣйшемъ разказѣ о первомъ соборѣ несомнѣнно уже есть нѣкоторое вліаніе махаянскихъ идей. И по этимъ чертамъ можно съ большимъ правдоподобіемъ опредѣлить время самой редакціи разказа. Въ разказъ вошли три различные эпизода: 1) сказаніе о поводѣ или ближайшихъ причинахъ къ созванію сходки, 2) о ея дѣятельности, 3) о судѣ надъ Анандой. Эпизодъ объ Анандѣ весьма любопытенъ.

Онъ начинается вслѣдъ за описаніемъ литературной дѣятельности конклава. Ананда подвергается суду; собраніе приглашаетъ его къ приношенію покаянія въ нѣсколькихъ грѣхахъ; одинъ изъ грѣховъ останавливаетъ на себѣ особое вниманіе читателя. Анандѣ говорятъ: „И это, Ананда, твой грѣхъ; Господь творилъ великія знаменія, свершилъ великое просвѣтленіе, а ты не просилъ Господа: живи, Господи, цѣлую калпу (то-есть, милліоны лѣтъ), живи, Господи, цѣлую калпу на пользу и во благо многимъ людямъ, сострадая о міръ, на пользу и во благо богамъ и людямъ“.

Судъ надъ Анандой, его покаянія разказываются не только въ палийскихъ источникахъ; Сюанъ-цзанъ и ранѣе его Фа-сянъ описываютъ, что видѣли ступы на томъ мѣстѣ, гдѣ Ананда приносилъ покаянія; эпизодъ съ Анандой имъ былъ, очевидно, также извѣстенъ; важность разказа не опредѣляется, однакожь, исключительно его распространенностью среди многихъ сектъ. Совершенно по другимъ соображеніямъ онъ знаменателенъ: очевидно, авторъ разказа, заставлявшій святыхъ мужей упрекать Ананду въ таковомъ грѣхѣ, самъ вѣрилъ, что вѣщій можетъ прожить цѣлую калпу, то-есть, милліонъ лѣтъ на пользу и во благо міру. Такое убѣжденіе дѣйствительно существовало въ нѣкоторыхъ сектахъ и въ махаянѣ; палийскій канонъ знаетъ и объявляетъ его еретическимъ ¹⁾.

¹⁾ Въ Kathā vatthu pakarana.

часть ССХІІ, отд. 2.

Такимъ образомъ въ самомъ сказаніи о первомъ соборѣ есть прямое указаніе на время, когда окончательно сложилась редакція о богословско-литературной дѣятельности соборовъ, то-есть, въ эпоху появления махаяническаго направленія въ буддизмѣ. Если же сказанія о литературной дѣятельности перваго собора такого поздняго происхожденія, то ясно, для исторіи канона или въ вопросахъ о хронологіи его отдѣльныхъ частей эти разказы не имѣютъ никакого значенія.

Но сказанія о первомъ соборѣ почитаются нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями вымысламъ, и даже вымысломъ не очень древнимъ; полагаютъ, что фактъ втораго собора былъ причиною происхожденія легенды о первомъ соборѣ; то, что разказывалось о второмъ соборѣ, послужило матеріаломъ для сказаній о первомъ; руководящею идеею при этомъ было стремленіе доказать, что доктрина была вполне установлена тотчасъ по смерти Учителя ¹⁾. Но всѣ эти соображенія нисколько не объясняютъ происхожденія другихъ эпизодовъ въ сказаніи; весьма легко понять, какъ явились подробности о литературной дѣятельности перваго собора, изъ какихъ мотивовъ прибѣгли къ такого рода сочинительству; но эпизодъ съ Анандой и судъ надъ нимъ нисколько не объясняется тѣми же мотивами. Очевидно, преданіе сохранило намъ въ этомъ эпизодѣ извѣстіе объ историческомъ фактѣ; если въ сказаніяхъ о богословско-литературной дѣятельности ясно сказывается извѣстная тенденціозность, то въ разказахъ о взаимныхъ отношеніяхъ святыхъ мужей, о судѣ, о беспорядкахъ среди братьи сохранилось историческое преданіе о фактахъ, выдумывать которые не было никакой надобности для общины. Этимъ фактамъ придали, однакоже, опредѣленную окраску въ то время, когда буддійская община воспользовалась старымъ преданіемъ для доказательства древности и подлинности своего канона.

Ольденбергъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другіе изслѣдователи, держатся относительно сказанія о второмъ соборѣ противоположнаго мнѣнія, видятъ въ нихъ достовѣрные историческія свидѣтельства и на основаніи ихъ опредѣляютъ время Винаи и другихъ частей канона.

Вторая сходка, также какъ и первая, была собрана по поводу соблазна, случившагося въ общинѣ черезъ сто лѣтъ по смерти Учителя. Обстоятельства дѣла разказываются такимъ образомъ: Въ городѣ Вайшали нищая братія въ день общаго покаянія и исповѣди (то-есть, въ день упошатки) поставила мѣдный тазъ съ водой среди

¹⁾ *Oldenberg. Mahavagga*, стр. XXVII—XXIX.

собравшейся общины, и когда стали приходить миряне, еретики обратились къ нимъ съ словами: „Подайте, почтенные, общинѣ кахълану, половину или четверть монеты, или мѣсаку. Бываетъ у общины нужда въ необходимыхъ вещахъ“. Случился тутъ при этомъ Яса, сынъ Каладаки; онъ протестовалъ и говорилъ мирянамъ: „Не давайте, почтенные, общинѣ денегъ; сакійскіе сыны не пріемлютъ злата и серебра“.

Миряне, не внемля его словамъ, надавали денегъ общинѣ, и въ ту же ночь братія подѣлили богатую милостыню на доли; одну долю предложили Ясѣ, но тотъ отвергъ грѣховное приношеніе.

Произошелъ скандалъ; святые мужи, строгіе аскеты, блюдя чистоту ученія, должны были позаботиться о прекращеніи соблазна. Вайшалійская братія, именовавшаяся Важипуттана, къ тому же заявила себя не только стяжательною, но и допускала, кромѣ того, десять грѣшныхъ новшествъ: по понятіямъ еретиковъ, не грѣшно было монаху брать злато и серебро; пять новшествъ относились къ пищѣ, одно къ сѣдалищамъ, два къ свершенію обрядовъ; наконецъ послѣднее, безусловно неотвергнутое на сходѣхъ, учило, что примѣръ учителя имѣетъ для ученика неограниченное значеніе.

Новшества были одного характера: во всѣхъ ихъ сказывалось больше или меньше сильное отступленіе отъ строгаго аскетизма; сравненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ существующимъ нынѣ палійскимъ канономъ поучительно по многимъ причинамъ, главнымъ же образомъ потому, что выясняетъ, какъ мало сказаніе о второмъ соборѣ проливаетъ свѣта на вопросъ о времени окончательной редакціи канона.

Всѣ десять пунктовъ отступленій носятъ въ палійскихъ текстахъ спеціальныя названія. Первое новшество обозначается терминомъ: „соль въ рогѣ“. Еретики позволяли себѣ дѣлать запасы соли на тотъ случай, когда при трапезѣ не случится таковой. На сходѣхъ этотъ пунктъ былъ осужденъ; отвергая грѣховное нововведеніе, община указывала на одно правило въ книгѣ, глаголемой освободительною или Прѣтимокша; правило гласило, что всякое дѣланіе запасовъ—грѣхъ, искупаемый покаяніемъ. Авторъ повѣствованія о второмъ соборѣ этуо ссылою на правило Прѣтимокши какъ бы хотѣлъ показать, что обсуждавшійся вопросъ былъ вопросомъ принципиальной важности; мелкіе запасы соли осуждались, новшество отвергалось, потому что въ немъ совершенно справедливо усмотрѣли ясное отступленіе отъ обѣтовъ нищенства; всякія заботы о завтрашнемъ днѣ, всякое скопидомство, въ какихъ бы ничтожныхъ размѣрахъ оно ни прояв-

лялось, необходимо должно было противорѣчить духу нестяжательности, отличавшему по преимуществу первоначальную буддійскую общину. О соли ничего не говорится въ томъ правилѣ, на основаніи котораго отвергнуто было новшество еретиковъ; имъ осуждается вообще всякое дѣланіе запасовъ; грѣхомъ почиталось ѣсть вчерашнюю пищу или вообще сохраненную про запасъ; если же грѣшно было сберегать пищу на завтрашній день, то совершенно ясно, нельзя было беречь соль на всякій случай, чтобы не пришлось гдѣ-либо потрапезовать безъ соли; отдѣльнаго упоминанія о запасахъ соли и не требовалось; ихъ нельзя было дѣлать точно также, какъ и всякіе другіе. Нишей братіи это должно было быть совершенно ясно. Прямо запрещается въ винаѣ одинъ только пунктъ изъ новшествъ, именно дозволявшій нишей братіи принимать золото и серебро; большинства другихъ отступленій отъ строгаго аскетнаго текстъ винаи, нишѣ подлежащей намъ, нигдѣ специально не касается; отсюда выводилось, что въ то время, когда этотъ текстъ получилъ настоящую форму, ничего еще не было извѣстно о десяти отступленіяхъ вайшалійскихъ еретиковъ. Обсужденіе десяти новшествъ, говорятъ далѣе, — въ видѣ описанія вайшалійскаго собора, находится въ концѣ винаи, какъ бы въ приложеніи. Этотъ фактъ доказываетъ также, что Виная древнѣе вайшалійскаго собора: она уже существовала въ то время, когда въ Вайшали спорили и осуждали десять грѣшныхъ нововведеній; авторъ, описавшій событіе, не могъ интерполировать текстъ, и ему оставалось одно, приложить свои описанія къ концу существовавшаго текста. Правда, въ томъ же текстѣ Винаи сохранилось пророчество о томъ, что Паталипутра сдѣлается столицей Магадскаго царства. Пророчество, очевидно, явилось послѣ факта, а самый фактъ перенесенія столицы имѣлъ мѣсто при томъ царѣ, при которомъ въ Вайшали засѣдалъ соборъ строгихъ аскетовъ. Отсюда дѣлается дальнѣйшій выводъ для хронологическаго опредѣленія: текстъ Винаи получилъ окончательную редакцію въ промежутокъ времени между двумя важными событіями — перенесеніемъ магадской столицы въ Паталипутру и вторымъ соборомъ ¹⁾.

Все разсужденіе и всѣ три доказательства отличаются большою смѣлостью и малою убѣдительностью. Въ Винаѣ, дѣйствительно, нѣтъ специальныхъ запрещеній всѣхъ еретическихъ новшествъ, но за то есть множество дозволеній и предписаній, совершенно оправдываю-

¹⁾ *Oldenberg, Mahāvagga*, стр. XXXVI и сл.

щих грѣховныя пощолзновенія вайшалійской нищей братіи. Съ современнымъ текстомъ Винаи въ рукахъ ни одинъ строгій судъ не взялся бы отвергнуть новшества, какъ грѣховныя дѣянія. Можно ли, напримѣръ, на основаніи современной Винаи осудить нищенствующаго монаха за то, что онъ сбережетъ на завтра соль въ рогѣ? Въ текстѣ, на основаніи котораго приговоръ долженъ быть произнесенъ, общинѣ разрѣшается дѣлать запасы и пищи, и ризъ; по той же Винаѣ, въ общинѣ установлены разные чины, завѣдывающіе принятіемъ въ даръ, храненіемъ, дѣлежешъ, какъ пищи, такъ и ризъ. По современному тексту, община имѣетъ имущественныя права на движимую и недвижимую собственность; движимая собственность можетъ быть также у отдѣльнаго монаха; словомъ въ Винаѣ рисуется такое положеніе нищенствующей братіи, которое не имѣетъ ничего общаго съ строгимъ аскетизмомъ и безусловною нестяжательностью святыхъ мужей вайшалійскаго собора, осуждавшихъ еретическія новшества Ваджипуттаковъ; ихъ строго-аскетическая точка зрѣнія совершенно чужда современному тексту.

Ни изъ чего не видно также, чтобы книга Винаи, по имени *Culla-vagga*, гдѣ содержатся разказы о соборахъ, была послѣднею въ этой литагѣ; она начинается, какъ извѣстно, съ изложенія *adhikāṇa samathā*, что по описанію Буддхагхоси, предшествуетъ отдѣлу *khandhaka* ¹⁾. Наконецъ, если придавать пророчеству о Паталипутрѣ значеніе въ хронологическихъ разысканіяхъ, то конечно, слѣдуетъ его брать во всей полнотѣ, не опуская важныхъ подробностей. Въ пророчествѣ вѣщаго, записанномъ въ Винаѣ, однакоже не только говорится о томъ, что Паталипутра сдѣлается магадскою столицею, но упоминается также, что славному въ древности городу грозятъ въ будущемъ три великія невзгоды отъ огня, воды и внутреннихъ раздоровъ; въ пророчествѣ, такимъ образомъ, есть намекъ на событія, очевидно, слѣдовавшія за перенесеніемъ въ Паталипутру резиденціи Магадскихъ царей, и нѣтъ никакого основанія предполагать, что грозныя несчастія случились въ краткій промежутокъ времени, именно до созванія вайшалійскаго собора.

Такъ какъ, по преданію, редакція священнаго писанія была установлена уже на первомъ соборѣ, то при описаніи втораго посвящается немного словъ его литературно-богословской дѣятельности, и характеръ сходки, по описанію, всего ближе можно опредѣлить какъ

¹⁾ *Culla vagga*, стр. 290. См. также *Turnour, Examination etc.*, стр. 20 (*J. of the as. soc. of Bengal*, July 1837).

собранія суда ¹⁾). Судятъ еретиковъ и разбираютъ ихъ лжеученія. Собрались вмѣстѣ еретики и ихъ противники. Всего, по преданію, было семьсотъ человекъ: цифра значительная, особенно если принять въ разчетъ, что всѣ собравшіеся были мужи высочайшей святости. Начались обсужденія грѣшныхъ новшествъ, и поднялся великій шумъ; кричали обѣ стороны, и ни въ одномъ словѣ нельзя было добраться до смысла. Тогда обратились къ болѣе дѣйствительному средству рѣшить споръ, и пустили дѣло на голоса.

Еретики были монахи съ востока и назывались восточными; ихъ противники именуются Патхејѣака (отъ пѣтха путь, можетъ быть— то же, что дакшинапѣтха, то-есть, Декань). Съ той и другой стороны было выбрано по четыре человека, очевидно наиболѣе выдающихся своею святостью и ученостью. Обѣ стороны имѣли такимъ образомъ своихъ представителей. Каждый пунктъ нововведеній обсуждался отдѣльно и рѣшался подачей голосовъ, въ которой принимали участіе, по однимъ разказамъ, всѣ собравшіеся, по другимъ — только восемь судей.

Разсмотрѣніе сказанія о второмъ соборѣ приводитъ къ выводу, что и второй соборъ, также какъ и первый, былъ не болѣе какъ сходкой для рѣшенія общинныхъ дѣлъ; обстоятельства дѣлъ, излагаемыя въ разказѣ о немъ, не проливаютъ никакого свѣта на время Виная, ни на ея первоначальное содержаніе, такъ какъ новшества, осужденныя на второмъ соборѣ, вполне допустимы по Винаю въ настоящемъ ея видѣ.

Если же на основаніи данныхъ, находимыхъ въ сказаніи о второмъ соборѣ и прямо относящихся къ Винаю, время этой части трехъ питаекъ не можетъ быть опредѣлено удовлетворительно, то еще менѣе тѣ же данныя пригодны для хронологическихъ розысканій о другихъ частяхъ палийскаго канона; изъ этого не слѣдуетъ однакоже, чтобы хронологическій вопросъ въ изслѣдованіяхъ о буддійскихъ памятникахъ былъ бы безусловно не разрѣшимымъ; слѣдуетъ только строго различить вопросъ о времени одного какого-либо памятника отъ болѣе общаго—о времени всего канона, въ его настоящемъ составѣ.

И. Миннасъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ По толкованію европейскихъ изслѣдователей, отчетъ о литературно-богословской дѣятельности второго собора былъ вставленъ въ сказаніе о первой сходкѣ. Едва ли онъ когда существовалъ въ этомъ разказѣ.

Вятскія древности.

Каталогъ древностей Вятскаго края. Составленъ А. А. Спицынымъ. Изданіе Вятскаго губернскаго статистическаго комитета. Вятка. 1881.

„Пока областныя исторіи съ ихъ памятниками не будутъ раскрыты и подробно рассмотрѣны“, говоритъ И. С. Забѣлинъ, — „до тѣхъ поръ всѣ наши общія историческія заключенія о существѣ нашей народности и ея различныхъ историческихъ и бытовыхъ проявленій будутъ голословны, шатки, даже легкомысленны, чему легко указать множество примѣровъ... Необходимо же когда-либо подумать о томъ, что каждая мѣстность есть живая часть общаго цѣлаго, а не какое-нибудь департаментское отдѣленіе; что, какъ живая часть, каждая мѣстность имѣетъ самостоятельный, своеобразный смыслъ, который обнаруживается не только въ экономическихъ, но и въ историческихъ ея условіяхъ. Раскрыть и надлежащимъ образомъ освѣтить этотъ смыслъ можетъ только исторія этой мѣстности или области. Безъ исторіи, и этнографическіе, и даже статистическіе факты остаются чуждыми памятниками. Мы увѣрены, что со временемъ не обойдутъ этой мысли и наши земскія собранія, которыя могутъ выразить свою готовность пособить этому дѣлу“¹⁾.

Прошло не много лѣтъ послѣ того, когда сказаны были вышеприведенныя слова, и русское общество, пробужденное главнымъ образомъ періодическими сѣздами археологовъ, пожелало снять съ себя заслуженный упрекъ въ пренебреженіи къ родной старинѣ. Дѣятельно приступили мѣстныя силы къ собранію и изученію вещественныхъ, устныхъ и письменныхъ памятниковъ древности. Провинціальная печать оживилась; народились изданія земствъ и статистическихъ комитетовъ, на страницахъ которыхъ стали появляться труды, посвященные мѣстной археологіи, этнографіи и исторіи.

Въ ряду нашихъ провинцій Вятскій край въ дѣлѣ мѣстныхъ изслѣдованій занимаетъ довольно видное мѣсто. Мы не будимъ здѣсь входить въ подробности, а упомянемъ лишь о томъ, что Вятскимъ земствомъ и статистическимъ комитетомъ обнародованъ рядъ изданій, заслуживающихъ полнаго вниманія. Таковъ, на примѣръ, обширный сборникъ матеріаловъ для исторіи края: „Столѣтіе Вятской губерніи 1780—1880 г.“ (Три тома. Вятка. 1880—1881), заключающій

¹⁾ Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, II, 109 и 111.

ръ себѣ массу историческихъ и этнографическихъ данныхъ. Въ послѣднее же время комитетомъ издавъ трудъ г. Спицына, названіе котораго приведено выше.

Такъ какъ собраніе данныхъ о древностяхъ Вятскаго края и изслѣдованіе открытыхъ памятниковъ началось не сегодня, и извѣстія о нихъ время отъ времени появлялись уже въ періодическихъ изданіяхъ, то они и имѣютъ свою литературу. Первый обзоръ памятниковъ древности Вятскаго края мы находимъ въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1844 годъ; предисловіе этой статьи, рельефно обрисовывающее господствовавшій въ тѣ годы взглядъ на значеніе памятниковъ до-русской эпохи, считаемъ небезынтереснымъ привести здѣсь: „Тутъ, въ отдаленной глуши сѣверныхъ лѣсовъ, жатва памятниковъ старины естественно не можетъ быть изобильна. Открытая въ концѣ XII вѣка Новгородцами, древняя область Хлыновская, заселенная дикими Вотьяками, начала принимать участіе въ гражданственности не прежде конца XV вѣка, когда, побывавъ подъ игомъ Татаръ, окончательно покорилась державѣ князей Московскихъ. Въ лѣтописяхъ говорится, что еще до пришествія Новгородцевъ были здѣсь „города Чудскіе“, какъ-то Кокшеревъ, на мѣстѣ котораго находится нынѣшній Котельничъ, и Болванскій, гдѣ нынѣ село Никулицыно, прежній городокъ Никулицынъ. Южная часть нынѣшней Вятской губерніи, принадлежавшая древнимъ Татарамъ и Булгарамъ, также имѣла изстари свои города, въ числу которыхъ относится нынѣшній Сарапулъ. Но чѣмъ могли увѣковѣчить себя въ нихъ Чудь и Татары? Старина, сколько-нибудь памятливая и достопамятная, начинается здѣсь съ водвореніемъ русскаго духа и русской жизни, подъ образовательною рукой Москвы“¹⁾.

Не прошло и двухъ десятилѣтій, какъ на страницахъ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей въ 1859 и 1865 годахъ появился рядъ замѣтокъ г. Н. Алабина „О нѣкоторыхъ древностяхъ Вятскаго края“; авторъ ознакомился съ этими памятниками, производя раскопки. „Вятскій край“, пишетъ г. Алабинъ, — „обилень курганами и городищами, изъ которыхъ многіе такъ древни, что въ продолженіе своего существованія уже перемѣнили на своихъ хребтахъ нѣсколько поколѣній лѣсовъ. Къ сожалѣнію, эти слѣды жилищъ аборигеновъ здѣшней страны не подвергнуты доселѣ правильному и систематическому изслѣдованію, не составлено имъ карты, и не собраны существующія о

¹⁾ Журналъ М. Вн. Д. 1844 г., стр. 511.

нихъ въ народѣ преданія и повѣрья“. Съ этого времени было обращено вниманіе на до-историческіе памятники Вятскаго края.

Въ 1871 году появилась въ свѣтъ прекрасное „Описаніе Ананьинскаго могильника“ г. Невоструева, напечатанное въ „Трудахъ I-го археологическаго съѣзда“, съ многочисленными рисунками. Въ 1877 году изданы г. Аспеліномъ изображенія вятскихъ древностей во 2-мъ выпускѣ его „Antiquités du Nord Finno-Ougrien“. Въ почтенномъ трудѣ графа А. С. Уварова „Археологія Россіи“ мы находимъ описаніе каменныхъ и костяныхъ орудій Вятской губерніи, хранимыхъ въ музеяхъ ¹⁾. Нѣкоторые предметы изображены здѣсь на приложенныхъ таблицахъ.

Въ концѣ прошлаго года вышелъ въ свѣтъ „Каталогъ древностей Вятскаго края“, составленный г. А. Спицынымъ. „Древности Вятскаго края“, пишетъ г. Спицынъ,—„до сихъ поръ не приведены въ полную извѣстность и не сдѣлано имъ подробнаго перечисленія; притомъ тѣ періодическія изданія, въ которыхъ разбѣяны замѣтки о нихъ, большею частью составляютъ такую библиографическую рѣдкость, что становятся извѣстны назначительному меньшинству, отъ чего и получается столько затрудненій къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ памятниковъ старины мѣстнаго края. Въ виду этого, мы приняли на себя кропотливый трудъ просмотрѣть всѣ статьи, заключающія извѣстія о древностяхъ губерніи, и составить по нимъ такой сводъ, который, извлекая необходимыя свѣдѣнія для изслѣдователя, служилъ бы каталогомъ всѣхъ вещественныхъ памятниковъ края, съ древнѣйшихъ временъ до XIX столѣтія. Въ нашемъ каталогѣ читатель найдетъ упоминаніе о каждой древности, сжатое изложеніе того, что о ней имѣется въ литературѣ, и указаніе на то, откуда свѣдѣніе о древности извлечено. Если описаній древности существуетъ нѣсколько, то для удобства пользоваться статьею, какъ справочнымъ указателемъ, они приводятся отдѣльно“.

Приведа такимъ образомъ въ извѣстность весь матеріалъ, имѣвшійся въ печати, и дополнивъ его отчасти распросными свѣдѣніями, авторъ, ради удобства при пользованіи имъ, группируетъ его въ слѣдующіе тринадцать отдѣловъ: I) остатки каменнаго вѣка; остатки бронзоваго и желѣзнаго вѣка; II) курганы, III) геродица; IV) находки, относящіяся къ историческому и до-историческому времени;

¹⁾ Археологія Россіи. Каменный вѣкъ. М. 1881. Томъ II; №№ 168—183, 3446—3490.

V) инородческія пепелища; VI) побоища; VII) пещеры, подземные ходы и обвалы; VIII) слѣды старыхъ русскихъ укрѣпленій; IX) урочища, боры, озера, ключи, старыя дороги и проч., X) древнія церкви и часовни; XI) иконы и другія церковныя древности; XII) акты и рукописи; XIII) собранія древностей.

При такой группировкѣ, авторъ невольно впадаетъ въ нѣкоторыя ошибки, особенно въ первыхъ отдѣлахъ, вслѣдствіе того, что лишь незначительная часть памятниковъ древности Вятскаго края исследована, и при отнесеніи къ тому или другому отдѣлу приходилось руководится исключительно тѣмъ названіемъ, подъ которымъ данный памятникъ занесенъ въ печать. Притомъ же авторъ, сколько намъ извѣстно, лично не занимается исследованіемъ памятниковъ, то-есть, раскопками, и имѣлъ случай ознакомиться лишь съ вѣшнимъ видомъ нѣкоторыхъ изъ памятниковъ. Этими обстоятельствами объясняется то, что II-й и III-й отдѣлы каталога не выдерживаютъ даже слабой критики: путаница произошла главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что онъ пользовался распросными свѣдѣніями. Слова „курганъ“, по замѣчанію г. Спицына, вятскіе крестьяне не знаютъ и замѣняютъ его словами: городище, веретье, валъ, куча. Это разнообразіе въ названіи кургана объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что кургановъ здѣсь находится менѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Г. же Алабинъ упоминаетъ, что мѣстные жители подобныя урочища называютъ круганами, вслѣдствіе ихъ круглой формы.

Пользуясь каталогомъ г. Спицына и тѣми источниками, на основаніи которыхъ онъ составленъ, а также собственными наблюденіями, и имѣя въ виду вятскія коллекціи древностей, мы сдѣлаемъ краткій обзоръ памятниковъ древности Вятскаго края, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Предварительно же ознакомимся съ характеромъ рельефа губерніи и его строеніемъ ¹⁾.

Обширная по пространству Вятская губернія въ общемъ видѣ представляетъ плоскую возвышенность, прорѣзываемую долинами рѣкъ и цѣпями холмовъ, отъ чего поверхность ея неровная, холмистая. Вся эта равнина нѣсколько приподнята въ сѣверномъ углу и постепенно склоняется на юго-западъ. Наиболѣе возвышенной частью губерніи представляется сѣверная половина Слободскаго уѣзда,

¹⁾ См. *Спаскаго* «Физико-географ. условія Вятскаго края» въ «Календарѣ Вятск. губ.» 1882 г. и *Кротова* «Геологич. наслѣд. Вятской губ.», три выпуска. Казань, 1876—1881 года.

гдѣ проходитъ водораздѣлъ рѣкъ Волжской и сѣверо-Двинской системъ, а большіе по высотѣ холмы встрѣчаются въ Кайскомъ краѣ по берегамъ р. Камы. Низменные мѣстности покрыты болотами, торфяниками и лѣсами. Колебаніе рельефа поверхности находится въ тѣсной связи съ геологическимъ строеніемъ почвы: такъ возвышенныя мѣстности сложены изъ пластовъ древнѣйшаго происхожденія, а болѣе низменные — позднѣйшаго образованія. Преобладающими коренными породами Вятской губерніи, составляющими, такъ-сказать, остовъ ея, являются пласты пермской формаціи, которые состоятъ изъ ярусовъ — известкового и мергелисто-песчаного. Послѣдній верхній пластъ, такъ-называемый ярусъ пестрыхъ мергелей, покрываетъ всю площадь губерніи, и только мѣстами, на сѣверѣ, на нихъ налегаютъ юрскіе пласты. Изъ постплиоценовыхъ образованій значительно развиты пласты глинъ и песковъ. Пласты эрратического наноса, покрывающіе большую часть сѣверной полосы Вятской губерніи, состоятъ изъ песковъ и глинъ съ гальками и валунами, которые иногда залегаютъ на поверхности. Южная граница ихъ прослѣжена г. Кротовымъ до предѣловъ Костромской губерніи. Между валунами найдены такіе, на поверхности которыхъ сохранились слѣды политуры и шрамовъ. Изъ новѣйшихъ образованій, имѣющихъ несомнѣнную связь съ теперешними рѣчными бассейнами Вятской губерніи, укажемъ на песчано-глинистыя и торфяниковыя образованія, залегающія въ долинахъ р. Ченцы, Вятки и др.

„Всѣ новѣйшія открытія“, говоритъ графъ Уваровъ, — „приводятъ къ несомнѣнному доказательству, что Европейская Россія была населена въ палеолитическую эпоху, и совмѣстное находеніе мамонтовыхъ остатковъ съ отбивными орудіями въ древнихъ наносахъ, лежащихъ непосредственно подъ дилувіальными слоями, опредѣляетъ даже самую эпоху появленія человѣка на этихъ мѣстностяхъ въ послѣдниковый періодъ.... Эти находки доказываютъ, что древнѣйшія времена палеолитической эпохи составляютъ настоящее начало нашей первобытной археологіи и вполне достойны названія періода мамонта и мамонтовой фауны“ (1).

Находки ископаемыхъ костей животныхъ (мамонта, носорога и др.) въ Вятскомъ краѣ нерѣдки, но на нихъ не обращено еще достаточно вниманія; вслѣдствіе того, быть можетъ, мы не имѣемъ отсюда никакихъ данныхъ по палеолитической эпохѣ. Остатки же каменнаго

1) Графъ А. С. Уваровъ, Археологія Россіи. М. 1881 г. Т. I, стр. 118 и 119.

вѣка позднѣйшей эпохи въ Вятской губерніи были находимы случайно на всей ея обширной площади, а особенно значительное число предметовъ, не смотря на отсутствіе здѣсь специальныхъ изслѣдованій, доставилъ Уржумскій уѣздъ.

Каменные орудія у мѣстныхъ русскихъ крестьянъ извѣстны подъ именемъ „громовыхъ стрѣлъ“, но также называютъ они „чортовы пальцы“ (белемниты) и кристаллы горнаго хрусталя (струганцы), заносимые сюда изъ Приуралья. Поэтому надобно быть весьма осторожнымъ съ распросными свѣдѣніями о мѣстонахожденіи громовыхъ стрѣлъ. Последнія употребляются старухами-знахарками и стариками какъ лѣчебное средство; поэтому онѣ дорожатъ ими и неохотно съ ними расстаются. Онѣ кладутъ ихъ въ воду и последнею sprыскиваютъ больного, чтобъ излѣчить его отъ порчи злымъ глазомъ, лихорадки и горячки, или же поятъ, въ особенности малыхъ ребятъ, водою, въ которую наскабливаютъ порошокъ съ громовой стрѣлы. „Въ случаѣ внутреннихъ страданій онѣ“, по словамъ г. Алабина, — колятъ на порогъ дома этими стрѣлами свой бокъ; при воспаленіи же подреберной плевы, что они называютъ усомъ, этотъ камень наваливъ прикладываютъ къ больному боку“. Тамъ, гдѣ нѣтъ громовыхъ стрѣлъ, знахари или „шептуны“ довольствуются при лѣченіи не обдѣланнымъ кремнемъ, но при этомъ считаютъ необходимымъ высѣкать изъ него огонь. Такъ, по сообщенію священника М. Спасскаго, изъ села Торопецкаго (въ архивѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества), знахарь, прійди къ больному, требуетъ времени, огниво и вино и на все это наговариваетъ, ударяетъ надъ тѣмъ по нѣсколько разъ другъ о друга огнивомъ о кремень. Въ данномъ случаѣ высѣченіе огня надъ виномъ, которымъ будутъ поить больного, какъ намъ кажется, должно служить для очищенія его, то-есть, для удаленія изъ него злаго начала, въ присутствіи котораго наговоръ дѣлается недействительнымъ. Имѣя же громовую стрѣлу, достаточно ее опустить въ питье, такъ какъ она есть произведеніе небеснаго огня. Крестьяне считаютъ также каменные орудія счастливымъ талисманомъ; иди на охоту, крестьянинъ беретъ его съ собою въ увѣренности непременно найти звѣря или птицу и стрѣлать безъ промаха. Суевѣрные охотники слѣпо вѣрятъ тому, что ружье можно испортить заговоромъ; чтобъ отвратить порчу, они считаютъ необходимымъ при ковкѣ ружей употреблять порошокъ, соскобленный съ громовой стрѣлы. Храненіе каменныхъ орудій въ домѣ, по ихъ мнѣнію, предохраняетъ послѣдній отъ громоваго удара. У инородцевъ Вятскаго

края громовыя стрѣлы извѣстны подъ разными названіями, и инородцы также приписываютъ имъ божественное происхожденіе. Такъ, по вотяцки (по г. Потанину), громовая стрѣла называется инъ-кыде, словомъ, гдѣ первый членъ тотъ же, какъ и начало имени главнаго божества Вотяковъ—Иньмаръ, а второй означаетъ гальку. По повѣрью Вотяковъ, Иньмаръ бросаетъ громовую стрѣлу въ шайтана, когда тотъ, залѣзши на дерево и вставъ вверхъ ногами, дразнить бога. Черемисы называютъ ее инелерь, а Еермяки (Чердынскаго уѣзда) чарнелъ.

Древнѣйшими мѣстами стоянокъ или убѣжищами первобытнаго челоуѣка были естественныя пустоты въ горныхъ породахъ или пещеры, изслѣдованія которыхъ въ послѣдніе годы доставили весьма цѣнныя научныя данныя. Вятскій край не богатъ пещерами: ихъ извѣстно только три, но и тѣ не изслѣдованы; съ пещерами этими соединены преданія о разбойникахъ. Первая изъ пещеръ находится въ трехъ верстахъ отъ с. Чеганды, Сарапулскаго уѣзда, по теченію Камы, гдѣ таятся цѣль горъ съ пустотами, соединенными между собою. Въ нѣкоторыхъ пещерахъ видны слѣды костровъ (Вят. Губ. Вѣд. 1862 г. № 40). Вторая пещера — въ 1½ в. отъ Вятскихъ полянъ. Узкій входъ ведетъ въ небольшую камеру, за которою опять такой же входъ въ другую. Г. Алабинъ упоминаетъ также о пещерѣ, находящейся въ мысу, на которой расположено Нижне-Вотское городище, въ каменномъ отлѣсномъ берегу рѣки Немды, впадающей въ рѣку Шижму: „Мы лазили въ эту пещеру, но разумѣется, огненнаго змѣя и слѣдовъ его жилища не видали, какъ о томъ разказывалъ народъ, а видѣли, что это ничто иное, какъ небольшая, весьма узкая и извилистая пещера, образовавшаяся въ каменистомъ берегу, и вѣроятно, промытая ключемъ; прежде тутъ бѣжавшимъ“¹⁾.

Такимъ образомъ въ Вятскомъ краѣ мы имѣемъ дѣло исключительно съ открытыми стоянками первобытныхъ обитателей, въ которыхъ теперь и перейдемъ.

Не смотря на то, что вся поверхность губерніи отличается однообразіемъ рельефа, отсутствіемъ вслѣдствіе того рѣканыхъ водораздѣловъ, здѣсь, какъ и въ другихъ странахъ, наблюдается разность въ высотѣ береговъ рѣки. Нагорный берегъ, съ его выдающимися мысами въ изгибахъ рѣки и съ холмами, видными ростомъ вершинъ овраговъ, представляетъ удобныя мѣста для поселенія, такъ какъ раз-

¹⁾ Замѣтки о Вятскихъ древностяхъ. Вятка. 1865 г. (изъ Вятск. Губ. Вѣд.), стр. 13.

ливы водъ не закрываютъ ихъ, и обитатель находится здѣсь въ относительно безопасномъ положеніи, защищенный природою со стороны, омываемыхъ водой и прорѣзываемыхъ оврагами. Притомъ эти пункты по своему положенію господствуютъ надъ окружающею мѣстностью, вода и лѣсъ являются для обитателя мѣстами добычи пищи. Тамъ же, гдѣ заливная долина имѣетъ значительное развитіе и отодвигаетъ вторые берега на большое разстояніе отъ рѣки, человѣкъ находитъ себѣ убѣжище или на дюнахъ, образовавшихся въ заливной долині, близъ окраины вторыхъ береговъ, или на послѣднихъ, но лишь въ томъ случаѣ, когда они даютъ отъ себя выступъ (вытекъ, по мѣстному) къ рѣкѣ, или когда рѣчной притокъ, прорѣзывая берегъ верхней террасы, омываетъ окраины удаленнаго холма. На этихъ-то пунктахъ человѣкъ со временъ глубокой древности останавливалъ свое вниманіе; здѣсь онъ преимущественно селился, устраивалъ свои логовища или шалаши и землянки и пережилъ въ иныхъ мѣстахъ нѣсколько стадій своего развитія. Временными стоянками до-историческаго человѣка, нерѣдко продолжительными, судя по количеству остатковъ культуры, были также прибрежныя песчанныя косы озера и рѣкъ, которыя въ настоящее время прикрыты мощными торфяниками или же наносомъ.

Г. Ивановъ, производившій геологическія изслѣдованія въ вершинахъ р. Камы, говоритъ, что эта страна вятскихъ мергелей, съ прилегающими къ нимъ послѣдтретичными террасами, заключающими въ себѣ остатки мамонта, была, по видимому, густо заселена человѣкомъ каменнаго періода. Кама глубоко врѣзывается въ твердую массу мергелей, но не можетъ пробить, размыть ее, откидывается въ сторону, огибаетъ подчасъ отвѣсныя стѣны и снова подходитъ къ тому же мѣсту, которое стремилась промочь, но съ противоположной стороны. Эти своеобразныя, характерныя для верховой Камы, залучины, выгибы рѣки, или какъ ихъ здѣсь называютъ, „хобота“, образуютъ почти острова, какъ бы только прикрѣпленные къ материку. На такихъ-то высотахъ встрѣчаются преимущественно каменныя орудія. Здѣсь декаръ находилъ вполне благоприятствующія условія жизни ¹⁾.

Ананьинская песчаная дюна, извѣстная своимъ могильникомъ, была обитаема человѣкомъ каменной эпохи. Въ ея случаемъ грунтъ найдено значительное число оббитыхъ орудій изъ бѣловатаго кремня,

¹⁾ Труды Общества естествоиспытателей при Имп. Каз. Univ. Т. X, в. I, стр. 7.

совмѣстно съ черепками глиняной посуды, украшенными примитивнымъ орнаментомъ, и мелкими остатками костей. Въ нашей коллекціи имѣется отсюда, кромѣ мелкихъ кремневыхъ обломковъ, прекрасный трехгранный наконечникъ копья значительной величины, нѣсколько ножей и скребковъ и наконечникъ стрѣлы изъ полупрозрачнаго кремня, обоюдоострый и широкій, утолщенный по срединѣ, весьма тщательной оббивки. Эти орудія по типу весьма сходны съ изображенными въ I-мъ выпускѣ „Antiquités du Nord Finno-ougrien“ Аспелина и обозначенными съ Тихой Горы. Названные дюнные орудія рѣзко отличаются отъ каменныхъ же орудій, находящихся въ могильникѣ совмѣстно съ металлическими предметами, какъ по матеріалу, изъ котораго они сдѣланы, такъ и по характеру оббивки. Это необходимо имѣть въ виду.

Въ бассейнѣ рѣки Пижмы каменные орудія, по свидѣтельству г. Кротова, были находимы около деревень Высокой Заболотской, Пиктовской и Лелековской. Въ общемъ мѣстность, гдѣ расположены эти деревни, представляетъ низменность, покрытую болотами и песками; иногда же на поверхности попадаются валуны. Мѣстами встрѣчаются возвышонныя холмы, рѣзко выдающіеся среди этой низменности. Одинъ изъ такихъ холмовъ, около д. Высокой Заболотской, называемый мѣстными жителями „Палаткою“, и съ которымъ связаны преданія о кладахъ, имѣетъ слѣдующее строеніе: подъ растительнымъ черноземнымъ слоемъ залегаетъ известковый и песчаный щебень (до 1 арш.); ниже сѣрый и красный известковый песчаникъ съ натеками известковаго шпата (до 3 арш.), и наконецъ, конгломератовидный мергель, также съ натеками (до 1 арш.). Этотъ холмъ имѣетъ форму плоскаго конуса и окруженъ со всѣхъ сторонъ болотами. На склонахъ его, въ пахатномъ слоѣ, вмѣстѣ съ небольшими валунами кремня, попадаютъ кремневая ядрища, наконечники стрѣлъ и пр., а въ прежнее время мѣстные жители находили здѣсь и желѣзные (?) орудія ¹⁾.

Въ музеѣ Общества археологій, исторіи и этнографіи въ Казани находится значительное число орудій, доставленныхъ изъ Уржумскаго уѣзда, изъ окрестностей деревень Новой Оришуты и Вѣрки, гдѣ они въ значительномъ числѣ залегаютъ въ пахатномъ слоѣ. Всѣ они сдѣланы изъ желтоватаго, непрозрачнаго кремня, отличаются незначительностью обработки и представляютъ сходство съ

¹⁾ Труды Казанскаго Общества естествоиспытателей. Т. VIII, 2. 1879 г. стр. 83 и 84.

типомъ орудій Мустье и Солютре. Стрѣловидные осколки, употреблявшіеся какъ наконечники стрѣлъ, весьма многочисленны. Затѣмъ здѣсь находятся ядрища, топоры, скребки, ножи, копья, масса обломочнаго матеріала и безформенныхъ камней, быть можетъ, служившихъ обойниками; все это, по видимому, указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ мѣстомъ изготовленія орудій, то-есть, съ мастерскою каменной эпохи.

Судя по значительной коллекціи вятскихъ каменныхъ орудій г. Заусайлова въ г. Казани, которую мы имѣли случай осмотрѣть, первобытный человѣкъ пользовался при изготовленіи орудій весьма разнообразнымъ матеріаломъ, не смотря на отсутствіе обнаженій кристаллическихъ породъ въ Вятской губерніи. Такъ мы видѣли здѣсь орудія изъ гранита, разныхъ сложныхъ кристаллическихъ породъ и песчаниковъ; по всей вѣроятности, этотъ матеріалъ дикарь находилъ среди эрратическихъ валуновъ, или же орудія были занесены сюда съ Урала.

Въ настоящее время мы не имѣемъ еще никакихъ данныхъ, которыя выяснили бы намъ вопросъ: при какихъ условіяхъ совершился переходъ вятскаго дикаря отъ камня къ металламъ? Въ Вятской губерніи нѣтъ самородныхъ металловъ, какъ нѣтъ и мощныхъ рудъ, каковы, напримѣръ, мѣдныя колчеданы, которые могли бы обратить на себя вниманіе первобытнаго человѣка. А при отсутствіи этихъ условій здѣсь не могла возникнуть ни добыча, ни обработка рудъ въ эту отдаленную эпоху, подобно тому, какъ мы видимъ это на Алтайѣ и Уралѣ. Обращаясь къ первому періоду металлической эпохи, къ ея мѣдному или бронзовому вѣку, мы должны ограничиться лишь упоминаніемъ, что въ Вятской губерніи были единичныя, случайныя находки предметовъ этой культуры, каковы кельты, стрѣлы, ножи, пики и пр. по рѣкамъ Камѣ, Вяткѣ, Пижмѣ и Чепцѣ, но изслѣдованій произведено не было.

Наиболѣе извѣстный до-историческій памятникъ древнѣйшей металлической эпохи Вятскаго края—Ананьинскій могильникъ, близъ города Елабуги; на него ранѣе другихъ было обращено вниманіе, благодаря случайнымъ здѣсь находкамъ. Обиліе послѣднихъ привлекло сюда многихъ изслѣдователей, и въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, отсюда ежегодно доставлялись сотни экземпляровъ до-историческихъ предметовъ въ различныя собранія. Могильникъ много разъ былъ раскапываемъ, много разъ описывался, и все же въ концѣ концовъ мы не имѣемъ полного научнаго описанія его, почему и остается

не выясненнымъ время его созданія, то-есть, не опредѣлена точно эпоха, къ которой можно его приурочить, и не извѣстно, къ какому племени принадлежать его костяки. Нельзя не согласиться со справедливымъ упрекомъ г. Аспелина въ небрежномъ отношеніи къ подобному памятнику древности. Г. Аспелинъ, сравнивая его по важному научному значенію съ подобнымъ же могильникомъ въ Галльштадтѣ, въ Австріи, обращаетъ вниманіе на рѣзкую противоположность въ методахъ изслѣдованія обоихъ этихъ памятниковъ. Раскопка Галльштадтскаго могильника продолжалась въ теченіе восьми лѣтъ (съ 1847 по 1864 годъ), исключительно при благоприятныхъ для того метеорологическихъ условіяхъ; главная же раскопка Ананьевскаго могильника была произведена въ 1858 году въ одинъ день, съ помощію сорока работниковъ ¹⁾.

Результаты работъ первыхъ изслѣдователей Ананьинскаго могильника—гг. Алабина, Лерха и мѣстнаго знатока древностей г. Шишкина—не пропали безслѣдно, благодаря прекрасной работѣ г. Невоструева, представленной I-му археологическому съѣзду, въ которой онъ тщательно обработалъ матеріалъ, собранный раньше, присоединивъ и тѣ данныя, который онъ самъ добылъ на мѣстѣ. Найденные здѣсь черепа не были обстоятельно изслѣдованы, но, по словамъ Эйхвальда, они длинные и узкіе (долихокефалы), сходны съ финскими и напоминаютъ чудскіе, а также найденные Нильсономъ въ скандинавскихъ могилкахъ. Однако, послѣднее противорѣчитъ замѣчанію академика Бэра, который говоритъ, что чудскіе черепа (ихъ находится три въ музеѣ Академіи Наукъ) отличаются, на оборотъ, короткостью, вышиною и принадлежать, слѣдовательно, къ брахикефаламъ ²⁾. Такимъ образомъ мы не имѣемъ еще краниологическихъ изслѣдованій народа, обитавшаго здѣсь, и имѣющіеся матеріалы ожидаютъ изученія.

Лѣтомъ прошлаго года произведена была значительная раскопка Ананьинскаго могильника, по порученію Казанскаго Общества археологій, исторіи и этнографіи, гг. Пономаревымъ и Лихачевымъ. Мнѣ удалось побывать на могильникѣ незадолго до начала этихъ работъ и видѣть его еще не вполне уничтоженнымъ.

Оставивъ г. Елабугу и миновавъ деревню Ананьину, мы выѣхали на окраину праваго берега заливной долины р. Камы. Эта окраина

¹⁾ *Travaux du 3-me congrès international des orientalistes.* Т. II, pag. 396.

²⁾ *Лейбокъ.* Доисторическія времена. Переводъ подъ редакц. Д. Н. Аничина. М. 1876 г., стр. 135.

представляетъ собою рядъ дюнъ или песчано-глинистыхъ холмовъ. Зная, что вскорѣ обнаружится могильникъ, я внимательно всматривался въ окружающую мѣстность, но глазъ мой не могъ найти пункта, который можно было бы принять за него. Наконецъ мы остановились, какъ оказалось, на самомъ могильникѣ, и тогда только, при детальномъ обзорѣ, можно было выдѣлить два неправильно вытянутые вдоль окраины холма, соединявшіеся подошвами, наружная поверхность которыхъ нѣсколько измѣнена бывшими раскопками. Тѣмъ не менѣе размеры тѣхъ работъ нельзя было опредѣлить, такъ какъ мелкій песокъ, образующій холмы, замель ихъ съ помощью вѣтра, образовавъ небольшія воронкообразныя впадины. Эти холмы, едва покрытые слабою растительностью, возвышаются не выше двухъ сажень и достигаютъ длины двухсотъ шаговъ, при ширинѣ 22 шаговъ. Весенняя вода ежегодно подходитъ къ подошвамъ холмовъ, и при многоводѣ, значительно подымаясь, грозитъ залить и огороды прилежащей деревни. Крестьяне, чтобы препятствовать этому разливу, устроили земляную плотину вдоль берега. Отъ половодья, слѣды котораго остались на склонѣ могильника въ видѣ современныхъ прѣсноводныхъ раковинъ и камыша, страдалъ и могильникъ: его размывало, обнаруживало вещи, что и послужило поводомъ къ его открытію. При осмотрѣ поверхности холмовъ можно наблюдать разнообразный составъ почвъ: то встрѣчаешь чистый рѣчной песокъ, то золу бывшихъ кострищъ, среди которой видна масса обугленныхъ костей, какъ человѣка, такъ и животныхъ (свинья, лошадь и другія); трубчатая кости расколоты; здѣсь же попадаются остатки сосудовъ изъ глины съ орнаментомъ и также обдѣланные кремни, желѣзные и бронзовые вещицы. Трудно опредѣлить, что лежитъ *in situ* и что составляетъ отвалъ бывшихъ раскопокъ. При поверхностномъ углубленіи почвы (не выше $\frac{3}{4}$ аршина) я находилъ глину, перемѣшанную съ углями, расколотыми костями и черепками сосудовъ.

Обитатели сосѣдней деревни имѣли не малый заработокъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, сбывая посетителямъ находимые на могильникѣ предметы. Число добытыхъ здѣсь вещей дѣйствительно громадно; могильникъ казался не истощимымъ. Каждый значительный ливень или сильный вѣтеръ, когда разметывалась рыхлая поверхность памятника, особенно же тотчасъ послѣ спада весеннихъ водъ, обнаруживалъ скрытыя вещи. Такимъ путемъ составились и позднѣйшія коллекціи: д-ра Радакова, пожертвованная Румянцовскому музею въ Москвѣ, и г. Пасынкова — въ Обществѣ археологіи, исторіи и

этнографіи въ Казани; не мало также вещей, прибрѣтенныхъ здѣсь однимъ казанскимъ агентомъ, было доставлено въ заграничные музеи.

Спустя нѣсколько времени послѣ нашего пребыванія на могильникѣ, приступили къ его обширной раскопкѣ гг. Пономаревъ и Лихачевъ. Работа ихъ продолжалась въ теченіе двухъ недѣль. Они постепенно сняли верхній слой Ананьинскаго бугра, тщательно просѣвая его, при чемъ найдено была значительное число мелкихъ предметовъ. На глубинѣ около 4—5 аршинъ обнаружился рядъ каменныхъ плитъ, расположенныхъ безъ порядка; а нѣкоторыя оказались сводомъ еще не тронутаго склепа. Десять могилъ, заключенныхъ въ этомъ склепѣ, было вскрыто, и извлечены изъ нихъ уцѣлѣвшія части костяковъ, съ сопровождающими ихъ желѣзными и бронзовыми вещами. Нѣкоторыя бронзовыя орудія при погребеніи, очевидно, были вложены въ берестяные футляры; части ихъ сохранились и имѣютъ оттиски ткани на внутренней поверхности; въ могилѣ же найдены остатки какого-то деревяннаго издѣлія. Двѣ главныя могилы, по видимому начальническія, въ настоящее время, возстановлены въ музей Казанскаго Общества археологіи во всей обстановкѣ и подробностяхъ найденнаго въ нихъ погребенія. Въ общемъ раскопка г. Пономарева доставила, не считая мелкихъ проливокъ и т. п., до 350 отдѣльныхъ предметовъ, изъ которыхъ особенно интересны серебряные шейный обручъ и спирали. Послѣдующая развѣдка г. Пономарева на Чортовомъ городищѣ, близъ Елабуги, была не богата результатами, хотя и доставила слѣды до-булгарской культуры.

Въ теченіе же минувшаго лѣта были раскопаны: могильникъ близъ с. Пьянаго-Бора на Камѣ и такъ-называемыя «Атамановы кости», на р. Вяткѣ. Однородность вещей, добытыхъ на этихъ памятникахъ, указываетъ на очевидную связь между ними и на принадлежность Пьяно-Борскаго кургана, подобно Ананьинскому могильнику, къ переходной эпохѣ отъ бронзы къ желѣзу.

Невостревъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ составъ бронзы, состоящей изъ сплава 9 частей мѣди и 1 части олова, безъ примѣси другихъ металловъ (цинка, олова и пр.), относитъ могильникъ къ первому вѣку до Р. Х. Еще болѣе древнимъ считаетъ его, основываясь на типахъ находимыхъ здѣсь предметовъ, г. Аспелинъ; онъ относитъ его къ III в. до Р. Х. „Что касается до рѣзущихъ орудій“, говоритъ онъ въ своемъ трудѣ, упомянутомъ нами выше, — „то бронзовые кельты здѣсь довольно общаго вида; кинжалы, также какъ и ножи, сдѣланные изъ желѣза, воспроизводятъ характеристич-

ные типы бронзоваго вѣка; наконечники копій изъ бронзы и желѣза, несомнѣнно завозные; большая часть наконечниковъ стрѣлъ—бронзовые, трехгранные, тогда какъ желѣзные—мелки и въ маломъ числѣ всѣ двугранные; бронзовые и желѣзные заступы то заостренные, то въ видѣ сѣкиры. Многочисленныя украшенія изъ бронзы (серебра и золота нѣтъ?), которыя найдены въ этихъ могилахъ, доставятъ наукѣ важные матеріалы для изученія конца бронзоваго вѣка Алтаеуральскаго и первыхъ временъ желѣзнаго вѣка на берегахъ Камы. Въ числѣ главныхъ мотивовъ украшеній слѣдуетъ поименовать голову дракона, концентрическіе круги, спиральныя рисунки и волчіе зубы“.

Всматриваясь въ жизнь до-историческаго человѣка въ первые моменты ознакомленія его съ металломъ, путемъ ли самостоятельнаго открытія, или же путемъ обмѣна съ сосѣдями, мы видимъ, что металлъ не внесъ рѣзкаго измѣненія въ бытъ дикаря. Долгое время, не имѣя надежныхъ средствъ обороны, дикарь еще нуждался въ естественной охранѣ мѣста своего обитанія; онъ продолжалъ селиться на мысахъ, достаточно защищенныхъ природой, и со сторонъ открытыхъ, то-есть, опасныхъ, началъ возводить охранныя насыпи или валы. Мало по малу постоянныя перекочевки уступали мѣсто болѣе продолжительнымъ стоянкамъ, и дикарь превращался въ полу-кочевника, обитателя укрѣпленныхъ мысовъ, извѣстныхъ подъ именемъ „городищъ“. Эти мѣста, сохранившія до настоящаго времени кухонныя остатки и предметы былой культуры, народнымъ преданіемъ приписываются Чуди, великанамъ и богатырямъ. Подобныя памятники древности весьма многочисленны въ Вятской губерніи и разбѣяны по всей ея обширной площади. Чтобы ближе ознакомиться съ ними, я опишу одно городище, лежащее на границѣ Малмыжскаго и Уржумскаго уѣздовъ, называемое „Ройскій шиханъ“, гдѣ я, вмѣстѣ съ г. Кузнецовымъ, произвелъ раскопку въ минувшее лѣто.

Это городище расположено надъ Ройскимъ истокомъ, вливающимся въ рѣку Вятку, между деревнями Воробьевой и Шипкиной, на одномъ изъ выступовъ, образованныхъ пермскими мергелями. Площадь городища эллипсоидально-овальной формы и имѣетъ длины 87 и ширины 43 шага, простираясь съ сѣверо-востока на юго-западъ. Сѣверо-восточная сторона (длиною 30 шаговъ) круто высится, футовъ на 45, надъ истокомъ; двѣ въ ней примыкающія нисходятъ въ глубокіе лога, а на юго-западной сторонѣ, сливающейся съ прилежащею равниной, возведенъ валъ типичной формы кокошника, представляя въ сре-

динѣ поднятіе въ 16 футовъ съ значительнымъ паденіемъ къ площадке и задней сторонѣ; въ бокахъ онъ спадаетъ постепенно и наконецъ терается при достиженіи краевой линіи. На вершинѣ этого шихана (холма) площадка длиною семь и шириною два шага. Валъ имѣетъ, при измѣреніи чрезъ его вершину, около 62 шаговъ длины и 50 шаговъ ширины. Боковые скаты городища одѣты мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ. Отсутствіе же лѣса на городищѣ и валу объясняется тѣмъ, что площадка его находилась нѣкоторое время подъ покровомъ. Не мало видѣлъ я подобныхъ сооружений, какъ равьше, такъ и во время поѣздки 1881 года, но ни одно городище изъ осмотрѣнныхъ мною не имѣло столь изящнаго (если можно такъ выразиться) вида: площадка его, нѣсколько понижающаяся къ истоку, не тронутая еще руками изслѣдователя, представляла гладкую, ровную поляну; охранный валъ съ юго-западной стороны, съ его характернымъ возвышеніемъ, отличается замѣчательною симметричностью частей, граціозно окаймляя внутреннюю площадку.

Неплотный дернъ, образующій поверхность площади, состоитъ изъ жирнаго чернозема, толщина котораго, ничтожная при подолѣ кокошника, постепенно возрастаетъ къ сѣверо-западной окраинѣ, и здѣсь достигаетъ мощности до 7 вершковъ. Подобное распределеніе чернозема обусловилось дѣятельностью весеннихъ водъ, смывавшихъ его по незначительно наклоненной плоскости, каковою является площадка. Подъ черноземомъ залегаетъ глина. Почти тотчасъ же, какъ только черноземъ былъ прорѣзанъ лопатами, обнаружилия черепки посуды изъ глины съ примѣсью или со слѣдами раковинъ. Нѣсколько углубившись, мы встрѣтили трубчатныя кости и костяныя стрѣлы, какъ въ нижнемъ слое чернозема, такъ и на спая его съ глиной. Пробный шурфъ или яму я забилъ вблизи сѣверо-восточной окраины, предполагая наткнуться на слѣды костра, который обыкновенно бываетъ въ сосѣдствѣ воды; вблизи же костровъ, что я наблюдалъ въ Пермской губерніи, встрѣчается преимущественно и главная масса вещей. Затѣмъ шурфъ былъ расширенъ и проведенъ поперекъ площади. Въ результатъ получилоя громадное собраніе костей и пробитыхъ череповъ разныхъ животныхъ (олена, медвѣдя, свиньи и друг.), просверленные зубы, костяныя и роговыя стрѣлы, гарпуны, шилья и различныя другія подѣлки, масса обломковъ сосудовъ изъ илистой глины съ разнообразнымъ орнаментомъ, и наконецъ, мною найденъ былъ скребокъ изъ кремня и нѣсколько кремешковъ, а также два кривые желѣзные ножа. Въ культурномъ пласту залегаютъ также

въ большомъ числѣ створки раковинъ *Unio*, что указываетъ, по видимому, на употребленіе ихъ въ пищу.

Въ проведенной г. Кузнецовымъ, въ расчетъ встрѣтить костяки, глубокой (7 аршинъ) траншеѣ, при ширинѣ около двухъ аршинъ, проходящей чрезъ центръ шихана и прорѣзавшей его вдоль, найдены были сперва на небольшой глубинѣ шесть крупныхъ камней песчаника, служившихъ, по видимому, мѣстомъ раскладки костра. На глубинѣ двухъ аршинъ найдены обоюдоострая костяная стрѣла и одна струганая кость, на глубинѣ 2½ арш. — грубое костяное копые. На глубинѣ 3 аршинъ нашлась челюсть свиньи и на седьмомъ аршинѣ ключица хребта; предметы эти были особняки и указываютъ лишь на то, что со времени первоначальнаго здѣсь поселенія обитатели нѣсколько разъ подбавляли земли на валъ и шиханъ, постепенно ихъ возвышая. Лежащій сзади ровъ, окаймляющій ихъ, указываетъ на мѣсто выемки земли.

Вещей не попадало на площадкѣ глубже 6 четвертей и на этой глубинѣ преимущественно у окраины. При осмотрѣ полей, прилегающихъ къ задней сторонѣ вала, мы тамъ и сямъ встрѣчали обломки сосудовъ, тожественныхъ съ находимыми на городищѣ, и обломки расколотыхъ костей животныхъ; отсюда мы можемъ заключать, что границы поселенія въ данномъ пунктѣ въ ту отдаленную эпоху значительно выходили за предѣлы укрѣпленной площадки.

Громадное обиліе расколотыхъ костей, а также и другихъ остатковъ культуры, открытыхъ нами на Ройскомъ городищѣ, указываетъ, съ одной стороны, на продолжительность пребыванія здѣсь человѣка, а съ другой—на тѣ благопріятныя пищевыя условія, въ которыхъ онъ находился. Ройскій человѣкъ былъ охотникъ-звѣроловъ, истребитель хищниковъ-обитателей окрестныхъ лѣсовъ, и этотъ промыселъ доставлялъ ему возможность удовлетворять всѣ насущныя жизненныя потребности. Такъ, поѣдая мясо звѣрей, онъ употреблялъ шкуры ихъ на одежду, а кости и рога служили ему для выдѣлки предметовъ, необходимыхъ въ его примитивномъ быту. Необходимо замѣтить, что главные предметы его охоты, каковы олень и медвѣдь, отличались значительнымъ развитіемъ костной системы. Нами найдены образцы кости и рога въ различныхъ стадіяхъ обработки; въ оконченномъ же видѣ особенно многочисленны стрѣлы, копыя, гарпуны, крючья для удочекъ и шилья, разнообразныхъ типовъ и величинъ, что свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи промысла и указываетъ на большую приспособленность въ этомъ дѣлѣ человѣка, хорошо знавшаго жизнь и нравы жи-

вотныхъ. Сильное развитіе въ данномъ мѣстѣ долины р. Вятки, протекающей у подножія городища и образующей обширную котловину, позволяетъ думать, что здѣсь во дни до-историческаго обитателя разстигалось обширное озеро, которое служило мѣстомъ добычи рыбы, судя по многочисленнымъ остаткомъ рыболовныхъ принадлежностей, хотя кости рыбъ нами найдены въ самомъ незначительномъ количествѣ. Человѣкъ былъ большой любитель костнаго мозга, какъ и всѣ народы, стоящіе на низкой степени культуры; для этого разбивалъ онъ трубчатя кости. Несомнѣнно питался онъ также прѣсноводными моллюсками (Unio), створки раковинъ которыхъ разсѣяны по всему культурному пласту. Глина или глинистый илъ, содержащій въ себѣ обломки раковинъ, служилъ дикарю матеріаломъ, изъ котораго онъ вытѣпливалъ необходимую утварь или сосуды. Обжиганіе ихъ было весьма несовершенно; за то они украшались разнообразнымъ и затѣйливымъ орнаментомъ; такъ, здѣсь наблюдается нѣскольکو типовъ узоровъ, при чемъ преобладаютъ: отпечатки многихъ пересѣкающихся линій—узоръ примитивный, образованный слѣдами выгорѣвшей при обжиганіи травы, покрывавшей сосудъ; узоръ изъ сочетанія прямыхъ и ломаныхъ линій, расположенныхъ параллельно, при чемъ иногда прямыя линіи замѣнены шнуровыми вдавленіями, и наконецъ, украшенія, состоящія изъ ряда точекъ и кольцевыхъ отпечатковъ, расположенныхъ въ извѣстныхъ комбинаціяхъ. Такимъ образомъ Ройскій обитатель, судя по стремленію къ орнаментации, наблюдаемой на сосудахъ и на подѣлкахъ изъ кости, обладалъ уже зародышами эстетическаго чувства. Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о желѣзныхъ предметахъ, каковы кривые ножи, бывшіе несомнѣнно въ употребленіи у дикаря. Этотъ фактъ указываетъ на знакомство его съ металломъ, который тѣмъ не менѣе имѣлъ еще очень малое примѣненіе въ его быту, судя по крайней мѣрѣ по бѣдности найденныхъ образцовъ. Трудно и даже не возможно полагать, чтобы названные предметы, въ обработкѣ которыхъ видна относительная опытность, были произведеніемъ дикаря. Несомнѣнно, что они были заимствованы отъ болѣе культурныхъ сосѣдей, подобно тому, какъ современные Чукчи, Самоѣды и Остяки, не вышедшіе еще изъ эпохъ камня и кости, пользуются металлическими произведеніями Русскихъ, пріобрѣтая ихъ путемъ обмѣна.

Ройское городище, по даннымъ его культуры, вполне аналогично съ западно-европейскими кѣлкенмѣдингами или кухонными остатками и относится къ той группѣ до-историческихъ памятниковъ, которая

характеризуется отсутствіемъ въ ихъ обитателяхъ умѣнья самостоятельно добывать металловъ. Памятники, подобные изслѣдованному нами, мѣтко называемые мѣстными обитателями костища, отсутствующіе въ западной Россіи, въ послѣдніе годы открыты въ Пермской, Вятской и Казанской губерніяхъ, и по всей вѣроятности, будутъ найдены также въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ. Несомнѣнно, что площадь ихъ распространенія обусловливается райономъ расселенія въ до-историческія времена крупныхъ хищниковъ, обладающихъ сильно развитою костною системою. Сообразно характеру образования костевыхъ нагроможденій или костищъ, они распадаются на двѣ группы: кухонные остатки, съ которыми мы ознакомились, и жертвенныя мѣста, о которыхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Обращаясь на востокъ отъ предѣловъ Вятской губерніи мы находимъ аналогичные первобытные памятники на сѣверѣ Сибири, открытые послѣднею экспедиціей Норденшѣльда въ странѣ Чукчей и извѣстные тамъ подъ названіемъ старыхъ пепелищъ народа Онкилонъ; г. Поляковъ нашелъ ихъ въ недавнее время на островѣ Сахалинѣ.

Послѣдующая эпоха въ жизни до-историческаго человѣка Вятскаго края—железный вѣкъ—оставила для изслѣдователей, судя по отрывочнымъ даннымъ, цѣлый рядъ памятниковъ также въ видѣ городищъ и могильниковъ. Въ этомъ періодѣ древнѣйшаго обитателя Вятскаго края застали первые моменты исторической жизни этой страны. Въ послѣдующіе вѣка, по среднему теченію Волги и Камы, процвѣтало царство Булгарское, на югъ же отъ него царство Хозарское; въ XIII вѣкѣ все это пространство было завоевано Татарами и вошло въ составъ Золотой Орды. Послѣ паденія Золотой Орды въ половинѣ XV столѣтія въ предѣлахъ древняго Булгарскаго царства основалось новое татарское царство Казанское. Булгарская цивилизація оставила глубокіе слѣды въ жизни этой страны, руины которой наблюдаются до настоящаго времени, и эта эпоха, богатая данными, ожидаетъ еще изслѣдователей.

Позднѣйшій періодъ, со времени появленія въ Вятскомъ краѣ новгородскихъ выходцевъ вплоть до полнаго упроченія русской гражданственности, также богатъ памятниками, извѣстія о которыхъ сгруппированы г. Спицынымъ во второй половинѣ его труда.

Участниками всѣхъ эпохъ жизни Вятскаго края были инородцы, обитающіе здѣсь, и хотя они никогда не играли видной роли и не поглощали пришельцевъ, тѣмъ не менѣе исторія ихъ жизни полна глубокаго научнаго интереса. Со времени развитія здѣсь русской

колонизації началась постепенная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и постоянная ассимиляция инородцевъ Славянскимъ племенемъ, и въ настоящее время, вѣроятно, не мало финской крови течетъ въ жилахъ русскихъ обитателей Вятскаго края.

Въ заключеніе своего очерка мы остановимся еще на одномъ вопросѣ, разработка котораго, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, приведетъ, несомнѣнно, къ важнымъ научнымъ выводамъ.

При изслѣдованіи до-историческихъ памятниковъ мы неизбежно знакомимся съ отношеніемъ къ нимъ мѣстнаго населенія, среди котораго нерѣдко сохраняются о нихъ преданія. Мы слышимъ здѣсь, преимущественно изъ устъ стариковъ, то отрывочные и безсвязные разказы, иногда замѣчательно однообразные на громадномъ пространствѣ, какъ напримѣръ, преданіе о гибели Чуди, повторяемое почти по всей Россіи, то цѣлое повѣствованіе, въ которомъ нерѣдко фигурируетъ нѣсколько собственныхъ именъ, при чемъ мѣсто дѣйствія приурочивается къ данному памятнику. Въ этомъ случаѣ и послѣдній имѣетъ свое названіе. Памятники этой группы относятся ко временамъ относительно позднѣйшимъ. Особенный интересъ представляютъ помянутыя преданія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ обитаютъ инородцы, которыхъ если и нельзя считать аборигенами, то все же можно признавать весьма давними насельниками. Конечно, немногихъ изъ нихъ мы находимъ на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ они впервые осѣли, что обуславливалось, какъ ихъ бродячимъ образомъ жизни, такъ и многими другими причинами, вліяніе которыхъ не уничтожилось и во времена историческія. Поэтому первоначальную область ихъ поселенія можно возстановить въ настоящее время лишь лингвистическими изысканіями надъ названіями рѣкъ, горъ и другихъ урочищъ. Тѣ мѣста, гдѣ, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, инородцы съ давнихъ поръ обитали въ болѣе или менѣе замкнутой области, гдѣ они перешли послѣднія стадіи своей до-исторической жизни, представляютъ для насъ особенный интересъ. Здѣсь мы смѣло можемъ разчитывать встрѣтить относительно полныя преданія, связанныя съ до-историческими памятниками, такъ какъ современные обитатели являются потомками до-историческихъ, хотя и весьма дальними.

Бросая общій взглядъ на памятники древности Вятскаго края, мы не можемъ не замѣтить, что современные Финны (Вотяки и Черемисы) относятся ко всѣмъ имъ не одинаково безразлично и равнодушно. Значительная часть этихъ инородцевъ еще вполне язычники и потому

съ большою силой придерживается всѣхъ своихъ древнихъ традицій, и обрядовая сторона быта сохраняется у нихъ, до сихъ поръ, во всей ея неприкосновенности. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, здѣсь значительно облегчается и наблюденіе надъ интересующимъ насъ вопросомъ. Имѣя въ виду эту точку зрѣнія, то-есть, отношеніе инородцевъ къ памятникамъ древности, мы видимъ, что всѣ памятники Вятскаго края раздѣляются на три главныя группы. Къ первой относятся всѣ вещественныя памятники культуры каменной эпохи, имѣющіе въ глазахъ инородца значеніе священныхъ предметовъ, облегчающихъ его земную жизнь: такъ они приносятъ ему счастье и ослабляютъ или уничтожаютъ болѣзни. Вторая группа—почитаемыя мѣстности; въ нея входятъ костища и городища, по всей вѣроятности, тѣ, которыя были въ древности мѣстами жертвоприношеній, такъ какъ раскопкою добываются здѣсь многочисленныя кости и остатки металлическаго вѣка, а въ Пермской губерніи и идола. Въ пользу этого говорить и то обстоятельство, что нерѣдко на этихъ почитаемыхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ населеніе считается крещенымъ, воздвигнуты часовни. Напомнимъ также, что миссіонеры, въ періодъ ихъ особенно ревностной, но мало успѣшной дѣятельности, считали своею обязанностью истреблять огнемъ жертвенныя мѣста явчниковъ съ ихъ идолами и фетишами, и на мѣстахъ ихъ водружать крестъ ¹⁾. Урочища этой группы посѣщаются инородцами въ извѣстное время для совершенія моленій или жертвоприношеній. Крещеные обручѣвшіе инородцы сходятся у часовень въ дни празднованія стоящей здѣсь иконы. Такъ, жители д. Городищенской, Вотяки, издревле сходятся на курганъ (вѣроятно, городище) у рѣки Косы при началѣ посѣвовъ яровыхъ хлѣбовъ: старики и женщины пируютъ и пляшутъ, а молодежь около кургана гоняется другъ за другомъ на лошадяхъ и затѣмъ просоединяется къ пирующимъ ²⁾. Здѣсь мы наблюдаемъ отживающее празднество въ честь бога плодородія. На городищѣ Кара-Гуревъ (вотяцкое названіе), въ одной верстѣ отъ с. Александровскаго, по преданію, сооруженномъ Чудью, Вотяки совершаютъ языческіе моленія и обряды; здѣсь же погребаютъ тѣла умершихъ. Сюда же принадлежатъ мѣста народныхъ сборищъ и гульбищъ на городищахъ, въ площади которыхъ было и погребеніе (по преданію), какъ на примѣръ, въ 2-хъ верстахъ отъ г. Орлова и

¹⁾ А. Шренкъ. Путешествіе къ сѣверо-востоку Европейской Россіи. С.-Пб. 1855, стр. 313.

²⁾ Отчетъ Вятскаго статистическаго комитета 1873 г., стр. 29.

2¼ верстахъ отъ с. Мостовинскаго. „Подобное отношеніе къ мѣсту погребенія“, говоритъ Тэйлоръ,—„обще многимъ племенамъ и прямо вытекаетъ изъ ихъ понятія, что здѣсь пребывающія души погребенныхъ предковъ могутъ благосклонно смотрѣть на потомковъ, подобно старикамъ, сидящимъ около деревенскаго луга и наблюдающимъ забавы молодежи“¹⁾).

Третью группу памятниковъ составляютъ курганы и городища богатырей и разбойниковъ. Отношеніе инородцевъ къ нимъ не одинаково. Одни относятся къ памятникамъ со страхомъ и боязнью, въ чемъ, намъ кажется, можно видѣть остатки сильнаго впечатлѣнія, пережитаго ихъ предками, когда обитатели помянутыхъ урочищъ навели дѣйствительно панической страхъ, производя, быть можетъ, опустошенія и угнетая противниковъ. На хищничество богатырей указываютъ, по видимому, и преданія: „Гдѣ жили богатыри, тамъ и клады“. Другіе же инородцы совершаютъ на нихъ свои моленія и обряды. Такъ напримѣръ, крестьяне (?) даже боятся ходить по Чортову городищу, которое находится въ 6-и верстахъ отъ г. Слободскаго у с. Спасо-Подчургинскаго, къ берегу р. Вятки. 12-го іюня и въ недѣлю всѣхъ святыхъ стекается къ часовнѣ народъ изъ разныхъ мѣстъ, и особенно Вотяки, для отправленія панихидъ. Съ городищемъ связано рѣдкое въ Вятскомъ краѣ поэтическое сказаніе объ Онохѣ и его 12 братьяхъ-богатыряхъ (см. Вятскія Губ. Вѣдом., 1861 г. № 1), гдѣ говорится и о богатырѣ Никулицѣ, жившемъ неподалеку. Богатыри воевали съ Черемисами, перебрасывались съ чепецкими богатырями палицами, а эти затѣмъ бросали ихъ въ Слободской и Никулицыно. Г. Спицынъ передаетъ интересное преданіе о послѣдовательности перебрасыванія палицъ, которое свидѣтельствуется, какъ о постепенномъ разселеніи древнихъ обитателей извѣстнаго района, такъ и о существовавшихъ между ними отношеніяхъ. Приведу еще одно преданіе, сообщенное мнѣ со словъ Вотяка изъ деревни Большой Богатырской, находящейся вблизи города Глазова: „На горѣ у этой деревни въ древности жилъ богатырь-Вотякъ, самый старшій надъ всѣми Вотяками. Тутъ у него была крѣпость. Онъ самъ звѣровалъ и ходилъ по Вотякамъ повѣрять, какъ они шайтану молятся. Потомъ у него не стало духу, крѣпости. Тогда Вотяки взяли царскую женку Катерину“. Гора эта почитается у Вотяковъ и въ настоящее время.

Въ ряду преданій о богатыряхъ мы встрѣтимъ, конечно, не мало

¹⁾ Антропология. С.-Пб. 1882, стр. 438.

изукрашенныхъ, и дѣло научной критики разобратъся въ нихъ, отличить былъ отъ вымысла и видѣлтъ, такъ-сказать, этнографическую основу.

Изъ приведенныхъ нами немногочисленныхъ примѣровъ нельзя не видѣть нѣкотораго религіознаго и родственнаго отношенія ино-родцевъ къ инымъ памятникамъ древности, городищамъ и курганамъ. Мы воздерживаемся отъ какихъ бы то ни было выводовъ, такъ какъ имѣли въ виду лишь намѣтить данный вопросъ.

Оканчивая нашъ обзоръ, мы не можемъ не высказать пожеланія, чтобъ и другіе губернскіе статистическіе комитеты, подобно Вятскому, обратили вниманіе на мѣстныя древности и озаботились бы изданіемъ указателей ихъ, въ которыхъ давно уже ощущается значительная потребность, и которые должны весьма облегчить изслѣдованія по русской археологіи. Изданіе подобныхъ полныхъ сводовъ данныхъ литературы по мѣстнымъ древностямъ, съ позднѣйшими дополненіями, наиболѣе удобно мѣстному учрежденію. Эти указатели, кромѣ ихъ несомнѣнной пользы для мѣстныхъ изслѣдователей и путешественниковъ, обратятъ также вниманіе населенія на существующіе, важныя для науки памятники древности и будутъ содѣйствовать пробужденію къ нимъ интереса среди обитателей, и наконецъ, самому ихъ охраненію.

М. Малаховъ.

О имени славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ.

Разысканія о началѣ Руси. Въмѣсто введенія въ русскую исторію. Соч. Д. Иловайскаго. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Съ присоединеніемъ вопроса о Гуннахъ. Москва. 1882.

Рѣшившись взяться за перо по поводу второго изданія „Разысканій“ Д. И. Иловайскаго и обозначивъ въ заглавіи главные пункты, подлежащіе обсужденію, мы примемъ нѣсколько другой порядокъ разсмотрѣнія, чѣмъ тотъ, какой указывается самою книгой и послѣдовательностію статей, въ ней помѣщенныхъ. Мы обратимся прямо къ концу ея, къ вопросу о Гуннахъ, и сдѣлаемъ это ради того, что статья о Гуннахъ, съ присоединеніемъ отчета о московскомъ по поводу ихъ диспутѣ, представляетъ главную новинку второго изданія. Мысли нашего историка о происхожденіи Руси, о Варяжскомъ во-просѣ, о славянствѣ Болгаръ Аспаруха уже давно извѣстны публикѣ

которую Д. И. Иловайскій сумѣлъ очевидно заинтересовать своими трудами; они были предметомъ многократнаго обсужденія со стороны специалистовъ—даже на ученыхъ сѣздахъ. Относящіеся сюда вопросы въ извѣстной степени разъяснены окончательно, и хотя мы намѣрены еще разъ сказать относительно ихъ нѣсколько словъ, мы не надѣемся сказать что-нибудь новое и доселѣ неизвѣстное, что было бы способно разубѣдить нашего почтеннаго историка или поколебать его авторитетъ въ глазахъ его послѣдователей. Нельзя скрывать отъ себя, таковые довольно часто встрѣчаются въ публикѣ, и что особенно заслуживаетъ сожалѣнія, между молодыми людьми въ гимназіяхъ и университетахъ. По отношенію къ гуннскому вопросу положеніе дѣла, можетъ быть, еще не успѣло принять такой безнадежный оборотъ, хотя, конечно, ходъ диспута, какъ онъ описанъ въ вышедшей книгѣ, и его результаты не свидѣтельствуютъ о способности нашего изслѣдователя обращать вниманіе на чужіе аргументы. Впрочемъ, устные диспуты обыкновенно не рѣшаютъ дѣла и оставляютъ cadaго участвующаго при его убѣжденіи. Кромѣ большей свѣжести сюжета, гунно-славянская теорія Д. И. Иловайскаго, хотя тоже не столько со-всѣмъ новая, сколько позабытая и заброшенная, еще потому привлекаетъ наше большее вниманіе, что она представляетъ очень удобную позицію для повѣрки и оцѣнки всего пути, пройденнаго Д. И. Иловайскимъ въ разнаго рода розысканіяхъ по древнѣйшимъ періодамъ исторіи. Она является въ нѣкоторомъ родѣ увѣнчаніемъ зданія, необходимымъ логическимъ выводомъ изъ всего предыдущаго, самымъ зрѣлымъ плодомъ ранѣе выработаннаго критическаго метода и научныхъ приѣмовъ. Самъ Д. И. Иловайскій объясняетъ намъ дѣло съ этой стороны: „Неотразимая историческая логика отъ вопроса о Варагахъ-Руси привела меня къ пересмотру туранской теоріи о происхожденіи Болгаръ, а сія послѣдняя къ гуннскому вопросу.... Изысканія мои расположились такимъ образомъ, что я постепенно восходилъ отъ послѣдующаго къ предыдущему. Занявшись вопросомъ, кто такое была Русь, я убѣдился въ ея туземномъ, славянскомъ происхожденіи; но въ то же время я натолкнулся на нѣкоторыя Болгарскія племена, обитавшія въ южной Россіи и вошедшія въ составъ русской національности. Это обстоятельство заставило меня пересмотрѣть вопросъ о народности Болгаръ, и результатомъ пересмотра есть наибѣйшее убѣжденіе въ ихъ славянствѣ. Въ свою очередь, изслѣдованіе сего вопроса, волей-неволей, приводитъ меня къ пересмотру туранской теоріи Гунновъ... Пересматривая вопросъ о народности

Гунновъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что положительное рѣшеніе его уже заключается въ разъясненіи народности Болгаръ. Въ своемъ изслѣдованіи о сихъ послѣднихъ я старался выдѣлить ихъ изъ общаго состава Гуннскихъ народовъ... Болгаре всегда были Славянами. Разъ установивъ это положеніе, я обращаюсь къ разъясненію вопроса о взаимномъ отношеніи Болгаръ и Гунновъ и прихожу къ тому заключенію, что первыхъ не слѣдуетъ выдѣлать изъ состава Гуннскихъ народовъ... Если Болгаре, будучи Славянами, въ то же время были тождественны съ Гуннами, то Гунны являются ни чѣмъ инымъ, какъ Славянами". Ясное дѣло, что можно и даже естественнѣе—разсуждать въ обратномъ порядкѣ, идти отъ предыдущаго къ послѣдующему. Правильное рѣшеніе вопроса о Гуннахъ болѣе условливаетъ вѣрную постановку дальнѣйшихъ вопросовъ, напримѣръ, вопроса о Болгарахъ, признаваемыхъ остатками Гунновъ, чѣмъ на оборотъ... Притомъ рѣшеніе вопроса о народности Гунновъ не только не труднѣе, но даже легче отдѣльнаго рѣшенія вопроса о національности орды Аспаруха, потому что во время появленія Гунновъ хорошихъ наблюдателей и свидѣтелей, способныхъ записать современныя событія, было на самомъ дѣлѣ и до насъ дошло гораздо болѣе, чѣмъ въ періодъ выступленія на сцену собственно Болгаръ. Если Гунны—не Славяне, то и Болгары, конечно, то же. Если критическій методъ и приемы Д. И. Иловайскаго окажутся не надежны въ одномъ случаѣ, то подозрительными окажутся и предыдущіе его выводы. Если онъ завершилъ логическій рядъ своихъ розысканій ложнымъ и фальшивымъ положеніемъ, то этимъ крайне ослабилъ основанія всей своей системы. Итакъ, начнемъ съ Гунновъ и остановимся на этой части „Розысканій“ съ наибольшимъ вниманіемъ.

Д. И. Иловайскій полагаетъ, что главное основаніе туранской теоріи происхожденія Гунновъ заключается въ извѣстіяхъ источниковъ о безобразной наружности Гунновъ, не оставляющей возможности считать ихъ ни Славянами, ни вообще Арийцами. Онъ старается устранить этотъ аргументъ посредствомъ того соображенія, что уродливость Гунновъ, во первыхъ, была крайне преувеличена, а во вторыхъ, если и была какая уродливость, то искусственная, а не природная, слѣдовательно, она не включаетъ въ себя надежнаго этнографическаго признака, ничего не говоритъ о принадлежности къ тому или другому племени. Подробный разборъ источниковъ долженъ доказать это.

Мы должны вообще замѣтить, что при разборѣ своемъ Д. И. Ило-

вайскій вовсе не руководствуется какими-нибудь твердыми и определенными критическими принципами или же основаніями и допускаетъ слишкомъ много произвола. Совсѣмъ не опредѣляется общій характеръ и духъ отдѣльныхъ писателей, ничего не говорится о взаимномъ отношеніи источниковъ другъ къ другу, о сравнительной цѣнности показаній каждаго изъ нихъ, а просто заподозривается то, что не нравится изслѣдователю, и во всей силѣ принимается то, что идетъ кстаті. При разборѣ извѣстій латинскихъ историковъ и поэтовъ объ уродованіяхъ у Гунновъ, Д. И. Иловайскій охотно вѣрять самому невѣроятному и невозможному, и въ то же время отвергаетъ самое простое и естественное, на основаніи весьма голословно утверждаемаго пристрастія. Онъ не отличаетъ того, что сообщается источниками какъ фактъ, подлежащій ихъ наблюденію, и того, что составляетъ ихъ объясненіе факта, личное соображеніе. Извѣстно, что древніе въ гораздо меньшей мѣрѣ, чѣмъ нынѣшніе писатели, обладали знаніемъ законовъ природы одушевленной и неодушевленной и бывали въ этомъ отношеніи дѣйствительно легковѣрны до странности, такъ что способны были и вѣрно замѣченнымъ фактамъ приписать совершенно неподходящее объясненіе. Въ такихъ случаяхъ новому изслѣдователю критика предписываетъ, конечно, отбросить толкованіе и удержать фактъ, а не на оборотъ. Намъ кажется, что Д. И. Иловайскій совсѣмъ не соблюдаетъ этого правила, и вотъ на это примѣръ. Мы видимъ, что старинные авторы, описывающіе наружность Гунновъ, говорятъ либо о полной ихъ безбородости, либо о рѣдкой только бородѣ. Очевидно, что фактъ скудной растительности волосъ на лицѣ поразилъ южанъ, видѣвшихъ Гунновъ. Они искали ему объясненія, и нашли такое, которое за одинъ разъ могло служить и для другой цѣли. Мы можемъ предположить, что и объ извѣстныхъ слѣдахъ ранъ на лицѣ римскіе писатели тоже говорятъ на основаніи отчасти личнаго наблюденія, при чемъ не всѣ изъ нихъ знали и помнили о гуннскихъ погребальныхъ обрядахъ, сопровождавшихся царапаніемъ и разрѣзываніемъ лицъ. Изъ сопоставленія двухъ фактовъ, данныхъ самымъ простымъ наблюденіемъ, и было извлечено объясненіе, особенно нужное для перваго.

Амміанъ Марцеллинъ пишетъ, что отсутствіе растительности волосъ на лицѣ есть слѣдствіе глубокихъ варѣзовъ на щекахъ, которые дѣлаются именно съ этою цѣлію у новорожденныхъ младенцевъ: „Вслѣдствіе того, что тотчасъ послѣ рожденія щеки дѣтей довольно глубоко исполосываются желѣзомъ, растительность волосъ, въ свое

время выступающая, заглушается въ морщинистыхъ рубцахъ отъ ранъ, и отъ того они старѣются безбородые безъ всякой красоты, похожіе на евнуховъ". Иорданъ (Иорнандъ) выражается еще сильнѣе и представляетъ дѣло еще неправдоподобнѣе: „Свирѣпость свою они (Гунны) упражняютъ надъ своими дѣтьми съ перваго же дня ихъ рожденія: младенцамъ мужскаго пола изрѣзываютъ желѣзомъ щеки, чтобы тѣ еще прежде чѣмъ научатся сосать молоко матери, уже приучались къ перенесенію ранъ. Послѣ юности, лишенной красоты, они старѣются безбородые, потому что глубокіе рубцы отъ желѣза уничтожаютъ на лицѣ корни волосъ“.

Какъ относятся къ этимъ сообщеніямъ критика Д. И. Иловайскаго? Онъ, во первыхъ, не обратилъ вниманіе на близкое сходство и несомнѣнное родство двухъ приведенныхъ отрывковъ. Въ вторыхъ, онъ принимаетъ толкованіе древнихъ, не смотря на всю его странность. Венелинъ, который все-таки не хотѣлъ быть слѣпо довѣрчивымъ, не допускалъ его и думалъ, что подъ нарѣзами на щекахъ младенцевъ надобно разумѣть обычай брить бороду, распространенный издревле у Сарматскихъ народовъ восточной Европы. Не отвергая и такого толкованія, Д. И. Иловайскій прибавляетъ, что, можетъ быть, Гунны дѣйствительно дѣлали какіе-нибудь нарѣзы на щекахъ младенцевъ, чтобъ у нихъ впослѣдствіи не росла борода, и слѣдовательно, не было бы нужды постоянно брить ее (стр. 511). Затѣмъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 525) онъ уже прямо допускаетъ, что Гунны не только безобразили свое лице рубцами и царапинами, достигши зрѣлаго возраста, по требованію своихъ (погребальныхъ) обычаевъ, но дѣлали также какіе-то глубокіе нарѣзы на лицахъ младенцевъ. „Не забудемъ“, пишетъ Д. И. Иловайскій, — „что искусственное безобразіе начиналось у Гунновъ уже съ самаго младенчества (стр. 525). За то тотъ же нашъ изслѣдователь отвергаетъ многое другое. Аммианъ Марцелинъ, по его же мнѣнію, изобразилъ Гунновъ не совсѣмъ точно и преувеличилъ ихъ безобразіе (стр. 512); а описаніе Иордана (Иорнанда) называется риторическимъ и ходульнымъ; оно продиктовано пристрастіемъ къ Готамъ и ненавистью къ ихъ гонителямъ Гуннамъ. Всего больше Д. И. Иловайскій не можетъ примириться съ тѣмъ, что, по сообщенію Иордана (Иорнанда), у Аттилы, воплощавшаго, по прямому замѣчанію того же Иордана, всѣ черты своего племени, была при другихъ весьма характеристичныхъ признакахъ и рѣдкая борода. „Едва ли это описаніе не есть плодъ воображенія, тенденціозно настроеннаго“ (стр. 515). Оно отличается тенденціозностію и пред-

взятоствію,—основано не извѣстно на какихъ источникахъ. Итакъ то, что естественно и просто, и притомъ основано на личномъ, непосредственномъ наблюденіи (ниже мы укажемъ, изъ какого источника Іорданъ заимствовалъ свое описаніе наружности Аттилы), съ рѣшительностію отвергается, а принимается то, что не возможно по самой природѣ вещей, и очевидно, никакъ не могло подлежать наблюденію нашихъ свидѣтелей. Свидѣтели объявляются вообще недостоверными, а принимается изъ многихъ ихъ показаній именно то, которое наиболѣе заслуживаетъ подозрѣнія. Едва ли такой способъ изслѣдованія можно называть критическимъ.

Какъ ни важны данныя, сообщаемыя источниками о наружности Гунновъ, Д. И. Иловайскій все-таки напрасно придаетъ имъ перво-степенное значеніе. Еще важнѣе то, что всѣ тѣ писатели, которые могли знать и Гунновъ, и Славянъ, положительно и прямо, независимо отъ всякихъ частныхъ, отличаютъ ихъ другъ отъ друга. Это дѣлаютъ Іорданъ (Іорнандъ), Прокопій, Маврикій. Если бы даже они и не давали намъ отчета въ основаніяхъ, не сообщали никакихъ подробностей, мы все-таки должны были бы относиться къ ихъ показаніямъ и мнѣніямъ съ величайшимъ вниманіемъ, должны были бы держать у себя въ умѣ такое представленіе, что общее ихъ убѣжденіе на чемъ-нибудь же основано, что оно находится въ связи съ возможностью живаго наблюденія цѣлаго ряда, цѣлой совокупности признаковъ, начиная съ языка. Только неопытные и поверхностные дилетанты могутъ воображать, что всѣ вообще древніе и средневѣковые писатели одинаково были несвѣдуци и глупы въ вопросахъ географіи и этнографіи, и что въ этомъ отношеніи они не могли ничего дать, кромѣ путаницы, которую новымъ изслѣдователямъ слѣдуетъ распутывать, какъ прійдется. Напротивъ, нужно различать лица; бывали среди древнихъ и средневѣковыхъ историковъ очень наблюдательные люди. Конечно, ни Греки, ни Римляне не были знакомы съ классификаціей Blumenбаха, съ измѣреніемъ лицеваго угла; но все-таки они умѣли прекрасно отличить Германцевъ отъ Славянъ, и особенно тѣхъ и другихъ отъ разныхъ азіатскихъ кочевниковъ. Въ VII вѣкѣ по Р. Х. Византійцы умѣли же замѣтить родство и единство происхожденія между различными Славянскими племенами; точно также умѣли они признать родство между Гуннами, Болгарами, Аварами, Хазарами. Пусть они тутъ смѣшиваютъ Финскія племена съ Турецкими; вѣдь и мы не всегда строго ихъ различаемъ, и мы употребляемъ выраженіе „гуранскія“ и даже „монгольскія“ въ приложеніи къ тѣмъ

и другимъ. Древніе классическіе писатели и ближайшіе ихъ средне-вѣковые послѣдователи придавали весьма важное значеніе степени культуры, различію между народами земледѣльческими и кочевыми. Они очень хорошо сознавали, что это признакъ не случайный, что нельзя по произволу переходить отъ одного состоянія къ другому, что народы извѣстнаго племени достигаютъ болѣе высокой степени вмѣстѣ и сообща и уже съ нея не сходятъ внизъ. Въ этомъ со старыми Греками и Латинами вполне согласна и новая наука. Д. И. Иловайскій, который держится другаго мнѣнія, представляетъ только исключеніе. Онъ твердитъ, что кочевой бытъ и дикіе нравы не могутъ служить основаніемъ для той или другой теоріи, потому что указываютъ не на расу, а на извѣстную степень культуры, что если Амміанъ Марцелинъ говоритъ о дикости, свирѣпости и кочевомъ состояніи Гунновъ, то все это—такія черты, которыя не могутъ служить отличительнымъ признакомъ расы, а относятся къ извѣстной степени быта, что Славянскіе народы тоже были нѣкогда кочевниками, и слѣдовательно, свидѣтельства древнихъ о кочевомъ состояніи Гунновъ не мѣшаютъ отнести ихъ къ Славянамъ. Въ этихъ разсужденіяхъ, на первый взглядъ довольно благовидныхъ и не противорѣчущихъ здравому смыслу, заключается основная ложь, прѣтокъ фейбосъ, „Разысканій“ Д. И. Иловайскаго о Гуннахъ. Онъ хотеть убѣдить насъ, что Гунны могли быть и кочевниками, и Славянами въ одно и то же время. Но исторія и наука совсѣмъ не знаютъ кочевыхъ Славянъ. Вѣдь не отрицаетъ же Д. И. Иловайскій, что Славяне принадлежатъ къ Индо-Европейскому племени? Вѣдь не отвергаетъ же онъ, что они достигли извѣстной степени культурнаго развитія, еще живя вмѣстѣ съ своими сородичами, еще до выдѣленія своего изъ общей массы арійской? Вѣдь есть же несомнѣнныя данныя, рисующія картину этого общеарійскаго періода. „Когда раздѣленные теперь Индо-Европейскіе народы составляли еще одноязычное племя, они достигли извѣстной степени культуры и приобрѣли соответствующій ей запасъ словъ, который потомъ, въ видѣ общаго приданаго, въ условномъ, твердо определенномъ значеніи получили отдѣльные народы, чтобы самостоятельно строить далѣе на данномъ основаніи. Такимъ образомъ мы имѣемъ свидѣтельства о развитіи пастушеской жизни въ ту отдаленную эпоху въ неизмѣнно установленныхъ названіяхъ ручныхъ животныхъ—быка, овцы, гуся, утки, свиньи. Итакъ, уже въ ту отдаленнѣйшую эпоху Индо-Европейское племя оставило позади себя низшую степень цивилизаціи, эпоху охоты и рыболовства, и до-

стигло известной относительной прочности и постоянства жилищъ. Санскритское *damas*, латинское *domus*, греческое *δῶμος*—домъ, санскритское *dvagas*, греческое *θύρα*, латинское *fores*—дверь, несомненно свидѣтельствуютъ, что уже въ ту первобытную эпоху Индо-Европейцы научились строить постоянныя жилища известнаго устройства съ дверями. Они знакомы были съ употребленіемъ огня для приготовленія пищи и соли для ея приправы. Нельзя говорить съ такою же увѣренностію объ индо-европейскомъ земледѣліи, хотя и тутъ есть данныя, свидѣтельствующія объ общихъ основахъ германскаго, греческаго, санскритскаго (необходимо прибавить: и славянскаго) земледѣлія“. Вотъ нѣсколько строкъ, взятыхъ съ тѣхъ страницъ, въ которыхъ великій европейскій ученый сводитъ несомнѣнные результаты сравнительнаго языкованія, сдѣлавшіяся общимъ достояніемъ науки (см. Римскую исторію Моммсена). Отсылая къ нимъ читателя, мы спрашиваемъ: соотвѣтствуетъ ли этимъ несомнѣннымъ даннымъ объ индо-европейскоймъ бытѣ слѣдующее описаніе гунвскаго образа жизни: „При человѣческомъ, хотя и непривлекательномъ образѣ, они остаются такъ грубыми, что не нуждаются ни въ огнѣ, ни въ приготовленной пищѣ; они питаются кореньями дикихъ травъ и полусырымъ мясомъ животныхъ, которое они дѣлаютъ теплымъ посредствомъ недолгаго согрѣванія между своими бедрами и спиною лошади. У нихъ нѣтъ никакихъ зданій, служащихъ кровомъ; они отвергаются ихъ, какъ гробницъ, отдѣленныхъ для общаго пользованія. У нихъ нельзя встрѣтить даже шалаша, покрытаго тростникомъ. Какъ кочевники, бродя по лѣсамъ, они съ колыбели привыкаютъ переносить холодъ, голодъ и жажду... Даже на пути они безъ крайней необходимости не входятъ въ попавшееся жильѣ, потому что не считаютъ себя безопасными подъ кровлею“. Это—не приведенное Д. И. Иловайскимъ мѣсто изъ Амміана Марцеллина. Ясное дѣло, что тутъ не одна же реторика. Что Гунны были совершенные кочевники, это подтверждается всѣми источниками и не отрицается самимъ Д. И. Иловайскимъ. Онъ только забываетъ, что такой бытъ никогда не былъ принадлежностію Славянскаго племени, что Славяне никогда не были кочевнымъ народомъ, живущимъ въ кибиткахъ и на телегахъ. Выводы сравнительнаго языкованія подкрѣпляются яснымъ свидѣтельствомъ исторіи. Д. И. Иловайскій рѣзко отзывается о томъ ученомъ, который сказалъ ему на диспутѣ, что уже Тацитъ ясно и точно указалъ мѣсто Славянъ въ Европѣ. Но, вѣдь, это же неоспоримая истина. Тацитъ зналъ Славянъ, какъ и другіе позднѣйшіе писатели, подъ общимъ

именемъ Венедовъ (Венетовъ, Вендовъ), и помѣщаль ихъ между Финнами и Певкинами, жившими на нижнемъ Дунаѣ; Тацитъ прямо говоритъ, что они именно тѣмъ отличаются отъ своихъ сосѣдей-кочевниковъ, что строятъ постоянныя жилища.. Съ другой стороны, Прокопій и Маврикій ручаются за то, что еще ранѣе своего распространенія на югъ за Дунай и на западъ, Славяне были знакомы съ земледѣліемъ, съ воздѣлываніемъ разныхъ хлѣбныхъ злаковъ; они занимались земледѣліемъ именно въ періодъ своего великаго переселенія. Согласимся, что указанія сравнительнаго языкованія на индо-европейское земледѣліе сомнительны и неясны; допустимъ, что начатки его, пріобрѣтенныя Славянами вмѣстѣ со всѣми другими сородичами до выдѣленія изъ общей массы, были забыты и утрачены во время передвиженія на пути изъ Азіи въ Европу,—все-таки несомнѣнно, что Славяне до своего раздѣленія на разныя вѣтви въ періодъ времени отъ I вѣка до VI по Р. Х. были земледѣльческимъ народомъ. Они знали давно рожь, коноплю, овесъ (слова до-славянскія); они воздѣлывали просо, пшеницу и ячмень; они знали рало, плугъ и мотыгу, а также ниву и лѣху. Иначе по какой же причинѣ названія этихъ предметовъ оказываются тождественными во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ? Отсылая за подробностями обще-славянскаго быта къ недавно вышедшей книгѣ А. С. Будиловича (Первобытныя Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Кіевъ. 1879), мы прибавимъ только, что замѣчаніе Д. И. Иловайскаго о несомнѣстности земледѣльческаго быта съ народными переселеніями тоже совершенно неосновательно. По его мнѣнію, и Готы, сосѣди Гунновъ, а потомъ ихъ подданные, не вполне вышли изъ кочеваго быта, чѣмъ и объясняются ихъ передвиженія изъ черноморскихъ степей на Балканскій полуостровъ (стр. 512). Д. И. Иловаискій сѣтъ недоразумѣніями. Онъ, пожалуй, могъ бы сказать свою отмѣченную нами фразу только въ такомъ случаѣ, если бы при этомъ сдѣлалъ нѣсколько оговорокъ и еслибы не сопоставлялъ ея готскаго быта съ гуннскимъ. Въ IV вѣкѣ, ранѣе своего переселенія за Дунай, Готы имѣли уже переводъ Священнаго Писанія на свой языкъ, и языкъ Вульфилы цѣлымъ рядомъ выраженій непрерываемо свидѣтельствуетъ о занятіяхъ говорившаго имъ народа земледѣліемъ. Нужно ли опять дѣлать ссылки и указанія на сочиненія, въ которыхъ возстановляется древне-готскій бытъ по даннымъ языка Вульфилы? Пусть Д. И. Иловаискій вспомнитъ, чего требовали Готы, собираясь перебраться въ предѣлы имперіи. Они требовали земли для поселенія, для обработ-

ки, а не для пастбищъ. Въ настоящее время вопросъ о связи великаго германскаго переселенія съ земледѣльческимъ бытомъ, кажется, можно считать достаточно разъясненнымъ — именно въ томъ смыслѣ, что оно вовсе не означаетъ незнакомства съ земледѣліемъ или отказа отъ него. Одинъ нѣмецкій ученый (Данъ) весьма остроумно формулируетъ такое положеніе, что германское переселеніе было даже прямымъ послѣдствіемъ перехода къ осѣдлому земледѣлію и оказавшагося при этомъ съ теченіемъ времени недостатка въ землѣ. О Славянахъ тоже съ полнымъ правомъ можно сказать, что они занимались земледѣліемъ, какъ до своего переселенія, такъ и во время своего переселенія. Они распространялись на Балканскомъ полуостровѣ какъ земледѣльцы, а не какъ пастухи, не какъ презираемые ими влахи, тѣмъ менѣе—какъ дикіе кочевники. Нѣсколько удивительно и странно, что мы должны толковать о такихъ общеизвѣстныхъ вещахъ; но несомнѣнно, что Д. И. Иловайскій забываетъ о нихъ или даже отрицаетъ ихъ. Онъ утверждаетъ, что Гунны, кочевники и наѣзники, не умѣвшіе строить домовъ, все-таки принадлежали къ Славянскому племени, а между тѣмъ мы знаемъ, что Славянское племя еще ранѣе своего подраздѣленія на отдѣльные народы и даже ранѣе своего выдѣленія изъ среды индо-европейской семьи уже причулось строить дома и приобрѣло привычки нѣкоторой осѣдлости, очевидно, не утраченныя и во время медленнаго передвиженія изъ Азіи въ Европу. Онъ утверждаетъ, что еще въ IV вѣкѣ по Р. Х. существовалъ Славяпскій народъ, совершенно незнакомый съ земледѣліемъ; между тѣмъ мы знаемъ, что въ то самое время, какъ всѣ Славяне жили въ нынѣшней южной и западной Россіи, они всѣ стояли на ступени земледѣльческой цивилизаціи, и никогда ни одинъ Славянскій народъ не измѣнялъ сообща достигнутому развитію. Если Славяне, перешедшіе за Дунай въ VI вѣкѣ, оказываются земледѣльческими, то очевидно, что они были такими въ V и IV вв. Что же за вырожденки такіе эти Гунны, которые сумѣли остаться въ то же самое время кочевниками и дикарями, будучи Славянами? Если это Славяне, то совсѣмъ особенные и еще неслыханные.

Самъ собою выступаетъ здѣсь вопросъ объ языкѣ. Д. И. Иловайскій, понятное дѣло, придаетъ большое значеніе словамъ медъ и камъ (камость), которыя Византіецъ Прискъ слышалъ въ Панноніи на пути своемъ въ ставку Аттилы. По мнѣнію Д. И. Иловайскаго, „послѣднее слово есть, вѣроятно, не точно переданное слово квастъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, а никакъ не кумысь, который при-

готовляется изъ кобыльаго молока, а не изъ ячменя“. Итакъ, его кочевники воздѣлывали ячмень; но не въ этомъ дѣло. Кажется, что нашимъ изслѣдователямъ и ученымъ уже давно подобало бы откаться отъ этого мнимо-славянскаго кваса, равно какъ и отъ объясненія кама, въ смыслѣ кумыса. Ни квась, на кумысь! Нашимъ изслѣдователямъ почему-то остается неизвѣстнымъ, что слово камъ или камось встрѣчается не у одного Приска, а также у другихъ болѣе раннихъ писателей, притомъ съ прямымъ указаніемъ на принадлежность его извѣстному народу, только не Гуннамъ. Πίνουσι γούν ζῶδου Αἰγύπτιοι, κάμιν Παίονες, Κέλτοι κερβησίαν, писалъ Юлій Африканъ въ самомъ началѣ III столѣтія по Р. Х. (хестоі 25). Въ эдиктѣ императора Діоклетіана de pretiis, установившемъ таксу на всѣ жизненныя потребности, опредѣлялась цѣна и cerevisiae, и кама (cerevisiae et sami). Сверхъ того, это слово было извѣстно Ульпіану, жившему въ царствованіе Септімія Севера: zythum et samum et caetera, quae pro hominum affectione atque usu vini numero habebuntur (Digest. XXXIII, 6, 9). Припомнимъ слова Діона Кассія (49, 36), который самъ былъ правителемъ въ придунайскихъ странахъ, что въ Панноніи ячмень и просо не только ѣдятъ, но и пьютъ; и намъ будетъ ясно, въ какомъ смыслѣ нужно понимать слово Пэоняне въ вышеприведенномъ мѣстѣ Юлія Африкана. Какъ у другихъ греческихъ писателей, оно обозначаетъ въ широкомъ смыслѣ жителей Панноніи. Отсюда слѣдуетъ, что и у Приска подъ варварами, которые называли свой ячменный напитокъ камомъ, слѣдуетъ разумѣть совсѣмъ не Гунновъ, а исконныхъ жителей страны, туземцевъ. Это, впрочемъ, и безъ того слѣдуетъ изъ самой связи рѣчи, изъ непосредственно рядомъ стоящаго выше замѣчанія относительно другаго напитка, которымъ угощали уже самыхъ членовъ посольства, а не ихъ прислугу: ἀντὶ δὲ οἴνου ὁ μέδος ἐπιχωρίως καλοῦμενος — вмѣсто вина напитокъ, называемый на мѣстномъ языкѣ, у туземцевъ, медомъ. Гунны во время Приска не были въ Панноніи старожилами и туземцами. Туземное исконное населеніе Панноніи состояло изъ двухъ элементовъ — старо-иллирійскаго, родственнаго съ нынѣшнимъ Албанскимъ, и кельтскаго, утвердившагося здѣсь въ IV вѣкѣ до Р. Х. Которому изъ нихъ принадлежало собственно слово камъ—рѣшить трудно. То обстоятельство, что Африканъ говорить о кельтской cerevisiae отдѣльно, заставляетъ думать о принадлежности его къ старо-иллирійскому нарѣчію. Что же касается меда, то его по всѣмъ правамъ слѣдуетъ уступить Кельтамъ, и

нѣтъ никакой нужды приписывать Славянамъ. Кельты не только пили медъ, но даже такъ и называли его медомъ. Слово *mid* и *med* (*mid* ирланд., *med* старо-камбр.) встрѣчается въ кельтскомъ словарѣ Кормака, относимомъ къ IX вѣку по Р. X. Впрочемъ, очень возможно, что слово медъ было общею принадлежностью не только славянскаго и кельтскаго языковъ, но еще и другихъ индо-европейскихъ нарѣчій, напримѣръ, иллирійскаго или еракійскаго. Во всякомъ случаѣ очевидно, что 1) слова камъ и медъ не имѣютъ никакого отношенія къ Гуннамъ: первое изъ нихъ можно было слышать въ Панноніи, когда о Гуннахъ тамъ и слуху не было, и 2) что они не должны быть считаемы славянскими. Для доказательства славянства Гунновъ остается одна стравъ, слово, приведенное Иорданомъ въ описаніи похоронъ Аттилы. Увѣренность Русскихъ людей въ несомнѣнной принадлежности этого выраженія славянскому языку поддерживается опять-таки неполнымъ знакомствомъ съ дѣломъ. Правда, что у Иордана этому слову какъ-будто приданъ такой смыслъ, что оно соотвѣтствуетъ латинскому *commessatio*, и слѣдовательно, совпадаетъ съ обще-славянскою стравомъ, существованія которой отрицать, конечно, мы не думаемъ. Но нужно знать, что есть другой писатель, жившій, можетъ быть, ранѣе Иордана, которому это слово тоже было знакомо. Еще въ словарѣ Дюканжа подъ словомъ *straba* приведено было мѣсто изъ комментаріевъ Лактанція Плацида (*Lactantius Placidus*) къ стихамъ Овидіа Стація, описывающимъ обрядъ греческаго погребенія, при которомъ для сожженія трупа воздвигался костеръ изъ непріятельскаго и своего оружія:

. *Hostiles super ipse it victor acervos.*

Объясняя приведенный стихъ, Плацидъ пишетъ: „*acervos, exuviarum hostilium moles. Exuviis enim hostium extruebatur regibus mortuis pyra: quem ritum sepulturae hodie quoque barbari servare dicuntur, quem strabas dicunt lingua sua*“. По этому толкованію, *страба* означаетъ собственно костеръ (*pyra*), обрядъ сожженія, и это даетъ возможность нѣмецкимъ ученымъ (Я. Гриммъ, Мюлленгофъ) производить *stravam* Иордана отъ готскаго глагола *straujan*, *στρούναναι*. Что готскій языкъ былъ очень употребителенъ у Гунновъ, это хорошо извѣстно и засвидѣтельствовано въ ясныхъ, прямыхъ выраженіяхъ самимъ Прискомъ. Нужно ли предполагать заимствованіе Славянами слова *стравъ* отъ Готовъ—мы не знаемъ. Не совсѣмъ неправдоподобно даже совпаденіе двухъ подобиозвучныхъ словъ различнаго происхожденія и не одинаковаго кореннаго значенія. Во всякомъ слу-

чаѣ на одномъ словѣ страва нельзя утвердить славянства Гунновъ, тѣмъ болѣе, что тутъ возможно такое же недоразумѣніе, какъ и отъносительно пресловутаго камоса...

Перейдемъ теперь къ частностямъ и прослѣдимъ, какъ относится нашъ изслѣдователь къ каждому изъ своихъ источниковъ. На самомъ древнемъ и важномъ, Амміанѣ Марцеллинѣ, онъ останавливается всего менѣе, и совсѣмъ не счелъ нужнымъ привести его характеристику Гунновъ сполна и въ точномъ переводѣ... Самые важные вопросы объ источникахъ географическихъ свѣдѣній Амміана и особенно объ источникахъ его фразеологіи—совсѣмъ не затронуты; между тѣмъ, если бы Д. И. Иловайскій былъ знакомъ съ новѣйшими изслѣдованіями по этому послѣднему вопросу, то онъ могъ бы ими воспользо¬ваться именно для своей главной цѣли. Амміанъ Марцеллинъ былъ Грекъ по происхожденію, и латинскій языкъ ему былъ не родной. Его литературная рѣчь оказывается чисто-искусственною и весьма несвободною; онъ заимствуетъ готовые фразы и обороты у классическихъ прозаиковъ, Цицерона, Саллустія, Тита Ливія и Тацита, и не всегда употребляетъ ихъ встать. Нельзя отрицать, что его литературная манера въ иныхъ случаяхъ могла имѣть вліяніе на самое матеріальное содержаніе его сочиненія. Когда фраза взята изъ Ливія и только ловко приурочена къ данному пункту его риторической мозаики, то возникаетъ иногда подозрѣніе, не перенесенъ ли вмѣстѣ съ фразою на неподлежащее мѣсто и самый смыслъ, ея выражаемый. Въ изображеніи Гунновъ находится одна фраза, прямо выхваченная изъ Тита Ливія и употребленная первоначально для характеристики Африканцевъ ¹⁾. Въ другой разъ копье феціаловъ дано въ руки азиатскому варвару, царю Хіонитовъ, можетъ быть, родственныхъ съ европейскими Гуннами (19, 2, 6). Нужно было бы разобрать съ этой точки зрѣнія всю главу, посвященную Амміаномъ Марцеллиномъ описанію гунскаго быта и нравовъ. Впрочемъ, слѣдуетъ прибавить, что это отчасти сдѣлано уже другими, и результатъ оказывается въ концѣ концовъ благопріятнымъ для Амміана: за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, мысль его все-таки была независима отъ чужихъ фразъ и не слѣдовала за ними, а предшествовала имъ. Что же касается въ частности второй главы XXXI-й книги, то оказывается, вопреки Д. И.

¹⁾ Liv. 39, 3, 13: *Ex Afris gente ad omnem auram spei mobili atque infida.*
Ср. Ammian. 31, 2, 11: *(Hunni) per indutias infidi inconstantes ad omnem auram incidentis spei novae perquam mobiles.*

Иловайскому, возможность предполагать наглядное знакомство писателя съ изображаемымъ предметомъ, отразившееся и въ большей литературной независимости его рѣчи въ данномъ случаѣ¹⁾. Не здѣсь, а въ другомъ случаѣ, оказалось вреднымъ для нашего русскаго изслѣдователя незнакомство съ изслѣдованіями объ источникахъ географическихъ отрывковъ, время отъ времени вставленныхъ Амміаномъ въ свое повѣствованіе. Въ вышеозначенной книгѣ мѣста, заимствованныя изъ другихъ, болѣе древнихъ писателей, касаются не самыхъ Гунновъ, а отчасти тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ они появились во время Амміана, отчасти ихъ сосѣдей. Извѣстно, что эти заимствованныя описанія не всегда соотвѣтствуютъ дѣйствительности VI вѣка и Р. X. Но объ этомъ мы еще припомнимъ ниже²⁾.

Особенно странно отношеніе Д. И. Иловайскаго къ Іордану, или какъ онъ его по старому называетъ Іорнанду, величая притомъ то готскимъ епископомъ въ Италіи, то даже—неизвѣстно на какомъ основаніи—Равенскимъ епископомъ. 1) Его кодульное описаніе Гунновъ проникнуто—будто-бы—явнымъ противъ нихъ озлобленіемъ, такъ что удивляешься тому туману, въ которомъ историческая критика столь долго находилась по отношенію къ Гуннамъ. 2) Но въ этомъ описаніи все-таки нѣтъ никакого намѣка на черты собственно монгольской, татарской или чудской народности; выходитъ, что подъ именемъ Гунновъ онъ описывалъ Славянъ, и даже довольно вѣрно. 3) По всей вѣроятности, Іорданъ или Іорнандъ даже и считалъ Гунновъ Славянами: „Если Іорнандъ Гунновъ и Болгаръ еще не называетъ прямо Славянами, то я уже нѣсколько разъ указывалъ“, пишетъ Д. И. Иловайскій,—„что названіе это въ тѣ времена еще не было распространено на всѣ Славянскіе народы, и что подъ Славянами тогда разумѣлись преимущественно западно-балканскіе или западно-дунайскіе Славяне, а не восточные“ (стр. 514).

¹⁾ Объ особенностяхъ Амміанова стиля существуетъ нѣсколько изслѣдованій: *Hertz*, *De Ammiani Marcellini studiis Sallustianis*. Breslau 1874; *Michael*, *De Ammiani Marcellini studiis ciceronianis*. Vratisl. 1874 и др. Ср. *Mommsen*—въ вышеуказанной статьѣ.

²⁾ О географическихъ источникахъ Амміана намъ извѣстны двѣ статьи: *Gardthausen*, *Die geographischen Quellen Ammians* (1873) въ Supplementband энологическаго журнала *Neue Jahrbücher für die Philologie*,—и *Mommsen*, *Ammians Geographica*, въ *Hermes*, XVI Band (1881). Гардтгаузену принадлежитъ и лучшее изданіе Амміана Марцеллина (Leipzig, 1874).

Къ сожалѣнію, изъ всѣхъ трехъ положеній, къ которымъ мы свели разсужденія Д. И. Иловайскаго о Иорданѣ—съ сохраненіемъ его собственныхъ выраженій, именно послѣднее всего менѣе идетъ къ Иордану. Иорданъ, или же его источникъ, Кассіодоръ, отлично знали, какъ существованіе нѣсколькихъ славянскихъ вѣтвей, такъ и общее ихъ сходство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенное отличіе ихъ отъ Гунновъ. Можно сказать, что сознаниемъ кореннаго отличія между Славянами и Гуннами проникнуто сочиненіе Иордана отъ начала до конца. Правда, что выраженіе Склавины не имѣетъ у него общаго значенія, но за то ему извѣстно другое названіе, имѣющее при своемъ болѣе тѣсномъ значеніи и общее. Д. И. Иловайскій въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „Слово Венды, сколько извѣстно, служитъ древнѣйшимъ названіемъ Славянъ вообще или значительной ихъ части“ (стр. 535). Послѣдняя оговорка, конечно, прибавлена только впослѣдствіе смутнаго опасенія, какъ бы не попасть въ противорѣчіе въ самимъ собою. Но кто же, кромѣ Тацита, употреблялъ слово Венды въ общемъ значеніи? Не былъ ли въ числѣ такихъ писателей нашъ Иорданъ? Не онъ ли говоритъ о многолюдной націи Венедовъ, хотя и извѣстной теперь подъ разными именами, сообразно различнымъ ея семьямъ и занимаемымъ мѣстамъ, но главнымъ образомъ именуемой Склавенами и Антами: *Venetharum patio populosa... quorum nomina licet nunc per varias familias et loca mutantur, principaliter tamen Sclaveni et Antes nominantur*? Не онъ ли въ другомъ мѣстѣ пишетъ: „Венеды... происшедшіе отъ одного корня, теперь извѣстны подъ тремя названіями, то-есть, Венедовъ, Антовъ и Склавенъ“; *Venethos.... hi—ab una stirpe exorti tria nunc nomina ediderunt, id est Venethi, Antes, Sclaveni*? (гл. 5. 23). Итакъ, у Иордана было въ распоряженіи и общее наименованіе для обозначенія всей совокупности Славянскихъ народовъ. Отчего же онъ ни разу не причислялъ Гунновъ къ Вендамъ? И не только не причислялъ, но вездѣ сознательно и рѣзко имъ противопоставляетъ... Прослѣдивъ исторію Гунновъ, до распаденія Гуннской державы по смерти Атиллы, онъ замѣчаетъ: отступили, ушли назадъ Гунны, которымъ уступала вселенная (*cesserunt Hunni, quibus cedere putabatur universitas*). Послѣ пораженія, нанесеннаго сыну Атиллы Денгизиху Ост-Готами, они были изгнаны изъ Панноніи, и съ того времени тѣ Гунны, которые остались, боятся оружія Готовъ (*ut iam ex illo tempore, qui remanserunt Hunni et usque actenus Gothorum arma formident*). Вотъ исторія Гунновъ; совершенно другая исторія Вендовъ или Славянъ. Они нѣкогда были подъ властію Готскаго короля Гер-

манариха; теперь же, говоритъ Иорданъ, — ради грѣховъ нашихъ вездѣ свирѣпствуютъ: *Qui, quamvis nunc ita facientibus peccatis nostris ubique desaeviunt, tamen omnes Hermanarici imperiis servierunt* (cap. 23). Къ чему бы ни относились послѣднія слова, на какія событія они ни указывали бы, смыслъ ихъ по отношенію къ вопросу о тождествѣ Славянъ и Гунновъ довольно ясенъ и нисколько не затемняется тѣмъ, что подобное же выраженіе употреблено писателемъ однажды и о Волгарахъ, отличаемыхъ у него отъ собственныхъ Гунновъ. Съ самаго начала и до конца одна была судьба Гунновъ и другая — Славянскаго племени. Иорданъ не даетъ никакого права смѣшивать два племени.

Д. И. Иловайскій утверждаетъ, что въ пристрастномъ и риторическомъ описаніи Гунновъ у Иордана все-таки не встрѣчается такихъ признаковъ, которые прямо указывали бы на ихъ турецкое или финское происхожденіе, и самъ тутъ же рядомъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое нѣсколько куріозно по своему смыслу и формѣ: „Я нахожу даже въ этихъ чертахъ (то-есть, сообщенныхъ Иорданомъ) замѣчательное сходство съ нашимъ собственнымъ велико-русскимъ типомъ, съ обликомъ у насъ такъ-называемыхъ мордовскихъ фізіономій“. Но если Д. И. Иловайскій не производитъ лестнаго эпитета отъ браннаго слова „морда“, то о чемъ же свидѣлствуютъ эти фізіономіи, если не о родствѣ съ Мордвой, о присутствіи финской крови? Но не въ томъ дѣло. Въ описаніи Иордана несомнѣнно есть черты, не идущія къ Славянамъ. Впервыхъ, приводитъ характеристику Гунновъ изъ 24-й главы его сочиненія, Д. И. Иловайскій опустилъ нѣсколько словъ и довольно важныхъ, стоящихъ выше, хотя, конечно, и сдѣлалъ это безъ намѣренія: *Genus hoc ferocissimum ediderunt, quae fuit primum inter paludes minutum tetrum atque exile*. Жестокая порода, малорослая, черная и тощая... Затѣмъ слѣдуютъ и эти строки: „лицо у нихъ ужасающей черноты и похоже болѣе, если можно такъ выразиться, на безобразный кусокъ мяса съ двумя точками вмѣсто двухъ глазъ“ (у г. Иловайскаго „съ двумя дырами“, *habens magis puncta, quam lumina*). Что же это значить, по толкованію Д. И. Иловайскаго? Это значить, по его мнѣнію, что Гунны были люди нечистоплотные и чумазые, съ загорѣлою, истрескавшеюся на вѣтру кожей (стр. 513). Мы можемъ-де предположить тутъ или искусственное черненіе своего лица, или обычное преувеличеніе Иордана по отношенію къ ненавистнымъ Гуннамъ (стр. 530). Вѣроятно, этихъ противорѣчивахъ взаимно предположеній требуетъ то, что Д. И. Иловайскій

называетъ тщательнымъ критическимъ анализомъ источниковъ! Но этого еще мало. Тутъ же мы читаемъ, что и Славяне, по извѣстію греческихъ писателей той же эпохи, совсѣмъ не отличались бѣлизною лица. Объ этомъ прямо говоритъ Прокопій, который замѣчаетъ, что они были покрыты грязью и всякою нечистотою и вообще имѣли гуннскіе нравы. Но Прокопій говоритъ не только это, но еще нѣчто другое. Характеризуя Гунновъ Ефѣалитовъ, жителей нынѣшняго Туркестана, отношеніе которыхъ къ перешедшимъ въ Европу историческимъ Гуннамъ дѣйствительно остается не разъясненнымъ, Прокопій отмѣчаетъ черты, которыя отличали ихъ отъ всѣхъ предполагаемыхъ соплеменниковъ: 1) Ефѣалиты не ведутъ кочевой жизни, какъ ведутъ ее остальные Гуннскіе народы. Οὐ γὰρ νομάδες εἰσὶν ὡσπάρ τὰ ἄλλα Οὐννικὰ ἔθνη. 2) Изъ всѣхъ Гунновъ они одни бѣлы тѣломъ и не безобразны лицомъ. Μόνοι δὲ Οὐννων οὗτοι λευκοὶ τε τὰ σώματα καὶ οὐκ ἄμορφοι τὰς ὄψεις εἰσὶν. Итакъ, относительно Гунновъ Прокопій вполне согласенъ съ Иорданомъ: Европейскіе Гунны были кочевники, они были безобразны и не были бѣлы. И о Славянскихъ народахъ этотъ бесспорно наблюдательный и вполне достовѣрный свидѣтель и очевидецъ показываетъ не совсѣмъ то, что можно подуматъ по неполнымъ сообщеніямъ Д. И. Иловайскаго. О безобразіи Славянъ у него нѣтъ и помину. „Славяне всѣ высокаго роста и весьма сильны; цвѣтъ тѣла и волосъ у нихъ ни слишкомъ бѣлый, ни слишкомъ красный или рыжій, а также не переходить въ совершенно смуглый; но всѣ они русы и румяны“: ἀλλ' ὑπέροδροι εἰσὶν ἄπαντες. Полагаемъ, что тамъ и здѣсь есть значительные и важныя отгѣнки: Гунны положительно не были бѣлы, Славяне были не совсѣмъ бѣлы; а выраженіе ὑπέροδροι, относимое одинаково къ цвѣту тѣла и волосъ, едва ли можетъ быть переведено какъ-нибудь иначе, чѣмъ это мы сдѣлали. Во всякомъ случаѣ очевидно, что нѣтъ никакого основанія противопоставлять Прокопія Иордану, а скорѣе слѣдуетъ одного дополнять другимъ и понимать согласно обоимъ. Что же касается грязи, о которой дѣйствительно говорится у Прокопія, то во первыхъ, извѣстно, что она бываетъ замѣтнаѣ именно на бѣломъ, а во вторыхъ, при точномъ пониманіи текста, она должна быть относима къ образу жизни, а совсѣмъ не къ наружности. Точно также и въ самомъ ограниченномъ смыслѣ нужно принимать и слова Прокопія о сходствѣ славянскаго нрава съ гуннскимъ: „Всего менѣе они лугавы или злы, однако вмѣстѣ съ простодушіемъ они обнаруживаютъ и гуннскій нравъ“. Πονηροὶ μὲντοι ἢ κακοδρόμοι ὡς ἤματα τυγχάνουσιν ὄντες, ἀλλὰ κἄν τῷ

ἀφελεί διασώζουσι τὸ οὐνικὸν ἦθος (II, 335). Нельзя отсюда дѣлать заключеній ни о тожествѣ коренныхъ условій быта, какъ это склоняетъ дѣлать Д. И. Иловайскій (стр. 538): иначе лишены были бы всякаго смысла замѣчанія Проконія о кочевомъ образѣ жизни Гунновъ и о характерѣ славянской осѣдлости хотя бы и въ лачугахъ (ἀν καλύβαις), ни о племенномъ единствѣ ихъ; иначе утратило бы смыслъ самое сравненіе Славянъ съ Гуннами; значеніе его именно и состоитъ въ указаніи противорѣчія между природными, своими качествами Славянъ и какими-то проявленіями чуждаго имъ духа—вѣроятно, военной жестокости. Если бы мы рѣшились провести полную параллель между Славянами и Гуннами по Проконію, то нашли бы и другіе существенные признаки племеннаго несходства. Гунны описываются какъ конники и отличные стрѣлки изъ лука (I, 359; II, 129, 146 и т. д.); о Славянахъ прямо сказано, что они сражаются пѣшіе — черта, отмѣченная Тацитомъ, еще сохранилась,—имѣя въ рукахъ щиты — другая черта, которой тоже не опустилъ изъ виду римскій историкъ,—но никогда не надѣвал панциря (II, 35). Возвращаемся къ Иордану. Въ высшей степеніи любопытно и важно сохранившееся въ его сочиненіи описаніе наружности Атиллы: „Имѣя малый ростъ, широкую грудь, большую голову, маленькіе глаза, рѣдкую бороду, волосы съ просѣдью, приплюснутый носъ, темное лицо, оны отражалъ въ себѣ всѣ признаки своего племени“¹⁾. Какъ мы уже замѣтили выше, это описаніе крайне не понравилось нашему ученому изслѣдователю — больше всего, конечно, по причинѣ, сдѣланной въ концѣ замѣтки о типичности описанной физиономіи. Чего только не наговорилъ по этому поводу Д. И. Иловайскій! 1) Иорданъ основывается неизвѣстно на какихъ источникахъ. Но въ этой же самой главѣ, нѣсколькими строками ниже, Иорданъ ссылается на Приска; предположеніе, что отрывокъ, посвященный наружности Атиллы, взятъ изъ того же писателя, до того простъ и естественъ, что оны уже и былъ высказываемъ другими, напримѣръ, Баромъ, на статью котораго ссылается Д. И. Иловайскій; послѣ же замѣчаній, сдѣланныхъ знаменитымъ Моммсеномъ въ предисловіи къ новѣйшему изданію Иордана, заимствованіе изъ Приска нужно считать несомнѣннымъ фактомъ. 2) Едва ли это описаніе не есть плодъ воображенія, тенденціонно настроеннаго. Но почему же? Ужели Иорданъ

¹⁾ Forma brevis, lato pectore, capite grandiore, minutis oculis, rarus barba, canis aspersus, semo nasu, teter colore, originis suae signa restituens (cap. 35).

думалъ выразить свою ненависть къ Гуннамъ, приписавъ ихъ царю, умершему сто лѣтъ тому назадъ, рѣдкую бороду или носъ приплюснутый? Притомъ, если прочесть всю характеристику, то становится яснымъ, что она вовсе не была задумана въ неблагопріятномъ смыслѣ, а напротивъ, скорѣе въ лестномъ.... *Erat namque superbus incessu; — — bellorum quidem amator, sed ipse manu temperans, consilio validissimus, supplicantibus exorabilis, propitius autem in fidem semel susceptis; forma brevis* и т. д. 3) Путаясь въ напрасныхъ оговоркахъ и околичностяхъ, нашъ изслѣдователь готовъ даже допустить, что описаніе, пожалуй, шло бы вообще къ Гуннамъ, но что оно напрасно перенесено на Аттилу; Иорнадъ намѣренно хотѣлъ совмѣстить въ немъ всѣ непривлекательныя стороны гуннской наружности. Но тогда онъ не расточалъ бы похвальныхъ эпитетовъ нравственнымъ качествамъ Аттилы, тѣмъ болѣе, что и для него непривлекательность Гунновъ состояла не столько въ ихъ наружности, сколько въ ихъ дикости и свирѣпости. 4) Далѣе: „при всей тенденціозности или предвзятости описанія, мы не видимъ тутъ никакихъ несомнѣнныхъ признаковъ Туранской расы“. Если бы это замѣчаніе было справедливо, то конечно, оно дѣлало бы излишними всѣ предыдущія разсужденія. Къ сожалѣнію, весьма авторитетные люди думали иначе. Прочитавъ характеристику Приска, знаменитый натуралистъ Бэръ написалъ: „*Est ist kaum möglich die mongolische Gesichtsbildung prägnanter zu bezeichnen*“. Кажется, никто не сочтетъ приплюснутый носъ, маленькіе глаза и рѣдкую бороду признаками собственно Славянскаго племени. 6) Наконецъ, Д. И. Иловайскій думалъ уничтожить Иордана Прискомъ: „Всѣ фразы Амміана Марцелина и Иордана о крайнемъ безобразіи Гунновъ теряютъ свой острый характеръ, если сличить ихъ съ извѣстіями Византіяца Приска. Сей послѣдній лично посѣтилъ столицу Гунновъ и видѣлъ самого Аттилу, слѣдовательно могъ бы въ точности описать ихъ безобразіе. Однако, онъ совсѣмъ не говоритъ о наружности Гунновъ вообще и Аттилы въ особенности, чего никакъ бы не случилось, еслибъ эта наружность его поразила“ (стр. 516). Изъ памяти нашего изслѣдователя ускользнуло одно довольно важное обстоятельство: до насъ дошло не все сочиненіе Приска въ цѣлости, а только отрывки, случайно выхваченные изъ разныхъ мѣстъ его творенія. Въ тѣхъ частяхъ, которыя до насъ дошли, могло быть то и другое, и даже навѣрное было. Иорданъ, или его главный источникъ Кассіодоръ, несомнѣнно имѣли въ рукахъ сочиненіе Приска еще въ полномъ его видѣ, какъ въ этомъ легко

убѣдиться, сличивъ мѣста, въ которыхъ Иорданъ цитируетъ Приска, съ греческо-византійскими изъ него экскерптами. Очень понятно, что Прискъ служилъ источникомъ для того или другаго писателя не только въ однихъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ прямо названъ, но также и въ другихъ. Мы уже сказали, что самая характеристика Аттилы у Иордана ведетъ свое начало именно отъ Приска, который и названъ нѣсколько ниже въ той же самой 35-й главѣ. Любопытно, но за то и крайне непослѣдовательно, что Д. И. Иловайскій готовъ признать, что одна часть этой характеристики, именно относящаяся къ нравственной сторонѣ, дѣйствительно взята у Приска (см. стр. 516: „Говоритъ объ его умѣренности въ одеждѣ, пищѣ и питъѣ, о его серьезности... Послѣднія качества, очевидно, Иорданъ почерпнулъ изъ Приска“). Прибавимъ еще одно замѣчаніе относительно Приска. Находятъ славянскія черты въ сообщаемыхъ имъ подробностяхъ придворнаго быта, окружавшаго Аттилу; указываютъ, напримѣръ, на дѣвушекъ, привѣтствующихъ родными пѣснями царя при его возвращеніи въ столицу, и т. п. Но намъ кажется, что нѣкоторые изъ описываемыхъ обычаевъ, явно противорѣчащія первоначальному кочевому быту Гунновъ, должны считаться заимствованными и перенятыми у покоренныхъ народовъ — пожалуй даже у самихъ Славянъ, если не у мѣстныхъ обитателей Панноніи Илирійскаго (Албанскаго) племени; притомъ въ самыхъ сходныхъ со славянскими обычаяхъ есть частности совершенно своеобразныя: дѣвушки выходятъ подъ длинными покрывалами, поддерживаемыми по верхъ ихъ головъ другими женщинами; подносимое при встрѣчѣ вмѣстѣ съ пищею вино Аттила пьетъ сидя на лошади и т. д.

Во второй главѣ изслѣдованія, посвященнаго гуннскому вопросу, точкой отправленія служатъ свидѣтельства двухъ римскихъ поэтовъ V столѣтія — Клавдіана и Аполлинарія Сидонія. Разборомъ ихъ Д. И. Иловайскій особенно старается доказать то вышеупомянутое нами положеніе, что въ вопросѣ о наружности Гунновъ главную роль игралъ элементъ искусственнаго безобразія. Мы не будемъ долго останавливаться на Клавдіанѣ. Въ стихотвореніи на Руфипа, писанномъ вскорѣ послѣ его убіенія, послѣдовавшаго въ ноябрѣ 396 года, находится отрывокъ, гдѣ идетъ рѣчь о Гуннахъ. Они представляются народомъ, чуждающимся земледѣлія, отвратительной наружности, „они считаютъ шуткою рѣзать себѣ лицо и прекраснымъ вляться убитыми родителями“, живутъ постоянно на конѣ и т. д.

Praeda cibus, vitanda Ceres frontemeque secare
Lusus et occisos pulchrum iurare parentes.

(Claudianae carmina, rec. J e e p. I, 29).

Въ рѣзаніи себѣ лица Д. И. Иловайскій справедливо узнаетъ извѣстный — особенно изъ 49-й главы Иордана — обрядъ выраженія печали, и потому замѣчаетъ, что подобный обычай существовалъ еще у царскихъ Скивоувъ; а эти Скивоуы, по всѣмъ даннымъ, были племя Аріійское, а не Туранское. Вѣрное замѣчаніе, которое, однако, не можетъ служить той цѣли, ради которой оно приведено. Самъ же Д. И. Иловайскій твердитъ, что нельзя изъ сродства обычаевъ у разныхъ народовъ заключать къ ихъ тожеству или родству. Относительно даннаго случая — несомнѣнно, что погребальные обряды надъ трупомъ Аттилы, описанные Иорданомъ, очень близко напоминаютъ обычай Туранскихъ народовъ, притомъ тѣхъ, которые считаются у новыхъ изслѣдователей состоящими въ ближайшемъ родствѣ съ Гуннами, именно у Хіонитовъ, конечно, ближе напоминающихъ китайскихъ Хіогну, чѣмъ собственно Гунны (см. Wietersheim—Dahn, Geschichte der Völkerwanderung, II, 17, 22 и сл.). Похороны сына Грumbaта, сопровождавшіяся такими же церемоніями, описаны у Амміана Марцеллина въ началѣ девятнадцатой книги.

Кстати замѣтимъ, что едва ли вѣрно поняты Д. И. Иловайскимъ слова Клавдіана: „et occisos pulchrum iurare parentes“. Все описаніе имѣетъ цѣлю представить Гунновъ въ ненавистномъ и отвратительномъ видѣ: но чтò же гнуснаго и постыднаго въ томъ, что они клянутся умершими предками: такъ переводитъ Д. И. Иловайскій. Нѣтъ, occisos—значитъ убитыми, и на этомъ словѣ лежитъ удареніе. Тутъ заключается указаніе на то, что Гунны убивали своихъ родителей, а можетъ быть, на что-нибудь въ такой же степени ужасное. Д. И. Иловайскій основательно припомнилъ о Геродотѣ по поводу царпанія лица. Можетъ быть, Клавдіанъ даже прямо пользовался Геродотовымъ описаніемъ древнихъ Скивоувъ, заимствуя оттуда черты для изображенія новыхъ Скивоувъ. Иные считали Гунновъ потомками Массагетовъ, а у Геродота говорится о массагетскомъ обычаѣ убивать и затѣмъ съѣдать родителей, тогда какъ у Скивоувъ хотя и было въ обыкновении послѣднее, но безъ предварительнаго насильственнаго умерщвленія (I, 216; IV, 26). Такимъ образомъ, если бы позволялъ размеръ, то вмѣсто iurare можно было бы предложить чтеніе vōgare.

Переходимъ теперь къ отрывку изъ Аполлинарія Сидонія, толкова-

нію котораго посвящена почти вся вторая глава изслѣдованія о Гуннахъ. Въ этомъ отрывкѣ дѣйствительно заключаются наиболѣе — не скажемъ отчетливыя, но подробныя указанія на разные приемы деформации или уродованія лица, бывшіе въ употребленіи у Гунновъ. Съ этой точки зрѣнія важность нашего мѣста была вполне оцѣнена знаменитымъ академикомъ Бэротъ въ изслѣдованіи, которое и ранѣе намъ приходилось вспоминать: *Die Makrocephalen im Boden der Krug und Oesterreichs* — въ Мемуарахъ С.-Петербургской Академіи Наукъ за 1860 г.

Приводимъ прежде всего наиболѣе важную часть отрывка, написаннаго около 460 года по Р. Х., тѣмъ болѣе, что переводъ Д. И. Иловайскаго не во всѣхъ отношеніяхъ кажется намъ удовлетворительнымъ: „Круглая масса кончается узкою головою ¹⁾. Подо лбомъ въ двухъ впадинахъ находится зрѣніе, хотя и нѣтъ глазъ ²⁾. Свѣтъ, устремленный (введенный) въ полость (камеру) мозга, едва достигаетъ убѣгающихъ назадъ (впалыхъ) орбитъ, которыя однако не закрыты; напротивъ, черезъ малое отверстіе они видятъ обширныя пространства; свѣтлыя точки въ глубокихъ отверстіяхъ замѣняютъ имъ пользованіе (настоящими) большей величины глазами ³⁾. Чтобы носъ не слишкомъ выдавался между щеками и не мѣшалъ шлему, круглая повязка придавливаетъ нѣжныя ноздри. Такимъ образомъ материнская любовь

¹⁾ C. Soll. Apollinaris Sidonii opera ed. Baret (Paris, 1879), pag. 604.

. Consurgit in arctum
Massa rotunda caput.....

Д. И. Иловайскій переводитъ: «Круглою массою возвышается его сдвигнутая голова» Но размѣръ показываетъ, что *massa rotunda*—именительный падежъ.

²⁾ Geminis sub fronte cavernis
Visus adest oculis absentibus.

³⁾ Acta cerebri
In cameram vix ad refugos lux pervenit orbes,
Non tamen et clausos; nam fornice non spatioso,
Magna vident spatia, et majoris luminis usum
Perspicua in puteis compensant puncta profundis:

Переводъ Д. И. Иловайскаго: «Свѣтъ, едва брошенный въ полость мозга, проникаетъ до *наружныхъ* (?) крайнихъ орбитъ, однако незакрытыхъ, такъ какъ черезъ малое отверстіе они видятъ обширныя пространства, и недостатокъ *красоты* возмѣщаютъ тѣмъ, что различаютъ *малѣйшіе* предметы на днѣ колодеца... Но *perspicua puncta*—*puncta magis, quam lumina* въ 24-й главѣ Іордана (Іорнанда), а *puteum* значить здѣсь углубленіе, а не колодець.

обезобразивать рожденныхъ для битвъ, поелику при отсутствіи носа поверхность щекъ дѣлается еще шире. Остальная часть тѣла у мужчинъ красива: широкая грудь, большія плечи, подобранный (небольшой) подъ грудью животъ ¹⁾. Пѣшіе они представляются средняго роста; но если видимъ ихъ на конѣ, то они кажутся статными; такими же часто являются, когда сидятъ. Едва ребенокъ покидаетъ лоно матери, какъ онъ уже на спинѣ коня. Можно подумать, что это члены одного тѣла, ибо всадникъ какъ бы прикованъ къ лошади; другіе народы ѣздятъ на конскомъ хребтѣ, а этотъ живетъ на немъ"— и т. д. Въ этомъ поэтическомъ, нѣсколько изысканномъ и надутомъ, а отъ того и не совсѣмъ вездѣ ясномъ описаніи вишняго вида Гунновъ, мы, во первыхъ, отмѣчаемъ черты, извѣстныя намъ изъ другихъ писателей. Особенное вниманіе обращено на маленькіе, чуть замѣтныя глуболежащія глаза, заставляющія Аполлинарія сказать, что хотя у Гунновъ и есть зрѣніе, но собственно глазъ нѣтъ; эти маленькія прозрачныя точки свѣтятся изъ глубокихъ впадинъ сквозь узкія отверстія. Затѣмъ, Аполлинарій Сидоній нѣсколько иначе, чѣмъ другіе писатели, выражается о ростѣ Гунновъ; прочіе называютъ ихъ малорослыми, а онъ даетъ имъ средній ростъ; изъ дальнѣйшихъ подробностей можно заключить, что собственно они были коротконоги то-есть, длина ногъ не соответствовала формѣ туловища. Думаемъ что большаго разногласія между Аполлинаріемъ Сидоніемъ и Амміаномъ Марцеллиномъ—нѣтъ, и что большую точность въ выраженіяхъ слѣдуетъ предполагать скорѣе у прозаика, чѣмъ у поэта, стѣсненнаго въ выборѣ словъ требованіями размѣра. Кочевныя привычки Гунна, коннаго наѣздника, были описаны подробно еще Амміаномъ. Новую подробность составляетъ сообщаемое Сидоніемъ указаніе на форму головы, къ сожалѣнію—довольно темное. Находя, вмѣстѣ съ Д. И. Иловайскимъ, толкованія Бэра и особенно предлагаемыя имъ исправленія текста, довольно сомнительными, мы воздерживаемся отъ всякихъ разсужденій. Яснымъ кажется намъ только одно, что Сидоній имѣлъ въ виду указать на суживающуюся къ верху, конусообразную голову; но у него нѣтъ никакого намека на то, чтобы такая форма достигалась искусственными средствами, какъ это предполагалъ

¹⁾ Cetera pars est pulchra viris. Stant pectora vasta,
Insignes humeri, succincta sub ilibus alvus.

О переводѣ Д. И. Иловайскаго: «широкая грудь, большія плечи, подпоясанный ниже пупа животъ»—скажемъ ниже.

Ам. Тьерри. Даже и прямое указаніе Сидонія на уродованіе посредствомъ повязокъ—главнымъ образомъ съ цѣлїю достигнуть совершенно плоской формы носа—выражено такъ, что возбуждаетъ справедливыя сомнѣнія. Со времени одного французскаго ученаго натуралиста (Госса), занимавшагося вопросомъ о деформаціяхъ черепа, у Гунновъ, на основаніи словъ Сидонія, предполагають монголоидную или носотемьянную уродливость, свойственную теперь нѣкоторымъ Киргизамъ (см. Антропологию Топинара, переводъ Мечникова, стр. 174). Но другіе считаютъ совершенно неправоподобною описанную поэтомъ операцію надъ новорожденными дѣтьми, такъ какъ она препятствовала бы имъ не только кормиться грудью матери, но даже затрудняла бы дыханіе, а сверхъ того, не достигала бы и своей предполагаемой цѣли—искоренить всякіе признаки носа и сдѣлать лицо совершенно плоскимъ. Бэръ, котораго мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду, и который представляетъ, конечно, великій авторитетъ въ вопросахъ подобнаго рода, полагаетъ, что сообщеніе Аполлинарія Сидонія должно быть считаемо просто за неправильно придуманное объясненіе извѣстной черты въ фізіономіи страшнаго народа. Можно допустить, что онъ видалъ взрослыхъ Гунновъ съ плоскимъ лицомъ, приплюснутымъ носомъ и выдающимися скулами: на это указываетъ отмѣченная имъ и уже сама по себѣ существующая широта щекъ; но у него не было никакого случая наблюдать надъ новорожденными сынами степей. Онъ, какъ и его предшественникъ, Амміанъ Марцелинъ, конечно, не только никогда не стоялъ надъ колыбелью гуннскаго младенца, не слѣдилъ за пріемами гуннскихъ повитухъ, но конечно, никогда не бывалъ и въ кочевой ихъ кибиткѣ. Замѣчено было, что древніе, мало знакомые съ фізіологіей и антропологией, склонны были объяснять всякія явленія и черты, кажущіяся имъ необычайными, посредствомъ искусственныхъ операцій. Если имъ вполне повѣрять, то-есть, принять не только фактическія ихъ сообщенія, но и толкованія ихъ, то удивительною и даже сверхестественною покажется намъ живучесть гуннскаго младенца. Едва только онъ явился на свѣтъ, ему, во первыхъ, принимаются рѣзать лицо и наносятъ такія глубокія раны, что слѣды ихъ остаются на всю жизнь, и затѣмъ—сжимають носовыя хрящи такъ, что онъ можетъ дышать только ртомъ и долженъ отъ этого совершенно воздержаться, когда беретъ грудь матери. Какъ бы тамъ дѣло ни было, все-таки въ описаніи Аполлинарія Сидонія окажутся черты, которыя скорѣе всего указываютъ на монгольскую, или въ частности, на та-

тарскую породу и никакъ не могутъ быть объясняемы какою-либо деформацией, напримѣръ, маленькіе глаза, короткія ноги.

Замѣчательны нѣкоторые приемы, къ которымъ прибѣгаетъ Д. И. Иловайскій съ цѣлью убѣдить насъ въ томъ, что описаніе Аполлинарія могло бы также идти и къ Славянамъ. У него выходитъ, что Сидоній, вопреки Иордану, положительно говоритъ о прекрасномъ сложеніи, среднемъ и даже болѣе чѣмъ среднемъ ростѣ (стр. 538) Гунновъ, и по этому поводу снова подвергается упрекамъ Иорданъ, который будто бы относился къ нимъ съ очевиднымъ пристрастіемъ и отъ того назвалъ ихъ малорослыми (стр. 532). Опущено изъ виду то немаловажное обстоятельство, что Гунны казались высокими, или лучше сказать, статными (просега), пока сидѣли на лошади или вообще не стояли на ногахъ. Желая сравнять ростомъ Гунновъ и Славянъ, Д. И. Иловайскій не довольствуется тѣмъ, что нѣсколько приподнялъ къ верху Гунновъ, но еще понижаетъ Славянъ. Для этой цѣли онъ приводитъ разказъ византійскаго историка Теофана о смерти императора Валентиніана I, послѣдовавшей въ 375 году. Аполексическій ударъ, поразившій императора, представляется здѣсь какъ послѣдствіе припадка гнѣва и ярости при видѣ ничтожныхъ, жалкихъ, малорослыхъ Савроматовъ, осмѣлившихся напасть на римскія границы. „Извѣстіе это“, разсуждаетъ нашъ изслѣдователь, — „имѣетъ нѣсколько легендарный характеръ; но оно указываетъ на то, какъ висока иногда смотрѣли Греки и Римляне на дунайскихъ Сарматовъ; а подъ дунайскими Сарматами несомнѣнно разумѣется одинъ изъ Славянскихъ народовъ“ (стр. 532). Къ сожалѣнію, многое, что кажется несомнѣннымъ Д. И. Иловайскому, не таково на самомъ дѣлѣ. Затѣмъ было не обратиться къ первоначальному источнику, изъ котораго непосредственно или посредственно идутъ всѣ наши извѣстія о кончинѣ Валентиніана I, то-есть, къ Амміану Марцеллину (XXX сар. 10)? Отсюда видно, что народъ, съ которымъ Валентиніанъ воевалъ, и послы котораго были имъ приняты предъ смертью, назывались Квадами; а о Квадахъ мы имѣемъ несомнѣннѣйшія данныя, что это были Германцы.

Любопытно также толкованіе словъ Аполлинарія Сидонія „succincta sub ilibus alvus“. Д. И. Иловайскій, должно быть, очень увѣренъ въ своемъ глубокомъ знаніи латинскаго средневѣковаго языка, если онъ считаетъ возможнымъ уличать французскихъ переводчиковъ и издателей Аполлинарія Сидонія въ плохомъ и неправильномъ пониманіи комментируемаго ими писателя. Старые Французы обыкновенно

бывали хорошими латинистами. Въмѣсто французскаго „une taille svelte“ или „ils n'ont presque point de ventre“, Д. И. Иловайскій предлагаетъ свой переводъ, изъ котораго обнаруживается, что Гунны—совершенно какъ наши православные мужички—подпоясывались низко по животу. Но бѣда въ томъ, что такое толкованіе совсѣмъ не идетъ къ контексту, въ какомъ слова стоятъ у Сидонія. Онъ хочетъ объяснить, что помимо головы остальная часть туловища Гунновъ отличается статностію, такъ что рѣчь идетъ вовсе не объ одеждѣ или костюмѣ. Грудь—широка, плеча—велики, а животъ—ужели подпоясанъ? Succinctus значитъ подтянутый, подобранный; отсюда—короткій, малый. Nervii, quibus succinctum est corpus—не значитъ, что этотъ галльскій народъ подпоясывался по животу или иначе. Succincti quae sint bona discere libelli (Martial.)—не значитъ: узнай, какія достоинства подпоясанной книжки, а короткой и т. д. Iliа не значитъ собственно пупъ, а ту часть брюшины, которая поднимается и сокращается при дыханіи и особенно при быстромъ бѣгѣ, промежутокъ между нижними ребрами съ обѣихъ сторонъ до нижней части живота. Succinctus sub ilibus alvus—подобранный подъ брюхомъ животъ—это значитъ, что Гунны были сухопары.

Для полноты мы должны отмѣтить, что Д. И. Иловайскій считаетъ за Гунновъ небольшой, очевидно, народъ, помѣщенный Птолемеемъ около Днѣпра между Бастарнами и Роксоланами и названный Хунами (Χούνοι). Не мы первые усумнимся въ основательности сопоставленія Унновъ, какъ всегда пишутъ Греки (Ούννοι), съ Хунами, тѣмъ болѣе что цѣлый рядъ писателей, названныхъ тутъ же Д. И. Иловайскимъ (стр. 521), указываетъ древнія жилища Гунновъ совершенно въ другомъ мѣстѣ. Нашему изслѣдователю хотѣлось бы, между прочимъ, совершенно устранить историческое преданіе о приходѣ Гунновъ изъ глубины Азіи, съ востока. Для этого онъ привлекаетъ даже слова Амміана Марцеллина, что о нихъ уже упоминали старыя писатели, хотя выраженіе этого автора имѣетъ нѣсколько иное намѣреніе: Hunorum gens monumentis veteribus leviter nota—народъ, мало извѣстный древнимъ памяткамъ. Свидѣтельство Птолемея, писателя II вѣка, конечно, годилось бы болѣе, если бы оно несомнѣнно относилось къ нашимъ Гуннамъ. Напрасно Д. И. Иловайскій опустилъ изъ виду Зосима, свидѣтеля тѣмъ болѣе важнаго, что, принадлежа самъ половинѣ V вѣка, онъ пользовался изслѣдованіями своего предшественника (въ самомъ началѣ V вѣка) Евнапія. Зосимъ сообщаетъ намъ два взгляда, подобно тому какъ и Евна-

ній, по его собственнымъ словамъ, измѣнилъ первоначальное свое мнѣніе, почерпнутое изъ древнихъ писателей, на другое, болѣе самостоятельное (см. Dindorf, *Historici graeci minores*, I, 236). По одному взгляду, Гунны — народъ прежде совсемъ неизвѣстный (πρότερον οὐκ ἐγνωσμένον), и тогда, то-есть, въ IV вѣкѣ, внезапно появившійся; по другому—они себѣ имѣли предшественниковъ въ тѣхъ Скиѣахъ (Зосимъ ошибочно называетъ ихъ Царскими), которые описаны Геродотомъ какъ курносые и слабые люди (σφιδος καὶ ἀσθενείας ἀνθρώπου, pag. 194. Сравни. Herod. IV, 23).

Что же еще остается за всемъ этимъ? Остаются позднѣйшіе писатели. „Если мы пойдемъ далѣе въ болѣе поздніе вѣка, то увидимъ, что Гунны въ источникахъ легко отождествляются со Славянами, на примѣръ, у Беды Достопочтеннаго, въ византійской Пасхальной хроникѣ, у Кедрина, въ нѣмецкихъ сказаніяхъ“ (стр. 535). Тутъ не все вѣрно; относительно Пасхальной хроники существуетъ какое-либо недоразумѣніе: она нигдѣ не отождествляетъ Гунновъ со Славянами и говоритъ о первыхъ только въ одномъ мѣстѣ. Беду мы тоже должны оставить на совѣсти Д. И. Иловайскаго, такъ какъ мы не находимъ того мѣста, въ которомъ англо-саксонскій историкъ называетъ Славянъ Гуннами. Если Д. И. Иловайскій разумѣетъ то мѣсто, которое было указываемо еще Шафарикомъ, то вѣдь это еще только догадка, что Гунны (Huni), помѣщенные между Ругами, Данами и Саксами, въ самомъ дѣлѣ въ представленіи писателя соответствовали Славянамъ. Кедринъ въ одномъ случаѣ выразился: Гунны или Славяны. Но даже и объяснять не стоитъ, какое малое значеніе имѣетъ эта случайная фраза компилятора, жившаго въ XII вѣкѣ и никогда не мечтавшаго быть авторитетомъ въ вопросѣ о Гуннахъ, въ его времени вездѣ позабытыхъ. Идетъ въ счетъ даже и подобное доказательство: одинъ славянскій князь просилъ у нѣмецкаго герцога, врага Славянъ, въ замужество его внучку или племянницу и услышалъ такой отвѣтъ, что мы не выдадимъ свою родственницу за собаку; послѣ, поднимая своихъ соплеменниковъ противъ Нѣмцевъ, славянскій князь, указывая имъ на свою обиду и нѣсколько обобщая ее, говорилъ, что вотъ Саксонцы называютъ Славянъ собаками: *Intimavit eis illatam sibi contumeliam, et quia Saxonum voce Sclavi canes vocentur.* (Helmoldi chron. Slav. cap. 16). Наши почтенные историки-ислѣдователи умудрились тутъ найти доказательство, что Гунны были Славяне. Здѣсь-де очевидное сближеніе названія Гуннъ съ нѣмецкимъ словомъ Hund. Д. И. Иловайскій прибавилъ еще ни-

жеслѣдующее глубокомысленное и совсѣмъ непонятное замѣчаніе: „Для насъ важно въ этомъ мѣстѣ Гельмольда то, что рѣчь идетъ не объ отдѣльномъ какомъ-либо лѣтописцѣ (?), а вообще у Саксовъ Славяне назывались Гуннами“ (стр. 535). Русская былина заставляетъ Крымскаго хана держать такую рѣчь въ русскому плѣннику: „отрекись отъ блага царя, и поклонись мнѣ собагѣ Крымскому хану“. Мы не намѣрены заключать отсюда, что и Крымскіе Татары могутъ быть производимы отъ Гунновъ, а хотимъ только сказать, что бранное слово „собака“ употребляется у нѣкоторыхъ народахъ независимо отъ его созвучія или несозвучія съ названіемъ Гунновъ. Остается еще филологія Д. И. Иловайскаго, о которой, конечно, лучше умолчать, такъ какъ и самъ онъ не придаетъ серьезнаго значенія своимъ толкованіямъ гуннскихъ именъ изъ славянскаго языка — въ родѣ производства имени Аттилы отъ корня атя или батя=тятя. Онъ думаетъ, что такія его шуточныя этимологіи не хуже другихъ, дѣлаемыхъ совершенно серьезно серьезными людьми. Онъ приводитъ слѣдующія личныя имена: Валамиръ, Мундохъ, Харатонъ, Руа, Оиварсій, Блѣдъ, Денгизихъ, Еллахъ, Ирникъ, Атакамъ, Мама, Верихъ, Васихъ, Курсихъ, Уто, Искальми — и спрашиваетъ, что же несомнѣннаго урало-алтайскаго въ этихъ именахъ? „Если филологія пока не умѣетъ раскрыть ихъ арийское значеніе, то еще менѣе она можетъ доказать ихъ татарское и чудское произношеніе“ (стр. 519). Это значитъ: „конечно, я не надѣюсь убѣдить васъ, что Аттила происходитъ отъ батя, но за то и вы не заставите меня признаться, что Мамай, Еллакъ и Ирникъ — имена монгольскія или турецкія“. Когда такое рѣшеніе принято заранее, то напрасно будетъ спорить.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе, и затѣмъ сведемъ результаты. Д. И. Иловайскій въ одномъ мѣстѣ выразился, что имя Гунновъ у писателей переносилось иногда и на другіе народы (стр. 543). Что оно переносилось на Славянскіе народы, на это нѣтъ бесспорныхъ и важныхъ примѣровъ, указывающихъ на опредѣленное, постоянное и сознательное убѣжденіе. Но несомнѣнно, что оно систематически и правильно переносилось, притомъ лучшими и наиболѣе свѣдущими писателями, на совершенно другую семью народовъ, именно Туранскую. Кого, напримѣръ, именуешь Гуннами Теофилактъ Симокатта, описывающій современное ему царствованіе Маврикія? Вотъ его выраженія: „Гунны, живущіе на востокѣ, которые болѣе извѣстны подъ названіемъ Турокъ“ (pag. 47). „Гуннскіе народы, которые часто упоминаются въ исторіи подъ именемъ Турокъ“ (pag. 172). Эти вос-

точные Турки суть позднѣйшіе Хазары, которыхъ и Д. И. Иловайскій не намѣренъ дѣлать Славянами. Славяне Симокаттѣ очень хорошо извѣстны, но онъ не причисляетъ ихъ къ Гуннскимъ народамъ. Подобное же словоупотребленіе мы встрѣчаемъ у древнѣйшихъ и лучшихъ армянскихъ писателей, постоянно именующихъ Хазаръ Гуннами (см. напримѣръ, у Моисея Каганкатваца, стрр. 27, 73—78, 82—89, 108, 153). Еще яснѣе фамиліное родство Гунновъ выясняется въ сочиненіи Маврикія о стратегическомъ искусствѣ, которое во всякомъ случаѣ есть наилучшій источникъ для изученія этнографическихъ отношеній на востокъ конца VI вѣка, будетъ ли оно признано принадлежащимъ самому императору Маврикію или соименному только литератору, писавшему по его порученію. Здѣсь, между прочимъ, рекомендуются особые военные приемы и средства сообразно съ особенными свойствами и привычками разнаго рода враговъ, окружавшихъ тогда Византію; всѣ эти враги сводятся къ тремъ группамъ согласно съ племеннымъ своимъ родствомъ и соответствующимъ ему тожествомъ нравовъ и обычаевъ. Сначала объясняется, какъ слѣдуетъ сражаться со Скивами, то-есть, Аварами, Турками и прочими схожими съ ними Гуннскими народами... Ἀβάροσ καὶ Τοῦρκοσ καὶ λοιποὶ ὁμοειδοὺσ αὐτοὺσ ὀβρυχοὺσ ἔθνεσιν (Mauric. Strategic. XI cap. 3, ed. Scheffer, pag. 260). Затѣмъ слѣдующая глава (cap. 4) трактуетъ о русскихъ народахъ (τὰ ξαυθὰ ἔθνη), то-есть, о Франкахъ, Лонгобардахъ и подобныхъ имъ, и наконецъ, третья глава (cap. 5) озаглавлена, какъ нужно сражаться со Славянами, Антами и подобными имъ. Итакъ, Маврикій принимаетъ три совершенно отличныя, какъ это и обнаруживается изъ подробностей его характеристики, семь или племенные группы: Гуннскую, къ которой относятся наши Туранскіе народы, бѣлокурую Германскую и третью Славянскую ¹⁾). Вотъ правильная классификація, сдѣланная знатокомъ дѣла: она одна въ состояніи ниспровергнуть цѣлую половину умствованій Д. И. Иловайскаго; къ сожалѣнію, онъ опустилъ Маврикія изъ виду, точно такъ, какъ и Зосима.

Въ доказательство того, что мы не опустили ничего важнаго въ изслѣдованіи Д. И. Иловайскаго о Гуннахъ, мы повторяемъ шесть положеній, къ которымъ онъ самъ свелъ всю свою аргументацію (еще два положенія касаются уже дальнѣйшихъ слѣдствій, проистекающихъ

¹⁾ Относительно словоупотребленія прилагательнаго *гуннский* см. еще стр. 107, 109, 128, 137.

изъ рѣшенія вопроса въ данномъ смыслѣ), и присоединяемъ свои краткія замѣчанія, основанныя на всемъ предыдущемъ.

1) Представленіе о Гуннахъ, какъ о народѣ монгольскомъ и вообще туранскомъ, возникло въ европейской исторіографіи главнымъ образомъ на основаніи того описанія ихъ наружности, которое находится въ сочиненіяхъ Амміана Марцеллина и Иордана. Но эти описанія страдаютъ явными преувеличеніями; а Иорданъ крайне пристрастно относится къ Гуннамъ. Притомъ въ самомъ ихъ описаніи нѣтъ прямыхъ указаній на чисто-монгольскія черты, какъ узкіе глаза, выдающіяся скулы и острый подбородокъ.

На это мы отвѣчаемъ: Представленіе о Гуннахъ, какъ о народѣ, не принадлежащемъ къ европейской семьѣ, прежде всего основывается на совокупности историческихъ данныхъ, на общемъ голосѣ историческаго преданія. Амміанъ Марцеллинъ и Иорданъ прямо указывали, когда и откуда появился этотъ народъ; они рѣзко отличали его отъ Германцевъ, а также отъ Славянъ и отъ прочихъ старожиловъ въ Европѣ; послѣдній даетъ намъ возможность прослѣдить исторію Гунновъ на значительномъ пространствѣ времени, при чемъ оказывается, что Гунны не сливаются со Славянами, а сохраняютъ свою противоположность съ ними. Описаніе наружности не имѣетъ такого первостепеннаго значенія, хотя, конечно, не лишено смысла; въ совокупности съ другими признаками, оно говоритъ, что Гунны не принадлежали ни къ какой европейской семьѣ народовъ, ни къ Германской, ни къ Славянской, ибо эти послѣдніе описываются древними авторами совершенно иначе. Можно сказать только, что эти наружные признаки не довольно отчетливы и подробны, чтобы рѣшить вопросъ о принадлежности Гунновъ къ той или другой изъ большихъ не европейскихъ туранскихъ породъ — Угро-финнской или Турецко-татарской. Если у Амміана есть преувеличенія, то не тамъ, гдѣ находятъ ихъ Д. И. Иловайскій, не въ фактическихъ сообщеніяхъ объ отсутствіи бороды, маломъ ростѣ, кочевомъ образѣ жизни, а развѣ въ сообщеніяхъ объ уродованіи младенцевъ. Пристрастіе Иордана къ Гуннамъ тоже не доказано; если оно и существовало, то конечно, выразилось не въ томъ, въ чемъ его видитъ нашъ изслѣдователь, не въ признаніи наружности Аттилы народно-типическою. Отсутствіе бороды или же рѣдкая борода, темный цвѣтъ лица, приплюснутый носъ во всякомъ случаѣ идутъ больше къ Туранцамъ; а у Сидонія можно находить указаніе на узкіе глаза, и даже, пожалуй, на выдающіяся скулы.

2) Важныя свидѣтельства для даннаго вопроса мы находимъ у поэтовъ-панегиристовъ V вѣка, Клавдіана и особенно Сидонія Аполлинарія. Эти свидѣтельства указываютъ на то, что Гунны дѣлали нарѣзы на лицѣ, стягивали у младенцевъ голову и даже носъ, ради шлема. Слѣдовательно, безобразіе ихъ было не прирожденное, а искусственное, ради военныхъ цѣлей и ради устрашенія непріятелей. На это искусственное уродство намекаютъ также Амміанъ и Іорданъ, говоря о нарѣзахъ на щекахъ младенцевъ. Аналогію съ этимъ явленіемъ представляютъ обычаи у разныхъ другихъ народовъ. Такимъ образомъ описаніе гуннской наружности не даетъ серьезнаго основанія для туранской теоріи, тѣмъ болѣе, что Сидоній, вопреки Іордану, положительно говоритъ о ихъ прекрасномъ сложеніи, среднемъ и даже болѣе чѣмъ среднемъ ростѣ.

Свидѣтельство Клавдіана—дѣйствительно важно въ томъ отношеніи, что оно объясняетъ намъ происхождение тѣхъ нарѣзовъ и шрамовъ на лицѣ Гунновъ, которые Амміанъ Марцеллинъ, а вслѣдъ за нимъ и Іорданъ, приписывали невозможной операціи надъ новорожденными. Они происходили отъ добровольнаго уродованія себя при погребеніи родственниковъ. Д. И. Иловайскій поступаетъ правильно, сопоставляя оба извѣстія; но въ такомъ случаѣ нельзя говорить объ искусственномъ уродствѣ ради военныхъ цѣлей, ради устрашенія. Сидоній говоритъ о болѣе чѣмъ среднемъ ростѣ Гунновъ только тогда, когда они сидѣли на конѣ. Какъ уже выше сказано, другія черты, сообщаемыя Сидоніемъ, болѣе идутъ къ Туранцамъ, чѣмъ, напримѣръ, къ Славянамъ; а извѣстіе его объ уродованіи лица или собственно носа посредствомъ повязокъ еще недостаточно разъяснено и вызываетъ сомнѣнія. Говорятъ однако, что такой способъ въ употребленіи у Киргизовъ.

3) Византійскій писатель V вѣка Прискъ есть самый добросовѣстный и самый драгоцѣнный источникъ для Гунновъ, ибо онъ былъ у нихъ въ числѣ пословъ и довольно подробно ихъ описываетъ, не касаясь, впрочемъ, ихъ наружности. Всѣ черты быта и нравовъ, приводимыя имъ, нисколько не указываютъ на туранство Гунновъ и много говорятъ въ пользу ихъ славянства.

Прискъ совершенно правильно считается наилучшимъ источникомъ для изученія Гунновъ и быта ихъ во время Аттилы, то-есть, когда прошло болѣе двухъ поколѣній послѣ покоренія ими Ост-Готовъ и Славянъ, и когда многое должно было измѣниться подъ вліяніемъ новаго сосѣдства и сожителства. Впрочемъ, если мы не будемъ за-

бывать, что сочиненіе Приска не дошло до насъ въ цѣлости, и что оно служило источникомъ для Иордана, то мы найдемъ и принадлежащее ему описаніе гуннской наружности и свидѣтельства въ пользу туранства, отъ него идущія.

4) Кочевой бытъ и дикіе нравы не могутъ служить основаніемъ для той или другой теоріи, потому что указываютъ не на расу, а на извѣстную степень культуры, и находятся въ прямой зависимости отъ условій природы. Притомъ Прокопій, византійскій писатель VI вѣка, прямо свидѣтельствуесть о сходствѣ гуннскихъ нравовъ съ нравами Славяиновъ и Антовъ.

Кочевой бытъ, какъ для настоящаго, такъ и для прошедшаго, фактически служить несомнѣннымъ признакомъ расы. Есть племена, которыя съ тѣхъ поръ, какъ ихъ знаетъ исторія, остаются на степени пастушескаго кочеваго быта, и вѣроятно, останутся такими, пока не исчезнутъ; таковы многіе народы турецко-монгольской расы. Что же касается индо-европейской расы, то она сдѣлала первые шаги къ высшей культурѣ, соединенной съ осѣдлостію и постройкою постоянныхъ жилищъ, еще до раздѣленія на отдѣльныя племена и до переселенія ихъ въ Европу. Въ частности о Славянахъ несомнѣнно, что они строили прочныя жилища еще во времена Тацита, и что они до раздѣленія на отдѣльныя вѣтви занимались земледѣліемъ. Прокопій самымъ своимъ сравненіемъ показываетъ, что онъ отличалъ Гунновъ отъ Славянъ, ибо не сравниваютъ совершенно тождественныхъ предметовъ самихъ съ собою; сверхъ того, онъ сообщаетъ довольно много положительныхъ и важныхъ признаковъ отличія.

5) Что касается до языка, то нѣтъ никакихъ серьезныхъ филологическихъ основаній отвергать славянство Гунновъ. Личныя имена, приводимыя источниками, очень разнообразны, и между прочимъ есть довольно именъ съ славянскими корнями или съ славянскимъ характеромъ. А приводимыя источниками славянскія слова медъ и въ особенности страва прямо указываютъ на славянскую народность.

Слова камось и медъ, считавшіяся доселѣ славянскими и въ то же время гуннскими, оказываются: первое — совѣмъ не гуннскимъ и не славянскимъ, а второе общимъ для Славянъ, Германцевъ и Кельтовъ, изъ коихъ послѣдніе издавна жили въ той странѣ, гдѣ это слово было слышано Прискомъ. Самая страва сомнительна въ отношеніи своей исключительной принадлежности славянству; скорѣе всего это готское слово, если стеченіе согласныхъ уничтожаетъ всякую возможность считать его угро-финскимъ или даже турецкимъ,

то-есть, собственно гунскимъ. Большая часть личныхъ именъ несомнѣнно арійскими языками, какъ сознается самъ изслѣдователь.

6) У средневѣковыхъ писателей византійскихъ, латинскихъ, армянскихъ и арабскихъ иногда Гунны прямо отождествляются съ Славянами, или тожество вытекаетъ у нихъ само собою изъ сопоставленія обстоятельствъ. Это тожество вытекаетъ также изъ нѣкоторыхъ древне-нѣмецкихъ поэмъ (напримѣръ, Эдда). При этомъ надобно замѣтить, что названіе Славяне распространилось постепенно и поздно на всѣ Славянскіе народы, и преимущественно путемъ книжнымъ.

Лучшіе и древнѣйшіе византійскіе, латинскіе и армянскіе писатели (объ арабскихъ въ изслѣдованіи не было рѣчи) не только отличаютъ Гунновъ отъ Славянъ, но даже противопоставляютъ ихъ другъ другу, относя ихъ къ двумъ отдѣльнымъ группамъ: группа гуннская—Авары и Ховары (Турки), группа славянская—Анты и Славини. Легенды и народныя преданія, сохраняющія смутное воспоминаніе о пребываніи Гунновъ въ южной Россіи, не могутъ идти совсѣмъ въ разсчетъ при рѣшеніи вопроса о происхожденіи Гунновъ, а ссылки на второстепенныхъ историческихъ свидѣтелей, смѣшивающихъ Гунновъ со Славянами, отчасти совсѣмъ невѣрны, отчасти не имѣютъ важнаго значенія въ виду болѣе авторитетныхъ источниковъ. Общимъ, болѣе древнимъ обозначеніемъ Славянъ служило названіе Венды или Венеды, но оно тоже никогда не прилагается къ Гуннамъ въ этихъ послѣднихъ источникахъ.

Однимъ словомъ, если есть какая историческая истина, не подлежащая ни малѣйшему сомнѣнію, то это именно туранство Гунновъ и различіе между ними и Славянами. Разсуждать и спорить можно развѣ только о томъ, къ какой вѣтви Монгольскаго племени (принимая выраженіе въ широкомъ смыслѣ), угро-фйнской, турецко-татарской или собственно монгольской — слѣдуетъ отнести народъ, отличіе котораго отъ всѣхъ европейскихъ жителей замѣчено было еще писателями IV и VI вѣковъ по Р. Хр. Но входитъ въ этотъ вопросъ мы здѣсь не имѣемъ побужденій, такъ какъ задача наша состояла только въ опроверженіи славянской теоріи Д. И. Иловайскаго. Преобладаніе среди Гунновъ турецкихъ элементовъ намъ кажется весьма вѣроятнымъ и почти несомнѣнно доказаннымъ (см. А. А. Куника, Томашка, Соколова).

Обращаемся теперь къ Болгарамъ. Мы уже видѣли, что въ настоящее время Д. И. Иловайскій не только не отрицаетъ родства Болгаръ съ Гуннами, но даже прямо называетъ Болгаръ потомками

Гунновъ (стр. 509). Такъ какъ ему никомъ образомъ не удалось доказать славянства Гунновъ, то не предрѣшенъ ли уже въ главномъ своемъ основаніи и вопросъ о Болгарахъ? Нужно ли, другими словами, разбирать отдѣльно ту часть „Розысканій“, которая посвящена разсмотрѣнію вопроса о Болгарахъ съ цѣлію доказать ихъ исконное славянство? Не довольно ли сказать, что и здѣсь господствуетъ тотъ же самый методъ изслѣдованія, и та же самая филологія, которая считала возможнымъ Аттилу производить отъ батя, объясняетъ тѣмъ же самымъ батя уже болгарскаго Батбая. До сихъ поръ г. Иловайскій не успѣлъ склонить къ своимъ взглядамъ ни одного спеціалиста — ни изъ среды старыхъ ученыхъ, ни изъ среды молодыхъ и начинающихъ; и это совершенно понятно. Въ „Розысканіяхъ“ Д. И. Иловайскаго рѣшительно нѣтъ ничего новаго въ смыслѣ изученія, нѣтъ никакихъ новыхъ данныхъ; напротивъ, иногда опускаются изъ виду уже извѣстныя и указанная; все, что составляетъ матеріальную часть аргументаціи, все, на чемъ онъ строитъ свои выводы, давно было извѣстно Шафарику, Гильфердингу, Дринову, Магусеву, Иречку, Кунику, Соколову и др. Развѣ только одна самонадѣянность могла внушить какому-либо ученому мысль, что онъ обладаетъ болѣе проникательнымъ умомъ и болѣе совершеннымъ методомъ, чѣмъ корифей славянской науки, и потому способенъ изъ старыхъ, у нихъ заимствованныхъ данныхъ извлечь болѣе правильныя и убѣдительныя заключенія. Изъ чего состоитъ основная статья о Болгарахъ, если мы не будемъ касаться пока полемическихъ разсужденій? Первые двѣ главы ея излагаютъ первоначальную исторію Болгаръ, когда они еще являются и дѣйствуютъ на сценѣ прямо въ качествѣ Гуннскихъ племенъ, подъ названіями Кутургуровъ и Утургуровъ. Никто не станетъ спорить противъ того, что всѣ извѣстія объ этихъ двухъ племенахъ, собранныя и пересказанныя Д. И. Иловайскимъ, дѣйствительно относятся къ Болгарамъ; никто не станетъ спорить противъ того, что эти племена — одни или въ сопрожденіи Славянъ — въ V и VI вѣкахъ часто появлялись за Дунаемъ. Важно только то, что они тамъ не успѣли прочно основаться ранѣе VII вѣка. Д. И. Иловайскій удивляется (стр. 172), что никто изъ славянскихъ ученыхъ не остановился надъ тою несообразностію, что Болгары, по извѣстіямъ византійской хроники Теофана, являющіеся во Фракіи въ половинѣ V вѣка, утвердились въ ней только черезъ два вѣка. Но дѣло въ томъ, что ничего несообразнаго тутъ нѣтъ. Несообразность явится только тогда, когда мы будемъ

считать Гунно-Болгаръ Славянами. Иорданъ, писавшій во второй половинѣ VI вѣка, хорошо знаетъ, гдѣ были настоящія жилища Болгаръ. „Между Дибромъ и Дономъ жили Анты... Затѣмъ Видиваріа при устьяхъ Вислы... далѣе по берегу моря Эстіа, на востокъ отъ нихъ Акатциры, а за ними надъ Чернымъ моремъ разширяются поселенія Болгаръ, къ несчастію сдѣлавшихся слишкомъ извѣстными за грѣхи наши: *ultra quos distenduntur supra mare Ponticum Bulgarum sedes, quos notissimos peccatorum nostrorum mala fecerunt.* Итакъ, то, что Гунно-Болгары уже появлялись въ предѣлахъ Римской или даже Ост-Готской державы, конечно—за Дунаемъ, нисколько не мѣшаетъ Иордану говорить въ настоящемъ времени объ ихъ мѣстожителствѣ надъ Чернымъ моремъ. Народъ не всегда живетъ тамъ, куда дѣлаетъ набѣги... Сейчасъ приведенное мѣсто изъ Иордана заслуживаетъ вниманія еще потому, что оно представляетъ почти буквальное сходство съ другимъ, гдѣ рѣчь идетъ уже о Славянахъ (въ главѣ 23): „Венеты, Анты и Славяне, которые вездѣ свирѣпствуютъ по грѣхамъ нашимъ: *qui—nunc ita facientibus peccatis nostris ubique deseuiunt.* Д. И. Иловайскій выводитъ отсюда заключеніе о тожествѣ тѣхъ и другихъ: „Ясно, что въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ о враждѣ къ Готамъ и о тѣхъ вторженіяхъ Славянскихъ народовъ въ предѣлы Восточной имперіи—Кутургуровъ, Антовъ и Славянъ, которыя извѣстны намъ изъ писателей византійскихъ“ (стр. 182). Но исторія знаетъ, кромѣ общихъ нападеній Болгаръ и Славянъ на имперію, и отдѣльныя ихъ враждебныя столкновенія съ Готами. (См. Дриновъ, Разселеніе, стр. 91, 92; Соколовъ, Изъ древней исторіи Болгаръ, стр. 41). Самъ Иорданъ заключаетъ свою римскую исторію, доведенную до 547 года по Р. Хр., замѣткой о постоянномъ напорѣ на имперію Болгаръ, Антовъ и Славянъ: *Hi sunt casus Romanae reipublicae preter instantia cottidiana Bulgarum Antium et Sclavenorum.* А выше была рѣчь о нападеніи на имперію Геруловъ, Гепидовъ и Болгаръ ¹⁾. Кажется, отсюда не слѣдуетъ ничего и никакого тожества, равно какъ и племеннаго родства между Герулами, несомнѣнными Германцами,—и Болгарами. Еще менѣе удачно и еще менѣе—при тожественности Утургуровъ и Болгаръ—было нужно отождествленіе, хотя бы только филологическое, Утургуровъ съ Антами. Д. И. Иловайскій рекомендуетъ отбросить окончаніе гу-

¹⁾ *Illyricum saepe ab Herulis Gipelisque et Bulgaris devastantibus per suos judices frequente obstitit viriliterque cecidit.* Ср. Marcellin. ad ann. 530.

ры, потомъ въ мѣсто утур читать ути—или уты, затѣмъ, взявъ въ расчетъ древнее юсовое произношеніе (у кого?), въ мѣсто уты или виты попробовать сказать Онты или Анты, чтобы получить въ мѣсто Гунно-Болгаръ столь извѣстное названіе Славянъ (стр. 170). Конечно, такимъ способомъ можно получить все, что угодно. Кажется, самъ Д. И. Иловайскій чувствовалъ, что по настоящему принимая гуры за окончаніе, онъ долженъ былъ бы доказать: 1) что это въ самомъ дѣлѣ только суффиксъ, и 2) что это есть суффиксъ обычный именно въ индо-европейскихъ языкахъ, и въ особенности въ славянскомъ, не объяснимый изъ тюрскихъ или финскихъ нарѣчій. Развѣ это доказано? Котраги и Котрагиры, Садаги и Садагаріи, приводимые въ примѣръ, скорѣе доказываютъ, что важный звукъ *z* принадлежитъ къ корню слова; особенно же неловко сближеніе съ Гермун-дурами, ибо дуры здѣсь даже вовсе не окончаніе, не суффиксъ, а самостоятельное слово, удержавшееся въ названіи Тюринговъ.

Въ третьей главѣ основнаго изслѣдованія о Болгарахъ подвергается разбору свидѣтельство Теофана и патріарха Никифора о передвиженій Болгарской орды Аспаруха за Дунай (578 г.) и о покореніи ею уже ранѣе здѣсь утвердившихся семи Славянскихъ племенъ—между Дунаемъ и Балканами. Понятно, что этотъ разказъ, передаваемый двумя византийскими писателями начала IX вѣка—хотя и не зависимо другъ отъ друга, но почти въ тождественныхъ выраженіяхъ—слѣдовательно, заимствованный обоими изъ третьяго болѣе древняго источника, долженъ былъ показаться нашему изслѣдователю совершенно легендарнымъ и баснословнымъ. Спорить съ нимъ мы не станемъ, потому что можемъ пока довольствоваться сущностію дѣла, а сущности разказа не отвергаетъ и Д. И. Иловайскій; даже болѣе, онъ кое-что къ ней прибавляетъ своего. Вотъ что онъ извлекаетъ изъ легенды: „(у Болгаръ) является сильный князь Кувратъ, которому и удалось свергнуть аварское иго. Вслѣдъ затѣмъ Болгаре возобновляютъ свое стремленіе за Дунай, и во второй половинѣ VII вѣка значительная ихъ часть поселяется въ Мизіи и Фракіи, гдѣ она находитъ нѣкоторыхъ своихъ соплеменниковъ, успѣвшихъ поселиться тамъ ранѣе, а также и нѣкоторые другіе славянскіе роды, очевидно слишкомъ слабые, чтобы противиться такому наплыву. Слѣдовательно, это была только эпоха окончательнаго утвержденія Болгарскаго народа на южной сторонѣ Дуная, послѣ того, какъ этотъ народъ уже долго жилъ на его сѣверной сторонѣ и высылалъ отъ себя дружины въ Мизію, Паннонію, Илирикъ и даже за Адриатиче-

ское море“ (стр. 186). Мы принимаемъ тутъ все, кромѣ той прибавки, что Гунно-Болгары, помимо семи Славянскихъ (не-болгарскихъ) племень, нашли здѣсь и своихъ родичей Болгарь, то-есть, по Д. И. Иловайскому, тоже Славянъ, но только другихъ. Кажется, что даже съ точки зрѣнія самаго автора „Разысканій“ такое удвоеніе первоначальнаго славянства не представлялось необходимымъ. Можно было обойтись и семью Славянскими племенами, объявивъ ихъ за Гунно-Болгарь, водворившихся здѣсь равнѣ. Болгарь же въ общепринятомъ смыслѣ, то-есть, туранскихъ неславянскихъ завоевателей многочисленнаго славянскаго населенія, прежде распространившагося на Балканскомъ полуостровѣ, во всякомъ случаѣ у Д. И. Иловайскаго не предполагается. Д. И. Иловайскій думаетъ, что ему довольно будетъ отдѣлаться отъ Теофана и Никифора, отличающихъ Болгарь Аспаруха отъ Славянъ, ими покоренныхъ, и главная часть его задачи, на сколько дѣло касается историческихъ свидѣтельствъ, благополучно разрѣшена и покончена. Но онъ сильно ошибается; какъ и въ вопросѣ о Гуннахъ, онъ умолчалъ о другихъ весьма авторитетныхъ свидѣтельствахъ—не говоримъ, что намѣренно. Пропущенъ, во первыхъ, Генесій, одинъ изъ лучшихъ Византійцевъ первой половины X вѣка. Онъ прямо даетъ намъ знать, что Болгаре одного происхожденія съ Аварами и Хазарами, а не Славяне: Ἀρχηγὸς Βουλγαρίας, οἷς τὸ γένος ἐξ Ἀβάρων τε καὶ Χαζάρων (pag. 85). Пропущенъ другой писатель X вѣка, извѣстный Левъ Діаконъ. Онъ пишетъ (pag. 103), что по извѣстнымъ ему преданіямъ, Мисы, то-есть, Болгаре, суть выселившаяся вѣтвь или колонія сѣверныхъ Котраговъ, Хазарь и Хунавовъ: Δέγεται γάρ Μισοὺς ἀπὸ τοῦ τοῦ ἰσπερβόρεων Κωτράγων, Χαράων τε καὶ Χουναβών¹⁾. Опущены тѣ мѣста въ византійскихъ хроникахъ и сказаніяхъ, гдѣ среди одной враждебной толпы, угрожающей Византіи, Болгары отличаются отъ Славянъ (уже не отъ Славиновъ), между тѣмъ какъ именно указаніе двойнаго состава въ государствѣ, основанномъ Аспарухомъ, особенно интересно по сравненію съ позднѣйшими временами; когда, вслѣдствіе совершившагося сліянія обоихъ элементовъ, различіе сдѣлалось не нужнымъ, стали

¹⁾ Такъ читается въ рукописи; Гаге поправилъ Хараровъ на Хазарь, что можно принять въ виду вышеприведеннаго мѣста Генесія (хотя у насъ есть прилагательное харалужный), а Хуनावовъ на Хумановъ, чего уже принять нельзя. Хунавы вѣроятно тождественны съ Вар—Хуни, то-есть, съ Аварами у Симокатты.)

всегда писать просто Болгаре вмѣсто прежняго: народъ Болгаро-Славянскій, λαὸν τῶν Βουλγάρων καὶ τῶν Σλάβων (Theophan. pag. 573 подъ 697 г.; ср. pag. 667, 673 подъ 754, 756 г. и Nicephor. pag. 69, ed. de Boor). Опущены весьма важныя и знаменательныя мѣста изъ сказанія о дѣяніяхъ и чудесахъ св. Димитрія Солунскаго, происхождение котораго относится именно къ VIII вѣку. Здѣсь мы находимъ, что еще подъ аварскою властію различаются племена Славянскія отъ Болгарскихъ: πάντα βάρβαρα φύλα συναθροίσας, ἅμα τε τῶν πάντων Σχλαβίνων καὶ Βουλγάρων (Tougaard, De l'histoire profane dans les actes grecs, pag. 130); да и въ позднѣйшее время—уже въ VIII столѣтіи — языкъ славянскій отличается отъ болгарскаго (ibid., pag. 190: καὶ τὴν καθ' ἡμᾶς ἐπιστάμενον γλῶσσαν καὶ τὴν Ρωμαίων, Σχλάβων καὶ Βουλγάρων). Слѣдуетъ ли напомнить слова первоначальной Русской лѣтописи: „славянску языку... живуццю на Дунаи, придоша отъ Скуфъ, реше отъ Коваръ, рекомии болгаре, сѣдоша по Дунаеви, насилници словѣномъ быша?“ — Итакъ, принимая въ расчетъ: 1) родство Болгаръ съ Гуннами, неславянство которыхъ вѣдъ всякаго сомнѣнія, 2) свидѣтельство Теофана и Никифора, которое никакъ не можетъ быть считаемо совершенно легендарнымъ, и 3) опущенный рядъ другихъ свидѣтельствъ, мы должны съ точки зрѣнія историческихъ данныхъ отвергнуть всякую попытку ослабить и затемнить разными запутанными и произвольными умствованиями простой смыслъ историческаго преданія.

Затѣмъ слѣдуютъ доказательства этнографическія, которымъ посвящены четвертая, пятая и отчасти шестая главы основнаго изслѣдованія о Болгарахъ. Намъ нѣтъ нужды излагать содержаніе этихъ главъ; въ нихъ отчасти содержится повѣствованіе о событіяхъ, не имѣющихъ прямого отношенія къ главной темѣ, къ вопросу о племенномъ родствѣ Болгаръ, отчасти опровергаются выводы, сдѣланныя прежними изслѣдователями въ пользу финскаго или турецкаго происхожденія Болгаръ изъ сопоставленія данныхъ о нравахъ и обычаяхъ. Пріемъ Д. И. Иловайскаго въ этихъ случаяхъ всегда одинъ и тотъ же. Если онъ найдетъ подходящую черту у другихъ народовъ, хотя бы Германскихъ, а тѣмъ болѣе Славянскихъ, то онъ съ торжествомъ это отмѣчаетъ, какъ указаніе на принадлежность Болгаръ къ Индо-Европейскому племени; если же нѣтъ, особенно если окажется чтò противное, то онъ возвращается къ своему любимому, хотя къ основѣ и вѣрному, но отчасти даже злоупотребляемому положенію, что для рѣшенія этнографическихъ вопросовъ сход-

12

часть ссххii, отд. 2.

ство и различіе обычаевъ не представляетъ надежной основы. Въ самомъ лучшемъ случаѣ такимъ способомъ можно только поколебать чужую теорію, а не свою укрѣпить. Отметимъ все-таки нѣкоторыя частности. Въ извѣстномъ уже намъ текстѣ Прокопія: Славяны и Анты имѣютъ гуннскій нравъ—на мѣсто Гунновъ подставляются Болгары, и отсюда уже извлекается нѣчто въ пользу племеннаго родства Болгаръ и Славянъ. Рядомъ сообщается замѣтка Свида, что Болгаре переимѣнили свою одежду на аварскую, и является предразсужденіе уже въ другую сторону: самое-де это замѣчаніе показывается, что Болгаре и Аваре не считались однимъ и тѣмъ же племенемъ (почему не народомъ?). Но вѣдь и о замѣчаніи Прокопія можно было сказать то же самое. Жаль, что исследователь опять опустилъ изъ виду одно важное сочиненіе по военному искусству, въ которомъ, какъ у Маврикія, и даже съ заимствованіями у послѣдняго, описываются племенные отличительныя качества различныхъ народовъ. Разумѣемъ Тактику Льва Мудраго. То, что прежде Маврикій говорилъ о Гуннскихъ народахъ, это теперь прилагается къ Болгарамъ. Припомнимъ что Гуннскіе народы Маврикія представляютъ группу отличную отъ Славянскихъ; такъ это и теперь остается, ибо съ кѣмъ объединяются Болгаре въ одинъ отдѣлъ? Съ Турками, подъ которыми у Льва разумѣются Мадьяры: „Привычки и военный строй Турокъ мало чѣмъ или даже ни чѣмъ не отличаются отъ Болгарскихъ“ (Constitut. XVIII § 45, Migne, Patrolog. graeca CVII, 957). Болгары и Турки у Льва входятъ въ одинъ разрядъ, обозначаемый выраженіемъ „Скинскіе народы“; Славянскіе народы опять представляютъ нѣчто отдѣльное, и рѣчь о нихъ идетъ ниже (§ 99—107). Важны при этомъ подробности, которыхъ мы не можемъ здѣсь приводить, потому что это было бы слишкомъ длинно; въ нихъ въ самомъ дѣлѣ выступаютъ наружу, какъ и до сихъ поръ въ военной организаціи каждаго отдѣльнаго народа, самыя основныя черты племеннаго характера, темперамента, а вмѣстѣ съ тѣмъ быта и культуры.

Затѣмъ слѣдуютъ филологическія доказательства (стр. 203), состояція изъ разбора собственныхъ именъ болгарскихъ, сохранившихся въ источникахъ, и отчасти техническихъ выраженій, означющихъ чины и званія. Что сказать объ этихъ доказательствахъ—мы затрудняемся. Проф. Макушевъ, извѣстный специалистъ славянскихъ нарѣчій, выразился о словопроизводствахъ автора „Разысканій“ кратко, что онѣ не состоятельны и произвольны (Разысканія, стр. 425); таково же мнѣніе, сколько мы знаемъ, и всѣхъ

другихъ специалистовъ. Самъ Д. И. Иловайскій, по видимому, не приписываетъ этимъ своимъ доказательствамъ достоинства несомнѣнности и обязательности; онъ только хочетъ подорвать нашу вѣру въ непреложность общепринятой системы объяснять не славянскими языками такія слова, какъ тарханъ, кавканъ, аулъ, и такія собственные имена, какъ Кормисошъ, Тохта, Аспарухъ и т. д., и для этой цѣли онъ внушаетъ намъ, что если постараться, то тѣ же слова съ равнымъ успѣхомъ можно будетъ протолковать и по-славянски. Въ сожалѣнію, первый опытъ, сдѣланный самимъ авторомъ, оказывается весьма мало поощрительнымъ. Вѣроятно и отчасти даже несомнѣнному онъ вынужденъ былъ противопоставлять невозможное, иногда почти нелѣпое, хотя, конечно, въ видѣ примѣра. Отвѣчая г. Макушеву, Д. И. Иловайскій пишетъ: „По его словамъ выходитъ, будто я положительно объясняю Куврата коловратомъ, Батбая—батьшкой и т. д.; а между тѣмъ, я предлагаю только примѣрныя сближенія. Какія изъ нихъ окажутся удачны, какія неудачны, пусть рѣшитъ безпристрастная филологическая наука; можетъ быть, нѣкоторыя она приметъ къ свѣдѣнію. Но пока никто не далъ равно никакихъ объясненій для этихъ именъ; мы встрѣчаемъ только голое заявленіе, что онѣ якобы не славянскія и не могутъ быть славянскими. Возьмемъ хоть имя Кормисошъ. Спрашиваю: почему бы оно не могло быть славянскимъ? почему, напримѣръ, оно не можетъ быть одного корня съ словами кормило или кормчій, или кормъ и кормилецъ? Въ самомъ дѣлѣ, пусть г. Макушевъ по всѣмъ правиламъ филологическаго искусства попытается доказать, что этого не можетъ быть на основаніи такихъ-то и такихъ-то лингвистическихъ законовъ. Голословно то отрицать можетъ всякій; для этого не нужно быть ученымъ специалистомъ“ (стр. 425). Г. Макушевъ не отвѣчалъ, и вѣроятно, не отвѣтитъ. Дѣло въ томъ, что есть вопросы, съ которыми не слѣдуетъ обращаться къ специалистамъ, на которые имъ отвѣчать совѣстно, которые имъ задавать стыдно. И не будучи специалистомъ филологин, авторъ „Разыскавій“ самъ могъ разсудить, что если онъ производитъ собственное имя Кормисошъ отъ корма или кормъ, то значить, разлагаетъ его на двѣ части: корми—сошъ; и если онъ сравниваетъ его съ кормилецъ, то значить, считаетъ сошъ за простой суффиксъ но гдѣ же виданъ и слыханъ такой славянскій суффиксъ? Гдѣ другія собственные имена, составленныя такимъ же способомъ? Такой же вопросъ возбуждаетъ и предполагаемый въ имени Телериха суф-

фиксъ рѣк. Шафарикъ, не признававшій Телериха славянскимъ словомъ, конечно, не забывалъ о собственномъ своемъ имени, но только не зналъ секрета, указаннаго Д. И. Иловайскимъ, что можно добывать всякіе суффиксы, по произволу отсѣкая въ концѣ слова кусочекъ то побольше, то поменьше. Послѣ изученія филологическихъ доказательствъ Д. И. Иловайскаго сильнѣе убѣждаешься, что не только слова тарханъ и аулъ, но и собственные имена лучше объясняются изъ тюркскаго, чѣмъ изъ финскаго, и что они совсѣмъ не объяснимы изъ славянскаго.

Въ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ полемическаго характера Д. И. Иловайскій дополнилъ свои доводы въ пользу славянства Болгаръ еще другими соображеніями, которыя мы передаемъ его собственными словами (Разысканія, стр. 432—443):

„Я счелъ нужнымъ рассмотреть критически всѣ три стороны: историческую, этнографическую и филологическую. А между тѣмъ, строго говоря, эта полнота для меня не была обязательною въ данномъ случаѣ. Всѣмъ толкамъ и умствованіямъ о неславянскомъ происхожденіи Дунайскихъ Болгаръ историкъ можетъ противопоставить свое veto единственно на томъ основаніи, что быстрое и радикальное превращеніе народности завоевателей и основателей государства въ народность, ея покоренную и очевидно ея слабѣйшую, такое превращеніе возможно только въ сказкѣ, а не въ исторіи; въ послѣдней примѣровъ ему нѣтъ и быть не можетъ. Только при недостаточномъ сознаніи этого неизмѣннаго историческаго закона, то-есть, при недостаточной зрѣлости нѣкоторыхъ отдѣловъ исторической науки, и могла явиться помянутая теорія. Правда, это неестественное превращеніе уже бросалось въ глаза и указывалось прежде; но противники славянства Болгаръ какъ-то легко обходили его или прибѣгали къ разнымъ искусственнымъ и произвольнымъ домысламъ въ родѣ предполагаемой воспримчивости и благодущія дикихъ Угро-Финновъ. А если имъ указывали на сосѣднюю Венгрію, представляющую совершенно противоположный примѣръ, то сочиняли невѣроятную малочисленность завоевателей или измышляли огромное вліяніе различныхъ географическихъ условій и т. п. Если и приводились какія аналогіи въ подтвержденіе этой теоріи, то обыкновенно самыя неподходящія. Напримѣръ, можно ли ссылаться на обрусеніе нашихъ финскихъ инородцевъ, которые болѣе всего и показываютъ, какъ туго, медленно, постепенно въ теченіе многихъ столѣтій претворяются они въ господствующую народность, и замѣтите—

въ господствующую, а не въ подчиненную, какъ это выходитъ въ данномъ случаѣ. Финское племя (равно и Татарское), безспорно, есть одно изъ самыхъ неподатливыхъ на превращенія; а если оно получило въ свои руки правительственную, политическую силу, то для нашего поколѣнія ученыхъ наивно было бы и говорить о подобномъ превращеніи. Далѣе, существуетъ ли хотя какая-нибудь аналогія между Болгарами Дунайскими и германскими завоевателями на романской почвѣ? Франки завоевали Галлію и слились съ покореннымъ населеніемъ. Сочтите однако, сколько вѣковъ происходило это постепенное сліяніе. Хлодвигъ былъ Германецъ; но и Карлъ Великій, царствовавшій три вѣка спустя, тоже былъ Германецъ. Франки мало по малу уступали только силѣ высоко развитой римской гражданственности и при своемъ сліяніи все-таки не перешли ни въ Галловъ, ни въ Римлянъ, а образовали съ ними новую романскую національность и внесли въ лексиконъ языка свою значительную стихію. Сочтите также, сколько вѣковъ Лангобарды сливались съ туземнымъ населеніемъ Италіи и точно также не просто обратились въ этихъ туземцевъ, а образовали съ ними новую романскую народность и выработали особый романскій языкъ. Не забудьте также при этомъ могущественное объединительное вліяніе латинской іерархіи. Подобные примѣры не допускаютъ и мысли о быстромъ и совершенномъ превращеніи финской орды завоевателей въ покоренную ею славянскую народность. Исторія не только не представляетъ намъ примѣровъ подобнаго превращенія, а наоборотъ постоянно являетъ примѣры противоположнаго свойства, то-есть, живучести роднаго языка и племенныхъ особенностей при тѣсномъ сожителствѣ различныхъ расъ“.

Отдавая съ своей стороны полную справедливость этимъ двумъ страницамъ, считая ихъ прекрасными въ литературномъ отношеніи, мы все-таки не находимъ тутъ достаточно убѣдительнаго отвѣта на соображенія противниковъ. Даемъ читателю возможность самому выслушать *alteram partem*. Заимствуемъ изъ сочиненія г. Матвѣя Соколова соответствующія двѣ страницы (93—94):

„Слѣдуетъ коснуться одного возраженія, которое дѣлается противъ турскаго (или по старой терминологіи: тюрко-финскаго) происхожденія Болгаръ, такъ какъ оно связано съ вопросомъ объ отношеніи ихъ къ Славянамъ. Обыкновенно указываютъ на невѣроятную быстроту исчезновенія болгарскаго элемента на Балканскомъ полуостровѣ: Болгаре-де являются чистыми Славянами уже въ срединѣ IX вѣка—какъ же они успѣли переродиться въ Славянъ менѣе, чѣмъ

въ два столѣтія? Въ этомъ возраженіи нужно сдѣлать два ограниченія: вопервыхъ, нельзя утверждать, что болгарскій элементъ совсѣмъ исчезъ къ половинѣ IX вѣка, вовторыхъ, вліяніе Славянъ на Болгарь началось не съ переселенія ихъ за Дунай, а гораздо раньше. Болгаре появляются въ придунайскихъ краяхъ и дѣлаютъ нападенія на имперію вмѣстѣ съ появленіемъ Славянъ подъ ихъ собственнымъ именемъ. Должно согласиться съ мнѣніемъ, что Болгаре разошлись изъ своего первоначальнаго мѣстопробыванія въ Европѣ, именно изъ степей между Кубанью, Волгой и Дономъ, ранѣе VII вѣка, ранѣе смерти Куврата, но при этомъ они неизбежно должны были сталкиваться со Славянами. Если уже между Гуннами и Славянами предполагаютъ близость отношеній и извѣстное вліяніе послѣднихъ на первыхъ, то тѣмъ болѣе это нужно допустить относительно Болгарь. Очень можетъ быть, что и въ Аспаруховой ордѣ былъ элементъ славянскій.

„Что касается до продолжительности существованія болгарскаго элемента на Балканскомъ полуостровѣ, то несомнѣнно, что онъ держался и послѣ крещенія Болгарь. Сами противники тюрко-финской теоріи говорятъ, что исключительный случай былъ бы, если бы цѣлое племя совершенно и быстро исчезло. Возможность сохраненія болгарскаго элемента видна изъ самаго положенія Аспаруховой орды, которое она заняла на Балканскомъ полуостровѣ. Болгары заняли главнымъ образомъ Добруджу, страну удобную для пастбищъ коней. Мѣстныхъ жителей они выселили на границы занятой ими земли, чтобы очистить мѣсто для пастбищъ своихъ табуновъ. Земледѣіемъ они конечно не занимались и жили военнымъ грабежемъ и данью, которую по временамъ получали отъ Византіи, а также трудомъ обращеннаго въ зависимость мѣстнаго и сосѣдняго съ ихъ жилищами населенія. Положеніе ихъ въ сѣверо-восточномъ углу Болгаріи такимъ образомъ было изолированнымъ, и здѣсь-то всего долѣе могъ сохраниться ихъ первоначальный характеръ. Здѣсь же въ позднѣйшее время всего легче утверждались и другіе азіатскіе народы, какъ на примѣръ, Половцы, Татары; очень можетъ быть, что это объясняется не однимъ только степнымъ характеромъ страны, но и тѣмъ, что они находили здѣсь сходные элементы въ жителяхъ. Но въ этомъ положеніи орды Аспаруха отчасти заключается и причина того, что въ государствѣ, основанномъ на Балканскомъ полуостровѣ, возобладалъ мѣстный славянскій элементъ. Орда Аспаруха была не очень многочислена, и въ борьбѣ съ Греками Болгары не могли довольствоваться одними соб-

ственными силами; они организовали для этой цѣли покоренныхъ Славянъ, которые вмѣстѣ съ ними и участвуютъ въ походахъ. Участіе славянскаго элемента въ военныхъ дѣлахъ вело, конечно, къ возвышенію Славянъ, открывало свободный доступъ славянскому вліянію на болгарскія дѣла. Въ борьбѣ съ такимъ противникомъ, какъ Византія, нужно было пользоваться именно этимъ славянскимъ элементомъ, такъ какъ Славяне были уже хорошо знакомы съ Ромеями, испытали ихъ вліяніе и могли служить не только своимъ искусствомъ въ дѣлѣ осады крѣпостей и городовъ,—искусство, которымъ они отличались еще ранѣе при своихъ нападеніяхъ на греческіе города вмѣстѣ съ Аварями, отъ которыхъ вѣроятно многому и научились,—но главнымъ образомъ въ дѣлахъ, требовавшихъ сравнительно высшаго развитія въ смыслѣ византійскомъ. Поэтому мы и видимъ, при Крумѣ, напримѣръ, славянскихъ совѣтниковъ и пословъ (Драговитъ). Эти покоренные Славяне служили конечно переводчиками, зная мѣстные языки славянскій, ромейскій и болгарскій (какъ это видимъ при послѣднемъ нападеніи на Солунь, когда совѣтники болгарскаго предводителя называются знатоками этихъ мѣстныхъ языковъ)⁴.

Къ этому намъ не нужно многого прибавлять. Напрасно Д. И. Иловайскій, нападая на эти страницы (Разысканія, стр. 503), снова наговорилъ цѣлый рядъ запугивающихъ словъ о наивныхъ приемахъ исторической критики, о неосновательныхъ гаданіяхъ, представляющихъ верхе совершенства въ приемахъ антиславистовъ, и т. п. Развѣ въ самомъ дѣлѣ сожительство Славянъ съ Болгарами не составляетъ несомнѣннаго историческаго и географическаго факта? Развѣ они не дѣлали набѣговъ на Византійскую имперію въ одно время и сообща еще въ VI вѣкѣ? Развѣ они не служили рядомъ въ Аварскихъ ополченіяхъ, осаждавшихъ Солунь въ VII вѣкѣ? Что же касается до предположенія о малочисленности Болгаръ, составлявшихъ орду Аспаруха, то развѣ не слѣдуетъ она изъ самаго историческаго преданія, по которому эта орда является только седьмою частью всего народа, состоявшаго подъ властію отцевъ? И развѣ самъ Д. И. Иловайскій, иронизирующій надъ молодымъ славистомъ за это его предположеніе, не считалъ нужнымъ, кромѣ собственно славянскихъ семи родовъ за Дунаемъ, покоренныхъ Аспарухомъ, отыскивать тамъ еще другихъ Славянъ Болгарскихъ, встрѣтившихъ, конечно, новыхъ завоевателей какъ союзниковъ? Наконецъ, развѣ такъ непреложны историческія аналогіи, возводимыя Д. И. Иловайскимъ въ законъ, но предварительно нѣсколько перетолкованныя въ ложную сторону?

Вѣрно то, что Хлодвигъ былъ Германецъ, какъ и Карлъ Великій былъ Германецъ. Но развѣ романскій языкъ, на которомъ говорили сыновья и внуки Карла Великаго и его народы, населявшіе по крайней мѣрѣ цѣлую половину Галліи, образовался только въ теченіе тридцати лѣтъ, протекшихъ отъ его смерти до Вердѣнскаго договора? Развѣ съ воцареніемъ Каролинговъ не соединяется представленія о новомъ приливѣ германскаго элемента въ области, уже давно сдѣлавшіяся романскими? Франки, Вест-Готы и Бургунды несомнѣнно романизовались въ гораздо болѣе короткое время, чѣмъ это ради потребностей своей теоріи представляетъ Д. И. Иловайскій; то же слѣдуетъ сказать и о Лонгобардахъ. Чистое заблужденіе объяснять происхожденіе романскихъ языковъ вліяніемъ германскихъ варваровъ; они въ этомъ весьма мало участвовали. Значительная стихія, внесенная ими въ лексиконъ языка, едва ли много превосходитъ чуждую—тюрскую—стихію въ языкѣ болгарскомъ.

Переходимъ къ Роксоланамъ и къ ихъ тожеству со Славянскою Русью, которое играетъ такую важную роль въ воззрѣніяхъ нашего историка на первоначальный періодъ нашего государственнаго развитія.

„Это тожество есть одно изъ самыхъ главныхъ основаній моей творіи; противъ него я не встрѣтилъ доселѣ ни единого серьезнаго возраженія“ (стр. 379). Говоря объ одной статьѣ Н. И. Костомарова, Д. И. Иловайскій пишетъ: „Онъ, по видимому, сомнѣвается относительно филологическаго тожества Роксоланъ и Руси. Но это тожество мы считаемъ несомнѣннымъ.... Тожество самой страны, въ которой являются и Роксолане, и Русь, не допускаетъ предположенія, чтобы въ ихъ именахъ могло быть только случайное созвучіе“ (стр. 418) „Что касается собственно моей системы, то ее по справедливости называютъ роксаланскою“ (стр. 470) и т. п.

На чемъ основано это причисленіе Роксоланъ къ Славянскому племени? Если мы обратимся къ источникамъ, то найдемъ слѣдующее: Тацитъ прямо называетъ Роксоланъ Сарматскимъ народомъ (*Sarmatica gens*). Это, конечно, немного значить для Д. И. Иловайскаго, ибо онъ и всѣхъ Сарматовъ не затруднится причислить къ Славянамъ (см. стр. 519: Сарматы—это западные Славяне); но это много значить для современной науки, которая Сарматовъ и главныхъ представителей племени, Аланъ, считаетъ иранскою вѣтвю Индо-Европейскаго племени; это много значило для Тацита, въ глазахъ котораго противоположность между Славянами и Сарматами была вполне сознаннымъ фактомъ, убѣж-

деніемъ, основаннымъ на внимательной провѣркѣ всѣхъ данныхъ. „Я колеблюсь, слѣдуетъ ли Певкиновъ, Венетовъ (= Славянъ) и Фенновъ причислить къ Германцамъ или же къ Сарматамъ... Венеты въ своихъ нравахъ многое заимствовали у послѣднихъ; ибо они въ видѣ разбойниковъ бродятъ по лѣсамъ и горамъ, наполняющимъ пространство между Певкинами и Феннами; однако ихъ лучше отнести къ Германцамъ, ибо они строятъ дома, носятъ щиты, имѣютъ навыкъ и ловкость въ пѣшеходствѣ: все это отличаетъ ихъ отъ Сарматовъ, живущихъ въ повозкѣ и на конѣ“. Итакъ: 1) Роксолане—Сарматы, а Венеды (Славяне) должны быть отличаемы отъ Сарматовъ. 2) Венеды (Славяне) имѣютъ постоянныя жилища, а Роксолане—кочевники, живущіе въ вигиткахъ. 3) Венеды (Славяне) — народъ пѣхотинецъ, а Роксолане—прирожденные конники, и въ пѣшему бою совсѣмъ не способны: *Namque mirum dictu, ut sit omnis Sarmatarum virtus velut extra ipsos. Nihil ad pedestrem pugnam tam ignavum; ubi per turmas advenere vix ulla acies obstitit.* Удивительно, какъ вся (военная) доблесть Сарматовъ заключается какъ бы внѣ ихъ самихъ. Въ пѣшемъ сраженіи—нѣтъ ничего болѣе слабаго; а когда они явятся (конными) эскадронами, то едва какой строй устоитъ передъ ними. Это сказано именно по поводу вторженія Роксоланъ въ Мезію въ количествѣ девяти тысячъ всадниковъ. Что же касается привязанности Славянъ къ пѣшему хожденію, то эта черта не исчезла и въ послѣдствіи долго послѣ Тацита. Прокопій писалъ объ Антахъ и Славянахъ: „они ходятъ на врага пѣшіе“; *πεζῆ εἰς τοὺς πολεμίου ἵασιν.* Описание ихъ военныхъ приемовъ и обычаевъ у Маврикія совсѣмъ не предполагаетъ конницы. Левъ Діаконъ, говоря о русской рати Святослава, нѣсколько разъ повторяетъ, что эти Скиѣн, въ противоположность древнимъ, есть, народъ „сражающійся пѣшкомъ и совсѣмъ не умѣющій ѣздить на конѣ“ (pag. 140; ср. 134, 150). Кажется, достаточно основаній считать признакъ серьезнымъ и прочнымъ. 4) Венеды (Славяне) употребляютъ оборонительное оружіе—щиты; послѣ Тацита это было отмѣчено о Славянахъ и Антахъ Прокопіемъ и Маврикіемъ. Роксолане, какъ кочевники и наѣзники, знаютъ только легкое вооруженіе и щитовъ не употребляютъ: послѣднее прямо сказано Тацитомъ, какъ будто онъ нарочно хотѣлъ опровергнуть какую-нибудь роксоланскую теорію: *Neque enim scuto defendi mos est.* (Histor. I, 79).

Повторяемъ вопросъ: на чемъ же основывается причисленіе Роксоланъ къ Славянамъ? Способъ доказательства выходитъ слѣдующій: Роксолане должны быть считаемы Славянами, потому что они на нихъ

ни въ чемъ не похожи. Когда такіе аргументы будутъ признаваться убѣдительными, тогда и мы будемъ считать роксоланскую теорію Д. И. Иловайскаго серіозною.

Ради своихъ цѣлей автору „Разысканій“ нужно было показать, что Роксолане непрерывно существовали до самаго появленія Руси и на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ послѣ образовалось Русское государство. Онъ приводитъ рядъ свидѣтельствъ, изъ которыхъ должно слѣдовать то и другое, но безъ всякой критики и разбора. Если же мы захотимъ добратся правды, то вотъ основныя данныя, которыхъ слѣдуетъ держаться: 1) Во времена Страбона Роксолане жили между Дономъ и Днѣпромъ (ср. Разысканія, стр. 273); но уже при Неронѣ они двигаются къ Дунаю и вторгаются въ предѣлы Римской имперіи, въ Мезію; здѣсь, близъ Дуная, они остаются во второмъ и въ третьемъ вѣкахъ, какъ показываютъ всѣ извѣстія такъ-называемыхъ „писателей исторіи Августовъ“ (*Scriptores historiae Augustae*), приведенныя въ „Разысканіяхъ“; они считаются въ числѣ Понтійскихъ народовъ, угнетавшихъ Римлянъ на нижнемъ Дунаѣ; иногда они переходили на южную его сторону и вступали въ римскую службу, ибо они принимаютъ участіе въ солдатскихъ римскихъ переворотахъ... Желая показать, что Роксолане не оставляли и своихъ старыхъ жилищъ даже до IV вѣка и долѣе, Д. И. Иловайскій ссылается на Певтингеровы таблицы и на Амміана Марцеллина: „Певтингеровы таблицы и Амміанъ Марцеллинъ помѣщаютъ Роксоланъ вблизи Меотиды“. Но дѣло въ томъ, что Д. И. Иловайскій нигдѣ не сообщилъ читателю яснаго представленія, что такое были Певтингеровы таблицы, и какую эпоху они изображаютъ. „Певтингеровы таблицы обнимаютъ время отъ Августа до Юстиніана включительно“, сказано въ одномъ мѣстѣ „Разысканій“ (стр. 380) со ссылкой на Дежардена, новѣйшаго издателя ихъ и толкователя. Какъ, однако, можетъ одна и та же географическая или дорожная карта сразу изображать столь различныя географическія положенія и столь далеко отстоящіе одинъ отъ другаго періоды, какъ время Августа и царствованіе Юстиніана—это остается совершенно темнымъ. Римскій путеуказатель, на одиннадцати пергаментныхъ листахъ изображающій графически—хотя и безъ соблюденія проекціи и масштаба, но за то съ численными цифровыми обозначеніями—разстоянія между станціями на военныхъ дорогахъ и названный по имени стариннаго владѣльца единственнаго отысканнаго въ XVI вѣкѣ экземпляра Пейтингеровымъ (*Conrad Peutinger*),—считался до послѣдняго времени средневѣковою копіею (XIII вѣка) съ римскаго подлинника, принадлежавшаго

III вѣку или началу IV, представляющимъ положеніе именно за это время. Результатъ изслѣдованія Дежардена заключается въ томъ, что карта оказалась составленною не вдругъ, не за одинъ разъ, а элементы, изъ которыхъ она образовалась, принадлежащими различнымъ эпохамъ—времени Августа, царствованію Траяна, половинѣ IV вѣка, правленію Юстиніана, наконецъ кое-что прибавленнымъ по домыслу монаха-копіиста XIII вѣка; Италія, напримѣръ, изображена такъ, какъ она дѣлилась при Августѣ, Дакія—такую, какъ она была при Траянѣ. Именно полное отсутствіе именъ, сдѣлавшихся извѣстными въ вѣкѣ Юстиніана (хотя бы Автовъ и Склавиновъ, Гунновъ или Болгарь,—такъ какъ и народныя имена обозначаются поверхъ дорожныхъ линій), доказываетъ, что при-Дунайскія области изображены на картѣ не въ томъ видѣ, какъ онѣ представлялись въ VI вѣкѣ, а соотвѣтственно гораздо болѣе ранней эпохѣ, именно началу II вѣка. Другими словами, Певтингерова карта, помѣщая Роксоланъ за Днѣпромъ и Бугомъ, говоритъ о той же самой эпохѣ пребыванія Роксоланъ на Мэотидѣ, которая извѣстна намъ по Страбону (и Птолею), и которая предшествовала ихъ передвиженію къ римскимъ границамъ на Дунай. Д. И. Иловайскій, конечно, ссылается и на Амміана Марцелина, помѣщающаго Роксоланъ около Мэотійскаго озера, но вотъ именно здѣсь-то и отмстило за себя незнакомство съ вышеупомянутыми изслѣдованіями новыхъ ученыхъ—въ числѣ ихъ такой знаменитости, какъ Т. Моммсенъ—о географическихъ отрывкахъ Амміана Марцелина. Моммсенъ весьма убѣдительно и наглядно показалъ, что Амміанъ заимствовалъ свои эпизодическія вставки географическаго характера изъ одной компиляціи II вѣка, представлявшей извлеченіе изъ Плинія и Мелы. Теперь, когда истинное положеніе дѣла указано, и безъ чужой помощи легко убѣдиться, что по отношенію къ IV вѣку географическое описаніе южной Россіи у Амміана Марцелина сплошь наполнено анахронизмами.—Обращаемся къ Иордану. Если послушать Д. И. Иловайскаго, то окажется, что у этого писателя можно найти цѣлый рядъ извѣстій о Роксоланахъ въ желанномъ смыслѣ и на желанномъ мѣстѣ:

„Иорнандъ, писатель VI вѣка, въ числѣ народовъ, подвластныхъ Готскому царю Германриху, приводитъ Рокасовъ (Rocas), которыхъ въ другомъ мѣстѣ называетъ ихъ сложнымъ именемъ Роксаланъ и изображаетъ ихъ народомъ вѣроломнымъ, погубившимъ Германриха. Послѣдній за измѣну одного знатнаго Роксаланина (по видимому, передавагося на сторону Гунновъ) велѣлъ жену его Санелгу привязать

къ дикимъ волямъ и размыкать по полю; тогда два ея брата, Сарусъ и Амміусъ, мсти за смерть сестры, нанесли тяжкую рану Германриху, такъ что онъ послѣ того не могъ сражаться съ Гуннами и вскорѣ умеръ (Сар. 24). Изъ этого извѣстія съ полною вѣроатностію можно заключить, что движеніе Гунновъ произошло въ связи съ возстаніемъ Роксаланъ противъ готскаго владычества.... Иорнандъ сообщаетъ и о дальнѣйшей враждѣ Готовъ и Роксаланъ; только послѣднихъ онъ въ этомъ случаѣ называетъ Антами. Преемникъ Германриха Винитаръ напалъ на Антоу и былъ сначала побѣжденъ, но потомъ взялъ ихъ князя Бокса и распялъ на крестѣ съ его сыновьями.... Очевидно, онъ мстилъ Антамъ-Роксоланамъ за ихъ возстаніе противъ готскаго владычества и за союзъ съ Гуннами“ и т. д. (стр. 275 прим.).

„Послѣ удаленія Готовъ и Гунновъ на западъ, Роксолане, по видимому, снова заняли прежнее первенствующее положеніе въ странахъ къ сѣверу отъ Понта; судя по словамъ того же Иорнанда, въ его время Дакія (называвшаяся тогда и Гепидія) опять граничила съ Роксоланами“.

Сколько въ этомъ правды? Весьма мало. Вѣрно только то, что Иорданъ помѣщаетъ Роксоланъ и за свое время, и за прошедшее на востокъ отъ Днѣпра или даже Прута, въ нынѣшней Трансильваніи и Валахія: „Готія, которую предки называли Дакією, и которая нынѣ именуется Гепидією, съ востока граничила съ Роксоланами, съ запада — съ Язигами... Иба Язиги отдѣляются отъ Роксоланъ только рѣкою Алютою“ (Ольтою). *Nam Iazyges ab Aroholanis Aluta tamen fluvio segregantur* (сар. 12). Вотъ и все, что есть у Иордана о Роксоланѣхъ. Съ какой стати къ Роксоланамъ причислены и Рокасы, или какъ читается въ важнѣйшихъ рукописяхъ и новѣйшихъ лучшихъ изданіяхъ, Рогасы (*Rogas* у Моммзена, *Rogans* у Голдера),—мы не понимаемъ. Они стоятъ въ извѣстномъ перечисленіи Финскихъ племенъ, подвластныхъ Германриху: *Merens, Mordens, Imniscaris* (вмѣсто прежняго *Rimniscans*), *Rogas, Tadzans*. Въ порядкѣ перечисленія видна нѣкоторая систематичность; за Весью и Мерею слѣдуетъ Мордва, Черемисы: ужели же вдругъ Иорданъ перескочилъ съ сѣвера на крайній югъ? Притомъ о покореніи Германрихомъ Славянъ (Венедовъ) рѣчь идетъ ниже и особенно. То же самое и относительно знатнаго Роксоланина, мужа Санелги: онъ явился на свѣтъ Божій по недоразумѣнію. Племя и родъ, къ кото-

рому принадлежалъ мужъ Сунильды ¹⁾, названо у Иордана Росомонскимъ, а не Роксоланскимъ: *Rosomonogum gens infida, quae tunc inter alias illi famulatum exhibebat* (cap. 24). Ни въ одной рукописи нѣтъ варианта, который сколько-нибудь оправдывалъ бы превращеніе Росомоновъ въ Роксоланъ ²⁾, которые, притомъ, въ спискахъ наиболѣе надежныхъ и древнихъ именуется собственно Ароксоланами. Конечно, довольно трудно угадать, кто были эти Росомоны. Мы видимъ, что Мюлленгофъ считаетъ это имя эпическимъ или даже мифическимъ, прибавляя, что тутъ нелѣпо думать о Роксоланахъ. Мы съ своей стороны скорѣе предложили бы отождествленіе съ Ормусками Менадра, живущими гдѣ-то около Кубани, и Росмосоками, кавказскимъ Гунскимъ народомъ, упоминаемымъ у армянскаго писателя X вѣка, Моисея Каганкатваца ³⁾. Наконецъ, въ довершеніе всѣхъ своихъ произвольныхъ дѣйствій, уже безъ всякой хотя бы тѣни основанія Д. И. Иловайскій вздумалъ насъ увѣрять, что Иорданъ ни съ того, ни съ сего назвалъ Роксоланъ Антами. Предъ этимъ умолкаетъ всякая критика.

Послѣдній козырь, которымъ авторъ „Разысканій“ хочетъ выиграть дѣло Роксоланъ, есть Равеннскій географъ: „Однако названіе Роксолане (вопреки мнѣнію норманистовъ) не исчезло изъ исторіи послѣдующихъ вѣковъ. Мы его встрѣчаемъ въ IX вѣкѣ, и опять у латинскаго писателя, именно у географа Равеннскаго. Онъ два раза упоминаетъ въ восточной Европѣ страну Роксоланъ, за которую далеко къ океану лежитъ великій островъ Скиоія или Свандза, то-есть, Скандинавія (Б. I. с. 12 и L. IV. с. 4)“. Но у Равеннскаго географа упоминается очень много такого, что уже совсѣмъ отжило къ IX вѣку. На ряду съ Роксоланами у него фигурируютъ и Амазонки; Роксолане у него такой же отголосокъ старыхъ традицій древней географіи, какъ и Амазонское царство. Мы имѣемъ полное право сказать,

¹⁾ По другому чтенію Сванигильды; *Sanella*—чтеніе совсѣмъ почти неоправданное рукописями; только въ одной изъ менѣе важныхъ читается *Sunielh*.

²⁾ Варианты, волиѣ приведенные у Моммзена, суть слѣдующіе; *Rosomagogum, Rosomogum, Rosimagogum*. Въ прежнихъ изданіяхъ читалось тоже *Rosomagogum*.

³⁾ Исторія Агванъ. Переводъ К. П. Патканова стр. 73: «Въ то время царь Росмосоковъ съ своими войсками и полчищами Фовельскими собралъ также всѣ войска Гуниновъ, перешелъ рѣку Куръ и приказалъ нашествовать на Агванію, Арменію и Иверію». Стр. 76: «Самъ великій царь Росмосоковъ». Ср. *Menandri Fragm. Historiei graeci minores*, ed. *Dindorf*, II, 55: τὸ φῶλον τῶν Ὀρομοσγῶν.

что со времени Готовъ или Иордана, ихъ историка, прекращаются живыя свѣдѣнія о Роксоланскомъ народѣ, принадлежавшемъ къ Сарматскому племени. Ни къ славянству, ни къ Руси онъ не имѣеть никакого отношенія. Таковъ исходный пунктъ роксоланской теоріи происхожденія Русскаго государства. Роксолане вовсе не принадлежали къ тому племени, къ которому требовалось ихъ причислить, жили не тамъ, гдѣ имъ слѣдовало бы оставаться для потребностей теоріи, и наконецъ, не дожили до того времени, до котораго имъ было бы нужно дожить, чтобы превратиться изъ Роксоланъ въ Русь—хотя бы при помощи легкаго насилія со стороны русскаго изслѣдователя, по тихоньку пишущаго Росс-алины въ мѣсто Рокс-аланы. Слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ этой теоріи, придуманной не для того чтобы объяснить, а для того чтобы устранить преданіе русской лѣтописи о началѣ Русскаго государства, не входитъ теперь въ нашу задачу. Скажемъ только, что въ этомъ отношеніи прежде наше мнѣніе, высказанное подъ впечатлѣніемъ перваго ближайшаго ознакомленія съ вопросомъ (см. Розысканія, стр. 367), нисколько не измѣнилось,—какъ, съ другой стороны, не измѣнилось наше совершенно искреннее уваженіе къ другимъ трудамъ Д. И. Иловайскаго по русской исторіи. Онъ, конечно, не посѣтуетъ на насъ, что мы высказали свое мнѣніе объ его взглядахъ на Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ съ полною рѣшительностію и откровенностію. Эти его взгляды именно тѣмъ больше способны сбивать многихъ съ толку, тѣмъ болѣе вредны, чѣмъ выше и безспорнѣе авторитетъ лица, ихъ распространяющаго.

В. Василевскій.

ПО ВОПРОСУ О ШКОЛЬНОМЪ ОБРАЗОВАНИИ ИНОРОДЦЕВЪ- МУСУЛЬМАНЪ.

Ни одинъ, кажется, вопросъ нашей внутренней жизни не подвергался столькимъ усложненіямъ и всевозможнымъ манипуляціямъ, какъ вопросъ народнаго образованія: и матеріальныя средства на учрежденіе и поддержку разныхъ видовъ школъ, и выборъ предметовъ обученія, и методъ преподаванія, и нравственное направленіе учащихся, все это въ совокупности до сихъ поръ не приведено въ полную ясность.

Къ числу такихъ немаловажныхъ усложненій школьнаго вопроса надобно отнести, безъ сомнѣнія, существованіе въ Россіи значительной массы инородческаго населенія. Еще та часть послѣдняго, которая до сихъ поръ остается въ первобытномъ невѣжествѣ, не представляетъ собою особенныхъ затрудненій: это — пустопорожняя новь, которая пребываетъ въ спокойствіи, пока не дойдетъ и до нея очередь хоть какого-нибудь образовательнаго воздѣлыванія. Возьмемъ, на примѣръ, наиболѣе подвижную часть инородческаго элемента — Калмыковъ. Это — народъ, правда дикій, но здоровый физически, работающій, не испорченный нравственно, чуждый всякаго фанатизма и весьма удобно сживающійся съ русскимъ человѣкомъ. Духовенство калмыцкое не особенно ревниво заботится о цѣлости своей паствы, да и сами адепты ламайской вѣры мало помышляютъ о предметахъ религіозной жизни: они отдають извѣстную дань своимъ богомольцамъ-гелюнгамъ въ видѣ барана или иного какого приношенія и представляютъ имъ вѣдаться съ богами на счетъ спасенія своей души.

Заведуть для нихъ школу, и калмыцкія ребята весьма скоро осваиваются съ новымъ для нихъ бытомъ, скоро овладѣваютъ въ совершенствѣ русскимъ языкомъ и учатся не хуже природныхъ Русскихъ.

Другое дѣло та часть инородцевъ, которая порабощена исламу, располагающему сильнымъ орудіемъ для упроченія своего нравственнаго вліянія на своихъ послѣдователей — грамотностью. Эта грамотность, притомъ, такого свойства, что она, при своеобразности своего строя и исключительности направленія, не только не можетъ служить подспорьемъ къ распространенію образованія въ общегосударственномъ смыслѣ, но еще сама въ себѣ заключаетъ огромную для того помѣху. Общегосударственное школьное образованіе среди мусульманскаго инородчества должно выдерживать сопротивленіе со стороны не первобытной закоснѣлости, а своего рода образованія, чисто мусульманскаго. Тутъ ужъ приходится имѣть дѣло не съ пассивнымъ матеріаломъ, а проявляющимъ свою дѣятельность въ духѣ пропаганды, свойственной вообще мусульманству, и въ частности присущей нашимъ татарскимъ мулламъ. Въ этомъ смыслѣ нельзя не пожалѣть о той неосторожности, съ какою относились у насъ къ религіозной пропагандѣ ислама, допустивъ распространеніе его среди языческаго инородчества. Бѣда, когда къ вопросамъ чисто-практическимъ прилагаются воззрѣнія отвлеченной доктрины: мухамеданство, какъ религія единобожная, считается высшею формою предъ язычествомъ, а потому думаютъ, что и въ практикѣ обращеніе язычника въ мусульманство, такъ-сказать, придвинетъ его ближе одною ступенью къ истинной вѣрѣ христіанской, тогда какъ въ сущности, на оборотъ, омуслиманеніе окончательно заграждаетъ ему путь для перехода въ христіанство, сообщая чуждый ему дотогѣ духъ религіознаго фанатизма.

Въ виду этого всякое вчинаніе, касающееся образованія русскихъ мусульманъ, имѣетъ важное значеніе; всякія по этому вопросу новыя соображенія, новыя проекты обязываютъ всѣхъ, сколько-нибудь интересующихся отечественнымъ благомъ, по мѣрѣ своихъ средствъ отнестись къ нимъ критически и высказать свое мнѣніе, разумѣется, съ цѣлью только способствовать разъясненію дѣла и къ установленію наиболѣе правильнаго на него взгляда. Въ этомъ отношеніи нельзя не выразить признательности управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ, которое, заботясь между прочимъ объ устройствѣ школъ для тамошнихъ мусульманъ, по видимому, держится того же воззрѣнія. Такъ, въ 1880 году попечитель Кавказскаго учебнаго округа выхлопо-

талъ директору Закавказской учительской семинаріи Д. Д. Семенову командировку въ города Казань и Симферополь для осмотра тамошнихъ татарскихъ училищъ съ цѣлію ознакомиться съ организаціей ихъ, дабы добытые результаты могли быть примѣнены съ пользою къ Закавказской учительской семинаріи, особенно въ татарскомъ ея отдѣленіи, а въ приложеніи въ циркулярѣ по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ за 1881 г., № 8, напечатанъ и самый отчетъ г. Семенова. Послѣднее обстоятельство убѣждаетъ насъ, что управленіе готово благосклонно выслушать и постороннія замѣчанія по поводу означеннаго отчета.

Мы вовсе не имѣемъ въ виду разбирать по пунктамъ весь отчетъ, напримѣръ, входитъ въ разсмотрѣніе замѣчаній г. Семенова по поводу тѣхъ или другихъ деталей школьнаго устройства и преподавательскаго метода: это съ большимъ усердіемъ, и кстати замѣтить, съ надлежащею основательностію сдѣлано тѣми, кого ближе всего касались отзывы г. Семенова—учителями Казанской учительской семинаріи. Это весьма утѣшительное доказательство того, что нѣкоторые изъ нашихъ школъ располагаютъ весьма недюжинными педагогическими силами, съ яснымъ сознаніемъ своего призванія, съ достаточною образовательною подготовкою, выработаннымъ методомъ, и главное, съ добросовѣстнымъ и даже страстнымъ отношеніемъ къ тому дѣлу, зная котораго они держатъ. Любопытствующіе могутъ найти эти „Замѣчанія наставниковъ“, какъ они озаглавлены, въ циркулярѣ по Казанскому учебному округу № 10 за 1881 годъ.

Насъ отчетъ г. Семенова собственно интересуетъ своею положительною стороною, тѣми заключительными выводами, къ которымъ г. Семеновъ пришелъ послѣ сдѣланныхъ имъ во время командировки наблюденій надъ постановкою школьнаго дѣла въ осмтрѣнныхъ имъ инородческихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Сколько можно судить по всему содержанию отчета, г. Семеновъ не знакомъ ни съ однимъ изъ нарѣчій, на которыхъ говорятъ наши мусульмане, ни, тѣмъ болѣе, съ мусульманскою, главнымъ образомъ арабскою, литературою, ни съ мусульманскимъ вѣроученіемъ, ни съ духомъ теперешнаго умственно-нравственнаго состоянія нашего мусульманства. Будучи педагогомъ-спеціалистомъ по географіи, если не ошибаемся, г. Семеновъ однако же въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ могъ бы опираться на нѣкоторую свою компетентность, ограничивается весьма поверхностными, хотя зачастую колкими замѣчаніями, насчетъ пріемовъ преподаванія тѣхъ или другихъ учителей; напротивъ того, раз-

сужденія о предметахъ, которые мало доступны ему, ведутся имъ съ особенною охотой и даже увлеченіемъ. Видѣсто того, чтобы держаться строго-объективнаго изложенія своихъ наблюденій, онъ съ ѣдкою отзывается о тѣхъ или другихъ педагогахъ, которые ему почему-либо не понравились, и съ восторгомъ, безъ малѣйшей критики, повторяетъ мнѣнія другихъ, почему-то сразу завоевавшихъ его симпатіи. Особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на него г. Р—въ, о которомъ онъ выражается, что это—„иностранецъ по происхожденію, получившій высшее образованіе въ заграничныхъ университетахъ, извѣстный ориенталистъ, изучившій на мѣстѣ до 12 (шутка ли!) татарскихъ нарѣчій, ознакомившійся съ организаціей прусскихъ и саксонскихъ учительскихъ семинарій, видѣвшій двухъязычныя школы въ Шлезвигъ-Голштиніи, Бельгіи, Швейцаріи и Австріи“ (отчетъ, стр. 2).

„Г. Р—въ“, читаемъ мы въ отчетѣ,—„какъ Европейецъ (?) и какъ педагогъ, придаетъ инородческимъ семинаріямъ весьма важное значеніе не только въ отношеніи просвѣтительномъ, но и государственномъ. Учитель, окончившій курсъ въ татарской школѣ, по мнѣнію его, долженъ быть не только простымъ учителемъ грамоты, но и сѣятелемъ добра и истины, проводникомъ въ темныя фанатическія массы правильныхъ воззрѣній на окружающія явленія природы, на отношеніе людей между собою и къ государству“ (стр. 3). Не правда ли, какъ все это неслыханно-ново?

Г. Р—въ разказалъ г. Семенову, какъ онъ, „организовавши Уфимскую и Казанскую учительскія школы, сдѣлалъ первый пріемъ въ эти школы изъ взрослыхъ молодыхъ людей 20—25 лѣтъ, обучавшихся въ магометанскихъ медресе, достаточно ознакомившихся съ магометанскимъ вѣроученіемъ и арабскимъ языкомъ и получившихъ уже званіе мудеррисовъ, то-есть, учителей; какъ на первыхъ порахъ такимъ молодымъ людямъ было затруднительно усвоеніе русскаго языка, въ особенности разговорнаго, но, благодаря знанію арабской грамматики (sic!), достаточному умственному развитію и приобрѣтеннымъ (гдѣ?) нѣкоторымъ научнымъ знаніямъ, бывшіе мудеррисы, въ теченіе 4-лѣтняго своего пребыванія въ школѣ, основательно (!) изучили русскую грамматику, достаточно освоились съ письменною и разговорною рѣчью и приобрѣли такія серьезныя научныя (!) званія и общее умственное развитіе, что могутъ вполне конкурировать съ муллами на поприщѣ воздѣйствія на умы фанатическаго населенія“.

Такъ разказывалъ г. педагогъ, а г. Семеновъ умилялся и поспѣшилъ все это въ точности записать для своего отчета. Какъ же было

не удивился услыхавъ, что взрослые Татары, въ четыре года и русскій языкъ изучаютъ основательно, и приобрѣтаютъ общее умственное развитіе, и серьезныя научныя знанія! А чтобы видѣть, что это за серьезныя научныя знанія, г. педагогъ показалъ г. Семенову Базанскую учительскую школу, въ которой имѣются: а) обширная химическая лабораторія; б) достаточно полный физическій кабинетъ; в) небольшая астрономическая обсерваторія; г) полная коллекція историческихъ картинъ Лангля; д) собраніе чучелъ и моделей животныхъ и большихъ рисунковъ растений; е) полное собраніе всевозможныхъ географическихъ картъ и картинъ, и проч. Химическая лабораторія вывезена изъ Лейпцига и стоитъ 1,200 руб. Съ помощью этой лабораторіи, вся элементарная физика и химія проходитъ въ 92 опытахъ по руководству Арента, переведенному на русскій языкъ г. Радловымъ (ибо гдѣ же взять учебниковъ по химіи на русскомъ языкѣ?). Въ мезонинѣ устроено помѣщеніе для телескопа, „выписаннаго изъ Майнца за 250 р.“ (Отчетъ, стр. 4—5). Дѣйствительно, такому обзаведенію татарской учительской семинаріи можно только позавидовать. Вся эта учебная арматура потому, изволите видѣть, необходима въ инородческихъ семинаріяхъ—что „вопервыхъ, на невѣрные, но глубоко укоренившіеся взгляды восточныхъ народовъ на явленія природы можно подѣйствовать только путемъ опыта и личнаго наблюденія; вторыхъ, при недостаточномъ знакомствѣ инородцевъ съ русскимъ языкомъ, на которомъ идетъ преподаваніе въ семинаріи всѣхъ предметовъ, наглядное пособіе служитъ иногда единственнымъ средствомъ для учителя выяснитъ преподанное“ (Отчетъ, стр. 5). За то г. Р—въ не придаетъ большого значенія введенію ремеслъ при учительскихъ семинаріяхъ: „Когда надо въ 4 года развить достаточно голову, то о развитіи рукъ думать некогда“, гласитъ приведенное въ выдержкѣ у г. Семенова изреченіе его (стр. 7). Допустивъ, что все это правда, вы затѣмъ ожидаете, что и окончательный выводъ объ основной постановкѣ татарскихъ учительскихъ семинарій будетъ согласоваться съ тѣми теоретическими положеніями и практическими приемами, съ которыми, г. Р—въ познакомилъ г. Семенова. Ничуть не бывало: выводъ, сдѣланный г. Р—вымъ и принятый такъ близко къ сердцу г. Семеновымъ, самаго неожиданнаго свойства, а между тѣмъ онъ въ глазахъ г. Семенова составляетъ главнѣйшее откровеніе, передъ которымъ все прочее сущіе пустяки. Вотъ въ чемъ дѣло: „Г. Р—въ считаетъ крупною ошибкою, что во всѣхъ трехъ татарскихъ учительскихъ школахъ, въ Казани, Оренбургѣ и Симферополѣ, магометан-

ское вѣроученіе поставлено ниже, нежели въ магометанскихъ духовныхъ медресе... и съ особеннымъ удовольствіемъ узналъ отъ меня (то-есть, отъ г. Семенова), что въ Закавказской учительской семинаріи магометанское вѣроученіе поставлено на должную высоту" (Отчетъ, стр. 3). А мотивировано это положеніе слѣдующими соображеніями г. Р—ва: „Можетъ ли“, говоритъ онъ, — „малообразованный учитель парализовать дѣйствіе муллы, который забрасаетъ учителя, малосвѣдующаго въ магометанскомъ вѣроученіи, текстами изъ Корана и свѣдѣніями изъ медицины и астрономіи, заимствованными изъ нѣкогда богатой арабской литературы?“ (Отчетъ, стр. 3). Само собою разумѣется, что для проникновенія въ эту сокровищницу всѣхъ знаній, необходимо, по мнѣнію г. Р—ва, и изученіе арабскаго языка, тѣмъ болѣе, что „благодаря знанію арабской грамматики“ ученики его учительской школы „основательно изучили русскую грамматику и достаточно освоились съ письменною и разговорною рѣчью“, русскою конечно. (Ibid., стр. 3 и 4). Вотъ тѣ капитальныя соображенія г. Р—ва, за которыя горячо ухватился г. Семеновъ, выставляя ихъ альфою и омегою всѣхъ послѣдующихъ своихъ разсужденій о наилучшемъ устройствѣ татарскихъ учительскихъ семинарій, при чемъ справочною книгою ему послужила, при составленіи отчета, брошюра г. Гаспринскаго ¹⁾. И такъ, самое главное въ образованіи нашихъ Татаръ и при томъ „не только въ отношеніи просвѣтительномъ, но и государственномъ“ есть высота магометанскаго вѣроученія и арабская грамматика; а такъ какъ то и другое составляетъ достояніе существующихъ мусульманскихъ медресе, то, слѣдовательно, логически выходитъ, что намъ надобно заводить не учительскія семинаріи, а тоже мусульманскія медресе. Г. Семеновъ и договорился до этого въ своемъ отчетѣ, заявивъ, что уже предполагается въ Тифлисѣ открыть такое медресе, или какъ оно у него названо: высшее духовное мусульманское училище.

Неужели однако въ этихъ новыхъ медресе будутъ преподаваться и физика, и химія, и астрономія, и медицина, и алгебра, и ботаника? Непремѣнно: будутъ преподаваться всѣ тѣ науки, которыя перечислены въ брошюрѣ г. Гаспринскаго и воспроизведены г. Семеновымъ въ его отчетѣ, даже, для пущей важности, съ приведеніемъ соотвѣтственныхъ арабскихъ названій означенныхъ наукъ, только, разумѣется, въ искаженномъ видѣ (Отчетъ, стр. 15).

¹⁾ Русское мусульманство. Симеорополь. 1881.

Когда прочитаешь всю эту премудрость, то невольно приходитъ на мысль стихи Грибоѣдова:

Тутъ все есть, коли нѣтъ обмана:
И черты, и любовь, и страхи, и цвѣты...

Съ одной стороны чучель, химическая лабораторія съ обсерваторією, съ другой—должная высота магометанскаго вѣроученія; съ одной стороны русская письменная и разговорная рѣчь, съ другой—арабская грамматика; съ одной стороны заурядный мулла, съ другой—нѣкогда богатая арабская литература, которую будто бы каждый такой мулла также основательно знаетъ, какъ свое исповѣданіе: „Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Мухаммедъ пророкъ его?“

Что же, спросимъ мы гг. просвѣтителей-педагоговъ, если они, вооружившись всевозможными заграничными учебными аппаратами—лабораторіями, обсерваторіями, въ то же время разложить передъ учащимся юношествомъ фоліанты арабщины, въ видахъ достиженія должной высоты мусульманскаго вѣроученія, то неужели дѣло пойдетъ какъ по маслу? Будетъ ли это подспорьемъ къ вѣдшему умственному развитію учениковъ, достигаемому школьною наукой, или молотомъ, притуляющимъ ихъ способности?

Затрудниться категорическимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ только тотъ, кто не имѣетъ яснаго понятія о томъ, что такое мусульманское вѣроученіе, не отдастъ себѣ отчета въ томъ, что значить поставить на должную высоту это вѣроученіе, кто не имѣетъ понятія о духѣ мусульманскихъ медресе.

Мусульманское вѣроученіе, какъ извѣстно, обнимаетъ собою всю внутреннюю и виѣшнюю жизнь человѣка, не ограничиваясь одною чисто религіозною областью, а вторгаясь и въ мелочи обиходнаго быта. Значить, высота этого вѣроученія можетъ быть понимаема только въ смыслѣ количественномъ: чѣмъ больше дано будетъ простора для компетенціи этого вѣроученія, тѣмъ уже должна оказываться сфера вліянія прочихъ, добытыхъ наукой, истинъ. Поэтому и въ научномъ смыслѣ эта высота сводится къ количественному объему возможныхъ толкованій божанской мудрости, не довольствуясь ознакомленіемъ татарскаго учащагося юношества съ основами отеческой вѣры и съ необходимыми для религіозной практики молитвами, въ размѣрахъ краткаго катихизиса и молитвослова, какъ это водится обыкновенно въ программахъ закона Божія всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій. Въ силу этого, поставить въ татарскихъ учительскихъ семинаріяхъ на должную высоту преподаваніе мухаммеданскаго вѣроученія и араб-

скаго языка — значить поглотить все учебное время зубреніемъ арабскихъ вокабулъ и долбленіемъ толстыхъ воломовъ всякой книжной мусульманской бестолочи, и свазать прости надлежащему ознакомленію учащихъ съ собственно образовательными предметами, которыхъ г. Семеновъ насчиталъ даже больше, чѣмъ сколько надобно, выписавъ ихъ цѣликомъ изъ брошюры г. Гаспринскаго (Отчетъ, стр. 15). Мы положительно того мнѣнія, что заводить какія-то высшія мусульманскія медресе наподобіе такихъ же существующихъ у Татаръ въ изобиліи учебныхъ мельницъ, есть праздная фантазія, долженствующая въ корнѣ испортить благое дѣло—образованія нашихъ Татаръ.

Мы считаемъ излишнимъ доказывать несомвѣстимость задачъ современной европейской школы съ духомъ мусульманскихъ медресе, мудрость которыхъ доселѣ повоится на исламскихъ авторитетахъ X—XVI столѣтій. Достаточно въ этомъ отношеніи сослаться на примѣръ Турковъ. Ужь чего другого въ Стамбулѣ, столицѣ калифа всѣхъ вѣрующихъ, а медресе всѣхъ видовъ и качествъ тьма-тьмуца, и ужь въ нихъ ли магометанское вѣроученіе не на должной высотѣ, однако турецкое правительство, сознавъ необходимость настоящаго образованія для своего народа, не обратилось къ этимъ ветхозавѣтнымъ синагогамъ, а предпочло завести у себя на европейскій манеръ совершенно новыя школы—лицей, спеціальныя училища, какъ мужскія, такъ, въ послѣднее время, и женскія. Не угодно ли послушать, какъ сами Турки отзываются о медресе: они ихъ считаютъ положительнымъ тормазомъ въ дѣлѣ просвѣщенія турецкой націи и находятъ своевременнымъ закрыть ихъ, какъ утратившія свое *raison d'être*, ибо они плодятъ только толпу праздныхъ міроѣдовъ въ лицѣ софъ, ходжей и муллъ, которые цѣлые десятки лѣтъ, лежа на боку въ келліяхъ этихъ quasi-ученныхъ монастырей и питающъ на счетъ такъ-называемыхъ вакуфовъ, то-есть, пожертвованныхъ въ свое время благочестивыми людьми капиталовъ и доходныхъ угодій, долбятъ разные тефсиры (богословско-юридическіе и др. комментаріи) и ментьки (первобытно-схоластическіе трактаты по *sui generis* философіи), навѣки притупляя свои природныя способности логическаго мышленія и пытливаго разума. Возраженія же, напечатанныя по поводу такого взгляда на медресе, цѣлымъ кагаломъ ополчившихся улемовъ, не только не опровергаютъ вышеозначеннаго взгляда, а еще болѣе убѣждаютъ въ его справедливости: такъ дики и нелѣпы доводы улемовъ, опирающихся на авторитеты разныхъ Ибнъ-Сина,

Али-Кушчи и прочихъ, по ихъ мнѣнію, великихъ свѣтилъ истиннаго знанія. Эти любопытныя рго и септра недавно помѣщены были въ весьма распространенной и пользующейся большимъ вліяніемъ стамбульской газетѣ Тарджумани-Хакыкатъ (№№ 1005—1013).

А что противники медресе не суть легкомысленные фантазеры, желающіе только порисоваться новаторскимъ либерализмомъ, это подтверждается біографіей не такъ давно умершаго нѣкоего Тахсина-эфенди, которая была напечатана въ турецкомъ журналѣ Гэфте и съ комментаріями и добавленіями перепечатана въ той же газетѣ Тарджумани-Хакыкатъ (№ 976). Изъ нея мы узнаемъ, какому подвергался этотъ въ своемъ родѣ османскій Ломоносовъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ со стороны фанатической толпы улемовъ, присяжныхъ блюстителей „должной высоты магометанскаго вѣроученія“, за свою любовь къ занятіямъ естественными науками. Мы думаемъ, что несчастная участь этого мусульманскаго поватора и вызвала открытый протестъ противъ зловредности существованія медресе, который держится эксплоатаціей всеобщаго невѣжества правовѣрнаго люда, находящагося подъ умственно-нравственнымъ гнетомъ улемства.

Наконецъ укажемъ еще на одинъ примѣръ, прямо уже относящійся къ кавказскому мусульманству. Едва ли кто заподозритъ проживающаго теперь въ Стамбулѣ Казы-Мухаммада Шамиля, сына знаменитаго имама Шамиля, въ религиозномъ вольнодумствѣ и измѣнѣ вѣрѣ своихъ предковъ, ибо онъ самъ ходилъ сражаться въ послѣднюю войну съ невѣрными христіанами. Однако же этотъ фанатикъ не отдалъ своего племянника учиться въ какое-нибудь стамбульское медресе, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ „должная высота магометанскаго вѣроученія и арабская грамота“, а помѣстилъ его въ Мектеби-Султани, то-есть, въ Султанскій Лицей.

Итакъ Турки, эти правовѣрные мусульмане, отверчиваются отъ медресе, убѣдившись непосредственнымъ вѣковымъ опытомъ въ непригодности ихъ для распространенія истиннаго просвѣщенія, а мы будемъ заводить эти вертепы невѣжества и мракобѣсія и класть ихъ мудрость краеугольнымъ камнемъ нашихъ татарскихъ школъ.

Ну, а какъ же, въ самомъ дѣлѣ быть, съ тѣмъ, что, по словамъ г. Р—ва, „малообразованный учитель не можетъ парализовать дѣйствіе муллы, который забрасаетъ учителя, малосвѣдущаго въ магометанскомъ вѣроученіи, текстами изъ Корана и свѣдѣніями изъ медицины и астрономіи, заимствованными изъ нѣкогда богатой арабской литературы?“ Да, ужасное положеніе! Для тѣхъ, кто не знаетъ, что

такое богатая арабская литература и заключающіяся въ ней свѣдѣнія по медицинѣ и астрономіи, и что за мудрецы татарскіе муллы, это заявленіе можетъ и впрямь показаться поразительнымъ доводомъ въ пользу необходимости „должной высоты магометанскаго вѣроученія и арабскаго языка“ въ татарскихъ учительскихъ семинаріяхъ. Постараемся отвѣтить на него.

Вопервыхъ, мы тутъ не совсѣмъ понимаемъ смыслъ эпитета мало-образованный: если имъ обозначены люди, малосвѣдущія въ магометанскомъ вѣроученіи, то къ чему же тогда нужны всякія лабораторіи, обсерваторіи и прочіе заграничныя снаряды, если не ими достигается образованіе? А главное вотъ что: неужели, въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь мулла, кое-какъ выучившій 3—5 суръ изъ Корана съ пониманіемъ значенія текста ихъ и выдрессировавшійся въ механическомъ чтеніи арабской грамоты безъ пониманія значенія словъ, да вызубрившій нѣсколько отрывочныхъ мусульманскихъ хадисовъ (преданій), есть такой уже ученый, который въ состояніи самъ непосредственно доставать вамни изъ пропасти „вѣвсегда богатой арабской литературы“, чтобы побивать ими малосвѣдущаго въ магометанскомъ вѣроученіи, но мало-мальски образованнаго въ истинномъ смыслѣ, да еще толковаго по природѣ учителя? Эти муллы ¹⁾ въ массѣ суть невѣжды, образованность которыхъ не можетъ быть поставлена въ уровень съ знаніями и умственнымъ развитіемъ нашихъ сельскихъ дьячковъ, даже въ спеціальной области религіи. А если въ томъ или другомъ центрѣ нашего мусульманскаго населенія найдется человекъ пять или десять такихъ, которые, вызубривъ въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ арабскую грамматику, да толкованіе на Куръанъ Бейзави, да каноническое сочиненіе Викайѣ, да комментарий на Кафью муллы Джамии, знаютъ гораздо больше сотенъ или даже тысячъ заурядныхъ муллъ, то недѣля же такихъ исключеній возводить въ общее правило. Мы знавали лично прекрасныхъ хафизовъ (чтецовъ Куръана), нарочно вѣдвшихъ въ Стамбулъ доучиваться своему декламаторскому искусству и ни слова не понимавшихъ въ прекрасно-читаемыхъ ими куръаническихъ сурахъ. Но всего очевиднѣе обнаруживается невѣжество теперешнихъ татарскихъ муллъ на ихъ произведеніяхъ, печатаемыхъ десятками тысячъ экземпля-

¹⁾ Просимъ не смѣшивать съ ними кавказскихъ воевди, въ число которыхъ есть довольно образованные и очень умные люди, каковы, напримеръ, бывшій конвойный воевди Мухаммедъ Османовъ.

ровъ въ Казани. Посмотрите, что это за умственное убожество или гнусное шарлатанство! Это обыкновенно наборъ словъ въ религиозно-правоучительномъ тогѣ, съ полнымъ отсутствіемъ логическаго смысла и грамматическаго склада. Но больше всего муллы пользуются своею грамотностью, какъ средствомъ къ самой безсовѣстной эксплуатаціи темнаго мусульманскаго люда. Развѣ гг. педагогамъ, превозносящимъ небывалыя знанія муллъ въ медицинѣ и астрономіи, неизвѣстно, что эти шарлатаны, главнымъ образомъ, издають такъ называемыя нухаларъ (оттиски), то-есть, отрывки молитвеннаго содержанія, а то и просто какія-то каракули, съ наставленіями пользоваться ими, какъ чудодѣйственными или симпатическими средствами въ разныхъ случаяхъ? Такъ, напримѣръ, стоитъ только прочесть такой-то отрывокъ — и можно получить исцѣленіе отъ такой-то немочи; стоитъ написать одну изъ каракуль и проглотить бумажку — и она спасетъ изъ тюремнаго заключенія и т. д. И всѣ эти продукты глубокихъ познаній муллъ въ богатой арабской литературѣ обыкновенно подкрѣпляются у нихъ одною стереотипною угрозою: „А кто этому не вѣритъ, тотъ будетъ гяуръ, и жена его будетъ разведена съ нимъ!“

Наконецъ, самъ г. Семеновъ констатируетъ фактъ невѣжества татарскихъ муллъ, только по другому поводу (Отчетъ, стр. 10).

Спрашивается теперь: развѣ есть какая либо возможность и разумная цѣль даже многознающему и образованному человѣку вступать въ пренія съ такими лицами; а тѣмъ болѣе развѣ стоитъ, учреждая для Татаръ учительскія семинаріи, задаваться приготовленіемъ какихъ-то соперниковъ мулламъ въ знаніи мухаммеданскаго вѣрученія и арабской грамоты? Развѣ распространеніе общечеловѣческаго образованія среди Татаръ слѣдуетъ начинать съ муллъ? Нѣтъ ничего фальшивѣе и нецѣлесообразнѣе такого плана. Если татарскія семинаріи будутъ преслѣдовать только чисто отрицательныя цѣли — соперничество съ муллами, то всѣ матеріальныя траты и нравственныя усилія положительно не будутъ стоить ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ.

Теперь обращаемся къ арабскому языку, на необходимости обученія которому настаиваетъ г. Р—въ, а за нимъ г. Семеновъ. Что знаніе арабской грамматики будто бы помогаетъ изученію русскаго языка, это можно говорить лишь въ шутку. Но можетъ быть, это знаніе необходимо для усвоенія нашими Татарами грамматическихъ правилъ своего роднаго языка? То же нѣтъ. Грамматическій строй

тюркскихъ языковъ — совершенно иной, чѣмъ арабскаго; а если, чрезъ посредство религіозныхъ книгъ и проникли арабскія и персидскія слова и нѣсколько грамматическихъ оборотовъ въ тюркскую рѣчь, то почти исключительно въ рѣчь письменную, а не въ разговорную. Притомъ больше всѣхъ подверглось арабской порчѣ изъ тюркскихъ нарѣчій османское; тогда какъ нарѣчія нашихъ Тюрковъ сохранили бѣольшую въ этомъ отношеніи чистоту и первобытность своего кореннаго характера: а что пишутъ татарскіе муллы, все это въ лингвистическомъ отношеніи такая смѣсь, что трудно почти разобрать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, на какомъ нарѣчій составлена та или другая книжка. Итакъ, мы сказали, что османское нарѣчіе болѣе, чѣмъ какое другое, восприняло въ себя арабскихъ и персидскихъ элементовъ. Посмотрите же, что теперь Турки-османлы говорятъ по вопросу о необходимости изученія ими арабскаго языка: они тоже считаютъ это изученіе не только не необходимымъ, но даже вреднымъ, какъ мѣшающимъ саомытному развитію своей природной рѣчи. Теперь въ печати идутъ весьма горячіе по этому поводу споры. Есть и тамъ ревнители арабщины; но благоразумные пуристы совершенно основательно возражаютъ имъ, что въ такомъ случаѣ скоро понадобится изучать на равныхъ съ арабскимъ языкомъ основаніяхъ и языкъ французскій, и нѣмецкій, такъ какъ изъ того и другаго много въ послѣднее время стало заимствоваться разныхъ терминовъ Турками. Споръ этотъ возникъ по поводу появленія въ свѣтъ брошюры Белягэти османійё („Османское краснорѣчіе“) Джебдета-паши, министра юстиціи, автора „Исторіи Турціи“ и образцоваго въ новѣйшее время писателя. Споръ этотъ ведется на страницахъ Тарджумани-Хакыкатъ, газеты крайне національной и довольно фанатической. Редакція давала мѣсто всѣмъ статьямъ pro и contra. Участниковъ въ спорѣ оказалось очень много; подъ конецъ, выступилъ съ цѣлымъ рядомъ статей нѣкто Эльхаджъ-Ибрагимъ эфенди, котораго величаютъ уstadъ, „учитель“, „корнеей“, и который, судя по деликатному отношенію къ нему его противниковъ, должно быть, вліятельное и авторитетное лицо въ стамбульскомъ интеллигентномъ кругу. Этотъ Ибрагимъ-эфенди, вооружась всѣми снарядами своей логики и эрудиціи, силится отстоять арабскій языкъ для османской школы и литературы, не преминувъ привлечь въ число аргументовъ и религіозное значеніе арабской грамоты для Османлы, какъ мусульманъ. Давъ ему высказаться, редакція, въ лицѣ главнаго своего сотрудника, плодовитаго и пользующагося большою извѣстностью литера-

тора-романиста Мидхата-эфенди, помѣстила статью въ № 1130 и 1131, въ которой весьма дѣльно разбиваются всѣ положенія Ибрагима и его единомышленниковъ. Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ этой статьи. Выходя изъ того главнаго положенія, признаваемого и противниками, что „слогъ рѣчи каждаго народа сообразенъ самому языку того народа, а не другому какому“, Мидхатъ утверждаетъ, что и чтеніе турецкое, не смотря на тождество турецкаго алфавита съ арабскимъ, совершенно иное. „Среди 10- или 12-лѣтнихъ дѣвочекъ рѣдко бываютъ хафизы (арабскіе чтецы), но не рѣдкость, что дѣвочки семи и восьми лѣтъ правильно читаютъ все что угодно по-турецки и правильно пишутъ продиктованное. А что изъ 30 дѣтей, навѣрное болѣе 25 обладаютъ этою способностью, это мы готовы доказать во всякое время“. Когда дошла рѣчь до стихотвореній, для пониманія которыхъ въ особенности, по мнѣнію Ибрагима-эфенди, необходимо знаніе арабскаго языка, Мидхатъ-эфенди говоритъ слѣдующее: „То, что называется стихотвореніемъ, есть самая тонкая, самая милая, самая пріятная форма рѣчи; она до того ласкаетъ слухъ и мозгъ, что, по впечатлѣнію своему на натуру человѣческую, стихотвореніе можетъ считаться очарованіемъ (тутъ передаваемая по-русски игра словъ шиъръ — стихотвореніе и сихръ — чары). Если же стихи только „желѣзный горохъ“ (собственное выраженіе Ибрагима-эфенди), который надо еще жевать, то какой же смыслъ ломать намъ объ него свои зубы? Если такое свойство арабскихъ стиховъ обязываетъ къ этому (ломанію зубовъ) Арабовъ, то намъ-то, Османамъ, нѣтъ до этого никакого дѣла. Если, пась, Османовъ, хотятъ заставить читать арабскіе стихи, чтобы подвергать насъ мученію, которое равняется жеванію желѣзнаго гороха, то ради Бога, умоляемъ, избавьте насъ отъ этого мученія!“ О значеніи арабскаго (и, надо прибавить, персидскаго) языка для турецкой грамматики читаемъ таковой отзывъ: „Изъ грамматическихъ правилъ вся нужда наша ограничивается лишь изафетомъ, прилагательнымъ, обстоятельствомъ словомъ, приложеніемъ и дополненіемъ, а все остальное можно отбросить какъ излишнее“. (№ 1130). Коснувшись неудачнаго сопоставленія, сдѣланнаго Ибрагимомъ между арабскимъ языкомъ для Турокъ и латинскимъ и греческимъ для Французовъ, Мидхатъ говоритъ, что едва ли для ученика Мектеби-Султани (императорскаго лицея), понимающаго по французски, повяты страницу латинскаго текста въ той же степени трудно, какъ прочесть главу изъ „Гюлистана“ (Собраніе стихотвореній персидскаго поэта Саади), не говоря уже о разныхъ

нахвахъ, сарфахъ и ментькахъ арабскихъ. Доказавъ дальше на примѣрахъ, что изученіе арабской грамматики не помогаетъ угадывать значеніе производныхъ словъ отъ одного и того же арабскаго корня, употребляемыхъ въ турецкомъ языкѣ, Мидхатъ распространяется о томъ страшномъ вредѣ, который причиненъ коренной османской рѣчи наплывомъ арабскаго элемента. Какъ на убійственный примѣръ тлетворнаго вліянія арабщины на турецкій литературный языкъ, Мидхатъ-эфенди указываетъ на одно историческое сочиненіе прошлаго столѣтія, Шефикъ-намэ. Онъ утверждаетъ, что изъ 1,000 человекъ, владѣющихъ арабскимъ, персидскимъ и турецкимъ языками, не найдется и двухъ, которые бы въ состояніи были не только понять, но даже правильно прочесть одну страницу этого сочиненія; что изъ 300,000 жителей Стамбула и 600 не найдется могущихъ сдѣлать то же. Мало того, Мидхатъ говоритъ, что, благодаря вліянію арабскаго языка, „языкъ нашей печати тоже нельзя считать османскимъ“, и видитъ спасеніе лишь въ постепенномъ освобожденіи отъ дальнѣйшаго вліянія.

Но главное, что любопытно въ этой статьѣ, это то, что Мидхатъ совершенно оставляетъ въ сторонѣ религію въ вопросѣ чисто научномъ и ставитъ это Ибрагиму-эфенди непремѣннымъ условіемъ дальнѣйшихъ дебатовъ, отказываясь въ противномъ случаѣ разговаривать съ нимъ на будущее время, „хотя“, говоритъ онъ, „въ то время какъ писалась эта статья, къ намъ въ редакцію пришелъ одинъ изъ улемовъ и, на нашъ спросъ, припомнилъ, что лицу, не могущему прочесть по арабски суры „Фатиха“ (первой суры куръана) хансфитскій толкъ разрѣшаетъ читать персидскій переводъ ея, а шафититскій толкъ дозволяетъ чтеніе перевода куръана на какой угодно языкъ во время молитвы“ (№ 1131). Этимъ Мидхатъ хотѣлъ только дать понять своему противнику, что даже и съ религіозной точки зрѣнія арабскій языкъ не имѣетъ какихъ либо непреложныхъ правъ на свою обязательность для неарабовъ, хотя бы и мусульманъ по религіи.

Чего же еще яснѣе вышеприведенныхъ аргументовъ?!

Туркамъ оказывается не нуженъ арабскій языкъ, кромѣ присяжно обреченныхъ на изученіе его муллъ и прочихъ членовъ sui generis ученой корпораціи, а нашимъ татарамъ нуженъ—дивная вещь!

Одновременно съ обзорѣемъ лабораторіи, обсерваторіи и разныхъ заграничныхъ инструментовъ для просвѣщенія татаръ, г. Семеновъ встаетъ ознакомиться и съ результатами примѣненія всего этого къ дѣлу. „Трое выпущенныхъ въ настоящемъ году молодыхъ людей изъ

Казанской школы“, говоритъ онъ, „въ интимной бесѣдѣ съ которыми я провелъ цѣлый вечеръ, произвели на меня совсѣмъ неожиданное впечатлѣніе: до того они поразили меня и своею порядочностью, и своими твердыми, сформировавшимися убѣжденіями, и своими серьезными знаніями, въ особенности по русскому языку, естествовѣдѣнію и политической исторіи. Однимъ словомъ, я видѣлъ предъ собою солидно образованныхъ народныхъ учителей, оставшихся вѣрными магометанами, но безъ узкихъ религіозныхъ и національныхъ стремленій, искренно благодарныхъ притомъ Россіи за дарованное имъ образованіе“ (Отчетъ, стр. 4).

Далѣе мы читаемъ: „выпускные воспитанники (все той же школы) даютъ пробныя уроки въ сосѣдней одноклассной татарской школѣ и всегда въ присутствіи руководителя (то-есть, г. Р—ва), который тутъ же разбираетъ урокъ, нерѣдко выѣшиваясь въ преподаваніе и, при полной неудачѣ урока, самъ беретъ бразды правленія (sic!) въ свои руки“. — Видно, что эта картина изображена г. Семеновымъ съ натуры, то-есть, что онъ присутствовалъ на такомъ урокѣ. Но что же онъ замѣтилъ? Увы, даже г. Семенову „практическая педагогическая подготовка выпущенныхъ молодыхъ людей показалась довольно слабою“ (стр. 6). Стало быть, выходитъ, что воспитанники учительской семинаріи усвоили всѣ науки—и химію, и физику, и астрономію, приобрѣли сформировавшіяся убѣжденія, остались вѣрными мусульманами и пр., но только имъ не хватаетъ подготовки къ учительству! Но г. Семеновъ простеръ свое благодушіе до того, что, кажется, совершенно удовлетворенъ тѣмъ объясненіемъ такого поистинѣ печальнаго результата, которое представилъ г. Р—овъ. „Это“, говоритъ онъ, „происходитъ отъ того, что заведеніе еще не имѣетъ образцовой школы, и что руководитель еще до сихъ поръ не могъ найти такого образцоваго элементарнаго учителя, который бы могъ быть примѣромъ подражанія для семинаристовъ“. По мнѣнію г. Р—ова, „лучше совсѣмъ не имѣть никакой школы при семинаріи, чѣмъ имѣть элементарную школу, носящую только громкое названіе образцовой, а на самомъ дѣлѣ далеко не удовлетворяющую своему назначенію“ (стр. 6). Намъ, признаться сказать, не совсѣмъ это понятно. Учительская семинарія не имѣетъ для практики будущихъ учителей никакой школы, потому что, будто бы, для этого непременно нужна школа съ громкимъ названіемъ образцовой. Откуда же ваять ту или другую? Кто же долженъ создать ее, какъ не учительская семинарія? — Затѣмъ, будущіе учителя выходятъ неумѣющими учить

потому, что руководитель не нашелъ до сихъ поръ образцоваго учителя. А на что же самъ руководитель?

Г. Семеновъ слегка только касается общей постановки учебнаго дѣла въ Симферопольской школѣ, и хотя не очень одобрительно отзывается о ней, но, кромѣ вышеприведенныхъ причинъ, не пытается даже и предполагать другихъ какихъ-нибудь. Школою руководить въ Симферополѣ инспекторъ, „Армянинъ по происхожденію, знающій татарскій языкъ, который, по окончаніи курса въ Лазаревскомъ институтѣ въ Москвѣ, пробылъ два года за границею, гдѣ основательно ознакомился съ учительскими семинаріями въ Лейпцигѣ и Іенѣ, имѣющими своими руководителями извѣстныхъ педагоговъ Цейдлера и Стоя“. „Проникнутый идеями нѣмецкихъ педагоговъ, онъ составилъ по нѣмецкимъ источникамъ весьма подробныя и основательныя программы по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса...“ и все-таки дѣло идетъ плохо, даже по наблюденію г. Семенова, для котораго Лейпцигъ, Іена, Майнцъ, нѣмецкія семинаріи имѣютъ необычайное значеніе, хотя рѣчь идетъ только объ обученіи Татаръ русскому языку.

А не въ этихъ ли, нахвачанныхъ изъ заграницы верхахъ нѣмецкой педагогій, не кстати прилаживаемыхъ къ Татарамъ для обученія ихъ русской грамотѣ, и заключается причина той „злости, свѣтящейся во взглядахъ“ учениковъ, о которой говоритъ г. Семеновъ?

Мы бы могли еще многое сказать о тѣхъ ухищреніяхъ, которыми изобрѣтатели ихъ приписываютъ магическую силу, но должны быть кратки, и любопытствующихъ отсылаемъ для непосредственнаго ознакомленія съ ними къ такимъ произведеніямъ, какъ „Первая книга для чтенія, составленная для Татаръ восточной Россіи“, вышедшая уже третьимъ изданіемъ, и „Учебная книга географіи“, на русскомъ и татарскомъ языкахъ. Послѣдняя вся съ мудренѣйшими выкладками и таблицами, на которыхъ направленія движенія небесныхъ свѣтилъ обозначены по нѣмецки: „Bahn des Venus 1877“, и т. д. Но особенно хороша первая. Она, по видимому, имѣетъ всѣ претензіи соперничать съ „Роднымъ Словомъ“ Ушинскаго; изъ перловъ, которыми изобилуетъ она, можно на выдержку привести хоть слѣдующую вещьцу. „Загадка: приходитъ съ поля въ овинъ, изъ подъ цѣпа между камни, изъ воды въ жаръ и тогда вкусно“. — А вотъ еще: „Ссорн. Одинъ разъ два мужика ѣхали на встрѣчу и зацѣпились сѣнами (удареніе въ подлинникѣ). Одинъ кричитъ: „посторонись, мнѣ скорѣе въ городъ надо!“ а другой говоритъ: „ты посторонись, мнѣ скорѣе до-

мой надо!“. Они долго спорили. Третій мужикъ увидалъ ихъ и сказалъ: „если вамъ скоро надо, то оба осадите назадъ!“.

Татары не называютъ себя мужиками, слѣдовательно рѣчь идетъ о русскихъ мужикахъ—единственное въ цѣлой книгѣ упоминаніе о Русскихъ, и въ такомъ безграмотномъ анекдотѣ, весьма плоскомъ въ отношеніи остроумія.

Для тѣхъ лицъ, у которыхъ пониманіе настоящихъ задачъ образованія нашихъ инородцевъ только европейское въ обширномъ смыслѣ этого слова, такъ сказать международное, можетъ быть, все равно, что ни завести въ инородческихъ школахъ—астрономію или арабскій языкъ, химію или магометанское вѣроученіе: мы же думаемъ, что ясность и опредѣленность цѣли и ожидаемыхъ результатовъ должны служить исходнымъ пунктомъ въ постановкѣ инородческо-учебнаго дѣла, въ выборѣ предметовъ и установкѣ точной или приблизительной программы обученія. Чего намъ желательно отъ нашихъ мусульманъ? Чтобы они стали менѣе суевѣрны и невѣжественны; чтобы они тѣснѣе сближались съ кореннымъ русскимъ населеніемъ и раздѣляли съ нимъ интересы въ качествѣ гражданъ одного и того же государства. Въ первомъ случаѣ выборъ и объемъ образовательныхъ предметовъ, способствующихъ поднятію умственнаго развитія народа, полагаемъ, долженъ быть тотъ же самый, что и для русскаго народа: не думаемъ, чтобы, напримѣръ, астрономія или медицина были болѣе необходимы для разсѣянія суевѣрныхъ воззрѣній на явленія природы у Татаръ, чѣмъ у русскихъ простолюдиновъ. Если же эти предметы не входятъ въ кругъ преподаванія русскихъ школъ, то нѣтъ основанія вводить ихъ и въ школы инородческія. Программы начальныхъ и среднихъ школъ должны быть одинаковы какъ для Русскихъ, такъ и для Татаръ; преподаваніе также должно идти на русскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ начиная съ среднихъ учебныхъ заведеній. А потому ознакомленіе татарскихъ дѣтей съ русскимъ языкомъ въ начальныхъ школахъ есть главное, къ чему должны быть приложены всѣ усилія.

Начальныхъ школъ существуетъ много у Татаръ: почти каждый приходскій мулла имѣетъ такую школу. Въ такомъ случаѣ едва ли нужно заводить вновь начальные школы, помимо этихъ приходскихъ, тѣмъ болѣе, что ихъ невозможно совершенно уничтожить. Г. Семеновъ говоритъ въ отчетѣ, что „закавказскіе мусульмане, а въ особенности горожане, уже сознаютъ необходимость знанія русскаго языка, и сами муллы не будутъ противъ того, чтобы ихъ ученики ходили учиться въ сосѣдній классъ, устроенный для 3 медресе, только

русскому языку и ариметикѣ и притомъ къ учителю магометанину. Такая мѣра въ особенности привѣтся въ томъ случаѣ, если содержателямъ медресе за привлеченіе ихъ учениковъ въ русскіе классы будетъ общано денежное вознагражденіе или какое-нибудь служебное отличіе" (стр. 9). Это, намъ кажется, самая лучшая мѣра; но только ее слѣдовало бы нѣсколько порасширить. Если вѣрно, что сами мусульмане сознаютъ необходимость знанія русскаго языка, то слѣдовало бы придти на помощь этому сознанію. Въ мусульманствѣ нашемъ, какъ и въ еврействѣ, существуетъ нѣчто въ родѣ кагала, замѣняющаго настоящее общественное мѣннѣе, тонъ которому даютъ, конечно, муллы въ своихъ проповѣдяхъ. Благоразумные люди могутъ сознавать всю нелѣпость тѣхъ или другихъ традицій и готовы были бы съ радостью стряхнуть ихъ, лишь бы данъ былъ благовидный, такъ-сказать легальный, предлогъ для этого. Въ данномъ случаѣ, мы полагаемъ, можно бы было, вмѣсто какихъ-либо особенныхъ вознагражденій и отличій мулламъ за привлеченіе своихъ учениковъ къ изученію русскаго языка, просто на просто сдѣлать обязательнымъ преподаваніе русскаго языка и ариметики въ каждой приходской школѣ. Для этой цѣли слѣдовало бы право открытія школъ муллами на будущее время обусловить знаніемъ ими русскаго языка, по крайней мѣрѣ въ городахъ. Если существуетъ конкуренція при замѣщеніи мѣстъ муллъ, то слѣдовало бы прямымъ или косвеннымъ образомъ отдавать предпочтеніе лицамъ, знающимъ русскій языкъ. Преподаваніе же могло бы быть поручаемо не непременно учителямъ изъ мусульманъ, а пока и изъ немусульманъ; а чтобы устранить подозрительность въ какомъ-либо посягательствѣ на религіозныя понятія учащихся, достаточно было бы, чтобы руководства на русскомъ языкѣ въ этомъ отношеніи были одобряемы мѣстнымъ муфтіемъ.

Это на первыхъ порахъ; а затѣмъ необходимо употребить всѣ усилія къ тому, чтобы размножить первоначальныхъ учителей съ знаніемъ русскаго языка, которые бы потомъ, наравнѣ съ муллами, могли заниматься обученіемъ дѣтей въ низшихъ школахъ.

Для выработки этого рода учителей необходимы учительскія семинаріи, но не съ болѣе широкою программю, чѣмъ программа русскіхъ семинарій, съ присоединеніемъ грамматическаго курса татарскаго языка и мусульманскаго закона Божія въ размѣрахъ обыкновеннаго катехизиса и молитвослова. Никакой особенной „высоты мусульманскаго вѣроученія“, а тѣмъ болѣе арабскаго языка тутъ быть

не должно, ибо то и другое лишь поглощало бы большую часть учебного времени безъ всякой видимой или даже подозрѣваемой практической пользы. Вышедшій изъ такой семинаріи учитель не можетъ соперничать съ муллою въ знаніи мусульманской премудрости, но это ничего не значитъ: его профессія будетъ—первоначальное обученіе русскому языку, своей татарской грамотѣ и ариеметикѣ, а не имамство и проповѣдничество,—это въ состояніи понять даже и мусульманскіе простолюдины. Если же задаться, какъ полагаетъ г. Р—овъ, сразу двумя цѣлями—приготовлять и опытныхъ учителей, и кандидатовъ въ муллы, то это значило бы гнаться сразу за двумя зайцами, изъ коихъ одинъ-то ужъ навѣрное усколетъ, какъ оно, кажется, и выходитъ въ школѣ г. Р—ова: у него учителя окончили курсъ, по словамъ г. Семенова, съ серьезными научными знаніями, но съ довольно слабою подготовкою къ учительству, то-есть, говоря проще, безъ умѣнья учить, что вполне и естественно.

Дальше первоначальныхъ школъ и учительскихъ семинарій правительственныя хлопоты объ образованіи нашихъ инородцевъ и не должны простираются даже въ цѣляхъ государственныхъ: заводить какія-то высшія духовныя мусульманскія училища, для которыхъ даже начертана г. Семеновымъ программа, со словъ брошюры г. Гаспринскаго, было бы непроизводительно и безцѣльно. Кого стали бы готовить подобныя заведенія? Г. Семеновъ, вслѣдъ за г. Гаспринскимъ, полагаетъ, что окончившіе курсъ въ высшихъ медресе „могли бы быть муллами и учителями—обязанности, по мнѣнію мусульманъ, нераздѣлимны“ (стр. 15). Но учителей могутъ и должны готовить учительскія семинаріи. Мулла же такія медресе готовить не въ состояніи, по вышеизъясненнымъ причинамъ: та широкая, шире гимназической, программа, которая предполагается для подобныхъ учебныхъ заведеній, будетъ только существовать на бумагѣ, никогда не осуществляясь на практикѣ, если обращено будетъ слишкомъ серьезное вниманіе на преподаваніе арабскаго языка и мусульманскаго вѣроученія, т. е. медресе ничѣмъ не будутъ розниться отъ теперешнихъ, содержимыхъ самимъ татарскимъ духовенствомъ. Если же главное вниманіе будетъ обращено на общеобразовательныя науки, въ ущербъ арабской грамотѣ и мусульманскому вѣроученію, то воспитанники этихъ школъ все равно не попадутъ въ муллы: духовенство татарское, хотя само и невѣжественное, сумѣетъ дискредитовать правительственныя медресе въ мнѣніи благочестивыхъ прихожанъ

своихъ. Если г. Р—въ говорилъ г. Семепову, что „два учителя изъ Уфимской школы избраны жителями въ муллы“ (стр. 4), то, вѣдь они были, по словамъ того же г. Р—ва, приняты въ учительскую семинарію уже 25-лѣтними парнями, прошедшими курсъ мусульманскихъ медресе и получившими право на занятіе должности муллы. Въ данномъ случаѣ трудно судить, что именно увеличило ихъ шансы на избраніе жителями въ муллы — приобретеніе ли ими въ четырехлѣтнее пребываніе въ семинаріи г. Р—ва „серьезныхъ научныхъ знаній“, въ родѣ химіи и астрономіи, какъ думаетъ самъ г. Р—въ, или же то, что они пройдя семинарскій курсъ, остались тѣмъ, чѣмъ были и до поступленія въ семинарію, и, значить, фактически доказали свою мусульманскую стойкость. Это надо еще подвергнуть очень тщательной провѣркѣ.

Вопросъ не въ учрежденіи тѣхъ или другихъ школъ для мусульманъ, а въ томъ, какъ привлечь мусульманъ въ школы немусульманскія. Тутъ до нѣкоторой степени *circulus in probando*: путемъ школы мы думаемъ сблизить мусульманско-татарское населеніе съ христіанско-русскимъ; но и привлеченіе въ школу Татаръ предполагаетъ нѣкоторое расположеніе ихъ къ этому сближенію. Самая щекотливая сторона тутъ, конечно, религіозная. Надо добиться того, чтобы мусульмане поняли, что школа, давая имъ съ знаніемъ русскаго языка общее образованіе, не имѣетъ въ виду какихъ бы то ни было посягательствъ на религіозныя ихъ вѣрованія и понятія. Убѣдить же можно только путемъ опыта, который на первыхъ порахъ, конечно, долженъ встрѣтить немалыя затрудненія какъ въ закоснѣлости массы мусульманскаго люда, такъ и въ фанатизмѣ руководящаго имъ духовенства. Но для этихъ опытовъ совершенно достаточно однихъ низшихъ школъ да учительскихъ семинарій, которыя должны готовить учителей для означенныхъ школъ. Никакихъ затѣмъ ни среднихъ ни, тѣмъ паче, высшихъ школъ заводить спеціально для мусульманъ нѣтъ надобности. Если мусульманскій ребенокъ пойдетъ въ первоначальную школу и въ ней достаточно выучится русскому языку, то для него уже открытъ путь къ среднему образованію въ общихъ гимназіяхъ, какъ и бывали примѣры этого на нашихъ глазахъ. Привезенный въ Петербургъ кумыскій мальчикъ, ни одного слова не понимавшій по-русски, въ два-три года, посѣщая маленькую приготовительную школу гдѣ-то на Сергіевской или на Шпалерной улицѣ, отлично выучился говорить, читать и писать по русски и теперъ продолжаетъ съ успѣхомъ учиться

во Владикавказской гимназiи. Мало ли есть мусульманъ, обучавшихся въ гимназiяхъ еще въ прежнее время, когда національная вражда была гораздо сильнѣе, чѣмъ теперь. Мы лично знаемъ такихъ образованныхъ людей, оставшихся мусульманами, но не воздыхающихъ ни о какой „высотѣ мусульманскаго вѣроученiя“, ни объ „арабскомъ языкѣ“, а только заботящихся о томъ, чтобы и дѣтямъ своимъ дать надлежащее образованiе, но отнюдь не то, какое дается въ мусульманскихъ медресе.

Если же учредить, напримѣръ, высшее духовное мусульманское училище, то это значить прямо показать мусульманамъ, что имѣется въ виду готовить будущихъ ихъ руководителей въ дѣлѣ религiи. Будь эти руководители вдесятеро знающѣе и умнѣе ихъ полуобразованныхъ теперешнихъ муллъ, никогда они не приобретутъ авторитета послѣднихъ; хлопоты будутъ напрасны. Пускай муллы остаются муллами и производятъ себѣ подобныхъ муллъ, которые будутъ отчитывать своихъ прихожанъ кораническими сурами да молитвами на непонятномъ ихъ прихожанамъ, а иногда и имъ самимъ, арабскомъ языкѣ. Съ распространенiемъ образованiя среди мусульманъ авторитетъ муллъ ослабѣетъ самъ собою. Трудно это, потребуетъ много времени, но все же не невозможно.

Думать же, что парализовать влiянiе мусульманскаго духовенства на массу можно, создавая школы на манеръ тѣхъ, изъ которыхъ теперь пополняется контингентъ этого сословiя, съ арабскимъ языкомъ и обширнымъ изученiемъ мусульманскаго вѣроученiя—чистая фантазiя. Вотъ, еслибы, напримѣръ, само мусульманское общество захотѣло устроить нѣчто въ родѣ духовной мусульманской семинарiи на нѣсколько болѣе рациональныхъ основахъ и съ болѣе толковою и правильною постановкою обученiя, то это было бы весьма хорошо. Намъ доподлинно извѣстно, что между симбирскими мусульманами-капиталистами, года два тому назадъ, шли серьезные толки объ открытiи такого медресе съ общеобразовательною программою. Главное его достоинство было бы то, что, созданное самими мусульманами, оно не возбуждало бы никакихъ подозрѣнiй относительно религiозной пропаганды, а вмѣстѣ съ тѣмъ служило бы противовѣсомъ для существующихъ противныхъ всякому здравому смыслу, медресе, поддерживаемыхъ муллами. Будучи по преимуществу духовнымъ училищемъ, такое заведенiе, можетъ быть, не давало бы образованiя равнаго гимназическому, но все-таки изъ него выходили бы вѣроучители менѣе невѣжественные и суевѣрные, чѣмъ теперешнiе муллы.

Видѣть же въ арабскихъ карауляхъ средство привлеченія мусульманъ въ заводимыя правительствомъ школы есть чистое ребячество. Г. Р—въ, особенно ратующій за эти караули, до того, что готовъ, вѣжеться, учить Татаръ и по русски-то писать арабскими буквами, положительно преувеличиваетъ то суевѣрное отвращеніе, которое будто бы (какъ это намъ доводилось слышать отъ него) всякій Татаринъ питаетъ къ буквамъ русскаго алфавита. Въ опроверженіе этого мы укажемъ на слѣдующій фактъ, сообщенный намъ однимъ муллою обучавшимся въ Казанскомъ медресе. Во всѣхъ медресе, говорить онъ,—ученики не понимаютъ по русски и не учатся русскому языку; но всѣ ученики старшаго возраста отлично умѣютъ писать по татарски русскими буквами. Мы нарочно подчеркнули слова старшаго возраста, ибо русскій алфавитъ у взрослыхъ учениковъ медресе имѣетъ свое специальное назначеніе. Какъ во всѣхъ школахъ, и въ мусульманскихъ медресе взрослые ученики не чужды крупныхъ шалостей, въ родѣ выпивокъ, картежничества и волокитства. Продѣлки подобнаго рода служатъ имъ матеріаломъ для обмѣна мыслей въ рекреационное время, а иногда даже и за уроками. Сообщая другъ другу о своихъ похожденияхъ и въ то же время не желая дѣлать своихъ секретовъ извѣстными маловозрастнымъ ученикамъ, парни эти обыкновенно и прибѣгаютъ къ перепискѣ, только не арабскими, а русскими буквами, которыхъ маленькіе школьники до поры до времени еще не знаютъ.

Для насъ этотъ фактъ важенъ въ другомъ отношеніи: онъ ясно доказываетъ удобопримѣнимость русскаго алфавита къ транскрипціи татарской рѣчи, что отрицается поклонниками арабской грамоты. Между нашими мусульманскими инородческими племенами есть такія, которыя пока еще не имѣютъ никакой письменности, хотя, разумѣется, муллы стараются пропагандировать среди нихъ грамоту арабскаго письма. Пока эта грамота не успѣла еще пустить глубокихъ корней и упрочиться, слѣдовало бы, не теряя времени, распространять между ними русскую письменность, примѣняя русскій алфавитъ и въ школьномъ обученіи и печатая на ихъ природныхъ нарѣчіяхъ русскими буквами книги для чтенія. Это было бы громаднымъ подспорьемъ.

Недавно мы прочитали извѣстіе, что въ Тифлисѣ намѣреваются открыть женскій институтъ для мусульманскихъ дѣвочекъ съ педагогическими при немъ курсами. Эта мѣра можетъ быть признана вполне цѣлесообразною. Женщина въ мусульманской средѣ находится пока въ совершенно исключительныхъ условіяхъ, и эта исключитель-

ность не сразу можетъ быть уничтожена. Необходимость, по мусульманскимъ понятіямъ, обособленности женскаго пола отъ мужскаго въ общежитіи, до поры до времени будетъ служить преградю къ посѣщенію мусульманскими дѣвочками нашихъ женскихъ гимназій, хотя бывали и эти примѣры: въ Петербургѣ окончила гимназическій курсъ дочь бывшаго университетскаго лектора, муллы Фейзь-Ханова. Теперь мусульманки обучаются у тѣхъ же муллъ, что крайне вредно, ибо вліяніе матерей даже и въ мусульманскихъ семьяхъ не мало-важно. А между тѣмъ образованные мусульмане сознаютъ потребность иного воспитанія для своихъ дочерей. Теперь для нихъ это остается неосуществимою мечтою. Мы знаемъ одного образованнаго кумыка, который хотѣлъ бы взять въ свой домъ гувернантку, но встрѣтилъ непреодолимые препятствія. По необычности такого явленія трудно найти порядочную особу изъ русскихъ, которая пошла бы въ мусульманскій домъ въ качествѣ воспитательницы, совершенно не зная условій и обстановки домашняго быта мусульманъ, которые въ вопросѣ объ отношеніяхъ къ прекрасному полу пользуются не особенно лестной для нихъ репутаціей. Въ подобныхъ этому обстоятельствахъ Тифлисскій женскій институтъ, если онъ осуществится, будетъ чистымъ благодѣяніемъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ будетъ готовить образованныхъ женъ для образованныхъ мусульманъ, которые теперь принуждены жениться на простыхъ татаркахъ; онъ будетъ давать воспитательницъ для мусульманскихъ семействъ, теперь лишенныхъ возможности удовлетворять сознаваемой ими потребности лучшаго образованія для дѣвочекъ.

«. Конечно, нельзя сразу рѣзко идти противъ вѣковыхъ предрасудковъ цѣлаго народонаселенія, поддерживаемыхъ плотною корпораціею мусульманскаго духовенства; но не слѣдуетъ тоже поступать слишкомъ робко, чрезчуръ деликатничать тамъ, гдѣ эта робость, это деликатничанье можетъ только придать смѣлости и силы враждебной сторонѣ. Не вездѣ одинаково наши мусульмане фанатичны и законсѣлы, не вездѣ одинаково невѣжественны и вліятельны муллы. Поэтому общей мѣры для обученія Татаръ путемъ школы существовать не можетъ: для каждой отдѣльной мѣстности съ татарско-мусульманскимъ населеніемъ должны быть примѣняемы свои особые способы. Но для этого прежде всего требуется отъ завѣдующихъ и руководящихъ дѣломъ инородческихъ школъ близкое и точное знаніе мѣстныхъ условій, характера и нравовъ населенія извѣстнаго округа и умѣнье пользоваться ими съ педагогическими цѣлями, а

также ясное, отчетливое представленіе ближайшихъ задачъ той или другой инородческой школы, для достиженія впоследствии общей просвѣтительно-государственной цѣли, и не на словахъ только, но на дѣлѣ. Одно, что желательно и необходимо во всѣхъ случаяхъ и при всѣхъ одинаково условіяхъ—поменьше экспериментовъ и мудрованія, побольше искренности и патріотической преданности столь важному дѣлу со стороны тѣхъ, кто берется за него.

Довольно съ насъ разныхъ странностей, творившихся въ прежнее время, ставшее теперь историческимъ. Въ царствованіе императрицы Екатерины II строили въ Киргизскихъ степяхъ мечети, въ видахъ привитія и утвержденія ислама среди Киргизовъ, которые по натурѣ своей не очень-то ревностные мусульмане, чая этимъ путемъ возвести кочевниковъ на высшую культурную степень—осѣдлости. Теперь намъ рекомендуютъ заводить высшія мусульманскія медресе и обучать въ нихъ ни къ чему ненужному арабскому языку. Неужели необходимо создавать собственными руками, на собственные средства, такія учрежденія, которые ничего не общаютъ, кромѣ расходовъ и хлопотъ въ настоящемъ и затрудненій въ будущемъ?

В. Смирновъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПРАЗДНОВАНИЕ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ РУМЯНЦЕВСКАГО МУЗЕЯ.

Въ 1881 году на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (майская книжка) помѣщенъ былъ историческій очеркъ Румянцевскаго музея, основаннаго пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ силу завѣщанія государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцева, пожелавшаго передать свою библіотеку и другія свои ученыя коллекціи въ общественную собственность.

Празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея Румянцевскаго музея состоялось 28-го мая текущаго года, въ Румянцевской залѣ Московскаго публичнаго музея, въ присутствіи Московскаго генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова и многихъ другихъ почетныхъ лицъ древней столицы.

Засѣданіе было открыто рѣчью директора музея, при чемъ дѣйствительный тайный совѣтникъ В. А. Дашковъ, между прочимъ сообщилъ, что Высочайшее повелѣніе въ Божѣ почивающаго Государя Николая Павловича объ окончательномъ принятіи завѣщаннаго графомъ Н. П. Румянцовымъ, на благое просвѣщеніе, богатаго книжнаго и рукописнаго собранія, вмѣстѣ съ нумизматическими и другими отдѣлами, въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія послѣдовало 28-го мая 1831 года, и что, слѣдовательно, юбилей долженъ былъ праздноваться музеемъ въ 1881 году, но ужасное событіе 1-го марта прошлаго года заставило въ то время отложить мысль о частъ ссххн, отд. 4.

комъ бы то ни было празднествъ и перенести его на настоящій годъ. Затѣмъ въ своей рѣчи директоръ музея перечислилъ слѣдующія юбилейныя изданія: 1) Сборникъ матеріаловъ для исторіи Румянцевскаго музея, составленный изъ статей хранителей музея; 2) Историческое описаніе Румянцевскаго музеума—бывшаго бібліотекаря музея К. Кестнера; 3) Описаніе рукописей П. И. Севастьянова—А. Викторова; Описаніе рукописей профессора И. Д. Бѣляева—А. Викторова; 4) Описаніе собранія историко-юридическихъ актовъ профессора Бѣляева—Д. Лебедева; 5) собраніе фотографическихъ снимковъ съ наружныхъ и внутреннихъ помѣщеній Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, а также съ замѣчательнѣйшихъ, хранящихся въ музеяхъ памятниковъ.

По окончаніи рѣчи В. А. Дашковъ прочелъ слѣдующую депешу, полученную имъ отъ Его Императорскаго Высочества великаго Князя Владиміра Александровича:

„Директору Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ.

„Привѣтствуя Румянцевскій музей съ пятидесятилѣтнимъ его юбилеемъ, отъ души желаю этому полезному учрежденію долгаго процвѣтанія на пользу науки и общества. Сожалѣю, что лично не могу принять участія въ торжествѣ“.

„Владиміръ.“

Затѣмъ, послѣ рѣчей и привѣтствій, принесенныхъ музею представителями различныхъ ученыхъ обществъ, академій и университетовъ, директоръ музея сообщилъ собранію слѣдующую телеграмму отъ министра народнаго просвѣщенія.

„Директору Румянцевскаго музея:

„Государь Императоръ всемилостивѣйше повелѣтъ соизволилъ поздравить ваше высокопревосходительство, какъ представителя Румянцевскаго музея, по случаю совершившагося пятидесятилѣтія его существованія, и пожелать дальнѣйшаго процвѣтанія этому полезному учрежденію“.

Осчастливленные милостивымъ вниманіемъ Его Императорскаго Величества, присутствовавшіе продолжали приношеніе дальнѣйшихъ поздравленій. Послѣ засѣданія почетные посѣтители осматривали рѣдкости музеевъ, новую читальную залу, и въ особенности, портретную галерею русскихъ великихъ дѣятелей, портреты которыхъ собирались директоромъ музея В. А. Дашковымъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ и затѣмъ подарены музею.

ОБЩЕСТВО АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ въ 1881 году.

18-го марта текущаго года состоялось третье годовичное собраніе Общества археологій, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, подъ предсѣдательствомъ П. Д. Шестакова, и въ этомъ засѣданіи секретаремъ Н. П. Загоскинымъ прочитанъ былъ отчетъ о дѣятельности названнаго учрежденія въ теченіе четвертаго года его существованія. Извлекаемъ изъ этого отчета важнѣйшія данныя касательно внутренней жизни Казанскаго археологическаго общества въ продолженіе означеннаго періода.

Одною изъ главнѣйшихъ заботъ Общества, съ самаго его основанія, было охраненіе развалинъ древняго города Булгара, находящагося въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Лѣтомъ 1881 года воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на передачу этихъ развалинъ въ завѣдываніе Общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ, 20-го іюня минувшаго года Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Н. П. Игнатьева, всемилостивѣйше соизволилъ ежегодно отпускать изъ суммъ государственнаго казначейства въ распоряженіе Общества по триста рублей на поддержку и храненіе болгарскихъ развалинъ.

Ограниченность матеріальныхъ средствъ служитъ весьма существеннымъ препятствіемъ къ развитію ученыхъ предпріятій Общества по изслѣдованію древностей Волжско-Камскаго края. Тѣмъ не менѣе, въ минувшемъ году Обществу удалось на средства, пожертвованныя г. Уженинымъ, снарядить небольшую ученую экспедицію для изслѣ-

дованія, въ археологическомъ отношеніи, привамской части Вятской губерніи. Проектъ этой экспедиціи былъ выработанъ членомъ Общества П. А. Пономаревымъ, а исполненіе предпріятія было возложено на то же лицо при содѣйствіи нѣсколькихъ другихъ членовъ Общества. Главные результаты этихъ изысканій заключаются въ слѣдующемъ:

1) На границахъ Мамадышскаго и Малмыжскаго уѣздовъ П. А. Пономаревымъ и А. А. Штукенбергомъ обследованы заброшенные копи, которыя по преданію приписывались древней Чуди; тщательный осмотръ этой мѣстности показалъ однако, что тутъ не имѣется никакихъ слѣдовъ первобытной выработки и обработки металловъ. Въ ту же повѣзку осмотрѣно было Жукотинское городище, снята надпись съ надгробнаго мусульманскаго памятника въ с. Жукотинѣ, а также осмотрѣны и сняты на планъ городища близъ д. Березовки и с. Байтерякова, Чистопольскаго уѣзда, и такъ-называемое „старое жилище“ близъ д. Котяка въ Малмыжскомъ уѣздѣ.

2) Произведена была П. А. Пономаревымъ и Н. П. Лихачевымъ обширная, прополжавшаяся двѣ недѣли, раскопка знаменитаго Ананьинскаго могильника близъ г. Елабуги, при чемъ открыты были такіе памятники и вещи, подобныхъ которымъ не попадалось прежнимъ изслѣдователямъ этой мѣстности (склепъ, серебряный шейный обручъ, серебряныя спирали и пр.).

3) Тѣми же лицами сдѣланы развѣдки на Чертовомъ городищѣ близъ Елабуги, при чемъ удалось напасть на слѣды до-булгарской культуры; раскопанъ могильникъ близъ с. Пьянаго Бора на Камѣ, при чемъ найдены вещи, которыя, подобно находимымъ въ Ананьинскомъ могильникѣ, относятся къ переходной эпохѣ отъ бронзы къ желѣзу; открыты и обследованы три городища въ окрестностяхъ с. Пьянаго Бора и одно близъ с. Тихихъ Горъ, а также произведены раскопки на городищѣ близъ Воткинскаго завода, при чемъ также найдены предметы, относящіеся къ до-булгарской культурѣ.

4) Произведены П. А. Пономаревымъ же изысканія близъ с. Шурана и д. Сорочьихъ Горъ, Лаишевскаго уѣзда, имѣвшія цѣлью дополнить прежнія изслѣдованія того же лица въ этихъ мѣстностяхъ. Обширныя раскопки на городищахъ у Сорочьихъ Горъ и Гремячаго Оврага, кромѣ массы черепковъ и расколотыхъ костей различныхъ животныхъ, дали множество костяныхъ издѣлій (молотки, иглы, лопатки, ложки, шилья, гарпуны, стрѣлы, удочки, пронизки изъ медвѣжьихъ вѣлковъ и пр.) и нѣкоторое количество каменныхъ орудій.

Такимъ образомъ здѣсь констатированы были стоянки людей позднѣйшаго каменнаго періода.

Къ этимъ археологическимъ работамъ примыкають нѣкоторыя произведенныя по инициативѣ Общества этнографическія изслѣдованія: Г. Н. Потанинъ собралъ богатые этнографическіе матеріалы у Вотяковъ Елабужскаго уѣзда, а С. Б. Кузнецовъ — у Черемисовъ Малмыжскаго и Уржумскаго уѣздовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оба эти лица не упускали также случаевъ производить и археологическія разысканія: г. Потанинъ производилъ раскопки близъ дд. Варзи-Ярчи и Утчанъ, а г. Кузнецовъ—у Ройскаго Истока въ Уржумскомъ уѣздѣ; во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ найдены вещи, которыя должно относить къ періоду до-булгарской культуры.

О результатахъ всѣхъ поименованныхъ изысканій было докладываемо въ засѣданіяхъ Общества, на которыхъ, кромѣ того, было предложено еще нѣсколько другихъ соображеній, касательно древностей и этнографіи исторіи Волжско-Камскаго края.

Издательская дѣятельность Общества въ теченіе отчетнаго періода ограничивалась печатаніемъ годоваго отчета и третьяго тома Извѣстій Общества, который однако еще не вышелъ въ свѣтъ. Причина этой медленности заключается, въ недостаткѣ средствъ на изданіе. За то ученые коллекціи Общества, его музей и библиотеки, продолжаютъ быстро обогащаться важными приношеніями, и это обстоятельство несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ сочувствіи, которымъ пользуется Общество среди мѣстныхъ жителей.

Что касается приобрѣтеній собственно библиотеки печатныхъ книгъ, то въ ряду ихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ поступившая въ Общество богатая коллекція мѣстныхъ казанскихъ изданій прежняго времени, то-есть, журналовъ и отдѣльныхъ книгъ и брошюръ, печатавшихся въ Казани.

Въ числѣ важнѣйшихъ вкладовъ, поступившихъ въ принадлежащее Обществу собраніе рукописей, должно упомянуть: а) пожертвованные Г. И. Мѣшковымъ двадцать два автографа въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II, относящіеся къ 1840 годамъ, и оффициально засвидѣтельствованную копію съ формулярнаго списка о службѣ покойнаго Государя въ званіи командующаго гвардейскимъ корпусомъ; б) значительное количество актовъ XVII и XVIII вѣковъ, въ томъ числѣ выписи изъ писцовыхъ и отказныхъ книгъ Алатырской привазной избы; в) нѣсколько рукописей XVII и XVIII вѣковъ,

какъ-то: святцы, лѣчебникъ, наказъ отъ купечества города Чебоксарь въ комиссію сочиненія проекта новаго уложенія, и пр.

Музей Общества обогатился множествомъ предметовъ древнѣйшей культуры, найденныхъ при вышеупомянутыхъ раскопкахъ гг. Пономарева, Лихачева и др.; здѣсь въ особенности замѣчательны вещи, извлеченныя изъ Ананьинскаго могильника, количествомъ до 350, и костяные предметы съ Сорочьихъ Горъ и Гремячаго Оврага. Кроме того, музей обогатился обширною коллекціей (до 1,500 предметовъ) бильярскихъ древностей. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что и минцъ-кабинетъ Общества не остался безъ значительныхъ и интересныхъ приобрѣтеній; изъ нихъ самое видное мѣсто составляетъ богатое собраніе серебряныхъ копѣекъ времени царей Ивана IV, Ѳедора Ивановича, Бориса Годунова, Дмитрія Самозванца и Василя Шуйскаго.

Такимъ образомъ, молодое Казанское археологическое общество, самое юное изъ существующихъ въ Россіи подобныхъ учреждений, при всей ограниченности тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыми оно располагаетъ, продолжаетъ по возможности дѣятельно работать для изученія остатковъ мѣстной древности и старины; и хотя существованіе этого Общества еще весьма непродолжительно, нельзя не признать, что усиліями его, съ одной стороны, уже подвинуто разъясненіе нѣкоторыхъ темныхъ сторонъ древней культуры Волжско-Камскаго края, уцѣлѣвшей въ многочисленныхъ тамошнихъ курганахъ и городищахъ, а съ другой—возбуждено въ мѣстномъ населеніи почтенное чувство уваженія къ памятникамъ древности.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Новороссійскаго университета въ 1881 году: личный составъ преподавателей; вакантными каѳедры; преподаваніе по этимъ каѳедрамъ; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе наградъ за сочиненія на заданныя темы; присужденіе премій; ученые труды преподавателей и другихъ служащихъ при университетѣ лицъ; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; командировка съ ученою цѣлью; бюджетъ университета; свидѣнія объ учащихъ; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; Общество естествоиспытателей.

Въ Новороссійскомъ университетѣ къ 1-му января 1882 года состояло на липо штатныхъ преподавателей: на историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 6, доцентовъ 3; на физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 5, астрономъ-наблюдатель 1, лаборантовъ 4; на юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 7, доцентовъ 2. Сверхъ того при университетѣ состояли непричисляемые ни къ какому факультету три лица: профессоръ православнаго богословія и 3 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ. Такимъ образомъ общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей къ началу 1882 года было: профессоръ православнаго богословія 1, ординарныхъ профессоровъ 24, экстраординарныхъ 3, доцентовъ 10, астрономъ-наблюдатель 1, лекторовъ новѣйшихъ иностранныхъ языковъ 3, лаборантовъ 4, всего—46 лицъ. Сверхштатныхъ преподавателей было 5, всѣ на физико-ма-

тематическомъ факультетѣ, именно: одинъ ординарный профессоръ по кафедрѣ механики и 4 лаборанта. Сверхъ того, по приглашенію совѣта, читали лекціи по найму 6 стороннихъ преподавателей, по два на каждомъ изъ трехъ, составляющихъ университетъ факультетовъ. Приватъ-доцентъ былъ 1—на историко-филологическомъ факультетѣ. Сравнительно съ 1880 годомъ число преподавателей увеличилось двумя доцентами. Незамѣщенными оставались слѣдующія кафедры: на историко-филологическомъ факультетѣ — философіи съ октября 1876 года, римской словесности съ января 1877 года, сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ съ октября 1874 года и исторіи всеобщей литературы съ мая 1865 года; на физико-математическомъ—агрономической химіи съ марта 1879 года; на юридическомъ—энциклопедіи права съ октября 1872 года, международнаго права съ мая 1865 года, государственнаго права съ іюня 1875 года и церковнаго законовѣдѣнія съ того же времени. Общее число преподавательскихъ вакансій въ 1-му января 1882 года было относительно временнаго штата университета 1 ординарнаго профессора, 8 экстраординарныхъ профессоровъ, 1 лектора, а всего 10; въ сравненіи же съ постояннымъ университетскимъ штатомъ 4 ординарныхъ профессоровъ, 10 экстраординарныхъ, 6 доцентовъ, 1 лектора, а всего 21.

Въ 1881 году факультеты имѣли засѣданія: историко-филологическій 17, изъ коихъ одно происходило въ присутствіи совѣта; физико-математическій—21, въ томъ числѣ одно публичное и одно въ присутствіи совѣта; юридическій—16, изъ коихъ одно въ присутствіи совѣта. Историко-филологическій факультетъ проектировалъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ существующемъ распредѣленіи предметовъ преподаванія на факультетѣ, которыя приняты совѣтомъ и представлены на утвержденіе министерства народнаго просвѣщенія. Въ видахъ восполненія преподаванія факультетскихъ предметовъ приглашены были, въ качествѣ стороннихъ преподавателей, для чтенія лекцій по вакантнымъ кафедрамъ римской словесности заслуженный профессоръ Новороссійскаго университета Юргевичъ и кандидатъ Московскаго университета Сперанскій; доценту Воеводскому поручено было чтеніе лекцій по исторіи греческой философіи, и ординарному профессору Кочубинскому—по сравнительному языкознанію. На физико-математическомъ факультетѣ приглашенъ, въ качествѣ сторонняго преподавателя, для чтенія лекцій по астрономіи бывшій ординарный профессоръ Беркевичъ. На юридическомъ факультетѣ преподаваніе

по вакантнымъ кафедрѣмъ было распредѣлено слѣдующимъ образомъ: чтеніе лекцій по энциклопедіи права было поручено приглашенному по найму въ качествѣ сторонняго преподавателя приватъ-доценту Чижову, по международному праву—ординарному профессору полицейскаго права Шипилевскому, каноническаго права—профессору богословія Кудрявцеву, уголовного права—приглашенному въ качествѣ сторонняго преподавателя заслуженному профессору Богдановскому. Такимъ образомъ, вовсе не читались въ теченіе года лекціи только по тремъ кафедрѣмъ, именно исторіи всеобщей литературы, агрономической химіи и исторіи славянскихъ законодательствъ, послѣдней—по случаю заграничной командировки занимающаго эту кафедру ординарнаго профессора Богишича. Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ, историко-филологическій факультетъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, требовалъ отъ студентовъ, вмѣсто контрольныхъ устныхъ испытаній, годичныя письменныя работы на темы, одобренныя факультетомъ. Точно также и юридическій факультетъ требовалъ отъ всѣхъ студентовъ годичныхъ письменныхъ работъ. Кромѣ того профессора Леонтовичъ, Малининъ и Посниковъ вели практическія занятія со студентами, каждый по предмету своей кафедры. Физико-математическій факультетъ сохранилъ форму контроля въ видѣ устныхъ испытаній и практическихъ занятій въ кабинетахъ и лабораторіяхъ.

За представленныя на предложенныя факультетами темы сочиненія удостоены награжденія медалями: золотою—студентъ III курса математическаго отдѣленія Рубановичъ, и серебряными—студентъ IV курса историко-филологическаго факультета Траудквій и студентъ II курса юридическаго факультета Турчаниновъ. Ими были представлены слѣдующія сочиненія: первымъ—„Опытное изслѣдованіе законовъ отраженія свѣта отъ тѣла съ поверхностнымъ цвѣтомъ (Oberflächenfarbe)“, вторымъ—„Биографія Гоголя въ связи съ его сочиненіями“, послѣднимъ—„Институтъ родовыхъ имуществъ по русскому праву“. На 1882 годъ съ тою же цѣлію предложены слѣдующія темы: на историко-филологическомъ факультетѣ—„Лиудпранда Кремонскаго Legatio Constantinopolitana, на физико-математическомъ—„О геологическомъ строеніи юго-западной части Россіи“, и „Опредѣленіе направленной къ землѣ слагающей собственнаго движенія звѣздъ изъ наблюденій надъ ихъ спектромъ“, на юридическомъ „О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи“, „О правѣ мировыхъ судей, согласно ст. 129 уст. гражд. суд., разсматривать и рѣшать гражданскія дѣла по совѣсти“, „Народное продовольствіе въ Россіи“, и „Международ-

ные пути и средства сообщеній“.—Въ историко-филологическій факультетъ на соисканіе премій И. М. Вучины представлено было 8 драматическихъ пьесъ. Историко-филологическій факультетъ, выслушавъ мнѣніе назначенной для разсмотрѣнія этихъ пьесъ комиссіи, составленной изъ двухъ профессоровъ и одного доцента, постановилъ: комедію „На новыхъ началахъ,“ и драму „Ненужная жизнь,“ признать заслуживающими полныхъ премій, въ 500 руб. каждую, комедію же „Перекрестный огонь,“ удостоить половинной преміи въ 250 руб. Приговоръ этотъ, согласно опредѣленію совѣта, объявленъ на университетскомъ актѣ. Авторами названныхъ пьесъ оказались: первой—Ге, второй—Шпажинскій, послѣдней—Воскресенскій.

Профессоры, преподаватели и другія состоящія въ вѣдомствѣ Новороссійскаго университета лица издали въ 1881 году въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: Трачевскій помѣстилъ статьи: въ *Revue Historique*—„Vergennes et ses apologistes“, въ *Extrait de la Revue Historique*—„La France et l'Allemagne sous Louis XVI. Avec un appendix contenant des lettres et des mémoires inédits de Vergennes“, въ Одесскомъ Вѣстникѣ—„Витторино-да-Фельтре. Очеркъ изъ исторіи гуманизма“; Кондаковъ напечаталъ въ Памятн. Общ. любит. древ. письмен. статью „Иконографія св. Софіи“; Кочубинскій помѣстилъ: въ Историческомъ Вѣстникѣ—„Наши двѣ политики въ славянскомъ вопросѣ“, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Итоги славянской и русской филологіи“, въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ—„Славянскія рукописи Пештскаго музея“; Успенскій напечаталъ статьи: въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Цари Алексій II и Андроникъ Комнины“, въ Русской Исторической Библиотекѣ—„Документы, относящіяся къ русской исторіи“, въ Запискахъ Новороссійскаго университета—„Филиппъ Карловичъ Брунь“; Войткевичъ помѣстилъ въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ: Слово въ день восшествія на престолъ Государя Императора Александра Александровича;—о царствѣ Божіемъ благодатномъ и о его отношеніи къ царствамъ земнымъ, и Слово на воспоминаніе страданий и смерти Господа Иисуса Христа, сказанное въ двадцатый день послѣ мученической кончины Государя Императора Александра Николаевича; свящ. Кудрявцевъ напечаталъ: въ Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ—двѣ рѣчи, произнесенныя въ великій пятокъ „Иисусъ Христосъ какъ истинный Богъ и истинный человекъ,“ и рѣчь на юбилей протоіерея Соколова, Объ обязанностяхъ пасомыхъ въ

отношеніи въ своимъ пастырямъ“, въ Протоколахъ засѣданій юридическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ—„Краткій очеркъ наиболѣе выдающихся трудовъ по церковному праву за пятилѣтіе 1875—1880 г.“, и въ разныхъ изданіяхъ семь рѣчей по случаю происходившихъ событій; Шведовъ помѣстилъ статьи: въ запискахъ Новороссійскаго Общества естествоиспытателей—„Théorie mathématique des formes cométaires“ и въ Запискахъ С.-Петербургскаго физическаго Общества—„Что такое градъ?“. Лигинъ напечаталъ: въ Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques „Sur les airs des courbes anallagmatiques“, въ Запискахъ Новороссійскаго Общества естествоиспытателей—„Научная дѣятельность Мишеля Шаля и „О машинахъ для собиранія хлѣбнаго жука“; Мечниковъ помѣстилъ: въ Zeitschrift für wissensch. Zoologie—„Untersuchungen über Orthonectiden“, въ Zoolog. Anzeiger—„Ueber die systematische stellung des Balanoglossus“; Ярошенко напечаталъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета „Курсъ проективной геометріи“; Умовъ помѣстилъ: въ Wiedemann's Annalen—Ableitung der electrodynamischen inductionsgesetze, и въ Журналѣ русскаго химическаго и физическаго Общества—„Выводъ законовъ электродинамической индукціи“; Малининъ напечаталъ: въ Протоколахъ юридическаго Общества—„Мотивированный проектъ закона объ участіи земства въ контролѣ подѣ эксплуатацией паровыхъ желѣзныхъ дорогъ“, и въ Запискахъ Новороссійскаго университета—„Теорія гражданского судопроизводства“; Сабининъ помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго университета двѣ статьи: „О началахъ наименьшаго дѣйствія“, и „Къ двумъ вопросамъ о максимум и минимумъ многократныхъ интеграловъ“ и актовую рѣчь „Михаилъ Васильевичъ Остроградскій“. Доценты: Воеводскій, Перетятковичъ и Палаузовъ напечатали въ томъ же изданіи статьи: первый—„Введеніе въ миеологию Одиссея“, второй—„Поволжье въ XVII и началъ XVIII вѣк.“, послѣдній—„Вступительная лекція въ курсъ уголовного судопроизводства“. Сторонній преподаватель Кожевниковъ помѣстилъ въ Запискахъ Новороссійскаго Общества естествоиспытателей статью „Объ анатомическомъ строеніи лепестковидныхъ цвѣтковыхъ покрововъ“.—Профессоръ Лигинъ прочелъ публичную лекцію „о происхожденіи града“.

Совѣтъ Новороссійскаго университета имѣлъ въ 1881 году 25 засѣданій, изъ коихъ два, по безотлагательности дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію,—въ вакаціонное время. Утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: въ степени магистра, кандидаты: Меликовъ—

химіи, Кононовичъ—астрономіи и Репяховъ—зоологіи; въ степени кандидата—23, въ томъ числѣ 4 по историко-филологическому факультету, 8 по физико-математическому и 11 по юридическому; въ званіи дѣйствительнаго студента—61, именно: по историко-филологическому факультету 22, по физико-математическому 26, по юридическому 15; изъ нихъ 50-ти предоставлено право въ установленный срокъ представить диссертациі на степень кандидата. Для приготовления къ профессорской дѣятельности командированы за границу магистры: Гохманъ—по механикѣ и Волынецевичъ—по астрономіи. Съ тою же цѣлю оставлены при университетѣ кандидаты: Елисафовъ—по химіи, Гріельскій—по международному праву, съ откомандированіемъ для занятій въ С.-Петербургскій и Кіевскій университеты подъ руководствомъ профессоровъ Мартенса и Незабитовскаго.

Изъ числа профессоровъ и другихъ состоящихъ при университетѣ лицъ командированы были съ ученою цѣлю: а) за границу: профессора Шведовъ, Кондаковъ, Успенскій и лаборантъ Меликовъ; профессору Трачевскому срокъ заграничной командировки продолженъ; б) въ Россіи—профессоръ Синцовъ для геологическихъ изслѣдованій въ Саратовскую, Астраханскую и Бессарабскую губерніи.

Въ теченіе 1881 года, по поводу проявившихся въ зданіяхъ Новороссійскаго университета студенческихъ беспорядковъ, университетомъ рассмотрѣно было три дѣла. Одно изъ этихъ дѣлъ обсуждалось въ правленіи, по поводу нанесенія оскорбленія одному студенту другимъ, и постановлено было: студента, оскорбившаго товарища, уволить изъ университета съ правомъ немедленнаго поступленія въ другой университетъ, при аттестациі поведенія хорошаго. Остальныя два дѣла разсматривались университетскимъ судомъ; по одному изъ нихъ привлечены были къ отвѣтственности два студента, изъ коихъ одному объявленъ выговоръ съ отобраніемъ подписки, что виновный въ случаѣ новаго проступка будетъ уволенъ изъ университета, а другому сдѣлано простое замѣчаніе. По другому дѣлу, въ которомъ привлечено къ отвѣтственности 20 студентовъ, университетскій судъ, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, постановилъ: а) уволить двухъ студентовъ изъ университета безъ прошенія на годъ и безъ права когда-либо поступить въ Новороссійскій университетъ; б) тремъ студентамъ предложить уволиться изъ университета; в) шести студентамъ объявить съ подпиской, что виновные, въ случаѣ новаго проступка, будутъ удалены изъ университета; г) тремъ студентамъ объявить выговоръ; д) одному студенту сдѣлать простое замѣчаніе безъ вне-

сенія въ общую штрафную книгу; е) остальныхъ пять студентовъ признать невиновными.

Денежныя средства Новороссійскаго университета находились въ 1881 году въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы: въ 1881 г. отпущено изъ государственнаго казначейства 223,423 руб. 33 коп., именно: на содержаніе личнаго состава 138,010 руб., на учебныя пособія, хозяйственныя и другіе расходы 49,400 руб., на стипендіи и пособія студентамъ 18,000 руб., на пособіе Обществу естествоиспытателей 2,500 руб., на приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію и научныя командировки 3,419 руб. 50 коп., на біологическую станцію въ Севастополѣ 1,500 руб.; б) сумма сбора за слушаніе лекцій: оставалось отъ 1880 года 198 р. 80¹/₂ к., въ 1881 г. поступило 6,880 руб. 50 к., въ теченіе года израсходовано 6,598 р. 48 коп., затѣмъ остатка къ 1882 году имѣлось 480 руб. 82¹/₂ коп., в) суммы сбора за матрикулы: остатка отъ 1880 года было 157 руб. 19¹/₂ коп., поступило въ 1881 году 658 р., израсходовано въ тотъ же срокъ 795 р., къ 1-му января 1882 года оставалось на лицо 20 р. 19¹/₂ коп.; г) пожертвованныхъ на учрежденіе стипендій суммъ: отъ 1880 года оставалось 155,681 руб. 5¹/₄ коп., въ теченіе 1881 года поступило 17,168 р. 14 к., въ теченіе года израсходовано 7,287 р. 89 коп., затѣмъ къ 1882 году было въ остаткѣ 165,561 р. 30¹/₄ к.; д) депозитовъ: къ 1-му января 1881 года имѣлось 19,334 р. 24 коп., въ 1881 году поступило 16,416 р. 71 к., израсходовано 14,823 руб. 97 коп., къ 1-му января 1882 года оставалось 20,926 руб. 98 коп. Главнѣйшія статьи расхода изъ спеціальныхъ средствъ университета (сбора за слушаніе лекцій и сбора за матрикулы) были слѣдующіе: уплачено за выписанныя для университета иностранныя періодическія изданія 2,134 р. 44 коп., уплачено частной типографіи за печатаніе Университетскихъ Записокъ и другія типографскія работы 2,112 р. 19 коп., выдано въ пособія служащимъ въ университетѣ 1,250 руб., уплачено за книги и періодическія изданія для студенческой читальни 792 руб., выдано въ вознагражденіе редактору Университетскихъ Записокъ 300 руб.

Студентовъ состояло къ 1-му января 1881 года 327; въ 1881 году вновь поступило 168, въ томъ числѣ: изъ гимназій 92, домашняго воспитанія по свидѣтельствамъ зрѣлости 10, изъ университетовъ 54, изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и Болгарскаго центральнаго училища 12; въ теченіе года выбыло 121, въ томъ числѣ до окончанія курса 47, по окончаніи курса 74, затѣмъ къ

1-му января 1882 года оставалось на лицо 374, которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ 53, на юридическомъ 141, на физико-математическомъ 180 (по отдѣленію математическихъ наукъ 64, по отдѣленію естественныхъ наукъ 116); б) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ 254, армяно-григоріанъ 2, римско-католиковъ 27, лютеранъ 4, евреевъ и караймовъ 87; в) по происхожденію: сыновей дворянъ и чиновниковъ 115, духовнаго званія 105, почетныхъ гражданъ и купцовъ 38, мѣщанъ и разночинцевъ 80, крестьянъ 7, иностранныхъ подданныхъ 29; г) по предварительному образованію: гимназистовъ 205, семинаристовъ 83, изъ другихъ учебныхъ заведеній (Новороссійскаго и другихъ университетовъ, медико-хирургической академіи, историко-филологическаго института и Демидовскаго юридическаго лицея) 86; д) по учебнымъ округамъ, въ которыхъ состоятъ заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго округа 17, Московскаго 24, Казанскаго 1, Оренбургскаго 1, Харьковскаго 32, Одесскаго 215, Кіевскаго 76, Варшавскаго 5, Дерптскаго 3. Постороннихъ слушателей было: къ 1-му января 1871 года—17, къ 1-му января 1882 года — 48. Изъ числа состоявшихъ къ 1-му января 1882 года 374 студентовъ стипендіями пользовались 123 на сумму 27,932 руб. 66 коп.; размѣръ стипендій—отъ 120 руб. до 400 руб. включительно; изъ этихъ 123 стипендіатовъ 114, сверхъ того, пользовались освобожденіемъ отъ платы; стипендій въ теченіе года лишены были 2 студента. Пособія единовременныя выданы были 78 студентамъ, въ размѣрѣ отъ 3 до 50 руб., всего на сумму 1,779 руб. 79 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Новороссійскаго университета къ 1-му января 1882 года находились въ слѣдующемъ положеніи: Въ университетской библіотекѣ состояло: книгъ 44,188 сочиненій 75,750 томовъ, періодическихъ изданій 758 названій 15,895 томовъ, рукописей 133 названія 155 тетрадей, картъ, рисунковъ, портретовъ, чертежей 604 названія 654 тома, всего въ библіотекѣ на сумму 205,514 руб.; въ студентской библіотекѣ: книгъ 5,059 названій 8,265 томовъ, періодическихъ изданій 151 названіе 1,660 томовъ и тетрадей, рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ 47 названій 57 томовъ и листовъ, всего въ библіотекѣ на 7,774 руб.; въ астрономической обсерваторіи: разныхъ инструментовъ, моделей, подвижной утвари и другихъ принадлежностей 168 нумеровъ на 16,370 рублей, книгъ и періодическихъ изданій 1 названіе

21 томъ на 302 рублей; въ кабинетъ практической механики: книгъ 28 названій на 181 руб., моделей, подвижной утвари и проч. 282 номера на 12,212 рублей; въ физическомъ кабинетъ съ лабораторіей: книгъ и атласовъ 59 названій 135 томовъ на 524 руб.-инструментовъ, приборовъ, посуды и мебели 508 номеровъ 563 экземпляра на сумму 18,571 руб.; въ химической лабораторіи съ кабинетомъ: препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей 1,410 номеровъ 2,013 экземпляровъ на сумму 29,761 руб.; въ минералогическомъ кабинетъ съ лабораторіей: минераловъ, картъ, подвижной утвари и проч. 871 номеръ на 12,988 руб.; въ кабинетъ физической географіи: книгъ и атласовъ 93 номера 109 экземпляровъ на 1,139 руб., инструментовъ 26 номеровъ 31 экземпляръ на 2,447 руб.; въ метеорологической обсерваторіи: книгъ и атласовъ 8 номеровъ на 1,972 руб.; въ кабинетъ геологическомъ и палеонтологическомъ: книгъ и другихъ изданій на 2,260 руб., моделей, окаменѣлостей, утвари и другихъ принадлежностей на 6,560 руб.; въ ботаническомъ кабинетъ: книгъ 529 названій 547 томовъ на 1,866 руб., сухихъ растений, моделей, препаратовъ и проч. 18,634 номера 21,982 экземпляра на 5,338 руб.; въ ботаническомъ саду: растений, кустарниковъ, травъ, подвижной утвари и другихъ принадлежностей 1,192 номера 1,355 экземпляровъ на 2,715 руб.; въ зоологическомъ кабинетъ съ лабораторіей: книгъ 287 названій 685 томовъ, чучель, препаратовъ, инструментовъ и другихъ принадлежностей 3,948 номеровъ, всего на сумму 20,945 руб.; въ зоотомическомъ кабинетъ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій 91 названіе 122 тома, скелетовъ, препаратовъ, инструментовъ и другихъ принадлежностей 671 номеръ, всего на 8,057 руб.; въ физиологическомъ кабинетъ: приборовъ, мебели, реактивовъ и препаратовъ 175 номеровъ на 4,224 руб.; въ техническомъ кабинетъ съ лабораторіей: техническихъ издѣлій, принадлежностей химическихъ, препаратовъ, реактивовъ и проч. 4,795 экземпляровъ на 9,831 руб.; въ агрономическомъ кабинетъ съ лабораторіей: книгъ и другихъ изданій 34 названія, приборовъ, посуды, инструментовъ и другихъ принадлежностей 623 номера 1,430 экземпляровъ, всего на сумму 12,312 руб.; въ милицъ-кабинетъ: монетъ, моделей и утвари 5,062 номера на 2,131 руб.

При Новороссійскомъ университетѣ состоитъ Общество естествоиспытателей, дѣятельность котораго въ 1881 году, по примѣру предыдущихъ лѣтъ, выразилась главнымъ образомъ: а) въ научныхъ сообщеніяхъ, сдѣланныхъ членами Общества въ его засѣданіяхъ, б) въ

изданіи спеціальныхъ работъ по естественнымъ и математическимъ наукамъ, и в) въ снаряженіи экскурсій. Научныя сообщенія, имѣвшія мѣсто въ семи засѣданіяхъ, были слѣдующія: Бучинскаго—о развитіи гидры, Габбе—теорія экваподленцій, Лигина—а) о научной дѣятельности Мишеля Шаля, скончавшагося въ Парижѣ въ декабрѣ 1880 года, б) о площадяхъ аналагматическихъ кривыхъ, и в) объ отношеніи скоростей въ механизмахъ Поселье, Гарта и Кемпе; Пренделя—о Кривомъ Рогѣ и о его рудахъ, Старкова—объ оберткахъ движущихся сферъ переменнаго радіуса, Шапира—два сообщенія: а) основаніе теоріи самыхъ общихъ кофункцій и б) обобщеніе алгебраическаго закона, что уравненіе n -ой степени имѣетъ n корней для n дробнаго.—Общество выпустило въ свѣтъ III томъ Записокъ математическаго отдѣленія своего и 2-й выпускъ VII тома Записокъ Общества по естественнымъ наукамъ. Третій томъ математическихъ Записокъ содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: Ф. Шведова—*Théorie mathématique des formes cométaires (suite)*^a, А. Старкова—о сложныхъ процентахъ и текущихъ счетахъ, В. Лигина—научная дѣятельность Мишеля Шаля, Г. Шапира—основаніе для теоріи самыхъ общихъ кофункцій. Въ томъ же томѣ помѣщены протоколы засѣданій математическаго отдѣленія Общества за время съ 20-го ноября 1876 г. по 13-е февраля 1881 г., часть коихъ была уже напечатана съ протоколами общихъ собраній. Второй выпускъ VII тома Записокъ состоитъ изъ работъ; Л. Рихави—матеріалы для лихепологической флоры Крыма, П. Бучинскаго—къ вопросу о развитіи дождеваго червяка, и Р. Пренделя—матеріалы для геологіи сѣверо-восточной части Херсонской губерніи. Въ 1881 году Общество дало возможность осуществиться слѣдующимъ экскурсіямъ съ научными цѣлями: Р. А. Прендель занимался изученіемъ кристаллическихъ породъ въ восточной части Херсонской губерніи и въ прилегающихъ мѣстностяхъ Екатеринославской губерніи. Изслѣдованіе захватило бассейнъ р. Базавлука и верховьевъ р. Саксагани. Изъ представленной г. Пренделемъ статьи видно, что онъ обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на микроструктуру развитыхъ въ названныхъ мѣстностяхъ кристаллическихъ породъ, на ихъ взаимныя отношенія и ихъ генетическое сродство. Л. В. Рейнгардъ экскурсировалъ съ альгологическою цѣлію въ окрестностяхъ Одессы, именно на университетской дачѣ. Экскурсія, предпринятая И. М. Видгальмомъ тоже въ окрестностяхъ Одессы, имѣли главною цѣлію рѣшеніе вопроса о появленіи филоксеры, изслѣдованіе нѣкоторыхъ, недавно появившихся вредныхъ двухкрылыхъ.

опредѣленіе насѣкомыхъ, истребляющихъ табачныя плантаціи, и собираніе данныхъ относительно распространенія грибныхъ эпидемій между италіанскою саранчею и другими вредными насѣкомыми. Собираніе коллекціи засушенныхъ насѣкомыхъ пришлось отложить до нынѣшняго лѣта, такъ какъ постоянные переѣзды съ мѣста на мѣсто не позволяли заняться тщательнымъ препарированіемъ и составленіемъ систематической коллекціи. В. М. Репяховъ, представившій Обществу краткій письменный отчетъ о своихъ экскурсіяхъ и напечатавшій о полученныхъ имъ результатахъ небольшую предварительную замѣтку въ *Zoologischer Anzeiger*, воспользовался полученною имъ отъ Общества субсидіей для того, чтобы изслѣдовать въ Крыму, именно въ Севастополѣ и Ялтѣ, раннія стадіи развитія двухъ аннелидъ—*Polygordius flavoscapitatus* и *Saccosirus papillocercus*. Подробное описаніе этихъ наблюденій необходимо, къ сожалѣнію, до времени отложить, въ виду того, что весьма важно было бы основательно изучить всю исторію развитія названныхъ червей, а эта работа требуетъ для своего добросовѣстнаго исполненія довольно долгаго времени.—Въ 1881 году прибавилось шесть ученыхъ обществъ въ Россіи и за границею, съ которыми Общество производитъ обмѣнъ своими изданіями.—Совѣтъ Общества состоялъ изъ президента (профессоръ Мечниковъ), трехъ вице-президентовъ, трехъ членовъ, казначея и секретаря. Въ дѣйствительные члены Общества избрано пять лицъ, въ томъ числѣ одинъ докторъ Гейдельбергскаго университета. Слѣдующіе расходы Общества въ 1881 году представляются въ слѣдующемъ видѣ: на печатаніе Записокъ естественно-историческаго содержанія и математической секціи ассигновано 2.874 руб., на экскурсіи—1.000 руб., жалованье секретарю и служителю 360 руб., на выписку книгъ и канцелярскіе расходы 120 руб.

С.-Петербургскій практическій технологическій институтъ въ 1881 году.

С.-Петербургскій практическій технологическій институтъ, учрежденный въ царствованіе Императора Николая Павловича, въ 1828 году, по мысли бывшаго тогда министра финансовъ, графа Е. Ф. Канкринна, находился съ того времени въ вѣдомствѣ министерства финансовъ; а 1-го августа 1881 года, въ исполненіе Высочайшихъ повелѣній 17-го апрѣля и 10-го іюля того же года, переданъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Институтъ отнесенъ къ специальнымъ высшаго разряда учебнымъ заведеніямъ и руководствуется нынѣ

часть, ССХХІІ, отд. 4.

въ дѣйствіяхъ своихъ Высочайше утвержденнымъ 30-го января 1867 года положеніемъ и послѣдовавшими въ 1872, 1876, 1877 и 1878 годахъ перемѣнами и дополненіями въ немъ. Курсъ ученія въ институтѣ пятилѣтній съ распредѣленіемъ его на два спеціальныя отдѣленія: механическое и химическое.

Въ 1881 году преподаваемы были слѣдующіе предметы: Въ I общемъ курсѣ: богословіе (историческій обзоръ христіанскихъ вѣроисповѣданій), высшая математика (аналитическая геометрія, дифференціальное исчисленіе и начало интегральнаго), начертательная геометрія, физика (дополнительный курсъ общей физики), химія неорганическая (металлоиды), элементарная механика (введеніе въ теоретическую механику), иностранные языки: французскій, нѣмецкій и англійскій (чтеніе, переводъ, разборъ съ грамматическими объясненіями отрывковъ изъ замѣчательныхъ сочиненій иностранныхъ писателей), черченіе линейное, рисованіе (орнаментовъ съ гипсовыхъ фигуръ). Во II курсѣ: интегральное исчисленіе и теоретическая механика—на механическомъ отдѣленіи, физика (о теплотѣ) на обоихъ отдѣленіяхъ, химія неорганическая (металлы)—на обоихъ отдѣленіяхъ, минералогія и геогнозія—на химическомъ отдѣленіи, сопротивленіе металловъ и построеніе деталей машинъ—на обоихъ отдѣленіяхъ, прикладная механика (общій курсъ)—на обоихъ отдѣленіяхъ, строительное искусство—на обоихъ отдѣленіяхъ, архитектура—на обоихъ отдѣленіяхъ, иностранные языки—на обоихъ отдѣленіяхъ, черченіе частей механизмовъ—на обоихъ отдѣленіяхъ, съ раздѣленіемъ всѣхъ слушателей на четыре группы, черченіе архитектурное—на обоихъ отдѣленіяхъ, съ раздѣленіемъ слушателей на двѣ группы. Въ III курсѣ: а) на обоихъ отдѣленіяхъ: механическая теорія тепла, геодезія (низшая), технологія металловъ (свойства и ручная обработка металловъ); б) на механическомъ отдѣленіи: теорія вѣроятностей (необязательно для слушателей), устройство подъемныхъ машинъ, устройство паровыхъ котловъ, гидравлика и устройство гидравлическихъ двигателей, теорія и устройство паровыхъ машинъ, металлургія, проектированіе деталей машинъ и подъемныхъ механизмовъ, проектированіе частей зданій и цѣлыхъ зданій (преподаватель въ началѣ учебнаго года производилъ съ слушателями осмотръ нѣкоторыхъ изъ строящихся въ Петербургѣ зданій); в) на химическомъ отдѣленіи: химія аналитическая, химія органическая, технологія минеральныхъ веществъ (преподаватель съ слушателями производилъ неоднократно осмотръ нѣкоторыхъ изъ химическихъ, а также Императорскихъ стекляннаго и фарфороваго заво-

довъ близъ Петербурга), технология органическихъ веществъ (производство бумаги), анатомія и физиологія растений (подъ руководствомъ преподавателя, слушатели, съ распредѣленіемъ ихъ на двѣ группы, занимались упражненіями въ микроскопическихъ наблюденіяхъ), проектированіе частей зданій и цѣлыхъ зданій, практическія занятія въ химической лабораторіи по качественному анализу. Въ IV курсѣ: а) на обоихъ отдѣленіяхъ: электротехника (необязательно для слушателей; подъ руководствомъ и при помощи двухъ преподавателей, происходили практическія занятія слушателей въ физическомъ кабинетѣ), отопленіе и вентиляция, механическая технология волокнистыхъ веществъ (необязательно для слушателей механическаго отдѣленія желѣзнодорожнаго отдѣла; преподаватель со слушателями производилъ неоднократно осмотръ нѣкоторыхъ изъ прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ въ Петербургѣ), устройство мукомольныхъ мельницъ; б) на механическомъ отдѣленіи: теорія упругости (необязательно для слушателей), строительная механика, механическая технология (литейное дѣло и машинная обработка металловъ), механическая технология (устройство заводскихъ машинъ и обработка дерева; преподаватель со слушателями производилъ неоднократно осмотръ нѣкоторыхъ изъ механическихъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ въ Петербургѣ и внѣ онаго), теорія и устройство паровозовъ (необязательно для слушателей техническаго отдѣленія фабрично-заводскаго отдѣла), проектированіе гидравлическихъ и паровыхъ двигателей; практическія лѣтнія занятія переведенныхъ въ V курсъ слушателей, на механическихъ, желѣзодѣлательныхъ и сталелитейныхъ заводахъ происходили на вагонномъ и паровозномъ заводѣ; кромѣ того, нѣкоторые слушатели фабрично-заводскаго отдѣла отправляемы были, для практическихъ занятій, въ теченіе лѣта, на прядильныя и ткацкія фабрики, лѣсопильныя и мукомольныя мельницы, а желѣзнодорожнаго отдѣла— на Рыбинско-Бологовскую, Николаевскую и другія желѣзныя дороги; в) на химическомъ отдѣленіи: технология органическихъ веществъ (преподаватель со слушателями производилъ неоднократно осмотръ стеариноваго, маслянаго, клееваренныхъ, мыловаренныхъ, кожевенныхъ, газовыхъ заводовъ, писчебумажной фабрики въ Петербургѣ и внѣ его), технология питательныхъ веществъ (преподаватель съ слушателями производилъ осмотръ сахарнаго, пивоваренныхъ и дрожжевыхъ заводовъ), технология красильныхъ веществъ (преподаватель со слушателями производилъ осмотръ ситцевой фабрики), составленіе проектовъ заводовъ химическихъ, стеклянныхъ, керамическихъ, практиче-

скія занятія въ химической лабораторіи по количественному анализу; практическія лѣтнія занятія переведенныхъ въ V курсъ слушателей на заводахъ газовыхъ, кожевенныхъ, мыловаренныхъ, клееваренныхъ, на писчебумажной, ситцевыхъ фабрикахъ. Въ V курсѣ: а) на фабрично-заводскомъ отдѣлѣ механическаго отдѣленія: составленіе проектовъ заводовъ механическихъ и желѣзодѣлательныхъ, водопроводовъ, мукомольныхъ мельницъ, прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ; б) на желѣзнодорожномъ отдѣленіи механическаго отдѣленія: составленіе проектовъ паровозовъ; в) на обоихъ отдѣлахъ механическаго отдѣленія: составленіе проектовъ по строительной механикѣ, изученіе систематическаго курса слесарно-токарныхъ, кузнечныхъ и литейныхъ работъ и исполненіе цѣльныхъ механизмовъ въ механическихъ мастерскихъ института; г) на химическомъ отдѣленіи: составленіе проектовъ заводовъ газовыхъ, смологонныхъ, керасиновыхъ, кожевенныхъ и пивоваренныхъ, винокуренныхъ, песочносахарныхъ, крахмальныхъ, красочныхъ, и фабрикъ писчебумажныхъ, ситцевыхъ и отбѣльныхъ; практическое изученіе нѣкоторыхъ производствъ въ технической лабораторіи, винокурнѣ и красильнѣ.

Важнѣйшія улучшенія въ преподаваніи, приведенныя въ исполненіе въ 1881 году, были слѣдующія: а) число лекцій, назначавшихся въ IV курсѣ химическаго отдѣленія по технологіи питательныхъ веществъ, увеличено на одну, такъ какъ при четырехъ лекціяхъ въ недѣлю, вслѣдствіе ежегоднаго вводимыхъ, особенно въ технику свеклосахарнаго производства, важныхъ усовершенствованій, оказалось невозможнымъ изложить съ надлежащею полнотою производствъ, относящихся къ этому отдѣлу химической технологіи. б) Преподаваніе теоріи и устройства паровыхъ машинъ перенесено съ IV курса механическаго отдѣленія на III, каковое измѣненіе представитъ большую пользу въ томъ отношеніи, что слушатели механическаго отдѣленія, занимающіеся на IV курсѣ составленіемъ проектовъ паровыхъ машинъ, будутъ приступать къ этому занятію по выдержаніи экзамена по курсу паровыхъ машинъ, и вслѣдствіе сего, достоинства проектовъ паровыхъ машинъ несомнѣнно повысятся. в) Къ числу различныхъ фабрикъ и заводовъ, проекты которыхъ составляются слушателями V курса, прибавлены фабрики для механической обработки волокнистыхъ веществъ (прядильныя и ткацкія), такъ какъ знакомство съ устройствомъ ихъ признано весьма полезнымъ для будущей технической дѣятельности слушателей института, и въ связи съ этимъ для переведенныхъ на V курсъ механическаго отдѣленія слушателей

установлены лѣтнія практическія занятія на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ и выработана программа этихъ занятій. г) Для лучшаго ознакомленія слушателей съ строительнымъ искусствомъ принято, чтобы слушатели, подъ руководствомъ преподавателей, осенью производили осмотръ вновь возводимыхъ въ Петербургѣ зданій. д) Вслѣдствіе невозможности при томъ числѣ слушателей, которые въ V курсѣ занимаются составленіемъ проектовъ паровозовъ, одному лицу надлежащимъ образомъ руководить этими занятіями и наблюдать за ними, назначены были два преподавателя въ помощь профессору теоріи и устройства паровозовъ, для наблюденія за составленіемъ проектовъ паровозовъ.

По штату института и послѣдовавшимъ затѣмъ постановленіямъ положено: профессоровъ 13, законоучитель 1, инспекторъ работъ механическихъ мастерскихъ 1, преподавателей неопредѣленное число, механикъ 1, химикъ 1, лаборантъ 1, библіотекарей и хранителей музея 2, наблюдателей 5. Къ 1-му января 1882 года состояло на лицо: профессоровъ 12, законоучитель 1, инспекторъ работъ механическихъ мастерскихъ 1, преподавателей 38, механикъ 1, химикъ 1, лаборантъ 1, библіотекарей и хранителей музея 2, наблюдателей 4. Сверхъ того состояло лаборантовъ и мастеровъ механическихъ мастерскихъ по найму 11. Вакантныхъ должностей было 4, именно: 1 профессора, 2 преподавателей и 1 наблюдателя. Незамѣщенными оставались должности преподавателей по двумъ предметамъ: политической экономіи и промышленной статистики Россіи и гидротехническихъ сооружений. Старанія учебнаго комитета института прискаты въ Петербургѣ лицо, которое было бы специально, практически и теоретически, знакомо съ гидротехническими постройками и могло бы принять на себя преподаваніе этого предмета, не увѣчались успѣхомъ. Для замѣщенія же каедръ по политической экономіи и промышленной статистики предположено объявить конкурсъ.

Профессоры, преподаватели и другія служащія въ институтѣ лица издали въ свѣтъ слѣдующіе ученые труды: профессора: П. А. Афанасьевъ подготовилъ къ печати и началъ печатать 2-е издание своего сочиненія „Курсъ мукомольныхъ мельницъ“; Ф. Ф. Бейльштейнъ напечаталъ: въ *Handbuch der Organischen Chemie*—8 выпусковъ (2—9) полного руководства органической химіи, въ *Vierteljahrsschrift für öffentliche Gesundheitspflege*—объ опредѣленіи достоинства дезинфицирующихъ средствъ, въ *Журналъ русскаго физико-химическаго Общества*—„Исслѣдованіе кавказской нефти“, „О нѣко-

торныхъ производныхъ нафталина“, „О дѣйствиі хлористаго ацетила на ацетонъ и о дѣйствиі окиси серебра на бромистый этиленъ“ и „Объ опредѣленіи и отдѣленіи нѣкоторыхъ металловъ“; И. А. Вышнеградскій производилъ опытное изслѣдованіе приѣмовъ для оцѣнки полезнаго дѣйствиі паровыхъ машинъ; Б. Т. Вылежисскій приготовлялъ къ печати статью по кожевенному производству; А. В. Гадолинъ представилъ въ академію наукъ и въ минералогическое Общество нѣсколько рецензій сочиненій, относящихся къ физикѣ и кристаллографіи и занимался разработкой теоріи расширенія кристаллизованныхъ тѣлъ отъ нагрѣванія; И. А. Евневичъ подготовилъ къ печати курсъ прикладной механики; Н. П. Ильинъ представлялъ въ министерство финансовъ заключеніе по нѣкоторымъ вопросамъ фабрично-заводской промышленности въ Россіи, находившимся въ связи съ тарифомъ, представилъ отчетъ по командировкѣ для изслѣдованія вопроса о порчѣ воды въ р. Волгѣ, вслѣдствіе существованія на берегу ея завода смазочныхъ маслъ изъ нефтяныхъ остатковъ, и занимался редакціей статей Техническаго Словаря, издаваемого русскимъ техническимъ Обществомъ; В. Л. Кирпичевъ участвовалъ въ составленіи Техническаго Словаря и вмѣстѣ съ проф. Вышнеградскимъ, производилъ опытное изслѣдованіе приѣмовъ для оцѣнки полезнаго дѣйствиі паровыхъ машинъ; М. А. Красновскій подготовлялъ къ печати курсъ интегральнаго исчисленія; А. К. Крупскій подготовилъ къ печати: „О нефти въ Россіи“, „Объ ископаемомъ топливѣ“, и „Исторіи фотогеннаго производства въ Россіи“; печаталъ въ Извѣстіяхъ технологическаго института изслѣдованіе по предмету выщелачиванія шерсти; составилъ, по порученію частнаго лица, проектъ завода для добыванія поташа изъ овечьей шерсти и занимался опытами надъ сопротивленіемъ фильтрующихъ слоевъ потоку воды; Р. Э. Ленцъ произвелъ три научныя изслѣдованія: „О гальваническомъ сопротивленіи спиртовыхъ растворовъ“, „О газахъ, заключенныхъ въ кварцахъ“ и „О расширеніи морской воды“; преподаватель В. В. Бекъ занимался изслѣдованіемъ минераловъ русскихъ мѣсторожденій; химикъ Э. А. Вроблевскій помѣстилъ въ *J. Liebig's Annalen der Chemie* статью „Ueber isomere Xylydine“; Х. С. Голонинъ печаталъ въ Извѣстіяхъ технологическаго института статью „Одинъ изъ вопросовъ статики упругаго тѣла“; А. В. Григорьевъ напечаталъ нѣсколько рецензій и рефератовъ въ Извѣстіяхъ русскаго географическаго Общества; С. М. Гуржеевъ напечаталъ учебникъ механики для реальныхъ училищъ; Э. А. Коверскій напечаталъ

нѣсколько статей по астрономіи и геодезіи въ Извѣстіяхъ русскаго географическаго Общества и въ Русскомъ Инвалидѣ; П. В. Котурницкій подготовилъ къ печати свое изслѣдованіе о законахъ расположенія и, вмѣстѣ съ проф. Вышнеградскимъ, занимался изслѣдованіемъ приѣмовъ для опредѣленія полезнаго дѣйствія паровыхъ машинъ; Н. В. Султановъ напечаталъ: въ журналѣ Зодчій—спеціальное изслѣдованіе „Русское зодчество въ западной оцѣнкѣ“, въ Памятникахъ древней письменности—„Образцы древне-русскаго зодчества въ миниатюрныхъ изображеніяхъ“ и сдѣлалъ въ Обществѣ архитекторовъ и въ Обществѣ любителей древней письменности пять обществій, касающихся различныхъ вопросовъ архитектуры и археологій; Н. А. Щукинъ подготовилъ къ печати переводъ сочиненія Рейхе „Dampfmaschinen Constructeur“.

Постоянныхъ слушателей въ институтѣ къ 1-му января 1881 года состояло 501, въ теченіе года вновь поступило 154, въ тотъ же срокъ выбыло 114 (до окончанія курса 66, по окончаніи полнаго курса 48); затѣмъ къ 1-му января 1882 года оставалось 541, т. е. на 40 человекъ болѣе предъидущаго года. Эти 541 слушатель распределены были: а) по курсамъ: въ I-мъ курсѣ—129, во II-мъ—115 (механич. отдѣл. 84, химич. 31), въ III-мъ—120 (механич. отдѣл. 86, химич. 34), въ IV-мъ—93 (механич. отд. 71, химич. 22), въ V-мъ—84 (механич. отд. 64, химич. 20); б) по отдѣленіямъ: въ химическомъ—107, въ механическомъ—305, въ I-мъ (общемъ курсѣ)—129; в) по вѣроисповѣданіямъ: православнаго 283, единовѣрецъ 1, армяно-григоріанскаго 7, римско-католическаго 151, лютеранскаго 25, реформатскаго 3, іудейскаго 70, магометанскаго 1; г) по сословіямъ: дворянъ 190, штабъ-и оберъ-офицерскихъ дѣтей 80, потомственныхъ почетныхъ гражданъ 19, почетныхъ гражданъ 14, сыновей священно-и церковнослужителей 28, купеческихъ дѣтей 51, мѣщанъ 109, крестьянъ 11, иностранцевъ 9, разночинцевъ 30; д) по предварительному образованію: окончившихъ курсъ: въ университетахъ 7, въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 1, въ гимназіяхъ съ аттестатами зрѣлости 48, въ реальныхъ училищахъ съ дополнительнымъ классомъ 391, въ духовныхъ семинаріяхъ 8, въ реальныхъ гимназіяхъ и училищахъ безъ дополнительнаго класса 10, въ военно-учебныхъ заведеніяхъ 23, въ коммерческихъ училищахъ 12, въ прочихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 28, представившихъ свидѣтельства гимназій о знаніи гимназическаго курса безъ древнихъ языковъ 11, съ свидѣтельствами реальныхъ гимназій и училищъ о знаніи гимнази-

ческаго курса 2. Изъ числа окончившихъ курсъ удостоены: степени инженеръ-технолога 29, званія технолога 19, сверхъ того степени инженеръ-технолога удостоены 23 лица выпуска прежнихъ лѣтъ по представленнымъ ими диссертациамъ и отчетамъ о технической дѣятельности. Изъ состоявшихъ къ 1-му января 1882 года слушателей было: стипендіатовъ казенныхъ 120, неплатящихъ 17, бесплатныхъ постоянныхъ слушателей 73, платящихъ стипендіатовъ разныхъ вѣдомствъ 25, платящихъ постоянныхъ слушателей 306; освобождены отъ платы 23, лишены этой льготы 8, зачислены въ стипендіаты 52, исключены изъ стипендіатовъ 13, единовременныя пособія выданы 73 слушателямъ на сумму 2.139 руб. Удостоенныхъ перевода въ высшіе курсы было 361, именно: изъ I курса во II—99, изъ II въ III—106, изъ III въ IV—83, изъ IV въ V—73. Многіе изъ слушателей не отличались исправнымъ посвѣщеніемъ лекцій, но работы графическія и практическія въ лабораторіи и мастерскихъ значительное большинство слушателей производило съ надлежащимъ усердіемъ и исправностію. За исключеніемъ замѣчаній по поводу недостаточно исправнаго исполненія слушателями обязательныхъ занятій, не приходилось налагать какія либо взысканія на слушателей.

Денежныя средства института находились въ слѣдующемъ положеніи: къ 1-му января 1881 года состояло на лицо: неприкосновеннаго капитала, составившагося изъ суммъ, пожертвованныхъ разными лицами на учрежденіе стипендій, 110.950 руб., оборотнаго капитала 16.005 руб. 15 коп.; въ 1881 году поступило: изъ государственнаго казначейства 251.355 руб., процентовъ съ капиталовъ, составляющихъ собственность института 6.157 руб. 50 коп., платы за слушаніе лекцій съ постоянныхъ слушателей 14.830 руб., пожертвованій на учрежденіе стипендій 7.300 руб., прислано отъ разныхъ учреждений на стипендіи и пособія слушателямъ института 4.009 руб. 57 коп., всего 410.606 руб. 65 коп.; въ теченіи года израсходовано: на содержаніе личнаго состава преподавателей и служащихъ 101.050 руб. 44 коп., на стипендіи и пособія 46.720 руб., на содержаніе мастерскихъ, лабораторій и физическаго кабинета 38.300 руб. 89 коп., на учебныя пособія, на пополненіе библіотеки, на приумноженіе музея и проч. 8.621 руб. 15 коп., на отопленіе, освѣщеніе, содержаніе опрятности и архитектурный ремонтъ 43.112 руб. 76 коп., на выдачу стипендій изъ пожертвованныхъ капиталовъ 3.422 руб. 24 коп., на выдачу стипендій изъ капиталовъ, присланныхъ разными вѣдомствами 2.756 руб. 57 коп., всего 256.478 руб. 85 коп.; затѣмъ къ 1-му января 1882

года оставалось: неприкосновеннаго капитала 122.550 руб., оборотнаго капитала 11.515 руб. 82 коп.

Учебно-вспомогательныя учрежденія института находились въ слѣдующемъ положеніи: въ библіотекѣ находилось разныхъ сочиненій, преимущественно технического содержанія, на сумму приблизительно до 39.500 руб., книжныхъ шкафовъ на сумму 3.700 руб.; въ музеѣ: коллекціи машинъ, моделей и проч. около 14.000 номеровъ на сумму до 54.500 руб.; въ аудиторіи и чертежной залѣ разнаго имущества, какъ-то инструментовъ, приборовъ, чертежей и проч. на сумму около 18.500 руб.; въ механическихъ мастерскихъ (столярно-модельная, слесарно-токарная, ручная и механическая, кузница): паровая машина въ 20 силъ съ паровымъ котломъ и прочими принадлежностями, локомотивъ въ 5 силъ, паровымъ насосомъ, станками и верстаками въ числѣ 204 предметовъ, 8-ю кузнечными горнами, 2-мя вагранками, плавильною печью, инструментами и разными мелкими предметами, съ запасомъ на 100 человекъ и матеріалами, всего на сумму до 96.800 руб.; въ механической лабораторіи: паровая машина, калорическій двигатель, станки, приборы, всего на 16.800 руб.; въ физическомъ кабинетѣ: измѣрительныхъ и другихъ приборовъ и прочаго имущества 709 номеровъ на 26.300 руб.; въ химической лабораторіи: справочныхъ книгъ и журналовъ 522 названія, приборовъ, коллекцій, препаратовъ и проч. 410 номеровъ, всего на сумму до 22.500 руб.; въ технической лабораторіи: пламенныхъ печей, генераторъ, приборовъ, машинъ, станковъ, ретортъ, разныхъ кубовъ и проч. на сумму до 5.500 руб.; въ винокурнѣ и красильнѣ: машинъ, аппаратовъ, посуды, приборовъ, всего на 14.000 руб. Общая стоимость всего движимаго имущества, принадлежащаго институту, со включеніемъ церковнаго имущества, а равно имущества по приѣмному лазаретному покою, канцеляріи и находящагося въ завѣдываніи смотрителя зданій, составляла въ 1881 году 342.736 руб. 39³/₄ коп.; опредѣленіе же стоимости недвижимаго имущества, за недостаточностію имѣющихся въ распоряженіи института свѣдѣній, оказалось невозможнымъ.

ЭПИГРАФИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

IV.

Надписи изъ города Нарезкія.

Въ разстояніи 3-хъ часовъ ѣзды къ с.-в. отъ города Ламіи, близъ прежней пограничной черты между Греціей и Турціей, лежитъ небольшая деревенька Лимогарди и помѣстье того же имени, принадлежащее г. Епаминонду Димолуліа (Δημόλοβλιος). Въ 20 минутахъ разстояніа къ ю.-з. отъ деревни, влѣво отъ дороги въ Ламію, возвышается надъ окрестными холмами довольно крутая и высокая гора, увѣчанная развалинами стѣнъ прекрасной эллинской постройки, изъ большихъ правильно обтесанныхъ плитъ мѣстнаго сѣраго камня, не скрѣпленныхъ цементомъ. На с.-в. сторонѣ вершины горы, на протяженіи саженой, приблизительно, 15-ти ¹⁾, еще хорошо сохранились на мѣстахъ 2 или 3 ряда плитъ съ остатками двухъ четырехугольных башенъ и просторныхъ воротъ, тогда какъ съ остальныхъ сторонъ лишь кое-гдѣ между кустарниками виднѣются отдѣльныя плиты, или же сохранился только нижній рядъ ихъ. Ни въ одномъ изъ важнѣйшихъ описаній путешествій по Фессаліи не встрѣтилось мнѣ упоминаніе

¹⁾ Къ сожалѣнію, неблагоприятное состояніе погоды помѣшало мнѣ произвести измѣреніе и подробное изслѣдованіе развалинъ.

объ этихъ развалинахъ ¹⁾, хотя онѣ отмѣчены на большой картѣ Греціи, изданной французскимъ генеральнымъ штабомъ, и на новѣйшей картѣ Эпира и Фессалии, изданной Кипертомъ ²⁾.

Въ долинѣ, близъ сѣверной подошвы горы, по направленію къ деревнѣ Лимогарди, стояла нѣкогда византійская церковь св. Іоанна, отъ которой теперь сохранилось на мѣстѣ лишь нѣсколько камней (въ томъ числѣ капитель колонны, грубой работы, и большая плита съ рельефнымъ крестомъ). Землевладѣлецъ г. Димолуліа, производи, тогда четыре тому назадъ, какія-то раскопки на мѣстѣ, гдѣ стояла церковь, нашель, между прочимъ, два большіе камня съ древне-греческими надписями, которые нѣкогда были употреблены въ качествѣ строительнаго матеріала при постройкѣ церкви, и по этой причинѣ, какъ мы увидимъ, были значительно повреждены. Вслѣдствіе трудности чтенія, надписи до сихъ поръ не были изданы. Въ бытность мою въ Ламіи въ декабрѣ прошлаго года, г. Димолуліа любезно обратилъ на нихъ мое вниманіе. Одна изъ нихъ оказалась принадлежащею къ числу рѣдко встрѣчающихся эпиграфическихъ памятниковъ, именно представляетъ собою рѣшеніе римскаго сената (*Senatus consultum*) о земельномъ спорѣ между жителями феотидскихъ городовъ Мелитэи и Нароакія и о сохраненіи въ силѣ учрежденій, данныхъ Фессалии въ 196 г. до Р. Хр. освободителемъ Эллады Титомъ Квинціемъ Фламиніемъ послѣ разгрома Македоніи при Киноскефалахъ. Счастливый случай вскорѣ послѣ извѣстнаго Лампсакскаго декрета ³⁾ далъ намъ новый документъ съ именемъ этого знаменитаго римскаго политическаго дѣятеля.

Прежде чѣмъ заняться ближайшимъ разсмотрѣніемъ новыхъ документовъ, интересныхъ во многихъ отношеніяхъ, необходимо остановить вниманіе на мѣстѣ ихъ находки, которое представитъ важную

¹⁾ Только *Pouqueville* (*Voyage de la Grèce*, 2-ème édit., t. IV p. 82) упоминаетъ Лимогарди при перечисленіи деревень Зитунскаго (Ламійскаго) воеводства (*vaivodilick*).

²⁾ *Carte de l'Épire et de la Thessalie dr. par H. Kiepert*, 1-е изд. 1871, 2-е изд. 1880 года. Для удобства лицъ, не имѣющихъ подъ руками означенныхъ картъ, я считаю нелишнимъ приложить маленькую карту мѣстностей, упоминаемыхъ въ настоящей статьѣ (по Киперту).

³⁾ *Ἀθήναιον* т. IX стр. 312 и 364 сл.—*Mittheil. d. Deutsch. Arch. Inst. VI* (1881), стр. 95: сл. *Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1882 г. № 2, отд. классич. энологіи.

данную для малоизвѣстной еще топографіи древней Фѳіотиды и такимъ образомъ послужить прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ топографическихъ соображеній. Рѣшеніе сената, какъ мы сказали, относится къ поземельному спору фѳіотидскихъ городовъ Мелитѳи и Нарѳакіа. Мѣстоположеніе перваго изъ этихъ городовъ, достаточно извѣстнаго изъ древнихъ авторовъ, опредѣлено на основаніи документа объ установленіи границъ городовъ Мелитѳи и Періа, находящагося понынѣ въ монастырѣ близъ деревни Аварицы, въ 2¹/₂ часахъ разстоянія къ с.-в. отъ Лимогарди, по дорогѣ въ Домоко (др. *Θαοραχοί*)¹⁾. Подлѣ Аварицы сохранились значительные остатки стѣнъ эллинской постройки, которыя послѣ находки сказаннаго документа принимаются за развалины Мелитѳи всѣми учеными²⁾, кромѣ Рангависа, который въ своемъ топографическомъ этюдѣ (въ комментаріи къ надписи, *Ant. Hellén. II* р. 280), написанномъ, правда, весьма подробно и обстоятельно, но безъ личнаго знакомства съ мѣстностью и на основаніи свѣдѣній подозрительной точности, пришелъ къ выводу, согласному съ старымъ мнѣніемъ Лива³⁾, что Мелитѳа находилась выше къ с.-в., при нынѣшней деревнѣ Кизларъ, а что при Аварицѣ лежала Періа. Этотъ выводъ, какъ противный прямому показанію надписи о томъ, что одинъ экземпляръ рѣшенія, вырѣзанный на камнѣ, долженъ былъ быть выставленъ въ Мелитѳѣ,—отвергнуть другими учеными, и какъ мы увидимъ ниже, косвенно опровергается и нашимъ новымъ документомъ⁴⁾.

Мѣстоположеніе городка *Ναρβάκιον* и одноименной ему горы (*Ν. βρος*) до сихъ поръ не было извѣстно съ достаточною точностью: эпиграфическихъ памятниковъ изъ этого города еще не попадалось, а въ немногихъ мѣстахъ древнихъ авторовъ, гдѣ онъ упоминается, нѣтъ подробныхъ топографическихъ данныхъ. Главнымъ основаніемъ для топографическихъ соображеній новыхъ географовъ и археоло-

¹⁾ Документъ изданъ впервые *Уссингомъ* въ его *Inscript. Graecae ineditae* (1847), № 2, потомъ *Рангависомъ* въ *Ant. Hell. II*, № 692, *Le-Ba*, *Voyage arch. II*, *Thessalie*, № 1179, и *Кауеромъ*, *Delectus inscr. gr.* № 104.

²⁾ *Ussing*, l. c. и *Griech. Reisen* стр. 119; *Bursian*, въ *Neue Jahrbuch. LXXIX* (1859) стр. 230 и *Geographie von Griechenland*, т. I стр. 85; *Forbiger*, *Handbuch d. alten Geogr.*, стр. 596 (изд. 1877 г.); *Νικ. Γεωργιάδης*, *Θεσσαλία (ἐν Ἀθήναις)*, 1880) стр. 328 сл.

³⁾ *W. M. Leake Travels in North. Greece*, t. IV р. 470.

⁴⁾ Сохранившіяся при Кизларѣ развалины приписываются теперь городу Коронѣ. См. *Bursian*, *Geogr. I*, стр. 79, *Forbiger III* стр. 596.

говъ служилъ до сихъ поръ слѣдующій разказъ Ксенофонта ¹⁾: Когда Агесилай, возвращаясь лѣтомъ 394 г. изъ Малой Азіи, вступилъ съ войскомъ въ Фессалію, жители Ларисы, Краннона, Скотуссы и Фарсала и всѣ вообще Фессалійцы, держась стороны Беотійцевъ, встрѣтили его враждебно и постоянно тревожили нападеніями. Наконецъ Агесилай выслалъ противъ нихъ всадниковъ своей свиты, приказавъ имъ преслѣдовать Фессалійцевъ какъ можно быстрѣе и не допустить возможности новыхъ нападеній. Въ происшедшей горячей схваткѣ смерть фарсалийскаго гиппарха послужила сигналомъ къ всеобщему бѣгству Фессалійцевъ, которое продолжалось до самой Нарѣакійской горы. Тогда Агесилай поставилъ трофей между Прантомъ и Нарѣакіемъ и остановился тутъ (на ночлегъ), чрезвычайно довольный тѣмъ, что съ собранными имъ самимъ всадниками побѣдилъ народъ, болѣе всего гордившійся своею кавалеріей. На другой день, перейдя чрезъ Ахейскія горы Фѳіотиды (τὰ Ἀχαιὰ τῆς Φθίας ὄρη), Агесилай шелъ уже безъ помѣхи до самой Беотіи ²⁾. У Страбона перечислены слѣдующіе города Фѳіотиды: Оивы фѳіотидскія, Эхинъ, Ламія, [Нарѣакіонъ, Эриносъ, Короней, Мелитѣя, Фавмаки и др. ³⁾. Птолемѣй (III, 13, 46) называетъ Нарѣакій (подъ 59° 10' долг. и 38° 45' шир.), Короней, Мелитѣю, Эретрію, Ламію, Гераклію. Эти данныя, очевидно, чрезвычайно скудны для болѣе или менѣе точнаго опредѣленія мѣстоположенія Нарѣакіи. Новые изслѣдователи помѣщали его далеко къ сѣверу отъ Ламіи, близъ Фарсала, и именно или къ ю.-в. отъ него у нынѣшней деревни Верхняго-Тытерли (а Прантъ у Нижняго Тытерли ⁴⁾), или къ югу у деревни Чатмá ⁵⁾. За *Narváχιον* ὄρος древнихъ принимается обыкновенно возвышенность къ югу отъ Фарсала,

¹⁾ Греч. исторія, IV, 3, 3 сл. и (почти буквальное повтореніе) Агес. II, 5.

²⁾ Плутархъ въ двухъ мѣстахъ (V. Ages. XVI и Arophth. Lac. Ages. 46) говоритъ, что на Агесилая напали одни Фарсалийцы, что онъ разбилъ ихъ съ 500 всадниками и поставилъ трофей *ὅπρὸ τῆς Нарδάχιος*.

³⁾ Strab. IX, 5, 10 (р. 434). Название [*Narváχιον*], отъ котораго въ рукописяхъ сохранилось только окончаніе, восстановлено Du Theil'емъ. Въ изданіи Крамера (Берлинъ, 1844—1852 г.) догадка Du Theil'я названа весьма вѣроятною, но не принята еще въ текстъ. Новѣйшіе издатели, какъ напримѣръ, Мейнке, принимаютъ ее въ текстъ.

⁴⁾ Leake, Trav. in North. Greece IV, стр. 471. Мѣстѣ Лика принято Кипертонъ (Atlas v. Griech. u. seinen Kolonien, Bl. XVI) и Форбинеронъ (Geogr. III, 595, 2-te Aufl.). Бурзианъ (Geogr. v. Griech. I, 76) не приурочиваетъ Нарѣакій и Прантъ къ какой-нибудь опредѣленной мѣстности.

⁵⁾ Heuzey et Daumet, Mission arch. en Macédoine (Paris, 1876), стр. 411.

называемая нынѣ Хассидьяри. Особое, оригинальное мнѣніе высказалъ Маннертъ ¹⁾: онъ думаетъ, что упомянуемый Птолемеемъ городокъ *Ναρθάκιον* къ ю.-в. отъ Мелитѣи едва ли тождественъ съ тѣмъ *Ναρθάκια* (?), приводимыми Плутархомъ, такъ какъ трофей, поставленный Агесилаемъ послѣ побѣды надъ Фарсалийцами, находился-де, безъ сомнѣнія, гдѣ-нибудь вблизи Фарсала. Г. Вейссенборнъ, назвавъ неосновательнымъ предположеніе Маннерта о различіи *Ναρθάκιον* отъ тѣмъ *Ναρθάκια*, присоединился къ мнѣнію Лика, а для соглашенія его съ градусомъ широты, показаннымъ у Птолемея, прибѣгнувъ къ самому легкому способу, — заподозрилъ вѣрность числовой данной Птолемея и предложилъ измѣнить ее въ $39^{\circ} 45'$, потому что Птолемей-де (если бы была вѣрна стоящая въ его рукописяхъ цифра) назвалъ бы Нарѣакій не первымъ (самымъ сѣвернымъ) въ Фѳіотидѣ, а только передъ Ламіей ²⁾.

Изъ новыхъ документовъ, найденныхъ близъ Лимогарди, оказывается, что Нарѣакій находился вовсе не тамъ, гдѣ его до сихъ поръ ставили, а именно въ мѣстности Лимогарди, такъ что развалины, описанныя въ началѣ статьи, безъ сомнѣнія, принадлежать его акрополю: найденный экземпляръ сенатусконсульта былъ выставленъ именно въ Нарѣакіѣ, какъ явствуетъ изъ предшествующаго ему заголовка, въ которомъ годъ вырѣзки документа на камнѣ отмѣченъ, рядомъ съ именемъ ессалійскаго стратега, именами нарѣакійскихъ архонтовъ. Въ другой найденной надписи упоминается отецъ одного изъ этихъ архонтовъ, а въ третьей — двое изъ числа архонтовъ, и кромѣ того, нѣсколько лицъ общи 2-й и 3-й надписямъ, такъ что и онѣ несомнѣнно происходятъ изъ Нарѣакіа. Я не считаю возможнымъ предположить, чтобы два большіе и тяжелые камня съ надписями могли быть перевезены (для постройки церкви) откуда-нибудь издалека въ гористой мѣстности, изобилующей строительнымъ матеріаломъ и даже теперь не имѣющей порядочныхъ дорогъ. Кругомъ горы, увѣчанной развалинами, находятъ не мало черепковъ глиняной посуды, иногда,

¹⁾ *Konr. Mannert*, *Geographie d. Griechen u. Römer* (Landshut, 1812), VII, стр. 614.

²⁾ «Ptolemaeus Zahlenangabe ($38^{\circ} 45'$) ist höchstwahrscheinlich corrupt und in $39^{\circ} 45'$ zu ändern, weil er die Stadt sonst nicht als die erste (nördlichste) von Phthiotis, sondern erst vor Lamia genannt haben würde». *H. Weissenborn* in *Pauly's Real Encyclop.* s. v. *Narthacium*.

по словамъ мѣстныхъ жителей, попадаются и монеты ¹⁾. Недалеко отъ Лимогарди открытъ былъ г. Димолуліа древній, заброшенный мѣдный рудникъ, разработка котораго и теперь, по его словамъ, могла бы принести хорошіе результаты и была даже начата, но оставлена за недостаткомъ хорошихъ орудій и удобныхъ средствъ сообщенія съ Ламією и моремъ. Другихъ слѣдовъ существованія древняго города, на сколько мнѣ извѣстно, не осталось. По видимому, городъ расположенъ былъ у сѣверной подошвы горы, на которой находился акрополь. Церковь св. Іоанна стояла, быть можетъ, на мѣстѣ какого-нибудь древняго храма, служившаго вмѣстѣ съ тѣмъ и городскимъ архивомъ; существованіе въ византійскую эпоху обычая обращать въ церкви древніе языческіе храмы или строить ихъ на мѣстѣ таковыхъ общеизвѣстно.

Вышеприведенныя свидѣтельства древнихъ писателей ничуть не препятствуютъ принять, что Нарѣакій находился близъ нынѣшняго Лимогарди; напротивъ, это будетъ даже болѣе согласно съ ними, нежели предположеніе, что онъ стоялъ въ мѣстности Тъатерли или Чатмá. Стычка конницы Агесилая съ Фессалійцами, о которой повѣствуютъ Ксенофонтъ и Плутархъ, произошла, очевидно, къ югу отъ Фарсала; на другой день послѣ стычки Агесилая, по словамъ Ксенофонта, началъ дальнѣйшій путь переходомъ черезъ горы Фѳіотиды, а между тѣмъ отъ Тъатерли не менѣе 5-ти и отъ Чатмá не менѣе 4-хъ часовъ пути до горъ, и Ксенофонтъ, вѣроятно, упомянулъ бы объ этомъ или назвалъ бы мѣстности, по которымъ Агесилая шелъ до горъ. Изъ словъ Ксенофонта необходимо, кажется, заключить, что Нарѣакій находился у самыхъ горъ Фѳіотиды, стало быть южнѣе, нежели его до сихъ поръ помѣщали. Страбонъ называетъ Нарѣакій непосредственно за Ламією, затѣмъ перечисляетъ лежавшіе далѣе къ сѣверу города Эринеосъ и Коронею, потомъ спускается снова къ югу, именуетъ Мелитѳю и идетъ далѣе къ западу. Почти въ томъ же порядкѣ перечислены города Фѳіотиды и у Птолемѳя; только Ламія и Гераклія, какъ самыя южныя и не находившіяся въ собственной Фѳіотидѣ города, поставлены на концѣ. Птолемѳевъ порядокъ перечисленія не даетъ, мнѣ кажется, основанія заключать вмѣстѣ съ Вейссенборномъ, что Нарѣакій былъ самый сѣверный городъ Фѳіо-

¹⁾ Мнѣ однако не удалось найти у крестьянъ ни одной монеты; это тѣмъ болѣе жаль, что нарѣакійскія монеты до сихъ поръ неизвѣстны въ нумизматикѣ.

тиды. Данная Птолемеемъ широта Нареакія (38° 45') также оказывается теперь почти совершенно вѣрною.

Земли города Мелитэи должны были быть смежны съ землями Нареакія, такъ какъ Нареакійцы, какъ мы увидимъ изъ документа присвоили себѣ участокъ мелитэиской земли. Стало быть, Мелитэа могла находиться только у нынѣшней Аварицы, а никакъ не у Кизлара, гдѣ ее помѣщали Ликъ и Рангависъ: между Кизларомъ и Лимогарди по крайней мѣрѣ часовъ семь разстоянія, такъ что земли Нареакія и Мелитэи, если бы послѣдняя находилась у Кизлара, едва ли могли бы быть смежными, тѣмъ болѣе, что эта мѣстность Феоитиды, какъ можно судить даже по сохранившимся многочисленнымъ развалинамъ, была въ древности довольно плотно населена. Замѣчаніе Маннерта (основанное, безъ сомнѣнія, на показанныхъ Птолемеемъ градусахъ долготы и широты, о чемъ не догадался Вейссенборнъ), что Нареакій приходился къ ю.-в. отъ Мелитэи, оказывается теперь вполне справедливымъ.

Если же городъ Нареакій стоялъ близъ Лимогарди, то за *Narbakion* древнихъ должна быть принята или гора, извѣстная нынѣ подъ названіемъ Андиницы (въ 2-хъ часахъ разстоянія къ с.-з. отъ Лимогарди, южнѣе дер. Аварицы, на прежней границѣ Греціи и Турціи), или — такъ какъ эта гора лежитъ довольно далеко отъ Лимогарди — горная цѣпь къ сѣверу отъ этой деревни, между Андиницею и горою св. Или. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ весьма вѣроятно, что развалины, находящіяся къ ю.-в. отъ Андиницы и къ востоку отъ нынѣшней деревни Диври, у прежней пограничной черты, принадлежатъ городу Пранту ¹⁾.

Итакъ, рѣшеніе небезынтереснаго вопроса, относящагося къ топографіи древней Фессаліи, въ которой понынѣ остается еще много темныхъ пунктовъ, — вотъ первый результатъ, получаемый изъ вновь найденныхъ нареакійскихъ документовъ. Обратимся теперь къ ихъ ближайшему рассмотрѣнію.

¹⁾ Развалины отмѣчены на картахъ франц. генер. штаба и Киперта. Стефанъ Византійскій (п. сл. Прѣс) называетъ Прантъ перрѣбскимъ городомъ, но или это показаніе ошибочно, или въ Перрѣбѣи находился другой городъ того же имени.

1. Рѣшеніе римскаго сената о спорѣ Мелитѣйцевъ съ Нарѣакійцами.

Документъ вырѣзанъ на двухъ сторонахъ большаго сѣраго камня, имѣющаго форму параллелепипеда. Передняя сторона, то-есть, та, съ которой начинается надпись, украшена сверху карнизомъ; при употребленіи камня въ постройку она была немного обломана слѣва и имѣетъ теперь 0,67 м. въ высоту и 0,345 въ ширину. Сверху второй стороны, сохранившейся почти въ цѣлости и имѣющей 0,68 м. высоты и 0,425 ширины, было сдѣлано Византійцами рельефное украшеніе въ видѣ полукруга (0,18 высоты), вслѣдствіе чего 6 или 7 верхнихъ строкъ надписи совершенно уничтожены, а отъ 9-ти слѣдующихъ строкъ сохранилось только по нѣскольку буквъ внутри полукруга. Задняя сторона камня только слегка, грубо обтесана, на верхней сторонѣ виднѣется небольшое четырехугольное углубленіе. Снизу камень обломанъ по угламъ, такъ однако, что части послѣднихъ строкъ съ обѣихъ сторонъ сохранились. Надпись на передней сторонѣ читается еще хорошо, тогда какъ съ другой стороны внутри упомянутаго полукруга и подѣ нимъ почти совершенно изгладилась, за исключеніемъ послѣднихъ 15-ти строкъ, которыя разбираются безъ особеннаго труда.

Начертаніе надписи не представляетъ какихъ-нибудь выдающихся, характеристическихъ особенностей сравнительно съ другими документами одной съ нею эпохи. Буквы (около 0,01 м. высоты) врѣзаны довольно глубоко и аккуратно; О и Ω имѣютъ вообще одинаковую величину съ прочими буквами, только кое-гдѣ въ концѣ строкъ О сдѣланъ поменьше или имѣетъ продолговатую форму; поперечная черта въ А—то прямая, то изогнутая, то ломанная.

Предлагаемая копія документа (эпиграфическій текстъ см. въ приложеніи № 1, А и Б) снята на мѣстѣ и провѣрена по эстампажамъ, сдѣланнымъ мною самимъ или обязательно доставленнымъ мнѣ въ слѣдствіи г. Іоанномъ Мигьясомъ ¹⁾.

¹⁾ Верхнія строки стороны Б, до стр. 22-й, лучше разбираются на эстампахъ, нежели на камнѣ. Однако и при помощи эстампажа лишь съ большими усиліями удалось мнѣ прочесть слова и буквы, данныя въ эпиграфической копіи.

- A. 1. [Στρατα]γένοντος τῶν Θεσσαλῶν Δέοντο[ς
 τοῦ Ἀγ]ησίππου Δαρισαίου, ἐν δὲ Ναρθακί[ωι
 ἀρχόντ]ων Κρίτωνος τοῦ Ἀμεινία, Πολυκλέο[ς
 τοῦ Κυ]δίππου, Γλαυκέτα τοῦ Ἀγελάου, ἀν[ε-
 5. γράφη] δόγμα τὸ γενόμενον ὑπὸ συγκ[λή-
 τοῦ ἐπὶ σ]τρατηγοῦ τῶν Θεσσαλῶν Θεσσα-
 [λοῦ τοῦ] Θρασυμήδεος Φεραίου.
 [Γάϊος Ὀσ]τίλιος Αὔλου υἱὸς Μανκίνος στρα-
 [τηγὸς τ]ῆι συγκλήτῳι συνεβουλεύσατο προ-
 10. [τέραι νω]νῶν Κοϊντιλίωιν ἐγ κομετίωι· γραφο-
 [μένωι π]αρήσαν· Κόϊντος Τατιληνὸς Κοϊντο[υ
 υἱὸς Κορ]νηλία, Γναῖος Δοτάτιος Γναίου υἱ-
 [ος Ἀ.]ήν]ση, Αὔλος Σεμπρώνιος Αὔλου υἱὸς Φα-
 [λέρνα.] Περὶ ὧν Θεσσαλοὶ Μελιταιεῖς Ἀρμό-
 15. [ξενος Δυ]σάνδρου, Δαμπρόμαχος Πολίτα
 [πρεσβευ]ταὶ λόγους ἐποίησαντο, ἄνδρες κα-
 [λοὶ κάγα]θοὶ καὶ φίλοι παρὰ δήμου καλοῦ
 [κάγαθο]ῦ καὶ φίλου συμμάχου, χάριτα,
 [φιλιάν, σ]υμμαχίαν τε ἀνενεώσαντο, πε-
 20. [ρὶ χώρας] δημοσίας καὶ περὶ χωρίου ἐρήμου
 [διελέγησαν], μεθ' ἧς χώρας εἰς τὴν φιλιάν τοῦ
 [δήμου τ]οῦ Ῥωμαίων παρεγένοντο, ἦγ χώ-
 [ραν Ναρθα]κιεῖς μετὰ ταῦτα ἑαυτῶν ἀδίκως
 [ἀφείλοντ]ο, περὶ τούτου τοῦ πράγματος ὅπως
 25. [τὴν διάνοι]αν πρὸς(σ)χωσιν ὅπως τούτο τὸ πρᾶ-
 [γμα ὑπὸ Ῥωμαί?]ων αὐτοῖς ἀποκατασταθῆ οὕτω
 [καθὼς πρότερο]ν ἐπὶ Μηδεΐωι καὶ ἐπὶ Θεσσαλῶν
 [αὐτονομουμένω]ν καὶ ἐπὶ τῶν περὶ Πύλλον Μακ[ε-
 30. δόνων κεκρι?]μένον αὐτοῖς ἦν, ταῦτά τε τὰ κρί-
 ματα κύρια αὐτοῖς? ἢ περὶ τούτου τοῦ πράγμα-
 [τος] ἦσεν ἡμῖν καὶ Ναρθακιεῦσιν
 κατ? ἄ τὸν παρόντα κρίνη εμ...
 — — — — — ἐ]ν ταύτῃ τῇι χώρ[α]ι — —
 — — — — — τῶν δήμων.. — — — —
 35. — — — — — εστιν ὡ ῥα...

Б. Въ 15-ти верхнихъ строкахъ можно разобрать только по нѣ-
 сколько отдѣльныхъ словъ или буквъ; однако контекстъ рѣчи съ
 большою вѣроятностью можетъ бытъ восстановленъ слѣдующимъ обра-
 зомъ:

1. ... η.. νη... [Καὶ περὶ ὧν Θεσσαλοὶ
Ναρθακίαι, Νηκάτας Τα... [ὁ δεῖνα τοῦ
δεῖνος πρεσβε]υταὶ λόγο[υς] ἐ[ποίησαντο κατὰ
πρόσωπον ἐν τῇ] συγκλήτ[ει]? — — ἄνδρες κα-
5. λοι κάγα]θοὶ καὶ φίλοι παρὰ δήμο[υ καλοῦ
κάγαθοῦ κα]ὶ φίλ[ου συμμαχου τε ἡμετέρου(?),
χάριτα, φιλ]ίαν, συ[μμαχίαν τε ἀνενεώσαντο...

Стр. 8: [πραγ]μάτω[ν?...] ; стр. 8—9: [διελέγ]ησαν περὶ χώρας... ; стр. 10
нач. φέρη...

Стр. 10—11:... ἀρχῆς [Να]ρθακίαι[ς?...] .

11. ...μετὰ τ[αύτης]
τ[ῆ]ς χώρας εἰς τῆ[μ] φιλ[ί]α[ν] τ[οῦ δῆ]μου [τοῦ 'Ρω-
μ]αίω[ν] Ναρθακίαι παραγ[ενέσθ]αι [κα]ὶ περὶ
τῆς χώρας καὶ τ[ῶν] ἱερῶν κ.. τ... [νευ]ικη[χέ-]
15. ναι κατὰ νόμους τοὺς Θεσ[σ]α[λῶ]ν, οἷς [νό-]
μοις ἕως τ[ᾶ] νῦν] χρῶν[τ]αι, οἷς ν[ό]μοις Τίτος
Κοίγχιος ὕ[πα]τος ἀπὸ τῆς τ[ῶν] δέκα πρεσ-
[β]ευτῶν γνῶ[μ]ῆς ἔδωκ[εν, κα]ὶ κατὰ δόγμα
συγκλήτου, περὶ τε τούτ[ων] τ[ῶν] π[ρ]α[γ]μά-
20. [τῶν] ἔται ἀνώτερον τρί[τῳ] ἐπὶ τρι[ῶν] δ[ι]κασ
[τη]ρίων νενικηκέν[α]ι, ἐπὶ Σ[α]μίων, Κολο[φ]ων[ί-
ων], Μαγνήτων, κεκ[ρμ]ένα εἶναι κατ[ᾶ] νόμου[ς],
ὅπως ταῦτα κύρια ἢ οὕτω καθὼς καὶ [ἄ]λλοις
γεγονός ἐστιν. Περὶ τούτου τοῦ πράγματος
25. οὕτως ἔδοξεν· χάριτα, φιλίαν, συμμαχίαν
[ἄ]νανεώσασθαι τούτοις τε φιλανθρώπως ἀ-
[π]οκριθῆναι, ἄνδρας καλοὺς κάγαθοὺς προς-
αγορεῦσαι· ὅσα κεκριμένα ἐστὶν κατὰ νόμους
οὗς Τίτος Κοίγχιος ὑπατος ἔδωκεν, ταῦτα κα-
30. θῶς κεκριμένα ἐστίν, οὕτω δοκεῖ κύρια εἶναι δεῖν·
τούτῳ τε μὴ εὐχερῆς εἶναι, ὅσα κατὰ νόμους κε-
κριμένα ἐστίν, ἄκ[ρ]α ποιεῖν. Ἐνά τε ἐκατέρους Γάι-
ος Ὀστίλιος στρατηγὸς τὸν ταμίαν δοῦναι κε-
[λ]εῖσθαι ἀπὸ σηστερτίων νόμων ἑκάτον εἶκοσι
35. [πέν]τε εἰς ἑκάστην πρεσβείαν οὕτω καθὼς ἂν
[αὐτῶ]ι ἐκ] τῶν δημοσίων πραγμάτων πίστε-
37. [ῶς τε τῆς] ἰδίας φαίνεται. Ἔδοξεν.

Приведенный документъ является, на сколько мнѣ извѣстно, девятымъ изъ сенатусконсультовъ времени Римской республики, которые сохранились въ подлинномъ видѣ на камнѣ или на мѣди, а не въ передачѣ или въ извлеченіи авторовъ ¹⁾. Мы имѣемъ передъ собою, правда, не латинскій подлинникъ сенатусконсульта, а греческій переводъ его, но значеніе документа ничуть отъ этого не умалется, такъ какъ теперь считается не подлежащимъ сомнѣнію тотъ фактъ, что рѣшенія сената, имѣвшія отношенія къ греческимъ и восточнымъ народамъ, уже во II вѣкѣ до Р. Хр. были посылаемы къ нимъ не на латинскомъ только языкѣ, а вмѣстѣ съ греческимъ переводомъ, сдѣланнымъ въ самомъ Римѣ официальными лицами, которыя, конечно, строго придерживались буквы подлинника ²⁾. Кромѣ извѣстнаго показанія Юсифа Флавія, что Цезарь приказалъ выставить въ Капитоліи и въ нѣсколькихъ городахъ Сиріи и Финикіи бронзовыя доски съ вырѣзанными на нихъ рѣшеніями его относительно Іудеевъ ³⁾, — этотъ фактъ доказывается: а) тѣмъ, что въ самомъ Римѣ найденъ былъ на бронзовой доскѣ греческій переводъ одного сенатусконсульта (объ Аселепіадѣ Клазоменскомъ и двухъ другихъ лицахъ, 78 г. до Р. Хр., С. I. Lat. I, № 203) вмѣстѣ съ концомъ латинскаго оригинала; б) тѣмъ, что всѣ до сихъ поръ извѣстные греческіе переводы сенатусконсультовъ, къ какимъ бы временамъ и народамъ они ни относились, изложены на обще-греческомъ языкѣ (κοινῆ), а не на мѣстномъ нарѣчій города или народа, къ которому былъ адресованъ тотъ или другой документъ. Поразительнѣйшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ S. C. объ Астипалейцахъ ⁴⁾: онъ изложенъ на обще-греческомъ языкѣ, а за нимъ непосредственно слѣдуетъ народное по-

¹⁾ Шесть S. C.—товъ, которые были извѣстны до 1872 года, перечислены г. Фукартомъ на стр. 6-й его брошюры «Sénatus-consulte inédit de l'année 170 avant notre ère» (Paris 1872). Изданный имъ въ этой брошюрѣ (потомъ Теод. Моммзеномъ въ Ephem. epigr. I, стр. 278—298, ср. II, 102—104) S. C. о Фисебейцахъ былъ седьмымъ; восьмымъ оказался S. C. адрамиттійскій, изданный сначала Евриномъ въ смирнскихъ газетахъ и журналахъ, потомъ Омалемъ въ Bull. de corr. hell. II (1878) стр. 128, наконецъ Моммзеномъ въ Ephem. epigr. IV, стр. 213—222. (Нѣсколько замѣчаній о спорныхъ чтеніяхъ этого документа сдѣлали еще гг. Поттѣ и Оветъ-Бено въ Bull. de corr. hell. IV, стр. 376).

²⁾ См. объ этомъ Foucart, Sénatus-cons. inéd. стр. 7; сл. Моммзен in Ephem. epigr. I, стр. 283.

³⁾ I. Flav. Ant. Iud. XIV, 10, 3. Ср. также Liv. XLV, 29.

⁴⁾ С. I. Gr. № 2485.

становленіе Астипалейцевъ на дорическомъ діалектѣ. Новымъ примѣромъ является издаваемый нами документъ: въ предшествующемъ ему заголовкѣ (А стр. 1—7) встрѣчаются формы мѣстнаго діалекта, какъ [Στρατα]γέοντος, Θρασυμήδεος, Πολοχλέο[ς], а въ самомъ рѣшеніи сената ихъ нѣтъ, за исключеніемъ только формы род. падежа имени собственнаго Πολίτα. в) Еще доказательство сказаннаго факта, и притомъ весьма вѣское, видать въ томъ, что нѣкоторыя, такъ-сказать стереотипныя, формулы официальнаго латинскаго языка подлинниковъ во всѣхъ извѣстныхъ переводахъ (не исключая и нашего), найденныхъ въ разныхъ концахъ греческаго міра, переданы совершенно одинаково и притомъ подчасъ не соотвѣтственно духу греческаго языка, хотя бы ихъ можно было перевести разными способами или подобрать выраженія болѣе удачныя ¹⁾. г) Заботясь о возможно точнѣйшей передачѣ не только смысла, но даже оборотовъ рѣчи латинскаго оригинала, переводчики не обращали вниманія на удачный подборъ выраженій и даже на грамматику греческаго языка, вслѣдствіе чего переводы сенатусконсультовъ изобилуютъ латинизмами; между ними можно отмѣтить, напр., употребленіе ἅως сὺν συνίπυκτ. для перевода ut finale, coniunctivus для перевода сονι. orationis obliquae, замѣняющаго imperat. orat. gestae, и многіе другіе обороты, которые могли быть употреблены только Римлянами при переводѣ на иностранный, но никакъ не Греками при переводѣ съ иностраннаго на родной языкъ. Въ нашемъ новомъ документѣ, какъ замѣтятъ читатели, греческій языкъ особенно неуклюжъ и преисполненъ латинизмами.

Первоначальная латинская форма сенатусконсульта, за исключеніемъ его заголовка и тѣхъ строкъ, въ которыхъ контекстъ рѣчи не можетъ быть вполне восстановленъ, была приблизительно слѣдующая: А, v. 7—10. [C. Nos]tilius A. f. Mancinus praetor senatum consuluit pridie Nonas Quintiles in comitio.

¹⁾ Въ видѣ примѣра приводимъ тѣ изъ общихъ разннхъ S. C. формулъ, которыя встрѣчаются въ наръннйскомъ документѣ: τῆι συγλήτωι συνεβουλεύσατο = senatum consuluit; προ[τέραι νό]νων = pridie Nonas; γραφομένωι παρήσαν = scribundo adfuerunt; περί ὧν λόγους ἐποίησαντο = quod verba fecerunt; περί τούτου τοῦ πράγματος οὕτως ἔδοξεν = de ea re ita censuerunt; οὕτω καθὼς ἂν ἐκ τῶν δημοσίων πραγμάτων πίστεως τε τῆς ἰδίας φαίνηται = ita uti e re publica fideque sua esse videbitur. Сюда же можно прибавить противное греческому обыкновению употребленіе слова οἶος при отчествахъ Римлянъ (см. объ этомъ замѣчанія Моммзена въ Ephest. epigr. I, стр. 288 и Диттенбергера въ журн. Hermes VI, стр. 140).

10—14. Scribundo adfuerunt Q. Tatilienus Q. f. [Cor]nelia, Cn. Lutatius Cn. f. [A..en]si, A. Sempronius A. f. Fa[lerna].

14—3. Quod Thessali Melitaeenses Harmo[xenus Ly]sandri f, Lampromachus Politae f. legati verba fecerunt, viri boni probique et amici a populo bono [honestoque] et amico socio, gratiam [amicitiam] societatemque renovaverunt, de agro publico et de loco deserto [egerunt], quocum agro in amicitiam [populi] Romani venerant, quem agrum Narthacienses postea ipsis iniuria [ademerunt], de ea re uti [animum] adverterent ut haec res [a Romanis?] ipsis restitueretur ita [uti prius] sub Medio et Thessalis [suis legibus usis] et — — — Mace[donibus iudicatum?] ipsis erat, eaque [iudicia ipsis valent?] de ea re...

Б, v. 1—7. ...Et quod Thessali Narthacienses N]icata Ta[... f., — — — f. lega]ti verba [fecerunt coram in] senatu [? — — — viri boni probique] et amici a populo [bono honestoque et] amico [socioque nostro, gratiam amicitia]m so[cieta]temque renovaverunt... (v. 8—9) egerunt de agro...

11—24. ...cum hoc agro in amicitiam populi Romani Narthacienses venisse et de agro et sacris... vicisse e legibus Thessalorum, quibus legibus etiamtum uterentur, quas leges T. Quinctius cos. e decem legatorum sententia dedisset, et ex senatus consulto, de hisque rebus anno antea tertio in tribus iudiciis vicisse, apud Samios Colophonios Magnetas, e legibus iudicata esse,— ut haec valent ita uti aliis quoque factum est.

24—37. De ea re ita censuerunt: benevolentiam amicitiam societatem renovari hisque benigne responderi, viros bonos probosque appellari: quae iudicata sunt e legibus quas T. Quinctius cos. dederat, ea uti iudicata sunt, ita placet valere oportere; idque haud facile esse, quae e legibus iudicata essent, irrita facere. Muneraque utrisque C. Hostilius praetor quaestorem dare iuberet sestertium nummum CXXV in utramque legationem ita uti ipsi e republica fideque sua esse videbitur. Censuerunt.

При изученіи всякаго рода древнихъ памятниковъ, въ особенности же эпиграфическихъ, вопросъ о времени ихъ происхожденія съ полнымъ правомъ ставится на первомъ планѣ. Въ нашемъ документѣ есть нѣсколько данныхъ для рѣшенія этого вопроса, но къ сожалѣнію,

онѣ не достаточны для того, чтобы можно было сразу и безошибочно опредѣлить годъ изданія документа: годы, въ которые были въ должностяхъ названные въ немъ эпонимы—эссалийскіе стратеги Фессалъ и Леонтъ и римскій преторъ Манцивъ—по настоящее время неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе, приблизительное опредѣленіе времени документа не затруднительно; сразу же могутъ быть поставлены границы небольшого, сравнительно, промежутка времени, ни раньше, ни позже котораго документъ нашъ не могъ быть изданъ. Съ одной стороны, въ Евсевіевомъ списокѣ стратеговъ, стоявшихъ во главѣ Фессалийскаго союза, начиная со времени освобожденія Фессалии изъ-подъ власти Македоніи по 179-й годъ ¹⁾, нѣтъ ни одного изъ двухъ стратеговъ, названныхъ въ заголовкѣ нашего документа. Можно, впрочемъ, спуститься еще на 12 лѣтъ ниже, такъ какъ у Тита Ливія сохранились имена римскихъ преторовъ до 167 г., и между ними нѣтъ Гаю Манцина. Съ другой стороны, не можетъ быть сомнѣнія, что преторъ С. Hostilius A. f. (L. n.) Mancinus — то самое лицо, которое въ бытность консуломъ въ 617 г. отъ осн. Рима (137 до Р. Хр.) получило печальную извѣстность въ исторіи своимъ неудачнымъ веденіемъ войны съ Нумантинцами и заключеніемъ съ ними постыднаго договора ²⁾. Предварительная служебная карьера Манцина неизвѣстна. Принимая во вниманіе, что на римской служебной лѣстницѣ претура была послѣднею ступенью предъ консульствомъ, и допуская, что Манцивъ могъ быть избранъ въ консулы *suo anno*, крайнимъ срокомъ изданія нашего сенатусконсульта можно было бы поставить 139 г. до Р. Хр.; но три мѣста его (А, стр. 17—19, Б, с. 5—7 и 25—28) заставляютъ, на мой взглядъ, поставить его нѣсколькими годами выше, раньше 146 года, когда Македонія и Греція были обращены въ римскую провинцію: Мелитейцы и Нарреакійцы являются въ документѣ друзьями и союзниками Рима, ихъ послы въ началѣ своихъ рѣчей „возобновляютъ“ эту дружбу и союзъ, т. е. свидѣтельствуютъ о существованіи ихъ, также какъ и сенатъ въ своемъ отвѣтѣ; между

¹⁾ Euseb. Chron. I p. 340 ed. Aucher. Списокъ Евсевія былъ отчасти пополненъ по надписямъ и монетамъ Р. Вейлема въ A. von Sallet's Zeitschr. für Numismatik I (1874), стр. 182.

²⁾ Имена отца и дѣда консула Г. Манцина сдѣлались извѣстны лишь недавно изъ обломка Капитолійскихъ консульскихъ фастовъ, изданнаго Генцеюмъ въ *Erphem. epigr.* II (1874) стр. 210. Оказалось, что онъ былъ сынъ консула 170 г. и братъ Л. Манцина, консула 145 г., какъ предполагали, впрочемъ, и раньше (см. напр. С. I. Lat. I стр. 446).

тѣмъ послѣ 146 года, когда Фессалія сдѣлалась составною частью римской провинціи, и вѣроятно, была даже обложена податью ¹⁾, о подобныхъ отношеніяхъ къ ней Рима, конечно, не могло быть уже рѣчи. Совершенно также называются друзьями и союзниками Рима Приенцы и Самосцы въ сенатскомъ рѣшеніи о поземельномъ спорѣ между ними, изданномъ въ 136 г. до Р. Хр., т. е. также до обращенія Азіи въ римскую провинцію ²⁾. Такимъ образомъ вѣрнѣе всего отнести нашъ документъ приблизительно къ промежутку времени отъ 150 до 146 года. Что Манцинъ достигъ консульства только лѣтъ 10 спустя послѣ претуры,—это было очень обыкновенно въ Римѣ; напр., отецъ его Авлъ Манцинъ также былъ консуломъ ровно черезъ 10 лѣтъ послѣ претуры. Ничего нѣтъ удивительнаго также и въ томъ, что фессалійскіе города обратились къ Риму за разрѣшеніемъ своихъ споровъ раньше окончательнаго подчиненія ему: Римъ, какъ мы увидимъ ниже, весьма рано уже являлся судьей въ спорахъ между греческими государствами, находившимися подъ его вліяніемъ; въ смутное время, предшествовавшее 146-му году, Фессалія, какъ извѣстно, крѣпко держалась Рима и не приняла участія ни въ возстаніи Андриска, ни въ послѣдней борьбѣ Ахейскаго союза съ Римомъ ³⁾.

Если мы обратимъ теперь наше вниманіе на редакцію сенатусконсульта, на способъ обозначенія его даты и поименованія упоминаемыхъ въ немъ римскихъ магистратовъ и сенаторовъ, на количество членовъ редакціоннаго комитета и проч., то замѣтимъ, что всѣ эти внѣшніе его признаки вполне почти согласны съ тѣми, которыми гг. Фукаръ и Т. Моммзенъ ⁴⁾, путемъ сравнительнаго изученія сохранившихся сенатскихъ рѣшеній различныхъ эпохъ, охарактеризовали рѣшенія II вѣка до Р. Хр., и что между этими послѣдними наибольшее сходство съ нашимъ документомъ имѣетъ S. C. о Приенцахъ и Самосцахъ.

1) Годъ изданія не обозначенъ еще въ нашемъ документѣ именами консуловъ, подобно тому какъ и во всѣхъ другихъ сен. рѣшеніяхъ II вѣка. Первымъ изъ извѣстныхъ намъ документовъ съ такимъ обо-

¹⁾ См. *G. F. Hertzberg, Geschichte Griech. unter d. Herrsch. d. Römer*, т. I стр. 282.

²⁾ *Le Bas-Waddington, Asie Mineure*, № 195—198.

³⁾ *Hertzberg*, указ. соч. т. I стр. 248; см. *Th. Mommsen, Histoire romaine trad. par A. C. Alexandre*, т. IV p. 337 sv.

⁴⁾ *Foucart, Sénatus-cons. inéd.* p. 22 sv.; *Mommsen in Ephem. epigr.* I, p. 284 sq.

значеніемъ является S. C. объ Астипалейцахъ 105 года до Р. Хр. ¹⁾. Ранѣе для обозначенія года изданія сенатскаго рѣшенія считалось достаточнымъ поименованіе магистрата, по предложенію котораго оно было издано ²⁾.

2) За обозначеніемъ мѣсяца, дня и мѣста засѣданія сената (все это отмѣчено во всѣхъ сохранившихся документахъ) и магистрата, внесшаго предложеніе на его обсужденіе, слѣдуетъ запись именъ сенаторовъ, присутствовавшихъ при письменномъ изложеніи сенатскаго рѣшенія (*scribundo adfuerunt*), составлявшихъ, такъ-сказать, редакціонный комитетъ. Какъ видно изъ перваго сенатусконсульта о Фисбейцахъ и двухъ приведенныхъ у Юсіфа Флавія ³⁾, присутствіе двухъ свидѣтелей было достаточно для удостовѣренія подлинности документа, но обыкновенно въ документахъ II вѣка ихъ записано по трое (какъ и въ нашемъ), а въ позднѣйшія времена, приблизительно съ половины послѣдняго вѣка до Р. Хр., значительно больше, отъ 7 до 12 ⁴⁾.

3) Въ нашемъ документѣ сенаторы-свидѣтели названы личными и родовыми именами (*praenomina* и *nomina gentilitia*), съ прибавленіемъ

¹⁾ С. I. Graec. № 2485.

²⁾ Нашъ документъ вполне подтверждаетъ справедливость слѣдующаго замѣчанія Фукара (l. c.): «Dans les deux monuments de 186 et de 136, ce sont les deux consuls ou l'un des consuls qui prennent la parole; on pourrait donc croire, que cette mention a paru suffisante pour fixer la date et qu'on n'a pas cru nécessaire de répéter leurs noms. Mais le sénatus-consulte de Thisbe fait voir qu'il n'en est pas ainsi, et qu'à cette époque l'usage d'inscrire le nom des consuls en tête de l'acte n'était pas encore établi. En effet; le magistrat qui consulte le sénat est un préteur, et si l'un des consuls, Aulus Hostilius, est nommé, c'est seulement d'une manière incidente et à la ligne 43». Въ нашемъ документѣ ни одинъ изъ консуловъ года его изданія, къ сожалѣнію, не названъ даже случайнымъ образомъ.

³⁾ Ant. Jud. XIII, 9, 2. XIV, 8, 5. Ср. Mommsen, Ephem. epigr. I, 284.

⁴⁾ По 7 свидѣтелей названо въ S. C. de nudinis saltus Beguensis (Ephem. epigr. II, 271) и de Suzicenis (ibid. III, 156), II в. по Р. Хр. Другіе примѣры см. у Фукара цит. с. стр. 23. Необыкновенно большое количество (не менѣе 33) лицъ, записанныхъ въ S. C. адрамиттійскомъ (времени Гая Грахаха или немного болѣе поздняго по мнѣнію Моммзена, Ephem. epigr. IV, 217), до сихъ поръ остается не вполне объясненнымъ. Кстати замѣтимъ здѣсь, что на основаніи A стр. 5 нашего документа строку 5-ю адрамиттійскаго S. C. съ полною вѣроятностью можно возстановить такъ: ...ἐπερωχήτα δὲ γράματὸ γενόμενον ὑπὸ συγχαλῆ]τος и т. д. Это возстановленіе вполне наполняетъ лагуну и потому позволяетъ судить и о количествѣ не сохранившихся буквъ въ ближайшихъ предшествующихъ и послѣдующихъ строкахъ, что необходимо для правильнаго ихъ возстановленія.

именъ отцовъ и названій трибъ, но безъ прозвищъ (*cognomina*). Изучая формулы прежде извѣстныхъ сенатскихъ рѣшеній, Фукаръ замѣтилъ (ц. с. стр. 24), что обозначеніе трибъ и прозвищъ при именахъ свидѣтелей вводится было съ строгою постепенностью (а *suivi une marche très régulière*): въ древнѣйшихъ актахъ ни триба, ни прозвище не были отмѣчаемы (напр., S. C. о вакханаліяхъ, 186 г., и о Оисбейцахъ, послѣдній за исключеніемъ одного случая обозначенія трибы), потомъ стали обозначаться трибы (S. C. 136 и 78 гг.), наконецъ и *cognomina* (S. C. 56 года до Р. Хр.). Что касается до поименованія магистратовъ, то Фукаръ согласно съ Ваддингтономъ думаетъ, что въ документѣ 136 года къ имени консула прибавлено названіе трибы (*Σέρουιος Φόλουιος Κοίντου υἱός Στ[ε]λλατίνα ὕ]πατος*), а Моммзенъ, напротивъ, утверждаетъ что названіе трибы никогда не прибавлялось къ именамъ магистратовъ, такъ какъ ихъ личности достаточно обозначались уже названіемъ должности, и что въ S. C. 136 г. надо читать *στ[ρατηγός ὕ]πατος*¹⁾. Нашъ новый документъ, какъ близкій по времени къ 136 г., можетъ служить важнымъ подтвержденіемъ мнѣнія почтеннаго знатока римской исторіи и жизни: названіе трибы и въ немъ не поставлено при имени претора²⁾.

4) За то другому мнѣнію того же ученаго нашимъ документомъ нанесенъ окончательный ударъ. Въ своихъ „*Römische Forschungen*“ (т. I, стр. 47), говоря о времени введенія прозвищъ, Моммзенъ высказалъ, что „въ законахъ и сенатскихъ рѣшеніяхъ, гдѣ первоначальная строгая форма долѣе всего сохранилась въ чистотѣ, *cognomen* и триба не встрѣчается раньше Суллы“. Впослѣдствіи, комментируя S. C. о Оисбейцахъ, онъ, на основаніи очевидныхъ фактовъ, отказался отъ этого мнѣнія относительно трибы, но удержалъ его относительно прозвищъ: „*adhuc verum est quod olim posui in instrumentis publicis quae habemus cognomen non inveniri ante a. 676 (то-есть ab u. c.), quo factum est s. c. de Asclepiade*“ (Eph. epigr. I,

¹⁾ Ephem. epigr. I, стр. 156 и 189; ср. стр. 223 сл.

²⁾ Съ другой стороны, противъ восстановленія *στ[ρατηγός ὕ]πατος* говоритъ то, что въ другомъ мѣстѣ того же документа, какъ и въ нашемъ новомъ, консулъ названъ просто ὕπατος. Въ виду того, что эпиграфическая копія документа, данная въ изданіи Le Bas-Waddington, не можетъ быть названа безукоризненною, и что въ нашемъ новомъ документѣ, болѣе раннемъ по времени, уже поставлено *cognomen* при имени претора, нельзя ли предположить, что и буквы ΣΤ передъ лакуней прочитаны невѣрно, и что на камнѣ стояло Σ. Φ. Κοίντου υἱός [Φλάκκος ὕ]πατος?

289). Прозвище *Marcinus* при имени претора въ новомъ с.-с.-тѣ служить очевиднымъ доказательствомъ, что даже въ официальныхъ актахъ, начиная со второй половины II в. до Р. Хр., ставились уже *согномина*, хотя лишь изрѣдка. Употребленіе же ихъ на монетахъ и въ неофициальныхъ эпиграфическихъ памятникахъ II вѣка доказалъ уже Фукаръ (ук. с. стр. 24—25) многими примѣрами ¹⁾.

5) Для перевода латинскаго названія *consul* въ греческомъ языкѣ, какъ извѣстно, не было вполне соответствующаго выраженія; въ первой половинѣ II вѣка для этого употреблялось сложное выраженіе *στρατηγός βλατος*, потомъ уступившее мѣсто болѣе краткому *βλατος*, съ которымъ мы встрѣчаемся и въ новомъ нарвакійскомъ документѣ. Древнѣйшимъ примѣромъ употребленія выраженія *βλατος* до сихъ поръ является S. C. о *Θисβейцахъ*, 170-го года ²⁾.

Относительно ореографіи новаго S. C. вообще и транскрипціи въ немъ латинскихъ словъ въ частности ограничимся двумя-тремя краткими замѣчаніями, такъ какъ интересныхъ особенностей въ этомъ отношеніи встрѣчается въ немъ мало, и притомъ всѣ извѣстные способы транскрипціи латинскихъ словъ и именъ по гречески прекрасно разобраны уже проф. Диттенбергеромъ ³⁾. Слогъ *qui* въ нашемъ документѣ, какъ и въ другихъ надписяхъ и у писателей до временъ *Аппіана*, передается посредствомъ *κοῖ* (*Κοῖντίων*, *Κοῖντος*, *Κοῖντος*, см. у Диттенбергера цит. с. стр. 301); транскрипція *horatium*—*κορέτιον* и *voros*—*νορῶσις* также давно уже извѣстны (см. о *κορέτιον* у Диттенбергера стр. 142, о *νορῶσις* ср. стр. 289). Впервые, если не ошибаюсь, встрѣчается въ документѣ хорошаго времени форма *Λοτάτιος*—*Latatius* ⁴⁾, хотя въ другихъ словахъ употребленіе *ο* для

¹⁾ Въ немъ можно прибавить теперь вновь изданный *Омоллею* (*Bulletin de cong. hell. VI, 1882, стр. 1—167*) громадный и великолѣпный инвентарь *Делосскаго храма* ок. 180 г. до Р. Хр., въ которомъ, на ряду съ обозначеніемъ Римлянъ только личными именами или личными и родовыми, встрѣчаются и прозвища, напр. *Λεύκιος Κορνῆλιος Σκίπιον*.

²⁾ Объ употребленіи и значеніи выраженія *στρατηγός βλατος* см. замѣтку *Т. Моммзена* въ *Ephem. epigr. I, стр. 223—226*.

³⁾ Въ статьяхъ «*Römische Namen in griech. Inschriften u. Literaturwerken*» въ VI т. журнала *Hermes* (1872 г.), стр. 129 сл. и 280 сл.

⁴⁾ Ср. объ этомъ имени замѣчаніе Диттенбергера (стр. 295): «*Das polybianische Λοτάτιος findet gerade für die ältere Zeit eine Stütze in dem Senatus-consult C. I. Gr. 5789. C. I. L. vol. I nr. 203 (78 v. Chr.); später kommt die Form nicht mehr vor (Λουτάτιος z. B. Plut. Mar. 14. 44. Cato 16. Appian. Civ. I. 74)*».

передачи латинскаго а было уже извѣстно (см. нѣсколько примѣровъ у Диттенбергера стр. 295). Съ формою [Ἄ. ἦν]ση = A. ensi (ablat.) можно сравнить Ἀνιήσσης = Aniensis и Ἀρνήσσης = Arnensis (въ nomin.) въ S. C. адрамиттійскомъ. Диттенбергеръ, собравшій нѣсколько другихъ подобныхъ примѣровъ (стр. 148), справедливо называетъ употребленіе въ нихъ η вмѣсто ι только кажущимся: „Nicht sowohl ein lautlicher Uebergang von i in e hat (hier) stattgefunden, говорятъ онъ, als vielmehr eine grammatische Umgestaltung der Endung zu dem Zwecke, dem Namen ein griechischeres Ansehen zu geben und ihn bequemer declinirbar zu machen“. Приписная ι поставлена въ нашей надписи далеко не вездѣ; можно замѣтить однако, что переводчикъ (или рѣзчикъ?) ставилъ ее не какъ вдумается, а слѣдуя определенному правилу, которое можно формулировать слѣдующимъ образомъ: приписная ι поставлена при дат. падежѣ именъ и отсутствуетъ при 3 л. ед. ч. сосл. накл. глаголовъ. Единственное исключеніе ταύτη въ A стр. 33 подвержено нѣкоторому сомнѣнію: между Η и слѣдующей буквой Τ на камнѣ находится промежуткогъ большій, чѣмъ между другими буквами, хотя Ι незамѣтна въ немъ ни на камнѣ, ни на эстампѣ. Названія римскихъ трибъ—у насъ [Κορνηλία въ A стр. 12—по гречески ставились, какъ извѣстно, безъ ι приписной, въ формѣ латинскаго ablativus. Въ S. C. о Фисбейцахъ есть два случая опущенія приписной ι, оба при сослаг. накл. глаголовъ. Можно подумать, что причиною этого былъ не произволъ рѣзчиковъ и не вліяніе мѣстныхъ діалектовъ, а что такова была орфографія въ Римѣ, и что она начала входить въ употребленіе именно съ 70-хъ годовъ II вѣка. Въ сенатусконсультахъ приенскомъ и адрамиттійскомъ, слѣдующихъ по времени за нашимъ, хотя и близкихъ къ нему, встрѣчаются уже примѣры отсутствія приписной ι и при дат. п. именъ¹⁾.

Анкарская надпись С. I. Gr. № 4060 съ именемъ Λοτατ[α]—очень позднихъ временъ и по видимому плохо списана.

¹⁾ Въ аттическихъ официальныхъ документахъ приписная ι стала выходить изъ употребленія съ послѣдней четверти II в. до Р. Хр. (Köhler ad С. I. A. tt. II, № 465; ср. однако замѣчаніе въ ст. «Одна изъ вновь найденныхъ аефскихъ надписей» въ ноябрьской книгѣ Журнала М. Н. Пр. 1880 г., отд. класс. энкол. стр. 470); но въ надписяхъ изъ другихъ мѣстностей Эллады отсутствіе ι встрѣчается и раньше; особенно въ Беотіи опущеніе ее можно встрѣтить даже въ документахъ III в., безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ мѣстнаго діалекта (я разумею, конечно, только надписи, изложенныя на обще-греческомъ діалектѣ).

Разсматриваемое нами рѣшеніе сената, какъ уже замѣчено выше, было вызвано поземельнымъ споромъ смежныхъ фёіотидскихъ городовъ Мелитѣи и Нарракія. Оба города, чтобы положить конецъ своимъ долговременнымъ распрямъ, обратились посредствомъ посольствъ къ посредничеству римскаго сената. Получивъ у сената аудіенцію, послы того и другаго города произнесли рѣчи, въ которыхъ старались подтвердить права или оправдать притязанія своего роднаго города. Въ сохранившемся документѣ, прежде изложенія самаго рѣшенія сената, резюмированы обѣ рѣчи пословъ, такъ что мы можемъ уяснить себѣ, изъ-за чего собственно возникли споры между городами, и прослѣдить разныя фазы ихъ развитія и прежнія попытки окончить ихъ мирнымъ путемъ. Здѣсь нельзя не припомнить съ сожалѣніемъ, что значительная часть рѣчи мелитѣйскихъ пословъ совершенно пропала (въ концѣ А четыре строки за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ въ серединѣ ихъ, а въ началѣ Б строки 6—7 цѣликомъ), такъ что мы лишены возможности познакомиться съ доводами, которые были ими приведены въ защиту притязаній своей родины; тѣмъ не менѣе, того, что сохранилось на камнѣ, достаточно для ознакомленія съ сутью дѣла. Яблокомъ раздора между сосѣдями послужили общественная земля и пустопорожній участокъ (*χωρα δημοσία καὶ χωρίον ἔρημον*), съ давнихъ временъ принадлежавшіе Мелитѣйцамъ. Что это за *χωρα δημοσία*, изъ документа не видно; нельзя, конечно, думать, чтобы Нарракійцы захватили себѣ всю землю мелитѣйской общины; по всей вѣроятности, это былъ одинъ какой-нибудь участокъ; изъ Б стр. 14 видно, что на немъ находились какія-то святилища (*τὰ ἱερά*). Безъ сомнѣнія, мелитѣйскіе послы въ своей рѣчи подробно объяснили, изъ-за какой именно земли враждовалъ ихъ родной городъ съ сосѣднимъ; но при письменномъ изложеніи рѣшенія сената найдено было излишнимъ въ *resumé* ихъ рѣчи повторять эти подробныя объясненія, тѣмъ болѣе, что они не были нужны для сдѣланнаго сенатомъ постановленія. Земля, о которой идетъ рѣчь, издавна находилась во владѣніи Мелитѣйцевъ; по крайней мѣрѣ послы этого города, въ своихъ аргументахъ выставляя на первомъ планѣ право давности, восходили въ своихъ историческихъ воспоминаніяхъ до начала IV вѣка до Р. Хр. (А стр. 27—29, см. ниже). Заявленія сторонъ о времени перехода спорной земли во владѣніе Нарракійцевъ были разнорѣчивы: по словамъ мелитѣйскихъ пословъ, Нарракійцы отняли ее уже послѣ вступленія ихъ въ дружбу съ Римомъ, т. е. послѣ 196 года (А стр. 21—24), а по показанію

пословъ нарѣакійскихъ, ихъ городъ уже владѣлъ въ то время зем-
лею, и его права на нее были утверждены „по законамъ, которые
далъ Ѳессалійцамъ (про)консуль Т. Квинкцій на основаніи мнѣнія
10 легатовъ, и по рѣшенію сената“ (В, стр. 14—19). Это послѣд-
нее прибавленіе было сдѣлано Нарѣакійцами очевидно съ цѣлью
тонко польстить Римлянамъ (признавая данные ими законы выше
всякихъ правъ давности) и подѣйствовать на ихъ чувство легальности—и они не ошиблись въ своемъ разчетѣ: сенатъ утвердилъ
землю за Нарѣакійцами. Заявленіе Мелитѣйцевъ о томъ, что Нарѣ-
акійцы несправедливо отняли у нихъ землю послѣ ихъ вступленія
въ дружбу съ Римомъ, можно, мнѣ кажется, согласить съ показа-
ніемъ пословъ нарѣакійскихъ такимъ образомъ, что Нарѣакійцы не
сразу, а лишь нѣсколько времени спустя вступили во владѣніе
землею, утвержденною за ними Фламиніномъ.

Законодательная дѣятельность Т. Квинкція Фламиніна въ Ѳес-
салии послѣ битвы при Киноскефалахъ въ общихъ чертахъ извѣстна.
Ѳессалійцы съ сосѣдными мелкими племенами Перрѣбовъ, Долоновъ
и Магнетовъ были признаны свободными и къ Ѳессалии были при-
соединены Ахейцы-Феіоты, за исключеніемъ городовъ Оивъ-Феійскихъ
и Фарсала ¹⁾). Торжественное провозглашеніе свободы Эллады было
сдѣлано на Исѣмійскихъ играхъ весною 196 года ²⁾). Дальнѣйшее
устройство Ѳессалии было отложено за другими болѣе спѣшными дѣ-
лами, такъ что только два года спустя, по окончаніи войны съ лакедѣ-
монскимъ тиранномъ Набидомъ, переходъ самымъ возвращеніемъ въ Ита-
лію, Фламиніиъ посвятилъ нѣкоторое время пришеденію въ порядокъ
дѣлъ въ Ѳессалии ³⁾). Титъ Ливій (XXXVI, 51) яркими красками ри-
суетъ печальное состояніе страны въ это время: „Pergit ire (Flamininus)
in Thessaliam, ubi non liberandae modo civitates erant, sed ex omni collu-
vione et confusione in aliquam tolerabilem formam redigendae, nec enim
temporum modo vitiiis ac violentia et licentia regia turbati erant, sed
inquieta etiam ingenio gentis, nec comitia, nec conventum, nec concilium

¹⁾ Полиб. XVIII, 47 (30). Т. Лив. XXXIII, 34.

²⁾ О времени празднованія Исѣмійскихъ игръ см. ст. Унѣра «Der Isthmientag u. die Nyakinthien» въ *Philologus* XXXVII (1877), стр. 1—42.

³⁾ По показанію Евсевія (Chron. I p. 340 ed. *Aucher*) въ первый годъ по освобожденіи въ возобновленномъ Ѳессалійскомъ союзѣ не было даже стратега. О положеніи Ѳессалии и дѣятельности Фламиніна ср. *G. F. Hertzberg, Gesch. Griechenl. unter d. Herrsch. d. Römer*, т. I, стр. 108.

ullum non per seditionem ac tumultum iam inde a principio ad nostram usque aetatem traducentis. a censu maxime et senatum et iudices legit potentioioremque eam partem civitatum fecit, cui salva et tranquilla omnia esse magis expediebat". Изъ известнаго письма Фламинина къ властямъ и народу города Киретій ¹⁾ историческая наука познакомилась съ однимъ характеристическимъ случаемъ изъ его дѣятельности въ Фессаліи, отчасти и съ его взглядами и стремленіями. Новый наравкійскій документъ, хотя и не принадлежащій самому Фламинину и даже не современный ему, даетъ небезынтересную иллюстрацію его реформаторской дѣятельности и прибавляетъ новую подробность къ нарисованной Ливіемъ картинѣ жалкаго положенія Фессаліи въ то время: мы видимъ, что Фламининъ входилъ во всѣ частности относительно устройства взаимныхъ отношеній городовъ и государствъ, улаживалъ ихъ территоріальные споры и пр. Данные имъ законы послужили прочными нормами жизни Фессалійцевъ подъ покровительствомъ Римлянъ и сохранялись, какъ известно, еще во времена Римскихъ императоровъ.

Какое именно рѣшеніе сената упомянуто наравкійскими послами послѣ законовъ Фламинина (В, стр. 18)—неизвестно. Едва ли можно разумѣть здѣсь тотъ S. C., которымъ была назначена коммиссія изъ 10 легатовъ для выработки вмѣстѣ съ Фламининимъ условій мира съ Филиппомъ и устройства дѣлъ Элады (Лив. XXXIII, 24),—потому что въ такомъ случаѣ упоминаніе о немъ было бы поставлено непосредственно за [νευ]ικη[χέ]ναι, передъ словами κατὰ νόμους τοὺς Θεσ[σ]α[λίαν] ²⁾. Съ другой стороны, разумѣть здѣсь какой-нибудь спеціальнй S. C., изданный когда-нибудь послѣ 196 г. именно по поводу спора Мелитѣйцевъ съ Наравкійцами, не позволяетъ то обстоятельство, что, какъ мы видимъ далѣе изъ нашего документа, спорящія стороны обращались къ третейскому суду греческихъ городовъ прежде чѣмъ представить свое дѣло на рѣшеніе сената. Наконецъ, конструкція фразы (. . . κατὰ δόγμα συκλήτου, περί τε τούτων τῶν πραγμάτων — — νευικηχέναι) не допускаетъ возможности такого толкованія, что стороны обратились за рѣшеніемъ спора сначала къ римскому сенату,

¹⁾ С. I. Gr. № 1770 (=Le Bas, V. A. II, Thessalie, № 1303).

²⁾ На этомъ же основаніи я ставлю слова κατὰ δόγμα συκλήτου въ зависмости отъ [νευ]ικη[χέ]ναι стр. 14-й (νευικηχέναι κατὰ νόμους — — — καὶ κατὰ δόγμα συκλήτου), а не отъ ἔδοκεν.

а потомъ уже, *ex senatus consulto*, къ третейскому суду упомянутыхъ въ документѣ городовъ ¹⁾).

Какъ бы то ни было, Мелитѣйцы если и подчинялись въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ неблагоприятному для нихъ рѣшенію Фламинина, то лишь скрѣпя сердце и не будучи въ состояніи забыть о своихъ прежнихъ владѣніяхъ. Наконецъ, они не выдержали и возобновили свои притязанія. На этотъ разъ стороны, по извѣстному обычаю древнихъ Грековъ, согласились представить дѣло на рѣшеніе третейскаго суда какого-нибудь города, не заинтересованнаго въ спорѣ, и за 3 года до изданія нашего сенатусконсульта обратились сначала къ Самосцамъ, потомъ къ Колофонцамъ, наконецъ къ Магнетамъ ²⁾,—но результатъ вездѣ былъ одинъ и тотъ же: всѣ три суда рѣшили, что Нарекійцы владѣютъ землею на законномъ основаніи (Б, стр. 19—22). Неудовлетворенные Мелитѣйцы не успокоились и перенесли дѣло въ римскій сенатъ (что это было сдѣлано по почину Мелитѣйцевъ, и что они явились истцами, видно изъ того, что ихъ послы были выслушаны въ сенатѣ первыми),—но и тутъ ждала ихъ неудача: выслушавъ рѣчи пословъ обоихъ городовъ, сенатъ постановилъ рѣшеніе въ пользу Нарекійцевъ на томъ основаніи, что они владѣли землею по законамъ, даннымъ Фессалии Фламинниномъ, „а рѣшенное по законамъ отмѣнять нелегко“ (Б, стр. 28—32).

Изъ авторовъ и эпиграфическихъ документовъ давно извѣстно широкое распространеніе въ древне-греческомъ мірѣ обычая, въ случаѣ если какіе-нибудь споры между двумя городами или между раз-

¹⁾ Такіе случаи извѣстны, напр., изъ Павс. VII, 11, 2 (извѣстное дѣло Аеннпъ съ Оропцами передано было сенатомъ на рѣшеніе Сикюнцевъ), изъ найденнаго при послѣднихъ раскопкахъ въ Олимпіи документа о рѣшеніи Милетцами стариннаго спора Лакедемонянъ съ Мессенцами изъ-за Денеалийской земли (над. *Нейбауеромъ* въ *Archäol. Zeit. N. F.* IX, 1876, стр. 128, № 16) и пр.

²⁾ Были ли это ессалийскіе Магнеты, или жители одной изъ малоазійскихъ Магнесій, рѣшить трудно. О сношеніяхъ Нарекійцевъ съ жителями Магнесіи что при Младрѣ, можно заключить изъ приводимаго ниже, подъ № 2, списка прокесовъ, въ которомъ названъ прокесъ [*Μαγνήτων*] τῶν ἀπὸ Μαγνητοῦ]. Однако отсутствіе подобнаго обособляющаго признака при имени Магнетовъ въ сенатусконсультѣ заставляетъ скорѣе разумѣть въ немъ Магнетовъ ессалийскихъ. Какъ видно изъ Т. Лив. XXXV, 31 и 39 и эпиграфическихъ документовъ (*A. Mézières, Mémoire sur l'Ossa et le Pelion, Paris 1853, стр. 117, и особенно Mitth. d. D. Arch. Inst. VI, Beil. 1 zu S. 304 и VII, стр. 71 сл.*), эти послѣдніе составляли особый союзъ, къ суду котораго и могли обратиться Мелитѣйцы и Нарекійцы.

личными партіями въ одномъ и томъ же городѣ не могли быть разрѣшены домашнимъ образомъ, по полюбовному соглашенію, и въ то же время если споряція стороны не желали прибѣгать къ силѣ оружія,—обращаться къ третейскому суду какаго-нибудь города (или народа), незаинтересованнаго въ дѣлѣ и потому могшаго рѣшить его вполне безпристрастно (ἐκκλητος πόλις). Приглашенный городъ или народъ посылалъ судей (δικασταί), которые послѣ успѣшнаго окончанія дѣла обыкновенно виѣстѣ съ своимъ отечествомъ получали въ награду отъ пригласившихъ городовъ тѣ-или другія почести. Большое количество примѣровъ подобнаго третейскаго суда собрано изъ писателей и эпиграфическихъ документовъ (изъ С. I. Ггаес.) уже М. Г. Э. Мейеромъ въ его специальномъ изслѣдованіи о мировомъ и третейскомъ судахъ у древнихъ Грековъ ¹⁾. Не мало такихъ примѣровъ можно найти и въ надписяхъ, изданныхъ въ послѣднія десятилѣтія, послѣ изслѣдованія Мейера ²⁾. Римъ уже очень рано сталъ принимать на себя роль третейскаго судьи въ распряхъ между греческими государствами, которыя находились подъ его вліяніемъ. Древнѣйшій изъ примѣровъ такого суда, приведенныхъ Мейеромъ (с. с. стр. 34), относится еще къ 148-й олимпіадѣ (именно рѣшеніе Кв. Цэцилія Метелла о спорѣ Филиппа Македонскаго съ Ѡессалійцами и Перрѣбами, а потомъ съ Евменомъ и маронейскими бѣглецами, извѣстное изъ Полибія, XXIII, 4 (XXII, 1 ед. Hultsch) и Павс. VII, 8, 6). Распри были рѣшаемы или сенатомъ, или послывшимися на мѣсто споровъ сенатскими комиссіями, или по порученію сената какимъ-нибудь незаинтересованнымъ въ спорахъ городомъ, впоследствии же, со времени обращенія Македоніи и Греціи въ римскую провинцію, обыкновенно—ея правителями. Мы имѣемъ въ нашемъ документѣ случай совершенно аналогичный съ давно извѣстнымъ изъ с. с. о Приенцахъ и Самосцахъ: между Приеною и Самосомъ также издавна существовали поземельные

¹⁾ *M. H. E. Meier, Die Privatschiedsrichter und die öffentlichen Diäteten Athens, sowie die Austrägalgerichte in den griech. Staaten des Alterthums* (Halle, 1846) стр. 31 сл. Ср. *Bétant, An fuerint apud Graecos iudices certi litibus inter civitates componendis* (Berlin, 1862); *Egger, Etudes sur les traités publics chez les Grecs et les Romains* (Paris, 1867).

²⁾ Интереснѣйшимъ изъ вновь найденныхъ документовъ подобнаго рода является упомянутое уже рѣшеніе Милетцевъ о спорѣ между Лакедемонянами и Мессенцами. Ср. также рѣшеніе аргосцевъ о спорѣ Мелосцевъ съ Киллолійцами (*Le Bas et Waddington, Asie Mineure, № 1*), надпись изъ Гипаты въ *Mith. d. Deutsch. Arch. Inst. VI (1879), стр. 209 и пр.*

споры, которые были улажены римскимъ главнокомандующимъ Гн. Манлиемъ Вульсономъ съ комиссіей изъ 10 легатовъ послѣ войны съ Антиохомъ III Сирійскимъ; точно также спорящія стороны не удовлетворились этимъ рѣшеніемъ и обратились впоследствии къ третейскому суду родосцевъ, а потомъ въ Римъ къ сенату; разница только въ томъ, что тамъ сенатъ утвердилъ рѣшеніе Родосцевъ, а не Вульсона, и даже выразилъ неудовольствіе по поводу того, что стороны не остались при рѣшеніи, которое дано было Родосцами по ихъ собственному желанію ¹⁾.

Послѣ вышеизложенныхъ общихъ замѣчаній обратимся къ разсмотрѣнію частныхъ документа и къ предложеннымъ мною возстановленіямъ не сохранившихся частей его текста.

А, стр. 1—7. Въ этихъ строкахъ отмѣченъ именами эпонимовъ—стратеговъ Фессалійскаго союза и мѣстныхъ городскихъ властей—годъ изданія с. с. и годъ вырѣзки его на камнѣ (я предпочитаю въ стр. 4—5 возстановленіе ἀν[εργράφη] другому возможному ἀν[εργνώσθη]); по всей вѣроятности документъ былъ вырѣзанъ на камнѣ не позже, чѣмъ въ слѣдующемъ году послѣ изданія, такъ что стратеги Θεσσα[λός] Φρασπυίδεος Фераіος, и Δέων [Ἀγ]ησίπλου Δαρισαίος ²⁾ слѣдовали непосредственно другъ за другомъ. Кромѣ этихъ двухъ до сихъ поръ неизвѣстныхъ президентовъ Фессалійскаго союза, мы узнаемъ еще изъ заголовка, что форма правленія въ Нареакіи была та же, что въ другихъ фессалійскихъ городахъ въ эту эпоху ³⁾,—что во главѣ правленія стояли три ежегодно смѣнявшіеся архонта. Цѣль прибавленія этого заголовка не нуждается въ комментаріяхъ: на рѣшеніе сената Нар-

¹⁾ *Le Bas et Waddington*, Inscr. d'Asie Mineure, № 195—198, съ комментариемъ Ваддингтона. Замѣтимъ здѣсь кетати, что нашъ документъ, сохранившійся, сравнительно, лучше приенскаго и астипалейскаго (С. I. Gr. № 2485) и изобилующій формулами оофициальнаго языка сенатусконсультовъ, представляетъ богатый матеріалъ для возстановленія текста обоихъ названныхъ документовъ.

²⁾ Восстановленіе имени отца послѣдняго стратега, также какъ и отчества втораго изъ нареакійскихъ архонтовъ въ стр. 4, дано лишь примѣрное. Стратегъ Δέων (съ несохранившимся отчествомъ и названіемъ родины) упоминается въ Ламійской надписи *Rang. Ant. Hell. II*, № 949 (= *Le Bas* № 1148), но конечно, нельзя сказать съ увѣренностью, что онъ тождественъ съ упоминаемымъ въ нашемъ документѣ.

³⁾ Напр. въ Ламіи—*Le Bas*, №№ 1142, 1143, 1145; въ Фавмаках—*Le Bas*, №№ 1182, 1183; въ Гипатѣ—*Mitth. d. Deutsch. Inst. IV*, стр. 213; Мелитѣ—*Bull. de corr. Hell. V*. (1881) стр. 423, № 37.

эакійцы могли съ полнымъ правомъ опираться въ случаѣ возобновленія Мелитѣйцами притязаній на землю; стало быть, для нихъ было весьма важно не только сохранить его въ подлинномъ видѣ, но и знать съ точностью время его изданія, а для этого имя римскаго должностнаго лица, притомъ даже не консула, а только претора, было, конечно, недостаточно, особенно для послѣдующихъ поколѣній.

Стр. 8—14. Обычный заголовокъ сенатскаго рѣшенія и перечисленіе сенаторовъ, присутствовавшихъ при письменномъ изложеніи его. Относительно личности претора мы уже говорили выше. Изъ того, что онъ имѣлъ право *referre ad senatum*, прямо вытекаетъ, что онъ былъ *praetor urbanus*: извѣстно, что не всякій преторъ, а только городской, имѣлъ это право въ случаѣ отсутствія обоихъ консуловъ изъ Рима. Моммзенъ ¹⁾ доказалъ вполне ясно, что и преторъ 170 года Q. Maenius, упоминаемый у Т. Ливія и въ сенатусконсултѣ о Фисбейцахъ, былъ *urbanus*, а не *regginus*, какъ думали Фукаръ ²⁾ и другіе ученые. Возстановленіе дня засѣданія сената въ стр. 10-й я считаю не подлежащимъ сомнѣнію. Въ началѣ строки пропало буквъ 6—7, не больше, какъ можно судить по ближайшимъ предшествующимъ и послѣдующимъ строкамъ; стало быть, если предположить возстановленіе *πρὸ [ἡμερῶν]* = *ante diem*, то для слѣдующаго числительнаго не будетъ уже мѣста; предположить же выпущеніе или сокращеніе слова *ἡμερῶν* не позволяютъ другіе сохранившіеся на греческомъ языкѣ s. c. времени республики, въ которыхъ это слово всегда поставлено впереди числительнаго и притомъ безъ сокращенія. Примѣры перевода латинскаго *pridie* словомъ *πρότερον* съ род. пад. уже извѣстны ³⁾. День наканунѣ іюльскихъ нонъ обозначенъ въ фастахъ знакомъ N, т. е. былъ *non comitialis*, а въ такіе дни преимущественно и происходили засѣданія сената ⁴⁾.

Мѣстомъ засѣданія было *κομῆτιον*, т. е. Гостиліева курія подлѣ комиціи, какъ и во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось иностранцевъ ⁵⁾.

¹⁾ *Ephem. epigr.* I, стр. 287.

²⁾ *Sénatus-cons. inéd.* стр. 16.

³⁾ S. C. о Фисбейцахъ стр. 14: *πρότερον Ὀχτωμβρίων* по сличенію Людерса (*Ephem. epigr.* II, 103) и Шмидта (*Mitth. d. D. Arch. Inst.* IV, 248).

⁴⁾ О дняхъ сенатскихъ засѣданій см. статью Бардта въ журн. *Hermes* VII, с. 14 сл.

⁵⁾ См. замѣчанія Т. Моммзена въ *S. I. Lat.* I стр. 113, *Ephem. epigr.* I, 284 и II, 282 (*scholia* къ изданію Вилльмансомъ S. C. de *nundinis saltus Beguensis*:

Изъ нѣсколькихъ мѣстъ Т. Ливія, сопоставленныхъ Фукаромъ (*Sénatusc. inéd.* стр. 17), видно, что иностранные послы являлись въ *comitium* для переговоровъ съ магистратами и испрошенія аудіенціи у сената и тамъ же ожидали окончанія совѣщанія сената и отвѣта его на свою просьбу; когда рѣшеніе сената было готово, то или магистратъ читалъ его посламъ въ комиціи, или они были приглашаемы для выслушанія его въ курию.

При письменномъ изложеніи акта присутствовали три сенатора: Q. Tatilienus Q. f. [Cox]nelia—личность совершенно неизвѣстная. На сколько я знаю, самое имя (*nomen gentilicium*) Tatilienus не встрѣчалось еще ни у авторовъ, ни въ эпиграфическихъ памятникахъ. По изслѣдованіямъ Т. Моммзена, Генцена и Гюбнера ¹⁾, многочисленныя родовыя имена съ окончаніемъ *epus* не произведены отъ названій мѣстностей или отъ другихъ родовыхъ именъ для обозначенія усыновленій (подобно именамъ съ окончаніемъ *apus*), а отличаются только формою отъ родовыхъ прилагательныхъ, оканчивающихся на *ius*, и чаще всего встрѣчались въ Пиценумѣ (название котораго и само образовано съ помощью этого окончанія) и сосѣднихъ съ нимъ мѣстностяхъ средней Италіи.

Cn. Lutatius Cn. f. [A. en]si Cergo (?)—можетъ быть, сынъ того Гн. Лутація Церкона, который въ 173 г. былъ въ числѣ пяти легатовъ, посланныхъ въ Македонію для ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ этомъ государствѣ и въ Александрію къ царю Птолемѣю VI Филометору для возобновленія съ нимъ дружбы (Т. Лив. XLII, 6). Изъ нашего документа впервые, кажется ²⁾, дѣлается извѣстною триба этой вѣтви рода Лутаціевъ, да и то не вполне: нельзя рѣшить, принадлежала ли она къ *tribus Arvensis* или *Aniensis*. По замѣчанію

«quod olim monui senatus consulta ubi dicuntur facta esse *in comitio*, ibi intellegi curiam Hostiliam in ipso comitio positam, hac indicatione *in comitio in curia* denuo confirmatur», также Фукара въ *Sénatusc. inéd.* стр. 17.

¹⁾ *Mommsen*, *Die Unterital. Dialecte*, стр. 362; *Henzen* въ *Orelli-Henzen, Inscriptionum Lat. sel. ampl. collectio*, т. III прим. къ № 6247 (ср. его же прим. къ *Oeuvres compl. de Barth. Borghesi* т. I р. 246); *Hübner*, *Quaest. onomatol. latinae* въ *Ephem. epigr.* II, стр. 27.

²⁾ По крайней мѣрѣ въ составленномъ Т. Моммзеномъ (*Ephem. epigr.* IV, р. 218 sq.) списокѣ лицъ senatorскаго сословія временъ республики, трибы которыхъ извѣстны, Лутаціи не приведены. О правописаніи *Arvensis* см. у *Моммзена* тамъ же с. 220 пр. 2.

Моммзена¹⁾, въ тѣ времена, къ которымъ относится нашъ документъ, трибы не были опредѣленными или наследственными, а зависѣли отъ имѣній, т. е. граждане подавали голоса въ тѣхъ трибахъ, въ которыхъ находились ихъ имѣнія. Поэтому легко могло случиться, что члены одного и того же рода принадлежали къ разнымъ трибамъ (примѣры см. у Моммзена l. c.).

A. Sempronius A. f. Fa[legna] — вѣроятно, одинъ изъ членовъ фамиліи Атрапиновъ или Азеліоновъ, такъ какъ въ другихъ отрасляхъ обширнаго gens Sempronia личное имя Aulus не было въ употребленіи. Названіе трибы восстановлено на основаніи сенатусконтовъ адрамиттійскаго и другаго, приведеннаго у I. Флавія (Ant. Iud. XIII, 9, 2).

Стр. 14—18. Имена мелитѣйскихъ пословъ и почетное наименованіе ихъ и пославшаго ихъ народа. Послы названы Θεσσαλοὶ Μελιταῖες очевидно потому, что съ 196 года Ахейцы-Феіоты, присоединенные къ Θεσσαλίскому союзу, составляли съ нимъ одно политическое цѣлое, а племенное различіе ихъ отъ Θεσσαλίцевъ не имѣло никакого значенія въ настоящемъ случаѣ. Однако въ Дельфійской амфиотіоніи, гдѣ голоса подавались по племенамъ, независимо отъ политическихъ отношеній, Ахейцы-Феіоты и послѣ присоединенія своего къ Θεσσαλίи продолжали участвовать отдѣльно отъ Θεσσαλίцевъ²⁾. Между прочимъ, въ одномъ декретѣ Дельфійской амфиотіоніи (С. I. A. II, № 551, строки 52—94, — о сохраненіи за аѳинскою артелью театральныкъ артистовъ прежнихъ привилегій и дарованій новыхъ), весьма близкомъ по времени къ нашему документу (137—125 до Р. Хр., по мнѣнію Кёлера), упомянуть въ качествѣ одного изъ двухъ іеромнеоновъ Ахейцевъ-Феіотовъ тотъ самый Лампромахъ, который въ нашемъ S. C. названъ въ качествѣ посла въ Римъ. Правда, его имя не вполнѣ сохранилось въ дельфійскомъ декретѣ, но восстановленіе [Λαμπρο]μάχου τοῦ Πολίτου Μελιταῖος нельзя не назвать весьма вѣроятнымъ въ особенности, когда документы отстоятъ одинъ отъ другаго на очень незначительное количество лѣтъ³⁾. Очевидно, что Лампромахъ былъ

¹⁾ Röm. Staatsrecht II² p. 356, 387; Ephem. epigr. IV, 122.

²⁾ См. напр. С. Wescher, Étude sur le monum. bil. de Delphes (Paris, 1868), стр. 56 и др.

³⁾ Данное Вешеромъ (цит. с. стр. 203) восстановленіе [Καλλι]μάχου — только примѣрное и ни на чемъ не основанное. Мелитѣйскій архонтъ Πολυτάων Πολίτα, известный изъ одной дельфійской надписи, относящейся приблизительно къ по-

въ свое время выдающеюся, вліятельною личностію въ Мелитѣѣ и отличался дипломатическими способностями. Имя и отчество перваго изъ мелитѣйскихъ пословъ возстановлены лишь примѣрно; другихъ упоминаній объ этой личности мнѣ встрѣчать не приходилось.

Стр. 18—35. Изложеніе содержанія рѣчи мелитѣйскихъ пословъ. Въ началѣ ея они по обычному приему греческихъ посольствъ, засвидѣтельствованному множествомъ эпиграфическихъ памятниковъ, „возобновили“ дружественныя и союзныя отношенія съ Римомъ, т. е. напомнили объ ихъ существованіи, потомъ принесли жалобу на незаконный захватъ у нихъ Нароакійцами общественной земли и пусто-порожняго участка, бывшихъ якобы въ ихъ, Мелитѣйцевъ, владѣніи въ то время, когда они вступили въ дружбу съ Римомъ, и просили сенатъ обратить вниманіе (т. е. постановить рѣшеніе), чтобы спорныя земли были утверждены за ними попрежнему ¹⁾. Къ сожалѣнію, начиная съ стр. 21 камень обломанъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше, такъ что предложенныя мною возстановленія текста не имѣютъ уже характера несомнѣнности, какъ въ предыдущихъ строкахъ, и могутъ быть названы только возможными; послѣднія 6 строкъ мнѣ совершенно не удалось возстановить, да едва ли удастся и кому-нибудь другому. На сколько можно судить по сохранившимся фразамъ, Мелитѣйцы старались подтвердить свои притязанія правомъ давности, ссылаясь на то, что спорная земля находилась въ ихъ владѣніи начиная со временъ Медіа и кончая македонскими. Какого Медіа разумѣли они въ своей рѣчи—нельзя сказать навѣрно. Странно прежде всего то, что это имя поставлено въ дат. надежѣ при предлогѣ ἐπί, между тѣмъ какъ далѣе въ зависимости отъ того же предлога стоятъ два род. падежа; въ виду того, что эти послѣдніе соединены съ предыдущимъ дат. пад. посредствомъ καί, и стало бытъ, являются однородными съ нимъ членами предложенія, нужно принять ἐπί съ дат. пад. также во временномъ значеніи ²⁾. Упомянутіе о Медіи предше-

ловнѣ II вѣка (Bull. de corr. hell. V (1881), стр. 423 № 37), былъ, можетъ быть, братъ Лампромаха.

¹⁾ Выраженіе τῆν δίκαιον προσέχειν встрѣчается, напр., у Плутарха (Нума, гл. 14), τῆς δίκαιας προσέχειν περὶ τινος — въ S. C. о Ожсбейцахъ стр. 43 сл. по сличенію Шмидта (Mittheil. d. D. Arch. Inst. IV, 241) и моему.

²⁾ Примѣры такого употребленія предг. ἐπί попадаются въ надписяхъ, напр., въ боготійскомъ спискѣ побѣдителей на состязаніяхъ въ праздникъ Музъ С. I. Gr. № 1585: Ἐνείκων ἐπί Φλαουίφ Παυλείφ ἀγωνοθετοῦντι Μουσῶν, ἐ[π'] ἀρχοντι Μητροδώρφ τῷ Ὀν[η]σιφόρου.

ствууетъ въ документѣ двумъ періодамъ времени, изъ которыхъ первый охарактеризованъ выраженіемъ ἐπὶ Θεσσαλῶν съ слѣдующимъ род. падежемъ, а второй, по видимому, именованъ Македоняны. Можно было бы думать, что этимъ послѣднимъ именованъ обозначено то время, когда Θεσσαλία входила въ составъ Македонскаго государства, начиная съ покоренія ея Филиппомъ до освобожденія Т. Фламиніиномъ (352—197 до Р. X.), — но мы не знаемъ въ исторіи Македоніи ни одной личности, которая носила бы имя Πόλλος (а между тѣмъ въ словахъ περὶ Πόλλου нѣтъ ни одной сомнительной буквы). Если, не останавливаясь предъ этимъ затрудненіемъ, принять сейчасъ высказанное предположеніе, то въ такомъ случаѣ раньше (стр. 27—28) былъ названъ періодъ самостоятельнаго существованія Θεσσαліи въ первой половинѣ IV в., а стало быть, именованъ Медіа было обозначено время еще болѣе раннее. При этомъ предположеніи съ упоминаемымъ у насъ Медіемъ можетъ быть съ вѣроятностью отождествлена одна историческая личность, именно извѣстный изъ Діодора (XIV, 82) владѣтель Ларисы Медій, враждовавшій съ Ликофрономъ Ферскимъ и въ 395 г. участвовавшій въ Коринескомъ союзѣ противъ Спарты. Быть можетъ, что онъ имѣлъ въ своей вѣласти также Мелитю и Нарракій и произвелъ размежеваніе ихъ земель, которое осталось въ силѣ на долгое время. Правда, въ изданіяхъ Діодора ларисейскій династъ называется Μῆδιος, но есть нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, что Μῆδειος и Μῆδιος — одно и то же имя¹⁾. Таковы предположенія, которыя можно привести для объясненія строкъ 25—30, но особенно настаивать на ихъ вѣрности не возможно, въ виду того, что въ каждой строкѣ не сохранилась почти треть текста.

Сторона Β заключаетъ въ себѣ résumé рѣчи нарракійскихъ пословъ (стр. 1—24) и рѣшеніе сената (24—37). Въ стр. 1—7 названы имена пословъ и записано начало ихъ рѣчи, формулированное совершенно также, какъ и начало рѣчи Медитэйцевъ въ А стр. 14—19, кромѣ нѣсколькихъ фразъ въ стр. 3—4, которыхъ нѣтъ въ соответствующемъ мѣстѣ стороны А; примѣрное возстановленіе ихъ предложено на основаніи сенатусконсульта о Приенцахъ и Самосцахъ. Стр. 8—11 пропали безвозвратно за исключеніемъ нѣсколькихъ обрывковъ фразъ, по которымъ можно составить лишь самое общее понятіе о ихъ со-

¹⁾ См. *Pape-Benseler*, Wörterbuch d. griech. Eigennamen (3 Aufl. 1875) v. v. Μῆδειος и Μῆδιος. О Ларисейскомъ династѣ Медіи ср. *E. Curtius*, Griech. Geschichte III¹, стр. 175 (=III, стр. 170 русск. пер. М. Корсака).

держаніи: послѣ обычнаго вступленія Нароакійцы, можетъ быть, говорили что-то о своихъ дѣлахъ (πραγμᾶτων, стр. 8), потомъ перешли къ опроверженію доводовъ своихъ противниковъ о владѣніи спорною землею (διελέγησαν περὶ χωράς; въ зависимости отъ этого-то глагола стоитъ далѣе въ стр. 13 винит. п. Нардахмиѣς съ неопредѣленными παραγ[ενέσθ]αι въ стр. 13 и ἐμικημέναι въ стр. 14 и 21). Начиная съ стр. 11 оказалось возможнымъ возстановить текстъ документа во всей полнотѣ. Такъ какъ сущность рѣчи Нароакійцевъ и рѣшеніе сената были уже рассмотрѣны выше, то здѣсь мы ограничимся только замѣчаніемъ, что употребленіе предлога ἐπί съ род. пад. въ значеніи „предъ, въ присутствіи“ (ἐπί τριῶν δικαστηρίων ἐμικημέναι стр. 20 сл.) было свойственно языку позднихъ временъ и встрѣчается, какъ у писателей, такъ и въ эпиграфическихкихъ памятникахъ¹⁾. Оба посольства, какъ дружественныя и союзныя, получили отъ сената подарки, выдача которыхъ поручена черезъ претора квестору (стр. 32—37); упоминанія о подаркахъ посламъ цѣнностью въ 125 сестерціевъ уже встрѣчались²⁾, хотя, конечно, подарки эти могли быть и гораздо болѣе цѣнными.

2. Списокъ проксеновъ.

Рядомъ съ камнемъ, на которомъ вырѣзанъ сенатусконсултъ, на мѣстѣ церкви св. Іоанна находится другой большой камень сѣро-желтаго цвѣта, нѣкогда также сослужившій службу при постройкѣ церкви; для этого онъ былъ обрѣзанъ слѣва по прямой линіи сверху внизъ, а справа—какъ бы въ видѣ лука съ удлинненными и заостренными концами. Въ настоящее время камень имѣетъ 0, 72 м. высоты, около 0, 32 наиб. шир. и 0, 43 толщины. Находящаяся на немъ надпись сильно пострадала отъ этой трансформации: сверху пропало начало ея (сколько строкъ, конечно неизвѣстно), слѣва—отъ 7 до 10 буквъ въ началѣ строкъ, справа—концы нѣкоторыхъ изъ нихъ, гдѣ больше, гдѣ меньше, смотря по ихъ длинѣ и по изгибу лукообразной линіи.

¹⁾ См. нѣсколько примѣровъ изъ Лукіана въ Thesaurus linguae Graecae *Genr. Стефана*, а также вышеупомянутое рѣшеніе Милетцевъ о спорѣ Лакедмонянъ съ Мессенцами (*Arch. Zeit.* 1876 стр. 128, № 16: τὰν χρίσιν τὰν γυγυνημέναν... περὶ τὰς χωράς ἐπὶ τοῦ δάμου τοῦ Μιλησίων).

²⁾ Ср. *Le Bas et Waddington, Asie Mineure* № 199. Это же число вѣроятно нужно возстановить и въ часто цитированномъ нами в. с. о Пріенцахъ и Самосцахъ (тажъ же № 195—198, страна 13).

Конецъ надписи сохранился; ниже его остается еще свободное пространство въ 0,24 м. высоты. Теперь камень разбитъ еще на 2 части въ поперечномъ направленіи, между строками 24 и 25, но отъ этого лишь немного пострадали нѣкоторыя буквы въ этихъ строкахъ.

Начертаніе надписи неодинаково: буквы вырѣзаны гдѣ болѣе, гдѣ менѣе тщательно, то крупнѣе то мельче, и разставлены то тѣснѣе, то шире; можно даже подумать, что надпись вырѣзана не сразу и не однимъ рѣзчикомъ (что весьма возможно и по содержанію документа); вообще однако разница въ начертаніяхъ не очень велика, и по характеру письма документъ можетъ быть отнесенъ приблизительно къ срединѣ II вѣка до нашей эры. Разбирается надпись легко, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ въ срединѣ (стр. 19—22); предлагаемая копія проверена по эстампажу. (Эпиграф. текстъ см. въ приложеніи подъ № 2).

1. θ . . .
 νπ . . .
 ων τ]ων ἀπ[ὸ . . . ?
 ὁ δεῖνα]ου.
5. ων· 'Α]ρ[ισ]τίων Κλε[άνδρου?
 Δελφῶν· 'Απ]ολλωνίδα· 'Αλ[αθέα.
 ων·] Εὔνικος Εὐνίκ[ου.
 Μαγνήτων] τῶν ἀπὸ Μαϊάνδρ[ου· ὁ δεῖ-
 να [ρου.
10. ων· Νε]κόλαος Δικαιάρχ[ου.
 ων· 'Α]γέλαος Γλαυκέτα.
 ω]ν· Μένης Νικάτα 'Ο αὐτ[ός].
]ων· 'Ο αὐτὸς 'Αθηναίων.
 ων·] Σενόκριτος 'Αγάθωνος.
15. ω]ν· Θρασύμαχος, Τηλέας οἱ 'Α. . . .
 ων· Εὐ]αίνετος Κλεοστράτου,
 ['Απολλωνίδα?]· 'Αλαθέα.
 'Αχαιῶν τῶν ἐ]ν Αἰγίωι· Συμμίας Νικάρχου.
 ω]ν· Στράτων Νικοστράτου.
20. ω]ν· Εὐ]πολις Σωτέλεος.
]τῶν· Μίχκων 'Αντιπ[ά]τρου.
 ων· Φά]λαικος καὶ Σώτιμος [οἱ 'Αν]τιγένεος.
 ᾱ]ν· Φιλέταιρος Φιλωνίδα.

25. ων· Εὐάν]θιος Εὐβουλίδα.
 ων· Ἀρ]ιστομένης Θε[σ]σία ¹⁾.
 ων· Ἀνδρομένης Θεοτίμου.
 ων· Εὐ]ώνυμος Ἀντιπάτρου.
 ων· Εἰ]ξενος καὶ Ἀλαθέας οἱ Κρατίου.
]έων καὶ Μιλησίων· Αἰσχίνας Ταορ[ίσκου].
30. ων· Εὐπ]όλεμος Δαμαινέτου.

Мы видимъ, что на камнѣ были вырѣзаны имена разныхъ лицъ съ отчествами и съ предшествующими родит. надежами множ. числа, отъ которыхъ въ большинствѣ строкъ сохранились только окончанія, за исключеніемъ строкъ 13-й и 19-й, гдѣ родит. надежи читаются цѣликомъ; изъ этихъ строкъ мы узнаемъ, что въ род. пад. поставлены были имена жителей различныхъ городовъ собственной Эллады и Малой Азіи; кромѣ того, въ стр. 8-й читается названіе извѣстной малоазійской рѣки Мзаандра въ род. пад. съ предлогомъ ἀπό и съ предшествующимъ членомъ τῶν; очевидно, что это выраженіе съ предлогомъ стояло какъ обособляющій признакъ при имени жителей какого-то города при рѣкѣ Мзаандрѣ, по всей вѣроятности, Магнесіи, для отличія отъ ѳессалійскаго племени Магнетовъ и жителей одноименнаго города при г. Сипилѣ ²⁾. Какъ надо понимать поставленное въ стр. 18-й названіе ахѣйскаго города Αἴγιον въ дат. пад. съ предлогомъ ἐν, видно изъ транскрипціи текста. Итакъ очевидно, что названныя въ документѣ лица имѣли какія-то отношенія къ жителямъ различныхъ эллинскихъ городовъ; въ большинствѣ случаевъ за названіемъ города поставлено имя одного только лица, иногда двухъ братьевъ (стр. 15, 22, 28) или двухъ различныхъ лицъ (вѣроятно въ стр. 16 и 17); изъ строкъ 12 и 13 видно, что одно и то же лицо могло имѣть такія отношенія къ жителямъ нѣсколькихъ городовъ: въ этихъ строкахъ послѣ имени Μένης Νικάτα два раза повторено мѣстоименіе ὁ αὐτός съ послѣдующими (а не предшествующими, это ясно изъ транскрипціи) род. надежами; также въ стр. 29 поставлены два названія жителей городовъ, соединенныя союзомъ καί.

Является самъ собою вопросъ: въ какихъ отношеніяхъ стояли названныя въ спискѣ лица къ жителямъ городовъ, названія которыхъ

¹⁾ Имя Θεσσίας, кажется, еще не встрѣчалось. Происходить оно, очевидно, отъ одного корня съ глаголомъ θέσσειν αἰ=εὔξειν αἰ.

²⁾ Восстановленіе [Ἀντιοχέων] менѣе подходит по количеству буквъ.

поставлены передъ ними? Отвѣтъ не затруднителенъ. Уже изъ сравненія строки 11-й этого списка съ стр. 4-ю стороны А вышеприведеннаго S. C. видно, что въ строкѣ 11-й записано имя нареакійскаго гражданина, принадлежавшаго къ одному роду съ архонтомъ Главкетомъ, сыномъ Агелая; по крайней мѣрѣ такое совпаденіе именъ, притомъ не принадлежащихъ къ числу очень употребительныхъ въ древности, слишкомъ поразительно для того, чтобы можно было признать его только случайнымъ. Въ небольшомъ обломкѣ списка собственныхъ именъ, который будетъ данъ ниже подъ № 3, намъ опять встрѣтится то же имя; можно даже сказать съ увѣренностію, что тамъ названо именно то лицо, которое записано въ качествѣ архонта въ S. C., такъ какъ, судя по характеру письма, обломокъ несомнѣнно относится къ одному времени съ этимъ документомъ и, кромѣ того, въ обломкѣ съ вѣроятностію можетъ быть восстановлено имя другаго архонта—Полигла, сына [Ки]диппа; стало быть, въ обломкѣ № 3 были записаны именно нареакійскіе граждане; между тѣмъ изъ числа сохранившихся въ немъ именъ съ отчествами не менѣе шести повторяются и въ занимающемъ насъ теперь спискѣ въ томъ же или обратномъ порядкѣ, то-есть, такъ, что имя, принадлежащее въ нашемъ спискѣ сыну, является въ обломкѣ № 3 именемъ отца и на оборотъ. Имена эти слѣдующія: а) одни и тѣ же въ обоихъ спискахъ:

Φιλέταρος Φιλωνίδ[α], ср. стр. 23 нашего списка.

[Μίχχ]ων [Ἄντι]πάτρου, ср. стр. 21.

[Νικόλα]ος [Δικαία]ρχου, ср. стр. 10.

б) въ обратномъ порядкѣ:

Γλαυχέτα[ς] Ἀγελάου, ср. стр. 11.

Κρατῖνος Εὐξ[ένου], ср. стр. 28.

[Κλαόστ]ρατος [Εὐαί]νέτου, ср. стр. 16.

Странное, но очень пригодное для насъ совпаденіе! Оно даетъ намъ право сказать съ полною увѣренностію, что въ нашемъ спискѣ перечислены также нареакійскіе граждане. Поставленный вопросъ уже теперь можно было бы назвать рѣшеннымъ: у гражданъ Нареакія не могло быть иныхъ постоянныхъ, опредѣленныхъ отношеній къ гражданамъ другихъ городовъ, иногда очень отдаленныхъ, кромѣ отношеній проксеніи. Есть однако еще одинъ доводъ, который имѣлъ бы рѣшающее значеніе, еслибы нашъ списокъ сохранился въ болѣе

цѣльномъ видѣ; при теперешнемъ же его состояніи этотъ доводъ можетъ быть названъ не болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ. Именно, бывший членъ французской школы въ Афинахъ г. Haussoullier при своихъ раскопкахъ въ Дельфахъ лѣтомъ 1880 года ¹⁾ нашелъ, между прочимъ, три обломка списка дельфійскихъ проксеновъ, расположеннаго по городамъ и относящагося, по соображеніямъ названнаго ученаго, ко времени между 176 и 171 годами до Р. Хр. Въ этомъ еще не изданномъ спискѣ, съ которымъ я имѣлъ возможность познакомиться благодаря любезности директора школы г. Фукара, встрѣчается слѣдующая запись: 'Ε[ν Ν]αρθ[α]ρίω: 'Αλαθείας 'Απολλω[ν]ιάα. Она-то и послужила основаніемъ для восстановленія строки 6-й нашего списка, которое врядъ ли можетъ быть названо очень рискованнымъ: судя по количеству несохранившихся съ лѣвой стороны буквъ видно, что названіе города въ началѣ 6-й строки не могло быть длиннымъ, а въ концѣ строки, послѣ довольно ясно видной Δ, замѣтна еще часть наклонной черты, которая могла принадлежать только одной изъ слѣдующихъ буквъ греческаго алфавита: Α, Δ или Μ. Если же это восстановление вѣрно, то въ нашемъ спискѣ названъ одинъ изъ членовъ рода (по восходящей или нисходящей линіи) того лица, которое записано въ дельфійскомъ спискѣ проксеновъ, и стало быть, въ томъ, что и въ разбираемомъ нами документѣ также были записаны проксены, уже не будетъ сомнѣнія: званіе проксена, какъ извѣстно, было потомственно ²⁾.

Отмѣченные выше признаки, которыми характеризуется нашъ документъ, отнюдь не препятствуютъ признать его спискомъ проксеновъ нареакійскихъ. Сношенія другихъ городовъ съ такимъ отдаленнымъ уголькомъ, какимъ былъ Нареакій, конечно, не могли быть особенно часты, такъ что достаточно было имѣть въ немъ по одному или по два проксена для каждаго города; что въ роли проксеновъ въ нашемъ спискѣ три раза являются по два брата,—это прямое слѣдствіе наслѣдственности проксеніи. Званіе проксена, данное какимъ-

¹⁾ См. о нихъ Bull. de corr. hell. т. V (1881) стр. 1 сл. Документъ, о которомъ мы говоримъ, упоминаютъ тамъ же, т. VI, стр. 213.

²⁾ Быть можетъ, что въ массѣ документовъ о проксеніи, сохранившихся въ различныхъ мѣстностяхъ собственной Эллады, острововъ, Малой Азии и пр., есть и документы съ именами того или другаго изъ названныхъ въ нашемъ спискѣ лицъ. Мои поиски въ важнѣйшихъ сборникахъ надписей не увѣнчались однако успѣхомъ.

нибудь городомъ извѣстному лицу, понятно, ни чуть не могло связывать его по отношенію къ другимъ городамъ; такимъ образомъ одно и то же лицо могло быть проксеномъ двухъ или нѣсколькихъ городовъ, чему два примѣра есть и въ нашемъ спискѣ ¹⁾.

Мы не будемъ здѣсь говорить объ институтѣ проксеніи вообще, о правахъ, обязанностяхъ, преимуществахъ и почестяхъ проксеновъ, такъ какъ обо всемъ этомъ нарѣакійскій документъ не сообщаетъ ничего новаго ²⁾. Ограничимся лишь нѣсколькими словами относительно списковъ проксеновъ въ собственномъ смыслѣ, то-есть, простыхъ перечисленій ихъ, безъ особыхъ почетныхъ декретовъ въ честь каждаго изъ нихъ. Такого рода списки сохранились въ различныхъ мѣстностяхъ, которыя были заняты въ древнія времена Эллинами (хотя въ значительно меньшемъ количествѣ, нежели декреты о проксеніи); но нашъ нарѣакійскій списокъ существенно отличается отъ другихъ, извѣстныхъ по настоящее время, и представляетъ собою, если не ошибаюсь, первое въ своемъ родѣ явленіе. Отличіе это состоитъ въ томъ, что въ немъ перечислены нарѣакійскіе граждане, бывшіе проксенами другихъ городовъ Эллады и Малой Азіи, тогда какъ въ другихъ извѣстныхъ спискахъ записаны граждане разныхъ городовъ, бывшіе проксенами того города, въ которомъ былъ вырѣзанъ документъ. Перечни эти бывають расположены или въ хронологическомъ порядкѣ, по времени назначенія проксеновъ ³⁾, или въ географическомъ, по отдѣльнымъ странамъ и городамъ ⁴⁾, или наконецъ безъ всякаго ви-

¹⁾ Припомнимъ здѣсь одинъ интересный примѣръ, показывающій, что даже въ союзахъ проксеніи, данная извѣстному лицу однимъ союзнымъ городомъ, не имѣла значенія относительно другихъ: Сосибій сынъ Діоскурида Александріецъ въ концѣ III в. до Р. Хр. былъ проксеномъ Орхомена беотійскаго и Танагръ. Декреты обоихъ городовъ о дарованіи ему проксеніи сохранились до насъ (см. о нихъ замѣтку Фукара въ Bull. de corr. hell. IV (1880), стр. 98). И въ нашемъ спискѣ одно лицо было проксеномъ [Ἀρχαίων τῶν ἐν Αἰγίῳ, а не вообще Ἀρχαίων.

²⁾ Последнимъ по времени изслѣдованіемъ о проксеніи была, если не ошибаюсь, докторская диссертація г. Тиссо: *Ch. Tissot, Des proxénies grecques etc.* Dijon, 1863.

³⁾ Такъ составленъ, напримѣръ, извѣстный огромный (315 строкъ) списокъ дельфійскихъ проксеновъ, изданный въ сборникѣ *Wescher-Foucart, Insgr. rec. à Delphes*, № 18, вѣроятно также аназейскій списокъ *C. I. Gr. № 2477 (=Rang. Ant. Hell. № 958).*

⁴⁾ Таковъ, напримѣръ, списокъ изъ города Клитора въ Арпадіи, недавно изданный *Миллѣтѣромъ* въ *Mitth. d. D. Instit., VI Jahrg., Beil. zu s. 303.* Такого

димаго порядва ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ городахъ, быть можетъ, не было въ обычаѣ вырѣзывать на камнѣ каждый отдѣльный декретъ о дарованіи проксеніи, а вмѣсто этого составляемы были общіе списки, при чемъ имѣлось въ виду оказывать честь каждому лицу, пожалованному званіемъ проксена, внесеніемъ его въ списокъ; но главная цѣль составленія такихъ списковъ, безъ сомнѣнія, была практическая, именно дать возможность лицамъ, которыхъ тѣ или другія дѣла заставляли предпринимать путешествія на чужбину, узнать имена гражданъ того или другаго города, къ которымъ они, по пріѣздѣ въ этотъ городъ, могли обратиться за помощью и покровительствомъ. Иностранцамъ, предпринимавшимъ поѣздки въ Нареакій, не было надобности заранѣе, еще у себя на родинѣ, запоминать или записывать имя своего тамошняго проксена, — они могли узнать его уже по пріѣздѣ туда изъ сохранившагося до насъ списка, который съ этой цѣлью навѣрное былъ выставленъ гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ въ городѣ, вѣроятно на площади (ἀγορά).

Очень жаль, что во времена онъ. строителямъ церкви понадобилось обрѣзать камень какъ разъ съ той стороны, на которой находились названія городовъ: вслѣдствіе этого мы лишены возможности судить о степени развитія коммерческихъ и прочихъ сношеній Нареакія съ другими городами и о томъ, съ какими преимущественно частями эллинскаго міра поддерживалъ онъ эти сношенія; однако и теперь еще можно замѣтить, что количество городовъ, считавшихъ нужнымъ имѣть въ Нареакіи своихъ проксеновъ, было довольно велико для такого захолустнаго городка Фейотиды (сохранившаяся нижняя часть списка нѣкогда заключала въ себѣ около 27 названій городовъ) и что это были не только города собственной Эллады, но и малоазіатскіе. Можно думать, что въ ту эпоху, отъ которой ведетъ свое происхождение найденный списокъ, Нареакій былъ довольно значительнымъ городкомъ и поддерживалъ живыя сношенія съ другими странами эл-

же характера и вышеупомянутый новый дельфійскій списокъ. Въ большомъ аеинскомъ спискѣ, изданномъ *Ramasicom* въ Ant. Hell. № 1298, расположеніе по странамъ и по городамъ не выдержано, — нѣкоторые города названы по нѣскольку разъ.

¹⁾ Напримѣръ, тралийскій списокъ C. I. Gr. № 2919 b, p. 1122 (= *Le Bas-Waddington*, *Asie Mineure* № 599). Обломки подобнаго аеинскаго списка, въ которомъ записаны въ беспорядкѣ лица изъ разныхъ мѣстностей Эллады, Малой Азіи и острововъ, изданъ недавно г. *Оветомъ-Бено* въ Bull. de. eogr. hell., III (1879) стр. 73. Вѣроятно это также списокъ проксеновъ.

линскаго міра. (Съ другой стороны нашъ документъ представляетъ собою весьма наглядный примѣръ чрезвычайно широкаго развитія института проксеніи у древнихъ Грековъ).

Къ какому же времени можетъ быть отнесенъ нашъ списокъ? Выше было уже замѣчено, что въ небольшомъ обломкѣ, который мы дадимъ ниже, записаны два лица, одноименныя съ нарвакійскими архонтами, сдѣлавшимися извѣстными изъ сенатусконсульта (одно имя читается en toutes lettres, другое восстанавливается съ вѣроятностью), и что по характеру письма этотъ обломокъ навѣрное принадлежитъ одному времени съ s. c. (вѣроятно даже, что оба документа вырѣзаны на камнѣ однимъ и тѣмъ же рѣзчикомъ); замѣтили мы также, что въ числѣ записанныхъ на немъ именъ есть три совершенно одинаковыя съ именами проксеновъ нашего списка и три—такія же, но въ обратномъ порядкѣ. Такое значительное количество совпадений едва ли можетъ быть признано случайнымъ; гораздо вѣрнѣе думать, что три лица тождественны въ обоихъ документахъ, а остальные три въ списокѣ проксеновъ—отцы или сыновья лицъ, записанныхъ на обломкѣ № 3, тѣмъ болѣе, что списокъ проксеновъ и по начертаніямъ мало разнится отъ двухъ другихъ документовъ. Стало быть, онъ долженъ быть поставленъ нѣсколькими годами ниже или выше сенатусконсульта; но въ такомъ случаѣ восстановленное въ стр. 18-й названіе [Ἀχαίων τῶν ἐν Αἰγίῳ] даетъ намъ прочную границу, за которую документъ нашъ не можетъ быть передвинутъ, — именно 146 г. до Р. Хр., годъ временнаго уничтоженія Ахэйскаго союза, послѣ котораго жители этого города были бы названы просто Αἰγίαις. На основаніи этого terminus ante quem необходимо принять, что въ списокѣ проксеновъ записаны именно отцы лицъ, внесенныхъ въ списокъ № 3, и отчасти тѣ же самыя лица. Съ другой стороны, вѣроятный terminus post quem дается упомянутымъ дельфійскимъ спискомъ проксеновъ 70-хъ годовъ II вѣка, конечно—только въ такомъ случаѣ, если принять вѣрное данное восстановление 6-й строки нашего списка: въ названномъ тамъ Аполлонидѣ сынѣ Ал[αεα] гораздо вѣрнѣе признать сына того лица, которое записано въ дельфійскомъ списокѣ, нежели отца его, потому что въ этомъ послѣднемъ случаѣ нашъ нарвакійскій списокъ пришлось бы слишкомъ отдалить по времени отъ сенатусконсульта и обломка № 3.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, въ которыхъ, правда, многое основано лишь на теоріи вѣроятностей, списокъ проксеновъ скорѣе всего

можетъ быть отнесенъ приблизительно къ 60-мъ годамъ II вѣка до нашей эры.

3. Списокъ собственныхъ именъ.

Небольшой обломокъ, эпиграфическій текстъ котораго данъ въ приложеніи № 3, найденъ (тамъ же, гдѣ и предыдущіе документы) уже послѣ моего отъѣзда изъ Ламии. Я сообщаю его по весьма удачному эстампажу, полученіемъ котораго обязанъ любезности г. Мигьаса. Камень обломанъ со всѣхъ сторонъ и имѣетъ теперь, судя по эстампажу, 0,22 м. выс. и 0,14 наиб. ширины. Сомнительныхъ буквъ нѣтъ.

1.	. . . ιπ]πος, . . . πα]τρως, μος οι . . . άν]δρου.	Μεγαλοκ[λῆς, Δαμαίνετ[ρος, Γλαυκάτα[ς οι Ἀγελάου.
5.	. . . ρ]ος, . . . δ]αμς, . . . ρος, Πολοκ]λῆς οι Κυδί]ππου.	Μνάσων, Φιλέταιρος, Δικαίαρχ[ος οι Φιλωνίδ]α. Πολέμων,
10.	. . . β]ουλος, Κλεόστ]ρατος οι Εὐαι]νέτου. Μίχ]ων, . . . κ]ράτης οι Ἀντι]πάτρου. Νικόλα]ος Δικχιά]ρχου.	Ἀστίων, Κρατῖνος, Τιμόλ[αος οι Εὐξ[ένου. Μενεχ[ράτης, Εὐφρά]νωρ οι Ἀρχ. . . . Μνά[σ. . . Σω[τ. . . .
18. κος	Σω[τ. . . .

О времени этого списка и названныхъ въ немъ лицъ была рѣчь выше. Остается замѣтить только, что предложенныя въ 1-мъ столбцѣ возстановленія не могутъ, конечно, претендовать на несомнѣнность; ихъ вѣроятность увеличивается, однако, нѣсколькими именами 2-го столбца, общими съ предыдущимъ спискомъ проксеновъ, и тѣмъ соображеніемъ, что въ небольшомъ городкѣ, какимъ былъ Нареакій, вовсе не мудрено встрѣтить однѣ и тѣ же личности въ разныхъ документахъ, приблизительно одновременныхъ между собою. Удивительна только та случайность, что всѣ три найденные документа принадлежатъ почти одному времени.

Что это былъ за списокъ, отъ котораго дошелъ до насъ разсматриваемый обломокъ,—объ этомъ трудно сказать что-нибудь положительное. Въ обоихъ столбцахъ названы по именамъ и отчествамъ нараекійскіе граждане, въ большинствѣ случаевъ по нѣскольку братьевъ рядомъ. Именно этотъ послѣдній признакъ не позволяетъ думать, что мы имѣемъ дѣло съ спискомъ обыкновеннаго, такъ сказать, характера, напримѣръ, съ каталогомъ убитыхъ на войнѣ, или членовъ какой-нибудь жреческой, судебной или административной коллегіи, ефебовъ, молодыхъ людей, впервые поступившихъ въ военную службу, жертвователей или участниковъ складчины и т. п. Нашъ обломокъ происходитъ, на мой взглядъ, вѣроятнѣе всего, отъ какого-нибудь общаго каталога, въ которомъ были перечислены граждане, принадлежавшіе къ одному изъ существовавшихъ въ Нарекіи подраздѣлений народа, въ родѣ, напримѣръ, филы, фратріи и т. п.; въ каталогъ вносились только лица мужескаго пола, и притомъ, какъ кажется, уже по достиженіи совершеннолѣтія, подобно тому какъ въ Афинахъ въ *ἀφαιρητικὸν γράμματεῖον*.

Таковы три первые эпиграфическіе документа, сдѣлавшіеся извѣстными изъ города Нарекіи; будемъ надѣяться, что они не будутъ и послѣдними, и что въ новыхъ эпиграфическихъ приобрѣтеніяхъ найдутся, быть можетъ, и новыя данныя для болѣе полнаго ихъ объясненія и восстановленія.

Вас. Латышевъ.

UNIV. OF
CALIFORNIA

A.

5 ΥΓΕΟΝΤΟΣ ΤΩΝ ΘΕΣΣΑΛΩΝ ΛΕΟΝΤΟ
 ΗΣΙ ΠΠΟΥΛΑΡΙΣ ΑΙΟΥ ΕΝ ΔΕ ΝΑΡΘΑΚΙΣ
 ΤΩΝ ΚΡΙΤΩΝΟΣ ΤΟΥ ΑΜΕΙΝΙΑ ΠΟΥ ΚΛΕΟΣ
 ΔΙ ΠΠΟΥ ΓΛΑΥΚΕΤΑ ΤΟΥ ΑΓΕΛΛΟΥ ΑΝ
 ΔΟΓΜΑΤΟ ΓΕΝΟΜΕΝΟΝ ΥΠΟΣΥΓΚΑ
 ΤΡΑΤΗ ΓΟΥ ΤΩΝ ΘΕΣΣΑΛΩΝ ΘΕΣΣΑ
 ΘΡΑΣΥΜΗ ΔΕ ΟΣΦΕΡΑΙΟΥ
 10 ΤΙΛΙΟΣ ΑΥΛΟΥΙΟΣ ΜΑΝΚΙΝΟΣ ΣΤΡΑ
 ΗΙΣΥΓΚΛΗΤΩΙΣΥΝΕΒΟΥΛΕΥΣΑΤΟ ΠΡΟ
 ΝΩΝ ΚΟΙΝΤΙ ΛΙΩΝΕΓΚΟΜΕΤΙΩΙ ΓΡΑΦΟ
 ΑΡΗΣ ΑΝΚΟΙΝΤΟΣ ΤΑΤΙ ΛΙΗΝΟΣ ΚΟΙΝΤΟ
 ΥΗΛΙΑ ΓΝΑΙΟΣ ΛΟΤΑΤΙΟΣ ΓΝΑΙΟΥΥΙ
 ΣΗ ΑΥΛΟΣ ΣΕΜΠΡΩΝΙΟΣ ΑΥΛΟΥΙΟΣ ΦΑ
 15 ΠΕΡΙΩΝ ΘΕΣΣΑΛΟΙ ΜΕΛΙΤΑΙ ΕΙΣ ΑΡΜΟ
 ΣΑΝΔΡΟΥΛΑΜΠΡΟΜΑΧΟΣ ΠΟΛΙΤΑ
 ΤΑΙ ΛΟΓΟΥΣ ΕΠΟΙΗΣΑΝΤΟ ΑΝΔΡΕΣ ΚΑ
 ΙΘΟΙΚΑΙ ΦΙΛΟΙ ΠΑΡΑ ΔΗΜΟΥ ΚΑΛΟΥ
 ΥΚΑΙ ΦΙΛΟΥΣΥΜΜΑΧΟΥ ΧΑΡΙΤΑ
 ΥΜΜΑΧΙΑΝΤΕ ΑΝΕΝΕΩΣΑΝΤΟ ΠΕ
 20 ΔΗΜΟΣΙΑΣ ΚΑΙ ΠΕΡΙΧΩΡΙΟΥ ΕΡΗΜΟΥ
 ΙΜΕΘΗΣ ΧΩΡΑΣ ΕΙΣ ΤΗΜ ΦΙΛΙΑΝΤΟΥ
 ΟΥΡΩΜΑΙ ~~ΩΝ~~ ΝΤΑΡΕΓΕΝΟΝΤΟ ΗΓΧΩ
 ΚΙΕΙΣ ΜΕΤΑ ΤΑΥΤΑ ΕΑΥΤΩΝ ΑΔΙΚΩΣ
 Ο ΠΕΡΙ ΤΟΥΤΟΥ ΤΟΥ ΠΡΑΓΜΑΤΟΣ ΟΠΩΣ
 25 ΑΝ ΠΡΟΣΧΩΣΙΝ ΟΠΩΣ ΤΟΥΤΟ ΤΟ ΠΡΑ
 " ΩΝ ΑΥΤΟΙΣ ΑΠΟΚΑΤΑΣΤΑΘΗΟΥΤΩ
 ΝΕ ΠΙΜΗ ΔΕΙΩΚΑΙ ΕΠΙΘΕΣΣΑΛΩΝ
 ΣΗΚΑΙ ΕΠΙ ΤΩΝ ΠΕΡΙ ΤΥΛΛΟΝ ΜΑΚΕ
 ΜΕΝΟΝ ΑΥΤΟΙΣ ΗΝΤΑΥΤΑ ΤΕΤΑΚΙ
 30 ΣΗ ΠΕΡΙ ΤΟΥΤΟΥ ΤΟΥ ΠΡΑΓΜΑ
 Ι ΗΣ ΕΝ ΗΜΙΝ ΚΑΙ ΝΑΡΘΑΚΙΕΥΣΙΝ
 ΑΤΟΝ ΠΑΡΟΝΤΑ ΚΡΙΝΗΜ
 ΤΝΤΑΥΤΗ ΤΗ ΧΩΡΑ
 ΤΩΝ ΔΗΜΩΝ ΕΦ
 ΕΣΤΙΝ ΩΙΡΑ

sic

35
 36
 37
 38
 39
 40

.
 ΙΗΙΙΗΗ
 ΚΑΤΑΣΤΑ
 ΥΤΑΙΛΟΓΩ ΕΗ
 ΣΥΓΚΛΗΤ
 5 ΘΟΙΚΑΙΦΙΛΟΙΠΑΡΑΔΗΜΟ
 ΦΙΛ
 ΙΑΝΣΥ
 ΜΑΤΩ

10 . ΗΣΑΠΕΡΙΧΩΡΑΣ Τ
 ΑΦ. ΡΗ Τ Α. ΓΑΣΑΡΧΗΣΙΛΡ
 ΘΑΚΙΕ ΕΝ. Η ΤΑ ΜΕΤΑΤΑ
 Τ, ΣΧΩΡΑΞΕΙΣΤΗ ΙΑΙΑ. Τ ΜΟΥ
 15 ΘΙΑΙΩΝΑΡΘΑΚΙΕΙΣΠΑΡΑΓ ΑΠΛΗΠΕΡΙ
 ΤΗΣΧΩΡΑΣΚΑΙ ΠΕΡΩΝΚ. ΤΗ ΙΚΗΠ
 ΝΑΙΚΑΤΑΝΟΜΟΥΣΤΟΥΣΘΕΣ. Α. ΝΟΙΣΗ
 ΜΟΙΣΦΩΣΤ. ΙΧΡΩΝΙΑΙΟ. ΣΗ. ΟΥΣΤΙΤΟΣ
 ΚΟΙΓΚΤΙΟΣΥ. ΛΤΟΣΑΠΟΤΗΣΤ. ΔΕΚΑΠΡΕΣ
 ΕΥΤΩΝΓΝΩΜΗΣΕΔΩΚ ΑΙΚΑΤΑΔΟΓΜΑ
 20 ΣΥΓΚΛΗΤΟΥΠΕΡΙΤΕΤΟΥΤ Τ. ΠΙΑΙΜΑ
 ΝΕΤΕΙΑΝΩΤΕΡΟΝΤΡΙ ΠΙΤΡΙΩΝΔ. ΚΑΣ
 ΡΙΑΝΝΕΝΙΚΗΚΕΝΛΙΕΠΙΣΑΜΙΩΝΚΟΛΟ. ΩΝ
 ΜΑΓΝΗΤΩΝΚΕΚ ΜΕΝΑΕΙΝΑΙΚΑΤ. ΝΟΜΟΥ
 ΟΠΩΣΤΑΥΤΑΚΥΡΙΑΜΟΥΤΩΣΚΑΘΩΣΚΑΙ. ΛΛΟΙΣ
 25 ΓΕΓΩΝΟΣΕΣΤΙΝΠΕΡΙΤΟΥΤΟΥΤΟΥΠΡΑΓΜΑΤΟΣ
 ΟΥΤΩΣΕΔΟΞΕΝΧΑΡΙΤΑΦΙΛΙΑΝΣΥΜΜΑΧΙΑΝ
 ΝΑΝΕΩΣΑΣΘΑΙΤΟΥΤΟΙΣΤΕΦΙΛΑΝΟΡΩΠΩΣΑ
 ΤΟΚΡΙΘΗΝΑΙΑΝΔΡΑΣΚΑΛΟΥΣΚΑΓΑΘΟΥΣΠΡΟΣ
 ΑΓΟΡΕΥΣΑΙΟΣΑΚΕΚΡΙΜΕΝΑΕΣΤΙΝΚΑΤΑΝΟΜΟΥΣ
 30 ΟΥΣΤΙΤΟΣΚΟΙΓΚΤΙΟΣΥΠΑΤΟΣΕΔΩΚΕΝΤΑΥΤΑΚΑ
 ΘΩΣΚΕΚΡΙΜΕΝΑΕΣΤΙΝΟΥΤΩΔΟΚΕΙΚΥΡΙΑΕΙΝΑΙΔΕΙΝ
 ΤΟΥΤΟΤΕΜΗΕΥΧΕΡΕΣΕΙΝΑΙΟΣΑΚΑΤΑΝΟΜΟΥΣΚΕ
 ΚΡΙΜΕΝΑΕΣΤΙΝΑΚΡΑΤΟΙΕΙΝΞΕΝΙΑΤΕΕΚΑΤΕΡΟΙΣΓΑ
 35 ΟΣΟΣΤΙΛΙΟΣΣΤΡΑΤΗΓΟΣΤΟΝΤΑΜΙΑΝΔΟΥΝΑΙΚΕ
 ΕΥΣΗΝΑΠΟΣΗΣΤΕΡΤΙΩΝΝΟΜΩΝΕΚΑΤΩΝΕΙΚΟΣΙ
 ΤΕΕΙΣΕΚΑΣΤΗΝΠΡΕΣΒΕΙΑΝΟΥΤΩΚΑΘΩΣΑΝ
 ΤΩΝΔΗΜΟΣΙΩΝΠΡΑΓΜΑΤΩΝΠΙΣΤΕ

ΙΔΙΑΣΦΑΙΝΗΤΑΙΕΔΩΝ
 ΟΥΝ
 ΟΥΝ

• ૧

નો વધુ
અભિપ્રાય

№ 2.

Θ
 ΝΠ /
 ΩΝΑΤΙ
 ΟΥ
 5 ΡΙΩΤΙΩΝ ΚΛΕΙ,
 ΟΛΛΩΝΙΔΑΣ ΑΛ,
 ΕΥΝΙΚΟΣ ΕΥΝΙΚΟ
 ΤΩΝΑΠΟΜΑΙΑΝΔΡΟ
 ΡΟΥ
 10 ΚΟΛΑΟΣ ΔΙΚΑΙΑΡΧΟ
 ΓΕΛΑΟΣ ΓΛΑΥΚΕΤΑ
 ΝΜΕΝΗΣ ΝΙΚΑΤΑΘΑΥΤ
 ΩΝΘΑΥΤΟΣ ΑΘΗΝΑΙΩΝ
 ΞΕΝΟΚΡΙΤΟΣ ΑΓΑΘΩΝΟΣ
 15 ΖΝΘΡΑΣΥΜΑΧΟΣ ΤΗΛΕΑΣΟΙΑ
 ΑΙΝΕΤΟΣ ΚΛΕΟΣΤΡΑΤΟΥ
 ΣΑΛΑΘΕΑ
 ΝΑΙΓΙΩΣΙΜΜΙΑΣ ΝΙΚΑΡΧΟΥ
 ΝΣΤΡΑΤΩΝ ΝΙΚΟΣΤΡΑΤΟΥ
 20 ΖΝΕΥΠΟΛΙΣ ΣΩΤΕΛΕΘ
 ΤΑΝ ΜΙΚΚΩΝ ΑΝΤΙΠΕΤΡΟΥ
 ΝΑΙΚΟΣ ΚΑΙ ΣΩΤΙΜΟΣ ΤΙΓΕΝΕΟ
 ΑΝΦΙΛΕΤΑΙΡΟΣ ΦΙΛΩΝΙΔΑ
~~ΕΥΑΝΘΙΟΣ ΕΥΒΟΥΛΙΔΑ~~
 25 ΡΙΣΤΟΜΕΝΗΣ ΘΕΣΣΙΑ
 ΖΝΑΝΔΡΟΜΕΝΗΣ ΘΕΟΤΙΜΟΥ
 ΩΝΥΜΟΣ ΑΝΤΙΠΑΤΡΟΥ
 ΞΕΝΟΣ ΚΑΙ ΑΛΑΘΕΑΣ ΟΙΚΡΑΤΙΝΟΥ
 ΕΩΝ ΚΑΙ ΜΙΛΗΣΙΩΝ ΑΙΣΧΙΝΑΣΤΑΥΡ
 30 ΤΟΛΕΜΟΣ ΔΑΜΑΙΝΕΤΟΥ

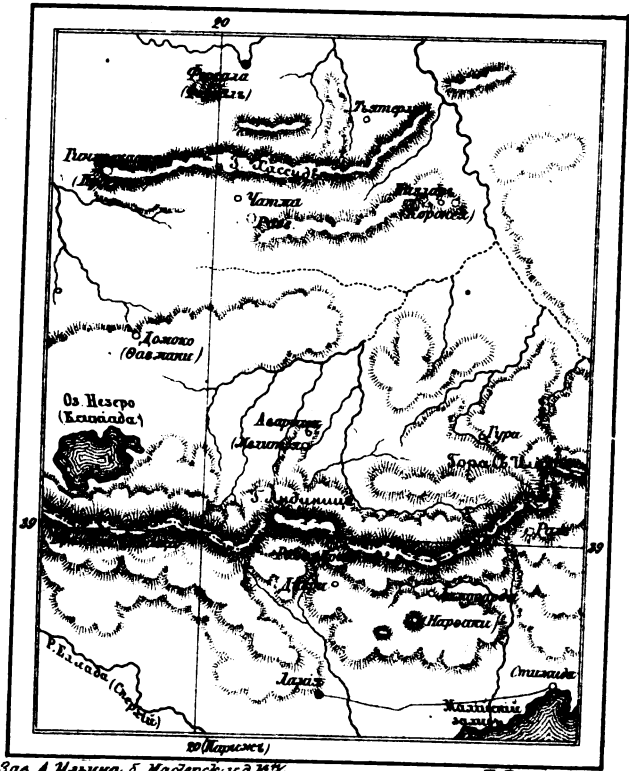
№ 3.

ΠΟΣ ΜΕΓΑΛΟΚ
 1 ΤΡΟΣ ΔΑΜΑΙΝΕΤ
 ΜΟΣ ΓΛΑΥΚΕΤΑ
 ΔΡΟΥ ΟΙΑΓΕΛΑΟΥ
 5 ΨΟΣ ΜΝΑΣΩΝ
 ΑΜΟΥ ΦΙΛΕΤΑΙΡΟΣ
 ΡΟΣ ΔΙΚΑΙΑΡΧΟΥ
 ΑΗΣ ΟΙΦΙΛΩΝΙΔ
 ΠΠΟΥΤΟΛΕΜΩΝ
 10 ΟΥΛΟΣ ΑΣΤΙΩΝ
 ΡΑΤΟΣ ΚΡΑΤΙΝΟΣ
 ΝΤΟΥΤΙΜΟΛΑ
 ΖΝ ΟΙΕΥΞΙΡ
 ΡΑΤΗΣ ΜΕΝΕΥ
 15 ΠΑΤΡΟΥ ΕΥΦΡΑ
 ΛΟΣ ΟΙΑΡΧ
 ΑΡΧΟΥ ΜΝΑ
 18 ΚΟΣ ΣΩ

70 1111
ANSON 110

КАРТА
ЧАСТИ ДРЕВНЕЙ ФОВИОТЫ

Сас. А. Маврина. Б. Мастерск. у. д. М. М.

По Келлеру

UNIVERSITY OF
CALIFORNIA

NO VIII
ANNUNCIATO

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Эпиграфическіе этюды В. ЛАТЫШЕВА.

Редакторъ Е. Фоскнистовъ.

(Вышла 1-го іюля).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ пять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрести въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала—по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АВГУСТЪ.

1882.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССXXII.

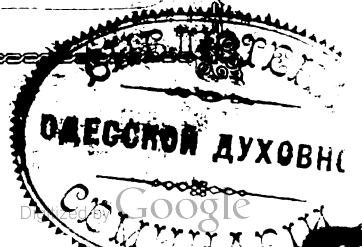

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостамъ, д. № 90—1.

1882.

СОДЕРЖАНІИ.

Правительственныя распоряженія.

Черты старины въ сказаніяхъ и бытѣ Осетинъ Всев. Миллера.

Отношенія Россіи и Польши въ 1574—1578 годахъ, по донесеніямъ папскаго нунція В. Лаурео. О. Вержбовскаго.

Гербордова біографія Оттона, епископа Вайбергскаго А. Петрова.

Славяно-русская палеографія (Продолженіе). И. Срезневскаго.

Критика и библіографія:

О рациональной передачѣ греческихъ и латинскихъ словъ въ русской рѣчи и письмѣ. А. Иванова. А. Соболевскаго.

Фонетическія изслѣдованія Мельвилъ Бея И. Миняева.

Журналъ Болгарскаго литературнаго общества. П. Сырку.

Jordanis Romana et Getica. Monumenta Germaniae historica. Auctorum antiquissimorum tomi V pars prior. В. Васильевскаго.

Ioannis Euchaitarum metropolitae, quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt Iohannes Bollig S. S. bibliothecae Vaticanae praefectus descripsit, Paulus de Lagarde edidit Его же.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университеты.

Присужденіе медалей въ императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ за 1871 годъ.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обертки).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССХІІ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Благородинскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90—1

1869.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

3. (13-го апрѣля 1882 г.). О порядкѣ замѣщенія вакансій адъюнктовъ въ Императорской академіи наукъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта о порядкѣ замѣщенія вакансій адъюнктовъ въ Императорской академіи наукъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о порядкѣ замѣщенія вакансій адъюнктовъ Императорской академіи наукъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе подлежащихъ параграфовъ Высочайше утвержденнаго 8-го января 1836 года устава Императорской академіи наукъ (полн. собр. зак. т. XXVII, № 20863), постановить:

„Вакансіи адъюнктовъ замѣщаются русскими учеными, по избранію самой академіи, которой предоставляется: или назначить для сего

предварительный конкурсъ, или, не открывая онаго, приступить непосредственно къ выборамъ, которые производятся порядкомъ, определеннымъ въ семь уставѣ для замѣщенія вакансій академиковъ. Въ случаѣ назначенія конкурса, дѣлаются о немъ публикации въ вѣдомостяхъ, съ приглашеніемъ ученыхъ доставить въ академію, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, свои сочиненія, служащія доказательствомъ приобретенныхъ ими лицами познаній.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

4. (13-го апрѣля 1882 г.). Объ ученическихъ квартирахъ для дѣтей инородцевъ въ городахъ Ташкентѣ и Вѣрномъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ ученическихъ квартирахъ для дѣтей инородцевъ въ городахъ Ташкентѣ и Вѣрномъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ ученическихъ квартирахъ для дѣтей инородцевъ въ городахъ Ташкентѣ и Вѣрномъ, мнѣніемъ положилъ.

I. Дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 27-го февраля 1879 года мнѣнія государственнаго совѣта о должностныхъ лицахъ, завѣдывающихъ ученическою квартирою для дѣтей киргизовъ въ городѣ Вѣрномъ (полн. собр. зак. т. LIV, № 59359) распространить, за исключеніемъ статьи I этого узаконенія, на такую же квартиру для дѣтей инородцевъ, обучающихся въ Ташкентской гимназіи, съ тѣмъ, чтобы содержаніе завѣдывающему сею послѣднею квартирою и его помощнику относилось на общественныя средства киргизовъ и сартовъ, населяющихъ Сыръ-Дарьинскую и Ферганскую области и Заровшанскій округъ.

II. Упомянутое въ статьѣ 1-й настоящаго узаконенія мнѣніе государственнаго совѣта дополнить правиломъ слѣдующаго содержанія:

„Завѣдывающій ученическою квартирою и его помощникъ участвуютъ въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта гимназіи, въ коей обу-

чаются инородцы, съ правомъ голоса по всѣмъ дѣламъ, касающимся ученической квартиры и ея воспитанниковъ, въ учебно-воспитательномъ отношеніи“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

5. (20-го апрѣля 1882 г.). Объ учрежденіи въ мѣстечкѣ Биркенруэ, Лифляндской губерніи, мужской гимназіи Императора Александра II.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ мѣстечкѣ Биркенруэ, Лифляндской губерніи, мужской гимназіи Императора Александра II, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михайлъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ мѣстечкѣ Биркенруэ, Лифляндской губерніи, Александровской мужской гимназіи, мнѣніемъ положилъ:

I. Разрѣшить Лифляндскому дворянству открыть, со второй половины текущаго 1882 года, въ мѣстечкѣ Биркенруэ, близъ города Вендена (Лифляндской губерніи), мужскую гимназію, которую наименовать гимназіею Императора Александра II.

II. Къ означенной гимназіи примѣнить Высочайше утвержденный 4-го іюня 1820 года уставъ учебныхъ заведеній Дерптскаго учебнаго округа (полн. собр. зак. т. XXXVII, № 28303), съ соблюденіемъ, при томъ, нижеслѣдующихъ правилъ:

1) Гимназія, состоя въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, подчиняется попечителю Дерптскаго учебнаго округа.

2) Она содержится на счетъ: а) Высочайше назначенной въ распоряженіе Лифляндскаго дворянства суммы изъ государственнаго казначейства, б) сбора за ученіе въ гимназіи и в) собственныхъ средствъ сего дворянства.

3) Управление гимназіею, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи, ввѣряется училищной коллегіи, состоящей изъ

предсѣдателя и членовъ, по избранію дворянства Лифляндской губерніи. Предсѣдатель утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя учебнаго округа. Предсѣдатель училищной коллегіи участвуетъ, на правахъ члена, въ совѣтѣ попечителя учебнаго округа по всѣмъ дѣламъ, относящимся до упомянутой гимназіи.

4) Къ предметамъ вѣдомства училищной коллегіи принадлежать: а) избраніе должностныхъ лицъ гимназіи и назначеніе имъ содержанія; б) опредѣленіе платы за ученіе и за содержаніе въ пансіонѣ гимназіи; в) ближайшее, на основаніи закона, установленіе правъ и обязанностей директора и учителей, и г) составленіе правилъ объ учебномъ устройствѣ гимназіи, а равно о хозяйственномъ управленіи оною съ состоящимъ при ней пансіономъ.

5) Училищная коллегія представляетъ попечителю учебнаго округа всѣ свои постановленія и распоряженія, за исключеніемъ относящихся до хозяйственной части заведенія.

6) Въ случаѣ несогласія съ какимъ либо постановленіемъ или распоряженіемъ училищной коллегіи, попечитель передаетъ дѣло на обсужденіе состоящаго при немъ совѣта.

7) Директоръ гимназіи избирается училищной коллегіею, по приглашенію съ мѣстной ландратскою коллегіею, и утверждается въ должности министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя учебнаго округа. Учители утверждаются въ должностяхъ попечителемъ, по представленію директора.

8) Директоръ и учителя пользуются преимуществами государственной службы, наравнѣ съ соотвѣствующими должностными лицами мужскихъ гимназій, учрежденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, за исключеніемъ правъ на пенсію и единовременныя пособія изъ казны. Въ случаѣ перехода означенныхъ лицъ въ правительственныя учрежденія, время, проведенное ими на службѣ въ гимназіи, засчитывается въ опредѣленные закономъ сроки выслуги на пенсію и единовременное пособіе, но на счетъ государственнаго казначейства принимается только та часть оныхъ, которая соотвѣтствуетъ числу лѣтъ, проведенныхъ лицомъ на службѣ правительству.

9) Ученикамъ гимназіи, получившимъ аттестатъ объ успѣшномъ окончаніи въ ней полнаго курса ученія, предоставляются всѣ права, присвоенныя окончившимъ курсъ въ правительственныхъ гимназіяхъ

Дерптскаго учебнаго округа, если упомянутое заведеніе, по объему преподаванія, будетъ не ниже сихъ послѣднихъ.

III. На содержаніе гимназій Императора Александра II въ мѣстечкѣ Биркенруэ отпускать, въ распоряженіе Лифляндскаго дворянства, ежегодно по десяти тысячъ руб. изъ государственнаго казначейства, со внесеніемъ этой суммы въ подлежація подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

6. (20-го апрѣля 1882 г.). Объ упраздненіи Виленской астрономической обсерваторіи и учрежденіи при Николаевской главной астрономической обсерваторіи должности астрофизика.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о упраздненіи Виленской астрономической обсерваторіи и учрежденіи при Николаевской главной астрономической обсерваторіи должности астрофизика, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о упраздненіи Виленской астрономической обсерваторіи и учрежденіи при Николаевской астрономической обсерваторіи должности астрофизика, мнѣніемъ положилъ:

1) Виленскую астрономическую обсерваторію упразднить съ 1-го января 1883 года, оставивъ, съ этого же срока, директора оной и помощника его за штатомъ, на общемъ основаніи.

2) При Николаевской главной астрономической обсерваторіи учредить съ 1-го же января 1883 года должность астрофизика, присвоивъ оной, при казенной квартирѣ, по три тысячи рублей содержанія въ годъ (въ томъ числѣ жалованья 2400 руб., столовыхъ 300 руб. и экипажныхъ 300 руб.), съ отнесеніемъ этой должности къ V классу, а по шитью на мундиръ къ V разряду, и съ предоставленіемъ оной правъ на пенсію по учебной службѣ изъ оклада въ тысячу пятьсотъ рублей.

3) Потребную на содержаніе астрофизика при Николаевской главной астрономической обсерваторіи сумму, въ размѣрѣ трехъ тысячъ рублей, вносить, начиная съ 1883 года, въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

7. (27-го апрѣля 1882 года). О преобразованіи Московской первой мужской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Московской первой мужской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи Московской первой мужской четырехклассной гимназіи въ шестиклассный составъ, мнѣніемъ положилъ:

1) Преобразовать, съ 1-го іюля 1882 года, Московскую первую мужскую четырехклассную прогимназію въ шестиклассный составъ, со внесеніемъ на содержаніе оной въ подлежащія подраздѣленія смѣты министерства народнаго просвѣщенія на 1883 годъ двадцати двухъ тысячъ девятисотъ сорока двухъ рублей пятидесяти коп., а съ 1884 г.—по двадцать четыре тысячи шестидесяти пяти рублей въ годъ, и съ показаніемъ, по тѣмъ же смѣтамъ, подлежащихъ отчисленію, на тотъ же предметъ, изъ специальныхъ средствъ означенной прогимназіи: въ 1883 г.—2,535 руб., а съ 1884 г.—по 1,780 руб., въ годъ, пособіемъ государственному казначейству;

и 2) Потребную на содержаніе V класса названной прогимназіи въ 1882 году сумму, въ количествѣ 1,745 руб., отнести на тѣ же спеціальныя средства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

8. (4-го мая 1882 года). О преобразованіи Петропавловскаго трехкласснаго городскаго училища въ пятиклассное.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Петропавловскаго трехкласснаго городскаго училища въ пятиклассное, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о преобразованіи Петропавловскаго трехкласснаго городскаго училища въ пятиклассное, мнѣніемъ положилъ: Петропавловское трехклассное городское училище преобразовать въ пятиклассный составъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 27-го января 1881 года штата училища Семипалатинскаго, съ предоставленіемъ преподавателямъ преобразуемаго училища служебныхъ и пенсіонныхъ правъ, по сему штату положенныхъ, и съ отнесеніемъ расхода, требующагося на прибавляемые два класса, на средства мѣстнаго городскаго общества.

9. (25-го мая 1882 года). Объ училищахъ, учреждаемыхъ Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта объ училищахъ, учреждаемыхъ Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ училищахъ, учреждаемыхъ Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Относительно училищъ, учреждаемыхъ Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ, постановить слѣдующія главныя основанія:

1) Императорскому русскому техническому обществу разрѣшается устраивать училища при заводахъ и фабрикахъ, а также въ мѣстностяхъ, населенныхъ фабричными рабочими и ремесленниками, съ цѣлю распространенія въ ихъ средѣ необходимаго для нихъ образованія.

2) Училища сіи раздѣляются на два разряда: а) школы и классы спеціальныя: техническія, ремесленные, рисовальныя и чертежныя, по различнымъ отраслямъ производствъ, съ особыми, въ случаѣ надобности, учебными мастерскими, и б) школы общеобразовательныя—съ курсомъ начального общаго и элементарнаго технического обученія.

3) Училища содержатся: а) на средства самого общества; б) на поступающія въ распоряженіе его пожертвованія, дѣлаемыя съ означенною цѣлю, и в) на производимыя изъ казны, земскихъ, городскихъ или сословныхъ средствъ пособія, если таковыя будутъ назначены.

4) Училища, состоя въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, подчиняются попечителю учебнаго округа и мѣстному директору народныхъ училищъ. Общее завѣдываніе сими учебными заведеніями возлагается на предсѣдателя состоящей при обществѣ постоянной комисіи по техническому образованію и на товарищя предсѣдателя, а непосредственное управленіе оными ввѣряется инспектору по учебной части общества, инспекторамъ отдѣльныхъ школъ и особо избираемому, въ случаѣ надобности, инспектору по спеціальнымъ предметамъ преподаванія.

5) Школы и классы открываются съ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, который входитъ предварительно въ сношеніе съ мѣстнымъ губернаторомъ, градоначальникомъ или оберъ-полиціймейстеромъ, по принадлежности.

6) Предсѣдатель постоянной комисіи по техническому образованію и его товарищи избираются совѣтомъ русскаго технического общества, съ одобренія общаго собранія онаго, первый—на три года, а вторые—на два года, и утверждаются въ этихъ званіяхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Инспекторъ по учебной части, инспекторъ по спеціальнымъ предметамъ преподаванія и инспекторы отдѣльныхъ школъ избираются совѣтомъ общества и, по его представленію, утверждаются въ должностяхъ попечителемъ учебнаго округа. Преподаватели, по избраніи ихъ предсѣдателемъ постоянной комисіи, утверждаются директоромъ народныхъ училищъ.

7) Частнымъ лицамъ и установленіямъ, сдѣлавшимъ значительныя единовременныя пожертвованія на устройство школъ общества или обязавшимся вносить на этотъ предметъ не менѣе ста рублей ежегодно, присвоивается, по постановленію совѣта общества, наименование учредителей школъ.

8) При каждой школѣ можетъ быть учрежденъ совѣтъ, состоящій изъ инспектора школы, представителя комисіи по техническому образованію и двухъ или болѣе попечителей, избираемыхъ учредителями школы (ст. 7). Открытіе совѣта разрѣшается постоянною комисіею по техническому образованію.

9) Курсъ общеобразовательныхъ школъ долженъ быть не ниже установленнаго для одноклассныхъ народныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, а объемъ преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ въ спеціальныхъ классахъ и школахъ долженъ быть не ниже двухклассныхъ народныхъ училищъ того же вѣдомства. Предметы сіи проходятся по учебникамъ, одобреннымъ означеннымъ министерствомъ и духовнымъ вѣдомствомъ, по принадлежности.

10) Въ школы и классы, учрежденные для малолѣтнихъ, принимаются дѣти не моложе семи лѣтъ въ общеобразовательныя и не моложе двѣнадцати лѣтъ въ спеціальныя заведенія. Для поступленія въ училища, устраиваемыя для взрослыхъ, возрастъ не опредѣляется.

11) Полный курсъ ученія продолжается: въ школахъ для малолѣтнихъ—не менѣе трехъ лѣтъ, а въ общеобразовательныхъ классахъ для взрослыхъ и въ спеціальныхъ заведеніяхъ—не менѣе двухъ лѣтъ. Въ спеціальныя заведенія принимаются только окончившіе курсъ въ общеобразовательныхъ школахъ общества или же имѣющіе соотвѣтственныя познанія.

12) Переводные и выпускные экзамены производятся въ особыхъ испытательныхъ комисіяхъ, при участіи депутатовъ отъ учебнаго округа. Удовлетворительно выдержавшимъ окончательное испытаніе выдаются аттестаты.

13) Получившіе аттестаты объ окончаніи полнаго курса въ общеобразовательныхъ классахъ и школахъ пользуются правами на льготу четвертаго разряда по отбыванію воинской повинности, а удостоенные аттестатовъ объ окончаніи полнаго курса въ спеціальныхъ классахъ и школахъ пользуются льготою третьяго разряда по сей повинности.

II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія составить, въ развитіе издаваемаго узаконенія, подробный уставъ училищъ Импера-

торскаго русскаго техническаго общества и утвердить оный въ порядкѣ административномъ.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

10. (25-го мая 1882 года). О должностныхъ лицахъ Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта въ гор. Москвѣ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о должностныхъ лицахъ Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта въ гор. Москвѣ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписаль: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о должностныхъ лицахъ Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта въ гор. Москвѣ, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Непосредственное завѣдываніе Петровско-Александровскимъ пансіономъ-пріютомъ въ городѣ Москвѣ, содержимомъ на средства дворянства Московской губерніи, возлагается на директора, въ помощь которому назначаются воспитатели.

2) Лица сіи избираются собраніемъ предводителей и депутатовъ дворянства означенной губерніи изъ числа окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и утверждаются въ должностяхъ: директоръ—министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя Московскаго учебнаго округа, а воспитатели—симъ послѣднимъ, по представленію директора.

3) Число воспитателей опредѣляется попечителемъ учебнаго округа, соотвѣтственно наличному составу пансіонеровъ въ пріютѣ, полагая по одному воспитателю на двадцать пансіонеровъ.

4) Означеннымъ въ статьѣ 1 должностнымъ лицамъ присвоиваются: директору—V классъ по чинопроизводству и V разрядъ по шитью на мундирѣ, а воспитателямъ—VIII классъ по чинопроизводству и VIII разрядъ по шитью на мундирѣ.

5) При пансіонѣ-пріютѣ состоитъ врачъ. Онъ утверждается въ

должности попечителемъ учебнаго округа, по избранію губернскаго предводителя дворянства и пользуется VIII классомъ по чиновпроизводству и VIII разрядомъ по шитью на мундирѣ.

6) Директору и воспитателямъ назначаются пенсіи изъ суммъ дворянства Московской губерніи. Если сіи лица, прежде вступленія на должность въ пансіонѣ или послѣ оставленія его, находились на службѣ въ правительственномъ учрежденіи, то время службы въ пріютѣ засчитывается въ положенные закономъ сроки для полученія пенсій или единовременнаго пособія, при чемъ на счетъ казны принимается лишь часть оныхъ, соответствующая числу лѣтъ, прослуженныхъ въ правительственномъ учрежденіи, а остальная ихъ часть назначается изъ суммъ дворянства. Состоящій при пансіонѣ-пріютѣ врачъ правомъ на полученіе пенсій не пользуется.

Подлинное мѣнѣе подписано въ журналахъ предѣдателями и членами.

11. (22-го апрѣля 1882 года). О принятіи подъ покровительство Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя Павла Александровича начальной школы, существующей на фермѣ Кирилло-Меодіевскаго братства Миклаши, Острожскаго уѣзда, Волынской губерніи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему министра народнаго просвѣщенія докладу, въ 22 день апрѣля 1882 года, Высочайше соизволилъ на принятіе подъ покровительство Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя Павла Александровича начальной школы, существующей на фермѣ Кирилло-Меодіевскаго братства Миклаши, Острожскаго уѣзда, Волынской губерніи, согласно ходатайству о томъ попечительницы означеннаго братства.

II. ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ.

26-го мая 1882 года (№ 9-й). Производятся: причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Карль Ренаръ — въ тайные совѣтники, со 2-го мая 1882 года (Высоч. пов. 22-го апрѣля 1882 года).

Профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, инженеръ-технологъ Петръ Афанасьевъ — въ статскіе совѣтники, съ 10-го мая 1882 года (Высоч. пов. 10-го мая 1882 г.).

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою дѣлїю: причисленному къ министерству народнаго просвѣщенія доктору медицины, статскому совѣтнику Данилевскому—на одинъ годъ.

Ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета графу Комаровскому—по 15-е августа 1882 года.

Командируются съ ученою дѣлїю: а) въ Россіи и за границу: доцентъ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ Скворцовъ—на лѣтнее вакаціонное время 1882 года и двадцать восемь дней.

и б) за границу: преподаватель Варшавской ветеринарной школы Круликовскій—на лѣтнее вакаціонное время 1882 года.

Инспекторъ татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Казанскаго учебнаго округа, статскій совѣтникъ Радловъ—на два мѣсяца (Высоч. пов. 20-го мая 1882 г.).

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Егоровъ—на два мѣсяца и двадцать дней.

Доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета Блокъ—на лѣтнее вакаціонное время 1882 года и двадцать восемь дней.

Ординарные академики Императорской Академіи Наукъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вильдъ и статскій совѣтникъ Ягичъ, ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Патжановъ, доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета Соколовъ и сверхштатный ассистентъ Императорскаго Казанскаго университета, лѣкарь Орловъ—на три мѣсяца.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, коллежскій совѣтникъ Лучицкій—съ 15-го іюля по 1-е ноября 1882 года.

Исправляющій должность прозектора Императорскаго Варшавскаго университета, лѣкарь Краевскій и помонщикъ прозектора сего университета, докторъ медицины Эльзенбергъ—на три съ половиною мѣсяца, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшенныхъ имъ заграничныхъ отпусковъ на одинъ мѣсяць.

Ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, тайный совѣтникъ Чебышевъ, экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Троицкій и прозекторъ Казанскаго ветеринарнаго института Чуловскій—на четыре мѣсяца.

Доцентъ Императорскаго Казанскаго университета Васильевъ—на

четыре съ половиною мѣсяца, съ зачетомъ въ командировку разрѣшеннаго ему отпуска за границу на одинъ мѣсяць.

Прозекторъ Императорскаго Казанскаго университета Маліевъ — съ 1-го іюня 1882 по 15-е января 1883 года.

Увольняется въ отпускъ: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Ивановскій — на три мѣсяца, въ разныя губерніи Россіи, по болѣзни.

Увольняется согласно прошенію: Екатеринославскій губернаторъ фонъ-Розенбергъ — отъ должности почетнаго попечителя Калужскаго реальнаго училища.

10-го іюня 1882 года. (№ 10-й). Утверждаются на три года: дѣйствительный статскій совѣтникъ Хаминъ — вновь почетнымъ попечителемъ Иркутской мужской гимназіи.

Членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Ивановъ — почетнымъ попечителемъ Смоленскаго реальнаго училища.

Командируется за границу съ ученою цѣлію: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Хвольсонъ — съ 15-го іюля по 1-е ноября 1882 года.

Доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Ярошъ — на одинъ годъ.

Увольняются въ отпускъ по болѣзни: попечители учебныхъ округовъ: Виленскаго, тайный совѣтникъ Сергіевскій и Кіевскаго, тайный совѣтникъ Голубцовъ, — на два мѣсяца, во внутреннія губерніи Россіи.

Директоръ департамента народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Брадке — на три мѣсяца, въ Россіи и за границу.

8-го іюля 1882 года. (№ 11-й). Утверждаются: надворный совѣтникъ Баташевъ и потомственный почетный гражданинъ, Тюменскій 1-й гильдіи купецъ Подаруевъ — вновь почетными попечителями реальныхъ училищъ: первый — Ростовскаго-Петровскаго на Дону и послѣдній — Александровскаго-Тюменскаго, — оба на слѣдующее трехлѣтіе.

Продолжается срокъ командировки за границу съ ученою цѣлію: окончившему курсъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Шмидтъ-фонъ-дербъ-Лауницъ — по 28-е сентября 1882 года.

Экстраординарному профессору Императорскаго Варшавскаго университета Карѣву — по 20-е января 1883 года.

Командируются съ ученою цѣлію: а) въ Россіи и за границу: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бестужевъ-Рюминъ—на одинъ годъ.

и б) за границу: доцентъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Цагарели—на два съ половиною мѣсяца, съ зачетомъ въ сію командировку разрѣшеннаго ему 28-ми дневнаго отпуска за границу.

Кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Бубновъ—на одинъ годъ.

Магистръ Императорскаго Московскаго университета Мензбиръ—на два года, съ 1-го сентября 1882 года.

Продолжается срокъ четырехмѣсячнаго отпуска въ Россіи: директору Вологодской гимназій, статскому совѣтнику Гаазе—до конца лѣтнаго вакаціоннаго времени, по болѣзни.

Увольняются въ отпускъ въ Россіи: попечитель Харьковскаго учебнаго округа, генеральнаго штаба генераль-маіоръ Максимовскій—на двадцать восемь дней. (Высоч. пов. 16-го іюня 1882 г.).

Попечитель Московскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Капнистъ—на шесть недѣль (Высоч. пов. 19-го іюня 1882 г.).

Директоръ Императорской публичной бібліотеки, тайный совѣтникъ Бычковъ и попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитріевъ—на два мѣсяца (Высоч. пов. 19-го іюня 1882 г.).

III. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

13. (3-го іюня 1882 года). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о путевыхъ издержкахъ ихъ при поѣздкахъ въ С.-Петербургъ.

По министерству народнаго просвѣщенія возбужденъ былъ вопросъ о томъ: должно ли расходы по поѣздкамъ попечителей учебныхъ округовъ по дѣламъ службы въ С.-Петербургъ относить на § 3 ст. 4 или на § 4 ст. 3 смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Нынѣ, вслѣдствіе соглашенія по этому предмету министерства народнаго просвѣщенія съ государственнымъ контролеромъ, имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, для руководства, что путевыя издержки попечителей учебныхъ округовъ при поѣздкахъ ихъ въ С.-Петербургъ по дѣламъ службы слѣдуетъ относить на счетъ кредита нѣ ст. 4 § 3 смѣты министерства народнаго просвѣщенія, а ст. 3 § 4 сей смѣты, и, въ оправданіе этихъ расходовъ, нужно прилагать къ отчетности копію съ предписанія или телеграммы министра народнаго просвѣщенія о вызовѣ попечителя въ С.-Петербургъ. Объ этомъ государственнымъ контролемъ поставлены въ извѣстность подлежащія контрольныя палаты.

14. (6-го іюня 1882 года). Положеніе о стипендіи имени генераль-маіора Онуфрія Герасимовича Попова при Казанской Маріинской женской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ 1000 руб., заключающагося въ облигаціи восточнаго займа, пожертвованной вдовою генераль-маіора Марьей Игнатьевной Поповой, учреждается при Казанской Маріинской женской гимназій на вѣчное время одна стипендія имени покойнаго мужа жертвовательницы, Онуфрія Герасимовича Попова.

§ 2. Ученица, имѣющая пользоваться стипендіею, избирается изъ числа дѣтей чиновниковъ интендантскаго вѣдомства въ г. Казани.

§ 3. Обеспечивающій стипендію капиталъ хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ суммъ гимназій.

§ 4. Проценты съ стипендіальнаго капитала назначаются на уплату за ученіе въ гимназій избранной стипендіатки.

§ 5. Право назначенія стипендіатки пожизненно предоставляется жертвовательницѣ г-жѣ Поповой, пока она будетъ имѣть жительство въ г. Казани, по выѣздѣ же ея изъ сего города или смерти ея право выбора стипендіатки переходитъ къ дочери жертвовательницы Аннѣ Онуфріевнѣ Поповой, а за выбытіемъ изъ Казани послѣдней — высшему интендантскому учрежденію въ г. Казани.

и § 6. Въ случаѣ упраздненія въ г. Казани интендантскихъ учреждений, назначеніе стипендіатки производится попечительнымъ совѣтомъ гимназій.

15. (18-го іюня 1882 г.). Положеніе о десяти стипендіяхъ имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II-го при Алатырскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго, въ 28-й день января 1881 года, на проценты съ капитала въ 600 руб., пожертвованнаго Алатырскимъ городскимъ обществомъ, въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II-го, учреждаются при Алатырскомъ городскомъ трехклассномъ училищѣ 10 стипендій имени Государя Императора Александра II-го.

§ 2. Пожертвованный капиталъ долженъ оставаться неприкосновеннымъ на вѣчныя времена и хранится въ Алатырскомъ городскомъ общественномъ банкѣ; билетъ же на оный въ Алатырскомъ уѣздномъ казначействѣ.

§ 3. Проценты съ капитала употребляются на десять равныхъ стипендій, пользоваться которыми могутъ ученики Алатырскаго городского трехкласснаго училища исключительно изъ дѣтей несостоятельныхъ гражданъ города Алатыря.

§ 4. Стипендіи предназначаются для взноса платы за ученіе стипендіатовъ и для снабженія ихъ книгами и учебными пособиями.

§ 5. Назначеніе стипендій предоставляется педагогическому совѣту училища, который однако обязанъ предварительно снести съ Алатырскимъ городскимъ управленіемъ о состояніи родителей, дѣтямъ которыхъ предполагается выдача стипендій.

и § 6. Ученики, получающіе означенныя стипендіи, именуются стипендіатами Государя Императора Александра II-го и никакимъ обязательствамъ за пользованіе стипендіями не подлежатъ.

16. (18-го іюня 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина Матвѣя Кузьмича Мухина, при Рижской женской Ломоносовской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія.)

§ 1. Съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 12-й день октября 1881 г., учреждается на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго Рославльскою 1-й гильдіи купчихою и потомственною почетною гражданкою Марією Александровною Мухиною капитала въ одну тысячу руб., заключающагося въ облигаціи II-го восточнаго займа, при Рижской женской Ломоносовской гимназіи стипендія имени покойнаго сына ея, Матвѣя Кузьмича Мухина.

§ 2. Означенная стипендія, въ размѣрѣ 50 руб. въ годъ, производится одной изъ бѣдныхъ и способныхъ, отличающейся успѣхами въ наукахъ и хорошимъ поведеніемъ ученицъ Рижской женской Ломоносовской гимназіи русскаго происхожденія и православнаго исповѣданія, хотя бы и по единовѣрческому обряду; полученію стипендіи не препятствуетъ и принадлежность къ одному изъ старообрядческихъ согласій. Сверхъ сего наблюдается, чтобъ стипендіи назначались дѣвицамъ городскаго или крестьянскаго сословія и по возможности изъ уроженокъ Смоленской губерніи.

§ 3. Право назначать стипендіатку предоставляется попечительному совѣту заведенія.

§ 4. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія помянутой стипендіи, проценты съ капитала, оставшіеся невыданными, обращаются въ пособіе стипендіаткѣ.

§ 5. Стипендіальный капиталъ, составляя неприкосновенную собственность Рижской женской Ломоносовской гимназіи, хранится вмѣстѣ съ специальными суммами этой гимназіи въ Лифляндскомъ губернскомъ казначействѣ.

17. (22-го іюня 1882 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о сборѣ за ученіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.

Журналомъ департамента государственной экономіи государственнаго совѣта по финансовой смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія на 1882 г. изъ показанной по статьѣ 2 § 7 этой смѣты суммы на содержаніе параллельныхъ отдѣленій въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ исключено 20,000 р., съ предоставленіемъ министерству принять мѣры къ соответственному увеличенію отчисленія изъ сбора за ученіе на содержаніе параллельныхъ отдѣленій въ названныхъ заведеніяхъ.

Вслѣдствіе сего министерствомъ народнаго просвѣщенія сдѣлано было въ началѣ текущаго года распоряженіе о сокращеніи на соответственную сумму отпуска изъ казны на параллельныя отдѣленія гимназій и прогимназій С.-Петербургскаго учебнаго округа и объ ассигнованіи соответственнаго кредита изъ специальныхъ средствъ, такъ какъ въ теченіи наступившаго уже смѣтнаго года не представлялось возможности принять какія-либо другія мѣры къ пополненію уменьшеннаго департаментомъ государственной экономіи ассигнованія изъ казны.

Имѣя же въ виду, что, по примѣчанію къ § 19 дѣйствующаго устава гимназій и прогимназій, параллельныя отдѣленія должны учреждаться тамъ, гдѣ представится къ тому возможность, предпочтительно на спеціальныя средства учебныхъ заведеній, я нахожу необходимымъ, начиная съ будущаго 1883 года, означенные 20,000 р. обратить на сборъ за ученіе въ названныхъ заведеніяхъ.

Сообщая объ этомъ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу предложить педагогическимъ совѣтамъ гимназій и прогимназій вѣреннаго вамъ учебнаго округа войти въ обсужденіе, на сколько можетъ быть сдѣлано сокращеніе въ ассигнованіи денегъ на параллельныя отдѣленія, съ обращеніемъ этого расхода на сборъ за ученіе, и въ подкрѣпленіе принятыхъ каждымъ изъ сихъ совѣтовъ соображеній представить вѣдомость о суммѣ сбора за ученіе какъ поступившей въ 1881 г., съ исчисленіемъ расходовъ, произведенныхъ изъ того источника, такъ и ожидаемой къ поступленію въ текущемъ году, съ указаніемъ падающихъ на спеціальныя средства заведенія обязательныхъ расходовъ, и по тщательномъ обслѣдованіи въ окружномъ управленіи доставленныхъ свѣдѣній представить ихъ въ министерство, съ вашимъ заключеніемъ.

18. (25-го іюня 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени отставнаго войсковаго старшины Астраханскаго казачьяго войска Петра Прокофьевича Прокофьева при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ завѣщаннаго отставнымъ войсковымъ старшиною Петромъ Прокофьевичемъ Прокофьевымъ капитала въ шесть сотъ руб., заключающагося въ 5% билетахъ государственнаго банка, учреждается при Астраханскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени завѣщателя.

2) Стипендія назначается одному изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣйшихъ приходящихъ учениковъ Астраханскаго реального училища, изъ круглыхъ сиротъ казачьяго происхожденія.

3) Право избранія на стипендію, а также лишенія оной, въ случаѣ безуспѣшности въ наукахъ или дурнаго поведенія стипендіата, принадлежитъ наказному атаману Астраханскаго казачьяго войска.

4) Если отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала окажутся остатки, вслѣдствіе временнаго незамѣщенія стипендіи или по дру-

гимъ причинамъ, то деньги сіи могутъ быть обращены на учрежденіе при названномъ училищѣ второй стипендіи имени Прокофьева.

5) Обеспечивающій стипендію капиталъ хранится въ Астраханскомъ отдѣленіи государственнаго банка депозитомъ войсковаго правленія Астраханскаго казачьяго войска.

19. (30-го іюня 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго члена совѣта Прибалтійскаго православнаго братства во имя Христа Спасителя и казначея братства, священника С.-Петербургской Входо-Іерусалимской церкви Александра Тимоѣевича Никольскаго, учреждаемой при 2-й Дерптской учительской семинаріи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При 2-й Дерптской учительской семинаріи учреждается стипендія, съ наименованіемъ „Стипендія священника Александра Тимоѣевича Никольскаго“.

2) Стипендія обеспечивается процентами съ капитала, собраннаго по подпискѣ членами Прибалтійскаго Спасскаго братства въ память скончавшагося 3-го декабря 1876 года священника А. Т. Никольскаго. Капиталъ этотъ заключается въ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа и по нарицательной ихъ стоимости составляетъ 2,200 руб.

3) Стипендія выдается одному изъ учениковъ 2-й Дерптской учительской семинаріи, уроженцу Прибалтійскаго края, православнаго исповѣданія, Латышу, Эсту или Русскому по происхожденію.

4) Выборъ стипендіата предоставляется педагогическому совѣту 2-й Дерптской учительской семинаріи, который о своемъ выборѣ доводитъ до свѣдѣнія совѣта Прибалтійскаго православнаго братства во имя Христа Спасителя; въ продолженіе же всего курса ученія стипендіата въ семинаріи сообщаетъ ежегодно названному совѣту свѣдѣнія объ его успѣхахъ и поведеніи.

5) По окончаніи курса ученія въ семинаріи стипендіатъ не подчиняется никакимъ обязательствамъ ни въ выборѣ мѣста службы на должности учителя начальнаго народнаго училища, ни въ отношеніи срока службы въ этомъ званіи.

6) Означенный во 2-мъ пунктѣ настоящаго положенія капиталъ зачисляется въ спеціальныя средства 2-й Дерптской учительской семинаріи, хранится въ мѣстномъ казначействѣ, состоитъ въ завѣдываніи педагогическаго совѣта этой семинаріи и остается неприкосновеннымъ;

проценты же съ капитала обращаются исключительно на выдачу стипендіи избранному воспитаннику семинаріи, а въ случаѣ вакансіи причисляются къ основному капиталу.

7) На обязанность педагогическаго совѣта 2-й Дерптской учительской семинаріи возлагается наблюдать, чтобы хранящіяся въ казначействѣ процентныя бумаги, въ коихъ заключается упомянутый капиталъ, по истеченіи срока, или по выходѣ въ тиражъ, были замѣняемы своевременно новыми государственными, или гарантированными правительствомъ процентными бумагами, какія будутъ признаны болѣе выгодными.

20. (4-го іюля 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бордюгова при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) На проценты съ собраннаго попечительствомъ Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища капитала въ тысячу двѣсти р., заключающагося въ облигаціяхъ втораго восточнаго займа, учреждается при названномъ училищѣ одна стипендія имени перваго директора онаго, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ивановича Бордюгова.

2) Проценты съ означеннаго капитала выдаются одному изъ бѣдныхъ учениковъ училища, уроженцевъ г. Иваново-Вознесенска, заслуживающему того по своимъ успѣхамъ и поведенію, для уплаты за право ученія въ училищѣ и на учебныя пособія. Могущій оказаться остатокъ по случаю временнаго незамѣщенія стипендіи или по другимъ причинамъ выдается стипендіату въ одновременное пособіе при окончаніи имъ полнаго курса училища.

3) Право избранія стипендіата, а также лишенія его стипендіи, вслѣдствіе неуспѣшности или дурнаго поведенія, пожизненно принадлежитъ Бордюгову, а послѣ его смерти переходитъ къ попечительству Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища.

4) Стипендіальный капиталъ, оставаясь на всегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ, въ числѣ спеціальныхъ средствъ училища.

21. (4-го іюля 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени графа Владислава Валентиновича Эстергази, при Ровенскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

1) При Ровенскомъ реальномъ училищѣ учреждается стипендія имени графа Владислава Валентиновича Эстергази на счетъ процен-

товъ съ капитала въ одну тысячу рублей, пожертвованнаго для сей цѣли наслѣдниками графа Эстергази, Павломъ и братомъ его, камергеромъ Австро-Венгерскаго двора, Андоромъ Безфеди.

2) Обеспечивающій стипендію капиталъ заключающійся въ билетѣ перваго восточнаго займа, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ училища въ Ровенскомъ уѣздномъ казначействѣ, а проценты съ онаго употребляются исключительно на уплату за право ученія недостаточныхъ, отличающихся поведеніемъ и успѣхами въ наукахъ воспитанниковъ училища, безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія, но непременно изъ уроженцевъ Волинской губерніи.

3) Такъ какъ за выдачею стипендіи отъ ежегодныхъ процентовъ будетъ остатокъ, то сей послѣдній назначается въ пособіе, на уплату за право ученія другаго воспитанника.

4) Право избранія стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту училища. Избранный стипендіатъ пользуется стипендіею до окончанія курса въ училищѣ, если будетъ удовлетворять требованію пункта 2-го. Въ противномъ случаѣ на его мѣсто избирается другой кандидатъ.

5) Въ случаѣ преобразованія Ровенскаго реальнаго училища въ какое-либо другое среднее учебное заведеніе, стипендія остается при этомъ заведеніи. Но если бы Ровенское реальное училище было преобразовано въ низшее учебное заведеніе или совсѣмъ упразднено, то стипендія переводится въ Житомирскую гимназію.

6) Выдача стипендіи должна начаться съ 1882—1883 года; стипендіатъ же за пользованіе стипендіею не подлежитъ никакимъ обязательствамъ.

22. (10-го іюля 1882 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о представленіи экзаменуемымъ въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ лицами своихъ фотографическихъ карточекъ.

Въ циркулярномъ предложеніи отъ 2-го ноября 1879 г. за № 11843 министерствомъ народнаго просвѣщенія былъ сообщенъ на обсужденіе попечителей учебныхъ округовъ вопросъ о томъ: не слѣдуетъ ли, для предупрежденія попытокъ держать испытанія черезъ подставныхъ лицъ, требовать представленія фотографическихъ карточекъ отъ постороннихъ лицъ, подвергающихся испытаніямъ для пріобрѣтенія права на поступленіе въ извѣстный классъ учебнаго заведенія, или для полученія свидѣтельства объ окончаніи курса.

По полученіи вслѣдствіе сего отзывовъ попечителей учебныхъ округовъ я призналъ нужнымъ настоящій вопросъ подвергнуть обсужденію въ совѣтѣ министра народнаго просвѣщенія.

Совѣтъ министра, имѣя въ виду, что въ настоящее время, на основаніи циркулярнаго распоряженія министерства народнаго просвѣщенія отъ 3-го ноября 1879 г., предъявленіе, кромѣ документовъ, фотографической карточки уже требуется отъ лицъ, подвергающихся испытаніямъ на званіе аптекарскаго ученика въ тѣхъ случаяхъ, когда экзаменующіяся лица неизвѣстны экзаменаторамъ, или когда нѣтъ возможности получить удостовѣреніе о личности другимъ способомъ, призналъ требованіе отъ желающихъ подвергнуться испытанію въ мужскихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, кромѣ документовъ, фотографической карточки, вполне полезнымъ и цѣлесообразнымъ.

На семъ основаніи совѣтъ министра постановилъ: означенную мѣру принять къ руководству при испытаніяхъ какъ пріемныхъ, такъ и окончательныхъ въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы фотографическія карточки требовать отъ экзаменуемыхъ въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда подвергающіяся испытаніямъ лица неизвѣстны экзаменаторамъ; о лицахъ же, извѣстныхъ экзаменаторамъ въ выдаваемыхъ имъ свидѣтельствахъ прибавлять, что испытующееся лицо извѣстно педагогическому совѣту учебнаго заведенія.

Сообщая объ этомъ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу предложить начальникамъ названныхъ учебныхъ заведеній вѣреннаго вамъ учебнаго округа принять вышеизложенное къ руководству въ подлежащихъ случаяхъ.

IV. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

19-го мая 1882 года (№ 6). Утверждаются: старшій учитель Перновской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Чернай — директоромъ Перновской гимназіи.

Завѣдывающій Александровскимъ Орловскимъ реальнымъ училищемъ, коллежскій совѣтникъ Леоповичъ — директоромъ сего училища.

Италіанскій подданный Росси — вновь почетнымъ попечителемъ Одесской второй прогимназіи; на три года, съ 23-го февраля 1882 года.

Начальникъ синодальнаго архива и библіотеки, надворный совѣтникъ Григоровичъ—членомъ археографической комиссіи, съ 22-го апрѣля 1882 года.

Коллежскіе секретари Тарасенко-Отрѣшновъ и Евтихievъ, кандидатъ правъ Ржавскій, потомственный почетный гражданинъ Афанасовъ и Скопинскіе купцы Овчинниковъ и Кичкинъ — членами попечительства Скопинскаго реальнаго училища, на три года.

Купцы 1-й гильдіи Иванъ и Василій Стахѣевы, Гирбасовъ, 2-й гильдіи Степанъ и Евстафій Емельяновы, Антроповъ, и купеческій сынъ Федоръ Стахѣевъ—членами попечительства Елабужскаго реальнаго училища, на три года.

Переводится на службу въ департаментъ народнаго просвѣщенія: помощникъ секретаря Петербургскаго военно-окружнаго суда, титулярный совѣтникъ Моревъ — дѣлопроизводителемъ VIII класса, съ 24-го апрѣля 1882 г.

Опредѣляются на службу: кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Иванъ Дмитревскій — съ причисленіемъ къ министерству народнаго просвѣщенія, съ 28-го апрѣля 1882 года.

Изъ отставныхъ: уволенный отъ службы капитаномъ Иванъ Драницынъ и губернский секретарь Дмитрій Матвѣевъ—помощниками дѣлопроизводителей департамента народнаго просвѣщенія, первый съ 24-го и второй съ 27-го апрѣля 1882 г.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій регистраторъ графъ Соллогубъ, съ увольненіемъ отъ настоящей должности, съ 19-го апрѣля 1882 г.

Изъ отставныхъ статскій совѣтникъ Юшковъ, съ 28-го апрѣля 1882 года.

Оставляются на службѣ на пять лѣтъ: директоръ Пензенской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Хохряковъ, съ 25-го января 1882 г.

Директоръ Нижегородскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Бобровскій, съ 27-го марта 1882 г.

Заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, тайный совѣтникъ Матвѣевъ, со 2-го мая 1882 г.

Командируется съ ученою цѣлю: ординарный профес-

сортъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Менделѣевъ—въ разныя губерніи Россіи, на пять съ половиною мѣсяцевъ.

Продолжается срокъ отпуска за границу: астроному-наблюдателю Императорскаго Дерптскаго университета Линдштедту—на двадцать дней.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: на одинъ мѣсяць: помощникъ экзекутора департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Сутковскій—въ С.-Петербургскую губернію, по болѣзни.

На два мѣсяца: чиновники особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія: дѣйствительный статскій совѣтникъ Янковичъ—въ разныя губерніи и статскій совѣтникъ Аверариусъ—въ Эстляндскую губернію; дѣлопроизводители департамента народнаго просвѣщенія: V класса: статскій совѣтникъ Тимофѣевъ—въ С.-Петербургскую губернію, VII класса: коллежскій совѣтникъ Тропинъ—въ С.-Петербургскую и Эстляндскую губерніи, и коллежскій ассессоръ Талаптовъ—въ Ярославскую и Нижегородскую губерніи, и помощники дѣлопроизводителей сего департамента: коллежскій секретарь Рейнгольдъ—въ Прибалтійскія губерніи и коллежскій регистраторъ Трапезниковъ—въ разныя губерніи; директоръ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Соколовъ, въ разныя губерніи,—всѣ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года. Директоры гимназій: С.-Петербургской 7-й, статскій совѣтникъ Гофманъ—въ Эстляндскую губернію, Кіевской 2-й, статскій совѣтникъ Пясецкій—въ разныя губерніи, Житомирской—статскій совѣтникъ Омелянскій—въ Волынскую губернію, Кѣлецкой мужской, статскій совѣтникъ Воронковъ—въ Новгородскую и Олонецкую губерніи, Варшавской V—коллежскій совѣтникъ Канскій—въ разныя губерніи и Холмской мужской, коллежскій совѣтникъ Мазюкевичъ—въ Гродненскую губернію; директора реальныхъ училищъ: Новозыбковскаго—статскій совѣтникъ Радкевичъ въ разныя губерніи, Бѣлоцерковскаго—статскій совѣтникъ Соковичъ, въ С.-Петербургъ и Москву, Александровскаго Кременчугскаго—статскій совѣтникъ Самусъ въ разныя мѣста Россіи; начальницы женскихъ гимназій: Ксеніинской Казанской—Камкова и Сарапульской—Цепелева, въ разныя губерніи. Изъ нихъ Мазюкевичъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года и 28 дней: инспек-

торъ Грубешовской мужской прогимназіи, коллежскій ассессоръ Малиновскій, въ Волынскую губернію, по болѣзни.

б) въ Россіи и за границу: помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Малиновскій, на два мѣсяца, и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, тайный совѣтникъ Митюковъ, на четыре мѣсяца; оба по болѣзни.

и в) за границу, на два мѣсяца: старшій письмоводитель канцеляріи конференціи Императорской академіи наукъ, надворный совѣтникъ Сомовъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г.: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—дѣйствительный статскій совѣтникъ Зарубинъ, Варшавскаго: дѣйствительные статскіе совѣтники: Струве и Тырховскій, коллежскій секретарь Вржесневскій и Симоненко, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Околюскій, архивариусъ Императорскаго дерптскаго университета, титулярный совѣтникъ Рейснеръ, исправляющій должность старшаго астронома-наблюдателя Варшавской астрономической обсерваторіи Трей (съ 3 іюля 1882 г.), экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, статскій совѣтникъ Вейсманъ; директоры реальныхъ училищъ: Константиновскаго Севастопольскаго, коллежскій совѣтникъ Урусовъ и Ревельскаго Оссе; инспекторы прогимназій: Аккерманской—надворный совѣтникъ Прокешъ, Евпаторійской—Сигъ и Одесской 2-й—коллежскій совѣтникъ Ронгалеръ; учителя гимназій: Каменецъ-Подольской—надворный совѣтникъ Чехакъ, Одесской 2-й—статскій совѣтникъ Ліоте, Одесской 3-й—статскій совѣтникъ Коппе и коллежскій совѣтникъ Фотъ, Рিশельевской—надворный совѣтникъ Турчакъовскій, Мариупольской—коллежскій ассессоръ Шалль, Кіевской 1-й—Григоровичъ, Херсонской—Тибитанцль,—Бердянской—Янъ, Калишской мужской—статскій совѣтникъ Фукъ, титулярный совѣтникъ Бальчевскій, Реуттъ, Росинскій, Василевскій, Ивановскій и Гяллеръ, Плоцкой мужской—статскій совѣтникъ Масловскій, Гильке и Рутскій, Петроковской мужской—статскій совѣтникъ Гаевскій, Ржечневскій, Канскій, Свѣцкимскій и Фабіани, Ломжинской мужской—Коць и Пржибыловскій, Люблинской мужской—Козьминскій, Эустаховичъ, Богдановичъ, Доборжинскій и Федонъ; помощникъ классныхъ наставниковъ

Калишской мужской гимназіи Издиковскій, старшій учитель Ревельской губернской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Кирхгоферъ, учитель мужскаго училища при Евангелическо-Лютеранской св. Петра и Павла церкви въ Москвѣ Гонсіоровскій, смотритель и учитель наукъ Александровскаго Фридрихштадтскаго училища Лангъ; учителя прогимназій: Александровской Борисоглѣбской—Віичукъ, Введенской въ С.-Петербургѣ—Влашимскій, Херсонской—Марекъ и Индра, Θεодосійской—Папудогло и Мильковичъ, Аккерманской—Деннгардтъ, Ялтинской—Шкорпилъ, Кишиневской—Марекъ, Ростовской на Дону—Басиловъ, Ченстоховской—Растковскій, Рутскій, Новакъ и Грабовскій; учителя реальныхъ училищъ: Александровскаго Николаевскаго—статскій совѣтникъ Генель и Вырланъ, севастопольскаго—Дидерихсъ, Одесскаго—статскій совѣтникъ Сергѣевъ, коллежскій совѣтникъ Кальсадо; надворные совѣтники Бучинскій, Синицынъ и Стефанскій, коллежскій ассессоръ Юрченко, Собѣщанскій и Усаневичъ; учителя женскихъ гимназій: Маріинской Николаевской—Березинъ, Маріинской Одесской—надворный совѣтникъ Дренгеръ; главная воспитательница Варшавской III женской гимназіи Милюшская и учительница той же гимназіи Шикеръ, классная дама Варшавской IV женской гимназіи Щебальская, начальница Вознесенской прогимназіи Ольга Копыткина и надзирательница сей прогимназіи Эмилія Копыткина, наставникъ Херсонской учительской семинаріи, надворный совѣтникъ Матвѣевъ и учитель Андреевской учительской семинаріи Данецкій, учителя Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища, статскій совѣтникъ фонъ-Грофе, коллежскій совѣтникъ Шмидтъ и Мальць, старшая надзирательница Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Полубинская и учителя сего института: Шиманскій, Раковскій, Барановскій, Трояновскій, Новицкій и Родишевскій и учительница Доманская. Изъ нихъ по болѣзни: Струве, Трковскій, Вржесневскій, Окольскій, Рейсеперъ, Трей, Фукъ, Бальчевскій, Реуттъ, Росинскій, Василевскій, Ивановскій, Гиллеръ, Масловскій, Гильке, Рутскій, Коць, Гаевскій, Ржечевскій, Канскій, Свѣцимскій, Козьминскій, Эустаевичъ, Богдановичъ, Доборжинскій, Федонъ, Издиковскій, Растковскій, Рутскій, Новакъ, Грабовскій, Данецкій, Грофе, Шмидтъ и Мальць.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г. и четырнад-

дать дней; преподаватель С.-Петербургскаго 2-го реального училища Мабиль.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г., и шестнадцать дней августа: учитель Плоцкой мужской гимназіи Щербовичъ-Вечеръ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г., и двадцать восемь дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, титулярный совѣтникъ Ришави, и лекторъ сего университета, статскій совѣтникъ Бергъ; послѣдній по болѣзни.

На четыре мѣсяца: учитель С.-Петербургской первой гимназіи Копосовъ и исправляющая должность учительницы Копытовскаго начальнаго училища Баньковская; оба по болѣзни.

Исключается изъ списковъ умершій: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Делленъ.

29-го мая 1882 года (№ 7-й.) утверждаются: экстраординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лица, докторъ международного права Эйхельманъ—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго университета Св. Владиміра по каедрѣ исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ, съ 9-го апрѣля 1882 г.

Докторъ медицины Мейеръ—экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Дерптскаго университета по каедрѣ фармакологіи, діететики и исторіи медицины, съ 20-го апрѣля 1882 г.

Исправляющій должность директора Московской 6-й гимназіи, статскій совѣтникъ Рязанцевъ—директоромъ сей гимназіи.

Оставляютъ на службѣ: на два года: директоръ Ковенской дирекціи народныхъ училищъ, статскій совѣтникъ Андрущенко, съ 24-го марта 1882 г.

На пять лѣтъ: директоръ Виленской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Балвановичъ, съ 22-го мая 1882 г.

Командируются съ ученою цѣлію: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Березинъ—въ Астраханскую и Оренбургскую губерніи, съ 1-го іюня по 1-е сентября 1882 г., и лаборантъ Императорскаго Варшавскаго университета Слюсарскій—въ разныя мѣстности Привислянскаго края, на лѣтнее вакаціонное время сего года.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи на двадцать восемь

дней: начальникъ Лодзинской учебной дирекціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Крыловъ—въ Московскую губернію.

На одинъ мѣсяць: директоръ Витебской гимназіи, статскій совѣтникъ Шокальскій, во внутреннія губерніи, по болѣзни.

Съ 5 іюня по 20 іюля 1882 г. почетный попечитель Одесской 3 гимназіи Кандинскій, въ разныя губерніи.

Съ 10 іюня по 1 августа 1882 г.: директоръ Нижегородской гимназіи, статскій совѣтникъ Миротворцевъ — въ Московскую и Нижегородскую губерніи, по болѣзни.

Съ 15-го іюня по 1-е августа 1882 г: директоръ Динабургскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Князевъ—въ Витебскую, Бурляндскую и Лифляндскую губерніи.

На два мѣсяца: начальникъ архива министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Разумихинъ—въ С.-Петербургскую губернію, съ 1-го іюня 1882 г. и директоръ народныхъ училищъ Екатеринославской губерніи Мальвинскій — въ разныя губерніи Россіи, съ 20-го іюня 1882 г.

Съ 20-го іюня по 24-е августа 1882 года: директоръ Пензенской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Хохряковъ—въ разныя губерніи.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года: Дерптскій директоръ училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Геекъ въ Эстляндскую и Херсонскую губерніи, директора гимназій: Рязанской—статскій совѣтникъ Кульчицкій, Немировской—статскій совѣтникъ Бизимовскій, Бердянской—статскій совѣтникъ Алаевъ, Николаевской Александровской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Смирновъ, Симферопольской — коллежскій совѣтникъ Тимошевскій, Одесской 3-й—дѣйствительный статскій совѣтникъ Поруновъ, Сѣдлецкой мужской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Пономаревъ, Тамбовской—коллежской ассессоръ Тихій, Плоцкой мужской—Федынскій—въ въ разныя губерніи, Маріампольской—коллежскій ассессоръ Соловьевичъ—въ С.-Петербургъ и Варшаву и Харьковской 2-й—статскій совѣтникъ Сяворцовъ—въ Москву и С.-Петербургъ; директора прогимназій: Острогской—статскій совѣтникъ Вѣлицкій—въ Таврическую губернію, Елисаветградской, коллежскій совѣтникъ Балыкъ и Теодосійской Виноградовъ—оба въ разныя губерніи; директора реальныхъ училищъ: Костромскаго, статскій совѣтникъ Булгакъ, Тульскаго статскій совѣтникъ Зерновъ, Николаевскаго Александровскаго статскій совѣтникъ Тарапыгинъ, Херсонскаго статскій

совѣтникъ Месняевъ, Севастопольскаго Константиновскаго коллежскій совѣтникъ Урусовъ, Мелитопольскаго надворный совѣтникъ Милашевичъ, Камышинскаго титулярный совѣтникъ Германъ и Ловичскаго Поповъ; директоры учительскихъ институтовъ: Казанскаго дѣйствительный статскій совѣтникъ Парамоновъ и Феодосійскаго дѣйствительный статскій совѣтникъ Ленцъ и начальника Кишиневской женской гимназій Лазо,—всѣ въ разныя губерніи. Изъ нихъ Геегъ и Бѣлицкій по болѣзни,

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года и двадцать три дня: директоръ Иваново-Вознесенскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бордюговъ, на Кавказъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года и двадцать восемь дней: директоры С.-Петербургскихъ гимназій: I-й дѣйствительный статскій совѣтникъ Чистяковъ—въ Ярославскую губернію, II-й дѣйствительный статскій совѣтникъ Смирновъ—въ г. Гапсаль; послѣдній по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г. и двадцать девять дней: директоры гимназій: Императорской Николаевской Царскосельской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пискаревъ и Казанской III-й, дѣйствительный статскій совѣтникъ Островскій—въ разныя губерніи; изъ нихъ первый по болѣзни.

На два мѣсяца и двадцать три дня: директоръ Казанскаго ветеринарнаго института, статскій совѣтникъ Ланге—въ Финляндію и другія мѣста Россіи, по болѣзни.

На четыре мѣсяца: причисленные къ министерству народнаго просвѣщенія: Дмитревскій и графъ Соллогубъ, оба въ разныя губерніи, изъ нихъ второй по болѣзни.

б) въ Россіи и за границу: на лѣтнее вакаціонное время: преподаватель Казанской 2-й гимназій, статскій совѣтникъ Валицкій.

в) за границу: съ 15 іюня по 1 августа 1882 г. преподаватели Бѣлостокскаго реальнаго училища де-Мобезъ и Науманъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г.: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: варшавскаго: дѣйствительные статскіе совѣтники Гоьеръ, Будзинскій и Косиенскій, статскій совѣтникъ Ефремовскій, надворный совѣтникъ Востоковъ и Павинскій, Новороссійскаго статскій совѣтникъ Лигинъ и Воеводскій; экстраординарные профессора Императорскаго Варшавскаго университета: статскіе совѣтники Лучкевичъ и Барановскій, доцентъ

сего университета, статскій совѣтникъ Вольфрингъ, и Лаборантъ того же университета, надворный совѣтникъ Лангвагенъ, ассистентъ фармакологическаго института и приватъ-доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, статскій совѣтникъ Подвисоцкій, секретарь по студентскимъ дѣламъ Императорскаго Новороссійскаго университета, коллежскій ассессоръ Брунъ, наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, коллежскій совѣтникъ Варонъ, директоръ Ананьевской гимназіи, статскій совѣтникъ Гасплъ; учителя гимназій: Ришельевской, надворный совѣтникъ Бавлинка и Радошевичъ, Симферопольской Святскій, Ананьевской Кадьяенардъ, Николаевской Александровской Иллэкъ, Одеской 2-й статскій совѣтникъ Чеховскій, Астраханской статскій совѣтникъ Томасъ, Варшавскихъ мужскихъ: III—Бондзевичъ и Дембицкій и V—Стефановичъ, IV—статскій совѣтникъ Залѣсскій, Конопчинскій, Радлинскій, Радзюкинасъ, Полкотыцкій, Квѣтневскій, Поплонскій и Познанскій, VI—Гольдбергъ, Сендзмиръ, Дикштейнъ, Красносельскій, Люблинской мужской Гостковскій, Маріапольской мужской Трохановскій, старшій учитель Митавской гимназіи Шпонгольцъ, врачъ Варшавской VI мужской гимназіи Шнабль, учителя прогимназій: С.-Петербургской 3-й Гризаръ и Струнке, Варшавской I мужской, коллежскій ассессоръ Коперницкій и Горбалъ, Варшавской II мужской Лозинскій и Грубецкій, Павлоградской Войнаръ, учитель Рижскаго городского реальнаго училища Барро, учитель Варшавской учительской семинаріи Клемке, учитель Бессарабско-Болгарскаго центрального училища Каранфиль, начальница Измаильской женской прогимназіи Зиро, учительница Евпаторійской женской прогимназіи Оболенская, учителя Варшавскаго трехкласснаго городского училища Килтъиновичъ и Хмѣлевскій, учительница Камратскаго 2-хъ класснаго женскаго училища Каранфиль; учителя начальныхъ училищъ: Плевскаго Новаковскій, Ягградскаго однокласснаго общаго Мандашъ, и Белхатовскаго посадскаго и общаго Войцѣшкевичъ. Изъ нихъ по болѣзни: Гейеръ, Будзинскій, Косинскій, Востоковъ, Павинскій, Лучкевичъ, Барановскій, Лангвагенъ, Бондзевичъ, Дембицкій, Стефановичъ, Залѣсскій, Конопчинскій, Радлинскій, Радзюкинасъ, Полкотыцкій, Квѣтневскій, Поплонскій, Познанскій, Гольдбергъ, Сендзмиръ, Дикштейнъ, Красносельскій, Гостковскій, Трохановскій, Шнабль,

Шпонгольцъ, Коперницкій, Горбаль, Лозинскій, Грубедкій, Барро, Блемке, Мандѣшъ, и Войцѣшевичесъ.

Съ 13 мая по 1 августа 1882 года: экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Андреевъ,

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года и десять дней августа: учитель Ловичскаго реального училища Геевскій, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года и четырнадцать дней: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бродовскій и учитель Варшавской IV мужской гимназіи Машевскій, оба по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г. и пятнадцать дней: преподаватель гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Ивановскій, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г., и двадцать восемь дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Дыдынскій, доцентъ Императорскаго Московскаго университета Ковалевскій, исправляющій должность доцента въ специальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, коллежскій совѣтникъ Окромчаделовъ—Серебряковъ; изъ нихъ Окромчаделовъ—Серебряковъ по болѣзни.

На четыре мѣсяца: доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета, коллежскій ассессоръ Тауберъ, сверхштатный помощникъ прозектора Императорскаго Варшавскаго университета Эльзенбергъ и врачъ Ораніенбаумскаго городского училища Котовъ, послѣдній по болѣзни.

Отчисляется отъ министерства народнаго просвѣщенія: причисленный къ сему министерству, коллежскій совѣтникъ Янчевецкій, съ 1 мая 1882 г., по случаю назначенія инспекторомъ Рижской Александровской гимназіи.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: отставному гвардіи штабсъ-капитану Воейкову и Вышеславцеву—за сдѣланныя ими пожертвованія въ пользу бѣдныхъ учениковъ Тамбовской мужской гимназіи.

3-го іюня 1882 года (№ 8). Утверждается: доцентъ Императорскаго Дерптскаго университета, докторъ богословія Бонвечъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ историческаго богословія, съ 22-го апрѣля 1882 года.

Оставляется на службѣ: ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, тайный совѣтникъ Грубе, на пять лѣтъ, съ 16-го апрѣля 1882 года.

Командируются съ ученою цѣлю: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стида—въ Витебскую, Ковенскую и Курляндскую губерніи, на лѣтнее вакаціонное время сего года.

Лаборантъ Императорскаго Казанскаго университета, титулярный совѣтникъ Пельцамъ — на низовье Волги до Астрахани, на три съ половиною мѣсяца.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: на двѣ недѣли: директоръ народныхъ училищъ Саратовской губерніи, статскій совѣтникъ Пановъ—въ разныя губерніи.

Съ 5-го іюля по 3-е августа 1882 года: директоръ Самарскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Херувимовъ—въ С.-Петербургу и Москву.

Съ 15-го іюня по 1-е августа 1882 года: директоръ народныхъ училищъ Таврической губерніи Дьяконовъ — въ Москву и С.-Петербургу.

На два мѣсяца: помощникъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Сѣрковъ—въ С.-Петербургскую и Псковскую губерніи, по болѣзни, и директоръ Екатеринбургскаго реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Ломоносовъ, съ 15-го іюня 1882 г., въ разныя губерніи.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года: деканъ медицинскаго факультета Императорскаго Московскаго университета, ординарный профессоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Селифасовскій—въ разныя губерніи; директоры гимназій: Ярославской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Звонниковъ—на Кавказъ и въ Крымъ, Варшавской 3-й мужской, дѣйствительный статскій совѣтникъ Солнцевъ, директоръ Мозырской прогимназій, статскій совѣтникъ Трофимовъ, и директоръ Ровенскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ Дзюблевскій-Дзюбенко, послѣдніе трое въ разныя губерніи; директоры учительскихъ семинарій: Вольской, статскій совѣтникъ Зимницкій—въ разныя губерніи и Преславльской, коллежскій ассессоръ Паховскій—въ С.-Петербургу и на Кавказъ. Изъ нихъ Звонниковъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года и двадцать восемь

дней: директоръ Самарской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Адіасѣвичъ -- въ разныя губерніи.

в) за границу: съ 15-го іюня по 15-е іюля 1882 года: учитель приготовительнаго класса Балтскаго однокласснаго начальнаго еврейскаго училища Францъ.

Съ 15-го іюня по 1-е августа 1882 года: учитель Могилевской гимназіи, надворный совѣтникъ Шиле.

На лѣтнее вакаціонное время по 15-е августа 1882 года: профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ленцъ.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года: ректоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Валь, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, статскій совѣтникъ Микляшевскій, лекторъ сего же университета Пржиборовскій; учителя гимназій: при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, статскій совѣтникъ Зомеръ, Лубенской—Дюранъ, Пензенской—Якобъ, Тамбовской—Полоній, Петроковской мужской—Каль, учитель главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Петра въ С.-Петербургѣ Миллеръ, учитель Курскаго реальнаго училища Де-Сидлей-Салоцци, преподаватель Сызранской женской гимназіи Нечаевъ, учительница Одесской женской прогимназіи Юргенсъ, писмоводитель Петроковской мужской гимназіи Стучинскій и врачъ сей гимназіи Ронталеръ. Изъ нихъ по болѣзни: Микляшевскій, Пржиборовскій, Якобъ, Полоній, Каль, Нечаевъ, Стучинскій и Ронталеръ.

На шесть дней и лѣтнее вакаціонное время 1882 года: ординаторъ факультетской клиники Императорскаго университета Св. Владиміра Краякъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г. и двадцать восемь дней: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ Гротъ и ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Мечниковъ.

На три мѣсяца: ординаторъ акушерской клиники Императорскаго Варшавскаго университета, лекаръ Трховскій.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: почетному попечителю Курской гимназіи, дѣйствительному статскому совѣтнику Левковичу—за сдѣланное имъ пожертвованіе на устройство отдѣльной запасной больницы для воспитан-

никовъ пансіона этой гимназіи, и почетному блюстителю Федурновскаго сельскаго 2-хъ класснаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, почетному смотрителю Духовщинскаго городскаго училища, коллежскому совѣтнику Герну—за усердіе въ пользу учебныхъ заведеній вѣдомства сего министерства.

28-го іюня 1882 года (№ 9). Утверждаются: ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тихонравовъ—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 5-го іюня 1882 года.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Загурскій—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каедрѣ римскаго права, съ 8-го апрѣля 1882 года.

Ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лица, статскій совѣтникъ Азаревичъ—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Новороссійскаго университета по каедрѣ римскаго права, съ 7-го мая 1882 года.

Экстраординарные профессора Императорскаго Харьковскаго университета, статскій совѣтникъ Яцуковичъ и надворный совѣтникъ Зеленогорскій—ординарными профессорами сего университета по каедрамъ: первый—технической химіи и послѣдній—философіи, оба съ 13-го мая 1882 г.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго университета Св. Владимира, статскій совѣтникъ Гейбель—ординарнымъ профессоромъ сего университета по занимаемой имъ каедрѣ фармакологіи, съ 31-го мая 1882 года.

Директоръ Ловичскаго реальнаго училища Поповъ—инспекторомъ студентовъ Императорскаго Варшавскаго университета.

Коллежскій совѣтникъ Май—директоромъ содержимой имъ въ С.-Петербургѣ мужской гимназіи, съ 28-го мая 1882 г.

Прозекторъ Императорскаго Варшавскаго университета, надворный совѣтникъ Аквилевъ—директоромъ Ловичскаго реальнаго училища.

Потомственный почетный гражданинъ, 1-й гильдіи купецъ Барановъ—почетнымъ попечителемъ Сергіево-Посадской прогимназіи, на три года.

Харьковскій уѣздный предводитель дворянства, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ковалевскій, статскій совѣтникъ Гордѣенко, надворный совѣтникъ Шейфманъ, предсѣдатель Харьковской гу-

бернской земской управы, гвардіи ротмистръ Бекарюковъ, потомственный почетный гражданинъ Ковалевъ и Харьковскій купецъ Акименко—членами попечительства Харьковскаго реального училища, на три года.

Мировой судья 4-го участка Нижегородскаго уѣзда Сапожниковъ, учитель Нижегородской духовной семинаріи Баулинъ, предсѣдатель биржеваго комитета Шиповъ и купецъ Курбатовъ—членами попечительства Нижегородскаго реального училища, на три года.

Потомственный почетный гражданинъ, Самарскій 1-й гильдіи купецъ Субботинъ—почетнымъ попечителемъ Самарской учительской семинаріи, на три года.

Назначаются: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, магистръ, протоіерей Дьячанъ—исправляющимъ должность ординарнаго профессора сего университета по кафедрѣ греческой словесности, съ 10-го іюня 1882 года.

Опредѣляются: коллежскій секретарь Оскаръ Лемъ — на службу въ министерство народнаго просвѣщенія, съ причисленіемъ къ оному, съ 17-го іюня 1882 года.

Оставшіеся за штатомъ канцелярскіе чиновники: канцеляріи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, губернской секретарь Петръ Ивановъ и бывшаго департамента полиціи исполнительной, коллежскій регистраторъ Александръ Никифоровъ—помощниками дѣлопроизводителей департамента народнаго просвѣщенія, оба съ 21-го мая 1882 г.

Причисляются къ министерству народнаго просвѣщенія: бывший кандидатъ на судебныя должности Московскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь Сергій Баталинъ, съ 18-го іюня 1882 года, изъ отставныхъ: надворный совѣтникъ Иванъ Вережкинъ и бывший старшій ординаторъ Кавказскаго военно-временнаго № 45 госпиталя, лѣварь Михаилъ Рабусъ, оба съ 24-го іюня 1882 г., всѣ трое съ откомандированіемъ въ распоряженіе начальства Московскаго учебнаго округа.

Оставляются на службѣ: заслуженный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пѣховскій, еще на три года.

На пять лѣтъ: исправляющій должность экстраординарнаго профессора Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, статскій совѣтникъ Лазаревъ, съ 20-го января 1882 года.

Заслуженный ординарный профессор Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Васильевъ, съ 16-го іюня 1882 г.

Командируются: директоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ильинъ—по 1-е августа 1882 г., въ Москву.

Ординарные профессора Императорскихъ университетовъ, С.-Петербургскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Иностранцевъ и Московскаго — статскій совѣтникъ Борзенковъ—по 1-е сентября 1882 г., въ разныя губерніи.

Заслуженный сверхштатный ординарный профессор Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вагнеръ и ординарный профессор Императорскаго Казанскаго университета статскій совѣтникъ Штукенбергъ, первый въ Архангельскую и второй въ Пермскую и Уфимскую губерніи—оба по 15-е сентября 1882 года.

Бывшій учитель Виленской гимназіи Латышевъ—на одинъ годъ, на югъ Россіи.

Продолжается срокъ отпуска: директору Царицынской Александровской прогимназіи, статскому совѣтнику Третьякову — на двадцать восемь дней въ Крымъ.

Увольняются въ отпускъ: а) въ Россіи: на четырнадцать дней: директоръ Саратовской гимназіи, статскій совѣтникъ Лакомте, въ Москву.

На пятнадцать дней: директоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Ильинъ.

На двадцать дней: директоръ Бѣльской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Розановъ, въ Москву.

Съ начала лѣтняго вакаціоннаго времени и по 1-е іюля 1882 года: директоръ Слуцкой гимназіи, статскій совѣтникъ Носовичъ, во внутреннія губерніи, по болѣзни.

На двадцать одинъ день: директоръ Демидовскаго юридическаго лицея, тайный совѣтникъ Капустинъ, въ Архангельскую губернію.

На двадцать восемь дней: ректоръ Императорскаго университета Св. Владиміра, дѣйствительный статскій совѣтникъ Рахманиновъ, въ Москву и С.-Петербургъ, окружный инспекторъ Кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шульженко,

въ Полтавскую губернію, директоръ Тульской гимназіи, статскій совѣтникъ Куликовъ, въ С.-Петербургѣ, директоръ Казанскаго реальнаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Орловъ, въ Москву, и директоръ народныхъ училищъ Вятской губерніи, статскій совѣтникъ Нурминскій, въ разныя губерніи.

На мѣсяцъ: предсѣдатель Виленскихъ комиссій: для разбора древнихъ актовъ и по устройству и управленію Виленской публичной библиотеки и музея, дѣйствительный статскій совѣтникъ Головацкій, въ Могилевскую губернію, и исправляющій должность директора Благовѣщенской учительской семинаріи, коллежскій ассессоръ Поповъ, въ Казань и Астрахань.

Съ 1-го іюля по 7-е августа 1882 г.: директоръ Коломенской прогимназіи, коллежскій совѣтникъ Буслаевъ, въ Московскую губернію.

На мѣсяцъ и десять дней: директоръ Воронежской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Захаровъ, въ Московскую и Харьковскую губерніи.

На шесть недѣль: членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, причисленный къ сему министерству, статскій совѣтникъ Гришинъ, въ Московскую и Новгородскую губерніи.

На полтора мѣсяца: начальникъ Сувалкской учебной дирекціи, статскій совѣтникъ Абрамовичъ, въ г. Псковѣ, и директоръ народныхъ училищъ Псковской губерніи, коллежскій совѣтникъ Скл я ровъ въ разныя губерніи; послѣдній по болѣзни.

На мѣсяцъ и двадцать четыре дня: директоръ Ростовскаго на Дону реальнаго училища, коллежскій совѣтникъ Балдинъ, въ Крымъ и на Кавказѣ, по болѣзни.

По 7-е августа 1882 года: директоры гимназій: Кишиневской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Соловьевъ и Таганрогской—дѣйствительный статскій совѣтникъ Рейтлингеръ и директоръ Ростовской на Дону прогимназіи, надворный совѣтникъ Филипповъ, въ разныя губерніи.

На два мѣсяца: чиновникъ особыхъ порученій V-го класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кладо, во внутреннія губерніи, почетные попечители гимназій: Рижельевской—дѣйствительный статскій совѣтникъ графъ Толстой, въ разныя губерніи, и Ананьевской мужской—Корбе, въ Москву и С.-Петербургѣ, директоръ народныхъ училищъ Курской губерніи, статскій совѣтникъ Котляровъ, въ разныя губерніи, причисленный къ ми-

нистерству народнаго просвѣщенія, членъ ученаго комитета сего министерства, статскій совѣтникъ Игнатовичъ, въ Лифляндскую и Тульскую губерніи и дѣлопроизводитель VIII-го класса департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ Ивановъ, въ Екатеринбургскую и Таврическую губерніи; изъ нихъ Котляровъ и Ивановъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года: ректоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—тайный совѣтникъ Бекетовъ, въ Московскую губернію, и Варшавскаго — тайный совѣтникъ Благовѣщенскій, въ разныя губерніи, профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, статскій совѣтникъ Красновскій, въ разныя губерніи, директора гимназій: С.-Петербургской третьей — тайный совѣтникъ Лемониусъ, въ С.-Петербургскую губернію, Московской пятой—статскій совѣтникъ Басовъ, въ Московскую и южныя губерніи, Бѣльской мужской — статскій совѣтникъ Левитскій, и Усть-Медвѣдицкой—Миротворцевъ, послѣдніе двое въ разныя губерніи, директора прогимназій: С.-Петербургской пятой—коллежскій совѣтникъ Моръ, въ Остзейскія губерніи, и Прилуцкой—Вороной, директора реальныхъ училищъ: Вологодскаго Александровскаго—статскій совѣтникъ Маакъ, Московскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Кривоносовъ, Саратовскаго Александро-Маріинскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Мерцаловъ, Курскаго—статскій совѣтникъ Радкевичъ, при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла въ Одессѣ—Мертенсъ, всѣ шестеро въ разныя губерніи, и Вольскаго — статскій совѣтникъ Можайскій, въ С.-Петербургъ и Москву, начальница Орловской Николаевской женской гимназіи Никитина, въ разныя губерніи, директоръ Коммиссаровскаго техническаго училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Зенгбушъ, въ Лифляндскую губернію, директора учительскихъ институтовъ: Виленскаго — статскій совѣтникъ Крачковскій, въ Виленскую и Московскую губерніи, и Екатеринбургскаго въ г. Тамбовѣ — статскій совѣтникъ Поповъ, въ разныя губерніи, и инспекторъ Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Карповъ, въ разныя губерніи. Изъ нихъ Басовъ, фонъ-Зенгбушъ и Поповъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года и пятнадцать дней: директоръ Минской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стефани, въ разныя губерніи, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года и двадцать дней:

директоръ С.-Петербургской Ларинской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кноррингъ, въ разныя губерніи, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года и двадцать восемь дней: директоръ Виленскаго еврейскаго учительскаго института, надворный совѣтникъ Котельниковъ, во внутреннія губерніи, по болѣзни.

На четыре мѣсяца: директоръ Сувалкской мужской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лялинъ и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ Толмачевъ, въ разныя губерніи, по болѣзни.

б) въ Россіи и за границу: на два съ половиною мѣсяца: директоръ мужской частной гимназіи въ С.-Петербургѣ, коллежскій совѣтникъ Май, по болѣзни.

На четыре мѣсяца: почетный смотритель С.-Петербургскаго Андреевскаго городскаго училища, коллежскій ассессоръ Бенардаки, по болѣзни.

и в) за границу: на четырнадцать дней: экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира, коллежскій совѣтникъ Тритчель.

На двадцать восемь дней: бухгалтеръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, коллежскій совѣтникъ Кригеръ, по болѣзни.

На мѣсяцъ: регистраторъ Императорской публичной бібліотеки, коллежскій совѣтникъ Миллеръ.

На полтора мѣсяца: доцентъ Императорскаго Харьковскаго университета Куплеваскій.

На два мѣсяца: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вериго, профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, статскій совѣтникъ Бейльштейнъ, бібліотекари Императорской публичной бібліотеки, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вальтеръ и статскій совѣтникъ Страховъ, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассессоръ Луніакъ и классная воспитательница Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища Волкова; изъ нихъ Вериго и Бейльштейнъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 года: ординарные профессора Императорскаго Харьковскаго университета, тайный совѣтникъ Грубе и статскіе совѣтники Лашкевичъ и Лазаревичъ, экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета

Лагорио, лекторъ сего университета Плонскій, профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, коллежскій ассессоръ Вылежинскій, профессора рижскаго политехническаго училища: Гильбичъ, Вольфъ, Дфуль, Бекъ и Ловисъ, учителя гимназій: Варшавскихъ мужскихъ: III—Бобрукъ, IV—коллежскій секретарь Наркевичъ и VI—Давидъ, Калишской мужской Смогоржевскій, законоучители римско-католическаго исповѣданія мужскихъ гимназій: Люблинской, священникъ Свидзинскій, Холмской, священникъ Шимонскій и Петроковской, священникъ Ваберскій, Варшавскаго реального училища, священникъ Стояковскій и Сядомирской мужской прогимназіи, священникъ Куклинскій, учителя реальныхъ училищъ: Екатеринославскаго—Гонсбергеръ и Курскаго—Мурановъ, учителя прогимназій: Черкасской мужской—Грабовичъ и Замостской женской—Ячиновскій, преподаватель Варшавскаго рисовальнаго класса Герсонъ, учитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, коллежскій ассессоръ Михальскій и учитель 1-го Блендовскаго начальнаго училища, Гроецкаго уѣзда Сулекъ. Изъ нихъ: Плонскій, Бобрукъ, Смогоржевскій, Стояковскій, Свидзинскій, Шимонскій, Ваберскій, Куклинскій, Ячиновскій, Герсонъ, Михальскій и Сулекъ по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г. и десять дней: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Лямбль.

На двадцать одинъ день и лѣтнее вакаціонное время 1882 г.: учитель Варшавской 1-й мужской гимназіи, коллежскій совѣтникъ Суворовъ, по болѣзни.

На лѣтнее вакаціонное время 1882 г. и двадцать восемь дней: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пѣховскій.

По 15-е сентября 1882 г.: консерваторъ минералогическаго кабинета Императорскаго С.-Петербургскаго университета, титулярный совѣтникъ Романовскій и исправляющій должность ученаго кузнеца Дерптскаго ветеринарнаго института, коллежскій ассессоръ Гросманъ.

На четыре мѣсяца: окружный инспекторъ Одесскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пятинъ и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ Бороздинъ, изъ нихъ Пятинъ по болѣзни.

Уволяются согласно прошеніямъ: ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Мечниковъ и инспекторъ народныхъ училищъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи сихъ училищъ губерній Кіевской, Подольской и Волынской, статскій совѣтникъ Сомчевскій—отъ службы.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія: архимандриту Вышинской пустыни Аркадію,—за пожертвованія его въ пользу Шаморчскаго сельскаго начальнаго народнаго училища, Шацкаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

Почетному блюстителю двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Мархоткинѣ, Ельнинскаго уѣзда, Смоленской губерніи, дѣйствительному статскому совѣтнику Базилевскому — за пожертвованіе въ пользу сего училища.

Сарапульскому благотворительному обществу и особенно предсѣдателю онаго, дѣйствительному статскому совѣтнику Александрову—за попеченіе о бѣдныхъ учащихся въ Сарапульскихъ реальномъ училищѣ и женской гимназіи.

Исключается изъ списковъ умершій: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра, тайный совѣтникъ Матвѣевъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. министромъ, постановлено: книгу „Школьный вопросъ“. Статьи въ защиту классической системы образованія, начатыя печатаніемъ въ „Варшавскомъ дневникѣ“ 1880 г. Составилъ Суворовъ. Варшава, 1882 г. Цѣна 70 коп.,—рекомендовать бібліотекамъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Cours élémentaire méthodique et pratique de la langue française“, par E. Varon. Première partie. Troisième édition, revue et corrigée. St.-Pétersbourg. 1882. „Элементарный методическій и практическій курсъ французскаго языка, составленный Е. Варономъ.“

Часть первая. Третье изданіе, пересмотрѣнное и исправленное. С.-Петербургъ. 1882 г.). Цѣна 75 коп.—допустить въ качествѣ учебнаго руководства по французскому языку.

— Оба выпуска книги: „Учебникъ русской грамматики“. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ В. Ивановъ. Москва. 1881 г.—одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи русскаго языка для гимназій и реальныхъ училищъ и какъ учебное руководство для учительскихъ семинарій.

VI. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено: изданія: „Правильное (раціональное) пчеловодство“, его выгодность, его задачи и средства. Изданіе Императорскаго вольнаго экономическаго общества. А. М. Бутлерова. С.-Петербургъ. 1882 г. Цѣна 5 коп. и „Пчеловодство“. Изданіе Императорскаго вольнаго экономическаго общества (таблица рисунковъ). С.-Петербургъ. 1882 г.—допустить въ ученическія бібліотеки городскихъ и народныхъ училищъ.

— Составленную Э. Подоба книгу: „Русская типо-литографированная христоматія“, для чтенія въ приготовительныхъ и первыхъ классахъ гимназій и въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Москва. 1882 г. Ц. 30 к.—допустить въ бібліотеки народныхъ училищъ.

— Составленную А. Погоскимъ книгу: „Мірскія дѣтки“, повѣсть, изд. 3-е С.-Пб. 1881 г. Ц. 10 к.—допустить для народнаго чтенія.

— Составленные В. Формановскимъ книги: 1) „Книжка для волостныхъ старшинъ“. Изд. 3-е. Симбирскъ, 1879. Ц. 30 к. 2) „Книжка о мировомъ судѣ“. Изд. 2-е. Симбирскъ 1879. Ц. 15 к. 3) „Книжка для волостныхъ судей о волостномъ судѣ“. Изд. 3-е. Симбирскъ, 1879. Ц. 15 к. и 4) „Книжка для земскихъ гласныхъ“. Изд. 2-е. Симбирскъ, 1879. Ц. 15 к.—допустить въ бібліотеки народныхъ училищъ.

— Составленную И. Смирновымъ книгу: „Родное“. Разказы

для дѣтей, съ раскрашенными картинками Н. Мартынова. Москва, 1882 г.—допустить въ библіотеки народныхъ училищъ.

— Допустить въ учительскія библіотеки городскихъ и народныхъ училищъ слѣдующія изданія: 1) „Сочиненія В. А. Жуковскаго“, 6 томовъ, цѣна 9 руб., 2) „Сочиненія М. Ю. Лермонтова, 2 тома, цѣна 4 руб.“ и 3) „Фрегатъ Паллада“, И. А. Гончарова, 2 тома, цѣна 4 руб.

— 1) ABC czyli nauka czytania i pisania. August Ieske. — Wy-danie trzecia. Warszawa. Цѣна 45 коп.

2) Skladnia. Dzial 1. Napisał Henryk Wernic. Warszawa. 1881 г. Цѣна 40 к.

3) Mata grammatyka języka polskiego. Wytozył August Ieske Wy-danie trzecia. Warszawa 1879 г. Цѣна 45 к.

4) Wypisy polskie. Stopien' i Vtorge August Ieske. Wydanie drugie poprawne. Warszawa 1879 г. Цѣна 50 коп.—допустить для употребленія въ первоначальныхъ училищахъ Варшавскаго учебнаго округа, сообразно тому, гдѣ они окажутся соответственными, какъ руководства или какъ пособія.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Государь Императоръ по положенію комитета гг. министровъ, въ 11-й день сего іюня, Высочайше соизволилъ на устройство VII съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ г. Одессѣ съ 18 по 28 августа сего года.

—Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) уменьшить размѣръ платы за ученіе въ Вѣрненской мужской гимназій, съ начала будущаго 1882—1883 учебнаго года, въ пригготовительномъ классѣ до двѣнадцати руб. и въ нормальныхъ классахъ до двадцати руб. въ годъ съ каждаго ученика; 2) установить плату за ученіе во вновь открываемомъ, съ начала 1882—1883 учебнаго года, 6-тиклассномъ Поневѣжскомъ реальномъ училищѣ по тридцати рублей съ каждаго ученика; 3) закрыть параллельное отдѣленіе при III классѣ Одесской третьей гимназій и открыть, взазмѣнъ онаго, съ начала будущаго 1882—1883 учебнаго года, таковое отдѣленіе при IV классѣ названной гимназій, съ отнесеніемъ потребнаго для сего расхода на спеціальныя средства гимназій; 4) открыть съ начала 1882—1883 учебнаго года, параллельное отдѣленіе при

IV классѣ Рижской Александровской гимназіи, съ отнесеніемъ потребнаго для сего расхода на спеціальныя средства гимназіи; 5) открыть при VII классѣ Кишиневской мужской гимназіи, съ начала 1882—1883 учебнаго года, параллельное отдѣленіе, взамѣнъ такового же при I-мъ классѣ названной гимназіи, и 6) открыть, съ начала 1882 — 1883 учебнаго года, первый классъ при Калужскомъ реальномъ училищѣ, съ отнесеніемъ потребнаго на содержаніе сего класса расхода на средства мѣстныхъ городской думы и губернскаго земства по равной части.

— По донесенію г. попечителя Харьковскаго учебнаго округа, на усиленіе средствъ Рыдльской женской прогимназіи въ 1881—1882 учебномъ году поступили слѣдующія пожертвованія отъ членовъ попечительнаго совѣта сей прогимназіи и частныхъ лицъ:

1) С. И. Вязмитинова — картины по Священной Исторіи, цѣною въ 25 руб. и деньгами сто рублей, 2) А. Ф. Полянской — стѣнныя географическія картины, стоящія 13 р., и сто р. деньгами, 3) С. В. Филимонова, 4) В. А. Ильинская, 5) В. Н. Сильверстанъ, 6) С. А. Гольмбергъ, 7) П. С. Варопановъ, 8) М. С. Деменковъ, 9) М. И. Кореневъ, 10) А. А. Вязмитиновъ, 11) П. П. Афанасенко, 12) Н. И. Рыловниковъ, 13) Н. И. Поповкина 14). О. П. Филимонова, 15) Е. П. Аристархова, 16) К. Н. Жижина, 17) А. П. Выходцева, 18) С. А. Терещенко, 19) И. А. Выходцевъ, и 20) И. В. Васьяновъ—внесли по сту руб. серебромъ каждый.

Землевладѣлецъ Лаврентьевъ пожертвовалъ разныхъ книгъ и учебныхъ пособій на сумму около пятидесяти руб. сер., и любителями музыки отъ музыкальнаго вечера для приобрѣтенія рояля для прогимназіи внесено шестьдесятъ семь руб. сереб.

ЧЕРТЫ СТАРИНЫ ВЪ СКАЗАНИЯХЪ И БЫТЪ ОСЕТИНЪ.

Между всѣми народцами сѣвернаго Кавказа Осетины всѣхъ болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманіе ученыхъ. Рядъ ученыхъ и путешественниковъ, Клапротъ, Дюбуа-дѣ-Монперѣ, Гакстгаузенъ, Сентъ-Мартенъ, Розентъ, Шёгрень, Шифнеръ и др., съ особеннымъ интересомъ останавливались на Осетинахъ, сообщали свѣдѣнія о ихъ языкѣ, бытѣ, нравахъ и преданіяхъ. Такой интересъ, вызываемый небольшимъ горнымъ народцемъ, не выдающимся по уровню культуры надъ многочисленными другими горными народцами Кавказа, объясняется, конечно, тѣмъ любопытнымъ и вполне установленнымъ фактомъ, что Осетины принадлежатъ къ народамъ нашей индо-европейской семьи, и именно къ ея иранской вѣтви. Встрѣчая въ горныхъ тущобахъ нашихъ сородичей, замкнутыхъ со всѣхъ сторонъ народами, чуждыми имъ по языку и типу ¹⁾, мы естественно заинтересовываемся прошлымъ этого народа, и у насъ является рядъ вопросовъ, на которые желалось бы получить отвѣтъ: Какая судьба загнала Иранцевъ-Осетинъ въ нынѣшнія мѣста ихъ поселенія и оторвала ихъ отъ другихъ Иранскихъ народовъ? Какое воспоминаніе сохранили они о своемъ прошломъ? Какія свѣдѣнія сохранились о нихъ въ историческихъ документахъ? Каковъ складъ ихъ жизни, каковы ихъ религіозныя воззрѣнія? Какое мѣсто занимаетъ ихъ языкъ въ группѣ иранскихъ языковъ? Каковы произведенія ихъ народнаго творчества? и т. п.

¹⁾ Осетины замкнуты съ востока Чеченцами, съ юга Грузинами, съ запада тюркскими обществами Кабарды, съ сѣвера Кабардинцами.

На нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ можно найти отвѣты въ сочиненіяхъ, посвященныхъ языку и быту Осетинъ. Научному изученію ихъ языка положено основаніе грамматикой академика Шегрена; много свѣдѣній о бытѣ, обычаяхъ и повѣрьяхъ Осетинъ собрано въ разныхъ изданіяхъ, главнымъ образомъ въ Сборникѣ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ, въ Сборникѣ свѣдѣній о Кавказѣ, въ Сборникѣ свѣдѣній о Терской области и другихъ; осетинскія богатырскія (нартскія) сказанія, преданія, сказки напечатаны въ 1-ой части моихъ Осетинскихъ этюдовъ (Москва 1881); на нѣкоторые другіе изъ перечисленныхъ вопросовъ я постараюсь дать отвѣтъ во второй части моихъ Этюдовъ. Въ настоящей же статьѣ я желаю бы обратить вниманіе только на тѣ черты въ осетинскихъ сказаніяхъ и бытѣ, которыя представляютъ любопытный образчикъ фактовъ такъ-называемаго переживания (survivals у Тэйлора). Я заимствую эти факты изъ богатырскихъ сказаній и изъ нѣкоторыхъ обрядовъ. Но считаю предварительно излишнимъ дать нѣкоторое понятіе объ осетинскомъ эпосѣ.

Самый важный отдѣлъ между произведеніями осетинскаго эпического творчества составляютъ такъ-называемыя нартскія сказанія, соотвѣтствующія нашимъ былинамъ о богатыряхъ. Имя нартъ — богатырь — хорошо извѣстно народамъ сѣвернаго Кавказа: Кабардинцамъ (нартъ), Чеченцамъ (нартъ) Аварцамъ, Кумыкамъ и пр. Всѣ эти народы думаютъ, что раньше нынѣшняго поколѣнія людей въ ихъ странахъ жили богатыри, совершавшіе разные удивительные подвиги силы и храбрости. Многія имена нартовъ общи у Кабардинцевъ, Балкарцевъ и Осетинъ: всѣ три народа знаютъ нартовъ Хамица, Сосруко, Батраза, Сирдона и хитроумную богатыршу Сатану. При первомъ знакомствѣ съ осетинскими нартскими сказаніями, кажется, что они прикрѣплены къ почвѣ Осетіи: напримѣръ, по дорогѣ въ аулъ Стырь-Дигоръ, при поворотѣ въ долину рѣки Уруха, близъ аула Наръ мнѣ показывали каменную погребальную комнату, внутри которой покоится исполинскій остовъ, и называли ее могилой нарта Сослана; недалеко отсюда же виднѣтся овальная площадка, обложенная камнями: по словамъ мѣстнаго населенія, это нарты ныхасъ — нартское сборище, то-есть, мѣсто, гдѣ собирались они на совѣтъ, предпринимая какой-нибудь удалый набѣгъ; въ аулѣ Стырь-Дигоръ живетъ родъ Хамицевыхъ, производящій себя отъ извѣстнаго въ сказаніяхъ богатыря Хамица; главные святилища Осетинъ — Рекомъ и Мыкалыгабуртэ, явились, по преданію, отъ слезъ, пролитыхъ Богомъ

о смерти нарта Батраза ¹⁾). Но эти приурочиванія имѣютъ не большее значеніе, чѣмъ наши народныя приурочиванія именъ богатырей къ извѣстнымъ мѣстностямъ: такъ у насъ на сѣверѣ показываютъ могилу Святорага, въ Муромскомъ уѣздѣ—родникъ, выбитый конемъ Ильи Муромца, въ Кіевѣ—даже монца этого богатыря. Подобно Осетинамъ, Кабардинцы и Балкарцы указываютъ слѣды богатырей въ своихъ областяхъ. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ г. Урусбиевъ, издавшій въ русскомъ изложеніи четыре балкарскія нартекія сказанія ²⁾. „Памятниковъ, свидѣтельствующихъ о существованіи нартовъ въ Кубанской области, очень много. Мыъ разказывали очевидцы, что при впаденіи рѣки Тиберды въ Кубань, близъ Хумаринскаго укрѣпленія, находится на одной высокой скалѣ большой замокъ, носящій названіе „Чуана“. По преданіямъ, въ немъ нѣкогда жилъ нартъ Гиляхсыртанъ злоязычный ³⁾. Близъ Чуана лежитъ большой камень, называемый камнемъ нарта Сосруко. По одному сказанію, Сосруко вѣхалъ на этотъ камень на своей лошади, и она оставила на немъ слѣды своихъ копытъ“ ⁴⁾.

Въ настоящее время, когда только что начали собирать и записывать кавказскія нартекія сказанія, когда сравнительно немногія изъ нихъ изданы на мѣстныхъ языкахъ, когда еще не начата детальная разработка этого эпического матеріала, конечно, еще рано дѣлать выводы о значеніи эпоса для древней исторіи Кавказскихъ народовъ. А между тѣмъ уже явились попытки пользоваться подобными сказаніями для исторіи. Такъ д-ръ Пфафъ, прилежный изслѣдователь юридическаго быта Осетинъ, пользуется сказаніями изъ „эпопеи“ о Батразѣ, какъ источникомъ для ранней исторіи Осетинъ. Онъ собираетъ безъ всякой критики отдѣльныя богатырскія похождения, въ которыхъ участвуетъ нартъ Батразъ, считая ихъ отрывками одной эпопеи, созданной за двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ, и приходитъ къ неожиданному выводу, что эта эпопея „заключаетъ въ себѣ самую достовѣрную исторію Осетинъ отъ ея начала до конца феодальнаго вѣка“ ⁴⁾. Батразъ, по мнѣнію г. Пфафа, „не представляетъ одного недѣлимаго,—онъ типъ человѣка и представитель цѣлой

¹⁾ См. наши Осетинскіе Эпюды, I, стр. 8.

²⁾ См. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. I, отд. II (1881 г.).

³⁾ См. тамъ же, стр. 111.

⁴⁾ См. Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, т. I, стр. 171.

народности индо-европейскаго происхожденія. Онъ пришелъ на Кавказъ, и поселившись среди туземцевъ, занималъ сначала весьма подчиненное положеніе; но потомъ, когда выказались его необыкновенныя, въ сравненіи съ общимъ уровнемъ туземцевъ, нравственныя и умственныя достоинства, онъ завоевалъ себѣ почетное положеніе и даже сталъ гордымъ повелителемъ народа ¹⁾а.

Не менѣе фантастичны и воззрѣнія Шора-Бекмурзинъ-Ногмова, автора исторіи Адыгейскаго народа, на черкесскія сказанія о нартахъ ²⁾.

Ногмовъ старается найти въ именахъ разныхъ кабардинскихъ нартовъ воспоминанія объ историческихъ лицахъ, имѣвшихъ влияние на жизнь Адыгейскаго народа. Такъ, напримѣръ, въ нартѣ Сосруко (иначе Ссосироко или Коссирихъ) онъ усматриваетъ имя Кесаря, а въ черкесскомъ преданіи о чудесномъ рожденіи Сосруко изъ камня—отголоски римскаго преданія о рожденіи Юлія Цезаря (цезарское съѣченіе), будто бы занесеннаго нѣкогда къ Черкесамъ.

Оставляя въ сторонѣ всѣ увлеченія кавказскимъ богатырскимъ эпосомъ и мечтанія найти въ немъ необыкновенныя историческія откровенія, мы можемъ только сказать, что этотъ эпосъ, весьма богатый по содержанію, заслуживаетъ серьезнаго изученія. Раздѣляя судьбу всѣхъ устныхъ произведеній, онъ содержитъ въ себѣ массу подновленій, смѣшеній именъ, но все же содержитъ много древняго, нѣкоторыя историческія воспоминанія и такія черты быта, которыя уже отжили свой вѣкъ.

Значеніе кавказскаго эпоса, на нашъ взглядъ, опредѣляется значеніемъ той мѣстности, на которой совершаются подвиги нартовъ. Кабардинскіе нарты не ограничиваютъ свою богатырскую дѣятельность нынѣшними предѣлами Кабарды: они совершаютъ обыкновенно набѣги къ рѣкамъ Тану (Дону) и Идылю (Эдилю, Волгѣ). Въ осетинскихъ нартскихъ сказаніяхъ, вслѣдствіе многовѣковой замкнутости Осетинъ въ горахъ, куда они были вытѣснены изъ плоскости Кабардинцами, мѣстомъ похождения нартовъ уже являются горы, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма часто нарты совершаютъ свои походы внѣ ны-

¹⁾ Тамъ же, стр. 170.

²⁾ Изд. въ Тюлисъ, въ 1861 г. г. Берге и имъ же съ нѣмецкой передѣлкѣ въ Лейпцигѣ, въ 1866 г. подъ заглавіемъ: *Die Sagen und Lieder des Tscherkessen-Volks gesammelt vom Kabardiner Schora-Bekmursin-Nogmov, bearbeitet und mit einer Vorrede versehen von Adolf Bergé.*

нѣшнихъ предѣловъ Осетии въ Касажской равнинѣ (Касаджи быдир), то-есть, въ Кабардинской низменности, прежней родинѣ Осетинъ. Такимъ образомъ въ нартскихъ сказаніяхъ сохранились намеки на древнее географическое расположеніе нижнѣшнихъ народовъ. Нартскій эпосъ можно назвать сѣверо-кавказскимъ. Мы можемъ пока оставить въ сторонѣ вопросъ, какой именно изъ сѣверо-кавказскихъ народовъ создалъ главные типы нартвовъ ¹⁾. Но важно указать на то, что многія личности богатырей равно знакомы сосѣднимъ кавказскимъ народамъ. Многовѣковое сосѣдство, одинаковый складъ жизни, постоянныя военныя и мирныя сношенія, все это распространило одни и тѣ же нартскіе типы и эпические мотивы на равнинѣ сѣвернаго Кавказа, откуда впоследствии они перешли и въ горы. Вслѣдствіе географическихъ условій складъ жизни на сѣверномъ Кавказѣ не измѣнялся въ теченіе многихъ столѣтій. Въ этой равнинѣ, на этомъ перепутьѣ изъ Азіи въ Европу, не могла ни въ древнія времена, ни въ средніе вѣка возникнуть прочная и осѣдлая культура. Въ глубокой древности на сѣверѣ отъ этихъ мѣстъ двигалась въ Европу часть Индо-Европейскихъ народовъ. Вступая въ Европу черезъ естественныя ворота между южными отрогами Урала и сѣвернымъ побережьемъ Каспійскаго моря, Индо-Европейскія племена стремились къ Черному морю, и переходя южно-русскія рѣки, двигались все далѣе на западъ, постоянно подталкивая другъ друга. Такіе Индо-Европейскіе народы, послѣдніе изъ тѣхъ, которыхъ отпустила Азія въ Европу, являются за нѣсколько столѣтій до нашей эры подъ названіями Скивоувъ и Сарматовъ у классическихъ писателей. Затѣмъ, когда движеніе Индо-Европейцевъ завершилось, начинаютъ изъ Азіи двигаться той же дорогою народы другаго племени—Угро-Финны и Урало-Алтайцы. Какую же роль при этихъ движеніяхъ игралъ сѣверный Кавказъ? Можно сказать положительно, что Кавказъ былъ аsylum для всѣхъ тѣхъ народовъ и народцевъ, которые по историческимъ обстоятельствамъ искали защиты отъ напора болѣе сильныхъ народовъ, для всѣхъ тѣхъ, которые были сбиты на югъ отъ торнаго пути народовъ и попадали, какъ бы въ тупикъ, въ то пространство, которое географически обведено естественными и трудно переходимыми границамя—на востокѣ Каспіемъ, на западѣ Мэотидой и Понтомъ, на югѣ высокою стѣной Кавказскаго

¹⁾ Личное наше мнѣніе въ данномъ случаѣ то, что кабардинскій эпосъ сильно повліялъ на осетинскій, а послѣдній и кабардинскій—на сказанія Балгарцевъ. Но конечно, это не болѣе, какъ догадка.

хребта. Только этимъ соображеніемъ можно объяснить себѣ удивительную многочисленность и разнообразіе Кавказскихъ народовъ. Кавказъ принималъ въ себя остатки всѣхъ тѣхъ племенъ, которыя вѣ-
 когда бродили по сѣверной плоскости подъ разными именами, быстро
 являющимися и исчезающими у классическихъ географовъ, и были
 разбиваемы и загоняемы на югъ постояннымъ натискомъ все новыхъ
 и новыхъ выселенцевъ изъ Азіи. При постоянномъ движеніи народовъ
 въ сѣверо-кавказскихъ степяхъ въ теченіе многихъ столѣтій не могло
 возникнуть культурнаго прогресса: всякій народъ при давнихъ усло-
 віяхъ долженъ былъ вести одинъ и тотъ же образъ жизни; онъ со-
 хранилъ типъ кочевника, разбойника, удалаго наѣздника, врага мир-
 ныхъ занятій земледѣлія, вѣчно предпринимающаго воровскіе набѣги
 на сосѣдей. Возьмемъ ли мы Сармата времешъ Геродота, Алабина—
 временъ Амміана Марцеллина или Осетина недавняго прошлаго,—во
 всѣхъ нихъ окажутся знакомыя черты этого типа. Два тысячелѣтія
 въ культурномъ отношеніи прошли безслѣдно и не потому, чтобы по
 расѣ Осетины не были способны къ культурѣ—они несомнѣнно
 Индо-Европейцы,—а потому, что складъ ихъ жизни сложился подъ
 вліяніемъ такихъ физическихъ условій, которыя преодолѣть было не
 возможно. Этою упорною стойкостью въ складѣ жизни и понятіяхъ
 опредѣляется интересъ сѣверо-кавказскаго эпоса. Нѣтъ ничего уди-
 вительнаго, если въ сказаніяхъ, записанныхъ на сихъ дняхъ, мы
 найдемъ отголоски и слѣды такихъ понятій и такого быта, которыя
 мы узнаемъ, напримѣръ, въ извѣстіяхъ Геродота о Скивахъ и Сар-
 матахъ, и найдемъ такія черты рядомъ съ упоминаніемъ пущекъ и
 пистолетовъ.

Въ сказаніи о Созрыко ¹⁾ разказывается, что этотъ вартъ, побѣ-
 дивъ богатыря Элтагана, срѣзалъ у него скальпъ. Приѣхавъ въ варт-
 скій аулъ послѣ походовъ, онъ собралъ всѣхъ дѣвокъ и молодухъ
 и сказалъ имъ: „Скроите мнѣ шубу изъ головныхъ волосъ и усовъ“.
 И увидѣли молодухи, что Созрыко вынесъ кожи отъ головъ и усовъ.
 Одна говорила: „Это скальпъ моего отца“. Другая говорила: „Это кожа
 съ усами моего брата“. Третья говорила: „Это кожа съ головы моего
 мужа“. И сказали онѣ ему: „Завтра утромъ мы придемъ“. Утромъ онѣ
 пришли къ нему и скроили шубу. Потомъ пошли къ колдунѣ и ска-
 зали: „Мы скроили Созрыко шубу изъ головныхъ кожъ нашихъ от-
 цевъ, изъ усовъ нашихъ братьевъ и головныхъ кожъ нашихъ мужей.“

¹⁾ См. наши Осет. этюды, ч. I, стр. 28 и слѣд.

Научи насъ, что намъ дѣлать“. Вѣдьма сказала имъ: „Оставьте его шубу безъ воротника, и когда сошьете, то надѣньте на него и скажите ему: хороша твоя шуба, только еще недостаетъ воротника; если принесешь для него скальпъ Муквары, Тарыкова сына,—а его называютъ золотымъ,—тогда полна будетъ твоя шуба“. Молодухи послѣдовали совѣту колдуньи, а Созрыко пошелъ добывать скальпъ Муквары, добылъ его и велѣлъ сдѣлать изъ него воротникъ для шубы.

Итакъ, былина сохранила воспоминаніе объ обычаяхъ скальпированія и утилизациі скальповъ для шубъ, нѣкогда существовавшимъ на сѣверномъ Кавказѣ. Дѣйствительно, такой обычай исторически засвидѣтельствованъ Геродотомъ у Скиновъ. Вотъ что разказываетъ греческій историкъ (кн. IV гл. 64): „Какое бы число (непріятелей) Скиновъ ни убилъ, онъ отрѣзаетъ у всѣхъ головы и приноситъ къ царю; только такимъ образомъ получаетъ онъ долю въ добычѣ, и лишается ея, если не принесетъ головы. Чтобы освободить черепъ отъ волосъ, онъ дѣлаетъ круговой надрѣзь на головѣ выше ушей, и держа скальпъ, вытрясаетъ голову; затѣмъ онъ отскребаетъ бычьимъ ребромъ мясо на скальпѣ, и размягчивъ кожу перетираніемъ въ рукахъ, употребляетъ скальпъ какъ утиральникъ. Скиновъ гордится скальпами и вѣшаетъ ихъ на уздечкѣ вѣна; чѣмъ больше такихъ утиральниковъ можетъ онъ показать, тѣмъ выше почитается онъ въ народѣ. Многіе дѣлаютъ себѣ шубы, въ родѣ тулуповъ нашихъ крестьянъ, сшивая вмѣстѣ множество скальповъ“. Этотъ скинскій обычай былъ хорошо извѣстенъ Грекамъ, какъ видно, между прочимъ, и изъ того, что у писателей (Еврипида, Атеней) употребляется терминъ *σκάλπιον* — скальпировать, составленный изъ собственного имени Скиновъ.

Нѣсколько далѣе Геродотъ сообщаетъ другой скинскій обычай (гл. 66). Однажды въ годъ правитель каждой области, на назначенномъ мѣстѣ, собираетъ народъ и замѣшиваетъ чашу вина, изъ которой имѣютъ право пить только тѣ Скиновъ, которые убивали непріятелей; тѣ, которые никого не убили, не допускаются пить изъ чаши и сидятъ въ отдаленіи. Нѣтъ для Скиновъ большаго позора, чѣмъ этотъ... Любопытно, что о такой богатирской чашѣ сохранилось преданіе въ осетинскомъ эпосѣ. Эта чаша получила чудесныя свойства и даже носить собственное имя *нарт-амонгъ* (указательница *нартовъ*) или *уац-амонгъ*¹⁾. Обычный мотивъ въ эпосѣ тотъ, что бога-

¹⁾ Слово *уацъ*—неизвѣстнаго значенія; оно встрѣчается въ названіи святыхъ *уас-нергі* (св. Георгій) *уац-илла* (св. Илья).

тыри пируютъ и разказываютъ свои похождения: кто оказывается достойнымъ богатырской чаши, въ устахъ того она чудеснымъ образомъ поднимается сама. Такъ, одна изъ былинъ нашего сборника ¹⁾ вводитъ насъ какъ бы въ обстановку скинскаго сборища. Нарты пируютъ и спорятъ о своей доблести. Чудесная чаша не поднялась ни къ кому, кромѣ нарта Сослана. Тогда нарты говорятъ старику Хамицу, отцу мальчика-Батрава, котораго подвиговъ еще никто не знаетъ: „Ну-ка, старикъ, разкажи, что ты видалъ; можетъ быть, чаша пойдетъ къ тебѣ!“ Хамицъ молчитъ о своихъ дѣлахъ и ищетъ глазами маленькаго Батрава. Мальчикъ подошелъ и сѣлъ передъ отцемъ. „Вотъ я! отецъ“, сказалъ онъ,—„я сейчасъ разкажу, что я сработалъ: Я убилъ пять дауэговъ (высшихъ духовъ) и шесть уациллоу. Я убилъ отца хлѣбнаго духа Боръ-хуаръ-али, и во свидѣтельство этого, пусть уасіамонга поднимется въ усамъ моего отца и пусть старикъ пьетъ“. Въ одну минуту чаша поднялась сама ко рту Хамица..

Отъ богатырской чаши перейдемъ къ другой чертѣ въ осетинскихъ сказаніяхъ, въ которой, быть можетъ, сохранилось древнее историческое имя. Извѣстно изъ Геродота, что Скионы изъ мѣстъ своего поселенія вытѣснили народъ Киммерійцевъ. Скионія, по его словамъ, доселѣ сохраняетъ слѣды Киммерійцевъ; въ ней есть киммерійскіе замки, могилы, киммерійскій перевозъ, есть полоса земли, называемая Киммеріей и Киммерійскій Босфоръ (IV, гл. 12). Такимъ образомъ, во времена Геродота, на почвѣ южной Россіи отъ нѣкогда гущеественнаго народа, извѣстнаго въ Библии подъ именемъ Гомеръ, а въ ассирійскихъ памятникахъ подъ именемъ Gimigrai, народа, сильно тѣснившаго Лидію во времена Гигеса (по ассир. Gugu) въ VII вѣкѣ до Р. Х., остались только слѣды—могилы и названія нѣкоторыхъ мѣстностей. Вспомнимъ теперь фактъ, часто повторяющійся въ народныхъ преданіяхъ: имена древнихъ народовъ, прикрѣпленные къ могиламъ, развалинамъ и вообще къ древнимъ остаткамъ человѣческихъ сооружений въ извѣстной мѣстности, получаютъ значеніе „великановъ, исполиновъ, богатырей“. Такъ Шафарикъ производитъ слав. сполинъ, исполинъ, множ. число: споли, сполове, сполини—отъ названія народа Spali, упоминаемаго въ готскомъ сказаніи у Иордана (сар. 4), народа жившаго гдѣ-то въ Скионіи и покореннаго Готами при Филимерѣ; такъ польск. ołbzym или obziśm—великанъ—есть названіе народа извѣстнаго западнымъ лѣтописцамъ въ формѣ Avagi; такъ имя народа Гунновъ, за-

¹⁾ См. Осет. Этюд. ч. I стр. 149.

шедшее въ средневѣковыя германскія сказанія, прикрѣпилось въ формѣ Hünen къ древнимъ могиламъ, которыя доселѣ слывятся въ Германіи какъ Hüenengräber, великанскія могилы; такъ наше слово вѣлотъ—великанъ—производятъ отъ имени народа Волотовъ, Велетовъ; остатки Вѣлотовъ народъ видитъ въ костяхъ допотопныхъ животныхъ, а въ Сибири говорятъ, что цѣлый народъ Волотовъ за-живо ушелъ въ землю. Такое же преданіе разказываютъ тамъ же про народъ Чудь или Чудавовъ. Испугавшись Ермака, Чудь или Чудаки (Чудаки) вырыли подкопы, ушли туда со всѣмъ добромъ, подрубили стойки и погибли ¹⁾. Въ виду этихъ и другихъ примѣровъ перехода названій исчезнувшихъ народовъ къ значенію исполиновъ, не трудно допустить, что и имя Киммерійцевъ, прикрѣпленное къ мѣстностямъ, могло перейти въ народныя традиціи со значеніемъ великановъ. Дѣйствительно, въ нарскихъ сказаніяхъ Осетинъ нерѣдко упоминаются какіе-то великаны Гумиртѣ (ед. ч. гумир) и Уойгутѣ (ед. ч. ѳоуг), которые враждебны осетинскимъ богатырямъ. Съ ними борется, напримеръ, богатырь Амиранъ ²⁾. Въ одномъ сказаніи говорится, что Богъ сотворилъ великановъ раньше нартовъ. Едва ли слышкомъ смѣло предположить, что въ осетинскихъ гумирахъ—великанахъ сохранилось имя Киммерійцевъ (Gimmitai) которыхъ, замѣтимъ встать, по свидѣтельству Геродота, Скиевъ преслѣдовали черезъ Кавказъ въ Азію; другой вопросъ, конечно, представляетъ ли это имя такой же отголосокъ древнихъ преданій, какъ тулупы изъ скальповъ или богатырская чаша, или оно зашло въ эпосъ, какъ отголосокъ книжный, можетъ быть, изъ Грузіи.

О происхожденіи Скиевовъ во времена Геродота ходили народныя преданія. По одному преданію, ихъ родоначальникъ Таргитао, вѣроятно—миѳическій герой, былъ сыномъ верховнаго бога, котораго Геродотъ называетъ Зевсомъ, и дочери Бориссеена, то-есть, русалки, дочери рѣчнаго или водянаго бога ³⁾. По другому преданію, представляющему эллинизированный вариантъ перваго, Геркулесъ (очевидно греческое осмысленіе скийскаго бога), разыскивая коровъ Геріона, нашелъ въ одной пещерѣ въ Гилеѣ странное существо, полуженщину-полузмѣю и вступилъ съ нею въ связь, плодомъ которой было три

¹⁾ См. Толковый Словарь *Дала* s. v.

²⁾ См. Осет. тексты, стр. 145 и слѣд.

³⁾ Геродотъ, IV, гл. 5.

сына-родоначальника народовъ — Агатирсовъ, Гелоновъ и Скиеовъ ¹⁾. Такимъ образомъ, и по этому преданію, родоначальникъ Скиеовъ происходитъ отъ бога и нимфы, которой полуживотный видъ указываетъ на ея водяное происхождение. Такъ какъ по Геродоту Таргитао жилъ за тысячелѣтіе до похода Дарія на Скиеовъ (такъ говорили сами Скиены), то конечно, въ Таргитао нужно видѣть какого-нибудь эпического богатыря, занимавшаго главное мѣсто въ скискомъ эпосѣ. Отмѣтимъ сходное преданіе и у Осетинъ. Въ одномъ вариантѣ о рожденіи Батраза, высшаго изъ нартовъ, разказывается, что нартъ Хамыцъ долго преслѣдовалъ чуднаго бѣлаго зайца. Заяцъ, нѣсколько разъ удараемый плетью, то прикинется мертвымъ, то оживетъ и заманивается такимъ образомъ богатыря въ самое море. Затѣмъ заяцъ исчезаетъ въ водѣ, а вышедшій изъ моря старецъ объясняетъ Хамыцу, что заяцъ—дочь водянаго бога Дон-беттыра, что нимфа полюбила Хамыца и выйдетъ за него замужъ, если онъ прійдетъ свататься черезъ мѣсяць. Хамыцъ пріѣзжаетъ на берегъ моря въ гости къ водяному богу и женится на его дочери. Она ставитъ условіемъ носить днемъ черепашую чешую (вспомнимъ о змѣевидной нимфѣ у Геродота), такъ какъ боится солнца. Нартъ Сырдонъ сжигаетъ чешую, и русалка покидаетъ мужа, оставляя у него на спинѣ волдырь, изъ котораго родится Батразъ ²⁾. Конечно, и у другихъ народовъ найдутся сказки о связи богатырей съ водяными нимфами, но любопытно, что въ скискихъ и кавказскихъ сказаніяхъ, быть можетъ—впрочемъ случайно, отъ такой связи происходитъ главный національный богатырь.

Другое преданіе о нартскомъ бракѣ, быть можетъ, содержитъ въ себѣ отголосокъ нѣкогда существовавшаго обычая. Извѣстно, что у Иранцевъ браки между близкими родственниками считались нѣкогда самыми уважаемыми, на томъ основаніи, что такіе браки сохраняютъ чистоту извѣстнаго рода. Эти браки, для которыхъ въ Зендавестѣ есть особый терминъ *gaetvōdatha*, возмущали Грековъ, знавшихъ ихъ у Персовъ. Діогенъ Лаерцій говоритъ, что у Персовъ дозволено даже сочетаться съ матерью или дочерью ³⁾. Не находится ли въ связи съ этимъ иранскимъ обычаемъ, какъ его послѣдній отголосокъ въ эпосѣ, та черта, что уважаемый нартъ Урызмагъ женатъ на своей сестрѣ Сатанѣ? Конечно, о такомъ обычаѣ у Иранцевъ-Осетинъ те-

¹⁾ Геродотъ, IV, гл. 9 и 10.

²⁾ См. Сбор. свѣд. о Кавказ. горцахъ, IX, отд. II, стр. 1 и слѣд.

³⁾ См. *Spiegel*, примѣч. къ *Vispered*, III, 18.

перъ нѣтъ и помину, и самъ эпосъ указываетъ на его несоотвѣтствіе общепринятымъ обычаямъ, но сообразуясь съ пословицей: изъ пѣсни слова не выкинешь, сказатели (кадэггэнэги) продолжаютъ тщательно повторять, что жена Урызмага приходилась ему сестрою.

Отъ слѣдовъ древняго быта въ эпосѣ переходу въ такіе же въ современныхъ осетинскихъ обрядахъ и повѣрьяхъ.

Осетинскіе и вообще кавказскіе знахари и знахарки до сихъ поръ продолжаютъ ворожить и гадать, соблюдая чуть ли не тѣ приемы, которые двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ описалъ Геродотъ у Скивовъ. „Скиеія“, говоритъ онъ ¹⁾,— „имѣеть множество знахарей, предсказывающихъ будущее при помощи ивовыхъ палочекъ. Приносятъ большой пучекъ такихъ палочекъ и кладутъ его на землю. Знахарь развязываетъ пучекъ и откладываетъ одну палочку за другою, произнося свое предсказаніе; затѣмъ, продолжая говорить, онъ снова собираетъ палочки и связываетъ ихъ въ пучокъ“. Трудно себѣ составить точное понятіе о такомъ гаданіи палочками, которое—замѣтимъ кстати—было въ ходу у Маговъ-иранцевъ, у Германцевъ (по Тациту), у Аланъ (по Аммиану Марцеллину) и у Славянъ Балтійскихъ (по Саксону Грамматіку). Что касается Осетинъ, то подобное гаданіе въ настоящее время, по свидѣтельству г. Гатіева ²⁾, совершается слѣдующимъ образомъ: Знахарь, приглашенный въ больницу, велитъ разостлать на полу бурку, ставитъ маленькую скамью и садится; затѣмъ беретъ четыре палочки и располагаетъ ихъ такимъ образомъ: передніе ихъ концы, разщепленные виллообразно, вкладываются одинъ въ другой, а противоположные концы втискиваются въ шапку. Передніе концы обѣихъ паръ палочекъ знахарь держитъ въ рукахъ. Затѣмъ послѣ молитвы онъ говоритъ: „Если больной страдаетъ по твоей винѣ, боже, то пусть поднимутся палочки въ правой рукѣ; если же по волѣ злаго духа,—то въ лѣвой рукѣ“. Послѣ этого онъ дѣлаетъ видъ, будто противъ его воли выскочили на полъ палочки изъ-подъ лѣвой руки, и слѣдовательно, болѣзнь наслалъ злой духъ. Такимъ же образомъ плуть-знахарь угадываетъ, какого козленка, бѣлаго или чернаго, слѣдуетъ принести, какъ умиловительную жертву.

Другой способъ гаданія у Скивовъ, употреблявшійся энарейцами (импотевтами), состоялъ въ томъ, что они брали кусокъ липоваго лубка, вырѣзали изъ него три ленты (мочалы), и предсказывал, то

¹⁾ Кн. IV, гл. 67.

²⁾ См. Сбор. свид. о Кавказ. горцахъ, IX. отд. III, стр. 1.

наматывали ихъ на пальцы, то разматывали ¹⁾). Опять описаніе Геродота крайне неясно. Можетъ быть, комментариемъ къ этому мѣсту послужить гаданіе, совершаемое знахарками у Осетинъ. Ворожея, приглашенная въ домъ, гдѣ есть больной, старается прежде всего развѣдать окольнымъ путемъ, не провинилась ли семья передъ какимъ-нибудь дзуаромъ (святымъ, духомъ, святилищемъ), забывъ зарѣзать въ извѣстный срокъ въ честь его барашка. Узнавъ о какомъ-нибудь проступкѣ, она проситъ кусокъ холста, завязываетъ на одномъ концѣ узелъ и начинаетъ отми́ривать отъ него локтемъ. Положимъ, она насчитала въ кускѣ пять локтей. Отми́ривая ихъ, она каждый разъ произноситъ имя какого-нибудь святаго, наприимѣръ, Уастырджи (св. Георгій), Уацилла (св. Ілія), и показывается, что каждый разъ приходится ровно пять локтей. Дойдя до имени дзуара, противъ котораго провинилась семья больного, она, быстро передергивая, показываетъ, что кусокъ холста увеличился или уменьшился въ длинѣ: въ немъ оказывается не ровно 5 локтей, а 4¹/₂ или 5¹/₂. Выводя изъ этого чуда, что такой-то дзуаръ наслалъ болѣзнь, она совѣтуетъ поскорѣ зарѣзать ему барашка, и тогда больной выздоровѣетъ ²⁾).

Намъ кажется, что скинское обматываніе мочаловъ вокругъ пальцевъ и разматываніе основано было на томъ же чудѣ. Вѣроятно, длина мочаловъ также то увеличивалась, то уменьшалась, смотря по желанію гадальщика. Отми́тимъ также, что какъ у Скиновъ такое гаданіе исключительно производилось энарейцами, такъ гаданіе съ холстомъ у Осетинъ есть гаданіе женское.

Похоронные обряды Осетинъ отличаются чрезвычайною архаичностью. Въ оплакиваніи покойника участвуютъ не только его родные, но весь аулъ и даже вся окрестность. Едва кто-нибудь умеръ, вѣстникъ (каргэнэгъ) спѣшитъ въ окрестные аулы извѣстить ихъ о смерти, и со всѣхъ сторонъ идутъ въ домъ покойнаго. Семья покойника не жалѣетъ ничего, чтобы почтить его память обильнымъ угощеніемъ: она спѣшитъ продать все, чтѣ можно, не разчитывая на будущее, и нерѣдко разоряется въ конецъ. Бывали случаи, что по смерти какого-нибудь лица весь его скотъ шелъ на первые поминки, и дѣти становились нищими. По свидѣтельству самихъ Осетинъ, ежегодныя поминки въ честь одного лица обходились достаточному семейству болѣе, чѣмъ въ двѣ тысячи рублей; всѣхъ поминковъ насчитываютъ до

¹⁾ Геродотъ, кн. IV, гл. 67.

²⁾ См. мою статью: «Въ горахъ Осетинъ», *Русск. Мысль*, сентябрь 1881 г.

двѣнадцать въ первый годъ. Оплакиваніе покойника отличается такою же неумѣренностью въ выраженіи скорби. Мужчины, провожая гробъ на кладбище, бьютъ себя по лбу кулаками и выпускаютъ стоны; женщины, ползя на колѣняхъ, уларяютъ въ тактъ руками по лицу и по колѣнямъ и воютъ. Опустивъ гробъ на землю близь могилы, мужчины становятся особо отъ женщинъ и изъ толпы послѣднихъ выступаютъ впередъ сестры, племянницы и другія близкія родственницы; остановясь довольно далеко отъ гроба и потомъ медленно подходя къ нему, онѣ рвутъ себя на головахъ волосы и царапаютъ себя ногтями лица, такъ что щеки ихъ покрываются струпами. Послѣ того начинаютъ шагъ за шагомъ подходить къ покойнику братья, сыновья и племянники, ударяя себя плетью по затылку и испуская вопли. Затѣмъ вдова подходитъ ко гробу, отрѣзываетъ себя косу и кладетъ ее на грудь мужу, въ томъ убѣжденіи, что такимъ образомъ она останется его женой и въ загробной жизни ¹⁾. Если Осетины теперь уже не хоронятъ съ покойникомъ его оружія и вещей, то память объ этомъ обычай сохраняется въ изображеніи такихъ вещей на могильномъ столбѣ. Намъ нерѣдко приходилось видѣть памятники, расписанные красками; на нихъ изображаются: рядъ патроновъ, носимыхъ на черкескѣ, пороховница, ножъ, ружье, пистолеть, плеть; ниже — лошадь, кувшинъ и чашка. Безъ сомнѣнія, эти изображенія представляютъ практическую замѣну обычая класть всѣ эти предметы въ могилу покойнаго. Впрочемъ у Осетинъ сохранился до сихъ поръ одинъ обрядъ, какъ отголосокъ обычая класть коня съ покойникомъ. Эта такъ-называемое бахфалдисынъ, посвященіе коня. Цѣль обряда та, чтобы покойникъ имѣлъ коня въ загробномъ мірѣ и могъ доѣхать благополучно до мѣста, ему предназначеннаго. Во время погребенія, когда трупъ уже опущенъ въ могилу, къ ней подводятъ коня, и одинъ изъ присутствующихъ произноситъ длинную рѣчь, въ которой изображаетъ трудности загробнаго пути и описываетъ встрѣчи, которыя будутъ имѣть покойникъ ²⁾. По окончаніи рѣчи коня обводятъ три раза вокругъ могилы, даютъ ему попробовать браги и чашку, изъ которой онъ пилъ, разбиваютъ объ его копыто. Чтобы покойникъ могъ узнать своего коня на томъ свѣтѣ, коню отрѣзаютъ кончикъ уха или по крайней мѣрѣ дѣлаютъ надрѣзъ. Затѣмъ кто-нибудь изъ присутствующихъ

¹⁾ См. Сборн. Св. о Кавк. Горцахъ, IX т., отд. III, стр. 3.

²⁾ Образчикъ бахфалдисына приведенъ въ моихъ Осетинскихъ этюдахъ, I, стр. 108—115.

щихъ садится верхомъ и скачетъ на конѣ до тѣхъ поръ, пока вгонитъ его въ испарину.

Между другими похоронными обрядами упомянемъ еще такъ-называемое сидѣнье мертвыхъ (мардты бадаи), совершаемое спустя недѣлю послѣ Нового года и въ день Вогоявленія. Этотъ обрядъ справляютъ въ тѣхъ семьяхъ, которыя въ теченіе предшествующаго года потеряли кого-нибудь изъ близкихъ. Въ честь умершаго пекутъ кѣбъбъ огромной величины, такой, что одному человѣку достаточно было бы на мѣсяцъ. Затѣмъ дѣлаютъ чучело, изображающее покойника, распяливъ на налбакъ его одежду. Чучело ставятъ на скамейку, вокругъ которой раскладываютъ всѣ любимыя вещи покойнаго—винтовку, шашку, кинжалъ, трубку съ табакомъ, балалайку и т. п. Передъ чучелой ставится каша и бутылка арака, предназначаемыя покойнику, такъ какъ существуетъ вѣрованіе, что душа его на это время отпрашивается у влстителя мертвыхъ Барастира на побывку домой и вселяется въ чучело. Въ теченіе дня происходитъ оплакиваніе, а затѣмъ угощеніе.

Наблюдая эти, до сихъ поръ сохранившіеся у Осетинъ, обряды, невольно вспоминаешь нѣкоторыя черты скинскихъ похоронъ, записанныя Геродотомъ. И у Скиновъ въ похоронахъ принимаютъ живое участіе не только близкіе родственники покойника, но и всѣ его знакомые, при чемъ трупъ обыкновеннаго смертнаго развозится по области въ теченіе сорока дней¹⁾. Трупъ же царя возятъ по всей Скииіи изъ области въ область и всюду его оплакиваютъ, выражая скорбь нагляднымъ образомъ: каждый Скиецъ обрѣзаетъ себѣ кончикъ уха (у Осетинъ это дѣлаютъ коню), остригаетъ себѣ волосы (это дѣлаютъ у Осетинъ вдова покойника), дѣлаютъ нарѣзы на рукахъ, царапаютъ себѣ лбы и носы (послѣднее до сихъ поръ дѣлаютъ женщины въ Осетіи) и прокалываютъ себѣ стрѣлою лѣвую руку²⁾. Съ царемъ погребаютъ его жену, слугъ, коней, оружіе, сосуды: отголоски всего этого мы сейчасъ только указали въ осетинскихъ обрядахъ. Затѣмъ черезъ годъ вокругъ царской могилы ставятъ 50 чучелъ убитыхъ въ честь его юношей и коней, чему, быть можетъ, отголоскомъ является осетинскій обрядъ сидѣнія мертвыхъ, при которомъ изготовляется чучело покойника, котораго снова оплакиваютъ и потчуютъ пищей.

Что касается домашняго очага, то едва ли Осетины почитаютъ его

¹⁾ Геродотъ, IV, 73.

²⁾ Геродотъ, IV, гл. 71.

менѣ древнихъ Скизовъ. Изъ Геродота мы узнаемъ, что высшее божество Скизовъ была Табити, которую греческій историкъ приравниваетъ Гестии (Вестѣ) ¹⁾. Изъ другаго мѣста (гл. 68) можно вывести, что клятва очагомъ считалась наиболѣе священною клятвой; по крайней мѣрѣ, болѣзнь царя объяснялась тѣмъ, что кто-нибудь изъ Скизовъ принесъ ложную клятву царскимъ очагомъ. У Осетинъ очагъ и главнымъ образомъ желѣзныя цѣпи (ракис), свѣшивающіяся надъ нимъ, считаются святилищемъ сакли. Держась за цѣпь, Осетинъ произноситъ клятвы; въ брачномъ обрядѣ, до введенія христіанства, невѣсту водили три раза вокругъ цѣпи, послѣ чего бракъ считался формально совершеннымъ. Снять съ очага цѣпь и швырнуть ее за дверь, — считается у Осетинъ самымъ сильнымъ оскорбленіемъ семьѣ. За этимъ слѣдовала всегда непримиримая кровная месть, и только въ новѣйшее время судьи полагаютъ за это высокую денежную пеню (отъ 60 до 100 руб.). Въ одномъ юридическомъ случаѣ г. Пфафъ нашелъ въ прошеніи фразу: „Онъ не только убилъ моего сына, но даже цѣпь швырнулъ за дверь“ ²⁾. Патрономъ цѣпи считается богъ Сафа, который, по свидѣтельству г. Шанаева, „есть богъ меча и всего оружія“. Въ очень недавнее время, говоритъ этотъ собиратель осетинскихъ сказаній, — Осетинны, улаживая своихъ дѣтей, поручали ихъ этому богу меча; поглаживая голову дитяти и обводя рукою цѣпь у очага, произносили слова: „Сафа, помилуй моихъ бѣдныхъ дѣтей, укрѣпи ихъ жизнь твоею твердою силою навсегда. Храни ихъ отъ нечистыхъ и злыхъ силъ“. Имя Сафа Осетинами поставлено очень высоко: въ честь этого бога оружія или меча, вошелъ обычай — заставлять на третій день великаго поста въ среду кузнеца раскаливать самые мелкіе прутики желѣза, отъ которыхъ отламывались кусочки, зашивались въ ладанку вмѣстѣ съ клочкомъ ваты, лоскутомъ сукна или шелка и нацѣплялись на шею дѣтямъ, какъ амулетъ противъ злыхъ духовъ и сглаза ³⁾. Оставляя на отвѣтственности г. Шанаева, природнаго Осетина, увѣреніе, что Сафа — богъ меча, мы не можемъ не припомнить скизскаго культа бога войны въ видѣ желѣзнаго меча, которому приносились жертвы во всѣхъ частяхъ скизскихъ степей ⁴⁾.

¹⁾ IV, гл. 59.

²⁾ См. *Пфафъ*, Обычное право Осетинъ, въ Сбор. свѣд. о Кавказѣ, т. II, стр. 274.

³⁾ См. Сб. св. о Кавк. горц. IX отд. II стр. 41, примѣч.

⁴⁾ См. у Геродота, IV, гл. 62.

Ограничиваясь этими приѣбрами слѣдовъ старины въ осетинскомъ быту и сказаніяхъ, замѣтимъ, что намъ слѣдуетъ отвѣтить на вопросъ: почему въ нашихъ сравненіяхъ мы приводимъ исключительно черты изъ быта Скиеовъ, хотя нѣкоторыя параллели можно было бы привести изъ быта другихъ народовъ. Отвѣтъ нашъ состоитъ въ слѣдующемъ: По свидѣтельству языка, Осетинимъ—несомнѣнно Иранцы, послѣдній остатокъ народа болѣе многочисленнаго и сильнаго, который въ средніе вѣка занималъ не только горы, но и плоскость сѣвернаго Кавказа, нынѣшнюю Кабарду. Это явствуетъ изъ ряда историческихъ свидѣтельствъ, которыя будутъ собраны въ нашихъ Осетинскихъ этюдахъ. Иранскій слой населенія сохранился въ собственныхъ именахъ въ надписяхъ Боспорскаго царства. Есть основаніе думать, что предки Осетинъ входили въ составъ народа Аланъ, жившаго въ началѣ среднихъ вѣковъ на сѣверномъ Кавказѣ. Восходя далѣе въ древность, мы находимъ на Дону (дон—по осетински=рѣка) кочевой народъ Сарматовъ, ближайшихъ сосѣдей и родственниковъ Скиеовъ. Изъ всѣхъ догадокъ, предложенныхъ о національности Сарматовъ и Скиеовъ, до сихъ поръ наибольшаго вниманія заслуживаетъ гипотеза Цейсса и Мюлленгофа, которые, на основаніи данныхъ языка (разбора собственныхъ именъ), видятъ въ этихъ народахъ Иранцевъ, нѣкогда тронувшихся вмѣстѣ съ другими Индо-Европейскими народами въ Европу и затѣмъ затертыхъ въ южной Россіи другими уже не Индо-Европейскими народами, постоянно надвигавшимися съ востока. Мы думаемъ, что эту гипотезу нужно ограничить въ томъ смыслѣ, что имена Скиеъ и Иранецъ не покрываютъ другъ друга; мы считаемъ вѣроятнымъ только то, что подъ именемъ Скиеовъ скрывались племена Индо-Европейскія, и въ числѣ ихъ, въ восточныхъ частяхъ Скииіи, по сѣверному побережью Понта, главнымъ образомъ въ бассейнѣ Дона, были и Иранцы. Безъ этого предположенія едва ли можно объяснить несомнѣнное присутствіе иранскаго элемента въ Боспорскомъ царствѣ временъ династїи Савроматовъ, а также существованіе Иранцевъ-Осетинъ (Оссовъ, Ясовъ) на Кавказѣ. Думать о томъ, что Осетинимъ могли придти изъ Азіи на Кавказъ въ средніе вѣка—нѣтъ никакой возможности. Они пришли въ Европу вмѣстѣ съ другими Индо-Европейцами, а не тогда, когда движеніе Индо-Европейцевъ прекратилось и смѣнилось движеніемъ изъ Азіи не Индо-Европейскихъ народовъ. Въ виду этой гипотезы, которую въ настоящей статьѣ мы не можемъ обставить доказательствами, мы старались приводить осетинскимъ бытовымъ и эпическимъ чертамъ параллели изъ свидѣтельствъ Геро-

дота о Скиеахъ. Но даже оставляя въ сторонѣ всѣ гипотезы, все-таки эти параллели на нашъ взглядъ полезнѣе, чѣмъ параллели изъ быта не Индо-Европейскихъ народовъ, особенно такихъ, для которыхъ нѣтъ исторіи. Пусть у какихъ-нибудь краснокожихъ Америки существуетъ скальпированіе, лицедраніе на похоронахъ, гаданія и т. п. Для насъ это менѣе интересно, чѣмъ существованіе подобныхъ чертъ архаическаго быта у современнаго намъ народа нашего рода-племени, потому что это свидѣтельствуетъ о возможности необыкновенной коности въ развитіи и Индо-Европейцевъ. Вовторыхъ, такъ какъ утвержденіе древности того или инаго обряда иногда можетъ быть голословно,—пріятно, когда древность засвидѣтельствована документально. При нашихъ же параллеляхъ обычаи Скиеовъ засвидѣтельствованы такимъ писателемъ, какъ Геродотъ. Наконецъ, третьихъ, указаніе чертъ весьма низкаго быта у Иранцевъ-Осетинъ можетъ ослабить ту теорію о національности Скиеовъ (теорію Нибура, Нейманна), которая именно на основаніи грубости скиескихъ обычаевъ видитъ въ Скиеахъ Монголовъ.

Всев. Миллеръ.

ОТНОШЕНІЯ РОССИИ И ПОЛЬШИ ВЪ 1574—1578 ГОДАХЪ, ПО ДОНЕСЕНІЯМЪ ПАПСКАГО НУНЦІА В. ЛАУРЕО.

Изъ всѣхъ матеріаловъ Ватиканскаго архива, относящихся къ исторіи европейскихъ государствъ, два отдѣленія ихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія: это — такъ называемые регесты и нунціатуры.

Первое, какъ извѣстно, состоитъ изъ списковъ съ папскихъ буллъ или бреве, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, которыя повсюду разсылались изъ Рима; что-же касается документовъ, которыя получала сама курія, то рѣдкіе изъ нихъ по какимъ-нибудь особенно уважительнымъ причинамъ вносились въ книги регестовъ. Такимъ образомъ характеръ этого собранія въ извѣстной степени односторонній: документы, которые мы находимъ въ регестахъ, объясняютъ намъ обыкновенно только половину факта; тѣмъ не менѣ самая хронологическая непрерывность и полнота собранія не мало важна для исторіи тѣхъ столѣтій, которыя не могутъ похвалиться другою подобнаго рода коллекціею источниковъ. Важность эту регесты удерживаютъ за собою съ начала XIII вѣка приблизительно по 1535 годъ.

Когда, въ теченіе первой половины XVI столѣтія, сношенія Римской куріи съ европейскими государствами стали чаще и разностороннѣе, то папы нашли необходимымъ во многіе центры политической жизни отправлять своихъ постоянныхъ представителей или уполномоченныхъ—легатовъ, нунціевъ, делегатовъ и т. д., съ которыми папскіе статсъ-секретари поддерживали постоянную переписку, получая отъ нихъ подробные доклады объ ихъ дѣятельности, перегово-

рахъ и текущихъ событіяхъ страны, равно какъ и разные документы, касавшіеся политическихъ и церковныхъ дѣлъ. Всѣ эти матеріалы довольно тщательно собирались и со временемъ составили въ архивѣ куріи другое изъ упомянутыхъ отдѣленій—нунціатуры, въ свою очередь состоящее изъ подраздѣленій по государствамъ, въ которыхъ пребывали папскіе посланники. Для писателя, изслѣдующаго исторію католическихъ странъ въ новое время, особенно въ этомъ отдѣленіи архива сосредоточенъ богатый матеріалъ. Пользоваться имъ позволяютъ по 1815 годъ.

Въ гораздо болѣе невыгодныя условія поставленъ изслѣдователь исторіи не-католическихъ странъ, который захотѣлъ бы заниматься въ архивѣ. Сношенія Римской куріи съ этими странами не были постоянными: они возобновлялись или прекращались согласно политикѣ и интересамъ той или другой страны въ данный моментъ. Вслѣдствіе того письменнымъ памятникамъ, касающимся этихъ сношеній, не придавали въ Римѣ большаго значенія: не собирали и не сохраняли ихъ столь тщательно, какъ это было соблюдаемо относительно документовъ о странахъ католическихъ, а потому многихъ матеріаловъ теперь уже нѣтъ въ наличности, другіе же разсыяны по разнымъ отдѣленіямъ архива въ десяткахъ книгъ и сборниковъ ¹⁾.

Только что сказанное относится особенно къ матеріаламъ Ватиканскаго архива по исторіи Россіи. Работа въ немъ для изслѣдователя русской исторіи представляла бы большія затрудненія, между прочимъ и потому, что документы, которые ему интересны, разсыяны по всѣмъ отдѣленіямъ архива, а между тѣмъ онъ не нашелъ бы тутъ никакихъ пособій въ родѣ каталоговъ или указателей ²⁾.

Одно изъ отдѣленій архива, въ которомъ, безъ сомнѣнія наиболѣе встрѣтится извѣстій и документовъ по русской исторіи, это—*nunciatura di Polonia*. Въ старину было обычнымъ явленіемъ въ папской дипломатіи, что дѣла тѣхъ странъ, въ которыхъ не пребывалъ

¹⁾ Ср. мои замѣчанія о Ватиканскомъ архивѣ въ «Отчетъ VII о научныхъ занятіяхъ за границею въ теченіе 1880 г., кандидата-стипендіата Императорскаго Варшавскаго университета, Федора Вержбовскаго» въ *Извѣстіяхъ Варшавскаго университета* за 1882 годъ, выпускъ 5, гдѣ, между прочимъ, указаны отдѣленія архива по находящейся въ немъ рукописи I. Гарампи: «*index rerum polonicarum*».

²⁾ Лишь нѣсколько указаній можно встрѣтить въ индексѣ Гарампи подъ словомъ: *Moscoria* но эти указанія по своей неполнотѣ и ошибочнымъ или сбивчивымъ ссылкамъ крайне неудовлетворительны.

постоянный представитель Римской курии и даже временно не находился чрезвычайный посланникъ ея, подлежали вѣдѣнію ближайшаго по мѣсту нунція или легата. Такъ какъ нунціатура въ Польшѣ была самымъ сѣвернымъ постомъ, то она официально въ нѣкоторомъ отненіи завѣдывала или руководила переговорами и сношеніями куріи съ двумя сосѣдними государствами—Швеціей и Московскимъ царствомъ. Польскіе нунціи, пребывая обыкновенно при королевскомъ дворѣ, оказывали содѣйствіе командированнымъ папою посланникамъ въ Стокгольмъ или Москву, давали имъ совѣты, отсылали въ Римъ полученные отъ нихъ письма. Обыкновенно они посвящены были во всѣ тайны переговоровъ и очень часто въ своихъ донесеніяхъ въ Римъ упоминаютъ о разныхъ подробностяхъ, бросающихъ свѣтъ на ту или другую сторону дѣла. Даже если съ этими странами не было непосредственныхъ сношеній, папскіе нунціи въ Польшѣ все-таки не упускали ихъ изъ виду: докладывали въ Римъ то о замѣчательныхъ въ нихъ событіяхъ, то объ ихъ отношеніяхъ къ Польшѣ. Тѣмъ и другимъ обстоятельствомъ обуславливается значеніе переписки папскихъ нунціевъ въ Польшѣ и для русской исторіи.

Рядъ постоянныхъ нунціевъ въ Рѣчи-Посполитой начинается съ 1555 года Алоизіемъ Липпомано, Веронскимъ епископомъ ¹⁾. Съ этого времени папы стали тщательнѣе слѣдить за внутреннимъ ходомъ событий въ государствахъ сѣверо-восточной Европы, и только съ этихъ поръ въ письмахъ нунціевъ открывается новый источникъ свѣдѣній. Къ сожалѣнію, письма первыхъ нунціевъ не дошли до насъ въ желаемой полнотѣ, и даже тѣ, которыя сохранились понинѣ, разбросаны въ нѣсколькихъ архивахъ ²⁾. Отъ этихъ пробѣловъ однако болѣе всего страдаетъ исторія Польши, церковно-политическія движенія которой преимущественно привлекали къ себѣ вниманіе нунціевъ, но не исторія Россіи, по которой у нихъ не могло быть особенно важныхъ извѣстій за то время. Письма нунціевъ дѣлаются гораздо болѣе интересны въ этомъ отношеніи съ тѣхъ поръ, когда въ Польшѣ наступили междуцарствія и въ числѣ кандидатовъ на польскій престолъ

¹⁾ Ср. мою *Synopsis legatorum a latere, legatorum natarum, nuntiorum... in Polonia terrisque adiacentibus 1073—1794* (Romae, 1880), стр. 59 и слѣд.

²⁾ Они отчасти изданы *Малиновскимъ* (*Pamiętniki Kommandoniego*), *Рыковескимъ* (*Relacje puncyuzów*) и *Тейнеромъ* (*Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*), отчасти же находятся въ рукописяхъ въ Ватиканскомъ архивѣ, въ отдѣленіи *Farnesiana* государственнаго архива въ Неаполѣ и въ бібліотекахъ Ватиканской и Барберини въ Римѣ.

явился царь Иванъ Грозный. Его кандидатура была очень популярна; особенно въ 1574 — 1575 годахъ много о ней толковалось, а къ числу тѣхъ, которые лелѣли сладкія надежды, принадлежалъ и тогдашній нунцій.

На сколько доклады или донесенія папскихъ посланниковъ важны для этого эпизода русско-польскихъ отношеній, можно заключить изъ нѣсколькихъ писемъ кардинала Коммендоне изъ эпохи перваго междоусобія, напечатанныхъ въ I-мъ томѣ сборника Тургенева „Historica Russiae monumenta“. Но гораздо важнѣе и обстоятельнѣе донесенія непосредственнаго преемника Коммендоне—Викентія Лаурео, Мондовійскаго епископа, занимавшаго постъ ординарнаго папскаго нунція въ Польшѣ въ 1574—1578 годахъ, то-есть во время втораго безкоролья и въ началѣ царствованія Стефана Баторія.

Списавъ вполнѣ этотъ источникъ ¹⁾ весьма поучительный и очень обстоятельный для исторіи Польши и сосѣднихъ государствъ въ упомянутое время, а имѣю намѣреніе со временемъ издать его, а пока ограничиваюсь сообщеніемъ изъ него въ точномъ переводѣ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыя касаются Россіи и содержатъ свѣдѣнія, объясняющія ея отношенія къ Рѣчи-Посполитой или имѣющія культурное значеніе. Къ этому поощряетъ меня еще и то обстоятельство, что небольшіе отрывки этихъ донесеній, напечатанные въ упомянутомъ сборникѣ Тургенева ²⁾, болѣе чѣмъ ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которые я привожу ниже, и что пользующіеся сборникомъ Тургенева могли бы подумать, что въ донесеніяхъ Викентія Лаурео нѣтъ уже ничего болѣе для нихъ интереснаго, какъ только то, что было издано собирателями „Историческихъ памятниковъ о Россіи“.

Соединеніе части Ливоніи съ Польшею было однимъ изъ поводовъ къ враждебнымъ отношеніямъ между Сигизмундомъ-Августомъ и Иваномъ Грознымъ, такъ какъ первый долженъ былъ защищать своего вассала и противодействовать усилению могущества опаснаго сосѣда, а другой не думалъ отказаться отъ одной изъ главныхъ задачъ своего царствованія—упрочить свою власть въ прибалтійскихъ провинціяхъ и открыть себѣ дорогу къ сношеніямъ съ западомъ. Хотя по

¹⁾ Онъ состоитъ изъ 200 слишкомъ писемъ Викентія Лаурео къ папскому статсъ-секретарю Птоломею Галлію, кардиналу Комскому; они находятся въ отдѣленіи Nunziatura di Polonia въ подлинникахъ (vol. 7, 8, 13, 14), а также и въ копіяхъ (vol. 10, 11, 12), писанныхъ секретаремъ нунція, но провѣренныхъ симъ послѣднимъ.

²⁾ Томъ I, стр. 265, 267, 274.

этому поводу между Рѣчью Посполитою и Московскимъ государствомъ вспыхнула жестокая война, но она относительно Ливоніи не привела къ рѣшительнымъ результатамъ: оба государя согласились вскорѣ (въ августѣ 1570 г.) заключить трехлѣтнее перемиріе, которое послѣ смерти Сигизмунда-Августа было продолжено Иваномъ Грознымъ еще на два года.

Еще до окончанія этого послѣдняго срока на польскомъ престолѣ сѣлъ Генрихъ Валуа, который на первыхъ же порахъ вызвалъ противъ себя сильное негодованіе, отказавшись отъ подтвержденія принесенной имъ въ Парижѣ присяги и предложенныхъ ему *роста сопента*. Викентій Лаурео, единственный виновникъ упорства короля, принялъ на себя задачу возстановить въ странѣ королевскій авторитетъ и полагалъ, слѣдуя, вѣроятно, указаніямъ Коммендоне, что лучшимъ для того средствомъ будетъ война съ Иваномъ Грознымъ, такъ какъ она могла бы придать королю блескъ, подавить вспышки неудовольствія противъ него и соединить всѣхъ на общее дѣло подъ предводительствомъ новой вѣнчанной главы государства. Вслѣдствіе того на одной изъ аудіенцій послѣ закрытія коронаціоннаго сейма нунцій слѣдующимъ образомъ уговаривалъ короля: „Перемиріе съ Московскимъ царемъ оканчивается въ половинѣ августа, и онъ столь гордъ, что не захочетъ (какъ по крайней мѣрѣ говорятъ) заключить ни перемирія, ни мира, а такъ какъ всегда слѣдуетъ возбуждать войну только по законнымъ причинамъ, то король будетъ имѣть при этомъ позволительный поводъ взяться за оружіе противъ него, тѣмъ болѣе, что онъ обязался присягою пытаться снова приобрѣсть часть Ливоніи, Смоленскъ и Полоцкъ, завоеванные царемъ. Чтобъ однако такое предпріятіе передъ Богомъ и людьми показалось болѣе справедливымъ и благоприятнымъ, слѣдуетъ, собирая пока войско, требовать отъ царя черезъ посланца возвращенія вышеупомянутыхъ земель, занятыхъ имъ, а если онъ не согласится, объявить ему войну. Король, — продолжаетъ нунцій, — оказалъ себя очень расположеннымъ къ такому предпріятію; онъ долго разсуждалъ о немъ и сказалъ мнѣ, что хочетъ въ другой разъ потолковать объ этомъ подробнѣе“ ¹⁾.

Генрихъ однако на самомъ дѣлѣ не желалъ войны, тѣмъ болѣе такой, которая могла затянуться на нѣсколько лѣтъ и помѣшать ему, въ случаѣ смерти Карла IX, возвратиться во Францію; въ нетерпѣ-

¹⁾ Донесеніе нунція изъ Кракова отъ 21-го апрѣля 1574 года.

ливомъ ожиданіи этого момента онъ не хотѣлъ усложнять еще болѣе свое затруднительное положеніе, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ являлась необходимость созвать сеймъ, на которомъ, вѣроятно, пришлось бы ему услышать не совсѣмъ пріятныя вещи; поэтому онъ предпочелъ скорѣе предаться бездѣйствію и увеселеніямъ въ кружкѣ немногихъ придворныхъ. И вотъ, когда въ половинѣ апрѣля „въ Браковѣ явился гонецъ, присланный Московскимъ царемъ и требующій опасной грамоты для проѣзда пословъ, которые должны быть присланы къ королю“ ¹⁾, послѣдній не замедлилъ сейчасъ же удовлетворить этому требованію.

Но обѣщанныхъ пословъ Генрихъ уже не дождался. Смерть Карла IX заставила его уѣхать изъ Польши (18-го іюня 1574), и это бѣгство придало всѣмъ дѣламъ иной оборотъ: Полякамъ нельзя было думать о войнѣ съ какимъ бы то ни было сосѣдомъ, а скорѣе предстояло заботиться о продленіи перемирій. По отношенію къ ихъ восточному сосѣду положеніе дѣлъ было теперь совершенно то же, что за два года предъ тѣмъ: Иванъ Грозный сталъ угрожать Рѣчи-Посполитой и намѣревался въ скоромъ времени напасть на Ливонію; между тѣмъ ни Польша, ни Литва не только не были приготовлены къ войнѣ, но даже на первыхъ порахъ не могли бы оказать ему сколько-нибудь значительнаго сопротивленія; повторилось то же самое, что было и въ предыдущее междуцарствіе: заговорили объ избраніи Московскаго царя на польскій престолъ. И теперь кандидатура Ивана была гораздо популярнѣе, нежели въ началѣ перваго безкоролья, — вѣроятно, потому, что на нее легче согласились бы и тѣ, которымъ избраніе Пяста или народнаго короля было очень не по вкусу, и тѣ, которымъ опытъ съ Генрихомъ Валуа сдѣлалъ ненавистными кандидатовъ, принадлежащихъ къ совершенно чуждой народности и не говорящихъ хотя бы только родственнымъ польскому языкомъ. Нунцій на слѣдующій же день послѣ бѣгства Генриха, докладывая о положеніи дѣлъ, пишетъ, между прочимъ, что въ Рѣчи Посполитой „не довѣряютъ также Московскому царю, который, въ виду окончанія перемирія въ половинѣ августа, теперь уже, какъ говорятъ, послалъ къ границамъ Польши 20,000 конницы, и литовскіе паны заботятся о продленіи съ нимъ перемирія; очень вѣроятно, что онъ не намѣренъ начинать какихъ-нибудь военныхъ дѣйствій, но будетъ стоять вооруженнымъ и угрожать съ тою цѣлью, чтобъ имѣть въ Рѣчи Посполи-

¹⁾ Тамъ же.

той свою партію въ случаѣ, если бы дѣло дошло до новаго избранія; не менѣе основательно полагается, что Турокъ готовится къ походу и дастъ поводъ этимъ народамъ прибѣгнуть къ царю, какъ къ его врагу¹⁾.

Та и другая черта въ отношеніяхъ двухъ государствъ еще сильнѣе отмѣчена въ слѣдующемъ донесеніи нунція, гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ имъ высказано довольно характеристическое замѣчаніе, свидѣтельствующее, что онъ не передавалъ однихъ лишь слуховъ, но самъ въ известной степени вѣрилъ въ успѣхъ кандидатуры Ивана IV. „Литовцы“, пишетъ нунцій изъ Кракова 3-го августа 1574 г.—, которые прежде другихъ почувствовали бы руку Московскаго царя, прилежно стараются удержать его надеждою, и еще до этого любезностъю и на собственные средства задержали по настоящее время трехъ пословъ его, которые, послѣ избранія Генриха, вслѣдствіе распространившейся молвы, что король, не желая, или не имѣя возможности пріѣхать въ Польшу, откажется отъ короны, еще до его прибытія, уговариваемые Литовцами, явились въ эту страну въ числѣ 300 человекъ съ опасною грамотою, данною сенатомъ, чтобы въ случаѣ новаго избранія продолжать интриги; а чтобы они тѣмъ охотнѣе тутъ оставались, имъ была отведена для пребыванія мѣстность очень богатая вблизи Вильны по направленію къ Москвѣ. Теперь полагаютъ, что за исключеніемъ вельможъ, которые, имѣя помѣстья и доходы, никогда не пожелаютъ въ свои короли столь могучаго сосѣда, большая часть народа легко согласится на избраніе Московскаго царя. Еслибъ онъ ради служенія христіанству, ради собственнаго спасенія и величія готовъ былъ и обѣщаль оказать повиновеніе папѣ, оставить греческій обрядъ и принять нашъ, то его избраніе было бы желательнѣе, потому что послѣ присоединенія этого государства, котораго онъ вскорѣ въ дѣйствительности сдѣлается владѣтелемъ, у него были бы средства подавить Турокъ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ говорятъ, 45 лѣтъ отъ роду, воспитанъ и опытенъ въ военномъ искусствѣ, вслѣдствіе многихъ побѣдъ привыкъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и считается прирожденнымъ врагомъ не только Турокъ, но и всѣхъ еретиковъ“.

Такъ какъ, не смотря на отсутствіе короля, русскіе послы продолжали оставаться въ Литвѣ, то слѣдуетъ предполагать, что причиною ихъ пребыванія были тайные переговоры о коронѣ для Ивана Грознаго, тѣмъ болѣе, что, когда съ открытіемъ Варшавскаго съѣзда,

¹⁾ Донесеніе нунція изъ Кракова отъ 19-го іюня 1574 г.

одинъ изъ пословъ, Ѳеодоръ Елчаниновъ, 7-го сентября пріѣхалъ въ Варшаву ¹⁾, то „не захотѣлъ явиться на аудіенцію, извиняясь тѣмъ, что ему не поручили вести переговоры съ сенатомъ, а только съ особой короля, Гнѣзненскимъ архіепископомъ ²⁾ и нѣкоторыми другими сенаторами“ ³⁾; очевидно, цѣлю его прібытія были дѣла, о которыхъ онъ считалъ неудобнымъ вести переговоры публично со всѣми государственными чинами, и дѣйствительно, онъ посѣтилъ только знатнѣйшихъ сенаторовъ, а затѣмъ возвратился въ Литву.

Хотя литовскіе паны не были довольны присутствіемъ пословъ, ибо не благоприятствовали избранію Ивана въ короли, но они не рѣшались понуждать ихъ удалиться, разчитывая, какъ и прежде, ловкою политикою и обѣщаніями отвлечь грознаго сосѣда отъ наступательныхъ дѣйствій не только противъ самой Литвы, но и противъ Ливоніи.

Казалось, царь и теперь позволить себа перехитрить; но такъ какъ въ своихъ письмахъ онъ говорилъ о перемиріи только съ Польшою и Литвою, не упоминая даже о Ливоніи, то литовскіе паны смеялись, что онъ намѣренъ исключить эту послѣднюю провинцію изъ перемирія. Предположеніе это не было неосновательно. Въ началѣ безкорольвья военныхъ дѣйствій не было, но съ наступленіемъ зимы Иванъ IV вторгнулся въ шведскую часть Ливоніи и разорилъ ее, къ чему—какъ полагали въ Польшѣ ⁴⁾—подстрекнулъ его воевода Валашскій, Богданъ, изгнанный Турками, а вслѣдъ затѣмъ герцога Магнуса, съ 12,000 русской конницы, вторгся и въ польскую Ливонію; это возбуждало опасеніе, что и самъ царь послѣдуетъ за Магнусомъ; между тѣмъ Рѣчь-Посполитая не была въ состояніи оказать помощи слабо укрѣпленнымъ и вовсе не приготовленнымъ къ долгой оборонѣ ливонскимъ крѣпостямъ.

Подъ вліяніемъ этихъ извѣстій число приверженцевъ Ивана увеличивалось, тѣмъ болѣе что онъ, хотя угрожалъ Ливоніи, старался привлечь на свою сторону въ Литвѣ будущихъ избирателей. Кромѣ знатнѣйшихъ семействъ, „остальная часть Литвы“—писалъ нунцій—„ради безопасности страны склоняется въ пользу Московскаго царя, который ведетъ большія интриги въ Вильнѣ черезъ посредство своего

¹⁾ Донесеніе нунція изъ Скерневиць отъ 12-го сентября 1574 г.

²⁾ Яковомъ Уханскимъ.

³⁾ Письмо нунція изъ Скерневиць отъ 14-го сентября 1574 г.

⁴⁾ Письмо нунція же изъ Скерневиць отъ 29-го марта 1575 г.

посла, находившагося прежде въ Варшавѣ на конвокаціонномъ съѣздѣ, и кромѣ того, съ этою же цѣлью, но подъ предлогомъ переговоровъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ съ королемъ, а въ его отсутствіе съ сенатомъ, отправилъ знатнаго посла, сопутствуемаго 200 всадниковъ; онъ находится въ Оршѣ и живетъ на счетъ литовскихъ пановъ¹⁾. Объ этомъ посланникъ нунцій ничего болѣе не сообщаетъ, а потому можно думать, что его дѣятельность не была успѣшна, и что не столько его интриги умножали число приверженцевъ Ивана, сколько военные предпріятія и демонстраціи царя; нунцій свидѣтельствуетъ объ этомъ довольно ясно: „Есть слухи, что другое его войско“—первое было послано въ Ливонію—„является у границъ Литвы, что, если окажется истиннымъ, будетъ означать, что царь хочетъ попытаться заставить избрать его въ короли изъ чувства страха, тѣмъ болѣе, что на прежнемъ избирательномъ сеймѣ не оправдались его надежды, основанныя—при союзѣ и дружбѣ—на обѣщаніяхъ Литовцевъ“²⁾. Въ другой разъ, когда разнесся слухъ о взятіи Магнусомъ Пернова, нунцій опять докладывалъ въ своемъ письмѣ изъ Варшавы отъ 31-го іюля 1575 г.: „Подозрѣваютъ, что царь предпринимаетъ такіа движенія по совѣту и ходатайству нѣкоторыхъ лицъ, желавшихъ избрать его въ Польскіе короли, и которыя, замѣчая вѣроятно большія въ этомъ затрудненія, хотѣли достигъ цѣли, внушая страхъ къ нему: вельможи не хотятъ его ни за что, но народъ обнаруживаетъ къ нему расположеніе“.

Можно полагать на основаніи этихъ свидѣтельствъ современника, внимательно слѣдившаго за событіями, что Иванъ Грозный въ эту эпоху своего царствованія серьезно, чѣмъ въ предшествующее время, преслѣдовалъ мысль о приобрѣтеніи польской короны, но какъ прежде, такъ и теперь, не высказывалъ ея опредѣленно и рѣшительно. Цѣлью его политики было заставить Поляковъ, чтобы они сами поднесли ему корону, то-есть, чтобы онъ могъ принять ее на условіяхъ выгодныхъ для себя и для своего государства, а не для нихъ и для Польши. Вслѣдствіе того онъ не нарушалъ границъ Рѣчи Посполитой, такъ какъ вторженіе его повело бы къ войнѣ и сдѣлало бы избраніе его положительно невозможнымъ, но какъ сказано выше, старался вызвать требуемое рѣшеніе государственныхъ чиновъ военными демонстраціями и тайною пропагандою. Поведеніе его гонцовъ на сеймахъ

¹⁾ Донесеніе изъ Скерневицъ отъ 10-го февраля 1575 г.

²⁾ Донесеніе изъ Скерневицъ отъ 29-го марта 1575 г.

въ Стенжицѣ и Варшавѣ — о чемъ будетъ ниже — подтверждаетъ это предположеніе. Хотя руководящая идея политики Ивана и условія, на которыхъ онъ соглашался принять корону ¹⁾, были въ Польшѣ не безъизвѣстны, тѣмъ не менѣе, какъ видно и изъ слѣдующихъ ниже свидѣтельствъ, ни того, ни другаго не принимали серьезно въ расчетъ. Въ задачу нашего труда не входитъ анализъ тогдашнихъ политическихъ идеаловъ шляхты и ея взгляда на кандидатуру Ивана; притомъ это отчасти уже указано другими ²⁾; считаемъ однако нужнымъ замѣтить, что у шляхты была тоже своя точка зрѣнія: она готова была избрать царя въ короли ради своей пользы и пользы Рѣчи-Посполитой, но не ради его пользы; она полагала, что когда дѣло пойдетъ къ развязкѣ, царь не будетъ твердо стоять за свои условія, а предложитъ другія, или же приметъ предложенныя ему; въ надеждѣ на то, польская шляхта, также какъ и литовская, открыто выражала царю свои симпатіи и даже вошла съ нимъ въ непосредственныя сношенія, къ вѣщему неудовольствію пановъ, особенно литовскихъ, „которые еще до Стенжицкаго сейма задержали одного польскаго шляхтича, по имени Граевскаго, который, переодѣвшись купцомъ, возвращался отъ Московскаго царя; они привели его съ собою на упомянутый сеймъ и затѣмъ посадили въ тюрьму въ Вильнѣ, намѣреваясь, быть можетъ, подвергнуть его пыткамъ, чтобъ обстоятельнѣе разузнать эту интригу“ ³⁾.

По мѣрѣ приближенія срока Стенжицкаго сейма, все болѣе и болѣе росли симпатіи шляхты къ царю и его сыну, а во время самого сейма онѣ были, такъ сказать, коллективно высказаны въ слѣдующемъ четырехстишіи:

Кто цесаря называетъ (избираетъ),
Тотъ смерть себѣ готовитъ;
Если бы былъ Ѳеодоръ, какъ Ягайло,
Намъ бы съ нимъ хорошо было ⁴⁾,

¹⁾ Ср. Hist. Russiae monumenta, томъ I, стр. 170.

²⁾ *Записки В.*, Po ucieczce Henryka, стр. 231.

³⁾ Письмо нунція въ Варшаву отъ 16-го августа 1575 г.

⁴⁾ Подлинный текстъ этой надписи (Kto cesarza mianuje—Ten śmierć sobie gotuje—By chciał być Fiedor jak Jagiello—Dobrze by nam z nim było) сохранился въ одномъ изъ писемъ Авдreja Дудича къ Максимилиану II (отъ 14-го іюня, въ Вѣнскомъ государственномъ архивѣ). Нунцій передаетъ ее въ письмѣ отъ 28-го мая, но въ латинскомъ переводѣ: «Qui vult eligere Caesarem, inquirit sibi mortem; si Moscus, si Jagiello fieret catholicus, non esset nobis inutilis».

которое однажды ночью появилось на крестѣ, водруженномъ въ землю передъ мѣстомъ засѣданій сената, составившаго будто бы заговоръ съ цѣлью избранія въ короли императора Максимилиана. Шляхта, враждебная каждому кандидату изъ Габсбургскаго дома, въ большомъ напряженіи умовъ ожидала въ Стенжицѣ московскаго гонца и его предложений, на основаніи которыхъ она могла бы выставить царя или его сына своимъ кандидатомъ противъ кандидата сената и приступить къ его провозглашенію. Гонецъ, дѣйствительно, пріѣхалъ и „24-го мая былъ принятъ въ аудіенціи, въ которой онъ гордо и въ короткихъ словахъ сказалъ, что если бы паны намѣревались избрать новаго короля и думали, что царь былъ въ состояніи помочь имъ, то чтобъ увѣдомили его объ этомъ, ибо онъ не замедлитъ отправить къ нимъ пословъ и помогать имъ въ томъ, чтобъ они потребовали, а пока онъ желаетъ соблюдать съ ними перемиріе“¹⁾.

Вслѣдствіе такого заявленія дѣло осталось *in statu quo ante*: Иванъ требовалъ, чтобъ ему поднесли корону, шляхта же—чтобъ онъ просилъ о ней. Чтобы воспрепятствовать избранію цезаря, шляхта разлѣхалась по домамъ, и сеймъ кончился ничѣмъ. Но такъ какъ скорѣ вслѣдствіе общаго требованія долженъ былъ быть созванъ другой сеймъ, шляхта, все еще расположенная къ царю, продолжала надѣяться, что Иванъ убѣдится въ безуспѣшности той политики, которой онъ держался доселѣ. „Московскаго царя“—пишетъ нунцій изъ Варшавы 16-го августа 1575 г.—„желаетъ вся низшая шляхта, какъ польская, такъ и литовская, которая, стремясь высвободиться изъ зависимости отъ пановъ, всѣми средствами старается объ избраніи его, и уже почти всѣ русскія воеводства требуютъ этого, какъ видно изъ перехваченныхъ писемъ нѣкоторыхъ пановъ, писанныхъ къ царю, какъ изъ Руси, такъ и изъ другихъ провинцій“. За мѣсяцъ до открытія избирательнаго сейма нунцій опять объ этомъ докладываетъ: „Можно предполагать, что этотъ сеймъ, по причинѣ зимы, которая уже наступила и даетъ себя сильно чувствовать, не будетъ продолжителенъ; вслѣдствіе того избраніе короля или состоится въ началѣ его, или будетъ отсрочено, вѣроятно до мая мѣсяца, а въ случаѣ отсрочки партія Московскаго царя будетъ сильнѣе, такъ какъ у него будетъ время отправить туда пословъ, и онъ, можетъ быть, позволитъ убѣдить себя принять католическую вѣру, что было бы спасеніемъ не только для этого государства (то-есть Польши), но и для всего христіанства. Архі-

¹⁾ Донесеніе нунціа изъ Варшавы отъ 28-го мая 1575 г.

епископъ ¹⁾ съ цѣлою толпою низшей шляхты готовъ назвать и предложить его, и этого достаточно будетъ для того, чтобъ шляхта его избрала, не смотря на сопротивленіе и противождѣйствіе бѣльшей части пановъ. Я полагаю-бы, что если-бы можно было въ тайнѣ вести переговоры съ его послами, особенно при посредничествѣ архіепископа, который въ подобномъ случаѣ по своему характеру и изъ страха сохранилъ бы тайну, не было бы, можетъ быть, слишкомъ трудно убѣдить царя подчиниться апостолическому престолу, особенно если обѣщать ему отъ имени папы титулъ Цареградскаго императора съ правомъ первенства, когда бы онъ съ помощью Божіею завладѣлъ этимъ городомъ, а архіепископу санъ патріарха Цареградскаго, чтобъ сдѣлать вѣнчаніе болѣе торжественнымъ ²⁾.

Итакъ число приверженцевъ царя и его сына, очевидно, постоянно увеличивалось; тѣмъ основательнѣе нунцій, докладывая о шансахъ всѣхъ кандидатовъ, могъ сдѣлать замѣчаніе, что „Московский царь очень выдвинулся впередъ“ ³⁾, что на его сторону готовъ былъ перейти и первый сенаторъ Рѣчи Посполитой, Гнѣзненскій архіепископъ. Это было уже послѣ конвокаціоннаго сейма (4-го октября 1575 г.), значить, въ тотъ моментъ, когда архіепископъ окончательно рѣшился оставить дѣло Генриха, защищаемое имъ до того времени, и принять участіе въ избирательномъ сеймѣ въ пользу другой кандидатуры. Свиданіе и переговоры съ царскимъ гонцомъ во время Варшавскаго сѣзда (въ сентябрѣ 1574 г.), большая популярность царя и его сына среди шляхты и надежда, что тотъ или другой, послѣдуютъ примѣру Ягайлы, были, вѣроятно, причиною симпатій примаса, хотя нунцій обвинялъ въ этомъ и его родственниковъ, „которые, происходя изъ Руси, благопріятствуютъ Московскому царю“ ⁴⁾. Но такъ какъ ожиданія нунція относительно переговоровъ съ послами Ивана не осуществлялись—ибо не было даже слуховъ объ ихъ отправленіи въ Польшу,—то онъ постоянно ухаживалъ за примасомъ, чтобъ убѣдить его оставить мечты о царѣ или о его сынѣ, и склонить его въ пользу императора Максимилиана II, тѣмъ болѣе, что это было

¹⁾ Яковъ Уханскій; онъ, какъ Гнѣзненскій архіепископъ, примасъ и первый сенаторъ, прежде другихъ на избирательномъ сеймѣ подавалъ голосъ; того, кого онъ называлъ, считали какъ будто предложеннымъ къ избранію кандидатомъ.

²⁾ Донесеніе нунція изъ Варшавы отъ 10-го октября 1575 г.

³⁾ Въ донесеніи изъ Варшавы отъ 27-го октября 1575 г.

⁴⁾ Донесеніе изъ Варшавы отъ 10-го октября 1575 г.

согласно съ указаніями, которыя нунцій получалъ изъ Рима. Хотя архіепископъ былъ слабъ характеромъ и ловкому человѣку, казалось, легко было управлять имъ, но какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ примасъ, при слабомъ характерѣ былъ упрямъ въ своихъ воззрѣніяхъ — „Мнѣ“, писалъ нунцій изъ Варшавы 15-го ноября 1575 г., „приходится встрѣчать большія затрудненія во время этого сейма, нежели во время предыдущаго Стенжицкаго, ибо во время сего послѣдняго, всякая услуга, которую архіепископъ оказалъ бы другимъ (претендентамъ), равнялась бы обидѣ королю (то-есть, Генриху Валуа), а ему нужно было тогда дѣлать видъ, что онъ имѣетъ въ виду только пользу короля. Теперь, когда онъ не надѣется на возвращеніе короля и не вошелъ въ соглашеніе съ другими на счетъ избранія новаго, то думаетъ удовлетворить желанію папы, предлагаемаго императора, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что можетъ назвать и другихъ, не обижая послѣдняго, и на дняхъ мнѣ стоило многихъ усилій убѣдить его твердо стоять только за императора, ибо онъ всачески хотѣлъ присоединить Шведскаго короля ¹⁾ и Московскаго царя, въ случаѣ если бы первый обязался отречься отъ ереси и принять католичество, а второй обѣщалъ бы подъ присягою оставить греческую вѣру и принять латинскую, оказывая должное повиновеніе святому апостолическому престолу. Теперь, когда архіепископъ сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ предложить государственнымъ чинамъ императора, Шведскаго короля и Московскаго царя, я отвѣчалъ ему улыбаясь, что ради полноты недостаетъ тутъ еще четвертаго; онъ спросилъ меня, кто бы еще могъ быть подходящимъ кандидатомъ, и я сдѣлалъ намекъ на Турецкаго султана. Архіепископъ удивился. „Это потому“, отвѣчалъ я,— „что если по сосѣдству дозволено главѣ духовенства и всей Рѣчи Посполитой условно предлагать еретика, схизматика, то по той же самой причинѣ можно назвать и невѣрнаго, съ условіемъ чтобъ онъ обѣщалъ сдѣлаться христіаниномъ; и такимъ образомъ мнѣніе примаса государства вполнѣ будетъ удовлетворять желаніямъ католиковъ, еретиковъ, схизматиковъ и невѣрныхъ“. Наконецъ замѣчая, что я порицалъ его мнѣніе, и не находя возможнымъ оправдаться, онъ свазалъ, что далъ на то свое слово и не хочетъ, чтобъ его упрекали въ непостоянствѣ. Я возразилъ ему, что твердость характера считается добродѣтелью, и слѣдовательно, невозможна въ дурныхъ дѣлахъ, а потому вполнѣ несогласно съ до-

¹⁾ Іованна III, отца Польскаго короля Сигизмунда III.

стойнствомъ его и всего духовенства предлагать еретика или схизматика, и что я не зналъ бы, какъ оправдать его въ такомъ случаѣ передъ папою, не говоря уже о томъ, что его поведеніе угрожало бы опасностью возбудить замѣшательства, такъ какъ приверженцы того или другого кандидата, будутъ довольствоваться предложеніемъ примаса, не принимая во вниманіе высказанныхъ имъ условій. Цѣлый вчерашній день онъ боролся самъ съ собою, и наконецъ, рѣшился на хорошее, желая (какъ онъ объявилъ это сегодня, приславъ ко мнѣ референдарія Чарниковскаго) предложить одного только императора“.

Съ своей стороны шляхта на избирательный сеймъ явилась съ намѣреніемъ вручить польскую корону Ивану. Описывая происшествія первой недѣли сейма, В. Лаурео увѣряетъ, что „Московскій царь будетъ имѣть не малую партію, если условія, которыя должны быть представлены его гонцомъ (котораго ожидаютъ) будутъ соответствовать желаніямъ его приверженцевъ; они, состоя изъ мелкой шляхты, могутъ произвести большое смятеніе, если бы рѣшились, даже противъ воли сената (какъ этого опасаются), приступить къ провозглашенію цѣлою толпою (Московского царя королемъ) безъ поголовной подачи голосовъ во воеводствамъ по тому способу, который былъ соблюдаемъ во время избранія Генриха“¹⁾.

Положеніе, слѣдовательно, и теперь было то же, что въ началѣ Стенжицкаго сейма: шляхта была расположена въ пользу Ивана Грознаго и готова избрать его или его сына, если бы царь, согласно ея обычаямъ, понятіямъ и видамъ, представилъ удобныя условія; всѣ надѣялись, что это и послѣдуетъ, и какъ въ Стенжицѣ, такъ и теперь, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали царскаго гонца. „Онъ пріѣхалъ 19-го ноября, и шляхта послала ему на встрѣчу депутацію; сенаторамъ это не понравилось, и они напомнили ей, что подобныя обязанности не ея дѣло, а дѣло сенатора, который, не имѣя обыкновенія оказывать такихъ почестей даже посламъ императора и королей, нашелъ страннымъ, что онѣ были оказаны шляхтою даже не послу, а простому гонцу. На это отвѣтили, что шляхта, замѣчая, что другіе государи, за исключеніемъ Московскаго, пользуются благосклонностью сената, не могла не выразить такой предупредительности въ доказательство своего сочувствія къ царю. Упомянутый гонецъ получилъ аудіенцію 17-го числа съ большою торжественностью и въ сопровожденіи большой толпы; но *natus est ridiculus mus*; онъ пред-

¹⁾ Донесеніе нунція изъ Варшавы, отъ 13-го ноября 1575 г.

ставилъ только письмо своего государя къ сенату и государственнымъ чинамъ, въ которомъ тотъ заявляетъ, что, намѣреваясь отправить къ нимъ посла не знатнаго, какого обыкновенно онъ посылаетъ къ королю, и не самаго низшаго, а средняго ранга, соотвѣтственно ихъ достоинству, требуетъ для него опасной грамоты; все это было высказано въ столь неприличной и столь грубой формѣ, что приверженцы царя были сконфужены, а другіе не хотятъ даже слышать о немъ; вслѣдствіе того значительная часть шляхты, которая прежде кричала: Московскій царь, теперъ охладѣла“ ¹⁾. То же самое случилось и съ архіепископомъ, который окончательно перешелъ на сторону императора, и „сознавая свое заблужденіе, въ которое онъ впалъ бы, если бы предложилъ Шведскаго короля и Московскаго царя, и замѣчая, что онъ повсюду восхваляемъ знатнѣйшими панами и всѣми добрыми, благодарилъ меня не только за совѣтъ, но и за строгое увѣщаніе, прибавивъ, что не многого нужно было, чтобъ отвлечь его отъ навѣтовъ злыхъ людей“ ²⁾.

Съ тѣхъ поръ кандидатура Московскаго царя окончательно падаетъ, и уже нѣтъ больше рѣчи ни о немъ, ни о его сынѣ. Правда, нунцій еще разъ доноситъ: „Сегодня вся шляхта совѣщалась отдѣльно, и сенаторы также каждый въ своемъ воеводствѣ, и какъ господинъ Ласкій ³⁾ рассказывалъ мнѣ сегодня вечеромъ, вается обсуждается вопросъ, нельзя-ли всей шляхтѣ завтра собраться въ одинъ кругъ для совѣщаній о наименованіи короля; если этому не помѣшаютъ, о чемъ всѣми силами стараются, ⁴⁾ то предстоитъ опасность, что король будетъ избранъ аккламаціей, а въ этомъ случаѣ самую большую партію будетъ имѣть или Пястъ, или царь Московскій“ ⁵⁾; но аккламація, которой мы опасались 24-го ноября въ пользу Пяста или Московскаго царя, не состоялась, ибо Мазовшане (которые присутствуютъ въ большомъ числѣ) хотѣли совѣщаться отдѣльно, а вслѣдствіе того другіе, замѣчая, что ихъ всѣхъ не много, совѣщались тоже отдѣльно“ (то-есть, по воеводствамъ) ⁶⁾. Но это показаніе справедливо только по отношенію къ Пясту: по окончаніи

¹⁾ Донесеніе нунція изъ Варшавы, отъ 24-го ноября 1576 г.

²⁾ Loc. cit.

³⁾ Альбрехтъ Ласкій, срадацкій воевода.

⁴⁾ Старались объ этомъ нунцій и другіе приверженцы Максимилиана; нунцій, говоря о своихъ дѣйствіяхъ, всегда употребляетъ безличное выраженіе.

⁵⁾ Донесеніе нунція, отъ 24-го ноября 1576 г.

⁶⁾ Донесеніе нунція изъ Варшавы, отъ 3-го декабря 1576 г.

аудіенціи царскаго гонца (17-го ноября) и послѣ подачи голосовъ въ сенатъ (22-го ноября) государственные чины колебались только между двумя кандидатами — Максимиліаномъ II или Пястомъ. Одинъ изъ двухъ Пястовъ, Костка или Тенчинскій, получилъ бы безъ сомнѣнія королевское достоинство, если бы приверженцы Максимиліана не упрямились и не поторопились бы провозгласить его королемъ вопреки волѣ большинства. Послѣ того избраніе Стефана Баторія противною партией сдѣлалось необходимою, и оно, дѣйствительно, послѣдовало. Такимъ образомъ второе междуцарствіе въ Польшѣ окончилось болѣе опаснымъ для нея двоецарствіемъ.

Посмотримъ, какія извѣстія сообщаетъ Викентій Лаурео объ отношеніяхъ царя къ обоимъ избраннымъ королямъ—Максимиліану II и Стефану Баторію.

Мы уже знаемъ, что пріобрѣтеніе польской короны составляло горячее желаніе Ивана Грознаго; естественно, что онъ предпочелъ бы достигъ этого скорѣе мирными средствами, чѣмъ оружіемъ; поэтому, когда обнаружилось, что корона не выпадетъ на его долю, онъ рѣшился поддерживать въ Рѣчи Посполитой того претендента, который былъ бы готовъ уступить ему Ливонію, а такимъ претендентомъ былъ Германскій императоръ или одинъ изъ его сыновей. Въ этомъ, равно какъ и по отношенію къ Турціи, сошлись интересы Максимиліана и Ивана Грознаго въ Польшѣ;—вслѣдствіе того онъ еще въ 1573 году сталъ совѣтовать Полякамъ избрать въ король эрцгерцога Эрнеста, предлагая имъ въ такомъ случаѣ свою дружбу и союзъ, наградой за которія была бы, вѣроятно, Ливонія. Теперь, когда Польскимъ королемъ провозглашенъ былъ Максимиліанъ II, въ Польшѣ опять „получено было письмо отъ Московскаго царя ко всѣмъ государственнымъ чинамъ, въ которомъ онъ изъявляетъ большую радость по поводу того, что, если не могъ быть избранъ его сынъ, то королевское достоинство получилъ императоръ, его дражайшій братъ, и увѣщаетъ пановъ стоять за императора и вѣнчать его, обѣщая имъ свою постоянную дружбу въ пользу друзей и во вредъ врагамъ, въ частности же высказываетъ желаніе войти въ лигу противъ Турокъ изъ папы, императора и другихъ христіанскихъ государей; напротивъ того, если они рѣшатся признать королемъ другаго, угрожаетъ тотчасъ же объявить имъ войну“¹⁾).

Вслѣдъ за этимъ письмомъ явился въ Польшу и царскій гонецъ,

¹⁾ Донесеніе нунція изъ Варшавы отъ 23-го апрѣля 1576 года.

„Литовскіе паны“, пишетъ нуицій изъ Варшавы 11-го марта 1576 г.,— „поручили одному изъ своей среды сопровождать на дняхъ въ Ловичъ гонца Московскаго царя, который приказалъ ему дѣйствовать въ пользу императора. Такъ какъ только немногіе паны съѣхались въ Ловичъ, то они и порѣшили дать гонцу аудіенцію лишь съ условіемъ, что онъ представитъ свои предложенія въ другомъ мѣстѣ, гдѣ находилось бы большее число пановъ, и ради пользы императора просили его, чтобъ онъ съ этою цѣлью отправился въ Краковъ, гдѣ находятся на лицо многіе сенаторы. Гонецъ отвѣчалъ, что такъ какъ въ государствѣ нѣтъ короля, то онъ никого другого не считаетъ главою государства, кромѣ архіепископа, и что онъ не получилъ приказанія представлять какихъ бы то ни было предложеній тамъ, гдѣ не присутствовалъ бы упомянутый архіепископъ, но если бы послѣдній пожелалъ ѣхать въ Краковъ, то онъ также отправится вслѣдъ за нимъ и въ его присутствіи выполнить свои обязанности. И ничего другого нельзя было добиться. Хотя съѣздъ былъ закрытъ въ понедѣльникъ масляницы ¹⁾, гонецъ тѣмъ не менѣе находится до сихъ поръ въ Ловичѣ. Онъ пріѣхалъ туда самъ-семъ; онъ и всѣ его спутники одѣты по московски; они въ шелковую одежду, онъ же въ парчевую, въ шапочкѣ, украшенной жемчужинами, въ большой шапкѣ изъ рысскихъ шкуръ; этой шапочки онъ никогда не снималъ, а только шапку. Когда онъ явился на аудіенцію, его пригласили прежде присѣсть въ одномъ изъ покоевъ замка; но, вида, что медлятъ принятіемъ его, онъ поднялся съ мѣста и сказалъ, что присланъ своимъ государемъ за тѣмъ, чтобы говорить, а не чтобы ожидать, тогда его тотчасъ впустили въ первую комнату, а въ дверяхъ второй онъ былъ принятъ архіепископомъ ²⁾, Равскимъ воеводою ³⁾, кореннымъ маршалкомъ ⁴⁾, знатнѣйшими панами Мазовшанами и немногими другими панами. Увидѣвъ архіепископа, онъ приостановился съ намѣреніемъ говорить, но его вниманіе обратили на то, что слѣдуетъ войти въ третью комнату, гдѣ всѣ присѣли. Гонецъ, снявъ шапку и отдавъ честь одному только архіепископу, сѣлъ на приготовленный для него стулъ, пониже сенаторовъ на сторонѣ архіепископа, и когда онъ сказалъ нѣсколько словъ, его пригласили надѣть шапку; онъ смотрѣлъ

¹⁾ Lunedì di carnevale, то-есть, 5-е марта 1576 г.

²⁾ Яковомъ Уханскимъ.

³⁾ Анзельмомъ Гартоскимъ.

⁴⁾ Андреемъ Опалинскимъ.

постоянно на архіепископа, не обращаясь никогда къ другимъ панамъ, говорилъ по русски черезъ переводчика, маршалъ же отвѣчалъ ему по польски“.

Этою одною аудіенціей ограничилась гласная дѣятельность гонца. Въ томъ же письмѣ нунцій сообщаетъ дальше, что „гонецъ или посланникъ Московскаго царя уѣхалъ уже изъ Ловича, получивъ, согласно своему требованію, отъ архіепископа, отъ имени Ловичскаго сѣзда, опасную грамоту для главнаго посла, котораго царь желаетъ возможно скоро отправить въ Польшу“.

Такимъ образомъ, уже четвертый русскій гонецъ являлся въ Польшу съ требованіемъ опасной грамоты или глейта для другихъ пословъ, которыхъ напрасно ожидали Поляки. Поэтому не лишено кажется основанія предположеніе, что со стороны Ивана это была только уловка, съ цѣлью развѣдать положеніе дѣлъ въ Польшѣ и отвлечь вниманіе Поляковъ отъ военныхъ приготовленій противъ Ливоніи: Царь рѣшился воспользоваться раздорами въ Рѣчи Посполитой, чтобъ оружіемъ проложить себѣ путь къ Балтійскому морю по Двинѣ. Вскорѣ мы увидимъ его среди военныхъ дѣйствій въ Ливоніи, а пока намъ слѣдуетъ обратить вниманіе еще на другія свидѣтельства нунція о подробностяхъ Максимилианова дѣла въ Польшѣ и о сношеніяхъ цезаря съ царемъ по этому поводу.

Упомянутое выше письмо, которое царь отправилъ въ Польшу, вѣроятно, по внушенію находившихся тогда въ Москвѣ императорскихъ пословъ Ивана Кобенцель и Даниила Принца, не возмѣло ожидаемаго Максимилианомъ дѣйствія. „Архіепископъ и нѣкоторые другіе паны заключили изъ этого письма, что императоръ отправивъ къ царю пословъ для переговоровъ о соглашеніи и союзѣ и отсрочивъ такимъ образомъ рѣшеніе о принятіи короны, поступаетъ съ ними не искренно, то-есть, подъ предлогомъ избранія его въ короли замышляетъ завладѣть Польшею, не обязываясь къ исполненію условій, но въ то же время ослабляя Рѣчь Посполитую несогласіемъ, чтобъ тѣмъ удобнѣе сдѣлаться владѣтелемъ или всей ея, или болшей ея части, предоставивъ Литву или Ливонію съ Пруссіей Московскому царю. Такимъ образомъ императоръ, вмѣсто того чтобы посредствомъ соглашенія съ царемъ угрозами привлечь на свою сторону противную партію ¹⁾ и ободрить свою, вызвалъ совершенно про-

¹⁾ Стевана Баторія; Максимилианъ провозглашенъ былъ 12-го декабря 1576 г. и до 23-го марта 1576 г. не могъ рѣшиться, принять ли ему корону, или нѣтъ;

тивоположныя послѣдствія, ибо противники вслѣдствіе нерѣшительности императора дѣлаются все упрямѣе, а наши стали такъ подозрительны, что во избѣжаніе гибели государства рѣшили согласиться на избраніе и вѣнчаніе Баторія, если императоръ съ необходимою въ этомъ случаѣ скоростью не предупредитъ его въ Польшѣ¹⁾.

Опасенія Поляковъ дѣйствительно не были тщетны, какъ объ этомъ опредѣленно свидѣлствуетъ самъ же нунцій, ревностный защитникъ и поборникъ избранія Максимилиана, посвященный въ тайны и направленіе политики Габсбурговъ императорскими послами и письмами нунція при Вѣнскомъ дворѣ. „Императоръ расчитываетъ“, пишетъ Лаурео изъ Варшавы 19-го апрѣля 1576 года—„безъ большихъ издержекъ пріобрѣсти для себя или для эрцгерцога Эрнеста Пруссію и Литву, поддерживая въ Польшѣ раздоры и входя въ соглашеніе съ Московскимъ царемъ, которому онъ уступитъ Ливонію, а потомъ онъ думаетъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для овладѣнія Польшею безъ большихъ заботъ, обязательствъ и издержекъ, болѣе же всего потому, что Баторій, какъ король, не будетъ пользоваться у Поляковъ большимъ авторитетомъ, а слѣдовательно, будетъ безсиленъ и ради собственныхъ выгодъ будетъ принужденъ стараться избѣгать турецкой помощи, ибо въ противномъ случаѣ онъ бы сдѣлался невольникомъ Турокъ“. Для пополненія сказаннаго слѣдуетъ прибавить, что Максимилианъ II, который не ожидалъ такого сопротивленія въ Польшѣ и не воображалъ найти соперника, поддерживаемаго Турками, не былъ въ состояніи сдержать данное его послами обѣщаніе о томъ, что онъ пріѣдетъ въ Польшу чрезъ мѣсяць послѣ своего избранія. Отвѣтомъ на его пріѣздъ туда было бы вторженіе Турокъ въ собственныя его владѣнія, на защиту которыхъ не было у него ни войска, ни денегъ. Прежде чѣмъ рѣшиться на смѣлый шагъ по дѣламъ Польши, Максимилиану слѣдовало заручиться помощью собственныхъ подданныхъ, выхлопотать у имперскихъ чиновъ деньги на турецкую войну, позаботиться о союзникахъ и быть въ состояніи отразить первый, по крайней мѣрѣ, напоръ Турокъ. Вотъ каковы были причины, по которымъ онъ медлилъ принятіемъ польской короны и не могъ лично явиться въ Польшу. Онъ отправилъ туда только новыхъ пословъ, чтобы тѣ обѣщаніями и день-

Баторій же былъ провозглашенъ 15-го декабря 1575 г. и уже 8-го февраля слѣдующаго года принесъ присягу на *роста conventa* и проч.

¹⁾ Домесеніе нунція изъ Варшавы отъ 11-го марта 1576 года.

тами поддерживали его партію, и если онъ въ виду успѣховъ Баторія не надѣялся уже овладѣть всею Рѣчью-Посполитой, то хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, удержать за собою половину ея и полагалъ, что ему удастся это, даже если его военныя силы были бы отвлечены турецкою войною—при помощи Ивана Грознаго и при внутреннемъ разладѣ въ Польшѣ. Эти замыслы императора, вполнѣ противорѣчившіе всѣмъ прежнимъ его увѣреніямъ, удивили самого даже нунція, ибо они, безъ сомнѣнія, шли въ разрѣзъ съ папскою политикою. Понятно, что послы Максимилиана даже передъ довѣренными лицами скрывали его замыслы; но нунцій съ свойственною ему проницательностью угадалъ суть дѣла изъ рѣчей и разговоровъ съ самими же послами: „Если императоръ не позаботится въ концѣ концовъ о сильной и скорой помощи (приверженцамъ своимъ въ Польшѣ), то мало по малу онъ будетъ оставленъ, теряя при этомъ всѣ израсходованныя суммы, а отчасти лишаясь и уваженія. Я не замедлил откровенно увѣдомить объ этомъ его пословъ, которые надѣяты, что при помощи Московскаго царя и если Литовцы и Пруссаки останутся ему вѣрны, императоръ можетъ овладѣть Литвой и Пруссіей, уступивъ царю Ливонію и вступивъ съ нимъ въ родственныя связи, чрезъ выдачу вдовствующей Французской королевы ¹⁾ за его старшаго сына, и этимъ путемъ овладѣть остальною Польшею; онъ даже согласился бы уступить Московскому царю и Литву за помощь противъ Турокъ, лишь бы только за нимъ остались Польша и Пруссія; и на сколько можно заключать изъ словъ господина Попеля, перваго его посла, должно быть, существуетъ какое-то тайное соглашеніе и союзъ между ними по этому дѣлу; на этомъ, можетъ быть, и основывается та большая надежда, которой предается императоръ“ ²⁾. Въ этомъ предположеніи убѣдило нунція отправленное царемъ посольство въ Регенсбургъ на германскій сеймъ 1576 года и предложеніе посла, „изъ котораго видно, что существуетъ трактатъ между императоромъ и царемъ, въ силу котораго императоръ долженъ стараться завладѣть Польшею и Пруссіей, а Ливонію и Литву уступить царю. Это обстоятельство готово отвортить отъ императора умы упомянутыхъ народовъ, которые ради своего сохраненія желаютъ уни“ ³⁾.

¹⁾ Елизавету, вдову Карла IX.

²⁾ Донесеніе нунція изъ Варшавы отъ 15-го мая 1576 года.

³⁾ Донесеніе изъ Бреслава отъ 9-го августа 1576 года.

Пока это донесеніе шло въ Римъ, высказанное въ немъ опасеніе стало уже совершившимся фактомъ. Въ маѣ и іюнѣ на сторону Стефана Баторія перешли не только немногочисленные приверженцы императора въ самой Коронѣ, но и вся Литва и Пруссія; ему пришлось улаживать дѣло съ однимъ только пріютомъ оппозиціи, съ упорнымъ Данцигомъ.

Прежде нежели это двоецарствіе въ Польшѣ кончилось побѣдою Стефана Баторія, въ умѣ нѣкоторыхъ тогдашнихъ политиковъ, заботившихся о примиреніи обѣихъ партій, родился проектъ такого примиренія, въ которомъ главная роль досталась Ивану Грозному.

Еще во время избирательнаго сейма, въ полномъ разгарѣ споровъ, замѣчая среди шляхты большое противодѣйствіе избранію Максимилиана съ одной стороны и неуступчивость его приверженцевъ съ другой, нунцій полагалъ, что нѣтъ лучшаго средства къ примиренію или соглашенію противниковъ, „какъ только стараться всѣми честными способами, чтобы царь согласился на пристойныя условія, которыхъ требуютъ духовенство и шляхта, оказывающая ему такое расположеніе, что трудно будетъ воспрепятствовать избранію его“¹⁾. Спустя три мѣсяца, когда Максимилианъ въ своемъ затруднительномъ положеніи еще колебался, а Стефанъ Баторій тоже вопреки ожиданіямъ не являлся въ Польшу, нѣкоторые изъ приверженцевъ Габсбурга предлагали, чтобы оба претендента отказались отъ короны, а государственные чины, вновь собравшись, или привяли единогласно сторону одного изъ избранныхъ, или же поднесли корону третьему избраннику. Была надежда, что такое соглашеніе—по взгляду нунція даже необходимое—послѣдуетъ на сеймѣ, созванномъ въ Варшаву къ 9-му апрѣля. „Что касается дѣлъ Польши“, доносилъ Лаурео изъ Варшавы 18-го марта 1576 г.,—„то если передъ сеймомъ нельзя будетъ надѣяться навѣрное на пріѣздъ ни императора, ни Баторія, то необходимо приступить къ новому избранію, а въ этомъ случаѣ, если бы согласно желанію императора не избрали эрцгерцога Эрнеста, нѣтъ другого такого подходящаго кандидата, какъ Московскій царь, лишь бы только онъ обязался принять католическую вѣру. Архіепископъ, который уже долго совѣщался съ царскимъ гонцомъ и отослалъ его обратно съ опаснымъ письмомъ и подробными на этотъ счетъ инструкціями, поднялъ руки къ небу, говоря, что это ниспослано Святымъ Духомъ, такъ какъ и онъ, архіепископъ, былъ того же

¹⁾ Донесеніе нунція изъ Варшавы отъ 5го декабря 1575 года.

самаго мнѣнія. Вѣрно то, что онъ не предполагалъ, чтобы возможно было заставить царя перемѣнить вѣру, развѣ только въ томъ случаѣ, когда онъ уже будетъ здѣсь; но пока достаточно, чтобы онъ покаялся ненарушимо соблюдать статуты государства, въ особенности же защищать католическую вѣру и церковную юрисдикцію, и чтобы для спокойствія его совѣсти получалъ онъ позволеніе отъ своего митрополита на вѣнчаніе и торжественное принятіе причастія по латинскому обряду. Но объ этомъ будетъ еще время толковать, когда дѣло приблизится къ осуществленію. Съ своей стороны я сказалъ архіепископу, что на это необходимо имѣть согласіе Литовцевъ и по возможности Поляковъ, на что онъ мнѣ отвѣчалъ, что всѣ Литовцы, не имѣя возможности избрать государемъ ни императора, ни Эрнеста, уже расположены въ пользу царя; что же касается Поляковъ, то за исключеніемъ нѣсколькихъ воеводъ, всѣ согласятся на него, а онъ, архіепископъ, хотѣлъ бы какъ можно скорѣе послать въ Литву по этому дѣлу одного изъ своихъ шляхтичей“.

Но ожиданія на счетъ апрѣльскаго сейма не сбылись. Время было слишкомъ коротко, но не смотря на то, противная партія отвергла даже мысль о какомъ бы то ни было соглашеніи съ приверженцами императора; сіи же послѣдніе, хотя собрались въ Варшавѣ почти всѣ (изъ Литвы и Пруссіи никого не было), однако въ столь незначительномъ числѣ, что всякое ихъ рѣшеніе могло имѣть только теоретическое значеніе, а потому они сами даже, замѣтивъ это, ограничились лишь назначеніемъ срока для новаго сейма (къ 3-му іюня). Когда они оставляли Варшаву, Стефанъ Баторій находился уже въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой, и пріѣхавъ въ концѣ апрѣля въ Краковъ 1-го мая былъ вѣнчанъ; въ теченіе же мѣсяца послѣ того онъ былъ признанъ королемъ, какъ сказано выше, не только всѣми приверженцами Максимилиана въ Польшѣ (за исключеніемъ нѣсколькихъ, которые отправились въ Регенсбургъ къ императору), но и Литвою и Пруссіей, на которыя Максимилианъ возлагалъ всѣ свои надежды.

Въ числѣ тѣхъ, которые уѣхали изъ Польши, находился и нунцій; онъ былъ принужденъ удалиться, какъ представитель папы, который признавалъ Максимилиана законнымъ королемъ, и какъ виновникъ въ извѣстной степени разъединенія и сопротивленія приверженцевъ Австріи. Онъ отправился въ Бреславль, гдѣ въ теченіе почти 15-ти мѣсяцевъ ждалъ новыхъ инструкцій изъ Рима и позволенія возвратиться въ Польшу; въ это же время (съ 7-го іюня 1576 по сентябрь 1577 года) онъ переписывался по польскимъ дѣламъ съ пап-

скимъ легатомъ при императорѣ, кардиналомъ Іоанномъ Моронэ, а въ Римѣ докладывалъ о томъ, что происходитъ въ Польшѣ; но его донесенія въ означенный промежутокъ времени не столь обстоятельны и въ нихъ нѣтъ ни одного извѣстія о Московскомъ царствѣ или отношеніяхъ къ нему Рѣчи-Посполитой.

Первыя извѣстія, которыя Лаурео сообщаетъ по возвращеніи своемъ, касаются войны въ Ливоніи. 7-го сентября 1577 г. онъ пишетъ изъ Варшавы: „Московский царь, какъ говорятъ, находится лично въ Ливоніи съ своимъ сыномъ и съ большимъ войскомъ; онъ взялъ нѣсколько крѣпостей, которыя были сданы ему безъ сопротивленія нѣкоторыми Литовцами, ихъ комендантами“. Опасность угрожала однако не одной только Ливоніи: боялись, чтобы царь не вторгнулся тоже въ Литву и не завладѣлъ ею, ибо онъ, „находясь въ 24-хъ миляхъ отъ Вильны и перешедши, какъ говорятъ, Двину, если не будетъ задержанъ Виленскимъ воеводою ¹⁾, можетъ безпрепятственно идти впередъ по направленію къ Вильнѣ, а занявъ ее, будетъ имѣть въ своихъ рукахъ всю Литву, тѣмъ болѣе, что народъ тамъ ему сочувствуетъ“ ²⁾.

Царь, кажется, не былъ чуждъ приписываемыхъ ему нунціемъ намѣреній. Симпатіи къ нему въ Литвѣ, о которыхъ нунцій упоминаетъ еще два раза въ это время ³⁾, и которыя могли существовать со времени междуцарствія, воспоминаніе о переговорахъ съ Максимилианомъ на счетъ Рѣчи-Посполитой и послѣдовательность политики—такъ какъ Иванъ, въ случаѣ избранія и коронованія Баторія, угрожалъ войною—могли возбудить въ немъ желаніе расширить завоевательные планы за предѣлы польской части Ливоніи. Этимъ, по крайней мѣрѣ, мы объясняемъ необыкновенно гуманное поведеніе Ивана Грознаго въ эту войну, о которомъ нунцій сообщаетъ такъ: „Говорятъ, что по приказанію царя всѣ Литовцы, которые въ послѣднее время попались въ плѣнъ въ Ливоніи, были сейчасъ же освобождены и обласканы“ ⁴⁾. Въ другой разъ Лаурео разказываетъ слѣдующее: „Не упускаю случая сообщить хотя кое-какія извѣстія о характерѣ Московскаго царя, о чемъ мнѣ писалъ Фабрицій Аяцца изъ Верчелли, рыцарь Мальтій-

¹⁾ Николаемъ Радзивилломъ.

²⁾ Донесеніе нунція изъ Варшавы, отъ 23-го сентября 1577 года.

³⁾ Въ донесеніяхъ изъ Варшавы отъ 7-го сентября и 21-го октября 1577 г. тѣми же словами, что и въ донесеніи отъ 23-го сентября.

⁴⁾ Донесеніе изъ Варшавы, отъ 18-го августа 1577 года.

скаго ордена, который, состоя комендантомъ одной изъ крѣпостей въ Ливоніи, вслѣдствіе недостаточнаго числа солдатъ и вынуждаемый жителями этого города, не могъ устоять и сдался. Царь весьма настойчиво требовалъ, чтобъ онъ согласился поступить къ нему на службу, обѣщая ему свободу, хорошее и подобающее съ нимъ обращеніе; но рыцарь извинялся, что честь не позволяетъ ему сдѣлать этого, и что онъ прежде долженъ возвратиться къ королю и дать ему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, ибо въ противномъ случаѣ его объявили бы измѣнникомъ. Царь сказалъ ему: „Такъ вотъ, чтобы ты зналъ, что я христіанскій государь, дамъ тебѣ свободу“, и приказалъ проводить его къ границамъ Литвы, но окружною, а не прямою дорогою“ ¹⁾.

Какими бы ни были однако замыслы Ивана Грознаго по отношенію къ Литвѣ, вторженіе его въ польскую Ливонію было во всякомъ случаѣ объявленіемъ войны Рѣчи-Посполитой. Стефанъ Баторій, занятый тогда осадю Гданска, пытался о возобновленіи перемирія съ царемъ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ оно было соблюдаемо прежде, пославъ къ нему съ этою цѣлью Мазовецкаго воеводу, Станислава Крыскаго. Тотъ отправился въ путь черезъ Вильну, „гдѣ, показавъ знатнѣйшимъ панамъ данную ему инструкцію, въ которой была рѣчь о мирѣ съ Польшею и Литвою, былъ приглашенъ отослать ее къ королю, чтобъ она была пополнена и касательно Ливоніи, о которой царь думаетъ, что она должна принадлежать ему по праву наслѣдства и исключаетъ ее съ нѣкотораго времени изъ переговоровъ о мирѣ. Между тѣмъ упомянутый воевода остановился въ Вильнѣ, ожидая по этому дѣлу рѣшенія короля“ ²⁾.

Стефанъ Баторій, какъ видно изъ нижеслѣдующаго,полнилъ инструкцію посла согласно требованіямъ Литовцевъ, которые болѣе заботились о Ливоніи, ибо она присоединена была собственно къ Литвѣ, а не къ Польшѣ, и вслѣдъ за тѣмъ Крыскій отправился къ Ивану Грозному. О частностяхъ переговоровъ его съ царемъ нунцій не сообщаетъ никакихъ извѣстій. Лишь 11-го февраля 1578 г. онъ доноситъ, что „Литовцы писали къ королю, что Московскій царь уже отвѣтилъ королевскимъ посламъ, но неизвѣстно что, и опасаются, чтобъ онъ не вторгнулся вслѣдъ за ними, ибо есть слухи, что онъ раздѣлилъ свое войско на двѣ части, одну на Ригу, а другую на Витебскъ“; а вслѣдъ затѣмъ 4-го марта 1578 г. докладываетъ, что

¹⁾ Донесеніе нунція изъ Варшавы, отъ 21-го октября 1577 г.

²⁾ Донесеніе изъ Варшавы, отъ 1-го сентября 1577 г.

„послы, которые были отправлены къ Московскому царю, находясь уже на возвратномъ пути, писали, что они заключили перемиріе на три года, но только касательно Литвы, а не Ливоніи. Это не понравилось королю, который скорѣе желалъ бы состязаться съ царемъ *arcta acie et pop in arcibus*, какъ онъ мнѣ самъ сказалъ въ послѣдній разъ въ церкви, жалуюсь на то, что его послы нарушили данныя имъ полномочія“. Послѣ возвращенія Крѣскаго, нунцій получилъ болѣе подробныя извѣстія о результатѣ его посольства отъ самого короля на одной изъ частныхъ аудіенцій. „Мазовецкій воевода, одинъ изъ пословъ къ Московскому царю, возвратился въ Варшаву и докладывалъ въ сенатѣ. Сущность дѣла (на сколько король благоволилъ сказать мнѣ) состоитъ въ томъ, что царь хочетъ заключить перемиріе на три года не только по отношенію къ Литвѣ, но и по отношенію къ Ливоніи, и заявилъ это въ своемъ письмѣ, не упоминая вовсе о возвращеніи занятой имъ части ея, не смотря на то, что въ письмѣ короля опредѣленно было сказано, что въ случаѣ заключенія перемирія и по отношенію къ Ливоніи царь долженъ прежде возвратить все то, что онъ завоевалъ въ послѣднее время. Потому-то теперь зависитъ отъ короля согласиться на перемиріе или нѣтъ. Царь долженъ былъ прислать сюда посла для заключенія этого перемирія, но онъ будетъ ожидать, пока король не отправитъ прежде къ нему гонца съ опаснымъ письмомъ. Король хочетъ знать, что будетъ рѣшено на сеймикахъ въ воеводствахъ Краковскомъ, Сендомирскомъ и Сѣрадзкомъ на счетъ налоговъ, и затѣмъ рѣшится на войну или перемиріе“¹⁾).

Стефанъ Баторій по своему характеру предпочиталъ войну миру, и она представляла нѣкоторыя выгоды при тогдашнемъ положеніи Польши: не говоря уже о томъ, что она подняла бы авторитетъ короля, отвлекая народныя силы въ другую сторону, она была еще хорошимъ средствомъ для того, чтобы успокоить умы, взволнованные во время междуцарствій религіозными и политическими спорами, и кромѣ того, совпадала со стремленіемъ къ католической реакціи, начинавшейся уже проявляться въ Польшѣ; впрочемъ, заключеніе перемирія, если бы оно было возможно въ виду успѣховъ Ивана, даже на условіяхъ, предлагаемыхъ Стефаномъ Баторіемъ, было бы только палліативною мѣрою и въ концѣ концовъ только отсрочило бы войну на нѣкоторое время. Вслѣдствіе того, хотя король отправилъ пословъ

¹⁾ Донесеніе нунція отъ 15-го апрѣля 1578 г. изъ Варшавы.

для переговоровъ о перемиріи, въ то же почти время онъ дѣлалъ приготовленія къ войнѣ, предвидя уже такой исходъ; съ этою цѣлью онъ созвалъ въ Варшаву сеймъ, чтобы получить согласіе государственныхныхъ чиновъ и денежные средства на войну. „19-го числа въ понедѣльникъ“, пишетъ нунцій 21-го января 1578 г.,—„сеймъ былъ открытъ въ присутствіи многихъ пословъ и небольшого числа сенаторовъ. Предложеніе было прочтено вице-канцлеромъ ¹⁾ по-польски. На слѣдующій день весь сенатъ согласился предпринять наступательную войну противъ Московскаго царя, но о способѣ веденія ея и о средствахъ не было разсуждаемо; послы хотѣли прежде обсуждать дѣло о правосудіи и судахъ, нежели о войнѣ, говоря при этомъ, что необходимо прежде толковать о внутреннемъ мирѣ и спокойствіи, а потомъ только разсматривать и рѣшить дѣло о войнѣ съ царемъ“. Такъ и случилось. Земскіе послы, получивъ новые судебные трибуналы, въ концѣ сейма удовлетворили требованіямъ короля на счетъ войны. Сеймъ завершился въ понедѣльникъ ²⁾ постановленіемъ налога на два года: съ каждаго участка земли одинъ золотый, что составитъ около 200.000 золотыхъ въ годъ; кромѣ того опредѣлены и другіе еще налоги: на пиво, вино, хлѣбъ и почти на всѣ другіе продукты, такъ что полагаютъ, что все составитъ сумму отъ 800.000 до 1.000.000 золотыхъ въ годъ, а это на такое государство—не мало. На упомянутые налоги сеймъ согласился съ условіемъ, что король объявитъ войну и лично отправится въ походъ, и на этотъ случай назначены депутаты для сбора денегъ и выдачи ихъ согласно потребностямъ, а если не будетъ войны, то налоги не будутъ собираемы ³⁾.

Такъ какъ на новые налоги не всѣ послы согласились, то необходимо было, чтобы рѣшеніе сейма было подтверждено общимъ собраніемъ шляхты на мѣстныхъ сеймикахъ. Особенно противились этому послы и шляхта двухъ главныхъ малопольскихъ воеводствъ: „Изъ письма господина канцлера ⁴⁾ къ господину Патрицію ⁵⁾ стало извѣстно, что шляхта Сендомирскаго воеводства на съѣздѣ въ Опа-

¹⁾ Іоанномъ Замойскимъ, который во время того же сейма поступилъ въ великіе канцлеры.

²⁾ 10-го марта 1578 года.

³⁾ Донесеніе нунція отъ 12-го марта 1578 г. изъ Варшавы.

⁴⁾ Іоанна Замойскаго.

⁵⁾ Антоу Патрицію Индикому, Варшавскому декану, секретарю королевны.

товѣ ¹⁾ не хотѣла подтвердить налоговъ, назначенныхъ послѣднимъ сеймомъ, и соглашается только на прежніе налоги, обыкновенно собираемые въ Рѣчи-Посполитой, которые составляютъ едва четвертую часть новыхъ. То же самое постановлено на сѣздѣ въ Провицахъ ²⁾ шляхтою Краковскаго воеводства, но вслѣдъ затѣмъ, подъ вліяніемъ короля, который на пути во Львовъ посѣтилъ эти страны, собравшись вмѣстѣ оба Краковское и Сендомирское воеводства на генеральномъ сѣздѣ въ Корчинѣ ³⁾ утвердили налоги, опредѣленные послѣднимъ сеймомъ. Тамъ находился лично Подольскій воевода ⁴⁾, въ качествѣ Корчинскаго старосты, и вѣроятно, онъ своимъ присутствіемъ повліялъ на шляхту. Вслѣдствіе этого рѣшенія можно надѣяться, что король съ Божьею помощію приведетъ въ исполненіе свои благіе замыслы, сопряженные съ пользою святой католической вѣры ⁵⁾.

Мѣсяца два спустя нунцій, отозванный папою, уѣхалъ изъ Польши, и съ того времени прекращаются его интересныя донесенія. О послѣдовавшей войнѣ сообщалъ въ Римъ подробности его ближайшій преемникъ, Іоаннъ Андрей Калитари ⁶⁾. Викентію Лаурео мы обязаны еще однимъ извѣстіемъ о замыслахъ, воодушевлявшихъ Стефана Баторія; о нихъ онъ упоминаетъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ, и о нихъ же сообщилъ въ Римъ въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ изъ Варшавы отъ 15-го апрѣля 1578 года — съ собственныхъ словъ короля: „Король сказалъ мнѣ откровенно, что если или налоги сподна будутъ утверждены, или состоится общее ополченіе, то онъ не согласится на перемиріе, а объявить войну, и что онъ не думаетъ о непосредственномъ возвращеніи Ливоніи, такъ какъ это было бы труднѣе, но имѣетъ виды на столицу царства, т.-е. городъ Москву, и доказывалъ мнѣ, что такое предпріятіе весьма легко, если только онъ возьметъ прежде двѣ крѣпости — Полоцкъ и Смоленскъ, изъ которыхъ послѣдняя была отнята царемъ у Сигизмунда I, первая же у Сигизмунда-Августа. Такъ какъ эти крѣпости

¹⁾ Нинѣ уѣздный городъ Радомской губерніи.

²⁾ Посадъ въ Мѣховскомъ уѣздѣ Кѣлецкой губерніи.

³⁾ Въ Сендомирскомъ уѣздѣ, Радомской губерніи.

⁴⁾ Николай Мелецкій.

⁵⁾ Донесеніе нунція изъ Варшавы отъ 6-го іюня 1578 года.

⁶⁾ На его донесеніяхъ основана интересная статья о *Лирлима*: Gregoire XIII et Bathori, въ *Revue des questions historiques*, 1862 годъ, кн. I, стр. 226 и слѣд.

построены из дерева, то могут быть вновь взяты съ небольшими усилиями. Король увѣренъ въ томъ, что онъ будетъ въ состояніи въ короткое время сжечь оныя съ помощью артиллеріи и раскаленныхъ ядеръ, какъ это онъ сдѣлалъ у маяка подъ Данцигомъ съ нѣкоторыми деревянными укрѣпленіями, которыя безпомощно сгорѣли, такъ какъ раскаленное ядро врѣзывается внутрь и производитъ пожаръ тамъ (то-есть внутри стѣнъ, покрытыхъ землею), куда вода не можетъ проникнуть. Взавъ, слѣдовательно, упомянутыя крѣпости, которыя находятся на небольшомъ разстояніи отъ Москвы, онъ легко успѣетъ овладѣть и Москвою или заставить непріятеля сражаться съ нимъ въ открытомъ полѣ, а въ этомъ случаѣ надѣется съ Божьею помощью одержать побѣду. Итакъ, вслѣдствіе этого онъ завладѣетъ Ливоніей и отомститъ за жестокость и надменность царя, къ которому онъ чувствуетъ величайшую ненависть, такъ какъ этотъ царь никакимъ образомъ не хочетъ называть короля братомъ, а только сосѣдомъ, говоря, что король не происходитъ, подобно ему, отъ княжеской крови“.

Не даромъ Тридентскій соборъ признается однимъ изъ важнѣйшихъ событій въ новой исторіи западной Европы. Вскорѣ послѣ закрытія его начался тотъ процессъ реакціи, или по другимъ, возрожденія католицизма, который, казалось, опять возвратилъ на извѣстное время папству все величіе и силу, какою оно сіяло въ средніе вѣка, и который вмѣстѣ съ тѣмъ преобразовалъ многія государства съ ихъ неопредѣленными формами переходной эпохи въ сильныя монархическія державы, хотя стоилъ папамъ и государямъ многихъ хлопотъ и усилій, а народамъ—много пролитой крови.

Главною причиною этого поворота и руководительницею этого періода исторіи была та же самая партія, плодомъ усилій которой были постановленія названнаго собора. Нравственно возрожденная, въ принципахъ своихъ непоколебимая и возраставшая числомъ уже съ давняго времени, она припаялась за осуществленіе на практикѣ того, что въ постановленіяхъ собора высказано было теоретически. Это удалось ей тѣмъ легче, что именно тотчасъ послѣ собора она получила рѣшительный перевѣсъ и овладѣла папскимъ престоломъ. Правда, еще прежде представители ея, напримѣръ, Маркелль II или Павелъ VI, были избираемы въ папы; но они управляли церковью не долго, принадлежали переходному времени и уступили мѣсто челоуѣку другихъ влеченій— Пію IV, который, хотя и созвалъ вновь соборъ и подтвердилъ его постановленія, но о дальнѣйшемъ не заботился. Лишь

съ его смертью (9-го декабря 1565 г.) въ продолженіе нѣсколькихъ по крайней мѣрѣ десятилѣтій слѣдовалъ непрерывный рядъ папъ, для которыхъ реформа самой церкви по вновь составленнымъ правиламъ и подчиненіе всего и вездѣ ихъ авторитету опять стало единственною руководящею идеей. Пію V прежде другихъ выпало на долю осуществленіе этой задачи, и онъ много сдѣлалъ для нея, строго придерживаясь принциповъ, узаконенныхъ Тридентскимъ соборомъ. Онъ первый сталъ принимать мѣры къ тому, чтобы постановленія эти были приняты и соблюдались въ отдѣльныхъ странахъ; заботился объ улучшеніи нравственнаго состоянія духовенства и его матеріальныхъ средствъ, защищалъ его привилегіи, поощрялъ, черезъ своихъ нунціевъ, упавшихъ духомъ католиковъ къ единству и борьбѣ съ послѣдователями другихъ, преимущественно вновь возникшихъ, вѣроисповѣданій и ученій, и покровительствовалъ іезуитамъ, видя въ нихъ вѣрнѣйшее орудіе къ достиженію предполагаемой цѣли.

Ближайшій наслѣдникъ его, Гуговъ Буонкомпаньи, подъ именемъ Григорія XIII избранный въ главы католической церкви, не только шелъ по слѣдамъ своего предшественника, но и успѣлъ достигнуть успѣховъ столь знаменательныхъ, что онъ даже вознамѣрился расширить кругъ своей дѣятельности и заявилъ стремленіе присоединить къ католичеству какъ страны, недавно отпавшія отъ него, такъ и тѣ, которыя давно уже разорвали узы съ Римскою церковью и были чужды и ей, и всей латинской цивилизаци.

Чтобы достигъ этой цѣли, необходимо было имѣть людей родомъ изъ тѣхъ странъ, но всецѣло преданныхъ католичеству. Такихъ людей почти совсѣмъ не имѣлось, надо было создать ихъ, или точнѣе, образовать ихъ въ надлежащемъ духѣ. Руководимый этою мыслью, Григорій XIII въ первые же годы своего понтификата порѣшилъ, что надо основывать учебныя заведенія или коллегіи, въ которыхъ воспитывались бы молодые люди, долженствующие осуществить упомянутую цѣль. Такимъ образомъ въ 1573 г. преобразована была существовавшая уже въ Римѣ Германская коллегія; въ 1577 г. основана новая—для магометанъ, Евреевъ и т. д., а въ 1579 г. возникли еще три—англійская и венгерская въ самомъ Римѣ, гельветическая въ Миланѣ, и еще раньше—греческая.

Сія послѣдняя возникла въ силу буллы *In apostolicae sedis* ¹⁾;

¹⁾ Она напечатана въ *Bullarium romanum*, томъ IV, часть III, стр. 328—330.

помѣченной 13-го января 1577 года, въ Римѣ въ томъ же зданіи, въ которомъ она находится понынѣ (на *via del Babuino*); какъ и въ другихъ случаяхъ, на содержаніе ея опредѣленъ былъ буллою специальный фондъ; она была исключена изъ-подъ юрисдикціи мѣстныхъ властей, освобождена отъ всѣхъ податей и пошлинъ, получила университетскій уставъ съ правомъ давать научныя степени и отдана была подъ надзоръ и покровительство четырехъ, назначаемыхъ папою, кардиналовъ. Касательно же побужденій и цѣли, ради которыхъ она была основана, въ буллѣ говорится, что папа, замѣчая большой упадокъ Грековъ и ихъ науки подъ владычествомъ Турокъ, низкій уровень образованія греческаго духовенства и заблужденія относительно христіанскаго ученія, не только въ духовныхъ, но и въ ихъ свѣтскихъ ученикахъ, постановилъ основать эту коллегію, въ которой греческіе мальчики и юноши, родомъ изъ самой Греціи и другихъ странъ греческаго исповѣданія, обучались бы греческому языку, свободнымъ искусствамъ и наукамъ, особенно же богословію и церковнымъ обрядамъ, чтобы потомъ, оказавъ во всемъ успѣхи и утвердившись въ католической вѣрѣ, возвратиться на родину, и чтобы затѣмъ посвятившіе себя монашеской жизни обучали бы своихъ собратьевъ и призывали ихъ къ соблюденію монашескихъ правилъ въ католическомъ духѣ; поступившіе въ священники, заботились бы о душахъ своей паствы, откровенно проповѣдывая слово Божіе, заставляли бы людей отречься отъ заблужденій и раскола и приводили бы ихъ къ сознанію правды истинной и спасительной вѣры; тѣ же, наконецъ, которые остались бы свѣтскими людьми, предназначались къ тому, чтобы учить своихъ соплеменниковъ языку и наукамъ и поддерживать въ нихъ истинное ученіе, „дабы такимъ образомъ—говорить булла—съ Божьею помощію можно было надѣяться, что здравое и неповрежденное исповѣданіе вѣры и ученіе когда нибудь будетъ возстановлено въ самой Греціи, и кромѣ того, въ странахъ всего Востока“¹⁾).

Этихъ странъ востока булла не называетъ и не опредѣляетъ подробно. Не трудно однако догадаться, что папа имѣлъ въ виду не провинціи, нѣкогда христіанскія, входившія въ составъ Восточной Римской Имперіи, а скорѣе тотъ ближайшій Европѣ востокъ, именно восточныя части тогдашней Рѣчи Посполитой и Московское

¹⁾ «Atque ita divina favente gratia sperari possit, ut sana et integra fidei predicatio et doctrina in ipsa Graecia et totius praeterea Orientis partibus aliquando restituantur». Bullarium Romanum, loc. cit. стр. 328.

государство, населеніе которыхъ исповѣдывало греко-православную вѣру.

Есть на это и непосредственныя доказательства. Вскорѣ послѣ основанія коллегіи кардиналъ статсъ-секретарь послалъ нунцію въ Польшѣ, Викентію Лаурео, слѣдующее приказаніе: „Угодно было его святѣйшеству приказать мнѣ писать къ вамъ, чтобы вы заботились и усердно старались отыскать 5 или 6 мальчиковъ изъ такъ-называемыхъ польскихъ Грековъ и Русиновъ и столько же мальчиковъ изъ Московскаго царства, которые были бы рождены отъ законнаго брака, воспитаны въ греческомъ обрядѣ, отъ 12 до 18 лѣтъ, хорошихъ наклонностей и понятливаго ума и способны изучить науки и знанія, и такихъ, у которыхъ были бы родные или что-нибудь другое, вслѣдствіе чего они охотно возвратились бы въ свои родныя мѣста; ихъ бы охотнѣе и скорѣе (здѣсь) приняли, если бы они происходили изъ почетнаго или благороднаго сословія и знали первые начатки наукъ. Но такъ какъ сомнительно, чтобы можно было добыть ихъ изъ Московскаго царства, ибо въ этомъ будутъ затрудненія, приводится вамъ на память, чтобы вы со всѣмъ тщаніемъ старались добыть ихъ, употребляя средства, которыя вамъ покажутся болѣе удобными; а если бы иначе ничего нельзя было сдѣлать, старайтесь получить ихъ изъ числа тѣхъ, которые когда-нибудь были взяты въ плѣнъ Поляками, выбирая однако болѣе способныхъ, согласно тому, что сказано. Кардиналъ Вармійскій ¹⁾ полагаетъ, что Перемышльскій епископъ ²⁾ и другія подобныя духовныя лица могутъ вамъ въ этомъ оказать большую помощь, что предоставляется на ваше благоусмотрѣніе. Затѣмъ когда вы соберете упомянутыхъ мальчиковъ, то позаботитесь отправить ихъ сюда подъ хорошимъ присмотромъ и въ порядочномъ обществѣ и по тому пути, который вамъ будетъ казаться безопаснымъ, предоставляя имъ все нужное для путешествія, что потомъ будетъ вамъ сейчасъ сполна возвращено. Замѣчаю вамъ еще, чтобы они на пути черезъ Италію остерегались тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ подозрѣвается существованіе моровой язвы, чтобы ихъ тѣмъ безопаснѣе можно было принять и воспитать, какъ сказано“ ³⁾.

¹⁾ Станиславъ Гозій, постоянно пребывавшій тогда въ Римѣ и окрестностяхъ.

²⁾ Войтъхъ Собъюскій.

³⁾ Письмо кардинала Комскаго къ Викентію Лаурео изъ Рима отъ 21-го мая 1577 года: «Si è piaciuto a Sua Santità ordinarvi di scrivere a Vostra Signoria che procuri et faccia ogni diligenza per avere cinque o sei giovanetti degli dett

Предвидѣнныя папою и его секретаремъ затрудненія были основательны не только по отношенію къ Московскому царству, но даже касательно русскихъ провинцій Рѣчи Посполитой. Викентій Лаурео искренно желалъ исполнить полученное приказаніе, но очень немного успѣлъ въ этомъ. Въ теченіе девяти слишкомъ мѣсяцевъ онъ даже не былъ въ состояніи доложить что-нибудь вѣрное; только въ слѣдующемъ году, 5-го апрѣля, онъ послалъ кардиналу Комскому первое извѣстіе о своихъ усиліяхъ на этотъ счетъ. „Я не замедлил“, писалъ онъ изъ Варшавы 5-го апрѣля 1578 г.,—„съ возможнымъ для меня усердіемъ стараться о полученіи шестерыхъ мальчиковъ изъ Руси и столькожъ же изъ Московскаго царства, согласно присланному мнѣ приказанію. Я писалъ къ архіепископу ²⁾, къ Виленскому епископу ¹⁾, а кромѣ того устно просилъ о томъ же многихъ епископовъ и пановъ. Архіепископъ навѣрное обѣщалъ мнѣ шестерыхъ мальчиковъ изъ Руси, но по причинѣ нездоровья онъ ничего до сихъ поръ не сдѣлалъ. Виленскій епископъ извинился письмомъ, что изъ Московскаго царства невозможно имѣть такихъ мальчиковъ, какіе требуются; Русскіе же на столько упрямы и суевѣрны въ своихъ заблужденіяхъ, что согласились бы скорѣе умереть, нежели послать въ Римъ

Greci di Polonia e Ruteni e altri tanti dei Moscoviti, i quali siano nati di legitimo matrimonio, allevati nel rito greco e d'anni sopra dodici sin a dieciotto, di buona indole, di perspicace ingenio, ed atti ad apprendere lettere e scienze e tati che abbiano parenti o altre cause, per le quali siano per ritornare nelle patrie loro; e quando fossero di onesta o nobile condizione, o che avessero principio di lettere, tanto migliori e piu accetti sarebbono. Ma perche cavarne di Moscovia si dubita, che vi sarà difficoltà, si ricorda a V. S. che usi ogni diligenza per averli adoperando gli mezzi, che giudicherà piu a proposito, e quando non si potesse fare altro, cerchi di avere di quelli che talvolta sono fatti prigionii dai polacchi scegliendo però i piu qualificati, secondo che si è detto. E in questo Monsignor Illustrissimo Varmiese Cardinale giudica che V. S. potra ricevere grande aiuto da monsignor vescovo Premislense e da persone altre ecclesiastiche simili, il che si rimette al giudizio di Essa. Però come avra raccolti detti giovani V. S. farà opera d'indirizzarli qua sotto buona custodia ed onesta compagnia e per quella strada che piu giudicherà sicura, dando loro quello che bisogna per il viaggio, che tutto si farà restituire subito a V. S. ricordandole che nel passare per Italia si guardino dagli luoghi sospetti di contagione, accioché tanto piu securamente si possano ricevere ed allevare come é detto». Тайный Ватиканскій архивъ, Nunziatura di Polonia, vol. 172, pag. 250—251.

¹⁾ Якову Уханскому, Гвизненскому архіепископу.

²⁾ Валеріану Проташевичу.

своихъ дѣтей; однако Жмудскій епископъ ¹⁾, которому я тоже далъ это порученіе, приказалъ извѣстить меня, что онъ нашелъ двухъ такихъ русскихъ благородныхъ мальчиковъ, какіе требовались, и старается найти другихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мальчиковъ изъ Московскаго царства, въ которыхъ однако, какъ онъ говоритъ, большой недостатокъ; тѣмъ не менѣе если въ Ливоніи начнется война противъ Московскаго царя, можно будетъ легко имѣть требуемое ихъ число. Три недѣли спустя нунцій докладываетъ, что упомянутые два мальчика находятся уже при немъ и что онъ получилъ третьяго: „Жмудскій епископъ, который сильно желаетъ во всѣхъ случаяхъ оказывать папѣ услуги, когда былъ здѣсь, принялъ на себя трудъ найти шестерыхъ мальчиковъ русскаго вѣроисповѣданія (della fede rutena) и шестерыхъ другихъ изъ Московскаго царства, такихъ, какіе требуются въ греческую коллегію; нашедши уже двоихъ литовско-русскаго происхожденія, одного шляхтича 17-ти лѣтъ, а другого 12-ти, сына виленскаго консула, котораго считаютъ шляхтичемъ, который богатъ и на столько преданъ своей русской религіи, что на свои издержки приказываетъ печатать въ Вильнѣ русскія книги, прислалъ ихъ въ послѣднее время сюда, очень ихъ восхваляя и рекомендуя; безъ посредства упомянутаго епископа нельзя бы было ихъ имѣть. Я думаю держать ихъ при себѣ, взять ихъ съ собою въ Италію и при первомъ удобномъ случаѣ послать въ Римъ; оба они удовлетворительно говорятъ по-латыни и самыхъ лучшихъ наклонностей. Тотъ же епископъ прислалъ мнѣ одного благороднаго мальчика изъ Московскаго царства, тринадцати лѣтъ, взятаго въ послѣднее время въ плѣнъ при возвращеніи одной крѣпости въ Ливоніи, называемой Орле, не опредѣляя его для образованія въ коллегіи, ибо онъ не умѣетъ ни читать, ни писать, но чтобы онъ служилъ мнѣ, какъ это здѣсь водится; онъ очень скромнень и послушенъ и приучается къ исполненію всякихъ услугъ. Извольте увѣдомить меня, было ли бы хорошо послать его въ Римъ въ услуженіе тѣмъ Русскимъ, которые будутъ воспитываться въ упомянутой коллегіи.

„Господинъ Ходкевичъ ²⁾, пишетъ нунцій дальше, имѣетъ одного мальчика изъ Московскаго царства, почти того же возраста сына одного воеводы, тоже взятаго въ плѣнъ въ послѣднее время. Епископъ сильно настаивалъ, чтобы имѣть его, но Ходкевичъ не хо-

¹⁾ Мельхіоръ Гедроицъ.

²⁾ Іоаннъ Ходкевичъ, Виленскій каштелянъ.

тѣль лишиться мальчика, надѣясь получить за него нѣсколько шляхтичей, находящихся въ плѣну у царя⁴⁾.

Какъ разъ въ это время нунцій готовился уже оставить Польшу и возвратиться въ Италію; такъ какъ онъ не намѣревался ѣхать прямо въ Римъ, а желалъ сперва посѣтить свою епархію (Мондови, на югъ отъ Турина), то онъ и предпочелъ отправить мальчиковъ прежде своего отъѣзда, когда ему представился удобный случай. Ожидая короли въ Краковѣ, чтобы лично проститься съ нимъ, онъ встрѣтился тамъ съ извѣстнымъ іезуитомъ Антоніемъ Поссевиномъ, который, на возвратномъ пути изъ Швеціи, куда былъ посылаемъ папою съ тайною миссіей, посѣтилъ древнюю столицу Польши, и „такъ какъ отецъ Поссевинъ“ — пишетъ нунцій въ донесеніи изъ Кракова отъ 12-го іюля 1578 года — „возвращается въ Римъ, то я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы отправить туда подъ его попеченіемъ и руководствомъ двухъ русскихъ мальчиковъ и одного изъ Московскаго царства, который хотя не умѣетъ ни читать, ни писать, тѣмъ не менѣе столь даровитъ, что упомянутый отецъ и я надѣемся, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сдѣлается способнымъ къ какимъ-нибудь услугамъ святому престолу среди своего народа, тѣмъ болѣе, что онъ благороднаго происхожденія, а если онъ не будетъ успѣвать въ наукахъ, то можетъ быть причисленъ къ прислугѣ греческой коллегіи. Упомянутый отецъ Поссевинъ, воодушевленный святою ревностью, охотно принялъ на себя обязанность взять съ собою упомянутыхъ мальчиковъ, что не будетъ бесполезно для нихъ, какъ въ отношеніи нравовъ и набожности, такъ и касательно наукъ. Угодно ли будетъ вашему высокопреподобію приказать, чтобы ему сполна были возвращены всѣ путевыя издержки по дорогѣ изъ Кракова въ Римъ“?

Такимъ образомъ вмѣсто требуемыхъ двѣнадцати мальчиковъ только эти трое были отправлены въ Римъ для воспитанія или образованія ихъ во вновь основанной коллегіи. Испытанныя при этомъ трудности были, вѣроятно, поводомъ къ тому, что въ теченіе нѣсколькихъ ближайшихъ лѣтъ не заботились о приобрѣтеніи новыхъ учениковъ; по крайней мѣрѣ, въ Ватиканскомъ архивѣ мнѣ не удалось найти на этотъ счетъ новыхъ указаній.

Какая была затѣмъ судьба этихъ трехъ питомцевъ Григоріанской коллегіи? долго ли они оставались въ Римѣ, возвратились ли на родину

⁴⁾ Донесеніе нунція изъ Варшавы отъ 25-го апрѣля 1578 года.

и удовлетворили ли возлагаемымъ на нихъ надеждамъ? На эти вопросы я, къ сожалѣнію, не могу дать отвѣта. Хотя греческая коллегія существуетъ и понынѣ и въ томъ же зданіи, въ которомъ она первоначально была основана, но письменныхъ памятниковъ XVI столѣтія, въ которыхъ только и можно было бы найти желаемыя указанія, въ архивѣ ея теперь уже нѣтъ, какъ увѣрялъ меня ректоръ ея, котораго я спрашивалъ объ этомъ, познакомившись съ донесеніями Викентія Лаурео; ректоръ обѣщалъ мнѣ однако сдѣлать новую справку и рассмотреть дѣла своего архива въ надеждѣ, не найдется ли въ нихъ какая-нибудь замѣтка объ упомянутыхъ ученикахъ коллегіи; но вѣроятно, никакого такого извѣстія не нашлось, ибо до сихъ поръ я не получилъ отъ него никакого увѣдомленія.

Ф. Вержбовскій.

ГЕРБОРДОВА БІОГРАФІЯ ОТТОНА, ЕПИСКОПА БАМБЕРГСКАГО.

Три біографіи Оттона, єпископа Бамбергскаго—Герборда, Эбона и Прифлингскаго анонима принадлежать, какъ извѣстно, къ важнѣйшимъ источникамъ для изученія быта Балтійскихъ Славянъ. Изъ всѣхъ трехъ пользовалась особеннымъ уваженіемъ біографія Оттона, составленная Гербордомъ (являвшаяся подъ разными названіями до выдѣленія ея въ 1842 г. Клемпиномъ изъ позднѣйшихъ компіляцій: *Baltische Studien*, IX, 1). Въ ней думали находить вѣрныя бытовыя и историческія данныя, полно и точно переданныя. Но Яффе, при изданіи въ 1869 г. (въ *Bibl. Reg. Germ. v. mon. Bambergens.*) біографій Эбона и Герборда на основаніи разбора ихъ третьихъ книгъ, указалъ на несамостоятельность и недостоверность вообще извѣстій Герборда. Заключение Яффе было принято въ нѣмецкой науцѣ.

Однако такимъ общимъ отрицаніемъ вѣрности извѣстій Герборда, въ виду важности памятника, ограничиться, конечно, нельзя. Слѣдуетъ довести дѣло до конца—критически изслѣдовать всѣ отдѣльныя свѣдѣнія, сообщаемыя Гербордомъ, указать, что именно у него не достоверно, и чѣмъ все-таки можно пользоваться. Ибо Яффе, высказывая свое заключеніе относительно Діалога Герборда, привелъ, какъ примѣръ, разборъ только нѣсколькихъ его показаній изъ 3-й книги, первой же и второй книги почти не коснулся и призналъ, что въ нихъ много самостоятельнаго.

Такое изслѣдованіе тѣмъ болѣе необходимо, что славянскіе ученые, касавшіеся, послѣ 1869 г., біографій Оттона, или совсѣмъ не

были знакомы съ замѣчаніями Яффе, какъ Бѣлѣвскій во II-мъ томѣ Monumenta Poloniae historica, и Иречекъ—въ рецензіи на сочиненіе г. Котляревскаго въ Časopis česk. Mus. 1875 г., или, хотя и были знакомы, но не признали его доказательствъ достаточными и остались при прежнемъ мнѣніи о Гербордѣ, какъ покойный Котляревскій въ „Книгѣ о древностяхъ и исторіи Поморскихъ Славянъ въ XII вѣкѣ“ (Прага. 1874).

Въ виду всего этого мы предприняли нашъ трудъ, съ цѣлю—тщательнымъ и подробнымъ разборомъ извѣстій Герборда, на сколько возможно, окончательно рѣшить вопросъ, поставленный Яффе. При этомъ мы будемъ слѣдовать по пути, которымъ шелъ и Яффе, то-есть, разберемъ сперва третью книгу Герборда,—такимъ образомъ проверимъ выводы Яффе, и затѣмъ уже, приступимъ къ рассмотрѣнію болѣе самостоятельныхъ 1-й и 2-й книги. Но прежде самаго разбора мы, во введеніи, изложимъ ходъ научныхъ взглядовъ на три біографіи Оттона и соберемъ извѣстія объ авторахъ каждой изъ нихъ, и объ ихъ источникахъ.

I.

ВВЕДЕНІЕ.

Только въ сравнительно недавнее время (въ 1865 г.) былъ открытъ первоначальный текстъ біографіи Оттона епископа Бамбергскаго, написанной, какъ теперь доказано, въ XII вѣкѣ монахомъ Михельсбергскаго Бамбергскаго монастыря Гербордомъ. Ранѣе этого біографіи Герборда, равно какъ и другая, составленная въ XII вѣкѣ Эбонномъ, также Михельсбергскимъ монахомъ, были извѣстны лишь въ позднѣйшихъ компиляціяхъ и передѣлкахъ, представлявшихъ во многомъ сходное (даже буквально) и во многомъ отличавшихся другъ отъ друга и поэтому побуждавшихъ ученыхъ къ различнымъ предположеніямъ и догадкамъ для разрѣшенія вопросовъ, какъ о взаимныхъ отношеніяхъ этихъ компиляцій и передѣлокъ, такъ и о томъ, какія именно и кѣмъ составленныя первоначальныя біографіи легли имъ въ основу.

Эти позднѣйшія, или такъ-сказать, вторичныя біографіи Оттона суть слѣдующія: двѣ біографіи XV вѣка, носящія имя Михельсберг-

скаго аббата Андрея Ланга, и двѣ анонимныя біографіи XII — XIII вѣка ¹⁾).

Довольно долгое время предположенія ученыхъ, относительно біографій Оттона были далеки отъ истины ²⁾: правильное разрѣшеніе вышеуказанныхъ вопросовъ затруднилось тѣмъ, что вторичныя біографіи были открыты не въ одно время, а издавались постепенно въ теченіе болѣе ста лѣтъ (1602 — 1719 г.), между тѣмъ какъ только при тщательномъ сличеніи текстовъ всѣхъ ихъ возможно было представить основательные выводы относительно первоначальныхъ біографій, выводы, которые не были бы одними произвольными догадками и предположеніями.

¹⁾ Чтобы не возвращаться къ нимъ болѣе, укажемъ здѣсь составъ ихъ, какъ это теперь опредѣлено въ наукѣ, а также перечислимъ изданія.

I. Двѣ компіляціи изъ Эбона и Герборда, принадлежащія Андрею Лангу, аббату Михельсбергскому (4-я книга въ обвѣхъ компіляціяхъ взята изъ труда ученика Гербордова — Чудеса св. Оттона (*Miracula Sti Ottonis*) начала XIII в.). Первая компіляція составлена въ 1487 г.; въ ней, въ болѣе полномъ видѣ, содержится Эбонъ—вся 2-я и 3-я книга безъ вставокъ изъ Герборда, а въ 1-й — небольшая часть Діалога Герборда, между главами 16, 17 и 18 (издалъ ее *Valegius Jaschius: Andreae Abbatis Bambergensis de vita Ottonis libri IV. Colbergae 1681*). Вторая компіляція составлена въ 1499 г. Здѣсь находится почти вся первая книга Эбона, кромѣ пролога, а также части 2-й и 3-й книгъ; остальное взято изъ Діалога Герборда. Издалъ *Gretserus, Divi Bambergensis, Ingolstadii 1611*; повторено въ *Acta Sanctorum Surii* въ 1618 г. (обѣ компіляціи Андрея неудачно соединены вмѣстѣ *Людевигомъ Scrip. ger. ep. Bamb. I, 394*). Существуетъ еще третья компіляція Андрея 1473 г., сохранившаяся только въ не изданномъ нѣмецкомъ переводѣ монаха Конрада Бишофа (см. *M. G. §§ XII, 725*). Она отличается отъ первыхъ двухъ. Сдѣлалась известна только въ нынѣшнемъ столѣтіи (1822).

II. Передѣлка Эбона (у *Яффе Bibl. ger. Germ. V Ebo coartatus*), составленная около 1189 г. для канонизаціи Оттона, въ 4-хъ книгахъ. Первыя три представляютъ сокращеніе *Vita* Эбона, съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ выраженій въ духѣ подчиненности Римской куріи (*Яффе, V, 585*). Четвертая книга содержитъ чудеса, бывшія при погребеніи Оттона, хлопоты о канонизаціи и канонизацію. Издалъ ее *Sollerius* въ *Acta Sanctorum, Iul. I, 425* въ 1719 г.

III. Передѣлка Герборда—*Anonymus Canisii* — въ трехъ книгахъ: переложеніе Діалога Герборда въ форму простаго разказа, сдѣланное въ концѣ XII или въ началѣ XIII вѣка (*Яффе, V, 703*); издалъ его *Heinricus Canisius* въ *Lectiones antiquae, II, 325, 1602*); по другой рукописи издалъ *V. Jaschius 1681 г.*; подъ именемъ *Зефрида* *Anonymus Canisii*, дополненный и провѣренный по изданію Яше (*Jaschius*), издалъ *Sollerius Act. Ss. Iul. I, 378*; съ дополненіемъ изъ Андрея Ланга переиздалъ *Ludewig* въ *Scriptores rerum episcopatus Bambergensis I, 634*.

²⁾ О такого рода попыткахъ ученыхъ см. *Кенке M. G. §§ XII, 721—722*.

Первый ученый, имѣвшій подъ руками всѣ четыре, необходимыя для сличенія, вторичныя біографіи, былъ дѣятельный и талантливый бельгійскій агиографъ Жанъ-Баптистъ Сольеръ (1669—1740), одинъ изъ издателей *Acta Sanctorum*. Издавая въ I-мъ томѣ *Act. Ss.* за іюль мѣсяцъ неизвѣстную до него анонимную біографію Оттона (*Ebo coartatus*, см. пр. 2, II), Сольеръ обратилъ вниманіе и на остальные біографіи Оттона и изложилъ результаты своихъ наблюденій въ первыхъ трехъ главахъ *Commentarius praeuius* къ біографіямъ Оттона. Здѣсь въ первый разъ правильно были опредѣлены первоначальныя біографіи Оттона, и указано, на сколько и какъ онѣ вошли и сохранились въ четырехъ вторичныхъ. При этомъ Сольеръ указалъ одинъ изъ методовъ, по которому можно возстановить изъ находящагося на лицо матеріала первоначальныя біографіи.

Имѣютъ значеніе также и отдѣльныя частныя остроумныя замѣчанія Сольера. Нѣкоторыя ошибки и нѣкоторыя слабо обоснованныя заключенія его не уменьшаютъ цѣны остальныхъ частей его изслѣдованія и тѣмъ менѣе могутъ быть поставлены ему въ укоръ, что онъ не занимался спеціальнымъ изслѣдованіемъ біографій Оттона, а коснулся этого лишь мимоходомъ, среди массы другихъ работъ, по стольку, по скольку это нужно было ему для установленія правильнаго взгляда на издаваемые имъ вторичныя біографіи Оттона.

Появившееся въ 1842 году блестящее изслѣдованіе Роберта Клемпина: *Die Biographien des Bischof. Otto und deren Verfasser* (*Baltische Studien IX, 1*, стр. 1—245) совершенно затмило комментарий Сольера ¹⁾. Правда, самъ Клемпинъ отдалъ должную справедливость замѣчаніямъ Сольера. Но Кепке, возстановившій по указаніямъ Клемпина первоначальныя біографіи Эбона и Герборда и напечатавшій ихъ въ *Monumenta Germ. Script. XII*, въ предисловіи въ нимъ обратилъ бѣльшее вниманіе на ошибки ²⁾, чѣмъ на хорошія стороны комментарія Сольера и поставилъ его на одной линіи съ другими лицами, старавшимися рѣшить вопросъ о первоначальныхъ біографіяхъ Оттона съ

¹⁾ Впрочемъ и ранѣе, по малой доступности *Acta Sanctorum*, онъ не былъ особенно извѣстенъ. (См. *Klemp. Balt. Stud. IX*, стр. 8 и 9).

²⁾ Между прочимъ, вѣроятно, только бѣгло просмотрѣвъ комментарий Сольера Кепке не вѣрно понялъ его выраженіе и приписалъ ему одну ошибку, которой у Сольера вовсе не было. Именно, по Кепке, Сольеръ, будто бы, считалъ авторомъ одной изъ первоначальныхъ біографій (Герборда) Зефрида—*denique* (*Sollerius*) *in hoc acq̄vievit dialogi et auctorem esse Sefridum* (*M. G. §§ XII, 723*). Но на самомъ дѣлѣ Сольеръ этого не говоритъ (см. ниже).

помощію произвольних догадокъ, а вовсе не приємовъ научной критики ¹⁾. Такъ какъ ученые, послѣ Клемпина и Кепке касавшіяся біографіи Оттона, обращались преимущественно къ текстамъ ихъ въ *Monumenta Germ.*, то вслѣдствіе отзыва Кепке о Сольерѣ имя Сольера было совершенно оставлено въ сторонѣ, и Клемпину приписывалась честь перваго критическаго разбора біографіи Оттона.

Хотя замѣчанія Сольера, послѣ изслѣдованія Клемпина, уже не имѣютъ собственно для нашей цѣли значенія, однако несправедливое установившееся въ наукѣ пренебреженіе трудомъ Сольера заставляеть насъ нѣсколько остановиться на его комментаріи и опредѣлить его дѣйствительную цѣну.

По собственному заявленію Андрея Ланга, автора двухъ біографіи Оттона XV вѣка (въ прологахъ къ нимъ), а также по позднему времени ихъ составленія и по нѣкоторымъ другимъ внутреннимъ признакамъ, съ перваго взгляда видно, что онѣ—не самостоятельныя произведенія, а лишь компіляціи изъ болѣе раннихъ біографіи Оттона. Чтобъ опредѣлить, какія именно были эти первоначальныя біографіи, и кому онѣ принадлежатъ, Сольеръ прежде всего обращается къ прологамъ компіляцій Андрея, гдѣ упомянуты имена нѣсколькихъ лицъ, отъ которыхъ сохранились разказы о жизни Оттона, вошедшіе въ составъ компіляцій Андрея. Эти лица—Удальрикъ, Эббонъ ²⁾, Тимонъ, Зефридъ, Гербордъ. О каждомъ изъ нихъ Андрей сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія. На основаніи выраженій Андрея объ этихъ лицахъ Сольеръ опредѣляетъ, на сколько кто изъ нихъ можетъ считаться авторомъ первоначальныхъ біографіи, сколько послѣднихъ, и какого онѣ характера. Затѣмъ Сольеръ подвергаетъ тщательному сличенію обѣ компіляціи Андрея съ анонимными біографіями и разбираетъ, въ какомъ отношеніи находятся анонимныя біографіи къ компіляціямъ Андрея и къ первоначальнымъ біографіямъ, а также—на сколько и какъ первоначальныя біографіи вошли въ составъ компіляцій Андрея.

Руководясь всѣми вышеприведенными соображеніями, Сольеръ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Первоначальныхъ біографіи Оттона—двѣ. Первая въ формѣ Діалога, на подобіе цецероновскихъ, гдѣ выведены два разговаривающіе

¹⁾ M. G. §§ XII *ibid.*

²⁾ Ebo—такъ у Андрея, но по болѣе раннимъ памятникамъ (XII—XIV в.) съ однимъ b—Ebo (*Яффе*, *Bibl. reg. Germ.* V, 580 пр. 1).

между собою Михельсбергскіе монаха Тимонъ и Зефридъ. Иногда діалогъ прерывается обращеніями къ третьему лицу, Герборду, и его замѣчаніями. Кто—авторъ діалога, Сольеръ, не берется рѣшать за недостаткомъ данныхъ ¹⁾, но считаетъ болѣе удобнымъ для краткости называть Діалогъ Діалогомъ Зефрида, какъ лица, рассказы котораго занимаютъ главную и большую часть Діалога (именно—о путешествіяхъ Оттона въ Поморье) ²⁾.

Діалогъ Тимона и Зефрида переложень какимъ-то неизвѣстнымъ лицомъ въ простой рассказъ (Anonymus Canisii), хотя и не совсѣмъ искусно (встрѣчаются слѣды разговорной рѣчи). За неимѣніемъ свидѣній объ авторѣ переложенія, Сольеръ, по тѣмъ же основаніямъ, какъ относительно Діалога, считаетъ за лучшее обозначать біографію Anonymi Canisii, какъ трудъ Зефрида, пока не будетъ открытъ первоначальный Діалогъ или не сдѣлается извѣстнымъ что-нибудь о дѣйствительномъ авторѣ этой анонимной біографіи ³⁾.

Другая первоначальная біографія написана Михельсбергскимъ монахомъ Эбономъ преимущественно на основаніи рассказовъ священника Удальрика, стоявшаго близко къ Оттону и сопровождавшаго его во второмъ путешествіи въ Поморье.

Біографія эта, точно также, какъ и Діалогъ, подверглась дальнѣйшей переработкѣ и сокращенію около времени канонизаціи Оттона (Ево—по Яффе coartatus). Врядъ ли это сдѣлано самимъ Эбономъ,—

¹⁾ Хотя Сольеръ замѣтилъ, что въ Діалогъ, кромѣ Тимона и Зефрида, выступаетъ третье лицо—Гербордъ, однако, въ виду замѣчанія Андреа о Гербордѣ, какъ объ авторѣ какого-то dramaticum carmen о жизни Оттона, Сольеру совершенно не пришло въ голову, чтобы Гербордъ могъ быть авторомъ написаннаго въ прозѣ Діалога, и потому Сольеръ оставилъ его имя совершенно безъ вниманія. О настоящемъ смыслѣ выраженія Андреа dramaticum carmen, выраженія, буквально списаннаго имъ изъ *Miracula S. Ottonis XIII b*, принадлежавшаго одному ученику Герборда. См. ниже II, пр. 1.

²⁾ *Ne in vanum hariolari cogamur et plura in decursu citando nomina, multa involvere, scienda omnino postrema haec difficultas, ut sine cujusquam injuria Sefrido adscribatur Dialogi compositio...* Нѣсколько далѣе, говоря объ Anonymus Canisii, Сольеръ замѣчаетъ: *cui potiori jure vindicabitur opus, quam cui debetur apostolatus Pomeraniae h. e. totius vitae Ottonianae partis illustrissimae narratio. (Comment. praevius).*

³⁾ *Alteri vero Anonymo (adscribatur) historica narratio, quam nihilo minus Sefridi Acta appellare non formidabimus, donec quis, cui tribuenda sint, clare demonstraverit.*

скорѣе какимъ-либо другимъ неизвѣстнымъ лицомъ, прибавившимъ также и 4-ю книгу—о канонизаціи Оттона.

Послѣ этого Сольеръ переходитъ къ разбору состава компиляцій Андрея, сравниваетъ ихъ съ анонимными біографіями, и въ предисловіи и въ концѣ каждой главы издаваемыхъ имъ *Anonymus Canisii* и *Ebo Coartatus*, отмѣчаетъ, что въ компиляціи Андрея взято изъ Эбона, и что изъ Діалога. Затѣмъ Сольеръ указываетъ, какимъ способомъ можно выдѣлить изъ компиляцій Андрея первоначальныя біографіи—Сольеръ говоритъ, впрочемъ, только объ одномъ Эбонѣ,—именно чрезъ тщательное сличеніе ихъ съ *Ebo coartatus* ¹⁾.

Однако самъ Сольеръ не принялъ на себя этого дѣла. Впервые, по уставу изданія *Acta Sanctorum* требовалось, чтобы были издаваемы цѣльныя тексты въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до издателя, а не составленные изъ разныхъ отрывковъ ²⁾, такъ что уже поэтому Сольеръ долженъ былъ оставить мысль о восстановленіи Эбона. Второю причиною было то, что Сольеръ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ текстъ Андрея расходится съ текстомъ *Ebo coartatus*, не считалъ возможнымъ рѣшить, у кого изъ нихъ сохраненъ, да и сохраненъ ли текстъ первоначальной біографіи Эбона ³⁾. Авторъ *Ebo coartatus* очевидно сокращалъ первоначальную біографію; точно также, въ концѣ пролога компиляціи, изданной Яше, сказано, что составитель ея много измѣнялъ и передавалъ свои словами ⁴⁾. Вѣроятно, по этой же причинѣ Сольеръ совершенно не упоминаетъ о возможности восстановленія Діалога, текстъ котораго, конечно, долженъ быть еще болѣе измѣненъ какъ у Андрея, такъ и у Анонима. Это послѣднее заключеніе Сольера о невозможности полного выдѣленія изъ компи-

¹⁾ *Addere liceat post longam et diligentem collationem id nos observasse ex Andrea Iaschiano et Manuscripto nostro (Eb coart.) haud difficulter Ebbonem integritate suae restitui potuisse.*

²⁾ *Cum a nostro instituto abhorreat (ita Ebbonem nostrum typis excudere, ut ex Jaschio supplerentur, quae ad ipsum ex modo et stylo pertinere debent) qui primigenos auctorum textos, prout eos accepimus, sincere et integre reddere solemus*

³⁾ *Ebo apud Jasctium interpolatus est, in M. S. (Ebo coartatus)—contractus... graviores sunt dischepantiae, apud quem geminus textus gemunus existat... cum necdum satis perspexerim, nec quis facile perspicere possit, quid vere Ebboni, praesertim libro I et III tribuendum est.*

⁴⁾ *... ex proprio sudore conjunxi, ut lacus diffusa, modesta brevitate arcus coherceam, strictius digesta, moderata prolixitate dilatam, minus regulariter prolata, ad rectitudini lineam corrigam (Ebo Prolog.).*

ляцій текстѡвъ первоначальныхъ біографій въ ихъ неизмѣнномъ видѣ составляетъ самую главную ошибку въ его изслѣдованіи, ибо, какъ доказалъ Клемпинъ, Андрей, пользуясь своими источниками, списывалъ отрывки ихъ дословно и почти нисколько не измѣнял. Хотя самъ Сольберъ и замѣтилъ въ различныхъ мѣстахъ компиляцій перерывы и скачки въ изложеніи ¹⁾, однако онъ, имѣя въ виду, во первыхъ, сущность самой компилятивной работы, требующей большаго или меньшаго измѣненія источниковъ, сообразно съ общимъ планомъ компиляціи, во вторыхъ, хорошіе отзывы писателей XV—XVI вв. о талантѣ и образованіи Андрея, ручавшіеся за то, что онъ вполне могъ исполнить свою задачу, втретьихъ, прямое заявленіе компилятора (въ прологѣ у Яше) о сознаніи необходимости такихъ измѣненій,—имѣя въ виду все это, Сольберъ не могъ и представить себѣ, чтобы компиляторъ до такой степени неудачно выполнилъ свое общаіе.

Такъ какъ Сольберъ коснулся вопроса о возстановленіи біографій Оттона лишь мимоходомъ, и руководясь уставомъ изданія Acta Sanctorum, не имѣлъ въ виду братья за это, то понятно, что у него могло и не возбудиться сомнѣнія въ вѣрности своего по видимому, совершенно основательнаго заключенія. Таковы, въ главныхъ чертахъ, результаты изслѣдованія Сольера.

Послѣ него до 1842 г. разработка біографій Оттона не имѣла дальнѣйшаго движенія. Ученые или повторяли окончательные выводы Сольера, или даже возобновляли ошибочныя мнѣнія, высказанныя до него. Можетъ быть, это происходило частію, отъ малой доступности Acta Sanctorum, частію отъ положительно высказаннаго мнѣнія Сольера о невозможности полнаго возстановленія первоначальныхъ біографій.

Въ 1842 г. было напечатано въ Balt. Stud. уже упомянутое нами изслѣдованіе Клемпина, поставившее на прочную почву изученіе біографій Оттона и доведшее до конца то, что было лишь намѣчено Сольеромъ. Въ своемъ трудѣ Клемпинъ доказалъ возможность возстановленія біографій Оттона въ ихъ первоначальномъ видѣ, выдѣливъ ихъ изъ компиляцій Андрея, а также, собравъ возможныя свѣдѣнія, окончательно рѣшилъ вопросъ объ ихъ авторахъ.

Клемпинъ шелъ инымъ путемъ, чѣмъ указывалъ Сольеръ. Сольеръ считалъ главнымъ средствомъ для возстановленія первоначальныхъ біографій тщательное сличеніе компиляцій Андрея съ анонимными

¹⁾ Aliunde, vero confusionem parere solet ingrata saepe orationis interruptio rerumque mixtura, historiae filum perturbans (Comm. praev.).

біографіями; Клемпинъ же обратилъ преимущественное вниманіе на составъ самихъ компіляцій Андрея, и разобравъ ихъ, нашель, что онѣ представляютъ лишь ви́шнее механическое соединеніе различныхъ отрывковъ первоначальныхъ біографій, которые поэтому возможно опять выдѣлить. Выборъ именно такого метода облегчался для Клемпина тѣмъ, что на него не вліялъ ошибочный взглядъ Сольера на характеръ компіляцій Андрея. Клемпинъ, какъ онъ самъ говорить, познакомился съ комментариемъ Сольера уже послѣ того, какъ были имъ добыты и твердо установлены результаты его собственнаго изслѣдованія, когда Клемпинъ приступилъ къ обработкѣ первой части диссертациі.

Передадимъ теперь ходъ изслѣдованія Клемпина.

Опредѣливъ матеріалы, которыми мы владѣемъ для выдѣленія первоначальныхъ біографій, Клемпинъ переходитъ къ разбору компіляцій Андрея. Указавъ, какіе источники для жизнеописанія Оттона находились въ рукахъ у Андрея, Клемпинъ приступаетъ къ опредѣленію того; какъ онъ ими воспользовался. При внимательномъ разсмотрѣніи компіляцій Андрея, прежде всего бросается въ глаза удивительное разнообразіе въ языкѣ, слогѣ, возрѣніяхъ, способѣ изложенія ¹⁾, и т. п. Уже это одно показываетъ, что Андрей, не смотря на свое ясно выраженное желаніе излагать почеркнутое имъ въ его источникахъ своими словами, на самомъ дѣлѣ не сумѣлъ привести этого въ исполненіе. Затѣмъ, если сравнить его компіляціи съ передѣлками Авонима и съ *Ebo coartatus*, многія мѣста (и часто даже значительныя отрывки) являются буквально сходными съ послѣдними; слѣдовательно, въ подобныхъ случаяхъ, дѣйствительно, у Андрея вѣрно переланъ первоначальный текстъ. А чтобъ окончательно рѣшить вопросъ, сохраненъ ли Андреемъ первоначальный текстъ въ тѣхъ частяхъ его компіляцій, которыя или отсутствуютъ въ Анонимѣ и *Ebo coartatus*, или отступаютъ отъ нихъ, Клемпинъ прибѣгаетъ къ слѣдующимъ соображеніямъ: Еслибъ Андрей дѣйствительно измѣнялъ тексты первоначальныхъ біографій, то прежде всего онъ долженъ былъ бы это сдѣлать тамъ, гдѣ, при соединеніи отрывковъ изъ различныхъ источниковъ, могла явиться безсвязность, разрывалась бы цѣльность и послѣдовательность разказа, возникали бы различныя недоумѣнія и неясности и т. п. Все это непременно было бы сглажено всякимъ сколько-нибудь умѣлымъ компіляторомъ. Между тѣмъ подобныя недостатки встрѣ-

¹⁾ Клемпинъ приводитъ примѣры всего этого.

чаются у Андрея чрезвычайно часто. Иногда неловкость въ соединеніи частей могла бы быть уничтожена пропускомъ отдѣльныхъ словъ, въ родѣ: *igitur, itaque, enim, hoc in loco* и т. п., но и они сохранены Андреемъ. Точно также сохранены Андреемъ, ведущимъ разказъ отъ трехъ лицъ, мѣстоимѣнія 1-го и 2-го лица, діалогическая форма повѣствованія и многое другое. Понятно, что, если все это вполне сохранено Андреемъ, то тѣмъ болѣе вѣрно переданы имъ другія части первоначальныхъ біографій, которыя и по своей сущности не требовали измѣненія.

Изъ всего предыдущаго такимъ образомъ ясно видѣнъ характеръ труда Андрея. Андрей для составленія компиляцій дословно списывалъ первоначальные источники и различнымъ образомъ механически перемѣшивалъ и соединялъ различные отрывки изъ нихъ. Лично Андрею принадлежать только предисловія, мелкія поправки и замѣчанія.

Имѣя въ виду, что, благодаря такому первобытному способу компиляціи Андрея, въ его произведеніяхъ, хотя въ безпорядкѣ и смѣшеніи, представляются намъ біографіи Оттона въ ихъ первоначальномъ видѣ, между тѣмъ какъ въ анонимныхъ передѣлкахъ есть измѣненія, отступленія и пропуски, Клемпинъ и владеть въ основу своего изслѣдованія именно компиляціи Андрея.

Главнымъ вопросомъ при этомъ является: на основаніи какихъ признаковъ мы можемъ опредѣлить, изъ какой первоначальной біографіи что взято Андреемъ. Прежде всего это отчасти указано самимъ Андреемъ, означавшимъ, въ разныхъ мѣстахъ компиляціи 1499 года, кому принадлежитъ тотъ или другой разказъ (*Ebbo, Sefridus, Tiemo*). Въ другихъ мѣстахъ прямо выступаютъ личные разказы составителей. Главное же вниманіе Клемпинъ обратилъ на особенности каждой біографіи по формѣ разказа ¹⁾, по слогу, по образу мыслей и образованности авторовъ. Если между двумя рядомъ находящимися разказами, замѣтна во всемъ этомъ большая разница, или видно отсутствіе логической, грамматической связи и неожиданное измѣненіе содержанія, то очевидно, эти разказы взяты Андреемъ изъ разныхъ біографій. Отсутствіе же такихъ противорѣчій доказываетъ, что разбираемая часть взята изъ одной и той-же біографіи.

Руководствуясь этимъ, Клемпинъ шагъ за шагомъ рядомъ остроумныхъ соображеній, выдѣляетъ и указываетъ, какіе отрывки принадлежать тому или другому біографу, и опредѣляетъ ихъ взаимную

¹⁾ Такъ все, что имѣетъ видъ діалога, принадлежитъ Герборду.

связь и послѣдовательность. Для пополненія пробѣловъ и восстановленія порядка частей ему служатъ—Ево соартатус и Анопушус Сanisii. Далѣе, Клемпинъ, доказавъ, что авторъ Діалога—Гербордъ ¹⁾, собираетъ всѣ свѣденія о немъ и объ Эбонѣ, указываетъ источники ихъ трудовъ, опредѣляетъ взаимное отношеніе и значеніе обѣихъ біографій.

Послѣднюю часть изслѣдованія Клемпина составляетъ разборъ третьей первоначальной біографіи XII вѣка, открытой въ 1822 году въ австрійскомъ монастырѣ Св. Креста и напечатанной въ 1829 г. Ст. Эндихеромъ въ *Neue Pommernsche Provinzialblätter* IV, 312—362, подъ названіемъ: *Aponimus Sanctae Crucis*. На основаніи различныхъ соображеній Клемпинъ заключилъ, что она составлена въ Прифлингскомъ монастырѣ близъ Регенсбурга (на этомъ основаніи, со времени Клемпина, она получила названіе *Vita Ottonis Aponimi Prieflingensis*).

Изслѣдованіе Клемпина дало твердыя основанія дальнѣйшему критическому изученію біографій Оттона. Сначала сдѣланы были попытки отыскать, нѣтъ ли гдѣ-нибудь этихъ первоначальныхъ біографій Эбона и Герборда. Не смотря на массу рукописей, собранныхъ для изданія *Monumenta Germaniae*, первоначальныхъ текстовъ не находилось, хотя нашлось много рукописей, содержащихъ въ себѣ компіляціи Андрея, Ево соартатуса и Анопушуса Сanisii. Тогда Кепке предпринялъ извлечь изъ нихъ тексты Эбона и Герборда. При этомъ онъ слѣдовалъ вполнѣ по пути, указанному Клемпиномъ. Результатомъ труда его было изданіе Эбона и Герборда въ *M. G. SS XII*, стр. 746—883. Тамъ же былъ напечатанъ и текстъ третьей біографіи—Прифлингскаго монаха (стр. 888—903).

Вѣрность выводовъ Клемпина и строгость критической работы Кепке блистательно подтвердились въ 1865 г., когда въ одной рукописи XV вѣка, вмѣстѣ съ другими сочиненіями, относящимися до Бамберга, былъ найденъ первоначальный текстъ Герборда въ цѣломъ видѣ. Онъ изданъ Кепке въ *M. G. SS XX*. 704—769 въ 1866 г. и отдѣльно, *in usum scholarum*, въ 1868 году.

Найденный текстъ не представилъ новыхъ извѣстій о жизни Оттона, но за то въ Прологѣ, находящемся передъ нимъ, есть много новыхъ свѣдѣній, какъ опредѣляющихъ характеръ труда Герборда, такъ и касающихся его жизни. Самый Діалогъ отличается отъ прежняго изданія только расположеніемъ главъ: Кепке, въ своемъ восстановленіи

¹⁾ Доказательства этого см. ниже, II, пр. 1.

Герборда, по естественному хронологическому порядку, отнесъ разказъ о молодости Оттона къ 1-й книгѣ, а о смерти—къ 3-й; въ Діалогѣ же Герборда—*Ordine artificiali (Prolog) I*, въ 1-й книгѣ—пробываніе Оттона въ Бамбергѣ, а въ концѣ 3-й—молодость Оттона и жизнь его до посвященія въ Бамбергскіе епископы.

Въ 1869 г. Яффе снова издалъ Герборда и Эбона въ своей *Bibliotheca rerum Germanicarum—V, Monumenta Bambergensia* (стр. 580—835). Его рецензія текста Герборда почти не отличается отъ рецензіи Кепке (кромѣ правописанія: e, si вмѣсто ae, oe, ti); главное измѣненіе (какъ и въ текстѣ Эбона) состоитъ въ томъ, что названіе народа и области *Ucranî, Ucranîa* (Herb. III 11, 12; Ebo III, 14, 15), употребленное у Кепке,—Яффе не только по различнымъ соображеніямъ, но и на основаніи рукописей (Яффе, V 587 примѣч. 1 и 2), замѣнилъ названіемъ: *Ucranî, Ucranîa*. Затѣмъ въ III, 10 измѣненъ порядокъ фразъ. Въ текстѣ Эбона I, 2 Яффе, вмѣсто *senobium Wilzeburgense* (у Кепке), поставилъ *senobium Wilzeburgense* (ib. 586). Гораздо важнѣе сдѣланный Яффе пропускъ гл. I, 17, взятой Кепке изъ *Ebo coartatus*. Яффе, на основаніи сходства съ Гербордомъ, считалъ, что она не принадлежитъ Эбону, а взята сократителемъ изъ Герборда (ib. 586).

Такимъ образомъ текстъ жизнеописаній представляется, въ настоящее время, въ слѣдующемъ видѣ: Гербортъ и Прифлингскій анонимъ напечатаны по цѣльнымъ рукописямъ, Эбонъ же—лишь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ восстановленъ Кепке изъ компиляцій Андрея и *Ebo coartatus*¹⁾. Такъ какъ всѣ эти три сочиненія представляютъ біографію одного и того же лица, касаются одного времени и однихъ и тѣхъ же событій и во многомъ сходны даже буквально, то является чрезвычайно важнымъ опредѣлить время ихъ написанія, взаимное отношеніе и степень достовѣрности каждой изъ нихъ. Мы изложимъ нѣсколько подробнѣе ходъ этого вопроса, интереснаго не только по важности біографій, но и по окончательному результату, который совершенно противоположенъ мнѣнію о нихъ, высказанному первоначально.

Р. Клемпинъ, выдѣлившій первоначальныя біографіи Эбона и Герборда, при этомъ, какъ мы упомянули, обратилъ вниманіе на срав-

¹⁾ Мы цитируемъ въ нашемъ изслѣдованіи текстъ Эбона по изданію Яффе, Герборда—по изданію Кепке in usum scholarum, съ нѣкоторыми исправленіями по изданію Яффе; Прифлингскаго монаха по М. G. SS XII.

нительное достоинство трехъ біографій и на ихъ взаимное отношеніе. По его мнѣнію, біографіи Эбона и Герборда совершенно независимы другъ отъ друга, писаны же около 1158 г., въ одно время, или по крайней мѣрѣ нѣтъ возможности опредѣлять большую древность той или другой. Достоинство ихъ неодинаковое. Эбонъ былъ современникомъ Оттона, видѣлъ его лично и могъ получить вѣрные свѣдѣнія отъ спутниковъ епископа, но его собственное, недостаточное, не выходящее изъ ряду образованіе, отсутствіе критики и легковѣріе мѣшали ему представить точный, послѣдовательный разказъ, что видно и въ томъ случаѣ, когда источникомъ его былъ Удальрикъ, священникъ церкви св. Эгидія, человекъ наблюдательный, близко стоявшій къ Оттону и принимавшій дѣятельное участіе во второмъ его путешествіи; даже и тутъ Эбонъ часто кратокъ и не ясенъ. Эти недостатки особенно замѣтны тамъ, гдѣ Эбонъ основывался на разказахъ не Удальрика, а другихъ неизвѣстныхъ лицъ, передававшихъ Эбону свои воспоминанія спутанно и неясно. Поэтому Клемпинъ отдаетъ преимущество Герборду, который хотя былъ хуже Эбона поставленъ относительно изслѣдованія обстоятельствъ дѣла, ибо онъ пришелъ въ монастырь чрезъ шесть лѣтъ по смерти Оттона, но какъ ученый, образованный и одаренный критическимъ тактомъ человекъ, представляетъ болѣе подробные, тщательные и стройные разказы и превосходить Эбона ясностію, точностію и послѣдовательностію. Впрочемъ, иногда и извѣстія Эбона могутъ служить къ пополненію и поправкѣ Герборда, особенно тамъ, гдѣ Эбонъ приводилъ разказъ Удальрика.

Третью біографію, Прифлингскаго анонима, Клемпинъ считалъ написанною до 1158 г. ¹⁾. Составитель ея воспользовался біографіями Эбона и Герборда, частію дословно списывая ихъ извѣстія, частію свободно передавая. Вдольная же часть другихъ, только у Прифлингскаго анонима находящихся разказовъ, носятъ характеръ устно передаваемыхъ легендъ и мало достовѣрны; вообще въ этой біографіи замѣтна склонность къ выбору чудеснаго. Поэтому Прифлингскій анонимъ заслуживаетъ меньшаго довѣрія и вниманія, чѣмъ Гербордъ и Эбонъ.

Столь положительно выраженное мнѣніе Клемпина, при томъ значеніи, которое имѣли другія части его сочиненія, совершенно отвратило вниманіе изслѣдователей отъ біографіи Прифлингскаго монаха, и они

¹⁾ Такъ опредѣляли тогда годъ смерти Адальберта, епископа Поморскаго, при жизни котораго написано произведеніе Прифлингскаго монаха.

довольствовались однимъ повтореніемъ словъ Клемпина ¹⁾ (Кепке М. G. SS. XII, 743; Кепке только вѣрнѣе опредѣлилъ годъ смерти епископа Адальберта не 1158, а 1163; Яффе, М. В., V. 703 и другіе ²⁾). Взглядъ же на значеніе и соотношеніе трудовъ Эбона и Герборда различно измѣнялся.

Кепке, возстановляя біографіи Эбона и Герборда, замѣтилъ между ними много буквального сходства (М. G. SS. XII, 742); считая Герборда значительно выше Эбона, онъ и это истолковалъ въ его пользу: по его мнѣнію, Эбонъ пользовался, хотя очень осторожно; Гербордомъ, слѣдуя ему и въ расположеніи матеріала; переданное у Герборда въ простомъ разказѣ онъ излагалъ въ рѣчахъ и разговорахъ, и на оборотъ. Кромѣ заимствованія, Эбонъ представляетъ много и своего именно—разказы сообщенные ему Удальрикомъ преимущественно о второмъ путешествіи Оттона. Касательно внутренняго достоинства, каждой біографіи Кепке повторяетъ мнѣніе Клемпина (М. G. §§ XII, 739—743).

Но при изданіи цѣльнаго текста Герборда (М. G. SS. XX), Кепке оставилъ свое мнѣніе о зависимости Эбона отъ Герборда, замѣтивъ что Гербордъ писалъ по смерти Удальрика (см. III, 5, гдѣ онъ упоминаетъ о немъ, какъ объ умершемъ), а Эбонъ—еще при его жизни. Кромѣ того, говоритъ Кепке, — если сравнимъ сходныя мѣста Эбона и Герборда, то увидимъ, что Эбонъ точнѣе передаетъ имена, числа и т. п., такъ что нельзя представить, чтобы онъ бралъ изъ Герборда. Особенно сходны они въ 1-й и 3-й книгахъ, гдѣ Эбонъ передаетъ разказъ очевидца Удальрика. Гербордъ же, слѣдуя Зефриду, хотѣлъ подкрѣпить его разказъ авторитетомъ Удальрика, какъ человѣка, и старшаго по лѣтамъ, и выше стоявшаго по положенію, чѣмъ Зефридъ, и для этого нѣкоторые мѣста изъ разказа Удальрика онъ дословно взялъ у Эбона. Во 2-й же книгѣ Гербордъ почти совершенно самостоятеленъ. Но, не смотря на свои заимствованія, Гербордъ часто

¹⁾ Только *Л. Гизебрехтъ* (Wend. Gesch. III 340—343), и то, не приводя никакого основанія, считаетъ ее наиболѣе древнею, но въ то же время, и также безъ основанія, приписываетъ ее Герборду. Разбирая первое путешествіе Оттона *Фриандъ* (*Balt. Stud.* X, 2) указалъ на важность, во многихъ отношеніяхъ свидѣній Приемлинскаго анонима въ своей статьѣ: *Bischof Otto erste Reise nach Romern*. Но его замѣчанія оставались безъ вниманія въ наукѣ.

²⁾ Впрочемъ, въ последнее время Клемпинъ измѣнилъ свой взглядъ на Приемлинскаго анонима и давалъ совѣты и указанія Гаагу, доказавшему самостоятельность и большую древность Приемлинскаго (*Diss. Gaana: Curriculum vitae*).

болѣ точенъ и вѣренъ, чѣмъ Эбонъ, особенно въ разказѣ о юности Оттона, о монастыряхъ, имъ основанныхъ, о домашнихъ дѣлахъ его, о первомъ путешествіи, иногда и о второмъ, о смерти и погребеніи Оттона. Вообще онъ гораздо выше Эбона; кромѣ виѣшней стороны изложенія, онъ обнаруживаетъ умъ, болѣе свободный отъ предрасудковъ того времени и тонко разбирающій обстоятельства дѣла; въ его Діалогѣ видно удачно выполненное стремленіе—дать болѣе полное и вѣрное описаніе жизни Оттона (ed. in us. schol. XII—XIV).

Такимъ образомъ Кепке остался, въ сущности, вѣренъ мнѣнію Клемпина о превосходствѣ, во многихъ отношеніяхъ, Герборда предъ Эбономъ. Забѣтивъ зависимость Герборда отъ Эбона, онъ однакоже не усумнился въ справедливости заключенія Клемпина и потому не считалъ нужнымъ тщательно провѣрить, какъ Гербордъ пользовался Эбономъ, а только поверхностно сравнилъ тѣ мѣста, гдѣ они совпадаютъ.

Но уже черезъ годъ послѣ выхода школьнаго изданія Герборда, въ наукѣ явилась совершенно противоположная оцѣнка его Діалога. Яффе, издавая *Monum. Bamberg*, подвергъ строгому пересмотру и сравненію біографіи Герборда и Эбона, преимущественно ихъ трехъ книгъ.

Отмѣтивъ, что почти все содержаніе 3-й книги Герборда заимствовано изъ Эбона, Яффе обратилъ вниманіе на общій характеръ передачи Гербордомъ извѣстій Эбона, разобралъ нѣкоторые болѣе замѣчательныя въ этомъ отношеніи мѣста Діалога Герборда и доказалъ, что Гербордъ передавалъ заимствованныя свѣдѣнія такимъ образомъ, что они принимали ложный видъ, и искажалъ ихъ, какъ въ существенномъ, такъ и въ подробностяхъ; многое также прибавлялъ совершенно произвольно, или на основаніи ложнаго толкованія словъ Эбона ¹⁾. Поэтому Яффе поставилъ Діалогъ Герборда *in fallacium librogum sibi*: При пользованіи имъ должно, если его извѣстія общи съ Эбоновыми, отдавать всегда болѣе вѣры послѣднему; если же что-нибудь находится только у Герборда (особенно въ кн. I-й и II-й), то принимать это съ крайнею осторожностію и послѣ тщательной по-вѣрки. Такой результатъ изслѣдованія Яффе разрушилъ прежнее не

¹⁾ Подробности замѣчаній Яффе войдутъ въ составъ нашего разбора Герборда.

провѣрявшееся мнѣніе Клемпина и Кепке о превосходствѣ Герборда и былъ принятъ лучшими нѣмецкими учеными ¹⁾ ²⁾.

Яффе, самостоятельно разобравшій біографію Герборда, относительно третьей біографіи — Прифлингскаго анонима, повторилъ, какъ мы сказали, мнѣніе Клемпина. Тщательно разобралъ эту послѣднюю біографію Г. Гаагъ, въ 1874 г. въ своей диссертаци: *Quelle, Gewährtsmann und Alter der ältesten Lebensbeschreibung des Pommernapostels Otto v. Bamberg. Inaugural Dissertation von Georg Haag. Halle 1874*, гдѣ доказана независимость ея отъ Эбона и Герборда и большая древность ея.

Въ виду важности біографіи Прифлингскаго анонима для разбора извѣстій Герборда, изложимъ подробнѣе содержаніе диссертаци Гаага.

Главнымъ основаніемъ для Клемпина къ призванію несамостоятельности Прифлингскаго анонима была первая книга сочиненія этого автора, представляющая во многихъ мѣстахъ буквальное сходство съ первыми книгами Эбона и Герборда. Это именно замѣтно въ главахъ 7—33, гдѣ идетъ рѣчь о дѣятельности Оттона внутри его епархіи, о

¹⁾ *Giesebrecht*, *Gesch. d. deut. Kaiserzeit* IV, 2, 393 (1875); *Wattenbach*, *Deutschlands Geschichtsquellen* 4 изд. 1878; *Haag*, Диссертация 1874, стр. 2.

²⁾ Изъ славянскихъ ученыхъ только одинъ покойный *А. Котляревскій* въ «Книгѣ о древн. и исторіи Поморск. Слав.» (1874 г.) прямо завялся изслѣдованіемъ біографіи Оттона, но къ сожалѣнію, отнесся къ нимъ безъ малѣйшей критики, и хотя былъ знакомъ съ мнѣніемъ Яффе о Гербордѣ, но совершенно не оцѣнилъ его доназательствъ недостоверности извѣстій Герборда. Въ своемъ сочиненіи, содержащемъ въ себѣ только механическое соединеніе разказовъ Эбона и Герборда о путешествіи Оттона въ Поморье въ русскомъ переводѣ и въ латинскомъ подлинникѣ, сперва въ порядкѣ біографіи Эбона и Герборда, а потомъ подъ различными рубриками (семья... рыболовство... скотоводство...), Котляревскій слѣдуетъ преимущественно Герборду, держась такимъ образомъ мнѣнія Клемпина и Кепке; при этомъ онъ упрекаетъ Яффе въ несправедливости и придиричivosti къ Герборду: «Какъ историкъ, Гербордъ гораздо выше Эбона, и нѣтъ причинъ думать, чтобъ онъ стоялъ много ниже его въ желаніи точно передать извѣстія источниковъ и въ стремленіи къ правдѣ» (стр. 13). «Намъ кажется, что покойный талантливый историкъ (Яффе) слишкомъ несправедливъ къ Герборду, относя его грядъ къ лживымъ источникамъ; гораздо вѣрнѣе и безпристрастнѣе судили его Кепке и Клемпинъ» (стр. 14, пр. 14). Въ свою очередь намъ казалось бы, что доводы Яффе противъ Герборда на столько (по крайней мѣрѣ съ перваго взгляда) основательны и авторитетны, что серьезному ученому не слѣдовало бы ограничиваться голословнымъ отверженіемъ ихъ, а слѣдовало бы подвергнуть разбору.

постройкѣ и обогащеніи монастырей. Имъ соотвѣтствуютъ у Эбона главы 16—18, а у Герборда—гл. 12—17 и 19—26. Поэтому большую часть диссертациі Гаага составляетъ разборъ 1-й книги Прифлингскаго анонима.

Сопоставляя сходныя и соотвѣтственныя мѣста изъ 3-й біографіи и одного отрывка *ex catalago Abbatum Sancti Michaelis* (M. G. §§ XII. 907—909; о немъ скажемъ ниже), Гаагъ доказываетъ, что всѣ эти сочиненія имѣли для себя одинъ общій источникъ — запись о построенныхъ Оттономъ монастыряхъ и вообще о приобрѣтеніяхъ его для Бамбергской епископіи. Прежде чѣмъ подробно доказывать это, Гаагъ восстанавливаетъ текстъ Эбона, именно 17-ю главу I-й книги, (она ему важна для сопоставленія). Ея, какъ мы сказали, у Андрея нѣтъ, и Кепке, восстанавливая текстъ Эбона, взялъ ее изъ *Ebo coartatus*. Яффе, замѣтивъ сходство 17-й гл. I-й кн. съ Гербордомъ, счелъ ее заимствованною отсюда совратителемъ. Но Гаагъ, указавъ, что глава эта находится въ такъ-называемомъ Старградскомъ фрагментѣ біографіи Оттона, представляющемъ первоначальный текстъ Эбона, заключаетъ, что ее должно включить въ текстъ Эбона, и слѣдовательно сходство съ Гербордомъ признать существовавшимъ уже въ первоначальномъ Эбонѣ.

Доказавъ это, Гаагъ переходитъ, во 2-й главѣ, къ сопоставленію сходныхъ мѣстъ (стр. 18—46; 52—55) Прифлингскаго анонима, *Ebo Andrianus* (по изд. Яффе), *Ebo coartatus*, Старградскаго фрагмента, Герборда и *ex catalago Abbatum*.

При этомъ сопоставленіи, прежде всего, бросается въ глаза то, что здѣсь, у всѣхъ трехъ біографовъ (не только у двухъ между собою, но часто и у всѣхъ трехъ) есть очень много мѣстъ, и довольно длинныхъ, буквально сходныхъ, тогда какъ во 2-й и 3-й книгѣ сходство между Прифлингскимъ анонимомъ, Эбономъ и Гербордомъ, или у Эбона съ Гербордомъ встрѣчается лишь изрѣдка, въ отдѣльныхъ фразахъ. Это указываетъ на существованіе у біографовъ одного и того же источника ¹⁾, обвинявшаго собою дѣятельность Оттона въ его епископіи, что именно по плану ихъ, должно было занимать большую часть ихъ первой книги. Подлиннаго памятника такого содержанія не дошло до насъ, но слѣды

¹⁾ Клеппинъ высказывалъ такое предположеніе относительно Эбона и Герборда. (*Balt. Stud.* IX. 1 стр. 237—238).

его Гаагъ видитъ въ вышеупомянутомъ фрагментѣ *ex catalago* ¹⁾, гдѣ подробно и поименно исчисляются владѣнія и доходы различныхъ монастырей, основанныхъ Оттономъ и получившихъ все это отъ него. Если обратить вниманіе на текстъ фрагмента, то окажется, что въ немъ есть значительные пропуски, и слѣдовательно, онъ взятъ изъ другого, дѣльнаго сочиненія, которое, однако, тоже не есть первоначальное, а является сокращеніемъ подробной памяти, памятной записки (*Denkschrift*, какъ называетъ ее Гаагъ) о монастыряхъ, основанныхъ Оттономъ, объ имѣніяхъ и вообще о всемъ, дарованномъ имъ Оттономъ.

Фрагментъ *ex catalago* во многомъ сходенъ съ біографіями, хотя содержитъ и нѣчто такое, чего нѣтъ въ послѣднихъ. Слѣдовательно, первоначальная (то-есть, предполагаемая) память (сокращеніе которой есть фрагментъ) и біографіи находятся во взаимной связи: или составитель памяти пользовался біографіями, или на оборотъ.

Для рѣшенія этого вопроса Гаагъ сравниваетъ сходныя мѣста біографій и фрагмента и находитъ, что фрагментъ представляетъ постоянно болѣе подробныя и богатыя цифровыми данными показанія: гдѣ біографіи даютъ общія опредѣленія — *bona plurima, praedia sufficientia*, тамъ во фрагментѣ мы находимъ точныя названія и перечисленія этихъ *bona, praedia*; особенно замѣчательны, въ этомъ отношеніи, мѣста изъ Эбона на стр. 34, 36, диссертациі Гаага. Здѣсь Эбонъ, вмѣсто названій мѣстъ, находящихся во фрагментѣ, перечисляетъ, въ томъ же порядкѣ, общія категоріи, къ которымъ относятся эти мѣстности: у Эбона: *praedia* (во фрагментѣ—какія именно), *vineas* (какія именно), *oblaciones, beneficia*... Въ такомъ же родѣ и у Прифл. анонима на стр. 54, 55 *basilicarum domorum ac turrium, quae externis in locis, in urbibus, in suburbanis, in castellis, in villis, in vallibus, in montanis exstruxit* (вездѣ въ фрагментѣ названія ихъ). Эти и многія подобнаго рода мѣста, а также то, что во фрагментѣ есть много такого, чего нѣтъ въ біографіяхъ, показываетъ, что біографы, не имѣвшіе въ виду специально описывать дѣятельность Оттона внутри епископіи, значительно сократили лежавшую передъ ними подробную о томъ записку, болѣе полно сохраненную во фрагментѣ, выпустивъ названія мѣстъ и отдѣльныя цифры и поста-

¹⁾ Онъ входитъ въ составъ хроники Михельсбергскаго монастыря, составленной аббатомъ Андреемъ въ концѣ XV вѣка изъ различныхъ древнихъ источниковъ.

вивъ вмѣсто того общія опредѣленія; многихъ показаній совсѣмъ не взяли.

Доказавъ, такимъ образомъ, что біографы пользовались памятною запиской, Гаагъ переходитъ къ разсмотрѣнію того, самостоятельно ли каждый изъ нихъ пользовался ею, или заимствовалъ собственно одинъ изъ нихъ, а другіе только списывали у перваго. Прежде всего Гаагъ обращается къ Прифл. анониму, обвиняемому въ списываніи у Эбона и Герборда, и разбираетъ отдѣльно главы 8—30 его I-й книги, сравнивая ихъ съ фрагментомъ, Эбономъ и Гербордомъ. При этомъ видно, что многое у Прифл. анонима буквально сходно съ фрагментомъ, или сокращено изъ него, такого, чего нѣтъ ни у Герборда, ни у Эбона; многое также обще у Прифл. анонима съ другими біографіями и фрагментомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, сходныхъ съ Гербордомъ и Эбономъ, встрѣчаются отдѣльныя фразы, сходныя съ фрагментомъ и не находящіяся у Герборда и Эбона. Иногда Прифл. анонимъ, сходствуя съ Гербордомъ и Эбономъ, представляетъ болѣе точныхъ данныхъ, чѣмъ они. Все это ясно показываетъ, что Прифл. анонимъ не только самостоятельно и непосредственно обращался къ памятной запискѣ, но и передавалъ текстъ ея вѣрнѣе и подробнѣе, чѣмъ Гербордъ и Эбонъ. Поэтому и другія мѣста, такого же содержанія, сходныя съ Гербордомъ и Эбономъ, не должны быть принимаемы за заимствованіе оттуда—именно главы 7—8 и 31—33, дословно сходныя съ частями различныхъ главъ Герборда и Эбона, не списаны у нихъ, а прямо взяты Прифл. анонимомъ изъ памятной записки. Онѣ помѣщены у Прифл. анонима именно тамъ, гдѣ онѣ, по ихъ содержанію, должны бы быть въ памятной запискѣ. Въ 31—33 сообщается подтвердительная булла папы Каликста II для всего, сдѣланнаго Оттономъ внутри епархіи, съ краткимъ заключеніемъ въ торжественныхъ фразахъ, что подходитъ къ концу памятной записки. Главы 7-я и 8-я, по своему панегирическому тону, весьма умѣстны и приличны, какъ вступленіе къ перечисленію построекъ и даровъ Оттона.

Такимъ же способомъ Гаагъ доказываетъ, что Гербордъ и Эбонъ самостоятельно пользовались памятною запиской (то-есть, указывая на то, что они, иногда, приводятъ болѣе подробностей, чѣмъ Прифилингскій анонимъ).

Затѣмъ Гаагъ разбираетъ вопросъ, гдѣ и когда могла явиться памятная записка, и при этомъ приводитъ одинъ документъ, близко напоминающій ее. Конечно, и раньше Оттона были въ Бамбергѣ точныя, извлеченныя изъ документовъ, записи о всѣхъ новыхъ постройкахъ и о

владѣніяхъ монастырскихъ. Такъ, напримѣръ, сохранился писанный въ XII вѣкѣ отрывокъ изъ перечисленія владѣній монастыря Михельбергскаго, относящійся ко времени императора Генриха II (см. Giesebr. Kaiserzeit, II, 591, прим. къ стр. 63) и по характеру сходный съ предполагаемою запиской. Тѣмъ болѣе это должно было быть сдѣлано въ эпоху Оттона Бамбергскаго, если примемъ въ расчетъ, съ одной стороны, богатство его приобрѣтеній, а съ другой—значительныя литературныя силы, которыя собрались въ Бамбергѣ при Оттонѣ и послѣ него. Нѣчто подобное представляетъ намъ одинъ открытый В. Гизебрехтомъ (Kaiserzeit, III, 1220—1222) документъ, считаемый имъ по его внѣшнему виду наброскомъ или планомъ для составленія подробной записки. Въ немъ Михельбергскій аббатъ Германъ назначаетъ праздникъ въ честь императора Генриха II и Оттона Бамбергскаго, и между прочимъ, перечисляетъ приношенія, которыя Оттонъ сдѣлалъ монастырямъ. Отдѣльныя мѣста этого документа почти буквально сходны съ мѣстами изъ біографій и фрагмента. Въ концѣ его говорится: *haec, quae annotata sunt, volumus ut singulis annis in ejus anniversario publice in capitulo legantur*. Изъ сходства этого отрывка съ біографіями и фрагментомъ Гаагъ заключаетъ, что эти *annotata*, постепенно расширяясь, приняли видъ памятной записки, послужившей основаніемъ для разбираемыхъ памятниковъ (при этомъ Гаагъ (65—66; 69) собираетъ мѣста изъ Эбона, Прифл. анонима, ex catalogo и Герборда, въ которыхъ есть намекъ на дѣйствительное существованіе у нихъ подъ руками памятной записки). Этою частію своего изслѣдованія Гаагъ уничтожаетъ главный доводъ Клемпина въ пользу того, что Прифл. анонимъ заимствовалъ свои сказанія у Эбона и Герборда.

Затѣмъ Гаагъ разбираетъ извѣстія объ обоихъ путешествіяхъ Оттона въ Поморье (гл. III). Здѣсь Клемпинъ признавалъ существованіе разказовъ, самостоятельно собранныхъ Прифл. анонимомъ, но, по словамъ Клемпина, анонимъ бралъ ихъ изъ устнаго преданія, принявшаго уже характеръ легендарный, и потому мало достовѣрнаго. Чтобы опредѣлить историческую цѣнность разказовъ анонима, Гаагъ разбираетъ ихъ и указываетъ какъ общія свойства ихъ, такъ и источникъ, изъ котораго они могли быть почерпнуты. Вотъ эти общія свойства: 1) названія мѣстностей и личныхъ именъ славянскихъ переданы вѣрнѣе, то-есть, ближе къ славянскому языку и къ способу писанія этихъ именъ въ поморскихъ актахъ, нежели у Эбона и Герборда, которые употребляютъ имена эти въ латинизированной формѣ; 2) авторъ обнару-

живаєть знаніе славянскаго языка; 3) названія основанихъ Оттономъ въ Поморьѣ церквей переданы точнѣе и полнѣе, чѣмъ у Эбона и Герборда; 4) у Прифл. анонима находятя отдѣльныя точныя показанія, напримѣръ, чисель мѣсяца и различныхъ цифровыхъ данныхъ, которыхъ нѣтъ у Эбона и Герборда; 5) встрѣчаются легендарныя разказы чисто мѣстнаго, поморскаго характера (о Волинѣ).

Подобныя черты сочиненія анонима, черты которыхъ нѣтъ даже у Эбона и Герборда, писавшихъ по разказамъ очевидцевъ, конечно, тѣмъ менѣе могли быть взяты изъ передаваемыхъ устно сказаній нѣмецкихъ монаховъ, даже и не бывшихъ въ Поморьѣ. Онѣ могли исходить только отъ очевидца и участника путешествія, и притомъ такого, который болѣе, чѣмъ Удаляркъ и Зефридъ, былъ знакомъ съ Поморьемъ, съ языкомъ и мѣстностью и болѣе интересовался и зналъ то, что тамъ происходило (напримѣръ, отношенія къ Польшѣ). Наиболѣе удовлетворяющее этимъ условіямъ лицо Гаагъ видитъ въ Адальбертѣ, толмачѣ Оттона, послѣ епископѣ Поморья. При этомъ Гаагъ указываетъ между прочимъ и на выдающуюся роль, какую придаетъ ему Прифл. анонимъ, выдвигая его на первый планъ и часто упоминая о немъ ¹⁾. Вѣрно ли это предположеніе Гаага, или нѣтъ, но очевидно, что свѣдѣнія, сообщаемыя анонимомъ заслуживаютъ большаго довѣрія. Неточности его и ошибки объясняются малымъ его образованіемъ и плохимъ знаніемъ латинскаго языка, а также тѣмъ, что онъ записалъ не все, передаваемое имъ, а только то, *quae vel notissima sunt, tam pro aedificatione legentium, quam pro honore gestorum* (Prol. I). Дѣлая пропуски, онъ могъ неясно представить ходъ событій и передать разказы не въ надлежащей полнотѣ ²⁾.

Другаго, указаннаго Клемпиномъ, недостатка, именно любви къ легендарному, Гаагъ не отвергаетъ въ Прифлингскомъ анонимѣ, но

¹⁾ Гаагъ обращаетъ вниманіе и на то, что у Прифл. анонима названія городовъ пишутся такъ же, какъ и въ папской буллѣ 1140-го г., утверждавшей Адальберта въ санѣ епископа Поморья; названія эти, вѣроятно, были продиктованы самимъ Адальбертомъ.

²⁾ Кромѣ того, если источникомъ Прифл. анонима былъ Адальбертъ, то анонимъ писавшій или собиравшій матеріалы въ Бамбергѣ, какъ думаетъ Гаагъ, не могъ отъ Адальберта узнать все хорошо и подробно: ибо Адальбертъ, спѣша окончить дѣло съ своимъ посвященіемъ въ санѣ епископа Поморья, не долго оставался въ Бамбергѣ; именно во время этого пребыванія въ 1140 г. въ Бамбергѣ, Адальбертъ, по мнѣнію Гаага, и сообщилъ свѣдѣнія анониму.

съ своей стороны, доказываетъ, что этотъ недостатокъ, и даже въ бѣльшей степени, замѣтенъ въ Эбонѣ ¹⁾.

Такъ какъ свѣдѣнія Прифл. анонима не находящіяся у Эбона и Герборда, переданы первому очевидцемъ, то мы не имѣемъ права утверждать, будто анонимъ заимствовалъ отъ нихъ и тѣ разказы, въ которыхъ онъ сходенъ съ ними, или ведетъ рѣчь параллельно имъ. Сходство это весьма естественно, ибо очевидцы, конечно, должны были сходно разказывать, по крайней мѣрѣ о важнѣйшихъ происшествіяхъ. Такимъ образомъ мы должны признать вообще самостоятельными тѣ извѣстія, которыя передаются у Прифлингскаго анонима.

Но такъ какъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ разказахъ видно букввальное сходство анонима съ Эбономъ и Гербордомъ, то нужно опредѣлить, который изъ нихъ послужилъ здѣсь источникомъ для другаго. По нѣкоторымъ даннымъ можно не только признать біографію, составленную анонимомъ, болѣе древнею, но и съ точностію опредѣлить время ея написанія. Гаагъ (Диссерт. 120—121 и Forsch., zu der Gesch., XVIII: Beitrage z. Quellen-kritik d. Lebensbeschreib. d. B. O. v. Bamb) указываетъ, что въ сочиненіи *Vita Theogeri*, написанномъ въ Прифлингскомъ монастырѣ послѣ 1146 г. ²⁾, есть одно мѣсто, буквально сходное съ біографіей Оттона (*Vita Theogeri* I, 8; *Vita Ottonis* II, 19). Составитель *Vita Theogeri*, указывая отношенія Эрбона, Теогерова ученика, къ Теогеру, употребляетъ выраженія, буквально сходныя съ тѣми, какія находимъ у автора *Vita Ottonis*, гдѣ идетъ рѣчь объ отношеніяхъ Адальберта къ Оттону. Но эти выраженія, совершенно подходящія къ Адальберту, могутъ быть отнесены къ Эрбону только съ большою натяжкой. На этомъ основаніи Гаагъ заключаетъ, что составитель *Vita Theogeri* неудачно воспользовался здѣсь *Vita Ottonis*, которую имѣлъ подъ руками, и біографія Прифлингскаго анонима, слѣдовательно, написана раньше *Vita Theogeri*, то-есть, до 1146 г. ³⁾.

¹⁾ Это есть уже увлеченіе Гаага: сравнительно со всею массою разказовъ значительно меньше чудеснаго у Эбона, чѣмъ у Прифл. анонима.

²⁾ См. *Иффе*, M. G. §§ XII, 449—450.

³⁾ Сперва Гаагъ (Диссерт. 119—121), на основаніи сходства стиля, одинаковой любви къ цитатамъ и сравненіямъ изъ Ветхаго Заветъ, и наконецъ, по нѣкоторому сходству въ положеніи дѣйствующихъ лицъ, полагалъ, что эти объ *Vitae* принадлежатъ одному автору. Но послѣ возраженій *В. Арндта* (*Jenaer*

Затѣмъ Гаагъ обращается, такъ-сказать, къ внутреннимъ доказательствамъ бѣльшей древности сочиненія Прифлингскаго анонима.

1) У всѣхъ трехъ біографовъ весь матеріалъ раздѣленъ на три книги: I) жизнь Оттона до епископства; II) первое путешествіе; III) второе путешествіе и остальная жизнь Оттона ¹⁾. Но Прифлингъ анонимъ, во первыхъ, провель это раздѣленіе съ меншею послѣдовательностію и вѣрностію, отнеся конецъ перваго путешествія къ третьей книгѣ, а вовторыхъ, предпослалъ объясненіе причины, по которой раздѣлилъ свой трудъ на три книги (Prol. 11). Ошибки въ раздѣленіи не было бы и не нужно было бы объяснять причину раздѣленія, еслибъ у Прифл. анонима предъ глазами было готовое и правильное дѣленіе Герборда и Эбона.

2) Въ 3-й книгѣ анонимъ приводитъ только два чуда, которыя пришли ему на память — *quae ad praesens memorie occurrunt*. Это выраженіе, опять, было бы очень странно, еслибъ онъ видѣлъ сочиненія Эбона и Герборда, гдѣ разказано о пяти чудесахъ.

3) Характеръ нѣкоторыхъ мѣстъ, сходныхъ у анонима и Герборда, показываетъ, что Гербордъ взялъ у анонима, а не на оборотъ (III, 17 и 19).

4) Наконецъ, прибавимъ мы (у Гаага этого не отмѣчено), Прифл. анонимъ не могъ бы въ такомъ безпорядкѣ перечислить города, посѣщенные Оттономъ во второе путешествіе (III, 4 и 6), если бы пользовался яснымъ и подробнымъ разказомъ Эбона или Герборда.

Въ заключеніе Гаагъ старается доказать, что біографія Прифл. анонима написана въ Бамбергѣ (дабы этимъ подтвердить свою мысль, что источникомъ для анонима были разказы Адальберта, ибо трудно представить, чтобы онъ заѣзжалъ въ Прифлингскій монастырь). Но изъ доказательствъ Гаага видно только то, что составитель бывалъ въ Бамбергѣ и относился къ своей метрополи съ любовію; но ими вовсе не опровергается мнѣніе Клеммина. Самъ Гаагъ, сознавая ихъ

Literatur-Zeitung, 1875 № 49) и II. Эвальда (*Sybel's Historische Zeitschrift*. 1876. Erst. Heft 178—180), Гаагъ оставилъ это мнѣніе (Forsch. z. d. Gesch., XVIII). Эвальдъ положительно доказалъ, что біографіи не принадлежать одному писателю, ибо въ нихъ высказываются противоположные взгляды на совершеніе инвеституры императоромъ. Остальныя же сходныя черты, напримѣръ, сходство стили и выдержки изъ Ветхаго Заветъа ничего не доказываютъ, потому что онѣ общи многимъ памятникамъ XII вѣка. Однако Арндтъ и Эвальдъ признали, что въ *Vita Theoderici* есть заимствованія изъ *Vita Ottonis*.

¹⁾ О намѣренномъ отступленіи Герборда отъ этого см. выше стр. 15.

недостаточность, въ концѣ диссертациі прибѣгаетъ къ такому натянутому предположенію: составитель былъ сперва монахомъ въ Прифлингскомъ монастырѣ, потомъ, около 1140 г., былъ въ Бамбергѣ, оттуда опять перешелъ въ Прифлингъ; при этомъ, можетъ быть, онъ писалъ біографію и въ Прифлингѣ, а только матеріалы собралъ въ Бамбергѣ.

Итакъ, мнѣніе Клемпина о Прифлингскомъ монастырѣ, какъ о мѣстѣ составленія біографіи, должно считать основаннымъ на болѣе серьезныхъ доводахъ ¹⁾.

Изложимъ теперь, на основаніи разобранныхъ изслѣдованій Клемпина, Яффе и Гаага, утвердившіеся въ современной наукѣ взгляды на біографіи Прифлингскаго анонима и Эбона и на ихъ авторовъ; это дастъ намъ твердую почву для изслѣдованія Діалога Герборда.

I. Древнѣйшая изъ трехъ біографій есть біографія неизвѣстнаго по имени Прифлингскаго монаха, составленная, вѣроятно, между 1140 и 1146 гг. Источниками для біографа были: а) устные, ходившіе въ монастырѣ, неясные и спутанные разказы, напримѣръ, о юности Оттона, о жизни его до епископства и о событіяхъ между первымъ и вторымъ путешествіемъ: отсюда анонимъ почерпнулъ свѣдѣнія о Прифлингскомъ монастырѣ (I, 10); б) памятная записка о монастыряхъ, построенныхъ Оттономъ, и объ имѣніяхъ, которыя онъ далъ имъ: выдержки изъ записки занимаютъ большую часть I-й книги; в) самыя

¹⁾ Гаагъ доказалъ, что у всѣхъ трехъ біографовъ, для I-й книги былъ одинъ источникъ. Успѣхъ его доказательствъ соблазнилъ, кажется, г. Зитвица, и тотъ въ своей статьѣ, подъ заставляющимъ многое ожидать заглавіемъ: *Die drei Biographien Ottos I von Bamberg nach ihrem gegenseitigen Verhältniss, ihrem Quellen und ihrem Werth untersucht (Forsch. g. d. Gesch. XVI, 29—334)*, далъ неудачное подражаніе его работѣ, пытаясь сдѣлать то же, что Гаагъ, относительно 2-й книги Прифл. анонима. Зитвицъ доказываетъ, что будто бы и для 1-го путешествія въ Поморье, всѣ три біографа имѣли одинъ письменный источникъ, именно дневникъ путешествія, писанный Зеэридомъ, но только воспользовались имъ такъ неодинаково и съ такою свободой, что у нихъ не осталось ничего сходнаго въ содержаніи, не говоря уже о сходствѣ буквальному, или о тождествѣ въ представленіи точныхъ данныхъ! Неосновательность такого предположенія указана Гаагомъ въ *Forsch. z. deutsch. Gesch. XVIII*. Тамъ же, отмѣчая нѣкоторые грубые промахи Зитвица, Гаагъ разбираетъ и другія его мнѣнія и выясняетъ ихъ произвольность и ошибочность, (такое, напримѣръ, мнѣніе Зитвица, что 3-я книга Эбона составлена какъ отдѣльное сочиненіе, раньше 1-й и 2-й), или несамостоятельность. Зитвицъ, во многихъ мѣстахъ, только повторяетъ взглядъ Яосе на Герборда или присоединяетъ нѣсколько мелочныхъ доказательствъ въ пользу его; впрочемъ нѣкоторые отдѣльныя его замѣчанія имѣютъ цѣну.

важнія даннія о двухъ путешествіяхъ Оттона въ Поморье основаны на разказахъ спутника Оттона, знакомаго съ славянскимъ языкомъ и съ мѣстностью Поморья (можетъ быть, толмача Адальберта, въ послѣдствіи Поморскаго епископа). Впрочемъ, не смотря на свою достовѣрность (что анонимъ старался брать достовѣрное, видно изъ его выраженія: *quae vel ipsi—narramus*) разказы эти много теряютъ отъ дурнаго слога, неяснаго изложенія, краткости, отрывочности и неполноты, особенно по отношенію ко второму путешествію. Самъ анонимъ говорить, что изъ бывшаго у него матеріала онъ выбиралъ только то, что служило къ большому прославленію епископа и было назидательно для читателей; остальное же, что часто было бы весьма важно для насъ, опускалъ для краткости ¹⁾. Цѣль его—*aedificatio legentium et honor gestorum*—видна и въ обилии чудесныхъ разказовъ. Но устраняя подобныя легенды и исключая ошибки, плодъ неяснаго изложенія, или неловкихъ пропусковъ, остальнымъ извѣстіямъ, сообщаемымъ анонимомъ на основаніи разказовъ спутника Оттонова, мы должны довѣрить вполне.

II. За біографіей Прифлингскаго анонима по времени слѣдуетъ біографія Эбона, священника и монаха Михельсбергскаго монастыря († 16-го мая 1163 г.) ²⁾. Она написана, вѣроятно, вскорѣ послѣ 1151 г.; по крайней мѣрѣ такъ можно судить по тому живому чувству, съ какимъ авторъ говоритъ объ образѣ жизни и о кончинѣ Вигванда, аббата Таризійскаго (умеръ 16-го мая 1151 г.). Самый поздній срокъ ея написанія есть 1158 годъ. Это видно, во первыхъ, изъ того, что авторъ вездѣ говоритъ объ Удальрикѣ, священникѣ церкви св. Эгидія, какъ еще о живомъ (онъ умеръ 23-го марта 1159 г.) ³⁾, а ввторыхъ, изъ того, что Гербордъ, писавшій въ 1158—1159 гг., уже пользовался трудомъ Эбона. Эбонъ былъ современникомъ Оттона, и безъ сомнѣнія, находился въ Бамбергѣ во время его кончины (сравни. Ево III, 25). Это былъ простой, скромный и набожный

¹⁾ Prologus I: aliqua de gestis ipsius, Domino opitulante scribenda, tam pro aedificatione legentium quam pro honore gestorum. Verum, ne quis aestimet fabulosa, quae scribimus, ea tantum, quae vel ipsi pro certo cognovimus, vel quae a notis religiosisque personis nobis sunt comperta narramus... sicut puram et simplicem hystoriae exequimus veritatem... Prol. II. Non mihi omnia, quae de Ottone comperi, sed ea tantum quae vel notissima sunt, stilo explicare propositum est, quamquam ex his plurima studio brevitatis omirerim.

²⁾ Necrol. S. Mich. ad 17 Kal. Iun. *Яффе* V, 571.

³⁾ Necrol. S. M. ad 10 Kal appr. *Яеос* V, 569.

человѣкъ, благоговѣвшій предъ своимъ новымъ апостоломъ, покровителемъ и благодѣтелемъ Михельсбергскаго монастыря, епископомъ Оттономъ, желавшій вѣрно передать потомству свѣдѣнія о его дѣлахъ ¹⁾. Онъ получилъ нѣкоторое образованіе, зналъ классическихкихъ писателей, довольно порядочно, хотя и не безъ варваризмовъ, владѣлъ латинскимъ языкомъ; по своему развитію и образу мыслей онъ не стоялъ выше своего вѣка. Какъ благочестивый монахъ, онъ съ искреннею вѣрой принималъ все, ему передаваемое, вѣрилъ чудесамъ и видѣлъ сверхъестественное дѣйствіе Промысла даже въ обыкновенныхъ дѣлахъ. О преднамѣренной лжи его не можетъ быть и рѣчи: все слышанное онъ передавалъ просто и безыскусственно, вѣрилъ разказчику, какъ собственнымъ очамъ ²⁾. Иногда онъ могъ не ясно понять что-нибудь (впрочемъ Эбонъ былъ на столько развитъ, что неясность его изложенія мѣстами указываетъ скорѣе, повидимому на то, что сообщавшій ему свѣдѣнія разказчикъ не ясно представлялъ описываемое происшествіе), могъ выразиться неотчетливо и запутанно, высказать ложное мнѣніе о причинахъ факта и ложный взглядъ на него. Но въ остальномъ достовѣрность его разказовъ вполне соответствовала достоинству его источниковъ; самъ же онъ не искажалъ и не измѣнялъ ихъ. Поэтому различныя части его сочиненія имѣютъ разную степень точности, ясности и подробности, смотря по тому, откуда онѣ почерпнуты. Это заставляеть насъ точнѣе опредѣлять самыя его источники.

Главнымъ источникомъ Эбона были разказы Удальрика ³⁾. Онъ своимъ образованіемъ превосходилъ остальныхъ спутниковъ Оттона, стоялъ близко къ нему и пользовался его любовью. По его убѣжденію, Оттонъ назначилъ освященіе Михельсбергскаго собора на 1-е сентября (1121 г.), чего онъ раньше не желалъ сдѣлать, боясь причинить ущербъ церкви св. Эгидія, въ которую, на этотъ день, стекалось много богомольцевъ. Намѣреваясь предпринять первое путешествіе, Оттонъ сообщилъ это Удальрику, предложилъ ему идти съ нимъ и совѣтовался съ нимъ на счетъ другихъ спутниковъ. Удальрикъ рекомендовалъ ему Зефрида. Неожиданная болѣзнь Удальрика заставила

¹⁾ См. Прологъ къ биографіи.

²⁾ *Udalrici reverende maturitati et spectate coram Deo et hominibus fidei ita me necesse fuit credere, ac si propriis oculis ea, quae dicebat. Vidissem. (II, 1).*

³⁾ Самъ Эбонъ говоритъ: *Scripturus sum gesta Ottonis, quae ex ore veridici ac Deo delecti sacerdotis Udalrici audivi. (Prolog.).*

Оттона отложить путешествіе на три дня; отправившись изъ Бамберга, онъ еще три дня ждалъ въ Михельсфельдѣ, не поправится ли Удальрикъ, и уже по истеченіи этого срока рѣшился идти безъ него. Во все время втораго путешествія Удальрикъ находился при Оттонѣ, участвуя во многихъ событіяхъ. Отправляясь къ Болеславу, Оттонъ оставилъ въ Узноиѣ Удальрика, какъ своего намѣстника въ Поморьѣ. Когда же Болеславъ потребовалъ къ себѣ Вратислава, князя Поморскаго, то Удальрикъ отправился съ нимъ въ Польшу ¹⁾.

Свѣдѣнія, сообщаемыя лицомъ, поставленнымъ такъ, какъ Удальрикъ, заслуживаютъ, конечно, полного вниманія, но и въ нихъ должно различать, передаетъ ли Удальрикъ то, что самъ видѣлъ и въ чемъ непосредственно участвовалъ, а также слышалъ вскорѣ послѣ событія ²⁾, или же сообщаетъ разказы другихъ лицъ, часто о событіяхъ давняго времени. Къ первому разряду свѣдѣній относится то, что говорится о второмъ путешествіи (исключая, конечно, чудесныхъ событій) (гл. III, 1—21; 23, 24), также — извѣстія о монахѣ Бергардѣ и объ отношеніяхъ его къ Оттону, сборы Оттона въ первое путешествіе, болѣзнь Удальрика (II, 1—3), колебаніе Оттона назначить освященіе Михельсбергской церкви 1-го сентября (I, 22); во второму—извѣстія о юности Оттона ³⁾, о пребываніи его въ Польшѣ при дворѣ Юдиои, о прибытіи ко двору императора Генриха IV (I, 1—3), можетъ быть—объ инвеститурѣ Оттона и о посвященіи его палой въ епископы (I, 6—8) (хотя тутъ Эбонъ не указалъ, отъ кого онъ узналъ это).

Нѣкоторые факты изъ жизни Оттона могли быть лично извѣстны Эбону, ибо онъ былъ современникомъ Оттона, хотя и не видно, чтобы находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ нимъ (Яффе, V, 580). Менѣе вѣрныя и точныя свѣдѣнія Эбонъ могъ получить отъ другихъ своихъ сожителей-монаховъ (I, 3), а равно и отъ спутниковъ Оттона въ Поморье. Таковы разказы о первомъ путешествіи, во мно-

¹⁾ Свѣдѣнія объ Удальрикѣ мы почерпаемъ изъ словъ Эбона. Правда, Эбонъ могъ преувеличить благоволеніе Оттона къ Удальрику, но несомнѣнно все-таки, что Удальрикъ стоялъ очень близко къ епископу.

²⁾ При этомъ нужно замѣтить, что Удальрикъ болѣе интересовался тѣмъ, что касается лично Оттона и путешествія, а на остальное, напримѣръ на нравы, обычай и отношенія Поморянъ и т. п., обращалъ мало вниманія.

³⁾ Хотя тутъ Удальрику какъ лицу, близкому къ Оттону, можно довѣрять болѣе, чѣмъ другимъ, неизвѣстнымъ намъ лицамъ, отъ которыхъ, какъ говорить Эбонъ (I, 3), онъ слышалъ другіе варианты объ этихъ событіяхъ.

гомъ уступающіе разказамъ о второмъ, и кромѣ того, часть разказовъ о жизни Оттона до епископства.

Гораздо меньше Эбонъ бралъ изъ источниковъ письменныхъ, каковы: письма Оттона и другихъ лицъ, *Necrologium* и *Annales S. Michaelis*, отчетъ Оттона о первомъ его путешествіи, „*Computus*“ Геймана, памятная записка о постройкахъ и имѣніяхъ монастырей.

Нѣкоторые разказы взяты у Прифлингскаго анонима. Гаагъ (Дисс. 101—102) указалъ одно такое мѣсто—о чудесномъ избавленіи Вириски (Ево, III, 2), отмѣченное у Кепке, но при внимательномъ разсмотрѣніи можно найти и еще нѣсколько подобныхъ. Эти заимствованія находятся въ 3-й книгѣ Эбона, въ разказѣ о второмъ путешествіи. Тутъ заключаются троюкаго рода извѣстія: а) собственныя наблюденія и замѣчанія Удальрика; б) разказы, слышанные имъ отъ другихъ лицъ; в) разказы, не принадлежащіе Удальрику, а взятые Эбономъ или изъ устнаго преданія, или изъ сказаній, прежде записанныхъ: таковы именно разказы о чудесахъ, совершенныхъ Оттономъ и его спутниками во время путешествія или раньше его; иногда они такъ искусно соединены съ разказами о дѣйствительныхъ событіяхъ, что на первый взглядъ представляются исходящими изъ одного источника, то-есть, отъ Удальрика (напримѣръ, о спасеніи Вириски, III, 4; о проповѣди на площади въ Штетинѣ, III, 16; о смерти жреца, III, 20). Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ легендарныхъ разказовъ есть мѣста, буквально взятая изъ анонима, да и общій ходъ повѣствованій переданъ очень сходно съ послѣднимъ, хотя и болѣе пространно и съ большимъ объемомъ фразъ. Такимъ образомъ ясно, что въ подобныхъ разказахъ Эбонъ пользовался биографіей анонима. Разница въ подробностяхъ у того и другаго могла явиться отъ того, что или самъ Эбонъ видоизмѣнялъ разказы по своему религіозному чувству, или—что вѣроятнѣе—пополнилъ ихъ на основаніи ходившей между монахами и болѣе пространной легенды. (Въ послѣднемъ случаѣ буквальное заимствование изъ анонима могло быть плодомъ желанія Эбона подтвердить достовѣрность легенды болѣе ранними письменными свидѣтельствами о ней). Во всякомъ случаѣ это заимствование изъ анонима и сходство съ нимъ показываютъ, что данный разказъ основанъ не на сообщеніи Удальрика.

Въ частности заимствованія Эбона изъ анонима суть слѣдующія:

1) Ево III, гл. 2; *Priefl.* III, 20. О чудесномъ спасеніи Вириски, уже указано Гаагомъ (стр. 101—102)—слова, которыми Вириска просилъ Бога избавить его отъ плѣна молитвами Оттона.

Ebo III, 2.

Domine Deus omnipotens qui nos ad coquisitionem tui nominis per os sancti patris nostri Ottonis episcopi venire tribuisti miserere et succurre mihi!

Priefl. III, 20.

Domine Deus, qui gentem nostram per eundem episcopum ad cognitionem tui nominis venire fecisti, si unquam monita ejus vel extrema contempsero, si non et aliis unversa, quae praedicat, commendare curavero, te negavi.

2) Ebo III, 16; Priefl. III, 8. Когда Оттонъ проповѣдывалъ въ Штеттинѣ на площади, туда прибѣжалъ жрецъ, возбуждая народъ къ нападенію на епископа, но Штеттинцы не рѣшились на это. Причину неудачи подстрекательства жреца Эбонъ видитъ въ чудѣ: язычники подняли копья на Оттона, но руки ихъ оцѣпенѣли. Разказъ объ этомъ чудѣ у анонима сходенъ съ Эбоновымъ, и видно букввальное заимствование.

Ebo. III, 16.

Qui (gentiles) cum dextras alcius levassent, divine virtutis potentia quasi saxa dirigerunt, ita ut nec hastas deponendi, nec os aperiendi facultas esset; sed in altum dextras immobiliter suspensas habebant, et quasi in aere ligatas.

Priefl. III, 8.

Infelix turba gentilium, ubi contra episcopum manum laevare praesumpsit in ipso conatu dirigit. jam vero cum, ipso auctore sceleris solo fixa, ac sisaxea foret, stabat immobilis et manus quas in altum audacter extenderat iam ab alto deponere ut ligatas. eas in aere crederes, non valebat.

(Тутъ и Гербордъ сходенъ съ анонимомъ). Далѣе Эбонъ и Прифл. анонимъ отличаются нѣсколько: Эбонъ говоритъ, что жрецъ, обвиняя народъ въ трусости, намѣревался бросить копье въ Оттона, но и самъ оцѣпенѣлъ; у анонима жрецъ, пораженный ужасомъ, убѣгаетъ.

3) Ebo III, 20; Priefl. III, 19. Въ разказъ о нападеніи убійць, посланныхъ жрецомъ, Эбонъ вставляетъ сказаніе о страшной казни Божіей, постигшей одного изъ жрецовъ; отъ разказа анонима это сказаніе отличается только болѣе ужасною картиною смерти жреца. Въ остальномъ, даже въ порядкѣ фразъ, Эбонъ сходенъ съ анонимомъ, и въ одномъ мѣстѣ, буквально:

Ebo. III, 20.

Et his dictis expiravit; tantoque fetore locus ille repletus est, ut nemo illic moriente eo pre intolerantia fetoris consistere valeret.

Priefl. III, 19.

Quibus dictis protinus expiravit. Tantus que autem tamque intolerabilis foetor omne illud in quo jacebat habitaculum replevit, ut indubia in dicia relinqueret, ad quales epulas... transierit.

О смерти другаго жреца Прифлингскій анонимъ говоритъ очень кратко; Эбонъ приводитъ другую, болѣе пространную легенду.

4) и 5). Изъ 5-ти чудесъ Оттона въ Поморьѣ, помѣщенныхъ у Эбона, только первое и третье отнесены къ Вольту ¹⁾: они находятся и у Прифл. анонима (другихъ у него совсѣмъ нѣтъ). 1) Исцѣленіе слѣпой женщины. Ebo. III, 21; Priefl. III. 14. 2) Наказаніе работавшихъ на полѣ въ день святаго Лаврентія. Ebo III. 22; Priefl. III, 13.

Хотя буквального сходства и нѣтъ ²⁾, но по аналогіи съ заимствованіемъ предыдущихъ чудесныхъ разказовъ, а также потому, что Эбонъ не прибавилъ ничего существеннаго противъ анонима, можно скорѣе предположить, что и здѣсь Эбонъ воспользовался его разказомъ ³⁾.

III. Послѣдняя по времени есть біографія Герборда, которая и составляетъ предметъ нашего изслѣдованія.

Прежде самаго разбора слѣдуетъ опредѣлить, кто былъ Гербордъ, въ какомъ отношеніи находился онъ къ описываемымъ имъ событі-

¹⁾ Кепке и другіе относятъ третье чудо къ Камену, отождествляя съ нимъ непонятный Urbs games (такъ могло исказиться въ устныхъ разказахъ слово Samen, Gamin), но изъ текста вовсе нельзя заключить, чтобы третье чудо, 10-го августа, было in Urbs Games, какъ слѣдующее чудо 15-го августа: ибо выраженіе: item in urbs Games dicta, которымъ начинается разказъ о слѣдующемъ чудѣ, вовсе не означаетъ, чтобы и предыдущее чудо было тамъ же, гдѣ и это, а можетъ значить только то, что это чудо было *подобное* тому, или было совершено *тѣмъ же* пресвитеромъ.

²⁾ Намекъ на текстъ Прифл. анонима можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ Эбона:

Ebo. III, 22.

Priefl. III, 13.

Subito messem illius ignis inuasit aliorum laboribus proprus in tactis edax flamma consumpsit.

Ignis Dei cecidit e celo tactasque messem eorum consumpsit.

³⁾ Важнѣйшая разница въ разказѣ Эбона объ исцѣленіи слѣпой женщины отъ Прифл. анонима состоитъ въ томъ, что Эбонъ приписалъ *Славянамъ* обычай звонить въ колоколъ при обращеніи къ святымъ, и что, поэтому, епископъ, снисходя къ невѣжеству и суевѣрію женщины, велитъ ей сдѣлать это *ioculariter*. А слова анонима даютъ поводъ думать, что это—обычай нѣмецкій. Самъ Оттонъ не въ шутку, но *uti plerisque mos est, si quando eis adversi quicquam contigerit, signumquod pro foribus templi pendebat, pulsatum ire praescrip.* Слѣдовательно, это былъ обычай страны, изъ которой былъ Оттонъ, то-есть, Германія. Эбонъ же, не понявъ выраженія Прифл. анонима могъ обычай этотъ признать славянскимъ. Считать это ошибкой Эбона тѣмъ болѣе вѣроятно, что трудно понять, какъ явился христіанскій обычай у новообращенныхъ язычниковъ. А если бы это былъ обычай языческій, то епископъ не сталъ бы поощрять его.

якъ, каковы были вообще его образованность, его взгляды, и наконецъ, откуда онъ получилъ содержаніе для своего сочиненія ¹⁾).

II.

Гербордъ и источники его Діалога ²⁾).

Откуда былъ родомъ Гербордъ, не извѣстно; только не изъ Бамбергской епископіи ³⁾. Какъ чужеземецъ и пришлецъ вступивъ въ Михельбергскій монастырь чрезъ шесть лѣтъ по смерти Оттона, то-есть, въ 1145 г. ⁴⁾, при аббатѣ Германѣ, онъ здѣсь сдѣлался монахомъ и

¹⁾ Не имѣя подъ руками главнаго источника свѣдѣній о жизни Герборда—переписки различныхъ лицъ при избраніи Михельбергскаго аббата Ирмберта (напечатанной у *Людвига* *Scriptores rer. episc. Bamberg.*), мы ограничиваемся данными, помѣщенными у *Яффе*, V, 693—695.

²⁾ Что Діалогъ принадлежитъ Герборду, это доказывается: а) тѣмъ мѣстомъ Діалога, гдѣ Зефридъ и Тимонъ, обращаясь къ слушающему ихъ монаху, называютъ его Гербордомъ, а онъ отвѣчаетъ имъ въ 1-мъ лицѣ: *Ast hic Herbordus quare ad haec omnia silet? Ego ne? inquam* (11, 35); б) свидѣтельствомъ автора книги *De miraculis*, называющаго себя ученикомъ Герборда: *Vita sancta Ottonis in libello quem dramatico carmine vel etiam prosa decurrente scholasticus noster Herbordus locutissime persudavit nos devotionem praecceptoris nostri prosequentes* (M. G. SS. XII, 917). Клемпінъ (*Die Biographien*, стр. 161—163) замѣчаетъ при этомъ: *Was bezeichnet—carmine dramatico? Doch kein versificirtes Gedicht? Dem widerspricht schon das folgende: vel prosa decurrente. Wir vermuthen das der ungelehrte Mönch damit diesen Dialog gemeint hat. Er mochte wohl nicht viel dramatische poesie kennen und sich.. die Gesprächsform.. als das wesentliche derselben abtrahirt haben, darum ihm.. jeder Dialog, als etwas dramatisches erscheinen konnte. Dass ter dem Herbord wenigstens nicht ein eigentliches Drama zuschreibt, zeigt der Zusatz vel prosa decurrente.* Притомъ, большая ученость Герборда, сказывающаяся въ его Діалогѣ, какъ нельзя лучше соответствуетъ титулу, который ему придаетъ ученикъ его—*Scholasticus*; «Der gelehrten dab es zu der Zeit nicht viele und dies waren meistens nur die Scholastici». (Клемп.).

³⁾ Нѣкоторые считаютъ его Итальянцемъ (въ концѣ Диссертациі *Гаана: sententiae controversae*: 8. *Herbordum fuisse Italum*). Доказательствъ на это нѣтъ. Но такъ какъ онъ, во первыхъ, называетъ себя чужеземцемъ (*peregrinus*), то-есть, не изъ Германіи (хотя можно понимать: не изъ Бамбергской епископіи: *Яффе*, V, 691); во вторыхъ, обнаруживаетъ незнакомство съ сѣвѣрною частью Европы, и втретьихъ, отличается высокою для того времени образованностью и отлично владѣетъ латинскимъ языкомъ, чѣмъ тогда отличалась Италия, то подобное предположеніе кажется довольно вѣроятнымъ.

⁴⁾ *Prologus* 1. *Nam ego aivena apud vos et peregrinus... ante annos tantum bisenos et unum Dei et vestrae misericordiae in consortium vestrae fraternitati*

священникомъ ¹⁾ и занималъ должность схоластика ²⁾. Когда дѣятельный и любимый монахами аббатъ Германъ въ 1147 г. скончался, и мѣсто его занялъ слабый и болѣзненный Гельмерикъ, монахи начали питать къ нему непріязненные чувства; къ недовольнымъ примкнулъ и Гербордъ ³⁾ и сталъ однимъ изъ дѣятельныхъ и опасныхъ враговъ аббата, какъ лицо выдающееся и занимающее важную должность ⁴⁾. Когда въ 1160 г. Гельмерикъ принужденъ былъ отказаться отъ аббатства, Гербордъ, съ другимъ монахомъ Гартунгомъ, былъ отправленъ, по порученію Бамбергскаго епископа Эбергарда, въ Адмунтскій монастырь, чтобы просить аббата Готфрида о дозволении монаху того монастыря Ирмберту принять должность аббата въ Михельсбергѣ ⁵⁾. Посольство имѣло успѣхъ, хотя Готфридъ отказалъ монахамъ другаго монастыря, раньше обращавшимся къ нему съ подобною же просьбой. Прибывъ 11-го іюля съ Ирмбертомъ въ монастырь Бергенъ въ Эйштедской епископіи, Гербордъ оставилъ его тамъ и отправился въ Эрфуртъ, чтобы извѣстить находившагося тамъ епископа Эбергарда объ успѣхѣ порученія и принять отъ него дальнѣйшія приказанія. Дорогой онъ въ Регенсбургѣ семь дней ждалъ другаго монаха Вольфгера. Прибывъ съ нимъ въ Эрфуртъ, онъ получилъ отъ епископа письма и порученія и 4-го августа возвратился въ Бергенъ. Отсюда Гербордъ, вмѣстѣ съ Ирмбертомъ, чрезъ Михельсфельдъ, прибылъ 14-го августа въ Бамбергъ. Здѣсь Ирмбертъ былъ торжественно принятъ Эбергардомъ, а Гербордъ и Гартунгъ въ канитулѣ мона-

adoptatus... Ante hoc tredecennium introitus mei ad vos, sex ille (Otto) annos jam habebat in tu mulo.

¹⁾ Necrologium S. Michaelis ad S. kal. Oct. Herbordus presbiter et monachus nostrae congregationis. 1168 г. *Яффе* V, 576.

²⁾ *Яффе*, V, 693, пр. 2.

³⁾ Въ Прологѣ и 1-й книгѣ Гербордъ намекаетъ на слабость Гельмерика, осуждая ее: quae (Монастырь Михельсбергскій) modo centum monachis si rectores habeat industrios sufficulus est et amplasatis.

⁴⁾ *Клемпинъ*, стр. 164.

⁵⁾ Что этоъ Гербордъ есть одно лицо съ Гербордомъ схоластикомъ, авторомъ Діалога, это доказалъ Клемпинъ слѣдующими доводами (164—165): а) титулъ dominus означаетъ человека, занимающаго важную должность, а одна изъ такихъ и была должность схоластика; б) имя Герборда встрѣчается довольно рѣдко, и потому трудно предположить, чтобы въ одно время, въ монастырѣ, два выдающихся лица носили одно имя; в) если бы былъ другой Гербордъ, то было бы обозначено его званіе, въ отличіе отъ Герборда схоластика; здѣсь же онъ является какъ извѣстное лицо, которое нельзя смѣшать съ другимъ.

ховъ разказали по порядку весь ходъ исполненнаго ими порученія ¹⁾. О дальнѣйшей дѣятельности Герборда ничего не извѣстно; умеръ онъ 27-го сентября 1168 г. ²⁾.

Время написанія Діалога самъ Гербордъ точно опредѣляетъ въ Прологѣ: ante annos tantum bisenos et unum in consortium fraternitatis vestrae adoptatus: значить, со времени его вступленія въ монастырь (1145 г.), до составленія Діалога прошло 13 лѣтъ: слѣдовательно, Діалогъ написанъ въ 1158 г. Кромѣ того, Гербордъ въ 3-й книгѣ упоминаетъ объ Удальрихѣ, какъ объ умершемъ (23-го марта 1159 г.). Слѣдовательно, Діалогъ оконченъ уже въ 1159 году.

Гербордъ занималъ въ монастырѣ должность схоластика, слѣдовательно, былъ человѣкомъ ученымъ ³⁾, и это, какъ нельзя лучше, видно изъ его Діалога ⁴⁾. По словамъ В. Гизебрехта (Kaiserzeit, IV, 393), „сочиненіе Герборда, по своей художественной формѣ, можетъ выдерживать всякое сравненіе съ любыми произведеніями той эпохи... Его трудъ—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ XII вѣка“. Въ Діалогѣ, прежде всего, замѣчается чистый, близко подходящий къ классическому, латинскій языкъ, совершенно отличающійся отъ языка другихъ современныхъ хроникъ; лишь изрѣдка попадаются обороты и слова средневѣковой латыни. Слогъ Діалога ясенъ и правиленъ. Видно, что авторъ былъ близко знакомъ съ лучшими произведеніями классической литературы и хорошо изучилъ ихъ. Самая форма Діалога составлена въ подражаніе философскимъ діалогамъ Цицерона; въ рѣчахъ Герборда, написанныхъ по правиламъ риторики, видно вліяніе ораторскихъ произведеній того же писателя ⁵⁾. Впрочемъ, прямыхъ заимствованій и выдержекъ изъ классическихъ писателей здѣсь не особенно много. Есть мѣста изъ сочиненія Цицерона De officiis (I, 7; II, 15—18; Herb. I, 1—7 ⁶⁾), изъ Саллюстія De Conjuratiione Catilinae (Herb. I, 2), изъ Энеиды (VIII, 224: Herb. III, 6) и Эклогъ (I, 23: Herb. 11, 35) Виргилія. Не чужды Герборду и миео-

¹⁾ Ссылки на источники см. Яффе V, 693—695.

²⁾ Necrolog Mich. 5 Kalo. Яффе V, 576.

³⁾ *Scholasticus. Ducange*: Dignitas ecclesiastica, qua qui donatus est, ecclesiasticis praesert; caput scholae; magister scholarum. Ср. Клемпина 162—164).

⁴⁾ Характеристика его образованности сдѣлана Клемпиномъ (стр. 162—163, 191—204). Имъ мы преимущественно и пользовались.

⁵⁾ Напримѣръ, рѣчь при погребеніи Оттона, по мнѣнію Клемпина (193) одинъ изъ лучшихъ образцовъ духовнаго краснорѣчія.

⁶⁾ На эти же выдержки изъ De officiis Цицерона намекается въ II, 35.

логическія представленія, напримѣръ, богъ Яровитъ названъ Марсомъ (111, 6), сатама—Плутономъ (111, 24).

Еще болѣе замѣчательны въ Діалогѣ черты, обнаруживающія въ Гербордѣ богословскую и философскую образованность. Онъ не только приводитъ много текстовъ Священнаго Писанія, но и умѣетъ пользоваться ими для доказательствъ ¹⁾, толковать ихъ смыслъ и уяснять одинъ текстъ другимъ ²⁾.

Въ догматическомъ отношеніи Гербордъ стоитъ на уровнѣ тогдашней науки. Въ двухъ мѣстахъ Діалога (II, 18, 35) онъ ясно и логически послѣдовательно разбираетъ два трудные догматическіе вопроса, занимавшіе тогдашнихъ богослововъ: о семи таинствахъ и о грѣхѣ противъ Духа Святаго. Хотя мысли Герборда и не особенно оригинальны, а составляютъ общее достояніе тогдашнихъ лучшихъ богослововъ ³⁾, но ясность и точность изложенія лично принадлежатъ Герборду и ставятъ его даже выше извѣстнаго Петра Ломбарда. Такая же точность діалектическихъ различеній и ясность изложенія видны тамъ, гдѣ онъ разсуждаетъ о внутреннихъ причинахъ событій и поступковъ дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь онъ обыкновенно не обращается къ изслѣдованію причинной связи дѣйствительныхъ фактовъ, а изыскиваетъ основы событій чисто отвлеченнымъ, метафизическимъ, путемъ. Такъ онъ изслѣдуетъ, почему Оттонъ строилъ такъ много монастырей (1, 18), почему онъ въ Штетинѣ не воскресилъ жреца и вдову, противившихся христіанству (11, 35), почему, ревнуя о вѣнцѣ мученика, онъ уклонился отъ неожиданнаго удара, который хотѣлъ на-

¹⁾ См. Прологъ во 2-й книгѣ, гдѣ онъ, мѣстами Священнаго Писанія доказываетъ, что проповѣдь Оттона язычникамъ должна цѣниться болѣе, чѣмъ для его благотворительности.

²⁾ Начало рѣчи въ новокрещеннымъ язычникамъ Пирицы (II, 18), властной Гербордомъ въ уста Оттона, представляетъ толкованіе съ экзегетическими и діалектическими тонкостями словъ апостола Павла: *ревную по васъ Божию ревностію* (2 Кор. XI, 2), въ связи съ другими текстами, гдѣ есть такіе же выраженія (*Клемпизъ*, 193—194).

³⁾ Во многомъ, особенно въ ученіи о таинствахъ, Гербордъ сходится съ знаменитымъ Петромъ Ломбардомъ епископомъ Парижскимъ, хотя его мысли и не заимствованы у Ломбарда (*Клемп.* 204). Впрочемъ понятіе Герборда (11, 35) объ адѣ, какъ духовной темницѣ, или о состояніи душъ, грѣхомъ отчужденныхъ отъ Бога, стоитъ несравненно выше тѣхъ матеріальныхъ представленій объ адѣ, которыя тогда были въ ходу, даже у Петра Ломбарда. Объ адѣ Гербордъ выражается такъ (11, 35): «*pefidia est internus; desperatio infernus inferior, blasphemia infernus infimus quod est abyssus*» (*Клемп.* 200).

нести ему язычникъ (III, 22). Вообще для своихъ разсужденій Гербордъ выбираетъ такіе вопросы, гдѣ онъ мало стѣсненъ фактическими данными, и гдѣ поэтому больше простора для отвлеченныхъ разсужденій ¹⁾.

Есть у Герборда нѣкоторыя познанія и въ медицинѣ (конечно, свѣдѣнія тогдашняго времени), напримѣръ, причиною язвы въ Штеттинѣ онъ считаетъ *inaequalitas aëris* (IV, 16); говоря о томъ, какъ епископъ зимою прошелъ босыми ногами по снѣгу, онъ замѣчаетъ: *gelu pedes sic adusserat, ut vitae sedem, cor et vitalia, frigus, ex toto paene possiderit; episcopus autem, rerum guarus, frigidam aquam poposcit et frigore frigus propulsavit* (III, 39). Здѣсь Гербордъ нарочно исправляетъ ошибку Эбона, противъ медицины, сказавшаго, что епископъ потребовалъ теплой воды (I, 9). Смерть жреца Гербордъ (III, 24) описываетъ гораздо естественнѣе, чѣмъ Эбонъ.

Образованность Герборда, конечно, отразилась и въ ббльшей свободѣ мыслей и сужденій, что особенно замѣтно при сравненіи его взглядовъ съ взглядами Эбона. Эбонъ благоговѣетъ предъ Оттономъ, Гербордъ не преклоняется даже предъ нимъ ²⁾, но и къ нему желаетъ отнести критически, не преувеличивать своихъ похвалъ ³⁾ и

¹⁾ Чтобы показать характеръ его разсужденій, приведемъ одно изъ нихъ, по поводу смерти жреца и вдовы, противившихся христіанству (II, 35). По мнѣнію Герборда, Оттонъ не воскресилъ ихъ 1) потому, что они согрѣшили противъ Духа Святаго, слѣдовательно, совершили величайшій грѣхъ; 2) потому, что за нихъ не просили Бога ихъ ближніе, что бывало въ другихъ случаяхъ; 3) потому, что разные святые получаютъ отъ Бога разные дары благодати: Оттону—даръ помогать людямъ только въ ихъ вещественныхъ нуждахъ, напримѣръ: выкупать плѣнныхъ, помогать бѣднымъ; подобно тому какъ апостолъ Петръ нигдѣ даръ воскрешать мертвыхъ и исцѣлять больныхъ. Все это онъ развиваетъ очень подробно по риторическимъ приемамъ.

²⁾ Это объясняется отчасти и тѣмъ, что Гербордъ лично не зналъ Оттона и былъ чуждъ Бамбергу, такъ что обаяніе имени и дѣлъ Оттона не было на него сильно.

³⁾ Въ прологѣ къ I-й книгѣ сказано: «*savendum, quia multum diligere scimus eum, de quo loquimur, ne ob ejus dilectionem rem non vere auxisse videamur, itaque summpere savendum, ne laude mortuorum viris derogamus; multi emin ob injuriam viventium magnis et importunis laudibus benefacta efferunt mortuorum*». Въ прологѣ къ II-й книгѣ: «*sed hyperbolen fugere sermo expetit castigatio*». Общаясь быть сдержаннымъ въ похвалахъ, и въ самомъ дѣлѣ, мало восхваляя Оттона отъ себя лично, но въ передачѣ событій изъ жизни Оттона добродѣтели его являются въ болѣе преувеличенномъ видѣ, чѣмъ у Эбона и Прикл. анонима; причина этого уяснится при самомъ разборѣ діалога Герборда.

даже позволяет себѣ довольно неумѣстную шутку на счетъ его главнѣйшаго подвига—апостольства—по поводу побоевъ, которымъ подвергся епископъ отъ язычниковъ въ Волынѣ¹⁾. Еще менѣе онъ шадить своихъ сотоварищей-монаховъ, и по поводу разныхъ событій, вставляетъ насмѣшки надъ ними. Такъ въ 1-й главѣ I-й книги одно изъ лицъ, выведенныхъ въ Діалогѣ, Тимонъ, говоритъ: *semper enim (nos monachi) peccatis nostris facientibus ad accipiendum, quam ad tribuendum paratiores invenimur*; въ гл. 41-й, кн. II-й, на вопросъ Тимона: плодородно ли Поморье и могутъ ли тамъ существовать монастыри, другой собесѣдникъ Зефридъ отвѣчаетъ: *Utique, et maxime hujus temporis sanctorum, qui terram uberem, quam scopulos aridos incolere malunt, suae memores imbecillitatis*; въ гл. 24-й, кн. II-й, когда Зефридъ сожалеетъ, что ему не удалось потерпѣть удары вмѣстѣ съ Оттономъ, Тимонъ замѣчаетъ: *consolare, si quid minus in illo capitulo (Stettinae) iactum est, in nostro (capitulo S. Michaelis) poterit impleri*⁴⁾.

При случаѣ Гербордъ указываетъ на недостатки въ монастырскомъ управленіи Михельсберга, напримѣръ на отсутствіе генеральнаго капитула и на неудобства этого (I, 20), порицаетъ аббата Гельмерика за дурное управленіе (Prologus). Затѣмъ, тогда какъ Эбонъ спокойно, какъ бы сознавая справедливость и обычность факта, разказываетъ о томъ, что Оттонъ не рѣшился проповѣдывать Морачанамъ, зная, что они причислены къ епархіи Норберта (III, 4), Гербордъ, при подобномъ же случаѣ, осуждаетъ такой порядокъ: *populo fidem catholicam propulsante, superfluum est sacerdotes de parochiae terminis litigare* (III, 30).

Разказывая о событіяхъ, Гербордъ не видитъ, какъ замѣчаемъ часто у Эбона, въ обыкновенныхъ фактахъ особеннаго дѣйствія Промысла Божія или вліянія злаго духа, а старается объяснить фактъ или естественными причинами, или случайностью²⁾. Но, какъ снѣгъ своего вѣка, Гербордъ не отвергаетъ чудесъ вовсе, а только съ осторожностью устраняетъ то, что болѣе противорѣчитъ разуму³⁾.

¹⁾ II, 24: «*Nic primum, hic audio quoddam veri apostolatus indicium, plagas videlicet et livores; sed dic, obsecro, mi apostole, num in aliquo particeps fuisti hujus apostolica benedictionis?*»

²⁾ Сравни., напримѣръ, разказы Герборда и Эбона объ освобожденіи изъ темницы узника Мицлава (III, 9; III, 12).

³⁾ Напримѣръ, о страшной смерти жреца въ Штетинѣ, Эбонъ говоритъ:

Но превосходя образованністю и ученостію своихъ современниковъ Эбона и Прифлингскаго анонима, Гербордъ по этому самому уступаетъ имъ въ простотѣ и непосредственности воззрѣній и въ искренности чувства. Отчужденная отъ жизни, односторонняя схоластическая ученость Герборда иссушила его умъ и сердце, лишила возможности понимать живую жизнь и живыхъ людей. Ко всему онъ относится одинаково холодно и сухо, обо всемъ выражается безцвѣтными риторическими фразами. Безцвѣтнымъ является онъ и тогда, когда передаетъ мысли и чувства выводимыхъ имъ въ разказѣ лицъ. Хорошо понимая отвлеченныя или политическія отношенія, Гербордъ въ то же время, какъ это видно въ значительномъ числѣ его разказовъ, впадаетъ въ грубые промахи и несообразности психологическія, приписывая дѣйствующимъ лицамъ такіе поступки, слова, мысли и чувства, которые совершенно противорѣчатъ ихъ положенію и характеру, и неумѣтность которыхъ тотчасъ видна. Такіе недостатки Герборда не вознаграждались природными качествами его ума. Его догадки, объясненія и предположенія показываютъ, что онъ не обладалъ острымъ и проницательнымъ умомъ, способнымъ глубоко вникать въ смыслъ событій, понимать ихъ взаимное отношеніе и значеніе, опѣивать поступки и характеры людей. Въ этомъ отношеніи Гербордъ не выдавался изъ обыкновеннаго круга.

Все это невыгодно отразилось на его трудѣ. Но кромѣ внутреннихъ недостатковъ, онъ и по внѣшнимъ обстоятельствамъ не былъ особенно благопріятно поставленъ въ отношеніи къ предмету своего труда. Его многіе промахи и ошибки показываютъ, что онъ не былъ лично знакомъ съ мѣстностями, въ которыхъ происходили событія, каковы: сѣверная Германія, Данія, Польша, особенно—Поморье, не зналъ и народовъ этихъ странъ, ихъ языка, характера, быта, ихъ взаимныхъ отношеній, не зналъ и самыхъ происшествій, кромѣ того, что почерпнулъ изъ письменныхъ источниковъ или изъ устныхъ разказовъ. Точно также и о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ онъ могъ судить лишь по отзывамъ другихъ людей, часто ложнымъ, неправильно установившимся и преувеличеннымъ (какъ напримѣръ, о глав-

«Statim a diabolo contractis cervicibus, caput ejus retrorsum est horrendo et miserabili ordine transversum, cerebrumque, loco suo exiliens, crudeli impetu parieti est appulsus», и послѣ этого жрецъ еще могъ говорить (III, 20). Гербордъ же выражается естественнѣе: cum ore, oculis ac toto facie distorta, frontem ad scopulos verteret et miserabili corporis agitatione in mortem sel—veretur, exclamavit (III, 24).

номъ изъ нихъ—Оттонъ). Затѣмъ прибывъ въ Бамбергъ уже чрезъ шесть лѣтъ по смерти Оттона, Гербордъ не могъ слышать разказовъ подъ живымъ впечатлѣніемъ событій, тѣмъ болѣе, что извѣстія онъ сталъ собирать, по всей вѣроятности, не тотчасъ по прибытіи въ монастырь, а уже тогда, когда принялся за составленіе біографіи, то-есть, спустя 30—50 лѣтъ послѣ событій.

Закончивъ этимъ краткую характеристику личности Герборда, на сколько она можетъ быть выведена изъ изученія его сочиненія, перейдемъ къ указанію источниковъ свѣдѣній Герборда.

Все содержаніе Діалога вложено Гербордомъ въ уста двухъ монаховъ Михельсбергскаго монастыря, Зефрида и Тимона, какъ бы разговаривающихъ съ Гербордомъ. Хотя это не болѣе, какъ литературный пріемъ, и нельзя считать, чтобы Зефридъ и Тимонъ, дѣйствительно, то самое сообщали Герборду и употребляли тѣ самыя выраженія, какія читаются въ сочиненіи Герборда, тѣмъ не менѣе нельзя отвергать, что Гербордъ могъ дѣйствительно слышать ихъ собственные разказы, такъ какъ это были современники Оттона и даже участники въ его дѣлахъ. Вотъ свѣдѣнія, о нихъ сохранившіяся.

Болѣе всего извѣстно о Зефридѣ ¹⁾. Въ 1124 г. онъ, еще молодой клирикъ, былъ представленъ и рекомендованъ Удальрикомъ, священникомъ церкви св. Эгидія, Оттону, какъ способный дѣлательный и умѣющій написать, когда что понадобится. Поэтому Оттонъ взялъ его съ собой въ первое путешествіе и относится и послѣ къ нему благосклонно ²⁾. Во 2-й книгѣ Герборда есть два факта изъ перваго путешествія, касающіеся лично Зефрида и подтверждающіе,

¹⁾ Мы будемъ преимущественно опираться на извѣстія о немъ Эбона, потому что Гербордъ могъ, для приданія вѣсу своимъ разказамъ, преувеличить значеніе лицъ, сообщившихъ ихъ ему.

²⁾ Ebo II, 2. Удальрикъ говоритъ Оттону о Зефридѣ: «Est adolescens officio clericus nomine Sefridus, ingenio acutus, exrenuus et fidelis; qui etiam cartis in itinere, cum necesse est, scribendis promptus et impiger erit. Hunc, meo iudicio, idoneum huic peregrinationi, tue, pater, dilectioni offero». На это Оттонъ: «Hic deinceps praecipuum inter familiares meos te suggerente locum obtinebit»... «Sefridum tamen bone indolis adolescentem, pro amore pii nutritoris Udalrici in comitatu suo admitens intime dilectionis visceribus et tunc et deinceps eum fovere non desiit». Совершенно довѣрять этимъ выраженіямъ о расположенности Оттона къ Зефриду нельзя, ибо, какъ видно по смыслу всего этого мѣста, Эбонъ могъ имѣть намѣреніе болѣе выставить значеніе Удальрика предъ Оттономъ, простиравшееся до того, что лица, имъ рекомендованныя, тотчасъ приобретали покровительство Оттона—*praecipuum inter familiares locum, te suggerente, obtinebit*.

что Зефридъ былъ въ это время при епископѣ. Во время нападенія на Оттона въ Волинѣ Зефридъ говоритъ (II, 24): „Ego autem eo tempore magna febris tenebar in alia domo jacens et aegrotans; ultra vires tamen, audito strepitu et clamore bacchantium, de stratu erectus ad ostium domus constitui“. Въ Штетинѣ (II, 26): „Ego in illis diebus cruce cum Simone in angaria portavi... Deus tamen... laedime non sinebat“. Не извѣстно, былъ ли онъ при второмъ путешествіи, но по крайней мѣрѣ не замѣтно ни въ чемъ его личное участіе, а разказъ его о второмъ путешествіи Гербордъ взялъ изъ Эбона и Прифлингскаго анонима. Умеръ Зефридъ въ 1162 или 1169 г., если только онъ есть одно лицо съ священникомъ Зефридомъ, упомянутымъ въ *Necrolog. S. Michaelis posterior* (Яффе V, 571) з N. Maji: *Sefridus presb. et mon congr. MCLXVIII (in codice correctum MCLXII)*.

Вотъ всѣ наши положительныя свѣдѣнія о Зефридѣ. Показанія Герборда ничѣмъ почти отъ нихъ не отличаются. Гербордъ говоритъ Зефриду: *Tu qui annos ferme 15 nunquam ab ejus (Ottonis) contubernio abstitisti: Etenim, quae hoc spatio gessit, tu, ut cooperatore omnium oculis praesentibus aspiciebas; quae vero ante adoptionem tui presulatu in ipso vel etiam ante presulatum gesserit, tam ipsius, quam aliorum haud dubio relatu conperta retines (Prologus къ 1 кн.)*. Къ этому Гербордъ прибавляетъ, что Зефридъ былъ homo curialis et in curia enutritus. Последняго мы повѣрить не можемъ, но знаніе Зефридомъ придворной жизни нигдѣ не обнаруживается, ибо разказъ объ этомъ періодѣ жизни Оттона, какъ увидимъ, есть только соединеніе разказовъ Эбона и Прифлингскаго анонима. Говоря такъ о Зефридѣ, Гербордъ желалъ, вѣроятно, придать болѣе достовѣрности своему разказу о жизни Оттона при дворѣ и объ отношеніяхъ его къ папѣ и императору (которыя Гербордъ преднамѣренно представляетъ въ ложномъ свѣтѣ). Слѣдовательно, на это показаніе Герборда мы не можемъ полагаться.

Такое же преувеличеніе можетъ быть, заключается и въ извѣстіяхъ Герборда о другомъ собесѣдникѣ, пріорѣ Михельсбергскаго монастыря Тимонѣ. Происходя изъ знатнаго рода, говоритъ Гербордъ,—онъ въ дѣтствѣ былъ отданъ въ монастырь, жилъ тамъ постоянно, былъ любимъ всѣми и Оттономъ и въ теченіи пяти лѣтъ былъ чрезвычайно близокъ къ нему¹⁾. Отъ 1122 до 1142 г., въ числѣ свидѣтелей, упо-

¹⁾ *Herb. Prol.* Timeo prior optimus, quippe est, quem ajant ipsius mimulum

минается въ бумагахъ Tiemo praepositus (M. G. §§ XII, 738 пр. 8). Можетъ быть, это нашъ Тимонъ. Тимонъ умеръ въ 1162 г. Necrol. S. Michael. (Jaffe V, 577) 15 k. Nov. Tiemo prior 1162.

Кромѣ разказовъ этихъ двухъ лицъ, Гербордъ могъ слышать разказы и другихъ михельсбергскихъ монаховъ, современниковъ Оттона, хотя прямыхъ указаній на это нѣтъ.

Къ письменнымъ источникамъ Герборда относятся: памятная записка и біографія Эбона и Прифлингскаго аяонима.

Все это изложено, какъ мы уже говорили, въ формѣ разговора Тимона и Зефрида съ Гербордомъ. Матеріалъ разказа искусственно распределенъ между Тимономъ и Зефридомъ, сообразно съ ихъ положеніемъ¹⁾. Зефридъ, говоритъ Гербордъ, въ прологѣ,—*quid in peregrinis et barbaris nationibus egerit episcopus, quia horum conscius est magis, et quomodo apud principem in curia deguerit, vel qua opportunitate in curiam venerit, et inde ad pontificatus dignitatem, homo curialis et in curia enutritus, aptius explanabit*. Другой Тимонъ. *Ego (Tiemo) autem, homo simplex, velut Jacob habitans in tabernaculis cum Rebecca matre mea, quae domi agere solitus est, et de foundationibus vel renovationibus cellarum et cenobiorum, cenobita edicam, ut potero.*

Разказъ иногда, для оживленія, прерывается вопросами слушателей, разсужденіями собесѣдниковъ по поводу сообщаемыхъ событій, шутками и т. п. отступленіями.

Диалогъ Герборда начинается живо написаннымъ въ драматической формѣ Прологомъ: Гербордъ, въ день смерти Оттона, 30-го іюня 1158 г., подъ впечатлѣніями торжественнаго праздника, просятъ

*fuisse quinquennem *)*; *habuit que dominus meus super eum oculos bonos, eo quod illustri esset parentela, et ab ipsis cunabulis ad monasterium translatus, et quod esset puer gratiosae pulchritudinis, iucundus valde atque mirabilis, factis et dictis omnes laetificans...* Далѣе Тимонъ называется Homo simplex, cenobita.

¹⁾ Хотя, можетъ быть, и Гербордова характеристика ихъ положенія нарочно приспособлена къ такому искусственному раздѣленію, но все-таки раздѣленіе это не можетъ быть совершенно произвольно. Основаніемъ для него могло быть то, что Зефридъ болѣе разказывалъ Герборду о путешествіи Оттона, а Тимонъ о еѳ жизни въ Вамбергѣ.

*) *minulum quinquennem*—не совсѣмъ понятное выраженіе; въ предисловіяхъ къ обѣимъ біографіямъ аббата Андрея въ рукописяхъ стоитъ: *minulum*; по прекъ положенію Кепке—*minutum* h. e. *qui minuta officia exsequitur in monasteriis* (M. G. §§ XII, 90 пр. 66).

Зефрида разказать ему все, что онъ знаетъ объ Оттонѣ. Зефридъ соглашается, но, увидя подходящаго пріора Тимона, совѣтуетъ Герборду попросить и его о томъ же: *nam aequè, ut ego, ipse povit omnia*. При приближеніи пріора Гербордъ и Зеффридъ встали. Тимонъ, звѣкомъ пригласивъ ихъ сѣсть, спросилъ: не объ Оттонѣ ли у нихъ идетъ рѣчь? Гербордъ, въ отвѣтъ на это, распространился о великолѣпнн праздника, о множествѣ монаховъ, клириковъ, аббатовъ и другихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, собравшихся почтить гробницу св. мужа: „Не малую долю духовной радости доставляетъ и видъ множества бѣдныхъ, восхваляющихъ святителя, и монаховъ, за полученную теперь милостыню. При этомъ, можежь ли мы не вспомнить о томъ, кто доставилъ возможность раздавать такіа пособія нуждающимся, съ большими издержками, выстроивъ многія зданія, устроивъ и обогативъ этотъ монастырь, хотя самъ былъ занятъ множествомъ другихъ дѣлъ. Прежде эта обитель могла содержать едва 24-хъ братьевъ; теперь же, при хорошемъ управленіи, она можетъ содержать сотню. Впрочемъ“, замѣчаетъ Гербордъ,— „я это говорю по разказамъ другихъ лицъ, а самъ я только чрезъ шесть лѣтъ по смерти Оттона прибылъ сюда. Если же я въ чемъ-нибудь ошибаюсь, то въ этомъ нужно обвинять тѣхъ, которые мнѣ это все сообщили“. Тимонъ подтвердивъ все, уже извѣстное Герборду, прибавляетъ, что дальнѣйшее еще болѣе замѣчательно: „Вотъ, наприимѣръ, это мѣсто, на которомъ Оттонъ поконится, онъ купилъ себѣ за 1,000 талантовъ, хотя могъ получить даромъ, но онъ желалъ воспользоваться случаемъ оказать намъ помощь. Онъ же возвелъ наши стѣны, кладовыя (*officinae*), провелъ воду въ свинцовыхъ трубахъ. Кромѣ того, онъ массу денегъ употребилъ на постройку или возобновленіе 18-ти монастырей, на покупку имѣній и владѣній для воиновъ о Господѣ. Увеличивъ и расширявъ все, полученное отъ предшественниковъ, онъ еще присоединилъ къ епархіи 15 монастырей и 5 келлій“.

Послѣ этого Гербордъ проситъ скорѣе начать разказъ, такъ какъ онъ подлил масла въ огонь его любопытства. Тимонъ отвѣчаетъ, что не можетъ теперь сдѣлать этого, ибо и одного дня мало для повѣствованія; да къ тому же, онъ занятъ пріемомъ лицъ, посѣтившихъ монастырь. Поэтому онъ предлагаетъ раздѣлить трудъ съ Зефридомъ: каждый разкажетъ то, что болѣе знаетъ. По желанію Герборда Тимонъ обѣщается разказать сегодня, а Зефридъ—завтра: *fiet, ut de industria ordo artificialis, dum ea, quae primo facta sunt, postremo*

dicuntur (ибо въ началѣ сочиненія разказывается о второй половинѣ жизни Оттона, а въ концѣ — о первой). Послѣ оговорки Тимона о томъ, что не должно вообще преувеличивать похвалъ кому бы то ни было, слѣдуетъ разказъ его въ тотъ же день, занимающій 1-ю книгу сочиненія Герборда, о дѣятельности Оттона для Бамбергскаго епископства, со времени посвященія его папой до смерти.

Вторая книга также имѣетъ Прологъ: на слѣдующій день, согласно условію, опять сошлись Гербордъ, Тимонъ и Зефридъ. Послѣ краткаго разсужденія о величїи подвига обращенія язычниковъ, Гербордъ побуждаетъ Зефрида скорѣе перейти къ повѣствованію о томъ, quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur, quomodo, quando совершилъ, обращеніе Поморянъ. Зефридъ начинаетъ свой разказъ, занимающій 2-ю и 3-ю книги. Во 2-й книгѣ—первое путешествіе Оттона (1124—25), въ 3-й отъ 1-й до 31-й главы—второе путешествіе (1127 г.), съ 3-й главы до конца — происхожденіе Оттона, событія молодости, пребываніе въ Поляшѣ и при дворѣ Генриха IV, инвеститура въ епископы и посвященіе папой.

Свой разборъ Діалога мы должны начать съ 3-й книги, менѣе другихъ самостоятельной. Почти все содержаніе ея взято, какъ увидимъ, изъ Эбона и Прифлингскаго анонима. Имѣя подъ руками эти источники Герборда, мы можемъ опредѣлить, на сколько вѣрно Гербордъ передаетъ извѣстія, и какого рода измѣненіямъ онъ подвергаетъ ихъ. Тогда мы получимъ критерій его достовѣрности и твердую основу для сужденія о другихъ его извѣстіяхъ, источники которыхъ не находятся предъ нами.

3-я книга состоитъ изъ разказа о второмъ путешествіи Оттона въ Поморье и изъ жизнеописанія его до посвященія въ епископы 39—46 до конца). Для 1-й части Гербордъ имѣлъ предъ собою ясный и подробный разказъ Удальрика, помѣщенный у Эбона, и въ дополненіе къ нему отрывочные разказы Прифлингскаго анонима. Для 2-й части Эбонъ и Прифлингскій анонимъ даютъ только краткія слухавныя извѣстія. Поэтому въ 1-й части Гербордъ долженъ былъ ближе держаться Эбона и Прифлингскаго анонима, во 2-й же, при недостаточности извѣстія у обоихъ, могъ, съ большею свободою, измѣнять ихъ разказы, по своему сливать ихъ, располагать матеріалъ какъ находилъ болѣе естественнымъ. Такимъ образомъ, искусно соединивъ и обдѣлавъ ихъ, онъ далъ совсѣмъ новыя, послѣдовательныя и ясныя разказы. Это побуждаетъ насъ сначала заняться разказомъ

о второмъ путешествіи. Здѣсь намъ легче опредѣлить, откуда именно и въ какомъ видѣ взялъ Гербордъ свои извѣстія и какъ съ ними обращался.

Но, прежде чѣмъ приступить къ разбору, скажемъ нѣсколько словъ о методѣ, которому мы слѣдовали. Признавая зависимость Герборда отъ Эбона и Прифлингскаго анонима, мы каждый разказъ Герборда внимательно сравнивали съ разказами Эбона и анонима, дабы узнать, отъ нихъ ли онъ заимствовалъ свѣдѣнія, или изъ другаго источника. Если оказывалось, что Гербордъ основывался на біографіяхъ Эбона и анонима, то отмѣтивъ буквальные заимствованія, мы разбирали, сходенъ ли съ ними разказъ Герборда, или отличается отъ нихъ. Выдѣливъ отличія, измѣненія и дополненія Герборда, мы опредѣляли ихъ характеръ, именно:

а) откуда происходили они; дѣлаетъ ли ихъ Гербордъ по собственному соображенію и выводитъ логически изъ выраженій Эбона и анонима, понявъ ихъ въ извѣстномъ смыслѣ, и на сколько его догадки вѣроятны; повторяетъ ли онъ уже извѣстное прежде, или ему нужно для сообщенія этого, имѣть дѣйствительное знаніе событія изъ устныхъ разказовъ очевидцевъ, или другаго какого-нибудь источника.

б) каково ихъ значеніе, то-есть измѣняютъ ли они смыслъ событія какими-нибудь характеристическими подробностями, или суть неважныя, хотя и очень возможныя, мелочи, о которыхъ никто не можетъ долго помнить, и которыя Гербордъ могъ прибавить самъ для себя.

в) подъ вліяніемъ чего, и для чего они сдѣланы Гербордомъ, для того ли, чтобъ оживить разказъ, придать ему драматичность, картинность, ббльшую естественность, стройность и правдоподобность, или просто, чтобы скрыть свою зависимость отъ Эбона и Прифлингскаго анонима, показать, что онъ сообщаетъ слышанное отъ очевидца, или наконецъ, чтобы провести какія-нибудь собственные воззрѣнія.

При этой оцѣнкѣ пужно особенно помнить выше указанное невыгодное положеніе Герборда по отношенію къ передаваемымъ имъ событіямъ.

Исключивъ такимъ образомъ субъективныя измѣненія и дополненія Герборда, мы относительно остальныхъ фактовъ старались опредѣлить: откуда они могли произойти, на сколько они возможны и вѣроятны, и провѣряли ихъ по другимъ источникамъ.

Чтобы яснѣе выставить зависимость Герборда отъ Эбона и Прифлингскаго анонима, мы, разбирая разказъ о второмъ путешествіи, будемъ сопоставлять тексты ихъ съ Гербордомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда разказы ихъ довольно близки и идутъ параллельно (что возможно лишь съ 3-й главы); тогда наглядно представится, какъ часто Гербордъ передаетъ разказы ихъ своими словами, фразу за фразой, только постоянно распространяя.

А. Петровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СЛАВЯНО-РУССКАЯ ПАЛЕОГРАФІЯ 1).

Письменность Славянъ до XI вѣка.

I.

Древнѣйшіе изъ доселѣ найденныхъ памятниковъ славянской письменности опредѣленнаго времени относятся къ XI вѣку. Отъ времени болѣе древняго сохранились только отрывочныя извѣстія и памятники въ спискахъ послѣдующихъ вѣковъ.

Одни изъ извѣстій касаются письменности Славянъ до-христіанскаго времени; другія—письменности христіанской до половины IX в., то-есть, до начала подвига Константина Философа и брата его Меодія; третья—письменности Славянъ со второй половины IX вѣка. Памятники, съ которыхъ сохранились списки, всѣ принадлежатъ къ этому послѣднему времени.

Нельзя сказать, что данныхъ, заключающихся въ означенныхъ извѣстіяхъ и въ спискахъ съ памятниковъ, очень мало; тѣмъ не менѣе ихъ далеко не столько, чтобы можно было ихъ свести къ яснымъ, несомнѣннымъ выводамъ о судьбахъ письменности у Славянъ въ древнѣйшее время, и поэтому - то сближеніе ихъ между собою и съ божественными данными, годными для ихъ объясненія, приводили изслѣдователей къ соображеніямъ и къ предположеніямъ, взаимно опровергающимся.

1) *Продолженіе.* См. январскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за 1881 годъ.

Такое положеніе современной науки по вопросу о древнѣйшей письменности Славянъ заставляетъ, отстранивши прагматическое рѣшеніе его, ограничиться разсмотрѣніемъ самихъ данныхъ, сколько возможно болѣе безпристрастнымъ.

Прежде другихъ слѣдуетъ припомнить Сказаніе черноризца Храбра о письменахъ. Древнѣйшій изъ найденныхъ списковъ Сказанія писанъ въ 1348 году (въ сборникѣ болгарскомъ, принадлежащемъ Синодальной библиотекѣ). Другіе изъ сохранившихся списковъ относятся къ XV, XVI и XVII вв. Много разъ оно было и напечатано въ азбукахъ (въ Виленской „Грамматикѣ, альбо сложеніи письмена хотящимъ ся учети словенскаго языка“ 1621 г., въ азбукѣ Бурцова 1637 г., въ азбукѣ Супрасльской 1781 г. и пр.), и при этомъ отчасти передѣлываемо такъ же, какъ допускаемо было это и переписчиками. Нѣсколько разъ оно было напечатано и какъ памятникъ древности. Кромѣ двухъ изданій Новикова (въ 1-й части Повѣствователя древностей россійскихъ, и въ XVI-й части Древней россійской вивліоэки), есть изданія: Балайдовича по синодальному списку 1348 года (Іоаннъ ексархъ Болгарскій, стр. 189), Бодянскаго по Бреславскому списку (въ XXXVIII томѣ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, отд. II, стр. 147—157), мое по списку Савинскому XIV—XV вв. съ вариантами, между прочимъ, и по Московскому академическому (въ статьѣ о древнихъ письменахъ славянскихъ, напечатанной отдѣльно и потомъ въ Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія LIX, II, стр. 18 и слѣд.), Палаузовымъ по моей копіи Московскаго академическаго списка (въ сочиненіи Възъ болгарскаго царя Симеона. 1852, стр. 120—123), Шафарикомъ (въ *Grammatiksch drevnjho pisemnictvi Jigoslovanŭv*. 1851) чтеніемъ изъ разныхъ списковъ. Оно важно не потому только, что древнѣе другихъ, а потому, что обнимаетъ всю первоначальную древность славянской письменности. По выраженіямъ, сохранившимся въ двухъ изъ списковъ, должно заключить, что оно написано не позже, какъ въ началѣ X вѣка: въ одномъ изъ этихъ списковъ, Московскомъ академическомъ, XV в., сказано о Кириллѣ и Меѳодіи: „сѣтъ бо иже живи иже сѣтъ видѣли ихъ“ (Кириллъ умеръ въ 869, а Меѳодій въ 886 г.); въ другомъ спискѣ, Савинскомъ, замѣчено, что „Словѣномъ ѱдинъ св. Константинъ и письмена нѣиѣ сѣтвори и кѣнигы рѣложи“. Въстѣ съ тѣмъ и по самому характеру сказанія Храбра можно заключать, что Храбръ жилъ не долго спустя послѣ Кирилла и Меѳодія, въ концѣ IX или въ началѣ X вѣка: оно содержитъ въ

себѣ отвѣты на вопросы, бывшіе важными болѣе всего въ то время, и представляетъ въ себѣ что-то въ родѣ похвалы Константину Философу, человѣка въ нему близкаго по сочувствію къ его заслугѣ, какъ еще требующей защиты, еще не признанной всѣми.

Сказаніе монаха Храбра начинается извѣстіемъ объ употребленіи письменъ Славянами до христіанства и позже до Константина и Меѳодія.

„Прѣжде оубо Словѣне не имѣхъ книгъ: нж чрѣтами и рѣзами сѣтѣхъ и гатаахъ погани сѣще. Крѣстивше же са Римскими, и Грѣчьскими писменѣи нждаахъ са. Словеиска (бо) рѣчь бѣ безъ оустроенна (не имѣя, какъ видно изъ дальнѣйшихъ объясненій, знаковъ для выраженія звуковъ б, ж, з, ц, ч, ш, (щ), ѣ, ю, ж, ѡ).

Подъ названіемъ книги (во множественномъ числѣ) должно здѣсь, кажется, понимать то же, что теперь въ ед. ч. книга, а не буквы, названныя ниже письменами (хоть слова книга = писма = боукы въ древнемъ славянскомъ языкѣ употреблялись однозначительно). Чѣмъ-то въ родѣ письменъ Храбръ считалъ черты и рѣзы, которыя, какъ онъ зналъ, употребляемы были Славянами когда-то. Далѣе, говоря объ употребленіи азбуки христіанской, Храбръ не забылъ и римской; но замѣчая недостаточность ея для выраженія славянскихъ звуковъ, имѣлъ въ виду только греческую.

О подвигѣ Константина Философа Храбръ выражается такъ:

„Чѣколюбець бѣ... помиловавъ родъ Словѣньскъ посла имъ св. Константина Философа, нарицаемаго Кирила. И (сѣ) сѣтвори имъ $\bar{\Gamma}$ письменъ и $\bar{\eta}$ ова оубо по чиноу грѣчьскыхъ писменъ ова же по словѣнствѣи рѣчи... Се же сѣтъ письмена словѣнскаѣа сице ка подобаѣтъ писати и глаголати: а. б. $\bar{\epsilon}$, $\bar{\Gamma}$ “.

Исчисленіе буквъ въ разныхъ спискахъ различно: въ древнѣйшемъ Синодальномъ только четыре первыя; въ нѣкоторыхъ другихъ неполная азбука; въ Савинскомъ и еще въ нѣкоторыхъ полная, но едва ли не измѣненная противъ древняго подлинника. Въ большей части списковъ отдѣлены 24 буквы греческой азбуки отъ прибавленныхъ Константиномъ 14-ти „по словѣнскѣи ѡзыкъ“; но въ исчисленіи этихъ послѣднихъ столько различія между списками, что до первоначальнаго чтенія дойти едва возможно.

„Дроузии (нѣции) же глаголатъ. по что ѣсть $\bar{\Gamma}$ и письменъ створилъ“. Отвѣчая на это, Храбръ замѣтилъ, что и въ греческомъ всѣхъ знаковъ набирается 38: 24 буквы алфавита, 11 „двогласныхъ“ и 3 „въ чисменехъ“. „Дроузии же глажъ. чесому же сѣтъ словенскы

книгы (= письмена). Ни того бо естъ богъ створишь. ни то англи ли сжть иждекоини (= искоини). Иако Жидовскыи и Римскыи и Еллинскыи иже ѿ кова сжть прижты сжть бмъ". Въ отвѣтъ на это Храбрь замѣтилъ, что греческая азбука происхожденія азыческаго... „А Словѣнскыи книги едины стѣи Костантинъ нарицаемыи Кирилъ и письмена (ны п ѣ) створи и книги прѣложи въ малѣхъ лѣтѣхъ... тѣмъ же Словѣнскаа писмена стѣиши сжть и чьстнѣиша сть бо мжжь створишь и ксть. а Гречьскаа Еллини погани“.

„Аще ли кто речеть“ — продолжаетъ Храбрь — „иако нѣсть оустроилъ добрь. понеже са постражъть и кще отвѣтъ речемъ симъ и Грѣчскыи такожде многажды сжть постражали Авила и Симмахъ и потомъ ни мнози. оудобѣе бо естъ послѣжде потворити. неже прѣвое створити“. Это замѣчаніе Храбра, судя по упоминаніямъ объ Акилѣ и Симмахѣ, переводчикахъ Ветхаго Завѣта послѣ 70 толковниковъ, касается уже не азбуки, а перевода книгъ на славянскій языкъ; хотя выраженія оустроити и построити идутъ лучше къ азбукѣ, чѣмъ къ переводу.

„Аще ли же въпросиши Словѣнскыи боукаря глаголя. Къо въ письмена створишь ксть и книгы прѣложилъ. то вси вѣдаты и ѿвѣщавше рекжть. стѣи Костантинъ философъ нарицаемыи Кирилъ тѣ намъ писмена створи и книги прѣложи и Меоодкъ братъ ёго (сжть бо еще живи. иже сжть видѣли ихъ. И аще въпросиши въ кое врѣма. то (вси) вѣдаты и рекжть. иако въ врѣмена Михаила црѣ Гречьскаго и Бориса княза Българскаго и Растица княза Мор(ав)ска и Коцелѣ княза Блатенска. въ лѣто же ѿ сзданія всего мира 6363“.

Михаилъ III, по прозванію Пяница, владѣлъ имперіей въ 842—867 г.; Борисъ, князь Болгарин, умеръ въ 907 году, проводши послѣдніе годы въ монастырѣ. Растиць — Растиславъ — былъ княземъ Моравскимъ въ 846—877. Коцель былъ владѣтелемъ побережій озера Блатна (удѣльнымъ подъ рукою Растислава) до 877. Годъ 6363 соответствуетъ 855 году по Р. Х. или же, по другому расчету, принимаемому отъ с. м. до Р. Х. 5500 л.—въ 862—863.

Обратимся теперь къ другимъ извѣстіямъ.

а. Извѣстія о письменности Славянъ до принятія христіанства.

Любопытно свѣдѣніе, находящееся въ Паннонскомъ житіи св. Константина Философа. Услыша о предложеніи императора Михаила

идти въ Мораву проповѣдывать вѣру, Константинъ Философъ отвѣчалъ: Радъ иду тамо, аще имѣть бѣквы въ языкѣхъ свои. и рече цѣркъ немѣ. Дѣдъ мой. и оцѣ мой и инии мнози искоиши того не обрѣли сѣтъ. то како азъ то могу обрѣсти. Философъ же рече: то кто можетъ на водѣ бесѣдѣ написати. или еретичѣско имѣ себѣ обрѣсти (стр. 58). Едва ли, впрочемъ, бѣквы значать здѣсь письменна, а не книги Св. Писанія.

Къ славянскимъ извѣстіямъ можно отчасти отнести то, что упоминаеть о письменахъ въ договорахъ съ Греками кн. Олега 911 г. и кн. Игоря 944—945 гг. Въ одномъ изъ нихъ читаемъ: „О работающихъ въ Грецѣхъ Русси у хрѣстьянскаго цѣрка аще кто ѡмреть. не ѡрадивъ своего имѣнья. ци и своихъ не имать. да възвратитъ (ста) имѣнье къ малымъ ближикамъ въ Русь. аще ли створитъ ображенъ. таковыи да възметъ ѡраженокъ ко. комѣ бѣдетъ писалъ наслѣдити имѣнь. да наслѣдитъ ѣ“. Въ другомъ есть замѣчательное мѣсто о печатяхъ: „Ношахѣ сии печати златы а гости сребрѣны, нынѣ же ѡвѣдѣлъ естъ князь вашъ посылати грамотѣ къ цѣрѣвѣ нашемѣ. иже посылаѣми бывають отъ никѣ сѣли и гостиѣ. да приносятъ грамоту. пишѣче сице како послахъ корабль селько и отъ тѣхъ да ѡвѣмѣи и мѣи иже съ миромъ приходать“. Хоть и нельзя сомнѣваться, что Русь не славянская скоро ославянилась между Русскими Славянами, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что она приняла и письмо отъ Русскихъ Славянъ. Притомъ же договоры очевидно писаны по гречески и переведены уже на славянскій, а Греки, пиша договоры, очень легко могли внести въ нихъ и свои понятія — особенно такого рода, какъ о написаніи совѣщаніи, или о грамотѣ съ записаніемъ словъ и гостей, посылаемыхъ въ Царьградъ. Что же касается до печатей, то на нихъ могло и не быть никакихъ письменъ.

Изъ свѣдѣній иноземныхъ о письменахъ Славянъ нѣтъ ни одного у писателей византійскихъ, то-есть, касающагося Славянъ юго-западныхъ. О нихъ слѣдовательно остается только показаніе монаха Храбра.

О письменахъ сѣверо-западныхъ Славянъ есть свѣдѣніе латинско-нѣмецкаго лѣтописца Татмара, епископа Мерзебургскаго (976—1017 гг.), близкаго къ Славянамъ сѣверо-западнымъ. Описывая языческій храмъ города Ретры, онъ замѣтилъ, что внутри его стояли идолы, изъ которыхъ на каждомъ нарѣзано было имя: *interius... dii stant manu facti, singulis nominibus insculptis* (VI, 17). Нѣтъ никакого повода заподозрить справедливость этого показанія. Оно даже можетъ найти себѣ

опору въ другомъ извѣстїи, въ сказанїи одного изъ арабскихъ писателей. Это Аль-Массуди (ум. 956 г.), писатель очень образованный, очень много путешествовавшій, сохранившій въ своихъ Золотыхъ Лужахъ между прочимъ и нѣсколько замѣчательныхъ извѣстїй о разныхъ народахъ Славянскихъ, которыхъ имена и названїя земель приводить въ довольно правильномъ написанїи. При описанїи одного изъ языческихъ храмовъ Славянъ, онъ замѣтилъ, что въ немъ на камняхъ были начертаны знаки, которыми обозначены были дѣла будущїя прежде, чѣмъ они совершились: *Cet édifice est renommé par... les piergeries que l'on y a déposées, les signes qui y sont tracés et qui indiquent les choses futures, les événements pronostiqués avant leur arrivée* (Mem. del'Acad. de S.-p.b. VI Ser. 11 стр. 319—320).

И не у одного Массуди изъ писателей арабскихъ находятся свѣдѣнїя объ употребленїи письменныхъ знаковъ у Славянъ, если только подъ именемъ Руссовъ, о которыхъ они говорятъ, подобно имъ, понимать народъ Славянскїй. Таковы Ибнъ-Фодланъ и Ибнъ-эль-Недимъ. Оба разказываютъ, какъ очевидные свидѣтели. Ибнъ-Фодланъ, передавая разныя свѣдѣнїя о путешествїи своемъ къ Волжскимъ Болгарамъ, куда отправленъ былъ посломъ отъ халифа Мувтедора (921—922), описываетъ, между прочимъ, обрядъ погребенїя, какъ онъ совершается язычниками Русскими. Тутъ-то упомянуто, что послѣ погребенїя покойника на столбѣ намогильномъ Русскїе написали имя покойника вмѣстѣ съ именемъ князя: *darauf führten sie... etwas einem runden Hügel ähnliches auf, errichteten in dessen Mitte ein grosses Büschen Holz und schrieben darauf den Nammen des Verstorbenen nebst dem des Königs der Russen* (Ibn Fodslans Berichte. S.-p.b. 1823, стр. 21). — Ибнъ-эль-Недимъ въ книгѣ „Каталогъ книгъ“, имъ написанной около 987—988, далъ мѣсто статьѣ о письменахъ у разныхъ народовъ, и въ ней передалъ разказъ достовѣрнаго человѣка, посланнаго однимъ изъ владѣтелей кавказскихъ къ князю Русскому, замѣтилъ, что, по его словамъ, у Русскихъ есть письмена, которыя они нарѣзываютъ на деревѣ, и что самъ онъ видѣлъ у него кусокъ бѣлаго дерева съ нарѣзанными знаками: *Jemand, dessen worten ich trauen darf, erzählte mir, dass einer von den Königen das berges Kabk ihn an den König der Russen geschickt habe, und er nahm davon Veranlassung zu der Bemerkung, dass diese eine Schrift hätten die auf Holz eingkerbt werde. Dabei zog er ein Stückchen weissen Holz hervor dass er mir hinreichte. Auf demselben waren caractere eingeschnitten die ich weiss nicht ob Wörter oder isolirte Buchstaben dar-*

stellen. (Mém. de l'Acad. de S.-p.b. III. 2-e Ser стр. 513.) Ибнъ-эль-Недимъ приложилъ къ своему извѣстію и снимокъ записи.

Снимокъ этотъ, одинаково переданный двумя списками сочиненія Ибнъ-эль-Недима, подаетъ нѣкоторымъ ученымъ поводъ рѣшать вопросъ: какія именно письмена были употребляемы Русскими. Френъ сравниваетъ ихъ съ синайскими (ib. 517); Финнъ Магнусенъ и Шармуа напротивъ того видѣли въ нихъ руны скандинавскія, и въ одной части записи нашли что-то въ родѣ имени Славянъ, а вообще записъ приняли за славянскую—(Sjögren, Ueber das Werk des Fr. Magnusens: Runamo og Runerne. S.-p.b. 1842, стр. 83 и слѣд.)—Slaven Visislut=Ruslud—Slovene s usit.

6. Извѣстія о письменности у Славянъ по принятіи христіанства до Константина Философа.

Выше было отмѣчено свидѣтельство монаха Храбра, что Славяне „кръстивъшеся Рим'скими и Грьчьскими письмены нѣждаахъса“. Нельзя сомнѣваться въ справедливости этого показанія, тѣмъ не менѣе прямыхъ свидѣтельствъ подтвердительныхъ почти нѣтъ.

Одно изъ самыхъ важныхъ показаній, сюда относящихся, есть мѣсто въ книгѣ Константина Порфиророднаго (de Adm. imper. XXXI) о Хорватахъ, гдѣ сказано, что Хорваты, по принятіи крещенія, при императорѣ Иракли, дали Римскому папѣ слово, что не станутъ нападать ни на кого, и подтвердили его собственноручными подписями (ιδίουχειρα ἐποιήσαντο). Нельзя, кажется, сомнѣваться, что Хорваты, крещенные духовенствомъ римскимъ, употребляли для подписи своихъ письмо латинское. Съ вѣроятностью можно предположить, что въ подобныхъ случаяхъ Славяне, крещенные греческимъ духовенствомъ, употребляли греческую азбуку.

Съ такою же вѣроятностью можно предположить, что тѣ и другіе Славяне, если что изъ круга христіанской письменности перевели на свой языкъ, то писали это письменами греческими и латинскими. Употребленіе письменъ греческихъ и латинскихъ для той же нужды въ этотъ періодъ подтверждается употребленіемъ ихъ и въ послѣдующій періодъ, то-есть, послѣ Константина Философа. Такъ въ нѣкоторыхъ кирилловскихъ богослужебныхъ книгахъ, на примѣръ, въ кондаваряхъ, греческими буквами остались написанными гѣснопѣнія, не переведенныя по славянски. Такимъ образомъ и такъ называемыя Фрейзингенскія статьи (X вѣка) сохранились записанными

латинскими бueвами. Къ тому же X вѣку относится сказаніе о Мерзебургскомъ епископѣ Возонѣ, что онъ писалъ по славянски: *slavonica scripserat verba* (Титмар. Хрон. II. 23). Еще яснѣе свидѣтельство о Мерзебургскомъ епископѣ Вернерѣ (начала XII в.), что онъ велѣлъ для себя приготовить книги на славянскомъ языкѣ, чтобы выразить славянскую рѣчь латинскою азбукою: *libros Sclavonicae linguae sibi fieri jussit, ut Latinae linguae caractere idiomatica linguae Sclavorum exprimeret.* (Chron. Episc. Merseburg.; Dobrowski, Geschichte d. Böhm. Sprache, 2-te Ausg. 44).

Отдѣльно ли отъ этихъ показаній или въ связи съ ними, но нельзя не дать здѣсь мѣста показанію, находящемуся въ древѣйшемъ житіи Константина Философа, такъ называемомъ Паннонскомъ, о писменахъ русскихъ, найденныхъ Константиномъ Философомъ въ Корсунѣ ¹⁾. Вотъ это сказаніе, одинаково повторяемое во всѣхъ спискахъ:

„Обрѣте же тоу еудіе и ѿітръ Русекыи письмены писано. и чѣа ѿбрѣ гшца тоу бесѣдоу. и бесѣдовавъ с нимъ. и силу рѣчи прїимъ свои бесѣдѣ прикладаа различна писмена гласнаа и съгласнаа. и въ ббу мѣтву твора въ скорѣ начѣ чести и сказати). и мнози са ему дивлахоу. ба хвалаше“ (по сп. XV в. Новг. библиотеки).

Было нѣсколько толкованій этого важнаго мѣста. Одни изъ толкователей оставались при предположеніи, что подъ именемъ Русскаго человѣка надобно понимать Варяга Скандинава, а подъ именемъ русскихъ письменъ скандинавскія руны. Это предположеніе держится на другомъ предположеніи, что сочинитель житія отличалъ Русскихъ отъ Славянъ такъ же, какъ Константинъ Порфирородный, и что Славянъ въ IX вѣкѣ въ Тавридѣ не было. Другое толкованіе наводитъ на мысль, что эти русскія писмена суть глаголическія, и поддерживается трудностью разрѣшить вопросъ о происхожденіи глаголицы, особенной славянской азбуки, которою пользовались когда-то и Болгарскіе, и Русскіе православные Славяне, и Хорваты католики. Мнѣ кажется, что одно можно считать несомнѣннымъ: сочинитель житія понималъ языкъ русскій, какъ особое славянское нарѣчіе: иначе бы онъ не сказалъ такъ простодушно, что Константинъ, нашедши Русскаго человѣка, тотчасъ сталъ съ нимъ говорить и понимать его, приравливая его языкъ къ своему языку по буквамъ гласнымъ и

¹⁾ См. извлеченіе изъ него въ *Москвитяини* 1846 г. въ статьѣ Горскаго: Житіе св. Кирилла и Меодія; перепечатано въ Кирилло-Меодіевск. сборникъ: 1868; 1—42; *Чтенія* 1863 г., 2 и 1864 г., 2.

согласнымъ; выговоромъ буквъ могутъ отличаться только близкія нарѣчія.

в) Известія о письменности Славянъ со времени Константина Философа.

1. О дѣйствіяхъ Константина Философа и Меѳодія.

Однимъ изъ источниковъ самыхъ важныхъ и по древности, и по достовѣрности, о подвигѣ Константина Философа и брата его Меѳодія, первоучителей славянскихъ, нельзя не считать ихъ Паннонскія житія. Первое обстоятельное извѣстіе о нихъ, съ полнымъ изъясненіемъ данныхъ и съ разными объясненіями, сдѣлано А. В. Горскимъ (Москвитянинъ 1843 г., № 6). Оба они потомъ изданы вполнѣ Шафарикомъ въ *Ramatkach diewniho pisemnictvi jihoslovanuv* (Прага, 1851) и по многимъ спискамъ О. М. Бодянскимъ въ Чтеніяхъ общества древностей (1863 г., 2, 1864 г., 2, 1865 г., 1) Изъ разборовъ этихъ памятниковъ, какъ на особенно любопытные, можно указать на труды: Е. Дюллера (*Die rannonische Legende vom heiligen Methodius. Archiv für Kunde österreichischer Geschichtsquellen. Wien. 1854. XIII*), О. М. Бодянского (О времени происхожденія славянскихъ письменъ. М. 1855.) и А. Е. Викторова (Кириллъ и Меѳодій. Новые источники и ученые труды для исторіи слав. апостоловъ. Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ. М. 1865, стр. 342 и слѣд.). Всѣ изслѣдователи сходятся въ одномъ: оба эти житія писаны скоро послѣ кончины Кирилла и Меѳодія еще въ IX вѣкѣ. Для изслѣдователя не менѣе важно и то, что оба памятника представляются въ разныхъ спискахъ безъ видоизмѣненій, гдѣ бы списки ни были писаны (на сколько можно судить по спискамъ сохранившимся).

Вотъ важныя для насъ мѣста изъ житія Константина Философа.

Веселашу же са о бѣзѣ философу. пакъ дрѣгаа рѣчь приспѣ и трудъ не мнен прѣвѣхъ. Ростиславъ бо, Моравьскыи князь бгомъ ѹстимъ. съвѣтъ сътвори съ князи своими и съ Моравляны. посла къ црю Михаилѣ. глагола. Людѣмъ нашимъ поганьства са отврѣгшимъ и по Христѣанскѣ са законъ дрѣжащимъ. Ѹчитела не имамъ такового. иже бы ны въ свои азыеъ и стѣю вѣрѣ хрѣстѣанскѣю сказаль... то послѣ намъ владыко. епископа и Ѹчитела такового, отъ васъ бо на вса страны вьсегда добрыи законъ исходить. събравъ же црь съборъ. призва Константина философа. и сътвори и слышати рѣчь сѣю и рече. философе вѣмъ та трѣдна сѣща, но достоить тебѣ

тамо ити. Сѣа бо рѣчи не можеть инъ никтоже исправити ꙗко же ты. Отвѣща философъ... радъ идѣ тамо. аще имѣть бѣкви въ азыкъ свои. И рече прѣ къ немѣ. Дѣдъ мой и отецъ мой. и ини мнози. искавъше того не обрѣли сѣть. то како азъ могѣ обрѣсти. философъ же рече. то кто можеть на водѣ бесѣдѣ написати или еретичьско имѣ себѣ обрѣсти. отвѣща емѣ пакы прѣ съ Вардою. Земъ своимъ. аще ты хоцещи то можеть бгъ тебѣ дати. иже даеът всѣмъ. иже просать несъмнѣниемъ... Шедъ же философъ. по прѣвомѣ обычаю. на молитвѣ са наложи. и съ инѣми съпоспѣшныкы. Вскорѣ же са ему бгъ ꙗви послѣшаа и мѣтвы рабѣ своихъ. И тогда сложи писмена. И нача бесѣдѣ писати евангельскѣю. искони бѣ слово. и слово бѣ ѡ бга. и бгъ бѣ слово. и прочаа. Възвесели же са прѣ.. и посла и съ дары многы. написавъ къ Ростиславѣ епистолю сиде. Бгъ... видѣвъ вѣрѣ твою и подвигъ створи и нынѣ въ наша лѣта ꙗвлъ бѣкви въ вашъ азыкъ. ею же не бѣ дано. токмо въ прваа¹⁾ лѣта. да и въ причтетеса велицѣхъ азыцѣхъ. иже славать бга своимъ ꙗзыкомъ. И то ти послахомъ того. ему же а бгъ ꙗви мѣжа чьстна и благовѣрна книжна зѣло и и философа.... Дошедъшъ же емѣ Моравы. съ великою чьстью приять и Ростиславъ. и собравъ ѡченикы. вдасть а ѡчити. Въскорѣ же са весь црковьныи чинъ прѣложи. и наѣчи а ѡтрепн и годинамъ. обѣднѣи и вечернн и павечернннцн и таинѣи слѣжбѣ... растѣцю же божию ѡчению згнн завистьникъ испрѣва днаволъ.. начатъ многы въздвизати. глагола имъ. не славнѣса бгъ о семъ. аще бо бы емѣ сиде ѡгодно было. не бы ли могъ сътворити да быша испрѣва письмены пишюще бесѣды своа. славилн бга, но три азыкы ѡбо естъ токмо. еврѣискъ гречьскъ и латиньскыи ими же достоинъ славъ бгѣ въздаати. бѣша же се глаголюще латиньстни и фражестни архиереи съ иереи и съ оученици. и бравнѣса съ ними. ꙗко давидъ съ иноплемьныкы книжьными словесы побѣжаа нарече а тразычьныкы.. и тако четьредесать мѣсаць створи въ Моравѣ и иде сватитъ ѡчениковъ своихъ приять же и идѣщъ Кочелъ князь паноньскъ възлюби велъми словеньскы бѣкви и наѣчиса имъ. и въ давъ до патидесатъ ѡченикъ ѡчитиса имъ... Въ натѣхъ же бывшъ емѣ. събрашаса нанъ латиньстни епископи и ꙗпове и чрьноризци.. и въздвигоша тразычьныю ересь. глаголюще. како ты еси нынѣ створилъ словѣномъ книгы. и ѡчиши а. ихъ же нѣсть никтоже инъ прѣе обрѣлъ. ни апостолъ.

¹⁾ = наша.

ни римскѣи папежъ, ни феолагъ григории. ни іеронимъ. ни аѳѳстинъ. мы же три азыкъ токмо вѣмъ. ими же достоитъ въ книгахъ славити бога... Отвѣща философъ имъ... мы же многы роды знаемъ. книгы ѡмѣюща и бгѣ славѣ въздающа своимъ азыкомъ каждо. ꙗвѣ же сѣтъ си. Ѳрмени. перси. авазги. ивери сѣгди. готѣи. обри. тѣрси козари араваѣи егуѳтани сури. и инни мнози... Оувѣдѣвъ же римскѣи папежъ. посла по него. и дошедшѣ емѣ Рима изыде самъ апостоликъ. андрианъ противѣ емѣ... ꙗко несе мощи стго Климента мѣченика и папежа Римска... примъ же папежъ книгы словенскыа освати и полюби а въ цркви с. мариа... и по семъ повелѣ папежъ двѣма епископома Формосѣ и Гонрѣдихѣ сватити словенскыа ѡченикы... тогда цѣша литѣргию въ цркви стго Петра словѣнскимъ азыкомъ... и въ цркви св. Петронилы... и св. Андреа и оу Павла апостола... и надъ св. гробомъ имѣюще на помощь стго арсенна епископа единого сѣща отъ семи епископъ и анастаса вивліотикара... Постигшимъ же и многымъ тѣрдомъ болѣти нача... и въ стѣи иночскыи образъ облѣкъса... има себѣ нарече Курилъ. въ томъ же образѣ прѣбывъ патьдесать днѣи... и преста-виса... бывъ лѣтъ четьредесать и два въ четвергѣи на десать днѣ мѣсаца феврѣарна въ индиктѣ в. отъ твари вьсего мира въ лѣто ̅S̅. ̅T̅. ̅O̅Z̅ (6377).

Въ житіи Мееодія читаемъ о томъ же:

Прилоучитеса въ ты дни Ростиславъ князь словѣнскъ. съ Стоплькѣмъ посъласта из Моравы къ дрю Михаилоу. глѣюща тако... ꙗко... сѣтъ въ ны вѣшли оучители мнози крѣстѣани из влахъ и из грѣкъ и из нѣмьцѣ, оучаще ны различъ. а мы словѣни проста чадъ. и не имамъ иже бы ны наставилъ на истину и разумъ съказаъ. то добрѣи вѣдѣко, посъли такъ моужъ иже ны исправитъ вьсакоу правьдоу. тогда црѣ Михаилъ рече къ философоу Костантиноу. слышишиши рѣчь сию. инъ сего да не можетъ сѣтворити развѣ тебѣ... тѣ на ти дари мнози. и поимъ братъ свои. игѣменъ Мееедни. иди же. вѣ бо кста селоунанина. да селоунане. да селоунане вьси чисто словѣнскыи бесѣдуютъ. тогда... на молитвоу са наложиста и съ инѣми иже бахоу того же дѣа. ꙗго же и си да тоу ꙗви бѣ философоу словѣнскыи книгы. и абиѣ оустройвѣ писмена и бесѣдоу съставлѣ. поути са ꙗтъ Моравьскаго. поимъ Мееедниа начатъ же пакы съ покорѣмъ повинуса. слоужити философоу и оучити съ нимъ. и трѣмъ лѣтомъ ипшѣдѣшемъ возвратистаса изъ Моравы. оученикы наоучыша.

Оувидѣвъ же такова моужа апостоликъ никола посъла по на...

сти оученикъ его. положъ словѣнскоѣ евангліе на олтари стго петра апла. сти же на поповство блжнаго Меоедиа. бахоу же етера многа чадь яже гоужахоу словѣнскыя книги. гѣюще яко не достонть некоторому же языкоу пмѣти боуквъ своихъ. развѣ ѣврен и грѣкъ и латинь... яже апостоликъ пилатьны и трыазычьныкы нареклъ. проклатъ. и повелѣ кдиноу епѣоу. иже бѣ тоу же языку больнъ. и сти отъ оученикъ словѣнскъ три попы а .Ѣ. анагноста. По дньхъ же мнозѣхъ философъ на соудъ градын рече къ Меоодиоу... брате. вѣ соупроуга баховѣ. кдиноу браздоу тажаца. и азъ на гѣсѣ падаю. свои днь съконъчавъ. а ты любипши гороу вельми то не мози горы ради оставити оучениа своего паче бо можеши ктымъ спасень быти.

Пославъ же коцель къ апостоликоу. проси меоодиа блженаго оучителя нашего. дабы кмоу ѿпоустилъ. И рече апостоликъ. не тебѣ кдиному тѣкъмо. но и всѣмъ страномъ тѣмъ словѣнскымъ съю и оучитель... и посла и написавъ. епистолю сице: Андрианъ епѣ и рабъ божии. къ Ростиславѣ и стопълкоу и коцлю... не токмо бо оу сего стлскаго стола просите оучителя нъ и ѣ блговѣрнаго цря Михаила. да посла вамъ блжнаго философа Костантина и съ братьемъ. дондеже мы не доспѣхомъ. Она же оувѣдѣвъша аплскаго стола достояща ваша страны. кромѣ канона. не створисте ничъсоже нъ къ намъ придосте... мы же оумыслихомъ испытавъше послати Меоодиа. сицьше и съ оученикы... да въ оучить. язакоже ксте проси. скъзати кънигы въ языкъ вапъ. по всемоу прѣковьномуу чиноу исплнъ и съ стою мѣшею. (рекыше съ слоужьбою. и крыщеникъмъ... да бысте оудобъ заповѣди бжиа навѣкли. съ же кднъ хранити обычаи. да на мѣши прѣвѣкъ чѣтоуть аплъ и еванглия римскы таче Словѣнскы... аще же кѣто ѿ събранныхъ вамъ оучитель... начынетъ дързоувъ инако разврацати вы. гада кнigy языка вашего. да боудеть отълоучень... По семь же старыи врагъ въздвиже срѣде врагоу Моравьскаго корола нанъ. съ всѣми епѣи яко на нашеи области оучиши... Потомъ же... оного засълавше въ съвабы дъръжаша полъ третѣя лѣта... моравляне ѿчющше нѣмъчьскыя попы иже живаахоу въ нихъ не приающе имъ... пзгъ наша вса а къ апостоликѣ послаша... дажъ намъ меоодиа архиепѣа и оучителя абикъ же посла и апостоликъ. и примъ и стопълкѣ князь съ всѣми Моравляны... ѿ того же дѣе вельми начатъ расти оученикъ бжии... Сихъ же всѣхъ не трыпа старыи врагъ... въздвиже етеры на нь... намъ ксть папежъ власть далъ. а сего велить възъ

изгнати. и оученик кого, събравъше вса люди моравьскыи велахоу прочисти прѣдъ ними еписколию... пръ... посъла кънигы къ нкмоу... яко вельми тебѣ желаю видѣти... и приять и съ чьстью и оученик кого похваля. оудържа ѿ отъ оученик кого попа и дьякона съ книгами... Потомъ же (ѿвѣргъ вса мълъвы, прѣже) ѿ оученик своихъ посажъ дѣва попъ скорописца зѣло прѣложи въ бързѣ вса кыгы испълнь развѣ Макавѣи ѿ гръчска языка въ словѣньскъ шестию мѣцъ. начьнъ ѿ марѣа мѣа до дѣвою десатю и шестю днь октября мѣа ¹⁾ пьсалтырь бо бѣ тѣкмо и еванглик съ апълъмъ и избраныими слоужьбами цркъвнътими съ философомъ прѣложилъ пръвѣк. тѣгда же и номоканонъ рекъше закону правило. и бчскыи кыгы ²⁾ прѣложи. Пришьдъцю же на странъ дунаискыи королю оугърскому всхотѣ и видѣти... иде къ нему и приять чьстью и славьно... приближатиса начатъ врѣмя покои прияти... въпросиша же и рекъше. кого чоужши въ оученицѣхъ своихъ дабы ѿ оучениа твоѣго тебѣ настольникъ былъ. показа же имъ кдинаго ѿ извѣстьныхъ оученикъ своихъ. нарицаемаго горазда. гѣа съ ксть вашеа земля свободъ моужь. оучень же добрѣ въ латиньскыи кыгы. правовѣрвѣ... Почи въ .л̄. днь мѣа априла въ .г̄. индиктъ. въ лѣто 5̄ и .л̄. и .҃. и .г̄. (6393) ³⁾ ѿ твари вьсего мира. оусоужьше же и свои оученици и достоинъ чьсти створивъше и слоужьбою цркъвноую латиньскыи и гръчскыи и словѣньскыи сътрѣбиша. и положиша и въ съборнѣи цркъви.

Нельзя не замѣтитъ, что между этими двумя сказаніями есть ближайшее сродство, что или оба они писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ, или же, что одно изъ нихъ послужило источникомъ для другого.

Въ ближайшей связи съ Паннонскими житіями Константина Философа и Меодія находится «Слово похвално на памѣ стѣма и прѣславльнъма оучителяма словѣньскоу языкоу створьшема писменъти кмоу, прѣложьшема новын и ветъхын законъ въ языкъ ихъ, блаженому Курилоу и архиепѣпоу Паноньскоу Меодію» (нач. Бѣу и спѣсоу нашему іс̄ х̄оу, многыимъ и неиздреченыимъ члвколюбимъ помиловавѣпѣ родъ члвчскыи). Оно сохранилось такъ же въ мно-

¹⁾ Восемь, а не шесть; это по глаголической азбукѣ въ которой .5̄. означаетъ не 6, а 8.

²⁾ Патерякъ.

³⁾ 885 или же 886. .л̄. (а въ слов. похв. .д̄) по глаг. 4.

гихъ не разнящихся по содержанію спискахъ, между прочимъ и въ томъ древнемъ сборникѣ XII—XIII вѣка, гдѣ помѣщено житіе Меѳодія—въ слѣдъ за этимъ житіемъ. Оно издано О. М. Бодянскимъ (Чтенія 1865 г., II) и имъ же подвергнуто разбору (О времени происхожденія слав. письменъ, стр. 42 и слѣд.). Въ этомъ похвальномъ словѣ, между прочимъ, находится слѣдующее:

Сина же стала и прѣславнаа оѣд и оучителя... прѣселяника быста оѣства свокго и пришьльца на землю тоужю... законъ же бѣни соугоубо прѣложьша. въ новѣи ѣзыкѣ прѣдаста. писмена сътворьша кмоу. новала аѣла не на тоужемъ основании свок дѣлю полагающа нѣ изнова писмена вѣображьша. и съвършиста въ ѣзыкѣ новѣ... прѣидоста на западнѣиа страны. блѣговѣствоуща слово бѣикъ въ ѣзыкѣ новѣ и весь црѣквнѣи законъ прѣложьша ѿ грѣчьскаго. въ свои имѣ ѣзыкѣ прѣдаста .. въ западнѣихъ же странахъ паноньстѣхъ и Моравьскахъ странахъ ѣако сѣнци вѣсѣнавьша... просвѣтѣста боукъвами. и наоучьша оученикѣ црквнѣоуму чиноу испѣнѣ. и тако теченикъ съконьчавающа. поути са ѣста римскаго. аѣлскому прѣстолау поклонитѣса, ведоуща съ собою на сѣщенѣ дѣховнѣи плодъ... Приблѣжи же са врѣма покои прѣѣти прѣстоумоу и прѣблѣжноумоу оѣю нашему и оучителю Костантѣноу философоу... облѣчѣса въ чѣрнѣи рѣзы... и тако почи о гѣи въ гѣто .Г. Г. Ѧ. Ѧ... Свѣщѣше же прѣчѣстнаго и бѣчѣстнаго Меѳодѣи на архѣепѣство на столѣ стѣго Андронѣи аѣла въ Панонѣи ѿ. Ѧ. поустиша и на страны словѣнѣскѣи оучитѣ въ ѣзыкѣ ихъ. написавѣше епѣстолю сѣю къ княземъ страны тоѣ Ростѣславоу и Стѣпѣнѣкѣ и коцѣлоу (епѣстоля приведѣна сокращѣнно безъ всего того, чѣмъ обозначаются собственно римскѣи требованѣи)... Дошѣдѣшю же ѣму въ страны Моравьскѣи вѣсп ѣуди съ радостѣи изѣдоша... и ими же оустѣ бѣша пѣрвѣе жѣрѣтѣвѣ неприѣзѣннѣи вѣздавали на кладѣзѣихъ и на вѣсѣхъ мѣстѣхъ хѣловали бѣ тѣмъ же дѣти ихъ словесѣнѣи и бескѣвѣрнѣиа слоужѣбы бѣоу вѣздають за весь мѣрѣ и въ всакомѣ мѣстѣ има бѣикъ прославлѣтъся въ ѣзыкѣ новѣ кмоу же ѣвиса проповѣдѣникъ и аѣлѣ новѣ... црѣкви пѣснѣи оукраси и пѣнѣи дѣховнѣиими и тако почи ѿ гѣи въ гѣ ѿ твари вѣсѣго мѣра .Ѧ. Г. Ѧ. дѣ. (дѣ а не гѣ, какъ въ житѣи).

Сличая это слово съ житіями, приходимъ къ убѣжденію, что оно есть извлеченіе изъ нихъ, слѣдовательно, написано позже ихъ.

Отлична отъ этого похвальнаго слова — «Похвала стѣмѣ Кирилѣ оучителю словѣнѣскѣи ѣзыкѣ. сътворѣна Климентомъ

Епископомъ (Кирилло-Меѳод. сборникъ стр. 313—318, и въ другой редакціи тамъ же: стр. 309—312 ¹⁾). Начало: се вѣма (=повѣда) намъ христіюлюбци свѣтозарнаѧ памать блаженѧ оца нашего Куріа». Нѣкоторыя изъ подробностей изложенія и языка живо напоминаютъ о Паннонскомъ житіи Константина Философа, заставляя думать, что епископъ Климентъ, пиша свою Похвалу, имѣлъ подъ рукою Житіе. А такъ какъ епископъ Климентъ самъ былъ ученикомъ Меѳодія и жилъ въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка (до 916 г.), то это обстоятельство подтверждаетъ древность Житія. Въ похвалѣ этой сказано между прочимъ:

«Словѣнскѣ же ѧзыкъ въ неразумѣи и мрацѣ грѣховнѣ сѣщю.. явленъ бысть пастырь и оучитель ему... преложи весь црѣквнѣи Ѹставъ отъ Греческа въ Словѣнскѣи ѧзыкъ... Того же пречѣстнии пьрѣсти дховнѣи органы основаѧа и златозарнѣи писменѣи Ѹкраси ѧ... Почи же съ миромъ о гдѣ ѿ твари всего мира въ лѣто ꙗ̄. ѡ. и т. и б. и з. ѡца февралѧ въ дѣи днѣ».—Вездѣ еписк. Климентъ называетъ Славянъ своимъ народомъ, и языкъ славянскій нашимъ или моимъ.

Къ числу древнихъ извлеченій изъ Паннонскихъ житій должно причислить и то сказаніе о нихъ, которое находится въ Повѣсти временныхъ лѣтъ (напечат. въ Полн. Собр. Р. лѣтоп., I, 11—12) хотя въ немъ и есть свѣдѣнія, не находящіяся въ Житіяхъ. Вотъ это сказаніе (по Ипат. сп.): «Бѣ бо єдинъ ѧзыкъ словѣнскѣ. Словѣне же сѣдаху по Дунаю. ѧхъ же прѣѧша Оугре. и Морава, и Чеси. и Лаховѣ. и Полане. ѧже ѧнѣ зовемаѧ Русь. Симъ первѣе положенѣи книгѣи. Моравѣ ѧже и прозваса грамота Словенскаѧ. ѧже грамота е в Руси и въ Болгарехъ Дунаискѣи.

Словѣномъ живущимъ крѣщенѣи^а и княземъ ѧхъ. Ростиславъ и Стополкъ и Коцель. послаша къ црѣю Михайлу глинце. земля наша крѣщена. и ѧвѣ в ѧѧ оучитель. ѧже бѣи нѣи оучилъ и наказалъ. и протолковалъ стѣиѧ книгѣи. не разумѣемъ бо ни грѣчькому ѧзыку, ни латиньскому. ѡнѣи бо нѣи ѧнако оучать. а друзиѧи ѧнако. тѣмъ же не разумѣѣ книжнаго разума. ни силѣи ѧхъ. а послете нѣи оучителя. ѧже могутъ нѣи сказати книжнаѧ словеса и разумъ ѧхъ. се слышавъ Михайлъ црѣ. съзѣва философы вса. и сказа ѧмъ грѣчи вса словѣнскѣиѧ князь. и ркоша философы. Есть мужъ в Селуни,

¹⁾ См. въ Свѣд. и Зам. о неизвѣстныхъ и малозв. памятникахъ, стат. XXXVII.

именемъ Левъ. и суть оу него сынове разумиви ꙗзыку Словенску. и хитра два сѣа оу него и философа. Се слышавъ ѿрѣ посла по на въ Селунь къ Лвови гѣа. пошли къ намъ. сѣа своиъ Мефедія и Константина. се слышавъ Левъ. въ скорѣ посла ꙗ. и придоша къ ѿрѣ и рѣ има ѿрѣ. Се прислазася ко мнѣ Словенската земля. просаще оучителя себѣ. иже бы. могъ имъ ѿтолковати стѣи книги. сего бо желаютъ. и оумолена быста ѿрѣмъ. и послаша ꙗ въ словенскую землю. къ Ростиславу и Стополку. и Коцѣлови. сима же приидѣшима. начаста съставляти писмена. азъбуковната словенскы. и преложиста аѿлѣ и ебуаѿне. и ради быша Словѣнѣ. ꙗко слышаша величыа быта своимъ ꙗзыко. по семь же преложиста. плѣрѣ. и ѿктайкѣ. и прочаи книги. Нѣднѣ же наша хулити словенскыи книги гѣще. ꙗко не достоинъ ни которому же ꙗзыку имѣти буквѣ своихъ. развѣ еврѣи и грѣкѣ. и Латинѣ. по пилатову писанию. еже на крѣтѣ гѣи написа. се же оуслышавъ папезѣ Римскыи похули тѣхъ. иже ропщю на кныкы словѣнскыи рѣка да са исполнѣ книжное словѣ. ꙗко въсхвалятъ ба вси ꙗзыци. другое же вси възгѣютъ ꙗзыкы различныи величыа быта ꙗко дасть и стѣи дѣхъ ѿвѣщевати. да аще кто хулитъ словенскую грамоту да буть (=буть) ѿлучени ѿ цѣркве. дондеже ѿсправатса. ти бо суть воци а не ѿвѣцѣ. ꙗже достоинъ ѿ плодъ познати ꙗ и хранитса ихъ. выже чада божиа послушайте оучениа и не ѿринете наказаниа цѣрковнаго. ꙗкоже вы наказатъ Мефедий оучитель вашъ. Константинъ же възвратиса въспать. и иде оучитъ болгарска ꙗзыка. а Мефедий ѿста въ Моравѣ. По семь же Коцѣль князь постави Мефедий еѿпа въ Па(но)нѣи. на мѣстѣ стѣго аѿла Андроника. единого ѿ .о. оучника стѣго аѿла Павла. Мефедий же посади .б. попа борзописца велми и преложѣ вса кныкы исполнѣ ѿ грѣцка ꙗзыка въ словѣнскѣ. шестью мѣцѣ. наченъ ѿ марта мѣца. до дванадесату. и .ѣ. днѣи ѿкѣбра мѣца. ѿкончавъ же достойную хвалу. и славу бу въздасть. дающему таку блѣтъ. еѿпу Мефедью настоянику Андроникову. тѣмъ же словѣнску ꙗзыку есть оучитель Андроникъ аѿлѣ. Моравѣ бо доходилъ....»

Связь этого сказанія съ Паннонскими житіями доказывается даже дословнымъ повтореніемъ въ немъ нѣкоторыхъ выраженій. Тѣмъ не менѣе въ немъ находимъ и кое-что новое. Самое важное, это 1) извѣстіе, что уже по приходѣ въ Моравію Константинъ и Мефодій «начаста съставляти писмена азъбуковната словѣнскы», и 2) извѣстіе о путешествіи Константина философа въ Болгарію:

«Константинъ же възвратиса възспать и иде оучить Болгарьска языка, а Меѳедии шста въ Моравѣ». Первое изъ этихъ двухъ показаній, конечно, могло образоваться вслѣдствіе простаго сокращенія сказанія житія, — въ то время, когда не могли считать важнымъ, гдѣ именно Константинъ Философъ придумалъ свою азбуку. Второе показаніе очевидно есть фактъ совершенно новый, который не могъ не казаться важнымъ и для нашего лѣтописца.

Въ нѣкоторой связи съ Паннонскими житіями находятся и краткія житія Константина Философа и Меѳодія, помѣщаемыя въ такъ называемыхъ Прологахъ; но въ нихъ есть и много новаго о Константинѣ и Меѳодіи. Изъ этихъ краткихъ житій прежде другихъ надобно вспомнить то, которое находится въ болгаро-сербскихъ Прологахъ, подъ 25-мъ августа. Вотъ что читается въ немъ: «Въ тижь день. памать въ святыхъ по истинѣ прѣподобною отъцоу нашею и архиепископоу Моравьскою Костандина нарицаемаго Кирила философа. и Методіа брата его. оучителя сѣща словеньскомуу языкоу. и творить же са памать юю .5. априль мѣсеца... Сый оубо блженый прѣпобный ѿць ншь Методіе арїєпїъ вышнѣ ж Моравы. бра сѣщъ прѣпобнаго Кирила философа прьвааго оучителѣ словѣньскихъ кнїгъ... прошедша же вса прѣжрѣныѣ землѣ. и въ Моравѣ наоучыше оученикы и поѣмша ж въ Римъ идоста Римлѣне же дѣло юю сто и аплко нарекше поставиша презвитерѣ Словѣньскыѣ оученикы. абнѣ же починоу. блженый Кирилъ. Андрїанъ же папѣж Римьскы постави и архїєпїа блжнааго Методіа на столь Андроника апла. Паноньскыѣ ѿласти идеже оуча многыѣ напасти и пакости прѣтрыпѣ. ѿ съпржческы кїпѣ и презвитерѣ. противашїхъ са правѣи вѣрѣ по изблженію Глигорѣ диѿлога. сѣдѣше въ земліи Моравьстѣи прѣложи вса .3. кнїгъ. ветхаго и новааго закона ѿ грѣьскаго. въ словѣньскыи въ .л. 1) кндикѣ. въ .5. тноѣ. триста .д.го ста третѣ лѣто. при Стополца князь и прѣ бѣше грѣьскыи Василик 2). а Бльгаромъ ѿ Бѣ князь Борысѣ. краль нѣмечьскыи люмъ 3)» (см. Свѣд. и зам. III).

Въ другихъ Прологахъ читаются другія житія, довольно отличныя. Вотъ что между прочимъ читается въ житіи Константина подъ 14-мъ февраля:

1) .г. а не .д.

2) Василїй Македонскїи.

3) Карлъ Толстый.

«Въ тѣ днѣ памѣ прѣбнаго оца наше Кюриза философа. и оучѣла словеньска... Иде въ Мораву. и многы наоучи вѣровати Хви. и Замбриа еретика мѣтвоею оумори. иже наоучи оуби(ти). стго по се иде в Болгары проповѣдаи Ха. тако же и въ словѣнѣи пришедъ вса гра наоучи и по Дунаю вѣрѣ Хвѣ. и створиша и еѣпа в Канаонѣ градѣ и молиша и да оучить иа свой языкѣо книгѣ. он же постився м. днѣи къ Бу молас. и написа и .л. словъ и .и. и тако наоучи иа книгѣ словѣнскѣи языкѣо. и сего ра словеньскѣи оучѣл (нареченъ). И тако поживъ и чюса створи. въ старостѣ добрѣ къ гу ѿиде и погребенъ бы въ канонѣ градѣ» (по списку П. И. Саввантова).

Въ Житіи Меѳодіа подь 11-мъ мая читаемъ:

«Въ тѣ днѣ памѣ прѣбнаго о. н. Меѳодіа архиеѣпа Моравьска... прѣсакху же Словѣне крѣчениа а Козаре оучителя. а Моравлане еѣпа. а Блгѣре наставника. Взвратившу же са Меѳодию въ Костатинъ градъ. патриархъ же свати и еѣпа и възврати и в Мораву въ градъ Каонъ. и ту многа чудеса створи. Замбрии же нѣкто родомъ Козаринъ. а вѣрою еретикъ начатъ противитиса Меѳодию хула вѣру Хртову... И тако препрѣни быша отъ Меѳодіа створиса чудо велико. Замбрии же расѣдѣса а Съдислава пожре земля и въ прочихъ взгорѣса огнь. и тако разбѣгопаша».

Въ обоихъ житіяхъ поминается еретикъ Замбрій и городъ Канаонъ, Каонъ. Оба эти какъ будто факта явились вслѣдствіе произвольнаго толкованія двухъ тропарей изъ канонѣ Кирилу и Меѳодию, сохранившихся въ спискахъ XI и XII вв. Въ одномъ изъ нихъ: «Копикъ словесъ твоихъ. яко Замбрию пронзгъ кси. Мадиганьсѣи ереси преложьса горько. тѣлесъ телеснааго образа. отъмѣтающьса мавльшаагоса въ плѣтъ Иисуса Евренска» (ср. Числ. XXV, 14).

Въ другомъ:

«Авраамъ друогъш преселеникъ мависа. отъче Куриле въ землю Ханаоньскоу. иже просвѣти словъмъ. нова оучениа въспѣвамъ оѣ наши(хъ)» (Быт. XIII) ¹⁾.

Кромѣ того въ житіи Константина философа помянуто о Болгаряхъ, что Константинъ ходилъ къ нимъ проповѣдая Христа. Отсюда ли взялъ русскій лѣтописецъ это извѣстіе, или оба взяли изъ какого-нибудь древняго источника, это пока можемъ даже до нѣкоторой степени считать равносильнымъ. Еще остается вспомнить объ

¹⁾ Это соображеніе принадлежитъ А. В. Горскому.

одномъ краткомъ житіи, заключающемъ въ себѣ новыя данныя и составленномъ очевидно въ Болгаріи. Оно встрѣтилось пока въ одной рукописи XV—XVI в. и издано въ Извѣстіяхъ 2-го отд. Академіи наукъ, т. VI.

«Мѣа феврваріа .дѣ. днь. Ѳспеніе стго кѣла філѡсофа. Стїи прѣбѡныи ѡць нашъ Куріль. роженіемъ бы ѡ Солѡна града. родѡ съ болгаринъ... Бѣше Іѡаннь патриарь програскыи ересь въздвигнѡль и хоудѡ на стые икѡны. и ѡ стго събора ѡ стола съврженъ бы. Пришь же Костандинъ философъ къ нѣмѡ. и посрами же и поправъ злочѣстивѡю ересь его. пото^ѡ же шѣ въ Брѣгаиницѣ¹⁾ и шбрѣтъ ѡ словѣньскаго языка нѣколико крщенѣ. крѣтивъ ихъ приведе на православнѡю вѣрѣ. и написавъ имъ книги славѣнскыи языко. и сѣ ихъ же шбрати на вѣрѣ хрѣіанскѣ. четыре тысѣще и нѣ...». (по возвращеніи въ Цареградъ изъ своихъ странствій) «тоу обрѣте посланники оу цра ѡ Ратислава кнеза. великыи Моравы. и просеце крѣченіа и оучителя православнѣи вѣрѣ. тогда цремь бы посланъ въскорѣ філѡсофъ съ братѡ его. и шѣшѣ до великыи Моравы. и пріеть бывъ Ратиславѡ кнеземъ. и тоу прѣложивъ книги изъ грѣскыи въ словѣнскыи языкъ. и крѣтивъ ихъ и приведе къ православнѣи вѣрѣ. и наоучивъ ихъ словенскыи книгамъ. И шѣ въ Паноніѣ и тѣ пріеть его Коцѣль кнезь Лѣшскыи и пото^ѡ прѣеть тѡ нѣ оученикъ. и наоучивъ ихъ православнѣи вѣрѣ и словѣнскыи книгамъ... и оувѣвъ же еѣкпѣ о філѡсофѣ. послѣ за нь пріети въ Римъ. філѡсофъ же носе стго Клімента тѣла. пріиде въ Римъ. слышавъ же се папа Римскыи Андрианъ... срѣте его съ чѣстїѡ... послѣдствѡюще же емѡ оученици філѡсофовы ѡ Паноніѣ и ѡ Моравы. повелѣнїѣ же падинѣ ѡсѣчени быше ѡ двою еѣкпѣ. фѡрмѡса и Кѡнѣдраха. и пото^ѡ въспрїемъ мнишьскыи шбразъ и тогда нарѣнъ бы Куріль. Въ тѡ же мнишьстѣмъ шбразѣ прѣбѡи нѣ днен. и оувѣдѣвъ о своѣ прѣставленіи. и призвавъ оученика своего: ѣже бы еѣкпѣ въ Ликии. Саввѡ и Аггелара. горазда Назма²⁾. и сѣхъ оувѣщавъ о православнѣи вѣрѣ прѣда^ѡ дѣхъ свои въ рѡцѣ ба жива».

Нельзя оспаривать, что это краткое житіе есть извлечение изъ Паннонскаго житія, но съ нѣкоторыми добавленіями по другому

¹⁾ Рѣка въ горахъ Македоніи, впадающая въ Вардаръ и омывающая край между Велесомъ и Кротовомъ.

²⁾ Недостаетъ Клімента.

источнику, по какому именно—неизвѣстно. Болѣе другихъ важны показанія: 1) о томъ, что Константинъ философъ прежде всѣхъ своихъ подвиговъ крестилъ Славянъ, жившихъ у Брѣгальницы и написалъ имъ славянскія книги; 2) что при его смерти въ Римѣ были его ученики: Савва, Ангеларъ, Гораздъ, Наумъ, и что первый былъ уже епископомъ въ Ликии ¹⁾.

Здѣсь же мѣсто сказать и о древнихъ воспоминаніяхъ о жизни и подвигахъ Константина философа и Меодія, которыя сохранились на языкахъ латинскомъ и греческомъ.

На латинскомъ сохранилось *Vita cum translatione S. Clementis*, написанная, какъ думаютъ, не позже XI вѣка; она издана въ *Acta Sanctorum* (Болландистовъ) *Martii* 11. стр. 19—21, и долго считалась главнымъ источникомъ свѣдѣній о Константинѣ философѣ. Сличеніе этого житія съ Паннонскимъ житіемъ доказываетъ, что и оно есть извлеченіе изъ житія Паннонскаго. Вотъ что въ немъ сказано между прочимъ:

По возвращеніи философа въ Константинополь (изъ путешествія въ Херсонесъ), Ростиславъ, князь Моравскій, послалъ пословъ къ тому же императору (Михаилу), объясняя, что народъ его отступилъ отъ идолопоклонства и желалъ бы исполнять законъ христіанскій, но не имѣетъ такого учителя, который бы научилъ его читать и понимать законъ, а потому и проситъ прислать такого человѣка въ его землю, который бы могъ объяснить народу вѣру, чинъ закона Божія и путь истины. Императоръ призвалъ къ себѣ помянутаго философа и послалъ его туда, то-есть, въ землю Славянъ, вмѣстѣ съ братомъ его Меодиємъ. Когда они туда пришли, жители очень обрадовались, узнавши, что они принесли съ собою и мощи св. Климента, и Евангеліе, переведенное на ихъ языкъ помянутымъ философомъ (*et Evangelium in eorum linguam a philosopho praedicto translatum*). (Братья) немедленно приступили къ дѣлу, начали учить дѣтей грамотѣ (*litteras edocere*), службѣ церковной (*officia ecclesiastica*) исправлять ихъ заблужденія. Они пробыли въ Моравіи четыре съ половиной года, наставили народъ въ вѣрѣ православной (*in fide catholica*) и оставили тамъ всѣ писанія (*omnia scripta*), нужныя для церковной службы (*ad ecclesiae ministerium necessaria*). Услыша все это, папа Николай пригласилъ

¹⁾ Есть еще «Слово Курила Словенца Солунскаго философа Бугарскаго» (*Гласник*, VIII, 146—147): самъ говоритъ о себѣ и такое, что едва ли къ чему можетъ годиться.

силъ ихъ къ себѣ, и они отправились въ Римъ съ нѣкоторыми учениками, которыхъ считали достойными полученія епископскаго сана. Адрианъ II, заступившій мѣсто Николая, услыша, что Философъ несетъ съ собою мощи блаженнаго Климента, встрѣтилъ его съ великою честью. Философа и брата его, Меодія, посвятили въ епископовъ, а учениковъ ихъ въ просвитеровъ и діаконовъ. Когда же Константинъ Философъ почувствовалъ приближеніе смерти, онъ, по согласію папы, принялъ имя Кирилла и черезъ сорокъ дней (*post quadraginta dies*) скончался 16 календъ марта ¹⁾, и по настоянію римскаго духовенства былъ погребенъ въ церкви св. Климента.

Изъ добавленныхъ извѣстій здѣсь самое важное, что и Кириллъ будто бы посвященъ былъ въ санъ епископа.

Другое замѣчательное сказаніе о жизни и подвигахъ Кирилла и Меодія есть моравская *Legenda B. Cyrilli et Methodii patronorum Moraviae*; издана также въ *Acta Sanctorum* и потомъ Добровскимъ (*Mährische Legende. Prag. 1826*). И она не можетъ не быть названа извлеченіемъ изъ Паннонскихъ житій. Вотъ что читаемъ въ ней:

Князь Моравскій послалъ къ императору Михаилу пословъ, прося его прислать для народа своего истиннаго учителя, который бы объяснилъ ему подлинную вѣру, чинъ закона и путь истины. Императоръ послалъ помянутаго философа съ братомъ его Меодіемъ, и вышедши философъ пришелъ прежде къ Болгарамъ, которыхъ и обратилъ къ вѣрѣ (*egressus vero venit primo ad Bulgaros, quos divina cooperatrice gratia sua praedicatione convertit ad fidem*). Оттуда пришелъ въ землю Моравскую, неся съ собою мощи св. Климента, и сталъ стараться исправлять ихъ заблужденія, проходилъ съ братомъ своимъ города и веси, уча народъ получать отпущеніе грѣховъ посредствомъ крещенія... Они потомъ излагали народу Ветхій и Новый Заветъ, и многое переведя съ греческаго и латинскаго, ввели въ церковное служеніе на славянскомъ языкѣ пѣніе часовъ и службъ (*plura de graeco et latino transferentes, in Slavonica lingua canonicas horas et missas, in ecclesia dei publice statuerunt decantare*). Они остались въ Моравіи четыре съ половиною года. Папа Николай, услышавъ обо всемъ этомъ, то-есть, объ обращеніи народа Болгаріи и Моравіи, объ открытіи мощей св. Климента, и удивясь, съ другой стороны, какъ Константинъ и Меодій осмѣлились (*ausi fuissent*) пѣть часы

¹⁾ Въ февралѣ иды 13-го ч.; дней въ февралѣ 28-го; 16-й день до календъ будетъ 14-е февраля.

по славянски, потребовалъ ихъ къ себѣ. Они пришли въ Римъ уже по смерти Николая. Папа Адрианъ принялъ ихъ съ честью, потому что они принесли мощи св. Климента; но и онъ, и другіе отцы (*apostolicus et reliqui rectores ecclesiae*) напали на св. Кирилла, какъ онъ осмѣлился допустить службу на славянскомъ языкѣ (*si quis ausus fuerit canonicas horas in Slavonica lingua statuere*); св. Кириллъ защищался (приводятся его собственныя рѣчи), и получилъ позволеніе въ земляхъ, которыя обратилъ, на означенномъ языкѣ часы и службы исполнять (*statuerunt supra dicto sermone in illis partibus, quas b. Cyrillus Deo adquisierat, et sicut statuerat, canonicas horas cum missarum solemnibus ita debere deinceps celebrari*). Кириллъ отказался отъ епископства (*episcopatum renuncians*), принялъ монашество и оставилъ послѣ себя брата своего Меѳодія. Но діаволь, стараясь людей отвлечь отъ Христа, возбудилъ крамолу. Святополкъ, сдѣлавшись княземъ Моравскимъ по смерти дяди (Ростислава), допустилъ притѣснять Меѳодія и его паству. Меѳодій пошелъ въ Римъ, думая блаженнаго Кирилла съ собой привести назадъ (*volens beatum Cyrillum secum reducere*), но нашелъ его мертвымъ и долженъ былъ согласиться на погребеніе его въ церкви св. Климента. Святополкъ просилъ Меѳодія возвратиться назадъ, и Меѳодій возвратясь принять былъ съ радостью. Онъ потомъ окрестилъ чешскаго князя Боривоя, послѣ чего приняла крещеніе и супруга его св. Людмила.

Почти то же самое, только другими словами, повторено въ легендѣ о св. Людмилѣ: св. Кириллъ,—сказано въ ней между прочимъ,—наученный вполне греческимъ и латинскимъ письменамъ (*apicibus*), обративши къ вѣрѣ Христовой Унгарію (*Ungariam*), пришелъ въ Моравію и не мало народа привлекъ къ себѣ. Изобрѣтши новыя письмена (*inventis novis apicibus sive literis*), перевелъ съ греческаго и латинскаго языка на славянскій (*in Slavonicum idioma*) Ветхій и Новый завѣтъ и многія другія писанія (*pluraque alia*), установивъ пѣть по славянски обѣдню и часы (*missas ceteras que canonicas horas resonare Slavonica voce in ecclesia statuendo*), что и доселѣ совершается въ Унгаріи и во многихъ другихъ земляхъ славянскихъ.

Здѣсь является Унгарія-Венгрія или вмѣсто Панноніи, или же вмѣсто Болгаріи.

Въ ряду извлеченій изъ Житія Константина Философа можно вспомнить мѣсто изъ хроники безыменнаго пресвитера Диоклейскаго (у Швандтнера *Scriptores regum Hungaricarum*). Въ ней отмѣчено,

что Константинъ изъ земли Къзарской (Caesarea) пошелъ въ Булгарію, обратилъ къ христіанству весь народъ Болгарскій (*totam gentem Bulgarinorum*)... Въ княженіе Святиполка папа Стефанъ послалъ письмо къ Константину Философу (*doctorem*), призывая его къ себѣ, такъ какъ слышалъ, что онъ обратилъ своею проповѣдью множество народа. И тамъ святой мужъ Константинъ опредѣлилъ пресвитеровъ, и оставилъ письмо для славянскаго языка (*litteram lingua Slavonica compositam*), перевелъ (*commutavit*) Евангеліе и Псалтырь и всѣ божественныя книги Ветхаго и Новаго Завета съ греческаго письма (*de Graeca litera*) на славянское, установивъ и обѣдню (*missam*) по обряду Грековъ (*more Graecorum*). Ида же въ Римъ, прошелъ княжество Святиполка, принять былъ имъ съ честью, сталъ проповѣдывать Евангеліе и вѣру въ св. Троицу, обратилъ Святиполка... и потомъ отправился въ Римъ. Въ монашествѣ онъ получилъ имя Кирилла.

На греческомъ языкѣ не сохранилось ни одного житія ни Константина Философа, ни Меодія, а довольно большое сказаніе объ ихъ подвигѣ вошло въ Житіе св. Климента, епископа Болгарскаго, ихъ ученика (*βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν κλήμεντος ἀρχιεπισκόπου βουλγάρων*). Оно издано, между прочимъ, и съ русскимъ переводомъ въ Матеріалахъ для исторіи письменъ (изд. Московск. университетомъ въ 1855 г.), а также Миклошичемъ (*Vita s. Clementis Vindobonae* 1847); еще ранѣе Амвросіемъ Пампромъ (въ Вѣнѣ въ 1802 г.) и еще ранѣе въ Москвополѣ. Это житіе въ самомъ заглавіи приписано Болгарскому архіепископу Теофилактѣ (1107 г.), но оно написано ранѣе, какъ очевидно изъ того, что въ немъ говорится о св. Климентѣ.

„Болгарскую страну“ — сказано тамъ — „просвѣтили въ послѣднія времена (*ἐν τοῖς ἐσχάτοις καιροῖς*) блаженные отцы и учителя, сіявшіе ученіемъ и чудесами. Меодій украсилъ епархію Паннонскую, будучи архіепископомъ Моравскимъ; а Кириллъ, будучи великъ въ любомудріи внѣшнемъ, еще болѣе великъ былъ въ любомудріи внутреннемъ. Такъ какъ Славянское племя или Болгарское (*τὸ τῶν θλοβενῶν γένος εἶτ οὖν βουλγάρων*) не разумѣло писаній, изложенныхъ на языкѣ Еллинскомъ... они изобрѣтаютъ славянскія письмена (*ἐξευρίσκειοσι μὲν τὰ σθλοβενικά, γράμματα*), переводятъ богодохновенное Писаніе съ еллинскаго на болгарскій (*εἰς τὴν βουλγαρικὴν*) и стараются о томъ, чтобы ревностнѣйшимъ изъ учениковъ передать божественное ученіе. И не малое число людей піло отъ источника ихъ ученія. Изъ нихъ вождями скита были Гораздъ, Климентъ, Наумъ, Ангеларій и Савва... Они спѣшатъ въ Римъ, чтобъ

показать блаженному папѣ трудъ своего перевода Св. Писанія. Адрианъ, услышавши о ихъ пришествіи, возрадовался и вышелъ во срѣтеніе святымъ.... Взявши переведенныя ими книги, онъ принесъ ихъ къ жертвеннику, а мужей въ церкви провозгласилъ апостольскими... Потомъ изъ числа сопутствовавшихъ святымъ свѣдущихъ въ грамотѣ славянской (σθλοβενικῶν γραμμάτων ἰκανὴν παῖραν) сдѣлалъ пресвитерами, діаконами и иподіаконами. Самого же великаго Меѳодія рукоположилъ въ епископа Панноніи Моравской (Μοράβου τῆς παννονίας), а Кирилла призываетъ во святая святыхъ. Св. Кириллъ, какъ будто бы ему назначено было пребывать во плоти на столько времени, чтобъ изобрѣсть письмена и сдѣлать переводъ Св. Писанія, переселяется къ Богу, принявъ передъ смертью образъ монашескій, и погребенъ въ церкви св. Климента. Меѳодій же, прибывши въ Моравію, былъ истиннымъ епископомъ. Не переставалъ и Ростислава, кн. Моравскаго, вразумлять, направляя душу его къ заповѣдямъ божіимъ, поучалъ и Коцела, бывшаго правителемъ всей Панноніи (τὸν τῆς πανονίας συμπάσης κράτοῦντα κοτζέλης). Кромѣ того Болгарскаго князя Бориса (τὸν τῶν βουλγάρων ἄρχοντα βορίσην), жившаго во время Греческаго императора Михаила, еще прежде (πάλαι) сдѣлавши чадомъ своимъ и плѣнивши его отечественнымъ своимъ языкомъ (τῆς οἰκείας γλώσσης) во всѣхъ отношеніяхъ прекраснымъ, въ это время непрестанно осыпалъ дарами поученій. При этомъ Борисъ и народъ Болгарскій (τὸ τῶν βουλγάρων ἔθνος) началъ просвѣщаться св. крещеніемъ въ то время, когда св. мужи Кириллъ и Меѳодій, увидѣвши, что вѣрущихъ множество, а пищи духовной для нихъ совсѣмъ недостаетъ, изобрѣли письмена (γράμματα ἐξέδουοντο) и переложили Св. Писаніе на болгарскій языкъ (ἐπὶ τὸ βουλγαρικόν). Такимъ образомъ Болгарскій народъ, оставивъ скиѣское заблужденіе, вошелъ въ вертоградъ божественный. Призваніе этого народа послѣдовало въ лѣто отъ сотворенія міра 6377. Великій Меѳодій не переставалъ дѣлать князьямъ (τοῖς ἄρχουσι) наставленія всякаго рода... И тогда уже были люди, которые хотѣли преобразовать и измѣнить догматы, постановленные отцами нашими въ церкви Божіей; и порчею, введенною Франками (ὑπὸ τῶν φράγγων), многіе заразили свои души, утверждая, что Сынъ рожденъ отъ Отца, а Св. Духъ исходитъ отъ Сына. Противъ нихъ возсталъ св. Меѳодій и многихъ привелъ въ послушаніе Христово. Но секта еретиковъ все болѣе старалась угнетать святаго. Они и Святополка, сдѣлавшагося послѣ Ростислава владѣтелемъ

Моравіи, уловивши лестью, совершенно подчинили своему ученію... Меодій предалъ духъ ангеламъ, со славою занимавши архіерейскую кафедру 24 года ¹⁾. Умирая онъ оставилъ до 200 пресвитеровъ и иподіаконовъ въ церквахъ своей епархіи. Между ними первое мѣсто занимаетъ Гораздъ“.

И въ этомъ сказаніи видится повтореніе того же, что внесено въ Паннонскія житія, только съ прибавленіями, изъ которыхъ самыя важныя касаются обращенія Болгаръ. Упомянутыя о Болгарахъ и раздѣляютъ всѣ вышеупомянутыя сказанія на два порядка: въ однихъ ихъ нѣтъ, въ другихъ есть.

Къ жизнеописнымъ воспоминаніямъ о Кириллѣ и Меодіи изъ славянскихъ памятниковъ прибавить можно очень немногое. Въ ряду этого немногаго надобно дать мѣсто свидѣтельству Іоанна, экзарха Болгарскаго, жившаго при Борисѣ-Михаилѣ и сынѣ его Симеонѣ (до 907 г. и послѣ). Въ прологѣ къ переводу Богословія Іоанна Дамаскина (сохр. въ спискѣ XII в.) читаемъ:

Святѣи челоувѣкъ бжїи кѣстатинъ философъ река многы тroudы приа строи письмена словѣнскихъ книгъ и отъ евангелиа и Апѣа прѣлагаа изборъ... съ сими же сы и оставъ ко въ житии семь великѣи бжїи архиепискоупъ Меодии братъ ко прѣложн вса оуставънѣа кѣнигы ꙗ отъ елинска азѣка въ словѣнскѣ. Азъ же се слыша многажды хотѣвъ окоусити оучительскаа съказаниа готова прѣложити въ Словѣнскѣ азѣкъ.

Нельзя также опустить первую стихирю въ службѣ св. Меодію по списку, найденному В. И. Григоровичемъ:

Законъ бл҃гѣи наказателѣ стажавси. ст҃лю Меодик. тѣмъ ꙗбо бы ст҃мъ боуквамъ прѣмждръ шбратникъ. и прѣдалъ еси своимъ людемъ и стадѣ ѹченикѣ ихъ. ими же чт҃ще и побчаще са въ ст҃ѣа книгы блвѣтъ г҃ѣ. блажим та достойно.

Ни здѣсь, ни въ такомъ другомъ древнемъ памятникѣ слово *обратникъ* не означаетъ буквъ въ нынѣшнемъ смыслѣ, а соотвѣтствуетъ нынѣшнему смыслу слова книга; слѣдовательно, и Меодій названъ здѣсь премудрымъ обратникомъ святыхъ буквъ — только въ смыслѣ переводчика св. книгъ: *обратникъ* то же, что *μεταφράστης*.

Всѣ другія сказанія славянскія, за исключеніемъ прежде всѣхъ другихъ здѣсь отмѣченнаго свидѣтельства монаха Храбра, должно

¹⁾ Изъ этого должно слѣдовать, что Меодій умеръ въ 885 г., сдѣлавъ епископомъ въ 861 году, за 6 лѣтъ до кончины Кирилла (869).

считать позднѣйшими передѣлками древнихъ вышеозначенныхъ сказаній, а потому они не могутъ имѣть здѣсь мѣста.

Изъ сказаній латинскихъ также немногія въ прибавленіе къ предыдущимъ могутъ быть признаны древними.

О письменахъ славянскихъ св. Кирилла говорится въ сказаніи о монастырѣ Сазавскомъ, включенномъ въ чешскую хронику Козьмы Пражскаго, что пустынный Прокопій, родомъ Чехъ, жившій во время Одалрика (во второй четверти XI в.), былъ хорошо наученъ (*ad modum imbutus*) славянскимъ письменамъ, св. Кирилломъ когда-то изобрѣтеннымъ и установленнымъ (*Slavonicis litteris a sanctissimo Quirillo episcopo quondam inventis et statutis*).

О подвигѣ Меодія находимъ свѣдѣнія въ древнемъ сказаніи de conversione Vagoariorum et Carantavorum, въ хроникѣ Зальцбургскихъ архіепископовъ (у Копитара *Glagol. Cloz. LXXV*), подъ г. до 865, при описаніи временнаго архіеп. Адалвина:

Нѣкто Грекъ, именемъ Меодій, послѣ того, какъ вновь изобрѣтены были славянскія письмена (*noviter inventis Sclavinis litteris*) отвергнуши (*superducens*) языкъ латинскій и ученіе римское, а равно и книги признанныя (*litterae auctoriales*), привелъ въ униженіе (*vilescere fecit*) во всемъ народѣ Славянской земли (*supra populo ex parte „Slavogum“*—прибавляетъ по догадкѣ Добровскій) обѣдню и Евангеліе и церковный чинъ тѣхъ, которые держались латинскаго обряда (*qui hoc Latine celebraverunt*). Ученіе Меодія называетъ этотъ лѣтописецъ новымъ ученіемъ Меодія философа (*nova doctrina Methodii philosophi*).

О Меодіи находится еще замѣтка въ хроникѣ Сплетской (Сплатрской) епархіи Θомы архидіакона (выписки см. у Фарлати *Illyria Sacra, III*). Разказывая о соборѣ 925 года, Θома говоритъ, что готскія письмена были найдены какимъ-то еретикомъ Меодіемъ, который противъ устава католической вѣры много написалъ (*dicebant enim gothicas literas a quodam Methodio haeretico repertas, qui multa contra catholicae fidei normam in eadem Slavonica lingua mappenda conscripsit*).

Готскими буквами названы здѣсь славянскія, вѣроятно, только въ смыслѣ еретическихъ (аріанскихъ).

Всѣ вышеприведенныя извѣстія о Константінѣ Философѣ и Меодіи, какъ ни древни, не могутъ сами по себѣ считаться отдѣльно каждое достовѣрными. Ихъ значеніе увеличивается взаимнымъ соглашеніемъ показаній. При этомъ сличеніи очень важны современныя

граматы, и такихъ граматъ сохранилось нѣсколько, именно папскихъ посланій, папъ Іоанна VIII и Стефана VI. Изъ нихъ узнаемъ, что въ 875 году папа Іоаннъ VIII защищалъ Меоодіа. Въ одномъ изъ посланій своихъ къ королю Карломану онъ утвердилъ за братомъ Меоодиємъ, по старому обычаю, свободно управлять епархіей Паннонскою, а въ другомъ, къ князю Монтемеру, предложилъ ему быть подъ пастырскимъ вѣдѣніемъ епископа (Меоодіа) (*Regesta Bohemiae et Moraviae I*, стр. 16). Но позже обстоятельства измѣнились. Въ посланіи къ Святополку, князю Моравскому, 879 года, узнавъ отъ пресвитера его Іоанна, что его народъ сомнѣвается въ правой вѣрѣ, „онъ предложилъ держаться вполнѣ устава Римской церкви, а Меоодіа архіепископа, поставленнаго его предшественникомъ Адрианомъ, и имъ самимъ утвержденнаго, звалъ къ себѣ на судъ, услышавъ, что Меоодій учить не такъ, какъ высказалъ свое исповѣданіе передъ Римскимъ престоломъ (*Regesta*, 16, 17). Тогда же (18-го іюня 879 г.) Іоаннъ VIII писалъ и къ самому архіепископу Меоодію, призывая его къ себѣ для отвѣта, дѣйствительно ли онъ не иначе учить, чѣмъ повелѣваетъ Римская церковь. „Слышимъ такъ же, что ты поешь обѣдни на варварскомъ славянскомъ языкѣ (*quod missos cantes in barbara hoc est in Slavica lingua*), и запрещаемъ тебѣ на этомъ языкѣ служить обѣдню (*ne in ea lingua sacra missarum sollempnia celebrares*), а (позволяемъ) на языкѣ латинскомъ или греческомъ“ (*Regesta*, 17). Въ слѣдующемъ году (880 въ іюнь) папа Іоаннъ VIII отправилъ вновь посланіе къ Святополку. Изъ этого посланія узнаемъ, что Меоодій исполнилъ волю папы, былъ у него въ Римѣ, былъ допрашиваемъ, такъ ли вѣруетъ и такъ ли совершаетъ службу, какъ повелѣваетъ Римская церковь, признанъ православнымъ и потому посланъ назадъ въ Моравію съ прежнимъ почетомъ, какъ архіепископъ, съ тѣмъ чтобы вновь назначенный на Нитранскую епископію епископъ Вихинъ былъ ему подчиненъ, чтобы присланъ былъ и еще одинъ пресвитеръ или діакопъ для посвященія въ епископы въ какой-нибудь другой городъ Моравіи, и чтобъ все духовенство Моравское было подчинено Меоодію архіепископу. вмѣстѣ съ тѣмъ папа прислалъ письмо славянское, найденное прежде Константиномъ Философомъ (*litteras denique Sclaviniscas, a Constantino quondam philosopho repertas, quibus deo laudes debite resonant, jure laudamus*), и повелѣлъ на славянскомъ языкѣ излагать благовѣстія и дѣянія Господа нашего Иисуса Христа, признавая справедливымъ пѣть обѣдни на славянскомъ

языкъ, читать св. Евангеліе и божественныя чтенія Новаго и Ветхаго Завѣта, хорошо переведенныя, и пѣть всѣ другія службы часовъ (*sive missas in eadem Sclavinica lingua canere, sive sacrum Evangelium vel lectiones divinas novi et veteris testamenti bene translatas et interpretatas legere aut alia horarum officia omnia psallere*). Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ, чтобы во всѣхъ церквахъ земли Моравской, для большей торжественности, Евангеліе читалось по латини, а потомъ по славянски для народа, не понимающаго по латини, такъ, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ церквахъ (*jubemus tamen, ut in omnibus ecclesiis terrae vestrae propter majorem honorificentiam evangelium latine legitur, et post modum Sclavinica lingua translatum in auribus populi, latina verba non intelligentis adnuncietur, sicut in quibusdam ecclesiis fieri videtur*) (Regesta, 17—18). Изъ посланія папы Іоанна VIII къ Меѳодію отъ 23-го марта 881 г. видно, что Меѳодій писалъ ему о бѣдствіяхъ, имъ претерпѣваемыхъ, и что папа, хваля его за вѣрность правѣ вѣрѣ и увѣщевая его крѣпиться, хотѣлъ его увѣрить, что готовъ сдѣлать со своей стороны все, что будетъ съ его стороны возможнымъ для его поддержанія, и это подчинялъ условію пріѣзда Меѳодія въ Римъ вмѣстѣ съ епископомъ, съ нимъ враждующимъ (Вибингомъ), для обоюднаго ихъ объясненія (Regesta, 18—19). Есть еще одно папское посланіе, папы Стефана VI, къ Святополку, относимое къ 890 году, вѣроятно подложное, но современное, поддѣланное Викингомъ или кѣмъ нибудь изъ его круга (Regesta, 20—21): въ немъ папа запрещаетъ служеніе на славянскомъ языкѣ (*divina autem officia et sacra misteria ac missarum solemnia, quae idem Methodius Sclavorum lingua celebrare praesumpsit, quod ne ulterius faceret sub anathemate vinculo intercidimus*), дозволяя только изложеніе Евангелія и Апостола простому народу (*scepto quod ad simplicis populi et non intelligentis aedificationem attinet, si evangelii vel apostoli expositio ab eruditis eadem lingua annuncietur, et largimur et exhortamur*)¹⁾.

¹⁾ Къ этимъ главнымъ оофициальнымъ свѣдѣніямъ можно еще прибавить, что сохранились Responsa (папы) ad consulta Bulgarorum (*Harduin, Act. V. 383*), относящіяся къ 866 г. Изъ нихъ видно, что христіанская вѣра проповѣдывалась въ Болгаріи различно между прочимъ Греками и Армянами, соединяясь съ разными нехристіанскими обычаями и суевѣріями. Въ 878 г. апрѣля 16-го Іоаннъ VIII писалъ Борису-Михаилу, упрощивая его покориться Риму, — о томъ же онъ же Петру Болгарскому, — Игнатію патриарху, прося уступить Болгарію Риму—

Изъ прежде указанныхъ свидѣтельствъ мы получаемъ нѣсколько показаній о времени событій.

Къ 855 году относится время изобрѣтенія славянскихъ нисыменъ Константиномъ Философомъ по сказанію монаха Храбра, если только годъ 6363 считать соотвѣтствующимъ обыкновенному византійскому счету (5508 лѣтъ отъ сотв. м. до Р. Х.). При этомъ нельзя не замѣтить, что только въ это время, въ 855 или въ 856 году, императоръ Михаилъ (17-ти лѣтъ отъ роду), избавившись отъ опеки матери, сдѣлался независимымъ императоромъ. Кстати припомнить, что Ростиславъ сталъ великимъ княземъ Моравскимъ послѣ Моймира, съ 846 года, что въ 845 г. четырнадцать бояръ чешскихъ приняли крещеніе въ Регенбургѣ при дворѣ короля Людовика, и что до этого еще въ 830 г. принялъ крещеніе Привина, князь Блатанскій; что въ 836 г. была построена церковь въ Нитрѣ, въ 845 въ Салѣ, въ неизвѣстные годы другія церкви. Можно впрочемъ думать еще и такъ, что Константинъ Философъ, за нѣсколько лѣтъ до призыва Ростислава, задумалъ славянское дѣло свое въ 855 году.

Къ 866 году относятся *Responsa ad consulta Bulgarorum*; слѣдовательно, Болгары уже были крещены.

Въ 867 году 13-го ноября умеръ папа Николай, звавшій Константина Философа въ Римъ, а съ 14-го декабря сталъ папою Адрианъ, принявшій Константина Философа. Слѣдовательно, Константинъ Философъ былъ въ Римѣ въ 868 году. Передъ тѣмъ онъ пробылъ въ Моравіи по житію Паннонскому Константина Философа три съ половиной года (40 мѣсяцевъ), три года по житію Меодія, четыре съ половиной года по латинскому сказанію; слѣдовательно, братья прибыли въ Моравію не позже 863—864 года.

Въ 869 г. февраля 14-го Константинъ Философъ, принявши въ монашествѣ имя Кирилла, умеръ 42-хъ лѣтъ отъ роду (Жит. Пан.); слѣдовательно, онъ родился въ 827 году. А такъ какъ ему было 24 года, когда онъ отправился къ Сарацинамъ (по Житію), то значитъ, это должно было случиться около 851 года. Въ слѣдъ за этимъ Константинъ Философъ былъ нѣкоторое время въ покоѣ, а потомъ совершилъ путешествіе къ Козарамъ и затѣмъ уже занялся славянскими буквами, что очевидно, могло быть и въ 855 году. Если, впро-

духовенству греческому о томъ же. Въ 879 въ маѣ извѣстное посланіе Іоанна Борису Михайлу о томъ же. Въ томъ же году въ іюнѣ онъ пишетъ, что послы его уже пріѣхали. Въ 881 г. къ нему же, усозвѣщивая прислать пословъ.

чемъ, принять, что въ 855 г. Константинъ Философъ избрѣлъ славянскія письма, а въ 863—864 былъ въ Моравіи, то гдѣ же провель онъ лѣтъ 8 или 9 до этого?

Въ 869 же году Меодій утвержденъ папою Адрианомъ въ санѣ архіепископа Моравскаго. Къ этому же году должно быть отнесено и то посланіе папы къ Святополку, которое внесено въ славянскомъ переводѣ въ Житіе. Кстати замѣтить, что Ростиславъ, къ которому Адрианъ писалъ свое посланіе, оставался великимъ княземъ Моравскимъ до 870 г., когда, вслѣдствіе войны его съ Нѣмцами, былъ предательски схваченъ и заключенъ, а потомъ и умеръ въ заточеніи, между тѣмъ какъ великимъ княземъ Моравскимъ сталъ его племянникъ Святополкъ. Нельзя еще не замѣтить, что до 869 года Зальцбургскіе архіепископы считали себя хозяевами въ Панноніи, и конечно, хотѣли удержать въ ней свою власть. Папы, напротивъ, могли желать поддержать славянское богослуженіе до времени, пока нужно, чтобы Панноніи не отпала отъ Рима.

Въ 875 г. папа Іоаннъ VIII (сдѣланъ папою въ 872 г. декабря 13-го) подтвердилъ Меодіа на его архіепископіи. Передъ этимъ Меодій (по Житію) два съ половиной года былъ въ ссылкѣ въ Свабахѣ, слѣдовательно, его удаленіе случилось не позже 872 г.

Въ 879 г. Меодій былъ званъ въ Римъ для оправданія, а въ 880 г. былъ онъ вновь утвержденъ, какъ видно изъ папскихъ посланій; слѣдовательно, Меодій былъ опять въ Римѣ въ 879—880 гг. Переводъ Св. Писанія къ этому времени былъ уже конченъ.

Въ 881 г. марта 23-го Меодій былъ вновь званъ въ Римъ; чѣмъ кончилось дѣло—не извѣстно. Вспомнить можно только то, что 15-го декабря 882 г. папа Іоаннъ VIII умеръ, и мѣсто его заступилъ Маринъ; за тѣмъ въ 884 г. (въ августѣ) и Маринъ умеръ, папою избранъ Адрианъ III, умершій въ 886 г., а вмѣсто его избранъ Стефанъ VI.

Въ 885 г. апрѣля 6-го Меодій умеръ.

Въ 890 г. обнародовано посланіе Стефана VI къ Святополку Моравскому съ запрещеніемъ славянскаго богослуженія въ Моравіи. Очевидно, что съ того времени послѣдователи Меодіа должны были удалиться.

Къ этимъ даннымъ можно присоединить еще нѣсколько другихъ для соображенія, — касающихся обращенія Болгарскихъ Славянъ къ христіанству.

Въ 844 году, вслѣдствіе мира Болгарскаго князя Бориса съ Греками, сестра его, долгое время проведенная въ Греціи и принявшая

тамъ христіанство, возвращена была домой, въ замѣнъ бышаго у Болгаръ въ плѣну греческаго монаха Θεодора Куфары. И этотъ монахъ Θεодоръ, какъ утверждаютъ хроника византійскія, поучалъ христіанской вѣрѣ, а еще болѣе содѣйствовала той же цѣли сестра Бориса. Нѣкоторые византійскіе лѣтописцы утверждаютъ даже (см. Зонару), что Борисъ съ Болгарами уже въ это время принялъ крещеніе. И Саксонъ, хронистъ XII вѣка, тоже говоритъ, что Болгары крестились въ 843 году.

Въ 859—860 году Борисъ принужденъ былъ креститься именемъ императора Михаила, для чего къ нему посланъ былъ епископъ. При этомъ нѣкоторые лѣтописцы сообщаютъ, что Борисъ повелѣлъ живописцу монаху Меоодію нарисовать въ своемъ дворцѣ картину страшнаго суда (см. у Стриттера II, 571—572).

Къ этимъ даннымъ прибавить еще нужно, что въ числѣ посланій папы Николая сохранились посланія его къ императору Михаилу и къ патріарху Фотію (860 г. сентября 25-го), въ которыхъ онъ представляетъ архіепископа Солунскаго какъ своего викарія въ Эпирѣ, Иллирии, Македоніи, Фессалии, Ахаіи, Дакии, Месіи, Дарданіи — Превалиса. Вѣроятно, по вліянію папскаго духовенства Борисъ обращался къ Людовику Нѣмецкому о присылкѣ епископовъ въ 864 г., и получилъ двухъ. Въ этомъ же году Болгары, прежде возмутившіеся противъ Бориса за его крещеніе, смирились и обратились. Распри за Болгарію между патріархами и папами, слѣдствіемъ которыхъ былъ полный расколъ церквей, довольно извѣстны. Фотій патріархъ (857—867, 880—886) конечно принималъ въ этомъ участіе, но не онъ одинъ. Императорское правительство было въ этомъ дѣлѣ заинтересовано едва ли не болѣе патріарховъ. Кончилось тѣмъ, что Болгарія окончательно приняла духовенство греческое, а потомъ и славянское, вышедшее изъ Моравіи и Панноніи.

По отношенію къ участію Константина и Меоодія въ обращеніи Болгаръ, едва ли можно сказать что-нибудь очень опредѣлительное. Нельзя положительно отвергать показаній вышеозначенныхъ, особенно показанія житія Климента о Меоодіи; но и подтвердить ихъ другими показаніями тоже нельзя. Во всякомъ случаѣ, кажется, не для чего смѣшивать со св. Меоодіемъ того Меоодія, монаха-живописца, который разрисовывалъ дворецъ Бориса-Михаила.

Видѣть съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что во всѣхъ первоначальныхъ показаніяхъ Константинъ и Меоодій при совершеніи своего подвига имѣли въ виду Славянъ, называвшихся этимъ именемъ, а не

называвшихся именемъ Болгаръ. Это названіе шло не только къ Византійскимъ Славянамъ, но и къ Паннонскимъ и Моравскимъ, носящимъ это имя доселѣ (Slowane).

Въ чемъ же именно заключается славянскій подвигъ Константина Философа и Мееодія?

1. Подвигомъ Константина Философа было изобрѣтеніе славянской азбуки, бывшее въ 855 году или позже до 863 года. Эта азбука, по сказанію монаха Храбра, состояла изъ 38 буквъ, такъ что въ 24-мъ греческимъ прибавлено было 14 новыхъ для славянскаго языка. Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказанія монаха Храбра буквы эти обозначены: б, ж, ѕ, ц, ш, ч, щ, ѣ, њ, ѣ, љ, њ, ѣ, ю, ж, а. Изъ этихъ буквъ возбуждаетъ сомнѣніе только одна щ, которая и въ XI вѣкѣ еще не всегда писалась какъ одинъ сложный знакъ, а раздѣльно (шт), на которую нѣтъ примѣра въ древнихъ спискахъ сказанія Храбра, на которую также нѣтъ и стиха въ стихотворенія=акростихъ Константина епископа. Окончательно впрочемъ признать, что буквы щ не было въ азбукѣ Константина Философа, едва ли можно: съ одной стороны можно предположить, что самъ Константинъ Философъ употреблялъ отдѣльно отъ шт слитное щ въ особенныхъ случаяхъ, какъ ѕ при з; а съ другой стороны трудно и отвѣчать на вопросъ, какая буква могла быть на мѣстѣ щ въ числѣ 14-ти славянскихъ, развѣ оу, на которую стоитъ акростихъ Константина епископа, гдѣ послѣ стиха съ т стоитъ стихъ съ у: упостасъ же всѣякоу цѣлиши, а послѣ стиха съ ю стоитъ стихъ съ оу: Юже понть всѣакъи въздрасът оунъ и старъ своимъ разумомъ; или же у, за которою стоитъ наша пѣвица.

Тѣмъ менѣе можно угадать, каково было именно правописаніе Константина, употреблялъ ли онъ іотированныя гласныя, употреблялъ ли ѣ и вмѣсто я.

2. Второй подвигъ Константина Философа былъ переводъ бого-служебныхъ книгъ, въ томъ числѣ книги евангельскихъ чтеній, книгъ апостольскихъ чтеній, Псалтыря, чиновъ службы. Всѣ эти произведенія сохранились во многихъ спискахъ, тѣмъ болѣе близкихъ, чѣмъ они древнѣе, впрочемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и отличныхъ.

3. Подвигъ Мееодія былъ переводъ 60 уставныхъ книгъ, всего Ветхаго и Новаго Завѣта, кромѣ Маккавейскихъ. Замѣчательно, что этотъ трудъ, по Житію, исполненъ въ шесть мѣсяцевъ съ марта до 26-го октября при помощи двухъ поповъ-скорописцевъ. Этотъ трудъ не сохра-

нился весь, и то, что сохранилось, известно большею частью въ спискахъ не древнихъ.

4. Кромѣ этого, Житіе приписываетъ Меѳодію переводъ Номоканона, отеческихъ книгъ (πατερικά βιβλία). Отысканіе этого древняго перевода еще предстоитъ изслѣдователямъ.

2. О распространеніи христіанской грамотности во время и непосредственно послѣ Кирилла и Меѳодія.

Ни православному славянскому богослуженію въ Великой Моравіи, ни самому великому князю Моравскому не пришлось утвердиться.

О томъ, что было послѣ кончины Меѳодія съ его учениками, есть драгоценныя свѣдѣнія современника въ сказаніи о житіи и дѣяніяхъ Климента Болгарскаго, упомянутомъ уже и выше.

„Еретики не перенесли того, чтобы видѣть Меѳодія и по смерти живымъ себѣ противникомъ. Горазда лишили епископскаго сана, а Вихника, преданнаго Меѳодіемъ съ анаѳемой сатанѣ, возвели на кафедру... Обратились къ Святополку съ клеветой на православныхъ, будто бы они замышляютъ произвести возмущеніе и могутъ возстать противъ его власти, если не будутъ согласоваться въ ученіи съ (отпавшимъ отъ православія) княземъ. Святополкъ призвалъ къ себѣ для объясненія Горазда и Климента, но рѣшилъ тѣмъ, что кто первый придетъ и поклонится, что онъ вѣруетъ истинно и православно, о томъ онъ и будетъ судить, какъ о правовѣрномъ, и тому вручить церковь.

„Франки (Οἱ Φράγγοι) предупредили и выиграли дѣло... Какое слово можетъ изобразить, что послѣ этого сдѣлала злоба, получивши въ свои руки власть. Иныхъ мучили безчеловѣчно, у другихъ расхищали дома, иныхъ нагими волочили по Черновнику, и притомъ престарѣлыхъ, а изъ пресвитеровъ и дьяконовъ тѣхъ, которые были моложе, еретики предавали Жидамъ. Всѣхъ же ихъ было не мало, а до двухъ сотъ считалось однихъ служителей алтаря. Тѣхъ же, которые стояли на степени учителей, какъ Гораздъ, родившійся въ Моравіи и владѣвшій совершенно языкомъ славянскимъ и греческимъ, какъ Климентъ пресвитеръ, Лаврентій, Наумъ, Ангеларій и многихъ другихъ мужей знаменитыхъ заковавши въ желѣза, держали въ темницѣ до тѣхъ поръ, пока, истязавши ударами, отдали воинамъ отвести въ разныя мѣста, прилежавшія къ Истру, далеко за городъ“ (какой—не сказано).

Это было, какъ очевидно, до смерти Святополка, до 894 г. Изъ другихъ свидѣтельствъ о времени болѣе позднемъ, узнаемъ, что послѣдователи славянскаго богослуженія, противники нѣмецкаго духовенства, остались въ Моравіи. Въ числу этихъ свидѣтельствъ принадлежатъ два посланія къ папѣ Іоанну IX 900 г.: одно—Тектиара, Зальцбургскаго архіепископа, другое—Гато, епископа Майнцскаго, въ которыхъ представлены жалобы на бѣдственное состояніе церкви отъ угнетенія ея противниковъ. Въ первомъ изъ этихъ посланій упоминается и новѣй Моравскій архіепископъ Іоаннъ, утвержденный Іоанномъ IX папою, какъ пользующійся этимъ саномъ противно рѣшенію предшествовавшаго папы, возведеннаго въ санъ епископа Вихника.

Какъ бы то ни было, черезъ 13 лѣтъ по смерти Святополка, въ 907 году, вслѣдствіе битвы у Пресбурга, Моравское великое княжество пало: западная часть его отошла къ Нѣмецкому королю, а восточная досталась во власть Мадьярамъ—Венграмъ. Нельзя отвергать, что и послѣ этого важнаго событія славянское богослуженіе, между прочимъ, въ Венгріи еще удерживалось; можетъ быть, даже и долго, какъ въ странѣ, гдѣ духовенству латинскому преслѣдовать своихъ противниковъ было труднѣе, чѣмъ на западѣ.

О богослужебномъ употребленіи славянскаго языка въ землѣ Чешской есть нѣсколько данныхъ. Князь Чешскій Боривой и жена его княгиня Людмила приняли христіанство отъ Меѳодія, какъ свидѣтельствуется между прочимъ и Козьма Пражскій (*Bogziwoy—baptisatus est a venerabili Metudio episcopo in Moravia, 23*). Людмила причтена была къ лику святыхъ, и память ея нашею церковью празднуется до сихъ поръ 16-го сентября.

Сынъ Боривоя, Вратиславъ, ему наслѣдовавшій послѣ смерти брата своего Спигиѣва, женатый на Драгомирѣ, княжнѣ Лютицкой, имѣлъ двухъ сыновей, Вячеслава и Болеслава. О Вячеславѣ сохранились очень любопытныя сказанія и на латинскомъ, и на славянскомъ языкахъ. Особенно важно по древности и по содержанію Сказъ или Сказаніе о убіеніи св. Вячеслава, найденное Востоковымъ (см. Филологическія наблюденія Востокова, мною изданныя, II, стр. 91 и слѣд.). Въ немъ читаемъ между прочимъ:

„Нача отрокъ роста и въда и баба своя Людмила научити книгамъ Словенскимъ послѣду попову. и навиче разуму ихъ добръ. отсади и Воротиславъ въ Будъчъ и нача отрокъ учитися книгамъ латынскимъ и научиса добръ... И възложи Богъ благодать таку на Вячеслава князя. и нача же умѣти книги латынскія. якоже добрый епископъ или

попъ, да еще я възяше яко греческія книги или словенскія прочиташе явнѣ безъ блазна⁴;

Самое это сказаніе, какъ памятникъ древній, написанный, какъ согласно утверждаютъ всѣ изслѣдователи, скоро послѣ смерти св. Вячеслава, достоинъ особеннаго вниманія, какъ образчикъ употребленія Чехами старо-славянскаго церковнаго языка. Не для чего было бы писать на этомъ языкѣ сказаніе о Вячеславѣ, еслибъ онъ утратилъ въ Чешской землѣ все свое значеніе.

Подъ вліяніемъ латинскаго духовенства, особенно послѣ утвержденія Пражскаго епископства въ 971 г., это должно было сдѣлаться, но не разомъ. Кстати припомнить, что по случаю учрежденія Пражскаго епископства дана была папою Іоанномъ XIII булла князю Чешскому Болеславу, въ которой отмѣчено, что не по обряду Болгарскаго или Русскаго народа и славянскаго языка, а по постановленіямъ апостольскимъ долженъ быть избранъ въ епископы клирикъ, наученный латинскимъ книгамъ (*verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis, vel Rusiae, aut Sclavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica unum... eligas in hoc opus clericum Latinis adprime literis eruditum*) (Козьма Пражскій подъ 907 г., стр. 48—49).

Нельзя не вспомнить еще данныхъ, находящихся въ сказаніи о Сазавскомъ монастырѣ, которое сохранено Козьмою Пражскимъ въ его лѣтописи. Говоря о Прокопѣ, основателѣ этой обители, лѣтописецъ отмѣтилъ, что онъ зналъ хорошо славянскія письмена=книги (*Sclavonicis litteris a Sanctissimo Quirilo episcopo quondam inventis et statutis canonice admodum imbutus*, стр. 90).*

Изъ дальнѣйшаго разказа ясно видно, что въ монастырѣ этомъ господствовало славянское богослуженіе, а тѣмъ мѣнѣ чешскіе князья ему покровительствовали. Только уже кн. Спитигнѣва (1055—1061). Латиняне успѣли убѣдить, что Сазавскіе монахи черезъ славянское письмо впали въ ересь (*per sclavonicas litteras haeresis secta upochrisisque esse aperte irretitos ac omnino perversos*), и вслѣдствіе этого братія была прогнана въ землю Гунновъ (Венгрію).

Князь Вратиславъ (1051—1091 гг.) возвратилъ братію назадъ, но при наслѣдникѣ его Брячиславѣ они снова были прогнаны, а книги ихъ уничтожены или распроданы (*et libri linguae eorum deleti omnino et disperditi nequaquam ulterius in eodem loco recitabuntur*, стр. 102). Только нѣкоторые изъ нихъ попались позже въ руки новаго настоятеля Дитарда (*idem abbas libros, quos non invenit loco sibi commisso*,

praeter Sclavonicas, ipsemet nocte et die immenso labore conscripsit, quosdam emit, quosdam scriptores scribere conduxit et omnibus modis acquisivit, стр. 203—204).

Князь Вратиславъ хлопоталъ передъ папою Григоріемъ VII о дозволеніи славянскаго богослуженія, какъ видно изъ отвѣтнаго отказа папы (Quia vero nobilitas tua postulavit, quo secundum Sclavonicam linguam apud vos divinum celebrari annueremns officium, scias, nos huic petitioni tuae nequaquam posse favere. Degesta mus. 1080 года 2-го января, стр. 70). Если и допустить, что запрещеніе папы Григорія VII имѣло полную силу, то все же слѣдуетъ думать, что во крайней мѣрѣ до этого запрещенія славянское богослуженіе въ Чешской землѣ хотя гдѣ-нибудь совершалось.

Доказательства довольно сильнаго и долговременнаго значенія церковно-славянскаго языка въ Чешской землѣ находятся и въ самыхъ памятникахъ чешскаго нарѣчія, уцѣлѣвшихъ отъ древняго времени. Въ нихъ не мало словъ, которыя взяты изъ церковно-славянскаго языка: благословеніе (εὐλόγιον), благозвучіе (εὐφονία), грѣхъ (ἀμαρτία), златоустыць (χρσοστόμα), кнѣигы (γράμματα βιβλίον), мжченикъ (μαρτορ), пророкъ (προφήτης), цркви (ἐκκλησία), цѣсарь (βασιλικός), а кесарь (καῖσαρ).

Кромѣ того любопытны и знаменательны памятники и по своему содержанію. Такова, напримѣръ, Легенда о св. Прокопѣ XIV вѣка, пересказывающая его дѣла и чудеса какъ защитника славянскаго богослуженія; такъ что Нѣмцы, латинники, представлены врагами правды вѣры (Vukob, 182—212). Къ тому же XIV вѣку принадлежитъ глаголическая книга Евангельскихъ чтеній, извѣстная подъ названіемъ Рейнскаго Евангелія, заключающая въ себѣ еще и 16 листовъ древняго кирилловскаго письма. На послѣднемъ глаголическомъ листѣ есть запись такая:

Лѣтъ гнѣхъ Ѡ. т̄ п̄ д̄ (1394)

та то евънѣе а епслѣ
есто су писани сл
овѣнскимъ ѣзкемъ. ти
имаси списвани
бити въ годи. кнѣжъ
ойтъ подъ коруну мши
служи.

А друга страна тие
хто кнѣжкѣ кнѣжъ ѣ

подлѣ русскаго зѣна.
 псалъ е сѣти прокопъ
 опѣ сву руку, а то
 писмо русске далъ
 нѣбожиткъ карель. ч
 тврти црѣ рѣимски
 к ославѣни тому то
 клштру а ке цти с
 ватему ерониму
 и сватему прокопу.
 господине рачь му да
 ти покой вични амнь

Запись эта относится къ тому времени, когда Сазавская обитель перенесена уже была въ Прагу подъ названіемъ Емауса на Slovanesh и населена была Хорватами.

Не менѣе любопытны отрывки богослужебные древняго глаголическаго письма, съ особенностями чешскаго нарѣчія, найденные въ Прагѣ, и часть миссала, написанная глаголицей, найденная въ Іерусалимѣ.

Когда именно и какъ зашло славянское богослуженіе къ Хорватамъ, не извѣстно; но оно утвердилось даже и въ Адриатическомъ поморѣ. Папы долгое время боролись съ нимъ и не могли поборотъ, какъ доказываетъ употребленіе его даже и теперь частью римско-католическаго народонаселенія Далмаціи. Отъ древняго времени осталось нѣсколько любопытныхъ данныхъ въ этомъ отношеніи.

Однѣ изъ самыхъ древнихъ относится къ 880—890 гг. Въ 1222 году Арбеній клирикъ переписалъ глаголицею Псалтырь со списка, какъ онъ замѣтилъ въ своей записи, сдѣланнаго по приказанію и на иждивеніе епископа Салонскаго, то-есть, Сплѣтскаго, Θεодора, а этотъ Θεодоръ епископъ, если только вѣрить римскому перечню Салонскихъ іерарховъ, жилъ въ 880—890 гг. (Farlati, Illyricum sacrum, 1,333).

Другое данное относится ко времени папы Іоанна X (914—928 гг.) и Сплѣтскаго (Салонскаго) архіепископа Іоанна III (914—940 гг.). Въ это время славянское богослуженіе въ Далмаціи сдѣлалось поводомъ распрей духовенства и въ слѣдъ за тѣмъ собора въ Сплѣтѣ. Соборъ этотъ созванъ по предложенію папы, вслѣдствіе обращенія къ нему архіепископа съ подчиненными ему епископами и

князей Томислава Хорватскаго и Михаила Захолмскаго съ ихъ вельможами, около 925 г. (какъ полагаетъ Фарлати, *Illyricum sacrum*, III, 92, 93). Отвѣчая на посланіе архіепископа и его суффрагановъ, папа отиѣтилъ, между прочимъ, что христіане ихъ паствы, уклоняясь отъ Евангелія и постановленій соборныхъ и апостольскихъ, увлекаются къ ученію Мееодія, котораго нѣтъ между священными писателями (*doctrinam evangelii atque canonum volumina apostolicaeque etiam praescepta prae termittentes, ad Methodii doctrinam confugiunt, quem in nullo volumine inter sacros auctores comperimus*). Вслѣдствіе этого папа предложилъ далматскому духовенству вмѣстѣ съ его легатами, епископами Іоанномъ Анконскимъ и Львомъ Пренестинскимъ, постараться, чтобы служба совершалась въ землѣ Славянской по обычаю Римской церкви на языкѣ латинскомъ, а не на чуждомъ (*ut secundum mores Romanae ecclesiae Sclavinorum terrae ministerium sacrificii peragant in Latina scilicet lingua, non autem in extranea*). Въ другомъ своемъ посланіи, обращенномъ къ князьямъ, духовенству и всему народу, папа усовѣщевалъ родителей отдавать дѣтей учиться грамотѣ (латинской) и отклоняться отъ славянскаго языка. Этими посланіями дано было направленіе совѣщаніямъ и рѣшеніямъ собора. Х-ю статьею его утверждено полное запрещеніе славянскаго языка въ богослуженіи (*ut nullus episcopus nostrae provinciae audeat in quolibet gradu Sclavinica lingua proverere*).

Въ связи съ этимъ постановленіемъ Сплѣтскаго собора было другое, касавшееся подчиненности епископовъ далматскихъ архіепископу Сплѣтскому, вызванное неповиновеніемъ ему Нонскаго епископа Григорія. Этотъ епископъ (какъ догадывается Фарлати), считая себя пастыремъ Хорватовъ, думалъ не только о своей личной независимости, но и о сохраненіи славянскаго богослуженія для своей паствы (Farlati, V, 212—213). Онъ не былъ доволенъ рѣшеніемъ Сплѣтскаго собора, вызвалъ другой соборъ и все-таки ничего не успѣлъ (Farlati, 213—214).

Приговоры Сплѣтскаго собора 925 г., если и были исполняемы, то не вездѣ, а если вездѣ, то не долго. Въ началѣ второй половины XI вѣка оказалась нужда въ новомъ соборѣ. Свѣдѣнія объ этомъ новомъ соборѣ даетъ *Historia Salonitana* Оомы архидіакона, относя его ко времени Сплѣтскаго архіепископа Іоанна IV и вмѣстѣ съ тѣмъ папы Александра II; если вѣрно имя перваго, то соборъ былъ до конца 1039 года; а если вѣрно имя папы, то не могъ онъ быть ранѣе октября 1061 года. На этомъ соборѣ, въ числѣ многихъ другихъ постанов-

леній, рѣшено и то, чтобы служба никакъ не совершалась на языкѣ славянскомъ, а только на латинскомъ и греческомъ (*ut nullus de cetero in lingua Sclavonica praesumeret divina mysteria celebrare, nisi tantum in Latina et Graeca*), и чтобы никто изъ Славянъ не былъ возводимъ въ духовный санъ (*nec aliquis ejusdem linguae promoveretur ad sacros ordines*). При этомъ замѣчено было, что готскія писмена были изобрѣтены какимъ-то еретикомъ Меодиємъ, который многое написалъ ложно противъ правила католической вѣры на славянскомъ языкѣ (*dicebant enim gothicas literas a quodam Methodio haeretico fuisse repertas, qui multa contra Catholicae fidei normam in eadem Sclavonica lingua mentiendo conscripsit*). Въ слѣдъ за этимъ рѣшеніемъ все славянское священство было поражено большою скорбію, потому что всѣ ихъ церкви были заперты (*quippe eorum ecclesiae clausae fuerunt*. Farlati, III, 130).

И это рѣшеніе, вѣроятно, не могло само удержаться на долгое время. Прошло еще столѣтіе, и состоялось новое рѣшеніе—уже въ пользу славянскихъ книгъ ¹⁾. Въ просьбѣ своей папѣ Сеньскій епископъ объяснилъ, что въ землѣ Славянской есть свои особенныя книги, которыя влерики этой земли считаютъ доставшимися имъ отъ блаж. Иеронима, и которыми пользуются при отправленіи божественной службы (*in Sclavonia est litera specialis, quam illius terrae clerici se habere a b. Hieronymo asserentes, eam observant in divinis officiis celebrandis*), и что поэтому онъ, епископъ, и проситъ дозволить ему совершать богослуженіе по этимъ книгамъ (*celebrandi divina secundum dictam literam*). Папа Иннокентій IV далъ свое согласіе на это въ посланіи отъ 29-го марта 1248 г. съ оговоркою, чтобы это дѣлалось только тамъ, гдѣ дѣлалось по прежнему обычаю и не нарушая закона (*in illis dumtaxat partibus, ubi de consuetudine observantur praemissa, dummodo sententia ex ipsius veritate literae non laedatur* (Annal. Raynald. 590).

¹⁾ Разные глаголическіе отрывки сербскаго письма, а равно и кирилловскіе памятники того же неюсоваго письма, важны, между прочимъ, для доказательства широкаго употребленія письменности славянскою въ этой части славянства въ древнее время.

3. Славянская грамотность въ Болгаріи, Сербіи и Руси.

Ученики Меѳодія, изгнанные изъ Моравіи, удались въ Болгарію. Драгоцѣнныя свѣдѣнія объ этомъ находятся въ Сказаніи о житіи св. Климента, на которое выше уже были ссылки.

«Пришедши въ Бѣлградъ, городъ знаменитѣйшій изъ всѣхъ лежащихъ на Истрѣ, они явились къ Боритакану (Ворѣтанѣ), которому ввѣрено было въ то время его охраненіе, и по желанію его, рассказали о всемъ, что съ ними случилось... Боритаканъ счелъ необходимымъ отправить сихъ чужестранцевъ къ Болгарскому князю Борису, зная, что Борисъ жаждетъ такихъ людей... Когда они пришли къ Борису, онъ, давши имъ священническія одежды и оказавши всякую почесть, приказалъ имъ опредѣлить жилища, назначенныя для первыхъ изъ его друзей,.... и пожелалъ каждый день бесѣдовать съ ними, узнавать отъ нихъ древнія повѣствованія и житія святыхъ и устами ихъ перечитывать то, что находится въ писаніяхъ. И изъ лицъ, его окружавшихъ, нѣкоторые знатнѣйшіе приходили къ святымъ, какъ дѣти къ учителямъ. Избѣгая беспокойствъ и вмѣстѣ стараясь дѣлать угодное князю, не рѣшались они вступать въ дома частныхъ лицъ безъ позволенія князя. Пока одинъ Болгаринъ Ехацъ (Еухѣтѣцъ) просилъ у князя позволенія принять свѣц. Климента съ препод. Наумомъ въ свой домъ. Князь согласился, наказавъ принимать учителей этихъ со всею почестью. Освящается также и домъ Часлава (Тѣсѣлавъ) пребываніемъ въ немъ Ангеларія, который, поживши у него нѣкоторое время, скончался».

Далѣе сообщаются любопытныя свѣдѣнія о Климентѣ, первомъ продолжателѣ подвига братьевъ-первоучителей: «Михаилъ - Борисъ, не переставая заботиться, какъ бы этимъ священнымъ мужамъ доставить всякій случай къ исполненію дѣла Божія, отдѣлилъ отъ Котокія (ἐκ τοῦ Κωτοκίου) Кутмицивицу (τὴν κομιντζιβιτσαν), поставивъ надъ нею начальникомъ Довету, а Климента послалъ туда учителемъ, предложивъ ему въ даръ три дворца (τρεις οἰκους) въ Дяволеѣ, превосходные по великолѣпію, и мѣсто для отдохновенія около Охриды и Главеницы. Въ каждомъ округѣ своей паствы Климентъ имѣлъ нѣсколько мужей избранныхъ и притомъ довольно многихъ, такъ какъ всѣхъ ихъ было до 3050, съ ними часто бесѣдовалъ, а насъ смиренныхъ и не достойныхъ между всѣми другими сдѣлалъ всѣхъ приближеннѣе.... Слѣдя за всѣмъ, что онъ дѣлалъ, мы никогда не

видѣли его празднымъ: онъ или училъ дѣтей, показывая имъ начертанія письменъ, объясняя смыслъ написаннаго, упражняя ихъ въ письмѣ, или предавался молитвѣ, или занимался чтеніемъ, или писалъ книги.

Изъ учениковъ своихъ онъ поставлялъ чтецовъ, иподіаконовъ, діаконовъ и пресвитеровъ. Въ каждомъ округѣ отправленіе дѣлъ поручалось 300 ученикамъ, которые, не требуя себѣ платы, сами не несли никакой повинности князю. Такъ прошло семь лѣтъ. 8-й годъ учительства Климента былъ послѣднимъ годомъ жизни князя Михаила Бориса (Борисъ умеръ 2-го мая 907 года, какъ узнаемъ послѣ, слѣдовательно Климентъ началъ свое учительство въ Болгаріи въ 899 году). Послѣ него княземъ былъ сынъ его Владиміръ. Черезъ 4 года онъ умеръ, и тогда наследовалъ княжество Симеонъ, усилившій проповѣданіе слова Божія и построеніемъ всюду церковей утвердившій православіе. Симеонъ возвелъ Климента въ санъ епископа Дремицы или Бѣлицы (Δρεμίτζας ἢ τοι Βελίτζας), и такимъ образомъ сдѣлалъ его первымъ епископомъ въ Болгарскомъ народѣ (δῆ βουλγάρφ γλώσσῃ)... Зная грубость народа и совершенное невѣжество въ знаніи писаній, и замѣчая, что многіе священники болгарскіе, выучившись только писать, не понимаютъ греческихъ сочиненій, и потому не просвѣщены, такъ какъ на болгарскомъ языкѣ не было поучительныхъ словъ, приуроченныхъ къ праздникамъ, Климентъ составилъ на всѣ праздники поучительныя слова. Всѣ эти сочиненія сохраняются людьми трудолюбивыми. Онъ оставилъ ихъ и въ монастырѣ своемъ, который построилъ въ Охридѣ еще при жизни блаженнаго Бориса прежде, чѣмъ совершенно принялъ епархію Бѣличскую, именно послѣ того, какъ этотъ князь опоясалъ всю Болгарію семью соборными храмами. Къ этому монастырю присоединилъ онъ еще церковъ, сдѣлавшуюся послѣ архіепископскою каѳедрою, такъ что въ ахридѣ стало три церкви (одна соборная)... Незадолго до смерти онъ далъ болгарскимъ церквамъ прощальный даръ, состоящій въ прибавленіи къ тріоди того, чего въ ней не доставало, именно всего, что поется отъ недѣли новой (Θομινού) до самой пятидесятницы... По его завѣщанію, все его имущество, между прочимъ и книги, раздѣлено было пополамъ епископѣ и монастырю. По смерти тѣло его было положено въ гробъ, устроенномъ его руками въ обителного, по правую сторону трапезы, 27-го іюля, въ царствованіе Симеона царя (Βασιλέως) Болгарскаго, въ лѣто отъ С. М. 6424» (то-есть, 916 г. по Р. Х.). (Подъ 27-мъ іюля занесена его память

въ Мѣсяцесловникѣ Ватиканскаго глаголическаго евангелія: «стаго апѣ о. н. Климента епѣска Бѣличскаго». Тотъ же годъ, 6424, но безъ числа мѣсяца означенъ въ изсѣченной записи на камнѣ въ Охридѣ:

«Въ ѣѣ ѕѣкѣд месеца 18 ѣѣ
прѣставише с
стѣ Климѣтъ.

ωхрѣтски (Григоровичъ, Очеркъ путешествія по Европ.
Турціи 116)..

«О пастырь добрый... прогони злую ересь, которая какъ язва вкрадась на пагубу твоего стада, въ особенности послѣ твоего успенія, да не разсыплеть и не погубить она овецъ пажити, тобою указанной».

Многія изъ произведеній Климента сохранились въ русскихъ спискахъ, между прочимъ и въ древнихъ (не только XIII и XIV, но и XII вѣка: эти послѣдніе изданы мною въ Древ. Памятникахъ Русскаго письма и языка 199—202). Объ одномъ изъ нихъ, о Похвалѣ св. Кириллу учителю Словѣнску языку, было уже помянуто выше.

Изъ сочиненій Климента, пока еще мало извѣстныхъ, болѣею частью не изданныхъ, обращу вниманіе на одно: на «Поученіе на память апостола или мученика», сохранившееся въ списокѣ XII вѣка (въ сбор. Троиц. лавры). Оно любопытно по передѣлкѣ сербохорутанской, сохранившейся въ числѣ Фрейзингенскихъ статей въ латинскомъ списокѣ X в. Оно начинается словами: «Братига присно жадаа спасенія нашего гѣ бѣ нашъ присно призывактъ насъ непрестанно»... И далѣе:

Аще бо бы ю (заповѣдь божию) съхра
нилъ (Адамъ). товъ. вѣкы юмоу было(бы) жи
тикъ бес печали и бесмърти. ста
рости не прикмлюще. ни слъзъне
дѣла (= тѣла) имоуще
— — нъ завистию дывволею ѡлоуч
са ѡ славы бжита. не въздржаниа
дѣла. ѡ толѣ нападоша на родъ
чѣвчскыи (я) печали и стѣрти и смърть
премноующа житикъ чѣвчско
нъ възспранѣмъ понѣ ѡ селѣ и не

Ecce bi detd' nas nezegrisl
te vucki gemu be si-
ti starosti ne prigemlioki nikoli-
gese petzali ne imugi ni slzna
telese imoki. nu u vueki gemu
be siti. bonese zaviztlu bui ne-
priiazninu uuignan od slauui bosige
potom narod
zlouccki strasti i petzali boido
ne i moki i bz zredu zemirt
I pagi bratritia pomenem se

пшанимъса самохотью неиздре
 еньныа славы бжїи и радости вѣчь-
 ныа.... сице гл҃юще. Ѡрицаюса
 утоны и всѣхъ дѣлъ кго. си
 е соутъ дѣла сотонина. идозо
 бртвина. братоненавидѣник.
 иеветы. гнѣводържаник. зависть.
 рость. ненавпсть. татьбы
 азбон. пыанство. обыдадик.
 гьти оугоженик — обидѣнна.
 бїи бѣсовскихъ
 што бо ксть мързѣчѣк тацѣхъ дѣлъ...
 . Да потѣщимъса Ѡселѣ въ нпти тѣснѣими
 зьрѣми въ жизнь вѣчноую... и томити плѣть
 юи стрѣми и моуками Х҃а ради, или же
 блж҃ныи. имра. подвигноуса. предаю плѣть
 юю на стрѣти и на ралы... и тѣ бо чѣкѣ
 е бѣ такоже и мы. нѣ всакоу зѣлобоу
 зненавидѣ. а блгѣтъ бж҃ию и мѣтъ
 възлюби. и же подвигнѣмъса и мы въз
 обити. да боудемъ снѣове бж҃ийи и при
 астьници цр҃вствию кго.

da i zinovue bosl naresem se
 ese sunt dela sotonina. ese trebu
 tuorim bratra ocleuuetam
 ese tataua
 ese raszboi
 ese pulti u gongenige. eseloti choise
 ih nepazem.nuge prestupam. ese nenaucist
 nizce tehdel mirzene pred bosima ozima
 moseti potomu zinci
 uvideti i sami rasu-
 meti ese bese priuuae
 zlouezi v liza tazie aco
 se i mui gezim tere ne
 priiaznina uznenauvidesse
 a bosiu uzliubi se.

Особенно любопытно при сличеніи этомъ то, что въ обоихъ из-
 водахъ повторены въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣ же отступленія отъ
 чистаго старо-славянскаго нарѣчія. Такъ въ обоихъ изводахъ замѣ-
 чаемъ употребленіе дѣепричастія: (Adam) старости не прикмлющи =
 starosti ne prigemlioki, ни слзъна тѣла нмоуще = ni slzna telese
 imoki.

Стоитъ также отмѣтить слово Климента на «стѣе въскресениѣ»
 (въ томъ же сборникѣ XII вѣка), гдѣ есть отрывки изъ Евангелія
 того же перевода, что и въ древнихъ стихахъ Евангельскихъ чтеній:
 Блажени смѣрении дх҃мь. = блажени нищии дх҃мь
 како тѣхъ ксть цр҃ствикѣ нбснокъ како тѣхъ ксть цр҃ствикѣ нбсньнокъ.
 (блажени) плачущииса како блажени плачущииса. како
 ти оутѣшатъса. блж҃ни кротьци ти оутѣшатъса. блажени кротьци
 како ти снѣове бж҃ийи нарекоуть- како ти наслѣдаты землж҃ 1)

1) Блажени смѣрѣющии како ти снѣове бж҃ийи нарежжѣтса.

са. бл҃жнн мѣтвн. ꙗко ти помн бл҃жени милостивнн ꙗко ти помн-
ловани боудоуть. ловани бждѣть (Остр. ев. 212).

Что касается до другихъ товарищей Климента, то-есть, Горазда, Саввы, Наума, Лаврентія, то ни ихъ судьба, ни ихъ особенные труды пока неизвѣстны. Напротивъ того, извѣстно по своимъ трудамъ лице очень замѣчательное, но о которомъ найдены пока свѣдѣнія только въ собственныхъ его произведеніяхъ: это Константинъ, прежде пресвитеръ, потомъ епископъ въ землѣ Болгарской. Отъ него осталось двѣ книги въ спискахъ, но съ повтореніемъ его записей.

Одна изъ нихъ: «Прѣложеніе сказанія свата еуангелия», сохранившееся между прочимъ въ русскомъ спискѣ XII вѣка: это поученія на воскресные дни, составленныя изъ бесѣдъ Іоанна Златоустаго и др. Въ Прологѣ Константинъ упоминаетъ самъ о себѣ нѣсколько разъ, начиная съ первыхъ строкъ:

«Прологъ о Хѣ оумѣренѣ. сказанія стго евангелия. створенъ Константинѣмъ. отъ же и прѣложеніе бысть. тогожде сказанія квангельскаго».

Въ этотъ прологъ включено стихотвореніе акростихомъ, начинающееся словами:

«Азъ словомъ смѣ. молюса боу ✠
Бже вса тварнн. зижднтелю....»

Сочинитель упоминаетъ въ немъ и о «Словѣнскомъ племени»:

«Къ крещенію обратишаса вси.
Люднѣ твои нарециса хоташе
Милости твоѣѣ бѣ просать зѣло»

упоминаетъ и о себѣ:

Шѣствоую нннѣ по слѣдоу оучителю
Имени кго и дѣлоу послѣдоуа.
Іавѣ створю евангельско слово.

И далѣе за стихотвореніемъ:

«Азъ оумаленнн Константинъ къ вамъ братнѣ. моѣѣ оѣдн же и
снѣве аще и грѣбѣ нѣ хоцоу мало бесѣдовати.... Оуннчженнѣ моѣ
оубѣждено бнвѣше вѣрннѣмн етерѣ члѣкѣ. сказаннѣ стѣаго еван-
глнѣ прѣложитн. отъ грѣчьска ꙗзыка въ Словѣнскѣ. оубогахъ же
са начати. стрѣпльнѣноѣ словесѣ видѣвѣ вѣше недооумѣннѣ. н снглѣ
моѣѣ соуще. нѣ пакѣ смъртн зѣра боудоуцаѣ. за ѣслушаннѣ. на
чахѣ. не всаго моѣѣ написати нѣ оуставленнаѣ недѣльнаѣ кван-
глнѣ. нѣ.. —

Въ концѣ книги помѣщенъ перечень лѣтъ отъ сотворенія мира подъ заглавіемъ:

«Историкки за ба̄ въ кратѣцѣ одръжащи. Тѣ̄ отъ Адама до Хв̄а пришьствиа и пакы отъ Ха̄ до настоѣщаго въ в̄и индикта».

Въ этомъ перечнѣ между прочимъ отмѣчено:

«въ коупѣ же отъ Адама до Хв̄а въплъчениа кств. Тѣ̄ е̄нѣ... (читай е̄н—5508)... съвъкоупше же отъ Адама до стаго Константина вѣрнаго ѡра кств Тѣ̄ е̄. ѡм̄г (5843)... всѣхъ же Тѣ̄ ѡ пропата Хв̄а до льва ѡра нынѣшняго девать сѣ̄ г̄и; а ѡ Адама до настоѣщаго въ в̄и индикта. сетъ Тѣ̄ ~~ѣ~~ѣ̄.ѣ̄.ѣ̄. (читай ~~ѣ~~ѣ̄.ѣ̄.ѣ̄. = 6402).

Кромѣ того предъ этимъ послѣднимъ показаніемъ отмѣчено, что Василь царствовалъ к̄ (20 лѣтъ, а Левъ сѣ̄в̄ кго з̄ лѣтъ.

Это послѣднее показаніе сравнительно съ первыми есть самое важное. 12-е индикта и 8-й годъ царствованія Льва VI, наслѣдника Василія Македонскаго, есть 6402-й годъ о с. м. и 894 г. отъ Р. X. Выше отмѣченный 918-й годъ (девять сѣ̄. ӣ) есть пятый годъ Константина VII, а если читать его за 908-й, то 23 годъ Льва VI (инд. 12).

При разборѣ этой книги по русскому списку XII вѣка въ Описаніи Рукописей Московской Синод. библіотеки (II, 2, стр. 409—434), представлено ея содержаніе (51 слово и одно сказаніе), отмѣчены нѣкоторыя мѣста, которыя можно считать собственно прибавленіями Константина пресвитера, и указаны особенности языка и правописанія.

Кромѣ словъ Іоанна Златоустаго, Кирилла Александрійскаго и Исидора Пилусіота, помѣщено одно (л. 195 — 197) подъ заглавіемъ: Коѣ̄ прѣ̄ съказаник. в̄и квангліу ѡ̄ Лоукы, начинающееся словами: братик. и оѣ̄и и сынове. послашпайте ѡ̄мно.—сочиненіе записи Константина пресвитера. Каждое изъ словъ начинается и оканчивается его же прибавками, что и означено часто въ рукописи словомъ коѣ̄. Вотъ примѣръ (л. 210): Въ н̄ѣ м̄а̄. поѣ̄. Братикъ възлюбленага. съберѣтеса и послошпайте оумно. и прилежно. страшна и грозна словеса... Се бо и азъ пакы придохъ дньсь. къ вашей любви. Златоуста наставника прѣдлагага. Хв̄а словеса прозабающа. аичьнамъ дп̄амъ. и такоже брашьномъ оухлѣбаща. Не Грьци бо тѣчъж обогатшаса оѣ̄мъ симъ. нѣ и Словѣньскыи родъмьнии сыи попъранъ бысть (читай: быти) всѣ̄ми» и т. д.

Языкъ вообще довольно чистый старо-славянскій; есть, впрочемъ,

такія слова и выраженія, которыя останавливаютъ на себѣ своею особенностью; напримѣръ, 212: женатьцѣ βουαίος; мирянинъ, 30: потакъви дѣлати — льстить, потакъливъ — льстивый; потакъливство — лесть, κολακεία; цѣста — дорога, πλατεῖα; напыда — награда; поиты — кровь, покровъ (призрѣніе бездомныхъ) στέγη; 19: поимы творити — обвинять; острѣгати — отвергать; на божиж — по богу; запатъ немедленно; голѣмо много; цѣща — ради, для; сцѣгло — κατ'ἰδίαν. особо;

Сквозь правописание русское виднѣется и не русское, требующее опредѣленія носовыхъ звуковъ: ж и ѡ: не бждете, бждтъ, на подобж, въ иерихж, воды текоуща (= жца). Замѣчательны случаи употребленія ѡ вмѣсто ж и ты: властельскоу работа. (= ж), сии (= сын), всемогую и бѣ (= всемогый).

Изъ формъ грамматическихъ особенно важно употребленіе сокращеннаго прошедшаго: се придж (= приходъ), придоу (то-есть придж = придоша) оученици възмогу (— ж = възмогша) съкрыти навъкъ (= — ж = — оша) въ прѣмъ ходити, садоу престолп (= — ж = — оша). Любопытно употребленіе окончанія ть въ 3-мъ лицѣ прошедшаго вр.: подобашеть, въставить, отъгонахоутъ, искахоутъ.

Вѣроятно, къ этому труду Константина епископа, если только не къ переводу Четвероевангелія, принадлежитъ «прогласъ», сохранившійся при одномъ сербскомъ спискѣ Четвероевангелія, и отдѣльно въ сборникахъ. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ него по моему чтенію.

Прогласъ ксть сватаго еуангелія ѡкоже пророци прорекли ежт прѣжде Христосъ градеть ѡзыкы събрати..... Тѣмъ же оуслышите Словѣни вси. даръ бо съ отъ бога данъ ксть. даръ божи десъныѡ части ксть. даръ доушамъ николи же тыѣникъ доушамъ..... Сеи ксть даръ Матѡеи, Маркъ, Лоука и Иоанъ.... Слышите Словѣньскыи народъ весь слышите слово отъ бога приде. слово иже крѣмъ доуша ч'ловѣчскыѡ..... Все безъ свѣта нѣсть лѣпо видимоу тако и всакаѡ доуша безъсловесъна невидаци божиѡ закона добрѣ. закона к'нижъна.... Доуша безъ боукъвна мрътва ѡвлѡктъса въ ч'ловѣцѣхъ. Тоуждимъ ѡзыкъмъ слышаште слово. ѡко мѣдъна звона гласъ слышите.... Нази бо вси безъ к'нигъ ѡзыци.... Боукъви бо сѡна иже приметъ. мждрость (приметь). Мждрость Христосъ глаголетъ и доуша ваша оукрѣпитъ. апостогы съ пророкы. В'си иже словеси сихъ глаголюще подобни бждтъ врага оубити.

Языкъ похожъ на языкъ Константина Болгарскаго. Кстати за-

мѣтитъ, что въ переводѣ Евангелія ни разу не употреблено слово боукъвы въ такомъ значеніи, какъ въ этомъ прогласѣ.

Другая книга того же Константина — Словеса св. Аванасія Александрійскаго на Аріаны, сохранившаяся въ русской рукописи XV вѣка. И въ ней есть очень любопытная записъ, опредѣляющая время перваго написанія:

«Сіа книги благочестнѣна Аванасіи. повелѣніемъ княза нашего Болгарска. именемъ Сімеона. преложи ѿ епископъ Константинъ. въ Словенскъ ѿзыкъ ѿ Гречьска .в. лѣто отъ начала мира 72. 5. 14 (6414) и ѿ 1 (10). 8 чѣкъ съі Меѡодовъ, архіепископа Моравы. напса же ѿ тоудоръ черноризецъ Дозов. тѣмъ же кнѣземъ повелѣлъ; на устѣи тыча. въ лѣ 5. 5. 15 (6415) инд .14. (=14) идеже стѡй Златаа црѣвы новаа сътворено е тѣмъ же кнѣм: въ се 860 лѣто 8спе рабъ бжїи сего княза бѡцъ. въ блазѣ вѣрѣ живѣи; в добрѣ исповѣданіи га нашего ѿ хѡ. великіи ѿ чѣны «и блговѣрны» гогоспо нашъ князъ Болгарскъ. именемъ Борисъ; христіаное же имя ему Михаил. мѣца маіа въ 6 днь; въ сѡботнѣ вѣчер. сеи же Борисъ Болгары крѣтъ ѡ въ лѣ 6тхъ Бехти 1).

Чтобы дать смыслъ этимъ хронографическимъ показаніямъ, мнѣ кажется другаго средства нѣтъ, какъ принять, что Константинъ держался счета мартовскихъ годовъ, что слово лѣто онъ могъ принимать и въ подлинномъ значеніи, то-есть, времени тепла; и что одинъ изъ переписчиковъ въ показаніи индикта вмѣсто 14 ошибкою написалъ .14. 6414 мартовскій годъ равняется 2-й половинѣ 6414 сентябрьскаго года, = IX индикту и первой половинѣ 6415-го сентябр. года (съ сентября до марта) = X индикту. Константинъ окончилъ свой трудъ въ мартовскомъ 6414 году въ сентябрѣ или позже, то-есть, когда уже начался X-й индиктъ. 6415 мартовскій годъ равняется второй половинѣ 6415-го сентябрьскаго года — X-му индикту и первой половинѣ 6416 сентябрьскаго года = XI-му индикту. Писецъ княжій черноризецъ Тудоръ окончилъ свой трудъ переписки книги въ 6415 мартовскомъ году, послѣ августа, то-есть, когда уже начался XI-й индиктъ. Князь Бо-

1) 6ТХН = 6ТѢН (е = s = 6) 6368, то-есть 860 г.

В 6ХѢН (Ѣ вмѣсто Т) = 6ХѢН (е = 6) 6368, то-есть, 860 г.

рисъ Михайлъ скончался до этого, въ 6415 году, но когда еще не наступилъ XI индиктъ, мая 2 = X инд. = 907 года, что и было въ этомъ году дѣйствительно, въ субботу ¹⁾). Нельзя не обратить вниманія на то, что если вѣрнѣе выше приведенный расчетъ, въ Болгаріи въ началѣ X вѣка употреблялся въ общежитіи мартовскій годъ.

И эта книга разобрана также въ Описаніи рукописей Московской Синод. библіотеки (II, 2, стр. 32—42).

Въ отношеніи къ содержанію она любопытна, какъ переводъ, вообще очень удачный, въ которомъ между прочимъ любопытна передача богословскихъ терминовъ, каковы:—сутьство—*φύσις*, сущственныи—*φασκός*, естъство—*οὐσία*, равъжестествънъ—*ὁμοῦσιος*, съставъ—*ὁπότασις*, бышьство—*ὑπαρξις*, бышьныиш—*γενητός*, небышьныи—*ἀγεντος*, плоть, бышащи—*γενητή*, ествованіе—*το εἶναι*. Есть и другія любопытныя слова и выраженія, частію тѣ же что и въ первой книгѣ: посолъ—*δέλο*, работа, *δίακονία*, мощи—*λείψανα*, стоуждъ=щожждъ—*ἀλλότριος*, пладне—въ полдень, блехчи *τέχτων*, крѣчачгыи—*χεραμέος*, роуда—*ἔλη*, станице—*μονή*, станція, курѣлькъ=образъ *τόπος*, трѣпокъ, аверехлъство—*ἀνωμαλία*, снѣглыи—*μόνος* особенный, оревитыи—*δηλομανής*, гатати—*επιχαίρειναι*, остругати *ἀνατρέπειν*, бѣшию—совсѣмъ, совершенно, сегда—можетъ быть, подлинно, дѣйствительно.

Изъ формъ грамматическихъ замѣчательны соу и = сжи = сьи, род. соуга; бѣга = бывъ, род. бѣаго.

Сквозь русское правописаніе видятся остатки прежняго въ ж: сжи, сжджца, вѣдж.

Кромѣ означенныхъ лицъ, есть еще нѣсколько другихъ болгарскихъ дѣятелей, которыхъ труды относятся къ тому же времени, и

¹⁾ Годъ сентябрьскій		годъ мартовскій.			
IX инд. = 6414	{	сентябрь	} 6414 — трудъ Константина не ранее сентября 906		
		мартъ			
X инд. = 6415	{	сентябрь		} 6415	
		мартъ			
XI инд. 6416	{	сентябрь			} — трудъ Тудора до марта 907.
		мартъ			
		сентябрь,			

которыхъ однако нельзя причислить къ непосредственнымъ ученикамъ Кирилла и Меодія.

Въ числѣ такихъ прежде другихъ надобно вспомнить Іоанна ексарха Болгарскаго. Нѣкоторые изъ его трудовъ носятъ на себѣ признаки времени. Таковы:

Прѣподобнаго чръноризца и прозвутера Іоанна Дамаскинска слово о правѣн вѣрѣ переводъ съ прибавленіями. Эта книга сохранилась въ нѣсколькихъ спискахъ, и между прочимъ, въ одномъ довольно древнемъ Русскомъ XIII ¹⁾. (Син. библ. № 108 = 155 въ л. 210 лл. въ 2 столбца. На лл. 1—7 помѣщенъ «Прологъ» сѣтворенъ Ішаномъ прозвутерѣмъ ексархомъ българскомъ иже ксть и прѣложилъ книги сѣга.

Въ этомъ прологѣ читасмъ:

«Понеже оубо сватѣи челоувѣкъ бжии кѣстатинъ. философъ рекомьногы тroudы прига строга писмена словѣньскыхъ кѣнигъ, и отъ евангелиа и аѣла прѣлагаа изборъ. кѣико же достиже. живѣи въ мирѣ семь тьмѣнѣмъ. толико же прѣложь прѣстоупи въ (животъ) бес коньца и свѣтъ приатъ дѣлъ своихъ (то-есть) мьздоу. Съ сими же съи и оставь юго въ житии семь великѣи бжии архиепискоупъ Меодии. братъ юго. прѣложи вся оуставѣиѣа кѣнигы ѡтъ елинска азѣка юже ксть грѣчскъ. въ словѣньскъ. Азъ же се слыша мьногажды. хотѣвъ окоусити оучительскаа сѣказаниа готова прѣложити въ словенскъ азѣкъ. оны бо ѡтъ прѣложилъ бѣаше оуже Меодии. тако же слышахъ. оубогахъса омышлалъ. еда въ нкго мѣста хоцоу потрудивъса на оустѣхъ чади преложити въ свои азѣкъ сѣказаниа оучительскаа. еда боудоуть имъ на исказоу. вѣдѣ бо своего ѡма тоупость и гроубость... се вьсе погонивъ. остахъса сего. Миноувѣшоу же нѣколикоу лѣтъ. чьстѣнѣиѣи члѣкъ доукъсъ чръноризѣць (то-есть, князь Борисъ Михаилъ) прилеже мѣнѣ. да хожьшоу и на присѣщение его. велъ ми и мола преложити оучительскаа сѣказаниа. и въспоминаа ми рече: попови чѣто естъ ино. дѣло. развѣ оученъа. да елма же еси слоужьбоу тоу пригалъ. то и се ми ноужда естъ дѣлати. Азъ же средѣ дѣвою стѣа... ахъ сѣа по се дѣло. и прѣложихъ стѣо Ішана прозвутера Дамаскина».

¹⁾ Издавъ *Бодянскимъ—Поповымъ* въ *Чтеніяхъ* 1878 г. и отдѣльно по этому древнему списку.

Князь Михаилъ умеръ, какъ прежде означено, въ маѣ 907 г., слѣдовательно, этотъ трудъ Іоанна ексарха сдѣланъ, или по крайней мѣрѣ начатъ до мая 907 года. По списку XIII вѣка нельзя дѣлать вѣрныхъ заключеній о правописаніи и языкѣ подлинника. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что и въ немъ, не смотря на измѣненія русскаго писца, сохранились кое-какія черты очень древнія; напримѣръ, шт вмѣсто щ, ѡ вмѣсто ѡж (по болгарскому смѣшенію а и ж); ѡтроба вмѣсто ѡтроба 203, равно и смѣшеніе ь съ ь: гръчьскъ, зъданикъ. Есть особенности и грамматическія: дѣвѣ талантѣ, присносаи, придаи предъградък (Сред. *προῦδ' ἡμεῶν*), не постоупае (тоже); въ слѣдоуае (тоже); ꙗ вм. ксть, нѣ вм. нѣсть. Изъ словъ отмѣтити: небесьскыи.

Шестоднѣкъ съисано Іоанномъ пресвитеромъ и ексархомъ. отъ сѣго Василья, Іоана (Златоустаго) и Севериана и Аристотелѣ философа и инѣхъ: извлеченіе изъ показанныхъ писателей, преимущественно изъ Василія Великаго. Эта книга сохранилась въ разныхъ спискахъ, между прочимъ и въ сербскомъ спискѣ XIII в. (1263)¹⁾. И при этомъ трудѣ есть прологъ, указывающій на время. Въ немъ читаемъ:

«Что краснѣе, что ли и слаже боголюбеземъ иже по истинѣ жадать жизни вѣчна. нежели присно бога не отступити мыслію и поминати его добрыя твари яко и се ты господи мои. Княже славныи Симеоне христолюбче не престаеши възиская повеленій его и твори.. жота ся ими красити и славити (изъ Русск. списка не древняго).

«Си же словеса шесть. Господи мои не ѡ себѣ мы ксмъ състави. нѣ ѡво ѡтъ ккъсамера светааго Василья истоваа словеса. ѡво же и разоумы ѡтъ него въземлюще такожде и ѡтъ Иѡана. а дроугоѣ ѡтъ дроугыныхъ» (изъ сербск. списка XIII вѣка).

Въ концѣ перваго изъ шести словъ есть также обращеніе къ Симеону:

«Всек твари бесприкладныи хытрецъ и творецъ. ѡсвѣти твоѣ срѣце гѣ мои. црю великыи христолюбче Сумѡне. и съ всѣми моужи твоими и повиникыи (изъ сербск. списк. XIII в.).

Очевидно, что трудъ посвященъ Болгарскому князю Симеону, умершему въ 927 г.

¹⁾ Издавъ Бодяскимъ и Поповымъ въ Чтеніяхъ 1879 г. и отдѣльно.

Онъ обилень словами всякаго рода, и потому заслуживаетъ особеннаго изученія для опредѣленія особенностей болгарскаго нарѣчія (многія приведены въ разсмотрѣніи, помѣщенномъ въ Описан. М. Синод. рукописей, II, 1, 12—29). Не менѣе любопытенъ и строй языка, на сколько можно проникнуть. Между прочимъ особенно любопытны частые случаи смѣшенія а (замѣненнаго посредствомъ ю) съ ж: кзѣкъ = жзѣкъ, кжичьство = жжичьство, шестокголънъ = шестождольнъ, кдоль = ждоль и съ тѣмъ вмѣстѣ оу (=ж) вмѣсто ы: придоу = приды, пловоу = пловы, растоу = расты, гредоу = градъ; постоянно болѣре. Въ грамматическихъ измѣненіяхъ: соу (=сж) постоянно вмѣсто сжть, кли=естыли. Изъ неизмѣняемыхъ словъ любопытны: подлѣгъ—вдоль свѣне—кромѣ, цѣща—радн, дя имъ же—потому что, ти—и оуто—же, митѣ—опять ¹⁾. Изъ другихъ словъ особенно любопытны: коурѣлъкъ—первообразъ (23) несвѣда—росѣа, рамѣни—сильный.

Другой современникъ Симеона Болгарскаго былъ Григорій пресвитеръ. Имя его помянуто въ книгѣ «Изложениа Іоана бѣвшаго отъ Антиохійскаго велграда Сирия Малагы о лѣтѣхъ мироу» въ русскомъ спискѣ XV в. Послѣ 4-й книги, въ слѣдъ за вставкою изъ книгъ ветхаго завета читаемъ:

«Книгы завѣта Божія ветхаго, сказующе образы новаго завѣта истину соущу преложена отъ Греческаго языка в Словенскыи при князи Българстѣмъ Симеоне, сыне Бориши, Григоріемъ пресвитеромъ мнихомъ. всѣхъ церковникъ Българскихъ церквей повелѣніемъ того Боголюбца князя Симеона истинѣ рещи боголюбца».

Къ сожалѣнію, сохранившійся списокъ русскій, единственный пока, такъ позденъ и такъ отзывается перемѣнами, что имъ пользоваться трудно съ цѣлью палеографическою.

Ко времени князя Симеона надобно отнести, какъ кажется, и трудъ черноризца Храбра, отвѣтъ о письменахъ, выше подробно обозначенный. Въ одномъ изъ списковъ время написанія этихъ отвѣтовъ указано въ выраженіи, относящемся къ братьямъ первоучителямъ: «сжть бо кще живи иже сжть видѣли ихъ» а въ другомъ къ Константину Философу отнесено выраженіе нѣнѣ (въ смыслѣ новѣ, недавно): «Словѣномъ, кдинъ сватыи Константинъ нарицаемъи Кирилъ и письмена нѣнѣ сътвори и книгы прѣложи въ малыхъ

¹⁾ Въ сложныхъ: митѣтечениа, митѣпоутиа, митѣтданиа.

лѣтѣхъ». Здѣсь кстатѣ отмѣтить и еще одно показаніе черноризца Храбра:

«Аще ли кто речеть, яко (Кириллъ) нѣсть ѿстоилъ добръ (Словѣньскага письма). понже са построаждь и кще (= да тѣмъ са построаждь и кще). отвѣтъ речемъ симъ: и Грьчскы такожде многажды сжть построали Акула и Суммакъ. и потомъ ни мнози. ѿдобик бо ксть послѣжде потворити неже пръвѣе сътворити».

Это, какъ кажется, относится и къ азбукѣ, и къ переводу.

Въ числѣ памятниковъ времени Симеона Болгарскаго надобно отмѣтить еще два очень важныхъ. Одинъ изъ нихъ извѣстенъ у насъ подъ названіемъ Святославова сборника 1073 года.

Этотъ сборникъ переведенъ съ греческаго языка (какъ указалъ Востоковъ въ Описаніи рукописей Румянцевскаго музея, 500) по повелѣнію Болгарскаго князя Симеона; это видно изъ записи, сохранившейся безъ измѣненія въ позднемъ спискѣ (какъ указалъ Шевыревъ: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, II, 30—32):

«Великыи въ прѣхъ Сумеонъ. желаникмъ зѣло въжелахъ дръжаливый владыка обавити съкровенна размы въ глѣбинѣ многостропотныхъ книгъ прѣмждрааго Василиа в' разумѣхъ. повелѣ миѣ нѣкчинѣвѣдию премѣнъ сътворити рѣчи инако набдаше тождество размы его. ѣже акы б'чела любодѣльна съ всакаго цвѣта писанию. събравъ акы въ единъ сѣтъ въ вольтмыслнок срдце свое проливаеть акы стредь сладкоу изъ оустъ своихъ прѣдъ болѣры на въразоумѣниѣ тѣхъ мыслемъ ѣвлѣаса миѣ новии Птоломей не вѣрож пожеланикмъ паче и събора дѣла м'ногочьстныхъ бжествныхъ книгъ всѣхъ. ими же о своа позаты исплѣни. вѣчнѣж си памать сътвори. еже памати винж въсприати бжди хрьстолюбивѣя его дѣши отмыщенок вѣнцемъ блаженыхъ и свѣтыхъ мжжъ непрѣбрдомыи вѣкы вѣкомъ аминь».

Въ спискѣ 1073 года имя Симеона замѣнено именемъ Русскаго князя Святослава. Принадлежа по этому списку 1073 г. къ числу очень важныхъ древнихъ памятниковъ русскаго письма, сборникъ этотъ не менѣе важенъ и какъ памятникъ письменности болгарской. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи:

— частое употребленіе *шт*;

— частый пропускъ *ть* въ 3-мъ лицѣ: соу вмѣсто сжть, бывак, бжде, не може, начьне, простирае, носи, има, — употребленіе формы бждате: аште боудате боу годѣ въпрось,—аште ли будате

(адамантъ) крѣвовъ, —употребленіе словъ оуто въ смыслѣ конечно, свѣне кромѣ, и т. п.—особенныхъ словъ какъ: впасть нагрудникъ, зъгна—рано, напѣда—мзда, рамянь—сильный, гърдѣи—уженый (отвратительный?) щѣкръ голубой, чръствы спасительный (здоровый, сильный сабнь—пѣтухъ, и т. д.

Другая не менѣе любопытная книга времени Симеона есть такъ-называемый Златоструй, сохранившійся въ русскихъ спискахъ, къ сожалѣнію позднихъ (XV в.). Это собраніе словъ Іоанна Златоустаго, большею частью нравоучительнаго содержанія. Въ началѣ ея есть запись, которая въ спискѣ 1474 г. читается такъ:

«Прологъ самого хрѣтолюбиваго.
црѣ Семіона.

Вся книгы ветхыя и новыя виѣшныа и вѣноутренна. блговѣрныи црѣ Симеонъ. бжтвѣнаго писаніа испытавъ. и всѣ оучѣть нравы и обычаа. и мдртъ. и разоума всего. блженаго же Іуѣна Злаустаго. почюдивса словеснѣи мдрти и блгѣи стго дха. и тако извыкъ емоу чести вса книгы избравъ его вса словеса изъ всѣхъ книгъ его. в сія единѣт сложи книгы. таже и прозва Златострѣяна. аще бо много по семоу имени Златостроуага прозваша то и мы нѣсмы мноу никакоже съблзнилися книгы Златостроуага нарекъше. елма же и дха стго оученіа акы златыи стрѣями члчскыи слакътыи рѣчыи спсѣны покаяніе. Ѡ всякого грѣха омываа къ боу приводитъ. и акы ослоу глакътыи словесы вся сквѣрны очищаа телесныа и дшѣвныа о исплнѣнѣи жадитъ всѣ крѣтяно блгонравіа дѣлы. премногыа обители бжїа. се оуже оуспѣха дѣла и пѣвига многї. да не ослабѣѣ ни разлѣнїя на длзѣ. почитающе многая его словеса. мало Ѡ многа избравше акы всѣмъ око сїа положихомъ. да всѣ почитая прилѣжнѣ с разоумомъ. аще ся не лѣнѣи тѣчїю, многуо ползу в них дшїи и тѣлоу обращѣ».

Запись эта повторяется во всѣхъ спискахъ, до селѣ открытыхъ (въ спискахъ: Чудовскомъ, Императорской Публичной библіотеки (Толстовскомъ № 47), Уваровскомъ (Царск. 176) и др. Повторяется и содержаніе. Это не всегда простой переводъ, а не рѣдко извлеченіе съ нѣкоторыми прибавками.

Редакція первоначальная не вездѣ сохранена и, можетъ быть, послѣ сдѣланы кое-какія добавленія.

Въ одномъ только спискѣ (Чудовскомъ) гораздо лучше сохра-

нены кое-какіе признаки древняго правописанія, напримѣръ, *ит*, а не *и*, — *аа* вмѣсто *ак*: да не забываалъ; *ъ* вмѣсто *ь* и т. п.

Слова встрѣчаются тѣ же, что и въ прежде означенныхъ болгарскихъ памятникахъ.

Изъ писателей, жившихъ послѣ князя Симеона, по имени извѣстенъ только одинъ Козма Пресвитеръ. Съ его именемъ осталось одно сочиненіе, сохранившееся въ позднихъ спискахъ: «Козма Пресвитера слово на еретикъ препрѣние и побъчєніє Ѡ богохъльныхъ книгъ (издано дурно въ Архиви заровјестнису Jugoslavensku, кн. IV, стр. 69 — 97). Въ немъ обозначено время написанія въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ одномъ сказано:

«Слѣхися Бѣгарьстѣи земли въ гѣто православнаго црѣ Петра бысть попъ именемъ Богѣмилъ. а по истинѣ Богѣне милъ. иже нача прѣвѣе ѣчити ереси въ земли Бѣгарьстѣи». Петръ наследовалъ своему отцу Симеону по его смерти (27-го мая 927 г.), а умеръ въ 969 году.

Въ другомъ мѣстѣ, представляя необходимость подражанія подвигамъ учителей церкви, Козма прибавляетъ:

«Подражаніє Іоанна Пресвитера новаго его же и отъ васъ самѣхъ мнози знаютъ. бывшаго пастѣха и экзарха въ земли бѣгарьстѣи».

Это сочиненіе важно особенно по тому, что представляетъ въ себѣ замѣтки объ особенностяхъ ученія богумиловъ, которое распространилось въ Болгаріи въ X вѣкѣ и потомъ далѣе на западъ, являсь къ Славянамъ съ востока, какъ кажется, изъ Арменіи.

И самъ болгарскій основатель этой секты писалъ книги, къ сожалѣнію не сохранившіяся или по крайней мѣрѣ доселѣ не открытыя. О нихъ упомянуто въ статьѣ о ересьяхъ (въ одномъ сборникѣ XV в.): «а еже о еретичьскихъ книгахъ Богумила поша. то боязливо его. зло хитростью въ словѣ семь извѣщено по тросину; но далѣе ничего нѣтъ. Тѣмъ дороже показанія Козмы пресвитера. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Что бо глѣють. іако (гѣдъ) нѣсть створилъ небесе ни земля ни всѣхъ видимыхъ.

О крестѣ же глѣють. како ся кмѣ ксть кланяти. сына бжїи на немъ распяша Жидове. тѣмъ же не навидѣти кою своя ѣчатъ а не кланятся.

Что бо ти глѣють о св. комканин іако не бжїимъ повелѣніємъ

творимо ксть комканіе. ни ксть тако же вы глѣте. тѣло Хрестѣво. но акты се и просто брашно. не бо дѣла Христосъ сътвори глѣбгю.

Тѣхъ ѡсты хлѣтитъ (диаволъ). вся преданія св. цркви. хотя погубити чингы молитвѣныя таже намъ предаша св. апліи и оціи.... Кымъ бо аплѣ или прѣподобникъ наказа вы еретики отметати законъ даныи бмѣ Моисѣви. Кбю ли направду обрѣтѣше въ пррѣдѣхъ хлѣтите я и не приѣмете. книгъ писанныхъ ими.... Еретици отмищѣтъ Авраама дрѣга бжита и Данила. и Захаріинны чади и прочихъ прркъ не приѣмлютъ.... Іоана же прчу црю вел слѣнца бечѣствують. антихрестова прчу наричють Прѣчѣтые бгѣмре господа нашего Іс. Ха не чтѣтъ. но много о ней бядуть.

Еретици слѣшавше апла Павла о кѣмирѣхъ рѣша. Не подобакъ намъ повинѣтися златѣ и сребрѣ. мнѣтъ бо окаанныи о иконахъ речено. да отъ того словесе обрѣтѣ (= обрѣтоша) еи винѣ не кланяются иконамъ но страха ради члѣкаго и въ црквѣ входятъ и кресты и иконы пѣлѣють тако же ны повѣдають. иже отъ нихъ обратшася на нашу истиннѣю вѣрѣ. глѣюще. тако вся сія творять члѣк ради. а не по срдѣцѣ. въ тайнѣ крыють свою вѣрѣ.

Проклѣтъ всякъ иже не прѣбѣдетъ въ всѣхъ писанныхъ въ законѣ.... кто бо вы ѡказа. тако нѣстъ то речено о томъ св. хлѣбѣ и о чаши. тако же то вы еретици блязнящеся бесѣдуете. тако о тетроевангеліи то есть речено. и опракосѣ апостолѣ, а не о св. комканіи.

Како же вы чины св. хлѣтити.... литѣргю мню и прочая мѣтвы.

И кто есть ставилъ по всей земли еппы и попы и прочіи чины црковныи. но тако же пишеть тако же свою правду хотяще поставити Божіи правдѣ не покоршася. Аще бо и въ глѣности живѣтъ правовѣрніи попове. тако же вы глѣте... но бжѣтва не хлѣтитъ. аще же вы еретици невѣрѣете тако бмѣ свящаеми суть въсегда ереси. то послѣшайте что глѣеть Павелъ.

Въ сохранившихся спискахъ уцѣлѣли почти исключительно только слова, напоминающіе о болгарскомъ языкѣ: елма, напаренъ, котыса, свита ѡсерязъ, любити (цѣловать) хыза и т. п.

Къ болгарскимъ памятникамъ X вѣка, по мнѣнію преосвященнаго Порфирія и въ слѣдъ за нимъ нѣкоторыхъ другихъ, слѣдуетъ отнести надпись глаголическими буквами на актѣ Иверскаго монастыря 6490 (982) года. Актъ этотъ сдѣлака Іоанна Ивера, основателя Иверскаго монастыря съ жителями ка-

стра Ерисса о земляхъ, принадлежащихъ этому монастырю. На этомъ-то актѣ пр. Порфирій нашелъ въ числѣ другихъ записей священниковъ и запись съ именемъ попъ Гиоргій (Указатель актовъ св. горы Аѳонской 1847. Изв. Археол. Общ. V, стр. 15). Разсмотрѣвъ этотъ актъ по семи фотографическимъ снимкамъ, я нашелъ письма глаголическія, но словъ попъ Гиоргій не нашелъ (Древн. Славян. Памятн., 10 14).

И. Срезневскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

О рациональной передачѣ греческихъ и латинскихъ словъ въ русской рѣчи и письмѣ. *А. А. Иванова*. Кіевъ. 1881.

Авторъ этой книги, *А. А. Ивановъ*, пользуется извѣстностью хорошаго филолога; защищаемая имъ система передачи греческихъ и латинскихъ словъ на русскомъ языкѣ, система орфографическая и вмѣстѣ съ тѣмъ орфоэпическая, нашла себѣ большое сочувствіе среди многихъ нашихъ филологовъ, и нѣкоторые изъ нихъ даже нашли возможнымъ примѣнить ее на практикѣ; поэтому поговорить о ней кажется намъ весьма не лишнимъ.

Греческія и латинскія слова находятся въ довольно большомъ числѣ въ нашемъ языкѣ и зашли въ него въ разныя эпохи и разными путями: одни—прямо изъ византийско-греческаго, другія—изъ позднѣйшаго латинскаго, третьи—отъ Нѣмцевъ, четвертыя—отъ Французовъ, болѣе или менѣе отличааясь другъ отъ друга по способу передачи звуковъ. Вслѣдствіе того у насъ теперь оказывается такое разнообразіе въ произношеніи греческихъ и латинскихъ звуковъ и въ передачѣ на письмѣ греческихъ и латинскихъ буквъ, что нѣкоторые наши филологи-пуристы приходятъ отъ него въ страшное негодованіе. Во главѣ этихъ филологовъ можно поставить г. Иванова. Онъ думаетъ, что современная наша передача греческихъ и латинскихъ словъ „часто ложна, бессмысленна, безтолкова“ (стр. 10), и потому требуетъ полной реформы и произношенія ихъ, и правописанія. Реформа эта, по ему убѣжденію, должна состоять въ слѣдующемъ:

1) о словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ изъ греческаго (кромя

совершенно обрусѣлыхъ), должно произноситься какъ французское *и*, нѣмецкое *й* и передаваться на письмѣ черезъ *у*;

2) *ѳ* тѣхъ же словъ должна имѣть произношеніе англійскаго *th*, ново-греческаго *ѳ*;

3) *х* и *т* всегда должны передаваться черезъ *к* и *т*, никогда черезъ *и*, также, какъ и латинское *с* и *т*;

4) *о* всегда должна произноситься и передаваться на письмѣ черезъ *с*, никогда черезъ *з*; также и латинскій *з*;

5) *ζ* должна произноситься какъ *дз*, а на письмѣ передаваться черезъ *з*;

6) густое придыханіе должно произноситься и изображаться какъ *h*, точно также и латинское *h*;

7) *ξ* должно произноситься и изображаться какъ *кс*, никогда какъ *кз*;

8) *αι* (равно какъ и латинское *ae*) должно произноситься какъ *ä* и изображаться въ собственныхъ именахъ черезъ *ä*, въ прочихъ же словахъ черезъ *ю*;

9) *οι* (какъ и латинское *oe*) должно передаваться черезъ *ö*;

10) *ει* должно передаваться черезъ *e* передъ гласными и чрезъ *i* передъ согласными, иногда же и черезъ *ей* (*эй*);

11) *αι* и *ευ* (латинское *ai*, *eu* должны передаваться черезъ *ав*, *ев*).

Сверхъ того, по мнѣнію г. Иванова, слѣдуетъ сохранять въ русскомъ произношеніи удареніе и долготу звуковъ греческихъ и латинскихъ словъ, и послѣднюю, кромѣ того, изображать въ письмѣ; греческія и латинскія окончанія должно замѣнить соответствующими имъ русскими, съ обязательнымъ сохраненіемъ грамматическаго рода.

Такова орфоэпическая и орфографическая система автора. Она вводитъ въ нашъ языкъ три (якобы) греко-латинскіе звука *ѳ*, *ä*, *ö*, и кромѣ того, пять долгихъ гласныхъ *ä*, *é*, *i*, *ô*, *ü*. Ихъ введеніе необходимо повлечетъ за собою введеніе цѣлаго ряда другихъ, сперва французскихъ и польскихъ носовыхъ, англійскаго *w* и еще нѣкоторыхъ европейскихъ, потомъ татарскихъ, персидскихъ и такъ далѣе¹⁾: развѣ нѣтъ въ нашемъ языкѣ татарскихъ и персидскихъ словъ, развѣ они не имѣютъ права на такую же національную передачу ихъ въ нашемъ произношеніи, какой г. Ивановъ удостоиваетъ греческія и латинскія? Такимъ образомъ русскій языкъ получитъ рядъ

¹⁾ Само собою разумется, что вмѣстѣ съ каждымъ изъ нихъ войдетъ въ нашу азбуку и новый знакъ.

новыхъ звуковъ, изъ которыхъ одни могутъ быть усвоены съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ значительнымъ числомъ русскихъ грамотныхъ людей, другіе (греко-англійск. th, англ. w, нѣкоторые татарскіе и персидскіе) — только очень немногими, и то при существованіи особыхъ, благоприятныхъ обстоятельствъ. Рационально ли это, и не значитъ ли, говоря словами почтеннаго автора, съ одной стороны, „причинять насиліе родному языку, съ другой—и выказывать черезчуръ большую внимательность чужеземнымъ“ (стр. 12)? Г. Ивановъ жестоко возстаетъ противъ суффикса *ur*, заимствованнаго нами у Нѣмцевъ и употребляющагося сравнительно въ небольшомъ числѣ словъ, и введеніе его въ нашъ языкъ объявляетъ „зловреднымъ, ибо (оно) отделяетъ нашу рѣчь отъ рѣчи всѣхъ славянскихъ народовъ“ и „унизительнымъ для (нашего) національнаго достоинства“, такъ какъ оно „налагаетъ клеймо удостовѣренія рабской зависимости несмысленныхъ дѣтей отъ иноземцевъ“ (стр. 35). Если рѣдкое употребленіе одного иностраннаго суффикса оказываетъ такое печальное дѣйствіе, то введеніе цѣлаго ряда чужихъ звуковъ, и притомъ въ значительной массѣ словъ, будетъ, конечно, несравненно болѣе печальное. Удивительно, какъ г. Ивановъ не обратилъ никакого вниманія на это обстоятельство! Не гораздо ли проще и естественнѣе передавать чужіе намъ звуки посредствомъ наиболѣе близкихъ къ нимъ звуковъ нашего роднаго языка, какъ это дѣлали мы до сихъ поръ, и какъ дѣлали и дѣлаютъ Французы, Нѣмцы и другіе Европейцы? Французы и Нѣмцы произносятъ чужія имъ th и y (письменная передача греческ. θ и υ) какъ родныя t и i; Французы, не имѣя звука x, не вводятъ его въ свой языкъ, а передаютъ его въ греческихъ словахъ (перешедшихъ къ нимъ безъ посредства латинскаго языка) черезъ ж, всегда въ произношеніи, а иногда и въ письмѣ: monarque=μόναρχος, Plutarque=Πλούταρχος, orchestre (произносится orkestre)=ὄρχηστρα, archéologie (произносится arkéologie)=ἀρχαιολογία. Почему и намъ не слѣдовать ихъ благому примѣру? Пусть наши гипотеза, гимназіа, тезисъ и т. п. въ своемъ обычномъ произношеніи не передаютъ греч. θ и υ, но зато мы не имѣемъ никакой надобности учиться выговаривать эти слова и слышимъ въ нихъ знакомые звуки. Такимъ образомъ выставленное г. Ивановымъ правило „передать какъ можно точнѣе звуки словесной массы“, чтобы получить полную законность, должно принять такой видъ: „передать звуки вошедшихъ въ русскій языкъ иностранныхъ словъ на сколько возможно точнѣе звуками русскаго языка и знаками русской азбуки“.

Есть еще одно очень важное обстоятельство, которое авторъ совершенно упустилъ изъ виду. Изъ греческихъ и латинскихъ словъ, находящихся въ нашемъ языкѣ, очень многія вошли въ него изъ французскаго и нѣмецкаго, въ офранцузенной и онѣмеченной формѣ. Такъ какъ г. Ивановъ (стр. 14) причисляетъ къ греческимъ и латинскимъ словамъ также и варварскія имена, если они перешли къ намъ въ англизированной или латинзированной формѣ, и рекомендуетъ намъ произносить и писать Дарей или Дарій, Набуходоносоръ, а не Дараявъ, Небукадвезаръ, какъ звучатъ эти имена по персидски и по халдейски, то мы въ правѣ бы ожидать отъ него такого же справедливаго отношенія и къ офранцузеннымъ, и къ онѣмеченнымъ греческимъ и латинскимъ словамъ; но онъ не хочетъ и знать, что слова теорія, театръ, фазисъ, экзаменовать и другіе перешли въ нашъ языкъ не непосредственно изъ греческаго и латинскаго, а черезъ посредство французскаго и нѣмецкаго, и что на нихъ надо смотрѣть какъ на французскія и нѣмецкія, и потому требуетъ, чтобы мы произносили и писали ихъ согласно съ греческимъ и латинскимъ произношеніемъ, то-есть, ееорія, ееатръ, фасъ, экзаминовать. Не означаетъ ли это, говоря его собственными словами, „безцеремонно нарушать законныя права иноземнаго языка, коимъ пользуемся, да и себѣ причинять затрудненія и неясности“? Мы полагаемъ, что имѣемъ право вводить греческое и латинское произношеніе и правописаніе только въ тѣ греческія и латинскія слова, которыя мы заимствовали и заимствуемъ изъ греческаго и латинскаго языковъ непосредственно, и не должны этого дѣлать съ тѣми, которыя мы получили черезъ посредство другихъ языковъ.

Почтенный авторъ требуетъ, чтобы мы произносили греческіе звуки такъ, какъ они звучали въ устахъ самихъ Грековъ. Но какихъ Грековъ? Исторія греческаго языка, какъ извѣстно, раздѣляется на четыре періода: древній періодъ процвѣтанія и независимости Греціи, затѣмъ римскій, византійскій и новый, и каждый изъ нихъ въ сравненіи съ другими имѣетъ болѣе или менѣе значительныя фонетическія особенности. Сочетанія α, ο, ε теперь, какъ и въ византійскій періодъ, звучатъ: первое какъ е, два послѣднія какъ і¹⁾; въ римскій періодъ они звучали нѣсколько иначе, такъ что Римляне находили нужнымъ передавать α—черезъ ae, ο—черезъ oe, ε—черезъ e и і,

¹⁾ О другомъ произношеніи ο вѣ византійскій періодъ см. статью г. Корна въ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1881 г., № 3, стр. 141.

а въ древній періодъ они несомнѣнно оставались еще дифтонгами. Какое изъ этихъ трехъ произношеній слѣдуетъ избрать для русскаго языка? Судя по тому, что г. Ивановъ восхваляетъ Нѣмца Любкера, не убоившагося ввести въ свой словарь „несомнѣнную истину“ и начавшаго писать *Aichylos, Aisōros, Oipomaos* и проч. (стр. 41—42), мы ожидали, что онъ выберетъ для этихъ дифтонговъ произношеніе древняго періода, но онъ, безъ всякихъ основательныхъ причинъ, принимаетъ произношеніе римскаго періода и рекомендуетъ вульгарное нѣмецкое правописаніе. Надѣмся, что ни одинъ благоразумный и свѣдущій человекъ не согласится съ ученымъ авторомъ. Если уже вводить къ намъ греческое произношеніе, то это произношеніе должно принадлежать періоду древнему, періоду процвѣтанія греческой литературы, памятники которой изучаются въ нашихъ гимназіяхъ и университетахъ, то-есть, общепринятое эразмовское. Правописаніе, конечно, должно передавать его сколько можно точно.

Этого мало: рекомендуя для дифтонговъ *αι, οι, ει* произношеніе римскаго періода, г. Ивановъ желаетъ произносить *θ* такъ, какъ звучитъ оно у ново-Грековъ. Они произносятъ его также, какъ Англичане свое *th*; что касается до Византійцевъ, то они выговаривали его какъ-то иначе: ново-греч. *θ* звучитъ нѣсколько сходно съ нашимъ *с*; между тѣмъ древнимъ Болгарамъ, а отчасти и Русскимъ, въ немъ слышался звукъ, близкій къ нашему *т*, какъ показываютъ древне-болг. Натанаилъ—*Ναθαναήλ*, Витанія—*Βιθανία*, Марта—*Μάρθα* (Саввина книга XI вѣка, напечатанная въ „Памятникахъ юсоваго письма“, Срезневскаго, стр. 62, 69, 70 ¹⁾), русск. темьянъ—*θουρίαμα*, Елисавета—*Ελισαβέθ*. Какъ произносилось *θ* въ римской и древней періоды, объ этомъ мы можемъ заключать по латинской транскрипціи этой буквы—*th*: она указываетъ на выговоръ, подобный тому, какой предполагаютъ для санскритскаго *th*, то-есть, нѣсколько близкій къ нашему сочетанію *тх*. Поэтому, вводя въ нашъ языкъ греческое произношеніе *θ*, мы должны передавать его черезъ *тх*, а не черезъ ново-греч. *θ*.

Г. Ивановъ очень любитъ ссылаться на нашу „разумную старину“. Ему кажется, что онъ „почти во всемъ возстановляетъ старину“, что „проведеніе его реформы есть почти ни что иное, какъ возстановле-

¹⁾ Цѣлый рядъ другихъ примѣровъ передачи греч. *θ* черезъ *т* г. Ивановъ можетъ найти въ календарѣ глаголическаго Ассеманіева (или Ватиканскаго) Евангелія, напечатанномъ въ «Свѣдѣніяхъ и Заимѣткахъ» Срезневскаго, № XV.

ніе и легкая поправка освященной вѣками древности“ стр. (22, 10). Но въ сожалѣнію, онъ совершенно незнакомъ съ нашею стариною. Ему воображается, что лишь недавно малограмотные, не прошедшіе классической школы, но бойкіе публицисты и иные писаки, наполняя нашу рѣчь и письмо разными безобразіями, стали сначала писать на обумъ буквы *ѳ* и *ѳ*, а въ самое послѣднее время совсѣмъ освобождаться отъ *ѳ*¹⁾, но мы должны возвратить его изъ области воображенія въ міръ дѣйствительности: въ смѣшеніи *ѳ* и *ѳ* новѣйшіе писаки нисколько не повинны, и оно началось у насъ не недавно, а съ XI вѣка, если не раньше, какъ это можно видѣть изъ Свято-славова Сборника 1073 года, писаннаго дьякомъ Іоанномъ, человекомъ по всей вѣроятности почтеннымъ, гдѣ мы читаемъ: фиміанъ (Miklosich, Lexicon palaeo-sloven. v. еиміанъ), анфракъ (ἀνδραξ), сапѣиръ (σαπφειρος), Фермодонта (Φερμιόδων), Саваофъ (Σαβαώθ) (Буслаевъ, Историч. Христоматія, стр. 265, 273). Въ памятникахъ послѣдующаго времени оно вполне обычно и указываетъ, конечно, не на что иное, какъ на то, что звука, соответствующаго византийско-греч. *θ*, въ русскомъ языкѣ не существовало уже и тогда, и что онъ замѣнялся другимъ звукомъ—*ѳ*. Поэтому, если мы хоть сколько-нибудь дорожимъ родною стариною, мы должны сохранить въ словахъ, перешедшихъ къ намъ изъ греческаго языка въ давнее время, передачу греч. *θ* черезъ *ѳ* въ произношеніи, черезъ *ѳ* и *ѳ* въ письмѣ, хотя, конечно, гораздо лучше изгнать изъ нашей азбуки одинъ изъ этихъ двухъ знаковъ, какъ совершенно излишній, именно *ѳ*.

Что касается до *ѳ*, то старина говоритъ въ пользу несохраненія греческаго звука и знака, а замѣны ихъ однимъ изъ двухъ русскихъ звуковъ и знаковъ *и* или *ю*²⁾: Свято-славовъ Сборникъ: фиміанъ, Лаврентьевскій списокъ Несторовой лѣтописи XIV вѣка: Вавилонъ, Ликія, Еюпетъ, Илюрикъ и друг. Такъ какъ, съ одной стороны, въ XVII вѣкѣ, во время исправленія церковныхъ книгъ, у насъ установилось произношеніе *ѳ* какъ *и*, а съ другой—теперь мы выговариваемъ греч. *ѳ* близко къ *ю*, то изъ двухъ древнихъ замѣнъ *и* и *ю* мы должны остановиться на первой для словъ, давно вошедшихъ въ

¹⁾ Автору, очевидно, не извѣстно, что въ началѣ 60-хъ годовъ у насъ въ Петербургѣ было нѣчто въ родѣ ореографическаго конгресса, и что на немъ постановлено было, между прочимъ, изгнать *ѳ* изъ русской азбуки.

²⁾ Да не поставитъ ученый авторъ намъ въ упрекъ, что *ю* мы называемъ звукомъ: *usus-tygannus!*

нашъ языкъ, и на второй—для словъ, вошедшихъ уже въ новѣйшее время. Буква *г*, какъ совершенно ненужная, должна быть окончательно изгнана изъ нашей азбуки.

Греческое *α* г. Ивановъ желаетъ передавать въ нѣкоторыхъ случаяхъ черезъ *ъ* и писать: *ѡресъ*, *ѡретикъ*, *архѡлогія*, *Грѣкъ* и т. д., на томъ основаніи, что этотъ дифтонгъ „изображался въ древней славяно-русской письменности соотвѣтственно ему буквою *ъ*, напримѣръ, *Кѣсарь*, *Грѣци*, *Іудѣй*, *Маккавѣй*“ (стр. 20). Слѣдуетъ замѣтить почтенному автору, что ссылка его на древность въ приведенной цитатѣ не вѣрна: слова *Кесарь* и *Грѣкъ* не писались никогда ни въ древне-болгарскихъ, ни въ древне-русскихъ памятникахъ черезъ *ъ*, точно также, какъ никогда не писалось *ѡресъ*, *ѡретикъ* и т. п. Въ виду того, что авторъ слишкомъ мало знакомъ съ древне-болгарскою и русскою письменностью, мы позволяемъ себѣ сообщить ему, что греч. *α* только тогда могло передаваться черезъ *ъ*, когда стояло послѣ согласной; слѣдовательно, оно не могло передаваться черезъ *ъ* ни тогда, когда находилось въ началѣ слова, ни тогда, когда передъ нимъ стояла гласная. Что касается до словъ *Іудѣй*, *Маккавѣй* и т. п., то хотя они и имѣютъ въ памятникахъ такое написаніе, но оно не единственное, съ нимъ рядомъ, не рѣже, если не чаще, употребляются написанія *Іудей*, *Маккаввей*. Чтобы не заставлять г. Иванова вѣрить намъ на слово, ссылаемся на древнѣйшій памятникъ русскаго письма—Остромирово Евангеліе, въ которомъ постоянно читается: *Іудей* (Ιουδαῖος), *Іудея* (Ιουδαία), *Галилея* (Γαλιλαία), *Ефремъ* (Ἐφραίμ), *Армаея* (Ἀρμαθαία), *Фарисей* (Φαρισαῖος), *Назарей* (Ναζαρεῖος), *Елеонъ* (Ἐλαιῶν), и др. Такъ какъ въ современномъ русскомъ языкѣ *ъ* не отличается въ произношеніи отъ *е*, то для передачи греч. *α* въ словахъ, давно вошедшихъ въ нашъ языкъ, мы должны выбрать изъ этихъ двухъ знаковъ наиболѣе употребительный, то-есть, послѣдній.

О греческихъ дифтонгахъ *αω* и *εω* г. Ивановъ думаетъ, что ихъ слѣдуетъ передавать въ русскомъ письмѣ черезъ *ав*, *ев* (о произношеніи ихъ онъ умалчиваетъ). Но древность (хотя она представляетъ и такую передачу этихъ дифтонговъ) рекомендуетъ намъ произносить и писать ихъ какъ *ав*, *ев*: Саввина книга: *еваѣ* (Евангеліе), *Левѣгн* (Λευῖ, стр. 67), *Евъстатій* (Ἐβστάθιος, стр. 131); Святославовъ Сборникъ 1073 года: *Авъгустъ* (Ἀβυβουστός, Истор. Хрестом., стр. 266).

Теперь нѣчто объ окончаніяхъ. Почтенный авторъ требуетъ, чтобъ окончанія греческихъ и латинскихъ словъ передѣлывались по

образцу тѣхъ или другихъ словъ русскихъ, и объявляеть „неразумными“ формы Кронось, Лесбось, Оксусь и другія, за то, что онѣ сохраняють греческія и латинскія окончанія. Но практика нашей старины, равно какъ и практика современныхъ иностранныхъ языковъ, показываетъ, что такая передѣлка не можетъ считаться для насъ обязательною: сравн. Христось и Χριστός, дискось и δίσκος, укусь и ὄξος, парусь и φᾶρος, а также Галъвась (Γάλβας, galba), Неруась (Νερούας, Nerua), Тивериось, Гаіось, Клавъдіось, Уиттелиось, Уеспасіанось, Титось, Дометіанось, вируліонъ (Βούρτιλον), — въ Святославовомъ сборникѣ (Буслаевъ, Истор. Хрест. стр. 266—267, 263—265).

Мы, кажется, достаточно ясно показали, что „раціональная“ орфоэпическая и орфографическая система г. Иванова недостаточно научна и недостаточно согласна съ нашимъ историческимъ преданіемъ, и что введеніе ея (еслибъ оно было возможно) было бы нарушеніемъ правъ, какъ нашего, такъ и чужеземныхъ языковъ. Не будучи нисколько врагами всякой разумной реформы нашей орфоэпическаго, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ (объ орфоэпическомъ мы не говоримъ), мы полагаемъ однако, что эта реформа или должна быть строго научною, то-есть, должна намъ дать правописаніе, основанное на послѣднихъ выводахъ языковѣдѣнія, или же она должна вести къ сближенію орфоэпическаго съ произношеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ къ облегченію усвоенія орфоэпическаго; всякую же другую реформу мы считаемъ бесполезною и излишнею.

А. Соболевскій.

Фонетическія изслѣдованія Мелвилля Беля.

English Visible Speech for the Million. By *Melville Bell*. London.
Sounds and their relations. By *Melville Bell*. London. 1882.

Мелвилль Бель, отецъ изобрѣтателя телефона, принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ современныхъ фонетиковъ, хотя до послѣдняго времени онъ не пользовался въ Европѣ и у насъ большою извѣстностью; въ Англіи, впрочемъ, его открытія были давно оценены по достоинству, и тамъ, въ числѣ его учениковъ и послѣдователей, можно было бы насчитать нѣсколько выдающихся именъ; достаточно будетъ упомянуть о Мерреѣ, Николѣ и Свигѣ. Учебникъ фонетики

последняго, по всей справедливости, долженъ почитаться лучшимъ руководствомъ этой нелегкой дисциплины. По ясности изложенія и точности описанія научныхъ фактовъ книга Свита превосходитъ всѣ известныя нѣмецкіе учебники.

Литературная дѣятельность М. Беля началась въ 1866 г. изданіемъ „Видимой рѣчи или науки всеобщей азбуки“ (Visible Speech; The science of Universal Alphabetic); съ тѣхъ поръ онъ неутомимо трудится, и въ спискѣ его сочиненій насчитывается до 18 книгъ, трактующихъ о различныхъ фонетическихъ вопросахъ. Заглавія сочиненій, выставленныхъ вверху настоящей замѣтки, принадлежать его последнимъ трудамъ. Обѣ книги заслуживаютъ полного вниманія специалистовъ, хотя русскій читатель, незнакомый съ ученою репутациею М. Беля, взглянувъ на обертку одной изъ этихъ книгъ, легко можетъ составить себѣ совершенно превратное понятіе объ ученомъ авторѣ. Изъ напечатаннаго при книгѣ объявленія читатель узнаетъ, что г. М. Бель, кромѣ теоретическихъ изслѣдованій, имѣетъ еще чисто практическую профессию: онъ лѣчитъ заиканіе, учитъ ораторству; авторъ „Видимой рѣчи“ берется совершенно уничтожить заиканіе и всякіе недостатки въ рѣчи. Опытъ двадцатипятилѣтней практики, говоритъ онъ, — гарантируетъ страждущимъ этими недостатками быстрое излѣченіе. Сообщая въ концѣ объявленія свой адресъ, авторъ ученаго и дѣльнаго трактата о звукахъ рекомендуетъ себя вниманію проповѣдниковъ, адвокатовъ, членовъ парламента и вообще всѣхъ тѣхъ, кто пожелалъ бы научиться принципамъ ораторскаго искусства; у него на дому даже дамы „receive special lessons, according to individual requirement“. Это нѣсколько странное объявленіе не лишено значенія для опредѣленія—откуда авторъ бралъ свой богатый научный матеріалъ, давшій ему возможность построить его оригинальную и въ высшей степени примѣчательную систему.

Обѣ книги, выше названныя, имѣютъ ту же задачу, что и первая книга автора „Visible Speech“. Авторъ пытается создать цѣлую систему всѣхъ возможныхъ главныхъ положеній голосовыхъ органовъ и ихъ функцій при образованіи членораздѣльныхъ звуковъ. Для обозначенія, какъ того, такъ и другаго, онъ придумалъ особое письмо (Visible Speech) по одному строго выдержанному принципу. Передъ читателемъ поставляется известный знакъ, и если онъ знакомъ съ весьма разнообразною символическою автора, начертанный знакъ безъ всякихъ описаній научаешь его условіямъ произведенія обозначаемаго знака. Понятно, что для такой цѣли, знаки нашихъ азбукъ совер-

шенно непригодны, и автору пришлось придумывать особня начертанія; онъ взялъ нѣсколько прямыхъ, кривыхъ и искривленныхъ линій, и эти линіи символизируютъ въ его системѣ положеніе голосовыхъ связокъ, языка, губъ при произведеніи различныхъ звуковъ. Начертанія Беля собственно не обозначаютъ звука, а рисуютъ передъ читателемъ какое-либо положеніе голосовыхъ органовъ, необходимымъ результатомъ котораго долженъ быть извѣстный звукъ. Хотя авторъ утверждаетъ въ предисловіи къ книгѣ „Sounds and their relations“, что его „Видимая рѣчь“ нашла себѣ широкое практическое приложение, что ее употребляютъ и миссіонеры, и въ дѣлѣ излѣченія заиканія и другихъ недостатковъ рѣчи, что къ ней прибѣгаютъ при изученіи глухонѣмыхъ артикуляціи, при изученіи иностранныхъ языковъ и т. д., тѣмъ не менѣе, мы полагаемъ, что Белевская система, не смотря на свою оригинальность, на строгую выдержанность основнаго принципа, дающую ей большое преимущество передъ всѣми извѣстными научными транскрипціями, требуетъ еще весьма значительныхъ упрощеній и усовершенствованій для того, чтобъ употребляться, хотя бы на примѣръ, при записаніи лингвистическаго матеріала.

Важное значеніе книгъ М. Беля однакоже состоитъ въ изложеніи тѣхъ собственныхъ наблюденій и открытій, однимъ изъ результатовъ которыхъ, и едва ли не самымъ важнымъ, слѣдуетъ почитать систему „видимой рѣчи“. Авторъ не описываетъ, подобно большинству фонетиковъ, то, что ему казалось, что онъ слышалъ, но излагаетъ видимаго условія зарожденія членораздѣльныхъ звуковъ: правда, многія изъ его наблюденій не подтверждаются послѣдующими изслѣдованіями, а нѣкоторыя изъ положеній оспариваются, но уже важно то, что Бель, строя свою фонетическую схему гласныхъ и согласныхъ, совершенно устранилъ изъ нея субъективный элементъ.

Фонетическая система Беля отличается значительною простотою, и при помощи таблицъ, приложенныхъ къ *The visible Speech for the million* весьма легко усваивается. Авторъ старался опредѣлить самыя важныя и необходимыя условія для произведенія членораздѣльныхъ звуковъ, или говоря его собственными словами, онъ старался описать „the essentials of articulation“; долгія занятія практическою фонетикою въ качествѣ преподавателя иностранныхъ языковъ и декламацин, а также опытъ цѣлителя заиканія и другихъ словесныхъ недостатковъ дали ему возможность разъяснить много темныхъ сторонъ въ самомъ актѣ произведенія членораздѣльныхъ звуковъ.

По мнѣнію Беля, самыми важными агентами при образованіи члено-

раздѣльныхъ звуковъ слѣдуетъ почитать: языкъ и губы; отъ ихъ положенія зависятъ различныя конфигураціи полости рта. Самый ротъ не болѣе какъ каналъ для прохожденія рѣчи; его полость можетъ подвергаться разнообразнымъ, весьма мелкимъ видоизмѣненіямъ, и всѣ они вліяютъ на качество звука; но рассматриваемый какъ цѣлое, ротъ, какъ бы ни видоизмѣнялась его полость, относится совершенно пассивно къ теченію рѣчи. Ротъ имѣетъ совершенно другое назначеніе: мы ѣдимъ, говоритъ Бель,—ртомъ, но говоримъ только черезъ ротъ (we eat with the mouth—we speak through it). Сообразно съ этимъ положеніемъ, въ его символическомъ письмѣ или видимой рѣчи отмѣчаются только видоизмѣненія губъ и мягкихъ органовъ полости рта; и этого, по мнѣнію Беля, совершенно достаточно для того, чтобы, смотря на начертанія, воспроизвести самый звукъ.

Такимъ образомъ фонетическая система Беля построена на основаніи наблюденій надъ положеніемъ языка и губъ при говореніи. Въ языкѣ онъ различаетъ три части: а) заднюю, б) вершину и с) кончикъ. Если мы представимъ себѣ языкъ находящимся въ покоѣ, то этимъ тремъ его частямъ соотвѣтствуютъ слѣдующіе пункты въ нѣбѣ: 1) задней — центръ мягкаго нѣба, 2) вершинѣ — нѣбныя дужки, 3) кончику—верхняя десна. Но въ этомъ нормальномъ соотношеніи частей языка и пунктовъ нѣба возможны два видоизмѣненія въ положеніи языка, и вслѣдствіе того, два рода формаціи звуковъ: а) внѣшнее (или переднее) положеніе и б) внутреннее (или заднее). При внѣшнемъ положеніи а) задняя часть языка противопоставляется соединенію мягкаго и твердаго нѣба, и б) та же часть языка при внутреннемъ положеніи противопоставляется краю мягкаго нѣба. Также точно вершина языка а) при внѣшнемъ положеніи противопоставляется пункту между центромъ нѣбной дужки и переднею нѣбною стѣнкой, б) при внутреннемъ же положеніи пункту между центромъ нѣбной дужки и соединеніемъ мягкаго и твердаго нѣба. Кончикъ языка а) при внѣшнемъ положеніи противопоставляется зубамъ или краю десенъ, б) при внутреннемъ — передней стѣнкѣ нѣба.

Если задняя часть языка будетъ сближена съ центромъ мягкаго нѣба, и черезъ образовавшійся вслѣдствіи этого узкій проходъ станетъ процѣживаться дыханіе, то въ результатѣ явится звукъ=нѣм. *sch*. При звучаніи голосовыхъ связокъ и сейчасъ сказанныхъ условіяхъ явится звукъ *g* въ нѣм. *auge* (при внутренней формаціи) или фр. *grasseyé* (при внѣшней формаціи).

Та же часть языка можетъ быть сближена съ нѣбомъ на столько, что дыханію будетъ положена полная преграда, оно какъ бы останавливается. Таковыя условія необходимы для произведенія *k* или *g* (при звучаніи голоса). Каждый изъ этихъ звуковъ имѣеть тройное видоизмѣненіе: 1) внѣшнее, 2) нормальное и 3) внутреннее. Если при вышеупомянутыхъ условіяхъ воздухъ станетъ проходить черезъ ноздри, то въ результатѣ явится или а) глухой *ng*, или звонкій *ng* (при звучаніи голоса).

Бель принимаетъ 52 типа согласныхъ звуковъ, и для каждого изъ нихъ имъ придумано особенное символическое обозначеніе. Эти 52 звука распадаются на два отдѣла: безголосые (то-есть, глухіе или *non-vocal*) и голосовые (то-есть, звонкіе или *vocalized*). Каждый отдѣлъ раздѣляется на пять классовъ: 1) гортанные (глухое и звонкое придыханіе и даже кашель, для обозначенія чего въ системѣ имѣется особый знакъ); 2) задніе, 3) вершинные, 5) конечные, 5) губные.

Звуки каждого класса бываютъ 1) первичные, напримѣръ, сейчасъ описанный звукъ *sch* въ нѣм. *nach*; 2) смѣшанные, напримѣръ, *gh* въ словѣ *sough*; условія для произведенія этого звука тѣ же, что и для предшествующаго, но кромѣ того, губы сближаются; 3) раздѣленные: языкъ прижимается къ мягкому нѣбу, и воздухъ проходитъ по бокамъ корня языка; какъ примѣръ такого звука Бель приводитъ: *his of water fowl*; 4) смѣшанно-раздѣленные; 5) закрытые, напримѣръ, *k*; 6) носовые, напримѣръ *ng*.

Важнѣйшія открытія сдѣланы Белемъ при описаніи и классификаціи гласныхъ. Ему удалось подмѣтить характерныя признаки, опредѣляющіе качество звука, и такимъ образомъ создать совершенно оригинальную систему гласныхъ, превосходящую своею точностью предшествующія нѣмецкія. Онъ принимаетъ 36 нормальныхъ гласныхъ и дѣлитъ ихъ на три отдѣла: 1) первичные, 2) широкіе и 3) округленные. Первичные и широкіе гласные образуются почти одинаково; но для произведенія послѣднихъ необходимо, кромѣ того, увеличеніе задней полости рта черезъ расширеніе мягкаго нѣба. Такъ напримѣръ, *i* въ фр. *fille* есть первичный звукъ, а въ англ. словѣ *ill*, *i* обозначаетъ широкій звукъ. Но какъ французскій, такъ и англійскій звукъ, появляется при одинаковомъ положеніи языка, то-есть, при поднятіи его середины къ вершинѣ нѣба. Округленные гласные суть гласные, видоизмѣненные положеніемъ губъ: а) самымъ тѣснымъ, б) среднимъ и с) широкимъ сближеніемъ губъ.

Каждый из трех отдѣловъ дѣлится на три класса, и каждый классъ содержитъ въ себѣ три рода звуковъ. Эта классификація основана на положеніи языка. Бель принимаетъ три главныя горизонтальныя положенія языка, и столько же вертикальныхъ: 1) Языкъ можетъ быть приподнятъ къ мягкому небу: при этомъ условіи являются гласные задніе. 2) Языкъ можетъ быть выдвинутъ впередъ и приподнятъ къ твердому нѣбу, и тогда рождаются гласные передніе. 3) Языкъ можетъ занимать срединное положеніе и такимъ образомъ быть необходимымъ условіемъ для появленія смѣшанныхъ или срединныхъ гласныхъ. Приподнятіе языка къ нѣбу бываетъ также неоднаковое: а) высокое, б) срединное и с) низкое.

Въ этомъ заключается главная сущность Белевой классификаціи гласныхъ. Кромѣ построенія этой классификаціи гласныхъ, за Белемъ слѣдуетъ признать еще другое важное наблюденіе: онъ, одновременно съ Еллисомъ, хотя независимо отъ послѣдняго и совершенно самостоятельно, развилъ въ своихъ книгахъ ученіе о переходныхъ звукахъ (glides).

Рекомендуя вниманію русскихъ читателей книги Беля, не умолчимъ однако же, что, не смотря на ясность изложенія, для вполнѣ вѣрнаго усвоенія ихъ необходима нѣкоторая подготовка. Авторъ—что едва ли можетъ быть поставлено въ вину—не многословенъ, а потому въ иныхъ случаяхъ можетъ показаться читателю, спеціально не подготовленному, не вполнѣ яснымъ.

Весьма обстоятельная характеристика старыхъ трудовъ Беля сдѣлана Штормомъ въ его сочиненіи: *Englische Philologie*. 1881. Еще подробнѣе и вѣрнѣе оцѣнены открытія Беля и ихъ значеніе Свитомъ въ его *Handbook of Phonetics*. (Oxford, 1879).

И. Миннаевъ.

Журналъ Болгарскаго литературнаго общества.

Периодическо Списание на Българското Книжовно Дружество. Урежда се отъ дѣловодителятъ на Дружеството *В. Д. Стояновъ*. Година I. Кн. I—XII (въ 8 книжкахъ). Браня. 1870—1876.

Периодическо Списание на Българското Книжовно Дружество въ Сръдецъ. Редакторъ *В. Д. Стояновъ*. Кн. I. Сръдецъ. 1882.

Въ маѣ текущаго года возобновился болгарскій журналъ, принятый основаннымъ въ 1869 году Болгарскимъ литературнымъ обществомъ. Считаемо великимъ познать русскихъ читателей

съ этимъ изданіемъ, а предварительно бросимъ взглядъ на происхождение того учрежденія, котораго оно служитъ органомъ. Около тридцати лѣтъ тому назадъ, возникла впервые среди нѣкоторыхъ образованныхъ Болгаръ мысль объ основаніи литературнаго общества; именно въ 1852 г. въ Петербургѣ нѣсколько Болгаръ — нынѣшній русскій консулъ въ Дубровникѣ г. К. Петковичъ, нынѣшній митрополитъ Охридскій, пребывающій нынѣ въ Ловчѣ, Наѵанаилъ, и еще два лица, родомъ изъ Велеса, въ Македоніи, составили проектъ Болгарской матицы по примѣру Сербовъ и Чеховъ съ цѣлю „распространенія просвѣщенія между Болгарами“. Этотъ проектъ въ томъ же году, кромѣ выше указанныхъ петербургскихъ Болгаръ, былъ подписанъ нѣсколькими вліятельными тогда Болгарами, жившими въ Прагѣ и Вѣнѣ, затѣмъ въ слѣдующемъ году—нѣкоторыми Болгарами константинопольскими, а въ 1855 г. — жившими въ Одессѣ. Но по какимъ-то причинамъ проектъ этотъ не могъ быть тогда же осуществленъ. Затѣмъ въ концѣ 1857 г. устроилась въ Константинополѣ Болгарская литературная община (Българска Книжевна Община), органомъ которой былъ Българскы Книжици (Болгарскія книжки), издававшіяся въ продолженіе четырехъ лѣтъ и содержавшія въ себѣ много цѣнныхъ данныхъ для исторіи новѣйшей литературы и просвѣщенія у Болгаръ. Далѣе, въ 1859, году, извѣстный ученый энтузіастъ, литераторъ, публицистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хайдукъ и горячій патріотъ С. Г. Раковскій высказалъ печатно мысль объ основаніи подобнаго же общества ¹⁾, и въ первыхъ нумерахъ газеты, которую онъ издавалъ въ Болградѣ: Дунавскій Лебедъ (1859—1861 гг.), былъ даже напечатанъ проектъ устава такого учрежденія. Въ 1861 году жившіе въ Букурештѣ Болгары также задумали основать общество съ цѣлю содѣйствовать народному образованію у Болгаръ; главнымъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ былъ ученый Болгаринъ Александръ хаджи Россети, родомъ изъ Рущука, извѣстный между прочимъ тѣмъ, что первый издалъ карту Балканскаго полуострова на болгарскомъ языкѣ ²⁾. Не мало работали для основанія литературнаго общества и Болгары, жившіе въ Браиловѣ въ 1857 и 1863 гг., но плодомъ ихъ

¹⁾ Показалець. Одесса, 1859.

²⁾ Эта первая болгарская карта, изданная въ Страсбургѣ въ 1839 г., составляетъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость; въ Болгаріи я видѣлъ только одинъ экземпляръ ея въ библиотекѣ мужскаго Тырновскаго училища.

усилій было только изданіе въ 1863 г. газеты Българска Пчела. Въ томъ же году выступилъ съ новымъ проектомъ общества для распространенія просвѣщенія между Болгарами П. Калянджи (изъ Лясковца подъ Тырновымъ), авторъ нѣсколькихъ школьныхъ книжекъ, переведшій также на болгарскій языкъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, сочиненія Ө. Булгарина, но мысль Калянджи осуществилась только въ 1871 г., когда стараніями его брата И. С. Иванова, бывшаго тогда кишиневскимъ исправникомъ, и монаховъ Аѳонскаго Зографскаго монастыря, жившихъ по долгу службы въ Киприановскомъ монастырѣ въ Бессарабіи, учредилось наконецъ Кишиневское Болгарское общество распространенія образованія между Болгарами.

Можно однако сказать, что изъ всѣхъ литературныхъ кружковъ, затѣвавшихся среди Болгаръ, только константинопольская Българска Книжевна Община имѣла достаточныя средства устроиться на прочныхъ основаніяхъ, окрѣпнуть, развиться и развить плодотворную дѣятельность; и дѣйствительно, въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ своего существованія принесла она Болгарскому народу не мало пользы. Но въ сожалѣнію, и эта община не могла долго просуществовать и должна была закрыться, какъ признаютъ сами Болгары, „по причинѣ ихъ незрѣлости и совершенной неподготовленности для подобнаго рода предпріятій“ ¹⁾. Наконецъ, въ 1869 г., послѣ непрерывныхъ хлопотъ въ теченіе двухъ лѣтъ и непреодолимыхъ съ перваго взгляда препятствій, Болгарамъ удалось основать Българско Книжново Дружество. Первая мысль объ основаніи этого дружества зародилась въ 1867 г. у Болгаръ, жившихъ въ то время въ Прагѣ, и сколько мнѣ извѣстно, принадлежитъ нынѣшнему редактору Периодич. Списанія, В. Д. Стоянову, получившему высшее образованіе въ Пражскомъ университетѣ. Стояновъ предпринялъ поѣздку къ интеллигентнымъ и богатымъ Болгарамъ, жившимъ въ Румыніи, Одессѣ и Бессарабіи съ цѣлю объяснить значеніе и цѣль затѣваемаго имъ дружества. Это свое подготовительное дѣло онъ выполнилъ довольно удачно, и въ 1868 г. мысль пражскихъ Болгаръ уже была усвоена многими другими Болгарами; оставалось только согласить образъ дѣйствія болѣе вліятельныхъ лицъ для того, чтобы мысль могла получить правильное и скорѣйшее осуществленіе; но достигнуть этого было не такъ-то легко, вслѣдствіе того, что сперва многіе изъ авторитетныхъ и богатыхъ Болгаръ, люди получившіе по большей части

¹⁾ *Периодическо Списаніе*. Кв. I, 1882, стр. 9.

самое ограниченное образованіе, относились къ дѣлу крайне свое-
нравно. Наконецъ, послѣ долгой переписки между болгарскими общи-
нами въ Букурештѣ, Браиловѣ, Галацѣ, Болградѣ, Кишиневѣ, Одессѣ
и другихъ мѣстахъ, были обнародованы два предварительные проекта
устава будущаго общества и разосланы всѣмъ лицамъ, интересо-
вавшимся его устройствомъ, для сообщенія своихъ замѣчаній. За-
мѣчанія эти предполагалось обсудить въ собраніи, составленномъ
изъ болѣе компетентныхъ лицъ, которое и должно было выработать
самый уставъ общества и дать ему окончательную форму. Въ то
же время собрано было по подпискѣ до 200,000 франковъ, обращен-
ныхъ въ капиталъ общества. Предположенное собраніе состоялось
25-го сентября 1869 г. въ Галацѣ, но оттуда по непредвидѣннымъ
обстоятельствамъ было перенесено въ Браиловъ, и здѣсь ежедневно
до конца означеннаго мѣсяца происходили регулярныя совѣщанія, на
которыхъ и составленъ былъ окончательный уставъ общества. На-
конецъ, 1-го октября 1869 года Българско Книжовно Дружество было
открыто ¹⁾.

По уставу ²⁾ мѣстопребываніе общества назначено было въ Браи-
ловѣ, въ Румыніи. „Цѣль общества—распространять всестороннее
просвѣщеніе въ Българскомъ народѣ и направлять его по пути къ ма-
теріальному благосостоянію“. Въ кругъ дѣйствій общества входитъ
слѣдующее: а) обработка и усовершенствованіе болгарскаго языка, бол-
гарской исторіи и національной болгарской литературы вообще; б) рас-
пространеніе всесторонняго просвѣщенія въ Българскомъ народѣ, а
именно: общество распространяетъ свѣдѣнія, во первыхъ, о благо-
нравномъ воспитаніи болгарской молодежи обоого пола въ національ-
номъ духѣ; во вторыхъ, объ улучшеніи и преуспѣяніи болгарскихъ
училищъ, мужскихъ и женскихъ, сообразно съ духомъ и нуждами Бол-
гарскаго народа; въ третьихъ, объ учебныхъ книгахъ, которыя удобно
и пригодно вводить въ болгарскія училища и писать для послѣд-
нихъ; въ четвертыхъ, объ обязанностяхъ челоуѣка къ самому себѣ,
къ своимъ приближеннымъ, къ обществу, къ народу, къ отечеству,
къ государству и т. п.; въ пятыхъ, о славныхъ и извѣстныхъ ли-
цахъ особенно просвѣщеннаго міра, которыя, благодаря своему вы-
сокому образованію и обширнымъ знаніямъ, оказали незабвенныя за-

¹⁾ Въ эти свѣдѣнія почерпнуты мною изъ очень интересной статьи В. Д. Стоянова въ *Период. Списание* того же года, стр. 6—13.

²⁾ Уставъ на Българско-го Книжовно Дружество. Браила. 1869.

слуги народу и отечеству и челоуѣчеству вообще; шестыхъ, о всѣхъ наукахъ, искусствахъ и художествахъ; седьмыхъ, объ образованіи національнаго болгарскаго духовенства вообще и его славныхъ заслугахъ, направленныхъ къ чести, славѣ и величію православной болгарской церкви и народности; восьмыхъ, о средствахъ и способахъ къ матеріальному обогащенію и преуспѣванію Болгарскаго народа. Кромѣ того, общество должно заботиться объ изученіи народнаго быта Болгарь и вообще всѣхъ сосѣднихъ народовъ, о собираніи различныхъ свѣдѣній для изученіи Болгаріи, о собраніи свѣдѣній о виѣшней и внутренней жизни и дѣлахъ просвѣщенныхъ народовъ. Наконецъ, общество должно устраивать бесѣды, на которыхъ будутъ читаться лекціи по различнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и художествъ. На мѣстѣ своего пребыванія общество можетъ устраивать выставки различныхъ литературныхъ предметовъ, изящныхъ искусствъ и т. п. и открывать конкурсы литературные, художественные, археологическіе. Для этого общество должно войти въ тѣсныя сношенія съ ученымъ міромъ и въ частности со всѣми хорошо образованными Болгарами и національными учреждениями. Для оглашенія своихъ намѣреній и дѣйствій общество имѣетъ два органа: одинъ изъ нихъ, подъ заглавіемъ Сборникъ, будетъ заключать въ себѣ главнымъ образомъ матеріалы по болгарскому языку, болгарской исторіи и словесности, отчасти статьи по разнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и художествъ, и на первое время будетъ выходить двумя или тремя книгами въ годъ. Другой органъ Общества, подъ заглавіемъ Периодическо Списание, будетъ служить для другихъ цѣлей общества и долженъ выходить періодически, на первое время по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ. Общество заведетъ свою бібліотеку, которая будетъ обогащаться постепенно, а на первое время будетъ снабжена такими именно сочиненіями, періодическими изданіями и пр. на разныхъ языкахъ, которыя особенно необходимы обществу для устройства его дѣлъ,—а также и такими, въ которыхъ по преимуществу говорится о Болгарахъ и Болгаріи. Кромѣ того, общество позаботится снабжать свою бібліотеку всѣми болгарскими книгами, періодическими и т. п. изданіями, которыя были изданы прежде или издаются нынѣ. Общество будетъ также стараться устроить при бібліотекѣ собранія старыхъ болгарскихъ и не-болгарскихъ книгъ, рукописей, монетъ и т. п. рѣдкостей и достопримѣчательностей. Если окажутся какія-либо не напечатанныя (или и напечатанныя, но уже вышедшія изъ продажи болгарскія и неболгарскія) книги и изданія, почему-либо полезныя

какому бы ни было классу Болгарскаго народа, и некому будетъ издавать ихъ, то общество или само приметъ на себя изданіе ихъ, или окажетъ матеріальное пособіе для ихъ изданія, или по крайней мѣрѣ нравственно будетъ способствовать обнародованію ихъ на средства кого-либо изъ богатыхъ покровителей наукъ. Общество можетъ переводить и также издавать на другихъ языкахъ какія-либо болгарскія сочиненія и другія произведенія, если въ этомъ явится надобность. Общество можетъ посылать повсюду по своимъ дѣламъ своихъ членовъ, какъ для сношеній съ подобными учрежденіями, такъ и для ученыхъ цѣлей.

Всѣ дѣйствительные члены общества должны быть исключительно болгарскаго происхожденія, какъ и всѣ члены комитета (настоятельства) общества. Кромѣ того, каждый дѣйствительный членъ не только долженъ быть съ высшимъ образованіемъ, или съ научными заслугами, но и извѣстенъ своимъ хорошимъ направленіемъ и характеромъ ¹⁾. Общество ежегодно имѣетъ одно общее собраніе, обыкновенно 25-го іюня, на которомъ, кромѣ отчета о дѣятельности общества, читаются рефераты по разнымъ отраслямъ знанія. Предсѣдателемъ общества и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ и есть извѣстный проф. М. С. Дриновъ.

Матеріальныя средства общества образуются: 1) изъ добровольныхъ пожертвованій и взносовъ членовъ, 2) отъ продажи изданій, и 3) изъ частныхъ денежныхъ и другихъ пожертвованій. Самыя крупныя пожертвованія въ пользу общества были сдѣланы одесскими купцами изъ Болгаръ (до 62158 франк.). Сумма же всѣхъ обѣщанныхъ пожертвованій, какъ сказано выше, простиралась до 200000 франковъ ²⁾, но изъ нихъ поступило въ распоряженіе общества только 38,000.

Послѣ открытія общества прошли цѣлые мѣсяцы, пока не собрана была отъ жертвователей небольшая сумма денегъ, на которыя можно было начать изданіе одного изъ предположенныхъ органовъ — Периодическо Списание. Общество должно было воспѣшить начатіемъ изданія хотя одного изъ обѣщанныхъ имъ

¹⁾ Последнее условіе вполне разумно и даже въ турецкое время необходимо было для Болгаръ, такъ какъ многіе непрізнанные ученые вслѣдствіе своего ограниченнаго образованія и плохаго воспитанія, всегда всѣмъ бывали недовольны, ждали измѣнить все по своему и если находили отпоръ, то старались внести въ общество раздоръ и смуту.

²⁾ *Периодическо Списание*, Г. I, кн. I, стр. I, II, VII, XI и XII, стр. 228-

органовъ, чтобы внушить къ себѣ довѣріе Болгаръ, которые, даже болѣе образованные, относились довольно скептически къ разнаго рода издательскимъ предпріятіямъ послѣ того, какъ бывали предприниматели, которые, собравъ деньги, не всегда считали нужнымъ исполнять свои обѣщанія. Главными распорядителями по изданію были В. Друмевъ (нынѣ епископъ Бранницкій Климентъ, управляющій Терновскою епархіей и директоръ болгарскаго духовнаго Лясковскаго училища въ монастырѣ св. Петра и Павла надъ Терновымъ и с. Лясковцемъ) и В. Д. Стояновъ, который и былъ настоящимъ редакторомъ журнала. Уже съ самаго начала дѣла журнала пошли плохо вслѣдствіе недостатка средствъ. По всей вѣроятности, и редакція, отчасти по неопытности, а отчасти въ надеждѣ, что послѣ выхода въ свѣтъ первыхъ книжекъ журнала въ 1870 г. поступятъ новыя суммы изъ обѣщанныхъ пожертвованій, не особенно осторожно обращалась съ деньгами, находившимися въ ея распоряженіи, чѣмъ и вызвала противъ себя вскорѣ печатные памфлеты и летучіе листки съ карриатурами. Вслѣдствіе того, дѣла общества если и не разстроились, то ухудшились. Редакція могла выпускать только по двѣ книжки въ годъ, а въ 1875 году общество не могло выпустить ни одной. Такимъ образомъ 12 книжекъ выходили въ теченіе шести лѣтъ. Вообще дѣла общества по изданію шли такъ плохо, что одно время былъ даже пущенъ слухъ, что редакторъ журнала скрылся, оставивъ дѣло на произволъ судьбы. На сколько это вѣрно, не беремса сказать, но извѣстно, что VII—VIII книжка вышла безъ означенія имени редактора, а на IX—X отмѣченъ уже редакторомъ homo novus et ignotus Т. Пейовъ. Какъ бы то ни было, но общество при своихъ дѣйствительно стѣсненныхъ обстоятельствахъ сдѣлало все, что было въ силѣ сдѣлать: кромѣ изданія журнала, оно сформировало бібліотеку, состоящую изъ 300 названій, правда, большею частію книгъ, поступившихъ въ даръ, и положило начало музею изъ небольшихъ коллекцій славянскихъ, старо-болгарскихъ и другихъ рукописей, монетъ и разныхъ предметовъ по естественной исторіи.

Будучи общеполгарскимъ предпріятіемъ, Българско Книжново Дружество должно было быть средоточіемъ всего ученаго и образованнаго болгарскаго міра. На дѣлѣ однако вышло не такъ. Въ самомъ Браиловѣ жило очень мало членовъ общества, и на общихъ годичныхъ собраніяхъ собиралось очень немного членовъ, а иногда такъ мало, что приходилось даже отсрочивать засѣданія. Вслѣдствіе нахожденія общества внѣ предѣловъ самой Болгаріи, издаваемыя имъ

книги, хотя и читались вездѣ въ Болгаріи и свободно перевозились тогда изъ Румыніи, однако были мало распространены между Болгарами, тѣмъ болѣе, что ихъ содержаніе по большей части было выше пониманія большинства болгарскихъ грамотѣевъ. Администрація журнала видѣла причину неуспѣшнаго распространенія изданій общества среди читающей массы Болгарскаго народа въ томъ, что общество не имѣло искреннихъ и ревностныхъ друзей, которые заботились бы о томъ. Вслѣдствіе того, вскорѣ по открытіи общества въ Браиловѣ возбужденъ былъ вопросъ о перенесеніи его въ Константинополь. Послѣ долгихъ хлопотъ дѣло было уже близко къ осуществленію, но возстаніе 1876 г. и затѣмъ русско-турецкая война помѣшали тому. Какъ бы то ни было, по окончаніи въ 1876 г. перваго года изданія своего журнала, общество должно было прекратить свою дѣятельность на болѣе или менѣе продолжительное время — отчасти вслѣдствіе тогдашнихъ событій въ Болгаріи, а главнымъ образомъ по недостатку средствъ и по недостатку людей, какъ объясняетъ администрація журнала ¹⁾).

По окончаніи войны главные члены общества, въ засѣданіи 28-го ноября 1878 г., состоявшемся въ Браиловѣ, рѣшили перевести общество въ Болгарію, въ столичный городъ, и тамъ немедленно возобновить дѣятельность общества. Въ томъ же году перевезены были въ Софію архивъ, библиотека, археологическія коллекціи и прочее имущество общества и помѣщены на храненіе въ національной библиотекѣ. Но и тутъ оказалось невозможнымъ немедленно возобновить дѣятельность общества, такъ какъ всѣ интеллигентныя силы Болгаріи были заняты ея гражданскимъ устройствомъ и увлечены бесплодною и неблагоприятною борьбою политическихъ партій, возбужденныхъ и водимыхъ эгоистическими влеченіями, интересами и дурными наклонностями нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ. Только въ концѣ 1880 г. нѣкоторые изъ членовъ общества приготовили кое-что къ возобновленію его дѣятельности, и въ то же время, по ихъ представленію болгарское народное собраніе ассигновало 12,000 франк. для изданія журнала общества. Но и въ слѣдующемъ году дѣятельность общества не была возобновлена по тѣмъ же причинамъ; при содѣйствіи министерства народнаго просвѣщенія только получены всѣ деньги, собранныя еще до перенесенія общества въ Болгарію и хранившіяся у одного изъ браиловскихъ болгарскихъ купцовъ, и помѣщены на

¹⁾ *Периодическо Списание*. Г. I. кн. XI и XII, стр. 227—229.

храненіе въ національный банкъ. Всѣ эти деньги съ процентами превышаютъ нынѣ 50,000 франковъ. Наконецъ 4-го сентября прошлаго года дѣйствительные члены проф. М. С. Дриновъ и В. Д. Стояновъ и членъ-корреспондентъ К. Иречекъ собрались въ помѣщеніи министерства народнаго просвѣщенія, и обсудивъ предварительно вопросъ о возобновеніи дѣятельности общества, рѣшили созвать собраніе изъ всѣхъ находившихся въ Софіи членовъ его для подробнаго и окончательнаго обсужденія поднятаго имъ вопроса. Такимъ образомъ 5-го октября, по приглашенію министерства народнаго просвѣщенія, собрались въ зданіи Болгарской національной Библиотеки 15 членовъ общества подъ предѣлательствомъ проф. М. С. Дринова, и здѣсь рѣшено было единогласно возобновить въ Софіи дѣятельность общества съ 1882 года. Собраніе, кромѣ того, уполномочило министра народнаго просвѣщенія выбрать пятичленную комиссію для временнаго управленія дѣлами общества до слѣдующаго общаго годичнаго собранія. Комиссія была составлена изъ дѣйствительныхъ членовъ и нѣкоторыхъ изъ болѣе свѣдущихъ и опытныхъ членовъ-корреспондентовъ, пребывающихъ постоянно въ Софіи; въ ней между прочимъ состоятъ К. Иречекъ и В. Стояновъ. Въ случаѣ надобности она можетъ увеличивать свой составъ. На комиссію возложено: 1) всесторонне изучить состояніе дѣлъ общества, и привести въ надлежащій порядокъ собраннаго и не собраннаго архива, библиотечку, археологическую коллекцію и все остальное его имущество; 2) позаботиться объ изданіи съ нынѣшняго новаго года журнала общества, *Периодическо Списание*, по прежней программѣ и безъ измѣненія прежняго направленія; 3) возобновить сношенія общества съ разными учеными корпораціями и частными учеными лицами, и кромѣ того, завязать сношенія съ новыми такими же учрежденіями и лицами, въ особенности въ славянскомъ ученномъ мірѣ; 4) позаботиться, согласно уставу, объ увеличеніи числа членовъ-корреспондентовъ общества изъ новыхъ свѣжихъ силъ, которыя будутъ сотрудниками въ возобновленной дѣятельности общества; 5) выработать проектъ новаго устава общества согласно съ сущностью и характеромъ существующаго устава и новымъ положеніемъ Болгарскаго народа, и затѣмъ этотъ проектъ представить на разсмотрѣніе будущаго общаго собранія общества, и 6) позаботиться о распространеніи изданій общества въ народъ ¹⁾.

¹⁾ Записка В. Д. Стоянова—*Периодическо Списание*. 1882, вѣ. I, стр. 18—22, а подробности—въ его же докладѣ министру народнаго просвѣщенія о нынѣшнемъ состояніи общества — тамъ же, стр. 183—196.

Въ томъ же засѣданіи выбраны были нѣсколько новыхъ членовъ общества. Изъ рѣшеній комиссіи можно отмѣтить то, что будущее общее годичное собраніе общества предположено совать въ Филиппополь, а затѣмъ слѣдующее за этимъ въ Шуменъ-Прѣславъ или Тырново, и такъ далѣе. Что же касается органа общества Периодическо Списание, то рѣшено издавать его на субсидію, выдаваемую ежегодно отъ правительства въ размѣрѣ 12.000 франковъ, подъ редакціей В. Д. Стоянова, въ годъ по шести книжекъ, по крайвей мѣрѣ въ 10 печатныхъ листовъ каждая. Комиссія старается и надѣется привести дѣла общества въ такое состояніе, что оно не постыдится обратиться къ Болгарскому князю съ нижайшею просьбой о его согласіи быть своимъ покровителемъ и верховнымъ почетнымъ предсѣдателемъ и удостоивать своимъ присутвіемъ его засѣданія. Наконецъ, чрезъ посредство князя общество получить, если уже не получило, въ даръ отъ Софійскаго городскаго общиннаго управленія участокъ земли въ лучшей части города Софіи для постройки собственнаго дома, къ чему оно и надѣется приступить весной 1883 года.

Остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ книжкахъ журнала общества, которыя изданы до настоящаго времени. Послѣ Българскы Книжици, выходившихъ въ Константинополь, Периодическо Списание было единственнымъ серьезнымъ болгарскимъ періодическимъ изданіемъ, и можетъ быть, и на будущее время останется такимъ же. Согласно уставу общества, содержаніе 12-ти вышедшихъ въ свѣтъ книжекъ перваго года журнала распредѣлено по тремъ отдѣламъ: литературному, въ который вошли беллетристическія произведенія въ прозѣ и стихахъ, какъ оригинальныя, такъ и переведенныя съ другихъ языковъ, научному, въ которомъ заключаются статьи по нѣкоторымъ отраслямъ наукъ, и наконецъ, критическому, гдѣ помѣщены библиографическія извѣстія, рецензіи и критическіе разборы разныхъ новыхъ произведеній новой болгарской литературы, а также и нѣкоторыхъ иностранныхъ сочиненій, которыя чѣмъ-либо касаются Болгарскаго народа и Болгаріи.

Беллетристическій отдѣлъ въ первомъ году журнала былъ небольшой, но довольно удачный; тутъ помѣщены: „Разбойники“ Шиллера въ довольно хорошемъ переводѣ даровитаго болгарскаго писателя, къ сожалѣнію, рано умершаго, Н. Бончева (кн. II, III, IV и V—VI) и „Тарасъ Бульба“ Гоголя въ свосномъ переводѣ того же Бончева (кн. VII—VIII и IX—X). По этому поводу тѣмъ же Бончевымъ составлена статья: „Классическіе европейскіе писатели на Бол-

гарскомъ языкѣ и польза отъ изученія ихъ произведеній“ (кн. VII—VIII), гдѣ изложена краткая біографія Гоголя и характеристика его сочиненій. Кроме того, напечатаны нѣсколько стихотвореній двухъ лучшихъ современныхъ болгарскихъ поэтовъ: покойнаго Живнифова (I), Македонца, учительствовавшего въ Москвѣ, и Вазова (кн. II, III и V—VI), лучшаго современнаго болгарскаго поэта, пишущаго и теперь, да сверхъ того, два стихотворенія малоизвѣстнаго Донева.

Научный отдѣлъ—самый обширный и разнообразный; сюда вошли статьи по исторіи Болгаріи церковной, гражданской и литературной и нѣсколько памятниковъ литературныхъ и историческихъ, по церковному праву болгарскому, и наконецъ, нѣсколько статей педагогическихъ. Изъ историческихъ статей обращаютъ на себя вниманіе труды профессора М. С. Дринова: весьма интересные „Новые памятники для исторіи Болгарь и ихъ сосѣдей“ (кн. I и II), — извлеченіе изъ его отчета объ ученыхъ занятіяхъ за границей, — нѣсколько историко-литературныхъ замѣтокъ объ отцѣ Паисіѣ, составительѣ болгарской исторіи (кн. IV), „Вопросъ о болгарской и сербской перевахъ предъ судомъ Ліонскаго собора въ 1274 г.“ (кн. VII—VIII), „Начало Самуиловой державы“ (кн. X—XI и XI—XII), и болгарскій переводъ съ примѣчаніями „трехъ грамотъ императора Василя II болгарскому Охридскому архіепископу Іоанну около 1020 г.“ (кн. VII—VIII); не безъинтересно кандидатское сочиненіе г. Райка Королева, получившаго высшее образованіе въ Кіевской духовной академіи, „О богомильствѣ“ (кн. III, IV, V—VI и VII—VIII), какъ первый трудъ на болгарскомъ языкѣ о богомилахъ, хотя и съ большими недостатками, указанными отчасти въ небольшой и довольно снисходительной рецензій въ кн. VII—VIII Периодическаго Списанія. Заслуживаетъ также вниманія небольшая замѣтка В. Поповича о двухъ „пергаментныхъ староболгарскихъ рукописяхъ“ XIV—XV вв. (кн. VII—VIII, стр. 42—44). Нужно благодарить общество за переизданіе автобіографіи Софронія, епископа Врачанскаго, съ введеніемъ и примѣчаніями, къ сожалѣнію, не оконченными, С. Г. Раковскаго ¹⁾, сочиненія іеромонаха Неофита Бозвели: „Мати-Болгарія“, съ предисловіемъ, а также весьма интереснаго письма Иларіона, перваго болгарскаго митрополита Търновскаго послѣ

¹⁾ По этому изданію автобіографія епископа Софронія переведена мной на русскій языкъ (*Славянскій Сборникъ*, изд. С.-Петербургскимъ Славянскимъ благотворительномъ обществомъ. Т. II, отд. IV, стр. 5—26).

основаніи Болгарской экзархіи, также съ предисловіемъ (въ статьѣ: „Матеріалы для исторіи духовнаго возрожденія болгарскаго народа“).

Весьма интересны статьи профессора М. С. Дринова „О новоболгарской азбуцѣ“ (кн. II) и „Азбука Болгарскаго литературнаго общества и г. Мушякъ“ (кн. IX—X) и „Еще одна защита новоболгарской азбуки вмѣстѣ съ одною поправкою въ ней“ (XI—XII). Согласно уставу, одну изъ задачъ Болгарскаго литературнаго общества составляетъ разработка и усовершенствованіе болгарскаго языка. Общество нашло нужнымъ прежде всего установить правописаніе для болгарскаго литературнаго языка.

Только что перечисленныя статьи проф. Дринова имѣютъ своимъ содержаніемъ тѣ измѣненія, которыя онъ считаетъ нужнымъ сдѣлать въ болгарскомъ правописаніи; эти измѣненія приняты почти всѣми болгарскими писателями и литераторами. Вотъ онѣ: 1) *Ѣ* отбрасывается; 2) *Ѧ* замѣняется *Ѣ*; 3) *Ѧ* отбрасывается; 4) *Ѧ* замѣняется *Ѣ*; 5) *Ѣ* также замѣняется *Ѣ*; 6) *Ѣ* не замѣняется *Ѣ*; хотя эта замѣна и несправедлива, но такъ какъ *Ѣ* вошло уже въ общее употребленіе у Болгаръ, то признано за лучшее не трогать его; 7) *Ѣ* въ серединѣ словъ, гдѣ звукъ смѣшался съ звукомъ *Ѣ*, отбрасывается и замѣняется послѣднею буквою. Такимъ образомъ новоболгарская азбука состоитъ изъ слѣдующихъ буквъ: а, б, в, г, д, е, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ѣ, ѥ, Ѧ, ю, я, ж, ѡ¹⁾. Проф. Дринову возражали, но его критики были такъ слабы, что послѣ двухъ отвѣтовъ онъ отказался отвѣчать имъ. Считаю нужнымъ сказать, что Периодическо Списание установило твердое начало тому, чтобы народныя пѣсни записывались съ соблюденіемъ самыхъ тонкихъ отѣнковъ произношенія звуковъ, что очень важно для уясненія болгарской фонетики и діалектологіи. Въ этомъ отношеніи интересны напечатанныя въ журналѣ пѣсни, которыя записаны въ округахъ Котленскомъ и Шумлы, а также пѣсни, записанныя въ разныхъ мѣстахъ забалканской Болгаріи и Македоніи проф. Дриновымъ и Е. Карановымъ, который по этому поводу представляетъ краткое описаніе Кратовской каазы въ Македоніи.

Статьи по церковному праву: „Іерархическое устройство церкви“, въ переводѣ Тонева, и „Вмѣшательство въ дѣла церковныя“, названы греко-болгарскимъ церковнымъ вопросомъ.

¹⁾ *Периодич. Списание*, Г. I, кн. II, стр. 29; кн. IX—X, стр. 60; кн. XI—XII, стр. 204.

Статьи: „О воспитаніи“ и „Человѣческій языкъ“ (кн. III), хотя популярны, но дѣльны. Заслуживаютъ полнаго вниманія статьи: „Объ училищахъ“ и „Объ организаціи народныхъ школъ“, А. Ковачева, автора первой „Педагогика“ на болгарскомъ языкѣ, какъ заключающія въ себѣ не мало данныхъ о состояніи болгарскихъ училищъ лѣтъ за десять предъ симъ.

Критическій отдѣлъ, если не такъ обширенъ, то не менѣе богатъ, чѣмъ научный. Можно безъ преувеличенія сказать, что Периодическо Списание создало болгарскую критику. Прежняя болгарская критика ограничивалась, за весьма рѣдкими исключеніями, или краткими замѣтками, похвалой невысокаго качества, или не очень скромною бранью. Правда, встрѣчаются промахи и недостатки и въ критикѣ Период. Списанія, но здѣсь видно вѣрное пониманіе критическаго дѣла и правильные критическіе приемы. Поэтому нѣкоторыя критическія статьи журнала не потеряли своего значенія и теперь, и для Болгаръ это значеніе сохранится еще на долго; другія критическія статьи имѣютъ большой научный интересъ, какъ напримѣръ, статья проф. М. С. Дринова по поводу „Исторія българска“, Г. Кръстьовича, подъ заглавіемъ: „Хуни ли сме?“ (Гуны ли мы?). Немного бѣднѣе библиографическая часть отдѣла и извѣстія о новыхъ книгахъ, и только въ послѣдней книжкѣ журнала видно стремленіе улучшить ее; но за то въ приложеніи къ кв. VII—VIII помѣщена „Библиографія новоболгарской литературы съ 1806 по 1870 г.“ К. Иречка (Вѣна, 1871).

Изъ этого краткаго обзорнія содержанія 12 книжекъ перваго года изданія Период. Списанія видно, что въ немъ участвовали лучшія литературныя силы Болгаръ; понятно вслѣдствіе того, что Периодич. Списание было принято Болгарами съ искреннею и поощрительною радостію, и самое общество обратило на себя вниманіе ученаго міра не только славянскаго, но отчасти западно-европейскаго, и къ изданнымъ книжкамъ Периодическаго Списанія еще долго будутъ обращаться ученые. По характеру своего содержанія эти 12 книжекъ можно сравнить съ Гласникомъ Сербскаго ученаго общества въ Бѣлградѣ, если исключить изъ нихъ беллетристическую часть.

Характеръ возобновленнаго нынѣ журнала, оставшійся въ основѣ прежнимъ, нѣсколько измѣнился въ частностяхъ. Изъ обзорнія перваго года журнала видно, что тамъ преобладаютъ статьи преимущественно научныя и больше всего по исторіи. Въ возобновляемомъ же

журналъ будутъ преобладать статьи популярныя, какъ общаетъ редакція, съ усиленіемъ беллетристическаго отдѣла, а исторія будетъ отведена только незначительное мѣсто, наравнѣ съ другими отдѣлами, судя по 1-й книжкѣ. „У болгарскаго народа“, говоритъ редакція, — „развились уже охота къ чтенію, просвѣщенію, ознакомленію съ самимъ собою и дѣлами всего свѣта. Наша обязанность помочь въ этомъ народу и открыть ему дорогу къ образованію и наукѣ“. Сообразно съ этимъ Периодическо Списание по своему содержанію имѣетъ двоякую цѣль. Прежде всего оно будетъ заключать въ себѣ необходимое для общенароднаго назиданія, то-есть, разсужденія о всѣхъ занимательныхъ и хорошихъ предметахъ, какіе встрѣчаются на свѣтѣ, и изъ которыхъ болгарскій читатель можетъ извлечь себѣ пользу и приобрѣсть къ нимъ навыкъ. Въ этотъ кругъ входятъ по преимуществу популярныя статьи по всѣмъ наукамъ, искусствамъ и по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ познанію человѣческой природы и самого человѣка“. Вторая задача или цѣль Периодическаго Списанія — чисто болгарская. Болгарское литературное общество и его изданія должны служить для народа пособіемъ въ всестороннему и вѣрному самопознанію, которое есть основа народной самостоятельности, и къ радѣнію о будущности народной. Всестороннее изученіе и разработка языка, собраніе устныхъ народныхъ памятниковъ, пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, загадокъ прольютъ большой свѣтъ на болгарскій народный языкъ. Прошлое Болгарскаго народа, исторія Болгарскаго племени, политическая и культурная, представляетъ огромный и непочатый еще матеріалъ, который ожидаетъ разработки. Этнографія и природа Болгаріи и ея естественныя богатства требуютъ еще тщательнаго изученія, такъ какъ онѣ до настоящаго времени еще весьма мало выяснены, чтобы не сказать больше. Всѣ эти труды относятся также ко второй задачѣ Периодическаго Списанія. „Кромѣ всего этого, болгарская литература въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, какъ стихотворенія, повѣсть, романъ оригинальный, или въ подражаніи или переводѣ“, говоритъ редакція, — „найдетъ себѣ мѣсто на страницахъ Периодическаго Списанія“. Критика Периодическаго Списанія будетъ сохранять свой прежній характеръ, направленіе и назначеніе. „Пора“, восклицаетъ редакція, — „чтобы былъ слышенъ и голосъ Болгаръ, и высказывалось и ихъ мнѣніе объ иностранныхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ говорится о Болгарскомъ народѣ и ихъ отечествѣ“. Статьи по современнымъ вопросамъ болгарской жизни также найдутъ себѣ

мѣсто въ Периодическомъ Списании; но „современная политика съ ея страстями будетъ совершенно изъ нея исключена. Однимъ словомъ, Периодическое Списание открываетъ свои страницы для обнародованія разсужденій и статей по различнымъ жизненнымъ вопросамъ, относящимся къ прошлому, настоящему и будущему болгарскаго народа и Болгаріи“¹⁾. Статьи Периодическаго Списанія будутъ написаны чистымъ, яснымъ и удобовразумительнымъ языкомъ. Такимъ образомъ Периодическое Списание должно служить литературнымъ образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ. „Будущія изданія общества“, обѣщаетъ редакція, — „должны быть если не лучше, то по крайней мѣрѣ таковы, каковы были вышедшія до настоящаго времени. Но желательно, чтобъ они и впредь были такими, чтобъ у насъ предъ ними благоговѣлъ и старъ, и младъ, а въ чужихъ странахъ онѣ приобрѣли бы въ ученomъ мѣрѣ вѣсь навсегда и доставили уваженіе къ нашему народу“²⁾.

Все это обѣщаетъ новая редакція. Какъ она выполняетъ свою программу, можно видѣть изъ содержанія вышедшей недавно 1-й книжки возобновленнаго журнала.

Треть 1-й книжки занята отчетами и заявленіями редактора В. Стоянова о прежнемъ состояніи Болгарскаго литературнаго общества, то-есть, до прекращенія его дѣятельности, и нынѣшнемъ.

Чисто научнаго характера только статьи К. Иречка: „Болгарскій царь Срацимиръ Видинскій“ и М. Сарафова: „Очеркъ населенія Софіи“; остальные всѣ — болѣе или менѣе популярнаго характера.

Статья „Болгарскій царь Срацимиръ Видинскій“ написана на скорую руку и довольно неровнымъ болгарскимъ языкомъ, съ замѣтною примѣсью неологизмовъ, скованныхъ по чешскимъ образцамъ. По своему содержанію она весьма интересна, ибо заключаетъ въ себѣ нѣсколько новыхъ данныхъ о паденіи болгарской столицы Тырнова и о послѣднемъ Болгарскомъ царѣ—данныхъ, которыя авторъ заимствовалъ изъ не изданнаго похвальнаго слова преподобнаго Филовея, сохранившагося въ рукописномъ сборникѣ житій, словъ и поученій, подъ заглавіемъ „Панагирікъ“, принадлежащемъ Рыльскому монастырю и написанномъ въ 1479 г. извѣстнымъ южно-славянскимъ писателемъ ту-рецкаго времени, дякомъ Владиславомъ³⁾. Также наскоро написана

¹⁾ *Периодическо Списание*. 1882, кн. I, стр. 23—27.

²⁾ Тамъ же, стр. 189—190.

³⁾ Г. Иречекъ почему-то называетъ Владислава «диакономъ» (*Период. Списание*, стр. 42), если это не типографская ошибка. О дякѣ Владиславѣ см. *Глас-*

и другая статья г. Иречка „Географическое изученіе Болгаріи“, въ которой авторъ поименовываетъ нѣкоторыхъ путешественниковъ и писателей о Болгаріи въ XVIII вѣкѣ и почти всѣхъ, которые писали и изслѣдовали ее въ какомъ-либо отношеніи въ нынѣшнемъ вѣкѣ, а также и ихъ труды, при чемъ онъ первый, на сколько мнѣ извѣстно, перечисляетъ имена тѣхъ Болгаръ, которые хотя что-нибудь писали о своемъ отечествѣ; затѣмъ авторъ выражаетъ надежду, что Болгаре послѣ освобожденія займутся изученіемъ своего отечества серьезнѣе, чѣмъ до настоящаго времени, и такимъ образомъ соберутъ матеріалъ для „подробной географіи Болгаріи“. Нужно къ этимъ словамъ почтеннаго автора статьи прибавить, что и будущіе труды иностранцевъ по географіи и этнографіи Болгаріи еще очень понадобятся Болгарамъ и будутъ также имъ полезны, какъ и труды прежняго времени.

Какъ эта статья г. Иречка, такъ и всѣ остальные въ этой книжкѣ журнала, — чисто популярнаго характера, кромѣ развѣ небольшой статейки П. Р. Славейкова „Болгарскія пословицы“, въ которой заключается нѣсколько біографическихъ данныхъ о молодости автора и нѣсколько не менѣе интересныхъ фактовъ изъ дѣяній одного изъ фанариотскихъ митрополитовъ, бывшихъ въ Тырновѣ въ то время. Небольшая статья профессора Дринова „Новый памятникъ для болгарской исторіи“ (стр. 126—133) передаетъ вкратцѣ все то, что заключается въ книжкѣ профессора В. Г. Васильевского „Совѣты и разказы византійскаго боярина XI вѣка (С.-Пб. 1881 г.) о Болгарахъ и Болгаріи. Кромѣ также популярной статьи Г. Н. Златарскаго „Очерки по метеорологіи“, помѣщены въ первой книжкѣ болгарскаго журнала два стихотворенія, двѣ интересныя народныя пѣсни изъ округовъ Софійскаго и Шумлинскаго съ весьма интересными филологическими замѣчаніями, три рецензіи на новыя книги: одну болгарскую (Статистическій календарь на Старо-загорскій департаментъ за 1882 годъ. София, 1882), одну русскаго изданія (Ягичъ: „Образцы языка церковно-славянскаго по древнѣйшимъ памятникамъ“. С.-Пб., 1882) и одну хорватскую Šulek: „Jugoslavenski imenik bilja. U Zagvebu. 1879), и нѣсколько извѣстій литературныхъ изъ славянскихъ земель и по народному просвѣщенію на западѣ Европы.

никъ IX, стр. 40—41; въ лекціяхъ Даничича о сербскихъ писателяхъ житій въ газетѣ *Видов Дан.* 1863, №№ 11—12; у Яича: *Historija Književnosti*, I, стр. 195—196. и нѣсколько замѣтокъ въ *Starine*, I, стр. 44—50.

Первое, что бросается въ глаза въ первой книжкѣ возобновленнаго Період. Списанія, — это безсистемность въ распредѣленіи статей и затѣмъ преобладаніе популярнаго характера въ ихъ содержаніи. Въ сравненіи съ 12 книжками перваго года Період. Списанія, первая книжка нижняго изданія сдѣлала, можно сказать, шагъ назадъ по внутреннимъ своимъ качествамъ. Впрочемъ, трудно судить по одной книжкѣ; вторая выйдетъ въ началѣ августа мѣсяца. Предпринимаетъ ли общество еще какое-либо періодическое изданіе въ родѣ предпологавашагося въ началѣ Сборника — не извѣстно.

И. Сырку.

Iordanis Romana et Getica. Monumenta Germaniae historica. Auctorum antiquissimorum tomi V pars prior. Berolini. MDCCCLXXXII.

Итакъ, мы имѣемъ въ рукахъ давно ожидаемое, достойное полнаго довѣрія, окончательное и классическое изданіе сочиненій Иордана, которымъ будутъ пользоваться всѣ будущіе вѣка, пока европейскій—германскій и славянскій—міръ совсѣмъ не забудетъ своей начальной исторіи и не перестанетъ заниматься передвиженіями Готовъ и судьбою первыхъ варварскихъ государствъ на римско-классической почвѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасностями, грозившими индоевропейской семьѣ, остаткамъ классическаго образованія, а также самому христіанству отъ нашествія туранскихъ ордъ, именуемыхъ Гуннами, пока славянскіе ученые не откажутся отъ общихъ воспоминаній о первоначальной общей родинѣ и о первыхъ историческихъ шагахъ своего великаго племени на Дунаѣ и за Дунаемъ на Балканскомъ полуостровѣ, пока будутъ оставаться мыслящіе люди, для которыхъ не перестанутъ казаться интересными и величавыми фигуры мудраго Теодериха Ост-Готскаго, ужаснаго Атиллы и славнаго Велизарія. По общему мнѣнію ученыхъ прежняго изданія Иордана давно считаются неудовлетворительными во всѣхъ отношеніяхъ, не представляя ни надежнаго текста, ни вѣрной передачи рукописныхъ различій, ни приличныхъ необходимыхъ разъяснительныхъ статей и примѣчаній; между тѣмъ настоящее и правильное пользованіе этимъ писателемъ, хотя и крайне плохимъ и мало грамотнымъ, но въ высшей степени нужнымъ и полезнымъ, болѣе даже, чѣмъ во всякомъ другомъ случаѣ, обуславливается вѣрно возстановленнымъ текстомъ и хорошимъ критическимъ аппаратомъ: „Болѣе чѣмъ съ нетерпѣ-

ніемъ, съ нѣкоторымъ родомъ отчаянія ожидаемъ мы по крайней мѣрѣ двадцать лѣтъ новаго изданія *Jordana*“¹⁾, писалъ тоже двадцать лѣтъ тому назадъ Г. Вайтцъ, по случаю появленія одного изданія, признаннаго, подобно другимъ устарѣвшимъ, также неудовлетворительнымъ (*De Getarum origine et rebus gestis*, ed. C. A. Closs. Stuttg. 1861). Затѣмъ, изъ заявленій новой дирекціи для изданія Памятниковъ германской исторіи, образовавшейся послѣ смерти Пертца, сдѣлалось извѣстнымъ, что изданіе *Jordana* взялъ на себя одинъ изъ ея членовъ, вновь избранный главный редакторъ для давно запущеннаго и пренебреженнаго отдѣла „древнѣйшихъ писателей“, то-есть, римскихъ и отчасти греческихъ авторовъ, излагающихъ первоначальныя судьбы Германскаго племени еще подъ римскою властію и тотчасъ послѣ ея паденія; это былъ знаменитый Моммсенъ, уже ранѣе по собственному побужденію занимавшійся романо-готскимъ историкомъ. Ученый міръ полагалъ, что судьба *Jordana*, счастливымъ образомъ попавъ въ такія славныя и надежныя руки, уже вполне обезпечена, и что за долгія ожиданія и самъ авторъ, и всѣ заинтересованные будутъ вознаграждены блистательнымъ образомъ; но еще разъ этотъ ученый міръ былъ встревоженъ и взволнованъ слухомъ о несчастномъ пожарѣ въ берлинскомъ загородномъ домѣ Моммсена, истребившемъ его бібліотеку и многочисленныя драгоценности рукописныя, собранныя именно съ цѣлю приготовить лучшее изданіе нашего автора. Послѣ мы узнали, что наибольшее бѣдствіе и самая горькая потеря касались все-таки не этой, а другихъ работъ великаго нѣмецкаго историка²⁾, что собственно текстъ *Jordana* уже былъ вполне готовъ и даже отпечатанъ; жертвою пламени сдѣлались только нѣкоторые изъ манускриптовъ, оставшихся въ квартирѣ Моммсена для послѣдняго сличенія, въ томъ числѣ одинъ изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ списковъ, Гейдельбергскій, и еще три другіе, менѣе важныя. Не только безвозвратная утрата древнѣйшаго списка, писаннаго въ Фульдѣ въ 700-хъ годахъ по Р. Х., отчасти вознагра-

¹⁾ Mit mehr als Ungeduld, mit einer Art von Verzweiflung warten wir seit wenigstens zwanzig Jahren auf die neue Ausgabe des *Jordans*.

²⁾ По слухамъ, споры въполнѣ готовы къ печати манускриптъ Моммсена, содержащій исторію *Римской имперіи* въ первый ея періодъ. Этими, говорятъ, замедлено, а можетъ быть, вслѣдствіе этого совсѣмъ отложено появленіе труда, давно съ нетерпѣніемъ ожидавшагося не только однимъ учеными, но и всѣмъ образованнымъ міромъ, труда, долженствовавшаго составить эпоху въ нашей наукѣ.

даемая сохранностью другихъ хорошихъ экземпляровъ той же фамилии, именно Ватиканскаго Палатинскаго IX вѣка, Флорентійскаго Лаврентіанскаго, Миланскаго Амброзіанскаго и т. д., но и высокій авторитетъ издателя, который, конечно, долго не увидитъ даже и въ потомствѣ равнаго себѣ въ талантѣ, званіи, искусствѣ и опытности именно въ дѣлахъ такого рода, какъ изданіе и критика латинскихъ текстовъ,—заставляютъ считать явившееся въ настоящемъ году изданіе обоихъ сочиненій Иордана—Римской исторіи (Romana) и Готской исторіи (Gotica)—окончательнымъ и послѣднимъ. Заравне можно быть увѣреннымъ, что оно окажется также образцовымъ. Само собою разумѣется, что ни одинъ изъ важныхъ и даже неважныхъ списковъ не былъ оставленъ безъ вниманія; лучшіе списки были изучены и сличены, притомъ не однажды, отчасти самимъ Моммсеномъ, отчасти самыми трудолюбивыми и надежными изъ его учениковъ. Текстъ Готской исторіи, болѣе насъ интересующій и представлявшій для издателя болѣе трудную задачу, основанъ на внимательнѣйшемъ изученіи списковъ трехъ фамилій, отличающихся нѣкоторыми особенностями; въ немъ самомъ или въ развѣтченіяхъ сохранено подлинное написаніе отдѣльныхъ реченій пяти списковъ первой фамилии, двухъ — второй фамилии (Оттобонскаго и сгорѣвшаго Бреславскаго) и трехъ — послѣдней фамилии (Кентербѣрійскаго—сгорѣвшаго, Берлинскаго—сгорѣвшаго и Аррасскаго—утраченнаго, но нѣкогда сличеннаго однимъ ученымъ иезуитомъ). Исслѣдователямъ первоначальныхъ эпохъ средневѣковой исторіи предстоитъ теперь изучать новое изданіе, извлекать отсюда новыя заключенія или же новыя доказательства для своихъ прежнихъ мнѣній. Мы еще не въ состояніи указать всѣхъ даже болѣе существенныхъ отличій Моммсенова изданія отъ старыхъ и отъ одного новаго, недавно появившагося, но конечно, осужденнаго теперь оставаться въ тѣни, не смотря на нѣкоторыя свои достоинства внѣшнія и внутреннія: разумѣемъ изданіе Голдера (Alfred Holder) въ его доступномъ и дешевомъ собраніи „Germanischer Bücherschatz“ подъ заглавіемъ: *Jordanis de origine actibusque Getarum* (Freiburg, 1882); такъ какъ оно приготовлялось въ одно время съ Берлинскимъ изданіемъ, то и не упомянуто Моммсеномъ въ перечисленіи прежнихъ изданій, и въ свою очередь не имѣло въ виду ни Моммсеновской обработки, ни другихъ задачъ, кромѣ общедоступной перепечатки нѣсколько исправленнаго текста вульгаты (при помощи, впрочемъ, Гейдельбергскаго списка). Мы ограничимся однимъ примѣромъ для объясненія того, къ какому иногда важнымъ

результатамъ и соображеніямъ могутъ приводить новыя чтенія текста, восстановленнаго Моммсеномъ. До сихъ поръ въ 52-й главѣ — тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ отступленіи разбитыхъ Готами сыновей Аттилы къ берегамъ Днѣпра, — мы читали, что приднѣпровская область прежде называлась Гунниваромъ (*east partes Scythiae peteret, quas Danapri amnis fluenta praetermeant, quam lingua sua Hunnivar appellant*); теперь же мы узнаемъ, что не область, а самая рѣка Днѣпръ называлась у Гунновъ Варъ (*quam lingua sua Hunni Var appellant*). Итакъ новое, несомнѣнно болѣе правильное чтеніе не только сообщаетъ намъ любопытное названіе рѣки Днѣпра, но что еще важнѣе — подлинное гуннское наименованіе, едва ли не единственное помимо личныхъ собственныхъ именъ. Оно несомнѣнно будетъ фигурировать въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ о народности Гунновъ. Уже теперь мы можемъ отмѣтить, что оно близко сходится съ мадьярскимъ названіемъ одной изъ пяти рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, удерживавшимся въ Печенѣжскую эпоху и сохраннымъ у Константина Багрянороднаго (*de administrand. impreg. cap. 308*), Вароуъ. Далѣе отсюда слѣдуетъ, что отождествленіе Варуха съ Днѣпромъ, имѣющее большую важность для первоначальной исторіи Мадьяръ, не подлежитъ сомнѣнію, и значить, въ этомъ отношеніи осторожность молодого, но уже заслужившаго общее уваженіе русскаго изслѣдователя К. Я. Грота, автора книги: „Моравія и Мадьяры“, заходила слишкомъ далеко (см. стр. 195, 260). Нѣкоторыя другія новыя чтенія отмѣчены нами въ рецензій нашей на книгу Д. И. Иловайскаго „Разысканія о началѣ Руси“, помѣщенной въ предыдущей книгѣ этого журнала.

Согласно съ принятымъ обычаемъ, тексту писателя предшествуетъ объяснительное введеніе, на этотъ разъ весьма обширное. Моммсену предстояло установить настоящую точку зрѣнія на личность писателя, на происхожденіе, достоинство и характеръ его труда, объяснить отношеніе его къ источникамъ, которыми онъ пользовался, и на оборотъ, прослѣдить его отраженіе въ позднѣйшей исторической литературѣ. Наконецъ, объяснить положеніе рукописнаго преданія и принципы, которыми руководился издатель при установленіи текста. Знаменитый историкъ Рима въ этомъ своемъ введеніи высказалъ нѣсколько новыхъ, въ высшей степени интересныхъ и важныхъ взглядовъ на личность, племенные отношенія и связанный съ этимъ образъ мыслей Иордана. До сихъ поръ въ немъ видѣли варвара Ост-Гота, подданнаго короля Теодериха, и если находили у него византійскія симпатіи, то объяс-

няли это обычнымъ въ ту эпоху преклоненіемъ самихъ варваровъ предъ идеей имперіи. Если Иорданъ, по его собственному выраженію, писалъ для того, чтобы возвысить не славу Готовъ, а славу ихъ побѣдителя, то въ этомъ считали возможнымъ еще не находить какое-либо отсутствіе патриотическаго настроенія. Чувства Иордана по отношенію къ Византіи были-де тѣ самыя, которыя можно замѣчать у самаго короля Теодериха. Идея имперіи, присущая уму варвара, заставляла его отдавать должное уваженіе Византіи, какъ ея представительницѣ; нѣкоторая двойственность сознанія, увлекаемого, съ одной стороны, племеннымъ патриотизмомъ, а съ другой—предавіями универсальнаго образованія и римской государственности, была тогда весьма распространена и вполне естественна. Иначе рѣшается проблему Моммсенъ. По его взгляду, который поражаетъ сколько своею неожиданностію, препятствующаю сейчасъ же съ нимъ свыкнуться, столько же своею простотою, Иорданъ вовсе не былъ подданнымъ Теодериха и уроженцемъ Италіи, а напротивъ уроженцемъ имперской провинціи Мевии и византійскимъ подданнымъ готскаго происхожденія. Не смотря на разясвленную прежними изслѣдованіями и снова вполне признаваемую тѣсную зависимость сочиненія Иордана „de origine actibusque Getarum (такое настоящее заглавіе по лучшимъ спискамъ) отъ соответствующаго потеряннаго творенія Кассіодора, Моммсенъ все-таки считаетъ возможнымъ отыскать несомнѣнныя данныя, указывающія на личное положеніе компилятора. Передавая почти буквально относящійся сюда отрывокъ Моммсенова введенія, мы думаемъ оказать услугу нашимъ собратьямъ, интересующимся Иорданомъ ради различныхъ вопросовъ первоначальной русской исторіи, тѣмъ болѣе, что латинскій языкъ, на которомъ составляются введенія въ Моммента, даже когда на немъ пишетъ Моммзенъ, не для всѣхъ покажется облегченіемъ и удобствомъ.

Въ сочиненіи Иордана распознаются слѣды готскихъ пристрастій Кассіодора; оно носитъ отпечатокъ его воззрѣній и стремленій. Если вѣрить Иордану, то институтъ федератовъ, собственно готское учрежденіе, состоявшее въ томъ, что воины изъ этой націи по договору несли военную службу въ пользу имперіи за условленное справедливое вознагражденіе (см. гл. 13, 16, 19, 21, 28, 29, 34), есть основа всего, какъ въ Готскомъ государствѣ, такъ и въ Восточной имперіи. Ради этого ему придается ложный признакъ глубокой древности. Послушать Иордана, то и война Дакійская при Домиціанѣ (гл. 13), и война Готская, въ которой погибъ Децій (гл. 16), возгорѣлись вслѣдствіе

неаккуратной уплаты того жалованья; по той же причинѣ предпринять былъ походъ Алариха (гл. 29), и началась война Азія съ Вест-Готами (гл. 34). Эти Готы-федераты, принятые внутрь римскихъ предѣловъ, суть Готы, жившіе въ Мезіи и Фракіи, изъ среды которыхъ произошелъ Иорданъ: его расположеніе къ Готамъ прекрасно сходится съ этимъ его происхожденіемъ изъ придунайскаго лагеря. Безъ сомнѣнія, слѣдуя по стопамъ Кассіодора, нашъ авторъ держится относительно дѣлъ государственныхъ того возрѣнія, что міръ зависитъ отъ императора, и безопасность императора — отъ расположенія къ нему Готовъ; такъ Атаульфъ, вождь Вест-Готовъ, взялъ за себя Платидію, сестру Гонорія, для того, чтобы внушить противникамъ страхъ объединеніемъ государства Римскаго съ Готами (*adunata Gothis re publica* гл. 31); равнымъ образомъ, конечно, вслѣдъ за тѣмъ же руководителемъ, Иорданъ хвалитъ Теодериха преимущественно за то, что онъ овладѣлъ Италіей съ согласія и одобренія императора Зенона и употребляя его выраженіе — „бился для себя, а побѣдилъ для него“ (*sibi conflictit, illi vicit*, гл. 57). Намѣренность тенденціи тѣмъ очевиднѣе, что въ самой дѣйствительности дѣло было совсѣмъ не такъ. Зенонъ отпустилъ Теодериха не прежде, чѣмъ тотъ дважды предпринималъ противъ него походы и едва не взялъ Константинополь (ссылка на Иоанна Антиохійскаго). Но готскіе писатели, пройдя молчаніемъ всѣ эти ссоры и войны, утверждаютъ, что Теодерихъ пошелъ на Италію не столько ради себя, сколько по внушенію Зенона и ради его цѣлей. Съ той же точки зрѣнія авторъ утверждаетъ, что императоръ награждалъ за то Теодериха консульскимъ достоинствомъ, „а это величайшее благо и первая въ мірѣ почеть“ (гл. 57). Остатки Равеннскихъ лѣтописей ясно показываютъ, что и самъ Теодерихъ, король Римлянъ и Готовъ, хотѣлъ, чтобы именно въ такомъ видѣ представляемы были событія. Этотъ ложный coloringъ объясняется самымъ положеніемъ Ост-Готскаго государства при Теодерихѣ; и въ этомъ отношеніи онъ не составляетъ исключительной принадлежности не только Иордана, но и Кассіодора. Но такъ какъ извѣстно, что ни въ томъ, ни въ другомъ сочиненіи Кассіодора не было рѣчи о событіяхъ по смерти Теодериха, то ясно, что настроеніе, выражающееся въ соответствующей части у Иордана, принадлежитъ вполнѣ ему самому. Если кто замѣтитъ, что въ этомъ разказѣ рѣшительно не выражается никакого пристрастія, то я не буду спорить. Дѣйствительно, повѣствованіе Иордана о послѣднемъ періодѣ Готской войны можетъ вполнѣ придти по вкусу поклонникамъ исторіи *sine ira et studio*. Но

разказывать о паденіи царства Готскаго такъ, какъ разказываетъ Иорданъ, могъ и человекъ, не бывший подданнымъ Теодериха; такъ разказывать могъ Готъ, живущій въ Мезіи или Фракіи, не чуждый нѣкоторой племенной гордости, но въ то время стоявшій на сторонѣ византійской. Если вѣрить Иордану, то Теодерихъ, сохраняя на смертномъ одрѣ такое же вѣрное расположеніе къ императору, какое питалъ при походѣ на Италію, завѣщалъ своимъ близкимъ „всегда заботиться послѣ Бога о расположеніи и милости Восточнаго государя“ (онъ называетъ императора земнымъ богомъ, гл. 21). Мать и сынъ, преемники Теодериха, жили въ мирѣ подъ его охраною; но когда, по смерти Аталариха, его мать отдалась подъ защиту и вступила въ супружество съ Теодагадомъ, а затѣмъ была лишена имъ жизни, то Юстиніанъ, съ цѣлію отомщенія за „своихъ подручныхъ“, послалъ въ Италію Велизарія. Иорданъ превозноситъ этого мужественнаго исполнителя справедливой казни такими похвалами, что даже нѣсколько забываетъ изъ-за него объ императорѣ. Этотъ разказъ соответствуетъ официальному представленію хода дѣлъ, какъ это видно изъ хроники Марцеллина, гдѣ публично заявленною причиною войны является то же убійство Амалугуэнты. Авторъ, какъ и слѣдовало ему, кончаетъ тѣмъ, что послѣдняя вѣтвь рода Амаловъ, внучка Теодериха Матезуента, вступила въ домъ императора, вышедши замужъ за Германа, сына императорскаго брата, и такимъ образомъ *laudanda progenies laudabiliori principi cessit* (гл. 60). Родившійся отъ этого брака послѣ смерти отца сынъ, Германъ Младшій, объединившій родъ Амаловъ съ колѣномъ Аниціевъ, представляетъ надежду того и другаго племени (гл. 60). Иорданъ нѣкоторымъ образомъ былъ очевидцемъ всего этого, ибо Германъ умеръ въ Сардиѣ въ Средиземной Дакии, и вѣроятно, тамъ же родился его сынъ, и если Иорданъ въ самомъ дѣлѣ размышлялъ о судьбѣ дитяти, едва имѣвшаго одинъ годъ возраста въ то время, какъ онъ писалъ, то онъ могъ представлять его наслѣдникомъ Римской имперіи, остающейся достояніемъ дома Юстиніана, при чемъ это наслѣдство вѣстѣ переходило бы и въ родъ Амаловъ, а въ глазахъ Гота, предавнаго Восточной имперіи, ничего не могло быть выше и счастливѣе.

Гораздо важнѣе для пониманія нашего автора то обстоятельство, что онъ главнымъ, исходнымъ пунктомъ своего разказа дѣлаетъ двѣ римскія провинціи, то-есть, во первыхъ, Скиеію со столицею въ Томахъ, и сосѣднюю Мезію, съ главнымъ городомъ Марціанополемъ, такъ что чѣмъ дальше отсюда отстоятъ другія области, тѣмъ онъ

меньше о нихъ имѣеть свѣдѣній. Не лишнимъ кажется прослѣдить это болѣе точнымъ образомъ, разсмотрѣвъ города, упоминаемые въ *Getica*. Въ Азійи и Африкѣ Иорданъ упоминаетъ немного и самое обычное: Ефесъ, Трапезунтъ, Александрію; исключеніе составляютъ, кромѣ Гангръ Пафлагонскихъ, упомянутыхъ почему-то мимоходомъ, сосѣдственныя съ Константинополемъ мѣста Иліонъ (*Ilium*) и Халкидонъ: то, что говорится о положеніи послѣднихъ, обличаетъ очевидца. Изъ испанскихъ городовъ является одна *Barcino*, изъ галльскихъ — немного больше, въ связи съ Толозанскимъ-Готскимъ царствомъ — Арль, Арверна, Аврелиана, Битуриги, Толоза, Виенна; въ Германіи — одинъ Магонтіакъ (Майнцъ), въ Западномъ Иллириѣ — Виндобона и Салона. Переходя къ Италиі, прежде всего исключимъ тѣ мѣста, упоминаніе которыхъ неизбѣжно требовалось разказомъ о событіяхъ, какъ напримѣръ, о сраженіяхъ и т. п. — *Consentia*, *Dertona*, *Forum Julii*, *Placentia*, *Pollentia*, *Vulsinii*, а также тѣ, которыя упоминаются въ Готской войнѣ Велизарія — Сиракузы, *Regium*, *Neapolis*, *Perusia*, *Agimimum*. Все это упоминается мимоходомъ и безъ всякаго разъясненія. Что же останется? Останется только пять городовъ, о которыхъ Иорданъ пишетъ съ нѣкоторою тщательностію или подробностію. Именно: Римъ, Тицинъ (но при этомъ даже не упомянуто у готскаго историка, что это была столица Готскихъ королей), Медиоланъ, „метрополія Лигуріи и нѣкогда царственный городъ“ (*urbs*), Равенна, „царственный городъ“, и Аквилея, „метрополія Венеціи“. Положеніе и сосѣдство этихъ двухъ послѣднихъ, особенно съ существомъ дѣла, объясняется съ нѣкоторою подробностію. Все это вполне идетъ къ подданному Юстиніана, живущему въ Мезіи, ибо Равенна, подобно Царьграду, была столицею имперіи, Аквилея же для тѣхъ провинцій представляетъ какъ бы ворота въ Италию. Еслибъ изъ описанія Равенны обнаружилось, что авторъ самъ видѣлъ ее, то мы должны были бы отнести его скорѣе къ Кассіодору, чѣмъ къ Иордану; но это такъ мало обнаруживается, что, напротивъ, цитуются два свидѣтеля для такихъ фактовъ, изъ которыхъ знакомый съ Равенною лично никогда бы не привелъ ни одного. Сцена мѣняется, когда мы обратимся къ Дунайскимъ областямъ. Изъ рѣкъ, названныхъ въ сочиненіи, какъ бы царемъ всѣхъ является Дунай; и какъ о немъ самомъ сообщаются различныя подробности, такъ равнымъ образомъ сообщаются названія его притоковъ, а также и другихъ многихъ рѣкъ въ той странѣ. Изъ частей, въ тотъ вѣкъ находившихся въ предѣлахъ имперіи, авторъ имѣеть нѣкоторое знаком-

ство со Скиеіей, при чемъ замѣчательно гуннское названіе рѣки Дѣбра Var, объясненное авторомъ. Сверхъ того, онъ довольно тщательно перечисляетъ города сѣвернаго побережья Чернаго моря греческаго происхожденія до Трапезунта, который тоже вставленъ ради этого происхожденія. Небезызвѣстны ему Дакия и Паннонія—въ томъ смыслѣ, въ какомъ тогда употреблялись эти названія. Изъ городовъ называются въ провинціи Скиеіи: Томы и Новіодунумъ; въ нижней Мезіи: Одессъ, Марціонополь, Дуросторъ, Novae, Никополь, Абриттъ (Abrittus). Объясняется происхожденіе Томъ, Марціонополя, Никополя; описываются живущіе при этомъ послѣднемъ пастушескіе Готы; въ Дуросторѣ помѣщается мѣсто рожденія Аэція: строки съ этою замѣткою вставлены самимъ авторомъ, такъ что дѣлается очевиднымъ, что онъ говоритъ о своей родинѣ. Подобнымъ образомъ трактуются другія провинціи того же діоцеза Фракійскаго—Гемимонтъ, изъ городовъ котораго названы Анхіаль и Адрианополь; Фракія—Филиппополь и Верія (Vergoа); Европа—кромѣ Константинополя, упоминаются ея города Аркадіополь и Визія. Изъ нихъ Анхіаль особенно прославляется, какъ по причинѣ своего происхожденія, такъ и по причинѣ теплыхъ ключей, „наиболѣе дѣйствительныхъ между ключами всего міра въ отношеніи возстановленія здравія недужныхъ“ (гл. 20). Наконецъ, изъ сосѣдственнаго къ Фракійскому Илирійскаго діоцеза упоминается въ провинціи сосѣдственной съ Нижнею Мезіей—именно въ Береговой Дакии (Dacia Ripensis): Utus, Almus, Oezcus, Castra Martis; въ Средиземной Дакии—Нишъ (Naiscus); въ Дарданіи—Castra Herculis; въ Верхней Мезіи—Сингидовъ, въ Савіи—Rassianus и Sirmium; въ Македоніи—Фессалоники, Surgus, Pelua, Europos, Methone, Pudna, Vergoia, Dium; въ Фессаліи—Ираклія и Ларисса. Далѣе встрѣчается только одно простое упоминаніе объ Аоніяхъ. Между прочимъ, особенно замѣчательно то, что, говоря о Castris Martis, Иорданъ упоминаетъ трехъ человекъ, произшедшихъ изъ этой мѣстности, въ числѣ ихъ знаменитаго вождя Бесса, безъ сомнѣнія, извѣстныхъ ему по домашнимъ фамилінымъ преданіямъ, такъ какъ онъ тотчасъ присоединяетъ отчетъ о происхоженіи своего собственнаго рода. Не лишено значенія также, что относительно двухъ городовъ, Castra Martis и Ниша, замѣчено авторомъ—объ одномъ, что онъ находится въ Илирікѣ, а о второмъ, что это первый городъ въ Илирікѣ: такъ какъ эти города въ самомъ дѣлѣ находятся на границахъ Илирійскаго и Фракійскаго діоцезовъ, то мы узнаемъ тутъ автора, живущаго въ діоцезѣ

Фракіяскомъ и знающаго его предѣлы. Наконецъ, то, что онъ сообщаетъ въ Римской исторіи о превращеніи этихъ областей въ провинціи, все это онъ выписалъ изъ Руфа и Флора; но ограничившись относительно другихъ провинцій заимствованіемъ изъ одного автора, къ Иллирійской онъ обращается дважды и говоритъ о ней однажды по Руфу, другой разъ по Флору, наконецъ отъ себя прибавилъ названіе двухъ Дакій—*Ripensis* и *Mediterraneae*, и сверхъ того (*Roman. pag. 28, 37*), названіе Филиппополя *Pulprudeva*, нигдѣ болѣе не встрѣчающееся¹⁾. Итакъ это писалъ, какъ мы выше сказали, авторъ, происходившій изъ среды Готовъ Мезійскихъ, которые поселились въ этихъ мѣстахъ ранѣе Теодериха и не послѣдовали за нимъ въ Италію, авторъ жившій въ какомъ-нибудь городѣ Фракійскаго діоцеза, напримѣръ, въ Томахъ, или Марціонополѣ, или Анхіялѣ, и извлекшій преимущественно то, что ближе касалось мезійскаго или фракійскаго жителя и территоріи, ограниченной между Сирміемъ, Лариссою въ Фессаліи и Константинополемъ; ибо упоминаніе о Халкидонѣ равняется упоминанію о Константинополѣ.

Такому происхожденію книги соотвѣтствуетъ то, что народы, ежедневныя вторженія которыхъ приводятъ въ ужасъ писателя, суть Болгары, Венеды, Славяны, Анты, тѣ самыя, которые въ тотъ вѣкъ преимущественно опустошали Мезію и Фракію (эти вторженія служатъ между прочимъ къ опредѣленію времени написанія сочиненія, такъ какъ изъ Прокопія (*de bello Goth. pag. 440, 449, 450*) видно, что особенно грозными и настойчивыми они были въ 450-мъ и 451-мъ годахъ). Съ этимъ согласно и особенное расположеніе автора къ Герману и Велитарію. Германъ, сынъ брата Юстиніанова, назначенный

¹⁾ Громадная, и можно сказать, необъятная ученость Моммзена все-таки не простирается на средневѣковую латинскую литературу, которой онъ, впрочемъ, и не любитъ. Иначе онъ могъ бы указать еще одного писателя, употребляющаго имя *Pulprudeva*. Оно встрѣчается въ Дорожнѣхъ короля Ричарда Львиное Сердце, излагающемъ исторію его крестоноснаго похода во Святую землю (*Itinerary regis Ricardi ed. Stubbs, pag. 45*—въ сборникѣ *Scriptores rerum Britannicarum*): *Philippopolim perveniunt* (крестоносцы Фридриха Барбароссы); *quae civitas ante Pulprudeva diceretur, de nomine Romani imperatoris Philippi nomen assumpsit, qui primus omnium imperatorum christianus effectus est...* Названіе *Pulprudeva* или *Pulprudeva* потому интересно, что отъ него очевидно происходитъ теперешнее славянское наименованіе Филиппополя *Пловдивомъ*, казавшееся до сихъ поръ такъ трудно объяснимымъ, что одинъ изъ нашихъ лучшихъ славистовъ предполагалъ перенесеніе на Филиппополь названія отъ сосѣдняго, но все-таки другаго города Плотинополя.

magister militum во Фракія, освободилъ эти страны отъ варваровъ, одержавъ столь знаменитую побѣду, что одно имя его останавливало вторженія Склавиновъ, и эти области оплакивали его въ это самое время, какъ своего защитника, похищеннаго безвременною смертію. А Велизарій, котораго авторъ превозноситъ похвалами выше, чѣмъ это подобало въ отношеніи къ частному человѣку и подданному, происходилъ изъ Германы, города Средиземной Дакии (Procop. bell. Vand. 1, 11). Сюда же относится и то, что авторъ зналъ Вульфилу, епископа, и какъ онъ выражается, примаса малыхъ Готовъ въ Мезіи (гл. 51), другое знаменитое украшеніе этой области. Наконецъ, съ этимъ согласно и то, что авторъ, въ предисловіи къ *Getica*, рекомендуя книжку своему другу Касталію, просить, чтобы если что не достаетъ, онъ добавилъ, „какъ сосѣдъ народа“ (ut vicinus genti), и тѣмъ самымъ довольно ясно указываетъ на свое пребываніе въ мѣстности, достаточно далекой отъ главныхъ готскихъ центровъ, каковою и будетъ Фракія.

Полагаю, говоритъ Моммсенъ, — что пространство, ограниченное такими тѣсными предѣлами, никто не отнесетъ къ Кассіодору, ибо хотя Готы и жили раньше Теодериха на лѣвомъ берегу Дуная и по сѣверному побережью Понта, а самъ Теодерихъ ранѣ Италіи владѣлъ сначала Мезіей, имѣя нѣсколько лѣтъ столицу въ *Novae* (Синтово), однако изъ исторіи хорошо извѣстно, чего онъ достигъ со своими спутниками, перебравшись въ Италію. Итакъ, тутъ мы имѣемъ дѣло съ Иорданомъ, который при своихъ извлеченіяхъ изъ Готской исторіи Кассіодора руководится тѣмъ стремленіемъ, чтобы брать преимущественно касающееся Мезіи и Фракіи. Все, что мы выставили ранѣ на видъ, не такого свойства, чтобы не могло быть приписываемо и Кассіодору; мы не сомнѣваемся, что въ его Готской исторіи тоже сохранилась похвала федератамъ, и тоже прославлялись побѣды Теодериха надъ Болгарами и вообще тщательно и подробно разказывались, наравнѣ съ другими, мезо-готскія событія. Но нѣтъ сомнѣнія, что еще съ большею подробностію онъ говорилъ о городахъ Италіи и объ учрежденіяхъ короля Теодериха послѣ утвержденія въ ней. Особенное вниманіе нужно обратить на отсутствіе даже такихъ вещей, которыя можно найти въ весьма краткой хроникѣ Кассіодора, напри- мѣръ, что-нибудь подобное отрывку подъ 500 годомъ: „Theodoricus Romam cunctorum votis expetitus advenit et senatum suum mira affabilitate tractans Romanae plebi donavit annonam, atque admirandis moeniis deputata per singulos annos maxima pecuniae quantitate sub-

venit. Sub cujus felici imperio plurimae renovantur urbes, munitissima castella conduntur, consurgunt admiranda palatia, magnisque ejus operibus antiqua miracula superantur“.

Не совсѣмъ согласенъ также Моммсенъ съ общепринятыми ходячими мнѣніями о званіи и общественномъ, или лучше сказать, церковномъ положеніи Іордана. Что онъ, оставивъ должность нотарія, сдѣлался, подобно Кассіодору, монахомъ, объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ: такой именно смыслъ имѣетъ выраженіе „мое обращеніе“ (ante meam conversionem). Сверхъ этого, рукописи и догадки новѣйшихъ ученыхъ даютъ еще другія ближайшія опредѣленія, которыхъ однако никакъ, по мнѣнію Моммсена, нельзя принять или одобрить. Рукописи первой фамилии называютъ его епископомъ въ заголовкѣ Римской исторіи, а рукописи третьей фамилии—„Равенскимъ епископомъ“ въ заголовкѣ Гетской исторіи (Getica). Первое показаніе, поддерживаемое довольно важнымъ авторитетомъ, не можетъ быть согласено со званіемъ простаго монаха, которое Іорданъ себѣ приписываетъ; второе даже не опирается на достаточномъ свидѣтельствѣ, и безъ сомнѣнія, обявано своимъ происхожденіемъ догадкѣ, подсказанной подробнымъ описаніемъ Равенны. Прибавимъ отъ себя, что это послѣднее мнѣніе о епископствѣ Іордана въ Равеннѣ уже давно было оставлено всѣми учеными. Нѣкоторые изъ ученыхъ догадывались, что Іорданъ, епископъ Кротонскій въ 551 году, и Іорданъ, дефенсоръ Римской церкви въ 556 году, тождественны съ авторомъ сочиненій о Римской и Готской исторіяхъ, но эти догадки опираются на простомъ сходствѣ имени, не особенно рѣдкаго въ то время, и потому отвергаются Моммсеномъ. Болѣе убѣдительнымъ казалось соображеніе, впервые высказанное Я. Гриммомъ и потомъ многими принятое, что тотъ Вигилій, которому Іорданъ посвятилъ свою Римскую исторію, былъ папа того же имени, занимавшій престолъ отъ 538 по 555 годъ: года вполне совпадаютъ, а сверхъ того, нужно прибавить, что и Вигилій стоялъ на сторонѣ императора и провелъ въ Константинополѣ время отъ 547 по 554 годъ, вызванный туда императоромъ по случаю спора о трехъ главахъ. Нужно также и на то обратить вниманіе, что Касталій, которому Іорданъ посвятилъ Готскую исторію, „общій другъ“ его и Вигилія, жилъ гдѣ-то по сосѣдству съ Готами, а это хорошо идетъ въ обитателю города Рима. Но уже А. Эбертъ (въ Исторіи христіанской литературы) сдѣлалъ основательное замѣчаніе о совершенной невозможности, чтобы простой монахъ, какимъ называетъ себя Іорданъ, обращался

къ папѣ Вигилію, какъ къ своему равному, безъ всякаго болѣе почетельнаго титулованія, и даже съ совѣтами, отказавшись отъ мира, обратиться къ Богу, то-есть, по примѣру автора сдѣлаться монахомъ: совѣтъ довольно нелѣпый, еслибъ это былъ папа. Все это, по приговору Моммсена, не болѣе какъ догадки и выдумки, способныя импонировать однимъ новичкамъ, но не заслуживающія одобренія у провидательныхъ и опытныхъ судей, такъ какъ хотя и несовсѣмъ по латыни, но по смыслу весьма хорошо говорится, что *a posse ad esse non valet conclusio*. Этому нужно слѣдовать и здѣсь,—не поддаваться привлекательнымъ догадкамъ, а держаться несомнѣнно извѣстнаго.

По вопросу объ отношеніи Иордана къ своему главному источнику въ Готской исторіи, Кассіодору, или какъ собственно слѣдовало бы писать Кассіодорію, Моммсенъ также высказываетъ нѣсколько новыхъ соображеній, отчасти находящихся въ связи съ новымъ его мнѣніемъ о мѣстожительствѣ перваго писателя. Общепринятое мнѣніе до сихъ поръ состояло въ предположеніи, что въ сущности сочиненіе Иордана, за самыми малыми исключеніями, представляетъ простое, хотя и весьма неумѣлое извлеченіе изъ соотвѣтствующаго сочиненія Кассіодора, министра и приближеннаго совѣтника Теодериха Ост-Готскаго (о личности Кассіодора и объ его сочиненіи см. pag. XL—XLII, при чемъ Моммсенъ уже воспользовался новыми данными, отысканными Узенеромъ). Моммсенъ не отвергаетъ этого несомнѣннаго положенія и разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: Если мы спросимъ, чтѣ и какъ взято Иорданомъ у Кассіодора, то прежде всего должны обратить вниманіе на показаніе самого эпитоматора, хотя и нелѣпнымъ образомъ выраженное, что онъ „начало и конецъ, а также и въ среднѣй многое прибавилъ отъ себя“ (*initium finemque et plura in medio se sua dictione permiscuisse*). Онъ хочетъ себѣ усвоить прежде всего начало и конецъ; что это справедливо по отношенію къ концу, подтверждается тѣмъ соображеніемъ, что Кассіодоръ окончилъ свою исторію 526-мъ годомъ, смертію Теодериха (въ одномъ письмѣ Кассіодора, писанномъ въ 533 году, уже говорится о ней), тогда какъ повѣствованіе Иордана достигаетъ 551 года. Но о началѣ можно положительно утверждать развѣ только то, что самому Иордану принадлежитъ заимствованіе, сдѣланное изъ Орозія; а дальшеніе описаніе острововъ Океана и древнѣйшаго мѣстоительства Готовъ въ Скандіи, ни описаніе Испаніи и Британіи никакъ не могутъ быть усвоены Иордану; а послѣ того, чтѣ еще остается въ началѣ?

Прибавка многого въ среднѣ можетъ быть считаема возможною, но еще скорѣе совсѣмъ не слѣдуетъ вѣрить этому нотарію или монаху, не постыдившемуся обокрасть Руфина для предисловія къ своей книгѣ „О происхожденіи и дѣяніяхъ Готовъ“ (оно буквально списано съ предисловія, находящагося впереди комментаріевъ Оригена на посланіе апостола Павла къ Римлянамъ, переведенныхъ на латинскій языкъ Руфиномъ) и выдумать (въ римской части) никогда не существовавшее мѣсто изъ Ямвлиха. Еще болѣе мы должны быть недоувѣрчивы къ его хвастливому утвержденію, будто онъ воспользовался нѣсколькими греческими и латинскими сочиненіями для своихъ прибавокъ. Почти все, ведущее свое начало изъ греческихъ источниковъ, вошло уже въ трудъ Кассіодора. Если нашъ авторъ не вполне лжетъ, то можно допустить его самостоятельное знакомство развѣ только съ однимъ греческимъ писателемъ, именно церковнымъ историкомъ Сократомъ. Хотя Іорданъ и способенъ былъ написать (глава 16-я) нелѣпныя слова о рѣкѣ подлѣ Марціанополя, прозываемой Потамомъ (*Flumine.... Potami cognomento*), и слѣдовательно, принять нарицательное греческое слово „рѣка“ за собственное, но все-таки онъ имѣлъ нѣкоторыя притязанія на знакомство съ греческимъ языкомъ и не называлъ себя просто неучемъ (*illiteratus*), но по ученому безграмотнымъ (*agrammatus*), и способенъ былъ латинское выраженіе *alienigenis* замѣнить болѣе затѣйливымъ греческимъ „*allophylos*“ и т. п. О знакомствѣ съ Сократомъ говоритъ одна строка въ 51-й главѣ Готскихъ дѣяній, гдѣ рѣчь идетъ объ Вульфилѣ (*qui eis dicitur et litteras instituisse*). Иные старались отличить прибавленія Іордана отъ Кассіодоровой основы при помощи ближайшихъ наблюдений надъ различіями слога по разнымъ мѣстамъ сочиненія: притязательный и изысканный слогъ Кассіодора и грубая простота Іордана будто бы давали себя чувствовать то тамъ, то здѣсь. Но Моммсенъ замѣчаетъ, что не слишкомъ благовонные цвѣты Кассіодорова краснорѣчія разсыяны по всей книгѣ, а гдѣ его блестящія кажутся незамѣтными, то это произошло только вслѣдствіе учиненнаго Іорданомъ сокращенія. Слѣдовательно, присутствіе такихъ признаковъ не имѣетъ большой важности, и отсутствіе ихъ ничего не доказываетъ. Гораздо больше имѣетъ значенія уже выше указанное различіе мѣстожителства и настроеній: Кассіодоръ былъ Гото-Романъ и придворный Теодериха, Іорданъ—Мезоготъ, подданный Восточной имперіи; итакъ, мы имѣемъ право спросить: какія части творенія не могли быть написаны Кассіодоромъ и должны быть приписаны Іордану? Но и этимъ цу-

темъ мы не далеко уйдемъ. Навѣрное Иорданъ не читалъ у Кассіодора почти всего того, что онъ говоритъ о себѣ и своихъ соотечественникахъ и землякахъ въ главахъ 50-й и 51-й; не у него онъ заимствовалъ рѣзкія выходы противъ Аріанъ (въ главахъ 25-й и 26-й), пропитанныя ядомъ теологической нетерпимости, охотно усвоенной грубою и необразованною душою монаха; Кассіодоръ хотя и преданъ былъ католическому исповѣданію, но въ своемъ сочиненіи не могъ забывать и релігиозныхъ убѣжденій своего повелителя, какъ это, впрочемъ, и обнаруживается въ его дошедшей до насъ краткой хроникѣ. Но затѣмъ слѣдуетъ помнить, что было выше замѣчено относительно мѣстъ, имѣющихъ спеціальнѣйшій мезоротскій колоритъ; и въ томъ, что съ особеннымъ тщаніемъ сокращено и передано Иорданомъ ради мѣстнаго интереса, многое принадлежало болѣе обширному изложенію Кассіодора. Вообще, если оставить въ сторонѣ то, что не можетъ принадлежать Кассіодору по хронологическимъ основаніямъ, окажется не много такого, что нужно бы отвѣтъ у него по другимъ соображеніямъ. Различіе (диакритика) между Кассіодоромъ и Иорданомъ, говоритъ Моммсенъ, — либо я совсѣмъ заблуждаюсь, либо зависеть только отъ различія источниковъ, которыми они пользовались. Иорданъ, какъ это видно изъ его сочиненія „О происхожденіи и дѣяніяхъ Римскаго народа“, былъ совершенно чуждъ подлинной греческой учености, знакомства съ эллинскими писателями и развѣ только пользовался кое-гдѣ ходячими въ тотъ вѣкъ и до нашего времени сохранившимися компиляціями; слѣдовательно, то, что идетъ отъ Приска, того и другаго Діона, Страбона и Птолемея, то принадлежитъ Кассіодору и перешло къ Иордану чрезъ его посредство. То же самое относится къ Амміану и Аблабію и имъ подобнымъ, а также и къ тому, что связано съ идущими оттуда заимствованіями тѣснымъ и неразрывнымъ образомъ; это уже будетъ не только лучшая, но и большая часть книжки о дѣяніяхъ Готовъ.

Опытною рукою мастера, съ величайшею отчетливостью и наглядностью производится дальнѣйшій подробнѣйшій анализъ источниковъ, проглядывающихъ въ компиляціи Иордана: изъ Амміана Марцеллина, притомъ не только изъ дошедшей до насъ части, но также изъ начальной, потерянной, ведутъ свое начало собственно римскія извѣстія, и кромѣ того, довольно многія черты въ характеристикахъ Гунновъ, что обличается даже буквальный сходствомъ выраженій; все, что указываетъ на готскія народныя преданія, пѣсни и былины, первоначально было собрано Аблабіемъ и т. д.

Въ числѣ источниковъ, послужившихъ Иордану или собственно Кассиодору, важное мѣсто занимаетъ Прискъ. Въ виду особеннаго спеціальнаго интереса проблемы объ отношеніи Иордана къ Приску, разъясненнаго въ статьѣ нашей, помѣщенной въ предыдущей книжкѣ, мы приведемъ относящіеся сюда разсужденія Моммзена.

Прискъ „историкъ“, по происхожденію Фрагіецъ изъ города Панія провинціи Евронны, цитруется въ глав. 24, 34, 35, 42, 49; сверхъ того, изъ согласія его фрагментовъ, сохранившихся въ другихъ мѣстахъ (то-есть, помимо Иордана), съ Иорданомъ, очевидно, что отъ него ведутъ свое начало мѣста въ гл. 24, 126; 36, 184; 42, 223; 43, 225, и вѣроятно гл. 3, 21. Онъ написалъ *Ἱστορίαν Βοζαντικῆν καὶ τὰ κατὰ τὸν Ἀττίλαν* „Исторію Византійскую и о событіяхъ послѣ Аттилы“— по свидѣтельству Свиди, а въ Константинопольскихъ эксерптахъ сочиненіе его подписано *Ἱστορία Βοζαντικῆ ἢ Γοτθικῆ*. Но вѣроятно, что имя Аттилы стояло въ самомъ заглавіи, такъ какъ извѣстно, что Прискъ началъ съ Аттилы, и всего болѣе заботился объ изложеніи дѣлъ этого царя, котораго самъ посѣтилъ вмѣстѣ съ послами въ 448 году, и котораго мы, именно благодаря ему одному, знаемъ такъ хорошо, что изъ лицъ тогдашняго времени—не римскихъ—только его одного живой образъ сохранился до нашего времени. Отрывки Приска достигаютъ до 471 года, и ученые считаютъ вѣроятнымъ, что онъ остановился на 472 году, такъ какъ его продолжатель, Маллъ, начинается со слѣдующаго семнадцатаго года императора Льва (Müller, Fragmenta Histor. Graeca IV, 69). Драгоценную часть сочиненія Приска сохранилъ Иорданъ въ двухъ мѣстахъ; именно онъ вставилъ въ исторію Вестъ-Готовъ характеристику Аттилы и повѣствованіе о двухъ его втерженіяхъ въ Галлію (сар. 34—43), а въ изложеніе остъ-готскихъ дѣлъ (сар. 49 и 50) вставилъ разказъ о смерти и погребеніи Аттилы, о разрушеніи его монархіи послѣ его кончины. Въ началѣ того и другого мѣста цитруется Прискъ, и вступительныя слова особенно перваго отрывка совсѣмъ не согласуются съ предыдущимъ, но напротивъ начинаются отрывисто. Оба мѣста отличаются самымъ содержаніемъ, которое касается только Аттилы и характера царя Гунновъ; имѣетъ въ виду его дѣянія, такъ что у Иордана нѣтъ ничего такого объ Аттилѣ, чтò не принадлежало бы Приску, и нѣтъ ничего у Приска, чтò не было бы связано съ дѣлами Аттилы. Но всего больше эти главы отличаетъ особенное, свойственное имъ благородство и изящество тона, тѣмъ болѣе замѣтныя, что эти взаимствованія изъ Приска выдаются, какъ яркія свѣтлыя пятна среди мрака, и притомъ свѣтатъ

свѣтомъ почти не помраченныѣ; посреди заимствованнаго изъ Приска я нашелъ только три мѣста, которыя Иорданъ, вѣроятно, снова заимствовалъ и вставилъ изъ другого источника. Первое—сар. 40, гдѣ побѣда на поляхъ Каталаунскихъ, подобно тому, какъ и въ хроникѣ Кассиодора, невѣрно приписывается Готамъ; второе—сар. 42—разказъ о посольствѣ папы Льва къ Атилѣ, распространенный изъ хроники Проспера; третье—объ убійствѣ Бледы (сар. 35), и не столько потому, что о немъ, сверхъ того, упоминаютъ только римскія лѣтописи, сколько вслѣдствіе прибавленія сентенціи: „*librante justitia detestabili remedio crescens deformes exitus suae crudelitatis invenit*, что не идетъ къ серьезности и простотѣ Приска. Ибо нельзя представить себѣ писателя столь несходныхъ, какъ не похожъ на себя Иорданъ, то-есть, обыкновенный, и Присковъ (Priscianus). Тамъ все блѣдно, скучно, нестройно, надутъ, извращено (*luxatum*), темно, испорчено; здѣсь разказъ двигается ясно, свободно и плавно. Приводятся рѣчи и дѣлаются другія подобныя вставки (pag. 107,3. 110,12. 124,13), которыя прекрасно объясняютъ положеніе вещей, и важныя событія отъѣняются съ приличною серьезностію, какъ напримѣръ, прекрасное стихотвореніе на смерть Атилы оставляетъ позади всѣ похвалы Александру. Вѣрно различаются особенности различныхъ народовъ, и замѣчательно въ этомъ отношеніи мѣсто pag. 125,20—о различіи оружія (сар. 50). Люди изображаются правдиво и живенно—сар. 105,16; 110,1; 123,18. Причины событій указываются съ проницательностію опытнаго наблюдателя и съ добросовѣстностію, которая не умалчиваетъ о томъ, что иное сказано по догадкѣ (напримѣръ, о числѣ войска у Атилы—pag. 105,12; о кострѣ—pag. 112,19; о Гоноріи—pag. 115,11). Самый стиль и слогъ вполне отличны; встрѣчаются сентенціи, правда риторическія, какъ это и прилично Приску, занимавшему должность ратора, притомъ чаще, чѣмъ это слѣдовало бы, и не всегда идущія къ дѣлу, но всего менѣе грубыя или невѣжественныя (pag. 107,1; 108,11; 109,13; 113,16; 125,13; 128,2), а также фигуры и сравненія довольно счастливыя, какъ напримѣръ, изображеніе толпы королей, сопровождавшихъ Атилу въ походѣ на Галлію, и подобно прислужникамъ (*ac si satellites*), ловившихъ взгляды своего вождя, или сравненіе разбитаго Атилы съ львомъ, который ходитъ вокругъ своего логовища, еще наводя страхъ на преслѣдующихъ; вздорныя и недѣльныя готскія прикрасы дѣлаются рѣже (см. примѣч. къ 40-й главѣ, а также pag. 107,17; 109,18; 110,1); и хотя эпитоматоръ не удерживается отъ обычныхъ солецизмовъ (онъ этого и не

могъ), однако мы какъ будто опять возвращаемся отъ варварства въ среду образованную, и вмѣсто ребячества мезійскаго монаха внимаемъ рѣчи просвѣщеннаго человѣка. Замѣтно, что изящество разказа и величавая хвала варварскому Александру (то-есть, Атилѣ), просвѣчивавшія даже съвою Кассіодорову обработку, поразили духъ смиреннаго писателя, и онъ, какъ бы покоренный истиннымъ гениемъ исторіи, сталъ уже болѣе просто выписывать, чѣмъ компилировать. Все это, конечно, далеко отстоитъ отъ превосходнаго описанія Приска послѣдства къ Атилѣ, которое дошло до насъ въ подлинникѣ, но все-таки достойный хвалы авторъ даже у Иордана оказался мѣлче на себя не похощимъ, чѣмъ этого слѣдовало ожидать. Въ одномъ отношеніи фрагменты, дошедшіе до насъ отъ Приска въ подлинникѣ, далеко уступаютъ отрывкамъ, сохраненнымъ у Иордана: первые касаются ежедневныхъ и простыхъ фактовъ, вторые—вводятъ насъ въ самое святилище исторіи и въ кругъ событій величайшей важности'.

Ограничиваемся этими выписками; само собою разумѣется, что и все остальное въ новомъ трудѣ Моммсена заслуживаетъ глубокаго вниманія и также поучительно. Въ концѣ приложены четыре указателя: личный, географическій, ореографическій, лексико-грамматическій, составленные съ величайшею тщательностію и полнотою. Объясненіе нѣмецкихъ и вообще варварскихъ собственныхъ именъ и разныхъ реченій, по просьбѣ Моммсена, сдѣлано Молленгофомъ.

В. Васильевскій.

Ioannis Euchaitarum metropolitae, quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt, Iohannes Bollig S. S., bibliothecae Vaticanae praefectus, descripsit, Paulus de Lagarde edidit. Gottingae. 1882.

Подарокъ ученому міру, и въ частности лицамъ, интересующимся византійскою литературою, изъ сокровищъ Ватиканской бібліотеки, скрывающей, конечно, еще многія и болѣе важныя драгоцѣнности, относящіяся къ той же византійской области. Какъ видно изъ самаго заглавія и еще болѣе изъ предисловія, не безъ труда и не безъ соединенныхъ усилій нѣсколькихъ совершенно несходныхъ по своему положенію и званію лицъ, явилось на свѣтъ это изданіе сочиненій довольно виднаго византійскаго проповѣдника и писателя, а также ученаго и политическаго дѣятеля XI вѣка. Иезуитъ Боллигъ, профессоръ восточныхъ языковъ въ римской папской коллегіи и начальникъ

Ватиканской библиотеки, обратилъ вниманіе на сборникъ, содержащій въ себѣ творенія Іоанна Евхаитскаго, и на досугѣ тщательно скопировалъ его; одинъ нѣмецкій ученый (проф. Штудемундъ изъ Страсбурга), посѣтившій Ватиканскую сокровищницу, помогъ преподобному отцу повѣркою его чтеній по кодексу; затѣмъ другой нѣмецкій профессоръ богословскаго протестантскаго факультета въ Гёттингенѣ, весьма свободомыслящій изслѣдователь первоначальной исторіи христіанской церкви, знатокъ и издатель восточныхъ текстовъ, П. де-Лагардъ, нѣсколько обязанный іезуиту за содѣйствіе въ ученыхъ занятіяхъ въ Ватиканской библиотекѣ, въ благодарность затруднявшемуся изданіемъ своей копіи трудолюбивому и высокому труженику, нашелъ для его открытія приличное помѣщеніе, и еще разъ пересмотрѣвъ и поправивъ текстъ, издалъ его въ Запискахъ Гёттингенскаго ученаго общества. Очевидно, что во всей этой исторіи хлопотали и дѣйствовали лица, совершенно чуждыя византійскимъ занятіямъ, руководившія отчасти чутьемъ и догадкой о цѣнности попавшагося подъ руки текста, отчасти желаніемъ сдѣлать пріятное нужному человѣку. Тѣмъ не мѣнѣ сдѣлано хорошее и полезное дѣло. Пусть изданіе не сопровождается надлежащимъ полнымъ научнымъ аппаратомъ. Кромѣ хорошо провѣреннаго и хорошо напечатаннаго текста и прибавленныхъ де-Лагардомъ цитатъ къ часто приводимымъ мѣстамъ изъ Священнаго Писанія (иногда въ видѣ простаго намека), мы находимъ еще только краткое и совсѣмъ недостаточное предисловіе, ограничивающееся описаніемъ манускрипта и разказомъ объ исторіи его появленія въ печатномъ видѣ. Не объяснено надлежащимъ образомъ ни значеніе издаваемыхъ сочиненій, ни историческое и литературное значеніе личности Іоанна Евхаитскаго. Между тѣмъ это была весьма выдающаяся личность, имѣвшая большое вліяніе на ходъ просвѣщенія въ Византійской имперіи; довольно припомнить, что вмѣстѣ съ своими учениками и младшими товарищами или друзьями—Михаиломъ Пселломъ и Іоанномъ Ксифилиномъ, Іоаннъ изображалъ нѣкоторый ученый триумvirатъ, внушавшій царю Константину Мономаху разныя весьма разумныя мѣры для поднятія образованія и заботившійся не только о духовной наукѣ, но даже и о свѣтской, между прочимъ объ ученостъ преподаванія юриспруденціи. Издателю, то-есть, П. де-Лагарду, болѣе другихъ способному оцѣнить произведенія Іоанна Евхаитскаго, по видимому, все-таки остались неизвѣстными тѣ весьма любопытныя данныя объ этомъ ученостъ кружкѣ, которыя теперь можно найти въ изданныхъ К. Саею сочиненіяхъ Пселла. Между прочимъ, хорошій

источникъ для біографіи Іоанна Евхаитскаго могло бы доставить похвальное слово, которымъ Пселль почтилъ своего наставника и друга, занимавшаго уже отдаленную малоазіатскую митрополичью кафедру. Сверхъ того, въ составѣ уже напечатанной переписки Пселла находится нѣсколько писемъ, адресованныхъ ученикомъ наставнику, и даже одно посланіе Іоанна Евхаитскаго къ Пселлу, котораго мы, однако, не находимъ въ извлеченной изъ Ватиканской рукописи собственной его корреспонденціи. Слѣдуетъ здѣсь же замѣтить, что эта изданная теперь корреспонденція представляетъ гораздо меньшій интересъ, чѣмъ можно было ожидать, и это только отчасти объясняется отсутствіемъ въ заглавіяхъ всякаго указанія на лица, къ которымъ письма адресованы. Второстепенный интересъ имѣютъ для насъ и поэтическія произведенія Іоанна Евхаитскаго, состоящія въ разнаго рода эпитаграммахъ, лирическихъ и антологическихъ пьесахъ, тѣмъ болѣе что они уже были изданы и затѣмъ перепечатаны въ Патрологіи аббата Минья. Новость представляютъ бесѣды и рѣчи, до сихъ поръ извѣстныя (за однимъ исключеніемъ) только по заглавіямъ. Наибольшій историческій интересъ представляютъ слѣдующія три произведенія: 1) Слово на память великаго побѣдоносца (Георгія) и на совершившееся нынѣ надъ варварами чудо; 2) Благодарственное слово по случаю низложенія тиранніи и 3) сочиненный Іоанномъ законодательный актъ (новелла) отъ имени императора Константина Мономаха о назначеніи и поощреніи „учителя законовъ“.

Въ первомъ изъ этихъ произведеній рѣчь идетъ объ успѣхахъ, одержанныхъ Византіяцами надъ Печенѣжскою ордою, перешедшею по льду за Дунай—отсюда видно, что разумѣются событія 1048-го года, описанныя Скилиціемъ, Аталіотой и другими,—и о послѣдовавшемъ обращеніи Печенѣговъ въ христіанство. На послѣдній фактъ мы уже имѣли краткое указаніе у Скилиція—Кедрина (Седрен II, 584), сообщающаго намъ о повелѣніи Константина Мономаха окрестить плѣннаго Печенѣжскаго князя Тираха съ его спутниками, 140 званіями Печенѣгами; сверхъ того, въ сборникѣ писемъ Михаила Пселла, недавно изданныхъ К. Саею (Bibliotheca graeca, V, 405) есть одно посланіе, адресованное отъ имени самого царя къ какому-то новопросвѣщенному знатному иноплеменнику: издатель полагаетъ, что тутъ разумѣется товарищъ и соперникъ Тираха, Кегенъ, ранѣе того передавшійся на византійскую сторону и тоже обязавшійся принять крещеніе. Такъ какъ совершеніе обряда императоръ въ своемъ рескриптѣ назначаетъ на воскресенье послѣ Петрова дня, а

наша рѣчь сказана 23-го апрѣля, въ день великомученика Георгія (только онъ можетъ быть разумѣемъ подъ побѣдоносцемъ, *τροπαιφόρος*), то въ самомъ дѣлѣ намъ не слѣдуетъ вполнѣ отождествлять обоихъ фактовъ, хотя они и близко родственны между собою. Рѣчь Иоанна Евхантакаго предполагаетъ присутствіе только что окрещенныхъ Печенѣговъ, на которыхъ онъ и указываетъ своимъ слушателямъ. Приводимъ нѣкоторые отрывки изъ этого ораторскаго произведенія (pag. 142, 143).

„Въ Писаніи сказано: будетъ обладать отъ моря до моря и отъ рѣки до концевъ земли. А нашъ царь перешелъ рѣки, и покорилъ то, что за ними; прежде неповорное и непобѣдимое оружіе, противъ котораго Римская держава вела напрасныя войны, готово теперь само за нее сражаться и подвергаться опасностямъ. Движенія варваровъ, много разъ и часто пытавшихся дѣлать разбойническіе набѣги на Западъ, кончились только договорнымъ ихъ подчиненіемъ и признаніемъ подданства, послѣ того какъ они познали сильнѣйшаго ихъ и ясно убѣдились, что противостоятъ его державѣ и власти значить бороться съ Богомъ. Вслѣдствіе того поспѣшаютъ ноги благовѣствующихъ, и цари народовъ приводятся плѣнными, а другіе прибѣгаютъ самопроизвольными стопами, предавая цѣлыя страны и отступаясь отъ городовъ, доходовъ и даней, присоединяя свои владѣнія къ всеобъемлющей Ромѣйской державѣ, какъ рѣчные потоки впадаютъ въ воды океана.

„Но оставивъ все другое, подивимся наиболѣе громкому и новому изъ божественныхъ знаменій. Кто и откуда эти иноплеменники, говорящіе чуждымъ намъ языкомъ? Кто такъ смѣло измѣнилъ ихъ странннй видъ, ихъ звѣрскія души, и нелѣпнй видъ ихъ одежды, и придалъ болѣе человѣческой образъ всему этому послѣ внезапнаго превращенія? Кто привелъ ко Господу народъ, Его не знавшій? Кто ввелъ внутрь церкви и столицы враговъ Бога и царя? Позвольте моему слову остановиться на нихъ на короткое время. Это былъ, какъ вы всѣ знаете, народъ невѣрный, народъ нечестивый и незаконный, Скиены родомъ, номады образомъ жизни, дикіе по своему нраву, отвратительные и нечистые въ своей пищѣ и привычкахъ, не знающіе ни разума, ни закона, ни религіи, не подчиняющіеся никакому государственному порядку, не связываемые никакими узами договора, но всѣхъ болѣе искусные и ловкіе въ томъ, чтобы разорить чужую страну, сдѣлать внезапный набѣгъ, обратить въ свою добычу все подъ ногами или предать мечу все попавшее въ смер-

тоубійственныя руки. Такимъ именно образомъ они пріобрѣли и ту страну, въ которой до сихъ поръ обитали, изгнавши разбоемъ прежнихъ жителей, оказавшихся болѣе слабыми. Не мало хлопотъ причинили они прежнимъ властителямъ, но война съ ними всегда была затруднительна и неудобна, такъ какъ варвары скрывали свои набѣги и еще легче—свое бѣгство и отступление, и прятались тотчасъ, какъ лягушки, въ болотахъ, разсѣлинахъ, и озерахъ. И теперь они много разъ переходили Дунай, на другой сторонѣ котораго жили насупротивъ, чтобы разорять нашу страну. Другіе ихъ набѣги, кончившіеся ничѣмъ или сопровождавшіеся только малымъ зломъ, скоро были пресѣчены и сдержаны въ границахъ царскою предусмотрительностію, вспомоцествуемою содѣйствіемъ свыше; затѣмъ послѣдовало это послѣднее ихъ нашествіе или же отшествіе изъ домовъ своихъ—не знаю, что слѣдуетъ въ этомъ видѣть, ихъ ли злобу противъ другихъ, или же скорѣе жадное корыстолюбіе другихъ, судьбою на нихъ наведенное; можетъ быть, лучше всего видѣть въ этомъ дѣло божественнаго домостроительства. Какъ бы то ни было, они поднялись всѣ цѣлымъ племенемъ, перешли пѣшіе рѣку, скрѣпленную льдомъ (*τὸν ποταμὸν—πεζὺοσάντες ἢ περὸρθάντα χροστάλλῳ*), и скрывши свое отшествіе (таковъ у нихъ обычай), они опустошили всю прибрежную область... Царская предусмотрительность и теперь не дремала; римскія войска тотчасъ же стояли во всеоружіи, исполненныя мужества и презрѣнія къ варварамъ. Но когда они подошли ближе къ неприятелямъ и вдругъ устремили глаза на ихъ лагерь, то исполнились удивленія и вмѣстѣ страха при (открывшемся) зрѣлищѣ; ибо ихъ множество не было обзорно для глазъ, ни даже выразио числомъ; лагерь ихъ покрывалъ всѣ берега, растягиваясь на неопредѣленное пространство въ длину и ширину, подобно песку, разсыпанному при рѣкѣ. Нашимъ войскамъ предстояла страшная опасность не только потому, что приходилось вращаться въ меньшемъ числѣ противъ нѣскольکو вратъ многочисленнѣйшаго неприятеля, но и потому, что (приходилось биться) съ неприятелемъ, такъ отчаянно настроеннымъ; ибо они отказались отъ всякой надежды на возвратъ домой и положили всѣ свои надежды въ битвѣ, такъ что имъ предстояло или поселиться въ этой странѣ или же, надѣлавъ много зла, и самимъ теперь подвергнуться неотвратимому воздаянію... Таково было положеніе; царь между тѣмъ приготовилъ другую помощь, такъ какъ первая армія пострадала въ происходившихъ между тѣмъ схваткахъ,—такія схватки и стычки уже были вслѣдствіе варварскихъ наѣздовъ,

и потерпѣвъ въ нихъ неудачу, наши предались тѣмъ большому униженію. Но кто дастъ въ затрудненіи скорую помощь? Кто превратитъ вечерній плачь въ радость за утро (Псал. 29,6)? Когда царь еще зывалъ такимъ образомъ, явился помощникъ; войско, исполненное ревности, выступило противъ непріятеля, и тотчасъ же обнаружались знаменія божественной помощи... Опять большая схватка и рѣшительный бой, и побѣждаетъ силою крестъ Христовъ, чудесно изобразившійся вверху на воздухъ, какъ это случилось уже и прежде при томъ первомъ царѣ христіанскомъ, родственномъ нынѣ отъ Бога царствующему по имени и благочестію. Происходитъ великое избіеніе варваровъ и еще большій страхъ овладѣваетъ ими, страхъ, приводящій къ чувству прежде безчувственныхъ и научающій ихъ полезному, при помощи необходимости. Какъ пораженные внезапно молніею, они тотчасъ потеряли духъ, и повергнувъ изъ рукъ оружіе, простирали ихъ уже съ мольбами о пощадѣ, варварскими и непонятными голосами зывалъ къ милосердію власти. И оно такъ ускорило и такъ сверхъ всякой надежды послужило имъ, что вотъ они нынѣ стоятъ съ нами на удивленіе зращихъ, превращенные изъ дикихъ какъ бы звѣрей въ кроткихъ людей, перешедши отъ прежняго безобразія и гнусности къ нынѣшнему блеску и красотѣ, а что всего славнѣе и еще болѣе поразительно, изъ нечестивыхъ и невѣрныхъ сдѣлавшись благочестивыми и вѣрными, сподобившись бани нетлѣнія въ слѣдствіе боголюбія власти и божеслаго чловѣколюбія"... и т. д. Прибавимъ отъ себя, что обращеніе Печенѣжскихъ вождей въ христіанство не было — столь искреннымъ и прочнымъ, какъ казалось оратору въ данный моментъ; они еще надѣлали много хлопотъ и зла пріютившей ихъ имперіи...

Подъ тиранніей, на низложеніе которой Іоанномъ Евхатскимъ сказано было слово на Рождественской недѣлѣ (ματὶ κλητῆς τοῦ Χριστοῦ γενεῆς), разумѣется возстаніе Льва Торникія, провозгласившаго себя императоромъ въ 1047-мъ году. Наиболѣе обстоятельно этотъ эпизодъ царствованія Константина Мономаха разказанъ въ историческихъ запискахъ Михаила Пселла; есть о немъ хорошія свѣдѣнія и въ старыхъ, давно извѣстныхъ хроникахъ Аталіоты и Скилиція — Кедріяна. Тѣмъ не менѣе рѣчь Іоанна Евхатскаго, произнесенная подъ живымъ впечатлѣніемъ только что пережитыхъ страховъ и опасностей, угрожавшихъ самой столицѣ; представляетъ весьма много драгоцѣнныхъ подробностей, которыя пригодятся будущему историку

Византіи и помогутъ ему нагляднѣе изобразить и характеръ и внѣшній обликъ событій (см. стран. 179 и сл.):

„Не за долго предъ тѣмъ все у насъ было хорошо и безопасно. Гражданство прекрасно сохраняло свой порядокъ; испытанное въ походахъ войско оказывало удивительное послушаніе вождямъ, такъ что вслѣдствіе того удалось намъ благополучно покончить многія варварскія войны; всѣ единоплеменники наслаждались миромъ, и каждый съ полною безопасностію занимался своими дѣлами; . . . но недолговѣчно человѣческое благополучіе. . .

„Была у нашего царя пограничная война съ за-Евфратскими варварами, явно нарушившими заключенный съ нимъ договоръ, и даже нанесшими ущербъ его имперіи присвоеніемъ нѣкоторыхъ ромэйскихъ селеній; часто приглашаемые къ мирнымъ соглашеніямъ, они однако не склонялись ни къ какимъ уступкамъ. И такъ противъ нихъ обращены были восточные полки, а западнымъ, остающимся на мѣстѣ, было позволено пока не становиться подъ оружіе, потому что ихъ содѣйствіе не было необходимо товарищамъ, которые, при соизволеніи Высшаго, были достаточно многочисленны для побѣды; кромѣ того они нужны были для безопасности тамошняго положенія, и должны были наблюдать за всѣми неожиданными движеніями варваровъ той стороны; а что всего вѣрнѣе, они воспользовались царскими заботливостію и человеколюбіемъ, которыя, по его снисходительности, всѣмъ и все бывають, и вслѣдствіе которыхъ имъ разрѣшено было оставаться дома, хотя, если бы онъ (царь) захотѣлъ ихъ тревожить и мучить, то не было бы недостатка въ предложенияхъ къ тому и съ этой стороны; ибо варвары на Дунаѣ иногда не мало дѣлали зла-сосѣдней Фракіи своими разбойническими набѣгами и неожиданными нападеніями; не хочу говорить о еще болѣе сильныхъ и буйныхъ западныхъ народахъ, отъ которыхъ часто и много терпитъ Ромэйская держава. Но не таковъ былъ нравъ нашего добраго царя; онъ хотѣлъ вести правленіе мягко и безпечально, зная, что насиліе не прочно и не твердо, а что лучше и безопаснѣе дѣйствовать убѣжденіемъ. Стремясь подражать божеству, онъ всего болѣе имѣлъ въ виду благосклонность, кротость и снисходительность къ подданнымъ. Таковъ былъ нашъ царь. А они какъ скоро получили покой и отдыхъ, тотчасъ вынесли на свѣтъ издавна въ нихъ созрѣвавшее зло; составивши съобща сборище сами по себѣ и выступивши на открытое мѣсто, они явно заявили себя лукавыми, провозгласивши себя вмѣсто подданныхъ отступниками, вмѣсто управляемыхъ—безгосударцами, вмѣсто

царствующимъ безцарственными. Однако дерзость беспорядочныхъ людей кончилась ничѣмъ; царская кротость скоро одержала верхъ надъ солдатскою дерзостію, и предусмотрительность одного разумнаго мужа обуздала неразумный порывъ толпы... Царская десница тотчасъ простерлась къ нимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—рѣчи ласковыя и умѣренныя, противъ которыхъ не могъ устоять ни одинъ изъ самыхъ дерзкихъ; какъ только они услышали снисходительный голосъ, тотчасъ познали кроткаго владыку, и побѣжденные стыдомъ, опустили руки и остановились въ своемъ порывѣ, возвратились къ порядку и стали въ ряды, покинутые не во время сраженія, а во время мира.... Но это не былъ конецъ, а только малая остановка зла, и то, что тогда казалось предѣломъ бѣдствія, оказалось началомъ и нѣкоторымъ введеніемъ испытаній“...

Не утихшимъ еще волненіемъ западнаго войска воспользовался царскій вельможа и даже родственникъ, Левъ (Торникій), уже разъ заподозрѣнный въ преступныхъ замыслахъ и потому вынужденный постричься въ монахи. Мы опускаемъ его характеристику, конечно не особенно благосклонную, но и не столь презрительную, какъ этого можно было ожидать по другимъ образцамъ. Левъ вошелъ въ сношеніе съ бунтовщиками; царскія благосклонныя рѣчи, подарки и награды высшими чинами совсѣмъ не подѣйствовали на нихъ несправедливо, но напротивъ возбудили презрѣніе къ законной власти. Когда претендентъ, снявши съ себя монашеское облаченіе, явился въ лагерь, онъ тотчасъ былъ провозглашенъ царемъ и принялъ присягу. Онъ пошелъ на Царьградъ. Вотъ какъ описывается его походъ:

„Какіе военные подвиги совершилъ онъ по дорогѣ? Города разорались, села разрушались, поля и дома предавались буйному опустошенію; госнода уведились вмѣстѣ съ ихъ рабами, и сначала лишенные своего имущества, нагіе и голодные, принуждены были слѣдовать за войскомъ; женщины, дѣти и всѣ неспособные къ военному дѣлу оставляемы были на гибель отъ недостатка въ съѣстномъ; а уже не говорю о безстыдно поруганной стыдливости невинныхъ дѣвъ и опозоренномъ цѣломудріи честныхъ женъ; даже священныя храмы и алтари были осквернены нечистыми ногами, сватотатственными и неумитыми руками“ и т. д. и т. д...

Но вотъ онъ приблизился къ столицѣ: слѣдуетъ цѣлый рядъ довольно живо начертанныхъ сценъ и картинъ. Смятеніе въ городѣ; толпы устремляются въ многочисленныя церкви, и всего болѣе въ

храмъ Богородицы (Влахернской) и въ храмъ Неизрѣченной Мудрости (Софійскій); вездѣ совершаются литіи и врестные ходы; царь и дѣцарицы (Зоя и Θεодора) подаютъ примѣръ усердныхъ моленій; открываются темницы и тюрьмы, и освобождаются преступники съ цѣлю умилостивленія Божества, оказывается снисхожденіе въ подсудимымъ, раздаются отъ имени царя пособія нуждающимся и бѣднымъ. Это сдѣлано для обезпеченія небесной помощи; въ то же время не упущены изъ виду и человѣческія средства для охраны города и отраженія враговъ: на стѣнахъ поставлены метательныя машины и собранъ большой запасъ нужнаго матеріала; мѣстные жители и чужеземники разставлены при нихъ, раздѣленные на отряды подъ надзоромъ начальниковъ, избранныхъ въ тому изъ среды гражданскихъ сановниковъ; каждому отряду указано его мѣсто; самъ царь раздавалъ сигналы и приказанія... Во едину отъ субботы, при восходѣ солнца, явился отъ запада и самъ бунтовщикъ и тиранъ (узурпаторъ); онъ ѣхалъ неторопливо и шагомъ на царской колесницѣ, красуясь въ царскомъ облаченіи; приближаясь къ городской стѣнѣ около того мѣста, гдѣ находился царскій дворецъ (Влахерны), онъ остановился на возвышеніи подлѣ самаго рва, такъ что былъ видимъ и замѣтень находившимся въ городѣ; за нимъ слѣдовало громадное облаво военныхъ и пѣшихъ полковъ, покрывшяхъ все пространство впереди городскихъ стѣнъ и все ближе подходившихъ къ нимъ. Непривычны въ такому зрѣлищу, мирные жители, обращенные въ защитниковъ столицы, начали чувствовать страхъ; но вотъ полки остановились стройными рядами и водворилась тишина; казалось, что враги высматриваютъ удобное мѣсто для приступа. Но вмѣсто того раздался громкій голосъ, приглашающій гражданъ отворить ворота и принять своего царя, пришедшаго къ нимъ съ миромъ; приглашеніе было повторено нѣсколько разъ и имѣло то дѣйствіе, что защитники ободрились, такъ какъ они убѣдились, что, страхъ немедленнаго нападенія былъ напрасенъ; а потому, какъ только послѣдовало разрѣшеніе, они отвѣчали съ своей стороны мѣткою бранью и наемъшками, а затѣмъ, начали дѣйствовать камнеметательными орудіями.—Эпизодъ другаго дня разказанъ съ подробностями нѣсколько отличными отъ находящихся у Пселла: „Наемные варвары въ небольшомъ числѣ, увлеченные смѣлостію и дерзостію, не привыкшіе и не умѣющіе принимать мѣръ безопасности, выскочили чрезъ одніи ворота—сами выскочили или были высланы впередъ, это безразлично; къ нимъ случайно пришло нѣкоторое малое количество гражданъ; совсѣмъ непривыч-

ныхъ въ военнымъ дѣламъ, но смѣлыхъ, дерзкихъ и буйныхъ.... Съ величайшею готовностію враги бросились на нихъ, какъ на готовую добычу; окружили со всѣхъ сторонъ и начали несчастныхъ колоть копьями и сѣчь мечами со всѣхъ сторонъ; только немногіе успѣли убѣжать въ ворота; издыхавшіе и пораженные смертельными ранами спасены были сверхъ ожиданія только благодаря заботливости царя; онъ скорѣе принудилъ, чѣмъ убѣдилъ людей выйти для того, чтобы унести ихъ. Страшное зрѣлище всѣхъ приковало неподвижно на мѣстѣ; за тѣмъ граждане прониклись такимъ ужасомъ, что стѣны тотчасъ обнажились отъ стражей; одинъ за другимъ они стали соскакивать внутрь, иные же падали стрѣлажь, отчасти нарочно, отчасти отъ тѣсноты и толчковъ смятенной толпы; тѣ, которымъ поручены были ворота для охраненія, оставили ихъ открытыми, и такимъ образомъ очистили свободный входъ внутрь столицы*. Казалось, что все было потеряно; непріятели уже ворвались и тиранъ овладѣлъ дворцомъ (разумеется, конечно, Влахерискій дворецъ на окраинѣ города). Господствовало величайшее смятеніе..... Обѣ царя, не смотря на твердость ихъ сердца, были потрясены и самымъ жалкимъ образомъ катались по землѣ, били себя въ грудь и наполняли воздухъ рыданіями и моленіями о помощи. Самъ царь подвергался опасности. Стрѣла, пущенная черезъ забрала городскихъ стѣнъ поразила вблизи его одного изъ служителей.—Однако городъ все-таки не былъ взятъ; вмѣсто того, чтобы воспользоваться благоприятнымъ моментомъ, сподвижники Торникія увлеклись грабежомъ; прочное занятіе было отложено до слѣдующаго утра, и этимъ было все для нихъ потеряно....

Другаго рода и не только не меньшій, но гораздо большій интересъ представляетъ сочиненный Іоанномъ Евхантаскимъ царскій манифестъ объ учрежденіи публичной касседры юриспруденціи; мотивы этой мѣры Константинъ Мономахъ устами своего совѣтника объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

„Какая другая забота, какое дѣло или занятіе болѣе прилично царю, чѣмъ забота о законахъ; ибо честь царя, по слову писанія, любить судъ; правда и судъ исправленіе престола его.... Понимая силу, присущую законамъ, прежніе благочестивѣйшіе цари пеклись о чести законовъ и посвятили не мало хлопотъ на то, чтобы съ большими усиліями и трудами собрать въ одно всю ихъ безмѣрность, много положили заботъ на переводъ ихъ съ латинскаго, на которомъ древніе законы были слагаемы, не мало употребили тру-

довъ на ихъ объясненіе, и посвятили много вниманія и усердія къ ихъ пересмотру (*ἀνακρίσεις*, очищеніе). Но одно самое прекрасное и наиболѣе полезное обществу дѣло они (не знаю, почему и какъ) оставили не устроеннымъ. Они упустили изъ виду упражненіе въ томъ, пользу чего они признали; они не нашли учителя для того, чтѣ отмѣннымъ образомъ почитали; они испытываютъ (экзаменуютъ) нотаріевъ и публичныхъ писцевъ (*σημαιογράφους*), требуютъ отчета у адвокатовъ (*σοφιστῶν*), откуда и какъ получили они знакомство съ законами, и не прежде кому-нибудь изъ нихъ позволяютъ причислиться къ (судебнымъ) корпораціямъ (*τοῖς σωματείαις*) или вписаться въ число риторовъ, какъ они укажутъ своихъ наставниковъ и обозначать количество времени, употребленнаго на изученіе законовъ. Но кто будетъ трудолюбиво учить этому и кто съ долготерпѣніемъ и даже великодушнѣмъ будетъ преподавать имъ точное познаніе законовъ, объ этомъ они (то-есть, прежніе цари) не подумали; они не избрали къ тому собственное лицо, не назначили какого-нибудь мѣста, гдѣ могли бы собираться вокругъ него любители законовъ, не опредѣлили ему содержанія, однимъ словомъ не устроили ничего, чтѣ обыкновенно признается нужнымъ, для учрежденія и устройства школы“... Далѣе Іоаннъ Евхантавій отъ имени императора разъясняетъ зло, отсюда происшедшее: „Молодежь, посвящающая себя юридическому призванію, усердно ищетъ учителя, но не находитъ никого, кто засвидѣтельствовавъ былъ бы выборомъ и опредѣленіемъ царскимъ; по недостатку лучшаго каждый отдается тому, на кого попадетъ случайно; вѣривъ себя одинъ одному, другой другому руководителю, лицу, обыкновенно всего менѣе упражнявшемуся въ познаніи законовъ, каждый однако съ вѣрою принимаетъ отъ такого руководителя все, имъ сказанное, и часто уходитъ, принявши въ душу и память не то, чтѣ поставлено законами, а то, чтѣ вздумалось изречь учившему. Отсюда происходитъ большая путаница и замѣшательство въ судебныхъ рѣшеніяхъ и дѣлахъ, такъ какъ получившіе полномочіе судить, кромѣ немногихъ, много потѣвшихъ надъ законными книгами, не одно и то же думаютъ и рѣшаютъ объ одномъ и томъ же, но изъ различнаго обученія приносятъ и различные взгляды, какъ это естественно, часто между собою противныя и сталкивающимся враждебно; отъ этого происходитъ большое недоумѣніе даже для заботящихся о законахъ, гдѣ найти надлежащее указаніе на то, какъ слѣдуетъ поступить“.

Императоръ заявляетъ, что для исправленія этого недостатка и зла онъ рѣшилъ назначить толкователя и учителя законовъ въ лицѣ

Іоанна, по прозванію Ксифилина, мужа ученаго, уже занимавшаго должность судьи при ипподромѣ и успѣвшаго доказать на практикѣ свое знакомство съ искусствомъ познанія законовъ: „Съ настоящаго дня съ помощію и содѣйствіемъ Всевышняго открывається юридическая школа въ прекрасномъ и наипріятнѣйшемъ помѣщеніи нашего дома, который мы приготовили съ наилучшими надеждами, и посвятивъ подателю всѣхъ благъ Богу, отдали подъ охрану и попеченіе какъ бы нѣкому великому домовладыкѣ побѣдоносцу Георгію, возведя при немъ и божественный храмъ не безъ благословенія и помощи мученика и обративъ домъ въ священное монашеское убѣжище. Какъ сказано, это мѣсто предназначается для любителей познанія законовъ; въ немъ мы утвердили учительскую катедру (τὸν διδασκαλικὸν θρόνον); и пусть впередъ это мѣсто именуется съ этихъ поръ училищемъ праповѣднія (διδασκαλεῖον νόμων), а учитель пусть именуется номофилаксомъ (законохранителемъ), и не попусту, но потому, что ему поручается учить законамъ и охранять ихъ, передавая слушателямъ неискаженное правопознаніе, но также и потому, что онъ будетъ сохранять законныя книги, которыя онъ получитъ изъ тамошней библіотеки отъ благочестивѣйшаго библіотекаря для свободнаго пользованія и для употребленія, какое онъ найдетъ нужнымъ, именно тѣ книги, которыя всего болѣе нужны и полезны при преподаваніи законовѣднія; ибо наша благочестивая держава и о томъ полезно озаботилась, чтобы назначаемый всегда царемъ учитель имѣлъ у себя дома всѣ орудія своего искусства и не обязанъ былъ занимать ихъ у другихъ, и не подвергался бы лишнимъ хлопотамъ просить и собирать нужное съ разныхъ сторонъ, въ случаѣ если бы по бѣдности имѣлъ въ нихъ недостатокъ“.

Далѣе опредѣляется іерархическое положеніе и казенное содержаніе для избраннаго профессора. Онъ будетъ считаться членомъ синклита, будетъ имѣть право являться предъ царскія очи (ко двору) въ извѣстные опредѣленные дни, наравнѣ съ однимъ изъ верховныхъ судей, будетъ получать ежегодно изъ царскихъ рукъ ругу (ρούγαν) въ четыре литры, шелговую матерію (βλάττιον), вай (подарокъ предъ Пасхою) и хлѣбное (αιτηρέσια). За это, съ своей стороны, онъ обязывается посвящать все свое время и усердіе на пользу юношества, ищущаго познанія законовъ; по ночамъ онъ будетъ размышлять о законахъ, а днемъ бесѣдовать о нихъ съ приходящими слушателями; школа будетъ закрыта только въ обычные праздничные дни, наблюдаемые грамматиками, то-есть, первоначальными учителями; всѣ же-
часть ССХІІ, отд. 2.

лающіе пользуются лекціями и наставленіями профессора бесплатно, и онъ обязанъ съ одинаковымъ вниманіемъ относиться къ богатымъ и бѣднымъ; всякое вымогательство должно быть ему чуждо, такъ какъ онъ ближе всѣхъ долженъ быть знакомъ съ строгими постановленіями законовъ противъ взятокъ; впрочемъ не воспрещается принимать отъ молодыхъ людей хорошаго состоятельнаго дома добровольные подарки; суровая непреклонность въ добродушію другихъ въ такихъ случаяхъ была бы „мизантропіею“. Условіемъ для занятія кафедры поставляется знаніе обоихъ языковъ, то-есть, кромѣ греческаго, еще латинскаго.

Для лицъ, занимающихся практической юриспруденціей, для разнаго рода нотаріевъ, ходатаевъ по дѣламъ и адвокатовъ устанавливается или же восстанавливается государственнй экзамень. Каждый желающій поступить въ соотвѣтствующія корпораціи долженъ подвергнуться испытанію предъ номофилаксомъ и получить отъ него надлежащее свидѣтельство въ знаніи законовъ.

Вопросъ—въ томъ, въ какой степени осуществлены были всѣ эти постановленія царскаго указа. Изъ похвальнаго слова Ксифилину, написаннаго его товарищемъ и другомъ, Михаиломъ Пселломъ, мы знаемъ, что Іоаннъ Ксифилинъ не долго занималъ публичную кафедру законовѣдннн; вмѣстѣ съ Пселломъ онъ былъ отозванъ изъ школы во дворець, чтобы сдѣлаться личнымъ совѣтникомъ императора (Sathas, Bibl. gr. IV, 434), и впоследствии возведенъ былъ на патріаршескій престоль; на его профессорское мѣсто, по видимому, никто не былъ назначенъ.

В. Васильевскій.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗВѢСТІЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТОЯНІИ НАШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

УНИВЕРСИТЕТЫ.

О состояніи и дѣйствіяхъ Казанскаго университета въ 1881 году: личный составъ преподавателей; вакантныя мѣсты; мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ; присужденіе медалей за сочиненія на заданныя темы; ученые труды преподавателей и другихъ служащихъ при университетѣ лицъ; удостоеніе ученыхъ степеней и званій; командировки съ ученою цѣлью, бюджетъ университета свѣдѣнія объ учащихся; состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; клиники; ученые общества.

Въ Казанскомъ университетѣ къ 1-му января 1882 года состояло на лицо штатныхъ преподавателей, сверхъ профессора православнаго богословія: на историко-филологическомъ факультетѣ: ординарныхъ профессоровъ 8, экстраординарныхъ 1, доцентовъ 2, лекторовъ 2; на физико-математическомъ: ординарныхъ профессоровъ 9, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 4, астрономъ-наблюдатель 1, лаборантовъ 5, помощникъ прозектора 1; на юридическомъ: ординарныхъ профессоровъ 6, доцентовъ 2; на медицинскомъ: ординарныхъ профессоровъ 11, экстраординарныхъ 4, доцентовъ 7, прозекторовъ 2, помощникъ прозектора 1, лаборантъ 1, ординаторовъ 8. Общее число наличныхъ штатныхъ преподавателей по всѣмъ факультетамъ, сверхъ профессора

православнаго богословія, было: ординарныхъ профессоровъ 34, экстраординарныхъ 9, доцентовъ 15, лекторовъ 2, астрономъ-наблюдатель 1, лаборантовъ 6, прозекторовъ 2, помощниковъ прозектора 2, ординаторовъ 8. Сверхштатныхъ преподавателей состояло: ординарныхъ профессоровъ 2, экстраординарныхъ 1, лаборантовъ 2, помощниковъ прозектора 2, ассистентовъ 9, ординаторовъ 3. Приватъ-доцентовъ на всѣхъ четырехъ факультетахъ было 10: по слѣдующимъ предметамъ: латинскій языкъ, греческій языкъ, славянская филологія (славянскія нарѣчія), сравнительное языковѣдѣніе (русская фонетика и греческая фонетика), математическая физика (общая физика и количественный анализъ), техническая химія, физическая химія, уголовное право (уголовное судопроизводство); минералогія и геологія, патологическая гистологія). Сверхъ того, историко-филологическомъ факультетомъ приглашенъ былъ для временнаго преподаванія логики и психологіи экстраординарный профессоръ Казанской духовной академіи Снегиревъ. По сравненію съ 1880 годомъ было: болѣе—1 ординарнымъ и 3 экстраординарными профессорами, менѣе—1 сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ, 1 временнымъ преподавателемъ и 3 приватъ-доцентами. Вакантными были слѣдующія каѳедры: по историко-филологическому факультету—римской словесности со второй половины 1869 года, исторіи всеобщей литературы и теоріи и исторіи изящныхъ искусствъ, со времени введенія въ дѣйствіе университетскаго устава 1863 года, арабскаго языка съ сентября 1868 года и турецко-татарскаго съ іюля 1872 года; по юридическому—церковнаго законовѣдѣнія съ сентября 1869 года, исторіи славянскихъ законодательствъ со времени введенія дѣйствующаго университетскаго устава, уголовного права и уголовного судопроизводства и судопроизводства съ іюля 1870 года, политической экономіи и статистики съ марта 1878 года, исторіи иностранныхъ законодательствъ древнихъ и новыхъ съ января 1876 года, энциклопедіи права съ октября 1879 года; по медицинскому—общей патологіи съ іюля 1879 года.

Факультеты имѣли въ 1881 году засѣданій: историко-филологическій—23 (5 были публичныя для защищенія диссертаций и для чтенія пробныхъ лекцій), физико-математическій—25 (4 публичныя для тѣхъ же цѣлей), юридическій—19, медицинскій—26 (одно публичное для защищенія диссертации на степень доктора медицины). По вакантнымъ каѳедрамъ допущены были къ преподаванію: по римской словесности—ординарный профессоръ Вѣляевъ, а для усиленія преподаванія приглашенъ приватъ-доцентъ Гвоздевъ; на каѳедру общей патологіи имѣется

въ виду приватъ-доцентъ Асташевскій, командированный, для усовершенствованія въ этомъ предметѣ, за границу и въ С.-Петербургъ: по вакантнымъ кафедрамъ юридическаго факультета объявленъ былъ конкурсъ, а по двумъ изъ нихъ даже вторично.

Для усиленія учебной дѣятельности студентовъ и для контроля надъ занятіями ихъ приняты были слѣдующія мѣры: на историко-филологическомъ факультетѣ: студенты первыхъ трехъ курсовъ подвергались въ маѣ и августѣ переводнымъ испытаніямъ; кромѣ того студентамъ I и II курсовъ были произведены репетиціи изъ пройденнаго въ послѣднее полугодіе; студенты высшихъ двухъ курсовъ обязаны были представить каждый по крайней мѣрѣ по одной самостоятельной работѣ по какому-либо изъ факультетскихъ предметовъ. Такихъ работъ было представлено 30, именно: *Θ. Акинѣевъ*—„Анонимная лѣтопись о Дольчино 1304—1307 г.“, *К. Веретениковъ*—„Положеніе русской женщины въ XVI и XVII столѣтія“, *С. Ламовицкій*—„Воспоминанія маркиза Ла-Фора о времени Людовика XIV“, *В. Лаптевъ*—„Неронъ по Тациту и Светонію“, *М. Мышкинъ*—„Десятая книга Вильгельма Тирскаго“, *Г. Хрусталева*—„Нравственное состояніе русскаго общества времени Петра Великаго по Духовному Регламенту“, *Н. Челноковъ*—„Первая книга исторіи Польши Длугоми“, *П. Алексѣевъ*—„Какъ поставленъ въ наукѣ вопросъ о начинательномъ значеніи глагола съ суффиксомъ *sc*“, *Н. Ильинъ*—„Значеніе глагола *Ef.* въ *praesens indicativa* по 12 рапсодіямъ Одиссеи Гомера“, *П. Квасниковъ*—„Значеніе *aor. pass.* у Гомера относительно вида и времени“, *Н. Лалетинъ*—„Объясненіе 30-й оды III книги Горація“, *В. Анисимовъ*—„Отношеніе къ русской народности въ русской литературѣ XVIII вѣка.“, *С. Буличъ*—„О сочиненіи Вестфала *Allgemeine Theorie der musicalischen Rhythmik*“, *Н. Князевъ*—„Какъ смотрѣлъ Державинъ на свою поэзію“, *А. Павловъ*—„Екатерина II, какъ драматическая писательница“, *Д. Поповъ*—„Общественные политическіе идеалы Фонъ-Визина“, *К. Смирновъ*—„Объ удареніи словъ съ суффиксомъ въ русскомъ языкѣ“, *А. Тумашевъ*—„Состояніе русскаго духовенства и народа по Стоглаву“, *А. Ацеровъ*—„Публицистическія статьи историка князя Щербатова“, *Н. Владиміровъ*—„Раскольничій протопопъ Аввакумъ“, *В. Иконниковъ*—„О пользѣ дворянства въ XVIII в. по запискамъ Болотова“, *К. Каллестиновъ*—„Патріархъ Никонъ и его теократическія стремленія“, *П. Миндалевъ*—„Бытъ поморскихъ Славянъ по сказаніямъ объ Оттонѣ Бамбергскомъ“, *А. Поликарповъ*—„Поло-

женіе владѣльческихъ крестьянъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, Н. Каминскій—„О греческой грамматикѣ Курціуса“, П. Федоровскій—„Разборъ книги г. Чернаго объ отношеніяхъ видовъ русскаго глагола къ греческимъ именамъ“, В. Дроздовъ—„Стефанъ Яворскій“, Н. Орловъ—„Иванъ Иванов. Дмитриевъ и его литературная дѣятельность“, Н. Спасскій—„И. А. Крыловъ и его литературная дѣятельность“. Изъ названныхъ сочиненій удостоены: 11—отмѣтки 5, 14—отмѣтки 4 и 5—отмѣтки 3. Кромѣ того, въ видахъ приученія студентовъ къ болѣе самостоятельнымъ письменнымъ работамъ, факультетъ постановилъ, чтобы студенты первыхъ двухъ курсовъ обязательно экзаменовались по крайней мѣрѣ изъ одного новаго языка (нѣмецкаго или французскаго), и для перехода въ III курсъ должны получить удовлетворительную отмѣтку наравнѣ съ другими обязательными предметами. Сверхъ того, для стипендіатовъ министерства народнаго просвѣщенія и другихъ студентовъ, готовящихся къ учительскому званію, въ старшихъ двухъ классахъ ведены были, по примѣру предъидущихъ лѣтъ, особня практическія занятія, подъ руководствомъ профессоровъ, по русской словесности (11 студентовъ), по русской исторіи и географіи (13 студентовъ), по всеобщей исторіи и географіи (13 студентовъ) и по греческой и римской словесности (6 студентовъ). Эти занятія, происходившія въ особые отъ лекцій часы, состояли въ ближайшемъ ознакомленіи студентовъ съ ученою и педагогическою литературою предметовъ, въ непосредственномъ ознакомленіи ихъ съ источниками наукъ, въ чтеніи студентами пробныхъ уроковъ по предметамъ будущихъ ихъ профессій, примѣнительно къ разнымъ классамъ гимназій, и въ разборѣ таковыхъ со стороны научной и педагогической, въ которомъ требовалось участіе и товарищей лекторовъ, въ переводахъ съ русскаго на классическіе языки, и наконецъ въ разборѣ годовичныхъ письменныхъ работъ студентовъ. Для лучшаго ознакомленія съ приемами преподаванія въ гимназіяхъ, попечитель округа, по ходатайству факультета, разрѣшилъ студентамъ IV курса посѣщать Казанскія гимназіи и слушать въ нихъ уроки, соотвѣтствующіе ихъ специальностямъ. Практическія занятія въ семинаріяхъ при факультетѣ по предметамъ гимназическаго курса считаются на столько цѣлесообразными, что занимающіеся въ нихъ студенты, окончившіе курсъ въ университетѣ, ежегодно освобождаются отъ особыхъ специальныхъ испытаній на званіе учителей гимназій и прогимназій. На физико-математическомъ факультетѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, производились переводныя испытанія, репетиціи и.

въ теченіе всего года, практическія занятія студентовъ подъ руководствомъ профессоровъ и ихъ ассистентовъ. Такъ, на математическомъ разрядѣ, подъ руководствомъ доцента механики, студенты II курса занимались, въ свободное отъ лекцій время, рѣшеніемъ задачъ по теоретической механикѣ. Доцентъ Суворовъ велъ практическія занятія по аналитической геометріи и сферической тригонометріи въ I курсѣ, въ свободные отъ лекцій часы, и сверхъ того имъ же давались задачи для письменнаго рѣшенія на дому студентамъ I курса по названнымъ выше предметамъ, а студентамъ 2-го курса—по интегральному исчисленію. Доцентъ Васильевъ велъ практическія упражненія со студентами младшихъ двухъ курсовъ, въ теченіе двухъ часовъ въ недѣлю, состоящія въ изложеніи какъ преподавателемъ, такъ и нѣкоторыми изъ студентовъ, отдѣльныхъ вопросовъ, примыкающихъ къ читаемымъ курсамъ, въ рѣшеніи задачъ и въ постановкѣ вопросовъ для самостоятельныхъ письменныхъ упражненій студентовъ. На I курсѣ принимали особенное участіе въ упражненіяхъ два студента. На II курсѣ были представлены письменныя работы по вопросамъ, поставленнымъ на практическихъ упражненіяхъ, почти всѣми студентами. Изъ этихъ работъ, замѣнявшихъ собою для представившихъ ихъ репетиціи, особенно выдаются слѣдующія: Васильева—„О кратномъ дифференцированіи функций отъ функций“, Свѣнцицкаго—„О гиперболическихъ функцияхъ“, Царевскаго—„Исчисленіе конечныхъ разностей“, Большегагаринскаго и Лобовикова—„По двукратному дифференцированію“ и Мокроусова—„По приложенію разложенія рациональныхъ функций на частныя дроби къ кратному дифференцированію“. Студенты II курса упражнялись въ качественномъ химическомъ анализѣ. На разрядѣ естественныхъ наукъ студенты I курса занимались, подъ руководствомъ профессора минералогіи, опредѣленіемъ простыхъ и сложныхъ кристаллическихъ формъ, а студенты III курса изучали анализъ минераловъ. Подъ руководствомъ профессора Глинскаго, студенты I курса практически изучали способы приготовления и очищенія кислотъ, основаній, солей и металловъ, въ свободные отъ лекцій часы. Профессоръ ботаники велъ практическія упражненія по анатоміи и физиологіи растений, по 2 часа въ недѣлю, со студентами I курса, а со студентами IV курса занимался, по 3 часа въ недѣлю, изслѣдованіемъ физиологической роли глюкозидъ въ пищевѣтельности растений. Другой профессоръ ботаники велъ практическія занятія по морфологіи сѣменныхъ растений со студентами II курса и практическія занятія по сравнительной

анатоміи корней воздушныхъ и почвенныхъ съ студентами IV курса, по 3 часа въ недѣлю. Профессоръ зоологіи велъ практическія занятія, по 6 часовъ въ недѣлю, со студентами IV курса и, кромѣ того, въ свободное отъ лекцій время, упражнялъ студентовъ двухъ младшихъ курсовъ въ опредѣленіи животныхъ. Профессоръ сравнительной анатоміи занимался со студентами IV курса сравнительной анатоміей по 6 часовъ въ недѣлю и со студентами I курса по общей анатоміи въ свободное отъ занятій время. Профессоръ физиологіи руководилъ упражненіями студентовъ III курса въ приготовленіи гистологическихъ препаратовъ, а также въ производствѣ нѣкоторыхъ висекцій. Профессоръ органической химіи велъ практическія занятія со студентами II курса въ качественномъ анализѣ, и со студентами IV курса, специалистами-химиками—по органической химіи, во всѣ свободные отъ лекцій часы. Подъ руководствомъ профессора технической химіи, студенты IV курса посѣщали заводы для пракческаго ознакомленія съ техникою производствъ. Доцентъ агрономической химіи занимался со специалистами-ботаниками въ IV курсѣ изученіемъ способовъ опредѣленія составныхъ частей растений. Приватъ-доцентъ Рудневъ занимался со студентами III курса количественнымъ анализомъ, а со студентами IV курса — техническимъ анализомъ. На юридическомъ факультетѣ, съ цѣлю усиленія учебной дѣятельности студентовъ, измѣнены дѣйствовавшія до 1881 года правила контроля надъ занятіями студентовъ. Измѣненія касались, главнымъ образомъ, усиленія значенія письменныхъ отвѣтовъ на испытаніяхъ. Измѣненныя правила контроля приняты совѣтомъ университета и утверждены попечителемъ округа. Медицинскій факультетъ, для доставленія студентамъ болѣе времени на посѣщеніе ими лекцій и увеличенія тѣмъ ихъ занятій, принялъ для всего 5-тилѣтняго курса два экзамена со II на III курсъ и окончательный. Кромѣ того студентамъ, пользующимся и имѣющимъ пользоваться стипендіями, производились контрольныя испытанія изъ трехъ предметовъ курса, по назначенію факультета; студентамъ же, желающимъ воспользоваться пособіемъ и освобожденіемъ отъ платы за слушаніе лекцій—изъ одного предмета. Относительно же студентовъ, не пользующихся означенными льготами, факультетъ постановилъ также подвергать ихъ контрольному испытанію, когда то будетъ признано необходимымъ.

На предложенныя факультетами темы, представлены были въ 1881 году студентами слѣдующія сочиненія: физико-математическаго факультета: И. Пактовскимъ — „О вліяніи намагничиванія на элек-

тропроводимость жидкостей“, А. Шулинскимъ—„О примѣненіи непрерывныхъ дробей къ интегрированію дифференціальныхъ уравненій“, М. Лебединскимъ — „Объ ударѣ твердыхъ тѣлъ“; юридическаго факультета: С. Франковскимъ, М. Милоголовкинымъ и Ив. Знаменскимъ — „Положеніе и дѣятельность прокуратуры въ новомъ русскомъ уголовномъ процессѣ“; медицинскаго факультета: Н. Сапожниковымъ и И. Соколовскимъ — „Качественное и количественное изслѣдованіе продажнаго молока въ Казани“ и А. Каземъ-Бекѣ — „Дѣйствіе атропина на животный организмъ, какъ антагониста морфія“. Изъ числа поименованныхъ лицъ награждены, за представленныя ими сочиненія, медалями: золотыми — Пактовскій, Франковскій и Сапожниковъ, остальные шесть — серебряными.

Профессоры, преподаватели и другія служащія въ Казанскомъ университетѣ лица издали въ свѣтъ и приготовили къ печати слѣдующіе учено-литературные труды: профессоры: Н. И. Буличъ напечаталъ и произнесъ на университетскомъ актѣ рѣчь „Ф. М. Достоевскій и его сочиненія“; И. М. Добротворскій напечаталъ въ Извѣстіяхъ по Казанской епархіи „Дополненіе къ некрологическому извѣстію о протоіерей Андр. Никит. Іорданскомъ“; Н. А. Осокинъ помѣстилъ: въ Полярной Звѣздѣ—статью „Полтора ста лѣтъ назадъ“ и въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета разборъ изслѣдованія И. Н. Смирнова „Объ отношеніяхъ Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи съ XII до половины XIV вѣка“; И. А. Бодуэнъ-Куртенэ напечаталъ: въ Извѣстіяхъ и Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета — окончаніе Подробной программы лекцій въ 1877—1878 учебномъ году, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія — нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ, въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ — „Нѣкоторые отдѣлы сравнительной грамматики славянскихъ языковъ“, въ Филологическихъ Запискахъ — начало „Отрывковъ изъ лекцій по фонетикѣ и морфологій русскаго языка“, критическія замѣтки о сочиненіяхъ „Развѣдки о доисторическихъ временахъ Русо-Славянскаго народа“ и „Zbytky rýmovaných Alexandrei d. slavočeských Vydali Martin Hattala a Adolf Patera“, въ Заграничномъ Вѣстникѣ — „Международный географическій конгрессъ и выставка въ Венеціи“, въ польскомъ еженедѣльникѣ Prawda—„Pogadanki naukowe. O gramatice rogowpawczej języków indoeuropejskich“ и „O prawde“ и въ газетѣ Nowiny—„Kongres geograficzny“ и „Z powodu gramatyki sanskryckiej ks.

Maljnowskiego"; Д. О. Бѣляевъ оканчивалъ редактированіе и напечатаніе и издалъ „Объясненія Курціуса въ его греческой грамматикѣ съ своими примѣчаніями и дополненіями“, сдѣлалъ описаніе одной Казанской медали съ греческой надписью, напечатанное въ Запискахъ Археологическаго Общества, въ приложеніи къ статьѣ профессора Дестуниса: „Разборъ спорной греческой надписи“; Д. А. Корсаковъ помѣстилъ: въ Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ — статью „Ссылка князя В. Л. Долгорукаго въ село Знаменское“ и въ Историческомъ Вѣстникѣ—библиографическій разборъ двухъ книгъ: а) князя И. Н. Голицына: „Материалы для родословной князей Голицыныхъ“ и б) А. П. Барсукова: „Родъ Шереметевыхъ, т. I“; М. А. Ковальскій напечаталъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета статью подъ заглавіемъ: „Теорія пассажнаго инструмента“ и произвелъ въ астрономической обсерваторіи наблюденія рефракторомъ кометы $\bar{\iota}$ 1881 года; В. В. Заленскій помѣстилъ статьи: въ Zoologischer Anzeiger—„Neue Untersuchungen über die Entwicklungsgeschichte der Salpen“ и въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета—„Отчетъ объ ученыхъ занятіяхъ во время заграничной командировки въ 1880 — 1881 учебномъ году“, И. С. Громека напечаталъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета статью подъ заглавіемъ „Нѣкоторые случаи движенія несжимаемой жидкости“; Н. О. Леваковскій помѣстилъ въ Протоколахъ Общества естествоиспытателей: „Къ вопросу объ измѣненіи влѣточной оболочки“ и предварительное сообщеніе „О вліяніи свѣта на развитіе устьицъ у растений“; А. М. Зайцевъ напечаталъ въ Журналѣ Русскаго Химическаго Общества и въ Journal für practische Chemie: „О бутировомъ лактонѣ и нормальной оксипутириновой кислотѣ“ и „О превращеніи бутироваго лактона въ нормальную бутиновую кислоту“; Н. М. Мельниковъ помѣстилъ въ Протоколахъ Общества естествоиспытателей статью „О фаунѣ восточнаго берега Каспійскаго моря и острова Челекена“ и сдѣлалъ въ томъ же Обществѣ сообщеніе „О змѣяхъ Казанскаго музея, относящихся къ русской фаунѣ“; А. А. Штукенбергъ въ томъ же изданіи напечаталъ статьи: „Буровая скважина въ Балахиѣ“ и „Прямое опредѣленіе возраста пестрой группы пластовъ горы Б. Богдо“; Н. В. Сорокинъ помѣстилъ: въ Дневникѣ Общества врачей—„Нѣсколько словъ о spirocetae“, въ журналѣ Врачъ — „Къ свѣдѣнію о Zepthothrix oculorum“, „О паразитахъ, наблюдаемыхъ при дифтеритѣ“, „Библиографическія замѣтки“ и „Вторая замѣтка о паразитахъ глаза“;

въ Игрушечкѣ—„Иванъ Купало“ и въ Трудахъ Казанскаго технического общества—„Гниль нашихъ древесныхъ породъ, употребляемыхъ на постройки“; Н. А. Виноградовъ напечаталъ въ Дневникѣ Казанскаго Общества врачей три статьи: „Къ діагностикѣ органическихъ пороковъ сердца“, „Случай спазмодического состоянія мышцъ, развивающагося при произвольныхъ движеніяхъ“ и „Къ ученію объ альбуминури“; И. М. Догель помѣстилъ въ Трудахъ Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи — „Новыя изслѣдованія инерваціи сердца“, въ Трудахъ Общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ — „Изслѣдованіе инерваціи сердца костистыхъ рыбъ“, въ *Pflügers Archiv* — „Beiträge zur Lehre von der Arsenikoirkung auf den thierischen Organismus“ и въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета—„Воспоминаніе о Ник. Ив. Пироговѣ, какъ учителѣ“; Е. В. Адамюкъ напечаталъ статьи: въ глазномъ журналѣ Гиршберга—„О леченіи episcleritis“ и „Объ этиологии chloriaditis disseminata“ и въ Архивѣ для офтальмологии Кнаппа—„О внутриглазныхъ опухоляхъ“ и „Руководство къ изученію болѣзни глаза“. В. М. Флоринскій напечаталъ: „Курсъ акушерства“, рѣчь подъ заглавіемъ „Дѣятельность Н. И. Пирогова въ медико-хирургической академіи“, сочиненіе Бантышъ-Каменскаго „О дипломатическихъ сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ съ 1619 по 1792 г.“; А. Я. Щербakovъ помѣстилъ: въ Дневникѣ Общества врачей при Казанскомъ университетѣ—„Образованіе безцвѣтныхъ щавелевокислыхъ сростковъ въ связи съ образованіемъ въ кислой мочѣ осадковъ фосфорно-кислаго кальція“ и въ журналѣ Врачъ—„Новый способъ приготовленія сухой мочи“; Л. А. Левшинъ напечаталъ въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета двѣ статьи: „Краткій очеркъ сочиненій Н. И. Пирогова по хирургіи“ и „Объ успѣхахъ хирургіи за послѣднее время“; М. А. Хомяковъ помѣстилъ въ Дневникѣ Общества врачей при Казанскомъ университетѣ статью „Къ вопросу о происхожденіи дыхательныхъ шумовъ“. Доценты: Н. В. Крушевскій напечаталъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ магистерскую диссертацию подъ заглавіемъ „Къ вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе въ области старо-славянскаго вокализма“ и выпустилъ отдѣльной брошюрой „Ueber die Lautabwechslung“; И. Н. Смирновъ напечаталъ: отдѣльно—магистерскую диссертацию подъ заглавіемъ „Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи до половины XIV вѣка“, въ Историческомъ Вѣстникѣ—„Клерикальная историографія“, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—„Городскія общины Далмаціи въ

Х—ХІ вв.“ и приступилъ къ литографированію лекцій по древней исторіи; Н. И. Боголюбовъ помѣстилъ въ журналѣ Врачъ статью— „Случай полной экстирпаціи матки по способу Фрейнда“; А. Г. Геначевъ напечаталъ второй томъ „Курса венерическихъ болѣзней“; И. П. Свѣрцовъ помѣстилъ: въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета — „Взгляды Н. И. Пирогова на гигиену и военно-санитарное дѣло“ и въ Отчетахъ Казанской городской управы — „Общепонятная гигиена“ и „Отчетъ по Казанской земской больницѣ“; Ф. М. Флавицкій напечаталъ въ Журналѣ физико-химическаго Общества статью „Объ отношеніяхъ величинъ вращенія къ плоскости поляризаціи“. Прозекторы: Н. М. Маліевъ помѣстилъ: въ журналѣ Врачъ — „Внутреннее ущемленіе въ ненормальномъ отверстіи сальника“, въ Дневникѣ Общества врачей при Казанскомъ университетѣ — „Наблюденія изъ музея физиологической анатоміи“, въ Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета — „Заслуги Н. И. Пирогова, по анатоміи“ и въ Трудахъ Общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ — „Антропологическія изысканія“; Н. М. Любимовъ помѣстилъ въ Дневникѣ Общества врачей при Казанскомъ университетѣ — „Кистовидная фиброміома, „Къ патологической анатоміи желчнаго тифоида“ и „Библиографическія замѣтки“, въ Centralblatt für die medic. Wissenschaft — „Zur pathologische Anatomie Typhus biliosus“. Помощники прозектора: Н. И. Миславскій напечаталъ въ Протоколахъ Общества естествоиспытателей — „О вліяніи зрительнаго нерва на дыханіе“ и „О сопротивленіи эпидермъ“; М. О. Кандаратскій помѣстилъ: въ Archiv für Anatomie und Physiologie — „Ueber die Nerven der Respirationswege“ и въ Pflügers Archiv für die gesammte Physiologie — „Ueber den Husten nebst einigen Bemerkungen über den Einfluss des Chloroforms auf die Athmung der Thiere“; С. М. Ершовъ напечаталъ въ Дневникѣ Общества врачей при Казанскомъ университетѣ „Рудольфъ Вирховъ“ (Извлеченіе изъ рѣчи А. Якоби. The Medical Record). Ассистенты: К. М. Леонтьевъ помѣстилъ въ Протоколахъ Общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ статью „Вліяніе спирта (эфилън.) на скорость теченія асфиксіи“; А. П. Сизовъ напечаталъ въ Archiv für microscopische Anatomie „Das Gehörgangorgan der Ganoiden“; В. Д. Орловъ помѣстилъ въ Дневникѣ Общества врачей при Казанскомъ университетѣ статьи: „Отчетъ о дѣятельности этого Общества за 1880—1881 академическій годъ“, „О Казанскомъ православномъ кладбищѣ“, „О городской общественной больницѣ для тифозныхъ“, „Библиографическія замѣтки“ и „Очеркъ

господствующих и эпидемических болѣзней въ г. Казани". Ординаторы: А. М. Докмановъ напечаталъ: въ Дневникѣ Общества врачей при Казанскомъ университетѣ—„Случай копростазъ" и „О пептонѣ", въ журналѣ Врачъ—„О леченіи фуксиномъ альбуминури" и „Объ истеріи" и въ St.-Petersb. Medic. Woch.—„Ueber die Peptonisation des Eisweisssubstanzen in Kumyss"; И. М. Львовъ помѣстилъ статьи: въ журналѣ Врачъ—„Современное состояніе вопроса о этиологій placenta praevia", „Къ казуистикѣ Порровскихъ операций" и „Перетяжка пуповины амниоальнымъ шнуркомъ какъ причина утробной смерти плода и выкидыша", въ Медицинскомъ Вѣстникѣ—„Къ ученію о быстрыхъ родахъ", въ Медицинскомъ Обзорѣніи—„Februmyoma polyposum labii anterioris ori colli uteri" и „Къ казуистикѣ желчнаго тифоида въ Казани—случай желчнаго тифоида во время беременности" и въ Дневникѣ Общества врачей при Казанскомъ университетѣ—„Нѣсколько рѣдкихъ формъ перемежной лихорадки"; І. М. Расенцовъ напечаталъ въ Военно-Медицинскомъ журналѣ статью „Къ ученію о дѣйствиіи искусственнаго желудочнаго сока на фибринъ"; И. В. Годневъ помѣстилъ: въ Дневникѣ Общества врачей при Казанскомъ университетѣ—„Объ афазіи" и „О вліяніи свѣта на животныхъ" и въ Медицинскомъ Вѣстникѣ—„О возвратной формѣ скарлатины". Лекторъ Л. З. Колмачевскій напечаталъ „Замѣтки о Гильфагиннингѣ" и помѣстилъ въ Филологическихъ Запискахъ рецензію на сочиненіе г. Воеводскаго „О занятіяхъ по критикѣ и міеологіи Гомеровскаго эпоса". Приватъ-доценты: С. К. Кузнецовъ помѣстилъ статьи: въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества—„Атамановы кости" и въ Казанскомъ Биржевомъ Листѣ—„Этнографическій очеркъ Вотьяковъ Малмыжскаго уѣзда Вятской губерніи"; В. А. Богородицкій напечаталъ въ Филологическихъ Запискахъ—„Изученіе малограмотныхъ написаній" „въ Русскомъ филологическомъ Вѣстникѣ—„О морфологической абсорпціи" и „Объ изученіи русской рѣчи"; П. И. Кротовъ помѣстилъ въ Трудахъ Общества естествоиспытателей: „Геологическія изслѣдованія между Волгой и Вятвой по теченію Казанки и Мешы" и „Къ вопросу объ относительной древности остатковъ каменнаго вѣка на р. Окѣ".—Публичныя лекціи читали: ординарный профессоръ И. М. Догель—„О вліяніи музыки на человѣка и животныхъ" и доцентъ А. Г. Ге—„О причинахъ значительнаго распространенія сифилиса и мѣрахъ къ его уменьшенію".

Совѣтъ Казанскаго университета имѣлъ въ 1881 году 31 засѣданія, изъ нихъ 8 экстренныхъ. Въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ

утверждены: въ степени доктора, магистры: Ипполитъ Громека—прикладной математики, Флавіанъ Флавицкій—химіи, лекарь Александръ Сизовъ—медицины; въ степени магистра, кандидаты: Ив. Смирновъ—всеобщей исторіи и Н. Крушевскій—сравнительнаго языковѣдѣнія; въ степени кандидата 11 именно: по историко-филологическому факультету 6, по физико-математическому 1, по юридическому 4; въ степени лекаря 98; въ званіи дѣйствительнаго студента—14, въ томъ числѣ: на историко-филологическомъ факультетѣ 10, на физико-математическомъ 4; по медицинскому факультету удостоено разныхъ званій: уѣзднаго врача 94, провизора 16, аптекарскаго помощника 33, оператора 1, акушера 1, дантиста 3, (въ числѣ ихъ 1 женщина), повивальной бабки 68 (12 изъ ученицъ повивальнаго класса при университетѣ, 56 изъ другихъ родовспомогательныхъ учреждений). Для приготовленія къ профессорскому званію командированы были за границу: магистрантъ Щегловъ—по государственному праву, кандидатъ Дормидонтовъ—по гражданскому праву, докторъ медицины Асташевскій—по общей патологіи. Съ цѣлю усовершенствованія въ избранныхъ специальностяхъ оставлены при университетѣ стипендіатами на разные сроки, кандидаты: Богордицкій—по сравнительному языковѣдѣнію, Звѣревъ—по греческой словесности, Орловъ—по философіи, Ковальскій—по математикѣ и астрономіи, Зайцевъ—по естественнымъ наукамъ, Ивановскій—по полицейскому праву, Зедерштендъ—по гражданскому праву, Лаврскій—по политической экономіи и статистикѣ, и лекарь Догель.

Изъ числа профессоровъ и другихъ состоящихъ при университетѣ лицъ командированы были съ ученою цѣлю: а) за границу: профессора—Буличъ, Заленскій—для занятій на Неаполитанской зоологической станціи доктора Дорна, Бодуэнъ-де-Куртенэ—для діалектологическихъ изслѣдованій въ славянскихъ земляхъ, Колли—для занятій въ Берлинскомъ и другихъ иностранныхъ университетахъ, Левшинъ и ассистентъ Падоринъ—на Лондонскій международный медицинскій конгрессъ, бібліотекаръ университета Готвальдъ—на съѣздъ ориенталистовъ въ Берлинѣ, доценты—Крушевскій, Львовъ и Васильевъ; б) внутри Россіи: профессора—Осокинъ, Шпилевскій, Загоскинъ, Корсаковъ, Толмачевъ и магистрантъ Архангельскій.

Денежныя средства Казанскаго университета находились въ слѣдующемъ положеніи: а) штатныя суммы: по финансовой смѣтѣ отпущено изъ государственнаго казначейства—331.698 руб. 84 коп.,

изъ нихъ израсходовано въ теченіе года 312. 781 руб. 42 коп., затѣмъ къ 1882 году оставалось 18.917 руб. 42 коп.; б) сборъ за слушаніе лекцій: остатка отъ 1880 года имѣлось 2.221 руб. 58¹/₂ коп., въ теченіе 1881 года поступило 19.662 руб. 70 коп., израсходовано 17.037 руб. 21 коп., къ 1-му января 1882 года оставалось 4.847 р. 7¹/₂ коп.; в) пожертвованныя суммы: къ 1-му января 1881 года остатокъ составлялъ 165.638 руб. 34³/₄ коп., въ теченіе года поступило 68.383 руб. 33 коп., израсходовано 47.797 руб. 12 коп., затѣмъ къ 1882 г. состояло на лицо 186.024 руб. 55³/₄ коп. Главнѣйшіе расходы изъ суммы сбора за слушаніе лекцій были слѣдующіе: на вознагражденіе профессоровъ и другихъ преподавателей 4.057 руб., на стипендіи и пособія студентамъ 3.730 руб.; на жалованье и плату сверхштатнымъ служащимъ 3.255 руб., на добавочное къ штатному содержанию жалованье профессорамъ и другимъ лицамъ 920 руб., на преміи и награды студентамъ 500 руб.

Студентовъ состояло къ 1-му января 1881 года 716, въ теченіе 1881 года поступило 227, (изъ гимназій 199, изъ другихъ учебныхъ заведеній 28), въ теченіе года выбыло 166 (до окончанія курса 44, по окончаніи курса 122); затѣмъ къ 1-му января 1882 г. оставалось на лицо 776, которые распредѣлены были по факультетамъ слѣдующимъ образомъ: на историко-филологическимъ факультетѣ 66, на физико-математическомъ 102 (по разряду математическихъ наукъ 67, по разряду естественныхъ наукъ 35), на юридическомъ 107, на медицинскомъ 501. По вѣроисповѣданіямъ, сословіямъ и категоріямъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ получили предварительное образованіе, эти 776 студентовъ распредѣляются такъ: а) православныхъ 713, римско-католиковъ 18, лютеранъ 17, ламайцевъ 1, евреевъ 18, армяно-григоріанъ 3, магометанъ 6; б) сыновей дворянъ и чиновниковъ 282, духовнаго званія 262, почетныхъ гражданъ и купцовъ 70, мѣщанъ и разночинцевъ 119, крестьянъ 41, иностранныхъ подданныхъ 2; в) гимназистовъ 599, семинаристовъ 147, изъ другихъ учебныхъ заведеній 30. Постороннихъ слушателей къ началу 1881 года состояло 34, въ теченіе 1881 года вновь поступило 30 (всѣ изъ гимназій), выбыло 14 (до окончанія курса 3, по окончаніи курса 11), къ 1-му января 1882 года оставалось 50. Изъ общаго числа 776 студентовъ стипендіями пользовались 190 лицъ (111 обязательныхъ, 79 необязательныхъ), всего на сумму 49.466 руб. 39 к. (изъ государственнаго казначейства 25.416 руб. 7 коп., отъ разныхъ вѣдомствъ и учрежденій 18.053 руб. 20 коп., изъ пожертвованныхъ

капиталовъ 5.747 руб. 12 коп., изъ суммы сбора за слушаніе лекцій 250 руб.). Пособіе получили 276 студентовъ на сумму 8.502 руб. 68 коп. (изъ государственнаго казначейства 2.643 руб. 47 коп., изъ разныхъ источниковъ 5.859 руб. 21 коп.). Освобождено отъ платы за слушаніе лекцій 310 студентовъ, въ томъ числѣ отъ полной платы 171, отъ половинной—139, всего на 9.600 руб.

Учебно-вспомогательныя учрежденія Казанскаго университета къ началу 1872 года находились въ слѣдующемъ положеніи: Въ университетской библиотекѣ состояло: книгъ 42,207 сочиненій 86,899 томовъ, періодическихъ изданіе 881 названій 14,567 томовъ, рукописей 811 тетрадей, картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей 793 листа, всего на сумму 296,949 руб. Въ студентской библиотекѣ: книгъ 4,380 сочиненій 13,723 тома, періодическихъ изданій 145 названій 554 тома, рукописей, картъ, гравюръ, и плановъ 20 листовъ, всего на 30,532 руб. Въ астрономической обсерваторіи: разныхъ инструментовъ и предметовъ 89 номеровъ на 41,718 руб. Въ кабинетахъ: физическомъ, физической географіи, практической механики и метеорологической обсерваторіи: картъ, атласовъ, брошюръ, моделей, инструментовъ, снарядовъ, мебели и проч. 1,404 номера на 38,906 руб. Въ музей этнографіи, древностей и изящныхъ искусствъ: разныхъ предметовъ, книгъ, брошюръ, рукописей и проч. 6,436 названій на 15,570 руб. Въ химической лабораторіи: препаратовъ, реактивовъ, посуды, инструментовъ и другаго имущества 690 номеровъ 721 экземпляровъ на 10,146 руб. Въ геологическомъ кабинетѣ: горныхъ породъ, окаменѣлостей, моделей, приборовъ, химическаго матеріала и проч. 10,281 номеръ 30,322 экземпляра на 7,952 руб. Въ минералогическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: минераловъ, моделей, рисунковъ, камней, препаратовъ и проч. 7,693 номера 16,953 экземпляра на 22,030 руб. Въ ботаническомъ кабинетѣ: сухихъ растений, инструментовъ, коллекцій, моделей и проч. 424 номера 25,022 экземпляра на сумму 13,323 руб. Въ зоотомическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: препаратовъ, моделей, инструментовъ, приборовъ и проч. 734 номера 2,195 экземпляровъ на 3,815 руб. Въ техническомъ кабинетѣ: образцовъ продуктовъ, моделей, машинъ, аппаратовъ и проч. 1226 номеровъ 2,495 экземпляровъ на 2,451 руб. Въ технической лабораторіи: реактивовъ, матеріаловъ, приборовъ, инструментовъ, мебели и проч. 628 номеровъ 5,620 экземпляровъ на 6,778 руб. Въ агрономическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: сухихъ растений, моделей, образцовъ, реактивовъ, матеріаловъ и проч. 310 номеровъ 11,209 экземпляровъ на

2,819 руб. Въ гистологическомъ кабинетѣ: микроскоповъ, лупъ, вѣсовъ, инструментовъ, препаратовъ и проч. 423 экземпляра на 2,858 руб. Въ фармацевтической лабораторіи и фармакогностическомъ кабинетѣ: секретныхъ и восточныхъ средствъ, препаратовъ, моделей, снарядовъ и проч. 1,535 номеровъ на 2,351 руб. Въ фармакологическомъ кабинетѣ: инструментовъ, снарядовъ, приборовъ, препаратовъ, реактивовъ и проч. 650 номеровъ на 6,925 руб. Въ судебно-медицинскомъ кабинетѣ: приборовъ, инструментовъ, препаратовъ, реактивовъ 1,714 номера на 1,819 руб. Въ обще-патологическомъ кабинетѣ: аппаратовъ, инструментовъ, реактивовъ, посуды и проч. 192 номера на 1,725 руб. Въ гигиеническомъ кабинетѣ съ лабораторіей: приборовъ, инструментовъ, аппаратовъ, посуды, мебели и проч. 576 номеровъ 1,325 экземпляровъ на 3,491 руб. Въ медико-химической лабораторіи: препаратовъ, реактивовъ, приборовъ, инструментовъ и проч. 487 номеровъ 2,008 экземпляровъ на 6,118 руб. Въ акушерско-гинекологической клиникѣ: разныхъ предметовъ 439 номеровъ на 3,593 руб. Въ кабинетѣ хирургической факультетской клиники: различныхъ приборовъ и принадлежностей 1,166 номеровъ 2,416 экземпляровъ на 8,808 руб. Въ офтальмологическомъ кабинетѣ съ клинкою: различныхъ приборовъ и инструментовъ 521 номеръ на 3,514 руб. Въ терапевтической госпитальной клиникѣ: разныхъ принадлежностей 188 номеровъ 249 экземпляровъ на 2,281 руб. Въ терапевтической факультетской клиникѣ: приборовъ и другихъ вещей 162 номера 254 экземпляра на 2,870 р. Въ химической лабораторіи: препаратовъ, реактивовъ, посуды, инструментовъ, мебели, и проч. 758 номеровъ на 4,910 руб. Въ химической лабораторіи для практическихъ занятій по аналитической химіи студентовъ медицинскаго факультета: химическихъ матеріаловъ и посуды 18 номеровъ на 138 руб. Въ педиатрическомъ кабинетѣ при амбулаторіи дѣтскихъ болѣзней, учрежденной при факультетской клиникѣ: разныхъ предметовъ 37 номеровъ 56 экземпляровъ на 720 руб. Въ зоологическомъ кабинетѣ съ лабораторіей: препаратовъ, рисунковъ, инструментовъ и проч. 3,298 номеровъ 10,242 экземпляра на сумму 16,472 руб. Въ физиологическомъ кабинетѣ физико-математическаго факультета: матеріаловъ, приборовъ, инструментовъ и другихъ учебныхъ пособій: 507 номеровъ 1,393 экземпляра на 5,915 руб. Въ музеѣ патологической анатоміи: имущества и препаратовъ 1,111 номеровъ на сумму 12,648 руб. Въ музеѣ физиологической анатоміи: анатомическихъ препаратовъ, мебели, посуды и учебно-вспомогательныхъ инструментовъ 9,852 номера на 19,459 руб. Въ ботаническомъ

саду: оранжерейныхъ растений, фруктовыхъ деревьевъ, кустарниковъ и травъ 6,471 нумеръ на сумму 13,810 руб. Въ физиологическомъ кабинетѣ медицинскаго факультета: аппаратовъ, снарядовъ, моделей, препаратовъ и хозяйственныхъ принадлежностей 981 нумеръ 3,813 экземпляровъ на 9,185 руб.

Движеніе больныхъ въ клиникахъ Казанскаго университета представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ акушерско-гинекологической клиникѣ (25 кроватей): больныхъ оставалось отъ 1880 года 14, въ 1881 году вновь поступило 130, выздоровѣло и вышло 110, умерло 6, состояло на излеченіи къ 1882 году 28, являвшихся за совѣтами больныхъ было 361; въ хирургическомъ отдѣленіи факультетской клиники (18 кроватей): въ началу 1881 года состояло больныхъ 18, въ теченіе года вновь поступило 61, выздоровѣло и вышло 63, умерло 2, къ 1882 году осталось больныхъ 14, приходило за совѣтами 698, операций въ клиникѣ сдѣлано было 33, надъходящими больными—255; въ госпитальной терапевтической клиникѣ (34 кров.): отъ 1880 г. оставалось 32, въ 1881 году вновь поступило 484, выздоровѣло и вышло 376, умерло 108, къ 1882 году находилось ва излеченіи 32, являвшихся за совѣтами было 3,491; въ глазной факультетской (14 кров.): къ началу 1881 года больныхъ имѣлось 11, въ теченіе года вновь поступило 118, приходившихъ больныхъ было 1, 879; въ амбулаторіи дѣтскихъ болѣзней, состоящей при факультетской клиникѣ, являвшихся за совѣтами больныхъ было 433; въ факультетской терапевтической (28 кров.): отъ 1880 года больныхъ оставалось 11, въ 1881 году поступило 86, выздоровѣло и вышло 54, умерло 14, къ 1882 году оставалось на излеченіи 29, приходившихъ больныхъ было 2,081.

При Казанскомъ университетѣ состоятъ четыре ученыхъ Общества: Общество врачей, Общество естествоиспытателей, Общество археологів, исторіи и этнографіи, и юридическое Общество. Составъ и дѣятельность этихъ Обществъ въ 1881 году представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Общество врачей. Оно состояло изъ 214 членовъ: 6 почетныхъ, 190 дѣйствительныхъ и 18 членовъ-сотрудниковъ; изъ нихъ живущихъ въ Казани 132, иногородныхъ 82. Такимъ образомъ, сравнительно съ 1880 годомъ составъ Общества увеличился 49 членами. Такое увеличеніе состава дало возможность Обществу шире взглянуть на свои задачи, указанныя его уставомъ и требующія преимущественно коллективнаго труда. Съ этою цѣлю Общество рѣшило, съ начала новаго года, восполнить одинъ важный пробѣлъ въ своемъ изданіи, откры-

тѣмъ въ Дневникѣ отдѣла „обзоровъ текущей медицинской литературы“, чтобы тѣмъ быть особенно полезнымъ для товарищей, практически дѣйствующихъ въ восточной части Россіи и по своей отдаленности отъ научныхъ центровъ не всегда имѣющихъ возможность слѣдить за успѣхами медицинской науки. Къ такимъ именно выводамъ пришла составленная для обсуждения сказаннаго вопроса комиссія, вслѣдствіе выводовъ которой, а также въ виду увеличенія научнаго матеріала, Общество нашло возможнымъ увеличить объемъ своего изданія до 30 и болѣе печатныхъ листовъ въ годъ. Сверхъ указанной, оказалось необходимымъ образовать еще три комиссіи: а) о мѣрахъ противъ заразныхъ болѣзней между воспитанниками открытыхъ школъ; б) по школьному вопросу и в) для посѣщенія мѣстныхъ тюремъ съ цѣлю измѣренія головъ преступниковъ. Первая комиссія вызвана была предложеніемъ Казанской Маріинской женской гимназіи о содѣйствіи къ пресѣченію распространенія заразныхъ болѣзней между учащимися въ этомъ заведеніи. Общество, въ экстренномъ засѣданіи, подробно разработало вопросъ о заразныхъ болѣзняхъ, сообщило выводы комиссіи начальству гимназіи и, сверхъ того, предложило безвозмездный трудъ нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ къ занятію въ гимназіи въ тяжелое для нея время. Вторая комиссія возникла подъ впечатлѣніемъ сообщенія доктора Фонъ-Шлихтинга „Очеркъ санитарнаго состоянія сельскихъ начальныхъ школъ въ первомъ медицинскомъ участкѣ Казанскаго уѣзда“. Третья комиссія, преслѣдующая чисто-научныя цѣли, была организована вслѣдствіе предложенія члена общества, профессора Гвоздева. Подобнаго рода изслѣдованія, а затѣмъ „Періодическія изслѣдованія колодець г. Казани“ и „Уровень колодезныхъ и другихъ водъ г. Казани надъ уровнемъ р. Казанки“ профессора Щербакова и изслѣдованіе Казанскаго православнаго кладбища В. Д. Орлова, вмѣстѣ съ „Очерками господствующихъ эпидемическихъ болѣзней въ г. Казани“ представляютъ первыя попытки Общества заняться коллективными работами, выполнимыми при тѣхъ научныхъ силахъ, которыми оно располагаетъ. Тотъ же характеръ носятъ на себѣ опубликованныя „Свѣдѣнія о смертности православнаго населенія г. Казани за 1877—1879 годы“. Въ томъ же смыслѣ нужно понимать и „Свѣдѣнія о болѣзненности въ уѣздахъ Казанской губерніи“, доставляемыя земскими врачами болѣе тѣмъ изъ половины уѣздовъ и печатаемыя ежемѣсячно. Безвозмездный коллективный трудъ былъ предложенъ Обществомъ и Александровской лечебницѣ для приходящихъ, состоящей при Казанскомъ вольномъ

часть ссхц, отд. 4.

экономическомъ Обществѣ, которая, при громадномъ числѣ амбулаторныхъ больныхъ, страдала недостаткомъ врачебнаго персонала. Въ виду болѣе близкаго ознакомленія съ встрѣчающимися въ Казани лихорадочными формами, Общество постановило собирать и печатать всякіе случаи лихорадочныхъ заболѣваній, согласно программѣ, предложенной для изученія Казанской перемежающейся лихорадки членомъ Общества, профессоромъ Высоцкимъ еще въ 1878 году. Въ 1881 году, подъ заглавіемъ „Матеріалы для изученія Казанской лихорадки“, въ Дневникѣ Общества помѣщено до 13-и разныхъ формъ перемежающейся лихорадки. Въ Дневникѣ участвовали 61 членъ Общества, напечатавшіе разнаго рода научныя сообщенія, обзоры, очерки, замѣтки и т. п., именно: профессора и преподаватели медицинскаго факультета—11, врачи, принадлежавшіе къ составу факультета—14, и врачи и прочія лица, не принадлежащія къ составу факультета — 36. Ученныя сообщенія, кромѣ вышеуказанныхъ, сдѣлали слѣдующіе члены: В. С. Бронниковъ — „Примѣры заразительности брюшнаго тифа по наблюденіямъ въ одномъ изъ отдѣловъ дунайской арміи“; Н. А. Виноградовъ — „Къ ученію объ аускультативныхъ явленіяхъ въ периферическихъ артеріяхъ при органическихъ заболѣваніяхъ сердца“, „Къ діагностикѣ органическихъ пороковъ сердца“, „Случай спазмодическаго состоянія мышцъ, развивающагося при произвольныхъ движеніяхъ“ и „Объ альбуминури“; Н. Θ. Высоцкій — „Матеріалы для изученія казанской лихорадки“; А. Θ. Гебертъ — „Случай обратнаго положенія грудныхъ и брюшныхъ органовъ“; И. В. Годневъ — „О пассивномъ скотоложствѣ“ и „Къ ученію объ афазіи“; И. Е. Дамперовъ — „Очеркъ венерическихъ и навозныхъ болѣзней въ г. Казани, за первую четверть 1881 года“; А. М. Дохманъ — „Изъ воспоминаній о минувшей войнѣ“, „Случай продолжительнаго копростаза“ и „О пелтонѣ“; И. П. Дроздовъ — „Эпидемическій скорбутъ“; С. М. Ершовъ — „Рудольфъ Вирховъ“ (извлеченіе изъ рѣчи А. Якоби); В. И. Земблиновъ — „Аневризма большой аорты“; Н. И. Котовщиковъ и М. А. Хомяковъ — „Къ вопросу о происхожденіи дыхательныхъ шумовъ“; П. В. Кузнецкій — „Къ казуистикѣ гистеротомій“; Л. Л. Левшинъ — „Сбѣ успѣхахъ хирургіи за послѣднее время“; И. М. Львовъ — „Краткій очеркъ по факультетской акушерской клиникѣ“, „Матеріалъ для изученія казанской лихорадки“; Н. М. Любимовъ — „Кистовидная фиброіома“, „Къ патологической анатоміи желчнаго тифоида“; Н. М. Маліевъ — „Наблюденія изъ музея фізіологической анатоміи“; Л. Б. Мандельштамъ —

„Случай судебно-медицинскій отравленія мышьякомъ“; И. М. Потъхинъ — „Изъ воспоминаній о минувшей войнѣ 1877—1878 гг.“; А. Н. Рябининъ — „Замѣтка о дѣятельности подвижнаго лазарета 2-й пѣхотной дивизіи въ кампаніи 1877 — 1878 гг.“; І. М. Рясенцевъ — „По поводу сообщенія А. М. Дохмана „О дѣйствиі нѣкоторыхъ пищеварительныхъ ферментовъ“; Д. Г. Семченковъ — „Матеріалы для изученія казанской лихорадки“ и „Къ случаямъ афазіи“; Н. В. Сорокинъ — „Нѣсколько словъ о spirochaete“; Н. И. Студенскій — „Туберкулезъ суставовъ“; В. К. Фришманъ — „Два наблюденія надъ дѣйствиемъ фазидизаціи при брюшной водянкѣ“; А. П. фонъ-Шлихтингъ — „Очеркъ санитарнаго состоянія сельскихъ начальныхъ школъ въ 1-мъ медицинскомъ участкѣ Казанскаго уѣзда“; А. Я. Щербакъ — „Къ вопросу объ образованіи щавелевокислыхъ осадковъ и сростковъ въ мочѣ человѣка“. Сообщенія вызвали въ засѣданіяхъ Общества иногда весьма оживленныя пренія. Клиники, медицинскіе кабинеты и лабораторіи университета печатали также въ изданіи Общества отчеты о производимыхъ въ нихъ работахъ. Въ 1881 году Общество имѣло 11 засѣданій: 9 очередныхъ, одно годовое и одно по случаю празднованія пятидесятилѣтняго юбилея академика Н. И. Пирогова. Въ засѣданіяхъ прочитано до 39 сообщеній и присутствовало въ общей сложности 424 члена и 1,490 постороннихъ посѣтителей. Главную массу послѣднихъ составляли студенты медицинскаго факультета, которыхъ, безъ сомнѣнія, привлекалъ въ засѣданія, возбуждаемый сообщеніями, научный интересъ. Студенты высшихъ медицинскихъ курсовъ, числомъ 15, сверхъ того, принимали участіе въ Трудахъ Общества составленіемъ очерковъ господствующихъ и эпидемическихъ болѣзней въ г. Казани и очерковъ смертности въ Казани. По обмѣну своихъ изданій Общество сносилось съ 61 Обществомъ врачей и фармацевтовъ, въ томъ числѣ съ однимъ французскимъ (La Société de Médecine et de Climatologie de Nice), съ 26 редакціями различныхъ русскихъ и иностранныхъ газетъ и бюро, съ 13 Обществами географическими и естествоиспытателей, 12 университетскими и публичными библіотеками и съ 6-ю другими Обществами и учрежденіями. Въ библіотекѣ Общества состояло до 1,622 названій сочиненій на разныхъ языкахъ, то-есть сравнительно съ 1880 годомъ библіотека увеличилась на 400 названій.

Общество естествоиспытателей занималось одною изъ главныхъ своихъ задачъ — изслѣдованіемъ края въ естественно-историческомъ отношеніи. Съ этою цѣлію лѣтомъ 1881 года были орга-

низованы, на средства Общества, четыре экскурсіи для геологическихъ, ботаническихъ и антропологическихъ изслѣдованій, а именно: А. А. Штукенбергъ производилъ геологическія изслѣдованія по Волгѣ между Казанью и Симбирскомъ и на Самарской лукѣ; А. П. Ивановъ и П. И. Кротовъ занимались геологическими изслѣдованіями въ приуральскихъ частяхъ Соликамскаго и Чердынскаго уѣздовъ Пермской губерніи; П. Н. Крыловъ изслѣдовалъ флору Казанской и частию Нижегородской губерніи; Н. М. Маліевъ производилъ раскопки древнихъ кладбищъ въ с. Мордовъ Казанской губерніи. Кромѣ этихъ экскурсій, была организована еще одна съ спеціальною цѣлю. Малмыжская земская управа обратилась въ Общество съ предложеніемъ изслѣдовать личинки насѣкомыхъ, нападающія на озимые посѣвы въ уѣздѣ, съ цѣлю изыскать средства къ ихъ уничтоженію. Изслѣдованіе это было поручено двумъ студентамъ, которые и представили отчетъ о полученныхъ ими результатахъ, отправленный въ управу. Въ засѣданіяхъ Общества было сдѣлано 20 научныхъ сообщеній, и въ этомъ отношеніи 1881 годъ значительно превосходитъ предыдущіе. Сообщенія эти слѣдующія: И. М. Догеля—„Анатомія и физиологія сердца у костистыхъ рыбъ“; А. П. Иванова — „Объ артинскихъ слюяхъ въ Соликамскомъ и Чердынскомъ уѣздахъ“ и „О каменно-угольныхъ слюяхъ той же мѣстности“; П. И. Кротова — „О геологическихъ изслѣдованіяхъ по Волгѣ между Нижнимъ и Казанью“, С. И. Коржинскаго—„Очеркъ флоры окрестностей г. Астрахани“; Н. О. Леваковскаго—„Къ вопросу объ измѣненіяхъ вѣтчатой оболочки“ и „О вліяніи свѣта на число устьицъ“; Б. М. Леонтьева — „О вліяніи алкоголя на скорость теченія асфикціи“; Н. М. Мельникова—„О змѣяхъ Казанскаго музея, относящихся къ русской фаунѣ“ и „О фаунѣ восточнаго берега Каспійскаго моря и острова Челекена“; Н. А. Миславскаго—„О вліяніи зрительнаго нерва на дыханіе и кровообращеніе“, „О сопротивленіи тѣла человѣка гальванческому току“ и „О микроцефалѣ, наблюдавшемся въ г. Екатеринбургѣ“; А. А. Остроумова — „Материалы къ естественной исторіи саранчевыхъ“; И. А. Толмачева — „О случаѣ циклопіи“; Ф. М. Флавицкаго — „О правомъ и лѣвомъ терпенахъ изъ французскаго и русскаго скипидаровъ и объ оптической дѣятельности нѣкоторыхъ смоль“; А. А. Штукенберга—„О геологическихъ изслѣдованіяхъ по Волгѣ между Казанью и Симбирскомъ и на Самарской лукѣ“, „О пліоценовыхъ образованіяхъ западнаго берега Каспійскаго моря“, „О прямомъ опредѣленіи воз-

раста пестрыхъ группъ пластовъ горы Большой Богдо въ Енотаевскомъ уѣздѣ Астраханской губерніи“ и „Физико-географическій и геологическій очеркъ острова Челекена“. Общество издало 8 выпусковъ Трудовъ, заключающихъ статьи: Кротова — „Геологическія изслѣдованія между Волгой и Вяткой по теченію Казанки и Мѣши“; Шелля — „Матеріалы для ботанической географіи Уфимской и Оренбургской губерній“; Крылова — „Матеріаль къ флорѣ Пермской губерніи“; Иванова — „Матеріалы къ антропологіи Пермскаго края“; Кротова — „Къ вопросу объ относительной древности остатковъ каменнаго вѣка на р. Окѣ“; Высоцкаго — „Очерки антрополого-этнографическихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ теченіи лѣта 1880 г.“; Маліева — „Антропологическія изысканія 1880 г.“; Каземъ-Бека и Догеля — „Изслѣдованіе иннервации сердца костистыхъ рыбъ“. Кроме того, изданъ одинъ томъ Протоколовъ съ приложениями, содержащій статьи: Мельникова — „О фаунѣ восточнаго берега Каспійскаго моря и острова Челекена“; Остроумова — „Матеріалы къ изученію естественной исторіи саранчевыхъ“; Шелля — „Списокъ высшихъ споровыхъ растений окрестностей Талицкаго завода“ и „Результаты метеорологическихъ наблюденій при земскомъ училищѣ въ Вяткѣ за 1879 годъ, обработанные Виноградскимъ“. Изъ другихъ научныхъ предпріятій Общества слѣдуетъ указать на организованныя имъ метеорологическія наблюденія. Метеорологическая комиссія Общества, разсмотрѣвъ предложеніе о реорганизации метеорологическихъ наблюденій, выработала планъ новаго устройства ихъ и наметила 6 пунктовъ, въ которыхъ въ теченіи 1882 года должны быть открыты станціи. Въ число задачъ Общества входитъ, между прочимъ, также и распространеніе естественно-историческихъ знаній. Выполняя эту задачу, Общество еще во второмъ году своего существованія организовало публичныя чтенія по естественнымъ наукамъ, которыя и продолжались въ теченіи трехъ лѣтъ. Послѣ семилѣтняго перерыва, въ 1880 году въ Обществѣ снова поднятъ былъ вопросъ объ организациі публичныхъ чтеній съ цѣлію дать возможность преимущественно женщинамъ изучать естественныя науки. Въ 1881 году были выработаны планъ и программы чтеній и было получено разрѣшеніе на ихъ открытіе въ сентябрѣ того года. Однако, Общество не могло открыть чтенія, вслѣдствіе того, что желающихъ посѣщать ихъ явилось только 10 лицъ; такимъ образомъ пришлось на время отложить это дѣло. Къ концу 1881 года Общество состояло изъ 20 почетныхъ членовъ, 61 дѣйствительнаго и 14 членовъ-сотрудни-

ковъ. Въ теченіе года Общество имѣло, не считая годичнаго, 5 засѣданій совѣта и 8 общихъ собраній. Библіотека Общества значительно пополнилась благодаря обмѣну изданій съ 66 различными учрежденіями. Денежныя средства Общества въ 1881 году находились въ слѣдующемъ положеніи: въ приходѣ было вмѣстѣ съ остаткомъ отъ 1880 года 3,323 руб. 87¹/₂ коп., въ томъ числѣ 2,500 руб. пособия изъ государственнаго казначейства; израсходовано было 3,109 руб. 35 коп., затѣмъ остатка къ 1-му января 1882 года имѣлось 214 руб. 52¹/₂ коп. Главнѣйшими статьями расхода были: печатаніе изданій—1,335 руб. и экскурсіи—1,300 руб. При Обществѣ естествениспытателей состояла секція физико-математическихъ наукъ. Число членовъ секціи возрасло до 48. Секція имѣла семь очередныхъ засѣданій и одно годичное. Занятіями секціи служили какъ вопросы научные, такъ и педагогическіе, относящіеся къ области физико-математическихъ наукъ. Въ первыхъ засѣданіяхъ секціи былъ оконченъ вопросъ, возбужденный въ 1880 году, о значеніи пропедевтическихъ курсовъ геометріи и о возможной замѣнѣ ихъ въ гимназіяхъ курсомъ рисованія. Программа курса рисованія, какъ пособия при преподаваніи геометріи, примѣнимая въ первыхъ двухъ классахъ гимназій, была составлена при участіи учителя рисованія, одобрена секціей и напечатана въ Протоколахъ секціи. Преподаватели математики и физики, принимавшіе участіе въ засѣданіяхъ секціи, приписывали столь важное значеніе рисованію, какъ пособию при преподаваніи геометріи, по вышеупомянутой программѣ, что постановили ходатайствовать о введеніи обязательнаго курса рисованія въ первыхъ двухъ классахъ гимназій. При обсужденіи вопроса о значеніи пропедевтическихъ курсовъ геометріи, прочитанъ былъ рефератъ Е. П. Котельниковой „Критическій очеркъ курсовъ пропедевтики геометріи“. Рефераты по другимъ педагогическимъ вопросамъ были сдѣланы: М. М. Мальцевымъ—„Приемы преподаванія нѣкоторыхъ отдѣловъ алгебры и геометріи“ и Ѡ. М. Цомакіономъ—„О новомъ способѣ проектированія свѣтовыхъ явленій“, въ которомъ реферантъ развилъ основную мысль новаго способа проектировать свѣтовые лучи на экранъ, встрѣчаемый лучемъ подъ весьма малымъ острымъ угломъ, и демонстрировалъ въ засѣданіи секціи всѣ свѣтовые явленія, относящіеся къ элементарному курсу физики. Научныхъ сообщеній было пять: Р. А. Кошкинъ—„О существованіи пондеро-электрокинетической части энергіи электромагнитнаго поля“, студента Пактовскаго—„О вліяніи намагничиванія на электропроводность жидкостей“, Г. Н. Шебуева—„Выводъ при-

ципа Гамильтона и вытекающихъ изъ него уравненій Лагранжа, основываясь на принципѣ сохраненія энергій“, В. П. Максимовича— „О рядахъ для вычисленія функцийъ отъ корней уравненій“, Ѳ. М. Суворова— „О приложеніи формулъ воображаемой геометріи Лобачевскаго къ опредѣленію суммы дугъ параболы“. Сверхъ того сообщены были библиографическіе рефераты: Д. А. Адамантовымъ—о сочиненіи Ващенко—Захарченко „Исторія математики до Грековъ“ и А. П. Орловымъ— о сочиненіи Арнольда „Trisectio angulorum“. Средства секціи состояли изъ 87 руб., изъ коихъ израсходовано 24 руб.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи. О дѣятельности этого Общества въ 1881 году см. іюльскую книжку Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1882 г.

О состояніи и дѣятельности Юридическаго Общества свѣдѣній не доставлено.

ПРИСУЖДЕНІЕ МЕДАЛЕЙ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ РУССКОМЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ЗА 1881 ГОДЪ.

Въ майской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія уже былъ помѣщенъ обзоръ дѣятельности этого Общества въ минувшемъ году на основаніи отчета, прочитаннаго въ мартовскомъ годовомъ собраніи Общества. Теперь, въ дополненіе къ этому обзору, сообщаемъ свѣдѣнія о присужденіи Русскимъ Археологическимъ Обществомъ почетныхъ наградъ; хотя присужденіе это и было объявлено позже годоваго собранія, но оно относится къ прежнему отчетному періоду, и только по случайнымъ обстоятельствамъ докладъ комиссіи, избранной Обществомъ для составленія рецензій, не могъ быть прочитанъ въ послѣднемъ мартовскомъ годовомъ собраніи.

Комиссія, на которую Общество возложило оцѣнку сочиненій, заслуживающихъ награды, состояла изъ слѣдующихъ лицъ: Л. К. Ивановскаго, Л. Н. Майкова, П. И. Савванитова и А. И. Савельева. Сверхъ того, комиссія уже отъ себя пригласила Ѳ. Ѳ. Соколова къ составленію рецензій, на одно изъ сочиненій, которыя, по ея мнѣнію, заслуживали почетной награды.

На основаніи отзывовъ комиссіи, утвержденныхъ и общимъ собраніемъ Общества, три археологическія труда удостоены медалей: 1) сочиненіе графа А. С. Уварова: Археологія Россіи. Каменный періодъ (2 тома. М. 1881 г.); 2) составленный И. В. Помяловскимъ Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа (С.-Пб. 1881 г.), и 3) Образцы древне-русскаго зодчества въ миниатюрныхъ

изображеніяхъ, изслѣдованіе Н. В. Султанова по рукописи XV вѣка „Житія Николая Чудотворца“ (С.-Пб. 1881 г.).

Отзывы о сочиненіи графа Уварова составлены были Л. Н. Майковымъ и Л. К. Ивановскимъ.

Г. Майковъ въ своей рецензіи сперва выясняетъ ту важность, которую получило въ новѣйшее время изслѣдованіе первобытныхъ древностей, и на тѣ успѣхи, которые уже достигнуты этою отраслю археологіи. Указавъ затѣмъ, что графъ Уваровъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей въ области изученія отечественныхъ древностей, предпринялъ составленіе систематическаго обзора первобытныхъ древностей, найденныхъ на русской почвѣ, г. Майковъ излагаетъ въ краткихъ словахъ содержаніе и руководящія мысли этого капитальнаго труда. Это изложеніе приводитъ рецензента къ заключенію, что сочиненіе графа Уварова представляетъ возможно полную картину развитія человѣческой культуры въ каменный періодъ по матеріаламъ, найденнымъ на русской почвѣ. „Картина эта“, говоритъ г. Майковъ, — „начертана съ замѣчательною послѣдовательностью: всѣ отрывочныя данныя русскихъ находокъ, по возможности критически провѣренныя, нашли себѣ въ ней законное мѣсто, и притомъ не упущена изъ виду ни одна своеобразная особенность той или другой находки... Обширное знакомство автора, какъ съ археологическою литературою, такъ и со многими музеями западной Европы, дало ему возможность примѣнить къ предмету своего изученія въ широкихъ размѣрахъ сравнительный методъ, и путемъ искусныхъ сопоставленій освѣтить не только весь наличный запасъ русскихъ данныхъ по каменному вѣку, но и указать на тѣ недочеты и пробѣлы, которые въ нихъ имѣются“.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ по замѣчанію рецензента, стараніе гр. Уварова дать изслѣдуемому предмету систематическую обработку не вовлекло ученаго автора въ послѣдствія обобщенія и одностороннія натяжки. Рецензентъ признаетъ, что нѣкоторыя изъ въ заключеній гр. Уварова требуютъ еще новыхъ подтвержденій (таково, на примѣръ, мнѣніе автора о движеніи древнѣйшаго человѣчества изъ Азіи въ Европу именно чрезъ Кавказскій перешеекъ); но вообще, по отзыву рецензента, выводы гр. Уварова „отличаются большою осторожностью, трезвостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ провинциальностью и остроуміемъ“. Какъ на яркій примѣръ, въ которомъ обнаруживаются эти достоинства научной работы графа Уварова, рецензентъ указываетъ то впервые установленное имъ различіе между орудіями по-

стоянными и временными, различіе, находящееся въ зависимости отъ назначенія и способовъ употребленія тѣхъ и другихъ и оказывающее столь очевидное вліяніе на качество ихъ отдѣлки. Другой примѣръ тонкаго анализа фактовъ и искуснаго извлеченія изъ него выводовъ представляютъ, по мнѣнію рецензента, соображенія гр. Уварова объ археологическомъ значеніи находимыхъ въ Европѣ нефритовыхъ орудій: послѣ строгой провѣрки всѣхъ относящихся къ этому вопросу данныхъ, гр. Уваровъ настаиваетъ на принесеніи нефритовыхъ вещей въ Европу изъ внутренней Азіи, единственной—на сколько извѣстно—родины нефрита, а вслѣдъ затѣмъ приходитъ къ тому заключенію, что появленіе этихъ орудій въ нашей части свѣта, въ половинѣ неолитической эпохи, свидѣтельствуетъ о послѣдовавшемъ около означеннаго времени наплывѣ сюда новыхъ выходцевъ изъ центральной Азіи, давшихъ новый толчекъ европейской культурѣ. „Значеніе восточно-европейской равнины во всѣхъ вопросахъ о каменномъ вѣкѣ въ Европѣ“, говоритъ г. Майковъ,—„впервые указано графомъ Уваровымъ въ его настоящихъ размѣрахъ, и это разъясненіе, которое должно быть крупною новостью для большей части западно-европейскихъ ученыхъ, составляетъ также одну изъ существеннѣйшихъ заслугъ нашего почтеннаго археолога“.

Наконецъ, рецензентъ нашелъ необходимымъ оцѣнить замѣчательное сочиненіе гр. Уварова и по отношенію къ общему движенію отечественной археологіи, при чемъ онъ выражается слѣдующими словами: „Подводя итогъ тому, что сдѣлано у насъ до сихъ поръ по изученію первобытныхъ древностей, сочиненіе это указываетъ, какъ на достоинства, такъ и на слабыя стороны прежнихъ работъ, и на тѣ пробѣлы, которые обнаруживаются въ данной сферѣ изслѣдованія. Такимъ образомъ, даже главными своими выводами оно не столько замыкаетъ предшествующее научное движеніе, сколько напротивъ вызываетъ къ новымъ изысканіямъ и предлагаетъ для нихъ новыя задачи: завидная доля для научнаго труда, и нельзя не поставить высоко того ученаго, который далъ наукѣ произведеніе, способное оказать такое вліяніе. Но имя графа А. С. Уварова уже давно служитъ однимъ изъ блестящихъ украшеній русской археологіи, и именно отъ его обширныхъ познаній, отъ его дарованій и его преданности дѣлу изученія отечественныхъ древностей слѣдовало ожидать такого труда, въ которомъ—какъ въ разбираемомъ сочиненіи—тщательная частная разработка предмета соединялась бы съ общими заключеніями, и наконецъ, съ указаніемъ новыхъ путей для изслѣдованія“.

Второй рецензентъ сочиненія гр. Уварова, Л. Е. Ивановскій, далъ о немъ столь же благопріятный отзывъ, указавъ также на его многочисленныя достоинства и заявилъ, что этимъ путемъ русская наука сразу заняла высокое мѣсто въ области изысканій о первобытныхъ древностяхъ человѣчества.

Рецензентами сборника найденныхъ на Кавказѣ классическихъ надписей, составленнаго И. В. Помяловскимъ, были А. И. Савельевъ и Ѳ. Ѳ. Соколовъ. Первый въ своемъ отзывѣ выяснилъ, въ общихъ чертахъ, важное значеніе этого изданія, а второй, какъ специалистъ эпиграфики греческой, вошелъ въ ближайшую оцѣнку труда г. Помяловскаго. „Книга И. В. Помяловскаго“, говоритъ г. Соколовъ,— „будетъ безъ сомнѣнія, драгоцѣнна и необходима каждому, кто пожелаетъ заняться греческими надписями Кавказа. Трудъ г. Помяловскаго быдъ въ высшей степени тяжелый и неблагодарный. Надписи по своему содержанію ничтожны, орфографія ихъ совершенно неправильная; начертанія буквъ такія, въ каковыхъ необходимо привыкнуть продолжительною и упорною работою, сличая палеографическія особенности рукописей византійскихъ; наконецъ, снимки весьма различны у разныхъ авторовъ, и хорошія коніи имѣются далеко не отъ всѣхъ надписей. Различіе чтеній и объясненій издателей и комментаторовъ можетъ привести въ отчаяніе. Великая заслуга г. Помяловскаго— что онъ преодолѣлъ всѣ эти неспрїятности, *πάσαν ἀθλίαν*, и довелъ дѣло до конца. Съ благодарностью всякій интересующійся дѣломъ приметъ многочисленныя и важныя указанія на литературу предмета. Въ чтеніи отдѣльныхъ надписей книга представляетъ много новаго, и притомъ несомнѣнно вѣрнаго. Нѣсколько надписей издано по новымъ фотографическимъ снимкамъ, въ томъ числѣ и дорогой документъ императора Веспасіана“.

Наконецъ, третье увѣчанное наградою сочиненіе было разобрано П. И. Саввантовымъ. Въ рецензїи своей онъ прежде всего обращаетъ вниманіе на оригинальность задачи, которую поставилъ себѣ г. Султановъ,—подобрать образцы русскаго зодчества въ миниатюрахъ нашихъ рукописей. „Авторъ“, по замѣчанію рецензента,— „поставилъ себѣ цѣлью доказать, что архитектурныя формы, которыя встрѣчаются въ миниатюрахъ рукописи, суть „формы—существовавшія, а не вымышленны“, и свое положеніе доказываетъ строгимъ и логичнымъ образомъ, широко пользуясь сравнительнымъ методомъ“. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе сжатымъ, но рельефнымъ очеркомъ зодчества Московской Руси и ведетъ его отъ Суздальскаго періода до на-

чала XVI вѣка, при чемъ высказывается за самостоятельное развитіе русской архитектуры. Обращаясь затѣмъ къ изображеніямъ архитектурныхъ памятниковъ, находимыхъ въ миниатюрахъ нашихъ старинныхъ рукописей, авторъ отмѣчаетъ прежде всего тѣ особенности и неправильности, которыя встрѣчаются въ этихъ послѣднихъ съ точки зрѣнія теоріи перспективы. Объясненіе это даетъ возможность установить правильный взглядъ, на старинную нашу миниатюру. Затѣмъ авторъ приступаетъ къ изслѣдованію самыхъ изображеній и подвергаетъ ихъ самому полному разбору. Сопоставляя рисунки архитектурныхъ памятниковъ въ старинныхъ миниатюрахъ съ сохранившимися до нынѣ остатками древнихъ зданій, авторъ указываетъ на ихъ близкое сходство и тѣмъ самымъ выясняетъ историческое значеніе этихъ изображеній. Вообще во всемъ своемъ трудѣ г. Султановъ—по отзыву рецензента—является отличнымъ знатокомъ древняго русскаго зодчества и его исторіи, и знанія эти онъ искусно примѣнилъ къ изслѣдуемому имъ вопросу. Въ виду этого рецензентъ признаетъ, что сочиненіе г. Султанова „какъ по новизнѣ своего характера и вѣрности основной мысли, такъ и по строгости научнаго изложенія и важности практическихъ результатовъ, представляется выдающимся явленіемъ въ археологической литературѣ прошлаго года“.

Таково содержаніе отзывовъ, на основаніи которыхъ Русское археологическое общество присудило свои почетныя награды за 1881 годъ. Намъ остается прибавить, что графу А. С. Уварову и И. В. Помяловскому присуждены медали золотыя, а Н. В. Султанову—серебряная.

КЪ ИСТОРИИ АФИНСКИХЪ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ СОСТЯЗАНИЙ.

Составъ и порядокъ состязаній.—Отношенія между актерами и авторами.

Изъ тѣхъ фрагментовъ афинскаго эпиграфическаго свода дидаскалій ¹⁾, которые теперь извѣстны, только два относятся къ хроникѣ трагедій. Болѣе полный изъ нихъ, изданный Куманудисомъ въ *Ἀθήναιον* IV стр. 476 и Келеромъ въ *Mittheilungen des deutsch. archäologisch. Institutes in Athen* III стр. 113, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе:

[παλαι]αὶ Νε[οπτόλεμος]

[Ἰφιγενείαι Εὐ[ριπί]δο.

[ποη(ταί)]: Ἀστυδάμας

[Ἀχι]λλεῖ, ὑπε(κρίνατο) ²⁾ Θετταλός.

б. Ἀθάμαντι, ὑπε(κρίνατο) Ναοκτόλ[εμος].

¹⁾ См. о вѣстѣ *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1881 г. отд. вл. епг. стрр. 623 слг.

²⁾ Надпись постоянно даетъ въ этой формулѣ сокращеніе ΥΠΕ.; которое, кажется намъ, издатели совершенно вѣрно понимаютъ, какъ ὑπεκρίνατο. Такъ читалъ это сокращеніе и Беккъ въ *Corp. inscr. gr.* п. 231. В. Диндоръ (*Poetae scen. gr. ed. V, prolegg p. 27*) считалъ тамъ болѣе правильнымъ чтеніе ὑπεκρίνατο, по видимому, на томъ основаніи, что въ *argum. Aristoph. Pac.* читается τὸ δὲ δράμα ὑπεκρίνατο Ἀπολλόδωρος. Но ученый критикъ не обратилъ вниманія на другую аналогію, гораздо болѣе важную для опредѣленія синтактическихъ свойствъ языка дидаскалій, а именно на способъ выраженія въ хорегическихъ надписяхъ. Здѣсь мы постоянно встрѣчаемъ: ἐχορήγει, ἐδίδασκε, ἤλει; ἤλησ[ε] читается, если не ошибаемся, только въ копіи надписи у *Leake*, *Trav. in north. Graece vol. II, pl. XIII, p. 58*, какъ произвольное дополненіе издателя (См. *L. Stephani, Reise durch*

- [Ἄν]τιγόνη, ὑπε(κρίνετο) Ἀθηνόδω[ρος]
 [Εὐ]άρτεος [δεύ(τερος)] Τεύκρωι,
 [ὑπ]ε(κρίνετο) Ἀθηνόδωρος·
 [Ἀχ]λλεΐ, ὑ[πε(κρίνετο)] Θετталός·
 10. [. . .]εἰ, ὑп[ε(κρίνετο) Νε]οπτόλεμος.
 [— — — τ]ρί(τος) Πελιασίην,
 [ὑπε(κρίνετο) Νεοπτ]όλεμος·
 Ὀρέστη, [ὑπε(κρίνετο) Ἀ]λλ[υ]δωρος·
 Αὐγ[η]ί, ὑπε(κρίνετο) Θεττ[α]λός·
 15. ὑπο(κριτής) Νεοπτόλεμος ἐνικ[α]
 ἐπὶ Νικομάχου· σατυρ(κῶι)·
 Τιμοκλῆς Λυκούργωι·
 παλαιαῖ: Νεοπτόλεμ[ος]
 Ὀρέστη Εὐριπίδω·
 20. [π]οη(ταί)· Ἀστυδάμας.
 Παρθενοπαί·ωι, ὑπε(κρίνετο) Θετ[τα]λός·
 [Δ]ο[κ]ά[σ]ονι, ὑπε(κρίνετο) Νεοπτόλε[μος]·
 [. . .]οκλῆς δεύ(τερος) Φρίκωι,
 [ὑπε(κρίνετο)] Θετталός·
 25. [Οἰδ]ίποδι, ὑπε(κρίνετο) Νεοπτό[λεμος]·
 Εὐ[άρ]τεος τρί(τος)
 [. . .]με. . .]εἰ, ὑπε(κρίνετο) Θεττα[λός]
 [. . .]ηί, ὑπε(κρίνετο) Νεοπτό[λεμος]·
 [ὑπο(κριτής) Θε]τталός ἐνίκα.
 30. [ἐπὶ Θεο]φράστου· σατω[ρι(κῶι)]·
 [— — —] Φορκίω[ι]
 [παλαιαῖ — —]όστρ[ατος]
 [— — — Εὐ]ριπί[δο].

Изъ приведеннаго эпиграфическаго текста мы видимъ, что около половины IV-го вѣка до Р. Х. постоянную принадлежность аѢннскихъ

ein. Geg. d. nördl. Griech. Taf. VI, n. 81 coll. p. 96. К. Керн, Mélanges Gréco-Rom, T. II, *Le Bas-Waddington*, Voyage arch., Inscriptions, Attique n. 466). Къ этимъ давно известнымъ свидѣтельствамъ теперь можно присоединить еще фрагменты аѢннскаго эпиграфическаго свода «Діонисіониковъ» (См. Ж. М. Н. II. I. I. стр. 614 слл. и 629 слл.), въ которыхъ формулы еχορήγει, ἐδίδασκε постоянны. Въ текстѣ Теосской надписи у *Le Bas-Waddington*, *Asie min.* n. 91 (ὑπεκρίνετο Ἀσκληπιάδης...) ὑπεκρίνετο, какъ видно изъ комментарія Ваддингтона, есть опечатка вмѣсто ὑπεκρίνετο.

трагодическихъ агоневъ составляло возобновленіе пьесъ великихъ трагиковъ V-го вѣка.

Что возобновленіе разъ уже игранныхъ пьесъ очень рано допускалось въ Атикѣ, можно заключать изъ словъ Геродота VI 21 Ἀθηναῖοι — — δῆλον ἐποίησαν ὑπεραχθεσθέντες τῇ Μιλήτου ἄλωσι τῇ τε ἄλλῃ πολλαχῆ, καὶ δὴ καὶ ποιήσαντι Φρονίχῳ δρᾶμα Μιλήτου ἄλωσιν καὶ διδάξαντι ἐς δάκρυά τε ἔπεσε τὰ θέητρον, καὶ ἐξημίωσάν μιν ὡς ἀναμνήσαντα οἰκῆρια κακὰ χιλίησι δραχμῆσι, καὶ ἐπέταξαν μηκέτι μηδένα χρᾶσθαι τοῦτῳ τῷ δρᾶματι.

Высказываемая Аристофановымъ Дикэополисомъ (Ach. 10), много лѣтъ спустя послѣ смерти Эскила, надежда увидѣть на сценѣ одно изъ произведеній этого трагика, кажется, не имѣла бы смысла, если бы тогда не допускалось повтореніе пьесъ, нѣкогда уже игранныхъ. Поэтому и свидѣтельство Эскилова биографа Ἀθηναῖοι—τοσοῦτον ἡγάπησαν Αἰσχύλον ὡς ψηφίσασθαι μετὰ θάνατον αὐτοῦ τὸν βουλούμενον διδάσκειν τὰ Αἰσχύλου χαρὸν λαμβάνειν всего естественнѣе относить къ такимъ „возобновленіямъ“, а не къ тѣмъ пьесамъ, которыя Эскилъ не успѣлъ поставить при своей жизни и къ которымъ относятся, безъ сомнѣнія, слова того же биографа οὐκ ὀλίγας—μετὰ τελευτῆν ἵκασ ἀτηνέγκωτο (Ср. Suid. s. Εὐφορίων).

Но имѣлись ли въ виду при постановленіи о трагедіи Фриниха и при постановленіи о трагедіяхъ Эскила аэнінскіе агоны великихъ Діонисіей и Ливаей, или, можетъ быть, совершавшіеся по димамъ агоны сельскихъ Діонисіей? Такъ какъ причина, по которой подверглось запрещенію Фринихово „Взятіе Милета“, имѣла своего рода политическій характеръ, то, пожалуй, первое постановленіе было возможно и въ томъ случаѣ, если обычай возобновленія существовалъ только на сельскихъ агонахъ. Но второе постановленіе всего ближе относить къ городскимъ агонамъ: очень невѣроятно, чтобы Аэниане, то-есть аэнінское вѣще, вмѣшивались въ устройство репертуара сельскихъ Діонисіей и дѣлали обязательныя постановленія для агоневъ, совершавшихся не государствомъ, а димами.

Мы не знаемъ, много ли времени спустя послѣ смерти Еврипида и Софокла ихъ пьесы удостоились той же чести, какая была оказана пьесамъ Эскила. Во всякомъ случаѣ, во временамъ оратора Ликурга обычай возобновленія драмъ трехъ великихъ трагиковъ такъ уже привился, что потребовались особыя мѣры для противодѣйствія совершавшейся при такихъ возобновленіяхъ порчѣ текстовъ. (См. Bernhardt, Grundr. d. griech. Litt. II, 2°, стр. 118 сл.). И опять таки

весьма мало вѣроятно, чтобы постановленіе Ликурга (Pseudo-Plut. Vitt. X oratt. 841 F.) относилось къ сельскимъ, а не къ городскимъ агонамъ.

Изъ приведенной эпиграфической дидаскаліи мы узнаемъ, что уже около половины IV вѣка ни одинъ городской агонъ не обходился безъ возобновленія старыхъ трагедій, при чемъ въ эти времена или исключительно, или преимущественно возобновлялись пьесы самаго популярнаго изъ трагиковъ — Еврипида: въ 341 г. возобновлена которая-то изъ „Ифигеній“, въ 340 г. — „Орестъ“ (пьеса, которая и въ послѣдующія времена съ большимъ успѣхомъ держалась на сценѣ. (См. Argum. Orest. τὸ δράμα τῶν ἐπὶ σκηνῆς εὐδοκιοῦντων), въ 339 г. еще какая-то пьеса Еврипида. Тѣмъ же эпиграфическимъ фрагментомъ разъясняется, какимъ образомъ возобновленіе пьесъ, уже игравшихъ и прежде уже получившихъ призы, примиралось съ интересами авторовъ произведеній, впервые появляющихся на сценѣ. Прежде именно эта сторона дѣла приводила въ недоумѣніе, вслѣдствіе чего еще недавно нѣкоторые изслѣдователи или совершенно отвергали, или произвольно толковали имѣвшіяся показанія о возобновленіяхъ древнихъ трагедій. Такъ Мадвигъ (Kleine Schriften, стр. 464) возражалъ и противъ свидѣтельствъ о возобновленіи трагедій Эсхила: eine solche zufällige, von Jedem, der es wollte, veranlasste Wiederholung älterer, zum Theil schon preisbelohnter Stück um mit neu eingelieferten zu konkurriren ist undenkbar. Поэтому—полагалъ Мадвигъ — указанная свидѣтельства нужно, съ Квинтилианомъ (Inst. or. X, 1, 66) понимать о передѣлкахъ Эсхилловскихъ трагедій—передѣлкахъ, которыя производились позднѣйшими поэтами ¹⁾, и уже подъ именами послѣднихъ, а не подъ именемъ Эсхила, ставились на сцену. Aber von einer einfachen Wiederholung älterer Stücke — прибавляетъ тотъ же изслѣдователь (стрр. 465 сл.)—besonders des Sophokles und des Euripides, bei solcher Gelegenheit (т. е. при ἀστικὸς ἀγών) haben wir keine bestimmte und deutliche Nachrichten. Eine solche liegt nämlich auch nicht ganz in der bekannten — — Stelle in der Biographie des Lykurg“. Но мы сейчасъ увидимъ, что новымъ пьесамъ вовсе не приходилось конкурировать со старыми.

¹⁾ Такъ какъ эпиграфическія дидаскаліи показываютъ, что возобновленіе старыхъ пьесъ было дѣломъ актеровъ, то получается новый доводъ въ пользу мнѣнія Арн. Шеера, по которому «poetis» у Квинтилиана явилось вслѣдствіе общаго недоразумѣнія—неправильнаго пониманія слова τραγῳδοίς.

Въ вышеприведенной надписи, во главѣ отчетовъ (строки 16 и 30) о состязаніяхъ, произведенныхъ въ годы архонтовъ Никомаха и Теофраста (340 и 339 до Р. X.), называется сатирическая драма; навѣрное, и въ отчетѣ, относящемся къ году архонта Сосигена (341), предъ словомъ *παλαῖα* (стр. 1) стояло обозначеніе сатирической драмы. Келеръ (Mitth. стр. 115, примѣч. 1) по этому поводу уже указалъ на тотъ фактъ, что и въ біотійскихъ агонистическихъ надписяхъ сатирическая драма постоянно почти называется первой въ ряду драматическихъ пьесъ¹⁾.

Но можно ли считать такой порядокъ перечисленія соответствующимъ дѣйствительно существовавшему порядку представленій, то-есть слѣдуетъ ли допустить, что сатирическая драма въ тѣ времена, къ которымъ относятся указанныя надписи, и исполнялась прежде другихъ пьесъ? Намъ кажется, что отъ порядка перечисленія можно придти къ вѣроятному опредѣленію порядка спектаклей, но только не прямымъ путемъ, а—такъ сказать—окольнымъ, то-есть посредствомъ комбинаціи порядка перечисленія съ нѣкоторыми другими данными.

Прямой путь былъ бы не совсѣмъ надеженъ вотъ почему. Легко замѣтить, что въ приведенной аэинской надписи дидаскалическій отчетъ за каждый отдѣльный годъ распадается на двѣ части, изъ которыхъ первая называется пьесы (сатирическую драму и „старую“

¹⁾ Лидеръ, на книгу котораго (*Die Dionysischen Künstler*, стр. 103) есмыляется въ этомъ случаѣ Келеръ, кромѣ надписей *corp. inscr. gr.* n. 1584, гдѣ однако порядокъ перечисленія, какъ увидимъ, не вполне соответствуетъ принятому въ аттическихъ дидаскаліяхъ, *C. I. G.* n. 1587 (съ дополненіемъ у Кейля, *Sylloge inscriptionum Boeoticarum.* n. VIII p. 60 sq. = *Le Bas-Waddington, Boeotie*, n. 585^a), *Rangabé, Ant. hell.* n. 965 (= *Newton, Transactions of the Roy. Soc. of liter.* II Ser. Vol. V, стрр. 129 сл. и 276 сл.) указываетъ еще на Теосскую надпись (у Лидерса n. 88 изъ *Le Bas, Voyage, Asie min.* 93): ἐπι[] ἱερέως Δημήτριου, ἀγωνοθέτου δὲ | καὶ ἱε[]ρέως. . . | οἷδε ἐνίκησαν ἐν τῷ ἀγωνίῳ τῷ τεθέντι Ἀττά[]φ | Διδυράμβων Νίκαρχος Ἑρμῶναχτος Περ[]γαμηνός Φερσαφόνει, | ἐπιθαρφέει Δημήτριος. . . Φοκαεύς | Σατύρων Ζ[]ηνόδοτος. Но тотъ же порядокъ находится въ Феспійской надписи, не указанной Лидерсомъ въ текстѣ сочиненія, хотя и названной имъ (по недоступной для насъ копіи *Deschamnes-a* въ *Archives des missions scientifi.* 2. série IV, 1867. p. 522), въ приложеніи n. 110: . . . κίθαρφόος | Δημήτριος Ἀμαλαίου Αἰολεύς ἀπὸ Νυρίνης, | σατύρων ποιητής | Αραδός (?) Τίμωνος Ἀθηναῖος, | ὑποκριτῆς παλαιᾶς [τραγ]ῳδίας | Φιλοκράτης Θεοφανίου Θηβαῖος | [ὑ]ποκριτῆς παλαιᾶς κωμ[]ῳδίας Ἡρόδοτος Κορω[]νεύς | и въ біотійской надписи, относящейся къ празднику Серапεί въ *Bull. de corr. hell.* II (1878) стр. 590.

трагедію), въ кругъ состязанія, собственно говоря, не входившія, а вторая (начинающаяся формулою ποιηταί) — пьесы, посредствомъ которыхъ состязались поэтъ съ поэтомъ и актеръ съ актеромъ. Сатирическая драма, какъ замѣтилъ Келеръ (ibid.), должна была стоять внѣ агона, внѣ конкуренціи, уже потому, что она была единственною; мало того, она не входила не только въ состязаніе поэтовъ, но и въ состязаніе актеровъ. Последнее видно изъ того, что имя актера-исполнителя сатирической драмы въ аэинскомъ ¹⁾ сводѣ дидаскаліи даже вовсе не называется. „Древняя“ трагедія, единственная для каждаго агона, также не входила въ состязаніе съ новыми пьесами: это доказывается отсутствіемъ всякаго обозначенія, которое указывало бы на опредѣленное приговоромъ судей состязанія отношеніе достоинства старой пьесы къ новымъ; мѣсто, занимаемое заглавіемъ старой пьесы въ нашей дидаскаліи, не можетъ быть признано такимъ обозначеніемъ уже потому, что это мѣсто для пьесъ стараго репертуара неизмѣнно во всѣхъ дошедшихъ до насъ фрагментахъ дидаскалическаго свода; по всей вѣроятности, и игра актера въ „старой“ пьесѣ не должна была приниматься въ расчетъ при составленіи приговора объ относительномъ достоинствѣ актеровъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оказались бы не равны шансы состязавшихся. И такъ сатирическая драма и старая трагедія, каково бы ни было ихъ мѣсто въ порядкѣ спектаклей, во всякомъ случаѣ въ дидаскаліи должны были быть выдѣлены въ особую группу, какъ части чуждыя самому состязанію, а поэтому отъ порядка заглавій въ дидаскаліи нельзя еще прямо заключать къ порядку спектаклей. Вѣдь и порядокъ перечисленія пьесъ, входившихъ въ самое состязаніе, не есть порядокъ хронологическій: кто изъ актеровъ на каждомъ состязаніи былъ признанъ побѣдителемъ — это мы узнаемъ изъ формулы ὄπο(κρῆσις ὁ θεῖνα) ἐνίκα; но ни въ одномъ изъ фрагментовъ нѣтъ подобной формулы для обозначенія побѣдителя-поэта; остается признать, что относительное достоинство поэтовъ означается порядкомъ ихъ перечисленія; а такъ какъ сатирическая драма и старая трагедія никакого значенія при опредѣленіи достоинства новыхъ поэтовъ не имѣли, то опять повторяемъ—заглавія этихъ пьесъ во всякомъ случаѣ должны

¹⁾ Не-аттическія надписи то также опускаютъ имя этого актера (С. J. G. n. 1585, Lüders n. 110, Rang. n. 295, Bull. de corr. hell. I. I.), то называютъ и его (Lüders n. 88-a); а въ надписи у Кейля Syll. inscr. Boeot. стр. 60 опущены даже и имена актеровъ трагическаго и комическаго.

были быть выдѣлены въ особую группу. Предположимъ теперь, что въ IV вѣкѣ сатирическая драма не могла предшествовать трагедіи и что въ 341-мъ году порядокъ трагическихкихъ спектаклей былъ таковъ: 1-й день праздника три трагедіи одного изъ „новыхъ“ поэтовъ и послѣ нихъ сатирическая драма, во 2-й день три трагедіи другаго новаго поэта и старая трагедія, въ 3-й день три трагедіи третьяго новаго поэта. Понятно, что въ отчетѣ объ агонѣ такого устройства, группа пьесъ, не входившихъ въ самое состязаніе, могла явиться въ началѣ дидакаліи и сатирическая драма должна была быть названа, какъ она и называлась, прежде старой трагедіи. Но мы имѣемъ основаніе утверждать, что такого устройства агоней, какъ только что предположенное, при которомъ старая трагедія исполнялась бы между новыми, не существовало.

Давно уже извѣсна была формула аттическихъ наградныхъ декретовъ (ἀναγορεύσαι τὸν στέφανον) Διονυσίων (τῶν μεγάλων) τραγῳδῶν τῷ ἀγῶνι τῷ καινῷ (см. напримѣръ С. J. A. II п. 331 строка 77 сл., п. 445, 464, 478, 481 стр. 63, гдѣ, какъ мы замѣтили ранѣе, слѣдуетъ читать Διονυσίων [τραγῳδῶν] τῷ καινῷ [ἀγῶνι], 592, Mitth. d. deutsch. arch. Inst. in Ath. V 328 = Ж. М. Н. П. 1880, отд. кл. фил. стр. 468) и ея видоизмѣненіе (ἀναγορεύσαι — τὸν στέφανον) Διονυσίων (τῶν ἐν ἀστέι) καινοῖς τραγαῖς (см. напримѣръ С. J. A. II п. 446 стр. 13, п. 383, 402 и пр.); но только открытіе новыхъ фрагментовъ эпиграфическаго свода дидакаліи послужило поводомъ къ правильному истолкованію этой формулы. Кёлеръ, объясняя эти фрагменты, насколько мы знаемъ, первый замѣтилъ (Mitth. III стр. 134), что въ указанной формулѣ нельзя видѣть, какъ видѣли прежде, указанія на какое-то отличіе въ составѣ агона великихъ Діонисій сравнительно съ агонемъ Линейскимъ, нельзя выводить изъ нея, что исполненіе новыхъ трагедій было исключительной принадлежностью перваго агона¹⁾: такое пониманіе формулы невозможно уже само по себѣ, независимо отъ существованія свидѣтельствъ о представленіи новыхъ трагедій и на Линейхъ: если бы формулою τραγῳδοῖς καινοῖς хотѣли только отличить Діонисіи отъ Линей, то она была бы совершенно излишня тамъ, гдѣ дается точное обозначеніе праздника (Διονυσίων τῶν μεγάλων или Δ. τῶν

¹⁾ См. напримѣръ, *Bernhardy*, Grundr. d. griech. Litt. II³, 2, стр. 150: Die Lenaen waren—der eigentliche Schauplatz der alten Komödie (?); sie werden selten für die Tragödie genannt... An den städtischen Dionysien aber treten die besten Tragöden mit neuen Stücken hervor, Formel τραγῳδοῖς καινοῖς...

ἐν ἄσσει), и если бы исполненіе новыхъ трагедій составляло отличительную особенность Діонисій, то точное обозначеніе праздника было бы совершенно излишне при формулѣ τραγῳδοῖς καινοῖς или τραγῳδῶν τῷ ἀγῶνι τῷ καινῷ, а между тѣмъ форма встрѣчается постоянно въ соединеніи съ точнымъ и прямымъ обозначеніемъ городскихъ діонисій. Нѣтъ, этою формулою одна часть праздника противопоставлялась другой части того же самаго праздника. Такъ какъ для провозглашенія отличій, даваемыхъ лицамъ, оказавшимъ услуги афинскому государству, желательна была возможно бѣльшая публичность, то понятно, почему для этого провозглашенія избиралась та именно часть праздника, которая посвящена была исполненію новыхъ трагедій. См. Bekkeri Anecdota 309, 8 sqq. Траγῳδοῖσι: τῶν τραγῳδῶν οἱ μὲν ἦσαν παλαιοί, οἱ παλαιὰ δράματα εἰσαγαγόντες [εἰσαγόντες?], οἱ δὲ καινοί, οἱ καιὰ καὶ μηδέποτε εἰσαχθέντα. ὅταν οὖν τοῦτο γίνηται, κλειών ἐστὶ σπουδὴ τῶν Ἀθηναίων περὶ τὸ καινὸν δράμα καὶ μηδέποτε ἠγωνισμένον. Но такое противоположеніе частей праздника едва-ли было бы практически возможно, если бы эти части не соответствовали различнымъ днямъ праздника. Такъ, кажется, и было: представленіямъ новыхъ трагедій въ тотъ періодъ, когда, кромѣ новыхъ, постоянно давались еще и старыя, были посвящены особые дни Діонисій. См. Plut. de exil. 10, p. 603 D: Ἡ—Ἀχαθῆναια - - οἰκητήριον ἦν Πλάτωνος καὶ Σενοκράτους καὶ Πολέμωνος, αὐτόθι σχολαζόντων καὶ καταβιούντων τὸν ἅπαντα χρόνον πλην μίαν ἡμέραν, ἐν ἣ Σενοκράτης καθ' ἕκαστον ἔτος εἰς ἄσσει κατήκει, Διονυσίων καινοῖς τραγῳδοῖς, ἐπιχορηγῶν, ὡς ἔφασαν, τὴν ἑορτήν ¹⁾. Въ эти времена часть праздника, назначенная для новыхъ трагедій, выдѣляется, какъ совершенно особая, какъ особый агонъ (ὁ καινὸς ἀγῶν въ вышеприведенныхъ формулахъ наградныхъ декретовъ); а такое выдѣленіе было бы едва-ли возможно, если бы „новый“ агонъ былъ перемежшавъ со старымъ, то-есть если бы исполненіе новыхъ трагедій прерывалось исполненіемъ старой; эта послѣдняя могла найти мѣсто только или послѣ новыхъ, или передъ ними, но не среди ихъ. Но въ первомъ случаѣ, по всей вѣроятности, и дидакаліи называли бы ее въ концѣ годовыхъ отчетовъ, а такъ какъ она называется въ началѣ, то, нужно думать, старая трагедія исполнялась прежде всѣхъ новыхъ. Точно также понятно, что сатирическая драма, если бы она исполнялась

¹⁾ Schneider, Das Attische Theaterwesen, стр. 34, ошибался лишь въ томъ, что относилъ представленіе новыхъ трагедій къ первому дню праздника, и тѣмъ, что смѣшивалъ различные періоды исторіи афинскихъ театральныѣ порядковъ.

послѣ старой или вообще послѣ какой нибудь трагедіи, была бы названа послѣ старой трагедіи; а такъ какъ этого нѣтъ, то остается допустить, что мѣсто, теперь занимаемое въ дидаскаліяхъ сатирической драмой, соотвѣтствуетъ тому, которое она занимала въ порядкѣ представленій.

Только такимъ путемъ, кажется мнѣ, можно въ свидѣтельствѣ аттическихъ эпиграфическихъ дидаскалій найти водтверженіе для мысли, которая по другимъ основаніямъ и для другихъ періодовъ исторіи греческой драмы нѣкоторыми учеными давно уже считалась вѣроятною¹⁾.

И такъ, представленіе сатирической драмы и старой трагедіи происходило, по всей вѣроятности, въ одинъ изъ дней, предшествовавшихъ представленію новыхъ трагедій. Попробуемъ теперь опредѣлить временную послѣдовательность другихъ частей драматическаго составанія, а именно — „новаго“ трагедическаго агона и комедическаго.

Предположеніе, что въ V вѣкѣ комедіи ставились въ тѣ же дни, какъ и трагедіи, мы не считаемъ такимъ несомнѣннымъ, какимъ оно кажется, напримѣръ, А. Моммзену (*Neugologie*, стр. 396). Оно основано единственно на этомъ мѣстѣ Аристофановыхъ „Птиць“ (стт. 785 сл.):

οὐδὲν ἐστ' ἄριστον οὐδ' ἥδιον ἢ φῶσαι πτερὰ.
 αὐτίχ' ὕμῶν, τῶν θεατῶν, εἴ τις ἦν ὑπόπτερος,
 εἶτα κειῶν τοῖς χοροῖσι τῶν τραγῳδῶν ἤχθετο,
 ἐκπτόμενος ἂν οὗτος ἡρίστησεν ἄλθῶν οἴκαδε,
 κατ' ἂν ἐμπληθεῖς ἐφ' ἡμᾶς αὖθις αὖ κατέπτετο.

Выводя отсюда, что трагедіи исполнялись въ тѣ же дни, какъ и комедіи, и при томъ ранѣ послѣднихъ, В. А. Беккеръ (*Charikles*, I², стр. 320, и Визелеръ (*Adversaria in Aeschyli Prometheus et Aristophanis Aves*, стр. 99 сл.), относили выраженіе ἐφ' ἡμᾶς къ комическимъ хорамъ и противоплагали его словамъ τοῖς χοροῖσι τῶν τραγῳδῶν. Но, во первыхъ, въ самомъ строѣ рѣчи у Аристофана нѣтъ ни малѣйшаго намека на противоположность того, о чемъ сказано въ ст. 787, тому, о чемъ говорится въ

¹⁾ Подобное предположеніе Велькера (*Nachtrag zu d. Schr. üb. die Aeschyl. Trilogie*, стр. 279) относительно древнѣйшаго періода драмы было, конечно, совершенно произвольно, см. G. Hermann, *Europ. Cycl.* p. XI. Съ большею основательностью такой порядокъ трагико-сатирическихъ представленій принималъ для александрійскаго періода Wieseler, *Das Satyrspiel* (*Göttinger Studien*, 1847, 2 Abth.), стр. 595.

ст. 789; скорѣе въ словахъ αὐδῆς αὐ̄ можно видѣть указаніе на тождественность пункта, отъ котораго отправилось движеніе, съ пунктомъ, въ которому оно возвращается (ср. стт. 792, 796), то-есть, на тождественность обозначеній οἱ χοροὶ τῶν τραγῳδῶν и ἡμαῖς; соотвѣтственно толкованію Беккера и Визелера, вмѣсто αὐδῆς αὐ̄ ожидалась бы ἦτορ или какіянибудь другія слова, которыя бы давали этому мѣсту такой смыслъ: „зритель, которому не понравился трагическій спектакль, могъ бы улетѣть изъ театра и затѣмъ прилетѣть обратно, когда уже начиналось представленіе комедіи“; но, собственно говоря, и такая мысль, по контексту рѣчи, была бы не совсѣмъ умѣстна: такъ какъ причиною, по которой слушаніе трагедіи не доставляетъ удовольствія, предполагается не антипатія къ трагическому роду поэзи или къ извѣстному трагическому пронаведенію, а просто пустой желудокъ; то мы ожидали бы со стороны птицъ такого предположенія: крылатый зритель, благодаря чудесному способу передвиженія, которымъ онъ обладалъ бы, улетѣвъ съ представленія трагедіи и позавтракавъ у себя дома, успѣлъ бы, вернувшись въ театръ, застать еще представленіе—представленіе чего? — Конечно, трагедіи же: на то и крылья! Такая мысль, вполне точно соотвѣтствуя контексту, не допускаетъ противоположенія между τοῖς χοροῖσι τῶν τραγῳδῶν и ἐφ' ἡμαῖς. Однако это еще не послѣдній и не самый сильный доводъ противъ разбираемой гипотезы. Предположимъ, что въ этихъ стихахъ „Птицы“ комикъ имѣетъ въ виду такой порядокъ спектаклей, при которомъ въ одинъ и тотъ же день утромъ исполнялись трагедіи, а послѣ полудня комедія; такъ какъ въ законѣ Евнгора (у Димосе, XXI, 10) Линэіскіе драматическіе агоны перечисляются въ такомъ порядкѣ: οἱ τραγῳδοὶ καὶ οἱ κωμικοὶ, а Діонисійскіе въ такомъ: οἱ κωμικοὶ καὶ οἱ τραγῳδοὶ, то отчасти уже Визелеръ, а особенно Бергъ (N. Ienaische allgem. Literatur-Zeitung. 1844, стр. 1212 сл.) утверждали, что Аристофанъ имѣлъ въ виду порядокъ представленій, существовавшій только для Линэй, а на городскихъ Діонисіяхъ трагедіи слѣдовали за комедіями. Но въдѣ „Птицы“ поставлены были не на Линэяхъ, а на Діонисіяхъ и, намъ думается, невозможно уничтожить силу этого возраженія, выставленнаго противъ Визелера и Бергка Германомъ Зауппе (Berichte der kön. Sachs. Ges. d. Wiss. zu Leipzig. VIII Bd., 1855 г. стр. 20): „Wie ist es auch nur möglich zu glauben, dass der Chor in den Vögeln, die an den städtischen Dionysien gegeben sind, so gesprochen hätte . . . wenn er damit nur die Lenäen, nicht das Fest, an dem er sprach, gemeint hätte? Der Witz verpufft, wenn er nicht unmittelbar passt.“

Hätte der Chor das Vormittags gesagt, so wäre es geradezu ungereimt gewesen“. Самъ Зауппе рѣшаетъ вопросъ такимъ образомъ: онъ отвергаетъ подлинность Евигорова закона и считаетъ тотъ порядокъ спектаклей, обозначеніе котораго Беккеръ, Визелеръ и Бергъ отыскиваютъ въ словахъ Аристофана, единственнымъ, равно обязательнымъ какъ для Линей, такъ и для Діонисія. Нельзя не признать, что для защитниковъ принятаго теперь толкованія словъ Аристофана, это—единственный логическій выходъ изъ того затрудненія, которое возникаетъ при сопоставленіи этого толкованія съ закономъ Евигора. Но теперь и этотъ выходъ оказывается не возможнымъ: существованіе того порядка драматическихъ агонь, какой въ законѣ угадывается для Діонисій, теперь подтверждено несомнѣннѣйшими эпиграфическими свидѣтельствами, по своему содержанію относящимися въ V вѣку. См. Ж. М. Н. П. I. I. стр. 613 — 617 и стр. 640 слл. Поэтому, кажется намъ, мы обязаны отвергнуть толкованіе словъ Аристофана, принимаемое Беккеромъ, Визелеромъ и Зауппе; а такъ какъ и никакое другое толкованіе, насколько мы можемъ судить, немислимо, то приходится прибѣгнуть въ предположенію, что въ Аристофановомъ текстѣ есть какая нибудь порча. Но все затрудненіе состоитъ въ томъ, что мы не можемъ привести въ разумное соотношеніе между собою выраженій τῶν τραγῳδῶν и ἐφ' ἡμέρας, слѣдовательно и порчи нужно искать въ этихъ выраженіяхъ—въ одномъ изъ нихъ или въ обоихъ; ни одно изъ остальныхъ словъ въ этомъ мѣстѣ комедіи не вызываетъ противъ себя никакихъ подозрѣній. Предположимъ, что первое выраженіе вѣрно сохранено рукописями, а вмѣсто втораго должно писать ἐφ' ἡμέρας: какіе отсюда будутъ слѣдовать выводы относительно порядка Діонисійскихъ драматическихъ агонь? Временемъ исполненія трагедій по прежнему остается утро (время до завтрака); а такъ какъ, по существующимъ свидѣтельствамъ, комедіи на Діонисіяхъ исполнялись раньше трагедій, то необходимо будетъ допустить, что комическіе спектакли происходили въ особый день или въ особые дни, предшествующіе трагическому агону, а не въ тѣ, утра которыхъ были заняты трагическими спектаклями.

Аристофановская шутка получила бы примѣненіе къ ближайшей дѣйствительности комическаго агона, еслибы вмѣсто чтенія τῶν τραγῳδῶν, мы приняли догадку Скалигера и Бентли: τῶν τραγῳδῶν: въ такомъ случаѣ мысль, что комедія исполнялась утромъ того же дня, послѣполуденное время котораго посвящалась представленію трагической тетралогіи, была бы возможна, но возможна только какъ ги-

потеза, не имѣющая для себя никакихъ основаній. Тоже самое было бы и въ томъ случаѣ, если бы вмѣсто τῶν τραγῳδῶν читалось τῶν τρογῳδῶν и вмѣсто ἐφ' ἡμᾶς ἐφ' ὑμᾶς.

Для сужденія объ этой подробности сценическихъ порядковъ V вѣка единственной основой намъ остается аналогія сценическаго устава IV вѣка.

Послѣ того, какъ между 405 и 388 годами установился обычай допускать на состязаніе по пяти комедій, вмѣсто трехъ (ср. Argum. Ran. и Argum. Plut.), распредѣленіе спектаклей по днямъ праздника, если выходить изъ гипотезы Зауппе, могло быть или таково: одинъ день—три трагедій и одна комедія, два дня—по три трагедій и по двѣ комедіи, или таково: два дня по три трагедій и по одной комедіи, одинъ день—три трагедій и три комедіи. Какъ легче практически осуществимое, первое распредѣленіе, при которомъ спектакли не скучиваются такъ сильно въ предѣлахъ одного дня, можетъ, казалось бы, считаться болѣе вѣроятнымъ. Но мы имѣемъ свидѣтельство, въ виду котораго второе распредѣленіе становится въ высшей степени сомнительнымъ, а первое совсѣмъ невозможнымъ. Полидевъ (Poll. IV 88) разказываетъ слѣдующее: παρῆλθε μὲν εἰς τοὺς ἀγῶνας ἡ σάλπιγξ ἐκ τῆς ἐμπολεμίου μελέτης, ἐφ' ἑκάστη δὲ τῇ κλήσει τῶν ἀγωνιστῶν ἐπιφθέγγεται ἐκ τοιαύτης τῆς αἰτίας. "Ερμων ἦν κομψοδίας ὑποκριτῆς λαχὼν δὲ μετὰ πολλοὺς ὃ μὲν ἀπὴν τοῦ θεάτρου τῆς φωνῆς ἀποκτιρώμενος, τῶν δὲ πρὸ αὐτοῦ πάντων ἐκπεσόντων "Ερμωνα μὲν ὁ κῆροὺ ἀνεκάλει, ὃ δ' οὐχ ὑπακούσας, ζημία πληγῆς, εἰσηγήσατο τοῦ λοιποῦ τῇ σάλπιγγι τοὺς ἀγωνιστὰς ἀνακαλεῖν. Ермонъ долженъ былъ явиться „послѣ многихъ“, то-есть, онъ игралъ въ такой пьесѣ, которой въ исполненіи должны были предшествовать многія другія; что эти многія исполнены были не въ другіе дни праздника, а въ тотъ же самый день, на который назначено было и представленіе Ермона—очевидно изъ смысла всего разказа. Далѣе, такъ какъ тутъ рѣчь идетъ объ очереди, опредѣленной жребіемъ, то очевидно, дѣло состояло не въ томъ, что комедія, въ которой участвовалъ Ермонъ, должна была быть исполнена послѣ многихъ трагедій, а въ томъ, что ей должны были предшествовать многія комедіи: вѣдь законъ Евигора, а также постоянныя формулы аттическихъ „Діонисіониковъ“ и подобныхъ имъ неаттическихъ документовъ показываютъ, что отношенія временной послѣдовательности агоневъ комодическаго и трагическаго опредѣлялись не жребіемъ, а уставами праздниковъ; отъ жребія могла зависѣть только очередь спектаклей однородныхъ, то-есть тотъ порядокъ, въ которомъ одна

трагическая трилогія или тетралогія слѣдовала за другой трилогіей или тетралогіей и одна комедія за другой комедіей (Aristoph. Eccl. 1158 sqq.); кроме того, если подъ *πολλοῦς* разумѣть трагическихъ актеровъ, то слова *τῶν δὲ — ἑκπεσοῦτων* не будутъ имѣть смысла: поправились публикѣ трагическіе актеры, или „всѣ провалились“—для Ермона, комическаго актера, это было все равно; напротивъ, ему должно было быть очень досадно на то, что, несмотря на неудачу своихъ соперниковъ—комическихъ актеровъ—онъ все-таки не получилъ побѣды и даже подвергся штрафу. Итакъ, во всякомъ случаѣ во времена Ермона въ одинъ день исполнялось нѣсколько комедій: слова *πολλοῦς* и *πάντων* были бы совсѣмъ невозможны, если бы комедія Ермона предшествовала только одна комедія, и крайне сомнительно, чтобы эти слова были употреблены, еслибы предшествовали только двѣ комедіи; напротивъ въ высшей степени вѣроятно, что этотъ разказъ относится къ такому времени, когда на состязаніе допускалось пять комедій и всѣ пять исполнялись въ одинъ день. Такой порядокъ не могъ существовать до 404 года; но можно полагать, что разказанный Полидевкомъ случай относится ко времени не много болѣе позднему, чѣмъ представленіе Аристофановыхъ „Лягушекъ“¹⁾. Имя актера Ермонъ еще встрѣчается (ср. Fr. Voelker. De Graecorum fabularum actoribus. Hal. Sax. 1880, стрр. 22 сл.) въ Schol. Ag. Nub. 542, откуда оказывается, что древніе толкователи Аристофана имѣли какія то основанія въ этихъ словахъ второй редакціи „Облаковъ“:

οὐδὲ πρᾶσβύτης ὁ λέγων τᾶπη τῇ βακτηρίᾳ
τύπτει τὸν παρόντ' ἀφανίζων πονηρὰ σκώμματα

видѣть насмѣшку надъ манерой игры комическаго актера Ермона. Такое имя актера даетъ, по крайней мѣрѣ, Равеннская рукопись; если въ главной Венеціанской читается *τοῦτο εἰς Σέρμωνα λέγει τὸν ὑποκριτήν*, то легко понять, какой случайности обязанъ Ермонъ своимъ превращеніемъ въ Сермона; составляютъ ли написанія другихъ рукописей и Альдины: *Σισέρμιος*, *Σιέρμων*, *Σινέρμων*, *Σονέρμων* (Кремон-

¹⁾ Изъ Согр. inscr. gr. n. 1583, гдѣ *σαλπικτάς* названъ прежде другихъ агонистовъ, можно съ нѣкоторой вѣроятностью заключить, что нововведеніе Ермона относится по крайней мѣрѣ ко времени болѣе древнему, чѣмъ усвоеніе аттическаго порядка состязаній орхоменскимъ Харитисіамъ, то-есть болѣе древнему, чѣмъ 145 Олимпиада. См. комментарий Векка къ надписи.

скія схолиі, изданныя Novati въ Rivista di Filol. 1879 г.) дальнѣйшіе результаты того случайнаго извращенія, которое имѣло мѣсто въ Венеціанскомъ кодексѣ, или изъ числа ихъ формы Σμέρμωνъ есть форма дѣйствительно существовавшая и обязанная, какъ думаетъ кажется, В. Дандорфъ (Simplex histrionis nomen Ἐρμων fuit, ... compositum cum Σῆμος autem Σμέρμων fuit), комическому осложненію настоящаго имени Ἐρμων—это для насъ безразлично; во всякомъ случаѣ, мы видимъ, что комическій актеръ Ἐρμωνъ былъ современникомъ Аристофана. Въ схолихъ одной изъ Парижскихъ рукописей сообщается еще, что Σμέρμωνъ, то-есть Ἐρμωνъ, былъ авторомъ коміа Ермиппа; трудно считать такую подробность выдумкой, напротивъ, на основаніи сходства именъ можно было бы предполагать, что какъ въ другихъ аэнинскихъ родахъ того времени дѣятельность актера составляла наслѣдственную собственность наравнѣ съ дѣятельностью драматическаго поэта, такъ и Ермиппъ имѣлъ не только брата (Миртила) комическаго поэта, но и сына (Ермона) комическаго актера.

Посредствомъ вышеизложенныхъ соображеній намъ удалось, надѣмся — насколько то было возможно при имѣющихся данныхъ — установить слѣдующее: 1) въ IV вѣкѣ сатирическая драма выстѣпъ съ слѣдовавшею за нею „старой“ трагедіей исполнялась въ одинъ изъ дней, предшествовавшихъ исполненію новыхъ трагедій; 2) въ IV вѣкѣ комедіи исполнялись въ день особый отъ дней, назначенныхъ для исполненія (новыхъ) трагедій и притомъ всѣ въ одинъ день; 3) нѣтъ никакихъ основаній отрицать, что и въ V вѣкѣ комическій агонъ существовалъ отдѣльно отъ трагедическаго, не смѣшиваясь съ нимъ.

Опредѣлить точнѣе распisanіе спектаклей по днямъ праздника очень трудно. Если бы можно было считать доказаннымъ, что въ V вѣкѣ на городскихъ Діонисіахъ было три спектакльныхъ дня, то для этого праздника для времени до 404 года пришлось бы признать такое распредѣленіе нормальнымъ: 1-й день три комедіи (и можетъ быть иногда одна „старая“ трагедія), 2-й день—первая (въ порядкѣ, опредѣленномъ жребіемъ) трагическая тетралогія и двѣ пьесы второй, 3-й день—двѣ послѣднія пьесы второй тетралогіи и вся третья; для того же праздника въ тѣ годы IV вѣка, когда каждый трагикъ ставилъ по три пьесы, при предположеніи, что относительный порядокъ агоневъ комическаго и трагедическаго не измѣнился, распредѣленіе было бы таково: 1-й день — сатирическая драма, „старая“

трагедія, пять комедій, 2-й день — четыре (или пять) новыхъ, 3-й день — пять (или четыре) новыхъ трагедій.

Изъ этихъ двухъ росписаній первое страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что при немъ одна изъ трехъ тетралогій разрывается на два дня, что при тетралогической техникѣ по крайней мѣрѣ первой половиною V вѣка было едва ли удобно; но устранить этотъ недостатокъ можно только предположивъ, что спектакльныхъ дней было не три, а четыре.

Такое распределеніе противорѣчитъ мысли Заунше (l. l. стр. 18 сл.), принятой и другими исследователями, напримѣръ А. Моммзеномъ (*Neurologie*, стр. 396), и К. Ф. Германномъ (*Lehrb. d. gr. Staatsalt.* 5 изд., § 159, 5), по которой городскія Діонисіи имѣли не менше и не болѣе трехъ сценическихъ дней. Но одно изъ основаній этой мысли, именно предположеніе, будто комедіи исполнялись въ тѣ же дни, какъ и трагедіи, уже разобрано нами: мы показали, что единственное доказательство, приводимое въ пользу такого предположенія (*Arist. Av.* 785 сл.), не имѣетъ вовсе доказующей силы. Другое основаніе заключается въ данныхъ, касающихся такъ-называемаго еорика. Такъ какъ по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ размѣръ еорика, выдаваемаго за одинъ разъ одному лицу, составлялъ драхму, а обычная плата за мѣсто въ афинскомъ театрѣ, какъ видно изъ *Demosth. de cor.* § 28, составляли два обола, или третью часть драхмы, то отсюда Заунше (стр. 20 сл., ср. *Oesken, Athen und Hellas II*, стр. 30 примѣч.) выводилъ, что всего спектакльныхъ дней было три. Но при всѣхъ этихъ разсужденіяхъ считается несомнѣннымъ то, чего, мнѣ кажется, нельзя доказать, а именно, что еорикъ назначался только на половину мѣста въ театрѣ¹⁾, а не на какіе-

¹⁾ Въ известномъ мѣстѣ *Schol. Lucian. Timon*, 49 (то же самое повторяетъ *Phot. lex.* 89, 15 sq. *Porz.*—*Suid.* I, 1158, 7 *Beinh.*) говорится, конечно, что за мѣсто въ театрѣ платилось не менше и не болѣе какъ драхма, то-есть предполагается, что вся сумма еорика истрчивалась для этой цѣли, и безъ сомнѣнія, легко согласить это показаніе съ приводимымъ въ текстѣ свидѣтельствомъ Демосеена, предположивъ, что ораторъ имѣетъ въ виду только одинъ изъ трехъ спектакльныхъ дней. Но въ разсужденіяхъ схолиста первоначальнымъ размѣромъ еорика, являющимся уже при самомъ учрежденіи послѣдняго, представляется драхма, что совершенно согласно со свидѣтельствомъ Филохара, въ томъ видѣ какъ оно сохранено у Арпократіона (*s. Θεωρικά*—*Phot.* 89, 25, *Suid.* 1158, 16), но противорѣчатъ 1) древнему оффициальному обозначенію еорика терминомъ *διωβελία* (См. *Boeckh, Staatsh.* I², стр. 300 сл., *Hermann, Lehrb. d. gr. Staats-*

нибудь еще другіе праздничные расходы; изъ Димосеенова же свидѣтельства (εἰ—βουλεύων ἐγὼ προσάγειν τοὺς πρέσβεις φῆμιν δαῖν, τοῦτό μοι διαβάλλει. 'Ἀλλὰ τί ἐχρῆν με ποιεῖν; μὴ προσάγειν γράφαι τοὺς ἐπὶ τοῦθ' ἦχοντας, ἵν' ὑμῖν διαλεχθῶσιν; ἢ θέαν μὴ καταναῖμαι τὸν ἀρχιτέκτον' αὐτοῖς καλεῦσαι; 'Ἄλλ' ἐν τοῖν δυοῖν ὀβολοῖν εἰσέωρον ἄν, εἰ μὴ τοῦτ' ἐγράφη) не видно, платилось ли два обола за мѣсто въ театрѣ на одинъ день, или на всѣ спектакли одного праздника. Впрочемъ, независимо отъ этого, доводы Зауппе не могутъ связывать нашего сужденія о сценическихъ порядкахъ IV и слѣдующихъ вѣковъ. Предположимъ, что въ V вѣкѣ въ самомъ дѣлѣ драматическимъ зрѣлищамъ посвящались только три дня на Діонисіяхъ (а мы видѣли, что есть кой-какая возможность втиснуть драматическіе агоны того времени въ это число дней) и что при существованіи именно такого порядка установленъ былъ размѣръ еорника и та плата за мѣсто въ театрѣ, о которыхъ мы говорили: развѣ нѣтъ возможности допустить, что и послѣ того какъ число дней для зрѣлищъ было увеличено, размѣры ео-

alt.⁵ § 159, 5), 2) нѣкоторымъ показаніямъ левенкографовъ (Phot. 89, 4—Suid. 1159, 8: διεῖδото τοῖς πολῖταις τὸ θεαρικὸν, ὅπερ ἦσαν δύο ὀβολοί, ἵνα τοῦτο λαμβάνοντες οἱ πολῖται διδῶσιν αὐτὸ τῇ πόλει μισθὸν τῆς θέας), въ которыхъ первоначальнымъ размѣромъ еорника называются два обола, 3) извѣстному толкованію (Zenob. III, 27) поговорки δραχμὴ χαλαζῶσα ('Ἐπὶ Διοφάντου τὸ θεαρικὸν ἐγένετο δραχμὴ. 'Ἐκεῖ δὲ ἔλεγε χαλαζα τότε ἀπὸ τοῦ αἰέρος, χαλαζῶσαν αὐτὴν ἐπίσχυκτον), въ которомъ, съ документальной точностью, установленіе драхмы, какъ постоянной нормы, относится лишь къ Ol. 96, 2. (Правда, Fr. V. Fritzsche, съ большей настойчивостью, чѣмъ убѣдительною доказывая, что драхма съ самаго начала и постоянно была нормальнымъ размѣромъ еорника, въ разсужденіи De mercede iudicium apud Athenienses, Rostoch. 1839, стр. 14, утверждаетъ, будто выраженіе пареміографа ἐγένετο δραχμὴ значить то же самое, что ἦν δραχμὴ: но это притягаетъ къ такимъ еокусамъ интерпретаціи, самъ подрываетъ довѣріе къ той мысли, которую отстаиваетъ). Какъ выйдти изъ этой путаницы противорѣчивыхъ свидѣтельствъ? Мы не рѣшаемся допустить, чтобы Филохоръ ничего не зналъ о «діовеліи», но тѣмъ позволительнѣе кажется намъ догадка, что свидѣтельство аэнискаго археолога дошло до насъ въ извращенномъ видѣ. Въ нашихъ текстахъ читается: «τὸ δὲ θεαρικὸν ἦν τὸ πρῶτον νομισθὲν δραχμὴ τῆς θέας; ὅθεν καὶ τοῦνομα ἔλαβεν»; но выраженіе δραχμὴ τῆς θέας, которое было бы грамматически совершенно умѣстно при опредѣленіи платы за входъ въ театрѣ, едва ли умѣстно при опредѣленіи размѣра еорника; скорѣе—опредѣленіе τῆς θέας показываетъ, что первоначально вмѣсто δραχμὴ стояло другое слово мѣтѣ опредѣленное, напримѣръ τιμὴ; δραχμὴ есть, вѣроятно, глосса какого-нибудь справщика, который также, какъ тотъ источникъ, изъ котораго черпалъ схолиастъ Лукіана (см. Boeckh, Staatsh. I², 308, e.), не зналъ о различіи размѣровъ еорника въ различные времена.

рика и платы остались все-таки тѣ же? Нужно имѣть въ виду еще и то, что намъ неизвѣстно, не выражалось ли различіе между новымъ агоніемъ, всего сильнѣе привлекавшимъ публику, и старымъ агоніемъ, между прочимъ, и въ томъ, что при послѣднемъ входъ въ театръ былъ безплатный (ἡ θεὰ ἀγῶνιστοῦ δωρεάν): вѣдь и при разчетѣ, который дѣлаетъ Зауппе, изъ есорика ничего не остается для уплаты за входъ въ театръ во время агоніевъ παιδῶν и ἀνδρῶν, то-есть, вѣроятно безмолвно предполагается, что тогда входъ былъ безплатный. А очень можетъ быть, что старый агонъ сдѣланъ былъ постоянной составной частью празднованія именно для того, чтобы восполнить пробѣлъ, который образовывался въ дни, назначенные для лирическихъ агоніевъ вслѣдствіе сокращенія числа состязующихся хоровъ — сокращенія, вызваннаго отчасти обѣднѣніемъ государства, отчасти можетъ быть, и тѣмъ упадкомъ мусическаго образованія въ Атикѣ, на которое жаловался уже Аристофанъ.

Сужденіе о порядкѣ агоніевъ въ IV вѣкѣ затрудняется тѣмъ, что мы не знаемъ, до какого времени держался въ Аѣинахъ тотъ уставъ городскихъ Діонисій, по которому комодическій агонъ предшествовалъ трагическому.

Въ указанныхъ выше неаттическихъ агоническихъ надписяхъ, обнаруживающихъ сходство съ аттическими дидаскаліями IV вѣка въ томъ отношеніи, что и въ нихъ сатирическая драма, если вообще упоминается, ставится во главѣ сценическихъ агоніевъ, трагедія постоянно называется прежде комедіи. Откуда заимствованъ этотъ постоянно повторяющійся порядокъ спектаклей? Единственнымъ возможнымъ предположеніемъ можетъ быть то, что онъ заимствованъ изъ отечества художественной драмы — изъ Атики. При томъ, по всей вѣроятности, за образецъ для подражанія былъ принятъ уставъ самаго блестящаго аѣинскаго сценическаго праздника, именно городскихъ Діонисій, а не Лией, если только въ эпоху заимствованія существовало различіе въ сценической сторояѣ этихъ праздниковъ. Если же такъ, то нужно думать, что въ то время, когда совершалось заимствованіе, и въ Аѣинахъ на городскихъ Діонисіяхъ трагедія уже предшествовала комедіи. Определить эпоху заимствованія для различныхъ неаттическихъ праздниковъ очень трудно. Надписи, относящіяся къ нимъ, по большей части, очень позднія ¹⁾. Однако Беккъ

¹⁾ Что Оропская надпись, *Rang. Ant. hell.* n. 965, относится не къ началу

находилъ возможнымъ относить Орхоменскую надпись С. F. Gr. I, n. 1584 приблизительно къ 145 Ol. (200 г. до Р. X.)¹⁾; а здѣсь порядкомъ уже таковъ: τραγῳδός (= παλαιὰ τραγῳδία), κωμῳδός, ποιητὴς Χατῶρων, ποιητὴς τραγῳδιῶν, ποιητὴς κωμῳδιῶν—это для праздника Харитисій, а для праздника Омолоіей: τραγῳδός, κωμῳδός. Орхоменская надпись С. F. Gr. n. 1583 относится также къ празднику Харитисій; такъ какъ она написана на мѣстномъ діалектѣ, то, полагаемъ, Беккъ былъ правъ, считая ее древнѣе надпись № 1584, составленной на аттическомъ діалектѣ, то-есть, вѣроятно, древнѣе 200 г. до Р. X. Въ этомъ документѣ, трагедія также называется уже прежде комедіи. Однако, съ перваго взгляда можетъ показаться, что эта надпись вообще не можетъ служить основаніемъ для сужденія объ аѢннскихъ порядкахъ, такъ какъ въ ней, на примѣръ, совершенно отсутствуетъ сатирическая драма. Но на самомъ дѣлѣ это вовсе не есть отступленіе отъ аттическаго оригинала: вѣдь сатирическая драма и въ эти поздніе вѣка, насколько мы можемъ судить по имѣющимся даннымъ, никогда не заимствовалась изъ стариннаго репертуара, а всегда принадлежала новому поэту²⁾; а между тѣмъ въ годъ Мнасіна архонта, къ которому относится надпись № 1583, по какимъ-то причинамъ вообще не было поставлено новыхъ пьесъ: въ ней не названы не

II вѣка или концу III, а лишь къ I до Р. X., убѣдительно доказалъ В. В. Латышевъ въ Ж. М. Н. П. 1881, № 3, отд. вл. еп., стр. 165 сл.

¹⁾ Мы имѣли бы новый доводъ въ пользу Бекковскаго опредѣленія, если бы вмѣстѣ съ Келеромъ (Mitth. III, стр. 122 и 124) могли предполагать, что упоминаемые въ этой надписи κωμῳδός Καλλιстратος ἑξαχέστου Θηβαῖος и ὑποκριτὴς Καβίριχος Θεοδώρου Θηβαῖος суть тѣ же самые Καλλιстратος и Καβείριχος, которые называются въ аѢннскихъ дидаскалическихъ фрагментахъ, относимыхъ Келеромъ къ концу III и началу II вѣка. Еѣ сожалѣнію, имя Καλλιстратος, какъ слишкомъ обыкновенное, само по себѣ рѣшающаго значенія имѣть не можетъ; что же касается до Кабириха, то Орхоменскій Καβίριχος играетъ въ трагедіи, аѢннскій Καβείριχος—въ комедіяхъ; а при имѣющихся данныхъ очень трудно вѣрить, чтобы въ эти уже времена дѣятельности актеровъ комическаго и трагическаго соединились въ одномъ лицѣ.

²⁾ Этимъ, можетъ быть, объясняется то обстоятельство, что уже александрійскимъ бібліографамъ извѣстно было небольшое сравнительное число сатирическихъ драмъ трехъ великихъ трагиковъ: трагедіи должны были существовать въ большемъ числѣ списковъ, чѣмъ сатирическія драмы, уже потому, что первыя подвергались возобновленіямъ, а послѣднія нѣтъ. Очень можетъ быть, что уже въ Дикуровскомъ экземплярѣ произведеній Эсхила, Сооокла и Эврипида, устроенномъ, какъ видно, для потребностей сценическаго исполненія, сатирическія драмы отсутствовали.

только поэтъ сатирической драмы, по также и поэты (новыхъ) трагедіи и комедіи; упомянуты только актеры, (τραγῳδός, κωμῳδός), которыми поставлены были старыя пьесы. Что такіе бесплодные для драматической поэзіи года бывали и въ Атикѣ, доказываетъ встрѣчающаяся въ аттическихъ дидаскаліяхъ изъ III—II вѣковъ формула οὐκ ἐγύετο: по всей вѣроятности, смыслъ этой формулы не тотъ, что праздникъ Діониса въ тѣ годы, въ которые появляется эта формула, былъ совершенно лишенъ своей драматической части, а тотъ, что въ такіе годы, по недостатку денежныхъ средствъ или по другимъ какимъ нибудь причинамъ, вовсе не ставилось новыхъ пьесъ, слѣдовательно вовсе „не было агона“¹⁾.—Напротивъ, въ надписи № 1584 мы должны отмѣтить одно довольно значительное уклоненіе отъ аттическаго устава. Уклоненіе состоитъ въ томъ, что Віотійская надпись ставитъ сатирическую драму хотя и передъ новой трагедіей, но все-таки послѣ старой трагедіи и старой комедіи, между тѣмъ какъ—мы видѣли—въ аттическихъ дидаскаліяхъ сатирическая драма предшествуетъ старой трагической пьесѣ. Но что таковъ не былъ первоначальный порядокъ Віотійскихъ драматическихъ игръ, доказываетъ Феспійская надпись, перепечатанная Lüdgers-омъ подъ № 110, гдѣ порядокъ драматичес-

¹⁾ Порядокъ: τραγῳδός κωμῳδός мы находимъ также въ Орхоменской же и къ Харитасіямъ же относящейся надписи, помѣщенной у Lüdgers'a подъ № 109 (изъ *Using. Inscriptiones gr. ined. Navpliae 1847, p. 53 = Le Bas, Boeotie, p. 404*). Эта надпись по времени, какъ намъ кажется, должна быть поставлена между С. F. Gr. n. 1583 и n. 1584. Съ послѣднею ее сближаетъ «общій» діалектъ, тожество порядка перечисленія и то еще обстоятельство, замѣченное уже первымъ издателемъ, Уссингомъ (р. 44; сравн. также *Newton, Trans. of the R. Soc. of lit., II Ser. vol. V стр. 133, примѣч. 30*), что Φανίας Ἀπολλοδώρου τοῦ Φανία Αἰολεὺς ἀπὸ Κόμης является въ качествѣ кварриста и въ С. F. n. 1584 и въ Lüdgers. n. 109. Но одинъ изъ агонистовъ, названныхъ въ этой послѣдней надписи, принадлежитъ, если не ошибаемся, къ числу тѣхъ, которые названы въ С. F. n. 1583. Уссингъ (а за нимъ и Lüdgers) двѣ послѣдніе строки своей надписи читаетъ такъ: κωμῳδός | Φιλ[ό]στράτος Φιλοστράτου Θηβαῖος, при чемъ дополненіе [Φιλ:] основывается, очевидно, только на предположеніи тожества имени сына съ именемъ отца; но едва ли не основательно будетъ воспользоваться для дополненія послѣдними строками надписи С. F. n. 1583, гдѣ читается κωμῳδός | Νικόστратος Φιλοστράτου Θηβαῖος: Никостратъ, можетъ быть, начинавшій свою дѣятельность въ эпоху надписи n. 1583, могъ быть въ концѣ своей карьеры, когда начиналъ свою Φανίας Ἀπολλοδώρου, дожившій затѣмъ до эпохи надписи n. 1584. Принадлежалъ ли агоніъ, изображенный въ надписи Уссинга, къ числу сокращенныхъ, не имѣвшихъ новыхъ пьесъ,—нельзя рѣшить, такъ какъ судя по словамъ издателя («cetera legi non poterant»), копія надписи не полна.

кихъ игръ вполне соотвѣтствуетъ аттическому: въ началѣ всего агона сатирическая драма, затѣмъ старая трагедія и новая комедія ¹⁾. Діалектъ этой надписи „общій“, но въ Ѡеспійскихъ агоническихъ памятникахъ такой діалектъ былъ принятъ уже ранѣе 135 Ол. (Boeckh. Corp. inscr. gr. I, стрр. 763 и 772 сл.); а что эта Ѡеспійская надпись древнѣе Орхоменской № 1584 и слѣдовательно, по всей вѣроятности, древнѣе 200 г., доказываетъ тожество многихъ агонистовъ, перечисленныхъ въ Ѡеспійскомъ документѣ съ агонистами, названными въ Орхоменской надписи № 1583. Такъ въ обоихъ этихъ памятникахъ являются: κῆρυξ Ἡρόδης Σωκράτους Ἰθβαῖος, (ἐπὼν) ποιητῆς Μήστορ Μήστορος Φωκαεὺς ἀθλητῆς Περιγένης Ἡρακλείδου Κυζικηνός, κιθαρῳδὸς Δημήτριος Ἀμαλώϊου Αἰολεὺς ἀπὸ Μυρίνης и (въ Орхоменской надписи, какъ κωμῳδοὺς, исполнившій или сочинившій пѣснь для празднованія побѣды, въ Ѡеспійской—какъ ὑποκριτῆς παλαιᾶς κωμῳδίας) Εὐαρχος Ἡροδότου Κορωνεὺς. Въ Оропской надписи Rang, p. 965 порядокъ совершенно тотъ же, что въ Ѡеспійской.

Τραγῳδοὶ постоянно называются ранѣе, чѣмъ κωμῳδοὶ и въ Дельфійскихъ надписяхъ, относящихся къ агонамъ праздника Сотирій (Wescher et Foucart. Inscriptions de Delphes. n. 3—6=Lüders Die Dionysischen Künstler, n. 112). Эти надписи принадлежатъ времени 221—191 г. до Р. X. (Wescher, Étude sur le monument bilingue de Delphes въ Mémoires présentés — à l'Académie des inscriptions et belles-lettres. I-re série. Tome VIII, 1869, I-re partie, стр. 188).

Исполнителями на мусическихъ и сценическихъ агонахъ Сотирій были члены Іонійскаго (Теосскаго) союза артистовъ (Lüders l. l. стр. 77, 83); но не отъ нихъ, по всей вѣроятности, зависѣлъ порядокъ агонровъ: какъ въ другихъ случаяхъ артисты союза должны были примѣняться къ мѣстнымъ обычаямъ того города, гдѣ играли (Ср. надпись у Le Bas et Waddington, Asie min. n. 281=Lüders n. 91, которую Ваддингтонъ въ своемъ комментарий относитъ къ 152 или 151 г. до Р. X.: союзъ рѣшаетъ назначить для отправления къ Іасейцамъ ἀθλητὰς δύο, τραγῳδοὺς δύο, κωμῳδοὺς δύο, κιθαρῳδόν, κιθαριστήν, ὅπως [συ]ἀγῶσιν τῇ θεᾷ τοὺς [χ]οροὺς κατὰ τὰς πατρίους αὐτῶν—то-есть, Ἰασέων—διαγραφὰς... τοὺς δὲ νεμηθέντας πάντας ἐπιτελεῖσαι τοὺς τῶν Διονυσίων ἀγῶνας ἐν τοῖς ὁρισμένοις καιροῖς, πάντα παρασχόντας ἀκολούθως τοῖς Ἰασέων νόμοις), такъ и на праздникѣ Сотирій они должны были, ко-

¹⁾ Что присутствіе новой комедіи не составляетъ отклоненія отъ аттическаго устава, объ этомъ мы будемъ говорить ниже.

нечно, подчиняться мѣстному уставу. Праздникъ былъ учрежденъ послѣ побѣды надъ Галлами въ 279 г. И безъ сомнѣнія, изъ двухъ народностей, участвовавшихъ въ его учрежденіи (см. С. Wachsmuth, Historische Zeitschr. von Н. v. Sybel, X, стр. 10. А. Mommsen, Delphica, стр. 215), не Этольдамъ, а Аеинянамъ былъ онъ обязанъ первоначальнымъ устройствомъ своей драматической части. Поэтому, если на агоніи Сотирій трагедія предшествовала комедіи, то есть, основаніе предполагать, что въ началу III вѣка такой же порядокъ драматическихъ игръ существовалъ и на главномъ аеинскомъ сценическомъ праздникѣ—на городскихъ Діонисіяхъ¹⁾. Но мы имѣемъ еще одно показаніе, дозволяющее думать, что этотъ порядокъ существовалъ уже и около половины IV вѣка. Харить (Χάρης) Митиленскій, разказывая о томъ, какъ Александръ Македонскій „ὅτε εἶλε Δαρείον, γάμους σουτελεῖσεν ἑαυτοῦ τε καὶ τῶν ἄλλων φίλων“, перечисляетъ происходившія при этомъ торжествѣ мусическія и сценическія представленія въ такомъ порядкѣ: ῥαψῳδοί, ψιλοκithαρισταί, κιθαροῦδοί, αὐλοῦδοί, αὐληταί, τραγωδοί, κωμῳδοί, ψάλτης, Athen. XII, 538, 6—f). Та точность, съ которою здѣсь для каждаго вида игръ поименовываются всѣ участники, придаетъ этому отчету характеръ, если такъ можно выразиться, дидакалическій. Общій порядокъ перечисленія соотвѣтствуетъ порядкамъ, дѣйствительно существовавшимъ на нѣкоторыхъ праздникахъ, напримѣръ, на Сотиріяхъ (въ относящихся къ нимъ надписяхъ, Lüders n. 112, 1 и 4, состязующіеся перечисляются такъ ῥαψῳδοί, κιθαρισται, κιθαροῦδοί, αὐληταί, τραγωδοί, κωμῳδοί). Все это, а отчасти и свойства отдѣльныхъ выраженій (θαυματοποιοὶ δὲ ἦσαν... μεθ' οὗς ἐκεδείξατο ῥαψῳδός... παρῆλθον δὲ καὶ αὐληταί, οἱ πρῶτον τὸ πυθικὸν ἠύλησαν, εἶθ' ἐξῆς μετὰ τῶν χορῶν), заставляеть думать, что, называя трагедію равнѣ комедіи, „камергеръ Александра“ сохраняетъ тотъ порядокъ, въ которомъ игры дѣйствительно происходили и въ которомъ онѣ записаны были въ дневникѣ Александра двора (βασίλειοι ἐφημερίδες). Все торжество имѣло Діонисовскій характеръ (Χарить I. I. καὶ ἔχτοτε οἱ πρότερον χαλοόμενοι διονυσολάχαι ἀλεξανδροκόλαχαι ἐκλήθησαν); для сценической части церемоніймейстеры Македонскаго царя едва ли могли имѣть другіе образцы, кромѣ аеинскихъ, и

¹⁾ Можетъ быть, и въ извѣстномъ показаніи хроника Кассіодора о первомъ представленіи (240 г. до Р. X.) греческихъ драмъ въ Римѣ не случайно трагедія названа прежде комедіи: таковъ, вѣроятно, былъ порядокъ представленій, перенесенный въ Римъ Лавіемъ Андроникомъ съ театровъ Великой Греціи.

для такого торжества, безъ сомнѣнія, принять былъ церемоніаль великихъ Діонисій ¹⁾).

Но если уже во второй половинѣ IV вѣка на аѣнискихъ городскихъ Діонисіяхъ комодическій агонъ слѣдовалъ за трагодическимъ ²⁾, если при томъ „старый агонъ“ былъ совершенно отдѣленъ отъ новаго, происходя въ особый день, а новый трагодическій агонъ состоялъ иногда изъ шести, иногда изъ девяти пьесъ, то я не вижу возможности представить себѣ другое распредѣленіе спектаклей, болѣе соотвѣтствующее перечисленнымъ условіямъ и болѣе близкое къ минимуму трехъ дней, чѣмъ слѣдующее: 1-й день: сатирическая драма и старая трагедія, 2-й день (въ тѣ годы, когда ставилось девять трагическихъ пьесъ): 5—4 трагедій, или (когда всего ставилось шесть такихъ пьесъ) 3 трагедіи, 3-й день: 4—5 трагедій или 3 трагедіи, 4-й день: 5 новыхъ комедій.

Во фрагментѣ аѣнискаго эпиграфическаго свода дидаскалій (С. J. Gr. n. 231=Rang. n. 970=Le Bas et Waddington, Attique, n. 507), относящемся, по содержанию, къ IV вѣку, во времени дѣятельности комика Антифона, и именно къ годамъ архонтовъ Каллистрата (Ol. 106, 2=354) и Діотима (Ol. 106, 2=353), комодическій агонъ представляется состоящимъ еще только изъ новыхъ пьесъ, а именно каждый разъ изъ 5 комедій. (Ср. Köhler, Mittheil. d. arch. Inst. III

¹⁾ Слѣдовательно, надпись агоноеета Ксенокла (Αθήνασν VI. стр. стр. 276 и 376; приведена нами въ *Жур. Мин. Нар. Просв.* 1881 г. дек. отд. кл. филол. стр. 620), въ которой поэтъ и актеръ трагедіи названы прежде поета и актера комедіи, можетъ быть съ одинаковымъ правомъ относима и къ Діонисіямъ, и къ Ливіямъ.

²⁾ Неудивительно, что въ позднѣйшія времена дѣлались иногда попытки приблизиться къ тѣмъ сценическимъ порядкамъ, которые существовали въ Аѣнахъ въ самую славную эпоху аѣнискаго театра. Таковую ученую реминисценцію о порядкахъ V вѣка представляетъ Феспійская надпись С. J. Gr. n. 1585, гдѣ драматическія части агона перечисляются въ такой послѣдовательности: старая комедія, старая трагедія, новая комедія, новая трагедія, сатирическая драма. Еще менѣе удивительно, что, когда поздніе писатели говорятъ, напримѣръ, о сатирической драмѣ, то они обыкновенно имѣютъ въ виду то ея положеніе, какое она занимала въ агонѣ въ классическій періодъ драмы. Ср. Horat. de arte p. 228, извѣстное сомнительное мѣсто Diog. L. III, § 56 — τέρτασι δράμασιν ἡγεμνίζοντο — — ὡν τὸ τέταρτον ἦν Σατυρικόν, Diomed. l. III, p. 491. Keil. Satyrica est apud graecos fabula, in qua—tragici poetae non heroes aut reges sed satyros induxerunt, ludendi causa iocandique simul, ut spectator inter res tragicas seriasque satyrorum iocis ac lusibus delectaretur.

стр. 120). Но во фрагментѣ, который Кёлеръ издалъ въ Mittheil. III стр. 257 и относитъ приблизительно къ 235 г. до Р. Х. ¹⁾, въ началѣ отчета о комодическомъ агонѣ является уже палата. То же находимъ во фрагментѣ, изданномъ у Кёлера на стр. 122 и относимомъ (стр. 124) приблизительно къ 220 г. Нѣсколько древнѣе этого фрагмента (обозначеннаго у издателя буквою с) кажется Кёлеру другой фрагментъ, изданный имъ на стр. 126 подъ буквою е: здѣсь также есть обозначеніе „старой“ комедіи. Но разница во времени между этими фрагментами не можетъ быть значительна, такъ какъ во фрагментѣ е въ качествѣ „старой“ комедіи оказывается уже одна изъ пьесъ Филимона старшаго, который умеръ, кажется, ОI. 129, 2=263—262 г. (Diod. XXIII, fr. 6 ed. Dind. Ср. изслѣдованіе Θ. Θ. Соколова „Афенское постановленіе въ честь Аристомаха Аргосскаго“ въ „Жур. Мин. Нар. Просв. 1879“ ноябрь. Отд. кл. ф. стр. 402), а сыпь того Филимона—Филимонъ младшій—называется въ числѣ (новыхъ) поэтовъ во фрагментѣ с.

Что касается до самыхъ пьесъ, которыя подвергались возобновленію, то въ различныхъ фрагментахъ эпитафическаго свода дидакалій въ числѣ „старыхъ“ комедій можно узнать еще слѣдующія произведенія: Φωκείς Филимона (это заглавіе до сихъ поръ не было извѣстно, но сравн. заглавія комедій того же автора: Βαβυλώνιος, Θηβαῖος, Κορινθία, 'Ροδία), Φάσμα и Μισογόνης Менандра, Φιλαθήναιος Фи-

¹⁾ Въ числѣ упоминаемыхъ въ надписи архонтовъ находится Ζώπυρος, равнѣ бывшій извѣстнымъ изъ постановленія (ψήφισμα), изданнаго въ Corp. inscr. Att. III, n. 420. По поводу этого постановленія Кёлеръ, Mitth. стр. 258¹, разсуждаетъ: «Der Antragsteller in dem Psephisma aus dem Jahre des Zopyros ist Ξένων 'Ασκληπιάδου Φολάσιος. Derselbe Name steht in einer ἀναγραφῆ ἐπιδόσεων aus der Zeit des chremonideischen Krieges Corp. inscr. Att. II, 334 d. II 13. In dieser Liste folgt in der nächsten Zeile 'Ασκληπιάδης Ξένωνος Φολάσιος mit einem besondern Beitrag, offenbar der Sohn des Vorhergenannten, der erwachsen und selbstständig war. Die Inschrift aus dem chremonideischen Krieg ist für die chronologische Fixirung des Psephisma aus dem Archontat des Zopyros nicht zu brauchen; der Antragsteller des letzteren kann ebensowohl der gleichnamige Enkel des in der ersteren genannten Xenon gewesen als mit ihm identisch sein». Но, послѣ того, какъ Θ. Θ. Соколовъ (Афенск. постан. въ г. Арист. Арг. стрр. 405 сл.) доказалъ, что ἀναγραφῆ ἐπιδόσεων не можетъ относиться къ Хремонидовской войнѣ, то-есть, приблизительно къ 270—265 гг. до Р. Х., а относится, вѣроятно, къ 229—228 гг., намъ кажется, не существуетъ никакихъ препятствій къ отождествленію Ксенона, названнаго въ этой ἀναγραφῆ, съ Ксенономъ, действовавшимъ въ архонтство Зоппира.

Филиппида, Ἀποχλωμένην Посидиппа—все произведенія самыхъ извѣстныхъ представителей того періода комедіи, который принято обозначать терминомъ новая комедія. Во фрагментѣ а, изданномъ у Келера на стр. 118, въ качествѣ „старой“ комедіи названа была какая-то пьеса, которой заглавіе оканчивалось на ροτὸς (начало заглавія отломано). Издатели надписи пытались возстановить несохранившуюся часть названія пьесы, но, какъ намъ кажется, неудачно. Единственной возможной основой для предположеній могутъ быть, конечно, только заглавія прежде намъ извѣстныя. А изъ этихъ заглавій въ настоящемъ случаѣ сколько-нибудь подходящими могутъ быть только два: или Ἐπίτροπος, названіе комедіи Алексиды, или Μαστροπὸς, названіе комедіи Филиппида. Между авторами „средней“ комедіи Алексиды, по характеру его поэзіи, стоялъ особенно близко къ новой комедіи. (См. Meineke, Hist. гр. соч. стр. 374 сл.). А Бергкь (Rheinisches Museum 35, стр. 259 сл.) изъ нѣкоторыхъ фрагментовъ, приписываемыхъ Алексиду, но по своему содержанію не соотвѣтствующихъ исторической обстановкѣ этого автора, дѣлалъ, какъ намъ кажется, довольно правдоподобное заключеніе, что комедіи Алексиды исполнялись и послѣ его смерти, и при этихъ „возобновленіяхъ“ въ текстахъ комедій дѣлались вставки, соотвѣтствовавшія политическимъ интересамъ того времени, когда происходило „возобновленіе“. Однако, для того времени, къ которому относится надпись, въ виду только что приведенныхъ аналогій, значительно вѣроятнѣе предположеніе, что мы имѣемъ дѣло съ пьесой не Алексиды, а одного изъ авторовъ „новой“ комедіи, именно съ Μαστροπὸς Филиппида. Куманудисъ (Ἀδελφ. VI, стр. 278) и (съ выраженіемъ сомнѣнія) Келеръ дополняетъ начертанія ροτὸς такъ: Μουτροπὸς. Но изъ поэтовъ, которые извѣстны намъ, какъ авторы комедій, имѣвшихъ это заглавіе, Фриникъ былъ бы не кстати, потому что произведенія древней комедіи и по содержанію не могли быть пригодны для публики конца III вѣка, и по формѣ не подходили къ средствамъ театра того времени; Анаксилай принадлежитъ періоду средней комедіи, подобно Алексиду, но, на сколько мы знаемъ, никогда не пользовался извѣстностью послѣдняго, при томъ единственный фрагментъ изъ Анаксилаева „Нелюдима“ (Meineke, Fragm. соч. г. III, стр. 347) показываетъ въ комедіи присутствіе такихъ остротъ, которыя, по своему личному характеру, могли быть понятны и интересны только для современниковъ поэта. Наконецъ комедію Μουτροπὸς или Μουτροπὸς Свиды приписываетъ еще

Офеліону, опять весьма мало известному поэту средней комедіи, но приписывается неправильно (Meineke, Hist. гр. соч. стр. 415).

Относительно фрагмента с считаемъ небезполезнымъ замѣтить еще слѣдующее. Во второмъ его столбцѣ, въ строкахъ 2—10 перечислены пять комическихъ поэтовъ съ ихъ пьесами и актерами; изъ этихъ строкъ вторая читается такъ:

ΚΡΙΤΩΝΕΦΕΣΙΟΙΣ.

Въ первой строкѣ надъ буквами ΝΕ вторая копія Келера даетъ остатки начертаній, которыя могутъ принадлежать буквамъ ΗΙ, а надъ буквою Φ букву Μ. Такъ какъ въ другихъ случаяхъ пяти новымъ комедіямъ предшествуетъ одна старая, то, безъ сомнѣнія, поэтому, Келеръ дополняетъ начало второго столбца такимъ образомъ:

 [ἐπι — — — παλαιᾶ]
 1 строка [— — — — — η] Μ[εναῖδρου?].

причемъ предполагается, по образу формулъ другихъ фрагментовъ, что за именемъ архонта слѣдовало обозначеніе παλαιᾶ, затѣмъ имя актера, поставившаго старую пьесу, далѣе ея заглавіе (въ данномъ случаѣ оканчивавшееся на η) и наконецъ имя ея автора. Но В. К. Ернштедтъ сообщилъ намъ новую копію, описаніе и эстампажъ занимающаго насъ эпиграфическаго текста, изъ которыхъ оказывается слѣдующее: между словами 2-й строки ΚΡΙΤΩΝ и ΕΦΕΣΙΟΙΣ въ подлинникѣ находится пустое пространство, равняющееся приблизительно объему одной буквы, въ 1-й строкѣ надъ буквой Ρ второй строки имѣется остатокъ, какъ кажется буквы Ε, далѣе—надъ буквой Ν второй строки — начертанія, которыя могутъ принадлежать буквѣ Η, надъ указаннымъ пустымъ пространствомъ—нижняя черта буквы Σ, надъ первымъ Ε второй строки остатокъ буквы Ι, рядомъ съ нею остатки буквы Μ, затѣмъ какая-то буква совершенно стершаяся, и наконецъ надъ первой сигмой второй строки—также остатокъ сигмы. При этихъ же данныхъ, едва-ли возможно читать первую строку иначе, чѣмъ читаетъ г. Ернштедтъ: [ΥΠ]Ε [ΟΝ] ΗΣΙΜ[Ο]Σ, то-есть, ὕπερμετο Ὀνήσιμος: Онисимъ было бы имя актера, который еще дважды называется въ этой же надписи. Такое восстановление одной строки надписи не будетъ имѣть важности въ изслѣдованіи о составѣ агоней, если допустить, что формулою ὕπερμετο Ὀν. обозначается актеръ, игравшій главную роль въ „старой“ коме-

діи. Въ пользу подобнаго толкованія можно было бы указать на то, что въ началѣ второй строки, предъ словомъ Κρίτωνъ есть пробѣлъ, который, повидимому, можно восполнить, какъ это сдѣлалъ Келеръ, только вставкою начертаній ПОН (= ποιηταί), то-есть той формулы, посредствомъ которой новый агонъ противопоставляется старому. Но съ другой стороны нужно принять во вниманіе различіе, неизмѣнно обнаруживающееся между формулами обозначенія стараго агона и формулами обозначенія новаго. Какъ во всѣхъ другихъ аэинскихъ дидаскалическихъ фрагментахъ—все равно, относятся ли они къ трагедіи или къ комедіи—такъ и въ томъ, о которомъ теперь говоримъ, когда идетъ рѣчь о новыхъ пьесахъ, всегда и неизмѣнно на первомъ мѣстѣ называется поэтъ, которому пьеса принадлежитъ, затѣмъ заглавіе пьесы въ дательномъ падежѣ, и наконецъ обозначеніе автора посредствомъ формулы ὑπεκρίνατο ὁ δαίνα. Напротивъ, тамъ, гдѣ говорится о старыхъ пьесахъ, надъ которыми, если такъ можно выразиться, авторы ихъ уже утратили права литературной собственности, постоянно на первомъ мѣстѣ называется (безъ всякаго глагола) имя актера, поставившаго старую пьесу, затѣмъ ея заглавіе въ дательномъ падежѣ и наконецъ уже имя автора. Итакъ формула ὑπεκρίνατο ὁ δαίνα никогда не является въ отчетахъ о старомъ агонѣ, всегда составляя принадлежность отчетовъ о новомъ. Поэтому едва-ли не слѣдуетъ предполагать, что въ тотъ годъ, къ которому относится обсуждаемая нами часть фрагмента с, сверхъ новыхъ пьесъ, между которыми происходило состязаніе и перечень которыхъ начинается съ формулы ποιη(ταί), поставлена была еще одна лишняя новая пьеса, въ состязаніе не входившая и права на призъ своему автору не дававшая. Это была, вѣроятно, одна изъ тѣхъ частныхъ, „добровольныхъ“ постановокъ, о которыхъ мы говорили въ нашемъ „Обзорѣ эпиграфическихъ документовъ по исторіи аттической драмы“ (Ж. М. Н. Пр. 1881 г., дек., отд. кл. фил. стрр. 606 сл.), гдѣ было объяснено, что такого рода постановки могли быть только явленіемъ сравнительно рѣдкимъ и исключительнымъ. Такъ и во фрагментахъ эпиграфическаго свода дидаскалій, относящихся къ комедіи, другаго подобнаго случая не встрѣчается; напротивъ вездѣ, гдѣ начертанія сохранились на столько, что сужденіе объ этомъ вопросѣ возможно, за указанной формулой обозначенія старой комедіи непосредственно слѣдуетъ формула ποιη(ταί), то-есть перечень новыхъ пьесъ, входившихъ въ состязаніе: см. фрагменты *ab* (Mitth., III, стр. 118 сл.), столбецъ 2-й, строки 17 слл. ἐπὶ Εὐνοχλέους· παλαι[ᾶ]· Μόνιμος Φάσματι Μενά[νδρου].

ποη(ταί)· Παράμονος и т. д., столбецъ 3-й, стрр. 7 слл. ἐπὶ Μνησιθέου· παλαιᾶ· Δάμων Φιλαθηναίῳ Φιλίππιδου· πο(ηταί)· Φίλοκλήс и т. д.; фрагментъ с (ibid. стр. 122), столбецъ 2-й, стрр. 14 слл., фрагментъ d, столбецъ 2-й, стрр. 5 слл. и фрагментъ, изданный ibid. стр. 257, стрр. 6 слл.

Что послѣ того, какъ возобновленіе старыхъ комедій сдѣлалось постоянной принадлежностью репертуара аэинскихъ сценическихъ праздниковъ, составъ новаго комодическаго агона не былъ уменьшенъ, доказываетъ часть фрагмента с, относящаяся къ году, который предшествовалъ архонтству Гермогена, и начинающаяся строкою (ποη(ταί)· Κρίτων Ἐφεσίοις: здѣсь, какъ мы выше сказали, перечисляются пять новыхъ поэтовъ, поставившихъ каждый по одной пьесѣ. Также и изъ фрагментовъ ab видно по крайней мѣрѣ, что число новыхъ пьесъ было не менѣе 5¹⁾.

Такъ какъ и „старая комедія“ оказывается не исключительною особенностью вѣватическихъ агоневъ, а—по крайней мѣрѣ, съ 30 годовъ III вѣка — и постоянной частью агоневъ аттическихъ, то тѣмъ болѣе мы имѣемъ теперь права на аналогіи первыхъ основывать заключенія о порядкахъ послѣднихъ. Въ Орхоменской надписи C. J. G. n. 1584 часть агона, предшествующая новой трагедіи, представляется состоящею изъ старой трагедіи, старой комедіи и сатирической драмы; также и въ Теспійской надписи Lüders n. 110 старая комедія входитъ въ составъ первой части, которая здѣсь слагается изъ пьесъ того же рода, только въ такомъ порядкѣ: сатирическая пьеса, старая трагедія, старая комедія. На основаніи этихъ свидѣтельствъ мы съ увѣренностью можемъ полагать, что и въ Аэинахъ старая комедія исполня-

¹⁾ Давно уже (см. Boeckh, Corp. inscr. gr. I p. 766) было замѣчено, что часто встречающіяся въ неаттическихъ документахъ обозначенія τραγῳδία и κωμῳδία должны быть тождественны съ рѣже встречающимися обозначеніями κωμῳδία παλαιά и τραγῳδία παλαιά. Известно, съ какою настоячивостью Беккъ хотѣлъ видѣть въ этихъ «древнихъ» трагедіяхъ и комедіяхъ какой-то особый, лирическій, а не драматическій видъ поэзіи. Нѣкоторые ученые еще въ недавнее сравнительно время повторили эту мысль. Такъ напримѣръ, Ch. Newton (Trans. of the R. Soc. of Lit. II Ser. Vol. V, стр. 138) въ 1856 г. еще толковалъ объ a kind of lyrical drama. Но послѣ того, какъ аэинскія эпиграфическія дидаскаліи показали, что «древняя» (παλαιά) трагедія есть обыкновенная, напримѣръ Еврипидовская, трагедія и «древняя» комедія есть обыкновенная, напримѣръ Менандровская, комедія — исчезаетъ послѣдняя тѣнь основанія для Бекковой гипотезы.

лась въ день, предшествовавшей новому трагическому агону, составляя вмѣстѣ со старой трагедіей и сатирической драмой старый агонъ. Но такъ какъ помѣщеніе сатирической драмы въ Орхоменской надписи представляетъ уклоненіе отъ аѳинскихъ порядковъ, по которымъ сатирическая драма, точно такъ же какъ въ надписяхъ Теспіѣйской и Оропской (Rang. n. 965), должна была предшествовать старой трагедіи, то нужно думать, старой комедіи и въ Аѳинахъ, какъ въ Теспіяхъ, давалась не вторая, а третья очередь между пьесами стараго агона.

Число новыхъ трагическихъ пьесъ, исполнявшихся на аѳинскихъ состязаніяхъ, какъ видно изъ дидаскалическаго фрагмента, приведеннаго въ началѣ нашей статьи, уже въ IV вѣкѣ для различныхъ годовъ было различно. Но легко замѣтить — хотя на это, насколько намъ извѣстно, никто еще не обратилъ вниманія — что число новыхъ трагедій постоянно находится въ опредѣленномъ соотношеніи съ числомъ актеровъ-протагонистовъ: сколько пьесъ ставится на состязаніи каждымъ отдѣльнымъ поэтомъ, столько же мы находимъ въ дидаскаліи и именъ протагонистовъ; отдѣльный протагонистъ не принадлежитъ исключительно какому нибудь одному поэту, а служитъ одинаково всѣмъ тремъ трагикамъ, играя въ трехъ пьесахъ, принадлежащихъ тремъ различнымъ авторамъ. Смыслъ и цѣль такого порядка понятны. При немъ уравниваются до послѣдней возможности шансы на побѣду и для состязающихся поэтовъ, и для состязающихся актеровъ, устраняется возможность такого случая, что какой нибудь поэтъ будетъ признанъ побѣдителемъ не потому, что его произведеніе само по себѣ лучше всѣхъ остальныхъ, поставленныхъ на томъ же состязаніи, а потому, что ему достался самый лучший исполнитель — самая лучшая труппа актеровъ, — устраняется, на сколько это допускается сущностью дѣла, возможность и такой случайности, что судьи состязанія объявятъ побѣдителемъ инаго протагониста не за его собственные достоинства, а потому, что ему пришлось играть въ пьесахъ самаго лучшаго поэта ¹⁾.

Итакъ, число пьесъ и число протагонистовъ находились въ правильномъ соотношеніи другъ съ другомъ. Но которое изъ этихъ чиселъ было главнымъ, опредѣляющимъ, и которое находилось въ за-

¹⁾ Понятно, что эта мѣра непримѣнима была къ комодическому агону, на которомъ, какъ въ V, такъ еще и во II вѣкѣ, обычный порядокъ былъ таковъ, что каждый поэтъ поставлялъ по одной пьесѣ.

всисмости отъ другаго? Потому ли въ годъ архонта Никомаха каждымъ изъ состязующихся поэтовъ было поставлено только по двѣ пьесы, что на этотъ разъ имѣлось на лицо только два протагониста, двѣ труппы, или потому на этотъ годъ и явились только два протагониста, что каждымъ поэтомъ доставлено было архонту только по двѣ пьесы?

Мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ первое предположеніе, такъ какъ при второмъ, условія состязанія оказались бы слишкомъ стѣснительными, вслѣдствіе своей неопредѣленности, для самихъ поэтовъ: иной авторъ могъ бы лишиться права на участіе въ состязаніи только потому, что, не зная, сколько пьесъ готовить его сотоварищи по искусству, явился бы въ архонту съ меньшимъ числомъ пьесъ, чѣмъ каждый изъ остальныхъ соревнователей. Нѣкоторымъ подтвержденіемъ первой догадки можетъ считаться еще и то обстоятельство, что, какъ кажется, въ эти времена (въ IV вѣкѣ) Аэинская община заключала контракты задолго до времени представленій—тогда, когда едва-ли могъ бы опредѣлиться составъ репертуара. Это можно заключить изъ разказа Плутарха о неустойкѣ, заплаченной Аэинянамъ Александромъ Македонскимъ за трагическаго актера Аэинодора: ἐπεὶ δ' Ἀθηνόδορος ὑπὸ τῶν Ἀθηναίων ζημιωθείς, ὅτι πρὸς τὸν ἀρχῶνα τῶν Διονοσίων οὐκ ἀπῆντησεν, ἧξίου γράφαι περὶ αὐτοῦ τὸν βασιλεῖα, τοῦτο μὲν οὐκ ἐποίησε, τὴν δὲ ζημίαν ἀπέστειλε παρ' ἑαυτοῦ (Plut. Alex. 29).—Числомъ протагонистовъ, которыхъ удалось нанять, необходимо опредѣлялось уже и число драмъ, которыя можно было поставить; послѣднее не должно было превышать извѣстной нормы силъ актера. Изъ приведеннаго дидаскалическаго отрывка мы видимъ, что каждый протагонистъ разучивалъ по 3 новыхъ трагедій, да кромѣ того одинъ изъ нихъ долженъ былъ еще исполнить одну старую трагедію, то-есть, всего 4 пьесы—столько же, сколько въ V вѣкѣ исполнялъ заразъ протагонистъ каждаго поэта. Поэтому три протагониста вмѣстѣ не могли исполнить болѣе 9 пьесъ, или, считая старую, не болѣе 10, два протагониста—не болѣе 6 или 7. Для сужденія о томъ, откуда брались актеры сатирическихъ драмъ, фрагменты аэинскаго эпиграфическаго свода дидаскалій не представляютъ никакихъ данныхъ.

Что касается до авторовъ сатирическихъ драмъ, то мы имѣемъ полное право полагать, что и въ IV вѣкѣ, хотя сатирическая драма стояла внѣ всякой связи съ новыми трагедіями, сатирографія не была ремесломъ особымъ отъ ремесла трагическаго поэта, αὐτοῦρον κομῆται были тѣ же трагики. Это видно изъ извѣстій о сатирическихъ драмахъ.

трагиковъ этого времени: Астидамантовъ (см. Nauck, Tragicorum graecorum fragmenta, стр. 603), Хэримона (ibid. стр. 607), Діонисія (Διονύς? ib. стр. 617). Въ той части дидаскалическаго фрагмента, который относится къ архонству Никомаха, авторомъ сатирической драмы названъ Τροχλῆς, но едва ли не онъ же (см. Кёлера, Mitth. III стр. 116) былъ и вторымъ изъ поэтовъ, поставившихъ для того же состязанія трагедіи. Позднѣе ¹⁾, повидимому, бывало и иначе: нѣкоторые поэты, какъ кажется, исключительно посвящали себя сочиненію сатирическихъ драмъ. Таковъ былъ, напримѣръ, Δημήτριος ὁ Ταρσιχός σατιρογράφος, о которомъ упоминаетъ Діогенъ Лаертскій (то-есть, въ данномъ случаѣ, Димитрій Магнисійскій) V, 85.

Выше мы коснулись вопроса объ отношеніяхъ между драматическими поэтами и актерами, по скольку онъ выясняется эпиграфическими дидаскаліями. Считаемъ не лишнимъ дополнить сказанное сопоставленіемъ этого новаго свидѣтельства съ нѣкоторыми свидѣтельствами прежде извѣстными.

Мы видѣли, что распредѣленіе трагическихъ пьесъ разныхъ состязующихся авторовъ между актерами въ IV вѣкѣ подчиняется извѣстному закону: каждый поэтъ въ равной мѣрѣ пользуется услугами каждаго изъ имѣющихся на лицо актеровъ-протагонистовъ, каждый актеръ является въ одной изъ пьесъ каждаго трагика. Поэтому слова Аристотелевской „Риторики (III, 12) ἔστι δὲ λέξις γραφικὴ μὲν ἢ ἀκριβεστάτη, ἀγωνιστικὴ δὲ ἢ ὑποκριτικωτάτη. ταύτης δὲ δύο εἶδη· ἡ μὲν γὰρ ἠθικὴ, ἡ δὲ παθητικὴ. διὸ καὶ οἱ ὑποκριταὶ τὰ τοιαῦτα τῶν δραμάτων δῶκονσι, καὶ οἱ ποιηταὶ τοὺς τοιοῦτους не могутъ быть понимаемы такъ, что актеръ могъ по произволу выбрать себѣ пьесы того „новаго“ поэта, котораго λέξις была наиболѣе эффектна. Нѣтъ, или замѣтка διὸ καὶ οἱ ὑποκριταὶ — — δῶκονσι относится къ „старому“ агону, для котораго актеръ, получившій завѣдываніе этимъ агонемъ, могъ, по всей вѣроятности, дѣйствительно по своему усмотрѣнію выбирать ту или другую изъ пьесъ старыхъ трагиковъ, или же глаголь δῶκονσι обозначаетъ здѣсь только *ria desideria* актеровъ и употребленъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ въ Eth. Nicom. I, 1096^b, 10 (см. Bonitz, Index s. δῶκονσι) онъ сопоставляется съ глаголомъ ἀγαπᾶν. Что касается до словъ καὶ οἱ ποιηταὶ τοὺς τοιοῦτους, то ихъ я вовсе не по-

¹⁾ Пресловутую сатирическую драму Ἀγῆν, которая по одной изъ существовавшихъ относительно нея догадокъ, принадлежала самому Александру Македонскому, нельзя, конечно, принимать въ разчетъ.

нимаю; понимаю только, что *οἱ τοιοῦτοι* не могутъ быть актеры, такъ какъ актеръ, поскольку онъ актеръ, никакой *λέξις* имѣть не можетъ. Но есть нѣсколько признаковъ, показывающихъ, что въ V вѣкѣ отношеніе между актерами и поэтомъ было значительное иное, чѣмъ то, какое мы находимъ въ дидаскаліякѣ IV вѣка. Изъ свидѣтельства Истра (*Vita Sophocli*. § 6 Jahn.): *φησὶ δὲ καὶ Ἴστρος τὰς λευκὰς κρηπίδας αὐτῶν* (то-есть *Σοφοκλέα*) *ἐξευρηχέναι, ἃς ὑποδοῦνται οἱ τε ὑποκριταὶ καὶ οἱ χορευταί, καὶ πρὸς τὰς φόβεις αὐτῶν γράψαι τὰ δράματα* ¹⁾ очевидно, что во времена Софокла поэтъ, еще работая надъ трагедіей, могъ уже предвидѣть, какіе актеры будутъ исполнять ее (ср. W. Helbig, *Zeitschrift für das Gymnasialwesen*, XVI [1862], стр. 107 сл.). Еще менѣе могутъ быть согласимы съ порядками IV вѣка тѣ свидѣтельства, въ которыхъ извѣстный трагическій актеръ называется актеромъ извѣстнаго трагика. *Vita Aeschylī* § 13 Schöll. *ἐχρήσατο δὲ* (*Αἰσχύλος*) *ὑποκριτῇ πρώτῳ μὲν Κλεάνδρῳ, ἔπειτα καὶ τὸν δευτέρου αὐτῷ προσῆψε Μουνίσκῳ τὸν Χαλκιδέα*. Schol. Arist. *Vesp.* 566 *Αἰσωπος* (*Οἰαγρῶς* Dind.) *τραγωδίας ἐγένετο ὑποκριτής. Αἰσχύλου δὲ ἦν ὑποκριτής*. Schol. *Ran.* 791 *Κλειδημίδης*] *Καλλίστρατος, ὅτι ἴσως Σοφοκλέους υἱὸς οὗτος, Ἀπολλώνιος δὲ, ὅτι Σοφοκλέους ὑποκριτής*. (О Молонѣ, актерѣ Еврипида, см. Fritzsche ad. *Ar. Ran.* v. 55. (Ср. Sommerbrodt, *Scaenica*, стр. 168. Alb. Müller, *Philologus* XXIII, стр. 518.

На существованіе въ V вѣкѣ извѣстнаго рода зависимости актеровъ отъ поэтовъ указываютъ также, какъ свидѣтельства, въ которыхъ увеличеніе числа актеровъ, требуемаго для исполненія одной трагедіи, прямо приписывается поэтамъ Эсхилу и Софоклу, такъ и то обстоятельство, что поэтъ, повидимому, по собственному произволу, могъ или самъ играть въ своей пьесѣ, или предоставить все сцени-

¹⁾ H. Schrader (*De sortitione actorum scaenicorum apud Athenienses* въ *Liber miscellaneus editus a societate philologica Bonnens.*, 1864 г. стр. 7) сомнѣвается *num sententia paullo latiore Istri verba sint accipienda, ita quidem ut dicant, Sophoclem fabulas suas ita scripsisse, ut eas chori et actorum naturam et ingenia egredi noluerit, aliter atque Aeschylus, qui ῥήματ' ἂν βόεια δώδεκ' εἶπεν | ὄφρυς ἔχοντα καὶ λόφους, δαί' ἄττα μορμωρῶπά, | ἄγνωστα τοῖς θεωμένοις*. Едвали нужно объяснять, что такое пониманіе было бы ни съ чѣмъ несообразно. Обычнаго пониманія Шрадеръ не хочетъ принять потому, что—виѣсть съ Гельбигомъ—относить мѣстоименіе *αὐτῶν* и къ *ὑποκριταί*, и къ *χορευταί* и полагаетъ, что по ту невозможно было предвидѣть, какой хоръ ему достанется. Но впоследствии мы надѣемся показать, что поэтъ гораздо болѣе имѣлъ вліянія на выборъ хористовъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

ческое исполненіе актерамъ. Извѣстно, что до Софокла поэтъ обыкновенно былъ и однимъ изъ исполнителей, и Софоклъ первый, говорить—между трагиками оставилъ этотъ обычай. Изъ этихъ данныхъ можно, кажется, вывести, что довольно долгое время и число актеровъ, которые, согласно ходу развитія греческаго драматическаго искусства, первоначально должны были разсматриваться, какъ помощники или, отчасти, какъ замѣстители поэта, и выборъ ихъ зависѣлъ отъ поэта. Въ IV вѣкѣ, какъ показываетъ разобранный выше дидаскалическій фрагментъ, актеръ уже не принадлежитъ даже и на время одного агона исключительно одному какому-нибудь поэту, а одинаково служить всѣмъ состязующимся авторамъ.

Такъ какъ мы теперь знаемъ, что въ различные времена отношенія между актерами и поэтами были различны, то считаемъ совершенно ненужнымъ соглашать, какъ это обыкновенно дѣлалось, съ порядками V вѣка это неизвѣстно къ какому времени относящееся свидѣтельство Исихія (s. νεμησας ὑποκριτῶν, также Фотій и Сuida); οἱ ποιηταὶ ἐλάμβανον τρεῖς ὑποκριτὰς κλήρω νεμηθέντας, ὑποκρινομένους τὰ δράματα: ὃν ὁ νικῆσας εἰς τοῦτιον ἀκρίτως παρελαμβάνετο. Не будемъ останавливаться на прежнихъ толкованіяхъ этой темной глоссы (Ср. Bernhardt ad Suid. l. I. и Schneider, D. attische Theaterwesen стр. 130); упомянемъ только о тѣхъ, которыя до сихъ поръ повторяются. Bernhardt (Grundr. d. Gr. Litt. II, 2³, стр. 114) объясняетъ темныя слова Исихія такъ: „протагонисты распредѣлялись между состязующимися поэтами по жребію, но хорошій актеръ, разъ одержавъ побѣду, имѣлъ то преимущество, что его можно было выбирать безъ жребія, по свободному соглашенію“. Но это объясненіе принято быть не можетъ, потому что при немъ слову ἀκρίτως дается значеніе (ἀκλήρωτί), если не ошибаемся, никогда не бывалое. По другому толкованію, предложенному Беромъ (Beer, Ueber die Zahl der Schauspieler bei Aristophanes, стр. 7) и слегка видоизмененному Зоммербротомъ, выходитъ слѣдующее: examine rite superato singulos actores, protagonistas, deuteragonistas, tritagonistas sorte singulis poetis esse distributos; eos vero histriones, qui in certaminibus scaenicis sive protagonistae, sive deuteragonistae, sive tritagonistae iam probati fuissent, sine examine postea in eorum, qui sorte distribuendi essent, actorum numerum esse receptos (Sommerbrodt, Scaenica, стр. 168). По всей вѣроятности, такъ именно нужно понимать выраженіе ἀκρίτως; но мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что ἐλάμβανον τρεῖς ὑποκριτὰς значить: „получали протагониста, деутерагониста и триагониста“, такъ какъ ὁ νικῆσας можетъ быть только

протагонистъ. Нѣтъ ни одного свидѣтельства, въ которомъ бы побѣда приписывалась второму или третьему актеру; въ эпиграфическихъ спискахъ Діонисіониковъ (см. Жур. Мин. Нар. Просв. 1881 г., отд. кл. фил., стр. 616, строка 6) вмѣстѣ съ хоригомъ и авторомъ (дидаскаломъ) пьесы называется только одинъ изъ актеровъ, то-есть, безъ сомнѣнія, протагонистъ; то же самое въ отношеніи актеровъ видимъ и въ эпиграфическихъ дидаскаліяхъ, какъ трагодическихъ, такъ и комодическихъ; послѣ того, какъ поэтъ потерялъ власть надъ актерами, она перешла къ протагонисту, отъ котораго остальные члены актерской группы находились въ полной зависимости (Aristot. Polit. VII, 17. Θεόδωρος ὁ τῆς τραγῳδίας ὑποκριτῆς οὐθενὶ — πώποτε παρῆκεν ἑαυτοῦ προεσιάγειν, οὐδὲ τῶν εὐτελῶν ὑποκριτῶν); какъ прежде самихъ протагонистовъ называли актерами того или другаго поэта, такъ теперь девτεραгонистъ и тритагонистъ находились въ служебныхъ отношеніяхъ къ протагонисту (Dem. de f. leg. § 246 τοῦτο—τὸ δρᾶμ' οὐδε πώποτ' οὐτα Θεόδωρος οὐτ' Ἀριστοτέημος ὑπεκρίναντο, οἷς οὕτως τὰ τρίτα λέγων διέτέλεσεν) и назывались девτεραгонистами или тритагонистами того или другаго протагониста (Id. ib. § 10 Ἰσχυάνδρον, τὸν Νεοκτολέμου δευτεραγωνιστῆν). Отъ этого послѣдняго, какъ тритагонистъ, такъ, конечно, и девτεραгонистъ получали наемную плату за свои труды (Id. ib. § 200 ἐπὶ τῇ τριταγωνιστεῖν ἀγαπητῶς παρατρεφόμενον. Plut. Praes. ger. geir. cap. XXI, p. 816 F: Ἄτοπον—ἐστὶ τὸν μὲν ἐν τραγῳδίᾳ πρωταγωνιστῆν, Θεόδωρον ἢ Πῶλον ὄντα, μισθωτῶ τῇ τὰ τρίτα λέγοντι πολλάκις ἔπεισθαι καὶ προσδιλέγεσθαι ταπεινῶς, ἂν ἐκεῖνος ἔχῃ τὸ διάδημα καὶ τὸ σκῆπτρον· ἐν δὲ πράξιαι ἀληθιναῖς καὶ πολιτεία τὸν πλοῦστον и т. д.), но не получалъ призовъ отъ общины, устраивающей драматическій агонъ, а потому не могъ и „побѣждать“ (νικᾶν). Итакъ, ἐλάμβανον τρεῖς ὑποκριτὰς въ свидѣтельствѣ Исихія приходится понимать какъ не совсѣмъ точное выраженіе вмѣсто ἐλ. тр. ὑπ. ἓνα ἕκαστος, въ смыслѣ: „получали изъ трехъ актеровъ (именно протагонистовъ) каждый одного. Очевидно, въ этомъ свидѣтельствѣ имѣются въ виду совсѣмъ иные отношенія между актерами и поэтами, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ IV вѣкѣ, когда каждый поэтъ располагалъ поочередно всѣми имѣющимися на лицѣ протагонистами. Согласить Зоммербротовское толкованіе съ порядками Эсхилова и Софоклова времени пытались также Alb. Müller и W. Helbig. Но мысль перваго (Philol. 23 стр. 518. Der staat nahm auf jedes fest für die drei dichter neun Schauspieler in sold; die drei protagonisten, ebenso wie die drei deuteragonisten und tritagonisten wurden den einzelnen dichtern durchs loos zugetheilt.

Dieser verloosung ging aber eine prüfung derjenigen voraus, welche zum ersten male auftreten wollten; hatten sie diese ¹⁾ mit glück bestanden, so wurden sie in der folge ohne prüfung zugelassen. Dass manche dramatiker stehende protagonisten ²⁾ hatten, steht damit nicht im widerspruch, wenn man nur annimmt, dass der dichter den von ihm gewünschten protagonisten in vorschlag bringen, und wenn nichts wider ihn vorlag, sich denselben durchs loos zuertheilen lassen konnte) мнѣ представляется совершенно невозможною (какъ можно управлять волей жребія?), а положение второго (Zeitschr. f. d. gymnasialw. 16, стр. 106 сл.); Ohne Zweifel hatten—die Dichter das Recht, sich dem Loose zu entziehen und selbst ihre Schauspieler zu wählen... Da der Dichter,—wenn ihm die Schauspieler, welche der Archon zur Verloosung darbot, nicht genehm waren, sich nach eigener Wahl die zur Aufführung nöthigen Kräfte beschaffen konnte и т. д.) по крайней мѣрѣ ни на чемъ не основаннымъ: коль скоро ἀκρίτως у Исхія не значить ἀκλήρωσι, то нѣтъ никакой нужды стараться вѣрить, что назначеніе актеровъ по жребію и выборъ ихъ безъ жребія существовали одновременно. Прежде поэтъ поручалъ исполненіе своей пьесы лицу, которое онъ самъ по собственному сужденію призналъ для того пригоднымъ ³⁾, и пока существовалъ такой порядокъ, официальный экзамень актеровъ былъ не нуженъ и невозможенъ; онъ сдѣлался необходимымъ послѣ того, какъ выданъ былъ новый уставъ, по которому поэту приходилось брать себѣ такого актера, какого назначить жребій: для того

¹⁾ Это (предложенное Беромъ) толкованіе выраженія ὁ νικήσας совершенно противно постоянному значенію технического термина νικῶν.

²⁾ Но если о Софоклѣ говорится, что онъ приравливалъ свои пьесы къ природнымъ качествамъ актеровъ, то нѣтъ никакой причины ограничивать это приравленіе только партіей протагониста. А для Эсхила намъ прямо называютъ не только постоянного протагониста, но и такого же деутерагониста.

³⁾ Какъ другіе поздніе писатели, говоря о драматической поэзии и ея обстоятельствахъ, вслѣдствіе своего главнымъ образомъ книжнаго знакомства съ предметомъ, высказываютъ сужденія, имѣющія смыслъ по отношенію не къ позднимъ, а къ древнѣйшимъ, самымъ славнымъ, классическимъ временамъ драмы, такъ поступаетъ и Плотинъ, употребляя это сравненіе (Euplead. III lib. II, cap. 17, p. 131 Kreuz.): ὡς ὁ φθόγγος (τοῦ ὑποκριτοῦ) καὶ τὸ σχῆμα παρ' αὐτοῦ καλὸν ἢ αἰσχρὸν καὶ ἢ κόσμον προσέθηκεν, ὡς δόξετεν ἄν, εἰς τὸ ποίημα, ἢ προσθεῖς τὴν αὐτοῦ τῆς φωνῆς χάκην οὐκ ἐποίησε μὲν τὸ δράμα ἕτερον, ἢ οἷον ἦν, αὐτὸς δὲ ἀσχῆμον ἐφάνη, ὁ δὲ ποιητὴς τοῦ δράματος ἀπέπεμψε κατ' ἀξίαν ἀτιμάσας, καὶ τοῦτο ἔργον κοινὸν ἀγαθοῦ χριτοῦ, τὸν δὲ ἤγαγεν εἰς μείζους τιμὰς καί, εἰ ἔχοι, ἐπὶ τὰ καλλίω δράματα, τὸν δὲ ἕτερον, εἰ που εἶχε, χείρονα...

чтобы поэты и община, устраивающая представленіе, имѣли ручательство въ томъ, что исполненіе пьесъ не достанется лицамъ, совершенно неспособнымъ и неумѣлымъ, эти лица, бравшіяся за ремесло актера, должны были, конечно, подвергаться извѣстному испытанію; какъ издавна архонтъ, прежде чѣмъ „давать хоры“, долженъ былъ производить своего рода *χρίσιν ποιητῶν*, такъ теперь явилась и *χρίσις ὑποκριτῶν*, производившаяся прежде жеребованія актеровъ.

Легко замѣтить, что тотъ порядокъ, о которомъ говорятъ лексикографы, значительно менѣе обезпечивая отъ непріятныхъ случайностей интересы и поэтовъ и актеровъ, чѣмъ тотъ, который засвидѣтельствованъ эпиграфической дидаскаліей IV-го вѣка, составляетъ переходную ступень отъ первоначальнаго подчиненія актеровъ поэтамъ къ возможно полной равноправности тѣхъ и другихъ. При *νέρησις ὑποκριτῶν* каждый актеръ, по крайней мѣрѣ на все время отдѣльнаго агона, приучивался къ одному извѣстному поэту; въ IV вѣкѣ ни одинъ поэтъ не имѣетъ исключительныхъ правъ на какого-нибудь извѣстнаго актера.

Но все-таки *νέρησις* была выгодыѣ для актеровъ, чѣмъ прежняя зависимость отъ поэтовъ. Мы не знаемъ точно, когда учреждены были особые призы для трагическихъ актеровъ и когда судьи состязаній стали произносить приговоры о сравнительномъ достоинствѣ не только трагическихъ поэтовъ, но и трагическихъ протагонистовъ: древнѣйшій фрагментъ „Діонисіониковъ“, относящійся ко временамъ Эсхила, прерывается къ сожалѣнію какъ разъ на той строкѣ, гдѣ, по аналогіи позднѣйшихъ документовъ, мы могли бы надѣяться встрѣтить имя трагическаго актера. (См. Жур. Мин. Нар. Пр. 1881 г., отд. вл. фил., стр. 614). Но едва-ли мы ошибемся, если предположимъ, что въ особенности богатая психологическимъ содержаніемъ Софокловская драма должна была заставить Аэинянъ оцѣнить значеніе сценическаго искусства, и что особыя награды стали выдаваться лучшимъ актерамъ именно во времена Софокла, который даже въ своемъ поэтическомъ творествѣ сообразовался съ природными средствами исполнителей своихъ произведеній. Во всякомъ случаѣ фрагментъ „Діонисіониковъ“ (*ibid.*, стр. 616) въ своей трагической части, относящейся къ году архонта Аминія (422 г. до Р. X.)

[τραγῶ]ιδῶν

[— — — ω]ν Παϊανιε[ὺς ἐχορήγει]

[Με]νεχράτης ἀδ[ί]δασκεν]

[ὑπ]οκριτῆς Μονν[ίσχος]

называетъ уже актера. Не скроемъ, что это свидѣтельство само по себѣ еще не доказываетъ непременно существованія въ 422 году призовъ для трагическихъ актеровъ: актеръ Минникъ могъ быть тутъ названъ не потому, что онъ самъ одержалъ побѣду, а потому, что онъ былъ актеромъ поэта (Менекрата) одержавшаго побѣду надъ другими поэтами, точно также какъ въ надписяхъ хориговъ, одержавшихъ побѣды на состязаніяхъ хоровъ *καίδων* и *ἀνδρῶν* (Примѣры см. *ibid.* стр. 621. примѣч. 1) постоянно обозначаются (посредствомъ формулъ *ὁ δαίνα ἐδίδασθε* и *ὁ δαίνα ἤδλε*) флейтисты и дирижеры хоровъ какъ участники въ побѣдѣ своего хорига. Однако, вопервыхъ, такое толкованіе не есть единственно возможное; напротивъ, если припомнимъ формулы того дидаскалическаго фрагмента, который приведенъ въ началѣ этой статьи, и замѣтитъ, что во фрагментѣ Діонисіониковъ сказано *ὑποκριτῆς Μουννίσκος* (ср. въ дидаскаліяхъ формулу *ὑποκριτῆς ὁ δαίνα ἐνκία*, а не *ὑπεκρίνατο Μουννίσκος*), то покажется вѣроятнѣе, что Минникъ названъ не какъ пособникъ чужой побѣды, а какъ самостоятельный побѣдитель, можетъ быть игравшій не въ пьесахъ Менекрата, а какого нибудь другаго трагика; вовторыхъ, мы сейчасъ надѣемся доказать принадлежность почти къ тому же самому времени, къ которому относится этотъ фрагментъ, другаго эпиграфическаго документа, въ которомъ обозначеніе актера, какъ самостоятельнаго побѣдителя, несомнѣнно ¹⁾). А когда назначены были побѣдныя награды актерамъ ²⁾, когда сознано было значеніе хорошаго

¹⁾ Комическіе актеры не обозначаются не только въ двухъ древнѣйшихъ фрагментахъ «Діонисіониковъ», но также и въ томъ, который относится къ началу IV-го вѣка (см. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 1861 г., отдѣлъ классической энологіи, стр. 617). Такое позднее учрежденіе призовъ для исполнителей комедіи слѣдуетъ объяснять вѣроятно не столько тѣмъ, что карикатурный характеръ древней комедіи препятствовалъ выработкѣ и оцѣнкѣ искусства классическихъ актеровъ, сколько тѣмъ, что комическіе поэты долже, чѣмъ трагическіе, были и исполнителями своихъ произведеній.

²⁾ Такимъ образомъ рядомъ съ агоніемъ поэтовъ явился агоніе протагонистовъ. Но между этими двумя агонами по крайней мѣрѣ до II-го вѣка до Р. Х. существовало то различіе, что при первомъ предлагалось нѣсколько призовъ различныхъ степеней, а при второмъ только одинъ призъ. Такъ мы заключаемъ на томъ основаніи, что въ трагодическихъ и комодическихъ дидаскаліяхъ V-го вѣка и въ трагодическихъ IV-го (разумѣемъ какъ дидаскаліи, сохранившіяся въ *ὑποθέσεις*, такъ и эпиграфическія) отмѣчается не только то, какой поэтъ былъ признанъ первымъ, но также какой вторымъ и какой третьимъ; въ комодическихъ дидаскаліяхъ IV-II-го вѣка всѣ 5 поэтовъ, участвующихъ въ одномъ состязаніи,

сценическаго исполненія для успѣха самой пьесы, тогда постепенно должно было проявиться стремленіе дать каждому актеру возможность играть въ пьесахъ не одного, а различныхъ поэтовъ, и каждому поэту пользоваться услугами разныхъ актеровъ. Первой, еще несовершенной попыткой осуществить это стремленіе было приуроченіе извѣстныхъ актеровъ къ извѣстнымъ поэтамъ на время одного агона по жребію.

Мы могли бы съ большей точностью опредѣлить время, до котораго держался въ Афинахъ этотъ еще несовершенный способъ распредѣленія актеровъ между поэтами, если бы вѣрно было одно изъ замѣчаній, сдѣланныхъ Беккомъ относительно надписи C. J. G. n 231. Надпись принадлежитъ къ числу фрагментовъ эпитафическаго свода дидаскалій и представляетъ остатки двухъ столбцевъ, изъ которыхъ въ лѣвомъ содержатся свѣдѣнія объ агонахъ комодическихъ, въ правомъ — объ агонахъ трагодическихъ. Въ одной изъ строкъ этого послѣдняго мы находимъ два рядомъ стоящихъ заглавія трагедій 'Αμφιλόχου Ἰξίον[υ], между тѣмъ какъ, по аналогіи того дидаскалическаго документа, разборомъ котораго мы начали нашу статью, слѣдовало бы ожидать между этими заглавіями формулу: ὄλε : ὁ δαίνα, посредствомъ которой былъ бы обозначенъ актеръ, исполнявшій главную роль въ „Амфилохъ“. Отсюда мы вправѣ заключать, что въ то время, къ которому относится трагодическая часть надписи № 231, каждый поэтъ на цѣлое состязаніе получалъ одного протагониста, и тотъ порядокъ, по которому въ различныхъ пьесахъ одного и того же поэта играли различные протагонисты, еще не существовалъ. Но какое это время? Комодическая часть въ № 231 относится къ 354—3 годамъ до Р. X.: съ перваго взгляда самымъ естественнымъ можетъ показаться предположеніе, что и часть трагодическая относится къ тѣмъ же самымъ годамъ. Такъ очевидно, и думалъ Беккъ, когда онъ, въ комментаріи къ надписи, на томъ основаніи, что въ ней о комедіяхъ говорится прежде чѣмъ о трагедіяхъ, относилъ ее не къ Линэ-

называются въ порядкѣ ихъ сравнительнаго достоинства; напротивъ изъ актеровъ постоянно выделяется одинъ, какъ побѣдитель (въ формулѣ ὑποκριτής ὁ δαίνα ἐνίκα), а достоинство остальныхъ вовсе не обозначается. Было ли иначе въ поздѣйшія времена, или въ Аттикѣ, мы не знаемъ. Въ надписи у (*Le Bas*) *Waddington*, *Asie min.* n. 1620 с. (изъ времени Коммода) назначаются различныя суммы для трагическихъ актеровъ (τραγῳδῶν) въ качествѣ πρώτου, δευτερου и τρίτου. Но по всей вѣроятности, это не разностепенные призы для трехъ протагонистовъ, а заранее опредѣленные размѣры вознагражденія протагонисту, деутерагонисту и триагонисту.

ямъ, а къ Діонисіямъ. А при такомъ опредѣленіи хронологіи документа пришлось бы признать, что новѣй, наиболѣе совершенный способъ распредѣленія актеровъ былъ введенъ между 358 и 341 годами. Однако мы полагаемъ, что трагодическая часть надписи принадлежитъ совсѣмъ иному времени, чѣмъ комодическая. Для того, чтобы сдѣлать яснѣе читателю основанія нашего мнѣнія, мы позволимъ себѣ привести здѣсь начертанія праваго столбца надписи ¹⁾.

1	ΕΙΡ ΥΠΕ ΥΠΟ ΕΠΙ
5	ΑΓΑ ΥΠΙ ΗΡΑ ΘΗΣΕΙ ΥΠ
10	ΥΠΟ ΕΠΙΑΡΧΗ ΤΥΡΟΙΤΙ ΥΠΕ:ΑΥΣΙΚΡΑΤ ΚΑΛΔΙΣΤΡΑΤΟΣ
15	ΑΜΦΙΛΟΧΩΝΙΣΙΟ ΥΠΕ:ΚΑΛΔΙΠΠΙ Ο:ΚΑΛΔΙΠΠΙ ΝΤΙΦ ΝΤΟΣΣ

Въ третьей строкѣ этого фрагмента, какъ убѣдится всякій изъ разсмотрѣнія другихъ дидаскалическихъ надписей (напр. хотя бы той, которая приведена въ этой же статьѣ), находилась формула ὀπο- (κρίτης) ὁ δαίνα ἐνίκα. Эта формула составляетъ всегда заключеніе дидаскалическаго отчета; слѣдовательно въ 4-й строкѣ начинается отчетъ за другой годъ, а такое начало всегда дѣлается посредствомъ пред-

¹⁾ Мы перепечатаваемъ копію, помѣщенную у *Le Bas et Waddington, Attique*, п. 507, какъ самую послѣднюю и самую полную изъ трехъ существующихъ. Ожидать новыхъ, болѣе точныхъ копій не приходится: настоящее мѣстонахожденіе надписи неизвѣстно, и какъ намъ сообщаетъ В. К. Эрнштедтъ, она будетъ напечатана въ 2-й части 2-го тома *Corp. inscr. att.* по старымъ копіямъ.

лога $\epsilon\lambda\iota$ съ родительнымъ падежемъ имени архонта эпонима; въ данномъ случаѣ послѣ ЕПІ копія Леба и копія Фурмонта (которой слѣдовалъ Беккъ) даютъ черту, которая могла принадлежать одной изъ буквъ АΔΔΜ. Отчетъ, относящійся къ году архонта, котораго имя начиналось одною изъ этихъ буквъ, заключается, очевидно, 10-й строкой, а въ 11-й строкѣ названъ былъ другой, ближайшій преемникъ названнаго въ 4-й строкѣ. Если вѣрить двумъ обозначеннымъ копіямъ, то имя этого другаго начиналось съ 'Αρχη. Но архонтовъ съ такимъ именемъ до сихъ поръ не было извѣстно; мало того, если не ошибаемся, и вообще неизвѣстно ни одного аттического собственнаго имени, которое въ родительномъ падежѣ могло бы начинаться съ 'Αρχη. Позволительно предположить, что въ этомъ случаѣ наши копіи не совсѣмъ точны. Нѣкоторымъ, пока слабымъ еще подтвержденіемъ для такого предположенія можетъ служить и то обстоятельство, что Питтакисъ въ своей копіи, перепечатанной у Rang. Ant. hell. n. 970, вмѣсто ЕΠΙΑΡΧΗ даетъ ЕΠΙΑΡΧΟΝΤΟΣ. Принимая во вниманіе извѣстную страсть почтеннаго греческаго ученаго къ произвольнымъ дополненіямъ, мы все-таки можемъ съ нѣкоторою вѣроятностію изъ его показанія выводить, что на камнѣ послѣ буквъ ΑΡΧ находилось какое-то начертаніе не совсѣмъ ясное ¹⁾. Если мы попытаемся вставить здѣсь одно изъ извѣстныхъ архонтскихъ именъ, начинающихся съ 'Αρχ, то должны будемъ сдѣлать выборъ между, двумя: 'Αρχεδημιδης (архонтъ въ Ol. 79,1) и 'Αρχίας (Ol. 90,2). Мы исключаемъ Αρχία, бывшаго архонтомъ въ Ol. 108,3, и Αρχиппа, бывшаго архонтомъ въ Ol. 114,4, потому, что имена ихъ предшественниковъ (Θερμοτοκλῆς и Φιλοκλῆς) не могли бы быть вставлены въ 4-й строкѣ нашего фрагмента. Архонтъ 'Αρχεστρατίδης относится къ такому времени (Ol. 50,4), когда драматическихъ агоневъ еще не существовало. Такъ какъ распредѣленіе агоневъ въ этомъ фрагментѣ слѣдуетъ такому порядку, который пересталъ существовать ранѣе Ol. 109,3, то нельзя думать ни объ Αρχипπῆ, бывшемъ архонтомъ въ Ol. 115,3, ни объ Αρχελαῖ, котораго Дюмонъ относитъ приблизительно въ Ol. 126.—Въ начертаніяхъ 18-й строки ΝΤΙΦ ΝΤΟΣ мы имѣемъ,

¹⁾ Ср. что говоритъ Беккъ (Staatsh. II² стр. 372) о другихъ копіяхъ Питтакиса: seine Abschriften sind so ungenau, dass sie für sich allein unbrauchbar sein würden, da sie zumal mit vielen nicht als solche bezeichneten Ergänzungen verfälscht sind; wo man aber andere Abschriften derselben Stücke hat, sind sie dennoch ein gutes Hülfsmittel für die Kritik, theils weil er die Steine früher als andere und noch in einigemmasseu besserem Zustande gesehen hat и т. д.

очевидно, форму родительнаго падежа Ἀντιφώντος. Въ слогѣ дидаскалическихъ надписей родительный падежъ имѣеть мѣсто только въ двухъ случаяхъ, но за то въ этихъ двухъ является постоянно. Одинъ случай это обозначеніе имени автора „старой“ трагедіи или „старой“ комедіи. Но за такимъ родительнымъ падежемъ постоянно слѣдуетъ формула ποι(ταί), между тѣмъ какъ здѣсь слѣдовало какое-то слово, начинавшееся буквою Σ, слѣдовательно подъ Антифонтомъ мы не можемъ разумѣть трагическаго поэта. Остается второй случай—обозначеніе имени архонта. Что именно съ такимъ обозначеніемъ мы и имѣемъ дѣло, доказывается еще и тѣмъ, что, во-первыхъ, 17 строка содержала, очевидно, слова ὅπο(κρίτης) Καλλιπιδ[ης ἐνίκα ¹⁾], служила, слѣдовательно, заключеніемъ годоваго отчета, а во-вторыхъ, (Ἀ)ντιφ(ῶ)ντος находится на такомъ же точно разстояніи отъ ἐπί Ἀρχ... , на какомъ это обозначеніе года находится отъ предшествующаго ἐπί.. (стр. 4). Поэтому мы въ правѣ, полагаемъ, дополнять 187-ю строку такъ: (ἐπί Ἀ)ντιφ(ῶ)ντος Σ (имя трагич. поэта) и видѣть въ этомъ Антифонтѣ архонта 418/17 года (Ol. 90,3): этому Антифону предшествовалъ Ἀρχίας, а Архію Ἀστόφιλος. Судить, насколько содержаніе надписи соотвѣтствуетъ такой хронологіи, очень трудно, такъ какъ сохранившаяся часть надписи слишкомъ незначительна; но все таки можно указать нѣкоторые признаки, говорящіе въ пользу такого соотвѣтствія. Въ 15-й строкѣ мы нашли уже доказательство того, что въ то время, къ которому относится (по содержанію) этотъ дидаскалическій фрагментъ, всѣ пьесы одного трагическаго поэта, поставленныя на одномъ состязаніи, исполнялись однимъ протагонистомъ, т.-е. одной группой актеровъ; то-же самое находимъ и въ 12-й строкѣ: начертанія ΠΙ, слѣдующія непосредственно послѣ заглавія Τοροί, могутъ принадлежать только заглавію другой пьесы того же автора, и въ обѣихъ пьесахъ протагонистомъ долженъ былъ быть Δουκράτης, названный въ 13-й строкѣ. Имя автора этихъ пьесъ могло быть указано только въ 11-й строкѣ; но совершенно невѣроятно, что-бы въ той же строкѣ могъ найти себѣ мѣсто хоть бы одинъ изъ параграфовъ, которые въ трагодическихъ дидаскаліяхъ послѣ 342-го года помѣщаются между именемъ архонта и именемъ перваго „новаго“ поэта, т.-е., во-первыхъ, имя автора и заглавіе сатирической драмы, и во-вторыхъ—имя актера, поставившаго „старую“ трагедію, загла-

¹⁾ Въ этой и предыдущей строкѣ копія Леба показываетъ остатки буквъ Δ послѣ καλλιπιδι.

віе такой трагедіи и имя ея автора: слѣдовательно, мы должны относить обсуждаемую теперь дидаскалію къ тому времени, когда сатирическая драма не стояла еще во главѣ трагодического агона и когда возобновленіе игранныхъ пьесъ не было еще постоянною и неизбѣжною составною частью представленій. Побѣдителемъ между актерами въ 17-й строкѣ называется Καλλιπίδης. Сказанія древнихъ приводятъ трагического актера того имени въ связь съ обстоятельствами смерти Софокла (Истръ и Неанѣ у безыменнаго автора біографіи Софокла § 14 Iahn); какъ человекъ, прославившійся уже своимъ искусствомъ по всей Греціи, Καλλιπιδѣ обижается на нелюбезность Агасилая (Plut. Ages. 21); наконецъ Καλλιπιδѣ, какъ представитель новаго направленія въ сценическомъ искусствѣ, подвергается насмѣшкамъ представителя старой школы—Минниска (Aristot. Poet. 26), безъ сомнѣнія того самого, который являлся еще на состязаніяхъ и одержалъ побѣду въ 422 г. (см. надпись, приведенную въ Ж. М. Н. П., стр. 616): со всѣми этими обстоятельствами вполне согласуется то, что въ 418 г., при архонтѣ Архіи, одерживаетъ побѣду Καλλιπιδѣ.

Но какъ объяснить ту странность, что, между тѣмъ, какъ правый столбецъ этой надписи содержитъ трагическія дидаскаліи послѣдней четверти V вѣка, ея лѣвый, слѣдовательно ближайшій къ началу столбецъ, содержащій свѣдѣнія о комодическихъ агонахъ, относится уже къ 354 — 3 годамъ? Если вникнуть въ устройство надписи, то объясненіе, намъ кажется, явится само собою. Эта надпись представляетъ собою обломокъ такого памятника, на которомъ хроника трагедіи и хроника комедіи распределены были чрезполосно, то-есть, такъ, что за столбцемъ, посвященнымъ трагедіи, слѣдовалъ столбецъ, посвященный комедіи, за этимъ опять столбецъ, содержащій трагодическія дидаскаліи, и т. д. Нѣтъ никакого основанія отрицать, что уже самое начало памятника имѣло такое же устройство, то-есть что въ самомъ первомъ столбцѣ заключалась древнѣйшая часть, напримѣръ, трагодическихъ дидаскалій, а во второмъ такая же часть дидаскалій комодическихъ; но извѣстно, что комодическіе агоны въ Аэинахъ сдѣлались официально признанною частью Діонисійскихъ праздниковъ значительно позже, чѣмъ трагодическіе. Уже Аристотель (Poet. 5) объяснялъ этимъ, почему исторія комедіи становится доступною изслѣдованію со времени значительно болѣе позднаго, чѣмъ исторія трагедіи, и это совершенно понятно, такъ какъ тотъ періодъ развитія комедіи, когда она еще не была официально признана, не могъ оста-

вить никакого слѣда по себѣ въ официальныхъ записяхъ. Отсюда же понятно, что самый древній изъ столбцевъ нашей надписи, заключающихъ хронику комедій, долженъ былъ относиться ко времени значительно болѣе позднему, чѣмъ первый изъ столбцевъ, предназначенныхъ для хроники трагедій, и что на протяжении всего памятника первая должна была хронологически опережать послѣднюю. По двумъ дурно сохранившимся столбцамъ трудно, конечно, судить, насколько другія подробности устройства надписи содѣйствовали увеличенію или уменьшенію этой первоначальной хронологической разности. Если обратить вниманіе только на то, что въ сохранившихся столбцахъ отдѣльная комодическая дидаскалія занимаетъ 11 строкъ ¹⁾, а такая же трагодическая только 7, то можетъ показаться, что на извѣстномъ разстояніи отъ начала памятника хронологическая разница должна была исчезнуть и трагедія могла даже опередить комедію. Но такое предположеніе было бы слишкомъ послѣдно, такъ какъ комодическія дидаскаліи могли получить болѣе большой объемъ, чѣмъ трагодическія, лишь съ того времени, когда, вмѣсто трехъ комиковъ, стали допу-

¹⁾ Полнаго числа строкъ мы не имѣемъ ни для одной изъ комодическихъ дидаскалій; сохранились только конецъ дидаскаліи за годъ архонта Калистрата и начало дидаскаліи за годъ архонта Діотима:

ὁ δεῖνα. τέ(τατος)...] ασιδι
 ὑπε(κρίνετο) Ἀριστόμαχος
 Ἀντιφάν]ης: πέμ(πτος) Ἀνασωζο-
 μένοις: ὑπε(κρίνετο)...] φάνης
 (ὑπο(κρίτης)..) ὄνομος ἐνίχα.
 ἐπὶ Δι)οτίμου Σιμόλος
 ...] σίαι: ὑπε(κρίνετο) Ἀριστόμαχος
 Διόδωρος: δεύ(τερος) Νεχρῶι
 ὑπε(κρίνετο) Ἀριστόμαχος
 Διόδωρος τρί(τος) Μαῖνομένω[ι]
 ὑπε(κρίνετο) Κηφισίος
 ΙΝΙΚ.. ΗΣ τέ(τατος) Ποητεῖ

Но легко понять, что въ 7 строкамъ дидаскаліи архонта Діотима должны были примыкать еще 4 строки, въ которыхъ были обозначены: 1) актеръ четвертаго поэта (не былъ ли это (Φο)νικ(ιδ)ης, можетъ быть, отецъ или дѣдъ Финнида, о которомъ говоритъ Мейнеке (Hist. гр. сош. гр. стр. 481)? Во всякомъ случаѣ, дополненіе Бейка Νικ[ο]χάρ]ης, которое не прочь принять и Мейнеке (стр. 253), не согласуется ни съ начертаніями копій Фурмонта, ни еще менѣе съ копіей Леба); 2) пятый поэтъ и его комедія; 3) его актеръ; 4) актеръ-побѣдитель. Также очевидно, что въ дидаскаліи Калистрата, отъ которой сохранилось только 5 строкъ, не достаетъ еще шести.

скать на состязаніе по пяти, а это случилось только около 388 г.¹⁾ Затѣмъ, мы видѣли, что имена комическихъ актеровъ получили мѣсто въ официальныхъ записяхъ гораздо позднѣе, чѣмъ имена трагическихъ, а именно, какъ кажется, не ранѣе конца первой четверти IV вѣка, такъ что за довольно значительный періодъ времени объемъ комическихъ дидаскалій былъ меньше объема трагодическихъ. Вслѣдствіе дѣйствія этихъ причинъ, а можетъ быть еще и другихъ, которыя лежали во внѣшнемъ устройствѣ памятника и которыя мы напрасно стали бы теперь угадывать, произошло, что содержаніе сохранившихся столбцевъ надписи показываетъ приблизительно то же хронологическое разногласіе, какое должны были представлять начальные столбцы ея. Точно опредѣлить, когда начались официальные состязанія трагиковъ и комиковъ, мы, конечно, не можемъ. Весьма вѣроятно, что всѣ представленія Эсписа были еще „добровольныя“, не официальные. Но въ виду полной опредѣленности извѣстій о дѣятельности Хирилла (Suid.: Χορίλλος Ἀθην. τραγικός, ἐδ' ὀλυμπιάδι καθεὶς εἰς ἁγῶνας. καὶ ἐδίδαξε μὲν δράματα ξ' καὶ ρ', ἐνίκησε δὲ γ') и не вижу основаній сомнѣваться въ томъ, что около 524 г. трагодическіе агоны уже существовали. Изъ комиковъ первымъ былъ упомянутъ въ официальныхъ записяхъ, кажется, Хіонидъ (см. Ж. М. Н. П. стр. 631 сл.), время дѣятельности котораго относится приблизительно къ 80 Ol. (Meineke. l. c. стр. 28). Такимъ образомъ трагодическій агонъ оказывается древнѣе комическаго почти на то же самое число лѣтъ (524—460), на которое (419—354) трагодическая часть нашего фрагмента древнѣе комической.

Итакъ все, повидимому, говорить въ пользу нашего мнѣнія, что трагодическія дидаскалія надписи С. J. Gr. n. 231 относятся къ V вѣку.

Такъ какъ на состязаніяхъ каждый поэтъ приурочивался къ извѣстному хоригу, то слѣдовательно въ тѣ времена, когда всѣ имѣвшіеся на лицо протагонисты одинаково служили каждому изъ состязующихся поэтовъ, всѣ они одинаково служили и каждому изъ состязующихъ хориговъ. Противъ этого, казалось бы, говорить разказъ Плутарха (Alex. 29) объ агонахъ, устроенныхъ Александромъ, по

¹⁾ Въ трагодическихъ дидаскаліяхъ назывались, повидимому, только два поета, а не три, какъ во всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ дидаскаліяхъ. Отсюда, можетъ быть, слѣдуетъ заключать, что фрагментъ относится къ Линвямъ, а не къ городскимъ Діонисіямъ.

возвращеніи изъ Египта въ Финикію. На этихъ агонахъ, передаетъ Плутархъ, хоригами были кипрскіе цари, изъ которыхъ особенное соревнованіе выказали Никокреонъ Саламинскій и Пасикратъ Солійскій: οὔτοι γὰρ ἔλαχον τοῖς ἐνδοξοτάτοις ὑποκριταῖς χορηγεῖν, Πασικράτης μὲν Ἀθηνοδώρῳ, Νικοκρέων δὲ Θεσσαλῷ. Но для правильнаго пониманія этого свидѣтельства нужно имѣть въ виду, что Плутархъ объ авторахъ пьесъ совершенно умалчиваетъ, по всей вѣроятности оттого, что тутъ исполнялись только старыя пьесы, такъ что этотъ агонъ былъ не агонемъ поэтовъ, а только актеровъ и хориговъ; если же такъ, то нисколько не удивительно, что хориги здѣсь вступали въ такія отношенія къ актерамъ, въ какихъ, при постановкѣ новыхъ пьесъ, находились къ поэтамъ.

Подведя итогъ всему, что намъ извѣстно теперь о существовавшихъ въ древнемъ сценическомъ искусствѣ отношеніяхъ между трагическими поэтами и актерами, мы можемъ установить въ исторіи этихъ отношеній слѣдующіе періоды:

I. Время до-Эскиловское: поэтъ и актеръ—одно лицо.

II. Время Эскила: вмѣстѣ съ поэтомъ въ исполненіи пьесы принимаетъ участіе особый актеръ, который принадлежалъ одному какому-нибудь поэту, какъ его постоянный помощникъ.

III. Время Софокла: поэтъ перестаетъ быть актеромъ, но актеръ по прежнему принадлежитъ поэту.

IV. Время той νέμεσις ὑποκριτῶν, о которой говорятъ лексикографы: актеръ принадлежитъ поэту только на время одного состязанія ¹⁾).

V. Время полной равноправности и взаимной независимости поэтовъ и актеровъ.

VI. Время Эянія (Плавта и Теренція): поэтъ принадлежитъ актеру, являясь поставщикомъ хозяина актерской группы.

¹⁾ Невольно приходитъ на умъ аналогія изъ другой области искусства: τὸ γὰρ παλαιόν, ἕως εἰς Μελανιππίδην (о хронологіи см. Rohde, Rhein. Mus. 33, стр. 213) τὸν τῶν διθυράμβων ποιητὴν, συμβεβήκει τοὺς αὐλητὰς παρὰ τῶν ποιητῶν λαμβάνειν τοὺς μισθοὺς πρωταγωνιστοῦσης δηλονότι τῆς ποιήσεως, τῶν δ' αὐλητῶν ὑπηρετούντων τοῖς διδασκάλοις ὑστερον δὲ καὶ τοῦτο διαφθάρη Plut. de mus. с. 30. Известно (см. напримѣръ Demosth. Mid. § 13), что и здѣсь мѣрою, устранившею зависимость исполнителей отъ авторовъ, было установленіе жребія.

III. Ничейскій.

СОДЕРЖАНІЕ
ДВѢСТИ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ЧАСТИ
ЖУРНАЛА
МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

СТРАН.

1. (15-го марта 1882 г.) О наименованіи Киржачскаго женскаго училища Александровскимъ и о предоставленіи учредителю училища личнаго права пожизненнаго предсѣдательства въ педагогическомъ совѣтѣ сего училища.	3
2. (22-го апрѣля 1882 г.). О наименованіи начальнаго народнаго училища въ с. Воржи, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, Маріинскимъ	—
3. (13-го апрѣля 1882 г.) О порядкѣ замѣщенія вакансій адъюнктовъ въ Императорской академіи наукъ.	39
4. (13-го апрѣля 1882 г.). Объ ученическихъ квартирахъ для дѣтей инородцевъ въ городахъ Ташкентѣ и Вѣрномъ.	40
5. (20-го апрѣля 1882 г.). Объ учрежденіи въ мѣстечкѣ Биркенруэ, Лифляндской губерніи, мужской гимназій Императора Александра II.	41
6. (20-го апрѣля 1882 г.). Объ упраздненіи Виленской астро-	

номической обсерваторіи и учрежденіи при Николаевской главной астрономической обсерваторіи должности астро-физика.	43
7. (27-го апрѣля 1882 года). О преобразованіи Московской первой мужской четырехклассной прогимназіи въ шестиклассный составъ.	44
8. (4-го мая 1882 года). О преобразованіи Петропавловскаго трехкласснаго городского училища въ пятиклассное.	45
9. (25-го мая 1882 года). Объ училищахъ, учреждаемыхъ Императорскимъ русскимъ техническимъ обществомъ.	—
10. (25-го мая 1882 года). О должностныхъ лицахъ Петровско-Александровскаго пансіона-пріюта въ гор. Москвѣ.	48
11. (22-го апрѣля 1882 года). О принятіи подъ покровительство Его Императорскаго Высочества, Государя Великаго Князя Павла Александровича начальной школы, существующей на фермѣ Кирилло-Меѳодіевскаго братства Миклаши, Острожскаго уѣзда, Волынской губерніи.	49

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

22-го апрѣля 1882 года. (№ 7).	4
22-го апрѣля 1882 года. (№ 8)	6
26-го мая 1882 года. (№ 9-й)	49
10-го іюня 1882 года. (№ 10-й)	51
8-го іюля 1882 года. (№ 11-й)	—

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.	6
-----------------------------	---

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (12-го мая 1882 г.). Уставъ ссудо-сберегательной кассы служащихъ при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ.	11
2. (13-го мая 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Ивановича Садокова при Нижегородскомъ реальномъ училищѣ	18
3. (13-го мая 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Константина Ивановича Садокова при Нижегородской мужской гимназіи.	—
4. (13-го мая 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени графа Юрія Николаевича Подгоричани-Петровича при Житомирской мужской гимназіи.	19

5. (13-го мая 1882 года). Положеніе о стипендіи генераль-
маіора Евгенія Васильевича Богдановича при Тюменскомъ реаль-
номъ училищѣ. 20
6. (19-го мая 1882 года). Правила для стипендіи коллеж-
скаго совѣтника Владиміра Михайловича Скубы. 21
7. (20-го мая 1882 г.). Правила о преміяхъ имени графа
Дмитрія Андреевича Толстаго. —
8. (29-го мая 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣй-
ствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ивановича Бордюгова
при Иваново-Вознесенской женской гимназій 24
9. (29-го мая 1882 года). Положеніе о стипендіи имени тай-
наго совѣтника Петра Дмитріевича Шестакова при Импера-
торскомъ Казанскомъ университетѣ. —
10. (4-го іюня 1882 г.). Положеніе о двухъ стипендіяхъ
Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра
II-го, въ память исполнившагося, 19-го февраля 1880 года,
25-ти лѣтія царствованія Его Императорскаго Величества. 26
11. (9-го іюня 1882 года). Правила для стипендій имени
потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Васильевича Алек-
сандрова, учрежденныхъ при Императорскомъ Казанскомъ уни-
верситетѣ. 27
12. (8-го іюня 1882 года). Циркулярное предложеніе гг.
попечителямъ учебныхъ округовъ о порядкѣ поступленія на
вышіе женскіе курсы воспитанницъ женскихъ гимназій мини-
стерства народнаго просвѣщенія. 28
13. (23-го іюня 1882 года). Циркулярное предложеніе гг. по-
печителямъ учебныхъ округовъ о путевыхъ издержкахъ ихъ при
поѣздкахъ въ С.-Петербургъ. 52
14. (6-го іюня 1882 года). Положеніе о стипендіи имени ге-
нераль-маіора Онуфрія Герасимовича Попова при Казанской
Маріинской женской гимназій. 53
15. (18-го іюня 1882 г.). Положеніе о десяти стипендіяхъ
имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра
II-го при Алатырскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ. 54
16. (18-го іюня 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени по-
томственнаго почетнаго гражданина Матвѣя Кузьмича Мухина,
при Рижской женской Ломоносовской гимназій. —
17. (22-го іюня 1882 г.). Циркулярное предложеніе гг. по-

печителямъ учебныхъ округовъ о сборѣ за ученіе въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ.	55
18. (25-го іюня 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени оставшаго войсковаго старшины Астраханскаго казачьяго войска Петра Прокофьевича Прокофьева при Астраханскомъ реальномъ училищѣ.	56
19. (30-го іюня 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени бывшаго члена совѣта Прибалтійскаго православнаго братства во имя Христа Спасителя и казначея братства, священника С.-Петербургской Выходо-Іерусалимской церкви Александра Тимофеевича Никольскаго, учреждаемой при 2-й Деритской учительской семинарии.	57
20. (4-го іюля 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бордюгова при Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ.	58
21. (4-го іюля 1882 г.). Положеніе о стипендіи имени графа Владислава Валентиновича Эстергазы, при Ровенскомъ реальномъ училищѣ.	—
22. (10-го іюля 1882 г.). Циркулярное предложеніе гг. попечителямъ учебныхъ округовъ о предоставленіи экзаменуемымъ въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ лицами своихъ фотографическихъ карточекъ.	59

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

8-го мая 1882 года (№ 5).	29
19-го мая 1882 года (№ 6).	60
29-го мая 1882 года (№ 7).	65
3-го іюня 1882 года (№ 8).	69
28-го іюня 1882 года (№ 9).	72

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгѣ: „Русскій языкъ“. Составилъ К. Ѡ. Петровъ	33
О книгѣ: „Греческая грамматика гимназическаго курса“. Э. Чернаго.	—
О книгѣ: „Греческо-русскій словарь по Бензелеру“. Изданіе Кіевскаго Отдѣленія общества классической филологіи и педагогики.	—

О книгѣ: „О музыкальномъ образованіи народа въ Россіи и въ западной Европѣ, съ приложеніемъ статьи объ эстетическомъ образованіи нашего народа и біографическаго „Обзора русской музыкально-педагогической литературы и заграничной“. С. Миropольскаго	33
Объ изданіи: „Русскіе писатели въ классѣ“. Редакція Петра Вейнберга.	—
Объ изданіи: „Стѣнные карты“, изданныя картографическимъ заведеніемъ К. Ильина.	34
О книгѣ: „Исторія Еврейскаго народа отъ переселенія Евреевъ въ Вавилонъ до разрушенія втораго храма“. М. Немзера	—
О книгѣ: „Школьный вопросъ“. Составилъ Суворовъ.	79
О книгѣ: „Cours élémentaire méthodique et pratique de la langue française“. Par E. Varon.	—
О книгѣ: „Учебникъ русской грамматики“. Составилъ В. Ивановъ.	80

**ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМПІТЕТА МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.**

О книгѣ: „Первоначальныя упражненія въ ариѳметикѣ“. Сочиненіе А. Лева.	34
О книгѣ: „Грамматика для сельскихъ учителей“. Составл. Е. К.	—
О книгѣ: „Сорочинская ярмарка“. Н. В. Гоголя	—
О книгѣ: „Божеское правосудіе“. Составл. А. Погоскимъ.	35
О журналѣ: „Семейные Вечера“. Издаваемомъ г-жею С. Кашпиревой.	—
О книгѣ: „Робинзонъ Крузе“. А. Анпенской.	—
О стѣнной картѣ Европейской Россіи, изданной картографическимъ заведеніемъ Ильина.	—
О книгѣ: „Материнская любовь“. Разсказъ для дѣтей, съ картиною. Сочиненіе В. Коровина.	—
Объ изданіи: „Правильное (раціональное) пчеловодство“. Изданіе А. М. Бутлерова.	—
О книгѣ: „Русская типо-литографированная хрестоматія“, составленной Ѳ. Подоба	—
О книгѣ: „Мірскія дѣтки“ Составленной А. Погоскимъ.	—
О книгахъ „Книжка для волостныхъ старшинъ“; 2) „о ми-	

ровомъ судѣ"; 3) „Книжка для волостныхъ судей о волостномъ судѣ“ и 4) „Книжка для земскихъ гласныхъ“. Составл. В. Формановскимъ	80
О книгѣ: „Родное“ Составл. Ил. Смирновымъ.	—
Объ изданіяхъ: 1) Сочиненія „В. А. Жуковскаго“, 2) „Сочиненія М. Ю. Лермонтова“, 3) „Фрегатъ Паллада“ И. А. Гончарова	81
О книгѣ: ABC czyli nauka czytania i pisania. August Ieske.	—
О книгѣ: Skladnia. Dzial 1. Napisał Henryk Wernic.	—
О книгѣ: Mała grammatyka języka polskiego. Wyłożył August Ieske. Wydanie trzecia.	—
О книгѣ: Wypisy polskie. Stopien'1 Vtorye August Leske, Wydanie drugie poprawne.	—
Официальныя извѣщенія	35 и 81 ✓

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

Вліяніе Кельтическаго и Германскаго права на систему каръ и покаяній западной церкви. В. Сокольскаго	1
Италійскія надписи. И. Цвѣтаева.	58
Новыя изслѣдованія о буддизмѣ. И. Минаева.	102
Вятскія древности. И. Малахова.	119
О мнимомъ славянствѣ Гунновъ, Болгаръ и Роксоланъ. В. Василевскаго	140
Черты старины въ сказаніяхъ и бытѣ Осетинъ. Всев. Миллера.	191 ✓
Отношенія Россіи и Польши въ 1574—1578 годахъ, по донесеніямъ папскаго нунція В. Лаурео. Ѳ. Вержбовскаго.	208
Гербордова біографія Оттона, епископа Бамбергскаго. А. Петрова.	243
Славяно-Русская палеографія. И. Срезневскаго.	287
О рациональной передачѣ греческихъ и латинскихъ словъ въ русской рѣчи и письмѣ. А. С. Соболевскаго.	343
Фонетическія изслѣдованія Мельвилъ Беля. И. Минаева.	350
Журналъ Болгарскаго литературнаго общества. П. Сырку.	355
Iordanis Romana et Getica. Monumenta Germania historica. Auctorum antiquissimorum tomi V pars prior. В. Василевскаго	372

Ioannis Euchaitarum metropolitae, quae in codice Vaticano graeco 676 supersunt Iohannes Bollig S. S. bibliothecae Vaticanae praefectus descripsit Paulus de Lagarde edidit. В. ВАСИЛЬЕВСКАГО. 388 ✓

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

По вопросу о школьномъ образованіи инородцевъ-мусульманъ.
В. Смирнова 1 ✓

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Празднованіе пятидесятилѣтія румянцевскаго музея. 1
Общество археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ въ 1881 году. 3
Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній. 7 и 27 ✓
Присужденіе медалей въ императорскомъ русскомъ археологическомъ обществѣ за 1881 годъ. 50 ✓

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Эпиграфическіе этюды. Вас. Латышева. 271.
Къ исторіи Аѳинскихъ драматическихъ состязаній. П. Никитина. 311 ✓

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„РОДИНА“.

Сборникъ для классаго чтенія съ упражненіями въ разборѣ, устномъ и письменномъ изложеніи. Въ трехъ частяхъ. Составилъ *А. Радонежскій*.

Изданіе восьмое, дополненное согласно послѣднимъ учебнымъ планамъ министерства народнаго просвѣщенія.

СЪ РИСУНКАМИ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна **25** коп.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, книжный магазинъ *Фену* и К^о.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками. Составилъ А. РАДОНЕЖСКІЙ. Изданіе съ Высочайшаго соизволенія посвящено Его Императорскому Величеству Государю Императору; одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія, для класснаго и вѣбкласснаго чтенія. Изданіе 2-е.

Цѣна 60 коп.

Съ требованіями просятъ обращаться: въ Москвѣ, въ книжный магазинъ наслѣдниковъ Салаевыхъ. Въ С.-Петербургѣ,—въ книжный магазинъ *Фену* и К^о.

Адресъ издателя: Шпалерная ул., д. № 6, кв. 9.

„УКАЗКА“

Начальный учебникъ русской грамматики и правописанія съ краткою этимологіей церк.-славянскаго языка. Сост. А. Радонежскій. Цѣна 50 к., продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Съ требованіями просятъ обращаться въ типогр. «Товаръ Обществен. Польза», В. Подъяч., № 39, къ В. И. Вишнякову.

1-го АВГУСТА вышла и разослана подписчикамъ VIII-я,
АВГУСТОВСКАЯ, книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Петербургъ въ юнѣ 1762 г., историч. очеркъ.—II. Крестьянскій вопросъ при Екатеринѣ II. Исслѣдов. В. И. Семевскаго.—III. Ин. А. Н. Голлицынъ и архим. Фотій (окончаніе).—IV. Мих. Юрьевичъ Лермонтовъ.—V. Записки Сельскаго Священника.—VI. Черногорія и отношенія ея къ Россіи.—VII. Императоръ Павелъ и его время.—VIII. Петербургская Старина, 1798 г.—IX. Очерки и матеріалы: Харьковский театръ въ 1789 г.—Ив. Фед. Паскевичъ въ 1827 г.—Въ рядахъ Нижегородскаго драг. полка въ 1826—1830 гг.—X. Къ исторіи изданія народныхъ книгъ, 1862—1882 гг.—XI. Библиографическій списокъ.

Приложеніе: Выѣздъ великой княгини Енаторины Алексѣевны изъ Петергофа 28-го юня 1762; гравюра Академика Л. А. Сѣрякова.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1882-й ГОДЪ:

„Русская Старина“ выходитъ въ 1882-мъ году (тринадцатый годъ изданія) ежемѣсячно, каждое первое число. Цѣна за двѣнадцать книгъ, четыре тома, съ гравированными портретами, съ пересылкою—ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ Спб., Больш. Садовая, д. Вагнера, № 12, возлѣ Публичной библиотеки, въ книжномъ магазинѣ Мамонтова. Въ Москвѣ — на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова, въ магазинѣ Мамонтова.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“, на Большую Подъяческую, домъ № 7.

Въ редакціи и ея конторахъ можно получить: „Русскую Старину“ изданія 1870 г. (третье изданіе), 1876 г. (второе изданіе), 1877 г., 1878 г., 1879 г., 1880 г. (второе изданіе), изд. 1881 г. всѣ двѣнадцать книгъ—съ портретами русскихъ дѣятелей.

Цѣна каждаго изъ этихъ годовъ восемь руб. съ пересылкою.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. И. Семевскій.

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Къ исторіи аѳинскихъ драматическихъ со-
стояній. П. Никитина.

Редакторъ Е. Осетинцовъ.

(Въшла 1-го августа).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогичи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и заграницей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются **исключительно** въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города тринадцать рублей семьдесятъ нять копѣекъ (въ томъ числѣ 55 коп. за упаковку). Книжки выходятъ въ началѣ каждого мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за прежніе годы, а именно за 1869, 1870, 1871 и 1875 (последній съ Мартовской книжки), платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала—по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

843039

L451
A4
v.222

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

